CO

СОВРЕМЕННИКЪ

1860

№ XI НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Завѣтнова № 58)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

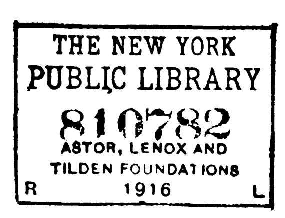
издаваемый съ 1847 года

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXXIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1860.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, ноября 12 дня 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ*.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

Не будетъ пахатника, не будетъ бархатника.
Русская пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПАХАТНИКЪ.

I.

Такого продолжительнаго, нестерпимо-жаркаго лѣта не могли запомнить даже самые старые люди. Съ половины іюня до конца іюля ни разу не освѣжило дождемъ воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась въ камень или пыль, которая лежала тяжелымъ рыжеватымъ пластомъ на дорогахъ. Каждое утро солнце восходило багровымъ шаромъ и, подымаясь выше въ сверкающемъ безоблачномъ небѣ, совершало свой кругъ, никому не давая отдохнуть отъ зноя. Все живущее какъ словно увялось, и повѣсило голову. Цвѣты, не защищенные лѣсомъ или тѣнью рощи, пересохли; горохъ пожелтѣлъ преждевременно; проходя полемъ, слышно только было, какъ лопались его стручья, разсыпая словно дробь свои зерна. Трава, скошенная

утромъ, начинала къ полудню пучиться, подымалась ворохомъ и звонко хрустѣла, когда брали ее въ руки. Стада упорно жались къ ручьямъ и рѣчкамъ; во всякое время дня, коровы и лошади по цѣлымъ часамъ недвижно стояли по брюхо въ водѣ; можно бы было принять ихъ за окаменѣлыхъ, еслибъ не двигали они хвостомъ, стараясь отогнать мухъ и оводо̀въ, которые роями носились и жужжали въ воздухѣ.

Во всей природѣ, которая какъ будто изнемогала и тяжело переводила дыханіе, одни насѣкомые бодрствовали; чѣмъ горячѣе жарило солнце, тѣмъ больше ихъ появлялось и тѣмъ громче раздавались жужжанье и шорохъ. Тамъ, гдѣ полуизсохшіе ручьи впадали въ рѣчки, роями стояли коромыслы, блистая на солнцѣ своими кисейными глянцовитыми крылышками и зелеными, какъ словно стеклянными головками; запыленные шмели и безчисленные милліоны всякихъ мухъ и мошекъ облипали каждаго, кто только останавливался.

Въ поляхъ весь этотъ шелестъ заглушался трескотнею кузнечиковъ; изъ-подъ каждой травки, изъ-подъ каждаго стебелька и колоса немолчно дребезжалъ этотъ жосткій, металлическій звукъ, который всегда какъ бы дополняетъ впечатлѣніе страшной засухи; въ сырое время кузнечикъ поетъ не такъ звонко. Въ поляхъ, даже часамъ къ двумъ-тремъ пополудни, зной особенно былъ чувствителенъ. Солнечные лучи, насквозь пронизывая рожь до корня, нагрѣли, казалось, самые стебли; даже тамъ, въ глубинѣ колосьевъ, бросало въ испарину; чувствовалось, что пышетъ отъ почвы, какъ отъ жерла раскаленной печки. Васильковъ совсѣмъ не было; они давно пересохли, оставивъ тощіе зеленоватые стебли; одна павилика, туго оплетая подошву колосьевъ, разливала въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ и пестрила своими бѣлорозовыми колокольчиками жаркое, лучезарное сіянье, наполнявшее глубину поля.

II.

Несмотря, однакожь, на удушливый зной, отъ котораго сохло въ горлѣ и потомъ обливало тѣло, все пространство поля покрыто было народомъ; куда ни обращались глаза, отягченные солнечнымъ сверканьемъ, всюду надъ моремъ колосьевъ мелька-

ли, то опускаясь, то подымаясь, бѣлыя рубашки бабъ; перегнувъ въ три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, онѣ вязали снопы; мужья ихъ, отцы и братья выступали между тѣмъ одинъ за другимъ, звонко размахивая косами.

Работа кипѣла; время было такое, что нельзя было ни на одинъ часъ отложить покоса; благодаря жаркому іюлю, едва успѣли откоситься и убрать сѣно, какъ рожь поспѣла; тамъ совсѣмъ уже налился и дозрѣвалъ овесъ, — того и смотри, сыпаться станетъ. Изрѣдка останавливался тотъ или другой работникъ, отиралъ рукавомъ загорѣлый лобъ и принимался точить косу, издававшую при этомъ сухой, острый звукъ, вторившій какъ нельзя лучше дребезжанью кузнечиковъ. Изрѣдка, та или другая баба разгибала спину, оглядывалась и торопливо направлялась выпить кваску изъ сѣраго кувшинчика, спрятаннаго въ укромномъ мѣстѣ, или шла къ люлькѣ, скрывавшей ребенка. Но едва мать успѣвала раскрыть холстяной пологъ люльки, едва припадала грудью къ губамъ младенца, голосъ старосты снова призывалъ ее къ работѣ.

— Эй, бабы, бабы! покрикивалъ онъ, являясь то тутъ, то тамъ: — что-то ужь больно часто бѣгаете! Покормили разъ-другой — и шабашъ! Главная причина, не надо бы вовсе таскать съ собою ребятишекъ, — вотъ что! Оставляли бы дома лучше старухамъ да бабкамъ!...

— Хорошо, Гаврило Леонычъ, коли есть такія, возразила молоденькая, живая бабенка: — коли не на кого оставить, поневолѣ тащишь....

— Все же такъ часто бѣгать не приходится, возразилъ староста. — Говорю: покорми разъ-другой — и шабашъ!... Ну ступай, ступай, полно разговаривать!... довершилъ Гаврило Леонычъ, направляясь въ другую сторону.

Немного погодя, посреди звяканья косъ и шума падающей рядами ржи, голосъ его раздался на дальнемъ концѣ поля.

III.

Въ голосѣ этомъ не было впрочемъ ничего повелительнаго или грознаго; съ появленіемъ старосты никто не бросалъ въ его сторону боязливыхъ взглядовъ. Косы, правда, начинали скорѣе

двигаться и бабы усерднѣе принимались вязать снопы, но это очевидно происходило не столько отъ страха, сколько отъ жалкой привычки русскаго простолюдина жить и дѣйствовать не иначе, какъ съ помощью понуканья. Гаврилу слушали точно такъ же, какъ стали бы слушать любаго мужика, поставленнаго въ старосты главнымъ управляющимъ.

Гаврило ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ мужиковъ своей деревни; онъ только зналъ счеты и разбиралъ грамоту; основываясь на этомъ, его выбрали въ начальники и выдавали ему ежегодно пятнадцать рублей жалованья изъ главной конторы, которая находилась верстахъ въ семидесяти, въ сосѣднемъ уѣздѣ. Гаврило сильно даже скучалъ своею должностью; пуще всего сокрушало старосту, что будучи самъ человѣкомъ домовитымъ и хозяиномъ, онъ принужденъ былъ поминутно отрываться отъ дѣла и ѣздить въ контору изъ-за каждой бездѣлицы, иногда даже такъ, безо всякой надобности. Случалось, самое нужное дѣло на рукахъ,—нѣтъ, бросай все и отправляйся! Кромѣ того, всякой разъ надо было неизбѣжно стоять съ-глазу-на-глазъ передъ управляющимъ, который внушалъ Гаврилѣ, точно такъ же, какъ и всѣмъ, находившимся въ зависимости отъ конторы, страхъ непобѣдимый. Короче сказать, староста готовъ былъ ежегодно приплачивать еще своихъ денегъ, лишь бы освободили его отъ должности; тоже самое готовъ былъ сдѣлать каждый крестьянинъ, принадлежавшій деревнѣ Антоновкѣ.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и по наружности, Гаврило во всемъ былъ сходенъ съ мужиками, работавшими въ полѣ. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на лицѣ его, покрытомъ мелкими морщинками, явно проглядывалъ нравъ мягкій, оговорчивый и веселый. Онъ носилъ на головѣ шапку на манеръ гречишника, изъ-подъ которой, съ той или другой стороны, всегда выглядывалъ кончикъ клѣтчатаго платка; платокъ служилъ скорѣе для того, чтобы утирать лицо, чѣмъ для настоящаго употребленія. Выходя въ поле, Гаврило постоянно вертѣлъ въ рукахъ палочку, служившую ему биркой; на ней-то надрѣзывалъ онъ ножомъ число копенъ, скирдъ, сноповъ и проч. Какъ потомъ могъ онъ добраться толку и распутать на своей биркѣ всѣ эти насѣчки, зарубки и крестики,—это останется вѣчной неразгаданной тайной.

IV.

— Ну, братцы, подкашивай, подкашивай! понукалъ Гаврило, переходя отъ одного ряда косарей къ другому:—по настоящему, къ вечеру рѣшить бы надо!... Вотъ развѣ бабы не успѣютъ снопы довязать....

— Нѣтъ, сватъ Гаврило, ноньче не управимся, замѣтилъ коротенькій кудрявый мужичокъ, останавливаясь, чтобы снять шапку и отереть лицо: — добрé ужь оченно пàритъ; раза три махнешь косой, такъ инда всего тебя размочалитъ. Не въ моготу даже....

— Не одному тебѣ, всѣмъ жарко!... Ну-ка, сватъ, полно, бери косу-то, бери! подхватывалъ Гаврило: — оттого, что жарко, оттого и откоситься скорѣй надобно; погоди-ка денька три, въ колосѣ совсѣмъ ничего не останется.... Эку сухмень сотворилъ Господь!... эку сухмень!!...

— Вездѣ сухо, вездѣ зерно сыплется, промолвилъ высокій рыжій мужикъ съ коротенькой крутой, кудрявой бородкой. — Вотъ ужь третій день никто въ свое поле не заглядывалъ! присовокупилъ онъ, не оборачиваясь къ старостѣ и продолжая косить: — значитъ, здѣсь справляйся, а со своимъ добромъ какъ знаешь, — пропадать должнó!...

— Это точно, проговорилъ старый мужичокъ, усыпанный веснушками: — хошь бы на одинъ день ослобонили!... Здѣсь хлѣбъ уберегай, а со своимъ управляйся какъ Богъ велитъ.

— Толкуютъ, точно первинку разсказываютъ, точно про то никто не знаетъ! перебилъ Гаврило, встряхивая шапкой: — опять-таки, я что-ли, тому причиной?... Такъ велѣно; кто велѣлъ, — сами знаете; подитка сладь съ нимъ! «Чтобы все поле, говоритъ, на мирской магазинъ которое отрѣзано, убрать, говоритъ, къ воскресенью; уберутъ, говоритъ, — тогда за свое пускай принимаются!» Самъ обѣщался навѣдаться; самъ до всего доходитъ. А мнѣ что? Мое дѣло сторона; какъ велятъ, такъ и дѣлаю....

— Надо, значитъ, самимъ идти просить въ контору, сказалъ рыжій мужикъ.

— Поди-ко сунься,—много возьмешь! замѣтилъ Гаврило.

— Значитъ, продолжалъ опять рыжій мужикъ, размахивая такъ сильно косою, что звонъ ея сдѣлался вдругъ слышнѣе другихъ косъ:—значитъ, оброкъ только для виду для одного; слава только: вотъ-дескать на оброкъ отпущены! Поглядѣть,—выходитъ хуже барщины! Барщинные покрайности оброка не знаютъ; у насъ деньги оброчныя отдай само собою, а тамъ еще плетни плети вокругъ садовъ, луга коси господскіе, дороги починяй; пришла пора рабочая, хоть бы вотъ теперича,—идти бы убирать свой хлѣбъ, — нѣтъ, сюда ступай... Дни вишь такіе выговорили!.. Сосчитай-ка эти выговоренные дни, — много-ли время на свое дѣло останется?.. Право, барщина сходнѣе...

— Знамо такъ; Филипъ правду сказываетъ... Это точно какъ есть!.. отозвались ближайшіе мужики.

— Поди-ко столкуй съ управителемъ, поговори ему, что онъ тебѣ скажетъ, произнесъ Гаврило съ сердцемъ: — ужь было такое дѣло, изъ другихъ вотчинъ пріѣзжали, говорили ему, — съ тѣмъ и уѣхали! Ты свое,—онъ свое: «знать, говоритъ, ничего не хочу; мое дѣло, говоритъ, было-бы прежде всего исправно!..» А что насчетъ работы, какую теперь справляемъ, продолжалъ разсудительно Гаврило:—надо правду сказать,—браниться да жаловаться не за что; поле не господское, *мірское* (*), — стало, все единственно, для себя трудимся!

— Главная причина, дядя Гаврило, заговорилъ опять мужичокъ съ веснушками:—не ко времени работа,—вотъ что! Этимъ пуще всего народъ обижается; у самихъ хлѣбъ сыплется, а ты здѣсь валандайся; оно хоть и мірское дѣло,—а свое все жалчѣе упустить...

— Потому и говоришь вамъ: братцы, велѣно! какъ ни бейся, сдѣлать надо; работай дружнѣй, не тормози рукъ; здѣсь скоро отдѣлаемся, за свое скорѣй примемся... Ну, дружнѣй, ребята, подкашивай, подкашивай,—къ вечеру чтобы совсѣмъ убраться!.. подхватилъ Гаврило, возвышая голосъ и принимаясь снова ходить по полю.—Эй вы, бабы,—полно вамъ безперечь къ люлькамъ бѣгать!.. Охъ, эти бабы пуще всего!.. Авдотья, ты никакъ

(*) Мірскимъ полемъ называется часть земли, которая отрѣзывается крестьянамъ для посѣва хлѣба, поступающаго потомъ въ такъ называемые магазины. Такой запасъ ржи и овса дѣлается на случай неурожая, недостатка зеренъ для посѣва. Въ деревняхъ, гдѣ существуетъ порядокъ, строго наблюдаютъ, чтобы въ магазинѣ всегда находился запасъ зеренъ, который обезпечивалъ бы въ случаѣ несчастія все населеніе деревни.

съ самаго обѣда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда въ нихъ нѣтъ, ни совѣсти!..

V.

Во время этихъ разговоровъ, съ той стороны, гдѣ деревня заслонялась пологими холмами, показался мужикъ. Съ перваго взгляда легко было замѣтить, что онъ не принадлежалъ къ числу обывателей Антоновки, или если принадлежалъ, то по какимъ нибудь обстоятельствамъ освобожденъ былъ отъ работы.

Длинныя ноги его, обутыя въ довольно плохенькіе сапоги, передвигались безо всякой поспѣшности; онъ разсѣянно посматривалъ направо и налѣво, время отъ времени посвистывалъ, и вообще имѣлъ видъ человѣка, который лишенъ всякихъ заботъ и вышелъ въ поле единственно затѣмъ только, чтобы прогуляться. Ему было лѣтъ подъ-сорокъ; рубашка его начала просвѣчивать на локтяхъ и швы во многихъ мѣстахъ пообсѣклись; но зато подпоясанъ онъ былъ новымъ гарусньшъ шнуркомъ и на головѣ его, покрытой рѣденькими черными завитками, красовался совершенно новый картузъ съ козырькомъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ подгородные мѣщане и фабричные. Самъ онъ скорѣе похожъ былъ на мѣщанина, чѣмъ на обыкновеннаго поселянина; несмотря на знойное лѣто, загаръ едва коснулся его лица и шеи; на лицѣ его, довольно еще красивомъ, не было слѣда тѣхъ морщинъ, той загрубѣлости, которыя преждевременно накладываетъ тяжелое трудовое житье. Взглядъ его, обращавшійся какъ-то сверху внизъ, — точно онъ считалъ себя значительнѣе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался,—не былъ лишенъ живости, точно такъ же какъ и остальныя черты лица; въ движеніяхъ замѣтно однакожь проглядывали лѣнь, вялость, сонливость.

Человѣкъ этотъ не былъ совершенно чужимъ и незнакомымъ лицомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; едва поровнялся онъ съ первыми косарями, многіе его окликнули:

— Ѳедотъ, здорово! Откуда?

— Съ Люблинской мельницы...

— Дѣло, что-ли, есть?

— Да, лаконически отвѣчалъ Ѳедотъ, слегка приподымая картузъ и продолжая идти далѣе.

Замѣчательно, что въ голосѣ каждаго, кто обращался къ Ѳедоту, звучала веселость; каждый почти, заговаривая съ нимъ, прищуривалъ глаза и осклаблялъ зубы. Случалось, что иной мужичокъ,—особенно изъ молодыхъ и которые были попроще,—видя, какъ осклаблялись другіе,—схватывался попросту за бока и громко начиналъ смѣяться. Въ такихъ случаяхъ Ѳедотъ выше только подымалъ голову, весь какъ словно отъ макушки до пятокъ преисполнялся чувствомъ собственнаго достоинства и шелъ мимо, сохраняя такой видъ, какъ будто на пути попался муравей, не стоющій никакого вниманія.

Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность и куда сошелся почти весь народъ, Ѳедотъ спросилъ, какъ бы найти ему дядю Карпа? Карпъ, оказалось, косилъ въ числѣ передовыхъ косарей и находился на дальномъ концѣ поля. Ѳедотъ медленно, какъ бы желая похвастать своей неторопливостію, направился въ указанную сторону. Проходя мимо подводъ, которыя пріѣхали за снопами, мимо бабъ, вязавшихъ снопы, и мужиковъ, шумѣвшихъ косами,—Ѳедотъ снова освѣдомился, гдѣ отыскать дѣдушку Карпа.

Признавъ наконецъ того, кого отыскивалъ, Ѳедотъ встрепенулся и ускорилъ шагъ; онъ словно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то; лицо его выразило озабоченность, суетливость; онъ пошелъ такъ скоро, и началъ такъ размахивать руками, что потъ выступилъ на лицѣ и даже шеѣ; подойдя къ Карпу, который продолжалъ усердно косить, не замѣчая приближающагося,—Ѳедотъ, и безъ того запыхавшійся, старался еще показать видъ, что едва переводитъ духъ отъ усталости.

VI.

— Дядя Карпъ, здорово! Къ тебѣ... озабоченнымъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ, сымая картузъ и отирая плоскій бѣлый лобъ съ прилипнувшими къ нему жиденькими кудрями.

— А, Ѳедотъ! воскликнулъ сѣдой, какъ лунь, старичокъ, быстро поворачивая къ Ѳедоту сухощавое лицо, изрытое глубокими морщинами:—какъ ты здѣсь?..

— Къ тебѣ, дядя Карпъ... Ухъ, умаялся! — дай духъ переведу, сказалъ Ѳедотъ, стараясь показать вдвое больше усталости,

чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: — примѣрно, такое дѣло... переговорить надо...

Тутъ Ѳедотъ нахмурилъ брови, покосился на стороны и замѣтивъ, что ближайшіе мужики остановились и посматривали въ его сторону, началъ мигать Карпу на сосѣднюю ниву, гдѣ не было еще ни одного косаря.

— Говори здѣсь,—все одно, сказалъ старикъ.

— Нельзя, суетливо перебилъ Ѳедотъ: — никакимъ то-есть манеромъ... дѣло такое... Отойдемъ, говорю...

Онъ дернулъ старика за рукавъ рубахи и силою почти отвелъ его шаговъ за десять.

— Аксенъ Андрѣевъ прислалъ, произнесъ онъ, быстро оглядываясь и какъ бы желая убѣдиться, что никто не слушаетъ.

— Это за чѣмъ?

— Насчетъ избы; ты избу приторговалъ... Прислалъ: «скажи, говоритъ, Карпу,—онъ тебѣ родственникъ, часто видаетесь,— скажи: задатку надо прибавить!..»

— Вѣдь я далъ ему задатокъ; и дѣло совсѣмъ порѣшили; чего жь еще? произнесъ старикъ нетерпѣливо.

— Говоритъ, много на избу охотниковъ...

— Ну...

— Много очень народу избу торгуютъ и деньги сейчасъ отдаютъ... «Коли, говоритъ, Карпъ прибавитъ задатку, я обожду пожалуй, а то, говоритъ, несходно!» Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; ты, дядя, ноньче же безпремѣнно сходи къ Аксену. Онъ такъ и наказывалъ; сегодня переговори съ нимъ; дѣло примѣрно такое, никакимъ манеромъ нельзя оставить! примолвилъ разсудительнымъ тономъ Ѳедотъ и даже зажмурилъ глаза.—Избу я видѣлъ: изба знатная; и цѣна небольшая... упустить никакъ невозможно!..

Старикъ не слушалъ послѣднихъ словъ Ѳедота; съ досадливымъ, безпокойнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ въ землю.

— Когда видѣлъ ты Аксена? спросилъ онъ.

— Нынче утромъ, въ самый обѣдъ. Какъ сказалъ онъ объ этомъ,—«дѣло такое, думаю себѣ, упустить нельзя; Карпъ Иванычъ сродственникъ, оставить негодится»,—прямо къ тебѣ бросился...

— Какъ же попалъ ты туда къ Аксену? спросилъ Карпъ, медленно направляясь къ прежнему своему мѣсту

— Встрѣтились, по сосѣдству... Я теперь на люблинской мельницѣ... вотъ ужь съ недѣлю живу въ работникахъ...

— Какъ! ты, стало, ужь не на фабрикѣ у Василья Иванова?..

— Нѣтъ, разсчитался!.. Хозяева добрѐ оченно ужь зазнались... Мнѣ здѣсь сходнѣе: хозяева—лучше быть нельзя, обходительные такіе и жалованья больше... въ недѣлю три цѣлковыхъ получаю...

Карпъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Ей-Богу, три цѣлковыхъ! съ живостію подхватилъ Ѳедотъ.

— Ты никакъ на мельницахъ-то прежде не живалъ... промолвилъ Карпъ разсѣянно.

— Какъ не живалъ?! возразилъ Ѳедотъ съ увѣренностію: — вотъ-те разъ! Передъ тѣмъ какъ на фабрику поступилъ, только и работалъ, что на однихъ мельницахъ!.. дѣло привычное... всѣ статьи примѣрно знаю; другой мельникъ того не сдѣлаетъ...

Хотя старикъ въ половину слушалъ Ѳедота, но снова покачалъ головою.

Пріийдя на свое мѣсто, онъ далеко не былъ такъ бодръ и веселъ, какъ когда подошелъ къ нему Ѳедотъ; сѣдыя брови старика не оставляли нахмуреннаго положенья; несмотря на нѣсколько минутъ отдыха, онъ дышалъ тяжелѣе, чѣмъ когда безъ устали размахивалъ косою.

— Подсоби, Ѳедотъ, сказалъ онъ: — подсоби маленько, чтобъ упущенія не было; я тѣмъ временемъ дойду до снохи, кваску выпью....

— Давай, давай!... Намъ не впервые! бойко и съ величайшей готовностію проговорилъ Ѳедотъ. — Ступай, дядя, справимся!...

Ѳедотъ выпрямился, молодецки поправилъ картузъ, поплевалъ въ ладони и взялъ косу.

VII.

— Никакъ подсобить хочешь?... произнесъ сосѣдній мужикъ.

— Намъ это дѣло въ привычку! хвастливо возразилъ Ѳедотъ: — въ нашихъ мѣстахъ,—мы на Окѣ живемъ,—луга такіе: конца-краю не видно, глазомъ не обведешь!... Мѣсяцъ цѣлый

косимъ; весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста.... такъ и оставляемъ.... скотъ травитъ!...

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова поплевалъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; но луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ рядъ, а раскидались на стороны.

Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужь коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ: — диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется.... Какъ есть, ничего не беретъ! Дай-ка, братецъ ты мой, точило.... Эхъ, была у меня коса, — вотъ такъ ужь точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить брускомъ по лезвѣю: — и теперь еще двѣ такія же дома остались, — вотъ такъ косы! Случается, найдешь на такое мѣсто — конятникомъ заросло, — такія мѣста есть, — махнешь косою — словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ все такія-то косы; по два рубля платимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу....

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ: — ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ.... этакъ совсѣмъ косу затупишь....

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу; но дѣло попрежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось, — выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ! отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ.... Онъ отошелъ кваску испить, подсобить просилъ....

— Да что ты, братъ, косы, что-ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило. — Смотри-ка, что натворилъ!...

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь поневолѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ сердцемъ косу въ землю: — вишь, у васъ косы-то какія.... мнѣ не въ привычку...

— А какъ же Карпъ-то коситъ? вѣдь ладно же выходитъ, не по твоему!...

— Не такую мы косьбу видали! сказалъ Ѳедотъ тономъ надменнаго пренебреженья, скрывавшимъ обиженное чувство:— въ степи жить приводилось, рожь-то вдвое повыше вашей,—косили не хуже другихъ!... По два цѣлковыхъ въ день получалъ... стало, не даромъ; дѣло свое знаемъ....

Онъ замолкъ, увидѣвъ приближающагося Карпа.

Гаврило и сосѣдніе ребята начали-было трунить надъ Ѳедотомъ, указывая Карпу на работу его родственника; но ни Карпъ, ни Ѳедотъ ничего не отвѣчали. Первый молча взялъ свою косу и продолжалъ работу, которая пошла какъ по маслу; второй, поправивъ картузъ, обратился къ старику и громко вымолвилъ:

— Приходи же, смотри, какъ я сказывалъ....

— Ладно, приду, отвѣчалъ Карпъ, не поворачиваясь.

Такая невнимательная выходка со стороны старика,—и еще при людяхъ,—въ конецъ повидимому разобидѣла Ѳедота; куда ни обращались глаза, онъ всюду встрѣчалъ ухмыляющіяся лица. Помявшись съ минуту на мѣстѣ, какъ человѣкъ, который ищетъ угла, чтобы спрятаться, Ѳедотъ вдругъ повернулся спиною и, никому не поклонившись, никому не сказавъ слова, пустился мелкимъ, пристыженнымъ шажкомъ въ обратный путь.

По мѣрѣ того, однакожь, какъ удалялся онъ отъ мѣста, гдѣ претерпѣлъ столько неудачь, станъ его замѣтно выпрямлялся и глаза снова начали посматривать сверху внизъ; проходя мимо подводъ и бабъ, онъ выступалъ уже величественнымъ, сдержаннымъ шагомъ; дальше, онъ началъ насвистывать; еще дальше— вся фигура его приняла беззаботный видъ человѣка, который вышелъ прогуляться для собственнаго удовольствія; наконецъ Ѳедотъ окончательно пропалъ изъ виду.

VIII.

Извѣстіе, сообщенное Ѳедотомъ, сильно, казалось, встревожило стараго Карпа. До того времени болтливый и разговорчивый, онъ впалъ вдругъ въ крайнюю несообщительность; на разспросы сосѣдей, желавшихъ узнать, зачѣмъ былъ Ѳедотъ, старикъ отдѣлывался, говоря, что родственникъ приходилъ безо

всякой цѣли, а чаще всего отмахивался. Онъ точно такъ же усердно продолжалъ косить, хотя уже видно было, что работа шла теперь машинально и косою водило не столько сознаніе, сколько привычка такого занятія. Потъ лилъ съ него ручьями; онъ оставался однакожь къ этому менѣе прежняго чувствительнымъ; онъ рѣже даже останавливался, чтобы дать себѣ отдыхъ, остыть и пораспрaвить спину.

Несмотря на то, что солнце совсѣмъ уже скатилось къ горизонту, въ полѣ было такъ же почти душно, какъ въ полдень: Воздухъ, напитанный испареніями, былъ недвиженъ; самые тонкіе стебельки, приходившіе въ колебаніе безъ всякой видимой причины, стояли теперь какъ околдованные; облако пыли, поднятое стадомъ, которое полчаса назадъ прогнали въ деревню по отдаленному холму, стояло такъ же высоко и только постепенно мѣняло свой цвѣтъ, превращаясь изъ золотистаго въ багровое, по мѣрѣ того, какъ ниже опускалось солнце.

Наконецъ солнце скрылось.

— Дядя Карпъ, народъ по домамъ пошелъ! сказалъ сосѣдній мужичокъ.

— Шабашъ! послышалось въ отдаленьи: — шабашъ, домой! подхватили ближайшіе косари.

Карпъ молча подбросилъ косу на плечо и поднялъ голову.

Въ разныхъ концахъ поля народъ направлялся къ деревнѣ; то тутъ, то тамъ раздавался скрыпъ навьюченныхъ снопами телегъ, которыя тяжело покачивались, пробираясь по пашнѣ.

Карпъ направился ускореннымъ шагомъ, въ надеждѣ догнать сноху свою; но ея нигдѣ не было; она не кормила ребенка, и какъ всѣ бабы, избавленныя отъ такой заботы, успѣла, вѣроятно, отойти очень далеко. Попадались только тѣ бабы, которыя поневолѣ должны были отставать, потому что еле-еле передвигали ногами, неся на спинѣ люльку, а въ рукахъ серпъ и кувшинчикъ.

При поворотѣ съ поля на дорогу, Карпъ встрѣтился съ Гаврилой.

— Ну, братъ, Карпъ Иванычъ, разобидѣли мы твоего Ѳедота, смѣясь, заговорилъ старостa: — ушелъ отъ насъ — никому даже слова не промолвилъ; что за человѣкъ такой уродился! Сказываютъ, опять перемѣнилъ мѣсто; на любовинской мельницѣ нанялся теперь... Зачѣмъ это приходилъ онъ? Тебя, что-ли, провѣдать?

— Эхъ! произнесъ старикъ, махнувъ рукою.

— Развѣ что неладно?

— Такое дѣло, совсѣмъ даже въ сумленье приводитъ; зарѣцкой Аксенъ, что лѣсомъ торгуетъ, прислалъ его ко мнѣ....

— Зачѣмъ?

— Сказывалъ я тебѣ, приторговалъ я у него избу, началъ Карпъ такимъ голосомъ, какъ будто у него накипѣло въ сердцѣ и онъ радъ былъ наконецъ высказаться: — задатку взялъ онъ съ меня семьдесятъ рублевъ; дѣло совсѣмъ сладили; теперь прислалъ Ѳедота, говоритъ: «прибавить надо къ прежнему задатку»; очень, вишь, много народу на ту избу охотятся и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ; «не сходно, говоритъ, ждать до осени!» Самъ суди, Гаврило Леонычъ, откуда взять теперь денегъ? Хлѣбъ не убранъ, а коли бы и убранъ былъ, — все одно, не время его продавать; только въ убытокъ продашь.... Вотъ дѣло какое, — шутъ его возьми! Я третій годъ за избой гоняюсь; такъ было обрадовался; моя совсѣмъ плоха; насилу прозимовали.... Коли Аксенъ заартачится, не знаю, право, гдѣ ужь искать избу; въ своей зиму никакъ не проживешь; вся кругомъ какъ есть промерзаетъ.... эхъ, шутъ его возьми! скрутилъ онъ меня этимъ по рукамъ и ногамъ....

— Почемъ за избу-то проситъ?

— Уговоръ былъ двѣсти-тридцать рублевъ, совсѣмъ ужь было поладили....

— Сходно; по теперешнимъ цѣнамъ на что сходнѣе.

— Объ томъ и сокрушаешься; сходнѣе не найти; потому больше и жаль, Гаврило Леонычъ.... вымолвилъ старикъ, насупивая брови.

Немного погодя, сквозь сѣрѣющія сумерки открылась деревня; войдя въ околицу, Карпъ и Гаврило разстались.

IX.

Антоновка выстроена была подъ самымъ скатомъ на плоской луговинѣ, которую огибала небольшая рѣчка; во всякое время на улицѣ сохла топь непроходимая; только теперешнее лѣто могло вполнѣ просушить ее и превратить грязь въ слой пыли. Избы шли въ два порядка со множествомъ узенькихъ проулковъ; въ глубинѣ деревни, тамъ гдѣ рѣчка дѣлала поворотъ и

пропадала, высоко подымалось нѣсколько старинныхъ ветелъ; дальше, за ветлами, снова шли пологіе холмы, исполосованные оврагами и темными клиньями сосновыхъ перелѣсковъ.

Изба Карпа выходила угломъ въ проулокъ и на улицу; она дѣйствительно никуда больше не годилась какъ въ ломъ; бокъ ея, смотрѣвшій на улицу, круто выпучивался и, безъ сомнѣнія, давно бы повалился, еслибъ хозяинъ не позаботился подпереть его двумя осиновыми плахами; всѣ пазы были вымазаны глиной, которая истрескалась отъ жары и во многихъ мѣстахъ отвалилась. Изба была одною изъ самыхъ старыхъ въ деревнѣ; Карпъ, доживавшій уже седьмой десятокъ, не помнилъ, когда ее ставили. Ветхость избы еще замѣтнѣе бросалась въ глаза отъ сосѣдства съ плетнями, которые отличались плотностію, стояли прямо на толстыхъ высокихъ кольяхъ. Карпъ не осиливалъ только съ избою; все остальное, что зависѣло отъ его рукъ и средствъ, смотрѣло какъ нельзя приглядиѣе и обличало домовитаго, дѣятельнаго хозяина.

Войдя на дворъ, Карпъ встрѣченъ былъ блеяніемъ овецъ, фырканьемъ трехъ лошадей и глухимъ чмоканьемъ коровы, которая въ сумеркахъ принимала видъ огромнаго бѣлаго камня, брошеннаго посреди двора. Старикъ повѣсилъ подъ навѣсъ косу, вступилъ въ темныя сѣни, но наткнулся на кого-то и поспѣшно отступилъ шагъ.

— Ай, дѣдушка, чуть Ваську не уронилъ! раздался тоненькій голосокъ.

При этомъ на крыльцо выступила дѣвочка лѣтъ семи, державшая на рукахъ толстаго, какъ пузырь, ребенка, который кряхтѣлъ и отдувался, какъ словно не его тащила дѣвочка, но онъ несъ ее на рукахъ своихъ.

— А сама, что подъ ноги лѣзешь! проговорилъ ворчливо дѣдушка, входя въ избу.

Въ избѣ царствовала уже тьма кромѣшная; отъ жары едва можно было переводить духъ; мухи, бившіяся на потолкѣ и въ окнахъ, наполняли ее глухимъ журчаньемъ. Заслышавъ шумъ у печки, Карпъ обратился въ ту сторону.

— Старуха, ужинать собирай; я чаялъ, все ужъ у васъ готово...

— Сейчасъ, батюшка; сейчасъ сноха вынесетъ столъ на крылечко; здѣсь пуще жарко... Ноньче печь топили; новые хлѣбы,

изъ новой муки пекла; мука бѣдая, хорошая; на скусъ хлѣбы прошлогодняго лучше.....

Но и это обстоятельство, всегда почти тѣшущее душу простолюдина, столь бѣднаго на прихоти и радости всякаго рода, не произвело никакого дѣйствія на Карпа.

Онъ повѣсилъ голову, вышелъ изъ избы и снова въ сѣняхъ чуть было не сшибъ съ ногъ дѣвочку, которая, вся изогнувшись на одинъ бокъ, тащила толстаго Ваську.

— Охъ! крикнула дѣвочка, съ трудомъ пятясь назадъ: — охъ, дѣдушка, — Васька! Ваську чуть не уронилъ!...

— А ты опять подъ ноги лѣзешь!

— Что ты его взаправду все таскаешь,—сядь поди съ нимъ, Дуня! Сядь! проговорила сноха, явившаяся на крылечко собирать ужинъ.

— Здорово, батюшка! раздался голосъ изъ-подъ навѣса, и на дворѣ показался рослый мужикъ, лицо котораго невозможно было разсмотрѣть за темнотою.

Это былъ сынъ Карпа и мужъ молодой женщины, хлопотавшей съ ужиномъ. Карпъ лѣтъ уже семь освобожденъ былъ, за старостію лѣтъ, отъ всякой работы; онъ постоянно однакожь ходилъ въ поле и исполнялъ всѣ мірскія и господскія повинности; старикъ находилъ разсчетъ работать за сына, который въ это время управлялся въ собственномъ полѣ или занимался дома; разсчетъ былъ вѣренъ: Петръ (такъ звали сына) былъ однимъ изъ лучшихъ работниковъ Антоновки.

Выйдя изъ-подъ навѣса, Петръ махнулъ рукою и погналъ лошадей къ воротамъ.

— Погоди, Петруха, сказалъ старикъ прежде еще, чѣмъ сынъ коснулся воротъ: — кто нынче у насъ въ ночномъ? Чей чередъ?

— Андрей Воробей съ ребятами поѣдетъ.

— Смотри, молодаго сѣраго меренка не спутывай; онъ не сильно боекъ, не уйдетъ отъ табуна; боюсь, какъ спутаешь, зашибутъ его копытами.... У Гаврилы кобыла бойкая такая, сколькихъ ужь зашибла!

— Ладно, батюшка!

Сѣрый этотъ меренокъ дороже былъ Карпу всей остальной скотины; въ продолженіе десяти лѣтъ, старику, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось вывести ни одной лошаденки своего завода; всѣ или дохли, или оказывались слабыми; этотъ

конекъ вознаградилъ его наконецъ за всѣ неудачи; сѣрый меренокъ, которому пошелъ уже четверый годъ, удался во всѣхъ статьяхъ; старикъ не могъ на него нарадоваться и берегъ его пуще глазу.

Петръ отворилъ ворота и вышелъ съ лошадьми на улицу. Немного погодя, онъ вернулся, поднялся на крыльцо и сѣлъ подлѣ отца на лавку, которую поставила жена.

X.

— Что, какъ нонъче день? спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка, ладно; рожь совсѣмъ рѣшилъ, завтра возить стану.

— Сыплется, чай?

— Сыплется, только не много; въ пору захватили; умолотъ будетъ знатный!...

Въ эту минуту старуха поставила на столъ чашку съ тертымъ горохомъ, приправленнымъ масломъ.

— Ты, касатикъ, хлѣбца-то новенькаго отвѣдай, сказала она, подавая мужу полвовѣсный ломоть и крѣпко нажимая его пальцами, какъ бы желая доказать этимъ мягкость и доброкачественность хлѣба: — отвѣдай, батюшка; съ прошлаго года новенькаго хлѣбца не ѣли....

— Ой, бабушка, пропусти! ой, не пролѣзу; охъ!!.. отчаянно прокричала вдругъ Дуня, стараясь пролѣзть между столомъ и лавкой и всѣми силами упирая животъ Васьки въ край лавки, а собственный затылокъ въ столъ: — ой, не пролѣзу! бабушка пропусти! повторила она, но уже со слезами въ голосѣ.

— Ступай, родная; ступай, Христосъ съ тобою.... промолвила бабушка, торопливо отодвигая лавку.

— Ой, тятька, пропусти.... ой, уроню Ваську! снова закричала Дуня, увязая на этотъ разъ между столомъ и колѣнями отца.

Петръ привсталъ и подсобилъ дочкѣ усѣсться съ Васькой между собой и дѣдомъ.

Во время этихъ переходовъ и неудачь, повторявшихся сто разъ на день, на долю Васьки выпадало всегда бо́льшее число испытаній, даромъ что сидѣлъ онъ постоянно на рукахъ сестры и казался вдвое ея сильнѣе. Часто тоненькія руки Дуни туго

обхватывали Ваську поперегъ живота; часто, заигравшись на улицѣ съ подругами и поспѣшая на зовъ матери или бабушки, она въ торопяхъ брала Ваську такимъ образомъ, что онъ совсѣмъ перевѣшивался на бокъ, цѣпляясь рученками за ея рубашку; случалось даже Васькѣ висѣть головою внизъ и болтать въ воздухѣ ногами; но все это было ему рѣшительно ни почемъ; въ какое бы трудное положеніе ни приводила его Дуня, онъ казался совершенно довольнымъ и никогда не пищалъ; но за то стоило сестрѣ попробовать посадить его на лавку или на траву, — Васька мгновенно багровѣлъ, начиналъ трясти руками, наливался весь кровью, такъ что даже кожа его лоснилась, — и разражался вдругъ пронзительнымъ воемъ, который сію же минуту привлекалъ и мать и бабушку.

Усѣвшись со своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ, который открылъ ротъ, какъ только услышалъ запахъ ѣды, — Дуня придвинулась къ чашкѣ; ложка дѣвочки ни разу не коснулась ея губъ безъ того, чтобы сначала не попасть въ ротъ брата; она пичкала его съ такимъ усердіемъ, Васька такъ уписывалъ, что отецъ и мать только посмѣивались.

Одна бабушка не раздѣляла ихъ веселости.

— Ѣшь, батюшка; кушай на здоровье, касатикъ, Христосъ съ тобою! повторяла старушка озабоченнымъ голосомъ.

Послѣ ужина Карпъ обратился къ востоку, перекрестился и потребовалъ шапку.

— Куда ты? Никакъ идти собрался? спросила старуха.

— Да; дѣло такое вышло.... Шапку давай! повторилъ Карпъ, усаживаясь на ступени крыльца, чтобы снять лапти.

— Куда ты, батюшка? Никакъ взаправду идти хочешь?... спросилъ въ свою очередь Петръ.

— Да, на рѣку надо сходить....

— Ты бы завтра; не то мнѣ вели, — я сбѣгаю.

— Нѣтъ, дѣло такое, надо самому идти, — приду, отдохну потомъ.

Карпъ взялъ шапку и вышелъ за ворота, плотно заперевъ ихъ за собою.

XI.

Темная звѣздная ночь давнымъ-давно обняла небо.

Выйдя за околицу, Карпъ нѣсколько разъ шмыгнулъ босою ногою по травѣ; нога его осталась почти сухою; воздухъ, не освѣженный росою, былъ тяжелъ, душенъ, точно передъ грозою; нигдѣ однакожъ не видно было признака тучи; только зарницы, вспыхивая поминутно, обливали окрестность красноватымъ своимъ свѣтомъ.

Дорога на Оку шла все время по берегу маленькой рѣчки; сдѣлавъ крутой поворотъ за Антоновкой, рѣчка протекала дномъ плоской долины и версты три далѣе впадала въ Оку. Мѣстами бока долины съуживались, мѣстами расходились, образуя по обѣимъ сторонамъ рѣчки болѣе или менѣе пространныя луговины.

Приближаясь къ первому изъ этихъ луговъ, Карпъ услышалъ лошадиное фырканье, сопровождаемое визгомъ и глухими ударами копытъ. При блескѣ зарницъ различилъ онъ табунъ, который только-что выгнали въ «ночное». Старикъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ лошадямъ. Почти въ ту же минуту его окликнули.

— Кто идетъ?...

— Я, отозвался Карпъ, направляясь прямо къ длинному человѣку, который такъ же скоро шелъ къ нему на встрѣчу.

— Ты, Карпъ Иванычъ? заговорилъ длинный человѣкъ тоненькой надорванной фистулой, которая заслужила ему еще съ дѣтства прозвище Воробья: — я вечоръ еще собирался потоворить съ тобою....

— Объ чемъ это?

— Сродственникъ твой Ѳедотъ, что женатъ на твоей племянницѣ, нанялся теперь на люблинской мельницѣ....

— Знаю; ну, такъ что жь?

— Скажи ему, произнесъ Воробей, неожиданно оживляясь, при чемъ голосъ его сдѣлался еще пронзительнѣе: — скажи ему, коли станетъ онъ шляться у моей риги, или застану его опять у себя въ огородѣ, — ему такъ не сойдетъ; тамъ, что ни выйдетъ, на себя пусть пѣняетъ!...

— Что ты, Андрѣй; въ другомъ чемъ не постою за него, а насчетъ то-есть баловства такого, чтобы на чужое добро польститься, — этого за нимъ никогда не водилось; никогда объ этомъ слуху даже не было....

— Я не насчетъ того говорю, подхватилъ Воробей тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ: — я знаю, чего ему надо; онъ, со-

бака, къ сестрѣ моей подлащивается, вотъ что! Она хоть и солдатка, человѣкъ вольный, а пока съ нами живетъ, не хочу я этого сраму брать.... Не хочу, чтобы ходилъ онъ къ намъ! Ей Богу, провалиться на мѣстѣ, — коли еще разъ застану въ ригѣ или увижу въ огородѣ, — ей Богу, мы съ братомъ намнемъ ему бока, такъ что не встанетъ!... Такъ и скажи, коли увидишь; такъ и скажи! Ей Богу, исколотимъ всего въ одинъ синякъ! Такъ и скажи!

Въ отвѣтъ на это Карпъ только тряхнулъ шапкой и досадливо крякнулъ. Разсудивъ, что при теперешнемъ настроеніи Воробья, нечего думать поручать ему присмотрѣть за мереномъ, старикъ простился съ Андрѣемъ и, обѣщавъ поговорить Ѳедоту, поплелся далѣе.

Вскорѣ шумъ табуна началъ удаляться и наконецъ совсѣмъ пропалъ.

Мертвая тишина стояла надъ рѣкою и склонами долины, которые то озарялись зарницами, то погружались въ темноту непроницаемую.

Карпъ услышалъ шумъ небольшой мельницы, которую также содержалъ богатый люблинскій мельникъ. Люблинская мельница находилась уже при самомъ впаденіи рѣчки въ Оку. Миновавъ плотину и пройдя вдоль забора, ограждавшаго мельничный дворъ, за которымъ раздался сиплый лай цѣпной собаки, Карпъ продолжалъ путь другимъ берегомъ рѣки.

Съ этой стороны бокъ долины неожиданно измѣнялся; склонъ ея подымался круче, и весь, сверху до низу, покрытъ былъ густымъ орѣшникомъ; мѣстами, какъ остовы великановъ, возвышались надъ чащей сухіе столѣтніе дубы, простиравшіе къ небу черныя, причудливо изогнутыя вѣтви. Немного далѣе, лѣсъ, какъ словно насильственно разодвинутый, оставлялъ съ вершины холма до низу совершенно голую почву, покрытую рядами ямъ и бугровъ, которые, каждый разъ какъ вздрагивала зарница, придавали перелѣску особенно мрачный, пустынный характеръ.

XII.

Мѣсто это считалось вообще *недобрымъ* въ околоткѣ. Тутъ, сказывали, находилась когда-то деревня, которая до послѣдней

щепочки выгорѣла отъ громоваго огня. Носились также слухи, будто въ давнія времена Ока, при весеннемъ разлитіи, принесла сюда росшиву, нагруженную татарскимъ золотомъ; барка застряла именно на этомъ мѣстѣ, послѣ чего ее до-верху занесло иломъ. Лѣтъ тридцать назадъ, нашелся одинокой старый мужичокъ (Карпъ помнилъ его очень хорошо), который не шутя прельстился сокровищами, скрывавшимися будто бы въ этомъ мѣстѣ. Онъ сталъ ходить сюда чаще и чаще; сначала ходилъ онъ такъ, ради любопытства; осмотрѣться, что ли, ему прежде хотѣлось, — неизвѣстно; потомъ началъ брать съ собою скребокъ и уже каждый день, съ утра до вечера, съ зари до зари, проводилъ время, взрывая и ворочая землю. Такъ провелъ онъ цѣлое лѣто. Онъ съ каждымъ днемъ замѣтно болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье; мало по малу пересталъ онъ съ людьми разговаривать, началъ дичиться и бѣгать отъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ, — это было уже осенью, — батраки люблинской мельницы, проходя мимо этого мѣста холодною морозною зарею, нашли старика распростертаго навзничъ, съ лопатою въ рукахъ; стали его окликать, подошли ближе, — онъ былъ мертвъ.

Множество бабъ и даже нѣкоторые, повидимому степенные люди положительно утверждали, что самимъ имъ случалось, проходя мимо Глинища (такъ звали мѣсто), слышать подземный жалобный стонъ, отъ котораго сами собою начинали шевелиться уши и холодъ пробѣгалъ по спинѣ и волосамъ. Короче сказать, мѣсто считалось «проклятымъ», и рѣдкій человѣкъ, даже средь бѣлаго дня, не проходилъ мимо, не ускоряя шага.

Но Карпъ, надо полагать, не вѣрилъ такимъ слухамъ; быть можетъ также, чувство страха ослаблялось въ немъ привычкой; болѣе шестидесяти лѣтъ ходилъ онъ мимо Глинища и во все это время ни разу съ нимъ ничего не случилось. Мудренаго нѣтъ тоже, мысли Карпа слишкомъ сильно заняты были предстоящей бесѣдой съ Аксеномъ, чтобы могъ онъ обратить на что нибудь вниманіе.

По мѣрѣ приближенія къ Окѣ, лѣсъ рѣдѣлъ и щеки долины расходились, оставляя мѣсто просторнымъ лугамъ. Въ непроницаемо-темной глубинѣ сверкнула наконецъ Ока; по мѣрѣ того какъ рѣка открывалась, удушливый воздухъ замѣтно освѣжался. Слѣва, надъ берегомъ, возносились черными неправильными углами строенія большой люблинской мельницы. Дорога дѣлала

неожиданно поворотъ и прямо вела къ парому. Въ то время, когда Карпъ проходилъ мимо пристани, парома не было; недвижною темною точкой стоялъ онъ, казалось, на гладкой поверхности рѣки, отражавшей мирріады мигающихъ звѣздъ. Далѣе, шагахъ во ста отъ пристани, громоздилась куча бревенъ; тутъ же насупротивъ возвышалось нѣсколько новыхъ, не покрытыхъ срубовъ.

Проходя мимо одного изъ нихъ, Карпъ невольно пріостановился и оглядѣлъ его сверху до-низу; это была та самая изба, которую приторговалъ онъ у Аксена.

Карпъ прямо пошелъ къ маленькой крытой избушкѣ, въ которой, лѣтнею порою, помѣщался обыкновенно Аксенъ.

У входа, на травѣ, раскинувшись на войлокѣ и прикрывшись полушубкомъ, лежалъ человѣкъ, который храпѣлъ «во всю ивановскую».

XIII.

— Аксенъ! сказалъ Карпъ, нагибаясь къ спавшему и слегка подталкивая его: — Аксенъ Андрѣевъ!...

— А?!... проговорилъ Аксенъ, высовывая изъ-подъ овчины голову и прерывая свой сонъ безо всякаго затрудненія, — съ легкостію, свойственною вообще тѣмъ дѣятельнымъ простолюдинамъ, для которыхъ первый жизненный вопросъ — дѣло, барышъ, и которые отдаются отдыху не въ условный часъ, не когда захочется, а когда свободно и гдѣ придется.

— Къ тебѣ, Аксенъ Андрѣичъ! вымолвилъ старикъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ: — въ другое время недосугъ ходить; ты присылалъ ко мнѣ нонче Өедота.

— Посылать — не посылалъ, только велѣлъ сказать при случаѣ, ты бы ко мнѣ какъ нибудь понавѣдался.

— Сказывалъ онъ... Я все въ толкъ не возьму, Аксенъ, право, въ толкъ не возьму; вѣдь я тебѣ семьдесятъ рублей задатку отдалъ....

— Отдалъ.

— Тогда уговоръ у насъ былъ: семьдесятъ рублей задатку, а въ осень, послѣ уборки, остальныя деньги.... Совсѣмъ было того — поладили; теперь, что жь это будетъ такое? Вѣдь этакъ, Аксенъ, негодится, право, негодится!...

— Экой ты, братецъ мой, чудной какой!—право, чудной! Я отъ задатка твоего развѣ отказываюсь? Говорю только: надо какъ нибудь сладить, потому выходитъ дѣло совсѣмъ несходное.... Всякъ свой барышъ наблюдаетъ; ты наровишь себѣ потрафить, — я себѣ.... Вотъ теперича человѣкъ двадцать напрашиваются на избу-то! — и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ, какъ есть до копѣйки! На прошлой недѣлѣ выселовскій мужичокъ приходилъ ко мнѣ; такъ тотъ тридцать рублей лишку давалъ, въ упросъ просилъ: отдай только! Разсуди самъ теперича: люди деньги выкладываютъ, барыши даютъ; съ тобой надо ждать еще два мѣсяца, пожалуй что и тогда не раздѣлаешься съ хлѣбомъ, — не соберешься съ деньгами.... Суди, сходно-ли? А насчетъ задатка говорить нечего, возьми его хоть завтра....

— Что жь ты прежде мнѣ объ этомъ не сказывалъ? произнесъ старикъ досадливымъ голосомъ:—вишь время какое,—самая уборка! Самъ знаешь: гдѣ нашему брату достать денегъ?.. Гдѣ ихъ взять?!..

— Денегъ у тебя не спрашиваю; можетъ, такъ какъ нибудь безъ денегъ сойдемся.

Карпъ ясно понялъ, что Аксенъ не спроста отказывался отъ денегъ, что вѣрно держалъ на умѣ какое нибудь намѣреніе. Старикъ не показалъ, однакожь, виду своего недоумѣнья; онъ сдѣлался только внимательнѣе прежняго.

— Вотъ къ осени коровъ стану бить на мясо, проговорилъ Аксенъ, — не найдется ли у тебя лишней скотины?...

— Всего одна корова.

— Ну, въ другомъ чемъ сойдемся.... У тебя меренокъ сѣрый трехгодовалый.... его отдай; цѣну, какую положишь, та и пойдетъ въ счетъ избы....

Предложеніе Аксена поразило Карпа самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что Аксенъ не тотъ человѣкъ, чтобы сталъ говорить зря и на обумъ касательно пріобрѣтенія лошади, что вѣрно онъ имѣлъ свои виды, что все это давно было у него обдумано.

Несмотря на свою наружную простоту и сговорчивость, Аксенъ принадлежалъ къ числу самыхъ тонкихъ, самыхъ пронырливыхъ и хитрыхъ мужиковъ уѣзда. Способность его пронюхивать барышъ тамъ, гдѣ другіе барыша не подозрѣвали, могла только равняться съ его оборотливостію и неутомимою дѣятельностію. Аксена видѣли всюду, на всѣхъ ярмаркахъ, базарахъ,

по пристанямъ въ торговые дни; онъ велъ торговлю сплавнымъ лѣсомъ, досками, солилъ солонину, торговалъ говядиной, жегъ кирпичи и известку, скупалъ рощи, сымалъ сады у помѣщиковъ. Нельзя сказать, чтобы товаръ его былъ хорошъ и отличался доброкачественностію; всё дѣлалось спѣшно, зря, на живую руку: говядина была тощая, яблоки сымались незрѣлыми, срубленный лѣсъ продавался всегда сырымъ, кирпичи были недопечены. — «Ничего, сойдетъ!» говорилъ всегда Аксенъ. И точно, крестьяне и помѣщики уѣзда поневолѣ должны были обращаться за всѣмъ къ Аксену, который силою денегъ и дѣятельности завладѣлъ мелкою торговлею уѣзда.

Карпъ зналъ также, — и это всего болѣе приводило старика въ разстройство, — что, при простотѣ своей и сговорчивости, Аксенъ — человѣкъ крѣпкій, какъ кремень; если ужь что заберетъ въ голову, ни за что не отступится. Нечего значитъ было и разговаривать; надо было тутъ же рѣшиться или уступить сѣраго меренка, или взять назадъ задатокъ и отказаться отъ избы. Тѣмъ не менѣе Карпу обидно какъ-то показалось уступить сразу, съ перваго слова.

— Разсуди теперь и ты, Аксенъ Андрѣичъ, произнесъ онъ внушительно: — у меня двѣ лошади; хорошо, отдамъ я тебѣ меренка, какъ же я при одной останусь?...

— Скоро осень, а тамъ и зима привалитъ; больше одной лошади держать тогда не зачѣмъ; у васъ же всѣ на оброкѣ, обозовъ не справляютъ; зачѣмъ двѣ лошади? Куда ихъ? только кормъ травить понапрасну.... Пожалуй, я и на то согласенъ: до того времени, какъ въ полѣ работа не кончится, оставь у себя мерена, я за этимъ не погонюсь.

— Кто жь тебѣ объ немъ сказывалъ? спросилъ Карпъ, у котораго при этомъ словно подступило къ сердцу.

— Мало ли сюда ходитъ всякаго народу...., изъ вашей деревни, изъ другихъ также; — пуще, признаться, хвасталъ сродственникъ твой Ѳедотъ....

— Оно-то, собака, изъ чего?!.. промолвилъ старикъ, быстро сжимая кулаки и такъ же скоро разжимая ихъ, чтобы не замѣтилъ этого собесѣдникъ.

— Ужъ этого я не знаю; только каждый день придетъ и давай хвалить.... Заѣзжай, говоритъ, погляди да погляди! Было мнѣ къ вамъ по дорогѣ, я и подъѣхалъ къ вашему табуну.... Ѳе-

дотъ со мной ввязался; онъ и лошадь указалъ.... Точно, лошаденка складная; шестьдесятъ рублевъ можно дать.

Подвернись въ эту минуту Ѳедотъ, старикъ разругалъ бы его на всѣ бока; мало того, вцѣпился бы, кажется, въ жиденькую бородку родственника и трясъ бы ее до тѣхъ поръ, пока волоска не осталось.

Тутъ между Карпомъ и Аксеномъ завязался сильный торгъ, который кончился тѣмъ, что Аксенъ прибавилъ за мерена еще четыре съ полтиной; на томъ дѣло и остановилось. Эти шестьдесятъ четыре съ полтиной, приложенные къ прежнимъ семидесяти рублямъ, составляли сумму, которая, въ качествѣ задатка, совершенно удовлетворяла Аксена; съ Карпа оставалось получить около ста рублей; Аксенъ соглашался ждать эти деньги до осени, какъ прежде было условлено.

— Когда же за мереномъ-то прислать? спросилъ Аксенъ.

— Хошь завтра, хошь послѣ завтра, — когда хочешь! проговорилъ Карпъ отрывисто.

Онъ поправилъ шапку, которая во время этихъ разговоровъ совсѣмъ скосилась на сторону и, простившись съ Аксеномъ, повернулъ на дорогу.

— Эй, слышь, Карпъ! крикнулъ Аксенъ, дѣлая шагъ впередъ: — слышь, — Ѳедотъ ко мнѣ просится; взять его, что ли?

— Провались онъ совсѣмъ! нетерпѣливо возразилъ Карпъ.

— Не брать, стало, что ли?

— Вѣдь онъ, собака его ѣшь, двѣ недѣли всего нанялся на люблинской мельницѣ, — чего ему еще? спросилъ Карпъ, останавливаясь: — три цѣлковыхъ въ недѣлю жалованья одного получаетъ, чего жъ еще — собакѣ!

— Онъ, что ли, тебѣ сказывалъ? смѣясь вымолвилъ Аксенъ: — ну, здоровъ значитъ врать-то! Всего за четыре рубля въ мѣсяцъ живетъ: за ту же цѣну и ко мнѣ просится; такъ какъ же, по твоему, взять его, что ли?

— А пёсъ его возьми совсѣмъ! съ сердцемъ сказалъ Карпъ, удаляясь.

XIV.

Когда Карпъ подошелъ къ окраинѣ той части берега, гдѣ находилась пристань, паромъ стоялъ уже на причалѣ. Фигуры

двухъ перевозчиковъ смутно обозначались на пескѣ берега; сколько можно было судить по голосамъ, тутъ кромѣ перевозчиковъ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ они сидѣли у самой воды и громко разговаривали. Проходя мимо, Карпъ явственно услышалъ голосъ Өедота.

Первымъ движеніемъ старика было сойти по скату берега, и тутъ же, при людяхъ, осрамить Өедота и разругать его на чемъ свѣтъ стоитъ; но онъ удержался, разсудивъ тотчасъ же, что этимъ дѣло не поправишь. Ктому же, степенный нравъ старика противился всякому шуму и брани,—особенно на міру, при чужихъ людяхъ.

«Ну его, поганца! подвернется гдѣ нибудь въ одиночку, — я ему тогда все припомню!» подумалъ старикъ, отводя глаза отъ парома.

Голосъ Өедота громко раздавался; замѣтно было, онъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ.

Карпъ невольно замедлилъ шагъ; минуту спустя, онъ остановился и насторожилъ слухъ; любопытно стало ему послушать, о чемъ это такъ горячо тараторилъ его родственникъ.

— Эка невидаль пять пудовъ поднять! какъ жилъ я на крупчатной мельницѣ подъ Коломной, такіе у насъ батраки были, мѣшка по четыре пшеницы въ третій верхъ таскали! Значитъ, пудовъ по девяти! Самому, бывало, не однова случалось.... Извѣстно, былъ я въ ту пору помоложе!... Да это что, братцы, — вотъ дѣдъ былъ у меня, такъ ужь точно была силища! Супротивъ него такихъ теперь и людей нѣтъ! Пойдетъ, бывало, на пристань въ базарный день, распоясается: — «выходи!» кричитъ; перваго, кто покуражился, хлобыснетъ, бывало, подъ сусолы, либо подъ микитки, — тутъ тому и конецъ... Бывало, часа по три безъ отдыха бьется, весь даже синій сдѣлается, словно чугунный котелъ; а все, кто ни подвернется, — такъ и кладетъ лоскомъ. «Нѣтъ еще, говоритъ, человѣка такого, кто бы побѣдилъ меня! Былъ бы только, говоритъ, крестъ на человѣкѣ, со всякимъ буду драться, никого не боюсь!...» Такая была крѣпкая скотина!... А насчетъ того, о чемъ прежде спрашивали, братцы, — это мнѣ наплевать! я бы и самъ у Герасима (такъ звали люблинскаго мельника), — ни за что не остался! Нанялся я у него потому больше, что надо какъ нибудь время проволочить недѣльки еще на четыре! съ увѣренностію продолжалъ Өедотъ: — такой уговоръ былъ у меня съ купцомъ Бахруши-

нымъ.... Прокофій Андрѣичъ—звать.... Вы, чай, объ немъ слыхали? первѣйшій купецъ въ Коломнѣ, мильонщикъ, торгуетъ на первый сортъ, и въ Москвѣ также лавку свою содержитъ.... Такой уговоръ былъ у насъ: —«какъ подѣлюсь, говоритъ, съ братомъ, ты, Ѳедотъ Васильичъ, ко мнѣ поступай, и жалованье, примѣрно, и все такое, говоритъ, будетъ тебѣ по самому настоящему положенью....» Онъ сродни мнѣ доводится.... по женѣ.... Потому жена моя купеческаго званья... Жду, значитъ, теперича этого раздѣла промежь братьевъ; по той самой причинѣ и поступилъ сюда.... Главная причина, мы къ этой мельницкой должности не пріучены; жили все по торговой части, этимъ больше съ измалѣтства занимались, и родители мои также.... Упокойный родитель трактиръ содержалъ; также лавку съ краснымъ товаромъ.

— Вы, значитъ, въ городѣ жили? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ, дома; только у насъ село больше другаго города; церквей однихъ семь и всѣ каменныя; дома также все каменные; фабрикъ однихъ никакъ пять или шесть.... Все богачи содержатъ, купцы московскіе и серпуховскіе.... Мы къ торговлѣ съ малыхъ лѣтъ пріобучены.... Во всемъ, значитъ, привычка требуется.... Посади теперь любаго изъ васъ, братцы, въ лавку, либо въ трактиръ, какъ есть ни одинъ не управится, —въ лѣсу все единственно!...

— Гдѣ? куда тебѣ! Ужь это какъ есть! отозвалось нѣсколько слушателей.

— Главная причина, Прокофій Андрѣичъ потому и звалъ меня: знаетъ, я ихнее дѣло наскрозь произошелъ.... Хозяйка моя тѣмъ временемъ своимъ домомъ станетъ управляться.... У ней двѣ батрачки.... да еще дѣвочку нанимаемъ для подмоги.

— Что жь такъ много? спросилъ кто-то.

— А ты думаешь, какъ?... еще словоохотливѣе заговорилъ Ѳедотъ: —у меня домъ-то немалое количество: въ три сруба выстроенъ!... Въ нашихъ мѣстахъ всѣ такъ строятъ; нѣтъ этихъ здѣшнихъ избъ.... Внизу стряпаютъ; работницы и батраки живутъ....

— Ты развѣ и батраковъ держишь?

— А то какже? Двухъ нанимаю.... Кто жь бы землю-то сталъ пахать?!.. У насъ земли и луговъ не то, что здѣсь.... Ну, внизу батраки, вверху горница, —мы съ женою занимаемъ....

Вотъ, братцы, коли кто изъ васъ въ Москву пойдетъ, заходите дорогой.... Меня не будетъ, все единственно, къ хозяйкѣ моей зайдите; скажите: «Өедотъ, молъ, присылалъ»; сами посмотрите наше житье.... Прошлаго года домъ мой подъ трактиръ нанимали, только не отдалъ; несходно.... И хозяйка такъ говоритъ: «не отдавай, говоритъ, Өедотъ Васильичъ; самимъ потомъ нанимать надо, одно на одно выйдетъ...» Заходите же, братцы; посмотрите на мое житье, сами скажете: изъ какого, молъ, дьявола таскаться такъ-то Өедоду по мельницамъ!...

— То-то и я такъ думаю.... проговорилъ тономъ недовѣрія и насмѣшки одинъ изъ слушателей; — хошь бы теперича нанимаешься ты къ Аксену въ работники.... Изъ какой такой неволи?...

— Эхъ, братецъ ты мой! произнесъ Өедотъ съ такимъ выраженіемъ, что можно было думать, онъ обращался къ пустому и вздорному малому, который совался въ разговоръ затѣмъ только, чтобы противорѣчить. — Говорю вамъ, братцы, пуще всего надо проволочить время. Пока Прокофій Андрѣичъ съ братомъ не подѣлятся, — все же одно, дѣлать нечего; деньги свои понапрасну проживать, что ли?

— Денежки-то, стало, водятся?...

— Да, проговорилъ Өедотъ съ какою-то густотою въ голосѣ: — послѣ упокойнаго родителя тысьченки двѣ можетъ осталось.... и теперича есть....

— Врешь! отозвались почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Приходите, покажу.... И больше было, только домъ дорого сталъ, на стройку много пошло....

— Гдѣ жь у тебя эти деньги? спросилъ кто-то.

— Извѣстно, въ сундукѣ спрятаны; гдѣ жь имъ больше быть?...

— Ужь подлинно: охота пуще неволи! снова замѣтилъ собесѣдникъ, обращавшійся съ недовѣрчивостію: — будь у меня такія деньги, сталъ бы я какже по чужимъ людямъ шляться...

— Говоришь такъ, братецъ ты мой, потому, — денегъ у тебя нѣтъ своихъ, — вотъ что! были бы, сталъ бы беречь ихъ все единственно.... Коли сила есть въ тебѣ, почему жь и не поработать? разсудительно продолжалъ Өедотъ: — бережешь пуще къ старости, было бы тогда чѣмъ прожить, вотъ что! Хоронишь также деньги изъ осторожности: люди бы не зарились, взаймы не просили; покажи только; тотъ: «Өедотъ Ва-

свальичъ, ссуди»; другой: «Θедотъ Васильичъ, ссуди...» Дашь, — поди ищи потомъ, не то и вовсе пропали... Ужъ вѣдь бывали статьи такія! У меня сродство большое... Есть богатые, есть и бѣдные... всякіе есть!... Вотъ хошь бы теперь въ Антоновкѣ, можетъ знаете, старикъ живетъ, Карпомъ звать?... сродни приходится... Также не мало ему отъ меня денегъ-то перепало.... почитай, я его и поправилъ... Теперь избу новую торгуетъ.... Покажи только деньги, вынь ихъ, сейчасъ пристанетъ: «дай, да дай!...» Потому больше ихъ и хороню!...

XV.

Карпъ слушалъ-слушалъ, и только качалъ головою, пожималъ губами и время отъ времени ударялъ ладонями по колѣнямъ. При послѣднихъ словахъ Θедота онъ только плюнулъ.

— Ахъ ты, провалъ тебя возьми! собака ты этакая, непутная!!... проговорилъ онъ, выходя на дорогу и ускоряя шагъ.

Перебирая все, что привелось теперь слышать, старикъ невольно забылъ на минуту свое горе; онъ началъ даже усмѣхаться.

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ потѣшиться. Во всемъ, что говорилъ Θедотъ, не было правды на маковую росинку. Жилъ онъ въ маленькой разоренной деревушкѣ, гдѣ не было даже часовни; домъ его состоялъ изъ полуобвалившейся дымной лачужки, имѣвшей видъ заплаты даже въ сосѣдствѣ невзрачныхъ избенокъ; не было у него ни сохи, ни лошади, ни коровы; землю свою отдавалъ онъ за девять рублей въ годъ одному изъ сосѣдей. Жена Θедота доводилась, какъ извѣстно, Карпу племянницей; она была круглая сирота и самъ же Карпъ снарядилъ ей, по силѣ своей, кой-какое приданое. Она существовала тѣмъ, что ходила работать то къ одной сосѣдкѣ, то къ другой, и жила въ страшной бѣдности. Θедотъ не заглядывалъ домой по цѣлымъ полугодамъ. Къ какому бы мѣсту онъ ни прилаживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два-три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ — не имѣли границъ; онъ разомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его; не только прикладывалъ

онъ стараніе къ той части, для которой собственно его нанимали, но радѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали; онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскій самоваръ, приколачивалъ жерди или доски тамъ, гдѣ онѣ доставляли удобство; и вдругъ, на третій или четвертый день, все это радѣніе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупливался, переставалъ говорить, словно его чѣмъ обидѣли, и наконецъ вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ день-деньской сидя у воротъ или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашёлъ онъ поводъ быть чѣмъ нибудь недовольнымъ; такой ужь видно капризъ нападалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ ему должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого не случалось, никогда даже не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно-гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ.

Разсказы Ѳедота не долго, впрочемъ, занимали Карпа; пославъ его мысленно къ нечистому, старикъ снова обратился къ настоящимъ своимъ дѣламъ и снова отдался прежнимъ тревожнымъ думамъ; къ нимъ присоединялась теперь мысль объ утратѣ сѣренькаго мерина, котораго онъ такъ долго ждалъ, берегъ и холилъ съ такою заботливостію.

Такимъ образомъ Карпъ незамѣтно почти возвратился въ Антоновку; онъ не пошелъ къ околицѣ, но повернулъ задами деревни, прошелъ къ себѣ въ ригу, помолился и растянулся на соломѣ, прикрывъ лицо шапкой.

XVI.

Въ сельской трудовой жизни, особенно съ апрѣля до октября, время пролетаетъ съ неимовѣрной быстротою; не успѣваешь кончить съ одной работой, смотришь, уже другая наготовѣ; въ

иную пору скопляется вдругъ столько занятій, что длинный лѣтній день кажется короткимъ. Не смотря, что дѣло, повидимому, очень немногосложно, все ограничивается овсомъ, рожью и сѣномъ, руки неутомимо работаютъ и потъ льется ручьями въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Самыя эти занятія такъ разнообразны и несхожи другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ не только вноситъ новыя условія въ жизнь простолюдина, но совершенно даже даетъ новую физіономію деревнѣ и окрестности. Всего какихъ нибудь четыре недѣли назадъ, деревни и села были пусты и оживлялись только по праздникамъ или къ вечеру, послѣ солнечнаго заката. Жизнь сосредоточивалась въ полѣ; тамъ кипѣла полная дѣятельность; тамъ отъ зари до зари неумолкаемо звенѣли косы, скрыпѣли воза и раздавался говоръ. Теперь все перемѣнилось; теперь, въ свою очередь, опустѣло поле; самыя стрекозы и мухи неизвѣстно куда вдругъ дѣлись; изрѣдка слышится протяжное посвистываніе пастуха, который лѣниво подгоняетъ тощее крестьянское стадо.

Время и дожди не мало также содѣйствовали къ тому, чтобы дать окрестности другой характеръ; жара миновала и вмѣстѣ съ тѣмъ поблѣднѣло лучезарное небо, на которое нельзя было взглянуть не прищурясь. Рощи смотрятъ теперь бодро, хотя по опушкамъ начинаетъ кое-гдѣ показываться желтый листъ; луга сбросили болѣзненный видъ и снова стелются яркимъ зеленымъ бархатомъ; темныя увлаженныя десятины, только что засѣянныя подъ озимь, рѣзко отдѣляясь отъ блѣдно-желтаго жнивья, придаютъ картинность мѣстности, которая прежде затушевывалась скучнымъ, однообразнымъ сѣрымъ тономъ. Съ рѣчкой также произошла перемѣна; она стала полнѣе, такъ что сѣдые листья лопука, которыми покрыты были песчаные откосы береговъ, кажутся теперь плавающими надъ водою. Ручьи, едва замѣтно пробиравшіеся между каменьями, звонко гремятъ теперь, унося съ быстротою обломки древесной коры и сухіе листья; но уже въ укромныхъ мѣстахъ, густо обросшихъ зарею и травами, тамъ гдѣ ручьи впадаютъ въ рѣку, — не ронятся коромыслы со своими стеклянными головками и кисейными крыльями.

Но что особенно бросалось въ глаза, такъ это перемѣна въ Антоновкѣ. Она какъ словно обновилась. Всѣ почти избы покрыты новой соломой; на задахъ деревни неуклюжія риги за-

слонены скирдами, которыя, привлекательно круглясь въ ожатомъ пространствѣ гуменъ, гордо возносятъ свои остроконечныя макушки. Со всѣхъ сторонъ раздаются учащенные удары цѣповъ или слышится шумъ подбрасываемаго на воздухъ зерна, которое звонко падаетъ на гладко-убитый токъ.

Въ этой дѣятельности, сосредоточенной въ деревнѣ, всегда какъ-то меньше суетливости, чѣмъ въ полѣ, даромъ-что тамъ она сжата, здѣсь разсѣяна на большомъ пространствѣ. Въ полѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то спѣшнаго, судорожно-хлопотливаго, — словно весь работающій людъ находится подъ вліяніемъ тревожнаго какого-то ожиданія; въ деревнѣ совсѣмъ не то; прислушайтесь осенью, въ будничный день, къ деревенскимъ звукамъ — въ нихъ нѣтъ ничего безпокойнаго. Со всѣхъ сторонъ бьютъ цѣпы, шумитъ рожь, а между тѣмъ нѣтъ тревоги, нѣтъ суетливости; отовсюду вѣетъ миромъ и кротостію, — чѣмъ-то такимъ, что сообщаетъ душѣ спокойное, удовлетворенное чувство.

Тайна этого не заключается ли въ тѣхъ высокихъ скирдахъ ржи и овса, которыя заслоняютъ гумно каждаго почти крестьянина?...

XVII.

Хотя ворота карповой риги, — тѣ ворота, которыя отворились на токъ, — были настежь раскрыты, нечего было думать приступать съ этой стороны. Изъ воротъ вылетало, клубясь и подымаясь кверху, цѣлое облако пыли; передъ входомъ громоздился ворохъ куколя, мякины и всякаго сору; кромѣ того, легкая летѣвшая пыль ослѣпила бы глаза. Надо было обогнуть строеніе и войти въ другія ворота, также настежь отворенныя, но обращенныя къ полямъ, откуда тянулъ легкій вѣтерокъ.

При входѣ въ ригу, сначала рѣшительно ничего нельзя было разсмотрѣть отъ рѣзкаго перехода изъ свѣта подъ темную крышу, но это проходило скоро. Прежде всего выставлялись горы взбитой соломы и между ними, сквозь облако пыли, виднѣлись Карпъ, его сынъ и сноха, которые, стоя другъ противъ друга, неистово махали цѣпами, стараясь повидимому истребить одинъ другаго; потомъ, при взглядѣ на верхъ, постепенно выяснялись кривыя стропилы и пучки соломы, изъ которыхъ поминутно вы-

летали ласточки, стремительно пропадавшія въ свѣтломъ пятнѣ воротъ. Подъ конецъ, глазъ совершенно привыкалъ, начиналъ даже любоваться коричневымъ полусвѣтомъ, который наполнялъ ригу и постепенно темнѣлъ, приближаясь къ воротамъ, какъ бы для того, чтобы еще рѣзче выставить всю миловидность свѣтлаго пейзажа съ клочкомъ голубаго неба, зеленымъ лужкомъ и сверкающимъ бѣлымъ облакомъ, отражавшимся въ поворотѣ рѣчки.

Судя по солнцу, время приближалось къ полудню, когда за плетнемъ неожиданно раздались чьи-то охи; вслѣдъ затѣмъ, въ свѣтломъ пространствѣ воротъ показалась Дуня.

Пройдя отъ дому до риги, она совсѣмъ уже запыхалась и черезъ силу поддерживала Ваську; выпучивъ глаза и засунувъ въ ротъ указательный палецъ, Васька такъ же мало повидимому заботился о рукахъ сестры, какъ паша какой нибудь о диванѣ, на которомъ покоится.

— Ухъ! вымолвила Дуня, переваливая Ваську на другое плечо.—Дѣдушка, староста зоветъ! подхватила она торопливо:— стучитъ подъ окнами, народъ собираетъ.... Подъ ветлой на улицѣ народъ собирается!...

— Чего имъ тамъ надо!... произнесъ Карпъ, опуская цѣпъ.

— Не знаю, дѣдушка! отозвалась внучка, думавшая, что вопросъ къ ней относился.

— Гаврило никакъ въ контору не ѣздилъ... замѣтилъ Петръ.

— Оттуда, можетъ, приказъ прислали, сказалъ Карпъ, надѣвая шапку и отирая рукавомъ лицо, совсѣмъ почернѣвшее отъ пыли. — Скоро время обѣдать, вымолвилъ онъ, останавливаясь въ воротахъ: — вы, какъ копну домолотите, домой ступайте; я скоро приду.

— Ладно, батюшка! отозвался сынъ, принимаясь снова за цѣпъ.

XVIII.

Народъ дѣйствительно собирался къ ветлѣ, бросавшей тѣнь на тесовую крышу мірскаго магазина. Еще издали Карпъ услышалъ шумный говоръ. Судя по тому, съ какою поспѣшностію крестьяне шли къ сборному мѣсту, надо было думать, причина

сбора была немаловажная и слухъ о ней успѣлъ уже обѣжать деревню.

Карпъ ускорилъ шагъ.

— Карпъ, слышалъ? обратился къ нему старый мужичокъ, толкавшійся вмѣстѣ съ другими.

— Ничего не знаю....

— Оброкъ требуютъ!

— Какъ такъ?

— Теперь, говорятъ, требуютъ....

— Срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну; всегда такъ отдавали.... Еще семь недѣль до срока остается....

— Теперь, говорю, требуютъ! Изъ конторы писарь съ бумагой пріѣхалъ; сказываютъ, наказъ такой изъ Питера баринъ прислалъ....

— Кто сказывалъ-то?

— Гаврило; онъ и бумагу читалъ....

Карпъ, приведенный въ смущенье такимъ извѣстіемъ, началъ протискиваться въ кружокъ, чтобы узнать что нибудь повѣрнѣе; но толку нельзя было добиться никакого; всѣ говорили въ одно и то же время, и всѣ говорили разное, перетолковывая каждый по своему. Теперь, какъ и всегда впрочемъ въ случаяхъ мірской сходки, первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся рыжій Филипъ, тотъ самый, который смѣлѣе другихъ выражалъ когда-то въ полѣ свое мнѣнье.

Голосъ его на этотъ разъ не покрывалъ остальныхъ голосовъ; тѣмъ не менѣе, плечистая фигура его, цѣлою головою почти превышавшая толпу, появлялась то въ одномъ концѣ сборища, то въ другомъ; шапка его то-и-дѣло пригибалась къ уху товарищей, съ которыми не переставалъ онъ втихомолку, но съ одушевленіемъ разговаривать.

— Гдѣ жь староста? Куда его носитъ! всѣ никакъ собрались... Кого еще надо?... громко наконецъ произнесъ Филипъ, выпрямляя голову. — Эй, Гаврило! крикнулъ онъ еще громче, поглядывая на улицу и обращаясь къ старостѣ, который обходилъ послѣднія избы, постукивая въ окна. — Эй, староста! ступай! Всѣ ужь здѣсь!...

— Иду! отозвался Гаврило, торопливо направляясь къ магазину.

Толпа разступилась и замкнула въ свой кругъ старосту. Че-

ловѣкъ десять, изъ которыхъ одинъ только разбиралъ печать, но не могъ читать писаннаго, легло Гаврилѣ почти на спину.

— Что вы, братцы! сказалъ староста, ворочаясь на мѣстѣ:— думаете, что я отъ васъ утаить хочу, что въ грамотѣ писано.... Бери, читай самъ, кто хочетъ....

— Ну, читай, читай! нетерпѣливо вымолвилъ Филипъ, становясь къ старостѣ ближе всѣхъ.—Помолчи только, братцы, ничего какъ есть не слышно....

Мигъ все замолкло.

Гаврило вынулъ изъ-за пазухи письмо и прочелъ довольно внятно и толково слѣдующее:

«Гаврило Андреевъ, съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ собрать мірскую сходку и объявить о немедленномъ сборѣ оброка; въ случаѣ если выйдутъ какія замедленія, приказываю тебѣ не медля явиться въ контору и донести мнѣ объ этомъ.

Старшій управляющій конторой Поповъ.»

Громкій ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ; все заколыхалось и пришло въ движеніе.

XIX.

— Что жь намъ, братцы, дѣлать теперича? спросилъ Гаврило съ недоумѣвающимъ видомъ.

— А то дѣлать — не отдавать оброка, — вотъ и все! сказалъ Филипъ, оглядываясь вокругъ и стараясь увѣриться, не торчитъ ли гдѣ нибудь писарь, присланный изъ конторы. — Сказано: срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну,—тому, стало, и быть! прибавилъ онъ рѣшительно.

— Писарь сказывалъ мнѣ, началъ Гаврило:—изъ Питера въ контору такой приказъ пришелъ; самъ баринъ велѣлъ оброкъ представить....

— Господа нашего положенья не вѣдаютъ; это все вертятъ эти мошенники управители! заговорилъ опять Филипъ. — Православные! воскликнулъ онъ, неожиданно обращаясь къ толпѣ, причемъ лицо его сдѣлалось вдругъ такимъ же краснымъ, какъ волосы и коротенькая курчавая бородка:—православные! чтожъ вы стоите, молчите?! Надо всѣмъ отвѣтъ держать!... Чтожъ это такое! одно, выходитъ, разоренье? До оброка цѣлыхъ семь недѣль сроку остается.... Откуда теперь взять его? У многихъ

хлѣбъ еще въ полѣ; а хоть и обмолотились, куда его продашь? Цѣны нѣтъ никакой теперь. Даромъ, что-ли, отдавать?

Въ толпѣ опять разомъ все заговорило, такъ что въ первую минуту невозможно было разобрать слова.

— Погодите, маленько, братцы, дайте слово сказать! крикнулъ Гаврило.

Снова наступило молчаніе.

— Обо всемъ этомъ, что ты говоришь, Филипъ, сами мы знаемъ, началъ Гаврило: — надо, примѣрно, не объ этомъ.... Настоящимъ дѣломъ разсудить надо.... Оброка, говоришь, не платить... Велятъ—такъ заплатишь... Надо настоящее говорить... потому словесами одними ничего не сдѣлаешь....

— Изволь, я и настоящее скажу.... Давно бы сказалъ.... ты же перебиваешь! Настоящее то, что въ контору надо ѣхать къ управителю! возразилъ Филипъ: — велѣли міру собраться — и собрался; міромъ и положили: время такое, — нѣтъ силы возможности отдать оброка; къ Кузьмѣ-Демьяну отдадимъ, какъ слѣдуетъ по положенью.... Теперь нѣтъ цѣны на хлѣбъ.... Продать теперь — значитъ разоренье одно.... такъ и сказать надо!...

Всѣ въ одинъ голосъ подхватили мысль Филипа. Напрасно Гаврило убѣждалъ въ безполезности поѣздки къ управителю съ такимъ порученьемъ, напрасно приводилъ изъ опыта разные примѣры,—міръ поставилъ на томъ, чтобы Гаврило ѣхалъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, толпа стала расходиться, собираясь на улицѣ маленькими кучками, въ которыхъ громко говорили.

Карпъ вернулся домой чуть ли не изъ послѣднихъ.

Войдя на дворъ, онъ засталъ жену и сноху подъ навѣсомъ, гдѣ стояли лошади; обѣ женщины, припавъ къ плетню лицомъ, жадно къ чему-то прислушивались. До слуха старика долетѣли въ то же время крики, раздававшіеся у сосѣда.

Скрыпъ воротъ заставилъ бабъ обернуться; обѣ побѣжали къ Карпу.

— Батюшка, касатикъ, заговорила старуха: — сейчасъ Воробей съ братомъ сестру свою, солдатку, били.... Такъ били, — у насъ даже слышно было.... Пришли они какъ народъ сталъ расходиться — и давай колотить.... Слышимъ, кричатъ.... Что такое, думаешь?... Подошли послушать; ужь такъ-то кричитъ — и-и-и!...

Карпъ сейчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло; но онъ былъ слишкомъ не въ духѣ, чтобы вступать въ разговоръ и дать женѣ и снохѣ объясненіе того, что происходило у сосѣда. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не обратилъ никакого вниманія на слова жены.

Поднявшись на крыльцо, онъ сказалъ только бабамъ, чтобы скорѣе собирали обѣдать.

XX.

Несмотря на то, что зори по утрамъ начинали быть довольно холодны, Карпъ все еще продолжалъ спать въ ригѣ. Въ ночь, которая слѣдовала послѣ сборища у магазина, Карпъ, начинавшій уже засыпать, внезапно пробудился и сталъ прислушиваться. Слухъ его явственно различилъ шорохъ; но гдѣ онъ раздавался, внутри или снаружи риги, — этого въ первую минуту не могъ разобрать старикъ.... Наконецъ слышно стало, что кто-то карабкался вдоль плетня и перебиралъ ногами въ высокой крапивѣ, окружавшей ригу. Немного погодя, чьи-то руки ощупали деревянный засовъ и бережно начали отворять ворота.

— Кто тутъ? крикнулъ Карпъ, торопливо приподымаясь съ соломы.

— Я.... дядюшка Карпъ.... проговорилъ кто-то, шмыгнувъ въ ригу.

— Кто ты? еще громче крикнулъ Карпъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Не призналъ, что-ли?... Я, я, — Ѳедотъ!. произнесъ голосъ, явно старавшійся принять характеръ пріятельный, заискивающій.

— Такъ это ты! могъ только выговорить старикъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Было мнѣ по дорогѣ, думалъ отдохнуть у тебя, подхватилъ Ѳедотъ скороговоркою и какъ бы стараясь замять рѣчь старика: — Аксенъ просилъ сходить въ Андревское.... насчетъ, то есть — корова тамъ у барыни продается.... такъ посмотрѣть просилъ... Я у него живу теперича... Ну, запоздалъ маленько... Дѣло не спѣшное, думаю: дай зайду къ дядѣ Карпу, отдохну до зори....

— Врешь, врешь! безстыжіе твои глаза! заговорилъ сквозь

зубы и какъ бы съ озлобленіемъ старикъ: — врешь! знаю я, зачѣмъ ты сюда являешься! Знаю, за какими меревами ходишь.... Собака ты эдакая!...

— За что же ты ругаешься.....

— Ахъ, ты непутный ты этакой! продолжалъ Карпъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — будь я помоложе, — я бы въ тебѣ мѣста цѣлаго не оставилъ!...

— Не тотъ я человѣкъ, чтобы меня трогать! обиженнымъ голосомъ возразилъ Ѳедотъ: — никто еще меня не трогалъ.... Это ужь я вижу: значитъ, тебѣ на меня наговорили....

— Нѣтъ, не наговорили!... Кто разболталъ Аксену про мерина, а? — кто?... Говори, черезъ кого, коли не черезъ тебя, лошадь отошла отъ двора моего?...

— Слушай, Карпъ Иванычъ, снова скороговоркою началъ Ѳедотъ: — провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, отсохни мои руки, лопни мои глаза....

— Молчи, безстыжій! Не божись лучше, не грѣши.... Самъ я про все знаю. — Стой, погоди! воскликнулъ Карпъ, думая, что Ѳедотъ хочетъ улизнуть, тогда какъ Ѳедотъ отступалъ только въ сторону, боясь, чтобы Карпъ его не ударилъ: — сказывай, благо пришло къ случаю: какія и когда давалъ ты мнѣ деньги? а? Говори, когда я бралъ у тебя? Зачѣмъ же ты разсказываешь, что ссужалъ меня деньгами, и теперь хоронишь, которыя остались, — божишься, не сталъ бы я просить на избу....

— Отсохни мои руки, лопни мои глаза.... началъ было Ѳедотъ, но Карпъ не далъ ему договорить.

— Молчи, окаянный, не божись, самъ слышалъ!

— Ничего я этого не говорилъ.

— Врешь! Какъ шелъ я намедни ночью отъ Аксена, самъ слышалъ, какъ ты на паромѣ....

— Что ты? перебилъ Ѳедотъ: — ноги моей никогда на паромѣ не было! Все это, Карпъ Иванычъ, одни сплетни про меня пущаютъ, подхватилъ онъ невиннымъ голосомъ: — и охота только слушать тебѣ... Меня всѣ знаютъ!... Не тотъ я человѣкъ совсѣмъ.......

— Ну теперь, продолжалъ Карпъ, не обращая вниманія на оправданіе своего родственника: — сказывай, зачѣмъ пришелъ? Чего надо?... Сестра Воробья, солдатка, приманила!... На себя бы ты поглядѣлъ! Тебѣ ли, лысому чорту, такими дѣлами заниматься?... Хоть бы людей-то постыдился, коли ужь тебѣ ни сты-

да нѣтъ, ни совѣсти! Вѣдь черезъ тебя ссоры только въ семьѣ да брань: и то сегодня, черезъ тебя; братья ее таскали.... Да и тебѣ такъ не сойдетъ.... Воробей съ братомъ сами мнѣ сказывали; попадись только имъ,—тутъ тебѣ и голову положить! Они и день и ночь на сторожкѣ, какъ бы только поймать тебя; можетъ, и теперь ужь укараулили....

— Все это сплетки одни; какъ передъ Богомъ, сплетки.... неувѣренно и даже плаксиво проговорилъ Ѳедотъ.

— Ладно, сплетки!... А пока ступай отъ меня! проваливай! чтобъ духу твоего здѣсь не было!...

— Дядя Карпъ, пусти переночевать, — сдѣлай милость.... Что жь я, чужой тебѣ, что ли? робко промолвилъ Ѳедотъ.

— Вонъ ступай, безстыжіе твои глаза! Вонъ!

— Дядя Карпъ, сдѣлай милость....

— Не пущу! заключилъ Карпъ, выталкивая Ѳедота, который пятился назадъ:—вонъ ступай, говорю; вонъ,—и на глаза мнѣ не показывайся!...

Карпъ заперъ ворота и возвратился на солому. Шуму никакого не было теперь слышно за плетнями; изрѣдка, — и то едва приметно,—раздавался трескъ сухихъ стеблей, ломавшихся подъ ногами, которыми очевидно переступали съ большой осторожностію. Наконецъ все замолкло, кромѣ пѣтуховъ, которые начали вдругъ драть горло, почуявъ полночь.

XXI.

Но не успѣлъ Карпъ заснуть, шумъ въ воротахъ снова привлекъ его вниманіе; на этотъ разъ кто-то смѣло стучался.

— Кто тутъ? съ досадою крикнулъ старикъ.

— Я, дядя Карпъ! отозвался голосъ Филиппа.

Карпъ поднялся на ноги и отворилъ рагу.

— Я затѣмъ къ тебѣ въ такую пору,—не видать теперича.... Не станутъ, значитъ, болтать.... сказалъ Филиппъ: — слышь, дядюшка, вотъ дѣло какое: я, почитай, ужь со всѣми перемолвилъ, всѣ въ одномъ утвердились: до Кузьмы-Демьяна не отдавать оброка! Тутъ толковать нечего; знамо, не барину нужно; господа люди понятные; одна тутъ управительская воля! «Какъ, молъ, хочу, такъ и верчу!» вотъ что! Управитель у насъ новый; возьметъ такую привычку, — житья намъ не будетъ.... Мы вотъ на

чемъ положили: извѣстно, одинъ человѣкъ упрется, ничего не сдѣлаетъ, — въ рогъ согнутъ! А какъ міромъ что скажутъ, если весь міръ въ согласіи, — тутъ хошь-не-хошь, ничего не возьмешь; съ цѣлой деревней ничего нельзя сдѣлать; всѣхъ къ становому не отправишь....

— Такъ-то такъ, Филипъ, отозвался старикъ: — не вышло бы только худа изъ этого....

— Эхъ, братецъ ты мой, говорю тебѣ: — весь міръ въ согласіи; главная причина, крѣпко только надо другъ за дружку держаться! Мы чего добиваемся? Хотимъ держаться до поры возможности, чтобы время протянуть до срока; уставится на хлѣбъ цѣна настоящая, хлѣбъ продадимъ, тогда и оброкъ бери.... Такъ, что ли?

— Хорошо, какъ бы такъ-то....

— Главная причина, подхватилъ Филипъ съ воодушевленіемъ: — не выдавать другъ друга! Примѣрно, хошь тебя спросятъ: — «Зачѣмъ не продаешь хлѣбъ?» — «Я, говори, ничего.... міръ не велитъ; всѣмъ міромъ такъ положили ждать до осени!...» Такъ всѣ уговорились; я со всѣми перетолковалъ; всѣ на одномъ стоятъ: не продавать хлѣба до Кузьмы-Демьяна, пока цѣна не уставится.... Смотри, Карпъ, не выдавай; говори за одно со всѣми....

— Кому убытки, — мнѣ разоренье, сказалъ Карпъ: — коли мнѣ продать хлѣбъ теперь, безъ цѣны, — да изъ тѣхъ денегъ оброкъ отдать, ничего на избу не останется.... Надо также и на зиму малость денегъ оставить....

— То-то же и есть!... У тебя изба, у другаго свои дѣла; у всякаго такъ-то!... Такъ слышь: какъ другіе, такъ и ты дѣлай; такой ужъ уговоръ; я затѣмъ и зашелъ къ тебѣ, чтобы какъ то есть повѣрнѣе.... Ну, прощай, время идти.... заключилъ Филипъ, суетливо выходя изъ риги.

Карпъ снова отправился на солому; но сколько ни ворочался онъ съ боку на бокъ, онъ на этотъ разъ долго не могъ заснуть; сонъ сморилъ его тогда только, какъ пропѣли вторые пѣтухи.

XXII.

На другой день, вечеромъ, Карпъ, осмотрѣвъ свое озимое поле, и оставшись очень доволенъ всходами, возвращался къ Ан-

тоновку, когда, недалеко отъ поворота въ околицу, услышалъ за собою трескотню тележки. Онъ оглянулся; узнавъ по гнѣдой вислоухой лошади владѣльца телеги, Карпъ остановился; лицо его замѣтно оживилось любопытствомъ. Немного погодя, телега съ сидѣвшимъ въ ней старостой, Гаврилой, поровнялась съ Карпомъ.

Уже одна наружность Гаврилы свидѣтельствовала, что поѣздка его была крайне неуспѣшна; онъ сидѣлъ, нахохлившись какъ воробей послѣ дождя; глаза его, противъ обыкновенія, мрачно, недоброжелательно какъ-то поглядывали изъ подъ шапки, пропускавшей большой клинъ клѣтчатаго платка, котораго онъ не думалъ поправлять.

— Что, какъ? спросилъ Карпъ, слѣдуя рядомъ съ телегой, которая продолжала приближаться къ околицѣ.

— Эхъ! былъ только отвѣтъ старосты.

— Худо, стало быть?

Гаврило тряхнулъ, только шапкой.

— Напрасно, значитъ, съѣздилъ?

— Говорилъ тогда, — нѣтъ не вѣрили! вымолвилъ наконецъ староста:—вышло все по моему, какъ я говорилъ: ничего этого, о чемъ мы толковали, не беретъ въ разсужденье!... Только ругается.... Грозитъ еще становаго прислать....

Карпъ зачмокалъ губами, отнялъ руку отъ перекладины телеги и также нахохлился.

Такимъ образомъ вступили они въ околицу.

Появленіе Гаврилы на улицѣ произвело ожидаемое дѣйствіе; многіе увидѣли старосту—и слухъ о его возвращеніи мигомъ распространился по деревнѣ. Едва подъѣхалъ онъ къ избѣ своей и вылѣзъ изъ телеги, его окружила толпа еще многочисленнѣе той, которая стояла у магазина.

Все что было взрослаго въ Антоновкѣ знало болѣе или менѣе причину отъѣзда старосты, и всѣ любопытствовали узнать, какой будетъ отвѣтъ изъ конторы.

Въ первыя двѣ-три минуты Гаврило не могъ выговорить слова, — его рѣшительно затормошили; наконецъ, когда старые люди подали голосъ, призывая всѣхъ къ молчанію, — Гаврило передалъ міру почти то же, что сообщилъ Карпу.

— Писарь, который вечоръ пріѣзжалъ сюда, — не совралъ намъ, продолжалъ Гаврило:—точно, грамота такая пришла изъ Питера! Мнѣ земской сказывалъ; онъ и письмо барина видѣлъ...

— Да ты сказалъ-ли управителю, о чемъ міръ проситъ? неожиданно вмѣшался Филипъ, просовываясь впередъ.

До той минуты онъ молча стоялъ въ толпѣ и только прислушивался.

— Ругается, кричитъ, — вотъ-те и все тутъ! ничего не сдѣлаешь! отвѣчалъ Гаврило, разводя руками: — знай, только кричитъ: «становаго пришлю!..»

— Эка невидаль! перебилъ Филипъ: — присылай, пожалуй! Мы становому то же скажемъ...

— Какже, станетъ онъ слушать! онъ, знамо, управительскую руку держитъ, вымолвилъ Гаврило: — что скажетъ ему управитель, — тому и быть...

— Это какъ есть!.. Что онъ скажетъ, тому и быть!.. Эхъма!... послышалось отвсюду на разные тоны.

— Православные! заговорилъ опять Филипъ, съ живостію обращаясь къ толпѣ: — неужто взаправду раззоряться?! По моему вотъ что дѣлать: самимъ къ управителю ѣхать; выбрать изъ міра человѣкъ пятокъ и ѣхать... А коли не поможетъ, напишемъ тогда письмо къ барину; изъ Коломны, по почтѣ, черезъ пять дней въ Питеръ доставятъ... Это всего вѣрнѣе... Помереть мнѣ, коли все это дѣло не отъ управителя; помереть, — коли баринъ объ этомъ вѣдаетъ...

Одобрительный говоръ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Православные! крикнулъ ободренный Филипъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь: — выходи, братцы, кто къ управителю поѣдетъ! Савелій, ступай сюда въ кругъ, обратился онъ къ рослому, смуглому мужику, стоявшему ближе другихъ.

— Охотниковъ безъ меня много... проговорилъ Савелій, запинаясь и пятясь назадъ.

— Стегнѣй, — выходи! крикнулъ Филипъ другому мужику съ оживленнымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица.

Живое и рѣшительное лицо быстро скрылось въ толпѣ.

— Кумъ Демьянъ, поѣдемъ! опаски никакой нѣтъ; удастся, — ладно, — не удастся, письмо написать можно; поѣдемъ! выходи, становись въ кругъ!..

Но кумъ Демьянъ, шумѣвшій до сихъ поръ столько же, сколько самъ Филипъ, — былъ повидимому другаго мнѣнія. Онъ глухо пробормоталъ что-то, и съ этой минуты никто уже не слыхалъ его голоса.

Филипъ, у котораго побѣлѣли губы, обратился еще къ тремъ-четыремъ человѣкамъ, но также безуспѣшно.

Толпою, гдѣ плечо одного чувствовало плечо другаго, всѣ надсаживали горло, выказывали смѣлость, рѣшимость,—и, казалось, готовы были города брать; но странное дѣло, какъ только дѣло касалось каждой личности порознь,—едва требовалось провѣрить силу убѣжденій цѣлаго общества по силѣ убѣжденія каждаго лица отдѣльно,—каждый, къ кому ни обращались, наприникъ отказывался дѣйствовать и даже назадъ пятился.

— Полно, Филипъ! ничего изъ того не будетъ, проговорилъ Гаврило, поглядывая на Филипа, который, казалось, съ трудомъ удерживалъ кипѣвшее въ немъ негодованіе.

— Извѣсто, ничего не будетъ, когда сначала всѣ за одно, какъ пришло къ дѣлу,—всѣ врозь, сказалъ Филипъ:—испугались, что-ли?!. приподвилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Что ты храбришься-то! ѣхалъ бы самъ, коли охота есть! иронически замѣтилъ Гаврило.

Въ толпѣ многіе засмѣялись.

Это окончательно взорвало Филипа.

— Чтожь, — и поѣду! сказалъ онъ, обмѣривая глазами Гаврилу:—ты, можетъ, ничего этого не сказалъ,—какъ надобно, управителю... добрѣ ужь очень страхъ взялъ!.. Потомъ пріѣхалъ, разсказываешь: такое-то молъ рѣшеніе, — а тутъ тебѣ и повѣрили...

— Повѣрили! повѣрили! перебилъ староста, передразнивая Филипа, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предосторожности отодвигаясь назадъ:—поѣзжай самъ, говорю, —авось сладишь...

Вмѣсто отвѣта, Филипъ снова обратился къ толпѣ.

— Чтожь, православные,—никто, стало, не ѣдетъ?... всѣ отъ слова отступились?!..

Каждый разъ, какъ взглядъ его куда нибудь устремлялся, тамъ тотчасъ же воцарялось молчаніе и въ толпѣ замѣтно рѣдѣло.

Филипъ плюнулъ на-земь, рванулся впередъ и быстрыми шагами пошелъ къ своему дому.

— Экой горячій! Бѣдовый!.. Рыжіе и всѣ такіе-то!.. Куды бравый какой!.. раздалось въ толпѣ.

Общее мнѣніе было таково, что Филипъ нахвасталъ,—хотя до-сихъ поръ никто еще не могъ привести случая, когда бы Филипъ поступилъ такимъ образомъ. Вскорѣ объ немъ совсѣмъ

забыли. Вездѣ во всѣхъ отдѣльныхъ кружкахъ только и толку было, что объ извѣстіи, привезенномъ Гаврилой, — о томъ, что такая ужь, знать, напасть пришла, — и дѣлать нечего; наступили, видно, времена такія тяжкія!

XXIII.

Между тѣмъ, братъ Филипа и другіе члены его семейства, которое было очень многочисленно, спѣшили возвратиться домой.

Увидя, что Филипъ не шутя приготовляется въ путь, всѣ приступили къ нему, убѣждая его не ѣхать. Но Филипъ ничего не хотѣлъ слушать; онъ велѣлъ бабамъ идти въ избу и оставилъ при себѣ только брата, съ которымъ жилъ всегда очень дружно; они до сихъ поръ ни разу даже не поссорились.

Братъ началъ въ свою очередь убѣждать Филипа оставить свое намѣреніе.

— Вотъ вздоръ какой! — чего ты опасаешься? возразилъ Филипъ голосомъ, который показывалъ, что сердце его еще не улеглось и кипѣло остаткомъ негодованія.

— Боюсь, братъ, не вышло бы худа изъ этого...

— Это насчетъ меня, думаешь? Ничего не будетъ! Каковъ ни есть управитель, онъ все же свой разсудокъ имѣетъ; увидитъ не пьяница я, не бунтовщикъ какой; пріѣхалъ просить объ настоящемъ дѣлѣ.

— Хорошо, какъ послушаетъ; сказываютъ, не такой человѣкъ...

— Вретъ, Гаврило! нетерпѣливо перебилъ Филипъ: — отсохни правая моя рука, коли не вретъ! Самъ разсуди: статочное-ли дѣло, чтобы человѣкъ, какой онъ ни есть, слушать не сталъ, коли толкомъ, настоящее говорить? Побожиться радъ, — Гаврило ничего этого, что надо было, не сказалъ управителю; такая ужь душа соломенная! Не токмо передъ управителемъ, другой разъ и передъ своимъ-то братомъ, — кто побойчѣе, — я то молчитъ... Ты ничего этого не опасайся. Пріѣду, скажу: такъ и такъ, повременить только просимъ до срока, — какъ по положенью... цѣна уставится, — къ Кузьмѣ-Демьяну все какъ есть представимъ...

— Дѣлай, какъ знаешь; я бы не поѣхалъ, сказалъ братъ.

— Это почему?

— Потому, если и ладно сойдетъ, послушаетъ тебя управитель,—не стоятъ они того, чтобы хлопотать...

— Думаешь, за міръ просить ѣду?!. съ живостію произнесъ Филиппъ: — нѣтъ, подождутъ теперича! Пускай опять Гаврилу посылаютъ, — чортъ съ ними! Какъ знаютъ, такъ пускай сами раздѣлываются... Какъ только къ дѣлу пришло, всѣ одинъ за однимъ отступились... Ѣду за себя просить, — за семью свою. Намъ всего накладнѣе приходится; хлѣба продашь вдвое,—деньги выручишь тѣ же; по семейству по нашему, давай Богъ, чтобъ при настоящей-то цѣнѣ, на зиму хлѣба достало, покупать не пришлось; потому больше и ѣду. Нѣтъ, раздѣлывайся они какъ сами вѣдаютъ!.. Я теперь, что хошь мнѣ давай, — пальца не согну для міра, — шабашъ!..

Братъ, побѣжденный отчасти такими доводами, не старался болѣе удерживать Филипа и помогъ ему даже запречь лошадь.

XXIV.

Какъ только узнали въ деревнѣ объ отъѣздѣ Филипа, мнѣніе объ немъ тотчасъ-же перемѣнилось. Даже тѣ, которые на сходкѣ подтрунивали надъ нимъ заодно съ Гаврилой и говорили, что Филиппъ только храбрится и хвастаетъ, не переставали теперь выхвалять его, величали его самымъ толковымъ, дѣловымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ смѣлымъ мужикомъ деревни. Всѣ домохозяева, повѣсившіе-было голову, снова исполнились надеждой и воспряли духомъ,—точно такъ же, какъ въ то время когда ждали возвращенія Гаврилы. Деревня снова громко заговорила.

Гаврило, переходя изъ избы въ другую, напрасно убѣждалъ всѣхъ, что поѣздка Филипа не принесетъ никакой пользы, кромѣ той развѣ, что его самого хорошенько проучатъ и сдѣлаютъ посмирнѣе, — что управитель, — еслибъ даже не понуждало его къ тому письмо барина,—совсѣмъ не таковской человѣкъ, чтобы сталъ кого нибудь слушать; напрасно убѣждалъ онъ покориться и приступить къ сбору оброка, — никто не трогался съ мѣста; отовсюду встрѣчалъ онъ одинъ отвѣтъ: — «торопиться некуда; время терпитъ; дай Филипу пріѣхать,—что Филипъ скажетъ!..»

На другой день вечеромъ напрасно однакожь прождали Филипа; онъ не возвращался.

—«Чтожь бы это значило?..» спрашивали другъ друга сосѣди.

Въ домѣ самого Филипа началась между тѣмъ тревога; мать, жена и сестры его, одна за другой, выбѣгали на дорогу за околицу; часто та или другая выжидали его тамъ по цѣлому часу. Безпокойство замѣтно также начало овладѣвать братомъ. На слѣдующій день, въ домѣ Филипа раздались всхлипыванья.

Прошелъ и этотъ день, Филипъ все-таки не возвращался. Всхлипыванья въ его домѣ превратились уже въ громкій вопль. Братъ началъ-было уговаривать мать и сестеръ, стараясь всячески ихъ обнадежить, — ничего не помогало; къ женѣ брата онъ уже не приступался; она лежала ничкомъ на дворѣ и голосила, словно по покойникѣ.

Наконецъ, на четвертый только день, поздно вечеромъ, распространился слухъ, что Филипъ пріѣхалъ. Немного погодя, стали разглашать по деревнѣ странныя вѣсти: говорили, будто Филипъ, какъ только вышелъ изъ тележки, прямо отправился къ себѣ въ ригу; ни съ кѣмъ изъ домашнихъ онъ не поздоровался, никому даже слова не промолвилъ. Обрадованная жена, съ которой жилъ онъ всегда ладно, бросилась было къ нему съ воплемъ, — онъ грубо отвелъ ее руками и сказалъ только: — «что тебѣ.... давно, что ли, не видала?!..» Послѣ того пошелъ онъ въ ригу. Жена, мать и сестры послѣдовали за нимъ, желая добиться какого нибудь толку, — онъ всѣхъ разогналъ, всѣмъ велѣлъ идти домой и допустилъ къ себѣ одного брата. Войдя въ ригу, Филипъ съ сердцемъ бросилъ на-земь полушубокъ, бросилъ шапку и ничкомъ повалился на солому. Два-три человѣка, которымъ потомъ удалось говорить съ братомъ, спѣшили сообщить, что Филипъ велѣлъ брату везти хлѣбъ и продать его за первую цѣну, какую дадутъ.

— «Стало, и намъ тоже дѣлать!» былъ общій отзывъ.

Слухъ обо всемъ этомъ не замедлилъ конечно достигнуть ушей Карпа.

— Оброкъ не пуще великъ, а много придется теперь за него хлѣба отдать! задумчиво промолвилъ старикъ, обратившись къ сыну, который передалъ ему общую вѣсть: — хлѣба, который останется, — только на зиму хватитъ для семейства.... Сколько ни считалъ я всѣ эти дни, не выручишь денегъ тѣхъ, что за изубу отдать надобно.... Такъ, стало, тому и быть! довершилъ онъ угрюмо.

Карпъ, точно также какъ и остальные обыватели Антоновки, лишившись всякой надежды на благопріятный поворотъ дѣла, упалъ вдругъ духомъ, и толковалъ теперь о томъ только, чтобы насыпать воза и везти хлѣбъ на продажу.

Такъ какъ пятнадцать рублей, получаемые Гаврилой въ видѣ жалованья, засчитывались ему ежегодно въ оброкъ, — староста на свой счетъ не очень сокрушался. Онъ тревожился тѣмъ только, что управитель, того и смотри, пришлетъ за нимъ и потребуетъ отчетъ за медленный сборъ мірскаго оброка. Движимый такою мыслію, онъ еще неусыпнѣе началъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что если ужь вышло такое невзгодье — откладывать нечего; чѣмъ скорѣе отдашь деньги, тѣмъ скорѣе отвяжешься отъ управительскаго надзора и непріятностей, которыя грозятъ міру въ случаѣ промедленія.

— Главная причина, въ спокойствіи тогда оставятъ, вотъ что! повторялъ староста: — станемъ оттягивать, — осерчаетъ, ужь это навѣрное такъ; пожалуй, еще становаго пришлетъ.... расправа начнется.... что жь хорошаго?!..

На этотъ разъ никто не возражалъ ему; вмѣсто смѣлыхъ, бойкихъ отвѣтовъ, онъ встрѣчалъ одну молчаливую покорность.

Рѣшено было всѣмъ міромъ понавѣдаться завтра же утромъ къ Дроздову и условиться съ нимъ насчетъ цѣнъ. Впрочемъ это были одни только пустые разговоры; никто не сомнѣвался, что все равно надо будетъ отдать хлѣбъ за ту цѣну, которую назначитъ Дроздовъ.

XXV.

То же самое ожидало крестьянъ, еслибъ они повезли теперь хлѣбъ въ ближайшіе уѣздные города. Купцы очень хорошо знаютъ, что если мужикъ въ такую пору пріѣхалъ съ хлѣбомъ, — видимое дѣло, его прижали, ему до зарѣзу надобны деньги; они спѣшатъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и въ свою очередь его прижимаютъ. Городскіе кулаки еще плутоватѣе, еще неумолимѣе деревенскихъ. Уже одно то, что крестьянинъ насыпаетъ дома рожь настоящей мѣрой, а купецъ принимаетъ ее по своей мѣрѣ, несравненно

бо̀льшаго объема,—заставляетъ всегда перваго избѣгать продажи въ городѣ.

На этомъ основаніи антоновцы рѣшились прибѣгнуть къ Дроздо̀ву; ктому же онъ проживалъ отъ деревни верстахъ въ пяти всего-на-всего.

Дроздо̀въ или, лучше, Никаноръ, потому что такъ обыкновенно называлъ его народъ, — былъ простой откупившійся на волю мужикъ, содержавшій большую миткалевую фабрику.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней Россіи, такихъ фабрикъ развелось, — особенно въ послѣдніе годы, — такое множество, что нѣтъ почти деревни, гдѣ бы не возвышалось неуклюжаго бревенчатаго строенія, изъ котораго съ утра и до вечера слышится шумъ разматываемой бумаги и щелкотня ткацкихъ становъ. Надъ этими фабриками не существуетъ ни присмотра, ни контроля; хозяева, обезпезпечивая себя ежего́дно домашними расчетцами съ мелкими мѣстными властями, — пріобрѣтаютъ положеніе, которое ничѣмъ почти не отличается отъ положенія начальниковъ дикихъ племенъ на самыхъ отдаленныхъ архипелагахъ Тихаго океана. Самоуправство является здѣсь въ полномъ своемъ безобразіи. Хозяева по произволу измѣняютъ заработную плату; назначается такая-то цѣна за основу; основа готова, — хозяинъ перемѣнилъ цѣну, и работникъ получаетъ меньше того, на что расчитывалъ. Бѣдные крестьяне сосѣднихъ деревень посылаютъ на фабрику своихъ дѣвочекъ и мальчиковъ для размотки бумаги; нѣтъ везможности приходить всякой день за нѣсколько верстъ и уходить вечеромъ; дѣти ночуютъ на фабрикахъ; все это спитъ гдѣ ни попало и въ повалку; можете судить о томъ, что здѣсь происходитъ и какъ, по мѣрѣ процвѣтанія фабрикъ, должна процвѣтать нравственность. Мало того, хозяева рѣдко или, вѣрнѣе, никогда не расчитываются съ народомъ на чистыя деньги. Они покупаютъ въ городахъ залежалыя партіи сапоговъ, оптомъ скупаютъ шапки, подмоченую соль, годовалую муку, перепрѣвшую крупу и т. д. и расчитываются такимъ матеріаломъ, ставя за него всегда въ тридорога противъ того, что стоитъ онъ имъ самимъ. Народъ слѣдовательно обутъ и одѣтъ скверно, ѣстъ худую пищу и постоянно находится безъ гроша денегъ.

Многіе изъ этихъ хозяевъ владѣютъ большими капиталами. Никаноръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Впрочемъ, онъ

продолжалъ только дѣло, начатое еще покойнымъ его родителемъ.

XXVI.

Взглянувъ на лицо фабриканта, нельзя было повѣрить, чтобы могъ онъ такъ успѣшно вести дѣла свои. Наружность Никанора ставила въ тупикъ, — такъ рѣзко противорѣчила она его дѣйствіямъ. На всемъ свѣтѣ не было, казалось, тупоумнѣе человѣка. Безцвѣтные на выкатѣ глаза, какъ у разварной рыбы, смотрѣли мутно, какъ будто угасла въ нихъ способность осмысливать предметы; плоскіе, какъ щепки, волосы мертвенно висѣли по обѣимъ сторонамъ пухлаго, но крайне-болѣзненнаго лица, окруженнаго рѣденькими бакенами и такою же чахлой, жидкой бородкой; всѣ черты выражали одну сонливость, вялость, неспособность. Все въ немъ было одно къ одному; говорилъ онъ вяло, словно клещами хомутъ натягивалъ; ногами своими, обутыми въ башмаки передвигалъ онъ медленно, словно противъ воли. Ходилъ онъ всегда запахиваясь въ длинный бумажный набивной халатъ такого же почти грязновато-больнаго цвѣта, какъ и лицо его. Словомъ, не было возможности повѣрить, чтобы такой человѣкъ былъ на что нибудь годенъ. Дѣла его между тѣмъ шли блистательно; онъ ворочалъ такими деньгами, что ничего не значило ему усадить въ своемъ приходѣ пятьдесятъ тысячъ на постройку огромной кирпичной церкви съ круглымъ зеленымъ куполомъ.

Это не мѣшало однакожь самому Никанору жить, какъ говорится, свинья — свиньей. Домъ его, очень помѣстительный, съ нижнимъ этажемъ кирпичнымъ, а верхомъ деревяннымъ, былъ крытъ желѣзомъ и выкрашенъ зеленой краской, оставшейся отъ церковнаго купола. Внизу помѣщались подвалы для склада товара, и контора. Верхній этажъ изъ шести-семи комнатъ занималъ Никаноръ со своимъ семействомъ.

Жилъ онъ собственно въ одной только изъ этихъ комнатъ; остальныя стояли пустыми; кое-гдѣ развѣ попадалась скамья или стояла кадушка съ квашеной капустой, прижатой кирпичемъ. Въ комнатѣ Никанора рамы не выставлялись со времени постройки дома; тамъ съ трудомъ можно было переводить дыханіе; все смотрѣло до невѣроятности грязно, — начиная съ

самой хозяйки и ея засусленныхъ, золотушныхъ дѣтей и кончая зеленымъ, какъ словно прокислымъ самоваромъ и стеклами оконъ, почти до темноты засиженныхъ мухами.

У дверей, въ высокомъ буромъ футлярѣ, доходившемъ до потолка, чикали часы съ циферблатомъ, размалеваннымъ цвѣтами; въ углу стоялъ неприслоненый къ стѣнѣ диванъ, покрытый ободранной кожей; но Боже-было-упаси сѣсть на него; особенною опасностію угрожали гвоздики и тесемка, обшивавшая кое-гдѣ кожу; подъ каждымъ гвоздемъ и складкой сидѣло, мирно пріютясь, цѣлое гнѣздо клоповъ. Все это, кромѣ впрочемъ дивана, который постоянно, годы цѣлые, оставался на своемъ мѣстѣ,— чистилось и переставлялось разъ въ годъ, — именно на страстной недѣли передъ Свѣтлымъ праздникомъ; тогда цѣлые ушаты воды разомъ проливались въ этомъ второмъ этажѣ; хляскъ воды раздавался повсюду; вода, не находя себѣ выхода, скорѣе всего утекала въ широкія щели кой-какъ сколоченнаго пола, удобряла земляную настилку, и этимъ способомъ разводила миріады блохъ, которыя несмѣтными легіонами появлялись уже къ Святой.

Но Никаноръ и его семейство такъ сжились со всѣмъ этимъ, что всякое другое мѣсто показалось бы имъ крайне неудобнымъ. Незачѣмъ было, слѣдовательно, измѣнять порядка, начатаго, блаженной памяти, упокойнымъ родителемъ, — порядка, которымъ удовлетворялся сынъ и, вѣрно, будетъ удовлетворяться золотушное потомство.

XXVII.

Карпъ былъ одинъ изъ первыхъ, который явился къ Никанору. Войдя въ контору, старикъ засталъ тамъ хозяина. Въ конторѣ никого почти не было; стояли только двѣ бабы и оборванная дѣвочка, пришедшія за бумагой для размотки.

Тѣмъ не менѣе Никаноръ сдѣлалъ видъ какъ будто не замѣтилъ вошедшаго. Онъ никогда не кланялся первымъ простому мужику. Никаноръ прежде былъ проще; гордость напала на него съ той самой поры, какъ воздвигъ онъ церковь и къ концу каждой обѣдни поминали его, какъ строителя храма, и подносили ему просвиру.

Карпъ подошелъ къ прилавку, раздѣлявшему контору на двѣ половины, и поклонился.

— Чего надо? спросилъ Никаноръ, едва поворачиваясь.

— Хлѣбца привезъ, Никаноръ Иванычъ.... десять четвертей: не возьмешь ли?... задобривающимъ голосомъ сказалъ Карпъ.

— Не надыть! возразилъ фабрикантъ какъ бы сквозь сонъ.

— Что жь такъ?... Возьми, сдѣлай милость!...

— Столько хлѣба навезли, — дѣвать некуда.

— Всего вѣдь десять четвертей!

— Къ тому же денегъ теперь нѣту... началъ-было Никаноръ, но Карпъ перебилъ его.

— У тебя нѣтъ?!... У кого жь и быть деньгамъ-то?!.. Возьми, пожалуйста!

— Пять съ полтиной, коротко и сухо проговорилъ наконецъ Никаноръ.

— Какъ, за четверть? воскликнулъ Карпъ, между тѣмъ какъ фабрикантъ повернулся къ нему бокомъ и, казалось, пересталъ даже его слушать: — побойся Бога! Къ Кузьмѣ-Демьяну четверть-то девять рублей стóитъ; три рубля съ полтиной на четверть хочешь нажить.... Бога ты побойся!...

На мутномъ лицѣ Никанора промелькнула тѣнь пренебреженья.

— Чего ты присталъ ко мнѣ, произнесъ онъ, не возвышая однакожъ голоса: — говорю, не надо; вези куда знаешь... гдѣ сходнѣе...

Въ эту минуту батрачка позвала хозяина наверхъ; почти въ то же время въ контору вошелъ еще мужичокъ изъ Антоновки.

Карпъ передалъ ему свой разговоръ съ фабрикантомъ.

— Дѣлать, знать, нечего, Карпъ Иванычъ; отдать надо, отвѣчалъ тотъ: — больше не дастъ; вечоръ ужь трое изъ нашихъ къ нему прiѣзжали; за ту же цѣну отдали.

— Знаю, сказывали мнѣ, вымолвилъ старикъ. — Я думалъ, посовѣстится, не надбавитъ ли какимъ случаемъ; потому и разговоръ такой повелъ съ нимъ.

— Какъ же, жди отъ него совѣсти, экъ захотѣлъ!... И я свои два воза за тѣ же деньги ссыпалъ, дѣлать-то нечего!...

Съ возвращенiемъ Никанора дѣло Карпа было кончено. Фабрикантъ, поручая приказчику сходить и смѣрять привезенную рожь, говорилъ такъ же сонливо, вяло и неохотно; каза-

лось, онъ не подозрѣвалъ даже, какой огромный оборотъ дѣлалъ, скупая въ настоящее время хлѣбъ изъ Антоновки.

Получивъ деньги, Карпъ сѣлъ въ пустую тележку и вмѣстѣ съ сыномъ, помѣстившимся на другой подводѣ, отправился домой.

Путемъ-дорогой старикъ принялся въ сотый разъ сводить свои счеты; онъ какъ будто все еще не довѣрялъ прежнимъ своимъ соображеніямъ и думалъ — авось-либо выйдетъ какъ нибудь по другому.

Нѣтъ, по другому не выходило! Прежніе разсчеты были совершенно вѣрны. Отдавъ пятьдесятъ-два съ полтиной оброку, отложивъ десять четвертей на зиму для семейства, Карпъ могъ продать всего-на-всего шесть четвертей ржи и четыре четверти овса. Какъ умомъ ни раскидывай, не было возможности, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, выручить изъ этого столько денегъ, чтобы добавить Аксену за срубъ, отдать плотникамъ за постановку избы, печнику за печь—и мало ли еще сколько денегъ требуется при сооруженіи новаго дома!

Касательно перваго задатка, отданнаго Аксену, Карпъ не безпокоился; Аксенъ былъ извѣстенъ своею честностію; старикъ ни на минуту не сомнѣвался, что получитъ свои деньги. Но вотъ что неотступно его тревожило, — тревожила мысль о второмъ задаткѣ, о сѣромъ меренкѣ, который, какъ на зло, приглянулся Аксену, такъ что послѣдній имъ не нахваливался. Тутъ какъ быть? Какъ тутъ разсчитываться? Вѣрнѣе всего, Аксенъ оставитъ его за собою; вѣдь и ему надо получить вознагражденіе за убытки; на избу много было охотниковъ; не случись Карпа, Аксенъ давно бы продалъ ее съ барышами.

Карпъ такъ углубился въ свои соображенія, что поднялъ голову тогда только, какъ лошадь остановилась передъ его воротами.

Послѣ дождя, лившаго всю ночь и все утро, избенка какъ нарочно представлялась такой кислой, такъ грустно поглядывала на улицу своими крошечными окнами, полусгнившими углами и выдавшейся мокрой стѣною, что вчужѣ забирала жалость.

Понятно, такой видъ не могъ порадовать и развлечь ея владѣльца.

. . . .

XXVIII.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ, совершая въ природѣ обычные, неумолимо-неизмѣнные перевороты. Давно ли, кажется, поля, луга и рощи дышали такимъ оживленьемъ? Все это миновало! Первыми возвѣстниками наступающихъ холодовъ были, по обыкновенію, ласточки; онѣ отлетѣли съ первыми морозными утренниками. За ними, въ похолодѣвшемъ воздухѣ, пронеслись длинныя бѣлыя нити тенетника; потомъ, въ свѣтломъ, хотя уже блѣдно-зеленоватомъ небѣ, пролетѣли журавли, возбуждая отдаленнымъ крикомъ своимъ громкіе возгласы деревенскихъ мальчишекъ.

Давно ли, наконецъ, антоновская роща, одѣтая съ макушки до корня зеленью клена, березы, орѣшника и разнаго рода кустарниковъ, наполнялась веселымъ трескомъ, свистомъ и пѣніемъ каждый разъ, какъ проникалъ въ нее первый солнечный лучъ? Давно ли, кажется, было все это!... Теперь, отъ маковки до корня, стоитъ она обнаженная, и хотя бы три раза въ сутки начинался день, не пошлетъ уже ему навстрѣчу веселыхъ, привѣтливыхъ звуковъ. Въ сѣрой, сквозящей глубинѣ рощи мелькаютъ одни голые стволы и перекрещиваются во всѣ стороны почернѣвшія обнаженныя вѣтви. Вмѣсто прохлады отовсюду несетъ сыростію и крѣпкимъ запахомъ опавшихъ листьевъ, которые наполняютъ глубину кустарниковъ и густо устилаютъ дорогу. Изрѣдка, кое-гдѣ, тоскливо, въ разладъ, чиликнетъ краснобрюхій снигирь или вдругъ въ сторонѣ зашуршукаютъ листья и черезъ дорогу пугливо пробѣжитъ заяцъ.

Все остальное, куда ни обращаются глаза, носитъ ту же печать опустѣнія. Окрестность словно состарѣлась; колеи, которыми изрыты дороги, кажутся глубокими морщинами; рѣчка, такъ долго отражавшая въ послѣднее время свинцовыя, сѣрыя тучи, усвоила навсегда какъ будто цвѣтъ ихъ, отвѣчающій, впрочемъ, общему тону печали, которымъ окутались не только окрестность, но и самое небо.

Куда дѣвался также веселый видъ деревни, когда, бывало, при заходящемъ солнцѣ, ослѣпительно сверкаютъ соломенныя крыши избушекъ; когда старыя ветлы, бросая черезъ рѣку на лугъ длинныя густыя тѣни, постепенно зарумяниваются, по-

крываясь багрянцемъ заката; когда весь деревенскій людъ, высыпая въ эту пору на улицу и — то уходя въ сизую тѣнь, бросаемую избушками, то выступая на свѣтъ—начинаетъ пѣть пѣсни и водить хороводы, играя на солнцѣ ярко-алыми и синими платками и рубашками.... Куда все это дѣлось! Антоновки узнать невозможно. Она также отжила какъ будто и вдругъ состарѣлась. Стѣны избушекъ, вымоченныя безпрерывными дождями, такъ же почти черны, какъ улица, которая превратилась въ грязь, замѣсилась и стала непроходимою; старыя ветлы обнажили свои головастые пни, и вѣтви на нихъ торчатъ кверху, какъ волосы на головѣ взъерошеннаго человѣка. Солома на крышахъ сдѣлалась совсѣмъ сѣрою и едва-едва отдѣляется теперь на сѣромъ небѣ.

Небо пока не шлетъ еще дождя, но въ отдаленіи начинаютъ уже клубиться тяжелыя, мрачно-сизыя тучи.

XXIX.

Дядя Карпъ, котораго ненастье отрывало поминутно отъ начатой работы, спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ. Обрадованный, что перестал наконецъ дождикъ, онъ, съ помощію сына, съ утра еще выкатилъ двѣ пустыя кадки; онѣ служили старику козлами для подмостокъ; приставленныя къ наружной стѣнѣ избы и устланныя досками, кадки давали Карпу возможность достать рукою почти до крыши.

Взгромоздившись на подмостки, Карпъ старательно набивалъ глину въ пазы и трещины избенки; онъ то-и-дѣло обращался къ снохѣ, которая тутъ же въ сторонѣ мѣшала лопатою сырую глину. Бѣдная бабенка едва успѣвала управиться; съ одной стороны кричалъ свекоръ, съ другой поминутно высовывалась изъ окна свекровь съ хозяйственными разспросами, съ третьей—приводилось гнать Дуню, которая, несмотря на холодъ, никакъ не хотѣла идти въ избу. По всей вѣроятности, Дуня согрѣвалась Васькой; крѣпко перехвативъ брата поперегъ живота, она переносила его съ одного плеча на другое; но какъ терпѣлъ Васька, — это дѣлалось рѣшительно непонятнымъ! Мальчикъ перешелъ уже отъ багроваго цвѣта въ синій; но ни чего однакожь; Васька не плакалъ; онъ только кряхтѣлъ и ежился и то, повидимому, не столько отъ стужи, сколько отъ

того, что вздрагивавшая сестра слишкомъ ужь сильно нажимала ему животъ.

Подлѣ другой стѣны, со стороны улицы, происходила также работа; Петръ приваливалъ къ стѣнѣ солому, укрѣпляя ее жердями.

По мѣрѣ того, какъ съ той и съ другой стороны подвигалась работа, избушка принимала видъ больной, хилой старушенки, которую обкладываютъ пластырями и кругомъ обвязываютъ и кутаютъ.

На улицѣ никого почти не было, кромѣ семейства Карпа. Изрѣдка проходилъ кто нибудь. Такъ прошла баба съ ворохомъ неразмотанной бумаги на спинѣ. Поровнявшись съ избою Карпа, она остановилась, поздоровалась со старикомъ и его снохою.

— Карпъ Иванычъ, сказала она: — тебѣ сродственникъ твой Ѳедотъ велѣлъ кланяться!

— Ну, его совсѣмъ! ворчливо проговорилъ старикъ, продолжая шлепать глиной.

— Ты, Дарья, откуда? спросила сноха: — я думала, ты отъ Никанора.

— И то, оттуда; вишь, взяла ребятамъ разматывать! возразила Дарья, встряхивая бумагой.

— Гдѣ жь ты Ѳедота видѣла? Онъ вѣдь у Аксена живетъ; развѣ такъ повстрѣчались?

— Нѣтъ, касатка, нанялся онъ теперь къ Никанору; у Никанора живетъ въ работникахъ.

При этомъ Карпъ сердитѣе только шлепнулъ глиной.

Немного спустя послѣ ухода Дарьи, мѣсто ее заступилъ маленькій живой мужичокъ съ веснушками, который во время уборки ржи бесѣдовалъ съ Гаврилой.

Поглядѣвъ съ минуту молча на работу Карпа, онъ наконецъ придвинулся.

— Ничего отъ этого, сватъ, теплѣе не будетъ, сказалъ онъ: — я, какъ не было у меня новой избы, свою старую тоже глиной обмазалъ, — продуваетъ; такъ-то продуваетъ, — хуже быть нельзя.

— Коли хорошо, крѣпко смазать, — не продуетъ! отозвался Карпъ неохотно.

— Хуже, сватъ, право, хуже; тогда снутри прѣть начнетъ; у меня то же было; пойдутъ морозы, — въ окнахъ, повѣрищь-

ли, вотъ какія сосульки намерзнутъ! добавилъ мужичокъ, показывая отъ плеча до ладони.

Карпъ ничего не отвѣтилъ.

— Сейчасъ, сватъ, къ Филипу заходилъ, продолжалъ словоохотливый мужичокъ: — дома нѣту, уѣхалъ; сказываютъ, — опять запилъ; года три за нимъ этого не было; зарокъ, сказываютъ, на себя наложилъ, чтобъ не пить.... Теперь опять, сказываютъ, зашибается.... Э! да никакъ дождикъ?... промолвилъ онъ, подымая голову.

Карпъ, сноха и Петръ, слышавшіе весь этотъ разговоръ, сдѣлали то же самое.

Сѣрыя тучи, которыя бѣжали, казалось, надъ самою крышею, дѣйствительно начинали отдѣлять дождевыя капли; въ тоже время вѣтеръ сильнѣе зашевелилъ соломой.

— Прощай, сватъ! надо скорѣй до дождя укрыться!... сказалъ мужичокъ, направляясь къ избѣ, которая стояла на самомъ краю деревни.

Пока онъ приближался къ дому, тучи, давно уже потоплявшія своею тѣнью окрестность, быстро надвигались на Антоновку. Съ каждой минутой, мѣстность, лежавшая за старыми ветлами, заслонялась и пропадала; вотъ и ветлы начали показываться какъ бы сквозь сѣрую дымку и вскорѣ пропали; дождикъ замѣтно дѣлался чаще и усиливался. Въ дальнемъ концѣ деревни, кто-то закутанный съ головою, — баба ли, мужикъ ли, разобрать было невозможно,—промелькнулъ черезъ улицу. На минуту можно еще было различать, какъ Карпъ, его сынъ и сноха бѣгали и суетились, убирая свои кадки; но и они не замедлили исчезнуть за частою сѣтью дождя, который, крутясь и двигаясь по волѣ вѣтра, ударилъ шумнымъ косымъ ливнемъ и заслонилъ наконецъ самую Антоновку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БАРХАТНИКЪ.

XXX.

Позвольте теперь перенести васъ изъ унылой деревушки, утопающей въ грязи и облитой дождемъ, прямо въ центръ

Петербурга. Переходъ, конечно, очень рѣзокъ; но тѣмъ лучше, мнѣ кажется. Безъ контрастовъ и неожиданныхъ переходовъ отъ худаго къ хорошему, отъ мрачнаго къ веселому и обратно, не только романы и повѣсти, но и самая жизнь была бы однообразна и слѣдовательно невыносимо скучна.

Итакъ, поспѣшимъ войти черезъ парадную дверь въ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ Малой Морской. Признакомъ, что домъ, при основаніи своемъ, исключительно предназначался для вмѣщенія жильцовъ богатыхъ или такихъ, которые во что бы ни стало хотѣли прослыть за богатыхъ,— служила широкая, устланная ковромъ лѣстница, украшенная каминами и швейцаромъ.

Намъ незачѣмъ подыматься слишкомъ высоко; достаточно остановиться во второмъ этажѣ противъ двери съ мѣдной досчечкой, на которой награвировано: *«Аркадій Андрѣевичъ Слободской»*.

Аркадій Андрѣевичъ вмѣстѣ съ домашней его обстановкой,— начиная съ круга знакомыхъ и кончая мебелью его обширной квартиры,—составляютъ главный предметъ настоящаго повѣствованія. Мебель, особенно гостинной и кабинета такъ великолѣпна, что, я увѣренъ, еслибъ любое кресло перенести вдругъ въ Антоновку и поставить посреди улицы, ни одинъ изъ тамошнихъ обывателей ни за что не опредѣлилъ бы, что̀ это за штука такая; самъ приходской священникъ сильно бы затруднился дать ему вдругъ, сразу, настоящее имя, и только развѣ послѣ нѣкотораго размышленія могъ бы рѣшить, что издѣлію сему всего болѣе подобаетъ находиться въ храмѣ для замѣщенія стариннаго сѣдалища въ алтарѣ.

Аркадій Андрѣевичъ былъ холостъ, любилъ роскошь и рѣшительно не видѣлъ надобности себѣ въ ней отказывать; у него было около семи тысячъ душъ, въ числѣ которыхъ, если не ошибаюсь, состояли также знакомыя антоновскія души.

Часовъ въ двѣнадцать утра, въ богато-убранномъ кабинетѣ Слободскаго находилось уже нѣсколько посѣтителей. По мѣрѣ того какъ приближался день, посѣтители умножались; многіе являлись, впрочемъ, минутъ только на пять; спѣшно выкуривъ папироску, повертѣвшись передъ каминомъ, они такъ же скоро исчезали. Всѣ входили совершенно безцеремонно; брали со стола сигары и папиросы и во всемъ поступали какъ у себя дома. Кто усаживался, укладывая удобно ноги на сосѣднее кре-

сло, кто попросту разваливался на кушеткѣ противъ пылающаго камина, кто расхаживалъ взадъ и впередъ, пуская кверху дымъ, который расходился мутными, сѣрыми клубами, потому что самое утро было мутно, сѣро и ненастно. Всѣ они по большей части были товарищами Слободскаго по службѣ; нѣкоторые, подобно ему, вышли въ отставку; другіе ходили въ мундирахъ. Хозяинъ дома, заслонивъ себя отъ каминнаго жара стеклянными ширмами, располагался въ волтеровскихъ креслахъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, съ чертами лица чрезвычайно правильными и красивыми, но уже замѣтно начинающими отцвѣтать. Военная служба не оставила на немъ ни малѣйшаго отпечатка; онъ такъ же изящно одѣвался и такъ же свободно двигался въ сѣрыхъ панталонахъ, сѣромъ жилетѣ и сѣрой жакеткѣ англійскаго покроя, какъ будто вѣкъ не носилъ другаго платья; въ пріемахъ его не было ничего жосткаго, натянутаго; во всей фигурѣ его, начиная съ маленькихъ красивыхъ ушей и кончая бѣлой нѣжной кистью руки, было что-то женственное, изнѣженное. Онъ казался усталымъ, хотя всего часъ назадъ вышелъ изъ постели. Слободской не переставалъ говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ; въ голосѣ его и во взглядахъ проглядывало однакожь полнѣйшее равнодушіе, если не всегда къ предмету бесѣды, то всегда почти къ собесѣднику.

Слободской далеко не былъ мизантропомъ; равнодушіе его проистекало частію изъ жизненнаго опыта, частію изъ того также, что онъ никого не любилъ искренно изъ тѣхъ, съ кѣмъ постоянно жилъ и въ кругу которыхъ ежедневно вращался. Выраженіе: «*Mon ami, — il n'y à pas d'amis!!*», изобрѣтеніемъ котораго былъ онъ очень доволенъ, повторялось имъ каждый разъ, какъ только слышалъ онъ слово—«другъ». Слободской, тратившій большія деньги на обѣды, гдѣ за каждаго пріятеля приходилось иногда платить рублей тридцать и сорокъ, пожалѣлъ бы между тѣмъ десяти цѣлковыхъ, чтобы спасти пріятеля, которому случилось бы обкушаться на его обѣдѣ.

Онъ раздѣлялъ своихъ знакомыхъ и пріятелей на три разряда. Къ первому принадлежали лица, которыя въ самомъ дѣлѣ были къ нему привязаны и любили его; до сихъ поръ онъ встрѣтилъ одного только такого; но и того убили на Кавказѣ. Ко второму разряду причислялись тѣ, которые ѣздили къ нему ради удобствъ, хорошихъ сигаръ, надежды выгодно промѣнять

лошадь, занять денегъ или ради того также, что надо же дѣться куда нибудь и вертѣть языкомъ, — благо, онъ существуетъ; третій родъ пріятелей состоялъ изъ лицъ, которыя положительно его ненавидѣли, но видѣлись съ нимъ, частью чтобы скрыть настоящія свои чувства, частью потому, что пошло, глупо, расходиться съ человѣкомъ, не имѣя, кромѣ затаенной ненависти, другой, болѣе основательной причины.

Изъ числа послѣднихъ не было къ счастію ни одного между посѣтителями настоящаго утра; всѣ они по большей части принадлежали ко второй категоріи. Несмотря на положительную глупость многихъ изъ нихъ, каждый, повидимому, въ отношеніяхъ своихъ къ Слободскому стоялъ въ настоящей точкѣ зрѣнія; никто не обманывался въ его чувствахъ; но никому, казалось, не было дѣла до этого, никто объ этомъ не заботился; каждый думалъ о себѣ самомъ, о своемъ удобствѣ, о хорошей сигарѣ, — и точно также чувствовалъ къ хозяину самое полное равнодушіе.

Все это нисколько не мѣшало вести самую короткую дружескую бесѣду.

XXXI.

— По моему, одно изъ самыхъ главныхъ, самыхъ натуральныхъ чувствъ человѣка, — это чувство благодарности! говорилъ Слободской, продолжая начатый разговоръ и преимущественно обращаясь къ смуглому господину среднихъ лѣтъ, лежавшему на кушеткѣ съ сигарою въ зубахъ: — человѣкъ, не имѣющій такого чувства, на мои глаза, существо недоконченное, что-то въ родѣ полу-человѣка!... И вотъ именно этого-то чувства, — не весело въ этомъ сознаться, но надо говорить правду, — именно этого-то чувства не вижу я въ нашемъ простомъ народѣ....

Господинъ, лежавшій на кушеткѣ, выразительно усмѣхнулся.

— Я говорю такъ рѣшительно потому, что основываю свои сужденія на собственномъ опытѣ, продолжалъ Слободской: — при покойномъ отцѣ, крестьянамъ моимъ было такъ плохо, какъ хуже быть не можетъ; отецъ почти безвыѣздно жилъ въ Парижѣ; въ имѣньяхъ распоряжались управляющіе, — грабили, разумѣется, и разоряли крестьянъ до невозможности; когда я вступилъ во владѣніе имѣньями, первымъ дѣломъ моимъ было иско-

ренить весь старый порядокъ и злоупотребленія; я смѣнилъ управляющихъ, уничтожилъ барщину и посадилъ мужиковъ на оброкъ, зная, что такое положеніе для нихъ несравненно легче барщины. Сотни, тысячи помѣщиковъ берутъ двадцать, двадцать-пять рублей и болѣе оброку; я назначилъ всего пятнадцать съ семейства,—съ тягла, какъ тамъ называютъ... Кажется, сдѣлано было все, что только можно сдѣлать! Какой же вышелъ результатъ? Крестьяне сдѣлались только неисправнѣе; съ перваго же года до настоящей минуты, я только и слышу, что о недоимкахъ и недочетахъ, чего прежде, при отцѣ, никогда не бывало!... Далеко идти не зачѣмъ; я теперь болѣе мѣсяца безъ денегъ.... Пишу, пишу, — недѣли проходятъ прежде чѣмъ пришлютъ изъ той или другой конторы какихъ нибудь четыре-пять тысячъ! Послѣ всего этого, поневолѣ прійдешь къ убѣжденію, что при снисходительномъ, гуманномъ, какъ говорятъ теперь, управленіи, народъ дѣлается только неисправнѣе и балуется; управлять имъ, какъ видно, можетъ только страхъ; горько сознаться, — но это такъ!...

— Что жь вы хотите, Слободской, чтобъ я сказалъ вамъ на это?... произнесъ небрежнымъ тономъ и по-французски господинъ, лежавшій на кушеткѣ:—мнѣ отвѣчать нечего; вы, по этому предмету, давно знаете мои убѣжденія!....

XXXII.

Убѣжденія этого господина заключались въ томъ, что онъ называлъ Россію непроходимою тундрой и отвергалъ въ русскомъ народѣ, котораго величалъ тунгусомъ, всякую способность къ развитію. Происходя изъ чисто-русской фамиліи Ивановыхъ (невозможно, кажется, подозрѣвать примѣсь чего нибудь иноземнаго), онъ ненавидѣлъ все русское, и нельзя было лучше польстить ему, какъ сказавъ, что онъ, по выговору, привычкамъ своимъ и наружности, представляетъ совершеннѣйшій типъ француза или англичанина. Не имѣя понятія о самыхъ главныхъ, основныхъ фактахъ отечественной исторіи, — фактахъ, извѣстныхъ каждому почти школьнику, не прочитавъ во всю жизнь ни одной русской книги, потому что, какъ самъ онъ говорилъ, вся русская литература не стоила маленькой комедіи Октава Фелье или пословицы Мюссе, оставаясь такъ же равно-

душевъ, какъ какой нибудь японецъ, къ самымъ живымъ событіямъ, совершающимся въ отечествѣ, — онъ въ то же время съ неимовѣрною жадностію поглощалъ иностранныя газеты, *revue* и брошюры.

Трудно найти человѣка, который былъ бы сильнѣе Ипатова, когда рѣчь заходила объ административномъ, политическомъ или финансовомъ вопросѣ въ Европѣ. Онъ зналъ имена всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей континента и Британіи и могъ сообщать мельчайшія подробности изъ ихъ біографіи. Пренія верхней и нижней палаты, виды англійской политики, подробности касательно борьбы виговъ и торри, направленіе наполеоновской политики, отношенія французскаго государства къ восточному и итальянткому вопросу, политическое состояніе Австріи и Германіи, — все это занимало Ипатова и дѣйствительно знакомо было ему въ той самой степени, какъ мало знакома была Россія и вообще все отечественное.

Всего замѣчательнѣе, что Ипатовъ никогда не бывалъ за границей; всю свою жизнь провелъ онъ въ Петербургѣ, изрѣдка посѣщая Москву, чтобы повидаться съ теткой, надъ которой громко всегда смѣялся, называя ее княгиней Халдиной.

Онъ проводилъ время, читая или рыская по гостинымъ, гдѣ, на изящнѣйшемъ французскомъ нарѣчіи, разсказывалъ о ходѣ современныхъ европейскихъ дѣлъ, и каждый разъ, какъ представлялся случай, проливалъ потоки желчи, костя на чемъ свѣтъ стоитъ Россію.

Предположеніе, будто основаніемъ желчи служило оскорбленное самолюбіе, совершенно несправедливо; съ самой юности до настоящаго времени, не произошло съ Ипатовымъ рѣшительно ничего такого, что, хотя бы кончикомъ волоска, могло задѣть его самолюбіе. Другіе слагали причину его желчи и раздражительности на бѣдность, которую скрывалъ Ипатовъ тщательнѣе своихъ пороковъ, но и это неосновательно; Россія виновата была въ этомъ, конечно, никакъ не болѣе Англіи, Франціи, Германіи, и т. д.

Въ послѣднее время Ипатовъ сдѣлался еще замѣтно терпимѣе; прежде онъ былъ рѣшительно невыносимъ. Манія его къ чужеземному доходила до того, что онъ никогда ни съ кѣмъ не хотѣлъ слова сказать по-русски; такъ, напримѣръ, во время обѣда, желая выпить стаканъ воды, онъ обращался всегда къ со-

обѣду и говорилъ по-французски: «Сдѣлайте милость, скажите лакею, чтобы налилъ онъ мнѣ воды!»

Я самъ лично былъ свидѣтелемъ такого факта; хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ!

XXXIII.

— Я давно слышалъ, продолжалъ Слободской, закуривая новую сигару и опрокидываясь на спинку креселъ: — будто вся эта дикость, недобросовѣстность, — словомъ, весь этотъ нравственный упадокъ народа происходитъ отъ крѣпостнаго состоянія; я не защищаю его, — нѣтъ; но все-таки желательно бы знать, подхватилъ онъ, пуская струю дыма: — почему, несмотря на крѣпостное состояніе, которое началось не на прошлой недѣли, въ прежнее время все шло какъ-то исправнѣе; самый народъ былъ лучше и нравственнѣе?...

— Полно, пожалуйста, Слободской! съ жаромъ заговорилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, до сихъ поръ ходившій молча по кабинету. — Удивляюсь только, какъ можешь ты это говорить! Что теперь худо, — никто въ этомъ не сомнѣвается; но что прежде было еще хуже, — это такъ же вѣрно, какъ то, что мы теперь въ Малой Морской; дѣло въ томъ, что прежде жили мы въ невѣдѣніи счастливомъ, какъ говорится, — о Россіи понятія не имѣли; все было отъ насъ шито да крыто; теперь начинаемъ мы мало по малу съ ней знакомиться....

Ипатовъ прислушивался къ рѣчи молодаго человѣка, какъ къ чему-то очень забавному и вмѣстѣ съ тѣмъ достойному сожалѣнія; онъ считалъ всегда, что знакомство съ Россіей достигнуто въ совершенствѣ, когда произнесешь слово — «тундра»; по его мнѣнію, это легче было, чѣмъ выкурить папиросу.

— Да, я утверждаю, подхватилъ тотъ же молодой человѣкъ съ прежнимъ оживленіемъ: — всему виновато крѣпостное состояніе; только оно одно могло постепенно привести въ такой упадокъ нравственность крестьянина....

— Экъ, досадно, право, слушать! сказалъ, нетерпѣливо вставая, плотный кавалерійскій ротмистръ съ рыжими бакенбардами, расходившимися вѣеромъ: — у меня даже кровь въ голову бросается, когда онъ начинаетъ проповѣдывать! Знаете ли вы, Ли-

говской, что русскій мужикъ во сто кратъ счастливѣе меня съ вами, — да съ!...

— Вотъ это прекрасно.

— Да, счастливѣе! подхватилъ ротмистръ, багровѣя. — Что ему дѣлается! Хлебаетъ себѣ щи, пичкаетъ съ утра до вечера пироги и сметану, да на печкѣ валяется.... А тутъ, подлѣ, жена.... какая нибудь толстая, бѣлая, румяная баба....

Всѣ засмѣялись, кромѣ Лиговскаго.

— Превосходно знаете вы, стало быть, положеніе нашего простолюдина, произнесъ онъ: — не только не ѣстъ онъ пироговъ, но часто нечѣмъ печь истопить, — ту печь, на которой, по слухамъ вашимъ, онъ весь день валяется!... Слава Богу, мы начинаемъ теперь иначе смотрѣть на вещи; я думаю, нѣтъ теперь человѣка, который не ждалъ бы ото всей души скораго уничтоженія крѣпостнаго права; я увѣренъ, что какъ только....

— Лиговской! Лиговской!... смѣясь, закричалъ хозяинъ дома, указывая на верхній косякъ двери: — Лиговской, посмотри.... Ты, кажется, знаешь правило!...

Къ верхнему косяку пришпиленъ былъ булавкой кусокъ бумаги съ крупною надписью: «Здѣсь не говорятъ объ эманципаціи!»

— Скажи-ка лучше, подхватилъ Слободской: — ты, который часто видишься съ Берестовымъ, — разъигралъ ли онъ свою комедію, разошелся ли наконецъ со своею танцоркой?

— Нѣтъ, каждый день ссорятся, расходятся, потомъ мирятся и снова сходятся, — совершенно какъ старый Исакіевскій мостъ, отвѣчалъ разсѣянно Лиговской: — мнѣ кажется, они вѣкъ проживутъ такимъ образомъ.

— Съ этими барынями всегда легче сойтись, чѣмъ разойтись.... сказалъ Слободской. — Сначала онѣ ни за что какъ будто не хотятъ начинать; потомъ, какъ начнутъ, ни за что не хотятъ кончить! Это всегдашняя исторія.... Скажи, пожалуйста, ну а графъ Пирхъ все еще влюбленъ?

— Развѣ онъ у тебя не бываетъ?

— Бываетъ, но только давно что-то блистаетъ своимъ отсутствіемъ...

— Влюбленъ по прежнему! Утромъ проѣзжаетъ своихъ лошадей мимо ея оконъ; въ шесть часовъ вечера провожаетъ ея карету до театра; послѣ театра торчитъ на театральномъ подъѣздѣ...

— Но какъ дѣло его? идетъ успѣшно?

— Кажется... не знаю только, чѣмъ кончится...

— Ничѣмъ не кончится! замѣтилъ ротмистръ: — Пирхъ въ конецъ промотался, — даромъ что нѣмецъ; говорятъ, онъ даже долговъ не платитъ...

— Ну, это еще не доказательство! Долги платятъ теперь одни только наслѣдники... и те въ первое время своего богатства... Увидите, господа, Пирхъ достигнетъ своей цѣли; тамъ гдѣ другой беретъ браслетами, Пирхъ возьметъ терпѣніемъ... И наконецъ, чтожъ мудренаго: оба они могутъ быть влюблены другъ въ друга...

— Какая тутъ любовь! перебилъ Лиговской, съ тѣмъ же самымъ жаромъ какъ говорилъ объ эманципаціи и состояніи народа:—какая любовь!—если есть что нибудь у нихъ,—такъ просто обмѣнъ двухъ капризовъ...

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Ипатовъ, приподымаясь съ кушетки:—какъ скоро рѣчь зашла о балетѣ и театрѣ, вы по обыкновенію никогда не кончаете;—прощайте, Слободской!..

— Прощайте! я тоже ухожу, вымолвилъ ротмистръ, пристегивая палашъ: — ты не забылъ Слободской, что обѣщалъ сегодня Острейху пріѣхать посмотрѣть его лошадей?..

— Нѣтъ; но стоитъ-ли? Хороши-ли лошади?

— Знатные есть кони! Я купилъ у него верховую.

— Доволенъ?

— Не совсѣмъ... Лошадь во всѣхъ статьяхъ красива, проговорилъ ротмистръ, насупивая брови:—но я погорячился; нахожу въ ней сухость какую-то въ аллюрѣ; своего, природнаго въ ней мало... Понимаешь, братецъ, — нѣтъ подъ сѣдломъ фантазіи; фантазіи нѣтъ! Такъ ты пріѣдешь?

— Да, въ три часа, какъ обѣщалъ, отвѣчалъ Слободской, поглядывая на булевскіе часы, украшавшіе каминъ.

XXXIV.

Выходя изъ кабинета, Ипатовъ и ротмистръ встрѣтили въ дверяхъ камердинера, который несъ на подносѣ нѣсколько конвертовъ, запечатанныхъ казенною печатью.

— Сейчасъ съ почты принесли, проговорилъ камердинеръ, подавая ихъ барину.

Слободской распечаталъ одну повѣстку за другою, бѣгло взглянулъ на цифру, потомъ придвинулся къ столу, черкнулъ на обратной сторонѣ довѣренность на имя камердинера и велѣлъ ему, не медля ни минуты, съѣздить сначала въ полицію для удостовѣренія подписи, потомъ въ почтамтъ для полученія денегъ.

Камердинеръ вышелъ.

Въ общей сложности, повѣстки объявляли о полученіи изъ разныхъ губерній суммы въ пять тысячь. Слободской ждалъ гораздо больше; въ другое время онъ жестоко-бы разсердился и тотчасъ-же написалъ бы громовое письмо въ главную свою контору. Но нынѣшнее утро застало его въ хорошемъ расположеніи духа. Это обстоятельство спасло главную контору, а слѣдовательно и все, что находилось въ ея зависимости, отъ передрягъ, суеты, безпокойствъ и даже притѣсненій всякаго рода.

Слезно прибѣгаемъ къ Провидѣнію, моля его продлить хорошее расположеніе духа Аркадія Андрѣевича Слободскаго!

— Слушай, Лиговской, сказалъ Слободской, поворачивая кресло къ молодому человѣку, который стоялъ спиною къ камину, расправивъ въ обѣ стороны фалды сюртука: — я ждалъ ухода Ипатова и милѣйшаго изъ ротмистровъ, чтобы пригласить тебя сегодня въ ложу.

— Спасибо; все таже ложа — литера Ц съ лѣвой стороны?

— Да. Такъ ты пріѣдешь?

— Непремѣнно; но скажи, пожалуйста, весело подхватилъ Лиговской: — какъ идутъ твои собственныя дѣла съ маленькой Никошиной?.. О другихъ ты разспрашиваешь, о себѣ никогда ничего не скажешь...

— Мои дѣла, смѣясь возразилъ Слободской: — мои дѣла пока еще въ будущемъ! Они ограничиваются, утромъ, — прогулкою по театральной улицѣ...

— Говорятъ — улица любви! съ комическимъ укоромъ подсказалъ Лиговской: — вступивъ въ кругъ театраловъ, ты долженъ говорить ихъ языкомъ и называть вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Вечеромъ, когда балетъ, продолжалъ Слободской: — сижу въ ложѣ, гдѣ у насъ происходитъ стрѣльба...

— Которая, прибавь, идетъ очень удовлетворительно; въ прошлый вторникъ, я сидѣлъ въ креслахъ; едва вошелъ ты въ ложу, — она не спускала съ тебя глазъ; стоя за кулисами, она также исправно на тебя пострѣливала... Прелесть, какая милень-

кая дѣвочка! Но я не объ этомъ... Мнѣ хотѣлось узнать, не приступишь-ли ты къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ?

— Нѣтъ еще; я до сихъ поръ не могъ даже хорошенько узнать, есть-ли у нея какая нибудь родственная обстановка...

— Да, это статья не послѣдняя!..

— Еще бы!

— Надо-бы попросить барыню Берестова разузнать объ этомъ... Но впрочемъ, вотъ и Димъ! спроси у него.—Здравствуй, Димъ!...

XXXV.

Восклицаніе это относилось къ молодому человѣку лѣтъ двадцати-трехъ, худенькому, тщедушному, но съ пріятнымъ лицомъ, исполненнымъ огня и одушевленія, не совсѣмъ обыкновенныхъ. Въ юношѣ этомъ было что-то особенное,—какая-то внутренняя притягательная сила, которая невольно влекла къ нему и располагала въ его пользу.

Онъ дѣйствительно любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его,—начиная съ лицъ высшаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, и кончая скромными кружками бѣдныхъ студентовъ и художниковъ. Лучшимъ доказательствомъ хорошей природы его служило то, что всеобщее баловство и своего рода популярность не имѣли на него никакого дѣйствія; онъ былъ скромнѣе, проще и добродушнѣе многихъ никому невѣдомыхъ юношей, съ которыми водилъ дружбу,—дружбу, которая, скажемъ мимоходомъ, сильно неправилась его отцу, матери и другимъ родственникамъ.

Предразсудки и обстоятельства его окружавшія служили съ раннихъ лѣтъ преградою всѣмъ его стремленіямъ, не дали развиться ни одному изъ его талантовъ, лишили его всякаго направленія; онъ ни на чемъ не остановился. А между тѣмъ, уже по одному тому, за что брался онъ иногда,—видно было, что могло бы выйти изъ него при другихъ условіяхъ. Никогда не учась рисовать, онъ набрасывалъ эскизы и композиціи, которые обличали богато-одаренное воображеніе и сильное артистическое чутье; не учась никогда музыкѣ, онъ бѣгло разыгрывалъ à livre ouvert какіе угодно пассажи, игралъ на память цѣлыя оперы; врожденное музыкальное дарованіе высказывалось въ его вкусѣ,

въ способности быстро понимать и сильно чувствовать истинно хорошее, — даже въ манерѣ пѣть романсы, которые передавалъ онъ часто лучше многихъ извѣстныхъ артистовъ. Артистическая природа еще сильнѣе выказывалась въ его разговорѣ, отличавшемся живописностію и пластикой; двумя-тремя мѣткими выраженіями умѣлъ онъ обрисовать живую фигуру или перенести слушателя въ тотъ кругъ, который хотѣлъ изобразить. Принимаясь за книгу случайно, урывками, онъ прочелъ очень много; и здѣсь точно также выборъ его—показывалъ вкусъ и вѣрное чутье. Словомъ, еслибъ раздѣлить дарованія этого юноши между пятью французами и пятью англичанами, — вышло бы навѣрное десять замѣчательныхъ людей. Изъ Дима ничего не вышло; вышелъ только милый, умный, занимательный малый, который съ шестнадцати лѣтъ рисовалъ каррикатуры въ альбомы барынь высшаго круга, пѣлъ романсы и цыганскія пѣсни въ обществѣ камелій, былъ необходимымъ членомъ всѣхъ холостыхъ обѣдовъ и попоекъ, являлся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, скачкахъ и празднествахъ, на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ съ актрисами, лоретками и цыганками,—гдѣ снова пѣлъ романсы, танцовалъ, произносилъ комическіе спичи и пилъ наравнѣ съ самыми застарѣлыми питуками веселыхъ сборищъ.

Папенька его, въ это время, неизбѣжно сидѣлъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ провелъ болѣе двадцати лѣтъ своего существованія; маменька, которой давно минуло за сорокъ, сидѣла въ театрѣ, или, разряженая въ пухъ и прахъ, въ manches courtes a décolletée, вертѣлась на какомъ нибудь балѣ, окруженная роемъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ одинъ особенно отличался всегда своимъ постоянствомъ.

Димъ, настоящее имя котораго было Дмитрій, а фамилія графъ Волынской, — вошелъ не одинъ къ Слободскому. Его сопровождалъ тоже молодой человѣкъ, но только плотный, коренастый, съ крутыми огромными икрами, выпученной грудью, коротенькой шеей и шарообразною головою обстриженной подъ гребенку. Господинъ этотъ, по фамиліи Свинцовъ, былъ фанатическимъ поклонникомъ Волынскаго; онъ точно влюбленъ былъ въ него до идіотства; онъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, стремительно летѣлъ туда, гдѣ могъ быть Волынской,—словомъ, не могъ безъ него обходиться; каждое слово Волынскаго, каждая его выходка, каждая плохая острота имѣли свойство приводить Свинцова въ восторгъ и восхищенье неописанные.

— Здравствуй, Димъ! ты какъ нельзя кстати, сказалъ Слободской, здороваясь съ Волынскимъ и пожимая руку Свинцову, котораго называлъ онъ всегда субъектомъ, вполнѣ достойнымъ своей фамиліи: — мы говорили здѣсь съ Лиговскимъ о Фанни Никошиной...

— За которой онъ звѣрски ухаживаетъ, хотя и скрываетъ это! подсказалъ Лиговской.

— Положимъ!... перебилъ Слободской. — Я до сихъ поръ не знаю, есть ли у ней родня какая нибудь, папенька, маменька, бабушки, тетушки и т. д., проговорилъ онъ съ комической интонаціей.

— Если ты точно влюбленъ — не испытывай, пожалуйста, моей деликатности, сказалъ Димъ, улыбаясь: — спроси лучше, хорошенькія ли у ней ножки; мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ тебѣ отвѣтить....

— О ея ножкахъ, я и безъ тебя знаю!... Изъ того, что ты говоришь, я долженъ слѣдовательно заключить, что Фанни обременена многочисленнымъ, и вдобавокъ, что всего прискорбнѣе, добродѣтельнымъ семействомъ....

Вмѣсто отвѣта, Волынской подошелъ къ роялю, сѣлъ на табуретъ и взялъ нѣсколько аккордовъ.

Свинцовъ засуетился, поспѣшно поставилъ каску, и подошелъ къ роялю.

— Я лучше спою вамъ вещь, которую оба вы, и ты, и Лиговской, вѣрно не слыхали....

— О, это превосходно!... Восхитительно!... Какъ онъ поетъ это, господа!... Послушайте, это просто — просто восхитительно!! произнесъ Свинцовъ, сіяя весь съ головы до ногъ безсмысленнымъ восторгомъ.

— Свинцовъ, я уже сказалъ тебѣ разъ навсегда: — меньше восторга и больше скромности въ отношеніи ко мнѣ, сказалъ Волынской, откашливаясь.

— Что это такое? спросили Лиговской и хозяинъ дома.

— «*La Chanson du pain*» Пьера Дюпона:

«Quand dans l'air et sur la riviére
Des moulins se tait le tic-tac; — »

— Слушайте!

Но не успѣлъ онъ спѣть первой фразы, какъ въ кабинетѣ неожиданно явилось новое лицо.

XXXVI.

На этотъ разъ предсталъ господинъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, высокій, плотный, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, по военному. Лицо его обрюзглое и морщинистое, какъ печеное яблоко, украшалось сверху коротко обстриженными волосами, посерединѣ, круто завинченными усами; и то и другое было такъ дурно выкрашено черною краской, что всюду просвѣчивала сѣдина и рыжеватый корень; золотыя очки и коричневыя перчатки, которыя такъ были широки, что сами собою сползали съ пальцевъ, дополняли его наружный видъ.

— А, князь! закричали присутствующіе въ одинъ голосъ.

— *Bonjour!* отвѣчалъ съ какимъ-то недовольнымъ, нахмуреннымъ выраженіемъ князь, поочередно пожимая всѣмъ руки.

— Что съ вами? Вы сегодня, кажется, не въ духѣ?... спросилъ Слободской.

— Нѣтъ... ничего... возразилъ князь, насупивая брови.

— Полно врать, пожалуйста! крикнулъ Волынской, который со всѣми рѣшительно, даже съ дряхлыми стариками, былъ на ты: — всѣ знаютъ, что такое!...

— Если знаете, стало быть, спрашивать нечего! сухо возразилъ князь, принимаясь ходить изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Самъ разсуди, братецъ, началъ Волынской, умышленно-серьёзнымъ тономъ: — какъ же ты хочешь, чтобы Фисочка Вишнякова, которой, скажемъ мимоходомъ, протежируешь ты чортъ-знаетъ изъ чего, нашла себѣ обожателя?! Не самъ ли ты увѣрялъ ее, что у нея есть талантъ, бѣгалъ къ театральному начальству и хлопоталъ, чтобы перевели ее изъ балета въ Александрійскій театръ; кто ее тамъ увидитъ? Останься она въ балетѣ — другое дѣло!... И наконецъ, талантъ ея, совсѣмъ не изъ тѣхъ, который можетъ обратить на нея вниманіе...

— Совсѣмъ не о талантѣ рѣчь! съ жаромъ заговорилъ князь: — я говорю только, — вотъ дѣвушка съ самыми блистательными условіями, молоденькая, хорошенькая, ангельски-кроткаго характера, не имѣющая никакого родства, кромѣ старой бабушки, которая безвыѣздно живетъ въ Кронштатѣ, и при всемъ томъ, дѣвушка эта никого не находитъ, кто бы обратилъ на нее вниманіе! Да знаете ли вы: *Elle n'a pas de chemises!*

понижая голосъ и съ сильнымъ драматическимъ оттѣнкомъ добавилъ князь, не замѣчавшій, что присутствующіе переглядывались и посмѣивались.

— Ну, такъ купи ей дюжину рубашекъ — и дѣлу конецъ! сказалъ Волынской.

— Не могу же я одѣвать всю дирекцію! возразилъ князь патетически: — да, господа, это просто срамъ! подхватилъ онъ съ возраставшимъ негодованіемъ. — Въ прежнее время этого бы не случилось! Нынѣшняя молодежь — просто дрянь!... Да!... Это какія-то вялыя сосульки, и больше ничего! Я не могу говорить объ этомъ равнодушно... Это... это просто чортъ-знаетъ что такое!...

Всего замѣчательнѣе было то, что князь въ негодованіи своемъ былъ какъ нельзя болѣе искрененъ. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ театральномъ обществѣ, въ пользу котораго отказался отъ своего собственнаго, онъ такъ съ нимъ сблизился и сроднился, такъ усвоилъ себѣ закулисную точку зрѣнія, что не шутя принималъ къ сердцу судьбу каждой неустроенной молоденькой танцовщицы или актрисы; онъ бился и хлопоталъ изо всей мочи, чтобы какъ нибудь уладить дѣло. Для этого онъ давалъ у себя обѣды, устроивалъ танцовальные вечера, куда приглашалась молодежь и театральныя дамы, сочинялъ пикники, составлялъ въ лѣтнее время разныя увеселительныя прогулки, катанья въ лодкахъ, и проч. и проч. Князь крестилъ почти во всѣхъ устроенныхъ имъ семействахъ. Когда съ его точки зрѣнія, — которая, какъ мы уже сказали, была закулисная точка зрѣнія, — удавалось ему устроить судьбу какой нибудь Ашеньки, Пашеньки или Глашеньки, онъ на нѣсколько дней совершенно перерождался; онъ расправлялъ брови, не переставалъ мурлыкать подъ носъ какія-то пѣсенки и крѣпко потиралъ ладонями отъ восхищенья; весело постукивая тростью по плитамъ невскаго тротуара, князь подходилъ тогда къ каждому знакомому и, радостно потирая руками, произносилъ: — «*L'affaire est arrangée! Nous avons bâclé l'affaire!*..»

XXXVII.

— Знаешь, князь, сказалъ Волынской, перебирая клави-

ши: — не шутя тебѣ совѣтую — напусти-ка ты стараго Галича на свою *protegeé*....

— Ну его, стараго шута!

— Представьте, господа, этотъ старикашка, Галичъ, не шутя, кажется, рехнулся! сказалъ Волынской. — Вчера сидѣлъ я съ нимъ въ ложѣ князя; на сцену выходитъ Цвѣткова; клянусь вамъ, она ни разу на насъ не взглянула; напротивъ, умышленно даже отворачивалась; князь, который на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за Галича, потому что первый втравилъ его въ театръ и волокитство, — князь говоритъ ему: — «ты ничего не замѣчаешь, она съ тебя глазъ не сводитъ!» Смотрю, Галичъ закрылъ вдругъ глаза, припалъ головою къ перегородкѣ ложи и, пожимая намъ нѣжно руки, проговорилъ глухимъ, потухающимъ голосомъ: — «*merci, merci!...*»

Всѣ засмѣялись. Самъ князь улыбнулся, и съ этой минуты повеселѣлъ какъ словно.

— Но лучше всего, это исторія съ поэмой....

— Какой поэмой? спросилъ Лиговской.

— Какъ! развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Галичъ, котораго опять-таки подбилъ князь, — сунулся на подъѣздъ актеровъ послѣ спектакля и сказалъ Цвѣтковой какой-то комплиментъ.... Та что-то ему отвѣтила, — надо думать пріятное, потому что Галичъ въ тотъ же вечеръ полетѣлъ къ старухѣ сестрѣ своей и наотрѣзъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи жениться на Цвѣтковой! Бѣдная старуха, говорятъ, покатилась на диванъ, и часа два не могли привести ее въ чувство.... Дня четыре назадъ, сидимъ мы послѣ обѣда у князя, — является Галичъ. Въ жизнь не видалъ я болѣе уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкой фигуры....

Волынской подогнулъ колѣни, повѣсилъ голову на бокъ и такъ поразительно живо представилъ Галича, — что всѣ снова разразились смѣхомъ.

— Князь, которому Галичъ сообщилъ уже свою поэму въ честь Цвѣтковой, началъ его упрашивать прочесть намъ ее; я думалъ, старикъ начнетъ ломаться, — ничуть не бывало! Онъ беретъ восторженную, самодовольную позу и начинаетъ декламировать!... Больше всего, примолвилъ, смѣясь, Волынской: — больше всего понравились мнѣ слѣдующіе стихи:

«Я на Араратъ ее поставлю,
И весь міръ думать заставлю:
— Вотъ та, которую я люблю!!!.»

— Не правда ли это прелесть! я тотчасъ же и музыку сочинилъ.... Что-то торжественное во вкусѣ марша Черномора изъ Руслана и Людмилы.... заключилъ Волынской, подходя къ роялю въ сопровожденіи Свинцова.

— Пой, я пока одѣнусь; меня ждутъ въ три часа, сказалъ Слободской, направляясь къ уборной.

Онъ возвратился однакожь, увидѣвъ камердинера, входившаго съ толстыми пакетами, запечатанными пятью печатями.

Слободской сорвалъ обертки, положилъ деньги въ столъ и заперевъ его ключикомъ, который носилъ всегда въ карманѣ,— ушелъ въ уборную.

Въ продолженіе четверти часа долетали до него слухи звука фортепіано и пѣніе, прерываемое время отъ времени криками — «браво» и громкимъ хлопаньемъ.

— Господа, произнесъ Слободской, выходя въ кабинетъ совсѣмъ уже одѣтый: — я предлагаю вамъ сдѣлать мнѣ сегодня маленькое удовольствіе.... Сегодня, какъ вамъ извѣстно, — балетъ; пріѣзжайте всѣ ко мнѣ въ ложу; ложа обыкновенная—литера Ц съ лѣвой стороны.

— Господа, вмѣшался Лиговской: — отказать ему нѣтъ возможности! Знаете сами, какой день сегодня: сегодня Фанни Никошина,—нечего объяснять вамъ, какое значеніе имѣетъ она для хозяина дома сего, — Фанни танцуетъ сегодня свой первый па.... Это нѣкоторымъ образомъ ея дебютъ!...

— Еще бы! непремѣнно! Просить нечего! заговорили присутствующіе, съ участіемъ окружая Слободскаго, который смѣялся, какъ человѣкъ, которому ничего больше не оставалось дѣлать.

— Господа, да будетъ вамъ извѣстно, сказалъ окончательно развеселившійся князь: — я пріѣду въ ложу первымъ; безъ букета никто не впускается; *c'est de rigeur!*

— Спасибо, князь! вымолвилъ Слободской: — я прошу васъ объ этомъ, господа, не столько для своихъ цѣлей, сколько, не шутя, для того, что надо же поощрить молоденькій, начинающій талантъ.

— Знаемъ! знаемъ!!.. замѣтилъ Волынской.

Всѣ снова засмѣялись.

Слободской позвонилъ, открылъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько ассигнацій.

— Сходи сію же минуту къ Казанскому собору въ цвѣточную лавку, сказалъ онъ, подавая деньги вошедшему камердинеру: — спроси два лучшихъ букета изъ бѣлыхъ камелій, — не забудь: бѣлыхъ камелій! Скажи только хозяину: для господина Слободскаго, — онъ знаетъ! А что, коляска готова?

— Готова.

— Ну, господа, извините; надо ѣхать; далъ слово, заключилъ онъ, поглядывая на часы.

Всѣ взялись за шляпы и вышли изъ кабинета вмѣстѣ съ хозяиномъ дома.

XXXVIII.

Острейхъ жилъ въ Сергіевской. Слободской проскакалъ слѣдовательно по всему Невскому и Литейной въ тотъ часъ именно, когда на первой изъ этихъ улицъ, даже въ дурную погоду, бываетъ особенно людно. Коляска Слободскаго произвела свой всегдашній эффектъ.

Онъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на страшной парѣ вороныхъ, которыхъ охотники называли «чертями и дьяволами», а остальные смертные — «лошадьми непозволительнаго свойства», — и при этомъ всегда бранили полицію, дозволяющую скакать по городу во всѣ лопатки. Такія жалобы не совсѣмъ были справедливы; полиція нисколько не была виновата, что коляска Слободскаго опрокидывала извощичьи дрожки, разъ задѣла четырехъ подмастерьевъ со шкафомъ на головѣ, а разъ совсѣмъ сбила съ ногъ и чуть не задавила какую-то старушку, проходившую черезъ улицу. Полиція неоднократно отбирала лошадей у Слободскаго. Слободской ограничивался тѣмъ, что смѣнялъ кучера, покупалъ новую отличную пару, промѣнивалъ ее на свою прежнюю, и снова «черти и дьяволы» появлялись на Невскомъ.

Слободской вовсе не думалъ встрѣтить у Острейха многочисленную компанію. Когда онъ пріѣхалъ, общество находилось въ конюшнѣ; тамъ началась уже выводка и продажа.

На свою долю Слободской купилъ маленькаго англійскаго пони; онъ вовсе не былъ ему нуженъ, но такъ ужь пришлось, — съ языка сорвалось, какъ говорится. Пріобрѣтеніе пони внушило Слободскому мысль заказать легонькій кабріолетъ, въ которомъ, не обременяя маленькаго пони и сидя только съ грумомъ, можно было бы ѣздить въ лѣтнее время на острова и посѣщать мысъ Елагина острова. Съ такою мыслію, Слободской, привыкшій исполнять свои прихоти и фантазіи тотчасъ же, не откладывая минуты, отправился къ своему каретнику.

Оттуда проѣхалъ онъ въ Большую Милліонную къ сестрѣ, съ которой не видался болѣе восьми дней.

Сестра его была женою великолѣпнаго, блистательнаго господина, который задавалъ каждую зиму роскошные балы и праздники, куда съѣзжался весь городъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ постоянно безъ гроша денегъ, такъ что въ послѣдніе два года, несмотря на строжайшія предписанія докторовъ, не находилъ никакой возможности отправить жену и дѣтей въ Гапсаль для излеченія здоровья.

Отъ сестры Слободской проѣхалъ къ одной свѣтской дамѣ, которой говорилъ «вы» при мужѣ и «ты», когда супругъ находился въ отсутствіи. Онъ ѣхалъ къ ней единственно съ тою цѣлію, чтобы только показаться на глаза и этимъ способомъ избавить себя, хотя на время, отъ преслѣдованій и длинныхъ писемъ, исполненныхъ опасеній, упрековъ, и часто, — что было всего невыносимѣе, — писемъ, закапанныхъ слезами. Связь эта, продолжавшаяся всего десять мѣсяцевъ, но стоившая ему три года постоянныхъ и почти безнадежныхъ ухаживаній, — страхъ теперь ему прискучила и была въ тягость. Онъ бросился въ театральство и распускалъ слухъ о волокитствѣ за маленькой Фанни, въ той надеждѣ, что это, по всей вѣроятности, дойдетъ до дамы его сердца и ускоритъ между ними разрывъ.

Узнавъ отъ швейцара, что барина нѣтъ дома, но барыня принимаетъ, Слободской, который прежде послѣ такого извѣстія радостно взбѣгалъ по лѣстницѣ, — страшно теперь надулся. Онъ надулся еще болѣе, заставъ барыню совершенно одну. — «Хоть бы лакей какой нибудь торчалъ въ дверяхъ!..» досадливо подумалъ онъ, ожидая начала докучливыхъ объясненій. Онъ не ошибся; дѣйствительно, началась одна изъ тѣхъ сценъ, когда женщина, чувствуя себя оскорбленною, но все еще любящая, что мысль о разлукѣ тяжелѣе всего перенести, за-

бываетъ вдругъ всю мелочь самолюбія и явно, не скрываясь, отдается своему горю. Но странно: чѣмъ справедливѣе были ея упреки, чѣмъ обильнѣй лились ея слезы, тѣмъ болѣе и болѣе ожесточалось сердце Слободскаго, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ его груди чувство досады и даже злобы. Наконецъ онъ всталъ, произнесъ мелодраматическимъ тономъ: — «*Encore des larmes, Madame! Encore des reproches! C'est horrible, vraiment!...*» — и торопливо вышелъ.

Онъ заѣхалъ еще въ два дома, чтобы оставить карточку, и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе въ Малую Морскую. Ему оставалось ровно столько времени, чтобы успѣть переодѣться. Онъ ѣхалъ на полу-оффиціальный имянинный обѣдъ, который можно было бы назвать обѣдомъ проклятій, потому что тотъ, кто давалъ обѣдъ проклиналъ его еще за три дня, — и тѣ, которыхъ звали, также проклинали его въ свою очередь.

Тѣмъ не менѣе обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше; хозяинъ и хозяйка дома были очаровательно любезны, гости также, и всѣ весело встали изъ-за стола, помышляя объ одномъ только: какъ бы поскорѣе удрать, не обижая хозяина, который съ своей стороны думалъ: какъ бы только поскорѣе освободиться!

Слободской ускользнулъ первымъ. Онъ заѣхалъ опять домой и снова переодѣлся.

— Въ большой театръ! закричалъ онъ, влѣзая въ карету, которая опрометью понеслась, едва захлопнулись дверцы.

XXXIX.

Туманъ, который опустился на Петербургъ часамъ къ семи, былъ такъ густъ, что карета нѣсколько разъ должна была останавливаться, — частію, чтобы не налетѣть на другіе экипажи, катившіе по тому же направленію, — частію потому также, что лошади скользили и спотыкались на торцѣ, увлаженномъ сыростію. На Театральной площади было еще хуже. Сотни экипажей стремительно неслись на площадь и храбро врѣзывались въ туманную мглу, которая ходила волнами и постепенно сгущалась; ничего нельзя было различать. Слышались только со всѣхъ сторонъ гамъ и крики, неистовый грохотъ колесъ и быстрый лошадиный топотъ.

Большей возьни и сумятицы не могло быть, кажется, на днѣ Краснаго моря, когда волны его, расступившись стѣною, вдругъ сомкнулись и закрыли фараоново войско.

Все это выпутывалось какимъ-то чудомъ и подкатывало къ ярко-освѣщеннымъ подъѣздамъ. Изъ экипажей поминутно выходили воздушныя, какъ сильфиды, дамы, которыя быстро исчезали въ дверяхъ, распространяя въ воздухѣ тонкій благоухающій запахъ фіалки, *es-bouquet* и геліотропа. Въ корридорахъ было почти такъ же жарко, какъ было сыро и холодно на улицѣ. Тамъ уже съ трудомъ можно было двигаться. Львы и денди всѣхъ возможныхъ возрастовъ и слоевъ общества, офицеры всѣхъ возможныхъ полковъ, дамы, молоденькія и старыя, въ бальныхъ нарядахъ, ливрейные лакеи и капельдинеры, — все это двигалось взадъ и впередъ, взбиралось по лѣстницамъ и хлопало дверьми ложъ и партера.

Въ залѣ, наводненной свѣтомъ, было еще шумливѣе. Поминутно, то тутъ то тамъ, ряды ложъ унизывались хорошенькими женщинами, блиставшими своими нарядами, плечами и драгоцѣнными каменьями. Хорошо было, что съ перваго взгляда доставлялась возможность вѣрно судить о томъ, чѣмъ именно слѣдовало любоваться; выставлялось только то, что дѣйствительно заслуживало вниманія; здѣсь, при всемъ желаніи усмотрѣть что нибудь другое, — можно было видѣть одну только профиль, тутъ показывалась на всеобщее удивленье часть спины, отъ которой рябило въ глазахъ и сладко вздрагивало сердце; тамъ поражала чудная бѣлизна руки съ обнаженнымъ локтемъ, который привлекательно лоснился на красномъ бархатѣ перилъ. Иногда въ той или другой ложѣ усаживалась въ кресло ветхая фигура, представлявшая одну груду драгоцѣнныхъ камней, которые блескомъ своимъ привлекали на минуту всеобщее вниманіе.

Въ глубинѣ ложъ, не считая постоянныхъ лицъ, общество то-и-дѣло смѣнялось; множество мужчинъ, старыхъ и молодыхъ, со звѣздами и безъ звѣздъ, штатскихъ и военныхъ, желая до начала представленія воспользоваться свободнымъ временемъ, спѣшили отдать свои визиты и пробирались изъ яруса въ ярусъ. Въ качествѣ гостей, въ ложи являлись иногда мужья; повертѣвшись съ минуту, они спѣшили исчезнуть, чтобы скорѣе занять свое мѣсто въ креслахъ — и оставляли за спинкою женъ изящнѣйшихъ молодыхъ людей, которымъ жены давали

держать букетъ, бинокль, бросая на нихъ украдкою нѣжные выразительные взгляды.

Въ половинѣ осьмаго, зала театра окончательно наполнилась; въ партерѣ не было уже свободнаго мѣста. Начинали чувствоваться жаръ и духота; въ разныхъ концахъ раздавалось хлопанье и шумѣли ногами, требуя, чтобы скорѣе подняли занавѣсъ. Звуки инструментовъ, которыхъ настроивали въ оркестрѣ, говоръ въ ложахъ и креслахъ, шумъ шаговъ, хлопанье, — все это замѣтно угомонилось, какъ только въ оркестрѣ появился капельмейстеръ.

Въ тоже время, въ литерной ложѣ налѣво — выставились впередъ Слободской, князь, Лиговской и Волынской, за спиною котораго показалось сіяющее безсмысленной веселостію лицо Свинцова.

Наконецъ, грянулъ оркестръ, проиграли увертюру, и при внезапно-воцарившемся молчаніи подняли занавѣсъ. Въ залѣ сдѣлалось свѣжѣе, точно пахнуло свѣжестію изъ роскошнаго тропическаго лѣса, изображеннаго на декораціи.

Не смотря на величавыя тѣлодвиженія индѣйскаго набоба, котораго невольники принесли въ паланкинѣ, не смотря на изумительные прыжки вновь ангажированнаго бордосскаго танцора, — тишина въ залѣ не прерывалась до той минуты, пока изъ за кулисы не выбѣжала маленькая Фанни. Сигналъ аплодисментамъ, поданный изъ литерной ложи налѣво, былъ тотчасъ же подхваченъ въ креслахъ и другихъ частяхъ залы, гдѣ разсажены были агенты Слободскаго. Каждое движеніе Фанни сопровождалось криками «браво» и хлопаньемъ; наконецъ, когда послѣ не совсѣмъ удавшагося пируэта остановилась она и поклонилась публикѣ,—къ ногамъ ея упала цѣлая дюжина букетовъ, пущенныхъ изъ знакомой литерной ложи; въ числѣ букетовъ особенно бросались въ глаза два изъ бѣлыхъ камелій, стоившіе пятнадцать рублей, — кто знаетъ, — можетъ даже быть тѣ самые пятнадцать рублей, добытіе которыхъ произвело (если помнитъ читатель) — цѣлую драму въ семействѣ стараго Карпа изъ Антоновки....

Но не время ли намъ остановиться, и здѣсь — именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ — окончить нашу повѣсть?

Намъ конечно ничего бы не стоило описать, какъ Слободской и *его общество* отправились послѣ спектакля на театральный *подъѣздъ*, какъ веселились они на вечерѣ у *M-lle Emilie*,

какъ потомъ отправились всѣ вмѣстѣ ужинать къ Борелю и какъ наконецъ, часу уже въ третьемъ ночи, поѣхали всей гурьбой къ цыганамъ; — но веселое расположеніе автора вдругъ измѣнило ему; онъ извиняется передъ читателями, которые останутся недовольны такимъ рѣзкимъ окончаніемъ, и скорѣе ставитъ точку.

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

ЧТО ТАКОЕ ПРАВО?

НАША УЧЕНАЯ ПРОСТОТА И НѢМЕЦЪ БЛУНЧЛИ.

Съ тѣхъ поръ какъ правительство начало знакомить русскую публику съ общественными вопросами, а «Журналъ Министерства Юстиціи» началъ печатать отчеты объ успѣшности движенія дѣлъ въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ, анализировать собственные процессы и замѣчать рядомъ погрѣшности въ рѣшеніяхъ иностранныхъ судовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывать настоящія раціональныя воззрѣнія на отдѣльные вопросы права и судопроизводства, нашему обществу, литературѣ и наукѣ открылась возможность отвѣчать оффиціальному призыву, помогать общему дѣлу своимъ опытомъ и знаніемъ, что̀ значительно усилило журнальное производство статей юридическаго содержанія. Не говоря уже о статьяхъ выходившихъ въ общихъ журналахъ, передъ нами теперь три спеціальныхъ изданія, и одно еще съ прибавленіями, — вещь совершенно безпримѣрная въ нашей научной исторіи. Когда-то очень давно у насъ пыталось устроиться что-то въ родѣ постояннаго періодическаго юридическаго журнала. Но это была старая блѣдная попытка, за которою слѣдовало долгое нѣмое спокойствіе. Юридическая литература наша пополнялась, съ одной стороны диссертаціями о грядныхъ ордаліяхъ, съ другой г-мъ Лукинымъ и компаніей, практическіе труды котораго слишкомъ извѣстны. Правда, покойный ученый Неволинъ, на лекціяхъ своихъ, объяснялъ, что застой въ ученой разработкѣ права у насъ—вещь совершенно необходимая, и что главная причина тому—послѣдовавшее изданіе Свода Законовъ; что тоже

самое было во Франціи послѣ изданія Наполеонова кодекса, потому что юристамъ нужно бываетъ время, для того, чтобы усвоить себѣ новый юридическій капиталъ и перегнать его въ науку. Въ результатѣ такихъ умозаключеній почтенный ученый обѣщалъ, что и у насъ, безъ сомнѣнія, скоро разцвѣтетъ богатая теоретическая литература. Мы были въ числѣ его слушателей, и вѣрили ему наравнѣ съ другими. А пока Крыловъ, извѣстный Крыловъ, проповѣдывалъ въ Москвѣ свое извѣстное знаніе римской юриспруденціи,—въ Петербургѣ — читался съ каѳедры, годъ за годомъ, сокращенный переводъ краткаго Макельдея; да покойный Калмыковъ... миръ праху его, впрочемъ... Петръ Давыдычъ былъ вообще склоненъ къ трудамъ философскимъ, — такъ выразился г. Андреевскій въ посмертномъ панегирикѣ ветерану нашей юной науки. Мы было чуть-чуть не забыли упомянуть объ авторѣ единственной вообще, и единственной въ своемъ родѣ, книги по нашему гражданскому праву, которая пользовалась такимъ авторитетомъ въ свое время, что нѣкоторые предпочитали лучше ссылаться на нее въ своихъ ученыхъ трудахъ, чѣмъ касаться X тома Свода Законовъ. Но вотъ и довольно. Кавелинъ и Рѣдкинъ не были при каѳедрахъ во все это долгое время юридическаго спокойствія. Многимъ неудалось ихъ слышать ни разу, но ихъ имена повторялись всегда съ уваженіемъ. Кавелинъ печаталъ отъ времени до времени безподобныя рецензіи, но этого, казалось, недостаточно. Рѣдкинъ также попробовалъ издавать юридическія записки, но на второмъ томѣ поставилъ точку и замолкъ. Въ это время Неволинъ успѣлъ издать три тома капитальной мозаики по исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ и получить демидовскую премію за цѣлый томъ о Новгородскихъ пятинахъ. Со смертью Неволина, его смѣнилъ Мейеръ, но не надолго: скорая кончина унесла и его въ то самое время, когда нужда въ людяхъ становилась ощутительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Еще одно имя также преждевременно исчезло изъ числа нашихъ ученыхъ, Милютинъ тоже умеръ, ничего не успѣвъ сдѣлать.

Удивительно, что, при такихъ условіяхъ, предсказанія Неволина о развитіи у насъ юридической литературы не сбывались. Дѣло было не во времени — суды умѣли понять Сводъ, его умѣла бы понять и наука. Но можетъ-быть факультетъ былъ бѣденъ въ самомъ дѣлѣ людьми,—то, что было въ немъ лучшаго, стояло въ сторонѣ или уносилось смертью. Во главѣ его, правда, стоялъ человѣкъ, написавшій книгу о Новгородскихъ пятинахъ, сухой схоластикъ, компиляторъ Гегеля и Савиньи, очень почтенныхъ людей въ свое время, но съ которыми давно можно было покончить, безъ всякаго ущерба для русскаго развитія. Такой человѣкъ могъ внушить можетъ-быть преж-

же всего страсть къ диссертаціямъ въ области отдаленныхъ эпохъ,— до столкновенія съ вопросами, близкими жизни, онъ никогда не доводилъ самъ и не могъ довести другихъ. Факультетъ не могъ образовать можетъ-быть молодыхъ ученыхъ, знакомыхъ сколько нибудь съ отношеніями права къ дѣйствительности, не подготовлялъ людей, которые бы въ наукѣ могли отвѣтить тѣмъ вопросамъ, о которыхъ волей или неволей скоро пришлось разговориться обществу. Само общество не требовало пока ученой подготовки въ людяхъ. Судебное дѣло требовало навыка и смѣтки, канцелярскаго ce quelque chose, что дается смѣтливымъ людямъ отъ самой природы. Тѣмъ, которые дѣйствительно хотѣли учиться праву, записаться въ цехъ факультета, оставалось писать диссертаціи о символизмѣ права, о договорахъ грековъ съ руссами, о чернилахъ, которыми написана Русская Правда по новгородскому списку; тѣ, которые хотѣли дѣлаться практическими юристами, должны были менѣе всего учиться. Студентъ, вступившій на службу, бросалъ прочь свои записки и книги, въ увѣренности, что у него пропало нѣсколько лѣтъ даромъ на долбню вещей, которыя никогда ему не пригодятся въ жизни. И такъ все свершалось благополучно, въ тиши общаго молчанія. Посмотримъ теперь, къ чему пришла историческая рутина диссертацій и практическая рутина жизни. Историческая разработка разрѣшилась нѣсколькими хорошими, безспорно, разсужденіями — гг. Чичерина, Дмитріева и Никольскаго. Всѣ три пришли къ намъ изъ Москвы; но и здѣсь первая была написана подъ вліяніемъ человѣка, принадлежавшаго чужому факультету; она, кажется, была посвящена даже памяти Грановскаго. Вторая была обработана на манеръ первой и вышла нѣсколько лѣтъ позже; а Никольскій, очень хорошо говоря о старинѣ, все-таки только говорилъ о старинѣ и не болѣе. Всего этого конечно было слишкомъ мало, чтобы подготовить почву для ученаго разъясненія тѣхъ вопросовъ, которые становились на очереди, слишкомъ мало, чтобы заподозрить въ авторахъ надежныхъ ученыхъ для дѣльнаго анализа живыхъ отношеній. Всѣ трое писали на темы, довольно далекія отъ настоящаго; всѣ трое остались въ сторонѣ отъ живаго дѣла.

Нужно ли говорить о другихъ историческихъ трудахъ въ области права? Энгельманъ, правда, написалъ книгу о пріобрѣтеніи права собственности на земли по русскому праву, о которой можетъ-быть не лишне было бы сказать нѣсколько словъ, для того, чтобы разъяснить сколько нибудь настоящія соціальныя основы, на которыхъ совершилось это пріобрѣтеніе; но здѣсь не мѣсто; и такъ Богъ съ нимъ!

Рутина жизни, дѣла юристовъ-практиковъ, воспитанныхъ коми-

-мо всякаго ученаго вліянія, въ горнилѣ канцелярскаго опыта и привычки, привели положеніе къ общимъ толкамъ о взяткахъ, безпорядкахъ, проволочкахъ и злоупотребленіяхъ, о гласности, устности, прогрессѣ, прогрессѣ, прогрессѣ и реформахъ. Этотъ общій говоръ будто засталъ врасплохъ и факультетъ и самое общество. Въ архивѣ литературы мало можно было найти годнаго. Всѣ знали, что тамъ ровно ничего нѣтъ, ни фактическаго матеріала, ни мыслей. Но рвеніе къ словоизверженію было таково, какъ будто мы владѣли готовымъ богатымъ юридическимъ матеріаломъ, скопленнымъ и разработаннымъ въ тиши кабинетовъ и совѣстей. Все просило позволенія высказаться, жаждало опубликоваться, заявить себя и свою мудрость. Тысячи статей полетѣли въ редакціи, тысячи проэктовъ къ правительству. Правда, истые ученые факультета не повели ухомъ на такой призывъ; они продолжали болѣе или менѣе упорно читать свои лекціи съ прежней невозмутимостью, но именъ ихъ не узнала публика больше чѣмъ прежде, а прежде она ихъ вовсе не знала. Вмѣсто нихъ, выступили въ печати ихъ ученые питомцы, и на первыхъ порахъ разгорѣлся споръ объ *общинѣ*: ученость — не живая, связанная въ корнѣ съ потребностями жизни, вызванная біеніями, — но мертвая ученость должна была поневолѣ оживить сколько нибудь, хотя на первыхъ порахъ, свой языкъ и пріемы; но выйти изъ своей заколдованной рамки, заговорить прямо о дѣлѣ она не могла; какъ она до сихъ поръ никогда не говорила о русскомъ правѣ, объ отношеніяхъ русской жизни, а только объ исторической сторонѣ этого права; такъ и здѣсь она могла говорить только объ допотопной сторонѣ общины. Все это хорошо, все это могло бы выйти прекрасно даже. Но дѣло вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, вопросъ стоялъ вовсе не въ общинѣ,—онъ стоялъ гораздо шире. Къ нему самимъ правительствомъ привязанъ былъ другой вопросъ, вопросъ суда. Поэтому слѣдовало, кажется, его такъ и поставить ученымъ людямъ, и разъяснить хорошенько хотя съ исторической стороны вопросы эти. Во-вторыхъ, ясное пониманіе прошедшаго возможно только съ ясной точки зрѣнія на настоящія отношенія и требованія жизни, а не съ туманной высоты.

Наука для науки и пріемъ этой теоріи не могли здѣсь идти въ ходъ; здѣсь требовалась наука для дѣла, а такой науки не было въ архивахъ; родить ее вдругъ было трудно; лица, которыя выступали на рать, не понимали ничего въ настоящемъ, и потому могли завести споръ, очень интересный для ученой забавы, но который ни на грошъ не помогъ самому дѣлу. По окончаніи его, рутинеры остались по крайней мѣрѣ при своихъ убѣжденіяхъ, мертворожденные про-

грессисты при своихъ, — и тѣ и другіе попрежнему еще призывали исторію въ подтвержденіе своей юридической логики, тогда какъ въ сущности исторія вполнѣ говорила противъ обоихъ, и это вполнѣ могло было быть доказано и выяснено историческими учеными. Вмѣсто того, «Русская Бесѣда» съ своимъ патріотизмомъ доказывала святость и неприкосновенность общины, какъ какой-то славянской святыни, заповѣданной исторіей; — г. Чичеринъ утверждалъ, что святыня давно пропала съ лица земли, а настоящая община — твореніе администраціи. Что же вышло изъ этого спора? Для крестьянскаго дѣла изъ него не вышло ровно ничего, какъ должно было и ожидать. Итакъ, первыя попытки нашей юридической науки по крѣпостному дѣлу ограничились однимъ безплоднымъ споромъ по частному вопросу, который скоро замолкъ самъ собою, безъ всякаго прямаго вліянія на убѣжденія. А эти убѣжденія нуждались въ поддержкѣ. Само общество это чувствовало. Масса недоумѣвала и недоумѣваетъ еще до сихъ поръ, теряясь въ шаткости юридическихъ понятій. Въ то время, какъ понятія были вовсе лишены всякой логической опоры, и рутинеры, вовсе не понимая своихъ личныхъ интересовъ, отстаивали старыя монополіи, никто изъ юристовъ не попробовалъ даже разъяснить настоящаго историческаго смысла и характера этихъ монополій; и послѣ спора объ общинѣ г. Энгельманъ, стоя случайно, можно сказать, у самаго порога настоящаго вопроса, о правѣ собственности людей на земли въ Россіи, доискивался всѣми силами рѣшить, употреблялся ли дерноватый символъ въ миѳическую эпоху русскаго общежитія. Ничего болѣе интереснаго и настоятельнаго юристы не видѣли въ крѣпостномъ вопросѣ. Разъясненіе экономическихъ интересовъ землевладѣльцевъ переходило въ кругъ финансовой науки. Можно было ожидать, что съ этой стороны дѣло пойдетъ успѣшнѣе. Масса статей, написанныхъ съ цѣлью регулированія будущихъ хозяйственныхъ отношеній, дѣйствительно, значительно превысила съ самаго начала юридическую дѣятельность, но и здѣсь скоро стало ясно, чѣмъ кончится все дѣло. Масса финансистовъ примѣшала къ общей шаткости юридическихъ воззрѣній свою теорію *о конкуренціи* и запрудила ею всякій путь справедливымъ юридическимъ требованіямъ въ хозяйственныя отношенія. Додуматься до какого либо простаго соображенія, убѣдиться, что лучшія требованія правды заключаютъ въ себѣ лучшій отвѣтъ на всѣ личныя хозяйственныя выгоды и разрѣшаютъ ихъ удивительно просто, съ такой теоріей было невозможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ невозможенъ и справедливый и вѣрный исходъ воззрѣній на крѣпостной вопросъ съ экономической стороны. Труденъ былъ вообще приступъ науки къ крѣпостному

вопросу; еще грустнѣе было то, что литература не понимала этого, и кидала вверхъ шапки, хлопая въ ладоши, радуясь и не нарадуясь собственнымъ пустякамъ, какъ ребенокъ своимъ первымъ каракулямъ. Грустнѣе всего было то, что она въ самомъ дѣлѣ думала, что совершаетъ что-то серьёзное, и увѣряла въ томъ общество. Въ то время, какъ становилась ясна ея несостоятельность передъ общественными задачами и послѣднія подозрѣнія жизни отлетали отъ мертворожденныхъ надеждъ, она праздновала воскресенье въ своей карьерѣ. Общество, переодѣтое какъ-то разомъ въ новыя понятія, плясало, съ радостнымъ лицомъ по дорогѣ къ прогрессу, и впереди его такъ же радостно и самодовольно плясала литература, повторяя въ тысячный разъ все тотъ же припѣвъ, — «прогрессъ и гласность, гласность и прогрессъ». Ей было невдомекъ, что маскарадъ не могъ длиться вѣчно, что недѣля святокъ должна была когда нибудь придти къ концу; арлекинады оставлены, румяны стерты и костюмировка смѣнена житейскимъ платьемъ. Недовольны были защитники крѣпостной рутины и недовольны напрасно, потому что они принимали арлекинады за дѣло, паясничество, хотя ученое и докторальное, но все-таки паясничество, за правду.

Второй вопросъ — вопросъ судовъ былъ не болѣе счастливъ. Тутъ также не было въ запасѣ ни исторической разработки, ни знакомства съ теоріей. То, что было — касалось также допотопныхъ временъ; а подоспѣвшая диссертація г. Дмитріева, объясняя установленіе слѣдственной формы въ XVIII вѣкѣ, также разъяснила не много. Тайна образованія нашего процесса, въ послѣдней его формѣ, таится до сихъ поръ въ судебныхъ архивахъ, вмѣстѣ съ подлинными дѣлами. Но это еще не такая бѣда; пока — Богъ съ ней до времени! Къ счастью, по крайней мѣрѣ, здѣсь никому не пришло толковать слишкомъ явно объ органической связи формы суда съ прошедшимъ, о невозможности измѣнить разомъ судебный порядокъ. А можно было вѣдь и здѣсь отыскать какія нибудь Heiligkeiten, хоть судъ 12 человѣкъ, и поспорить ради вступленія. Но чаша прошла мимо на этотъ разъ. Вмѣсто того, пошли статьи, одна за другой, о французскомъ и англійскомъ процессѣ, объ адвокатахъ и присяжныхъ. Зрѣлость дошла до желанія гласности въ судахъ. Эти желанія выражались въ видѣ примѣровъ о томъ, какъ хорошо на западѣ; тамъ все цвѣли поля удовольствія, текли рѣки меду.

Въ суммѣ по всѣмъ двумъ вопросамъ недостало пустаго въ литературѣ — недостало реальности въ ихъ обсужденіи, почвы фактовъ и критики, которая бы отправлялась отъ фактовъ, несмотря на то, что и Риля печатали и у Моля брали кое-что.

Потерявъ значительный запасъ краснорѣчія на борьбу за свободу

конкуренціи, за французскихъ адвокатовъ и англійскихъ торіевъ, удрученная и безъ того тяжестію своего великаго дѣла и своей задачи, литература эта, въ довершеніе зла, должна была испытать внутри себя неблагодарный, предательскій ударъ безотраднаго скептицизма и ѣдкихъ насмѣшекъ — ее освистали. Все это свершилось, все это было такъ, къ несчастью; но что же дѣлать — случалось это и не съ такими ораторами! Что будетъ дальше, объ этомъ мы поговоримъ позже когда нибудь.

Такъ шло общественное дѣло въ литературѣ общихъ журналовъ. До настоящаго родника юридическаго міросозерцанія мы не достигали еще. Спеціальныя изданія, о которыхъ мы хотимъ говорить, довольно единообразны, несмотря на различіе своихъ заглавій; всѣ, по смыслу статей своихъ, слѣдуютъ одному строго-ученому направленію, какъ по языку и внѣшней формѣ, такъ и по той слѣпой вѣрѣ къ господствующимъ въ наукѣ принципамъ и положеніямъ, — словомъ, всѣ мало держатся реальнаго языка и реальнаго способа изслѣдованія права, и, не вдаваясь ни въ какія попытки критическаго анализа, трудолюбиво продолжаютъ размножать на русскомъ языкѣ многотомную схоластическую эрудицію европейскаго законовѣдѣнія. Словомъ, всѣ они стараются держаться по возможности дальше отъ жизни и ея непосредственныхъ условій и требованій. Ихъ читать трудно и скучно; они трактуютъ о предметахъ, составляющихъ большею частью ученую роскошь, а не общую необходимость. Поэтому, разбирать подробно ихъ содержаніе мы вовсе не намѣрены здѣсь, пусть живутъ они наукой для науки; мы постараемся выбрать отсюда только то, что, по нашему мнѣнію, можетъ служить къ объясненію той общей точки, съ которой глядитъ эта наука и вмѣстѣ съ ней эти изданія, какъ на себя, такъ и на окружающія ихъ отношенія.

Само собою разумѣется, что искать въ этихъ изданіяхъ самостоятельной русской науки права мы не имѣемъ никакихъ основаній; что тѣ основныя руководящія статьи, въ которыхъ открывается высокая тайна научнаго взгляда на основные вопросы юридическаго міросозерцанія, — должны принадлежать по большей мѣрѣ германскому западу. Здѣсь оно дѣйствительно такъ и есть; все, что можетъ быть для насъ интересно — переведено съ нѣмецкаго. Мы и не сѣтовали бы на эти переводы, если бы они были приведены только для указанія того мнимаго совершенства, на степени котораго стоитъ германская мудрость въ области правъ. Но здѣсь онѣ приводятся вовсе не для того, — приводятся съ полной вѣрой и уваженіемъ, служа въ сущности все-таки только печальнымъ свидѣтельствомъ, что не только у насъ, но и въ самой золотой Германіи реальный взглядъ на

общественныя отношенія не успѣли выработаться въ сознательную теорію, не успѣли изгнать изъ ученой работы схоластическихъ сказокъ и что наука остается пока еще далеко отъ него, — лучше сказать, что и здѣсь нѣтъ этой науки пока.

Этимъ не говорится еще вовсе, чтобы жизнь запада лишена была реальныхъ стремленій, чтобы общественное броженіе ея было чуждо всякаго чутья и сознанія, тѣхъ понятій, которымъ предстоитъ смѣнить схоластическій застой; напротивъ того, жизнь, съ ея фактами, заявляетъ довольно ясно и рѣшительно свои требованія. Но схоластика вообще мало слышитъ объ этихъ требованіяхъ; она забилась въ свои формулы и въ нихъ глохнетъ ко всѣмъ урокамъ и понятіямъ, которыя растутъ подъ ударами ежедневныхъ событій у самой подошвы ученыхъ студій. Наука отстаетъ словомъ давно и упорно здѣсь отъ жизни, — поэтому и время остается здѣсь безъ своей науки, несмотря на свое число университетовъ, на невѣроятное количество ежегодно выпускаемыхъ томовъ научнаго содержанія. Для того, чтобы понять, какая китайская стѣна ихъ раздѣляетъ, стоитъ припомнить только главную опорную мысль, къ которой приводятся всѣ симптомы современныхъ стремленій — *благосостояніе* общественное, стоитъ вглядѣться въ простоту и положительность такого требованія, и потомъ взглянуть отсюда на все то, что дѣлаетъ и пишетъ юридическая мудрость. Исходитъ ли одно юридическое ученое сочиненіе изъ этого положенія, вяжутся ли теоретическіе труды юристовъ сколько нибудь съ этимъ требованіемъ, вносятъ ли они по крайней мѣрѣ критическій анализъ къ повѣркѣ въ этомъ смыслѣ положеній своего неоцѣненнаго jus romanum, своихъ столь же драгоцѣнныхъ учителей теологической, юридической, философской, исторической, физіологической и еще я не знаю какихъ школъ, начиная отъ Ѳомы Аквинейскаго и Марсилія до Игеринга и Блунчли и своего бесподобнаго Моля, der treffliche Mohl, какъ его прозвали сами нѣмцы? Нѣтъ, этого не дѣлаетъ ни самъ Моль, ни Игерингъ, ни Блунчли; они пишутъ энциклопедіи, юридическіе словари, философіи римскаго права; они не благоволятъ снизойти съ своего ученаго пьедестала, для того, чтобы поглядѣть себѣ немного подъ ноги. Все это будетъ, можетъ, современемъ. Но пока этого нѣтъ, нельзя ждать того же и отъ нашихъ юристовъ. Изъ нихъ г. Рѣдкинъ прямо объявилъ, что на Руси, дастъ-Богъ, разовьется современемъ самостоятельная разработка римскаго права, которая только еще и возведетъ эту старую науку въ самомъ дѣлѣ на степень науки (Ю. З. III. 384). Въ добрый часъ, г. профессоръ; мы только этого и ждемъ, — а пока можно, конечно, только перефразировать или переводить Блунчли, Игеринга, Моля и т. д. Они такъ стыдливы; они

не слышали даже о томъ, что на землѣ есть голодъ и есть преступленія, есть плохія отношенія, которыхъ не искоренитъ никакая энциклопедія, ни библіографія, ни наука о пандектахъ, превзойди она самого Игеринга; полно, слыхали ли они даже о томъ, что такое право? Неужели мало еще, потому что знаменитый мюнхенскій профессоръ Блунчли счелъ нужнымъ прочесть объ этомъ двѣ публичныхъ лекціи, а знаменитый русскій профессоръ Рѣдкинъ перевести ихъ на нашъ языкъ въ назиданіе нашему юношеству.

Постараемся и мы поучиться немного у Блунчли.

«Вопросъ: что такое право? напоминаетъ собой другой высшій и болѣе извѣстный вопросъ: что такое истина?» началъ прямо Блунчли. Далѣе послѣдовательность его мыслей такова. «Мы знаемъ, что человѣкъ никогда не въ состояніи дать на него отвѣтъ вполнѣ удовлетворительный; несмотря на то, во всякую эпоху, задача каждой отрасли знанія состоитъ въ разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса, такъ что всякій успѣхъ въ наукѣ есть вмѣстѣ и успѣхъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Но собственно задача правовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на предложенный выше вопросъ: что такое право?» Выводъ такой: задача науки состоитъ въ отысканіи того, чего она отыскать не можетъ; а задача правовѣдѣнія въ томъ, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ, котораго она никогда также дать не въ состояніи.

Съ первыхъ словъ такимъ образомъ чувствуется, что мы имѣемъ дѣло съ ученымъ первой силы.

Казалось бы, послѣ этого слѣдовало прямо покончить со всякой наукой, не только съ наукой права; а слушателямъ разойтись по домамъ и заняться чѣмъ либо, болѣе дѣльнымъ. Но истая мудрость дѣйствуетъ не такъ; поставляя своей задачей отысканіе философскаго камня, и зная напередъ, что найти его невозможно, она все-таки ищетъ его. Въ этомъ ея особенность отъ всякаго практическаго дѣла, которое всегда стремится къ чему нибудь, чего думаетъ достигнуть, которое прямо ищетъ опредѣленной цѣли и результатовъ. Наука, напротивъ, не имѣетъ цѣли, и знаетъ заранѣе, что она ни къ чему не придетъ,—такъ опредѣляетъ сама себя эта наука словами Блунчли. Мы прибавимъ отъ себя, что, ставя своимъ требованіемъ такой вопросъ—*что такое истина?* — она не только не придетъ ни къ чему, но даже не двинется съ мѣста,—и по очень простой причинѣ, потому что отвѣтить на этотъ вопросъ можно, не дѣлая шага. *Истина* есть голое отвлеченіе, ничѣмъ не наполненная форма мысли, въ которую можно вложить что нибудь реальное и положительное — и только тогда она получитъ смыслъ и значеніе; можно сказать, напримѣръ, люди хотятъ питаться, или жить, не страдая отъ

холода, и тогда это будетъ истина осязательная, это будетъ нѣчто уже прямое и опредѣленное. Поставленная въ такой формѣ, истина можетъ быть рано или поздно достигнута наукою. Съ другой стороны, можно вложить въ ту же форму, вмѣсто чего нибудь озязательнаго, какое хотите отвлеченіе другаго порядка—сказать, напримѣръ, истина есть право, и искать этого права безъ конца, никогда не доходя до него, потому что самое *право* есть столь же голая форма мысли, какъ и истина, въ которую должно быть вложено какое нибудь реальное содержаніе, чтобы самое выраженіе могло быть удержано въ головѣ, и составило предметъ мышленія и разработки. Какъ въ отвлеченіе, *истина*, можетъ быть вложена бездна положеній, одинаково вѣрныхъ, которыя не придадутъ самостоятельнаго смысла самому выраженію; такъ и въ понятіе права можетъ быть вложено нѣсколько положительныхъ истинъ, и все-таки самое выраженіе *право*, взятое независимо отъ этихъ положеній, останется неопредѣленнымъ отвлеченіемъ. Словомъ, оба выраженія не имѣютъ сами по себѣ никакой осязательности, и потому для нихъ не можетъ быть отыскано общаго неизмѣннаго реальнаго содержанія; а можетъ быть отыскано очень много такихъ содержаній, которыя сами по себѣ будутъ вязаться съ качествами истины и справедливости, но затѣмъ не будутъ имѣть между собою ничего общаго. Иными словами, они — логическія качества чего нибудь другаго реальнаго, наука и неможетъ смотрѣть на нихъ иначе, какъ на такія качества или принадлежности чего-то другаго живаго и осязательнаго. Говоря, напримѣръ, наука о человѣкѣ, — мы выражаемъ этимъ науку о всѣхъ качествахъ человѣческаго организма. Говоря наука общества или законодательства, мы говоримъ о наукѣ, — о всѣхъ качествахъ или свойствахъ закона, въ числѣ которыхъ принадлежитъ мѣсто и праву. Мы можемъ сказать: наука о человѣкѣ или законодательствѣ, и легко опредѣлить задачу и весь объемъ этихъ наукъ, потому что предметъ ихъ человѣкъ, или законъ—суть живыя опредѣленныя явленія; *право* же есть не болѣе какъ мертвое отвлеченіе одного свойства закона или общественныхъ отношеній, за которымъ остается въ законѣ еще много другихъ свойствъ, кромѣ свойства справедливости. Языкъ рутины различаетъ очень часто это, говоря, что законъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ полезенъ, нравственъ, исполнимъ и т. д. Но схоластическая наука до сихъ поръ не различаетъ этого. Еслибъ она клала въ свое основаніе что нибудь положительное, живое, и въ своей разработкѣ строго держалась эмпирическаго анализа, она давно невольно пришла бы къ пониманію настоящаго мѣста и значенія такихъ понятій, какъ *право*, нравственность, истина и т. д.—какъ принадлежностей, которыя не могутъ ни

быть самостоятельно изучаемы, ни мыслимы, и которыя имѣютъ настоящее значеніе только въ связи съ чѣмъ нибудь положительнымъ, что и должно быть поставлено въ основаніе всего научнаго зданія. Принявъ, напримѣръ, за свое начало общественныя отношенія, или законъ, она разсматривала бы поневолѣ этотъ законъ со всѣхъ его сторонъ, экономической, нравственной и, наконецъ, со стороны его справедливости. Но она дѣйствуетъ совершенно наоборотъ; она отвлекаетъ какое либо качество изъ массы явленій и силится синтетическимъ путемъ построить изъ него самостоятельное цѣлое, развить его въ живое явленіе, въ организмъ. Она обыкновенно дѣлаетъ изъ него прежде всего нравственное правило, потомъ ищетъ разнообразнаго проявленія этого качества въ отдѣльныхъ живыхъ явленіяхъ. Послѣднія теряютъ первое мѣсто въ дѣлѣ научнаго мышленія и призываются для того только, чтобы послужить логическому развитію формальнаго отвлеченія въ поддѣльное, формальное недѣлимое. Такъ строилъ человѣкъ постоянно всѣ мифы: онъ говорилъ мудрость, напримѣръ, потомъ приказывалъ самъ себѣ будь мудръ, и наконецъ превращалъ мудрость въ Минерву.

То же дѣлала до сихъ поръ юридическая схоластика со своимъ понятіемъ права. Она брала это голое формальное качество и черезъ ряды школъ и системъ силилась придать ему свойства живаго недѣлимаго то спекулятивнымъ, то историческимъ, то наконецъ физіологическимъ путемъ. Послѣдняя школа, къ которой принадлежатъ и Блунчли и Игерингъ, довела это понятіе до состоянія организма. У права выросли и руки, и ноги, и голова, и свой языкъ, вѣроятно по этому до крайности сухой и темный. Дальше идти нельзя по этой дорогѣ. Схоластика, вмѣстѣ съ Блунчли, хочетъ, кажется, идти дальше; факты и жизнь практическая говорятъ наоборотъ, что ни изъ одного голаго, одностороннего качества нельзя создать ничего живаго, что формальное отвлеченіе *права*, произведенное въ формальный организмъ, есть мертворожденное чудовище мысли, созданное ученымъ бредомъ. Факты и жизнь говорятъ, что отвлеченное понятіе права не имѣетъ и не можетъ имѣть само по себѣ содержанія; Блунчли ищетъ этого содержанія. Попробуемъ послѣдовать за нимъ; онъ обращается сперва къ трудамъ мыслителей, потомъ къ исторіи. Вотъ что даетъ ему то и другое.

«Первые учители права прямо твердили о внутренней необходимости, которая будто бы влечетъ человѣка къ развитію права. Слѣдовательно всѣ они выводили право изъ внутренней потребности человѣка; но смотря по различію своей личности, они указали на различныя потребности, какъ на источникъ права. Такъ либеральный голландецъ Гуго Гроцій выводитъ право изъ общительной природы

человѣка, а защитникъ абсолютизма англичанинъ Гоббесъ, напротивъ,—изъ необщительной его природы. Нидерландскій еврей Спиноза глубже заглянулъ въ этотъ предметъ, стараясь найти первоначальный источникъ всякаго права во всеобщей природѣ, и пришелъ къ заключенію, что право есть естественная сила. По его мнѣнію, всякое существо имѣетъ на столько права, на сколько у него есть силы; во второстепенномъ же знаніи, право есть то, что объявила правомъ верховная человѣческая властъ, въ которой заключается и величайшая сила. Нѣмцы Вольфъ и Томазій шли менѣе опаснымъ путемъ; они смотрѣли болѣе на цѣль, чѣмъ на основаніе. Томазій объяснилъ право стремленіемъ человѣка къ блаженству, а Вольфъ выводилъ его изъ предназначенія человѣка къ совершенствованію, и видѣлъ въ немъ средство вѣрнѣе достигнуть этой цѣли».

«Почти за сто лѣтъ назадъ, во взглядѣ на философію права произошелъ поворотъ въ противоположную сторону. Согласно потребностямъ новаго времени, которое искало для себя новой жизни, душею права провозглашена уже не необходимость, а свобода. Женевецъ Руссо и нѣмецъ Кантъ были представителями этого новаго взгляда, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ. Первый подѣйствовалъ глубоко и сильно даже на самыя массы во Франціи: онъ явился самымъ знаменитымъ проповѣдникомъ революціи; однако же и Кантъ долгое время царилъ въ германской наукѣ и въ чиновничьемъ мірѣ. Оба разложили въ мышленіи государство на его атомы, индивиды; оба разсматривали эти индивиды, какъ первоначально равные между собою и свободные, и оба выводили изъ согласованія (договора) этихъ, одаренныхъ силою воли, единицъ общую верховную волю, которая должна выражаться въ законѣ. Въ противоположность этой разнородной, единичной волѣ, Гегель выставилъ всеобщую разумную волю, которая должна стоять выше воли отдѣльныхъ лицъ, и которой индивиды должны подчиняться; но и Гегель видѣлъ въ правѣ выраженіе воли и законъ свободы». Затѣмъ слѣдовала историческая школа. Послѣдняя выступила особенно сильной реакціей противъ философовъ, въ лицѣ Гуго, Нибура, Савиньи, Эйхгорна и Я. Гримма; она признала, во-первыхъ, національность права, его связь съ національнымъ языкомъ и нравами, его органическое развитіе и его измѣняемость во времени. «Но борьба этихъ школъ», продолжаетъ Блунчли: «принадлежитъ уже пережитому времени, и въ современной наукѣ права возстановленъ уже внутренній миръ... Эта наука сблизилась съ потребностями дѣйствительной жизни (?). Дѣйствующимъ правомъ считаетъ она только право настоящаго времени. Историческое право уже не право, развѣ во столько, во сколько имѣетъ жизненной

силы и продолжаетъ дѣйствовать, или есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право настоящаго времени; также идеальное философское право не есть право, развѣ во столько, во сколько оно получило уже признаніе въ настоящее время. Дѣйствующее право имѣетъ основаніемъ прошедшее и идетъ къ будущему развитію: оно есть соединеніе прошедшаго и будущаго права».

Одного обзора такихъ мнѣній можетъ быть достаточно для убѣжденія, что люди, бравшіеся отвѣчать на вопросъ, не представляли ясно, на что они ищутъ отвѣта, что стремятся опредѣлить. Одна масса и разнообразіе отдѣльныхъ мнѣній, влагающихъ въ понятіе права совершенно разнородныя начала, указываетъ на крайнюю шаткость и пустоту этого понятія, — пустоту, въ которую могло быть вложено, что хотите, самое разнорѣчивое, безъ явнаго ущерба, но и безъ всякой пользы. Принимая право за такое отвлеченіе, можно понять, почему его одинаково справедливо можно было выводить изъ общительной и, наоборотъ, изъ необщительной природы человѣка, назвать его силой, объяснять стремленіемъ человѣка къ блаженству или развитію, провозглашать его душою свободу или рабство и необходимую высшую разумную волю. Все это одинаково могло быть отнесено и привито ко всякому другому логическому качеству: къ страху, ненависти, любви и т. д. Но они такъ же мало выиграли въ объясненіи отъ такого пріема; всѣ эти качества, а вмѣстѣ съ ними и право, имѣютъ свое общее зерно въ сердцѣ человѣка; они существуютъ какъ личное чувство, но въ такомъ видѣ они не подлежатъ наукѣ и разъ переводятся въ мышленіе, въ теоріи сотавляютъ самую отвлеченную форму мысли. Отъ этого никто не объяснилъ еще, что такое красота, любовь или смѣшное; отъ этого же мыслители не отвѣтили на вопросъ, что такое право, какъ сознается самъ Блунчли. Въ результатѣ пройденныхъ имъ мнѣній, онъ открываетъ въ понятіи права условія настоящаго, прошедшаго и будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что все это есть и въ понятіяхъ истины, красоты и любви, въ какомъ хотите отвлеченіи, и что вовсе не стоило думать и писать такъ много, чтобы открыть этотъ секретъ.

Недовольный мыслителями, Блунчли обращается къ исторіи и здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается надъ римскимъ правомъ за то, что оно первое отдѣлило право отъ нравственности и морали; итакъ, въ суммѣ отыскивается еще одна особенность для опредѣленія права: право не есть нравственность. Замѣтимъ это. Далѣе замѣчаетъ Блунчли, римляне первые отдѣлили право публичное отъ частнаго, и затѣмъ разсыпается нѣсколькими страницами о достоинствѣ и совершен-

ствѣ юридическаго такта римлянъ. Но всѣ эти тирады кончаются сознаніемъ, что римское право не могло воспрепятствовать внутреннему упадку римскихъ нравовъ. «Въ самомъ дѣлѣ», заключаетъ онъ: «римскому праву не достаетъ чего-то весьма существеннаго, для того, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ на долгое время. Внутри его таится, какъ злой червь, глубокій нравственный порокъ». Порокъ этотъ вотъ какого рода : римское законодательство находится часто въ противорѣчіи съ здравою нравственностію: оно допускаетъ неограниченную власть надъ сыномъ, неограниченное право распоряжаться имуществомъ на случай смерти, и неограниченное право надъ рабами. Итакъ, вотъ къ чему приводитъ отдѣленіе права отъ нравственности, по словамъ самого профессора. Отчего же онъ ставитъ это отдѣленіе въ такую заслугу римлянамъ? Восхищаться тѣмъ на одной страницѣ, что находишь корнемъ зла на другой, все это съумѣемъ мы у себя дома, не учась этому у почтенныхъ германцевъ; все это у насъ дома легко назовутъ противорѣчіемъ и шуткой, а нѣмцы, говорятъ, не шутятъ съ наукой. Что же однако, есть ли въ самомъ дѣлѣ какая нибудь заслуга въ томъ, что римская жизнь отдѣлила право отъ нравственности? Вѣрно, этотъ вопросъ придется еще пока оставить подъ сомнѣніемъ. На дѣлѣ вышло все-таки, что нравственность не совершенно не коснулась законодательства, — въ какой мѣрѣ и въ какихъ случаяхъ, вотъ въ чемъ вопросъ только. Можетъ-быть въ иныхъ случаяхъ слишкомъ мало. Мы смѣемъ думать, что во всякомъ случаѣ лучше, чтобы нравственность касалась законодательства; задача здѣсь въ томъ только, какова эта нравственность.

Но второе различіе, отдѣленіе публичнаго права отъ частнаго, подѣйствовало едва ли не сильнѣе разрушительнымъ образомъ на римскую жизнь, чѣмъ самое отдѣленіе права отъ нравственности. Намъ кажется, что это именно тотъ червь-разрушитель, котораго ищетъ Блунчли. Всякое законодательство есть вмѣстѣ публичное и частное; оно съ одной стороны всегда установляется для всѣхъ и исходитъ отъ публичной власти; съ другой, имѣетъ единственнымъ условіемъ благосостояніе массы частныхъ лицъ. Римская жизнь этого не сознавала; благосостояніе массы для нея въ особенности стояло на заднемъ планѣ; она требовала прежде всего силы и могущества римскаго государства, ей первой принадлежитъ созданіе государственнаго права. Въ жертву этому праву она приносила все; а потому перевязавъ на-крѣпко частное лице въ тѣхъ отношеніяхъ, которыми держалось могущество этого права, она думала вознаградить лицо въ отношеніяхъ семейныхъ и имущественныхъ, расширяя здѣсь его произволъ безъ границъ. Стѣсняя лицо наверху, она

внизу допускала рабство семейное, личное и рабство поземельной собственности; изгоняя нравственное начало изъ своего законодательнаго порядка, она въ основѣ его положила начало политическое. Что жь удивительнаго, что порядокъ римской жизни, лишенный нравственной опоры, страдая отъ гнета злоупотребленій и постоянныхъ неправдъ, пришелъ къ разврату и продажности, подточившимъ всю его міровую политику.

Итакъ, всѣ совершенства, открываемыя Блунчли въ римскомъ законодательствѣ оказываются гибельными ошибками; законодательству одинаково опасно, какъ отдѣляться отъ нравственности, такъ и вносить въ свое нутро раздвоеніе интересовъ политическаго и частнаго.

Переходимъ къ германцамъ.

«Идеалъ германцевъ другой», по словамъ Блунчли, «чѣмъ идеалъ римлянъ. Идеалъ Рима былъ владычество надъ міромъ, а право— средство для осуществленія этого идеала. Напротивъ, идеалъ германцевъ — не всемірное владычество надъ міромъ, но всемірный миръ.» Все что мы можемъ вывесть пока — это, что римскій идеалъ несравненно лучше, потому что онъ гораздо понятнѣе германскаго; для насъ, по крайней мѣрѣ, германскій идеалъ Блунгли рѣшительно не подъ силу. Впрочемъ, такъ какъ идеалы вообще, говорятъ, недостижимы, то мы и не гонимся особенно за этимъ.

Преимущества германцевъ состояли въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, хотя съ самаго начала германцы не дѣлали рѣзко тѣхъ различій между нравственностью и правомъ, и между публичнымъ правомъ и частнымъ, но съ самаго начала они были ближе римлянъ къ этому различію, а впослѣдствіи превзошли ихъ въ этомъ окончательно.

Во-вторыхъ, желая найти право, они обращались прежде всего не къ произволу, какъ римляне, а къ природѣ людей и вещей; поэтому германское право есть правильное устройство естественно-нравственныхъ отношеній. Вслѣдствіе этого, здѣсь возстановляется внутренняя связь права съ природою, народной жизнію и съ добрыми народными нравами.

Въ-третьихъ, у германцевъ было много чувства собственнаго достоинства, что имъ позволило снять съ государства римскій деспотизмъ.

Что касается перваго преимущества, то оно указываетъ намъ только, что германцы лучше римлянъ усвоили себѣ тѣ недостатки, отъ которыхъ страдало римское законодательство. Это не совсѣмъ такъ, тѣмъ не менѣе оно еще пока вѣрно въ значительной степени.

Относительно втораго смѣемъ замѣтить, что оно не совсѣмъ вѣрно. Не знаемъ, что будетъ въ будущемъ; но пока германское законодательство хранитъ на себѣ печать произвола и еще болѣе разлада съ нравственными требованіями. Самъ Блунчли соглашается съ этимъ, но думаетъ помочь дѣлу оправданіями. «Хотя отцу и предоставлена высшая власть надъ сыномъ», говоритъ онъ: «но не безграничная. Даже рабъ не кажется германцу безкровнымъ существомъ, потому что и онъ также имѣетъ родителей и родственниковъ. Конечно, онъ есть низко стоящее существо, отчуждаемое насильственно, подавленное существо, и находитъ ограниченную охрану правъ своихъ только въ личности господина; но съ относительною безправностію соединяется въ немъ и относительная правоспособность.» Прибавлять съ своей стороны къ такимъ оправданіямъ что либо мы считаемъ совершенно излишнимъ. Изъ нихъ и безъ того уже слишкомъ ясно, что связь законодательства съ природою и добрыми нравами болѣе чѣмъ возстановлена.

За третье, наконецъ, преимущество мы, конечно, благодарны Европѣ. Намъ остается жалѣть только, что личное достоинство германцевъ не позволило имъ снять совершенство со всякаго рода отношеній римской политики.

Итакъ, вотъ эти-то совершества, взятыя вмѣстѣ, составляютъ *всемірный міръ*. Учитесь, господа, метко и коротко опредѣлять ваши идеалы.

Что же было выведено до сихъ поръ Блунчли для опредѣленія понятія права? Соберемъ всѣ условія, имъ самимъ замѣченныя, при обзорѣ философіи и исторіи. Сколько намъ помнится вотъ что: право не есть ни прошедшее право, ни будущее, а настоящее право; право не есть нравственность; право можетъ быть публичнымъ и частнымъ.

Смѣшно думать, чтобъ изъ такихъ условій могло сложиться какое либо опредѣленіе; бумага не есть перо, ни чернильница; она ни тряпка, которой была, ни книга, которой будетъ,—вотъ какого рода научное опредѣленіе можно сдѣлать и для права изъ такихъ основаній. Несмотря на то, у Блунчли выходитъ совсѣмъ другое, и въ заключеніе онъ представлятъ результатъ своего изслѣдованія въ слѣдующемъ рядѣ предложеній:

1) Всякое право есть нравственный порядокъ живыхъ существъ.

. . . .

5) Истинное человѣческое право находится внутри самихъ людей, какъ ихъ нравственно-физическій порядокъ.

6) Формулированное человѣческое право есть выраженіе и установленіе этого права посредствомъ государства и правовѣдѣнія.

7) Олицетвореніе человѣческой общности, право государства, есть человѣческое правосудіе, охраняющее и осуществляющее одно только человѣческое право.

Разбирать эти положенія мы считаемъ совершенно излишнимъ какъ потому, что не видимъ хорошо, откуда они выведены, такъ и потому, что они слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Считаемъ нужнымъ замѣтить только, что, говоря право есть *нравственный порядокъ*, Блунчли разумѣлъ *юридическій порядокъ*, потому что иначе право бываетъ не всегда нравственнымъ порядкомъ; такъ было у римлянъ, напримѣръ.

Но простимъ Блунчли произвольность его положеній, и спросимъ, поняли ли вы изъ нихъ, читатель, что такое право? Есть люди, впрочемъ, которые все поймутъ, что только напечатано, а особенно въ ученой книгѣ; для нихъ собственно считаемъ не лишнимъ сдѣлать вопросъ: можно ли сдѣлать яснымъ, охарактеризовать сколько нибудь такими положеніями не только право, а самую осязательную общепонятную вещь. Что сказали бы, если бы, напримѣръ, кто нибудь взялся опредѣлить. что такое платье?—и выложилъ бы передъ вами такого рода выводъ:

1) Всякое платье есть приличный порядокъ живыхъ существъ.

2) Истинное человѣческое платье находится внутри самихъ людей, какъ ихъ общій прилично-физическій порядокъ и т. д.

Можно было въ такомъ духѣ обратиться даже къ исторіи, начать говорить о платьѣ древнихъ на востокѣ, потомъ на западѣ, потомъ перейти къ настоящему узкому нѣмецкому платью и найти въ немъ *всемірный міръ*, тотъ же самый, который открытъ въ германскомъ правѣ, и все-таки никто бы не принялъ всего этого за дѣло, хорошо если за шутку только, а не за злое шарлатанство.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ люди, которые допускаютъ въ науку такого рода пріемы и опредѣленія, говорятъ серьезно? Какъ легко еще прикрыть нелѣпости ученой формой и заслуживать общее уваженіе, тамъ гдѣ единодушная насмѣшка должна быть единственная вѣрная плата педантству. Мы говоримъ, что довольно фразъ и словоизверженія; что дѣло нужно намъ, результатовъ во что бы то ни стало. Къ какому дѣлу приведутъ насъ такія опредѣленія, и какого дѣла можемъ мы ждать отъ себя, если мы вѣримъ и просвѣщаемся у такихъ наставниковъ?

Мы остановились на статьѣ Блунчли, потому что писатель этотъ принадлежитъ къ тому физіологическому или органическому направленію въ юридической наукѣ, которая теперь на очереди въ Германіи. Но относительно говоря, Блунчли еще поступилъ довольно великодушно на этотъ разъ. Въ противность своему обыкновенію, онъ

не довелъ понятія права до степени настоящаго органическаго существа, какъ онъ это дѣлалъ въ прежнихъ своихъ трудахъ съ государствомъ, напримѣръ, отыскивая въ государствѣ и желудокъ, и селезенку и руки. Впрочемъ, онъ здѣсь искалъ только опредѣлить одно *понятіе права*, не касаясь самаго организма права,—и сдѣлалъ это опредѣленіе блистательно. Тотъ, кто желаетъ познакомиться подробнѣе, какъ органическая школа ростить изъ голыхъ отвлеченій цѣлые научные организмы, и между тѣмъ, какъ трудами ея самое понятіе права превращается въ недѣлимый организмъ, долженъ обратиться къ *Игерингу*. Въ 4-мъ томѣ «Юридическихъ Записокъ» г. Рѣдкина переведена, между прочимъ, его *юридическая техника*. Здѣсь легко познакомиться со всѣми совершенствами физіологическаго направленія, здѣсь есть все, отъ азбуки права и логическаго сосредоточенія до высшей юриспруденціи или натурально-исторической методы; въ послѣдней можно найти и юридическое тѣло, и конструкцію этихъ тѣлъ, и законъ юридической красоты, и даже законъ *прикрытія положительнаго матеріала*. На этотъ послѣдній законъ мы обращаемъ въ особенности вниманіе серьёзныхъ ученыхъ, по той особенной выгодѣ, которую можно извлечь изъ него для сочиненія юридическихъ книгъ. Раскрыть же подробно всѣ красоты юридической техники, мы предоставляемъ себѣ когда нибудь въ другой разъ. Наша цѣль была указать здѣсь только приблизительно на высокія совершенства того направленія, которое, господствуя въ ученой Германіи, навязывается по обыкновенію и къ намъ теперь; мы это указали взявъ въ примѣръ статью Блунчли; послѣ чего всѣ могутъ понять, какихъ зрѣлыхъ плодовъ мы можемъ ждать у себя дома отъ такого направленія.

Въ заключеніе мы считаемъ себя вправѣ представить, конечно также въ шутку, какъ сдѣлалъ и Блунчли, свой собственный выводъ, совершенно произвольный и ни на чемъ не опирающійся. По примѣру ученой Германіи, мы выразимъ его въ заномерованныхъ предложеніяхъ.

1) Всякая наука должна быть прежде всего реальна и вести къ положительнымъ отвѣтамъ на вопросы практической жизни; а все темное, всякая отвлеченная роскошь, начиная отъ цѣлаго парнаса и кончая кабалистическимъ языкомъ, должна быть выброшена на потѣху схоластикамъ. Для этого прежде всего она должна стать наукой для дѣла, а не наукой для науки.

2) Юридическая наука до сихъ поръ мало помогала вообще практической жизни; преобразованія самыя трудныя въ общественномъ мірѣ проходили мимо ея. Ни въ Англіи, ни Франціи, ни въ Германіи она не становилась на помощь задачамъ практической жизни. Вездѣ

она отставала отъ времени и глохла въ узкомъ формализмѣ. Она и не могла играть другой роли, потому что не ставила своимъ средоточіемъ какого либо положительнаго ряда жизненныхъ явленій, а ставила основаніемъ мертвое отвлеченное понятіе права. Постоянно говоря о законахъ, она никогда не доростала до пониманія закона. Отъ закона она отвлекала одно, мертвое само по себѣ, качество его— качество *права*, справедливости *или правды*, и строила изъ этого мертваго качества свой особый міръ, поневолѣ столь же односторонній, мертвый и несовпадавшій съ жизнію. Съ практической же стороны наука права поэтому никогда не выработывала ничего новаго въ жизни; она формулировала только въ законъ выработавшіяся уже понятія политическія, нравственныя и общественныя.

3) Юридическая наука должна исходить отъ какого нибудь живаго ряда явленій, отъ ряда общественныхъ отношеній или законовъ въ положительномъ смыслѣ, опредѣляющихъ эти отношенія. Въ законѣ же кромѣ юридическаго качества, есть много другихъ—нравственное, экономическое, политическое и т. д. Все это разнообразіе свойствъ общественныхъ явленій должно быть обнято наукою, если она хочетъ понимать жизнь и ей служить; она поэтому должна потерять исключительный характеръ юридической науки, выйти изъ этой тѣсной рамки и стать наукой общественной,—наукой законодательства, если она хочетъ.

4) Цѣль общественнаго порядка не есть какая либо далекая, темная, отвлеченная или высшая; эта цѣль можетъ быть только очень опредѣленною—*благосостояніе* націи, уравновѣшиваніе личныхъ интересовъ людей и примиреніе ихъ между собою.

5) Вся исторія есть взаимная борьба личностей. Общественныя отношенія и законы ихъ опредѣляющіе опредѣляютъ только границы и условія этой борьбы. Весь прогрессъ въ исторіи и законодательствѣ, весь прогрессъ нравственной жизни въ постоянномъ сокращеніи этой борьбы, и прямая цѣль ея — равновѣсіе личностей и уничтоженіе частной войны.

Таковы наши собственныя положенія, которыя мы считаемъ себя вправѣ выдать по крайней мѣрѣ за столь же серьёзныя, на сколько были ими взятыя на выдержку положенія истой науки. Нашу шутку мы считаемъ несравненно выше Блунчли уже потому, что она гораздо утѣшительнѣе. Изъ нея намъ не трудно догадаться, что многотомная схоластика Германіи и наша бѣдная юридическая ученость стоятъ одинакими младенцами передъ тѣми требованіями, которыя мы высказали; что бросивъ органическую школу, вымершія пандекты, вымершій языкъ и ничего не принесшую схоластику, — мы прямѣе можемъ обратиться къ разностороннему анализу нашихъ

собственныхъ отношеній, и что наконецъ, если намъ нельзя не сознаться въ томъ, что мы были до крайности просты, принимая игру въ отвлеченныя понятія за дѣло, а схоластическій педантизмъ за знаніе, то намъ предстоитъ удобный случай сознаться въ своей простотѣ и тѣмъ показать лишній разъ свою силу въ самоосужденіи, заявленную уже не разъ нами, какъ выразилось недавно одно очень громкое журнальное объявленіе, и удивлявшую будто бы постоянно всѣхъ иностранцевъ. Тогда мы, можетъ быть, будемъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи отвѣчать на тѣ задачи, къ которымъ зовутъ насъ наши собственныя нужды, замретъ порокъ словоизверженія и кѣмъ-то пущенное въ ходъ мнѣніе, будто бы русскій умъ — умъ практическій по преимуществу, получитъ какое нибудь оправданіе.

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Шесть лѣтъ прошло съ женитьбы Соковлина. Много измѣнилось въ эти шесть лѣтъ; изъ великаго и малаго міра сего многое сломалось или потерлось, многое народилось, выросло. Надъ лицами нашего разсказа они прошли довольно мягко и снисходительно, какъ обращается иногда большой баринъ съ своимъ почтительнымъ и мелкимъ крестьяниномъ, т. е. не прижалъ его особенно, не обидѣлъ, даже былъ, казалось, весьма благосклоненъ, но свое взялъ: крестьянинъ работалъ на него обычную работу. Одна только добрая Татьяна Григорьевна имѣла бы основательную причину пожаловаться на него, если бы могла; но — увы! — она лишена была и этого удовольствія; время, все какъ тотъ же баринъ, такъ хорошо умѣетъ иногда припрятывать концы, что на него и пожалобиться не успѣешь. Такъ года три назадъ, въ одно очень хорошее послѣ-обѣда, когда Татьяна Григорьевна, возставъ отъ сна, хотѣла, по обыкновенію, спросить себѣ варенья — языкъ, прекрасно ее слушавшійся съ четырехъ-лѣтняго возраста, вдругъ ей измѣнилъ: она что-то промычала, помычала еще денька два — и умерла, помотавъ по воздуху рукой, вѣроятно желая перекрестить надъ головою горько-плакавшей дочери.

За исключеніемъ этого обстоятельства, все шло для нашихъ героевъ довольно благополучно, даже можно бы сказать прекрасно, если бы человѣкъ—сіе недовольное животное — могъ находить что нибудь прекрасное въ томъ, что такъ безпощадно стираетъ съ земли его личность. Если побурѣлъ немного хорошенькій деревянный, съ башенкой и террасами, домъ Соковлиныхъ, за то славно разросся кругомъ его и цвѣтникъ, и подновленный кустовою зеленью садъ. Если у нихъ умерла пожилая Татьяна Григорьевна, за то года черезъ полтора послѣ ея смерти появился на свѣтъ сынъ Андрюша, который, несмотря на то, что всѣмъ своимъ тѣломъ напоминалъ только одну шею покойной бабушки, но любимъ былъ отнюдь не менѣе ея.

Соковлинъ нѣсколько постарѣлъ; сѣдина замѣтнѣе пробивалась въ его волосахъ; но онъ сохранилъ свое добродушіе, свою душевную молодость, свой умъ, свѣжій и сочувствующій всему честному и хорошему. Онъ больше и прилежнѣе занимался хозяйствомъ, хотя все-таки хозяиномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, не сдѣлался: онъ ужь по натурѣ своей былъ слишкомъ непрактиченъ для того; и если еще хозяйство его шло недурно, то именно потому, что онъ былъ на столько добросовѣстенъ, чтобы не принимать па себя передѣлки и нововведенія въ томъ, чего недостаточно зналъ; окружая себя по возможности честными и смышлеными людьми, онъ присматривалъ за ними, а въ остальномъ руководствовался мудрымъ для неспеціалиста экономическимъ правиломъ — laissez faire, laissez aller. Окруженный мелкою провинціальною жизнію, въ необходимыхъ столкновеніяхъ съ ней онъ былъ, казалось, еще снисходительнѣе и мягче къ этой средѣ, но высказывался въ ней мало, *не праль щитомъ рожна*, и держалъ себя по возможности въ сторонѣ. Но у себя дома онъ составилъ себѣ дѣятельность по душѣ, и отдыхалъ въ ней. Онъ читалъ много, читалъ все новое и дѣльное, что могъ получать,—и въ этихъ чтеніяхъ, иногда вмѣстѣ съ Наташей, въ бесѣдѣ съ ней, въ постоянной перепискѣ и общеніи съ немногими пріятелями, изъ которыхъ нѣкоторые были передовыми людьми въ литературѣ и наукѣ, находилъ удовлетвореніе своимъ нравственнымъ потребностямъ: онъ былъ отдаленный, но не отсталый изъ тѣхъ немногихъ своего кружка людей, которымъ близко все человѣческое, которые честно выдержали невзгоды судьбы и вышли изъ нея помятые, израненые, но чистые и богатые опытностью.

Взглядъ его на женщинъ и на бракъ не измѣнился; но онъ

считалъ свое положеніе счастливымъ исключеніемъ, довѣрчиво смотрѣлъ на безоблачное будущее, и еще болѣе любилъ за то свою Наташу. Что касается до Натальи Дмитріевны, то съ годами, далеко не перешедшими еще для нея той роковой черты, съ которой человѣкъ идетъ уже подъ гору, она еще болѣе выиграла. Она развилась и физически, и нравственно. Изъ полусложившейся, вдумчивой дѣвочки вышла высокая, стройная женщина, съ строго развившимися формами, спокойная, ясная. Бесѣды съ мужемъ и хорошо направленное чтеніе развили ея умъ; а тихая, счастливая и дѣятельная семейная жизнь успокоила тѣ тревожныя потребности бурь, которыя свойственны ея лѣтамъ и темпераменту. Короткость и близость отношеній нисколько не умалили въ ея глазахъ тѣхъ достоинствъ въ мужѣ, которыя она любила въ женихѣ, потому что Соковлинъ былъ всегда простъ и искрененъ съ нею, и скорѣе готовъ былъ указать на свои слабости, нежели драпироваться въ достоинства. Съ другой, болѣе дюжинной женою, привыкшей вѣрить хорошему вполовину, онъ съ своей излишней добросовѣстностью могъ бы скорѣе потерять, чѣмъ выиграть; но Наташа умѣла ее открыть и знала ей цѣну. И такимъ образомъ, не испытывая потрясающей страстности влюбленныхъ, они были счастливы тѣмъ ровнымъ, яснымъ и трезвымъ чувствомъ, въ основѣ мягкой, взаимно-влекущей силы котораго лежитъ болѣе сознаніе нравственныхъ качествъ, нежели физическое начало.

Зима была въ концѣ; весна еще не наступала, но уже чувствовалась ея близость. Дольше стали дни, выше ходило солнце; отъ полуденныхъ лучей и отъ теплыхъ, сырыхъ тумановъ снѣгъ осѣлъ, побурѣлъ и мѣстами на припекѣ таялъ. Это было въ то время, когда послѣ тяжкаго, но благодѣтельнаго кризиса — на Россію повѣяло новой жизнію. Каждая почта приносила отрадныя вѣсти; Соковлинъ, живо интересовавшійся всѣмъ, ждалъ ихъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. И его не обошло то благотворное вѣяніе, отъ котораго все оживало: Соковлинъ подумывалъ воспользоваться имъ, переселясь въ одну изъ столицъ, поближе къ своимъ немногимъ, но испытаннымъ друзьямъ.

Разъ, въ почтовый день, Соковлину случилось небольшое дѣло въ городѣ, и онъ поѣхалъ самъ, чтобы покончить его и кстати скорѣе получить почту. Городъ былъ верстахъ въ двадцати, и онъ хотѣлъ воротиться въ сумерки. Стало вечерѣть; Наташа часто подходила къ угольному окну, изъ котораго далеко была

видна дорога, чтобы посмотрѣть, не возвращается ли Сергѣй Иванычъ; но Соковлина не было. Наконецъ и стемнѣло такъ, что и разсмотрѣть вдаль ничего нельзя было, и окна закрыли; а Сергѣй Иванычъ все не пріѣзжалъ. Наташа, часто заходя провѣдывать сына, уже толковала не разъ съ Аринушкой, поступившей къ нему въ няни — отчего это такъ долго не ѣдетъ Сергѣй Иванычъ,—и Аринушка тоже отвѣчала, что давно бы пора уже Сергѣю Иванычу возвратиться. Въ одно изъ этихъ совѣщаній, когда онѣ въ пятый разъ перебирали однѣ и тѣ же догадки, быстро вошла прямо со двора, еще внося съ собою свѣжій воздухъ, румяная горничная, и сказала, что слышенъ колокольчикъ. Наташа велѣла ставить на собранный уже столъ самоваръ,—и черезъ минуту сидѣла за нимъ въ залѣ, заваривая чай, чтобы встрѣтить съ горячимъ стаканомъ мужа.

Въ самомъ дѣлѣ, пара гусемъ остановилась у подъѣзда, и въ передней послышался голосъ Соковлина. Наташа встала и пошла на встрѣчу.

— Что это ты такъ долго не ѣхалъ, Сергѣй Иванычъ? говорила Наташа, здороваясь съ вошедшимъ мужемъ: — не случилось ли чего нибудь съ тобой?

— Случилось, мой другъ, дѣйствительно случилось! говорилъ Соковлинъ, обнявъ и поцаловавъ жену:—и вещь весьма пріятная и мнѣ, и тебѣ. Узнай, кого я тебѣ привезъ?

Въ это время какой-то мужчина взошелъ изъ прихожей. Свѣчи стояли въ другомъ углу, и его въ полутѣни трудно было разсмотрѣть вдругъ.

— Вы меня не узнаете, Наталья Дмитріевна? сказалъ вошедшій.

— Постойте, дайте всмотрѣться — голосъ знакомый, говорила Наташа, подвигаясь и всматриваясь въ гостя.—Боже мой! Павелъ Егорычъ! вдругъ воскликнула она.

— Онъ! онъ и есть! На дорогѣ нашелъ; повозка увязла, лошади не берутъ; сидитъ въ пяти верстахъ отъ дому. Я его и засеквестрвовалъ, говорилъ Соковлинъ, потирая руки.

— Однакожъ, не скоро же вы узнаете старыхъ знакомыхъ! Развѣ я очень измѣнился? спросилъ Комлевъ Наташу, поцаловавъ ея руку.

— Пойдемте къ огню, я вамъ скажу, отвѣчала она, подводя его къ столу.—Да! вы много измѣнились, сказала она осматривая его: — но я бы васъ тотчасъ узнала.

— А вы — вы! Да вы и выросли, кажется, подсмѣиваясь и любуясь, говорилъ Комлевъ, пожавъ плечами и нѣсколько отступая отъ Наташи, чтобы лучше разсмотрѣть ее.

И жестъ его, и поза договорили о найденной имъ перемѣнѣ то, чего онъ не хотѣлъ сказать.

И оба они стояли другъ противъ друга, радостные, оживленные, и смотрѣли другъ на друга. А Соковлинъ стоялъ съ боку и радовался ихъ радости.

— Ну, полно! полно вамъ любоваться другъ другомъ, сказалъ наконецъ онъ: — успѣете еще. Давай-ка лучше намъ чаю.

— Я очень, очень рада, что васъ вижу, сказала Наташа, подавъ еще разъ откровенно и полной рукой пожавъ руку Комлеву. — Надолго ли вы къ намъ?

— Да мѣсяца на два.... какъ устрою немного дѣла, отвѣчалъ Комлевъ.

Этотъ отвѣтъ напомнилъ хозяевамъ причину пріѣзда Комлева—недавнюю смерть его отца, и всѣ тихо примолкли. Наташа принялась наливать чай. Всѣ усѣлись около стола.

Комлеву было лѣтъ 25—26. Онъ остался невысокаго роста, но крѣпко, сухо и мускулисто сложился. Открытое лицо его было подернуто тою тусклою блѣдностью, которая является отъ кабинетныхъ занятій, но дышало жизнью и силой; тонкія губы иногда едва замѣтной складкой выражали иронію; умные сѣрые глаза были живы и зорки; вздернутый носъ, и свѣтлые, волнистые, всклокоченные кверху волосы придавали ему отчасти заносчивый и самоувѣренный видъ; но хорошо развитый умный лобъ съ нѣсколько надвинутыми бровями показывалъ серьёзность и сдержанность.

— Ну, что новаго? Я не успѣлъ ни о чемъ васъ разспросить порядочно, началъ Соковлинъ: — видаете вы Б*, В*, Г*?

— Не часто, но случается. У меня много работы, и я рѣдко бываю въ ихъ кружкѣ, — но встрѣчаемся.

— Ну, что они дѣлаютъ?

— Да по обыкновенію сбираются, толкуютъ, спорятъ, сказалъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой Комлевъ: — а иногда и пописываютъ.

— Вы какъ будто съ ироніею говорите о нихъ! возразилъ Соковлинъ:—но я ихъ буду отстаивать горячо. Они мало сдѣлали осязательнаго, видимаго, но много благотворнаго. Не забудьте, что это была единственно-возможная дѣятельность ихъ времени.

Что можно было сдѣлать тогда—они дѣлали, и дѣлали честно,—и теперь ваша забота, молодыхъ и свѣжихъ людей, работать на дѣлѣ практичнѣе: но не осуждайте тѣхъ, которые приготовили васъ къ этой дѣятельности, если сами они и не привыкли, и уже неспособны къ ней.

— Да я ихъ весьма уважаю, отвѣчалъ Комлевъ: — и отдаю имъ полную справедливость. Но согласитесь, что они не могутъ выйти до сихъ поръ изъ своихъ тонкихъ воззрѣній и еще болѣе тонкихъ намековъ,—все остаются съ высшими взглядами и теоріями. Они слишкомъ отвлеченно умны и изящны. А намъ надо вещей болѣе практическихъ, и хоть неизящныхъ, погрубѣе, потолще, но поближе къ дѣлу. — Читали ли вы послѣднюю статью N*?

У Комлева и Соковлина завязался споръ, живой, горячій. Комлевъ уже не заносчивымъ мальчикомъ смотрѣлъ на Соковлина. Онъ въ этотъ промежутокъ, въ кругу серьёзныхъ людей, слышалъ много о Соковлинѣ и о положеніи, которое занималъ тотъ въ ихъ кругу и мнѣніи; онъ не церемонился съ нимъ, не скрывалъ свой взглядъ до болѣе короткаго знакомства. Онъ высказывался и заспорилъ съ нимъ при первой встрѣчѣ, первомъ случаѣ, откровенно, прямо, какъ сходятся равные и взаимно уважающіе другъ друга люди, которые служатъ одному дѣлу, хотя идутъ разными путями. Наташа слушала ихъ съ глубокимъ трепетнымъ вниманіемъ. Въ первый разъ еще она видѣла бойца подъ силу ея мужа, не сходящагося съ нимъ во взглядахъ; въ первый разъ слышала его споръ, въ которомъ неизвѣстно было еще, кто останется побѣдителемъ. Ея сочувствіе и мнѣніе были на сторонѣ мужа; но она радовалась и гордилась и за Комлева, радовалась, что товарищъ и другъ ея дѣтства вышелъ не дюжиннымъ человѣкомъ. Комлевъ говорилъ стойко, рѣзко, но спокойно. Видно было, что онъ не уклонялся отъ споровъ, когда они встрѣчались, но не отдавался имъ весь, не любилъ ихъ, какъ любимое дѣло. Не то было съ Соковлинымъ. Какъ ветеранъ, попавшій на свое старое и страстно-любимое поле, на которомъ давно не съ кѣмъ было ему потягаться, онъ весь ожилъ и одушевился. Онъ былъ отличный діалектикъ. Неожиданной стороной повертывалъ онъ вопросы, улавливалъ въ нихъ тонкости, замѣтныя только глубокому и искусному анализу, и часто удавалось ему, этими уловками опытнаго бойца, заставить Комлева выбиваться нѣкоторое время, чтобы выйти на болѣе прямую до-

рогу. Добродушное лицо Соковлина все говорило вмѣстѣ съ мыслью; но большіе каріе глаза то блестѣли и разгорались, то съ проницательностью впивались въ глаза противника, какъ будто въ нихъ напередъ старались уловить его мысль и приготовиться къ возраженію—и если это возраженіе было именно таково, какъ онъ ожидалъ и желалъ, то они улыбались съ торжествующей иронiей. Наташа любовалась своимъ мужемъ, и была увѣрена въ его торжествѣ; но споръ кончился по обыкновенію всѣхъ споровъ тѣмъ, что каждый остался при своемъ убѣжденіи; а пока Соковлинъ, потѣшившись умѣренно, съ добродушіемъ хозяина вспомнилъ, что Комлевъ съ дороги усталъ и его надо пораньше отпустить, съ условіемъ, чтобы онъ пріѣзжалъ чаще спорить. Наташа велѣла поскорѣе подать ужинъ и часу въ одиннадцатомъ Комлевъ уѣхалъ, пожавъ, какъ старымъ и добрымъ друзьямъ, руки Наташѣ и Соковлину, и обѣщая скоро пріѣхать.

Когда сани заскрипѣли у подъѣзда и Соковлинъ, проводивъ гостя, возвратился къ Наташѣ, она подошла къ нему, отвела рукой его волосы, посмотрѣла на оживленное еще недавнимъ споромъ и волненіемъ лицо, нагнула къ себѣ и горячо поцаловала въ лобъ.

— За что это? съ улыбкой спросилъ Соковлинъ.

— Я тебя еще никогда не видала такимъ, любуясь имъ, отвѣчала Наташа.

II.

Комлевъ, отлично кончивъ курсъ въ университетѣ, поступилъ въ ** министерство и служилъ тамъ по желанію отца. Самъ онъ не былъ расположенъ къ бюрократическимъ занятіямъ. Онъ занимался политической экономіей, писалъ, и имя его начинало уже пользоваться почетною извѣстностью. Какъ скоро смерть отца, оставившаго ему небольшое состояніе, позволила ему свободнѣе располагать собою, онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню, чтобы привести въ порядокъ дѣла и потомъ ѣхать за границу.

Деревня Комлева была верстахъ въ семи отъ Соковлиныхъ. Его небольшой деревянный домишка совершенно опустѣлъ со смертью старика-отца. Все оставшееся въ немъ хранило печать старой, мелкой, отжившей жизни или, лучше сказать, застоя.

Комлеву было скучно въ немъ, и онъ, какъ только позволило время, поѣхалъ къ Соковлинымъ.

Пора сказать откровенно, что первый оцѣнивающій взглядъ мужчины на женщину—всегда чисто матеріальный, да ужъ кстати прибавить—что бы тамъ ни говорили — что и у женщины на мужчину точно такой же; иначе и быть не можетъ, по той простой причинѣ, что физическое впечатлѣніе всегда предшествуетъ нравственному.

Но ни изъ чего нельзя было заключить, чтобы въ Комлевѣ осталась прежняя любовь къ Наташѣ, и, перемѣнивъ оболочку заодно съ перемѣной Наташинаго положенія, побуждала его ѣхать къ ней. Напротивъ, время и постоянная умственная дѣятельность давно могли, если не изгладить о ней воспоминаніе, то притупить всю страстность его; да и вообще Комлевъ былъ, кажется, не такого закала, чтобы искать сильныхъ ощущеній, или развлекать себя маленькими чувствами. Но трудно опредѣлить, до какой степени умъ и выработанные принципы порабощаютъ чувства, и что дѣлается въ положительномъ человѣкѣ, когда онъ встрѣчаетъ послѣ долгой разлуки, въ первый разъ съ глазу на глазъ, ту, которую любилъ хотя бы во время юности, при другихъ условіяхъ, въ другой порѣ развитія.

Время было передъ-обѣденное. Соковлинъ былъ чѣмъ-то занятъ, и Комлева приняла Наташа. Она была очень хороша. Если въ ней утратилось то отраженіе дѣвственности, которое лежитъ какой-то прозрачной и нѣжной тѣнью, какъ недвинувшійся еще туманъ, на челѣ дѣвушки,—зато жизнь счастливая и тихая, вполнѣ понятая и развившаяся жизнь, выражалась на ея лицѣ такимъ стройнымъ сочетаніемъ ясности, спокойствія и разумности, что человѣку добросовѣстному и неослѣпленному чувствами, жаль было бы смутить эту гармонію своими заискиваніями. Сѣренькій, вышитый бѣлыми снурками капотъ свободно обнималъ ея стройно-развитыя формы, а чорненькая прозрачная вуалетка, накинутая на черную густую косу и зашпиленная у подбородка, придавала ея лицу какой-то южный характеръ.

— А, зравствуйте, Павелъ Егорычъ! сказала она, прерывая работу и подавая ему руку.

Комлевъ поздоровался и сѣлъ противъ нея у рабочаго столика.

— Однакожь, долго же вы заставили ждать себя! Мужъ хотѣлъ уже самъ къ вамъ ѣхать, продолжала она.

— И самому мнѣ хотѣлось къ вамъ, да я нашелъ такой хаосъ въ дѣлахъ, что и привычному трудно бы справиться съ нимъ. Думалъ-было обратиться за совѣтомъ къ Сергѣю Иванычу, да раздумалъ: онъ, я думаю, въ хозяйствѣ знаетъ не болѣе моего.

— Отчего вы это полагаете? Напротивъ, онъ хозяинъ хоть куда. Вотъ и теперь ушелъ—молотилку новую уставляетъ.

— Хоть это и сильное доказательство, съ усмѣшкой замѣтилъ Комлевъ: — а все-таки я думаю, что онъ плохой хозяинъ: не такъ ужь окрещенъ; люди, какъ онъ, плохіе практики.

— Я несогласна, сказала Наташа:—но спорить не буду; со мной вы оправдаетесь, а вотъ придетъ Сережа, такъ передамъ васъ ему.—А что у васъ дома, есть кто изъ родныхъ? Вѣдь тетушка была, кажется, у васъ.

— Нѣтъ,—она умерла еще прежде отца. Я нашелъ домъ совсѣмъ опустѣлымъ.

Наташа взглянула отъ работы на Комлева, но не подмѣтила на его лицѣ никакого выраженія.

— Да! и нашъ добрый любанинскій домъ опустѣлъ, вздохнувъ, сказала она.—Когда мнѣ случается бывать тамъ, я не могу видѣть его, покинутаго, съ закрытыми ставнями; помните, онъ былъ некрасивъ, но какой-то добродушный, привѣтливый.

— Это вамъ кажется оттого, что жили въ немъ добродушно и привѣтливо, возразилъ Комлевъ.—А по правдѣ вамъ сказать, я не люблю нашихъ приплюснутыхъ деревянныхъ домовъ, безъ всякаго характера и опредѣленной физіономіи—точно самъ помѣщикъ стараго времени, расплывшійся и оглупѣвшій въ деревнѣ. Вотъ этотъ у васъ домикъ хорошенькій.

— *Да*, хорошенькій... разсѣянно сказала Наташа.—А знаете-ли что? мнѣ кажется, прибавила она, поглядѣвъ пристально на Комлева:—въ эти шесть лѣтъ, что мы не видались съ вами, вы зачерствѣли: вамъ какъ будто ничего нежалко, ничему вы не радуетесь. Вы не разсердитесь за это замѣчаніе? Я говорю съ вами, по старой памяти, откровенно.

— Еще бы! Если бы вы со мной заговорили иначе, такъ я бы повѣрилъ, что и въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и вдобавокъ къ худшему. Но теперь я вамъ такъ же откровенно отвѣчу, что вы ошибаетесь. Разумѣется, я измѣнился: нельзя же оставаться восемнадцатилѣтнимъ въ двадцать-пять; но я не думаю, чтобы зачерствѣлъ; напротивъ, я увѣренъ, что теперь чувствую глубже, чѣмъ прежде. Только сталъ поменьше чув-

ствителенъ, романтиченъ, какъ говорилось во время-оно. Нервы стали покрѣпче.

— То-то не слишкомъ ли окрѣпли? Впрочемъ, мнѣ это показалось такъ, а кто жь васъ знаетъ! Но мы сами плохіе судьи о себѣ.

— Напротивъ, я думаю, что нѣтъ лучше суда, отвѣчалъ Комлевъ: — все взвѣсишь точно, безпристрастно и побранишь себя — только не исправишься....

— Я вамъ сказала, что мнѣ нельзя съ вами спорить: вы сильнѣе меня. Но поживемъ — увидимъ. Если бы я знала вашу жизнь во всѣ эти года, можетъ и теперь бы переубѣдилась.

— Ну, нѣтъ! я думаю, не переубѣдились бы! Сильныхъ ощущеній у меня не было.

— Можетъ-быть вы отъ нихъ бѣгали?

— Нѣтъ. Но на это надо случай и много свободнаго времени; у меня не было ни того, ни другаго. Я ни отъ чего не бѣгаю и ни за чѣмъ не гонюсь; но готовъ встрѣтить все, что̀ пошлетъ жизнь.

— И она вамъ не послала ни одного сильнаго чувства, ни одной привязанности? спросила Наташа.

— Въ эти шесть лѣтъ — да! Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, влюбленный въ васъ и раздосадованный вашимъ замужствомъ, когда занятія передъ экзаменомъ меня протрезвили — я по этой части былъ покоенъ, — такъ что, если бы мнѣ вздумалось теперь подрапироваться передъ вами — я бы имѣлъ полное право сказать, что остался вамъ вѣренъ.

Комлевъ проговорилъ это спокойно, просто, даже съ добродушной усмѣшкой.

Наташа нѣсколько зарумянилась. Она не думала вызвать его на подобную откровенность, и не желала ея; но ей болѣе всего не понравился тонъ, которымъ Комлевъ говорилъ о своей прошлой любви. Ея тонкая женственная стыдливость оскорблялась уже и тѣмъ, что говорятъ о собственномъ чувствѣ; по ея понятіямъ, подобныя нѣжныя движенія души должны оставаться тайной, какъ должны оставаться ею интимныя отношенія супруговъ. Она считала это своего рода цинизмомъ. Но говорить о своемъ прошломъ чувствѣ подобнымъ образомъ съ той, кѣмъ оно было возбуждено когда-то, она считала униженіемъ этого чувства, недостаткомъ уваженія къ нему. Понятно, что она не

когда принять на себя и защиту его; поэтому она не хотѣла придавать ему никакого значенія.

— Къ чему вспоминать ребячество! замѣтила она, оправясь и продолжая работать, и чтобы перемѣнить разговоръ, хотѣла сдѣлать какой-нибудь вопросъ; но Комлевъ, къ удивленію ея, тотчасъ же подтвердилъ ея слова.

— Разумѣется, ребячество! сказалъ онъ. — Мы старѣемся ужасно быстро, и все, что пережито и съ чѣмъ только успѣетъ порваться связь, намъ кажется на другой же день и мало и мелко.

Наташа опять взглянула на него, думая подмѣтить на его лицѣ иронію, но Комлевъ говорилъ спокойно и, казалось, просто высказывалъ свою мысль.

— Я съ вами несогласна, сказала она: — искреннія чувства живучи и прочны; ихъ не осудишь и надъ ними никогда не посмѣешься: я въ этомъ убѣждена.

— Какъ! Вы дѣлаете исключенія въ пользу искреннихъ чувствъ? Да чувства всегда искренни! — и мое къ вамъ было какъ нельзя искреннѣе — да отошло, — и глядишь на него съ высоты пережитыхъ лѣтъ. Возьмемъ наконецъ такое, въ искренности котораго вы сами убѣждены: возьмемъ ваше чувство къ мужу. Прослѣдите его начало, развитіе, первую пору. Неужели вамъ многое не кажется въ немъ милымъ, горячимъ, прелестнымъ пожалуй, но дѣтскимъ, немного смѣшнымъ, неловкимъ? неужели вы не смотрите на его начало, какъ на что-то юное, нѣкоторые случаи котораго иногда совѣстно припоминать даже? Неужели вы бы желали и могли, если бы вамъ дано было это на волю — пережить его еще разъ и пережить именно такъ, какъ оно было?

— Я! съ горячностью сказала Наташа: — чтобы я отступилась отъ него? отъ его малѣйшей подробности? Ни за что на свѣтѣ! Да наконецъ мнѣ и не нужно его переживать, потому что я имъ живу до сихъ поръ, и оно все то же.

Очередь была за Комлевымъ вопросительно посмотрѣть на Наташу.

— Странно! подумавъ, сказалъ онъ: — я не сомнѣваюсь въ вашей искренности, но не знаю, чѣмъ объяснить себѣ это. Значитъ.... значитъ, вы прядете все ту же нитку! Это рѣдкое терпѣнье и обиліе матеріаловъ....

— Что вы хотите этимъ сказать? Вы думаете, что нельзя

одинаково горячо и постоянно любить человѣка шесть лѣтъ къ-ряду? съ самоувѣренной улыбкой спросила Наташа.

— Не совсѣмъ такъ! хотя, признаюсь вамъ, по моему мнѣнію, и для этого надо большое счастье и много благопріятныхъ условій. Но и въ этомъ случаѣ я допускаю эту живучесть только тогда, когда чувство растетъ, принимаетъ въ себя новую пищу, само перемѣняетъ формы. Но чтобы въ немъ не было пережитаго, не было тѣхъ частей, которыя отжили и должны отпасть, какъ прошлогоднія листья, чтобы на него не наросло новыхъ слоевъ, новой коры и кожи — этого я, признаюсь, не понимаю.

— Оттого, что вы чувство считаете за кусокъ дерева и совсѣмъ неспособны къ нему, сказала Наташа съ нѣкоторой горечью. — Вы матеріалистъ? спросила она немного холодно.

Въ это время вошелъ Соковлинъ.

— Да, пожалуй, матеріалистъ, отвѣчалъ Комлевъ, здороваясь съ Соковлинымъ: — только если дадите матеріи значеніе пошире, и не будете меня загонять въ извѣстныя рамки, которыми обыкновенно разгораживаютъ матеріалистовъ, сенсуалистовъ, спиритуалистовъ и разныхъ «истовъ». По-мнѣ, всѣ эти перегородки ужасно шатки, и надобно быть очень сухимъ и спокойнымъ, чтобы залѣзть и сидѣть въ нихъ, не раздвигая ихъ и не захватывая кой-чего по сторонамъ.

— Ого! сказалъ Соковлинъ, садясь въ сторонѣ: — да у васъ, кажется, серьёзное преніе!...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Комлевъ: — мы больше о чувствахъ. При всемъ уваженіи къ уму Натальи Дмитріевны, я долженъ сознаться, что не люблю съ женщинами серьезно говорить о другихъ вещахъ.

— Это отчего? спросила Наташа. — Развѣ мы неспособны говорить ни о чемъ другомъ?

— Извините за откровенность, — но я такъ думаю, съ убѣжденіемъ отвѣчалъ Комлевъ. — Женщины могутъ говорить очень остро и мило, но мнѣ не случалось въ серьезныхъ разговорахъ слышать отъ нихъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ или парадоксовъ. Да это и понятно: у женщинъ одна спеціальность — чувства, да и въ тѣхъ онѣ не отдаютъ искренняго отчета даже себѣ: зачѣмъ же имъ претендовать на то, что имъ не дано!

— Странно въ наше время слышать отъ человѣка образованнаго такое мнѣніе, замѣтила съ дурно скрытымъ неудоволь-

отвѣсилъ Наташа.—Такъ, повашему, мы не можемъ и не должны принимать никакого участія въ общественныхъ интересахъ? съ одушевленіемъ спросила она.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Комлевъ. — Во-первыхъ, вы имъ можете горячо сочувствовать; во-вторыхъ, сдѣлать весьма многое черезъ мужчинъ, потому что, надо сознаться, если вы мало способны дѣлать что либо сами по себѣ, такъ за то, къ сожалѣнію, можете все дѣлать изъ насъ.

— Ну, по васъ этого незамѣтно! — и вы, кажется, хотите только подсластить пилюли любезностью, насмѣшливо замѣтила Наташа.

— Меня упрекаютъ иногда въ излишней и жосткой откровенности,—но въ любезностяхъ я, право, не грѣшенъ, искренно отвѣчалъ Комлевъ. — Впрочемъ, я вамъ высказалъ свое полное убѣжденіе: позвольте мнѣ не спорить за него въ такомъ серьезномъ и спорномъ предметѣ, какъ права женщины.

— Вы боитесь услышать въ возраженіе только общія мѣста! продолжала съ прежней ироніей Наташа.

— Я боюсь еще больше самъ повторять ихъ, съ улыбкой замѣтилъ Комлевъ.

Наташа закраснѣлась отъ этого тоже не совсѣмъ лестнаго отвѣта, но не возражала, и разговоръ принялъ другой оборотъ. Комлевъ отобѣдалъ у Соковлиныхъ и уѣхалъ, взявъ у Сергѣя Иваныча нѣсколько книгъ и обѣщая взамѣнъ прислать ему нѣкоторыя изъ своихъ.

Вообще, онъ сошелся болѣе и говорилъ охотнѣе съ мужемъ, нежели съ женою. Къ Наташѣ онъ относился вѣжливо, добродушно, но съ нѣкоторой снисходительностью, какъ говорятъ взрослые съ малыми дѣтьми. Этотъ тонъ и манера не допускали мысли, чтобы за ними скрывалась злопамятность за дурно-принятую любовь; они только подтверждали воззрѣніе Комлева на женщинъ. Наташа понимала это, но, привыкшая къ нѣжному и полному уваженія обращенію мужа, невольно оскорблялась жосткостью Комлева. Она старалась быть съ нимъ по прежнему дружественна; но ея чистосердечность и неумѣнье скрывать свои ощущенія мѣшали ей, и она невольно была съ нимъ холоднѣе. Когда Комлевъ уѣхалъ, мужъ подошелъ къ ней и, улыбаясь, спросилъ:

— А что, намъ, кажется, не очень понравились разсужденія вашего друга?

— Онъ меня сердитъ, отвѣчала Наташа. — Какъ въ его года быть до такой степени черствымъ! онъ, кажется, сталъ педантомъ.

— Ну, нѣтъ! добродушно замѣтилъ Соковлинъ: — онъ только сухъ; но люди, подобные ему, имѣютъ свою хорошую сторону. Они дѣлаютъ дѣло, и дѣлаютъ добросовѣстно, хотя и по своему; они все хотятъ прямой пользы. Немудрено, что положительность убиваетъ въ нихъ всю нѣжную, поэтичную сторону жизни.

— Я не знаю, можетъ-быть онъ очень дѣльный и полезный человѣкъ, — но я не люблю такихъ, сказала Наташа, выдвинувъ нѣсколько презрительно губы.

— Да! въ нихъ нѣтъ того, что болѣе всего нравится женщинамъ: этого стремленія къ чему-то недостижимому, къ идеалу, нѣтъ титанизма или порыва къ нему; мы желали бо́льшаго, но желали неопредѣленно, — они знаютъ, чего хотятъ, и хотятъ возможнаго, и поэтому не годятся въ герои, которыхъ вы любите! улыбаясь, замѣтилъ Соковлинъ.

— Да, Комлевъ, пожалуй, можетъ быть отличнымъ человѣкомъ и мужемъ, но ужь въ герои конечно не годится! съ увѣренностью сказала Наташа. — «Что жь мудренаго, что онъ до сей поры не былъ ни кѣмъ любимъ!» подумала она.

III.

Комлевъ продолжалъ бывать у Соковлиныхъ, и они ему всегда были искренне рады. Въ ихъ деревенской и нѣсколько разъединенной отъ общества жизни—человѣкъ, какъ онъ, былъ гостемъ дорогимъ. Соковлинъ, если Комлевъ не бывалъ у нихъ нѣсколько дней, самъ заѣзжалъ къ нему, и часто привозилъ съ собою. Отношенія Наташи къ Комлеву приняли какой-то странный характеръ. Заочно она была расположена къ нему, какъ къ доброму и старому другу, встрѣчала его всегда съ радушіемъ и искреннимъ удовольствіемъ, — если онъ не ѣхалъ долго, то скучала; но при свиданіи, его рѣзкій, нѣсколько жосткій тонъ, недостатокъ мягкости и снисходительности, недостатокъ той бережности, которая заставляетъ обращаться съ женщиной такъ же осторожно, какъ съ дорогой и хрупкой вещицей,—все, къ чему такъ привыкла Наташа, и что было чрез-

ычайно просто, нѣжно, и такъ нравилось ей въ мужѣ, — недостатокъ всего этого въ Комлевѣ раздражалъ ее и заставлялъ иногда смотрѣть на него съ враждебнымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный человѣкъ послѣ мужа, чьимъ мнѣніемъ она дорожила.

Это положеніе было совершенно противуположно тому, въ которомъ она встрѣчалась съ Соковлинымъ. Несмотря на то, что она была тогда полуразвитая дѣвочка, и, сознавая превосходство Соковлина, робѣла и смирялась предъ нимъ, онъ такъ высоко цѣнилъ ея чистоту и прелесть, что, бережно и нѣжно возвышая ея понятія до своихъ, самъ склонялся подъ ея женственнымъ вліяніемъ. Теперь, когда она, казалось, болѣе имѣла правъ на это вліяніе, Комлевъ не признавалъ его; онъ — посторонній и одними свѣтскими условіями обязанный на большую внимательность, онъ, любившій ее когда-то, и въ ея мнѣніи стоявшій ниже Соковлина—жостко и прямо касался тѣхъ струнъ, которыя мужъ ея до сихъ поръ берегъ и лелѣялъ въ ней, какъ нѣжный любовникъ. Все это оскорбляло ее: и въ Комлевѣ, какъ въ человѣкѣ, къ которому она была дружески расположена, и въ ея собственномъ самолюбіи; точно такъ же, какъ въ другомъ кругѣ оскорбляли бы ея женское самолюбіе — невниманіе и небрежность какого нибудь вполнѣ свѣтскаго и хорошо воспитаннаго человѣка. Наташа въ первый разъ въ своей тихой и полной семейнаго счастія жизни волновалась постороннимъ вліяніемъ, и часто теряла то спокойствіе и душевную тишину, съ которыми совершенно сродниласъ, и подъ которыми медленно замирало все ея тревожное, порывистое, молодое. Наташа замѣчала это, и безпокоилась; она чувствовала безсознательно, что что-то надламывается въ ея такъ хорошо устроившейся жизни, что-то грозитъ потревожить и измѣнить ее; она уже смутно чувствовала обаяніе и потребность тревогъ; долго сдерживаемыя и убаюкиваемыя молодыя силы начинали пробуждаться и требовать исхода; на нее вѣяло уже тѣмъ безотчетнымъ и сладкимъ страхомъ, который предшествуетъ этимъ желаннымъ тревогамъ; но ей хотѣлось не поддаваться имъ, хотѣлось все бы привести въ прежній порядокъ, все примѣрить, успокоить. Всякій разъ дружески встрѣчала она Комлева, и хотѣла остаться на этой дружественной ногѣ, и всякій разъ Комлевъ какимъ нибудь рѣзкимъ замѣчаніемъ, движеніемъ, тономъ невольно раздражалъ ее.

Разъ Соковлинъ поѣхалъ въ городъ, и обѣщалъ Комлеву привезти нужныя ему по вводу во владѣніе бумаги, а Комлевъ хотѣлъ самъ заѣхать за ними къ Соковлину. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ передъ вечеромъ; но Соковлинъ еще не возвращался. Наташа приняла его въ полукругломъ стеклянномъ выступѣ, который выдавался изъ гостиной; онъ былъ весь заставленъ зеленью, плющъ вился по стѣнамъ, архидеи узлами опускались съ корзинъ; нѣкоторые изъ деревьевъ и цвѣтовъ начинали распускаться; сквозь высокія стеклянныя рамы пробивался свѣжій воздухъ, и эта смѣсь чистаго, уже отзывающагося весною воздуха съ запахомъ первыхъ цвѣтовъ была нѣжна и отрадно раздражительна. А передъ домомъ уже виднѣлись на припекѣ лужи; дорога потемнѣла; прилетѣвшіе грачи кричали и расхаживали, поглядывая бокомъ на окно; теплое солнце тихо садилось, и на всемъ лежалъ такой спокойный и улыбающійся задатокъ ясныхъ и лучшихъ дней, что даже дворовая собака, степенно усѣвшаяся у воротъ, казалось, тихо и безъ всякихъ мыслей и мечтаній наслаждалась природой и не интересовалась даже лаемъ пробѣгающей мимо посторонней и совершенно незнакомой шавки.

— Мужъ еще не пріѣхалъ, сказала Наташа, здороваясь съ Комлевымъ: — и мы, какъ видите, поджидаемъ его.

Наташа показала на хорошенькаго ребенка, который сидѣлъ у нея на колѣняхъ, и большими карими глазами удивленно смотрѣлъ на незнакомое лицо.

— Вы не видали еще моего Андрюшу, — какъ вы его находите? спросила она.

— Ничего! хорошенькій; а коль не заплачетъ, такъ, пожалуй, найду, что и умный, отвѣчалъ Комлевъ, сторонясь отъ него.

— Вы, кажется, и дѣтей не любите? спросила Наташа.

— И дѣтей! Какъ будто я ничего не люблю на свѣтѣ!... смѣясь, отвѣчалъ Комлевъ.—До дѣтей, правду сказать, я дѣйствительно не большой охотникъ: своихъ, я понимаю, можно любить, какъ частицу себя, какъ свое будущее; а чужіе — не то звѣрки, не то люди; не знаешь, какъ и подступиться къ нимъ; того и гляди—не понравится имъ физіономія, они расплачутся и выйдетъ *сцена*, чего я боюсь больше всего на свѣтѣ.

— Хорошаго вы мнѣнія о дѣтяхъ! сказала Наташа. — Вы не стоите, чтобы онѣ у васъ и были когда нибудь. Человѣкъ, который не любитъ дѣтей, — злой человѣкъ.

—Ну, вотъ видите, не правъ ли я, что не люблю ихъ? Только вотъ въ первый разъ я васъ увидалъ съ сыномъ, и еще прекрасно отозвался о немъ—а ужь оказался злымъ: мало умилялся! Я ихъ не люблю потому, что боюсь, а боюсь потому, что у матерей самое раздражительное изъ авторскихъ самолюбій.

— И онѣ на это имѣютъ право, потому что это лучшее и высшее изъ произведеній! горячо сказала Наташа.

Комлевъ ухмыльнулся.

— Какъ легко вамъ дѣлаться Шекспирами! проборморталъ онъ.

Наташа повернулась всѣмъ лицомъ къ ребенку, такъ что Комлеву видна была только часть зарумянившейся щеки ея.

—Что, дитя мое! Вздоръ говоритъ Комлевъ! сказала она.— Хорошо, что ты не слушаешь его; не слушай, другъ мой.

Вслѣдствіе этого воззванія, тонъ котораго показался ребенку жалобнымъ, онъ счелъ за приличное заплакать. Наташа стала унимать и ласкать его, но это не дѣйствовало. Она не видала выраженія лица Комлева, но ей казалось почему-то, что онъ торжествуетъ. Ей совѣстно было показать, что все это сердитъ ее, и она, лаская и успокоивая ребенка, вышла.

Комлевъ остался одинъ, закурилъ сигару и началъ пересматривать попавшійся подъ руки журналъ.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели возвратилась Наташа. Она вошла уже безъ ребенка. Лицо ея было спокойно, но нѣсколько задумчиво. Она сѣла за работу и не прерывала молчанія; она думала о чемъ-то.

— Послушайте, Комлевъ! бросьте книгу, сказала она наконецъ, не подымая глазъ съ работы: — мнѣ хочется поговорить съ вами серьёзно.

Комлевъ молча закрылъ книгу.

— Но вы мнѣ должны прежде дать слово отвѣчать прямо, откровенно. Если вы не захотите быть искренни со мной, вы меня заставите раскаяться, что я васъ вызвала на этотъ разговоръ.

— Я надѣюсь, что этого не будетъ, отвѣчалъ Комлевъ.

Наташа помолчала минуту, не зная, какъ начать.

— Скажите мнѣ, вы ничего не имѣете противъ меня? спросила она, взглянувъ на него изъ-подлобья.

Комлевъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Хотя бы не за настоящее, тихо и потупясь прибавила На-

таша. — Мужчины, какъ женщины, бываютъ въ иныхъ вещахъ страшно самолюбивы и злопамятны.

Комлевъ улыбнулся.

— О нѣтъ! простодушно отвѣчалъ онъ: — моему самолюбію совсѣмъ не больно сознаться, что я тогда былъ мальчишкой въ сравненіи съ вашимъ мужемъ. И притомъ, развѣ я искалъ или могъ искать вашей — руки, имѣть, какъ говорится, серьёзные виды?

— Ого! тутъ маленькая эпиграмма! замѣтила Наташа. — Вы думаете, что мы такъ расчетливы?... Пусть такъ!... Но объясните же мнѣ, продолжала она застѣнчиво: — отчего мы какъ-то недружелюбно сходимся съ вами? отчего вы со мной принимаете какой-то холодный, сухой тонъ, который невольно сердитъ меня? отчего мы не встрѣтились съ вами, какъ бы слѣдовало старымъ добрымъ друзьямъ?

Комлевъ пытливо посмотрѣлъ на Наташу.

— А если бы мы встрѣтились совсѣмъ по прежнему? спросилъ онъ: — если бы вы меня нашли такимъ же влюбленнымъ въ васъ, какимъ я уѣхалъ? — что бы вы сказали?

Наташа почувствовала, что она своимъ объясненіемъ неосторожно дотронулась до новой, давно умолкнувшей между ними струны. Страшенъ, но пріятенъ показался ей этотъ запретный звукъ. Ей было и любопытно и боязно; но она думала, что можетъ безупречно услышать его слабое, волнующее дрожаніе и остановить по произволу. Она разсуждала точно такъ же, какъ разсуждаетъ человѣкъ, пріѣхавшій на востокъ, передъ трубкой опіума: онъ знаетъ всѣ вредныя послѣдствія его, но ему любопытно его попробовать, и онъ вполнѣ увѣренъ, что не отдастся гибельному наслажденію.

—Мнѣ это было бы и грустно и непріятно, сказала Наташа.

— Вотъ видите ли, вы сейчасъ становитесь за нравственное правило!

Наташа промолчала, какъ бы повѣряя слова Комлева.

— И я приписываю ваше недовольство мною именно тому, что я не остался ни влюбленнымъ въ васъ, ни негодующимъ за прежнюю неудачу.

— Вы можетъ-быть правы, сказала Наташа: — я, дѣйствительно, не хочу этого равнодушія или, лучше сказать, холодности, потому что тутъ есть третій исходъ и самый простой, желательный; я его избрала уже.

— Ужь если вы меня вызвали на откровенность, такъ я буду вполнѣ откровененъ и за васъ, и за себя, продолжалъ Кошлевъ.— Вы шесть лѣтъ счастливы семейной жизнью—и вамъ этого мало, да!—позвольте мнѣ кончить, сказалъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Соковлиной: — это уже не ваша вина, это тайна природы, тайна неудовлетворимости чувствъ, пока они не притупѣютъ, Но вы любите мужа и вдобавокъ не хотите позволить себѣ любить еще другаго, — у васъ есть на это и нравственное правило; вотъ вы и желаете дружескихъ отношеній! Это любовь, разбавленная водой — любовь въ извѣстныхъ границахъ, и вдобавокъ дозволенная моралью; не полное удовлетвореніе потребности любви, а маленькое пріятное раздраженіе. Полусытые, т. е. тѣ, кому и безъ того уже есть кого любить, или которые не смѣютъ еще любить другаго—очень охотно позволяютъ себѣ это невинное дополненіе. Но я не въ томъ положеніи, чтобы имъ довольствоваться, да и вообще не люблю этихъ получувствъ и шатающихся положеній. Неужели вы думаете, что человѣкъ еще молодой и свободный можетъ встрѣчаться съ женщиной, какъ вы, вдобавокъ съ женщиной, которая ему нравилась, безъ того, чтобы ему не хотѣлось ея любви, когда и безъ того ни одинъ мужчина невстрѣчаетъ равнодушно симпатичную ему женщину! Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я зачерствѣлъ или превратился въ кусокъ льда? Да вѣдь это была бы болѣзнь или уродство... Да! я желалъ бы любить васъ, и вы въ моихъ глазахъ имѣете все, чтобы заставить себя любить страстно. Но я не изъ тѣхъ праздношатающихся донъ-жуановъ, которые ищутъ въ любви препровожденія времени, и не изъ тѣхъ, которые бросаются въ нее, очертя голову. Я уважаю вашего мужа, мнѣ нравится гармонія вашей жизни, и я, ни на что не надѣясь, не позволяю себѣ, пока могу, смущать ее. Вотъ вамъ объясненіе, почему я стараюсь какъ можно дальше держать себя; короткость скользка, и я за себя не ручаюсь: безъ нея мнѣ легче владѣть собой..... Теперь, хотите вы этой короткости? прибавилъ онъ, и на послѣднихъ словахъ его серьёзный и рѣзкій тонъ какъ будто ослабѣлъ и сталъ тише, мягче и неувѣреннѣе, точно колеблющійся шагъ, на которомъ явилась готовность воротиться назадъ.

Кошлевъ замолчалъ, и пытливо посмотрѣлъ на Наташу, ожидая ея отвѣта.

Наташа была смущена словами Кошлева; она не ожидала и не приготовилась къ такой холодной, рѣзкой откровенности. Она

была бы еще болѣе затруднена ею, еслибы не почувствовала своимъ женскимъ инстинктомъ, что въ послѣднемъ вопросѣ Комлева было нѣчто занесшивающее, какая-то проба ея чувствъ, надежда на ея уступчивость. Она и оскорбилась этимъ предположеніемъ, и была довольна имъ, потому что въ немъ видѣла свою женскую силу. Легкая насмѣшливая улыбка сложилась кругъ ея рта и блеснула въ глазахъ.

— Я и не знала, что моимъ очень простымъ, какъ мнѣ казалось, желаніемъ, чуть не напросилась на вашу любовь и на свою гибель. Нѣтъ! слуга покорная! на этихъ условіяхъ я не хочу вашей дружбы; я не думала, что она такъ опасна. Хоть мнѣ и надоѣло, какъ вы думаете, семейное счастіе, но ужь я лучше придержусь его и нравственныхъ правилъ. Но вы поступаете благородно и осторожно, и я очень благодарна, что вы мнѣ разъяснили все это.

Комлева подернуло отъ этой насмѣшки. Онъ, на минуту вышедшій изъ своего обыкновеннаго положенія, точно ужаленный, вдругъ снова ушелъ въ себя; на энергичномъ и открытомъ его лицѣ на мгновенье отразилась вся вспыхнувшая внутри досада на себя и Наташу. Но онъ тотчасъ овладѣлъ собой, и отвѣчалъ спокойно.

— Я не имѣю привычки, сказалъ онъ: — становиться на ходули и дѣлать изъ себя героя; вы требовали откровенности; я вамъ высказалъ все, что думаю, и о чемъ, безъ вашего вызова, конечно никогда бы не сказалъ. Вы можете выводить какія угодно заключенія, и если это вамъ кажется смѣшно, я очень радъ, что доставилъ вамъ маленькое удовольствіе посмѣяться.

Комлевъ взялъ фуражку и всталъ.

— Куда это вы? спросила Наташа. — Неужели вы сердитесь за шутку?

И ей вдругъ показалось, что она была несправедлива и неблагодарна съ Комлевымъ.

— Нѣтъ! улыбаясь, отвѣчалъ Комлевъ. — Но мы такъ откровенно высказались сейчасъ, что ужь на сегодня намъ не о чемъ, кажется, и говорить.

И онъ, прощаясь, подалъ ей руку.

— Вздоръ! сказала Наташа, медленно подавая ему свою. — Ну, я виновата. Полноте, оставайтесь!

— Да я вовсе не сержусь, и не желалъ вашихъ извиненій. А просто, вашъ мужъ долго не ѣдетъ — и мнѣ пора домой.

— Это пустая отговорка! Оставайтесь. Ну останьтесь! настоятельно сказала Наташа и, не выпуская его руку, удержала его.

— Зачѣмъ?.. нерѣшительно сказалъ Комлевъ, смотря въ ея ясные, приподнятые на него глаза.

Нѣсколько мгновеній они смотрѣли такъ другъ на друга, и вотъ что-то безпокойное зардѣлось у нихъ въ глазахъ, и вдругъ страстной, смущающей мыслью вспыхнуло, точно порохъ, точно электрической искрой сверкнуло изъ глазъ въ глаза, передалось изъ руки въ руку. Они бы сами не могли опредѣлить, въ комъ родилась эта мысль, и что такое была она. Показалось ли Комлеву, что Наташа подъ вліяніемъ болѣе нѣжнаго чувства удерживаетъ его—и Наташа угадала это подозрѣніе и смутилась имъ; самой ли Наташѣ пришло на умъ, что Комлевъ можетъ иначе истолковать ея просьбу—и Комлевъ угадалъ ея мысль; или это было послѣдствіемъ чисто физическаго ощущенія руки, державшей руку, глазъ, устремленныхъ въ глаза—молодыхъ, впервые вспыхнувшихъ стремленій,—они не знали и не могли рѣшить; только это было мгновенно, точно какое-то знойное опьяняющее вѣяніе пахнуло на нихъ и подняло всю кровь. Краска бросилась у нихъ въ лицо, взглядъ смутился; Наташа поспѣшно отдернула руку и быстро обернулась къ окну.

Рука Комлева опустилась, но онъ остался какъ вкопанный. Въ головѣ у него была какая-то путаница. Онъ смотрѣлъ по тому же направленію, и взглядъ его уперся въ затылокъ Наташи. Онъ только видѣлъ ясно-очерченную линію, начавшуюся двумя косичками, которую образовалъ засѣвъ черныхъ волосъ на шеѣ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, какъ изящно и симетрично изогнута эта линія, какъ нѣжна ея тонкая шея, какъ густъ черный узелъ косы. Онъ чувствовалъ только какое-то горячее смущеніе, и боялся тронуться, чтобы не очнуться отъ него. Мысли Наташи были такъ же смутны, неопредѣленны, только къ нимъ примѣшивался какой-то пріятный страхъ. Она такъ же неопредѣленно смотрѣла въ окно, ничего не видя, не различая. Продолжалось ли это состояніе мгновеніе или минуты — они не чувствовали; но Наташа первая очнулась, какъ отъ обморока. Первая мысль, которая шевельнулась въ ней, была мысль о мужѣ. Она не отдавала себѣ отчета въ ней; но слово «мужъ!» «мужъ!» только и было у ней на умѣ, до того, что она едва не произнесла его вслухъ. Она чувствовала, что это ея якорь спасенія, что она будто вино-

вата передъ нимъ, что ей надо что нибудь для него сдѣлать. Потомъ вспомнила о Комлевѣ и не знала, что дѣлать съ нимъ, не рада была, что оставила его.

— Поѣдемте мужа встрѣчать, сказала она вдругъ, какъ только эта мысль мелькнула у ней въ головѣ — такъ она обрадовалась ей.

— Поѣдемте, сказалъ Комлевъ, приходя въ себя.

Наташа торопливо позвонила, избѣгая взгляда Комлева, который чувствовала на себѣ. Она боялась, что онъ замѣтитъ ея смущеніе.

— Вели лошадь заложить, сказала она вошедшему слугѣ. — А я пойду одѣться, прибавила она Комлеву, и поспѣшно вышла.

Комлевъ сѣлъ, безцѣльно смотрѣлъ въ окно и все думалъ: что это такое? и наконецъ, было ли тутъ что нибудь, и что именно? — такъ все это было неопредѣленно, безпричинно и замѣтно только по смущенію, внутреннему довольству, которое оставило по себѣ. Онъ не помнилъ, долго ли онъ такъ оставался, пока не вошла Наташа. Она была въ салопѣ и капорѣ; на лицо была спущена вуаль.

— Ѣдемте, сказала она.

Онъ взялъ фуражку и вышелъ за ней; слуга накинулъ на него шубу. У подъѣзда стояли широкія, покрытыя ковромъ пошевни, заложенныя одиночкой. Они сѣли и поѣхали.

Переѣхавъ поперегъ улицу, они выѣхали въ поле. Подтаявшая и осѣвшая дорога была ровна. Кучеръ пустилъ рысистую лошадь. Мягкій вѣтерокъ дулъ имъ въ лицо. Брызги оттаявшаго снѣга летѣли по сторонамъ. Чистый, розовенькій закатъ догоралъ прозрачно и ясно. Наташа и Комлевъ не говорили ни слова, ни о чемъ не могли думать. Они чувствовали только, что сидятъ тутъ, близко одинъ отъ другаго. Жизнь полнѣе играла въ нихъ; міръ какъ будто раздвинулся; грудь дышала шире и требовала воздуха. Наташа откинула вуаль и подставила разгорѣвшееся лицо навстрѣчу вѣтру и брызгамъ....

Они отъѣхали версты три до перелѣска, въ который заворачивалъ проселокъ. Дорога становилась ухабиста; кучеръ сдержалъ лошадь.

— Что, не видать? спросила Наташа.

— Не видать-съ, отвѣчалъ кучеръ, приподнимаясь на козлахъ и заглядывая впередъ. — Не проѣхали ли они развѣ на Мешрику? Тутъ лѣсомъ — дорога плоха!...

— Воротись, сказала Наташа.

Кучеръ повернулъ и, проѣхавъ нѣсколько сажень, хотѣлъ пустить лошадь.

— Тише! сказала Наташа и опустила вуаль.

Они подъѣзжали къ дому, и Наташу мучила мысль, что она будетъ дѣлать съ Комлевымъ, если мужъ нескоро пріѣдетъ. Она боялась остаться съ нимъ; она припомнила слова Комлева: «намъ на сегодня, кажется, не о чемъ уже и говорить», и вспомнивъ, по какому поводу были сказаны эти слова и по какому сбываются — зарумянилась и невольно улыбнулась подъ вуалью. Къ счастію, подъѣхавъ къ крыльцу, она увидала, что опасенія ея были напрасны, и точно какой-то камень скатился съ нея. На дворѣ стояла еще неотложенная повозка Соковлина.

— Отчего ты такъ долго не возвращался! съ неудовольствіемъ сказала Наташа встрѣчавшему ее мужу.

— Развѣ можно скоро выѣхать, когда имѣешь какія нибудь дѣла въ судѣ? отвѣчалъ Соковлинъ. Онъ подошелъ къ ней и поцаловалъ въ голову.

— Что съ тобой? ты такъ разгорѣлась? спросилъ онъ, поднявъ ея голову и смотря ей въ глаза.

— Ничего! оставь! нетерпѣливо сказала она. — Это отъ воздуха. Мы ужь соскучились и ѣздили встрѣчать тебя.

— Знаю! Я проѣхалъ объѣздомъ: тутъ лучше дорога. Ну, давай намъ скорѣе чаю! весело сказалъ Соковлинъ; но когда Наташа пошла распорядиться имъ, онъ внимательно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Что, она не жаловалась вамъ на нездоровье? озабоченно спросилъ онъ Комлева, здороваясь съ нимъ: — у нея какой-то лихорадочный блескъ въ глазахъ.

— Нѣтъ, она ничего не говорила, и я этого не замѣчаю, отвѣчалъ Комлевъ.

Подали самоваръ. Разговоръ шелъ о дѣлахъ и маленькихъ новостяхъ, слышанныхъ Соковлинымъ въ городѣ. Наташа почти не принимала въ немъ участія. Напоивъ ихъ чаемъ, она сказала, что у ней вѣроятно отъ вѣтру болитъ голова, и ушла. Одна дверь изъ чайной выходила въ ея кабинетъ. Опустивъ тяжелыя портьеры, Наташа сѣла въ глубокое кресло, недалеко отъ двери. Ей былъ слышенъ весь разговоръ мужа съ Комлевымъ. По поводу какой-то недавно прочитанной имъ книги Соковлинъ завелъ рѣчь о новыхъ философскихъ школахъ. Комлевъ возражалъ ему

мало, отрывочными фразами. Ему было не до Фейербаха и Фишера, не до безусловнаго существа: онъ думалъ, что дѣлается рядомъ за портьерой, что дѣлаетъ и думаетъ Наташа, которая, вѣроятно, тутъ гдѣ нибудь близко. Но порой слова Соковлина раздражали его; раздражалъ его не образъ мыслей, не идеи, имъ высказываемыя, а просто самый споръ, на который Соковлинъ вызывалъ его, его слова, которыя мѣшали ему думать о другомъ. Тогда Комлевъ возражалъ ему холодно, рѣзко. Его убѣжденія, какъ убѣжденія всякаго самостоятельнаго человѣка, не подчинялись извѣстной школѣ, авторитету; но его матеріальный, строго научный взглядъ обрывалъ, какъ листья, полуидеальный и примиряющій взглядъ Соковлина. Комлевъ не строилъ теорій и не сочувствовалъ имъ: про все, еще недоступное уму и опыту, онъ прямо говорилъ: «не знаю», и тѣмъ легче разбивалъ хитрыя теоріи и умозрѣнія Соковлина. Наташа ловила каждое слово Комлева. Она его слушала не потому, что ей были новы его слова, не потому, что она раздѣляла взглядъ Комлева; напротивъ, ея чувство обдавало холодомъ и ужасомъ отъ этихъ словъ. Но съ ней, въ отношеніи Комлева, случилось то необъяснимое, но тѣмъ не менѣе истинное, психологическое явленіе, по которому одинъ человѣкъ — и только одинъ — становится вдругъ внѣ нашего суда, вырывается изъ-подъ нашего критикующаго взгляда. Это первый симптомъ любви, разительно сходный съ мономаніей! Наташа съ глубокимъ вниманіемъ слушала слова Комлева потому только, что говорилъ ихъ Комлевъ; отвлеченныя, примиряющія, болѣе близкія къ ея понятіямъ мысли Соковлина она отвергала. Она судила ихъ, и судъ этотъ былъ не въ ихъ пользу. Она находила его убѣжденія темными, шаткими; она имъ не сочувствовала, и смотрѣла на нихъ съ пристрастнымъ предубѣжденіемъ. Въ первый разъ она замѣтила въ умѣ мужа что-то слишкомъ мягкое, старческое, отживающее. Словамъ Комлева она бы еще менѣе должна была сочувствовать, — но она принимала ихъ на вѣру, какъ аксіому, какъ фактъ, какъ нѣчто неопровержимое. Говори Комлевъ то, что говорилъ Соковлинъ, и она бы точно также вѣрила ему. Комлевъ вышелъ изъ-подъ ея судящихъ способностей; онъ вдругъ, невѣдомо почему, сталъ для нея авторитетомъ, чтобы не сказать болѣе — героемъ; онъ порабощалъ, подавлялъ ее; она могла его слушать, смотрѣть на него, замѣчать его странности, особенности, даже уродливости, если бы находила ихъ;

но всѣ эти поступки, сужденія, странности она не обсуждала — они такъ должны были быть потому только, что принадлежали ему. Она не сознавала еще надъ собой этого факта, этой власти, но безсознательно уже подчинялась имъ. Между тѣмъ слова Комлева совершенно противорѣчили всѣмъ ея, самымъ глубокимъ, самымъ крѣпкимъ убѣжденіямъ, съ которыми она выросла, которыя всосала вмѣстѣ съ молокомъ, восприняла изо всей съ дѣтства окружающей ее среды. Соковнинъ никогда не высказывалъ ей своихъ взглядовъ на эти убѣжденія, онъ уважалъ и обходилъ ея наивныя чувства, находя ихъ чѣмъ-то присущимъ женщинѣ. Иногда урывками, въ словахъ и книгахъ, до нея доходили идеи современныхъ мыслителей — но она смотрѣла на нихъ какъ-то вскользь, какъ на плоды «ума холодныхъ наблюденій», до нея такъ же мало касающихся, какъ механика, химія и прочія *не женскія* науки. И теперь, откровенный разговоръ, который она слышала, былъ совершенно новъ для нея, но она слушала его тѣмъ съ большимъ интересомъ, что въ немъ высказывался Комлевъ. Его слова нисколько не колебали ея понятій; она ихъ не примѣняла къ себѣ, не свѣряла съ своими убѣжденіями: она имъ удивлялась, заслушивалась ихъ, какъ страшной сказки. Новымъ, сильнымъ и безстрашнымъ человѣкомъ выросталъ передъ ней Комлевъ въ этомъ разговорѣ. Ей было страшно за него, и она удивлялась ему. Она думала, какъ много нужно было смѣлости, твердости и высокаго нравственнаго развитія, чтобы отбросить всѣ обольстительныя и успокоивающія мысли, отвергнуть всякую опору и идти одному, идти прямо, честно, строго, развивать и нести всѣ свои благородныя способности на службу человѣчеству — и видѣть впереди одну могилу и ничтожество. Она не видала уже въ немъ, бѣдная, больная страстью женщина, тѣхъ сухихъ, разсудочныхъ и холодно наложенныхъ на себя правилъ, прикрывающихъ внутреннюю скудость, которыя прежде смутно чувствовала. Составивъ себѣ этотъ нравственный образъ Комлева, она переносилась къ его наружности и живо представляла ее себѣ. Она находила, что эта наружность именно такова и должна быть, чтобы соотвѣтствовать ему. Ни одной лишней или недостающей черты; смѣлый, бодрый видъ, высокій, сильно развитый лобъ, умные, зоркіе глаза, энергически-выгнутое переносье, все — до нѣсколько презрительно-вздернутаго носа и взъерошенныхъ кверху волосъ — все шло къ нему, все соотвѣтствовало его характеру; чѣмъ-то молодымъ, крѣпкимъ и

здоровымъ вѣяло отъ него. И воображеніе ея, чистое и нераз-пущенное, остановясь на наружности Комлева, вдругъ иногда самовольно, со всей молодостью желанья, рисовало ей такой разоблаченный образъ, такія страстныя картины, что Наташа, закрывъ лицо руками, невольно съ перерывающимся дыханіемъ отдавалась имъ, и потомъ очнувшись, старалась сбросить ихъ, вырваться изъ ихъ подавляющей власти, какъ отъ кошемара.

Воспользовавшись первымъ случаемъ, Комлевъ прекратилъ споръ и уѣхалъ; онъ не надѣялся въ этотъ вечеръ увидать Наташу: зачѣмъ же ему было оставаться?

Когда Соковлинъ, проводивъ его, вошелъ въ спальную—онъ нашелъ жену уже въ постелѣ. Соковлинъ осторожно подошелъ къ ней, но лицо ея было спрятано въ подушку.

— Ты спишь, Наташа? тихо спросилъ онъ.

Отвѣта не было.

IV.

Наташа на другой день была блѣдна и нѣсколько слаба, но покойна, какъ будто за ночь она перенесла болѣзнь и начинала выздоравливать. Дѣйствительно, та бездна новыхъ мыслей и ощущеній, которыя она переработала и перечувствовала въ эту ночь, стоила болѣзни. Этихъ мыслей нельзя ни перечислить, ни передать; сознаніе чувства къ Комлеву, которое она боялась сама себѣ даже назвать любовью, новый, какой-то посторонній взглядъ на мужа, на свои обязанности, — все это и пропасть другихъ мыслей, толпой, несвязно, сбивчиво, то ярко, то смутно проносилось безотвязно въ ея головѣ—перерывалось или страстными до самозабвенія или возбуждающими въ ней ненависть картинами, которыя отрывочно, но поразительно ясно, вдругъ рисовало ея воображеніе, — и все это она перечувствовала въ двухъ шагахъ отъ мужа, который спалъ, казалось, безмятежно, а иногда еще слегка всхрапывалъ. Наташа чувствовала, что голова ея горитъ и ломится отъ напора этихъ потрясающихъ мыслей и картинъ: она думала, что заболѣваетъ и что съ ней начинается жаръ и бредъ. Но къ утру она забылась и проснулась уже съ какой-то безжизненностью въ головѣ, точно мозгъ ея, такъ страшно работавшій цѣлую ночь, усталъ и не хотѣлъ принимать ни новыхъ мыслей, ни впечатлѣній. Она принялась за

свои обычныя занятія машинально. Съ мужемъ встрѣтилась за чаемъ; но встрѣча съ нимъ не напомнила ей ни вчерашней сцены, ни укора. Напротивъ, она чувствовала себя холоднѣе къ нему, независимѣе, самостоятельнѣе: точно между нимъ и ею оборвался тотъ невидимый нервъ, который связывалъ ихъ между собою, дѣлалъ изъ ихъ отдѣльныхъ жизней одну цѣльную, взаимно-дѣйствующую жизнь.

— Да здорова ли ты, Наташа? спросилъ Соковлинъ, поцаловавъ ее, по обыкновенію, въ голову, и безпокойно поглядывая въ глаза жены.

— Здорова, лѣниво и съ неудовольствіемъ отвѣчала она.

Она принялась за работу, но часто, воткнувъ иглу, останавливалась и, неподвижно прищуривъ глаза, точно всматривалась во что-то; сидѣла такъ нѣсколько минутъ и потомъ снова, но поспѣшнѣе принималась за работу. Мало по малу сознаніе настоящаго положенія стало яснѣе представляться ей. Она сдѣлалась мягче и нѣжнѣе съ мужемъ и задумчивѣе. Она знала, что Ковлевъ не пріѣдетъ въ этотъ день, но передъ вечеромъ стала безпокойнѣе, вздрагивала отъ каждаго нечаяннаго стука, какъ будто противъ воли ждала кого-то. Когда стало уже такъ поздно, что нельзя было ждать чьего либо пріѣзда, она успокоилась, но видно было, что одна какая-то мысль сильно занимаетъ ее.

Вечеромъ, когда Соковлинъ читалъ по обыкновенію что-то, изрѣдка отрывая отъ книги глаза и взглядывая на Наташу, сидящую за работой, она сказала ему:

— Сережа! я завтра думаю начать говѣть.

Надобно замѣтить, что это было въ исходѣ великаго поста.

— Что тебѣ вздумалось? Вѣдь ты говѣешь обыкновенно лѣтомъ, съ удивленіемъ спросилъ Соковлинъ.

— Такъ. Мнѣ хочется нынче.... Мнѣ хочется молиться, сказала она тихо и не поднимая глазъ.

— Какъ знаешь! равнодушно сказалъ мужъ:—нынче только дорога нехороша.

— Это ничего, замѣтила Наташа.

Соковлинъ продолжалъ читать; но, взглянувъ на Наташу и увидавъ, что она потупилась въ работу, онъ долго и пристально смотрѣлъ на жену. Въ его взглядѣ видно было и безпокойство, и тотъ смутный блескъ, который невольно свѣтится въ глазахъ, когда въ душѣ раждается въ первый разъ сомнѣніе и подозрительность. Но Наташа сдѣлала движеніе, и онъ быстро погру-

зался въ чтеніе, поднявъ книгу въ уровень съ лицомъ. Наташа не замѣтила ни взгляда его, ни смущенія.

На другой день Наташа дѣйствительно начала говѣть. Ихъ приходское село было версты за четыре отъ деревни Соковлина и верстахъ въ трехъ отъ Комлева. Это была доживающая свой вѣкъ, старинная, низенькая деревянная церковь съ потолкомъ вмѣсто свода и деревяннымъ, сѣрымъ отъ времени куполомъ. (Не вдалекѣ на ея смѣну уже воздвигалась каменная, но не была еще достроена). У входа былъ навѣсъ, подпертый столбами съ точеными перильцами, какъ у старинныхъ домовъ. Невысокія окна съ желѣзной рѣшеткой пропускали мутный свѣтъ сквозь выцвѣтшія стекла, отъ времени принявшія уже радужный отливъ. Иконостасъ былъ изъ нѣсколькихъ образовъ стариннаго письма въ два яруса; одинъ изъ нихъ былъ въ золоченой ризѣ. Надъ входомъ висѣла потемнѣвшая масляная картина, изображающая страшный судъ съ извивающимся змѣемъ, на которой были написаны всѣ грѣхи съ разными казнями, соотвѣтствующими каждому изъ нихъ: кто былъ повѣшенъ за языкъ, кто крюкомъ за бокъ, и проч. Священникъ въ бѣдномъ облаченіи совершалъ службу; на клиросѣ пѣлъ и читалъ одинъ дьячокъ, да изрѣдка пономарь, исправивъ другія обязанности, подходилъ къ нему и подтягивалъ. Между богомольцами была глубокая тишина, изрѣдка прерываемая набожнымъ вздохомъ или шопотомъ какой нибудь старушки, произносящей молитву. Богомольцевъ было немного, преимущественно женщины.... Въ первый день Наташа не встрѣтила никого изъ знакомыхъ въ церкви; но на другой, выходя отъ обѣдни, она увидѣла стоящаго у стѣны Комлева. Его присутствіе не удивило ея: она какъ будто знала или чувствовала, что онъ тутъ. Онъ молча и почтительно поклонился; она, не останавливаясь, тихо поклонилась ему и, не глядя, прошла мимо; только на ея блѣдномъ лицѣ заигралъ слабый румянецъ.

Такъ шла недѣля. Несмотря на бѣдную обстановку, никогда Наташа, даже въ дни своей ясной дѣвичьей жизни, такъ не молилась. Это не были горячія, вырывающіяся изъ души молитвы женщины, чувствующей опасность и не надѣющейся на собственныя силы. Нѣтъ, ея молитвы были тихи; но душа какъ-то раскрывалась къ изліянію и воспріимчивости, переполненная чувствами, какъ раскрывается для благоуханія созрѣвшая, полная силъ и жизни чашка цвѣтка. Тихо стояла она; прислонялась

къ досчатой стѣнѣ, чувствуя на себѣ взглядъ Комлева; чтеніе дьячка, періодически вытягивающаго нѣкоторыя слова, возгласъ священника, шуршуканье одеждъ богомолокъ, клавшихъ медленные земные поклоны,—все сливалось въ одинъ заунывный звукъ; вся бѣдная, сумрачная и ветхая обстановка, всѣ великопостныя молитвы,—все говорило о бренности и непрочности этой жизни. И вдругъ ворвется яркій весенній лучъ, ударитъ по сѣрымъ клубамъ дыма, тепломъ и блескомъ обдастъ лица—и обновленная жизнь ворвется съ нимъ туда, гдѣ все говоритъ о жизни загробной, и иныя мысли приносились съ этимъ лучемъ, и поспѣшно и часто Наташа начинала класть поклоны.

А Комлевъ? Причина, по которой онъ бывалъ постоянно на своемъ обычномъ мѣстѣ, ясна читателямъ. Мы не будемъ разбирать и впечатлѣній, которыя выносилъ онъ съ собою....

А весна съ каждымъ днемъ дышала теплѣе и животворнѣе. Снѣгъ осѣдалъ, кровѣлъ и таялъ. Чище и голубѣе стало небо. Бывало, солнце только еще всходило, когда отправлялись къ ранней обѣднѣ наши богомольцы; издали доносился имъ навстрѣчу медленный благовѣстъ надтреснувшаго и маловѣснаго колокола; звукъ его былъ жидокъ и дребезжащъ, но добродушенъ и привѣтливъ, какъ добрый старческій голосъ. Богомольцы съ разныхъ сторонъ шли по дорогѣ къ селу, еще тотчасъ по выходѣ изъ дому уже принявъ набожныя и постныя лица; они кланялись особенно низко и смиренно. Лужи, покрытыя тонкимъ льдомъ, подъ которымъ переливалась вода, маленькія ямки, перетянутыя бѣло-молочными льдистыми иглами, хрустѣли и ломались подъ ногами; свѣжій воздухъ охватывалъ лицо, и здоровая дрожь пробѣгала по тѣлу.... Кончится обѣдня, выйдутъ они, обмѣнявшись безмолвнымъ поклономъ, вмѣстѣ съ народомъ; солнце уже бьетъ тепло и ярко; вода журчитъ по полямъ и овражкамъ; верба одѣлась пухомъ; лѣсъ точно молодѣетъ и наливается отъ поднимающихся въ немъ соковъ; горячѣе льется кровь отъ весенняго воздуха; сильнѣе бьется сердце,—и душа, точно сладко замывая, куда-то стремится и просится.... Это лучшая пора для увлеченій и любви; и.... любовь ихъ росла и зрѣла еще быстрѣе пробуждающейся кругомъ природы.

Въ день, когда Наташа пріобщалась, Комлевъ пріѣхалъ поздравить ее, и остался до вечера. Наташа, вся въ бѣломъ, нѣсколько поблѣднѣвшая, со своими черными гладко-причесанными волосами и утомленными подъ длинными рѣсницами глазами,

имѣла какой-то особенный видъ нѣжной чистоты. Комлевъ былъ съ нею мягче, почтительнѣе; онъ и говорилъ съ нею почему-то тише и бережнѣе, точно съ выздоравливающей. Въ обращеніи Соковлина съ нимъ и женою не было замѣтно никакой перемѣны; только разъ при женѣ онъ спокойно и какъ будто мимоходомъ спросилъ Комлева:

— А вы тоже говѣли нынче, Комлевъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Комлевъ серьёзно: — я смотрѣлъ, какъ молятся другіе, и завидовалъ.

Наташа кинула бѣглый взглядъ на мужа: она не говорила ему о встрѣчахъ съ Комлевымъ; но лицо его не выражало ни ироніи, ни задней мысли. Несмотря на то, она была уколота этимъ вопросомъ, и не отвѣчала въ свою очередь только потому, что не хотѣла придавать ему значенія. Но въ душѣ она была благодарна Комлеву за его искренній и, главное, твердо высказанный отвѣтъ. Болѣе они не говорили объ этомъ.

Прошло еще недѣли двѣ. Комлевъ въ это время всего раза два-три былъ у Соковлиныхъ. По какой-то странной прихоти, Соковлинъ часто, хоть не надолго, оставлялъ жену съ Комлевымъ, подъ разными предлогами, однихъ, съ-глазу-на-глазъ. Можетъ быть, если подозрѣніе уже зародилось въ немъ, онъ повиновался тому нетерпѣливому чувству, по которому больной поскорѣе хочетъ довести свой томительный недугъ до кризиса и готовъ часто усилить его, чтобы только чѣмъ нибудь покончить съ нимъ. Но эти свиданья и встрѣчи не повели ни къ чему. Точно сговорясь, Комлевъ и особенно Наташа избѣгали всякаго разговора, который могъ бы ихъ заставить хоть сколько нибудь высказаться.

Наступила пасха, и вмѣстѣ съ нею точно какая-то сдерживающая сила совершенно неожиданно сняла со всѣхъ свою руку. Лица, которыя за два дня носили набожное и робкое выраженіе — глядѣли теперь весело и бойко; бóльшая часть деревни, которая недавно постилась и воздыхала, была пьяна и пѣла пѣсни; улица оживилась народомъ; казалось, солнце свѣтило веселѣе и ярче, и кровь живѣе и горячѣе билась въ жилахъ.

Общее настроеніе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, отразилось и на кружкѣ нашихъ дѣйствующихъ лицъ. Комлевъ въ первый же день пріѣхалъ къ Соковлинымъ. Они сошлись какъ-то друж-

нѣе и короче. Разговоръ былъ веселъ, непринужденъ, и дышалъ теплою и откровенною симпатіей. Облако, которое молчаливо росло и темнѣло между ними, казалось, растаяло и упало освѣжающимъ дождемъ; зародившееся чувство, не дозрѣвъ до страсти, казалось, нашло исходъ въ дружеской привязанности.

Соковлины имѣли обыкновеніе на пасхѣ ѣздить въ Любановку — христосоваться съ тамошними крестьянами, которымъ въ это время дѣлалось угощеніе. Наташа, послѣ смерти матери, постоянно и съ любовью справляла эту поѣздку. За обѣдомъ зашла рѣчь о ней.

— Не хотите ли и вы ѣхать съ нами? сказалъ Соковлинъ Комлеву.

Комлевъ согласился съ удовольствіемъ, и поѣздка была назначена на другой день.

Утромъ Комлевъ пріѣхалъ къ Соковлинымъ, и они отправились. День былъ теплый, тихій. Они ѣхали въ открытыхъ дрогахъ. Соковлинъ сидѣлъ рядомъ съ женой, напротивъ ихъ Комлевъ. Солнце свѣтило ярко, но не жгуче; съ его теплыми и веселыми лучами точно лилась какая-то оживляющая струя; по лугамъ стояли и сверкали свѣтлыя полосы водъ; прилетѣвшая птица кричала кругомъ своимъ весеннимъ, беззастѣнчивымъ и раздражающимъ крикомъ; даже въ наливающихся стволахъ деревьевъ и прутьевъ чувствовалось движеніе поднимающихся соковъ; полнота молодой закипающей жизни обхватывала кругомъ, вдыхалась въ воздухѣ, слышалась ухомъ, видѣлась глазами. Всѣ ѣхали молча. Соковлинъ, казалось, безмятежно наслаждался природой; но въ Наташѣ, а особенно въ Комлевѣ, проглядывала сдержанность: ихъ бременилъ избытокъ жизни и ощущеній; безпокойство, какія-то порывистыя стремленія просились высказаться и вырваться, и они не смѣли имъ дать воли. Новые дышащіе чувствомъ оттѣнки лежали на лицѣ Наташи и придавали ему полноту выраженія невиданную; румянецъ игралъ на щекахъ, глаза отуманивались и стали будто глубже и темнѣе; она ихъ постоянно отводила, чтобы не встрѣтиться взглядомъ съ Комлевымъ. Комлевъ, напротивъ, уловляя минуту, когда Соковлинъ не могъ его видѣть, искалъ ея взгляда и, давая на мгновеніе себѣ волю, смотрѣлъ на нее блестящимъ, твердымъ и страстнымъ взглядомъ; и такъ длился путь, полный утомляющаго, недосказаннаго, но тѣмъ не менѣе чуднаго упоенія.

На широкомъ любановскомъ дворѣ были поставлены столы

съ пирогами, калачами и бараниной, съ боченками вина и пива. Крестьяне собрались еще задолго и ожидали пріѣзда господъ. Соковлинъ началъ со всѣми христосоваться. Наташу обступили дворовые, и нѣкоторые изъ крестьянокъ тоже христосовались съ ней, называли ее по старой привычкѣ барышней, и дѣлали разныя замѣчанія, въ родѣ того, что она похудѣла или постарѣла. Наташа сѣла на крыльцѣ, гдѣ стоялъ Комлевъ, смотрѣла на картину и разговаривала съ женщинами; но когда вино и пиво начали оказывать свое дѣйствіе, и мѣстами послышались пѣсни — она, чтобы не мѣшать веселости, встала и пошла въ домъ. Соковлинъ остался разговаривать съ крестьянами и старостой; но Комлевъ пошелъ за нею.

Они прошли по холоднымъ и опустѣлымъ комнатамъ; ихъ обдало сыростью, и тяжелое унылое чувство дохнуло отъ этихъ стѣнъ, когда-то домовитыхъ и полныхъ, какъ чаша; они поспѣшили выйти на террасу и молча остановились надъ перилами. Свѣжее дыханіе весны опять повѣяло на нихъ; снова жизнь настоящей минуты вступила въ свои права; къ ней присоединились воспоминанія того свѣтлаго прошлаго, которое текло здѣсь, прошлаго, со всею поэзіей юности и отдаленности. Имъ вспомнилось невольно и прежнее чувство, блѣдное и слабое, какъ едва прочеркнувшійся въ облакахъ новый мѣсяцъ, и настоящая, еще невысказанная, но тѣмъ не менѣе полная, въ молчаніи и тиши созрѣвшая склонность. Это сліяніе прошлаго съ настоящимъ была та капля, которая переполняетъ сосудъ — они не могли молчать долѣе....

Комлевъ первый обернулся къ Наташѣ.

— Пойдемте въ садъ, сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышалось внутреннее волненіе.

Наташа чувствовала приближающійся кризисъ; женская стыдливость еще слабо удерживала ее; она попробовала отговориться.

— Сыро, сказала она нерѣшительно.

Комлевъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и началъ сходить одинъ. Наташа тихо и какъ будто невольно пошла за нимъ.

Внизу ступеней Комлевъ остановился, подождалъ ее и предложилъ ей руку. Она оперлась на нее, и онъ быстро повлекъ ее по аллеѣ.

Въ саду было дѣйствительно сыро; снѣгъ мѣстами лежалъ еще между деревьевъ; прошлогодній опавшій листъ покрывалъ

проталины, и только убитая щебнемъ, выпуклая средина дороги нѣсколько провяла; но они не обращали на это вниманія и быстро шли по склоняющейся подъ гору аллеѣ: съ ними шло ихъ накипѣвшее чувство; они несли вокругъ себя цѣлую атмосферу любви, и не знали, какъ, но чувствовали, что она должна сказаться такъ или иначе.

Комлевъ повернулъ въ узкую, извилистую и густо-обросшую дорожку; ни дома, ни другихъ аллей не было видно; они были одни, совершенно одни. Онъ быстро осмотрѣлся и остановился.

— Что же, сказалъ онъ: — довольно молчать и терпѣть?...

Наташа молчала и только розовыя пятна проступили у нея на лицѣ.

Комлевъ взялъ ея руку: она была холодна, какъ ледъ; Наташа не сопротивлялась.

— Здѣсь, въ этомъ саду, вы меня отвергли, сказалъ Комлевъ:—я тогда не стоилъ васъ. Вы *ему* дали шесть лѣтъ счастья; дайте мнѣ хоть минуту, если я стою ея.

Комлевъ поднялъ ея руку и сталъ цаловать; потомъ тихо взялъ Наташу за талію и посадилъ на скамейку. Наташа была какъ каменная. Онъ привлекъ ее къ себѣ и припалъ губами къ ея щекѣ. Наташа не защищалась, не отдавалась. Поцалуй Комлева скользнулъ ниже къ углу ея губъ, къ губамъ.... онѣ были безотвѣтны. Ему бы показалось, что онъ цалуетъ статую, если бы онъ не чувствовалъ рукою, какъ станъ ея весь дрожитъ; но потомъ тихо, чуть-чуть она повернула къ нему голову, губы ея шевельнулись и стали сливаться съ его губами, и въ ту же минуту Наташа быстро оттолкнула его и закрыла лицо руками.

Нѣсколько минутъ они сидѣли безмолвно, недвижимо: Комлевъ, весь горѣвшій любовью и смущенный ея развязкою; Наташа съ блѣдными, стиснувшими лицо руками.

Наконецъ Комлевъ взялъ ея руки и тихо отвелъ; Наташа взглянула на него, и отъ этого взгляда у него опустились руки: вмѣсто страсти, стыдливости, полупризнанья, онъ прочелъ въ этомъ холодномъ взглядѣ большихъ раскрытыхъ глазъ—только ужасъ.

— Другъ мой! другъ мой, что съ вами? сказалъ поблѣднѣвшій въ свою очередь Комлевъ, и хотѣлъ снова взять ея руку.

— Оставьте! оставьте меня! сказала Наташа и, какъ отъ змѣи, отшатнулась отъ него.

— Такъ вы меня не любите! сказалъ, стиснувъ губы, Ком-

левъ, и весь позеленѣлъ отъ мучительнаго чувства, которое сосало его за сердце.

Въ глазахъ Наташи явилось сознаніе.

— Да вѣдь это гибель! вѣдь это несчастье вѣчное... общее... безвыходное.... едва переводя духъ и сдвинувъ брови, съ отчаяніемъ говорила она.

— Отчего же несчастье? Развѣ я не могу вамъ дать счастья еще бо́льшаго, полнѣйшаго!... Я васъ такъ глубоко люблю, что у меня достанетъ на это силы.... Развѣ вы не вѣрите ни въ себя, ни въ меня? страстно говорилъ Комлевъ.

— Но онъ! Что же будетъ съ нимъ? Онъ такой честный, такой добрый.... тихо говорила она.

— А обо мнѣ вы не думаете! сказалъ Комлевъ.

— Да развѣ вы.... не видите, какъ я васъ люблю! сказала она, оживляясь: — но поймите меня! Вѣдь... все... все... земля ломается подо мною.... вѣдь я гибну не одна.... вѣдь это безсовѣстно.... я не могу лгать.... у меня голова разрывается....

И она схватила себя за голову.

— Наташа, ангелъ мой, успокойтесь! говорилъ Комлевъ, цалуя ея руки и не зная самъ, что говоритъ: — мы не будемъ лгать.... мы ему скажемъ прямо.... откровенно.... Онъ былъ счастливъ.... подумайте же обо мнѣ и о себѣ.... Мы уѣдемъ....

— И мы его убьемъ этимъ, тихо сказала Наташа, и сказала такъ нѣжно, какъ будто говорила ласковое слово.

— Наташа! Комлевъ! гдѣ вы? раздался голосъ Соковлина съ террасы, и послышались его шаги по ступенямъ.

Наташа и Комлевъ вскочили и замерли. Комлевъ приложилъ на минуту палецъ къ губамъ, потомъ громко отвѣтилъ:

— Мы здѣсь!

И въ то же время охватилъ Наташу и тихо, беззвучно поцаловалъ ее.

Наташа вспыхнула, оттолкнула его, оправилась и, оперлись снова на руку, которую ей подалъ Комлевъ, пошла съ нимъ на встрѣчу мужу.

— Ну, не сумасшествіе ли это гулять по такой сырости! сказалъ Соковлинъ, встрѣчая ихъ.

— Я въ теплыхъ ботинкахъ, холодно отвѣчала Наташа и показала мужу ногу.

— Да все-таки и сыро и грязно. Да и солнца здѣсь нѣтъ. Пойдемте на террасу.

Они прошли молча и остановились у дома.

— Да пора и домой, я думаю, сказала Наташа.

— Пожалуй, если хочешь, отвѣчалъ Соковлинъ, и велѣлъ подавать лошадей.

На прощаньѣ нѣсколько крестьянъ подъ вліяніемъ угощенья явилось съ изліяніемъ своихъ чувствъ. Деревенскій ораторъ и краснобай счелъ за нужное сказать благодарственный спичъ. — «Вы — наши господа, а мы — ваши крестьяне, говорилъ онъ косвѣющимъ уже языкомъ. Дай Богъ вамъ здоровья! и матушкѣ вашей, покойницѣ, царство небесное! и покорнѣйше благодаримъ!» Менѣе краснорѣчивые только кланялись, и рѣшительно махая рукой, съ особенной убѣдительностью повторяли: «мы — ваши, а вы — наши!» Нѣсколько бабъ протѣснились къ Наташѣ и изловчились поцаловать ея руку. Господа поѣхали.

Солнце свѣтило такъ же ярко и горячо, такъ же задорно кричали птицы; но возвращеніе не походило на пріѣздъ. Точно черная мысль пришла и сѣла съ ними на четвертое мѣсто. Соковлинъ былъ угрюмъ, хотя старался скрыть это. Онъ молчалъ и усиленно курилъ сигару. Наташа, блѣдная, съ сдвинутыми бровями, казалась огорченною, точно кто нибудь оскорбилъ ее. Одинъ Комлевъ имѣлъ нѣкоторое право быть довольнымъ, и онъ началъ было что-то говорить; но Соковлинъ промолчалъ; Наташа отвѣчала ему такъ сухо, какъ будто сердилась на него, и Комлевъ замолчалъ, смущенный. Онъ думалъ о сценѣ въ саду, онъ думалъ: «вотъ этотъ запретный и пресловутый первый поцалуй, не купленный бракомъ или надеждой на него, не данный безпечной, неопытной юностью! Сильно должно быть чувство, которое дозволяетъ его наперекоръ разсудку, всосанныхъ правилъ, наперекоръ наконецъ совѣсти. И что же за безжизненный, мертвый поцалуй! Чѣмъ высказалось это безумство и увлеченье страсти? Едва отворилась завѣтная и желанная дверь — въ нее, вмѣсто наслажденія, показалась только мрачная сторона картины! Что же будетъ далѣе, если таково начало? думалъ онъ: что же такое эта запретная, завѣтная страсть!» И онъ смутился еще болѣе, хотя въ глубинѣ души у него лежало самодовольное и себялюбивое чувство. И такъ они ѣхали, молчаливые, суровые, разстроенные.

По пріѣздѣ, Комлевъ тотчасъ спросилъ лошадь. Его приглашали отобѣдать; онъ отказался; его не удерживали. Наташа тоже сказала, что устала отъ поѣздки, и ушла въ спальную. Со-

ковлинъ одинъ сѣлъ за столъ; поболталъ машинально ложкой въ тарелкѣ, подумалъ что-то надъ ней, всталъ и ушелъ въ кабинетъ. Люди убрали со стола, и доѣдая супъ, таинственно и вопросительно поглядывали другъ на друга.

V.

Наташа вышла только вечеромъ. Она сидѣла, прислонясь въ мягкій уголъ дивана, и поставила свѣчи съ абажуромъ, такъ что лицо ея было въ тѣни. Однакожь, можно было замѣтить, что она очень блѣдна. Мужъ вошелъ, посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь?

— Голова болитъ, слабо отвѣтила Наташа.

Они замолчали. Соковлинъ заложилъ руки за спину и долго ходилъ вдоль комнатъ. Потомъ онъ подошелъ и сѣлъ возлѣ нея. Лицо его тоже было разстроено, но не мрачно, а только грустно.

— Наташа, ты не откровенна со мною, мой другъ, сказалъ Соковлинъ: — развѣ я не заслужилъ твоей довѣренности?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ кроткимъ упрекомъ.

Наташа тихо наклонилась, взяла его руку и поцаловала. Соковлинъ не отнялъ руки, но вздрогнулъ, какъ будто услыхалъ подтвержденіе страшной догадки. Онъ помолчалъ немного, и собираясь съ мыслями, началъ... но голосъ его былъ надтреснутъ.

— Я знаю, есть вещи, про которыя тяжело говорить. Но молчаніе тяжеле и хуже.... (Онъ остановился.)... И ты давно — любишь его? едва могъ онъ выговорить.

— Не знаю, чуть слышно проговорила Наташа, какъ приговоренная.

— И.... очень? снова спросилъ Соковлинъ, и нерѣшительно взглянулъ ей въ лицо, повинуясь тому чувству, которое заставляетъ самоубійцу повертывать ножъ въ собственной ранѣ.

— Пощади меня!... сказала Наташа, припавъ лицомъ къ его плечу.

Соковлину стало совѣстно своего вопроса. Онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ голову жены, и это ощущеніе было совсѣмъ ново ему, точно въ первый разъ и—другая женщина прислонилась къ нему. Такъ странно нравственная перемѣна отражается тотчасъ физически. Соковлинъ не шевелился и молчалъ

до тѣхъ поръ, пока Наташа снова не сѣла, закрывъ лицо платкомъ.

Онъ далъ ей успокоиться и, не глядя на нее, началъ тихо и прерывисто, какъ будто говоря самъ съ собою:

— Ты ни въ чемъ не виновата. — Мы не свободны въ чувствахъ. Ты знаешь, я этого боялся сначала, но потомъ отдался теченію беззаботно.... и слава Богу! Мы долго были счастливы.... что же дѣлать, если случилось!... Я подозрѣвалъ, что *начиналось* — но ничего не дѣлалъ, чтобы остановить, да и не остановишь.... Нельзя останавливать жизнь....

Онъ опять замолчалъ. Наташа неподвижно смотрѣла на него, съ глубокимъ вниманіемъ и какимъ-то страхомъ прислушиваясь къ его словамъ. Потомъ онъ всталъ и, торопливо опустивъ глаза, сказалъ ей:

— Послушай, помнишь нашъ разговоръ передъ свадьбой? Ты свободна. Но.... вотъ что. Идти противъ общественныхъ условій тяжело, они будутъ задѣвать безпрестанно. Внѣ покоя — нѣтъ прочнаго счастія, и наконецъ наше прошлое счастіе, я думаю, стоитъ того, чтобы его отстаивать....

— Ты думаешь, что я не борюсь? перервала Наташа, схвативъ мужа за руку и стиснувъ ее.

— Вѣрю.... вѣрю.... Но.... *дитя мое*, пока есть силы, не уступай и того, что намъ еще осталось.... Сынъ есть у насъ! едва слышно сказалъ онъ, и голосъ его дрогнулъ.

Онъ быстро наклонился къ женѣ, поцаловалъ ее въ голову, и она почувствовала, какъ нѣсколько теплыхъ слезъ упало на нее. Онъ вырвалъ руку и поспѣшно ушелъ.

Бѣдная женщина осталась одна со всѣмъ хаосомъ разрывающихъ мыслей и чувствъ. Долго сидѣла она неподвижно, какъ каменная. Потомъ вдругъ судорожно сжала руки, заложила ихъ надъ головою, простонала: «Боже мой! отчего не могу я, какъ прежде, любить его!» и рыдая, упала внизъ лицомъ на диванъ.

Поздно вечеромъ Соковлинъ позвонилъ изъ кабинета. Вошелъ слуга, который обыкновенно ходилъ за нимъ. Онъ нашелъ барина спокойно лежащимъ на диванѣ, съ книгой въ рукѣ и сигарой; но лица его за книгой не было видно. Не опуская книги, Соковлинъ сказалъ:

— Барыня нездорова. Сдѣлай мнѣ здѣсь постель.

И онъ продолжалъ курить и читать. Когда слуга исполнилъ приказаніе, онъ отпустилъ его. Но вслѣдъ затѣмъ, явилась горничная и подала ему незапечатанную записку.

Соковлинъ развернулъ и прочелъ:

«Не ѣздите къ намъ, не пишите ко мнѣ и не ищите случая меня видѣть. Я васъ прошу объ этомъ — я этого требую».

Подписи не было.

— Барыня приказали просить васъ—отправить эту записку, сказала горничная.

— Скажи, что мнѣ лѣнь, и это не къ спѣху... Если не раздумаетъ, пусть пошлетъ завтра сама.... лѣниво сказалъ Соковлинъ, сложивъ и отдавая записку. — Что, голова у нея все болитъ? прибавилъ онъ.

— Онѣ не жалуются, но, кажется, нездоровы, отвѣчала горничная.

— Ступай, сказалъ Соковлинъ, и принялся за книгу.

Наташа на другой день отправила Комлеву записку, и посланный, возвратясь, подалъ ей отвѣтъ.

— Зачѣмъ же это? Вѣдь я сказала, чтобы не ждать отвѣта, спросила она.

— Приказано отдать, отвѣчалъ посланный.

Она повидимому была недовольна. А между тѣмъ вся кровь прилила у ней къ сердцу и, оставшись одна, она съ нетерпѣніемъ и въ первый разъ испытываемымъ наслажденіемъ сорвала облатку.

На клочкѣ бумаги было наскоро написано карандашомъ только два слова: «Буду ждать». Она перечитала ихъ десятки разъ и, придавая имъ столько же разныхъ значеній, спрятала записку, и не однажды въ день вынимала и читала ее.

И затѣмъ дни пошли за днями, не отмѣченные повидимому ни одной рѣзкой чертой. А между тѣмъ это были тѣ полные жизни дни, въ которые время съ особенной быстротой вертитъ свое колесо, и каждый изъ этихъ дней стоилъ многихъ, медленныхъ и тощихъ впечатлѣніями. Эти дни походили на ровные переливы звуковъ, которыхъ общая гармонія вызываетъ слезы глазъ на буквы, изъ которыхъ слагается потрясающая драма.

Первое время Наташа была съ мужемъ нѣжнѣе обыкновеннаго; еще больше заботилась о сынѣ, лелѣяла и ласкала его.

Иногда взглядъ ея — когда Соковлинъ не могъ его замѣтить — останавливался на мужѣ съ грустною нѣжностью. Она пробовала постоянно занять себя чѣмъ нибудь, но мелкія хозяйственныя заботы рѣшительно стали ей тягостны; бывало, все у ней клеилось и вязалось, отъ одного занятія она переходила къ другому, и день ея былъ полонъ ими. Теперь, точно молодая хозяйка,—которая и хочетъ похозяйничать и не умѣетъ,—всюду она вмѣшивалась безполезно, не во время, хотя принуждала себя къ этому. Это продолжалось дня два, сдѣлалось ей совершенно невыносимо, и она все бросила. Тогда она стала какою-то тихой, безотвѣтной. Спросятъ ее что нибудь или позовутъ куда, она коротко отвѣтитъ, сходитъ, — потомъ сядетъ опять за работу, скоро опуститъ ее и сидитъ, прищуривъ и неподвижно устремя взглядъ въ одну точку, точно всматриваясь во что-то далекое, сидитъ до тѣхъ поръ, пока опять ее не выведутъ изъ этого забытья. Но это продолжалось тоже не долго; мало-помалу она стала сумрачнѣе, неровнѣе. То все ее раздражало, и она сердилась за всякую бездѣлицу; то, какъ бы опомнясь, она становилась необыкновенно добра и мягка. Соковлинъ все это видѣлъ. Онъ былъ на столько опытенъ, честенъ и тонко развитъ, что счелъ за нужное оставить чувство его собственному ходу, отдать все времени и обстоятельствамъ; онъ старался ни чѣмъ не выказывать ни вмѣшательства, ни вліянія, ни воли. Это было поведеніе не только добросовѣстнаго человѣка, но вмѣстѣ и лучшая тактика. Но—увы!—бываютъ такія безвыходныя положенія, въ которыхъ всякій шагъ такъ же губитъ, какъ и дѣйствіе. Зимняя вьюга застанетъ пѣшехода на дорогѣ: попробуетъ онъ идти — вязнетъ, теряетъ путь и послѣднія силы; думаетъ остаться — холодъ захватываетъ духъ, тѣло мерзнетъ и коченѣетъ. Ложись, бѣдный пѣшеходъ! пусть заноситъ тебя снѣгомъ! можетъ быть, пройдетъ вьюга, и ты какъ нибудь выберешься на вольный свѣтъ; можетъ, чья нибудь добрая и догадливая рука откопаетъ тебя, ну — а можетъ, и замерзнешь!

На бѣду Соковлина, обстоятельства заставляли его въ эти критическіе дни его жизни быть на виду у Наташи, и самому часто видѣть ее. Встрѣтится онъ съ ней утромъ, ласково поцалуетъ ее, какъ обыкновенно, въ голову; ей кажется, что онъ покровительственно соболѣзнуетъ о ней; не сдѣлаетъ этого, ей кажется, что онъ холоденъ или презираетъ ее. Самъ Соковлинъ не зналъ, что дѣлать съ собою, потому что ни на минуту не

могъ забыть о ней. Вздумаетъ онъ оставить Наташу одну, дать ей полную волю, принудить себя идти на работы или сидѣть за дѣломъ, ничего, разумѣется, не дѣлая, у себя въ кабинетѣ,—и ему кажется, что жена можетъ принять это за холодность, за пренебреженіе, и онъ спѣшитъ къ ней. Сидитъ съ ней, и думаетъ, не мѣшаетъ ли онъ ей, не навязывается ли, не слишкомъ ли сухъ, не слишкомъ ли нѣженъ... Извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть самимъ собою, быть простымъ и естественнымъ, когда на насъ обращено вниманіе. Наташа не была въ этомъ положеніи; она слишкомъ поглощена была своимъ чувствомъ къ другому; противъ воли она болѣе думала о томъ, что̀ дѣлается тамъ, въ недалекомъ деревенскомъ домикѣ, чѣмъ о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ мужу. Но Соковлинъ, лучше владѣя собою, этимъ самымъ болѣе затруднялъ себя; онъ былъ какъ близкій, но не свѣдущій въ медицинѣ человѣкъ у постели дорогаго больнаго; онъ ничего не могъ и не долженъ былъ дѣлать, а между тѣмъ безпрестанно могъ затрогивать и возстановлять противъ себя болѣзненную раздражительность. Можетъ быть, и дѣйствительно онъ дѣлалъ въ это время какіе нибудь не ловкіе шаги — трудный и тяжелый крестъ несъ онъ на себѣ; можетъ, это только казалось Наташѣ; но Соковлинъ началъ замѣчать въ ней проблески непріязни и даже болѣе оскорбительнаго чувства.

Разъ, когда она сидѣла полубольная, грустная и убитая, и Соковлинъ что-то ухаживалъ и заботливо хлопоталъ о ней, она сказала ему: «Ахъ, какъ ты добръ всегда!»—но сказала это такъ, что трудно было различить, благодарна ли она за эту доброту, или она ей опротивѣла до смерти. Въ другой разъ, когда уходя къ себѣ, онъ по обыкновенію поцаловалъ ее въ голову, она какъ-то судорожно подернулась, точно отвратительный гадъ коснулся ея. Однажды, въ припадкѣ нѣжности, Наташа, прижавъ головой къ плечу мужа и цалуя его, сама сказала ему: «знаешь, Сережа,—бываютъ минуты, когда я ненавижу тебя!..» и сказала это такъ тихо и боязливо, какъ будто сама боялась услышать себя.

Это продолжалось съ недѣлю. Разъ Соковлинъ читалъ что-то въ присутствіи Наташи и, взглянувъ нечаянно на нее, подмѣтилъ на ея лицѣ какое-то злое и презрительное выраженіе; объ немъ ли думала она въ это время, или нѣтъ — этого онъ не могъ разгадать; но увидавъ его взглядъ, она зарумянилась, и зарумянилась скорѣе отъ неудовольствія, нежели отъ стыда.

Она встала, ушла къ себѣ и въ этотъ вечеръ не выходила. На другой день двери въ ея кабинетъ и спальную остались затворены, и она тоже не показывалась. Она не спрашивала даже сына, и когда нянька приносила его утромъ и вечеромъ, она лѣниво крестила его и, холодно поцаловавъ, отпускала. Соковлинъ нѣсколько разъ заботливо спрашивалъ ея горничную, и получалъ отвѣтъ, что барыня не совсѣмъ здорова, впрочемъ не въ постелѣ,—а на вопросъ, не нужно ли послать за докторомъ, получалъ отвѣтъ, что не нужно. На третій день это повторилось снова, но Соковлинъ ни разу не спросилъ о женѣ. Онъ самъ очень похудѣлъ, сдѣлался мрачнѣе, и постоянно-добродушное выраженіе лица его смѣнилось холоднымъ.

Наконецъ, Наташа вышла и встрѣтилась съ мужемъ. Если бы они оба могли наблюдать другъ за другомъ, они бы ужаснулись перемѣнѣ, которая произошла въ нихъ въ эти дни. Наташа была блѣдна, какъ алебастровая. Темные круги обозначались подъ глазами, и отъ этого глаза казались еще болѣе; только чернота ихъ сдѣлалась тусклѣе, какъ погасшій уголь. Она была не печальна, даже спокойна, но какъ-то сосредоточенно-холодна, точно замерла вся. Видно было, что горе затопляетъ ее, и она вся, безъ борьбы и надежды, отдалась ему. Но ни Соковлинъ, ни Наташа уже не наблюдали другъ за другомъ. Они сошлись холодно, молча, враждебно, даже не избѣгая болѣе другъ друга. Жизнь ихъ, казалось, вошла въ обычную колею; они даже чувствовали какое-то болѣзненное наслажденіе одинъ въ присутствіи другаго, и если бы не молчаливость или односложныя слова, если бы не ихъ лица, то можно бы подумать, что они начали успокоиваться и примиряться съ своимъ положеніемъ; но не приведи Богъ испытать кому либо, какая вода текла подъ этимъ льдомъ.

Такъ прошло еще нѣсколько медленныхъ дней; все въ домѣ было какъ-то особенно тихо. Прислуга говорила шопотомъ и ходила осторожно, какъ будто въ домѣ лежалъ умирающій или покойникъ; хозяйство шло кой-какъ: имъ управляли ключница по дому и староста по деревнѣ — господъ не смѣли тревожить. Богъ-вѣсть, чѣмъ бы кончилось это странное положеніе; можетъ быть оно бы медленно убило кого нибудь изъ нихъ; можетъ быть, изсосавъ всю горечь, оно бы замерло, перешло въ тихую грусть и наконецъ выздоровленіе, если бы не было прервано слѣдующимъ происшествіемъ.

Разъ утромъ, Соковлинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, ничего не дѣлая, съ потухшей сигарою въ рукахъ, когда вбѣжала къ нему испуганная горничная жены и сказала: «барыня умираетъ!» Соковлинъ точно проснулся отъ сна, точно въ первый разъ получилъ сознаніе. Онъ не помнилъ, какъ онъ очутился возлѣ жены. Онъ нашелъ ее въ ея кабинетѣ, въ покойномъ креслѣ у окна, гдѣ она обыкновенно сидѣла. Голова ея была закинута, зубы стиснуты; взглянувъ на ея зеленовато-блѣдную голову, Соковлину показалось, что жена его умерла, и его обдало холодомъ; но съ Наташей былъ сильный нервный припадокъ. Оттирая ея виски, давая ей нюхать спирту, Соковлинъ хотѣлъ разтереть и руки, и, приподнявъ одну, замѣтилъ въ ней бумажку. Рука была судорожно сжата, но захватила только конецъ ея. Соковлинъ вынулъ и прочелъ:

«Я не могу ждать долѣе. У меня нѣтъ силъ. Я или явлюсь къ вамъ, или уѣду, или разобью себѣ голову. Дайте же наконецъ, ради Бога, вѣсть о себѣ!»

— Откуда это? спросилъ Соковлинъ горничную, хотя и очень хорошо зналъ, откуда.

— Человѣкъ привезъ изъ Никольскаго.... сказала испуганная и смущенная горничная: — я не смѣла не отдать....

— И какъ же бы ты смѣла не отдать! воскликнувъ, сказалъ Соковлинъ.

Наташа начала приходить въ себя. Соковлинъ велѣлъ положить ее въ постель, не безпокоить, бросилъ записку на столъ, и вышелъ.

Онъ пришелъ къ себѣ въ кабинетъ, упалъ въ кресла, и стиснулъ себѣ руками голову. Нѣсколько минутъ, казалось, не дыша, не думая, онъ оставался такъ; потомъ простоналъ, и точно разорвавъ что нибудь, вскочилъ и велѣлъ подать лошадь. Лицо у него все было въ пятнахъ. Онъ сталъ ходить по кабинету, выпилъ залпомъ нѣсколько стакановъ воды, и нѣсколько разъ спрашивалъ, готова ли лошадь. Только экипажъ застучалъ по двору, онъ нетерпѣливо схватилъ фуражку, и садясь, сказалъ: «въ Никольское.»

VI.

Никольское, въ которое велѣлъ везти себя Соковлинъ, была деревенька, гдѣ жилъ Комлевъ. Узкій проселокъ, вился къ ней

по ровной, но довольно живописной мѣстности. Прудъ, мельница, село въ сторонѣ, перелѣски, одѣвшіеся молодой листвой, черный бархатъ взрываемой пашни, яркая зелень озимей — чередовались и выступали по сторонамъ, и на все это безразлично смотрѣлъ Соковлинъ и, разумѣется, не замѣчалъ ничего. Но свѣжее дыханіе широко-развернувшейся весны, съ своимъ тонкимъ землистымъ запахомъ, освѣжительно повѣяло на него, и спахнуло ту разъѣдающую и смутную дремоту горя, изъ которой онъ не могъ высвободиться. Соковлинъ смѣлѣе взглянулъ въ лицо настоящаго положенія. «Я самъ виноватъ!» думалъ онъ: «молодость страдаетъ избыткомъ силъ; имъ нужно дать исходъ — а я только ихъ усыплялъ. Я слишкомъ тихо и просто завладѣлъ сердцемъ Наташи; оно не испытало тѣхъ плодотворныхъ бурь, послѣ которыхъ спокойствіе есть и потребность, и наслажденіе. И потомъ она вела слишкомъ тихую и однообразную жизнь; мудрено ли, что жажда ощущеній накопилась въ ней и вспыхнула при первомъ случаѣ! И вѣдь я зналъ это! я все это предчувствовалъ, и ожидалъ, и передумалъ, когда еще хотѣлъ жениться на ней. А потомъ задремалъ, и успокоился! Наконецъ и недавно, когда я почуялъ опасность, что́ я сдѣлалъ, чтобы отстранить ее или идти ей на встрѣчу? Женщины, говорятъ, любятъ, чтобы съ ними обращались деспотично; я былъ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы держаться этого дѣдовскаго правила, слишкомъ вѣрилъ въ женскую честность и силу воли, а у самого недостало силъ, чтобы твердо перенести ихъ измѣну! Да и какая это измѣна? Развѣ Наташа не могла полюбить? Развѣ она могла не полюбить, когда все подготовилось и сложилось для этого? Не самъ ли я говорилъ ей, что если придетъ время и она полюбитъ другаго — она свободна, и я буду для нея тогда другомъ и братомъ. Хорошъ другъ и братъ! Видно, всѣ мы чивы на обѣщанія; хороши всѣ мы съ нашими возгласами и теоріями!» съ злобной ироніей продолжалъ Соковлинъ. «Все до той поры, пока эти теоріи насъ самихъ противъ шерсти не задѣнутъ!... Что же? Комлевъ моложе меня, лучше, не глупѣе. Отчего Наташѣ не полюбить было его? И чѣмъ возмущаться? и что тутъ необыкновеннаго — какъ будто весь міръ валится! Простѣйшій случай изъ самыхъ простыхъ! самый нормальный случай! Женится пожилой человѣкъ на дѣвушкѣ, и онъ не тиранъ, и она отличная женщина, и живутъ они до поры—отлично. Потомъ является другой лучше его: жена полюбила; они не обманываютъ, не

скрываются, пришли да и сказали: «любимъ другъ друга!..» положимъ, не совсѣмъ такъ, ну, да почти... Ну, что же? самый естественный отвѣтъ, какъ въ послѣднемъ актѣ комедіи: «дѣти, любите другъ друга и будьте счастливы!..» Ну, и прекрасно! по здравому смыслу такъ. А что же тутъ я? моя любовь? мое счастье? Развѣ я не имѣю на нихъ такихъ же правъ? Ихъ куда? печку, что-ли, ими топить? Отчего же они, а не я? Хорошо разсуждать хладнокровно издали; да вѣдь это капуста только можетъ такъ разсуждать. Развѣ у страсти нѣтъ своихъ правъ, своей безпощадной логики? развѣ можно дѣлать опытъ надъ трупомъ, и примѣнять выводы къ живому существу? (на этомъ вопросѣ построена вся наша медицина — ну, да и хороша же она!) Права женщины! Да можетъ-ли она быть равноправна съ нами, когда природа ей не дала сильнѣйшаго изъ правъ—права физической силы? Да и мозгъ у нея меньше. Хорошо разсуждать — какъ размазать — издали! А окунись самъ въ самый кипятокъ да и разсуждай въ немъ! Впрочемъ, вѣдь у сумасшедшихъ есть тоже свои, и для нихъ кажется самая здравая логика!» И Соковлину казалось, что онъ тоже сходитъ съ ума. Онъ закрывалъ лицо руками, и чего бы онъ не далъ въ эту минуту, чтобы бросить въ какую нибудь пропасть и Наташу и Комлева, и самому броситься туда, да кстати столкнуть съ собой и всю землю.

Потомъ, когда пароксизмъ страсти проходилъ, онъ по поводу первой встрѣчной вещи принимался разсуждать, и разсуждалъ самымъ хладнокровнымъ образомъ. «Вѣдь вотъ», думалъ онъ: «ужъ я въ самомъ кипяткѣ, а между тѣмъ я не теряю способности здраво судить—я вижу всякую бездѣлицу. Вотъ дыра на мосту—надо сказать, чтобы ее задѣлали, лошадь можетъ ногу сломать. Кажется, у лошади голова высоко подтянута?»

— Степанъ! ты никакъ поводъ высоко подтянулъ? спросилъ Соковлинъ.

Степанъ, которому баринъ отъ-роду не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, входящихъ въ область его спеціальности, и который вслѣдствіе этого имѣлъ самое презрительное понятіе о барскихъ свѣдѣніяхъ по этой части, едва взглянулъ на поводъ, въ полной увѣренности, что баринъ сказалъ вздоръ.

— Это она ужъ всегда такъ голову несетъ, съ покровительной снисходительностью отвѣчалъ Степанъ, и ударилъ лошадь вожжей.

«Ну вотъ», думалъ Соковлинъ: «гдѣ же тутъ ослѣпленіе

страсти, когда замѣчалъ поводокъ, который никогда не замѣчаю! Я понимаю, что умирающему могутъ приходить на умъ самыя дикія вещи. Да и притомъ ослѣпляетъ-ли еще страсть? Не шире-ли, напротивъ, и не яснѣе-ли видишь въ это время всѣ вещи, потому что мозгъ и нервы раздражительнѣе и туже настроены? Или уже мы такъ надломлены и попорчены привычкой къ рефлексіи, что не можемъ и страсти отдаться всецѣло, и все остается у насъ въ уголку какой-то «Московскій Наблюдатель», который слѣдитъ за нами и за всѣмъ окружающимъ.... Вотъ такъ его! такъ его!» весело улыбаясь, чуть не сказалъ онъ вслухъ, увидавъ, какъ недалеко въ стадѣ, корова, улепетывая отъ быка, поддягивала ему въ морду задними ногами... «Вотъ такъ и надо васъ, волокитъ, учить!.. А впрочемъ и она только до поры!..» И онъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на корову. «Самки тоже выбираютъ самцовъ», продолжалъ думать онъ. «Говорятъ, львица хладнокровно смотритъ на дерущихся до смерти львовъ, и потомъ идетъ съ побѣдителемъ. Положимъ, она его потомъ и броситъ и пойдетъ за другимъ; такова ужь видно природа у этого пола. Но развѣ самцы уступаютъ безъ боя самку? развѣ они не дерутся до послѣднихъ силъ, до смерти? Что же, мы благоразумнѣе, или только трусливѣе ихъ?»

«Что же мнѣ, убить, что ли, его?» стиснувъ зубы, подумалъ Соковлинъ, и лицо его приняло свирѣпое выраженіе; но прежде нежели онъ успѣлъ обдумать этотъ вопросъ, линейка его, повернувъ въ отворенныя ворота, остановилась у подъѣзда пятиоконнаго деревяннаго домика.

Поросшій травой дворъ былъ пустъ и какъ будто принадлежалъ необитаемому дому; только нѣсколько куръ и индюшекъ задумчиво расхаживали по немъ, да цѣпная собака грѣлась на солнышкѣ и, лѣниво тявкнувъ раза два для приличія, не обращала болѣе вниманія на пріѣхавшихъ.

Соковлинъ огладѣлся и увидалъ бабу, несшую въ одной рукѣ ведро съ водой, а другую для равновѣсія вытянувшую горизонтально.

— Дома баринъ? спросилъ онъ.

— Дома-тко, чай! Ужь давно все сидитъ дома; не знаю, здоровъ ли! Вы войдите, отвѣчала она.

Но Соковлинъ, не дожидаясь ея совѣта, вошелъ уже.

Въ маленькой передней никого не было; онъ сбросилъ паль-

то и пошелъ далѣе. Зала тоже была пуста; но едва вошелъ онъ въ нее, дверь напротивъ отворилась и въ ней показался Комлевъ.

Комлевъ, въ ожиданіи отвѣта на письмо къ Наташѣ, долго ходилъ по комнатамъ. Чтобы умѣрить волненіе и лучше владѣть собою, онъ бросился на диванъ и лежалъ на немъ неподвижно, болѣзненно прислушиваясь къ малѣйшему шуму на улицѣ и боясь пошевельнуться, чтобы не пропустить топота знакомой лошади. Но волненіе не уменьшалось; онъ слышалъ, какъ сердце стучало въ груди и вздрагивало при малѣйшемъ шорохѣ. Въ этомъ ожиданіи до него тотчасъ дошелъ стукъ подъѣхавшаго экипажа, и онъ узналъ голосъ Соковлина. Это обстоятельство, конечно, было не такого рода, чтобы могло успокоить его. Хотя онъ не былъ увѣренъ, что Соковлину извѣстны его отношенія къ Наташѣ, но онъ могъ подозрѣвать это; и притомъ—на ворѣ шапка горитъ — зачѣмъ бы ни пріѣхалъ Соковлинъ, ему тяжело было видѣть его въ эту минуту. Но у него не было недостатка въ рѣшимости, и онъ поспѣшилъ на встрѣчу пріѣхавшему, не зная самъ, какъ онъ долженъ его встрѣтить: какъ врага, или какъ пріятеля.

Комлевъ если не похудѣлъ, то поблѣднѣлъ за это время. Эта блѣдность лица не могла однакожь скрыть того лихорадочнаго одушевленія, которымъ невольно просвѣчиваетъ всякое сильное волненіе. Но несмотря на то, черты лица его были тверды и спокойны; взглядъ смотрѣлъ прямо и открыто; видно было, что Комлевъ вполнѣ владѣлъ собою.

Отворивъ дверь, Комлевъ затруднился исполненіемъ самой обыкновенной вещи, которая однакожь сразу должна была высказать характеръ ихъ отношеній. Онъ не зналъ, подать ли руку Соковлину или нѣтъ. Но взглянувъ на лицо его, онъ уже зналъ, какого рода будетъ ихъ встрѣча. Онъ молча пригласилъ его рукою войти въ кабинетъ и далъ ему дорогу.

Комната, въ которую вошли они, была заставлена большимъ столомъ, безпорядочно заваленнымъ книгами, съ маленькимъ свободнымъ мѣстечкомъ для письма и письменныхъ принадлежностей. Прежде эта комната была гостиною; но классическій диванъ у внутренней стѣны съ овальнымъ передъ нимъ столомъ былъ изгнанъ и замѣненъ широкимъ турецкимъ диваномъ и койканою покойною мебелью. Разбросанныя книги лежали въ раз-

ныхъ мѣстахъ. Комлевъ сбросилъ нѣкоторыя, указалъ Соковлину на кресло и придвинулъ ему ящикъ съ сигарами.

— Мы одни? спросилъ Соковлинъ, опускаясь въ кресло.

— Совершенно, отвѣчалъ Комлевъ и притворилъ дверь.

Онъ взялъ сигару и сѣлъ противъ Соковлина. Они оба замолчали.

«Ага, будетъ объясненіе!» подумалъ Комлевъ, но лицо его не шевельнулось.

По странному свойству нѣкоторыхъ положеній, Соковлинъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ Комлевъ. Его смущало не то, что онъ, передумавъ въ теченіе дороги сотню постороннихъ вещей, не подумалъ, какого рода объясненіе хочетъ имѣть отъ Комлева и съ чего долженъ начать. Нѣтъ, несмотря на враждебное чувство къ Комлеву, несмотря на сознаніе, что если между ними двоими есть обвинитель и обвиняемый, то, конечно, ему по всѣмъ правамъ принадлежитъ роль перваго,—Соковлину было совѣстно и больно приступить къ предмету разговора, какъ иногда совѣстно показать постороннему свою рану или тѣлесный недостатокъ. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе для самолюбія мужчины или женщины, какъ сознать себя оставленнымъ, но еще больнѣе, когда при этомъ не имѣешь утѣшительнаго права бросить грязью въ свой измѣнчивый кумиръ.

Въ смугломъ лицѣ Соковлина заиграла слабая краска; отъ досады ли, негодованія, или стыда — онъ закусилъ губу, какъ лошадь, которая закусываетъ удила, когда хочетъ освободиться отъ гнета; но скоро совладѣлъ съ собою.

— Жена мнѣ сказала, началъ онъ тихо и медленно, но голосъ его былъ неровенъ:—что вы любите другъ друга... И онъ выговорилъ послѣднія слова особенно отчетливо потому именно, что ему больно было ихъ выговорить.—Вы можете изъ этого заключить, продолжалъ онъ: — что она не принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя любятъ и мужа, и любовника, или терпятъ одного при другомъ. Я не стѣсняю ни ея чувствъ, ни дѣйствій — но ея положеніе мнѣ близко, и я пріѣхалъ спросить васъ, что вы теперь намѣрены дѣлать?

И Соковлинъ прямо глядѣлъ въ лицо Комлева.

За Комлевымъ была очередь смутиться.

— Когда любишь, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами: — то не задаешь себѣ вопросовъ и цѣлей: любовь сама по-себѣ цѣль.... Впрочемъ, если бы я и имѣлъ какія нибудь предположенія, то

долженъ сообщить ихъ Натальѣ Дмитріевнѣ и сообразоваться съ ея желаніями, а я на это не имѣлъ ни времени, ни случая....

Соковлинъ все время не спускалъ глазъ съ Комлева и слѣдилъ за движеніемъ каждаго нерва на его лицѣ, точно въ первый разъ онъ видѣлъ его: онъ думалъ, какъ Наташа будетъ цѣловать это лицо.

— Я полагалъ, продолжалъ Соковлинъ тѣмъ же тономъ, когда тотъ кончилъ: — что вы не принадлежите къ тѣмъ.... очень юнымъ или всегда юнымъ господамъ, которые смотрятъ легко на подобнаго рода вещи, или просто никакъ не смотрятъ на нихъ.... Я думалъ, что прежде нежели разрушать семейное счастіе, или если вы не допускали его, то по крайней мѣрѣ прочное общественное положеніе любимой женщины — вы подумали, чѣмъ можете ей замѣнить его....

— Какъ же вы хотите, мягко возразилъ Комлевъ: — чтобъ я распоряжался судьбой замужней женщины, не спросивъ ни ея намѣреній, не зная наконецъ вашихъ, отъ которыхъ она болѣе зависитъ, чѣмъ отъ меня.

— Хорошо-съ! сказалъ Соковлинъ. — Я вамъ скажу мои намѣренія. Чтобы ничѣмъ не стѣснять Наталью Дмитріевну, я буду хлопотать о разводѣ съ ней. Когда получу его, вы на ней можете жениться. Такъ-съ? спросилъ Соковлинъ.

Комлевъ съ минуту подумалъ.

— Я на ней не женюсь! твердо сказалъ онъ.

— Это отчего? быстро вставая, спросилъ Соковлинъ, и вся кровь бросилась ему въ голову. — Вы, значитъ, не уважаете ее?

— Напротивъ! я никому не уступлю въ уваженіи къ ней, но тѣмъ не менѣе не женюсь, тоже вставая и заложивъ руку за бортъ сюртука, сказалъ Комлевъ.

Соковлинъ вопросительно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Не женюсь потому, спокойно продолжалъ Комлевъ: — что женитьба и любовь по моему двѣ вещи разныя. У меня есть свои убѣжденія о бракѣ, и они вамъ извѣстны. Я жениться не располагалъ и теперь не вижу причинъ измѣнять свои намѣренія.

— Вы находите, что гораздо удобнѣе любить чужую жену, не принимая на себя никакихъ обязательствъ? спросилъ Соковлинъ, прищуривъ глаза и впиваясь въ него взглядомъ. — А мужъ

между тѣмъ прикрываетъ ея безчестье. Флагъ прикрываетъ товаръ? не правда ли?

И въ глазахъ Соковлина сверкнула злобная иронія.

— Нѣтъ-съ, не такъ! съ твердымъ убѣжденіемъ возразилъ Комлевъ, стараясь казаться какъ можно покойнѣе. — Я полагаю напротивъ, что нѣтъ ничего неудобнѣе и—повѣрьте—тяжеле, какъ любить не свободную женщину, особенно когда не имѣешь права не уважать ея мужа! Но не теперь можете вы требовать отъ меня обязательствъ. Послушайте, Сергѣй Иванычъ! Я хоть невольно, но сталъ на вашей дорогѣ, и знаю, чего вамъ это стоитъ.... Вы имѣете полное право ненавидѣть меня... извиняться мнѣ было бы смѣшно, да и не въ чемъ.... Вы, можетъ быть, хотите, чтобы одинъ изъ насъ не жилъ?...

У Соковлина точно искра какая-то зловѣщая вспыхнула въ глазахъ, но тотчасъ же и потухла. Онъ вмѣсто отвѣта пожалъ только плечами, какъ будто хотѣлъ сказать:—къ чему? да и что изъ этого?...

— Я знаю, что долженъ быть снисходителенъ даже.... и къ горькимъ словамъ, продолжалъ Комлевъ: — но.... они нейдутъ между вами!... Я понимаю, что долженъ сдѣлать все.... что могу.... (Комлевъ затруднился въ выраженіи)... чтобы оградить ваше имя....

Соковлинъ посмотрѣлъ на него снисходительно, мягко даже, но такимъ взглядомъ, которымъ взрослый смотритъ на лепетъ младенца. Комлевъ невольно остановился.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете, сказалъ Соковлинъ тихо; но совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Я столько теряю тутъ, что объ моемъ имени мнѣ нечего думать, да и она никогда не уронитъ его.... Нѣтъ; я пріѣхалъ говорить съ вами о той, которая мнѣ дороже себя и которую вы лишаете семьи, спокойствія, уваженія.... Я не о себѣ пріѣхалъ говорить! добавилъ Соковлинъ, и въ словахъ его было столько глубокаго, безвыходнаго горя, что Комлевъ невольно опустилъ глаза.

— Хотите, нерѣшительно сказалъ онъ, весь покраснѣвъ и въ горлѣ что-то сдавило его: — хотите — я готовъ уѣхать! Но она?

Соковлинъ смутно посмотрѣлъ на него и долго не отвѣчалъ.

— Переговорите съ ней! проговорилъ онъ наконецъ, не гля-

дя на Комлева, какъ-то вскользь, какъ будто про себя, и не то было это дозволеніе, не то настояніе, не то просьба....

Онъ повернулся и поспѣшно, сконфуженно вышелъ.

Соковлинъ возвращался въ свое Никольское, какъ растерянный. У него не было ни одной опредѣленной мысли; въ головѣ что-то шевелилось, кружилось смутно, но не связывалось, не выяснялось. Онъ только помнилъ свои послѣднія слова и нѣсколько разъ машинально повторялъ про себя: «поговорите съ ней».

Онъ очнулся, когда экипажъ остановился у его подъѣзда. Онъ вышелъ, спросилъ встрѣтившаго его слугу: «что барыня?» и, не разслыхавъ отвѣта, велѣлъ спросить, можно ли войти къ ней. Слуга ушелъ, а онъ сталъ похаживать по залѣ, но такъ нерѣшительно, какъ будто былъ въ чужой пріемной и ждалъ выхода очень большой особы. Чрезъ нѣсколько минутъ, вмѣсто отвѣта, дверь изъ Наташина кабинета отворилась и она сама показалась въ ней.

Наташа была очень блѣдна и слаба, но не такъ безжизненна и подавлена горемъ, какъ прежде. Напротивъ, она была въ тревожной подвижности. Вся взволнованная, она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу мужа и остановилась, опираясь на кресло, стоявшее на срединѣ комнаты.

Боже мой! сколько смущенія и стыдливости было въ этой встрѣчѣ мужа съ женою! Отражая до послѣднихъ силъ ударъ, падавшій на ихъ счастіе, и теперь невольно склоняясь подъ его тяжестью, дѣлали ли они безчестное дѣло?

Не имѣя силъ начать прямо съ дѣла, Соковлинъ обратилъ вниманіе на слабость Наташи.

— Зачѣмъ вышла? Зачѣмъ? Тебѣ надо успокоиться, хлопотливо, съ озабоченностію няньки говорилъ Соковлинъ:—сядь по крайней мѣрѣ.

Наташа опустилась въ кресло: у ней въ самомъ дѣлѣ подкашивались ноги.

Соковлинъ осмотрѣлся кругомъ.

— Ну, я былъ у него, сказалъ онъ тихо, какъ будто отдавая ей отчетъ въ порученіи. — Я говорилъ ему, что готовъ выхлопотать разводъ, чтобы онъ могъ жениться на тебѣ.... но.... онъ не согласился.

Соковлинъ робко взглянулъ на Наташу.

Она вся вспыхнула.

— Я это говорю не для того, торопливо заговорилъ опять Соковлинъ:—чтобы осуждать его. Нѣтъ! онъ имѣетъ на это свои причины; онъ тебѣ скажетъ ихъ....

— Я сама этого не хочу! нетерпѣливо сказала Наташа, перебивая его. Довольно и одного обманывать!

— Какой же тутъ обманъ? гдѣ же обманъ? Развѣ ты обманула меня? спрашивалъ онъ, съ ребяческой наивностью поглядывая на нее.

— Не все ли равно! едва слышно проговорила Наташа.

— Совсѣмъ не все равно! Но ты успокойся и переговори съ нимъ. Да! условьтесь съ нимъ, повидайтесь. Я сказалъ ему, чтобы онъ переговорилъ съ тобою. Пошли къ нему!

Наташа поглядѣла на него такимъ взглядомъ, что онъ весь смутился и замигалъ глазами, чтобы не заплакать.

— Да! торопливо проговорилъ онъ: — переговори съ нимъ, условьтесь, спишитесь, но только успокойся прежде! поди лягъ.... я къ тебѣ Машу пошлю...

И онъ поспѣшно вышелъ, велѣлъ мимоходомъ послать горничную и поскорѣе захлопнулъ за собою дверь въ кабинетъ, чтобы громко не разрыдаться.

VII.

Часу въ десятомъ слѣдующаго утра Соковлинъ ходилъ у себя по кабинету съ озабоченнымъ и нѣсколько растеряннымъ лицомъ. Наканунѣ онъ весь остатокъ дня въ какомъ-то разслабленіи, какъ больной, просидѣлъ, запершись въ этой комнатѣ. Несмотря на то, что сторы его оконъ были спущены, что самъ онъ неспособенъ былъ, да и не желалъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, до него доходилъ не разъ топотъ лошади, какъ будто пріѣзжалъ или уѣзжалъ верховой, и наконецъ, независимо отъ того, по ходу дѣла, онъ могъ догадываться, что развязка близка. Ночь его была тревожна, и онъ не могъ бы сказать, спалъ онъ или былъ въ забытьи, но все-таки она освѣжила его. Онъ всталъ рано, но не спрашивалъ слугу, что̀ дѣлалось въ домѣ. Во-первыхъ, онъ зналъ, что Наташа еще, вѣроятно, спала и ему не могли ничего сообщить о ней; во-вторыхъ, онъ

не хотѣлъ какимъ нибудь вопросомъ дать поводъ къ подозрѣнію или толкамъ прислуги, — этого добровольно-составляемаго вокругъ себя самими господами штаба соглядатаевъ, отъ которыхъ и безъ того почти никогда не укрываются сокровеннѣйшія домашнія тайны.

Но, взамѣнъ вчерашней неподвижности, сегодня имъ совершенно овладѣло волненіе и тревожность: онъ уже не отдавался ни сознанію горя, ни тому одеревенѣнію, къ которому приводитъ безвыходность. Можетъ быть, это происходило отъ того, что онъ пережилъ эти фазисы, или что приближалась развязка, но вѣрнѣе отъ надежды, въ которой онъ самъ не сознавался,—надежды, которая чуть-чуть, какъ слабый свѣтъ молодаго мѣсяца на пасмурномъ небѣ, невидимъ, не прочеркнулъ сквозь облака ни однимъ лучемъ, но чувствуется по неяснымъ очертаніямъ предметовъ, которые начинаютъ проступать и выдвигаться изъ темноты. Соковлинъ боялся и подумать о томъ, что «можетъ быть» какъ нибудь да все уладится. Ему хотѣлось заглушить всякія мысли, догадки; ему хотѣлось дѣлать что нибудь, чѣмъ нибудь заняться. Онъ бралъ книги, хозяйственныя тетради, записки, но ни на чемъ не могъ минуту остановиться, и принимался ходить по комнатѣ, мимоходомъ переставляя и поправляя попадавшіяся подъ руку вещи. Онъ былъ въ такомъ состояніи, когда ему доложили, что пришелъ староста; а какъ онъ рѣдко принималъ его въ послѣднее время, то спросили, угодно ли ему его видѣть.

Соковлинъ обрадовался и велѣлъ позвать его.

Черезъ минуту въ дверяхъ появился тотъ самый староста, котораго мы видѣли въ началѣ этого разсказа. Онъ мало даже измѣнился: трудовая жизнь скоро старитъ нашего крестьянина; но разъ какъ она уже помнетъ его, какъ онъ обтерпится, онъ остается въ одномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не хизнетъ. Время скоро дѣлаетъ съ нимъ свое первое дѣло, но потомъ съ аристократической небрежностью забываетъ, кажется, до тѣхъ поръ, пока не вздумаетъ снять его окончательно, да и то большею частію какъ-то мимоходомъ. Немного болѣе мелкихъ морщинъ на лицѣ, немного болѣе сѣдыхъ волосъ въ головѣ и курчавой бородѣ,—вотъ и вся перемѣна. А впрочемъ такъ же простодушно повидимому смотритъ онъ на все, такъ же во всемъ сначала соглашается съ бариномъ, а потомъ вкернетъ свое; такъ же подпрыгиваетъ, какъ будто сбирается порхнуть, когда гово-

ритъ, такъ же держитъ большіе пальцы за кушакомъ, да и кушакъ, кажется, тотъ самый, что былъ шесть лѣтъ назадъ.

— Ну, что скажешь? спросилъ Соковлинъ старосту.

— Да ничего-съ. Пришелъ спросить, не будетъ ли отъ васъ какихъ приказаній?

— Какія же приказанья! Вѣдь нынче не нашъ день? какъ бы были приказанья, такъ я бы за тобой послалъ, нетерпѣливо сказалъ Соковлинъ.

— Оно конечно. Вѣдь я всегда тутъ. Да вотъ еще: Степанъ Нохринъ да Иванъ Зуевъ лѣску порубили, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Опять! И много порубили?

— Нѣтъ, оно немного. Такъ, на застрѣхи возика по два нарубили.

— Много ли, не много—да вѣдь сказано, чтобы безъ спросу не рубили.

— Оно конечно; все надо бы спроситься. Да они говорятъ, что этто ходили-было къ вамъ, да вы недосужны были.

— Ну, тебѣ бы сказались. А то дай имъ волю, такъ они и пойдутъ рубить.

— Знамо, какъ можно волю давать! Этакъ весь лѣсъ зря вырубятъ! Да они мнѣ-то, признаться, сказывались, да я безъ васъ усумнился.

— Ну, чего жь сумлеваться, коли имъ дѣйствительно нужно!

— Нужно-то, какъ не нужно,—того и гляди, крыша на анбарушкахъ провалится. Я имъ и сказалъ: нарубите, молъ, не много, я барину доложу.

— Ну, такъ ты бы съ этого и началъ, братецъ! А то что жь пустяки говорить! сердясь, сказалъ Соковлинъ, продолжая ходить по комнатѣ.—Я тебя нѣсколько дней не видалъ,—я думаю, что за это время есть что и о дѣлѣ поговорить.

— Да, оно, конечно, какъ не быть! Я, признаться, и пришелъ, чтобы спросить васъ....

И у старосты нашлось съ десятокъ дѣлъ, одно другаго нужнѣе, хотя каждое изъ нихъ надо было повытянуть изъ него или дать ему время начать ихъ какъ бы мимоходомъ.

Соковлинъ, плохо ли, хорошо ли, разрѣшилъ эти вопросы. Онъ зналъ манеру своего старосты и привыкъ къ ней, но теперь ему было не до того, чтобы терпѣливо выжидать разсказовъ, и если Соковлинъ былъ доволенъ сначала приходомъ старосты,

то, по свойству всякаго ожиданія, не могъ долго останавливаться на одномъ занятіи: вопросы старосты начали уже надоѣдать ему.

— Ну, хорошо. Ступай! Ничего нѣтъ болѣе? сказалъ ему уже въ третій разъ Соковлинъ, отвѣтивъ на его предъидущій вопросъ и думая, что онъ послѣдній.

— Больше ничего нѣтъ, въ третій разъ отвѣчалъ староста и снова, подпрыгнувъ, началъ:—Да вотъ еще былъ я въ табунѣ, такъ стригунокъ одинъ мытиться сталъ.

— Ну, мытится, такъ чтожь съ нимъ дѣлать? пусть мытится.

— Нечто! что съ нимъ дѣлать! Ужь такая болѣсть; только отдѣлить бы его надо.

— Ну, разумѣется. Такъ ты бы и велѣлъ.

— Да я и велѣлъ ужо, какъ табунъ пригонять.

— Ну, хорошо. Ступай! сказалъ снова Соковлинъ, уже не спрашивая: «нѣтъ ли еще чего».

Староста оборотился, думая, кажется, рѣшительно выйти, однако снова въ раздумьи вернулся.

— Ну, что еще? нетерпѣливо спросилъ Соковлинъ.

— Ничего, подпрыгнувъ, кротко отвѣчалъ староста: — да вотъ забылъ я вамъ доложить, теперь какъ я въ табунъ ѣздилъ, такъ никольскій этто баринъ попался на встрѣчу: куда-то въ дорогу, знать, поѣхалъ.

— Какой никольскій баринъ? Комлевъ? живо спросилъ Соковлинъ и весь вспыхнулъ.

— Эдакъ — Комлевъ, чай, такъ и будутъ.

— Да ты не ошибся ли? остановясь противъ него и желая до души допытать его глазами, спрашивалъ Соковлинъ.

— Оно какъ не ошибиться! съ невозмутимой обстоятельностью замѣтилъ староста: — дѣло не трудное! однако это подлинно они будутъ: я и лошадей-то ихъ, какъ своихъ, знаю: игреняя въ корню отъ нашего еще Анычара, да рыжія на пристяжкѣ — одна со звѣздочкой, а другая....

— Да самъ ли онъ, Комлевъ, ѣхалъ? Его-то ты знаешь ли?

— Какъ не знать Павла Егорыча! Не одиова и здѣсь видалъ.

— Ну, чтожь онъ — по дорожному ѣдетъ или налегкѣ? Можетъ, въ гости?

— Знамо! можетъ, что и въ гости; только по дорожному

ѣдутъ, и сундучекъ сзади веревками увязанъ; значитъ, какъ бы въ дальнюю дорогу.

Соковлинъ въ волненіи раза два прошелся по комнатѣ.

— Куда онъ ѣхалъ? не видалъ? Въ городъ, можетъ?

— Нѣтъ, должно быть не въ городъ. Для того, что отъ городу ѣхали прямо этто къ Москвѣ по тракту.

Соковлинъ молча и скоро ходилъ нѣсколько времени.

— Ступай! сказалъ онъ наконецъ, вспомнивъ о старостѣ.

Но когда онъ хотѣлъ выйдти, уже Соковлинъ самъ вернулъ его.

— Такъ ты не ошибся? спросилъ онъ.—Онъ тебѣ ничего не наказывалъ?

— Нѣтъ, наказывать ничего не наказывали, отвѣчалъ староста:—только я поклонился имъ, и они это поклонились.

Соковлинъ кивнулъ старостѣ головою; онъ еще подумалъ нѣкоторое время, однако повернулся и на этотъ разъ окончательно вышелъ.

«Уѣхалъ!» думалъ Соковлинъ, и невольно улыбнулся. У него вдругъ точно стало отпадать отъ сердца все накипѣвшее за это время, и онъ чувствовалъ себя необыкновенно легко и отрадно. Правда, мысль о томъ, какъ перенесетъ этотъ отъѣздъ Наташа, нѣсколько смущала его; «но», думалъ онъ: «это не могло иначе устроиться, какъ съ ея согласія—можетъ, по ея настоянію; конечно, это будетъ ей тяжело сначала, но отъ разлуки умираютъ только въ романахъ!»

Волненіе Соковлина дошло до того, что увидавъ проходившую мимо кабинета горничную, онъ вопреки своего намѣренія не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Что барыня?

— Сейчасъ встали, отвѣчала горничная.

Соковлинъ опять сталъ ходить, передумывая все объ одномъ и томъ же. То ему казалось невыносимо длинна каждая минута, то, задумавшись, онъ не видалъ, какъ шло время. Такъ прошло можетъ быть около часу, когда вдругъ до слуха Соковлина дошелъ слабый шелестъ женскаго платья и приближающаяся знакомая походка. Соковлинъ, такъ твердо вынесшій все горе этихъ дней, вдругъ обезсилѣлъ передъ минутой счастія. Онъ весь поблѣднѣлъ и опустился въ кресло; пульсъ едва бился у него; онъ боялся, что у него не достанетъ силъ дождаться разгадки; но дверь отворилась и Наташа вошла.

Если иногда, выражаясь про нѣкоторыя счастливыя мужскія натуры, въ родѣ собакевичевской, называютъ ихъ желѣзными, то женскія почти всѣ безъ исключенія можно назвать стальными. Онѣ именно обладаютъ той упругостью стали, которая не-мѣшаетъ имъ гнуться подъ малѣйшимъ гнетомъ и также легко выпрямляться послѣ сильнѣйшаго.

Кто бы увидалъ, напримѣръ, наканунѣ Наташу, до того измученную долгой внутренней борьбой, что такого неважнаго потрясенія, какъ записка Комлева, достаточно было, чтобы довести ее до нервнаго припадка, и кто бы слѣдилъ потомъ за ней въ этотъ дéнь, тотъ бы имѣлъ случай убѣдиться въ этой эластичности женской натуры.

Едва прійдя въ себя отъ обморока, она узнала, что мужъ ея поѣхалъ къ Комлеву. Она не знала, съ какими намѣреніями Соковлинъ поѣхалъ къ нему, тѣмъ болѣе, что и самъ Соковлинъ не могъ бы сказать, чѣмъ кончится это свиданіе. Она могла ожидать ссоры, взрыва, можетъ быть дуэли. Слѣдовательно, время ожиданія было совсѣмъ не такого рода, чтобы могло успокоить ее. Но у нея достало силъ его выдержать и выйдти къ мужу, чтобы узнать послѣдствія. Разговоръ съ мужемъ глубоко взволновалъ и растрогалъ ее. Она сама готова была пожертвовать своимъ чувствомъ къ Комлеву, чего бы ей это ни стоило. Она тотчасъ написала къ нему. Отвѣтъ, разумѣется, не заставилъ ждать себя. Впрочемъ, должно полагать, она осталась имъ недовольна, потому что снова написала Комлеву; но отвѣтомъ на эту записку переписка прекратилась и, кажется, довольно непріятно, потому что человѣку, который привезъ ее, велѣно было Комлевымъ отдать ее и не ждать отвѣта.

Наступилъ между тѣмъ вечеръ, а Комлевъ не пріѣзжалъ. Почему онъ не хотѣлъ пріѣхать, просто и прямо, чтобы личнымъ свиданіемъ разъяснить свои отношенія,—неизвѣстно. Можетъ быть, они рѣшились разстаться невидавшись, или Комлевъ считалъ неприличнымъ явиться въ домъ мужа, чтобы объясняться съ женою; можетъ быть—кто знаетъ?—оттого, что любовь инстинктивно не терпитъ открытыхъ встрѣчъ и посторонних дозволеній.

Послѣдняя записка Комлева привела Наташу въ какую-то сильную борьбу. Нѣсколько разъ она перечитывала ее, и всякій разъ, читая, вся вспыхивала и смущалась. На лицѣ ея виднѣлась то какая-то строгая рѣшимость, иногда даже негодованіе,

подъ вліяніемъ котораго она шила записку, то снова легкая краска и смущеніе начинали проступать на немъ, и она снова нерѣшительно развертывала смятый клочокъ. — «Пусть ѣдетъ!» проговорила наконецъ она, и невольно вздохнувъ, разорвала записку на мелкіе куски.

Этимъ рѣшеніемъ, казалось, Наташа покончила съ своей внутренней борьбою. Но, должно быть, она ей дорого стоила: она упала духомъ, обезсилѣла; темныя тѣни проступили на лицѣ, и отъ этого она вдругъ, казалось, еще болѣе похудѣла. Она стала спокойнѣе, но это было спокойствіе безнадежности, спокойствіе, которое не видитъ уже ничего передъ собою.

Наступила ночь. Наташа отпустила горничную, загасила свѣчу и осталась одна. Въ спальной только теплилась лампадка. Наташа сѣла въ свое покойное кресло, и, блѣдная, измученная, долго оставалась въ немъ неподвижно. Иногда она закрывала глаза и при слабомъ свѣтѣ лампадки казалась точно мертвою, забывалась ли она, или ей просто не хотѣлось смотрѣть ни на что.

Въ домѣ уже все улеглось, когда она наконецъ встала, тихо и слабо, какъ больная, подошла къ постели, раскрыла ее, лѣниво подняла руки, чтобы разстегнуть воротничокъ капота, подумала минуту, но вмѣсто того, чтобы раздѣться, сыскала бурнусъ, накинула его на плечи и вышла на террасу. Ночь была безлунная, свѣжая. Неба было не видно: казалось, какая-то темная бездна висѣла надъ головою и въ ней гдѣ-гдѣ едва мелькали чуть замѣтныя звѣзды; впереди передъ глазами еще чернѣе стоялъ мракъ сада, едва обозначаясь сверху темными, закругленными очертаніями передовыхъ деревьевъ; далѣе садъ сливался съ рощей и уходилъ въ глубь мягкой черной мглы.

Наташа, завернувшись въ бурнусъ, остановилась на террасѣ, какъ бы желая освѣжиться. Въ холодномъ воздухѣ слабо, но раздражительно слышался запахъ цвѣтущей сирени и липы. Кругомъ стояла та дремотная, полночная тишина, въ которой слышится всякій звукъ и шорохъ; но не своимъ звукомъ, а какъ-то разсыпаясь въ пустотѣ. Гдѣ-то далеко въ рощѣ свисталъ соловей; но и онъ свисталъ лѣниво, только какъ будто для того, чтобы досвистать свою пѣсню и улечься спать. Наташа постояла нѣкоторое время тихо, не прислушиваясь, не приглядываясь. И на нее, казалось, начала сходить усыпляющая полуночная дрема и тишина. Вдругъ гдѣ-то невдалекѣ хруснула вѣтка. Наташа

вздрогнула, и вся впилась и глазами, и слухомъ въ гущу сада. Еще что-то чуть слышно зашелестѣло тамъ; кровь кипяткомъ прилила къ сердцу, какой-то трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея жиламъ, она быстро осмотрѣлась, и неслышно, какъ тѣнь, проскользнула въ темную чащу.

На террасѣ опять стала тишина. Но если бы какой нибудь ревнивый соглядатай тихо прокрался въ глушь сада, онъ бы услыхалъ, можетъ быть, шорохъ быстро-удаляющихся шаговъ. Только далеко отъ дому, тамъ, гдѣ садъ переходитъ въ запущенную густую рощу, онъ могъ бы разслышать неясный, прерывающійся шопотъ. Разъ только изъ этого шопота вырвалось испуганное, прерывистое восклицаніе: «ни за что, ни за что на свѣтѣ!» Но и оно было словно заглушаемо чѣмъ-то, и въ немъ слышалось что-то робкое, безсильное—и потомъ все какъ-то странно замолкло....

Между тѣмъ въ пустой спальнѣ долго, ровно, одиноко и тихо свѣтилась лампадка; наконецъ и она стала какъ будто уставать, слабо потрескивать и блѣднѣть. Долго рама окна выглядывала изъ драпировки черной впадиной, но и она поблѣднѣла и потомъ начала обозначаться чуть забѣлѣвшимся молочнымъ свѣтомъ. Вдругъ влажный утренній воздухъ пахнулъ въ комнату; огонь лампадки дрогнулъ и закачался; неподвижно стоявшія тѣни, съ просонья, точно испуганныя, торопливо забѣгали по стѣнамъ, и неслышно вошедшая Наташа уже стояла посреди комнаты.

Запыхавшись, затаивая духъ, Наташа замерла, прислушиваясь. Боязливо, чутко-напряженно было ея лицо, но жизнь, румянецъ и одушевленіе невольно пробивались на немъ. Грудь ея высоко вздымалась, полуоткрытыя губы горѣли, глаза, потухая, еще блестѣли. Какое-то внутреннее волненіе сказывалось въ ней легкимъ трепетомъ тѣла, и на всей на ней нѣжнымъ и теплымъ свѣтомъ еще лежала стыдливая краска недавняго счастія....

Успокоясь нѣсколько, что ничего повидимому не выдало ея отсутствія, Наташа мимоходомъ взглянула въ зеркало, и съ минуту, пристально, съ женскимъ любопытствомъ, всматривалась въ свое лицо, какъ бы ища на немъ какой-то новой черты. Потомъ она разсѣянно задумалась, словно что-то припоминая, и вдругъ зарумянилась и торопливо затушила лампадку, чтобы никому, никому, даже самой себѣ, не видать того волненія, стыда и счастія, которые она принесла съ собою.

Въ потьмахъ, поспѣшно и осторожно раздѣлась Наташа, тихо легла въ постель, и вся съ головой закуталась въ одѣяло.

Солнце стояло уже высоко, и жарко и весело било лучами въ окна, когда проснулась Наташа. Раскрывъ глаза, ослѣпленные непривычнымъ свѣтомъ, отъ котораго забыла съ вечера защитить себя спущенными сторами, Наташа снова на минуту закрыла ихъ. Лицо ея горѣло тихимъ румянцемъ и свѣжестью, какъ цвѣтокъ, еще увлаженный утренней росой; выраженіе его было неопредѣленно; казалось, какія-то сладкія грезы, отлетая отъ него, еще ходили по немъ послѣдними легкими оттѣнками. Наташа чувствовала смутно, что есть что-то новое, и отрадное и жгучее въ ея жизни, и силилась припомнить. Она припомнила и встрепенулась. Румянецъ ярко вспыхнулъ и залилъ все лицо и потомъ, быстро уходя внутрь, началъ сбѣгать, какъ снѣгъ отъ надвигающейся тучи; по мѣрѣ того, какъ она блѣднѣла, какая-то темная мысль набѣгала на ея лицо и сметала съ него всѣ мягкіе слѣды счастія. Брови у ней стали сдвигаться; черты лица углублялись и приняли холодное и суровое выраженіе. Она видѣла безпощадную необходимость сознаться мужу, покончить со всей своей семейною жизнію, съ тѣмъ тихимъ домашнимъ счастіемъ, которымъ была такъ долго лелѣяна; но она не падала предъ этой необходимостію и прямо смотрѣла ей въ лицо: у нея былъ запасъ новыхъ, поддерживающихъ силъ.

Наташа позвала горничную и, кончивъ туалетъ, сказала чтобы принесли сына. Нянька вскорѣ вошла съ нимъ; она взяла его на руки и отпустила ее. Оставшись одна, она хотѣла, казалось, высыпать на сына всѣ горячія ласки, которыя только есть въ материнскомъ сердцѣ, сознавая, что скоро не на кого будетъ лить ихъ и онѣ останутся въ ней только незаглушимымъ укоромъ. Она цаловала его, всматривалась въ каждую черту лица, чтобы врѣзать ее въ своей памяти, и снова цаловала. Слезы душили ее и падали изъ глазъ, и она, чтобы не испугать ими ребенка, скрывала ихъ и улыбалась. Здоровенькій и веселый ребенокъ обнималъ ее, смѣялся и болталъ; спрашивалъ мать, отчего она плачетъ и отчего смѣется. Иногда онъ умолкалъ, любопытно всматривался въ лицо матери большими черными глазёнками, и въ нихъ, казалось, мелькало раздумье—не заплакать ли и самому. И, замѣтивъ это, Наташа горячѣе успокоивала и цаловала

его, веселѣе улыбалась, а слезы между тѣмъ крупнѣе и чаще падали изъ глазъ.

Это была безмолвная и раздирающая душу сцена, которой свидѣтелемъ былъ только ребенокъ. Наконецъ, сдерживаемыя рыданія начинали душить Наташу; она чувствовала, что еще мгновеніе—и у нея не достанетъ уже силъ. Она простонала, какъ стонутъ надъ мертвымъ, опустила ребенка на коверъ и вбирая въ грудь воздухъ, чтобы задержать имъ рыданія, она стала стирать платкомъ слѣды слезъ и вѣять имъ себѣ въ лицо. Она обращалась къ ребенку и улыбалась ему, когда плечи ея еще вздрагивали отъ подавляемыхъ рыданій; наконецъ она осилила себя, въ послѣдній разъ глубоко вздохнула, какъ будто отдыхая отъ жестокой усталости, взяла ребенка на руки и пошла къ мужу.

Она вошла въ кабинетъ довольно твердо. Лицо ея было спокойно, и только глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ и выдавали внутреннюю тревогу. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ мужу съ той пассивной рѣшимостью, съ которой идутъ на неизбѣжную встрѣчу. Для нея это новое объясненіе было послѣдней ступенью лѣстницы, по которой она постепенно сходила, и притомъ предыдущія встрѣчи съ мужемъ потрясали въ ней такія нѣжныя и болѣзненныя струны, что она готовилась къ настоящей уже съ притупленной страданіями чувствительностью. Того же ожидала она и для мужа. Но его лицо не выражало этого; слабая и робкая надежда невольно отразилась на немъ какой-то заискивающей, едва примѣтной улыбкой, которая блуждала уже по губамъ и просила только одного слова, чтобы обратиться въ радость; руки, казалось, готовы были раскрыться, чтобы обнять и прижать жену; взглядъ былъ поднятъ на нее съ трепетомъ и любовью. Съ такой улыбкой и взглядомъ библейскій отецъ долженъ былъ видѣть приближеніе блуднаго сына. Когда Наташа взглянула въ лицо мужа, ей стало до того совѣстно и больно, что она почувствовала безпощадную злобу и презрѣніе къ себѣ.

— Возьми его! твердо сказала она, блѣдная и суровая, опуская ребенка на руки мужа.—Я не стòю.... Голосъ судорожно перервался у нея, и она молча опустила голову.

Соковлинъ смотрѣлъ на нее нѣкоторое время съ недоумѣніемъ. Онъ какъ будто не понималъ ее.

— Но.... вѣдь онъ уѣхалъ? спросилъ онъ наконецъ.

— И я ѣду, тихо сказала Наташа.

Соковлинъ продолжалъ смотрѣть на нее. Вся кровь прихлынула у него къ лицу, и нѣсколько мгновеній зловѣще стояла на немъ; но потомъ свободнѣе и ровнѣе стала отступать. Казалось, мѣра любви, страданій и нѣжности, на которую было способно его сердце, вся истощилась. Сынъ, который думалъ, вѣроятно, что его принесли здороваться, старался обнять отца и кричалъ: «здорово, папа!» Соковлинъ наклонился къ нему и машинально поцаловалъ его. Наташа стояла и дрожала вся.

Наконецъ Соковлинъ, кажется, замѣтилъ ея положеніе.

— Хорошо, холодно сказалъ онъ:—я велю приготовить все къ отъѣзду.

Онъ всталъ, пошелъ къ двери и потомъ, полуоборотивъ голову и не глядя на жену, спросилъ:

— Когда же?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣчала Наташа.

Соковлинъ пошелъ въ комнату и отдалъ ребенка нянѣ. Возвращаясь, онъ встрѣтилъ въ корридорѣ жену. Блѣдная, какъ полотно, она стояла, прислонясь къ стѣнѣ, для того ли, чтобы дать мужу дорогу, или чтобы не упасть отъ безсилія. Убитый взглядъ ея съ невольнымъ ужасомъ слѣдилъ за мужемъ. Но Соковлинъ, прямо глядя впередъ, прошелъ мимо нея твердой, ровной походкой, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія, какъ будто тутъ у стѣны не стояло никакой, блѣдной какъ призракъ женщины. И Наташѣ показалось, что струя воздуха, которая пахнула на нее, была пропитана холоднымъ, безпощаднымъ презрѣніемъ.

Соковлинъ вошелъ въ кабинетъ, позвонилъ и сталъ дѣлать распоряженія объ отъѣздѣ.

Цѣлый день Соковлинъ хлопоталъ, распоряжался, припоминалъ все необходимое для отъѣзда жены. Онъ велѣлъ осмотрѣть и приготовить карету, написалъ и отправилъ письмо къ предводителю, прося о нужныхъ для жены бумагахъ, посылалъ въ Любановку за конторщикомъ и деньгами, но былъ блѣденъ и скупъ на слова. Когда встрѣчалась надобность спросить о чемъ нибудь жену, Соковлинъ входилъ къ ней прямо, безцеремонно, какъ это дѣлывалъ въ старое время; говорилъ съ ней сухо, отрывисто и торопливо; одно только можно было замѣ-

тить въ немъ: онъ ни на минуту не оставался покоенъ и старался прiискать себѣ дѣло.

Наташа, напротивъ, ничѣмъ не могла заняться. Она нехотя отвѣчала на вопросы горничной, которая разспрашивала, что изъ вещей и платья брать съ собою, и только просила ее, чтобы поскорѣе кончала сборы. Она часто ходила въ дѣтскую, ласкала и цаловала сына, но дѣлала это какъ будто украдкой, и не брала его къ себѣ въ комнату, точно сынъ въ самомъ дѣлѣ уже не принадлежалъ ей, и она боялась, чтобы мужъ не увидалъ ея съ нимъ.

Наконецъ, часу въ девятомъ вечера, экипажъ былъ исправленъ, возвратился посланный и привезъ бумаги. Соковлинъ пославъ сказать женѣ, что у него все готово, и проситъ зайти къ нему, когда она соберется.

Сборы всегда долги, особенно когда ѣдутъ женщины. Несмотря на то, что Наташа торопила горничную, совсѣмъ уже стало смеркаться, когда лошади были заложены; экипажъ стоялъ у подъѣзда, главныя вещи уложены, и только отъ времени до времени выносили какой нибудь маленькiй забытый узелокъ и совали его куда нибудь въ сумку или съ боку.

Наконецъ Наташа вышла одѣтая по дорожному. Она силилась унять рыданiя, но по судорожному вздрагиванью плечь видно было, что это ей не удавалось; нѣсколько женщинъ шло за нею — онѣ тоже плакали. Съ сыномъ она простилась въ дѣтской и не велѣла выносить его. Соковлинъ встрѣтилъ жену въ дверяхъ кабинета и, когда она вошла, онъ затворилъ ихъ.

Онъ взялъ со стола два пакета и подалъ ей.

— Вотъ тутъ, сказалъ онъ: — твои бумаги, а это деньги. Кромѣ того, любановскiе доходы всегда будутъ тамъ въ конторѣ; когда нужно, пиши прямо туда и присылай свой адресъ. Ты не должна ни отъ кого зависѣть: я этого требую.

Онъ взялъ у ней дорожную сумку и помогъ ей положить въ нее пакеты, потому что у Наташи дрожали руки, и слезы такъ душили ее, что она должна была безпрестанно прижимать къ лицу платокъ, чтобы громко не разрыдаться.

— Если ты вздумаешь возвратиться, помни, что здѣсь у тебя домъ и сынъ, и что не я къ тебѣ измѣнился.... Не захочешь — у тебя есть домъ въ Любановкѣ.

Онъ замолчалъ. Наташа не шевелилась.

— Теперь ты можешь ѣхать... сказалъ Соковлинъ. — Прощай!... прибавилъ онъ.

Но Наташа не смѣла прикоснуться къ мужу, не могла уйти не простившись. Соковлинъ замѣтилъ это, затруднился на мгновенье, и подалъ Наташѣ руку. Вмѣсто того, чтобы пожать ее, Наташа схватила и стала ее цаловать. Соковлинъ тихо отнялъ ее — она бросилась къ нему и цаловала его грудь и платье.

— Прости, прости! едва слышно шептала Наташа.

У Соковлина подернуло лицо, но онъ старался не выказать волненія.

— Я не виню тебя, торопливо сказалъ онъ, поцаловалъ жену въ голову, отворилъ дверь и, поддерживая Наташу за плечи, вывелъ ее.

Дворовые люди бросились прощаться съ барыней и посадили ее въ карету. Горничная и лакей, одѣтые по дорожному, подошли проститься къ барину.

— Берегите же барыню, сказалъ онъ имъ.

Когда горничная сѣла съ барыней, а лакей на козла, Соковлинъ заглянулъ въ окно кареты и спросилъ Наташу:

— Хорошо ли тебѣ?—Потомъ скороговоркой прибавилъ по-французски: — помни же, что я все тотъ же, и ты всегда будешь здѣсь у себя....

Наташа не выдержала, обвила руками голову мужа и страстно цаловала его.

На минуту Соковлинъ, казалось, отдался этимъ поцалуямъ. Голова закружилась у него, но онъ сдѣлалъ усиліе и отвелъ руки жены.

— Съ Богомъ! сказалъ онъ кучеру, отступая отъ кареты.

Лошади двинулись и экипажъ скоро скрылся въ переулокъ.

Соковлинъ машинально смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ былъ виденъ, и потомъ ушелъ въ домъ.

На дворѣ уже совсѣмъ темнѣло. Кучка дворни, провожавшей барыню, потолковавъ, стала расходиться, и вскорѣ никого не осталось у воротъ и подъѣзда.

Соковлинъ вошелъ въ опустѣлый домъ и прошелъ прямо въ дѣтскую. Тамъ была только няня Аринушка, о чемъ-то вполголоса разсуждающая съ старой ключницей Марьей Савишной; она укладывала ребенка, который, наплакавшись, засыпалъ. Соковлинъ поцаловалъ его и молча ушелъ въ кабинетъ. Между тѣмъ какъ на дворѣ то какая нибудь баба бранилась съ куче-

ренкомъ, то пробѣжитъ молодой лакей въ догонку за разъигравшейся горничной, словомъ, отзывалась уже та свобода, которая немедленно и громко проявляется вслѣдъ за отъѣздомъ кого нибудь изъ господъ, домъ, напротивъ, казалось, чувствовалъ отсутствіе оживлявшей его женщины. Въ опустѣлыхъ комнатахъ не было ни огня, ни движенія; онѣ вдругъ смолкли и стали какъ будто больше и скучнѣе. Молодая прислуга разбѣжалась въ избы и въ хороводъ; старухи улеглись спать, и весь домъ погружался въ мертвенную апатическую дремоту.

Только одинъ Соковлинъ не спалъ въ своемъ кабинетѣ; но по безмолвію, которое стояло въ комнатѣ, можно было и не подозрѣвать его присутствія. Соковлинъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ; слабый полусвѣтъ весеннихъ сумерекъ не позволялъ разсмотрѣть его лица, но судя по очертаніямъ его фигуры, видно было, что онъ весь какъ-то безсильно опустился и понурился. Казалось, горе, которое онъ несъ и твердо держалъ до послѣдней минуты, вдругъ переметло и придавило его всей своей тяжестью.

Между тѣмъ Наташа довольно быстро и благополучно ѣхала по московскому тракту. Подъѣхавъ къ третьей или четвертой станціи, она увидала у подъѣзда дорожный тарантасъ, и прислуга ея съ удивленіемъ и удовольствіемъ узнала въ стоявшемъ у подъѣзда лакеѣ — слугу Комлева. Оказалось, что у экипажа Комлева что-то сломалось, и онъ долженъ былъ простоять тутъ нѣсколько часовъ. Но экипажъ уже былъ поправленъ, и Наташа поѣхала далѣе, сопровождаемая сосѣдомъ.

Въ Петербургѣ Наташа пробыла только время, необходимое для полученія паспорта. Она оставила тамъ экипажъ и прислугу, и недѣли черезъ двѣ по выѣздѣ изъ деревни, на пароходѣ «Прусскій Орелъ», одна отправилась за границу. Въ числѣ отъѣзжающихъ на этомъ же пароходѣ былъ и Комлевъ.

IX.

Прошелъ конецъ весны, прошло короткое лѣто, и осень, сначала пышная, поблѣднѣла, увяла, обложилась синими тучами и долго тянулась грязью и заморозками; пришла и зима,

помѣстилась прочно и осѣдло, какъ на долгое житье, и давно уже стояла то ясная и холодная съ сверкающимъ бѣлымъ снѣгомъ, то угрюмая съ снѣжной мятелью по сугробамъ и съ свинцовыми, кругомъ насѣвшими тучами. Оттого ли, что меньш было пріѣзду, или менѣе ухода, но знакомый нашъ деревенскій домъ Соковлина глубже ушелъ въ снѣгъ, болѣе заметанъ былъ высоко-стоявшими около него сувоями, и отъ этого какъ будто осѣлъ и постарѣлъ. И внутри въ немъ, какъ въ параличномъ старикѣ, слабая жизнь замѣтна была только въ одной половинѣ. Весь передній фасъ комнатъ стоялъ пустой и скучный, и только надворная половина, особенно у дѣвичьяго крыльца, еще гомозилась жильцами. А между тѣмъ въ домѣ зимовалъ, какъ и прежде, тотъ же хозяинъ.

Нельзя сказать, чтобы Соковлинъ жилъ по прежнему. Его настоящая жизнь скорѣе походила на ту, которую онъ велъ до женитьбы; только она была много тяжеле и горемъ, которое онъ испыталъ, и своимъ неопредѣлившимся положеніемъ. Тогда онъ короталъ дни безпечнымъ холостякомъ, отдыхая отъ прошлаго и чувствуя еще достаточно силъ, чтобы надѣяться на будущее. Теперь все свѣтлое было уже за плечами и вдобавокъ прибавилась глубокая рана, которая и зажить не можетъ, потому что память и ожиданія безпрерывно раздражаютъ ее. Если бы жена его умерла, тогда нити порваны; но нѣтъ, она живетъ и живетъ для другаго, и онъ не знаетъ и не позволяетъ себѣ узнавать, гдѣ и какъ живетъ она: счастлива или нѣтъ, близко или далеко....

Одинъ еще лучъ свѣтилъ для него въ будущемъ,—это сынъ; но сынъ былъ такъ малъ еще, что Соковлину, столько разъ осмѣянному судьбой въ надеждахъ, страшно было и загадывать на счастье взростить и воспитать его, или дожить хоть до его перваго, самостоятельнаго разцвѣта. Но видно, что бы ни говорили о тяжкихъ ударахъ судьбы и нравственныхъ страданіяхъ, а все-таки человѣческій организмъ легче переноситъ ихъ, нежели какую нибудь перемежающуюся лихорадку. По крайней мѣрѣ Соковлинъ ихъ выносилъ, хотя они отразились и на наружности его и на образѣ жизни. Соковлинъ, и при женѣ мало поддерживавшій знакомства съ окружающими его сосѣдями, рѣшительно не бывалъ теперь ни у кого иначе, какъ по какимъ нибудь настоятельнымъ дѣламъ; разумѣется, и къ нему безъ дѣла никто не ѣздилъ. Разъ только старый нашъ знакомый Охвостневъ, неза-

долго передъ тѣмъ возвратившійся къ роднымъ пенатамъ, послѣ шестилѣтней отлучки, завернулъ къ нему. — Кстати объ Охвостневѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Охвостневъ съ своей подругой умчался въ Москву, о немъ нѣсколько времени не было ни слуху, ни духу. Это продолжалось около года. Оказалось впослѣдствіи, что это время онъ проводилъ въ сообществѣ M-lle Кадо счастливѣйшимъ образомъ. Экс-гувернантка исполнила свои намѣренія; она хотѣла пожить и жила. Кругъ ихъ знакомства составляли тѣ французскія актрисы второй руки и другія ея соотечественницы съ окружающей ихъ молодежью, которыя, несмотря на свое иноземское происхожденіе, держались въ жизни русскаго правила: «хоть день, да мой». Такія особы съ одной стороны имѣютъ привычку не дорожить презрѣннымъ металломъ, за то съ другой не очень разборчивы въ средствахъ къ его добыванію. Когда небольшія деньги, скопленныя M-lle Кадо, въ качествѣ воспитательницы нашихъ юныхъ соотечественницъ, и еще меньшія, захваченныя съ собой Охвостневымъ, въ качествѣ владѣльца сотни душъ, въ счетъ грядущихъ доходовъ, вышли, тогда какъ-то ловко устроилось, что заботы о M-lle Кадо принялъ на себя одинъ почтенный и сановный мужъ, а M-lle Кадо уже заботилась о снисходительномъ Охвостневѣ. Но и эти дни длились не долго. Ужь если француженка отдается чему, то не отдается вполовину, а вся съ своей исключительной furia francese увлекается и закруживается до опьяненія. И M-lle Кадо, отдавшись веселой жизни, сначала нашла, что выйти ей замужъ за полуразореннаго помѣщика, какъ Охвостневъ — веселья немного; а потомъ и сановный мужъ, заботившійся о ней въ Москвѣ, показался ей слишкомъ солиденъ, разсчетливъ и скученъ. Ей хотѣлось дѣйствовать на болѣе широкомъ поприщѣ.... Вѣсти о нѣкоторыхъ петербургскихъ знаменитостяхъ, въ ея родѣ, раздражали ея самолюбіе. Она не была особенно хороша, но была весела, жива и пикантна. Случай представился ей, и она съ однимъ гусарскимъ поручикомъ, сыномъ откупщика, пріѣзжавшимъ въ отпускъ изъ Петербурга, въ одно прекрасное утро умчалась въ Сѣверную Пальмиру, предоставивъ своего друга Охвостнева его собственной находчивости, такъ какъ при новомъ покровителѣ роль втораго любовника была излишня и неудобна. Охвостневъ не очень огорчился, и сталъ пробиваться собственными средствами. Жизнь, которую онъ велъ, сначала ему нравилась; потомъ

втянула его въ себя, какъ втягиваетъ иное болото, и онъ не имѣлъ силъ, да правду сказать и не тратилъ ихъ, на то, чтобы изъ нея вырваться. Его министръ, какъ называлъ онъ своего старосту, изрѣдка присылалъ ему деньжонокъ; но это были только рѣдкія и маленькія капли росы для жаждущаго. Охвостневъ въ отвѣтъ всегда бранился и грозилъ ему съ неистощимымъ разнообразіемъ, находчивостью и энергіей, свойственной въ этомъ случаѣ русскому человѣку, разными непріятными вещами, но капли отъ этого не увеличивались, и староста оставался холоденъ, спокоенъ и скупъ. Охвостневъ долженъ былъ разсчитывать только на себя. Онъ барышничалъ лошадьми, водился съ цыганами, игралъ на бильярдѣ, и день за день провелъ такимъ образомъ пять лѣтъ, въ особенно критическія минуты собираясь уѣхать въ деревню. Но эта счастливая рѣшимость такъ бы и осталась въ области прекрасныхъ мечтаній, и вѣроятно Охвостневъ замотался бы въ Москвѣ окончательно, если бы одинъ добродѣтельный землякъ-помѣщикъ не встрѣтилъ его у Печкина и, обрадовавшись знакомому человѣку, не затащилъ его къ себѣ въ номеръ и, попоивъ нѣсколько дней водкой, на собственный счетъ не увезъ его съ собой во-свояси. Дома его встрѣчила ключница Матрена, которая, не утративъ красоты, только пораздобрѣла и стала уже Матреной Кузьминишной. Такъ какъ она не была разжалована изъ своей должности, то съумѣла въ его отстутствіе не только удержать, но еще болѣе утвердить свою домашнюю власть, и жила барыней. Она разбранила Охвостнева, доказала ему, что староста ни изъ его, ни изъ ея воли не выходилъ, угостила отличной настойкой и на дѣлѣ доказала всю прелесть домашней жизни, отъ которой онъ такъ безпутно отказывался. Охвостневъ оказался уже не тѣмъ веселымъ и безпечнымъ болтуномъ, себѣ на умѣ, которымъ былъ прежде. Онъ уже не былъ дилеттантомъ въ искусствѣ выпить на чужой счетъ хорошенькаго винца, и для своей забавы поссорить и подурачить кого нибудь: онъ глубже отдался своему призванію, любилъ уже водку для водки и для нея готовъ былъ и сплетничать, и позволять дурачить себя. За то въ характерной и самостоятельной Матренѣ Кузьминишнѣ развилось чувство собственнаго достоинства и за него, и за себя. Она не хотѣла, чтобы ея Петръ Петровичъ игралъ такую незавидную роль въ людяхъ, хотя дома прибирала его совершенно къ рукамъ. Она баловала его чарочкой у себя, но въ

гости отпускала рѣдко, и то не ко всѣмъ. Для Соковлина, впрочемъ, она охотно сдѣлала исключеніе, и вотъ почему вскорѣ по пріѣздѣ Охвостневъ пріѣхалъ къ нему.

Это было поутру. Охвостневъ явился въ какомъ-то потертомъ зеленомъ рейт-фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Онъ похудѣлъ. Носъ у него принялъ уже довольно знаменательный колоритъ; усы стали одерганные, и весь онъ былъ потертъ и помятъ, какъ его рейт-фракъ. Видно было, что онъ уже слегка закусилъ.

Соковлинъ былъ въ такомъ расположеніи духа, что гость и не въ родѣ Охвостнева не очень бы занялъ его. Однакожь онъ принялъ его, какъ обыкновенно, и старался ничѣмъ не выказать перемѣны.

Бесѣда ихъ, однакожь, длилась не долго, и кончилась довольно странно. Охвостневъ съ самаго начала старался выказать себя тѣмъ же разбитнымъ и безпечнымъ малымъ, которымъ онъ былъ прежде, хотя уже эта роль плохо удавалась ему, потому что была ролью и не лежала въ его отяжелѣвшемъ характерѣ. Онъ трижды облобызалъ Соковлина, началъ разсказывать, какъ совсѣмъ-было запропастился въ Москвѣ, замѣтилъ, что очень холодно, и когда Соковлинъ на это замѣчаніе велѣлъ подать закуску, онъ съ веселымъ вздохомъ вспомнилъ «нашу добрую старушку», какъ онъ называлъ Татьяну Григорьевну, и ея наливки. Все это онъ проговорилъ залпомъ, ходя по комнатѣ и потирая руки, которыя уже тряслись.

— А вы-таки постарѣли! постарѣли, почтеннѣйшій Сергѣй Иванычъ! говорилъ онъ, подойдя къ Соковлину, и потрепалъ его по бокамъ.—Да и что вы какіе-то скучные! Слышалъ я... ну, оно, конечно, удовольствія тутъ мало; да стоитъ ли много думать о нихъ? Вотъ и моя птица упорхнула, да чортъ съ ней: другую можно залучить, хоть и не очень законную, да оно лучше.

Соковлинъ весь вспыхнулъ и всталъ передъ Охвостневымъ.

— О комъ это вы говорите? спросилъ онъ, едва сдерживая себя.

— Да я... слышалъ; языкъ вѣдь безъ костей: что-то говорили про отъѣздъ Натальи Дмитріевны; а впрочемъ все вздоръ, конечно.... бормоталъ Охвостневъ, не зная, какъ бы вывернуться.

— Послушайте! Вы можете слушать всѣ слухи и развозить

ихъ, сколько угодно, сказалъ Соковлинъ: — но если вы здѣсь позволите себѣ дурно отозваться о моей женѣ и сравнивать ее съ вашей птицей, такъ вы сами рискуете вылетѣть отсюда! Понимаете! А чтобъ этого избѣжать, такъ намъ лучше разстаться поскорѣе.

Соковлинъ повернулся и вышелъ.

— Сергѣй Иванычъ! голубчикъ! ну, полно; ну, виноватъ, закричалъ-было вслѣдъ ему Охвостневъ. — Вотъ, дуракъ, чѣмъ обидѣлся! право, дуракъ! говорилъ онъ, оставшись одинъ.

Въ это время слуга изъ другихъ дверей подалъ закуску и онъ немедленно приступилъ къ ней.

— А ты, любезный, поди и скажи барину, что, молъ, Петръ Петровичъ просятъ извиненія, что они, молъ, это такъ сболтнули; такъ и скажи.

Слуга вышелъ, и Охвостневъ весьма усердно продолжалъ угощать себя.

Черезъ нѣсколько минутъ слуга возвратился.

— Сергѣй Иванычъ приказали доложить, что ваши лошади поданы, сказалъ онъ.

— А! поданы!

Охвостневъ налилъ себѣ третью рюмку, не торопясь выпилъ ее, взялъ фуражку и вышелъ.

Когда Охвостневъ былъ уже въ саняхъ, онъ обратился къ провожавшему его слугѣ:

— Кланяйся, братецъ, ты своему барину, и скажи ему отъ меня, что онъ свинья! Слышишь!... Пошелъ! закричалъ онъ кучеру.

Лошади рванулись, и онъ уѣхалъ.

Послѣ этой маленькой *исторіи*, слухъ о которой съ разными варіантами въ свою пользу распустилъ самъ же Охвостневъ, разумѣется, еще менѣе нашлось охотниковъ посѣщать Соковлина, чѣмъ онъ, впрочемъ, былъ очень доволенъ.

Соковлинъ, какъ въ старое время холостой жизни, занимался хозяйствомъ, коротал дни чтеніемъ, и по цѣлымъ часамъ игралъ и сидѣлъ съ своимъ сыномъ; такъ же, какъ въ старое время, являлся иногда къ нему Игнатьичъ, но уже не по прозьбу и не для бильярда, къ которому за старостью былъ неспособенъ, а такъ, разсказать про старину, развлечь барина. Игнатьичъ жилъ въ своей комнаткѣ на антресоляхъ — скорѣе въ родѣ домашняго человѣка, чѣмъ слуги. Встарину онъ былъ ка-

мординеромъ стараго барина, страстнымъ охотникомъ и большимъ ловеласомъ; теперь занимался пчелами, любилъ поудить, охотно читалъ наставленія молодымъ лакеямъ, и со страстью стараго волокиты все свободное время посвящалъ наблюденіямъ за интрижками горничныхъ, къ которымъ во время оно былъ такъ падокъ.—Впрочемъ, онъ никогда не выдавалъ ихъ, и скорѣе даже потворствовалъ, чѣмъ мѣшалъ; онъ любилъ только ихъ знать и слѣдить, какъ проигравшійся до нитки игрокъ любитъ смотрѣть на чужую игру. Игнатьичъ съ преданностью стараго слуги любилъ Соковлина, и въ этомъ качествѣ былъ въ нѣкоторой оппозиціи къ барынѣ и ея дворнѣ — какъ къ чужимъ, вхожимъ. Игнатьичъ отгадывалъ горе Соковлина и по-своему старался иногда развлекать его.

Разъ—это было въ половинѣ января—Соковлинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. На дворѣ стояла смурая зимняя ночь, наглухо накрытая сверху сплошными безцвѣтными тучами. Ни звѣздъ, ни мѣсяца не было видно; но должно быть полный мѣсяцъ свѣтилъ на небѣ, потому что на бѣломъ грунтѣ снѣга можно было довольно далеко различать предметы. Длинный вечеръ подходилъ къ концу; рѣже слышался стукъ отворяемой и затворяемой наружной двери; въ тихомъ и полуопустѣломъ домѣ становилось еще тише: все укладывалось спать. Соковлинъ сидѣлъ у камина, въ которомъ давно уже прогорѣли дрова, и только мѣстами сквозь пепелъ свѣтилось еще нѣсколько алыхъ углей. Лампа подъ абажуромъ горѣла слабо; раскрытая книга, которую читалъ онъ, была опущена на колѣни. По неподвижно-устремленнымъ въ одну точку глазамъ видно было, что мысли Соковлина были чѣмъ-то глубоко поглощены. Эти длинные одинокіе зимніе вечера тяжело переживались имъ: читать и читать—наконецъ надоѣстъ, и вотъ поневолѣ пойдутъ блуждать мысли, и постоянно, какъ магнитная стрѣлка, остановятся на одномъ всегда болѣзненно и раздражительно отзывающіяся воспоминанія. «Гдѣ то она теперь? что дѣлаетъ?» — и вопреки воли воображеніе рисуетъ ему обидныя и возмущающія картины. Соковлинъ мало похудѣлъ за это время, но постарѣлъ много. Между черными волосами виднѣлись цѣлыя бѣлыя пряди сѣдыхъ, хотя ему было съ небольшимъ еще сорокъ лѣтъ. Открытое и честное лицо уже не глядѣло такъ прямо и добродушно; какая-то горькая черта легла около рта; и о чемъ бы ни говорилъ Соковлинъ — онъ не отдавался весь предмету, а все какъ будто другая мысль ле-

жала у него постоянно на умѣ, и онъ только отрывался отъ нея, ее не забывая.

Такъ Соковлинъ одиноко коротал и этотъ вечеръ. Длинная комната кабинета, освѣщенная въ одномъ углу только, гдѣ сидѣлъ Соковлинъ, другимъ вся уходила въ полумракъ. Только бѣлый бюстъ Пушкина слабо выдавался изъ него, да нѣсколько роскошныхъ переплетовъ въ шкапу тускло блестѣли, и на всемъ была такая тишина и неподвижность, какъ будто и книги, и бюстъ, и вся комната—скучая и дремля—ждали только времени, когда наконецъ Соковлинъ загаситъ огонь и дастъ имъ уснуть. Вдругъ портьера въ темномъ углу приподнялась и въ комнату неслышно заглянула и показалась фигура старика съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и такими же, длинными усами. Старикъ былъ въ истертомъ суконномъ казакинѣ и валенкахъ — отъ этого походка его была совсѣмъ не слышна, и Соковлинъ не замѣтилъ его. Старикъ кашлянулъ.

— Кто тутъ? спросилъ Соковлинъ, вглядываясь въ него.

— Я-съ, тихо отвѣтилъ старикъ и подошелъ къ свѣту.

— Что ты, Игнатьичъ? нѣсколько тревожно спросилъ Соковлинъ, удивленный его приходомъ въ это время.

— Вы ничего не слыхали? спросилъ Игнатьичъ.

— Ничего. А что?

Старикъ таинственно наклонился и сказалъ сдержаннымъ шопотомъ:

— Барыня пріѣхала.

— Можетъ ли быть? Какъ? когда? вскочивъ, спрашивалъ Соковлинъ.

Игнатьичъ приподнялъ палецъ, прося молчанія — и Соковлинъ замеръ на мѣстѣ.

— Не пріѣхали , а пришли , тихо и таинственно продолжалъ старикъ. — Вижу я, кто-то крадется пѣшкомъ изъ калитки на заднее крыльцо , я и сошелъ. Вижу, взошла въ дѣтскую; глядь — барыня! и только Аринѣ шепчетъ: «молчи!»

— Гдѣ же она теперь? тоже тихо, но дрожащимъ голосомъ спросилъ Соковлинъ.

— Да тамъ же, въ дѣтской, отвѣчалъ Игнатьичъ.

Едва старикъ договорилъ эти слова, какъ уже Соковлина не было въ комнатѣ. Онъ вошелъ въ темный корридоръ и тихо пробрался къ дѣтской. Дверь въ нее была не плотно притворена, и Соковлинъ остановился у нея. Ему нужно было дать себѣ

хоть нѣсколько мгновеній, чтобы успокоиться. А между тѣмъ онъ могъ видѣть, что дѣлалось въ смежной комнатѣ. Наискось у стѣны стояла кроватка, въ которой спалъ Андрюша. Держась за нее одной рукой, передъ ней стояла женщина въ салопѣ и дорожномъ капорѣ; лица ея, наклоненнаго надъ кроваткой, не было видно, но Соковлинъ только взглянулъ на нее, и сильно прижалъ руку къ сердцу, чтобы умѣрить его боль и біеніе. Передъ Наташей, въ ночномъ чепчикѣ на растрепанной головѣ и какомъ-то шлафоркѣ, стояла Аринушка: она держала въ одной рукѣ свѣчу, а другой заслоняла ея свѣтъ отъ головы спящаго ребенка. Сама она, не спуская глазъ, смотрѣла на свою *барыню*. Свѣча слабо дрожала въ ея морщинистой рукѣ, и весь отраженный свѣтъ колебался на изрѣзанномъ мелкими морщинками лицѣ.

— А что Сергѣй Иванычъ? тихо спросила Наташа, и повернула голову.

Соковлинъ увидалъ ея освѣтившійся профиль, услыхалъ знакомый голосъ, и прежде нежели старуха успѣла отвѣтить, онъ былъ уже въ комнатѣ.

— Наташа! сказалъ онъ.

Наташа вздрогнула, обернулась, и голова ея была уже на груди мужа.

Соковлинъ обнялъ жену и повелъ съ собою.

— Огня! Разбудить людей! скорѣе! сказалъ онъ, оборачиваясь къ Аринушкѣ и стоявшему позади его Игнатьичу, и вошелъ съ Наташей въ кабинетъ.

Тамъ онъ опустилъ жену на диванъ, и самъ, обезсиленный ощущеніями, упалъ противъ нея въ кресло.

Нѣсколько мгновеній они сидѣли молча. Соковлинъ смотрѣлъ на похудѣвшее лицо Наташи; Наташа окинула взглядомъ мужа и опустила глаза.

— Скажи, отчего ты пришла пѣшкомъ? отчего не прямо — сюда!... спросилъ Соковлинъ.

Наташа еще болѣе потупилась.

— Я хотѣла только взглянуть на Андрюшу, тихо сказала она: — и проѣхать въ Любановку.

— А здѣсь?... Но Соковлинъ не кончилъ вопроса и вдругъ остановился. — Впрочемъ, прибавилъ онъ, смутясь: — я не знаю... и если ты хочешь...

Наташа поняла его. Она подняла на него глаза, хотя все лицо горѣло отъ стыда.

— У меня на это одна причина, сказала она: — мнѣ стыдно и совѣстно воротиться въ твой домъ и къ тебѣ...

— Зачѣмъ это! зачѣмъ! совѣстливо сказалъ Соковлинъ, съ упрекомъ покачивая головою. — Отчего ты не вѣришь мнѣ, отчего не хочешь просто считать меня твоимъ старымъ другомъ?

— Оттого, что не стою тебя!.. робко сказала Наташа, и взявъ его руку, целовала ее.

Соковлинъ нагнулся, обнялъ и крѣпко поцаловавъ ея голову; въ тоже время освободилъ свою руку.

— Однакожь, гдѣ же твой экипажъ? заговорилъ онъ поспѣшно, желая прекратить это объясненіе и торопливо отеревъ глаза: — гдѣ же ты его бросила? — Эй! человѣкъ!

И онъ началъ звонить.

— Онъ тутъ недалеко, на задахъ, отвѣчала Наташа, тоже отирая слезы.

— Тутъ на задахъ барыня оставила экипажъ, велите въѣхать ему, говорилъ Соковлинъ вошедшему слугѣ. — Да каминъ затопите! — Наташа, что же ты не раздѣваешься? Да что же, ужинать, или чаю?

— Ничего я не хочу! словно отдыхая, сказала Наташа.

Она встала, чтобы сбросить салопъ; слуга подхватилъ его, поклонился барынѣ, поздравилъ съ пріѣздомъ и попросилъ ея ручку.

— Здравствуй, Никаноръ! — Нѣтъ, ничего мнѣ не надо, продолжала она. — Я такъ рада, что я дома! сказала Наташа, глубоко вздохнувъ, какъ будто съ нея скатилось тяжелое бремя.

И въ первый разъ послѣ многихъ, можетъ-быть счастливыхъ, но тревожныхъ дней, она почувствовала подъ собой твердую почву. Въ первый разъ она почувствовала на душѣ успокоительное дыханіе тихаго законнаго счастія. И такъ ново и дорого было ей теперь это чувство — такъ отрадна была ей надежда и возможность выйти снова на прямую дорогу, что она только повторила: «Я такъ рада! такъ....» и не договоривъ, закрыла лицо руками, и рыдала, рыдала горячими слезами раскаянія, благодарности и счастія.

Соковлинъ не останавливалъ, не унималъ ее: онъ чувствовалъ, что ей нужны эти омывающія, искупительныя слезы; онъ

только смотрѣлъ на нее, и не слыхалъ, какъ у самого по щекамъ медленно катились тоже слезы.

Между тѣмъ въ домѣ все засуетилось и задвигалось. Вскорѣ въ кабинетъ принесли дрова въ каминъ, свѣчи; Наташа стала успокоиваться, и притомъ слезы ея вытекали отъ такихъ нѣжныхъ и сокровенныхъ душевныхъ движеній, что одно присутствіе посторонняго человѣка, какъ прикосновеніе къ листамъ «не тронь меня», сжимало и прекращало ихъ источникъ. Слуги и горничныя здоровались съ барыней. Между ними неслышно явился и Игнатьичъ въ тѣхъ же валенкахъ и, поздоровавшись, хитро прибавилъ: «Какъ это вы, сударыня, подкрались къ намъ? Мы и не слыхали ничего!» Явилась и старая ключница Соковлина, толстая и раздражительная Марья Савишна, низко поклонилась и расцаловалась съ Наташей, и какъ та ни прятала своей руки, все-таки ее вытребовала.

— А куда самоваръ прикажете подать? спросила она, вѣрная своимъ обязанностямъ.

— Да зачѣмъ самоваръ? Не надобно, Марья Савишна, отвѣчала Наташа.

— Какъ это не надобно? Гдѣ это видали! Съ дороги перезябли, да самовару не надобно! обиженно воскликнула она. — Да вы, чай, и ноги-то промочили, да это еще и не согрѣться!

— Ну, хорошо, хорошо! подай сюда, сказала Наташа.

— Ну, этакъ-то лучше! Вотъ тутъ къ огоньку! А то гдѣ это видано, съ дороги да и не согрѣться? уходя, ворчала Марья Савишна, и черезъ минуту сама принесла, переваливаясь, подносъ со всѣмъ приборомъ, и тотчасъ же явился уже приготовленный какими-то судьбами и кипящій самоваръ.

Наташа не допила еще чашки, какъ въ дверяхъ показалась Аринушка, неся на рукахъ Андрюшу.

— Проснулся, мой голубчикъ! еще издали запѣла она: — разгулялся совсѣмъ, — услыхалъ, что мама пріѣхала, только и говоритъ: «къ мамѣ пойду». Ну, узналъ, кто это? спрашивала она, держа ребенка передъ трепещущей отъ радости и волненія Наташей.

Ребенокъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ своими большими черными глазенками нѣсколько мгновеній на Наташу.

— Мама! сказалъ онъ и протянулъ къ ней ручонки.

— Радость моя! воскликнула Наташа и, схвативъ сына, засыпала его поцалуями и слезами.

Наташа тоже похудѣла за это время; синія жилки проступали сквозь поблѣднѣвшую кожу висковъ, но отъ дороги и волненія румянецъ широко игралъ на лицѣ; особенно худоба замѣтна была кругъ рта и въ подбородкѣ: они утратили свою нѣжную округлость, какъ будто поиздержались немного; но въ общемъ она не потеряла отъ этого: она стала милѣе, женственнѣе, болѣе страсти обѣщали эти похудѣвшія уста.

Наташа отпустила няньку, и сперва развлекала ребенка распросами, потомъ убаюкивала нѣжными именами и ласками. Соковлинъ разсказывалъ про него, про маленькія перемѣны и происшествія (разумѣется, не съ Охвостневымъ), которыя случились безъ нея въ домѣ или дошли до него слухами. Но разговоръ не клеился по весьма простой причинѣ: Соковлинъ могъ только разсказывать, а не распрашивать. Наташа спрашивала, но не могла говорить про себя.

Соковлинъ съ любовью глядѣлъ на жену и ребенка. Онъ уже отвыкалъ отъ мысли видѣть когда нибудь возстановленнымъ свое семейное счастіе, и то, что было теперь передъ его глазами, было такъ нежданно, что наполняло его измученную горечью душу отраднымъ и теплымъ чувствомъ. Туча уходила назадъ, и снова солнце начало проглядывать сквозь разорванныя облака. Но смотря на возвратившуюся жену, замѣчая на ея миломъ и дорогомъ для него лицѣ всѣ легкія измѣненія, которыя это время положило на немъ,—не думалъ ли онъ, что эти похудѣвшія уста утратили свою свѣжесть на страстныя ласки, не видалъ ли онъ на нихъ слѣдовъ чужихъ поцалуевъ?...

Было далеко уже за полночь; отрывочный разговоръ упадалъ и смолкъ; огонь снова гасъ въ каминѣ, и ребенокъ, убаюканный ласками, уснулъ на колѣняхъ Наташи.

— Я отнесу его, шопотомъ сказала она.

— Отнеси, да и самой тебѣ пора отдохнуть. Ты, я думаю, утомилась отъ дороги, отвѣчалъ Соковлинъ.

Онъ со свѣчой проводилъ жену и возвратился въ кабинетъ.

Долго еще, оставшись одинъ, ходилъ Соковлинъ неслышными тихими шагами по ковру кабинета, отдаваясь приливу и переходу новыхъ, какъ клубы тумана, неясно-охватывавшихъ его мыслей. Долго еще въ уснувшемъ и потемнѣвшемъ домѣ просвѣчивался слабый свѣтъ сквозь занавѣсы его кабинета, и мы не поручимся, что сонъ въ эту ночь смыкалъ глаза Соковлина.

X.

Свѣжая и оживляющая струя сошла вмѣстѣ съ хозяйкой въ домъ Соковлина, и жизнь потекла въ немъ, повидимому какъ и прежде, мирнымъ и полнымъ теченіемъ. Соковлинъ, казалось, былъ доволенъ, и сравнительно съ недавнимъ положеніемъ почти счастливъ. Онъ любилъ жену глубокой и искренней любовью,— но года отняли у этого чувства все страстное и жгучее; передъ разрывомъ онъ сказалъ женѣ, что останется ея другомъ — онъ оставался имъ и теперь, — и ему тѣмъ легче было оставаться имъ, что настоящія отношенія не требовали отъ него никакихъ жертвъ; ревность, ревность даже не матеріальная, ревность къ другому нравственно-предпочитаемому — не имѣла повидимому пищи. Любовь и дружба, говорятъ, изъ одного и того же тѣста, только одно замѣшано на чувственности, другое на простомъ сочувствіи; различить ихъ весьма легко: хочется цаловаться — любовь, не хочется — дружба. Заглянувъ поглубже и попроще, безъ идеалистическихъ натяжекъ, въ душу Соковлина, никто бы и никакъ не рѣшился утверждать, что Соковлину не хотѣлось иногда поцаловать и горячо поцаловать свою жену; но года и, скажемъ откровенно, отвычка дѣлали эту жертву подъ силу и не слишкомъ тягостной для его рѣшимости. Онъ сознавалъ, что его прежнее, полное и чистое счастіе было разбито; но испытавъ всю горечь его потери, онъ былъ уже почти доволенъ тѣми обломками, которые судьба еще выбросила на его берегъ.

Несравненно труднѣе опредѣлить состояніе Наташи. Въ женщинѣ, и женщинѣ еще молодой, полной силъ и жажды чувства, бываютъ такія внезапныя перемѣны, такъ странно и часто, повидимому, такъ противно всякому здравому ожиданію дѣйствуютъ на нее малѣйшія обстоятельства, что прослѣдить за нею въ переходное время разныхъ вліяній—такъ же трудно, какъ опредѣлить вкусъ и букетъ еще не перебродившаго вина. Мы возьмемся передать только наружные признаки.

Первые дни послѣ своего пріѣзда Наташа была почти совершенно счастлива. Семейная жизнь въ ея тихомъ и ласкающемъ теченіи была тѣмъ отраднѣе для нея, что она не смѣла уже надѣяться на ея возвращеніе. Наташа цѣлые часы проводила съ сыномъ, но все свое умѣнье, вниманіе и любовь сосредоточивала

на мужѣ. Казалось, она хотѣла всѣми мѣрами вознаградить его, хотя отчасти, за тѣ страданія, которыхъ была причиной. Она занялась съ удвоеннымъ усердіемъ хозяйствомъ—и не было привычки, желанія или намека мужа, которыхъ бы она не припомнила, не старалась предупредить и выполнить. И все это она дѣлала съ той простотой и женственной граціей, на которыя способны любящія женщины.

Соковлинъ видѣлъ эту удвоенную нѣжность и внимательность Наташи, но по тонкому чувству уваженія къ женѣ не показывалъ вида, что замѣчаетъ ихъ. Онъ боялся указать этимъ самой Наташѣ на ея перемѣну, чтобы не напомнить ея прошлаго, не хотѣлъ принять этой перемѣны за искупленіе, чтобы этимъ самымъ не обвинить или не укорить ея въ прошедшемъ. И Соковлинъ оставался, какъ и обѣщалъ нѣкогда — ея *старымъ* добрымъ другомъ.

Такъ длилось нѣсколько недѣль, но потомъ мало по малу Наташа стала задумчивѣе, грустнѣе. Она не измѣнилась въ своей внимательности къ мужу, но стала менѣе свободно распоряжаться въ хозяйствѣ; часто за разрѣшеніемъ какихъ нибудь вопросовъ, относящихся къ будущему — отсылала къ мужу, какъ будто не прочила оставаться постоянно въ домѣ. Иногда она какъ будто безъ умысла наводила разговоръ на Любановку; разъ даже подъ какимъ-то незначительнымъ предлогомъ захотѣла побывать въ ней, и къ двумъ отапливаемымъ—на случай пріѣзда—комнатамъ велѣла прибавить еще одну. Однажды, въ сумерки, нечаянно войдя, Соковлинъ замѣтилъ, какъ-будто Наташа плакала; но она тотчасъ вышла подъ какимъ-то предлогомъ, и Соковлинъ не могъ удостовѣриться, справедлива-ли его догадка. Все это не ускользнуло отъ вниманія Соковлина; но онъ, никогда ни однимъ косвеннымъ вопросомъ не касаясь недавней жизни Наташи, не могъ и теперь позволить себѣ не только вопроса, но и знака участія: его положеніе становилось съ каждымъ днемъ тоже труднѣе и тяжеле.

XI.

Однажды, послѣ обѣда, Наташа ушла къ себѣ въ спальню и не показывалась цѣлый вечеръ. Соковлинъ спросилъ горничную, здорова ли барыня, и получилъ отвѣтъ, что она что-то пишетъ.

Это было какъ разъ наканунѣ почтоваго дня, и невольныя подозрѣнія снова ворвались въ душу Соковлина. Онъ не зналъ, живъ ли Комлевъ, гдѣ онъ, по какой причинѣ жена оставила его. Правда, двѣ вещи заставляли Соковлина думать, что связь между Комлевымъ и его женою окончательно прервана: это нѣсколько словъ, сказанныхъ Наташей по возвращеніи, и увѣренность, что въ противномъ случаѣ она не осталась бы ни минуты въ его домѣ. Но... кто-же увѣряетъ въ подозрительности человѣка, уже испытавшаго то, что испыталъ Соковлинъ! Положимъ, что связь Наташи съ Комлевымъ разорвана — но въ какой степени? Какое чувство осталось между ними? Чтó было причиной этого разрыва, и проченъ-ли онъ? Какъ знать: la donna é mobile... и Соковлинъ, къ несчастію, зналъ это не изъ Риголетто.

Соковлинъ по-старому затворился къ себѣ въ кабинетъ, который былъ свидѣтелемъ столькихъ долгихъ его черныхъ дней. Не удивились бы эти стѣны и книги и вещи — если бы могли наблюдать — выраженію лица Соковлина: они видали его и не съ такимъ лицомъ! — но если бы они могли заглянуть въ его душу, они бы сознались, что никогда не читали въ ней болѣе горькихъ, обидныхъ, оскорбительныхъ мыслей. Не ревность это была: что ревность! онъ испыталъ ее; не обманъ въ надеждахъ, не увѣренность въ измѣнѣ чувства: онъ давно зналъ, что надежды хрупки и чувства измѣнчивы — хотя и тяжело это испытывать на себѣ. Нѣтъ! теперь сомнѣнія подкапывались подъ самый сокровенный, нетронутый уголокъ, въ которомъ онъ, какъ святыню, лелѣялъ и берегъ все, что ему осталось отъ его Наташи: сомнѣнія подкапывались подъ его уваженіе къ любимой женщинѣ! Наташа могла разлюбить его, возненавидѣть, полюбить другаго и отдаться ему. Но Наташа не обманывала его, не дѣлала изъ него ширмъ для своей связи. Наташа (еще недавно онъ былъ увѣренъ въ томъ) не пойдетъ въ его домъ для того, чтобы, отдохнувъ и усыпивъ мужа, снова возвратиться къ другому. А теперь?..

Мы бы долго и много должны были писать, если бы вздумали исчислять мысли Соковлина, его доводы за и противъ, приливъ и отливъ его подозрѣній. Скажемъ только, что поздно вечеромъ мысли Соковлина были прерваны приходомъ горничной Наташи; она подала ему письмо.

— Барыня васъ проситъ прочитать, сказала горничная и вышла.

Конвертъ былъ запечатанъ, но не надписанъ. Соковлинъ съ нетерпѣніемъ сорвалъ обертку и узналъ руку жены. Она писала:

«Ты меня принялъ въ домъ, не спрашивая, гдѣ я была это время, почему возвратилась, какимъ образомъ перервалась та страсть, которая надорвала наше тихое счастіе.... Все время, что я снова живу подъ твоимъ кровомъ, ты ни разу ни малѣйшимъ намекомъ ни коснулся прошлаго, не постарался разъяснить, давалъ ли мнѣ совершенный разрывъ какое нибудь право снова переступить твой порогъ; ты мнѣ вѣрилъ безусловно. Это меня не удивляетъ. Послѣ того, что ты уже дѣлалъ для меня, я могла этого ожидать, я была даже увѣрена въ этомъ; поступить иначе ты не могъ. Я тебя и не благодарю за это: у меня нѣтъ на это и словъ, да и что тутъ значатъ слова!

«Но если ты молчалъ, то на мнѣ тѣмъ настоятельнѣе лежала обязанность высказаться тебѣ, открыть — чего бы мнѣ это ни стоило—все прошедшее. Я это сознавала и хотѣла давно выполнить; говорить — было выше силъ моихъ, да въ разсказѣ я бы не могла быть сколько нибудь послѣдовательною; я хотѣла писать. Стыдъ разоблачать даже передъ тобою.... особенно передъ тобою — это прошлое.... не могъ удерживать меня; я понимаю свой долгъ. Но тутъ явилась другая мысль, и она заставляла меня рвать начатыя письма, останавливала мою руку, была причиной молчанія, съ которымъ я употребляла до зло твое терпѣніе.... причина и теперь не уничтожена, но надобно же съ ней покончить, что бы ни ожидало меня. Но объ этомъ послѣ....

«Не останавливаясь почти въ Германіи, мы отправились прямо въ Швейцарію. Тамъ, недалеко отъ Вэвэ, мы поселились на берегу Женевскаго озера. Любовь.... нѣтъ! страсть, совершенное уединеніе съ тѣмъ, кого я любила, природа....все тутъ было для счастія; но, я говорю правду, были минуты безумнаго, страстнаго забытія, но счастья не было: ты, постоянно ты, разрушалъ и отравлялъ его, по крайней мѣрѣ для меня. Если бы въ твоей жизни со мной, въ отношеніяхъ и поступкахъ, сопровождавшихъ нашъ разрывъ, я могла найти предметъ для укора, точку опоры для собственнаго извиненія, я бы въ то время, мнѣ кажется, готова была благословлять тебя! Но сколько я ни напрягала свою память, я не могла ихъ отыскать; ты мнѣ не оставилъ ихъ. Мнѣ иногда приходила мысль, что ты велъ себя такъ — съ тон-

кимъ разсчетомъ, чтобы лучше отмстить за себя, но это было уже слишкомъ.... Но еслибъ у тебя былъ этотъ разсчетъ, ты бы не могъ лучше дѣйствовать: я ненавидѣла тебя за твою доброту и великодушіе... Какъ нарочно, живо припоминалось мнѣ, что въ первый нашъ разговоръ — помнишь — въ нашемъ любаньевскомъ саду, у пруда, ты мнѣ описывалъ швейцарскія озера, и я тогда же подумала, какъ бы хорошо и отрадно было увидѣть ихъ и пожить тамъ съ такимъ человѣкомъ, какъ ты; и потомъ, уже замужемъ — помнишь — мы иногда говорили объ этомъ?... Все это такъ и врывалось непрошенное въ мою память и отравляло мнѣ всѣ минуты счастія. Было что-то жгучее въ моей тогдашней жизни, точно крѣпкое вино—и жжетъ, и одуряетъ.

«Я скрывала, разумѣется, сколько могла, эти мысли отъ Комлева, но онъ замѣтилъ мое тревожное состояніе. Онъ меня спрашивалъ, я молчала; но разъ—въ порывѣ негодованія на тебя и себя — я ему ихъ высказала. Онъ пожалъ плечами и сказалъ, что это сантиментальность, романтичность, къ которой ты пріучилъ меня; что не надобно давать волю своей фантазіи, добровольно и глупо терзать себя; что это можетъ развиться до болѣзненности, какъ всякая мономанія; и что съ небольшой силой воли, можно прогнать эти мысли или притупить ихъ, точно такъ же, какъ здравый смыслъ прогоняетъ всѣхъ бѣсовъ и привидѣній.

«Но ему легче было развивать свой взглядъ, чѣмъ мнѣ подчиняться ему. Швейцарія, съ ея озерами, была отравлена для меня. Я просила его ѣхать въ Италію; это не входило въ его планъ, — но онъ согласился. Мы переѣхали черезъ Симплонъ и мѣсяца два ѣздили по Сѣверной Италіи. Миланъ, Венеція, Флоренція, Генуя, со своими красотами, памятниками и картинами, были передъ нами. Комлевъ все хотѣлъ видѣть, — я не уступала ему въ этомъ. Это было — можетъ быть — мое лучшее время; но говоря искреннѣе, я думаю, что Италія занимала меня, если не больше, то наравнѣ съ моимъ чувствомъ; я наслаждалась природой и искусствомъ — на счетъ моей страсти: они поглощали ее. — Но страсть эгоистична; она не терпитъ раздѣла; она требуетъ или уединенія, гдѣ все принадлежитъ ей, или блеска свѣта, гдѣ все, что можетъ соперничать, должно быть приносимо ей въ жертву для удовлетворенія ея деспотической жадности. Наша итальянская жизнь слишкомъ

развлекала насъ, красоты живописи и ваянья заслоняли насъ другъ отъ друга: онѣ могли развивать только болѣе тихое и глубокое чувство.

«Какъ бы то ни было, но это было мое лучшее время, хотя и тутъ мы часто расходились во взглядахъ съ Комлевымъ: онъ болѣе учился и изслѣдовалъ, чѣмъ чувствовалъ. И тутъ мнѣ вспоминался другой спутникъ, и я уже жалѣла иногда, что его нѣтъ со мной....

«Между тѣмъ осень кончалась; не та осень, среди которой мы были, — осень разсчитывалась по нашему календарю. Комлевъ предполагалъ къ этому времени быть въ Парижѣ. Столкновеніе со мной и безъ того спутало его планы и повредило цѣли: и безъ того онъ мнѣ «пожертвовалъ Германіей», какъ проговорился онъ, шутя; теперь онъ спѣшилъ наверстать потерянное. — Меня тянуло на югъ, въ Римъ и Неаполь, но я не возражала, и въ ноябрѣ мы были въ Парижѣ.

«Въ Парижѣ Комлевъ отдался занятіямъ, которыя на цѣлые дни отвлекали его. Онъ слушалъ лекціи, занимался въ библіотекахъ, дѣлалъ ученыя знакомства. Меня не интересовалъ Парижъ. Я не была въ такомъ расположеніи, чтобъ искать веселостей или ѣздить по магазинамъ, да я и не чувствовала къ нимъ влеченія. А безъ нихъ въ Парижѣ и зимой не много интереснаго для женщины. Я оставалась одна, и у меня много было времени для тяжелыхъ размышленій.

«Достоинства мужчины точно такъ же, какъ и недостатки, только немного усиливаютъ или ослабляютъ нашу любовь, но не могутъ ни возбудить, ни уничтожить ее. Но я понимаю, что человѣкъ свободный, употребляющій свое время только на ухаживаніе за женщиной, можетъ заставить предпочесть себя вѣчно-занятому дѣлами, хотя бы и болѣе достойному мужу. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что мы не заняты ничѣмъ, что мы дурно воспитаны и что любовь отъ этого въ извѣстные годы составляетъ нашу насущную потребность, наше единственное занятіе. Но это было причиной моей любви къ Комлеву. Это была не любовь, а страсть. Я не знаю, какъ это сдѣлалось, — она вспыхнула отъ одного взгляда; — но занятія и отсутствіе Комлева и — мнѣ бы не хотѣлось этого выговорить — его сухой эгоистичный характеръ охлаждали ее.

«Прежде, когда я еще боролась и падала подъ вліяніемъ невольнаго чувства, я часто сравнивала тебя съ Комлевымъ.

Всѣ эти сравненія, всѣ убѣжденія разсудка были на твоей сторонѣ, а я каждую минуту болѣе и болѣе предпочитала другаго. Теперь вѣсы покачнулись въ противную сторону и падали тѣмъ скорѣе....

«Можетъ быть, если бы я была женою Комлева, я бы старалась сохранить по крайней мѣрѣ то теплое чувство, которое остается отъ перегара страсти, хотя увѣрена, что мы не были бы счастливы. Собственное ли развитіе, которому я была предоставлена дома посреди природы, ухода и всегда добрыхъ ко мнѣ лицъ; ты ли своимъ постоянно мягкимъ, симпатичнымъ, задушевнымъ вліяніемъ—сдѣлали это; но я чувствовала потребность въ той доброй, ласкающей и миротворной сферѣ, въ которой жила до тѣхъ поръ. Мнѣ бы тяжела была сухая, ничѣмъ не согрѣтая, замкнутая въ себѣ жизнь, которую бы мнѣ привелось вести съ Комлевымъ: я была бы для него слишкомъ нѣжно и мягко развита. И какъ я была безконечно благодарна тому себялюбивому чувству, которое заставило его отказаться отъ женитьбы на мнѣ!

«Какъ скоро я почувствовала, что страсть прошла, что явилось размышленіе и спалъ туманъ, охватившій меня, я не колебалась болѣе, — единственная нить, которая была причиной моихъ поступковъ, которая оправдывала меня въ собственныхъ глазахъ, оборвалась. Я рѣшилась на немедленный разрывъ.

«Одна мысль была обидна и унизительна для меня. Что же такое мое чувство, моя любовь послѣ этого? Лучшаго изъ мужей, сына, мое тихое и мирное счастіе бросила я для болѣе страстнаго и горячаго чувства. И какая же была эта страсть, которая длилась полгода и не выдержала встрѣчи съ самыми ничтожными обыденными вещами? И что же я сама послѣ этого?...

«Эта мысль стоила мнѣ многихъ горькихъ и необлегчающихъ слезъ. Отъ этой мысли и теперь стыдъ бросается въ лицо, я теряю вѣру въ себя и смотрю на себя унижающимъ взглядомъ. Но я не хотѣла ради ея обманывать себя и другихъ. Что жь дѣлать! значитъ, я такова есть; пусть же будетъ, что будетъ!

«Разъ Комлевъ ушелъ съ утра и долго не возвращался. Я не ждала его нетерпѣливо, не тосковала и не роптала: я скучала, и скучала не по немъ. Тогда эти мысли явились мнѣ, и туманъ сталъ падать.

«Я удивилась той поражающей быстротѣ, съ которой новый взглядъ выяснился во мнѣ, новыя мысли раждались, зрѣли и крѣпли въ убѣжденіе: какъ будто падало наскоро сложенное зданіе, изъ котораго выпалъ одинъ камень. Такъ при мнѣ разъ передъ Hotêl de Ville ломались щиты и подмостки ярко горѣвшей наканунѣ иллюминаціи. Когда Комлевъ возвратился вечеромъ домой, онъ нашелъ дверь моей комнаты запертою.

«На другой день былъ какой-то праздникъ. Комлевъ былъ свободенъ и располагалъ весь день провести со мною; я ничего не говорила ему о своемъ предположеніи, я сама хотѣла еще повѣрить себя.

«День былъ славный. Мы провели его, какъ проводятъ влюбленные парижане, работающіе порознь цѣлую недѣлю, а въ воскресенье задающіе себѣ праздникъ. Мы катались, гуляли, обѣдали у Филипа, были въ оперѣ. Весь день мы были вдвоемъ. Комлевъ былъ веселъ, въ отличномъ расположеніи, какъ рѣдко; но я смотрѣла на него уже другими глазами, такъ что онъ спросилъ меня разъ, отчего я сегодня какая-то странная. Дѣйствительно, мнѣ было странно мое положеніе.

«Когда мы воротились домой, я сказала ему:

«— Страсть прошла и для меня, и для тебя. Между нами не было другой связи и другихъ причинъ жить вмѣстѣ: разстанемся!

«— Это что значитъ! отчего это пришло тебѣ вдругъ въ голову? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

«— Я это чувствую, отвѣчала я. — Другихъ причинъ и убѣжденій тутъ не нужно, и я рѣшилась ѣхать.

«— Какъ знаете! Вы свободны, сказалъ онъ — и вышелъ.

«Онъ былъ болѣе оскорбленъ и удивленъ, чѣмъ огорченъ.

«На другой день онъ спросилъ меня, не передумала ли я. Я отвѣчала, что нѣтъ, и просила его позаботиться о моемъ отъѣздѣ. Тогда онъ перемѣнилъ тонъ, и просилъ меня просто дружески сказать ему, не огорчилъ ли меня чѣмъ невольно; предлагалъ перемѣнить образъ жизни, если онъ мнѣ не нравится, сказалъ, что онъ готовъ, если я хочу, бросить занятія и ѣхать, куда мнѣ вздумается.

«— Нѣтъ, мой другъ, сказала я: — ты ни въ чемъ не виноватъ, и если нужно искать виноватаго, такъ вина мое непостоянство — недостатокъ твердости и спокойности чувствъ. Я знаю, взаимными уступками мы могли бы еще поддерживать нашу

привязанность; но для того чувства, которое осталось теперь между нами, не стоитъ ни тебѣ жертвовать своими занятіями и будущностію, ни мнѣ—мнѣ впрочемъ нечѣмъ уже жертвовать—оставаться въ настоящемъ положеніи, стѣснять тебя собою. Игра становится мелка для свѣчей, — будетъ ихъ жечь напрасно.

«Онъ задумался, не отвѣчалъ ни слова, и пошелъ исполнять маленькія порученія, которыя я просила его сдѣлать для отъѣзда. Я тоже стала сбираться.

«Когда вечеромъ мы сошлись, онъ сказалъ мнѣ:

«— Я долго думалъ о твоихъ словахъ. Мнѣ грустно, но я долженъ сознаться — ты справедлива. Ты — честная женщина, прибавилъ онъ и пожалъ мнѣ руку.

«Мы проговорили остатокъ дня, какъ добрые старые друзья. Поѣздъ отходилъ вечеромъ. Онъ проводилъ меня на желѣзную дорогу, и его послѣднія слова были: «Если мы встрѣтимся когда нибудь, вы во мнѣ увидите почтительнаго, но далекаго знакомаго. Но вѣрьте, что всегда вы будете дороги мнѣ и глубоко мое уваженіе къ вамъ».

«И мы разстались....

«Несмотря на твои добрыя слова передъ отъѣздомъ, я рѣшилась остановиться въ Любановкѣ. Я не сомнѣвалась въ тебѣ, но мнѣ совѣстно было; я не считала себя стоющею; мнѣ казалось наглостью пріѣхать въ твой домъ. Но проѣзжая въ виду его, я подумала: «теперь всѣ спятъ», и не устояла противъ искушенія обнять сына.

«Остальное ты знаешь.»

Тутъ письмо было подчеркнуто. и послѣ него оставался большой пробѣлъ. Остальное было написано на отдѣльной страницѣ.

XII.

Соковлинъ остановился и задумался. Воображеніе ярко и отрывисто оживило ему прочитанное, можетъ быть въ небывалыхъ сценахъ. Говорятъ, когда тонешь и погружаешься головой въ воду, вся прошедшая жизнь, всѣ длинные годы, какъ молнія, пролетятъ передъ глазами. Соковлинъ чувствовалъ нѣчто подобное: передъ нимъ пронеслась жизнь Наташи съ Комлевымъ и раскаленнымъ углемъ прошло по сердцу это воспоминаніе. Онъ

вырвался отъ него, провелъ рукой по лицу, точно стряхивая страшныя грезы, и началъ читать остальное:

«Я кончила свою исповѣдь. Я ее должна была сдѣлать, и вѣрь мнѣ, сдѣлала искренне, каково бы ни было то чувство, которое она возбудитъ въ тебѣ. Теперь позволь мнѣ поговорить о настоящемъ.

«Если бы я отдала его на твой произволъ — я знаю тебя — ты бы все простилъ — да ты уже и простилъ меня — и остался бы, какъ теперь, моимъ добрымъ старымъ другомъ. Когда ты принялъ меня снова въ свой домъ и я увидала все, что любила и что составляло мое счастье — у меня закружилась голова отъ блаженства; это было чувство, похожее на то, если бы мнѣ сказали, что все прошлое было только кошемаромъ. Признаюсь тебѣ, первые дни я и думала, что снова я вышла на прямую, счастливую, честную дорогу, и мнѣ остается только, стыдливо склонивъ голову, хоть издали идти за твоей доброй и великодушной рукой.... Но когда я осмотрѣлась и одумалась, когда, принимаясь за свою исповѣдь, я прослѣдила свое прошлое — я убѣдилась, что съ иныхъ поворотовъ нѣтъ возврата и прошлое не исчезаетъ безслѣдно, какъ кошемаръ...

«Да, мой другъ! я не могла, не должна была молчать; но разсказавъ тебѣ мою жизнь, я положила между нами вѣчную преграду. Молчанье даетъ возможность предполагать болѣе, — но оно даетъ иногда и смутную надежду, даетъ неувѣренность. Ты зналъ и убѣжденъ былъ въ моей связи, но я должна была показать тебѣ ее. И я открыла тебѣ ту завѣсу моей жизни, за которую нельзя безнаказанно пускать третьяго, — тѣмъ болѣе... Простить можно все, но забыть нельзя!...

«Вотъ почему, мой добрый другъ, я мучила тебя молчаніемъ. Прости меня! — но у меня долго недоставало силъ оттолкнуть мою послѣднюю доску: мнѣ такъ отрадно было отдохнуть на ней!...

«Я не могу оставаться въ твоемъ домѣ, оставаться съ тобой. Я не считаю позоромъ мою прошлую страсть: это было несчастіе; но то, что я сказала и чего не могла и не смѣла договорить — теперь, именно теперь, раздѣляетъ насъ. Пойми меня. Тебѣ будетъ слишкомъ тяжело и мнѣ слишкомъ стыдно смотрѣть на тебя. Позволь мнѣ поселиться въ Любановкѣ и только изрѣдка пріѣзжать краснѣть — передъ тобой и сыномъ. Время, говорятъ, все залечиваетъ. Дай же мнѣ тамъ состарѣться, дай

прійти порѣ, когда иначе и тише будетъ биться мое сердце, биться тѣмъ чувствомъ, въ которомъ нѣтъ измѣны.

«Уважь-же мою послѣднюю убѣдительную просьбу, и прости, прости, мой безцѣнный, мой на вѣки потерянный милый!»

Соковлинъ дочиталъ письмо, остановился на мгновенье въ недоумѣніи, и вдругъ какая-то догадка, какъ молнія, озарила лицо. Онъ скомкалъ письмо въ рукѣ и бросился къ Наташѣ.

Она сидѣла въ спальной, облокотясь на столъ и закрывъ руками лицо. Только и было видно ея бѣлый капотъ и черныя, волнисто-упадавшія на руки пряди волосъ. Когда она разслышала быстрые шаги Соковлина, она подняла блѣдное-блѣдное лицо и безстрастно ждала мужа.

— Наташа! да ты любишь меня? едва войдя, воскликнулъ Соковлинъ взволнованнымъ голосомъ.

— И къ несчастію—не той страстью, которая можетъ пройти, сказала она съ холоднымъ отчаяньемъ, глядя на мужа.—Развѣ ты не понимаешь, что теперь эта любовь именно и раздѣляетъ на вѣкъ насъ!...

Вмѣсто отвѣта, Соковлинъ задумался, и тихо опустилъ голову.

— Ты права, грустно сказалъ онъ наконецъ.—Все носитъ въ себѣ и награду и наказанье. Все условное можно простить и забыть, — но чувство не прощаетъ и не забываетъ... Что жь впрочемъ! сказалъ онъ, приподнявъ голову и смѣло взглянувъ на жену: — буря прошла, зачѣмъ отчаяваться надъ обломками? Мы честно вели себя, и намъ не въ чемъ упрекать другъ друга. Понесемъ же до конца, не отступая, все, что жизнь оставила намъ. И неужели у судьбы и времени не будетъ для насъ еще свѣтлыхъ и тихихъ минутъ!..

Онъ съ любовью и довѣрчивостью протянулъ руки Наташѣ, и она, взглянувъ въ честное, открытое лицо мужа, съ краской стыда упала къ нему на грудь...

И рыдая, встрѣтили они первыя минуты до жгучей боли стыдомъ и воспоминаніемъ отравленнаго счастія.

М. АВДѢЕВЪ.

1858—59 г.

ЗНАХАРКА.

Знахарка въ нашемъ живетъ околоткѣ;
На воду шепчетъ; на гущѣ, на водкѣ

Да на какихъ-то гадаетъ травахъ.
Просто наводитъ, проклятая, страхъ!

Радости мало — пророчитъ все горе;
Вздумай бы плакать, наплакалъ бы море.

Да — Господь милостивъ! нашъ-то народъ
Плакать не любитъ, а больше поетъ.

Молвила вѣдьма горластому парню:
«Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядять — черезъ мѣсяцъ всего
По лѣсу парень оретъ: «го-го-го!»

Дядѣ Степану сказала: «Кичишься
«Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

«Либо своей головѣ пропадать!»
Стали Степана рекрутствомъ пугать —

Вывелъ коня на базаръ — откупился!...
Весь околотокъ колдуньѣ дивился.

«Семка! и я понавѣдаюсь къ ней!»
Думаетъ старый мужикъ Пантелей:

«Что ни предскажетъ кому: разоренье,
Убыль въ семействѣ, глядишь — исполненье!

«Чортъ у ней что ли въ дрожжахъ-то сидитъ?...»
Вотъ и пришелъ Пантелей — и стоитъ,

Ждетъ: у колдуньи была ужь дѣвица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядомъ съ ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка дѣвкѣ: «Ты съ нимъ не вяжись!

«Будетъ твоя особливая доля:
«Малыя слезы — и вѣчная воля!»

Дрогнулъ дворовый, а вѣдьма ему:
«Счастью не быть, молодецъ, твоему....

«Все говорить?» — Говори! — «Ты зимою
«Много потерпишь, дойдешь до запою,

«Будешь небритый валяться въ избѣ,
«Чертики прыгать учнутъ по тебѣ,

«Станутъ глумиться, тянуть въ преисподню;
«Ты въ пузырёчекъ наловишь ихъ сотню,

«Станешь его затыкать....» Пантелей
Шапку въ охапку — и вонъ изъ дверей.

«Что же, старикъ? погоди — погадаю!»
Вѣдьма ему. Пантелей: — «Не желаю!

— Что намъ гадать? Малолѣтковъ морочь.
— «Я погожу пока, чортова дочь!

— «Ты намъ тогда предскажи нашу долю,
— «Какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю!...»

Н. НЕКРАСОВЪ.

ТРОЕ ЦЫГАНЪ.

(изъ Ленау.)

Степью песчаной нашъ грузный рыдванъ
Еле тащился. Подъ ивой,
Рядомъ съ дорогою, трое цыганъ
Расположились лѣниво.

Въ огненныхъ краскахъ заката лежалъ
Старшій съ лубочною скрипкой;
Буйную пѣсню онъ дико игралъ,
Съ ясной, безпечной улыбкой.

Трубкой дымилъ надъ собою другой,
Дымъ провожая глазами,
Счастливъ — какъ будто нѣтъ доли иной
Лучше, богаче дарами.

Третій, раскинувшись, сладко заснулъ;
Надъ головою висѣла
Лютня на ивѣ.... По струнамъ шелъ гулъ,
Пó сердцу греза летѣла.

Пусть изъ-за пестрыхъ заплатъ, изъ прорѣхъ
Голое тѣло сквозится:
Все на лицѣ у нихъ гордость и смѣхъ,
Сколько судьба ни грозится.

Вотъ отъ кого довелось мнѣ узнать,
Кàкъ тебя, доля лихая,
Дымомъ развѣять, проспать, проиграть,
Міръ и людей презирая.

Глазъ я не могъ оторвать отъ бродягъ.
Долго мнѣ будутъ все сниться
Головы въ черныхъ косматыхъ кудряхъ,
Темныя, смуглыя лица.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВОЗРОЖДЕНЬЕ.

Борьба съ нуждой вседневной да сомнѣнье
Измучили меня. Какъ призракъ, я бродилъ
Между людьми въ постыдномъ униженьи,
И безнадежно плакалъ и грустилъ.
И отвыкалъ трудиться я упорно,
А сердце холодѣло съ каждымъ днемъ,
И былъ людьми отвергнутъ я позорно,
И самъ себѣ казался я глупцомъ....
Но въ глубинѣ души таилось много
Стремленій, радужныхъ надеждъ и думъ;
Рвались онѣ, нежданною тревогой
Порой смутивъ мой утомленный умъ,
И снова въ сонъ холодный погружались....
И было на сердцѣ еще больнѣй, —
И надо мной глумились и смѣялись,
И падалъ я и бѣгалъ отъ людей....
И мнѣ шептало тайное сознанье,
Что больше бурь душевныхъ надо мнѣ,
Что не придетъ безъ нихъ мое возстанье,
И звалъ я ихъ — и принеслись онѣ.
И съ трепетомъ, измученный и блѣдный,
Рванулся съ ними я въ смертельный бой....
Еще молчитъ средь шума кликъ побѣдный,
Еще летаютъ стрѣлы надо мной,
Еще отъ тяжкихъ ранъ въ изнеможеньи
Чуть дышетъ грудь; но на душу мою
Уже святое вѣетъ возрожденье....
И пѣсню я побѣдную пою.

ИВАНЪ РОНЧЕВСКІЙ.

МѢСЯЦЪ ВЪ БОЛГАРІИ.

Живы ли болгаре? Живы
Живы на гърци-те!...
(Живы ли болгаре?
Живы для борьбы съ греками).
(Восклицаніе за виномъ.)

Крутою, узкою и извилистою дорогою или, лучше, тропинкою пробирались мы (*) по высокимъ горамъ Македоніи, отъ Солуки въ горы на сѣверо-западъ. Путешествіе по этимъ горамъ было на сколько трудно, на столько и пріятно: какая чудная живописная мѣстность! Непривычка ѣздить по такимъ дорогамъ, послѣ нашихъ равнинъ, опасность упасть съ мула, когда онъ круто поднимается, или круто спускается съ камня на камень, сначала не давали намъ любоваться красотами мѣстности, но мало по малу боязнь уступила мѣсто живымъ впечатлѣніямъ поэтической македонской природы, — и мы вполнѣ довѣрились нашимъ вѣрнымъ и надежнымъ муламъ. Вотъ мы спускаемся съ горы: передъ нами открыто, какъ въ панорамѣ, огромное пространство долинъ и холмовъ, окаймленное сѣдыми хребтами высокихъ горъ. Исполинскія горы съ дикими скалами, страшными уступами, перевитыя гирляндами изъ бѣлыхъ облаковъ, идутъ съ юга на сѣверъ, и, сходясь между собою, образуютъ трехъ-угольную обширную долину около 250 верстъ въ окружности. На югѣ, за-

---

(*) Я ѣхалъ съ однимъ русскимъ путешественникомъ Г. Р., въ сопровожденіи трехъ болгаръ.

облачный божественный Олимпъ, съ снѣжными вершинами, уперся въ синій небосклонъ и грозно возвышается надъ окружающею равниною Архипелага и материка Македоніи. На западѣ громадный Кожухъ тянется съ юга на сѣверъ, утопая въ бѣлыхъ снѣжныхъ облакахъ. Подъ нами и надъ нами Ортезій со своими страшными уступами, отъ которыхъ замираетъ сердце. Внизу обширная долина усыпанная холмами, которые усѣяны масличными и фруктовыми деревьями и виноградниками, перевитая рѣчками и озерами. Жаль, что не весна! Но среди очаровательной мѣстности грустенъ былъ видъ бѣдныхъ болгарскихъ деревень. Я предупрежденъ былъ объ ихъ бѣдственномъ положеніи, — и мнѣ какъ будто ужь слышались оттуда стоны, выдавленные изъ истерзанной горемъ и бѣдой груди бѣднаго народа. Воображеніе мое—то рисовало кружокъ болгаръ около камина, съ печальными лицами, задумавшихся надъ своимъ безвыходнымъ положеніемъ, то представлялась мнѣ красивая болгарка, у колыбели своего сына: убаюкивая его, матернимъ дыханіемъ она передаетъ ему ненависть къ грекамъ, въ своемъ молокѣ вливаетъ въ его душу месть туркамъ, и, какъ бы съ колыбели приготовляя сына на борьбу за родину, жалобнымъ тономъ высказываетъ ему горькое положеніе ея, и потомъ уже болѣе живымъ голосомъ передаетъ ему свою единственную надежду на него, матернее благословеніе и заклинаніе: «сынку! расти, порасти!» поетъ она: «кату-си, сынку, порастешь, царство-то си да отървешь отъ чуждѣ руцѣ погански, что царство-то тіе баштино, баштино ёште и майчино!» (сынъ, рости и вырости! когда ты, сынъ выростешь, царство это вырви изъ чужихъ поганыхъ рукъ;—это царство твоего отца и твоей матери!) потомъ, живо представляя его уже взрослымъ юнакомъ (молодцомъ), дѣлаетъ она ему наставленія: «Сичку, сынку, ти имаши», продолжаетъ она: «только въ недѣлю рано встани, вѣрно ся Богу помоли и войска-та си рядомъ наряди,—ела! Щте ти мома зарачамъ! Куга, сынку, отъидешь по берди и планини, никого ся, сынку, не бои, само отъ гърци лукави, лукави еште издацы, што и башта ти издадоха въ Веденѣ градѣ гулемѣ сосъ 72 хиляды; тамо го турцы плѣнили, войска-та му сичка поробили...» (все, сынъ, ты имѣешь; только въ воскресенье раньше встань, прилежнѣе Богу помолись и войска твои въ порядокъ приведи и—маршъ! а я тебѣ невѣсту заручу. Когда ты отправишься по долинамъ и горамъ, никого, сынъ, не бойся, только бойся грековъ лукавыхъ, лукавыхъ, еще и предателей,—они выдали твоего отца въ большомъ городѣ Веденѣ съ 72 тысячами воиновъ; тамъ его взяли въ плѣнъ турки и войска его уничтожили). Она ободряетъ его взглядомъ, воодушевляетъ матернимъ поцалуемъ.... но вдругъ, какъ бы очнувшись, видитъ сына еще въ колыбели и съ трепетомъ ови-

рается кругомъ: не подслушалъ ли это ея задушевной пѣсни, неосторожно вырвавшейся изъ сдавленной горемъ груди—и слезы польются, и льются и льются по грустному уже лицу; и снова она припадаетъ къ колыбели сына, но ужъ не вдохновеніе на ея лицѣ, а тяжелая грусть: «вотъ, можетъ быть новая жертва турокъ», думаетъ она и стонъ вылетаетъ изъ ея груди.—И сдѣлается мнѣ самому страшно, невыносимо больно на сердцѣ. Ужь не привлекательна природа! Красныя, кровяныя пятна рисуются мнѣ на горахъ и долинахъ, и съ наклоненною головою, въ глубокомъ раздумьѣ, тихо пробираюсь я по извилистой неровной дорожкѣ.

Но вотъ показалось впереди за холмомъ село. Отъ Солуни до него 3 часа ходу.

«Эй, господарь Георгій!» послышалось назади, когда мы подъѣзжали къ селу. Я остановилъ мула.—«Здѣсь живутъ болгаре погерченные», сказалъ догнавшій меня мой кераджи (человѣкъ при лошади).

«Что это такое погерченные?» спрашиваю я его. Онъ отвѣчаетъ, что прежде они были болгаре, а теперь гърци (греки). Это меня удивило.—«Такъ чтожъ?» говорю я: «вѣдь они христіане и православные, такъ же, какъ вы?»—«Православные-то православные!» лаконически отвѣчалъ онъ.

Я сталъ расспрашивать его, какъ они сдѣлались горками изъ славянъ, чтобъ объяснить себѣ, что такое грекъ изъ болгаровъ.

Изъ разговора съ нимъ я могъ вывести только то, что они говорятъ по-гречески, держатся обычаевъ греческихъ, ненавидятъ славянъ, и даже не сознаются, что они были славяне. Больше ничего не могъ узнать отъ моего кераджи. Онъ и самъ ничего не зналъ, почему и какъ они сдѣлались греками, да и не хочетъ знать; для него довольно, что они греки, и онъ съ ними уже не хочетъ имѣть дѣла.

Пробывъ съ полчаса въ погерченномъ селѣ, мы отправились въ Кукушъ, гдѣ насъ уже ждали, потому что слышали, что мы пріѣдемъ къ нимъ въ этотъ день. Измученные непривычною ѣздою верхомъ по такимъ дорогамъ, въ 9½ часовъ вечера мы пріѣхали въ Кукушъ. Было очень темно. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ — кукушанинъ, за часъ до Кукуша, ускакалъ впередъ, чтобъ дать знать объ насъ нѣкоторымъ кукушанамъ, къ которымъ Г. Р. имѣлъ письма. Подъѣзжаемъ; насъ встрѣчаютъ съ фонарями за городомъ. Между встрѣтившими насъ болгарами былъ учитель здѣшняго народнаго училища г. Миладиновъ. Г. Р. имѣлъ письма къ нему изъ Россіи. Послѣ обмѣна искреннихъ привѣтствій съ той и другой стороны, они проводили насъ въ отведенную намъ обществомъ квартиру въ архіерей-

скомъ кунакѣ, гдѣ прежде жилъ архіерей, котораго прогнали кукушане. Г. Миладиновъ распоряжался всѣмъ въ кунакѣ, и потому мы были исключительно его гостями.

На другой день довольно рано, не успѣли мы еще выпить по чашкѣ кофе, явилась къ намъ вся знать кукушская — чорбаджи (старшины). «Добре дошли!» — привѣтствовали они насъ, прижавъ руку къ груди и потомъ поднося ее ко лбу. Мы подали имъ руки и отвѣчали: «фала Богу! съмы благодарны!» Затѣмъ усѣлись они на диванахъ, поджавъ ноги подъ себя. Г. Миладиновъ поочереди представлялъ намъ ихъ. Они всѣ были почтенныхъ лѣтъ и потому въ чалмахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали у нѣкоторыхъ волосы — это извинительный у нихъ безпорядокъ въ туалетѣ.

Съ какимъ любопытствомъ, съ какою радостью они смотрѣли на насъ — далекихъ пришельцевъ, своихъ братьевъ! Это похоже на то, когда бы увидались два родные брата, долго не видавъ другъ друга: не съ большею радостію, не съ большимъ любопытствомъ они смотрѣли бы другъ на друга, какъ эти добрые кукушане смотрѣли на насъ. Большая часть изъ нихъ не видали русскихъ; знали только, что есть единовѣрные и единоплеменные имъ славяне, называемые русскими, гдѣ-то далеко на сѣверѣ; что сильно и могущественно государство этихъ русскихъ, — больше они ничего не знали.

Застѣнчиво, несмѣло они начали говорить съ нами: «здоровы ли мы, нравится ли намъ ихъ земля, видали ли мы въ Россіи болгаръ, куда мы ѣдемъ, съ какою цѣлію» и пр. Затѣмъ предлагали намъ наивные вопросы — о здоровьѣ нашего царя и его семейства, какъ живутъ русскіе, живутъ ли въ Россіи турки и греки? Имъ, кажется, хотѣлось слышать, что турки и греки у насъ бѣдствуютъ и въ страшномъ угнетеніи отъ насъ. Самое теплое, младенческое сочувствіе къ намъ замѣтно было во взглядѣ и въ каждомъ словѣ ихъ.

Они говорятъ языкомъ, перемѣшаннымъ турецкими и греческими словами и цѣлыми фразами, такъ что я съ трудомъ понималъ ихъ. Кукушане тоже съ большимъ трудомъ понимали меня. Но Г. Р. говорилъ по-болгарски довольно порядочно, и потому они говорили больше съ нимъ; въ 11 часовъ утра они разошлись.

Въ 12 часовъ мы отправились къ мудюру (паша — начальникъ города), въ сопровожденіи двухъ главныхъ старшинъ города. Г. Р. имѣлъ фирманъ отъ турецкаго правительства за подписью султана, которымъ предписывалось давать намъ свободный пропускъ и проводниковъ, оказывать вездѣ вниманіе и содѣйствіе въ путешествіи. Я полагалъ, что чрезъ десятки комнатъ нужно будетъ пройти до пріемной высокомѣрнаго турецкаго паши и по крайней мѣрѣ че-

тверть часа прождать приглашенія войти (къ чему привыкли мы въ Россіи). Ни чуть не бывало; только доложили, тотчасъ растворились двери — и мы лицомъ къ лицу съ сіятельнымъ пашой. Онъ сидѣлъ на диванѣ. Когда мы вошли, онъ всталъ и пошелъ къ намъ на встрѣчу; протянувъ обѣ руки къ намъ, онъ пригласилъ насъ сѣсть на диванъ: ни тѣни чванства, ни слѣда грубости! все вѣжливо, прилично. Г. Р. подалъ ему фирманъ. Онъ прежде поцаловалъ его; потомъ прочитавъ, возвратилъ Г. Р.

Тотчасъ намъ подали чубуки (трубки) длинные, съ мѣдными блюдечками, на которыя ставится трубка на полу. Потомъ поднесли по чашкѣ кофе (чашечки эти величиною съ маленькую рюмку, изъ которой у насъ пьютъ водку). Чорбаджи сидѣли на полу, поджавъ ноги подъ себя, тоже съ трубками и кофе, и были переводчиками между нами.

Комната, въ которой насъ принялъ паша, очень простая, безъ роскоши; только простые диваны и очень обыкновенные ковры на полу напоминали здѣсь востокъ.

Съ четверть часа мы просидѣли у него. Онъ распрашивалъ насъ, куда мы ѣдемъ, для чего, гдѣ остановились въ Кукушѣ и довольны ли квартирой. Между прочимъ высказалъ свое расположеніе къ русскимъ, какъ добрымъ сосѣдямъ и особенно за то, что съ плѣнными турками во время войны обходились хорошо. Наконецъ такъ же привѣтливо раскланялся съ нами и далъ намъ проводника по городу, чтобы вездѣ было оказываемо намъ уваженіе, почтеніе и просторъ на улицахъ (потому что здѣсь улицы очень узки, а день былъ торговой).

Отъ него отправились мы къ муллѣ (судьѣ). Его застали мы въ кабинетномъ негляже (цирульникъ съ турецкой обстановкой брилъ ему бороду и подбривалъ усы и брови), хотя мы вошли къ нему и по докладу. Рукою пригласилъ онъ насъ сѣсть на диванъ. Затѣмъ обыкновенная церемонія: явились чубукчи, съ чубуками и кофеджи съ кофе. Наконецъ онъ кончилъ свой туалетъ и завязался между нами такой же разговоръ, какъ и у паши; только не доставало муллѣ благороднаго такта паши въ обращеніи.

Отъ муллы отправились къ кадію — та же исторія; только этотъ принялъ очень чиновно, со строгимъ исполненіемъ всѣхъ чванныхъ аристократичныхъ приличій исламическаго общества.

Отъ него по пути зашли въ народное училище. Оно открыто года три тому назадъ. Въ немъ около 250 учениковъ. Оно меня и обрадовало и удивило. Въ селахъ Македоніи, населенныхъ греками на пути отъ Аѳона къ Солуни, я посѣщалъ греческія училища. Но можно ли ихъ сравнить съ этимъ?

Надъ греками не такъ тяготѣетъ иго турецкое; они имѣютъ покровителей предъ турецкимъ правительствомъ въ своихъ духовныхъ властяхъ; слѣдовательно, они имѣютъ больше возможности устроить хорошія школы: ихъ духовные отцы, конечно, не будутъ стѣснять ихъ въ этомъ, а напротивъ, поощрять, походатайствуютъ предъ турками. И что же? Въ какомъ состояніи ихъ школы, которыя видѣлъ я? — Домикъ, какъ нашъ анбаръ; комната, какъ нашъ хлѣвъ, безъ полу, лавокъ, стола, даже и безъ оконъ; въ ней душно, темно и сыро. Я тогда полагалъ, что это отъ бѣдности — и жалѣлъ ихъ. Не говорю вообще о греческихъ школахъ, а только о тѣхъ, которыя я видѣлъ, именно: въ селахъ агіосъ Никита и агіосъ Никола, которыя можно поставить въ параллель съ Кукушемъ. Какой контрастъ съ ними представляютъ собою болгарскія школы! Всякій съ перваго раза скажетъ: «да болгары богатый народъ!» А какъ присмотришься къ болгарамъ, вглядишься въ ихъ тяжелую жизнь, то увидишь, что это народъ задавленный, убитый, поразительно-бѣдный, надъ которымъ тяготѣетъ двойное иго, народъ безотвѣтный и предъ турками и передъ греками. Отъ него ли въ настоящемъ его положеніи ждать порядочныхъ школъ! Наповѣрку вышло «да», — онъ имѣетъ ихъ. Училище въ Кукушѣ очень хорошее, въ сравненіи съ греческими, видѣнными мною. Комната большая, въ ней 25 скамей, каѳедра учительская довольно хорошая; въ комнатѣ свѣтло, полъ, стѣны — все чисто, — чего же еще? Болгары послѣднимъ дѣлятся для образованія своихъ дѣтей. Ктому же, въ греческихъ школахъ я видѣлъ только отъ 20 до 50 учениковъ, а здѣсь 250—и это только низшее отдѣленіе, а есть еще и высшее, которое занимаетъ другой домъ, лучше и еще чище. Въ первомъ учатся читать и писать мальчики отъ 6 до 15 лѣтъ. Въ городѣ, говорятъ, нѣтъ ни одного мальчика, который бы не учился, развѣ по чрезвычайной бѣдности. Всѣ ученики, кого ни спрашивали, отвѣчали очень хорошо. Во второмъ училищѣ около 50 учениковъ. Здѣсь учатъ греческому языку, ариѳметикѣ и географіи, на греческомъ языкѣ; церковной исторіи, на болгарскомъ. Въ первомъ, учитель — монахъ изъ аѳонскаго болгарскаго зографскаго монастыря. Во-второмъ — учитель г. Миладиновъ, который оказалъ намъ такое радушное гостепріимство. Къ чести его надобно сказать, что онъ основательно знаетъ и добросовѣстно исполняетъ свое дѣло. Онъ могъ бы найти себѣ другое дѣло, болѣе выгодное въ матеріальномъ отношеніи, но, какъ горячій патріотъ, навсегда посвятилъ себя образованію дѣтей, получая только 20 р. с. въ мѣсяцъ.

Теперь болгары еще болѣе расположили меня къ себѣ. При всемъ тяготѣніи надъ ними судьбы, они остаются вѣрными себѣ, — хра-

нять въ себѣ горячій патріотизмъ, при всѣхъ усиліяхъ ихъ враговъ сдѣлать изъ нихъ турокъ или грековъ.... Я теперь смотрю на болгаровъ, какъ на народъ съ богатыми задатками добраго, чтобъ не сказать — великаго.

Изъ школы мы пошли въ свою квартиру. Въ 4 часа пришли къ намъ нѣкоторые чорбаджи.

Отъ лица жителей они просили насъ прочесть имъ церковную службу на славянскомъ языкѣ. Завтра, 12 декабря, у нихъ въ церкви престольный праздникъ св. Спиридону. Мы обѣщали имъ это.

Боже мой! Тотъ народъ, отъ котораго мы взяли церковно-славянскія книги, который научилъ насъ читать и писать по-славянски — этотъ народъ проситъ теперь насъ прочесть службу на славянскомъ языкѣ, — они просятъ насъ доставить имъ счастіе услышать славянскіе звуки въ своей церкви.... Хотѣлось бы извинить, оправдать тѣхъ, кто довелъ ихъ до того состоянія, что они за счастіе считаютъ услышать родные звуки въ церкви, и просять объ этомъ пришельцевъ. Но какъ оправдать?

Ихъ прадѣды и дѣды, а можетъ быть и отцы, слышали еще родные звуки въ церкви — 93 года тому назадъ!... Церковь, на родномъ имъ языкѣ, утѣшала ихъ чрезъ родныхъ имъ пастырей; но это было до 1767 года! Теперь никто даже не помнитъ этого. Только пѣсни печально напоминаютъ имъ объ этомъ переворотѣ, который незамѣченъ исторіею, хотя имѣлъ сильное вліяніе на судьбу 7 мильйоновъ человѣкъ.

12 декабря, въ 5 часовъ утра, отправились мы въ церковь, взявъ съ собой богослужебныя книги, какія имѣли: библію и полный молитвословъ. Приходимъ; въ церкви крикъ, шумъ, такой гвалтъ, что ничего не слышно! Мы пробираемся ко клиросу: «Руссы, руссы!» пронеслось по всему храму, и въ церкви водворилась тишина. Вотъ Г. Р. сталъ читать шестопсалміе, стараясь каждое слово произнесть рѣзче и слышнѣе; — всѣ придвинулись впередъ, чтобъ слышать, что читается. Надобно было видѣть самому ихъ восторгъ, ихъ радость, вниманіе, когда они услышали богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, чтобъ понять, какое впечатлѣніе произвели на нихъ его звуки, неслыханные ими прежде въ церкви! Кажется, на лету они ловили славянскія слова, не сводили глазъ съ насъ — слушали и многіе плакали отъ горя, — что не имѣютъ славянскаго богослуженія, и отъ радости, — что слышатъ его.

По прочтеніи службы, мы осмотрѣли церковь. Она, конечно, небогата, но она хороша въ сравненіи съ церквами въ греческихъ селахъ, видѣнныхъ мною. Въ ней по крайней мѣрѣ нѣтъ ни грязи, ни сору, ни паутины; напротивъ, вездѣ чистота, опрятность.

Послѣ осмотра церкви, чорбаджи пригласили насъ посѣтить ихъ, и мы цѣлый день ходили изъ дома въ домъ.

Весь день я чувствовалъ себя какъ бы въ нашей старинѣ за тысячу лѣтъ назадъ. Простота жизни, безъискуственное, не натянутое обращеніе между собою, наивное обращеніе съ нами, уносили меня къ вѣкамъ нашей незатѣйливой патріархальности. Но только языкъ, доброта и радушіе показывали въ болгарахъ славянъ; почти во всей внѣшней обстановкѣ жизни они не выдержали себя и вполнѣ подчинялись восточнымъ обычаямъ и обрядамъ, занесеннымъ сюда ихъ властелинами — турками. Видъ городовъ — турецкій, то есть безалаберный; улицы ихъ грязныя, кривыя и узкія; дома разбросаны или, лучше, посажены безъ плана и порядка. Внутри домовъ та же восточная обстановка. Въ домахъ обыкновенно бываетъ по двѣ комнаты: одна черная, которая служитъ и кухней, и кладовой, и рабочей, и спальной, а другая чистая для пріема гостей. Послѣдняя у богатыхъ устлана коврами, а вокругъ комнаты вдоль стѣны идутъ диваны или, лучше сказать, широкія лавки съ тюфяками, набитыми шерстью верблюжьей или овечьей, или соломой, и покрытыя бѣлой или цвѣтной матеріей. Въ другихъ домахъ замѣняютъ диваны длинными подушками подлѣ стѣны. Въ черной комнатѣ только въ одномъ углу постланъ соломенный коверъ съ нѣсколькими подушками. Въ обѣихъ комнатахъ такая чистота, что только въ чулкахъ входятъ въ нихъ, безъ башмаковъ. Но не видно ни кадокъ, ни горшковъ, ни лоханки съ умывальникомъ, ни палатей, и — пожалуй — ни грязи, ни сору, какъ на Руси; на кухнѣ стоятъ кострюли, чашки, тарелки, кофейникъ и въ углу порожній мангалъ. И самого болгарина по одеждѣ не легко отличить отъ турка; платье его похоже на турецкое: такія же шаровары, куртка, чулки, башмаки, фесъ или чалма. Словомъ, что̀ носятъ турки, то носятъ и болгары. Скорѣе болгарина отъ турка можно различить по лицу. Болгары всѣ брѣютъ бороду, оставляя усы; а турки — только военные; болгаре оставляютъ косу на макушкѣ, по обычаю предковъ, какъ знакъ благородства, если брѣютъ голову; или же стригутъ волоса по-европейски; а турки всѣ брѣютъ, исключая военныхъ; у болгарина скромный, но живой видъ, а у турка тупой, но чванный. Вотъ чѣмъ только расходятся они между собою. Пріемы ихъ турецкіе — только скромнѣе; всѣ они умѣютъ говорить по-турецки, и только простота, довольно грубая—не чванная турецкая, а какая-то своеобразная, наивная, отдѣляетъ ихъ отъ восточнаго племени. Впрочемъ, европейское вліяніе показывается и здѣсь: молодое поколѣніе уже начинаетъ мѣнять, конечно при средствахъ, турецкій костюмъ на европейскій и вообще принимаетъ видъ европей-

цевъ, исключая фески, съ которою никакъ не можетъ разстаться, и потому почти всѣ стригутъ волосы à la francaise.

Вотъ входимъ мы въ домъ: на крыльцѣ хозяева встрѣчаютъ насъ. «Добре дошли! како сте?» и приглашаютъ въ комнату. Въ комнатѣ мы садимся на полъ, если нѣтъ дивановъ, около камина или мангала (*), потому что былъ чувствительный холодъ. Тотчасъ является маленькій сынъ или дочь хозяина съ кофе, по маленькой чашечкѣ. За тѣмъ подаютъ на подносѣ глико, то есть варенье, орѣхи, пряники, потомъ ставятъ подносъ въ срединѣ круга нашего на полъ, и въ дополненіе подлѣ подноса ставятъ два графина съ ракой или мастикой (водкой) и съ виномъ.—«Повелите! соизволяйте!» повторяютъ хозяинъ и хозяйка. И круговая, то съ ракой, то съ виномъ, обходила попеременно всѣхъ вокругъ мангала или въ полукругъ камина. Между тѣмъ идетъ самый оживленный разговоръ. Конечно, начали говорить прежде всего о сегодняшней славянской службѣ. Какъ они благодарили насъ за нее! Наивно повторяли они, что запомнили изъ службы, напримѣръ: «Господи помилуй», «подай Господи», и пр.; старались даже пѣть, но привыкшіе къ греческому пѣнію на турецкій ладъ, сколько ни бились, никакъ не могли сладить — все выходило у нихъ на греческій напѣвъ съ отвратительными турецкими варіаціями. Съ дѣтской наивной радостію они увѣряли насъ, что поняли все, что мы читали. Между прочимъ высказали свое сожалѣніе, что они не имѣютъ ни одной славянской книги, а то они, не спрашивая никого, стали бы отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Круговая продолжала обходить повеселѣвшихъ болгаровъ; она была готова въ каждомъ домѣ, гдѣ насъ ждали. Вездѣ мы встрѣчали такой же радушный пріемъ. Нашъ кружокъ пирующихъ друзей никакъ не сходилъ съ пятидесяти человѣкъ.

Между прочимъ они спрашивали: знаютъ ли въ Россіи, что они въ такомъ бѣдственномъ положеніи? Признаюсь, вопросъ этотъ озадачилъ меня; какъ отвѣчать? Я отвѣчалъ имъ: нѣтъ. Разсказывая имъ о Россіи, мы боялись затрогивать въ нихъ чувствительную струну, т. е. спрашивать ихъ о ихъ положеніи; но она сама запѣла — послышались жалобы на грековъ и съ осторожностью — шопотомъ — на турокъ. Между тѣмъ круговая все еще гуляла около камина или мангала. Наконецъ винные пары вытѣснили изъ головы печальныя мысли, и болгары затянули хоромъ пѣ-

(*) Мангалъ — это мѣдный или желѣзный тазъ на трехъ ножкахъ, въ которомъ горятъ [illegible].

сню про славную жизнь ихъ славныхъ предковъ. Ну, можно ли подумать, смотря теперь на разгулявшихся болгаръ, что они народъ убитый, угнетенный, несчастный? Съ видомъ одушевленнымъ, размахивая руками и потряхивая головой, поютъ они о знаменитомъ рыцарѣ болгарскомъ Маркѣ Кралевичѣ и о его внукѣ Янкулѣ. Какъ будто я среди вольницы, которая въ лѣсу, вокругъ огня, празднустъ свою разгульную жизнь. Такъ они раскутились отъ радости, что слышали славянское пѣніе, говорили они, и что имѣютъ у себя небывалыхъ прежде гостей — русскихъ.

Меня болѣе всего удивило ихъ тревожное, взволнованное чувство относительно грековъ. Куда мы ни приходили, съ кѣмъ ни говорили, вездѣ и отъ всѣхъ слышали только проклятья и жалобы на грековъ. Только и слышно было: «несмы гърци лукави, но чесни болгаре, истіе славяне.» Первый тостъ въ каждомъ дому былъ за здоровье русскаго царя и Россіи; «нека живъ (пусть живетъ) царь Александръ, приговаривали они шопотомъ: да искерши (сокрушитъ) турцы сосъ гърци те» (съ греками). Потомъ восклицали: «живи ли болгаре? Живи, живи на гърци-те!...» Почти въ каждомъ домѣ намъ подводили мальчиковъ, отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ; и мы спрашивали ихъ, по просьбѣ болгаровъ: «Ты гъркъ?» — «Несъмъ гъркъ», отвѣчаетъ мальчикъ: «съмъ честный болгаринъ, истій славянинъ!» Мы настаивали, что онъ грекъ; мальчикъ, топая ногами, кричалъ: «несъмъ, несъмъ гъркъ лукавій, съмъ болгаринъ!» Но мы продолжали настаивать, что онъ грекъ; мальчикъ не выдерживалъ и плакалъ. Болгары уже не скрываютъ своей ненависти къ грекамъ. Впрочемъ, въ Кукушѣ нѣтъ ни одного грека — некого опасаться. Я рѣшительно не вѣрилъ своимъ ушамъ; неужели греки довели себя здѣсь до того, что и слово «грекъ» имѣетъ оскорбительное значеніе? Негодяя называютъ грекомъ; для мальчика это слово хуже наказанія. О всякомъ низкомъ дѣлѣ, о дурномъ поступкѣ, болгары отзываются: «Э! то е гърска работа!» (это дѣло грековъ, или въ характерѣ грековъ).

Но вотъ мы отправились на обѣдъ къ одному изъ чорбаджій. На крыльцѣ встрѣтило насъ его семейство. Въ комнатѣ, по обыкновенію, сѣли вокругъ мангала на полъ, и закурили наргиле (кальянъ) въ ожиданіи обѣда. Вскорѣ принесли въ комнату огромный круглый поднось съ чашкою на срединѣ, ложками и вилками по бокамъ, и положили его на полъ подлѣ мангала. Потомъ положили на полъ по двѣ подушки для насъ, дали намъ въ руки по полотенцу, и мы усѣлись вокругъ подноса. Во время обѣда, маленькій сынъ хозяина несъ къ столу поднось съ рюмками и стаканами, и нечаянно уронилъ поднось — одна рюмка разбилась. Мальчикъ, нисколько несконфузившись, закричалъ: «Тако да искершатся душмани (вра-

ги) наши турцы сосъ гърками!» Эта острота мальчика такъ была кстати, и такъ нечаянна, что мы долго смѣялись ей.

По окончаніи обѣда мальчикъ принесъ намъ кувшинъ съ теплой водой и тазъ съ мыломъ.—Для чего это? спросилъ Г. Р.—«Руки мыть и во рту полоскать,» отвѣчалъ мальчикъ. Это восточный обычай. Самъ хозяинъ даже зубы натиралъ мыломъ.

Вечеромъ пришли къ намъ нѣсколько чорбаджій, и отъ лица всего общества просили насъ погостить у нихъ до Рождества «ёште погледамъ на васъ, ки послушаемъ васъ», говорили они. Мы уступили ихъ усердной просьбѣ, хотя и пріѣхали сюда только на три или четыре дня. Мы угощали ихъ чаемъ. Они съ большимъ усиліемъ выпили по одному маленькому стакану, потому что привыкли пить кофе по маленькой чашечкѣ, и удивлялись намъ, какъ мы можемъ пить такъ много горячаго чаю. Послѣ чаю мы отправились вмѣстѣ съ ними погулять по Кукушу. Вездѣ раздавались пѣсни, точно весь Кукушъ былъ на ногахъ; вездѣ, и въ кофейняхъ и въ локандахъ (ресторацiяхъ) раздавалось: «живы ли болгаре?» На наше замѣчаніе, что кукушане живутъ весело, чорбаджи отвѣчали, что прежде этого не бывало.

Какой славный народъ могъ бы выйти изъ болгаръ, если бы они получили независимость! Это народъ веселый, живой, воинственный и красивый, всѣ они брюнеты, высокіе, стройные. Болгарскіе женщины красавицы.

Скоро кукушане стали разсуждать о томъ, какъ бы устроить славянскую школу, и пріобрѣсть книгъ церковно-славянскихъ. Но нужно было довольно средствъ для этого и на устройство школы. Что дѣлать? Однакожь рѣшили послать человѣка съ письмомъ Г. Р. въ Константинополь для покупки книгъ. Кромѣ того, языкъ народный упалъ очень низко; чтобъ поднять его нужны большія усилія со стороны болгаръ. Въ ихъ языкъ вкралось множество словъ и даже цѣлыхъ фразъ турецкихъ и греческихъ. Мы посовѣтовали имъ употребить такую мѣру: кто скажетъ греческое слово (отрекаться отъ турецкаго языка было бы опасно), тотъ долженъ платить штрафъ въ пользу училища — и вотъ источникъ доходовъ на устройство училища. Сначала опредѣлили штрафъ по 25 к. сер. (бешлыкъ), за каждый разъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ. Но вскорѣ увидѣли, что штрафъ былъ не по силамъ; въ продолженіе одного часа, многіе подвергались ему по пяти разъ — это было очень тяжело, и мы уменьшили штрафъ до 10 к. сер. (два піастра). Выбрали тотчасъ училищнаго старосту, который долженъ собирать и записывать штрафы. Началась преуморительная картина,

Болгары стали ловить другъ друга—крикъ, шумъ, смѣхъ слѣдовали за каждымъ штрафомъ.«Дайте мнѣ ножъ!» сказалъ одинъ, заплатившій уже пять разъ штрафъ.—«Для чего?» спросили его.—«Я отрѣжу себѣ языкъ, чтобъ ни звука греческаго не сошло съ него», отвѣчалъ тотъ шутя:—«а то и карманъ выворотитъ этотъ проклятый греческій языкъ», прибавилъ онъ. Чтобъ подать примѣръ собой, я заплатилъ пять бешлыковъ, а Г. Р. десять. Общество было чрезвычайно радо этому нововведенію, какъ средству необходимому для обработки языка и для содержанія школы. Въ тотъ же день оно разнеслось по всему Кукушу. Женщины узаконили тоже правило и для себя, только съ уменьшеніемъ штрафа до ½ піастра (2½ к. сер.). А съ нихъ перешло и на дѣтей: и они положили на себя штрафъ по 5 паричекъ (⅔ к. сер.). Законъ сдѣлался общимъ. Мало того, изъ Кукуша, на другой же день, перешло это установленіе кукушское и въ сосѣднія деревни. Куда ни проникъ слухъ объ этомъ, вездѣ оно находило большое сочувствіе въ болгарахъ.

Послѣ обѣда мы отправились въ церковь смотрѣть свадьбу (у нихъ вѣнчаютъ и въ посты, кромѣ одного великаго поста). Вся площадь передъ церковью была занята народомъ, а въ толпѣ посрединѣ раздавалась доморощенная музыка, и шафера или дружки (юнацы) плясали; мы остановились немного въ сторонѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ горы, сколько возможно тихою поступью стала спускаться группа молодыхъ женщинъ, покрытыхъ бѣлыми платами. Въ срединѣ шла совершенно покрытая бѣлою чадрою невѣста; ее вели подъ руки окружавшія. Подошедши къ народу, она сдѣлала три, сколько возможно медленныхъ и низкихъ поклона ему. Въ правой рукѣ у ней было шитое по концамъ полотенце; она прикладывала руку съ нимъ къ правому виску, когда дѣлала поклоны. На ней была шуба, короткая, до колѣнъ. На головѣ было что-то высокое, въ родѣ маленькаго кивера, около двухъ вершковъ вышиною; на немъ стояла развѣтвленная на концѣ серебряная палочка. Только эта палочка была не покрыта чадрою. На груди навѣшены были, по восточному обычаю, монеты и большой серебряный кругъ; множество мелкихъ косичекъ назади тоже были убраны монетами; широкіе восточные шаровары виднѣлись изъ-подъ платья; на ногахъ были красные башмаки, вышитые немного золотомъ и шелкомъ. Сдѣлавъ три поклона, невѣста пошла въ церковь, гдѣ уже ждалъ ее женихъ. Молодые стали у низенькаго стола, покрытаго краснымъ шелковымъ платкомъ; на столѣ стояли евангеліе и чарка; по сторонамъ четыре священника (здѣсь дьяконовъ нѣтъ). Обрядъ вѣнчанія совершаемъ былъ какъ и въ Россіи; священники по очереди пѣли и читали. Когда священники повели молодыхъ вокругъ стола,

окружавшій народъ бросалъ въ нихъ пшеницей и мелкими парычками (*). По окончаніи вѣнчанія, ближніе жениха и невѣсты подходили къ евангелію на столѣ, потомъ, крестясь, прикладывались къ вѣнцамъ молодыхъ. Вѣнцы находятся у папши. Для вѣнчанія, ихъ нужно выкупать, и только при запискѣ отъ архіерея, позволяющей бракъ. Женихъ одинъ отправился домой, а невѣсту свекоръ повелъ за руки. Она все еще была закрыта. За воротами невѣста сдѣлала опять три низкихъ поклона. Потомъ свекоръ взялъ ее на руки и посадилъ на подведенную лошадь съ мужскимъ сѣдломъ. Въ это время народъ бросалъ въ нее деньги. Прежде, говорятъ, молодая подходила къ церковному колодцу и, сдѣлавъ со всѣхъ сторонъ по обыкновенному церемонному поклону, сыпала въ него пшеницу. Когда свекоръ повелъ за узду лошадь молодой, ко мнѣ подошелъ братъ жениха и пригласилъ меня на вечеръ къ нимъ. Когда я подошелъ къ дому жениха, невѣста сидѣла еще на лошади и здоровалась съ новой своей родней. Я не засталъ уже, какъ она здоровалась съ свекромъ, свекровкой, съ большими деверями и золовками; а когда я подошелъ, къ ней подвели маленькаго брата и сестру жениха. Она взяла ихъ къ себѣ на колѣни на лошадь, цаловала ихъ, терла по лицу своимъ серебрянымъ кругомъ, висящимъ на груди, и давала имъ конфекты; потомъ она бросала пшеницу на крышу дома и на землю около крыльца. Послѣ этой церемоніи свекоръ снялъ ее съ лошади и увелъ въ комнату. Самъ женихъ еще не показывался. Невѣсту, окруженную женщинами, посадили въ завѣшенный занавѣсью передній уголъ, который на это время называется здѣсь «божикъ». Мужчинъ-гостей попросили за столъ въ другой уголъ.

Женихъ, вошедши, сталъ угощать гостей, и ко мнѣ первому подошелъ со стаканомъ вина. Стаканъ держалъ онъ въ лѣвой рукѣ, а правую протянулъ ко мнѣ. «Что это? Зачѣмъ онъ протягиваетъ ко мнѣ свою руку?» подумалъ я. Я подалъ ему свою. Смотрю: онъ хочетъ цаловать ее; я сначала не позволялъ этого; но всѣ гости сказали, что у нихъ такъ принято, — я согласился. Онъ взялъ опять мою руку, поцаловалъ ее, потомъ поднесъ ко лбу, опять поцаловалъ, и уже послѣ всего этого подалъ мнѣ стаканъ съ виномъ. Принявъ отъ меня стаканъ, женихъ опять повторилъ церемонію цалованія руки. Такъ обошелъ онъ всѣхъ гостей, и старыхъ и малыхъ, съ такими же церемоніями. Потомъ гости начали уже сами наливать и пить, и навеселѣ затянули свадебную пѣсню.

Гости стали расходиться. Я спросилъ ихъ: «Какже они идутъ, когда еще не пили за здоровье молодой?» Мнѣ сказали, что здѣсь

(*) Парычка — 1/8 часть копѣйки серебромъ; въ піастрѣ 40 парычекъ.

это не принято. Я хотѣлъ уже пить съ ними, но мое желаніе — выпить за здоровье невѣсты—дошло до нея; и вотъ она встаетъ и подноситъ мнѣ вина съ обычной церемоніей, поднявъ свое покрывало, чтобъ поцаловать мою руку. Затѣмъ поднесли ей платокъ, вышитый по концамъ и угламъ шелкомъ и серебромъ. Надѣвъ его мнѣ на плечо, она сказала, чтобъ я увезъ его съ собой въ Россію на память; потомъ такъ же церемонно поцаловала мою руку. До обѣда слѣдующаго дня молодая будетъ еще съ дѣвицами и закрытая; она раскроется уже вечеромъ на другой день, потому что только послѣ обѣда передадутъ ее мужу.

Съ 15 декабря я началъ ходить по утрамъ до обѣда въ высшее народное училище—учить дѣтей (около 50 мальчиковъ) читать и пѣть по-славянски, а послѣ обѣда иногда приходили ко мнѣ священники учиться тому же. Мальчики занимались съ большою охотою и очень успѣшно. До 25 декабря я занимался съ ними, и они могли уже подъ конецъ читать въ церкви, подготовившись предварительно.

Въ свободное время, отъ 12 до 25 декабря, иногда мы посѣщали кукіи (домы) кукушанъ, и за марковицей (*) лились наши разговоры. Довольно часто юнаки приглашали меня въ свои кешты «да испіемъ благо піянье, да изъѣдамъ сладко яданье». Много слышалъ я отъ нихъ анекдотовъ, исторій, конечно, печальнаго содержанія.—Когда мы бывали въ семействахъ, женщины и дѣвушки часто упрекали меня, зачѣмъ мы не привезли съ собой ни одной русской женщины,—они говорили, что имъ хотѣлось бы посмотрѣть на русскую и поговорить съ ней, и распрашивали, чѣмъ занимаются у насъ женщины, какая обстановка ихъ жизни дома и въ обществѣ.

Встрѣчая довольно хорошіе пріемы въ Кукушѣ, я сначала полагалъ, что болгары преувеличенно говорятъ о бѣдственности своего положенія. Но тогда я не зналъ, что насъ приглашаютъ только богатые изъ нихъ, и что Кукушъ нельзя ставить въ параллель съ другими болгарскими селеніями. Въ Кукушѣ только 20 турецкихъ домовъ, среди 500 болгарскихъ, и потому здѣсь больше единодушія и братства, больше народной силы. Но когда и въ Кукушѣ я посѣтилъ нѣсколько бѣдныхъ домовъ, я повѣрилъ всему, что говорятъ о себѣ болгары, хотя въ Кукушѣ они живутъ довольно еще порядочно, въ сравненіи съ жителями горной Македоніи или даже окружающихъ селеній.

Земля роздана монополистамъ туркамъ въ собственность или на аренду, и болгаринъ-землепашецъ долженъ снимать ее у нихъ, или,

(*) Большая столовая чаша, называемая такъ въ память Марка Кралевича.

ванъ они говорятъ, покупать себѣ землю на годъ, чтобъ работать на ней. Турки «продаютъ» (отдаютъ въ наймы) землю большею частію на годъ, за извѣстную плату, или же чаще за треть убраннаго съ поля хлѣба. Когда случается неурожай или кто нибудь воровски снимуетъ хлѣбъ съ поля, или возьметъ его насиліемъ (это случается очень нерѣдко), — какъ тутъ быть бѣдному? Болгаринъ остается безъ куска хлѣба, а турокъ все-таки требуетъ уплаты. Кто защититъ болгарина? Послышится, правда, слабый, боязливый голосъ чорбаджій въ совѣтѣ мудюра, но тотчасъ же и смолкнетъ, потому что у чорбаджій въ правилѣ — меньшее зло предпочитать большему; защищая одного, можно повредить цѣлому селенію и даже округу христіанъ. И вотъ несчастный платится, не имѣя денегъ, недвижимымъ и даже движимымъ имуществомъ, если есть у него, что можетъ взять турокъ, или что можетъ понравиться турку. Правда, можно занять денегъ у другаго турка или жида, по условному контракту; но эти контракты почти вѣрная гибель бѣднымъ болгарамъ, потому что заемъ дается только за страшные проценты. Чрезъ годъ болгаринъ будетъ не въ силахъ заплатить турку или жиду долга, выросшаго почти вдвое больше; тогда, или еще чрезъ годъ — но чѣмъ дольше, тѣмъ хуже — тогда, если его имущество не покрываетъ долга, несчастный болгаринъ долженъ идти къ турку въ домъ, чтобъ выслужить у него свой долгъ. идти въ службу даже не одинъ, а всей семьей, если долгъ относительно великъ. Отсюда уже одинъ исходъ: принятіе магометанства. Служа у турка, онъ все же не избавляется отъ подати и другихъ повинностей и налоговъ; кромѣ того, онъ долженъ самъ одѣвать себя и свое семейство. Такимъ образомъ, онъ должаетъ турку все болѣе и болѣе, и никогда уже не освободится отъ него. Остается одно средство избавиться отъ долга: отдать турку свою жену, дочь и даже сына-мальчика, если онъ хорошъ собой. Болгаринъ не соглашается на это. А долгъ все растетъ болѣе и болѣе, до неоплатной цифры для бѣднаго болгарина, и самъ онъ дѣлается все хилѣе отъ чрезвычайно трудныхъ работъ у турка. Наконецъ турокъ какъ бы выходитъ изъ терпѣнія ждать уплаты или заработки долго, и гонитъ отъ себя болгарина, какъ неспособнаго работать, или лѣниваго, оставляя въ залогъ за долгъ его жену и дѣтей, или только однихъ дѣтей, если жена его не годится для гарема.

Тогда несчастный болгаринъ ищетъ только случая влѣпить пулю въ лобъ проклятому турку, да и не можетъ оставаться въ селѣ, уже не имѣя средствъ къ жизни; а въ работники наняться довольно трудно, развѣ опять къ турку... Убитый горемъ и бѣдой, болгаринъ рѣшается быть гайдукомъ, — отправляется въ горы стеречь проѣзжихъ турокъ и нападать оттуда нечаянно на домы турецкіе въ селеніяхъ.

Месть, безпощадная, безграничная месть туркамъ проникала все существо его, — это его жизнь, его идея — онъ помѣшанъ на этомъ....

Такой же точно исходъ и тогда, если урожай хорошъ, когда уплата за землю требуется не третьимъ снопомъ, а деньгами; снявъ хлѣбъ, болгаринъ долженъ продать на столько хлѣба, чтобъ заплатить долгъ турку, и продаетъ его по дешевой цѣнѣ, потому что уплата требуется послѣ жатвы, а въ это время цѣны стоятъ очень низкія. Такимъ образомъ на уплату долга у него выходитъ чуть не половина снятаго съ поля хлѣба. Прошла половина зимы — хлѣба у болгарина уже нѣтъ. Болгаринъ вынужденъ бываетъ занимать, чтобъ прожить какъ нибудь годъ. А мы уже видѣли, къ чему ведутъ займы, потому что для займа денегъ нужно обращаться опять къ турку, или ростовщику-жиду. Болгаринъ не рѣшается дать взаймы денегъ, потому что онъ не знаетъ, что съ нимъ самимъ будетъ завтра: каждый долженъ быть готовъ защищать себя, хотя карманомъ, отъ постоянныхъ придирокъ со стороны турокъ къ каждому сколько нибудь зажиточному болгарину.

Если бы кто нибудь руководилъ болгарами, если бы было устроено братство, община, корпорація, еще была бы надежда имъ спасаться отъ турокъ. Но къ несчастію и это невозможно. Всякому дѣлу общему, общей сходкѣ, товариществу приписываютъ турки характеръ заговора. Еще крѣпче сдавятъ они болгаръ въ желѣзныхъ тискахъ ига, и новые налоги, поборы, штрафы......

А налоги и безъ того тяжелы; на все установлены страшные налоги, на садоводство, огородничество, на ремесла. За каждую лошадь, корову,—словомъ, за каждую голову домашняго скота, нужно платить подать.

Почему же арендаторами и спекулянтами не могутъ быть болгары? подумаетъ читатель.

Но турки не глупы. Они понимаютъ, что получивъ эти права, болгары заберутъ въ свои руки всю торговлю и промышленность; тогда трудно будетъ безнаказанно обижать ихъ, какъ народъ богатый; тогда они будутъ сильны, имѣя агентовъ и покровительство въ самомъ Константинополѣ; за деньги турки константинопольскіе рады были бы протежировать болгарамъ. Тогда болгарскимъ туркамъ, какъ меньшинству и народу вялому, изнѣженному, лѣнивому, пришлось бы плохо, привелось бы жить своимъ трудомъ. А теперь они, что хотятъ, то и дѣлаютъ — совершенно по своему произволу. Теперь и зажиточнымъ болгарамъ приходится часто, и очень часто, чрезвычайно трудно. Если болгаринъ

богатъ (относительно), то онъ непремѣнно уже и чорбаджія; а чорбаджіямъ часто приходится платить недоимки за своихъ бѣдныхъ братій, чтобъ не пострадало цѣлое селеніе или даже округъ — турки умѣютъ справлять недоимки!... Притомъ же, рѣдкій годъ не случается, что на султана, на устройство крѣпостей, на содержаніе арміи турки собираютъ двойную подать. Такъ въ мирное время. А что сказать о военномъ, или когда, такъ себѣ, для удовольствія, туркамъ вздумается пограбить болгаровъ, выдумывая заговоръ, бунтъ?

Вотъ ихъ отношенія къ туркамъ. Но это только малая часть того, что нужно было бы сказать о положеніи, которое вотъ уже четыре вѣка давитъ несчастныхъ болгаръ!

Не буду говорить, что я перечувствовалъ во время разсказовъ о такомъ бѣдственномъ положеніи ихъ. Представьте себѣ, читатель, что эти, раздирающіе сердце, печальные разсказы вы слышите отъ самихъ страдальцевъ, которые еще больше взглядомъ, чѣмъ словами, передаютъ вамъ о своей горькой участи! Что̀ заговоритъ въ васъ? Чѣмъ отзовется ваше сердце этому печальному голосу разтерзаннаго, убитаго горемъ сердца? Въ состояніи ли вы высказать то, что̀ почувствуете въ это время? Если въ состояніи, то потрудитесь высказать себѣ за меня; если не въ состояніи, то по крайней мѣрѣ поймете, что чувствовалъ я....

Я слышалъ прежде, что архіереи здѣшніе имѣютъ право покровительства за болгаръ предъ турецкимъ правительствомъ; поэтому спросилъ разсказывавшихъ мнѣ болгаровъ: что же дѣлаетъ ихъ архіерей? Почему не защищаетъ ихъ?

Э! — лаконически отвѣчали болгары, всѣ вдругъ махнувъ руками.

Между юнаками, пригласившими меня побесѣдовать за марковицей, былъ одинъ женатый человѣкъ. Не знаю, какъ онъ попалъ въ общество холостяковъ. Здѣсь женатые не бываютъ въ обществѣ молодежи. Онъ разсказалъ мнѣ довольно интересную исторію своей женитьбы.

«За три года до свадьбы, засваталъ я себѣ момичку (дѣвицу) за 5 часовъ отсюда», началъ онъ. — «Въ прошломъ году, слуга нашего архіерея, любимецъ его, увидѣлъ ее случайно. Она ему очень понравилась. И вотъ грекъ сталъ ее сватать за своего любимца; но мать ея не соглашалась. Грекъ отсталъ. Чрезъ два мѣсяца послѣ этого, вдругъ я получаю извѣстіе, что моя невѣста пропала. Я взялъ съ собой еще двухъ юнаковъ и мы поспѣшили въ домъ невѣсты. Мать со слезами встрѣчаетъ меня и говоритъ, что въ такой-то день она отлучилась изъ дому къ сосѣдкѣ въ гости, и въ это время ея дочь украли, — кто? — она не знаетъ. Я подговорилъ изъ того села еще

трехъ юнаковъ, и мы стали всё развѣдывать, не найдемъ ли слѣда ея. На другой день нашихъ поисковъ, одинъ пастухъ сказалъ намъ, что въ такое-то время проѣзжали четверо мужчинъ съ женщиной, покрытой чадрою. По времени мы тотчасъ догадались, что это ее везли, и отправились впередъ по дорогѣ. Пріѣзжаемъ въ село (имя котораго не припомню), и тамъ узнаемъ, что дѣйствительно четыре турка съ женщиной, покрытою чадрою, въ то время пріѣхали въ домъ къ такому-то турку. Тогда мы отправились ко владыкѣ и, разсказавъ ему обо всемъ, просили его покровительства и помощи.

«Владыка долго не соглашался помочь нашей бѣдѣ, говоря, что нѣтъ фактовъ на обвиненіе турка въ похищеніи моей невѣсты; однакожь, по усильной нашей просьбѣ, долженъ былъ согласиться. Онъ обратился къ пашѣ съ жалобою на турка за похищеніе моей невѣсты и съ просьбою возвратить ему ее для передачи ея матери. Паша, конечно, держитъ сторону турокъ; но онъ не могъ отказаться отъ судебнаго производства по этой законной просьбѣ архіерея. Впрочемъ судъ назначенъ только для формы. Призываютъ турка на судъ, на которомъ присутствовали паша, владыка, кадій, мулла, другіе турки и наши чорбаджи. Турокъ уже узналъ объ этомъ подробно, а можетъ быть успѣлъ раньше поговорить съ пашей, и потому нашелъ безполезнымъ запираться въ своемъ дѣлѣ, и согласился, что онъ дѣйствительно похитилъ мою невѣсту, но только потому, что зналъ, что эта дѣвица желала принять магометанскую вѣру, а мать ея — гяурка — не позволяла ей этого, а хотѣла отдать замужъ за другаго гяура. Онъ поспѣшилъ спасти ее изъ рукъ невѣрныхъ. Меня паша не допустилъ на судъ, потому что турокъ не запирался въ своемъ дѣлѣ. Выслушавъ турка, паша объявилъ владыкѣ и чорбаджіямъ, что турокъ правъ, что онъ дѣйствовалъ по законамъ Магомета. Тогда чорбаджи сказали, что они не вѣрятъ на слово турку,—пусть онъ приведетъ сюда эту дѣвицу, чтобъ она сама при всѣхъ сказала, что желаетъ принять магометанство, тогда они согласятся съ его рѣшеніемъ. Паша приказалъ турку привести въ судъ дѣвушку. На другой день турокъ привелъ въ судъ женщину, покрытую бѣлою чадрою съ головы до ногъ. «Ты ли такая-то?» спросилъ ее паша. «Я», отвѣчала она. Но чорбаджи стали требовать, чтобъ она раскрылась; говорили, что они не вѣрятъ, чтобъ это была моя невѣста. Паша отвѣчалъ, что женщина, обращающаяся въ магометанство, не должна показывать своего лица, что поэтому ихъ требованіе противозаконно. Чорбаджи принуждены были ограничиться только вопросами. «Желаешь ли ты принять магометанство?» спросили они ее. Она разразилась бранью на христіанскую вѣру и говорила, что если бы она была теперь не въ при-

сутствіи свѣтлѣйшаго паши, то вонзила бы въ свою мать вотъ этотъ кинжалъ, потому что по милости ея она до сего времени была гауркой, что, наконецъ, она хочетъ быть магометанкой и не хочетъ больше съ ними говорить. Мать моей невѣсты со слезами упала на колѣни предъ пашею, увѣряя его, что это не ея дочь, что это не голосъ ея дочери. Паша приказалъ вывести вонъ мать моей невѣсты. Чорбаджи объявили, что они желаютъ допытать вопросами, дочь ли этой женщины та, которая выдаетъ себя за ея дочь. «Нечего допытывать ее», сказалъ паша: «истина ясна, какъ солнце!»

«Я взбѣсился, хотѣлъ-было броситься съ кинжаломъ въ домъ турка, убить его и даже свою невѣсту, чтобы она никому не доставалась, если не будетъ возможности спасти ее; но товарищи удержали и кое-какъ уговорили меня. Повѣсивъ голову, шелъ я домой; вся кровь во мнѣ кипѣла, я ничего не помнилъ, и опомнился только уже, когда мы ѣхали по открытому мѣсту и вѣтеръ съ горъ освѣжилъ меня. Мы всѣ выѣхали разными дорогами, чтобъ сойтись въ одномъ селѣ, недалеко отъ того, гдѣ живетъ турокъ; подговорили еще нѣсколькихъ юнаковъ, чтобъ силою вырвать мою невѣсту изъ рукъ поганаго турка. Тутъ, въ томъ селѣ, гдѣ мы условились сойтись, я встрѣтилъ одного знакомаго мнѣ болгарина изъ Солуни, и разсказалъ ему свое несчастіе. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ знакомъ этому турку, и какъ нибудь поможетъ моему горю. Вскорѣ сошлись всѣ. Вечеромъ, солунянинъ отправился къ турку въ гости. Тамъ онъ встрѣтилъ еще четырехъ турокъ, тоже знакомыхъ ему. Они стали его угощать виномъ, да и сами выпили. Они, проклятые, только говорятъ, что не пьютъ! Напившись, турки забыли взять на ночь предосторожности отъ нападенія. Вечеромъ, когда уже было очень темно, солунянинъ вышелъ на улицу и повѣсилъ свой бѣлый платокъ на крыльцо, а самъ опять ушелъ назадъ въ комнаты. Увидѣвъ условный знакъ, мы всѣ тихонько пошли въ домъ къ турку. Шестеро изъ насъ стали у дверей комнаты, въ которой пили турки, а остальные пошли въ женскую половину — въ числѣ этихъ былъ и я. Вдругъ вскочили мы въ комнату, гдѣ на диванахъ сидѣли жены турка. Онѣ перепугались, вскрикнули отъ ужаса, а моя невѣста узнала меня и бросилась ко мнѣ; я схватилъ ее и побѣжалъ назадъ. Въ сѣняхъ напалъ на меня выбѣжавшій съ другаго конца корридора слуга турка; одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ его кинжаломъ въ грудь, онъ повалился на землю. На крикъ его и турчанокъ выбѣжали турки, но мы были уже на лошадяхъ. Я съ моей невѣстой отправился прямо въ Солунь, и тамъ, обвѣнчавшись съ нею, болѣе мѣсяца жилъ у знакомаго мнѣ болгарина.

«— А турки не гнались за вами? спросилъ я.

«— Какъ не гнались! да не могли догнать. Послѣ этого турокъ двѣ недѣли разъѣзжалъ по разнымъ селамъ, искалъ насъ; но, не имѣя успѣха, отсталъ отъ своихъ поисковъ. Я потомъ переѣхалъ сюда и мѣсяца два не выпускалъ мою жену изъ дома, и никто, кромѣ своихъ ближнихъ, не зналъ объ этомъ.

«— Ну, что же, разсказывала тебѣ жена о похищеніи ея туркомъ?

«— Какъ же; говорила, что четыре турка пришли къ ней въ домъ, когда не было матери ея дома, схватили ее, завязали ротъ, покрыли чадрою и увезли на лошадяхъ. У турка она все плакала; турокъ и другія жены его утѣшали ее; хотѣли силой сдѣлать магометанкой, но отложили, пока она успокоится, — да, къ счастію, мы успѣли спасти ее, а то магометанкой она была бы теперь въ гаремѣ турка.

«— Теперь ты, слава Богу, успокоился, конечно; ужь навѣрно никто ее не отниметъ у тебя?

«— Ну, этого нельзя еще сказать, отвѣчалъ онъ. — Еще владыка не знаетъ объ этомъ; я боюсь и докладывать ему. Онъ можетъ-быть не позволитъ мнѣ жить съ ней, потому что я женился безъ его разрѣшенія. Гдѣ тутъ успокоиться! Думаю бѣжать отсюда въ Солунь; тамъ будетъ безопаснѣе.»

Проживъ недѣли двѣ въ Кукушахъ, 27 декабря мы отправились въ Полянинъ или Дойранъ — представиться епископу здѣшней епархіи, который прежде жилъ въ Кукушѣ, но перешелъ въ Дойранъ по нерасположенію къ нему кукушанъ. Съ дойранцами онъ дружитъ, потому что въ нихъ, по словамъ кукушанъ, тихо бьется кровь славянская. Многіе изъ нихъ держатъ сторону турокъ; турокъ въ Дойранѣ больше половины населенія; въ виду ихъ и владыки, дойранскіе болгаре не смѣютъ высказывать своего патріотическаго чувства, какъ кукушане, которые имѣютъ въ своемъ городѣ только 20 домовъ турецкихъ. Но все жь и въ Дойранѣ есть горячіе патріоты.

Въ Дойранъ мы пріѣхали вечеромъ, и остановились въ метохѣ (подворьѣ) зографскаго аѳонскаго болгарскаго моастыря, у почтеннаго отца Климента. Съ нами пріѣхалъ и г. Миладиновъ.

Тотчасъ же, по пріѣздѣ нашемъ, явился въ метохъ архіерей и приглашалъ насъ погостить у него, пока будемъ жить въ Дойранѣ. Г. Р. принялъ его приглашеніе; но я только поблагодарилъ его за столь любезное вниманіе и предпочелъ остаться у отца Климента; однакожь пошелъ къ владыкѣ на вечеръ. Г. Миладиновъ былъ нашимъ драгоманомъ. Владыка имѣетъ и самоваръ, и чай; но самъ

никогда не пьетъ, да и не любитъ чаю, хотя и говоритъ, что чай превкусный напитокъ и ему нравится даже болѣе кофе. Онъ съ трудомъ, какъ противную микстуру, выпилъ маленькую чашку чаю. Вѣроятно, онъ держитъ чай только для приличія: въ здѣшней странѣ чай кажется признакомъ европейскаго тонкаго вкуса.

Первое, что̀ обратило на себя мое вниманіе при входѣ въ комнаты владыки, это — челядь архіерейская: около 15 мальчиковъ вертѣлось въ коррндорахъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣгали взадъ и впередъ, другіе стояли и зѣвали на насъ; двое изъ нихъ были въ греческихъ полурясках и клобукахъ; это — будущіе пастыри, а можетъ быть, и архипастыри народа. Всѣ они были одѣты очень чисто и весьма недурной наружности.

Домъ архіерея—лучшій въ Дойранѣ; комнаты его убраны довольно роскошно въ восточномъ вкусѣ; расположеніе ихъ чисто восточное: въ каждую комнату отдѣльный ходъ изъ корридора, и всѣ комнаты отдѣлены одна отъ другой. Комната, въ которой принялъ насъ архіерей, обита бархатными шпалерами; съ двухъ сторонъ ея были широкіе и мягкіе восточные диваны; на полу постланы ковры; на срединѣ стоялъ на деревянномъ пьедесталѣ огромный, роскошный мѣдный мангалъ.

Еще мы не сѣли на диваны, какъ архіерей три раза хлопнулъ въ ладоши, — и тотчасъ явились четыре мальчика съ трубками для насъ и съ наргиле (кальяномъ) для него самого.

Разговоръ нашъ плохо вязался сначала. Но вотъ принесли самоваръ; я сталъ хозяйничать, потому что самъ хозяинъ не зналъ какъ и взяться за чай и его принадлежности. Разговоръ нашъ и за чаемъ тянулся кое-какъ; мы спросили владыку о его дѣлахъ по управленію епархіей, но онъ довольно ловко уклонился отъ прямаго отвѣта, и ровно ничего не сказалъ. Вскорѣ послѣ чаю пригласили насъ къ ужину. Такого вкуснаго и жирнаго стола я давнымъ-давно не видалъ. Птицы, поросенокъ, баранина, телятина, и многое изъ животнаго и растительнаго царства — смѣнялось по очереди, по ударамъ въ ладоши. Хозяйничалъ, т. е. разливалъ, раздавалъ и рѣзалъ, самъ владыка.

На другой день пришли къ намъ въ зографскій метохъ чорбаджи дойранскіе. Между прочимъ, просили насъ исходатайствовать имъ у владыки позволеніе строить народную болгарскую школу, о которой они давно уже хлопочутъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, они отъ общества просили отца Климента отправить въ воскресенье службу на славянскомъ языкѣ. Вечеромъ, во время чаю, мы испросили у владыки отцу Клименту позволеніе отправить въ воскресенье славянское богослуженіе.

Въ воскресенье церковь была набита народомъ, съ восторгомъ слушавшимъ славянскіе звуки.

Послѣ обѣдни собрались у владыки чорбаджи, и при немъ благодарили отца Климента за славянскую службу; однакожь нельзя было не замѣтить натянутость, какую-то боязнь въ ихъ заявленіи признательности. За обѣдомъ владыка сказалъ намъ, что жителямъ не понравилась славянская служба. «Отчего?» спросилъ я его.—«Оттого, отвѣчаетъ владыка: «что они привыкли къ нашей греческой службѣ». Г. Р. замѣтилъ ему, что болгары при немъ хвалили и благодарили насъ за славянскую службу.—«Да! въ глаза-то — конечно!... А за-глаза вы послушайте, что они скажутъ! Развѣ можетъ она нравиться послѣ греческой?» отвѣчалъ владыка. Г. Р. замѣтилъ, что дойранцы не просили бы отца Климента служить по-славянски, если бы не нравилось имъ слышать родные звуки въ церкви. Владыка ограничился отзывомъ, что дойранцы сами не знаютъ, что говорятъ.

«А есть ли у васъ здѣсь болгарское училище?» спросилъ его Г. Р., чтобъ замять непріятный разговоръ. — «Захотѣли вы здѣсь болгарскаго училища!» отвѣчалъ владыка. «Я не разъ объ этомъ говорилъ имъ, да не хотятъ! Да и гдѣ имъ! они лучше пропьютъ послѣднюю свою парички, чѣмъ пожертвуютъ ее на училище! Кое-какъ и греческое-то училище поддерживаютъ; а гдѣ ужь до болгарскаго! Да и для чего имъ учиться по-болгарски? Лучше учиться греческому языку, — онъ больше обработанъ», продолжалъ владыка.

Г. Р. отвѣчалъ ему на это, что, напротивъ, для всѣхъ націй необходимо прежде учиться родному матернему языку.

«Что дѣлать? Ужь я имъ говорю, да что они понимаютъ?» съ сожалѣніемъ замѣтилъ владыка, отступаясь отъ своего прежняго принципа....

Въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ утра, пришелъ къ архіерею мудюръ, чтобъ отплатить намъ визитъ, который мы сдѣлали ему по пріѣздѣ въ Дойранъ. Паша хорошо говорилъ по-болгарски, и надолго владыкѣ пришлось только мечтать за своимъ наргиле. Наконецъ ему надоѣло слушать непонятные ему звуки славянскаго языка. «Ахъ, какъ я жалѣю», сказалъ онъ: «что не могу участвовать въ вашемъ разговорѣ!» — «Кто жь виноватъ, что ты до сихъ поръ не умѣешь говорить по-болгарски?» грубо замѣтилъ паша. «Конечно самъ, когда не хочешь учиться! Это спѣсь твоя! Между тѣмъ ты обязанъ этому!...» Паша говорилъ съ нимъ по-турецки и потомъ передавалъ намъ по-болгарски. Немного сконфузившись, владыка отвѣчалъ, что онъ давно желаетъ научиться по-болгарски, да не

имѣетъ возможности. — «Нѣтъ учителя!» выразительно заключилъ онъ. — «Если захочешь, найдешь», настаивалъ мудюръ. «Вѣдь тринадцать лѣтъ ты живешь здѣсь—и ты не нашелъ времени и учителя? Вотъ я только четыре года здѣсь на службѣ, самодовольно продолжалъ паша: — а уже научился говорить, читать и писать по-болгарски, потому что нашелъ нужнымъ; даже дѣтей своихъ учу!»

Потомъ зашла рѣчь о школахъ болгарскихъ. Паша говорилъ, что онъ самъ уже хочетъ предложить чорбаджіямъ устроить школу болгарскую. Тогда владыка сказалъ, что онъ давно уже объ этомъ говорилъ болгарамъ, но что они сами не хотятъ. «Можетъ ли быть? возразилъ паша. — Кто этого не захочетъ?». Увидѣвъ идущаго по улицѣ болгарина-чорбаджію, паша тотчасъ же позвалъ его въ комнату. — «Хочешь учить твоего сына болгарскому языку?» спросилъ его паша. «Какъ же, мы всѣ этого желаемъ!» отвѣчалъ чорбаджія. «Хорошо! сказалъ паша. — Я тебя выбираю старостой будущаго болгарскаго училища; сдѣлай книгу и собирай, кто что подпишетъ по силамъ своимъ, и меня перваго запиши въ нее, что я пожертвовалъ на школу 200 піастровъ, и приди ко мнѣ послѣ обѣда за деньгами.» Тогда и архіерей сказалъ: «запиши и отъ меня 500 піастровъ»; мы также сдѣлали пожертвованіе на устройство школы. Изумленный чорбаджія не зналъ, что ему дѣлать, не вѣрилъ, что это наяву—такъ это было неожиданно для него!—чего прежде добивались безуспѣшно, то теперь имъ предлагаютъ безъ ихъ просьбы.

Когда однажды разговорились мы о здѣшнемъ духовенствѣ, архіерей жаловался, что духовенство, состоящее подъ его вѣдѣніемъ, чрезвычайно грубое, ничего не знаетъ, не понимаетъ по своей должности.—Испытываетъ ли онъ искателей священства: достойны ли они этого? спросилъ я владыку. — «Конечно, я спрашиваю у желающаго, умѣетъ ли онъ читать, писать по-гречески и главныя молитвы наизустъ, отвѣчалъ владыка. — И только? говорю я. — Да — чего же больше? Съ него и этого довольно, отвѣчалъ владыка.

Пробывъ въ Дойранѣ нѣсколько дней, мы къ новому году возвратились въ Кукушъ, и я по прежнему началъ заниматься съ мальчиками въ училищѣ. Быстрые успѣхи ихъ свидѣтельствовали о большой охотѣ и усердіи заниматься роднымъ языкомъ. Очень скоро могли они уже читать въ церкви по-славянски.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Кукушъ, возвратился изъ Константинополя человѣкъ, посланный туда за славянскими книгами. Онъ привезъ съ собой всѣ необходимыя для службы. Кукушане были въ восторгѣ.

Послѣ обѣда кукушане, собравшись на площади, недалеко отъ церкви, которую отвело общество для училища — назвали эту пло-

щадь «Станислава». Я предполагалъ сначала, что это имя дано въ честь какого нибудь знаменитаго героя болгарскаго — Станислава; но не такъ объяснили мнѣ болгары: «нека встане (да встанетъ) слава българска», сказали они мнѣ. Бѣдняжки вообразили, что у нихъ уже настаетъ эпоха славы, они торжественно встрѣчали ее въ этотъ день. На площади устроились игры; момички составили свой отдѣльный кругъ — съ визгомъ или съ пѣснями, въ которыхъ каждый стихъ оканчивался визгомъ, ходили въ тактъ кругомъ. Юнаки тоже составили отдѣльный кругъ и отхватывали тотъ же танецъ, только несравненно живѣе. Между двумя этими кругами ходилъ музыкантъ съ волынкою, изъ огромнаго пузыря (верблюжьяго или буйволоваго), въ который съ одной стороны вдѣланы двѣ деревянныя трубки; въ одну — съ клапанами — дуетъ артистъ, а другая на свободѣ только гудитъ октавою въ одинъ тонъ, но преотвратительно. Недалеко отъ этихъ двухъ круговъ, юнаки скакали по-славянски, чего я нигдѣ не встрѣчалъ. Юнакъ, разбѣжавшись, дѣлаетъ на одной ногѣ три огромные скачка, стараясь, чтобы послѣдній скачокъ былъ никакъ не ближе сдѣланнаго для этого знака. Кто выскочитъ до него въ три скачка отъ опредѣленной черты, того встрѣчаютъ крикомъ: «ура», и онъ идетъ опять назадъ къ числу готовящихся скакать; а кто не доскочитъ до знака, тотъ со стыдомъ, преслѣдуемый смѣхомъ, отходитъ въ сторону и уже не имѣетъ права больше скакать. Скачки доходятъ разстояніемъ до 70 пядей, то есть около 30 шаговъ. Сначала разстояніе между знаками дѣлаютъ въ 20 шаговъ, а потомъ отодвигаютъ послѣдній знакъ постоянно, насколько кто дальше скочитъ. Иногда какой нибудь юнакъ съ перваго раза сдѣлаетъ такіе огромные три скачка, что послѣ него никто не можетъ доскочить, и онъ самодовольно отходитъ въ сторону, пристыдивъ всѣхъ.

До глубокой ночи раздавались по Кукушу пѣсни и восклицанія: «Живы ли болгары? Живы, живы на гърци-те!»

Вскорѣ пригласили насъ на армасенье — обрученье. Мы отправились, въ сопровожденіи нѣсколькихъ кукушанъ, къ жениху, чтобъ оттуда идти къ невѣстѣ. У жениха уже было много гостей, которыхъ, то-и-дѣло, обходила круговая чаша вина изъ рукъ жениха и его помощниковъ-холостяковъ; чрезъ полчаса по приходѣ нашемъ, отецъ жениха, въ сопровожденіи гостей, отправился къ будущему свату, а женихъ съ юнаками остался дома. Но дорогою мнѣ сказали, что на армасеньѣ холостымъ нельзя быть безъ пожертвованья своею честію для этого удовольствія: холостымъ на армасеньѣ надѣваютъ на шею ослиное сѣдло. Я сталъ протестовать противъ этого въ отношеніи ко мнѣ: говорилъ, что я иностранецъ, и потому для меня

можно сдѣлать исключеніе изъ правила; мнѣ сказали, что это будетъ оскорбленіе обществу. Я не согласился и, отставъ отъ толпы, пошелъ одинъ смотрѣть оро (хороводъ) на площади. Только что я успѣлъ сѣсть на землю, противъ танцующихъ болгарокъ, какъ прибѣжали ко мнѣ трое юнаковъ отъ отца невѣсты. Когда пришли гости съ отцомъ жениха, то отецъ невѣсты и его гости спросили: почему нѣтъ меня съ ними? Тѣ отвѣчали, что я не захотѣлъ, чтобъ надѣли на меня ослиное сѣдло. Отецъ невѣсты тотчасъ же послалъ троихъ юнаковъ отыскать и привести меня, избавивъ отъ соблюденія обряда.—Довольно большая комната была вся занята гостями, расположившимися на полу въ четыре ряда. Гости жениха были отдѣлены отъ гостей невѣсты; когда я пришелъ, шло угощеніе виномъ и пѣли веселыя обручальныя пѣсни. Чрезъ полчаса является невѣста, окруженная момичками съ полотенцами и платми въ рукахъ—Неужели это невѣста? спросилъ я сосѣда—«Она».— Да вѣдь ей не болѣе 13 лѣтъ? — «Такъ что жь?» — Какъ что?, отвѣчалъ я: — у насъ моложе 16 лѣтъ не выходятъ замужъ. — «Да и ее будутъ вѣнчать лѣтъ 16-ти или позже, а теперь только армасенье». Но вотъ невѣста подошла къ гостямъ и стала отвѣшивать обыкновенные въ такихъ оффиціальныхъ случаяхъ, медленные и низкіе три поклона; потомъ подошла къ отцу жениха, поцаловала его руку, надѣла на плечо его шитое золотомъ и шелкомъ полотенце, и опять поцаловала его руку. Точно также обошла она съ подарками всѣхъ гостей. Гости стали поздравлять двухъ сватовъ, одного съ сыномъ, а другаго съ дочерью, и другъ друга съ подаркомъ; невѣста стала угощать виномъ, съ такой же церемоніей цалованія руки. Въ то время, когда она получаетъ обратно стаканъ, даютъ ей въ руку бакшишъ (подарокъ), сколько кто можетъ. Послѣ этого еще пили и пѣли, и во все это время полотенца, поданныя гостямъ невѣстою, оставались у нихъ на плечахъ. Наконецъ гости всѣ встали и съ отцомъ жениха пошли въ его домъ, не снимая съ плечъ полотенца. Впереди шли музыканты, пѣсельники и плясуны.

— Развѣ кончено уже армасенье? спросилъ я одного юнака, когда уже подходили мы къ дому жениха. — «Конечно», отвѣчалъ юнакъ. — Какъ же такъ, — женихъ и не приходилъ къ невѣстѣ! — «Да женихъ при людяхъ не можетъ даже быть въ одной комнатѣ съ невѣстой до самой свадьбы», отвѣчалъ юнакъ.

Послѣ мнѣ самъ женихъ, или только помолвленный теперь, говорилъ, что при людахъ не только ни слова не скажетъ своей невѣстѣ, даже и смотрѣть на нее не будетъ.—Отчего такъ? спросилъ я его. «Срамота ми!» отвѣчалъ онъ—(ему будетъ стыдно!)

Мы входимъ въ домъ жениха; здѣсь женихъ со своими юнаками встрѣчаетъ насъ крикомъ «ура», какъ побѣдителей, будто мы завоевали невѣсту жениху, подъ предводительствомъ его отца. И дѣйствительно, церемонія обряда какъ бы это самое и означаетъ. Отъ жениха къ невѣстѣ мы шли скромно, тихо, а оттуда назадъ съ музыкой, пѣснями и танцами на плечахъ нашихъ развѣвались полотенца, какъ знамена побѣдителей или отбитая добыча. У жениха еще полчаса пили, пѣли и скакали.

Проживъ около мѣсяца въ Кукушѣ, мы собрались ѣхать дальше. Кукушане упрашивали меня остаться у нихъ хотя на время, и звали уже своимъ кукушаниномъ. «Выведемъ тебѣ всѣхъ момичекъ на лицо», говорили они: «и любую изъ нихъ выбирай въ жену себѣ». Я отвѣчалъ имъ, что оставаться дольше мнѣ невозможно. Не смотря на всѣ ихъ просьбы, мы рѣшились уже выѣхать изъ Кукуша въ Солунь 12 января.

Теперь, когда мнѣ не долго оставалось быть среди добрыхъ кукушанъ, теперь особенно занимала меня судьба ихъ. «Улучшится ли ихъ участь? Увидятъ ли они свѣтлые дни?» думалъ я. «Или и ихъ дѣтямъ достанется на долю повторять тѣ же ихъ слова, которыя они сами получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ: «авось нашимъ дѣтямъ будетъ лучше!»

Рано встали мы въ день отъѣзда, но мальчики уже толпились около нашей квартиры. Скоро стали собираться и старъ и младъ, и мужчины и женщины. Напившись чаю, мы начали готовиться къ дорогѣ, а юнаки навьючивать на лошадей багажъ. Однакожь чорбаджи еще удерживали насъ. Вотъ уже все готово къ отъѣзду и мы хотѣли прощаться съ кукушанами, но они сказали, что простятся съ нами въ дорогѣ. Выходимъ изъ дому, улица набита народомъ. Тихо двинулась процессія: весь народъ шелъ за нами. Юнаки и мальчики, особенно которыхъ я училъ, забѣгали впередъ, чтобъ еще посмотрѣть на насъ. «Какъ съ неба вы упали къ намъ», говорилъ мнѣ шедшій подлѣ меня юнакъ: «и вотъ опять уходите отъ насъ». Пройдя около версты за городъ; мы остановились, чтобы проститься съ ними и не затруднять ихъ больше; но мужчины не согласились; женщинъ мы уговорили вернуться. Тогда подошли ко мнѣ 7 или 8 женщинъ (а къ Г. Р. даже больше) съ полотенцами, прося взять это на память себѣ и въ подарокъ моимъ сестрамъ или знакомымъ русскимъ дамамъ; и всѣ просили низко кланяться всѣмъ русскимъ женщинамъ. Мы сѣли на лошадей и тихо поѣхали впередъ. Юнаки и мальчики были опять впереди и постоянно оглядывались на насъ, запинаясь за неровную дорогу. Еще двѣ версты проѣхали такимъ образомъ;

наконецъ, мы стали опять упрашивать мужчинъ проститься съ нами и воротиться назадъ. Всѣ остановились. Мы слѣзли съ лошадей. Юнаки запѣли тогда прощальную пѣсню; текстъ ея не могу передать, а мысль такая: «вотъ мы прощаемся, вотъ раздѣляемся! Вы уѣзжаете за синія моря и высокія горы; увидимся-ль когда? сойдемся ли опять? Тяжело намъ разставаться съ вами;—плачьте же горы, долины, рѣки и озера». За пѣсней нѣкоторые не могли удержаться отъ слезъ; мы сами уступили общему тяжелому чувству разлуки; дѣти всѣ плакали.

Я сталъ прощаться съ мальчиками, моими учениками по славянскому классу; бѣдняжки еще сильнѣе заплакали.—«Кто же насъ будетъ учить по славянски?» спрашивали они меня. Я отвѣчалъ, что скоро къ нимъ возвращусь.

Признаюсь, ни одна разлука въ жизни не была для меня такъ тяжела, какъ эта.

Простившись со всѣми, мы поѣхали; но дѣти не хотѣли еще ворочаться назадъ, а хотѣли непремѣнно проводить насъ до «Бѣлой церкви», въ двухъ верстахъ еще оттуда, и побѣжали впередъ. Кое-какъ мы уговорили ихъ идти назадъ, обѣщая скоро возвратиться къ нимъ, если они послушаютъ насъ. Они не-хотя остановились и прокричали намъ еще три раза—«ура»—потише чѣмъ прежде. Мы поѣхали впередъ; а кукушане все смотрѣли на насъ, пока насъ было видно. Но мы простились еще не со всѣми; конные кукушане, человѣкъ 15, поѣхали провожать насъ до Бѣлой церкви. Бѣлая церковь—это крутой, высокій и круглый холмъ между двумя высокими горами; мы остановились у самаго холма. Кукушане тотчасъ повели насъ въ пещеру, устроенную подъ скалою на подножіи холма. Входъ въ пещеру такъ малъ и низокъ, что нужно было согнуться. Со свѣчами кое-какъ мы вошли въ нее; она углубляется саженъ на 5 внутрь горы. По преданію, здѣсь жилъ какой-то пустынникъ еще до взятія этой страны турками. Стѣны пещеры расписаны (вѣроятно, пустынникъ былъ живописецъ) изображеніями святыхъ въ человѣческій ростъ; лики и надписи были совершенно стерты; въ пещерѣ по правой сторонѣ было углубленіе въ половинѣ высоты ея—тамъ вѣроятно была спальня пустынника. Выйдя изъ пещеры, мы пошли на самую гору—тамъ прежде была церковь и, по преданію, выбѣленная—отъ чего и самый холмъ получилъ названіе Бѣлой церкви. Подъемъ на гору чрезвычайно крутъ. На верху холма дѣйствительно нашли развалины этой церкви, на самой скалѣ.

Но и у Бѣлой церкви не всѣ кукушане простились съ нами: трое поѣхали провожать насъ до самой Солуни.

Черезъ годъ послѣ того, возвращаясь изъ Бейрута въ Россію, въ Константинополѣ я встрѣтилъ кукушанина. Онъ мнѣ съ радостію передалъ, что у нихъ теперь свой болгарскій архіерей, что вездѣ въ ихъ епархіи богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ и учреждаются славянскія школы. Ничто въ жизни меня такъ, кажется, еще не радовало, какъ это извѣстіе.

Е. ЮЖАКОВЪ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

ОБЪ ЭМАНЦИПАЦІИ ЖЕНЩИНЪ.

Въ статьѣ «О женщинахъ» я обѣщалъ, если помнятъ читатели «Современника», представить имъ взглядъ Джона Стюарта Милля на вопросъ, посильному уясненію котораго были посвящены мои замѣчанія. Исполняю теперь это обѣщаніе. Вмѣсто болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія мыслей англійскаго автора, мнѣ казалось проще и удобнѣе сдѣлать возможно полный переводъ самой его статьи. Она очень не велика, и притомъ, какъ всякій увидитъ, въ ней нѣтъ ни лишнихъ фразъ, которыя не мѣшало бы выкинуть, ни неясностей и неточностей, которыя требовали бы поясненій и исправленій. Напротивъ, статья Милля «Объ эманципаціи женщинъ» представляетъ, по моему мнѣнію, замѣчательный примѣръ ясности и силы мысли, сжатости и точности выраженія. Не лишнимъ будетъ, однакожь, сказать нѣсколько словъ о ея происхожденіи.

Она была напечатана въ первый разъ въ іюлѣ 1851 года, въ «Вестминстерскомъ Обозрѣніи», безъ подписи имени автора, по обычаю англійскихъ критическихъ журналовъ. Поводомъ къ ней было движеніе въ пользу эманципаціи женщинъ, возникшее около этого времени съ особою силой въ Америкѣ. Статья обратила на себя всеобщее вниманіе, и авторомъ ея стали тогда же называть и въ литературныхъ кружкахъ, и даже въ печати, г-жу Стюартъ Милль, покойную жену знаменитаго экономиста. Это

предположеніе подтверждено теперь имъ самимъ. Перепечатывая изъ «Вестминстерскаго Обозрѣнія» статью о женщинахъ въ недавно-изданномъ собраніи своихъ разсужденій (*), Милль говоритъ, что всѣ позднѣйшія произведенія его принадлежатъ по мысли на столько же ему, какъ и покойной его женѣ; что же касается этой статьи, она принадлежитъ ей по преимуществу, и доля участія въ ней его самого развѣ немногимъ больше доли переписчика и издателя.

Изъ одного этого указанія видно, что г-жа Милль была одною изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и образованію женщинъ нашего времени.... Тѣмъ не менѣе, какъ ни высоко цѣнитъ Джонъ Стюартъ Милль это прекрасное разсужденіе о правахъ женщинъ, онъ почти жалѣетъ, что публика знаетъ, кто его авторъ, — жалѣетъ, потому что статья лишь въ слабой степени отражаетъ рѣдкое соединеніе умственныхъ и сердечныхъ качествъ женщины, писавшей ее. Такого высокаго нравственнаго совершенства, какимъ было проникнуто все существо г-жи Милль, по словамъ мужа ея, онъ не встрѣчалъ не только въ жизни, но даже и въ книгахъ. «Она была», говоритъ онъ: «свѣтомъ, жизнью и красой всякаго общества, въ которомъ являлась; въ основѣ характера ея лежала глубокая серьёзность, результатъ соединенія впечатлительнѣйшаго и прочнѣйшаго чувства съ самыми высокими нравственными принципами. Все, что возбуждаетъ наше удивленіе, являясь порознь въ другихъ, было, казалось, собрано въ ней: здравое и чуткое сознаніе; великодушіе, ограниченное лишь чувствомъ справедливости, часто забывавшимъ собственныя ея требованія, но никогда не забывавшимъ нужды другихъ; сердце столь широкое, столь любящее, что всякій, кто былъ способенъ возбуждать хотя слабую симпатію, всегда получалъ вдесятеро бо̀льшую долю ея; въ умственной сферѣ сила и правда воображенія, тонкость пониманія, точность и изящество наблюденія, глубина мысли, и практическая разсудительность, почти непогрѣшительная. Общій уровень ея способностей былъ такъ высокъ, что высшая поэзія, философія, краснорѣчіе, искусство, казались тривіальны рядомъ съ нею, и могли выразить развѣ лишь какую нибудь небольшую часть ея души. И нѣтъ такой области положительной дѣятельности, гдѣ

(*) Dissertations and Discussions, political, philosophical, and historical. By John Stuart Mill. 2 vols. London. 1859.

она не заняла бы легко высшаго мѣста, если бъ склонность не увлекала ее по большей части быть лишь вдохновительницей, помощницей и непризнанною сотрудницей другихъ».

Предлагаемая статья, конечно, далеко еще не исчерпываетъ вопроса, и г–жа Милль вовсе не считала ее полнымъ и всестороннимъ разсужденіемъ о предметѣ, который былъ близокъ и дорогъ ея сердцу. Она имѣла въ виду большинство читателей, хотѣла представить умамъ предубѣжденнымъ или не вдумывавшимся въ предметъ всю важность дѣла, такъ долго считавшагося окончательно порѣшеннымъ, и всю необходимость подвергнуть его новому и коренному пересмотру. Г–жа Милль ставила вопросъ о правахъ женщинъ въ число тѣхъ вопросовъ, которые требуютъ наиболѣе спокойнаго анализа, и дѣйствительно въ статьѣ ея не слышно нигдѣ того страстнаго раздраженія, какимъ проникнуто почти все, писанное до сихъ поръ въ защиту женщинъ. Строгая и сдержанная рѣчь, обращенная почти исключительно къ нашему здравому смыслу, дѣйствуетъ прочнѣе, чѣмъ голосъ энтузіазма, взывающій не только къ уму, но и къ сердцу слушателя, хотя дѣйствіе его быстрѣе и временно сильнѣе. Къ сожалѣнію, не многіе способны строго и спокойно обсуживать вопросы, которые съ такимъ крайнимъ спокойствіемъ и безстрастіемъ выдаются массою за давно законно и безапелляціонно рѣшенные.

Госпожа Милль, по замѣчанію ея мужа, не коснулась въ своей статьѣ многихъ наиболѣе убѣдительныхъ доводовъ только потому, что они выходили бы изъ обычной сферы мысли большинства. Но если бъ она хотѣла записать всѣ свои мысли объ этомъ вопросѣ, продолжаетъ Милль, предлагаемый опытъ поблѣднѣлъ бы предъ ихъ стройной совокупностью; если бъ она не сдерживала намѣренно своихъ чувствъ, слова ея полились бы пламеннымъ и краснорѣчивымъ потокомъ. «Что бы однакожь ни написала она о какомъ либо отдѣльномъ предметѣ, все бы нельзя было имѣть еще полнаго понятія о глубинѣ и объемѣ ея ума. Какъ въ теченіе жизни прозрѣвала она, прежде чѣмъ кто либо подозрѣвалъ ихъ возможность, событія и перемѣны, которыя десятью, двѣнадцатью годами позже становились предметомъ общаго вниманія, такъ — смѣю предсказать — если человѣчество будетъ продолжать совершенствоваться, нравственная исторія его въ грядущихъ вѣкахъ будетъ прогрессивною разработкой ея мыслей и исполненіемъ ея соображеній».

Этими словами заключается предисловіе Милля къ переведенной нами статьѣ. Вспомнимъ, что такимъ же глубокимъ благоговѣніемъ къ памяти жены проникнуто посвященіе замѣчательной книги его «On Liberty». И здѣсь онъ называетъ ее вдохновительницей, а частью и авторомъ, всѣхъ лучшихъ страницъ въ своихъ произведеніяхъ. Если нѣкоторыя мѣста этой послѣдней книги не на столько удовлетворительны, какъ желалось бы автору, то это, по его словамъ, оттого, что они были уже лишены критики госпожи Милль.

Предлагая въ переводѣ ея статью о женщинахъ, я поставилъ въ заглавіи имя самого Джона Стюарта Милля только потому, что она явилась въ подлинникѣ съ его подписью.

Бо́льшая часть нашихъ читателей узна́етъ вѣроятно впервые изъ этихъ страницъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, и именно въ наиболѣе цивилизованной, наиболѣе просвѣщенной части ихъ, возникло организованное движеніе по поводу новаго вопроса.... новаго и даже неслыханнаго, какъ предметъ публичныхъ сходокъ и практическихъ политическихъ дѣйствій. Вопросъ этотъ — освобожденіе женщинъ, признаніе за ними, по закону и на дѣлѣ, всѣхъ правъ политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ, наравнѣ съ мужскою частью гражданъ общества.

Изумленіе, съ какимъ многіе встрѣтятъ это извѣстіе, еще болѣе усилится, когда мы скажемъ, что начавшееся движеніе не есть заступничество *за* женщинъ писателей и ораторовъ мужчинъ, тогда-какъ тѣ, о чьихъ интересахъ хлопочутъ, или остаются равнодушными, или смотрятъ на эти старанія съ явною враждебностью. Это— политическое движеніе, практическое въ своихъ цѣляхъ, поднятое въ формѣ, обѣщающей твердость и настойчивость стремленій. И это не просто движеніе *за* женщинъ: это — движеніе *ихъ самихъ*. Первымъ публичнымъ проявленіемъ его былъ, кажется, съѣздъ женщинъ весною 1850 года въ штатѣ Огайо. Объ этомъ съѣздѣ мы не имѣемъ свѣдѣній. 23-го и 24-го октября того же года происходилъ рядъ публичныхъ митинговъ въ Ворстерѣ, въ Массачусетсѣ, подъ именемъ «Конвенціи о Правахъ Женщинъ» (Women's Rights Convention), президентомъ которой была женщина, такъ же, какъ и всѣ почти главные ораторы; впрочемъ, значительное подкрѣпленіе имъ составляли и мужчины, между которыми находилось нѣсколько достойнѣйшихъ руководителей другаго, родственнаго этому, вопроса — объ эманципаціи негровъ. Составилось пять комитетовъ — одинъ общій и четыре частныхъ — съ цѣлью поддерживать и вести предпріятіе до слѣдующаго годичнаго митинга.

По словамъ газеты «New-York Tribune» въ собраніи было больше тысячи человѣкъ, и «будь только выбрано болѣе обширное помѣщеніе, на немъ присутствовало бы еще нѣсколько тысячъ». Выбранное для митинга мѣсто было, какъ говорится тамъ же, «съ самаго начала биткомъ-набито внимательными и заинтересованными слушателями». Что касается качества произнесенныхъ рѣчей, протоколы собранія много говорятъ въ ихъ пользу по сравненію съ рѣчами, вызываемыми обыкновенно народными движеніями какъ у насъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ. Очень рѣдко ораторство публичныхъ сходокъ представляетъ такую малую долю празднословія и декламаціи, и такой значительный перевѣсъ спокойствія, здраваго смысла и разумности. Результатъ конвенціи былъ во всѣхъ отношеніяхъ блистателенъ для ея начинателей, и, можетъ быть, конвенціи этой суждено быть первымъ шагомъ къ одному изъ важнѣйшихъ преобразованій, которыя лучше всего характеризуютъ духъ нашего времени.

Въ какой мѣрѣ виновники этого новаго движенія опираются на твердыя начала и не страшатся провозглашать ихъ въ обширнѣйшемъ значеніи, безъ всякихъ уступокъ и компромиссъ, видно изъ рѣшеній, принятыхъ конвенціей, которыя мы частью приведемъ здѣсь.

«*Рѣшено* — что каждое лицо, достигшее совершеннолѣтія, проживающее въ теченіе извѣстнаго времени въ предѣлахъ націи и обязанное повиноваться ея законамъ, пользуется правомъ голоса....

«*Рѣшено* — что женщины имѣютъ право подачи голоса и право на избраніе въ общественныя должности.... и что каждая партія, изъявляющая притязаніе быть представительницею человѣчества, цивилизаціи и прогресса нашего времени, обязана написать на своемъ знамени: равенство передъ закономъ, безъ различія пола и цвѣта.

«*Рѣшено* — что гражданскія и политическія права не признаютъ разницы половъ; а потому слово «мужской» должно быть вычеркнуто изъ конституціонныхъ актовъ всѣхъ штатовъ.

«*Рѣшено* — что, такъ какъ надежда занять впослѣдствіи почтенную и полезную общественную должность есть лучшее побудительное средство къ пользованію выгодами образованія, и такъ какъ лучшее образованіе получается нами въ заботахъ, обязанностяхъ и дисциплинѣ жизни; то женщинамъ невозможно ни вполнѣ пользоваться нынѣ предоставленными имъ средствами образованія, ни находить поприще, сообразное съ ихъ способностями, пока для нихъ не будетъ открыто доступа къ различнымъ гражданскимъ должностямъ и промышленнымъ занятіямъ.

«*Рѣшено* — что всѣ старанія образовать женщинъ, не давъ имъ

правъ, и не возбудивъ въ нихъ сознанія долга важностью отвѣтственности, лишь безполезно потраченный трудъ.

«*Рѣшено* — что законы о собственности, касающіеся мужа и жены, требуютъ кореннаго пересмотра, съ тѣмъ, чтобы всѣ права между супругами были уравнены, и жена, въ теченіе жизни, могла въ равной мѣрѣ съ мужемъ располагать собственностью, пріобрѣтаемою ихъ совокупными трудами и пожертвованіями, и наслѣдовать своему мужу въ той же точно мѣрѣ, какъ наслѣдуетъ ей онъ, а въ случаѣ смерти располагать по завѣщанію такою же долей ихъ соединенной собственности, какъ и онъ.»

Вотъ вкратцѣ главныя требованія:

«1) *Воспитаніе* въ приготовительныхъ и высшихъ училищахъ, въ университетахъ, въ медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«2) *Товарищество* въ производительной промышленности, въ трудѣ и заработкахъ, въ рискахъ и вознагражденіяхъ.

«3) *Равное участіе* въ составленіи и администраціи законовъ — муниципальныхъ, государственныхъ и національныхъ — въ законодательныхъ собраніяхъ, судахъ и исполнительныхъ бюро.»

Трудно было бы выразить яснѣе и опредѣленнѣе свои требованія, чѣмъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами рѣшеній, не смотря на ихъ оффиціальный слогъ. Но если къ инымъ выраженіямъ и можно придраться, то, по нашему мнѣнію, самыя требованія едва ли могутъ вызвать возраженія. Съ юридической точки зрѣнія вопросъ представляется слишкомъ яснымъ и не требующимъ спора. Съ точки зрѣнія примѣнимости — чѣмъ строже будемъ мы разбирать его, тѣмъ важнѣе явится онъ намъ.

Что женщины не меньше мужчинъ имѣютъ личнаго права подавать голосà или занимать административныя мѣста, — этого не могутъ, разумѣется, отрицать Соединенные Американскіе Штаты, какъ нація или какъ общество. Ихъ демократическія учрежденія основываются, какъ извѣстно, на прямомъ правѣ каждаго имѣть голосъ въ управленіи. Ихъ «Объявленіе независимости», начертанное людьми, считающимися у нихъ донынѣ авторитетами — этотъ документъ, признанный сразу и донынѣ признаваемый основой ихъ управленія, начинается слѣдующимъ положеніемъ:

«Мы считаемъ очевидной и не требующей доказательствъ истиной: что Творецъ надѣлилъ всѣхъ людей нѣкоторыми неотъемлемыми правами; что въ числѣ этихъ правъ — жизнь, свобода и стремленіе къ счастію; что для обезпеченія этихъ правъ установлены между людьми

правительства, истинная сила которыхъ покоится на соглашеніи управляемыхъ.»

Не думаемъ, чтобы кто-либо изъ американскихъ демократовъ сталъ уменьшать силу этихъ выраженій толкованіемъ, что «люди» въ этомъ достопамятномъ документѣ значатъ не всѣ человѣческія существа, а только одинъ полъ; что «жизнь, свобода и стремленіе къ счастію» должны быть «неотъемлемыми правами» лишь одной половины человѣческаго рода; и что «управляемые», соглашеніе которыхъ признается единственнымъ источникомъ истинной власти, опять-таки только та половина человѣчества, которая, въ отношеніи къ другой половинѣ, до сихъ поръ присвоивала себѣ характеръ *правящей*. Никакія увертки не разъяснятъ этого противорѣчія между идеей и практическимъ ея примѣненіемъ. Такое же нарушеніе основныхъ правилъ своего политическаго символа допустили американцы въ отношеніи къ неграмъ; этотъ примѣръ можетъ служить имъ урокомъ. Послѣ борьбы, достойной во многихъ случаяхъ названія геройской, аболиціонисты въ настоящее время стали такъ сильны числомъ и вліяніемъ, что партія ихъ беретъ перевѣсъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Люди, имена которыхъ будутъ всегда соединяться съ памятью объ искорененіи на демократической почвѣ Америки аристократіи цвѣта, явились, какъ и слѣдовало ожидать, посреди начинателей, для Америки и для остальнаго міра, перваго собирательнаго протеста противъ аристократіи пола, — отличія столь же случайнаго, какъ и цвѣтъ, и столь же посторонняго для всѣхъ вопросовъ управленія.

Уравненіе женщинъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ мужчинами, это требованіе касается не однихъ американскихъ демократовъ, но и тѣхъ радикаловъ и хартистовъ на британскихъ островахъ, и тѣхъ демократовъ на материкѣ, которые требуютъ такъ-называемой всеобщей подачи голосовъ.... Справедливо ли называть подачу голосовъ всеобщею, когда цѣлая половина человѣческаго рода исключена изъ нея? Говорить, что право голоса въ управленіи обще всѣмъ, и требовать его лишь для одной части—именно для той части, къ которой принадлежитъ самъ предъявляющій требованіе—не значитъ ли это отказываться отъ самой тѣни принципа? Хартистъ, отказывающій женщинамъ въ правѣ подачи голоса—хартистъ только потому, что не лордъ: онъ въ этомъ случаѣ дѣлается однимъ изъ тѣхъ уравнителей, которые хотятъ уравнивать все только не ниже себя.

Даже и у тѣхъ, кто не считаетъ голоса въ управленіи правомъ каждаго, и не раздѣляетъ принциповъ, требующихъ распространенія этого права на всѣхъ, даже и у такихъ людей есть обыкновенно

традиціонныя политическія правила, съ которыми невозможно согласить исключеніе всѣхъ женщинъ изъ общихъ гражданскихъ правъ. Размѣръ налога опредѣляетъ размѣръ представительности — это аксіома англійскихъ учрежденій. Даже при законахъ, отдающихъ мужу собственность жены, есть не мало незамужнихъ женщинъ, которыя платятъ налоги. Однимъ изъ основныхъ законовъ британской конституціи опредѣляется, чтобы всякій былъ судимъ своими равными; а между тѣмъ женщины, являясь на судъ, судятся мужчинами-судьями и мужчинами-присяжными. Иностранцамъ законъ даетъ преимущество требовать, чтобы половина присяжныхъ состояла изъ ихъ соотечественниковъ; не такъ относится онъ къ женщинамъ. Оставляя въ сторонѣ частныя постановленія, выражающія болѣе мѣстные и національные, нежели общечеловѣческіе интересы, мы видимъ, что всѣ признаютъ закономъ истиннаго правосудія—не установлять безъ необходимости унизительныхъ разграниченій. Предположенія должны постоянно клониться на сторону равенства. Слѣдуетъ представить разумныя причины, почему что-либо позволяется одному и воспрещается другому. Если же запретъ касается почти всего того, что̀ наиболѣе цѣнится тѣми, кому дозволено, и чего лишиться для нихъ всего обиднѣе; если не только политическая свобода, но и личная воля въ дѣйствіяхъ составляютъ привилегію нѣкоторыхъ; если даже въ промышленной дѣятельности почти всѣ должности, открывающія лучшимъ способностямъ широкое поприще, и ведущія къ отличіямъ, къ богатству или просто къ денежной независимости, обгорожены кругомъ, какъ исключительное достояніе господствующаго класса, и чуть не всѣ двери заперты передъ зависимымъ классомъ, кромѣ развѣ тѣхъ, мимо которыхъ всякій, кто можетъ войдти въ другія, проходитъ съ презрѣніемъ; если все это такъ, то жалкія угожденія, которыми стараются смягчить такое грубо-пристрастное распредѣленіе, не могутъ, будь они даже существенны, скрыть явную его несправедливость. Угожденія въ сторону, мы твердо убѣждены, что раздѣленіе человѣчества на двѣ половины, изъ которыхъ одна рождена господствовать надъ другою — и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ прочихъ, есть ничѣмъ не оправдываемое явленіе; въ немъ источникъ испорченности и деморализаціи какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, и оно будетъ всегда, пока останется, почти непреодолимой преградой дѣйствительному, жизненному улучшенію какъ характера, такъ и общественныхъ условій человѣчества.

Развитіемъ этихъ положеній мы сейчасъ займемся. Но, прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы постараемся опровергнуть предварительныя возраженія, которыя могутъ возникнуть въ умѣ читателей, не

вдумывавшимся въ этотъ предметъ, и помѣшать имъ серьёзно и безпристрастно разсмотрѣть его. Главное изъ этихъ препятствій — въ тоже время и самое страшное: это — обычай. Женщины никогда не пользовались равными правами съ мужчинами. На требованіе для нихъ обще-человѣческихъ правъ смотрятъ какъ на притязаніе, несовмѣстное съ житейскою практикой. Правда, этотъ крѣпчайшій изъ предразсудковъ, недовѣріе ко всему новому и неизвѣстному, утратилъ въ нашъ вѣкъ перемѣнъ много своей силы; не будь этого, мало было бы надежды одолѣть его. Въ трехъ четвертяхъ обитаемаго міра, даже въ наше время, отвѣтъ: «такъ всегда было», оканчиваетъ всякое разсужденіе. Но къ чести современныхъ европейцевъ и ихъ американскихъ собратій слѣдуетъ замѣтить, что они знаютъ и дѣлаютъ многое, чего не знали и не дѣлали ихъ предки; и едва ли не самый неоспоримый пунктъ превосходства нашего времени надъ прежними временами заключается въ томъ, что обычай пересталъ быть такимъ какъ прежде деспотомъ надъ мнѣніями и образомъ дѣйствій, и что поклоненіе обычаю — уже отживаетъ свой вѣкъ. Необычная мысль о предметѣ, касающемся существеннѣйшихъ интересовъ жизни, всегда пугаетъ при первомъ своемъ появленіи; но стоитъ только изгладиться первому впечатлѣнію странности,—и она найдетъ себѣ слушателей и на столько серьёзную оцѣнку, на сколько умъ ихъ привыкъ вдумываться въ предметы.

Въ настоящемъ случаѣ предразсудокъ обычая держится, безъ сомнѣнія, неправой стороны. Правда, великіе мыслители разныхъ вѣковъ, отъ Платона до Кондорсе, и многіе изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего времени горячо протестовали въ пользу уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Были и частныя общества, духовныя и свѣтскія, между которыми наиболѣе извѣстно Общество Друзей, признававшія этотъ принципъ. Но не было еще политическаго общества или націи, въ которыхъ женщины, по закону и на дѣлѣ, не находились бы въ политическомъ и гражданскомъ подчиненіи. Въ древнемъ мірѣ такого же рода фактъ приводился съ неменьшею убѣдительностью въ доказательство законности рабства. Такъ же можно было оправдывать, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и смягченную форму рабства, крѣпостную зависимость. За такое же орудіе брались, чтобы ратовать противъ свободы промышленности, свободы совѣсти; ни одинъ изъ этихъ видовъ свободы не казался совмѣстнымъ съ благоустройствомъ государства, пока они не доказали своей возможности фактически. Что извѣстное учрежденіе или извѣстный образъ дѣйствій утверждены обычаемъ, — это еще не доказательство ихъ пригодности, если въ защиту ихъ неприкосновенности нельзя привести другихъ достаточныхъ причинъ. Почему подчиненіе женщинъ

стало обычаемъ, понять не трудно. Кромѣ физической силы, не понадобится другихъ объясненій.

Физически слабѣйшіе должны были стать по закону подчиненными: это вполнѣ согласно съ господствовавшимъ въ мірѣ порядкомъ вещей. До самыхъ послѣднихъ временъ господство физической силы было общимъ закономъ для человѣческихъ отношеній. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что націи, племена, классы, чувствовавшіе себя сильнѣйшими—по мускуламъ, по богатству, или по военной дисциплинѣ — покоряли и держали въ подчиненіи остальныхъ. Даже у наиболѣе просвѣщенныхъ націй право меча перестало наконецъ считаться правомъ только съ восемнадцатаго вѣка. Войны съ завоевательною цѣлью прекратились лишь очень недавно... Міръ еще очень юнъ, и едва началъ сбрасывать съ себя несправедливость. Только теперь отдѣлывается онъ отъ невольничества негровъ... Онъ только-что начинаетъ смотрѣть, какъ на гражданъ, на нѣкоторыхъ *мужчинъ*. Можно ли послѣ этого удивляться, что онъ еще не сдѣлалъ того же относительно женщинъ? До немногихъ послѣднихъ поколѣній неравенство отношеній было краеугольнымъ камнемъ, на которомъ строилось общество; ассоціаціи, основанной на равныхъ правахъ, почти не существовало; быть равными — значило быть врагами; два лица почти не могли дѣйствовать въ чемъ нибудь совмѣстно или вступать другъ съ другомъ въ какія либо дружественныя сношенія безъ того, чтобы одинъ изъ нихъ не былъ поставленъ выше другаго. Человѣчество переросло такой порядокъ, и все тяготѣетъ теперь къ тому, чтобы законное равенство стало основнымъ принципомъ человѣческихъ отношеній, и смѣнило господство сильнѣйшаго. Но отношенія между мужчинами и женщинами, какъ тѣснѣйшія и наиболѣе интимныя, какъ соединенныя съ наибольшимъ числомъ серьёзныхъ душевныхъ движеній, должны были неминуемо лишь послѣ всѣхъ другихъ отношеній отрѣшиться отъ старыхъ правилъ и принять новыя: извѣстно, что чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ упорнѣе держится оно формъ и обстоятельствъ, съ которыми соединилось хотя бы даже случайно.

Когда предразсудку, хоть сколько нибудь опирающемуся на наше чувство, предстоитъ непріятная необходимость представить разумное себѣ оправданіе, ему кажется достаточнымъ воззвать, въ подкрѣпленіе спорнаго пункта, къ прежде-опредѣлившемуся чувству. Такимъ образомъ многіе думаютъ, что вполнѣ оправдаютъ необходимость ограниченій для женской дѣятельности, если объявятъ, что занятія, изъ которыхъ женщины исключаются, «не женскія», и что «свойственная сфера» для женщинъ — не политическіе или общественные интересы, а частная и домашняя жизнь.

Мы отрицаемъ право одной части общества рѣшать за другую, одного лица за другое, какая именно сфера «свойственна» для той или для этого, и какая нѣтъ. Свойственная сфера для всякаго живаго человѣческаго существа есть обширнѣйшая и высшая, какой только оно способно достигнуть. А какая именно, этого нельзя рѣшить безъ полной свободы выбора. Поэтому ораторы американской конвенціи поступили справедливо, отказавшись разбирать вопросъ о частныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ, и о границахъ, въ какихъ то или другое занятіе представляется болѣе свойственнымъ тѣмъ или другимъ. Они справедливо утверждаютъ, что удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только полная независимость. Пусть всякое занятіе будетъ доступно для всѣхъ, безъ стѣсненій и безъ привилегій кому бы то ни было, и каждое дѣло попадетъ въ руки тѣхъ мужчинъ или женщинъ, которые будутъ признаны опытомъ наиболѣе способными достойно исполнить его. Нечего бояться, что женщины отнимутъ у мужчинъ дѣло, которое мужчины исполняютъ лучше ихъ. Каждый или каждая докажетъ свои способности единственнымъ путемъ, возможнымъ для доказательства способностей — опытомъ; и такимъ образомъ человѣчество воспользуется лучшими способностями всѣхъ своихъ членовъ. Но ставить заранѣе произвольныя границы и объявлять, что какимъ бы геніемъ, талантомъ, какою бы энергіей или силой ума ни обладало лицо извѣстнаго пола или класса, способности эти не могутъ идти въ дѣло, или могутъ быть употребляемы лишь въ нѣкоторыхъ изъ множества родовъ дѣятельности, въ которыхъ позволяется пользоваться своими способностями другимъ, — объявлять это — не только несправедливость относительно лица, не только вредъ для общества, теряющаго то̀, безъ чего не можетъ обходиться, но и самое дѣйствительное средство, чтобы въ этомъ стомъ стѣсненномъ полѣ или классѣ и совсѣмъ не существовало способностей, которымъ не позволяется дѣйствовать.

Мы послѣдуемъ очень дѣльному примѣру конвенціи и не станемъ входить въ вопросъ о принимаемомъ различіи въ физическихъ и нравственныхъ качествахъ между двумя полами; не оттого, что намъ нечего сказать по этому поводу, а оттого, что сказать придется слишкомъ много; чтобы обсудить удовлетворительно одинъ этотъ пунктъ, намъ недостало бы страницъ, предназначенныхъ для обсужденія всего предмета (*). Но если, утверждая, что единствен-

(*) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь превосходный отрывокъ изъ одной статьи Сиднея Смита въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», касательно этой стороны предмета. «Много было говорено о коренной разности

но-свойственная женщинамъ сфера — домашній бытъ, хотятъ сказать, что онѣ не выказали своихъ способностей для какой либо иной сферы, то это утвержденіе обличаетъ большое незнаніе жизни и исторіи. Женщины показали свою способность къ высшимъ общественнымъ функціямъ, именно въ той мѣрѣ, въ какой допускались къ нимъ. По странной аномаліи, не считаясь годными для самыхъ скромныхъ должностей въ государствѣ, онѣ во многихъ странахъ призывались къ высшей изъ всѣхъ — къ царственной; и если есть какая дѣятельность, къ которой онѣ обнаруживали рѣшительное призваніе, то это именно — управленіе государствомъ. Не заходя далеко въ исторію, мы напрасно будемъ искать правителей болѣе способныхъ и твердыхъ, чѣмъ Елизавета Англійская, Изабелла Кастильская, Марія Терезія, императрица Екатерина II, Бланка, мать Людовика IX французскаго, Жанна д'Альбре, мать Генриха IV. Не многимъ королямъ приходилось быть въ болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, и лучше восторжествовать надъ ними. Даже въ полу-варварской Азіи, принцессы, которыхъ никогда не видалъ ни одинъ мужчина, кромѣ членовъ ихъ семейства; съ которыми никогда не говорилъ ни одинъ мужчина, развѣ изъ-за занавѣса, — и тѣ, правительствуя во время малолѣтства своихъ сыновей, представляютъ не одинъ блистательнѣйшій примѣръ справедливаго и мощнаго правленія. Въ средніе вѣка, когда разстояніе между высшими и низшими классами было даже больше, чѣмъ между мужчинами и женщинами, и женщины привилегированнаго класса, хоть и подчиненныя мужчинамъ этого класса, стояли все-таки ближе къ нимъ, чѣмъ кто либо, и часто въ отсутствіе ихъ служили представительницами ихъ должностей и власти, — въ средніе вѣка много герой-

---

въ способностяхъ мужчинъ и женщинъ; утверждаютъ, будто женщины живѣе, а мужчины разсудительнѣе, — будто женщины проявляютъ болѣе тонкости въ общественныхъ отношеніяхъ, а мужчины болѣе серьёзной силы и соображенія. Признаться, все это кажется намъ очень произвольнымъ разграниченіемъ. Всякій, разумѣется, видитъ разность въ пониманіи женщинъ и мужчинъ, съ которыми мы ежедневно встрѣчаемся: но навѣрное нѣтъ такого человѣка, который не могъ бы убѣдиться, что эта разность происходитъ отъ различія положеній, въ которыя они поставлены, а вовсе не отъ какого-то будто бы различія въ самой природѣ ума. Пока мальчики и дѣвочки бѣгаютъ по грязи и вмѣстѣ катаютъ обручи. они совершенно одинаковы. Раздѣлите ихъ на двѣ половины, и однихъ подчините одной системѣ дѣйствій и мнѣній, а другихъ другой, совершенно противуположной, и пониманіе ихъ будетъ, разумѣется, различно, сообразно тому, какого рода занятіе вызывало въ нихъ къ дѣятельности тотъ или иной талантъ. Кажется, не для чего вдаваться въ болѣе глубокія и отвлеченныя разсужденія для объясненія такого простаго явленія». (*Sydney Smith's Works*, т. I, стр. 200).

сиинъ шателенъ, какъ напримѣръ Жанна де-Монфоръ, или даже въ позднѣйшее время Карла I великая графиня Дерби, отличались не только политическими, но и военными способностями. Въ вѣка, непосредственно предшествовавшіе реформаціи и непосредственно слѣдовавшіе за нею, женщины царственныхъ домовъ, какъ дипломатки, какъ правительницы областей и даже какъ довѣренныя совѣтницы королей, равнялись первымъ государственнымъ людамъ своего времени: и камбрейскій трактатъ, даровавшій миръ Европѣ, былъ заключенъ на конференціяхъ, на которыхъ не присутствовало никого, кромѣ тетки императора Карла V и матери Франциска I.

Итакъ, о годности женщинъ для политики не можетъ быть у насъ и рѣчи: споръ можетъ скорѣе идти о годности политики для женщинъ. Если причины, на которыхъ основываются, отстраняя женщинъ отъ дѣятельности въ высшихъ сферахъ жизни, разоблачить отъ ихъ декламаторскихъ фразъ, и свести къ простому выраженію ихъ смысла, окажется три главныхъ пункта: во-первыхъ, несовмѣстимость общественной дѣятельности съ материнскими обязанностями и съ домашними заботами; во-вторыхъ, предполагаемое огрубляющее вліяніе ея на характеръ; и въ третьихъ, неблаговременность увеличенія и безъ того уже черезъ-чуръ тягостнаго совмѣстничества во всѣхъ отрасляхъ промышленной или связанной съ матеріальными выгодами дѣятельности.

Первый пунктъ, именно материнскія обязанности, обыкновенно считается самымъ сильнымъ и убѣдительнымъ, хотя (нечего, кажется, и доказывать) если это и дѣйствительно препятствіе, то оно касается лишь матерей. Ни необходимость, ни справедливость не оправдываютъ требованія, чтобы женщины были или матерями, или ничѣмъ; или, если онѣ однажды были матерями, то не должны быть ничѣмъ другимъ во все остальное время своей жизни. Ни для женщинъ, ни для мужчинъ не нужно закона, который отстранялъ бы ихъ отъ какого-либо занятія, если они взялись въ то же время за другое занятіе, несовмѣстное съ первымъ. Никто еще не предлагалъ устранять мужчинъ изъ парламента потому, что мужчина можетъ быть солдатомъ, или морякомъ въ дѣйствительной службѣ, или купцомъ, дѣла котораго требуютъ всего его времени и всей его энергіи. Девять-десятыхъ изъ числа мужскихъ занятій устраняютъ мужчинъ de facto изъ публичной жизни, столь же дѣйствительно, какъ еслибъ ихъ устранялъ законъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно составить законъ, который исключалъ бы даже эти девять-десятыхъ, не говоря ужь объ остальной десятой. Это примѣняется также и къ женщинамъ, какъ къ мужчинамъ. Не для чего предписывать закономъ, чтобы женщина, занимаясь веде-

ніемъ домашняго хозяйства или воспитаніемъ дѣтей, не смѣла въ то же время заниматься никакою професеіей или не могла быть выбрана въ парламентъ. Если занятія дѣйствительно несовмѣстны, она и безъ того изберетъ изъ нихъ одно; но не большая ли несправедливость — ради несовмѣстности какихъ либо занятій, отстранять отъ нихъ тѣхъ, для которыхъ она не существуетъ? А такихъ, будь только онѣ свободны въ выборѣ, окажется очень большое число. Защитники материнскихъ обязанностей должны отказаться отъ своихъ доводовъ относительно одинокихъ, незамужнихъ женщинъ, цѣлаго многочисленнаго и все возрастающаго класса въ народонаселеніи; этотъ фактъ—замѣтимъ кстати—уменьшая чрезмѣрную числительность конкурренцій, долженъ много содѣйствовать благоденствію всѣхъ. Мы не видимъ ни непреложной причины, ни необходимости, по которой каждая женщина, при добровольномъ выборѣ, должна непремѣнно посвятить свою жизнь одному половому отправленію и его послѣдствіямъ. Множество женщинъ только потому жены и матери, что для нихъ не открыто другаго поприща, нѣтъ другаго занятія ихъ чувству и дѣятельности. Всякое улучшеніе въ ихъ воспитаніи, всякое развитіе ихъ качествъ, все, что дѣлаетъ ихъ болѣе способными для инаго рода жизни, увеличиваетъ число тѣхъ, для кого невозможность выбирать—есть оскорбленіе и угнетеніе. Говорить, что женщины должны быть исключены изъ публичной дѣятельности, потому что материнскія обязанности лишаютъ ихъ возможности участвовать въ ней, не значитъ ли это утверждать, что всякое другое поприще должно быть запрещено имъ, съ тѣмъ, чтобы материнскія обязанности были единственною ихъ чредой?

Но — по второму пункту — предоставить женщинамъ одинаковую съ мужчинами свободу въ занятіяхъ, считается вреднымъ потому, что это увеличило бы толпу конкуррентовъ, и тѣмъ затруднило бы доступъ почти ко всѣмъ родамъ дѣятельности и уронило бы вознагражденіе за трудъ. Этотъ доводъ — слѣдуетъ замѣтить — не простирается на политическую сферу. Онъ не извиняетъ устраненія женщинъ отъ правъ гражданства. Онъ не касается подачи голоса, скамьи присяжныхъ, участія въ законодательствѣ и въ администраціи. Онъ можетъ быть приложенъ лишь къ промышленной части предмета. Допустимъ съ экономической точки зрѣнія, что доводъ этотъ вполнѣ убѣдителенъ; допустимъ, что предоставить женщинамъ занятія, составляющія теперь монополію мужчинъ, значитъ стараться, какъ и при уничтоженіи другихъ монополій, о пониженіи вознагражденія въ этихъ занятіяхъ; но посмотримъ, въ какой мѣрѣ дуренъ такой результатъ, и чѣмъ онъ можетъ вознаградиться. Худшее,

что̀ можно предположить (хотя едва ли въ дѣйствительности было бы такъ худо), это — что при конкурренціи женщинъ съ мужчинами, женщина и мужчина вмѣстѣ не могутъ заработать больше, чѣмъ заработываетъ теперь одинъ мужчина. Сдѣлаемъ такое предположеніе, елико-возможно самое неблагопріятное: соединенные доходы двоихъ будутъ таковы же, какъ и прежде; только женщина изъ положенія слуги возвысится до положенія компаньона, товарища. Даже если бы каждой женщинѣ, при настоящемъ положеніи дѣла, необходимъ былъ мужчина для ея поддержки, — то все-таки не въ тысячу ли разъ было бы лучше, если бы часть дохода приходилась на трудъ женщины, хотя бы вся сумма дохода лишь немного возвысилась; не въ тысячу ли разъ было бы это лучше, чѣмъ отстранять женщину и установлять, чтобы мужчины были единственными работниками и единственными распорядителями заработаннаго? Даже при теперешнихъ законахъ касательно собственности женщинъ, — та женщина, которая содѣйствуетъ матеріально поддержкѣ семьи, не можетъ быть предметомъ такой зависимости, какъ женщина, зависящая въ средствахъ существованія отъ мужчины, хотя бы она работала въ домѣ больше батрачки (*). Что̀ касается пониженія заработной платы отъ увеличенія конкурренціи, лекарство найдти будетъ не трудно. Палліативныя средства можно употребить и немедленно; напримѣръ, съ бо̀льшею строгостью отстранять дѣтей отъ промышленнаго труда въ тѣ годы, когда они должны работать лишь для укрѣпленія тѣла и ума своего на слѣдующій возрастъ. Дѣти по необходимости состоятъ въ зависимости и подъ властью другихъ, и трудъ ихъ, доставляя выгоды не имъ, а ихъ родителямъ, можетъ и долженъ быть устраненъ закономъ. Глядя на будущее съ надеждою, мы не можемъ вѣрить, чтобы всегда продолжалось несоразмѣрное размноженіе, и, какъ слѣдствіе его, чрезвычайная трудность добывать средства существованія. Но пока конкурренція составляетъ еще общій законъ человѣческой жизни, устранять половину конкуррентовъ — не значитъ ли дѣйствовать тираннически? Всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, имѣютъ равное право на позволеніе пользоваться плодами какого бы то ни было полезнаго труда, на который они способны, и получать за него плату, какую онъ можетъ принесть.

(*) Поистинѣ ужасное дѣйствіе существующаго законодательства посреди низшихъ и работающихъ классовъ населенія представляютъ случаи отвратительно-жестокаго обращенія работниковъ съ женами, случаи, которыми наполненъ каждый листъ газетъ, каждый отчетъ полиціи. Бездѣльники, не годные ни для какой, даже малѣйшей власти надъ чѣмъ-либо живымъ, помыкаютъ беззащитною женщиной, какъ домашнею рабой. Этихъ печальныхъ явленій не встрѣчалось бы, еслибъ женщина могла и заработывать средства для жизни, и пользоваться правомъ владѣнія надъ частью семейнаго дохода.

Третье возраженіе противъ участія женщинъ въ политической жизни,—признаваемая за нею способность загрублять,—относится ко временамъ уже прошедшимъ, и едва ли будетъ многимъ понятно въ наше время. Правда, есть еще люди, утверждающіе, что свѣтъ и его занятія дѣлаютъ людей эгоистами и безчувственными; что треволненія, соперничества и столкновенія дѣловыя и политическія дѣлаютъ ихъ черствыми и непривѣтливыми; что если половина человѣческаго рода поневолѣ и неминуемо должна вращаться въ этой средѣ, то тѣмъ необходимѣе, чтобы другая половина была свободна отъ ея вліянія; что охранить женщинъ отъ дурнаго вліянія свѣта есть единственное средство не дать мужчинамъ подчиниться ему совершенно.

Въ этомъ доводѣ могла быть доля справедливости, когда міръ былъ еще въ періодѣ господства насилія, когда жизнь была полна физическихъ столкновеній, и каждый принужденъ былъ отплачивать за обиды, нанесенныя ему другими, мечомъ или силою своей руки. Женщины, какъ и жрецы, были изъяты отъ этой отвѣтственности и отъ нѣкоторой доли сопровождавшихъ ее опасностей, и тѣмъ были, можетъ быть, способны производить благотворное вліяніе. Но, при теперешнихъ условіяхъ человѣческой жизни, мы не знаемъ, гдѣ эти суровыя вліянія, которымъ подвергаются мужчины и отъ которыхъ избавлены женщины. Въ наше время рѣдки личныя стычки, даже и съ мирнымъ оружіемъ въ рукахъ; личныя вражды и соперничества играютъ малую роль въ общественныхъ дѣлахъ; теперь людямъ приходится бороться съ общею силой обстоятельствъ, а не съ враждебною волей одной личности. Такой гнетъ, если онъ чрезмѣренъ, сокрушаетъ умъ, сдавливаетъ и отравляетъ сердце, но не у однихъ женщинъ, а также и у мужчинъ, ибо они терпятъ, разумѣется, не меньше отъ этихъ золъ. Ссоры и вражды все еще есть, но источники ихъ измѣнились. Феодальный владѣтель видѣлъ нѣкогда злѣйшаго себѣ врага въ своемъ могущественномъ сосѣдѣ, министръ или царедворецъ — въ своемъ соперникѣ по мѣсту; но несогласіе интересовъ жизни перестало быть причиною личной враждебности; враждебныя отношенія возникаютъ въ наше время не отъ большихъ, а отъ малыхъ причинъ, больше оттого, что̀ говорится другъ про друга, чѣмъ оттого, что̀ дѣлается другъ съ другомъ; и если существуютъ ненависть, злоба и всякаго рода неблагодушіе, то существуютъ они настолько же между женщинами, какъ и между мужчинами. При настоящемъ состояніи цивилизаціи, уберечь женщинъ отъ грубыхъ вліяній свѣта можно только удаливъ ихъ совсѣмъ изъ всякого общества. Для обыденныхъ обязанностей нашей частной жизни, какъ она устроена

теперь, женщинѣ нужна слабость, а не какая либо иная нѣжность. Конечно, давно бы пора перестать считать какою-то красотой и привлекательнымъ качествомъ слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ.

Но, по правдѣ, ни одинъ изъ этихъ доводовъ, ни одно изъ этихъ соображеній не касаются основаній предмета. Настоящій вопросъ въ томъ, справедливо ли и полезно ли, чтобы цѣлая половина человѣческаго рода находилась всю свою жизнь въ невольномъ подчиненіи другой половинѣ. Если лучшее состояніе человѣческаго общества требуетъ раздѣленія его на двѣ части, изъ которыхъ одна должна состоять изъ лицъ съ волей и самостоятельностью, а другая изъ ихъ смиренныхъ товарищей, связанныхъ съ ними ради воспитанія *ихъ* дѣтей, и украшенія и устройства *ихъ* дома; если таково назначеніе женщинъ, то не милость ли воспитывать ихъ для этого, внушать имъ, что высшее доступное имъ счастье — быть избранными для помянутой цѣли кѣмъ нибудь изъ мужчинъ, и что всѣ другія поприща, считающіяся въ свѣтѣ счастливыми и почтенными, заперты для нихъ закономъ — не общественныхъ условій, а природы и судьбы?

Если мы спросимъ, однакожь, почему существованіе одной половины человѣчества должно быть просто лишь дополненіемъ существованія другой половины; почему каждая женщина должна быть лишь просто принадлежностью мужчины и не имѣть никакихъ собственныхъ интересовъ, которые могли бы войти въ состязаніе съ его интересами и съ его удобствами, — отвѣтъ на это одинъ: такъ нравится мужчинамъ. Имъ пріятно, чтобы мужчины жили самостоятельно, а женщины существовали лишь для нихъ; качества же и направленіе подчиненныхъ, пріятныя для высшихъ, такъ твердо установляются послѣдними, что и тѣ начинаютъ видѣть и долго видятъ въ нихъ дѣйствительную свою добродѣтель. Эльвесіусу пришлось слышать не мало упрековъ за мнѣніе, что люди считаютъ обыкновенно добродѣтелями качества, полезныя или пригодныя имъ самимъ. Какъ вѣрно это относительно человѣчества вообще, лучше всего видно изъ того, какъ міръ убѣжденъ донынѣ, что главная добродѣтель женщины есть покорство мужчинѣ. Признавая въ теоріи общій для обоихъ половъ кодексъ нравственности, на практикѣ считаютъ однакожь самостоятельность и сознательность воли и дѣйствій добродѣтелями мужскими, а самоотреченіе, терпѣніе, покорство и подчиненіе силѣ, даже если сопротивленіе требуется въ интересѣ другихъ, а не въ своемъ собственномъ, эти качества признаютъ въ одинъ голосъ существеннѣйшими обязанностями и украшеніемъ женщинъ. Смыслъ этого тотъ, что сила ставитъ себя центромъ нравственнаго обязательства, и что мужчинѣ пріятно

имѣть свою волю, но непріятно видѣть разногласіе съ нею въ волѣ его домашняго товарища.

Мы не думаемъ утверждать, что въ наше цивилизованное время сторона сильнѣйшая не признаетъ взаимности обязательства. Но даже эта взаимность, изгладившая, по крайней мѣрѣ въ высшемъ и среднемъ классахъ, наиболѣе возмутительныя черты тираніи,—касаясь существеннаго зла подчиненнаго положенія женщинъ, ввела новое серьёзное зло.

Въ первобытныя времена и у племенъ, стоящихъ еще и теперь на первой ступени развитія, женщина была и есть рабою мужчины въ смыслѣ работницы. Весь тяжелый физическій трудъ падаетъ на нее. Австралійскій дикарь лѣнится, а женщины трудятся въ потѣ лица надъ выкапываніемъ корней, которыми онъ питается. Американскій индіецъ, убивши оленя, оставляетъ его на мѣстѣ и посылаетъ женщину притащить его домой. На нѣсколько высшей степени развитія, какъ напримѣръ въ Азіи, женщины порабощались и порабощаются мужчинами въ угоду своей чувственности. Въ Европѣ, еще въ раннія времена исторіи, видимъ мы третій и болѣе мягкій образъ господства, упроченнаго не кулаками, не замками и затворами, а неусыпными нравственными внушеніями; чувства кротости и идеи долга, какія можетъ внушить мужчина женщинѣ, находящейся подъ его покровительствомъ, входили все болѣе и болѣе въ отношенія между обоими полами. Но отношенія эти, въ теченіе вѣковъ, не превращались въ товарищескія, какія могутъ быть даже и между неравными. Двѣ жизни не сливались въ одну, а шли раздѣльно. Жена была частью домашняго убранства, комфортомъ дома, куда возвращался мужъ отъ дѣла или отъ удовольствія. Занятія сводили его съ мужчинами, какъ и теперь; удовольствія и забавы его были бо́льшею частью тоже въ кругу мужчинъ, въ кругу равныхъ. Онъ былъ главою и полновластнымъ распорядителемъ въ четырехъ стѣнахъ, и эта безотвѣтственная власть не оставалась безъ вліянія на него: больше или меньше, смотря по натурѣ, но онъ становился деспотомъ, ставилъ выше всего свои требованія, смотрѣлъ на себя съ какимъ-то самообожаніемъ, а подчасъ дѣлался и капризнымъ или жестокимъ тираномъ. Но это ухудшеніе нравственной стороны его природы не было неминуемо связано съ соразмѣрнымъ ухудшеніемъ умственной или практической стороны. Онъ могъ обладать и силой ума, и энергіей характера, какими только былъ одаренъ отъ природы и какія только можно было ему проявлять въ обстоятельствахъ своего времени. Онъ могъ писать «Потерянный Рай», выигрывать сраженіе при Маренго. Таковы были житейскія условія грековъ и римлянъ, и новыхъ народовъ до не-

давняго времени. Ихъ отношенія къ домашнимъ своимъ подчиненнымъ занимали лишь небольшой, хоть и дорогой, уголокъ въ ихъ жизни. Ихъ мужественное воспитаніе, образованіе ихъ характера и способностей зависѣло главнымъ образомъ отъ инаго рода вліяній.

Не то теперь. Постепенные успѣхи цивилизаціи заставляютъ всѣхъ пользующихся властью домашнею понимать необходимость взаимныхъ обязательствъ. Ни одинъ мужъ не думаетъ уже теперь, что жена его не вправѣ касаться его дѣйствій, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ онъ самъ удостоитъ ее права голоса. Всѣ добросовѣстные мужья считаютъ свой долгъ относительно женъ однимъ изъ священнѣйшихъ обязательствъ. Этотъ долгъ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, состоитъ не въ одномъ только покровительствѣ, которое, при настоящемъ положеніи цивилизаціи, почти перестало быть необходимо женщинамъ; нѣтъ, онъ заключается въ заботѣ о ихъ счастіи, во вниманіи къ ихъ желаніямъ, нерѣдко даже съ принесеніемъ имъ въ жертву своихъ собственныхъ желаній. Власть мужей теперь на той степени, когда общество не задаетъ еще себѣ вопроса о правотѣ власти, или задаетъ лишь въ теоріи, на практикѣ же только порицаетъ ея эгоистическія проявленія. Это улучшеніе моральнаго чувства въ человѣчествѣ, это развившееся понятіе объ уваженіи, которымъ каждый обязанъ относительно тѣхъ, кто видитъ въ немъ свою опору, эти нравственные успѣхи клонились къ тому, чтобы все болѣе и болѣе сосредоточивать интересы наши у домашняго очага, и давать домашнимъ обстоятельствамъ и домашнему кругу все болѣе и болѣе широкое мѣсто въ жизни, въ ея заботахъ и наслажденіяхъ. Стремленіе это усилилось отъ измѣненія вкусовъ и нравовъ, которое такъ замѣтно въ двухъ–трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ. Давно ли мужчины находили удовольствіе и проводили время въ грубыхъ физическихъ упражненіяхъ, въ буйномъ весельи и невоздержности? Теперь они утратили страсть къ подобнаго рода препровожденію времени и вообще ко всѣмъ грубымъ забавамъ, и она осталась еще развѣ только въ самыхъ бѣдныхъ классахъ; теперь почти нѣтъ у мужчинъ склонностей, которыя не были бы общи и женщинамъ, и въ первый разъ отъ начала міра мужчины и женщины стали дѣйствительно товарищами. Перемѣна въ высшей степени благотворная, будь это товарищество между равными, но, существуя между неравными, оно (какъ замѣчали внимательные наблюдатели, не угадывая впрочемъ причины явленія) производитъ постепенное ослабленіе въ мужчинахъ тѣхъ качествъ, которыя до сихъ поръ считались главными мужскими преимуществами. Тѣ, кого такъ заботитъ, чтобы женщины не сдѣлались мужчинами, не замѣчаютъ, что то, что̀ они пророчили

женщинамъ, совершается съ мужчинами, — что они впадаютъ въ слабость, которую такъ долго воспитывали въ своихъ подругахъ. Тѣсная связь въ жизни между двумя лицами мало по малу уподобляетъ ихъ характеры. При нынѣшнихъ близкихъ отношеніяхъ между обоими полами, мужчины не могутъ сохранить мужественности, пока не пріобрѣтутъ ея женщины.

Жить въ обществѣ существъ, которыя ниже насъ умственными дарами, и искать по-преимуществу ихъ сочувствія — что можетъ быть неблагопріятнѣе этого положенія для поддержки въ насъ высоты характера и силы ума? Отчего мы постоянно видимъ вокругъ себя людей, такъ много обѣщающихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и потомъ не представляющихъ и половины того, что можно было ожидать отъ нихъ? Не оттого ли, что имъ приходилось развиваться въ кругу, который стоялъ ниже ихъ, и способности ихъ не возбуждались и не совершенствовались въ состязаніи съ равными или стоявшими выше ихъ? Въ настоящемъ положеніи общественной жизни такія условія становятся общими для всѣхъ мужчинъ. Они все менѣе и менѣе заботятся о какихъ бы то ни было симпатіяхъ, все менѣе и менѣе подчиняются какимъ бы то ни было личнымъ вліяніямъ, внѣ симпатій и вліяній домашняго круга. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны прямо сказать, что не думаемъ, чтобы женщины и въ настоящее время были умственно ниже мужчинъ. Есть женщины, равныя по уму любому изъ когда-либо существовавшихъ мужчинъ, — и если мы станемъ сравнивать обыкновенныхъ женщинъ съ обыкновенными мужчинами, то найдемъ, что разнообразныя, хотя и мелкія занятія, выпадающія на долю большей части женщинъ, вызываютъ вѣроятно не менѣе умственнаго соображенія, чѣмъ однообразная рутина обычныхъ занятій большинства мужчинъ. Если сообщество женщинъ, какихъ образуетъ теперешнее ихъ положеніе, такъ часто производитъ губительное вліяніе на высокія способности и стремленія мужчинъ, то это не потому, чтобы самыя способности женскія были мелки, а потому, что онѣ изощряются лишь на мелкихъ предметахъ и интересахъ. Если женщина не знаетъ и не цѣнитъ великихъ идей и цѣлей, украшающихъ жизнь, или ихъ примѣненій, а знаетъ и цѣнитъ только свои личные интересы и личныя суетныя требованія, понятно, что, за немногими исключеніями, ея сознательное, а тѣмъ паче безсознательное вліяніе если не совсѣмъ истребитъ въ умѣ мужчины, то отодвинетъ на второй планъ интересы, которые ей чужды.

Здѣсь мы невольно становимся лицомъ къ лицу съ такъ-называемыми умѣренными преобразователями женскаго воспитанія; лю-

дамъ этого разряда хочется удержать старые принципы, и въ то же время смягчить ихъ послѣдствія. Эти люди говорятъ, что женщина не раба, не служанка, а подруга мужчины, и должна быть воспитана сообразно этому назначенію (они не говорятъ, чтобы мужчина воспитывался съ цѣлью быть другомъ женщины). Но неразвитая женщина — плохая подруга для образованнаго мужчины, принимающаго участіе въ интересахъ внѣ и выше домашней сферы, и желающаго, чтобы подруга его сочувствовала ему относительно этихъ интересовъ; зная это, рыцари полумѣръ говорятъ: пусть женщины образуютъ свои понятія и свой вкусъ, пріобрѣтаютъ общія познанія, занимаются поэзіей, искусствомъ, даже кокетничаютъ съ наукой! Нѣкоторые простираютъ свои милости такъ далеко, что прибавляютъ: пусть онѣ знакомятся съ политикой, не съ специальною цѣлью, а чтобы достаточно интересоваться предметомъ и умѣть поддержать разговоръ съ мужемъ, или по крайней мѣрѣ, чтобы понимать и усвоивать его мудрость. Конечно, это очень ему пріятно, но къ сожалѣнію вовсе не способствуетъ его совершенствованію. Въ умственномъ общеніи только съ тѣми, кому можно предписывать законы, заключается причина, что столь немногіе продолжаютъ подвигаться впередъ въ знаніи, а не остаются на первыхъ его ступеняхъ. Самые достойные люди перестаютъ совершенствоваться, оставаясь въ сообществѣ лишь со своими учениками. Если они возвысились надъ непосредственно окружающими ихъ людьми, и хотятъ продолжать возвышаться, имъ слѣдуетъ искать иного круга, въ уровень съ собой. Умственное товарищество способствуетъ нашему совершенствованію, если представляетъ взаимодѣйствіе дѣятельныхъ умовъ, а не простое соприкосновеніе ума активнаго съ умомъ пасcивнымъ. Неисчислимыя выгоды подобнаго общенія мы видимъ и теперь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда серьёзно-развитый мужчина соединяется съ такъ же серьёзно-развитою женщиной. Мы видѣли бы ихъ и гораздо чаще, еслибъ воспитаніе старалось такъ же серьёзно развивать умъ женщинъ, какъ старается останавливать его развитіе. Современныя и, разумѣется, усовершенствованныя и просвѣщенныя методы воспитанія отвергаютъ, на словахъ, воспитаніе лишь внѣшнее, на показъ, и провозглашаютъ необходимость серьёзнаго образованія, но подъ этимъ серьёзнымъ образованіемъ разумѣютъ поверхностныя познанія о серьёзныхъ предметахъ. Кромѣ благовоспитанныхъ манеръ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, пріобрѣтаются лучше всего безъ всякаго ученья, женщинъ ничему серьёзно не учатъ. Намѣренія и желанія образовать женщинъ ограничиваются жалкою долей изъ того, чему рѣшаются серьёзно учить мальчиковъ. Разумными существами

дѣлаетъ насъ сила мысли: побужденія, вызывающія эту силу, заключаются въ интересѣ и достоинствѣ самой мысли и въ пользѣ ея для практическаго примѣненія. Оба эти побужденія отнимаются у женщинъ: съ дѣтства твердятъ имъ, что мысль и всѣ ея важнѣйшія примѣненія—не ихъ дѣло, а имъ надо только стараться о томъ, чтобы быть пріятными для мужчинъ. Высокая сила ума въ женщинѣ будетъ исключительною случайностью до тѣхъ поръ, пока для нихъ не откроются всѣ поприща; до тѣхъ поръ, пока онѣ, какъ и мужчины, не станутъ воспитываться для себя и для общества въ обширномъ смыслѣ, а не для другаго только пола, какъ теперь.

Говоря о послѣдствіяхъ подчиненнаго положенія женщинъ, при настоящемъ порядкѣ супружеской жизни, мы имѣли въ виду лишь наиболѣе благопріятные случаи, именно тѣ, которые дѣйствительно хоть немного приближаются къ идеалу отношеній между двумя существами разныхъ половъ—къ союзу и слiянію воедино характеровъ и существованій. Но если мы взглянемъ на огромное большинство случаевъ, послѣдствія подчиненія женщинъ на характеръ какъ ихъ самихъ, такъ и мужчинъ, представятся намъ въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ. Мы говоримъ не о жестокости обращенія, не о власти мужа надъ тѣмъ, что заработываетъ жена.... У насъ вовсе нѣтъ желанія убѣждать тѣхъ, которые требуютъ доказательствъ, что эти факты слѣдуетъ отвратить. Мы беремъ середину, именно тѣ случаи, гдѣ нѣтъ полнаго общенія, но нѣтъ и полнаго разобщенія между чувствами и характерами,—и утверждаемъ, что въ этихъ случаяхъ подчиненіе женщины производитъ дурное вліяніе на характеръ обеихъ.

По обще-принятому мнѣнію, каково бы ни было умственное развитіе женщинъ, нравственное вліяніе ихъ на мужчинъ почти всегда благодѣтельно. Говорятъ обыкновенно, что оно противодѣйствуетъ эгоизму. Каково бы ни было вліяніе личное, самое положеніе таково, что должно въ значительной степени развивать эгоизмъ. Самый ничтожнѣйшій изъ мужчинъ, человѣкъ, который нигдѣ не можетъ пользоваться ни значеніемъ, ни вліяніемъ, находитъ-таки мѣсто, гдѣ онъ глава и начальникъ. Есть-таки одно лицо, часто значительно превосходящее его умственно, которое обязано спрашивать его совѣта, и котораго онъ не обязанъ спрашиваться. Онъ судья, распорядитель и правитель въ ихъ общихъ интересахъ, посредникъ всѣхъ между ними разногласій. Правосудіе или совѣсть, къ которымъ должна прибѣгать въ этомъ случаѣ женщина—его совѣсть и его правосудіе: вѣсы въ его рукахъ; онъ рѣшаетъ, чьи требованія или желанія перетянули на нихъ, его ли, или ея. Это единственный судъ во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, гдѣ судья и подсудимый совмѣщаются въ одномъ

лицѣ. Въ подобномъ положенiи человѣкъ великодушный способенъ наклонить вѣсы въ чужую сторону и дать другому лицу больше, чѣмъ справедливое равенство съ собой; такимъ образомъ слабѣйшей сторонѣ дается возможность обращать самый фактъ подчиненности въ орудiе власти, и, за отсутствiемъ справедливости, извлекать изъ великодушiя малодушныя выгоды, дѣлая неправую власть бременемъ для того, кто не пользуется ею эгоистически. Что же, если такою властью, безъ взаимности и безъ отвѣтственности, облечены люди посредственные? Подайте такому человѣку мысль, что онъ старшiй по закону и по общему мнѣнiю, что его дѣло—хотѣть, а дѣло жены—повиноваться, и неужто вы думаете, что эта мысль только скользнетъ по его уму, а не западетъ въ него, не произведетъ своего дѣйствiя на его чувства и поступки? Наклонность выдвинуть на первый планъ себя и свое значенiе, а другихъ поставить по малой мѣрѣ хоть на второе мѣсто, кажется, не можетъ быть рѣдкостью: все точно нарочно устроено, чтобы поощрять и оправдывать такiя наклонности. Если въ мужчинѣ есть хоть малѣйшее своенравiе, онъ становится сознательно или безсознательно домашнимъ деспотомъ. Правда, жена часто добивается своего, но не иначе, какъ разными окольными средствами и ухищренiями.

Такимъ образомъ это положенiе одинаково портитъ обоихъ: въ одномъ пораждаетъ пороки власти, въ другой—пороки изворотливости. Женщины, въ настоящемъ физическомъ и моральномъ ихъ состоянiи—будь у нихъ болѣе серьезныя побужденiя—конечно были бы открытѣе и прямѣе мужчинъ въ своихъ дѣйствiяхъ; а между тѣмъ старыя присловья и преданiя представляютъ ихъ хитрыми и притворщицами. Отчего же это? Оттого, что окольныя дороги для нихъ единственный путь къ цѣли. Во всѣхъ странахъ, гдѣ у женщинъ твердыя желанiя и дѣятельный умъ, такое послѣдствiе неизбѣжно,—и если оно не такъ замѣтно въ Англiи, какъ въ другихъ мѣстахъ, то это потому, что англiйскiя женщины, за случайными исключенiями, перестали обладать твердыми желанiями и дѣятельнымъ умомъ.

Мы говоримъ не о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ встрѣчается нѣчто заслуживающее названiе серьёзнаго чувства съ обѣихъ сторонъ. Такое чувство, если оно дѣйствительно есть, двигатель сильный, и не можетъ не измѣнить въ значительной степени дурныя влiянiя положенiя; но, тѣмъ не менѣе, оно рѣдко уничтожаетъ ихъ совершенно. Гораздо чаще дурныя влiянiя слишкомъ сильны передъ чувствомъ, и губятъ его. Въ высшей степени прочныя и счастливыя привязанности встрѣчались бы во сто разъ чаще, чѣмъ теперь, если бы чувствомъ, соединяющимъ оба пола, была та истинная

дружба, которая существуетъ лишь между равными по правамъ и по способностямъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ въ брачныхъ союзахъ обыденное и почти механическое чувство пріязни, и удовольствіе быть другъ съ другомъ, которыя обыкновенно возрастаютъ при постоянномъ сожительствѣ, если только нѣтъ дѣйствительнаго отвращенія съ которой нибудь стороны. Тутъ нечему ни одолѣть, ни умѣрить неблагопріятное вліяніе неравныхъ отношеній. Такія чувства свидѣтельствуютъ только о гибкости человѣческой природы, которая въ извѣстной степени приноравливается ко всякимъ обстоятельствамъ, и чѣмъ она обыкновеннѣе, тѣмъ эти уступки ей легче.

Что касается личнаго вліянія женщинъ, оно, безъ сомнѣнія, умѣряетъ въ мужчинахъ грубость и жестокость; въ болѣе грубыя времена оно было часто единственнымъ смягчающимъ вліяніемъ, которому они поддавались. Но въ мнѣніи, что вліяніе жены дѣлаетъ человѣка менѣе эгоистомъ, столько же, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, справедливаго, какъ и ошибочнаго. Эгоизмъ дѣйствительно клонится къ уступкамъ въ отношеніи къ самой женѣ и къ тѣмъ, кто ей дорогъ, къ дѣтямъ, хотя ея подчиненіе и поддерживаетъ его. Но вообще ея вліяніе на мужа, пока интересы ея сосредоточиваются въ семьѣ, направлено лишь на замѣну эгоизма личнаго—эгоизмомъ семейнымъ, прилично заоправдываемымъ требованіями долга. Какъ рѣдко клонится вліяніе жены къ поддержкѣ общественныхъ добродѣтелей! какъ рѣдко находитъ въ ней что либо, кромѣ неодобренія, каждый рѣшительный шагъ, отъ котораго можетъ пострадать частный интересъ или суетное значеніе семьи! При нынѣшнемъ воспитаніи и положеніи женщинъ, рѣже всего, изъ всѣхъ достоинствъ, встрѣтите вы въ нихъ общественный духъ, сознаніе своихъ обязанностей относительно общественнаго блага; въ нихъ рѣдко встрѣчается даже то сознаніе личной чести, соединенной съ общественною обязанностью, которое часто замѣняетъ въ мужчинахъ собственно общественный духъ. Не мало такихъ случаевъ, гдѣ мужъ весь отдается жалкой свѣтской суетѣ и тщеславію, потому что къ нимъ склонна жена. То же и въ дѣлѣ нравственныхъ убѣжденій. Женщина ограничивается повтореніемъ общихъ мѣстъ, и проявляетъ самый поверхностный и снисходительный взглядъ на вещи, или не противорѣчащій признанному авторитету, или наиболѣе удобный для пріобрѣтенія свѣтскихъ успѣховъ. Въ Англіи жены принимаютъ большею частью сторону анти-популярнаго направленія, такъ какъ на этой сторонѣ обыкновенно личный интересъ и тщеславіе. Даже мужчина, женившись, считаетъ своей обязанностью стоять на этой же сторонѣ. Что касается умственнаго совершенствованія, то — за исключеніемъ тѣхъ

низшихъ соображеній, которыя вызываются тщеславіемъ и самолюбіемъ — мужчина обыкновенно перестаетъ развиваться, соединяясь съ женщиной, которая умственно стоитъ ниже его: развѣ только онъ несчастливъ въ супружествѣ, или охладѣетъ къ женѣ. Отъ человѣка лѣтъ двадцати-пяти, тридцати, послѣ того, какъ онъ женился, опытный наблюдатель рѣдко станетъ ждать какого либо успѣшнаго развитія въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ. Хорошо еще, если сохраняется прежнее развитіе, и человѣкъ нейдетъ вспять. Рѣдко остается на нѣкоторое время живою и не гаснетъ тотчасъ же послѣдняя искра mentis diviniori, которая иначе могла бы разгорѣться въ свѣтлое пламя. Умъ, способный удовлетворяться тѣмъ, чтò онъ есть, не стремящійся безустанно къ высшимъ степенямъ совершенства, становится вялымъ, самодовольнымъ, и утрачиваетъ ту упругость и твердость, которая могла бы поддержать его хоть на прежде-достигнутой точкѣ. Постоянный опытъ указываетъ намъ, какъ на неизмѣнный фактъ человѣческой природы, что всѣ общественныя или личныя вліянія, не возвышающія человѣка, понижаютъ его; что какъ скоро они не возбуждаютъ ума, то опошляютъ его.

И такъ, въ интересѣ не только женщинъ, но и мужчинъ, въ интересѣ человѣческаго прогресса въ обширнѣйшемъ смыслѣ, эманципація женщинъ, которою мы часто хвастаемся, какъ совершившимся фактомъ, не можетъ остановиться на томъ, чтò есть. Если бы справедливость или необходимость требовала, чтобы одна часть человѣчества оставалась лишь на половину развитою умственно и нравственно, то развитіе остальной части слѣдовало бы сдѣлать какъ можно независимѣе отъ ея вліянія. Но вмѣсто этого, она стала въ ближайшія и, можно сказать, въ единственно-близкія отношенія къ тѣмъ, которыя все еще такъ старательно удерживаются въ подчиненіи, но уже на столько поднялись, что могутъ свести другихъ на одинъ уровень съ собой.

Мы не упомянули еще множества обыкновенныхъ возраженій — частью потому, что на нихъ не стоитъ отвѣчать, частью потому, что отвѣтъ на нихъ найдется самъ собою въ нашихъ замѣчаніяхъ. Скажемъ, впрочемъ, нѣсколько словъ объ одномъ доводѣ, который въ большомъ ходу въ Англіи, потому вѣроятно, что придаетъ видъ безкорыстія защитникамъ эгоистическихъ привилегій; доводъ этотъ кажется очень убѣдителенъ людямъ немыслящимъ и ненаблюдательнымъ. «Женщины», говорятъ: «вовсе не желаютъ, вовсе не ищутъ такъ-называемой своей эманципаціи. Напротивъ, онѣ не признаютъ этихъ требованій, провозглашаемыхъ въ ихъ пользу, и съ ожесточеніемъ нападаютъ на тѣхъ женщинъ, которыя принимаютъ участіе въ ихъ общемъ интересѣ».

Предположимъ, что этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ въ самомъ широкомъ объемѣ. Если онъ доказываетъ, что европейскія женщины должны оставаться тѣмъ, что онѣ теперь, то онъ доказываетъ то же самое и относительно азіатскихъ женщинъ: вѣдь и онѣ, вмѣсто того, чтобъ роптать на свое отчужденіе и на запреты, окружающіе ихъ, гордятся своимъ положеніемъ и удивляются безстыдству нашихъ женщинъ, принимающихъ посѣщенія знакомыхъ мужчинъ и гуляющихъ по улицамъ безъ покрывала. Привычка къ подчиненію какъ въ мужчинахъ, такъ и въ женщинахъ, развиваетъ невольническія понятія. Обычай способенъ закрѣпить человѣка въ любомъ состояніи, умерщвляя въ немъ ту часть его природы, которая могла бы ему сопротивляться. Особенно сильно отразилось это на положеніи женщинъ: сколько мы знаемъ, не было еще другой касты, которой внушалось бы смотрѣть, какъ на честь на свое зависимое положеніе. Въ самыхъ доводахъ, приводимыхъ противъ нашего мнѣнія, таится сознаніе, что довольство женщинъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ — лишь кажущееся, и происходитъ оттого, что онѣ лишены свободы въ выборѣ; будь это довольство естественно, не для чего было бы утверждать его закономъ. Сочинять законы, припуждающіе человѣка слѣдовать своему влеченію, до сихъ поръ не казалось необходимымъ ни одному законодателю. Возраженіе, что женщины не хотятъ никакихъ перемѣнъ, не ново; съ незапамятныхъ временъ такого рода возраженія противупоставляли требованіямъ уничтожить какое либо общественное зло: «вѣдь не жалуются», что вообще не правда, а если и бываетъ правдой, то единственно лишь потому, что нѣтъ той надежды на успѣхъ, безъ которой жалоба рѣдко заставляетъ выслушать себя тѣхъ, кто не хочетъ ея выслушать. Какъ знаютъ возражатели, что женщины не желаютъ равныхъ правъ и независимости? Они никогда не видали женщины, которая не желала бы того и другаго для себя лично. Очень просто предположить, что, желая, женщины и выскажутъ свое желаніе. Ихъ положеніе таково же, какъ положеніе наемщиковъ или работниковъ, которые вотируютъ противъ собственныхъ своихъ интересовъ въ угоду своимъ хозяевамъ; разница въ томъ только, что въ женщинахъ съ дѣтскихъ лѣтъ воспитываютъ покорство.... Женщинѣ необходимо обладать значительною нравственной силой и быть глубоко безкорыстною, чтобы выражать свое сочувствіе къ эманципаціи женщинъ, по крайней мѣрѣ пока нѣтъ какихъ либо задатковъ для успѣха этого дѣла. Личный комфортъ и общественное значеніе женщины зависятъ обыкновенно отъ доброй воли тѣхъ, кто облеченъ властью; а для этихъ послѣднихъ всякая жалоба на злоупотребленія

ея, какъ бы ни была она горька, все-таки кажется не столь явнымъ актомъ непокорства, какъ протестъ противъ самой власти.... Литературный классъ женщинъ, особенно въ Англіи, съ какимъ-то хвастовствомъ отказывается отъ притязаній на право равенства и гражданства, и объявляетъ свое полное довольство мѣстомъ, которое отведено женщинамъ въ обществѣ: въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онѣ производятъ дурное вліяніе на чувства и мнѣнія мужчинъ, которые довѣрчиво принимаютъ ихъ самоуничиженіе за уступку силѣ истины, а того и не видятъ, что личная выгода этихъ женщинъ требуетъ, чтобы онѣ проявляли мнѣнія, которыя, какъ имъ кажется, должны быть пріятны мужчинамъ. Женщины, пользующіяся успѣхомъ въ литературѣ, не способны ставить дѣло женщинъ выше своего собственнаго значенія въ обществѣ. Ихъ литературные, какъ и женскіе успѣхи зависятъ отъ мнѣнія мужчинъ, а о мужчинахъ онѣ очень дурнаго мнѣнія: онѣ думаютъ, что развѣ одному изъ десяти тысячъ мужчинъ не противны и не странны строгость, искренность и высокій умъ въ женщинѣ. И вотъ — чтобы имъ извинили и простили эти качества, если онѣ обличаютъ ихъ, говоря о другихъ предметахъ — онѣ стараются выказать притворное покорство въ этомъ предметѣ; онѣ боятся доставить большинству мужчинъ поводъ говорить (что вовсе не мѣшаетъ большинству мужчинъ все-таки говорить это), что образованіе лишаетъ женщинъ женственности, и что литературныя леди не обѣщаютъ быть хорошими женами.

Но довольно объ этомъ; уже самый фактъ, вызвавшій эту статью, полагаетъ конецъ увѣреніямъ, что всѣ женщины, за немногими исключеніями, вполнѣ довольны своимъ подчиненнымъ положеніемъ. И такъ въ Соединенныхъ Штатахъ есть женщины (повидимому въ большомъ числѣ и теперь соединившіяся для организованнаго дѣйствія на общество), которыя требуютъ равенства правъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ, — и требуютъ ихъ, строго взывая къ чувству справедливости мужчинъ, а не жалуясь на свое несчастіе и умоляя помочь ему.

Тѣмъ не менѣе, и это движеніе будетъ вѣроятно не разъ серьёзно задержано собственными ошибками его приверженцевъ. По сравненію съ обыкновенными публичными сходками, рѣчи конвенціи замѣчательны перевѣсомъ въ нихъ разумнаго элемента надъ декламаторскимъ; но есть и нѣкоторыя исключенія, и въ рѣшенія митинга попало кое-что несообразное съ раціональностью общаго вывода. Пустословіе, замѣшавшееся въ два-три пункта, способно лишь повредить простотѣ и разумности другихъ требованій, и такъ же жалко, какъ попытки соединить номинальное равенство между

мужчинами и женщинами съ насильственнымъ разграниченіемъ между ними привилегій и обязанностей. Женщинамъ нужны равныя права, равный доступъ ко всѣмъ общественнымъ привилегіямъ, а не отчужденное положеніе... Этотъ-то принципъ и служитъ основаніемъ большей части рѣчей и рѣшеній. Въ нихъ такъ мало чего либо сходнаго съ упомянутымъ безсмысленнымъ параграфомъ, что онъ долженъ, какъ намъ кажется, принадлежать вовсе не тѣмъ рукамъ, которыя начертали большую часть рѣшеній. Серьезность дѣла требуетъ поддержки отъ людей съ твердыми принципами; стараться же украсить его сентиментальностями, нелѣпыми для разума и несообразными съ началами, на которыхъ основывается движеніе, — не значитъ ли это: ставить серьезное дѣло на ряду съ пустяками?

Есть примѣты, что примѣру Америки послѣдуютъ и по сю сторону Атлантическаго океана; первый шагъ сдѣланъ въ мануфактурныхъ округахъ на сѣверѣ Англіи. 13-го февраля 1851 года графъ Карлейль представилъ палатѣ лордовъ петицію женщинъ о предоставленіи имъ права избирательства, составленную на публичномъ митингѣ въ Шеффильдѣ.

Здѣсь оканчивается англійская статья. Такого всесторонняго, несмотря на видимую краткость изложенія, взгляда на вопросъ о правахъ женщинъ, мы не находили рѣшительно ни въ одномъ изъ многочисленныхъ разсужденій, посвященныхъ этому предмету. Укорененныя понятія и предубѣжденія до того еще сильны, что на соображеніяхъ даже наиболѣе развитыхъ и свѣтлыхъ умовъ не трудно найти, внимательно всмотрѣвшись, досадный ихъ слѣдъ. Поэтому такъ дороги для насъ самыя даже отрицательныя качества переведенной нами статьи, именно отсутствіе вольныхъ и невольныхъ уступокъ господствующему мнѣнію, и того, что авторъ называетъ сентиментальностями. Послѣднее свойство особенно часто встрѣчается въ сужденіяхъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Мы не знаемъ, напримѣръ, ни одного писателя, который не приступалъ бы къ разбору правъ и отношеній женщинъ съ заранѣе установленнымъ разграниченіемъ всего человѣчества на двѣ партіи, изъ которыхъ одна служитъ представительницею силы и мужества, а другая — красоты и женственности. Намъ кажется, признать непреложность этого разграниченія, значитъ признать въ тоже время и весь настоящій порядокъ отношеній между полами: вѣдь онъ утвердился и держит-

ся почти единственно на этомъ взглядѣ, понятномъ во времена исключительнаго господства силы, но непостижимаго въ устахъ защитниковъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ. Пока, говоря о женщинахъ, мы будемъ выдвигать на первый планъ то, что̀ принято называть красотой или, пожалуй, женственностью, искренности нашихъ стараній о благѣ женщинъ нельзя давать большой вѣры. Мало того—будь даже желанія эти вполнѣ искренны, исполненіе ихъ въ этомъ случаѣ будетъ заранѣе парализировано нами самими. Единственный шагъ, возможный при такомъ взглядѣ, это замѣна подчиненныхъ отношеній отношеніями покровительственными. Но что̀ въ этомъ случаѣ покровительство, какъ не тотъ же произволъ, не то же господство, только слабо видоизмѣненное?

Стремленія, вызвавшія статью г-жи Милль, не только не угасли и не замерли, но возрастаютъ съ каждымъ годомъ. О продолженіи движенія въ пользу эманципаціи женщинъ въ Америкѣ стоитъ поговорить особо: оно все болѣе мужаетъ и крѣпнетъ, и если не возбуждаетъ прежнихъ толковъ, то развѣ потому, что лишено уже интереса новости для публики и совершается тихо, скромно, безъ возгласовъ и лишняго шума.

Что̀ касается Англіи, мы укажемъ, какъ на одну изъ великихъ надеждъ женскаго вопроса, на фактъ, мелькомъ упомянутый и въ статьѣ англійскаго автора.

Въ Англіи съ каждымъ годомъ возрастаетъ — и попреимуществу въ образованныхъ классахъ общества — число женщинъ, произвольно отказывающихся отъ семейныхъ узъ. Стремленіе къ широкому серьёзному образованію можетъ, при нынѣшнихъ правахъ, быть удовлетворено въ женщинѣ лишь въ зрѣломъ возрастѣ: какъ ни высоко развито англійское общество, но первоначальное женское воспитаніе и тамъ все-таки очень ограниченно. Спасибо однакожь ему и за то, что оно дѣлаетъ возможнымъ желаніе дальнѣйшаго совершенствованія; значитъ, все-таки развиваетъ способности, а не убиваетъ ихъ. Женщины, проникнутыя любовью къ просвѣщенію и поставленныя въ невозможность удовлетворить ее въ лучшіе годы молодости, невольно отказываются отъ счастья семейной жизни, которая не позволила бы имъ развиться такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Само собою разумѣется, что устройство семейныхъ отношеній въ окружающемъ обществѣ

способно лишь укрѣплять такое рѣшеніе. Англійскія незамужнія женщины составляютъ въ настоящую минуту одинъ изъ образованнѣйшихъ классовъ англійскаго общества. Онѣ не образуютъ никакой секты, никакой партіи, ни мистической, ни политической; многія изъ нихъ даже не высвободились еще вполнѣ изъ-подъ власти пуританизма, такъ глубоко внѣдрившагося въ ихъ родное общество; нѣкоторыя не чужды романтизма въ своихъ взглядахъ на міръ, но едва ли есть хоть одна, которой не представлялось бы возможностью освобожденіе женщины. Конечно, только глубокое убѣжденіе даетъ имъ силу переносить лишенія, примиряться со своимъ унылымъ одиночествомъ. Много горькихъ внутреннихъ страданій приходится имъ заглушать въ себѣ, много ядовитыхъ капель подливаютъ имъ въ жизнь общественныя убѣжденія; но ни лишенія, ни препятствія не останавливаютъ развитія этой новой силы.... Посвящая себя большею частью женскому воспитанію, англійскія незамужнія женщины все болѣе и болѣе поднимаютъ уровень женскаго образованія въ своемъ отечествѣ, и еслибъ въ наши дни женщина получила право голоса въ дѣлахъ націи, міръ былъ бы изумленъ и высокими способностями, и высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ англійскихъ женщинъ. Если въ переведенной нами статьѣ и есть горькіе имъ упреки, то они вызваны болѣе всего желаніемъ автора скорѣе двинуть вопросъ; мы, сравнивая развитіе англійскихъ женщинъ съ развитіемъ женщинъ у другихъ цивилизованныхъ народовъ, не можемъ быть такъ строги.

Не скоро еще примутся обществомъ принципы, впервые рѣшительно провозглашенные американской конвенціей, о которой шла рѣчь; долго еще произволъ мужчинъ будетъ отстаивать свои привилегіи, — но благо и то, что мы можемъ уже легко слѣдить за движеніемъ къ существенному преобразованію нынѣшнихъ отношеній между двумя полами.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПОЛЬ-ЛУИ КУРЬЕ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

I.

Поль-Луи Курье, родившійся въ 1773 и умершій въ 1825 г., можетъ быть безъ преувеличенія названъ замѣчательнѣйшимъ изъ французскихъ публицистовъ своего времени. Онъ стоитъ между ними совершенно одиноко. На всемъ что вышло изъ подъ пера его лежитъ рѣзкій отпечатокъ оригинальности, которую напрасно было бы искать у нихъ. Ни одной страницы Курье нельзя приписать другому: идеи, воззрѣнія, чувства, предубѣжденія, оборотъ рѣчи,—все въ его сочиненіяхъ принадлежитъ только ему одному. Онъ умѣлъ совершенно освободиться отъ ига условности, отъ рутинныхъ пріемовъ, господствующихъ во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ той эпохи. Мало найдется между тогдашними писателями такихъ, по прочтеніи которыхъ захотѣлось бы узнать ихъ жизнь, потому что сочиненія ихъ лишены всякой характеристической особенности и не обнаруживаютъ людей, много видѣвшихъ, много испытавшихъ въ теченіе своего поприща. И немудрено; всѣ эти авторы развивались подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, однѣхъ и тѣхъ же доктринъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, отъ которыхъ заимствовали извѣстный лоскъ, приводившій въ восхищеніе салонную публику; удивлялись, подражали, кадили другъ другу — весьма искренно. Отсюда эта безцвѣтность, этотъ педантическій тонъ, который публика принимала за признакъ глубокомыслія. Ни-

чего подобнаго не встрѣтите вы у Курье. Не признавая современныхъ авторитетовъ, онъ ни у кого изъ нихъ не заискивалъ покровительства, и шелъ прямо на встрѣчу многочисленной толпѣ читателей, съ увѣренностью, что скорѣе найдетъ себѣ сочувствіе въ большинствѣ неученыхъ, чѣмъ вѣрную оцѣнку въ академикахъ и людяхъ хорошаго тона (de la bonne compagnie). Притомъ же, онъ не готовился къ литературной карьерѣ и не смотрѣлъ на нее, какъ на ремесло. Въ первую половину жизни своей, исполненную тревогъ и раманическихъ приключеній, онъ только урывками изучалъ древнихъ, къ которымъ чувствовалъ особенное влеченіе; и уже послѣ 1815 года весь отдался литературѣ, побуждаемый потребностью высказаться противъ насилій, несправедливостей и произвола, которыхъ былъ свидѣтелемъ, по возвращеніи во Францію Бурбоновъ. Онъ очень хорошо понималъ, что никто не можетъ съ нимъ спорить въ знаніи источниковъ и характера языка, и что его бродячее существованіе научило его тому, чему не научатъ другаго всѣ возможныя книги; потому, не обращая вниманія на тогдашнюю критику, онъ говорилъ какъ умѣлъ, тономъ наиболѣе соотвѣтствовавшимъ, по его мнѣнію, избранному предмету,—и его слушали съ жадностью. Онъ до конца своего поприща не поддавался постороннимъ вліяніямъ, не соглашался брать примѣра ни съ кого изъ окружавшихъ его знаменитостей, и этимъ спасъ свой талантъ, тогда какъ многіе, можетъ-быть не менѣе его даровитые люди, утратили вслѣдствіе подражанья и живость, и вдохновеніе. Но зато какая жизнь воспитала геній Курье! Бродячая и сосредоточенная въ одно время, полная любопытныхъ столкновеній, успѣховъ и неудачъ, занятій и приключеній; разнообразная, тревожная, бурная—она должна была дать ему прежде всего знаніе людей, что̀ для политическаго писателя едва ли не важнѣе эрудиціи. — Читая описаніе этой жизни, понимаешь, что Курье не могъ не стоять совершенно одиноко между писателями своего времени (*).

(*) Курье терпѣть не могъ ни Шатобріана, ни Ламартина, надъ которыми охотно издѣвается при случаѣ. Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ, названной имъ: Записная книжка, веденная Полемъ Луи Курье во время его пребыванія въ Парижѣ, въ мартѣ 1823 г. (Livret de P. L. Courrier), онъ пишетъ: «г. де Шатобріанъ говоритъ: «Слова исходили изъ устъ Наполеона....» Скажите на милость, когда же бываетъ, чтобы слова исходили? Онъ прочелъ сначала свою прекрасную реляцію дамамъ; и когда посовѣтовали ему выкинуть изъ нея кое-что, прежде нежели читать ее въ палатахъ, онъ отказался, ссылаясь на мадамъ Рекамье, одобрившую его писанье. И послѣ этого говорите, что нѣтъ ничего новаго подъ луной! Развѣ это гдѣ нибудь видано? Возьмите для примѣра хоть англичанъ: когда Каннингъ говорилъ палатамъ о мирѣ, развѣ онъ совѣтовался предварительно съ какими нибудь мистриссъ или леди?»

Біографія Курье рѣзкой чертой раздѣляется на двѣ половины. Въ первой до 1815 г. мы видимъ солдата, служащаго поневолѣ подъ знаменами республики и имперіи, которому ненавистно всякое подчиненіе, тяжела всякая дисциплина; который скептически смотритъ на проходящія передъ его глазами великія личности, не находя ихъ нисколько великими; восхищается природой, памятниками искусствъ, дружится съ весьма немногими и очень мало заботится о политикѣ. Во второй половинѣ передъ нами какъ бы совсѣмъ другой человѣкъ. Отставной артиллеристъ превращается въ поселянина-блузника, бродящаго по полямъ съ крестьянскимъ ружьемъ за плечами, ненавистнаго католическому духовенству и дворянству, которымъ нѣтъ отъ него покоя. Среди своего уединенія и занятій виноградниками, онъ успѣваетъ писать памфлетъ за памфлетомъ, и брошюры его разлетаются по всей Франціи, возбуждая удивленіе и симпатію однихъ, ожесточенную злобу другихъ. Его хотятъ избрать въ депутаты, но какой-то маркизъ посредствомъ подкуповъ беретъ надъ нимъ верхъ; за одинъ изъ памфлетовъ, его сажаютъ въ тюрьму; и выпущенный черезъ два мѣсяца, онъ чуть-чуть не попадаетъ въ нее опять. Популярность его растетъ съ каждымъ днемъ,— какъ вдругъ неожиданная, трагическая катастрофа лишаетъ народъ одного изъ жаркихъ защитниковъ его правъ, а литературу одного изъ лучшихъ ея представителей.

Мы прослѣдимъ первую половину жизни Курье по прекрасной статьѣ Армана Карреля, иногда только добавляя ее свѣдѣніями изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, и преимущественно изъ сочиненій самого Курье. Онъ родился, какъ мы уже сказали, въ 1773 г. въ Парижѣ. Отецъ его, богатый буржуа, человѣкъ очень умный и начитанный, долженъ былъ оставить столицу и поселиться въ провинціи, вслѣдствіе скандалёзной исторіи, надѣлавшей въ свое время много шуму. Дѣло въ томъ, что его чуть-чуть не убили служители одного знатнаго лица, подозрѣвавшаго его въ связи съ своей женой, и состоявшаго ему должнымъ огромную сумму денегъ. Это обстоятельство имѣло благотворныя послѣдствія для молодаго Курье. Удалившись въ живописныя долины Тура, отецъ его преимущественно занялся воспитаніемъ сына, и въ бесѣдахъ съ отцемъ почерпнулъ знаменитый писатель непріязнь къ аристократамъ, которую онъ постоянно выказывалъ въ теченіе своей жизни, и любовь къ классической древности, отличающую всѣ его сочиненія. Однако же отецъ не умѣлъ угадать призванія сына, и готовилъ его въ инженеры. Пятнадцати лѣтъ, Поль-Луи попалъ въ руки превосходныхъ профессоровъ математики Калле и Лабе; они оставались довольны имъ, потому что онъ былъ очень понятливъ; но у него не было

склонности къ положительнымъ наукамъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы литературныя занятія служили сыну только развлеченіемъ, отдыхомъ отъ болѣе серьёзныхъ трудовъ. Но чѣмъ больше старался отецъ сдѣлать изъ него ученаго, тѣмъ сильнѣе онъ пристращался къ чтенію своихъ любимыхъ авторовъ, и говорилъ, что всѣ истины Эвклида охотно бы отдалъ за одну страницу Исократа. Онъ не разставался съ греческими книгами. Онъ все глубже-и-глубже погружался въ греческую литературу, будто предугадывая, какую пользу ему придется извлечь изъ нея впослѣдствіи, когда онъ начнетъ писать на своемъ родномъ языкѣ. А между тѣмъ наступала революція. Готовилась война, обѣщавшая быть упорной и долгой. Эти обстоятельства заставили молодаго Курье пожертвовать своими наклонностями видамъ, которые постоянно имѣлъ на него отецъ. Онъ вступилъ въ Шалонскую артиллерійскую школу, гдѣ и находился еще въ 1792 году, во время вторженія пруссаковъ. Городъ былъ въ волненіи, и Поль-Луи, посланный въ числѣ другихъ воспитанниковъ школы охранять городскія ворота, въ теченіе двухъ недѣль несъ солдатскую службу. Когда непріятельское вторженіе уступило смѣлому движенію Дюмуррье, Поль-Луи могъ опять возвратиться къ изученію военныхъ наукъ. Наконецъ въ 1793 г. онъ вышелъ изъ Шалонской школы артиллерійскимъ офицеромъ и назначенъ былъ на границу.

Здѣсь начинается военная жизнь Курье, можетъ быть, самая оригинальная и странная, какую только представляютъ лѣтописи революціонныхъ войнъ и великой арміи. И это безъ преувеличенія. Раскройте любую біографію тогдашнихъ защитниковъ Франціи, вы повсюду найдете одну и ту же исторію гражданина, превращеннаго въ 1792 году въ солдата, который мало-по-малу, втягиваясь въ войну, начинаетъ считать ее своимъ ремесломъ, получаетъ повышенія, и умираетъ на полѣ битвы, удостоившись болѣе или менѣе блистательнаго печатнаго отзыва. Упомянувши объ этихъ воинахъ, о кампаніяхъ ими сдѣланныхъ, о побѣдахъ, которымъ они способствовали, затерянные въ рядахъ, наконецъ объ ихъ ранахъ, не остается болѣе ничего прибавить. Курье былъ герой другаго рода. Солдатъ по обязанности,—получившій понятіе о своемъ ремеслѣ, подобно Бонапарте на школьной скамьѣ, онъ чувствуетъ къ войнѣ глубочайшее отвращеніе, но однако же остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлали его воспитаніе и событія. Онъ не ищетъ опасности и не избѣгаетъ ея; онъ не прочь извѣдать, что это такое, чтобы имѣть потомъ право посмѣяться надъ храбрецами, которые только храбры. Окружающіе его добиваются славы и повышеній, обогащаются добычей, — для него донесенія генераловъ, списки наградъ, приказы по арміи, не

болѣе какъ ложь и интриги главнаго штаба; ему даютъ иногда самыя опасныя порученія и онъ не находитъ средства въ нихъ отличиться; награда заключается для него въ возможности осмотрѣть памятники искуствъ и цивилизаціи побѣжденныхъ народовъ.' Даже и его эрудиціи, его умѣнья разбирать древнія надписи, никто не подозрѣваетъ. Онъ такъ же мало способенъ быть героемъ бюллетеней, какъ и ученымъ на жалованьѣ, слѣдующимъ за арміей для исчисленія трофеевъ, добытыхъ отъ непріятеля.

Для желающихъ ближе ознакомиться съ этой половинной жизни Курье — драгоцѣннымъ матеріаломъ могутъ служить его письма къ разнымъ лицамъ (отъ 1804 до 1812 г.), собранныя и приведенныя имъ самимъ въ порядокъ для печати. Эта корреспонденція вполнѣ знакомитъ съ жизнью Курье и представляетъ чрезвычайно любопытные мемуары о современной ему эпохѣ. Нужно было, конечно, имѣть очень много честолюбія, чтобы при умѣ и характерѣ, каким обладалъ Курье, не получить повышенія, находясь въ 1793 году въ Рейнской арміи. Это былъ главный пунктъ революціи, и достаточно было молодости и энтузіазма, чтобы достигнуть самыхъ высшихъ чиновъ. Главнокомандующій на Рейнѣ, 23-лѣтній Гошъ, имѣлъ начальника штаба 18 лѣтъ; полковники, окружавшіе его, и начальники бригадъ были не старѣе 20. Точно тоже было по всей границѣ.—Курье, служившій до 1795 г. въ двухъ арміяхъ, Рейнской и Рейнско-мозельской, не раздѣлялъ того удивленія, той преданности, какую питали къ проконсуламъ молодые военные, болѣе пылкіе, но менѣе образованные и развитые, чѣмъ Курье. Не напрашиваясь на отличія и предоставляя начальникамъ давать ему назначенія, какія они хотѣли, онъ лучшую часть времени проводилъ, роясь въ книгахъ и рукописяхъ аббатствъ и старинныхъ замковъ на берегахъ Рейна. «Я люблю перечитывать книги, читанныя мною уже нѣсколько разъ (пишетъ онъ), и такимъ образомъ пріобрѣтаю эрудицію, если не обширную, зато основательную. Я никогда не буду имѣть значительныхъ познаній въ исторіи, требующей гораздо большей начитанности; но пріобрѣту нѣчто другое, по моему гораздо важнѣйшее.»

Такъ учился Курье всю жизнь. Плутарха онъ постоянно предпочиталъ всѣмъ писателямъ; и въ немъ любилъ всего болѣе артиста-разскащика. Такое упрямство въ направленіи занятій можетъ показаться признакомъ ума не слишкомъ обширнаго; но однако же Курье, оставаясь вѣрнымъ своему взгляду, умѣлъ извлечь изъ исторіи все, что нужно для первокласснаго политическаго писателя. Онъ много цитировалъ, часто приводилъ въ свидѣтельство исторію всѣхъ временъ, и всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, съ поразим-

тельной силой и вѣрностью примѣненія, уничтожавшею тѣхъ, противъ кого направлены были его удары....

Въ 1795 году, Курье, все еще субалтернъ-офицеръ въ артиллеріи, вдругъ безъ дозволенія начальства покидаетъ армію и уѣзжаетъ изъ Майнца во Францію. Холодъ, лишенія, труды, невознагражденные успѣхомъ, ни славой, были удѣломъ республиканской арміи при этой несчастной блокадѣ Майнца. По поводу ея, Курье писалъ впослѣдствіи: «Я думалъ, что я замерзну. Никогда я не былъ такъ близокъ къ совершенной кристаллизаціи.» Но онъ имѣлъ болѣе уважительный поводъ къ внезапному отъѣзду изъ арміи, нежели боязнь превратиться въ кристаллъ. Отецъ его умеръ, и необходимость утѣшить больную, огорченную мать заставила его забыть долгъ, призывавшій его къ пушкамъ. Послѣ этого бѣгства, онъ удалился въ маленькую деревушку, въ окрестностяхъ Альби, гдѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ принялся за переводъ рѣчи Pro Ligario, между тѣмъ какъ его не переставали требовать въ армію. Онъ могъ бы подвергнуться участи дезертира, если бы друзья его не употребили всѣхъ своихъ усилій спасти его отъ опасности. Имъ удалось; но дѣло о его побѣгѣ осталось, и можетъ быть не мало помогло впослѣдствіи его рѣшительности держаться въ сторонѣ отъ всякихъ отличій. Наступила блистательная эпоха 96 и 97 годовъ; революція торжествовала. Между тѣмъ какъ въ Италіи побѣды выдвигали изъ рядовъ толпу новыхъ людей, имена которыхъ разносила повсюду слава, Курье считалъ ядра и инспектировалъ лафеты. Другой бы огорчился такой немилостью; но онъ не тужилъ и вездѣ уживался. Ему было 23 года. Въ первое время, по выпускѣ его изъ Шалонской школы, господствовалъ въ арміи и обществѣ суровый порядокъ, водворенный конвентомъ. Вступить на житейское поприще во время террора, съ любовью къ независимости, къ умственнымъ и другимъ наслажденіямъ — было не совсѣмъ пріятно, — и Курье при первой возможности бросился въ реакцію, не въ кровавую, но въ очень шумную и веселую, которая всюду начала обнаруживаться при началѣ директоріи. На югѣ Франціи эта реакція была живѣе и необузданнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Праздники, танцы, пиры, удовольствія всякаго рода слѣдовали одно за другимъ. Мужчины и женщины, встрѣчаясь между собой не какъ граждане и гражданки, но какъ друзья, какъ родные, какъ люди одного кружка, находили въ этомъ удовольствіе, какого уже давно не испытывали, — и, надобно правду сказать, не совсѣмъ безопасное для семейнаго спокойствія.

Нашъ философъ началъ очень серьёзно учиться танцамъ, посѣщать балы, вечера, общества. Между мужчинами у него было мало друзей. Особенно сошелся онъ только съ полякомъ Хлевацкимъ, че-

ловѣкомъ очень ученымъ и имѣвшимъ наклонности антикварія. Они проводили вдвоемъ цѣлые дни, сидя въ комнатѣ или бродя по аллеямъ, окаймляющимъ южный каналъ.

Одинъ изъ товарищей Курье описываетъ наружность его въ то время: онъ былъ высокъ, тонокъ и худъ; имѣлъ широкій ротъ и крупныя губы, лицо нѣсколько рябоватое,—словомъ, былъ очень дуренъ; но эта дурнота не отталкивала; она была смягчена веселостью и умнымъ выраженіемъ лица. Тотъ же товарищъ разсказываетъ, что Курье былъ тогда страстно влюбленъ въ одну танцовщицу, и и секретные расходы свои писалъ въ бумажникѣ по-гречески.

Въ 1798 году Курье назначили въ Италію командовать артиллерійской ротой. Видъ угнетенія, бѣдности и всякихъ страданій, въ которыя была погружена эта страна, глубоко опечалилъ его. Онъ проѣхалъ весь полуостровъ, и отъ Милана до Тарента всюду находилъ тоже самое. Онъ видѣлъ деспотизмъ, жадность, надменность людей, поставленныхъ Бонапарте надъ побѣжденной Италіей; видѣлъ, какъ цвѣтъ итальянскаго общества пресмыкался у ногъ французскихъ агентовъ и выслужившихся солдатъ, обиравшихъ его кругомъ и презиравшихъ его, несмотря на его лицемѣрныя республиканскія демонстраціи. Нельзя не сознаться, что французское владычество въ Италіи было запятнано самыми возмутительными безпорядками, грабежемъ и насиліемъ. Раздоръ между коммиссарами правительства и командующими войскомъ дѣлалъ всякую правильную администрацію невозможною, и не было такого ничтожнаго агента, который бы не считалъ себя вправѣ брать дань съ Италіи геніальными созданіями искусствъ, ее украшающими. Поставщики, подрядчики, лакеи, всѣ тащили что только могли, желая угодить генераламъ, поощрявшимъ ихъ къ такимъ дѣйствіямъ. Курье не будетъ причисленъ къ людямъ, клеветавшимъ на революцію, за тѣ краснорѣчивыя строки, которыми онъ протестуетъ въ письмахъ своихъ противъ такого порядка вещей. Къ сожалѣнію, эти строки не явились въ то время, когда были написаны.

«Скажите», писалъ онъ другу своему Хлевецкому: «скажите тѣмъ, кто желаетъ еще видѣть Римъ, чтобы они торопились. Каждый день желѣзо французскаго солдата и когти французскихъ агентовъ позорятъ его красоту и обираютъ его украшенія... Я не нахожу словъ, чтобы изобразить вамъ нищету, запустѣніе и позоръ, постигшіе бѣдный Римъ, видѣнный вами въ полномъ блескѣ; въ немъ теперь разрушаютъ даже развалины. Сюда стекались, какъ вы знаете, люди со всѣхъ концовъ міра. Сколько путешественниковъ пріѣзжали сюда на одну зиму и оставались всю жизнь. Теперь здѣсь только тѣ, которые не успѣли убѣжать, или которые, съ кинжаломъ въ рукѣ,

ищутъ въ лохмотьяхъ умирающаго съ голоду народа—добычи, уцѣлѣвшей отъ столькихъ грабежей и насилій. Съ памятниками Рима обходятся не лучше, чѣмъ съ народомъ. Я до сихъ поръ оплакиваю хорошенькаго Гермеса-ребенка, котораго я видѣлъ въ цѣлости, окутаннаго львиной кожей, и съ маленькой палицей на плечѣ. Вы видите, что это былъ купидонъ, утащившій оружіе Геркулеса. Вещица прелестной работы, и если не ошибаюсь — греческой. Теперь остался только пьедесталъ, на которомъ я написалъ: Lugete, Veneres, Cupidinesque; да разрозненные члены, при видѣ которыхъ Винкельманъ и Менгсъ умерли бы съ отчаянія, если бы имѣли несчастіе дожить до этого печальнаго зрѣлища. Все что было у картезіанцевъ, въ виллѣ Альбани, у Фарнезе, у Гонести въ музеѣ Клементи, въ Капитоліи—разхищено, продано, потеряно. Солдаты, ворвавшіеся въ библіотеку Ватикана, уничтожили между другими рѣдкостями манускриптъ Теренція, съ золотыми украшеніями. Венера изъ виллы Боргезе ранена въ руку какимъ-то потомкомъ Діомеда.... а у Гермофродита (immane nefas) отломлена нога....»

Письма Курье изъ Италіи уже исполнены живости, которую мы находимъ въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, въ нихъ виденъ безукоризненный вкусъ и отсутствіе аффектаціи; каждое изъ нихъ, по формѣ, маленькій chef-d'oeuvre. Если предметъ увлекаетъ Курье, онъ возвышается въ нихъ до краснорѣчія. Это случается съ нимъ почти всегда при описаніи постыднаго униженія итальянскаго характера, или духа насилія, произвола и разрушенія, называемаго деликатнѣе воинственнымъ духомъ. И однакожь этотъ молодой человѣкъ, такъ хорошо судившій въ прамотѣ своего характера о знаменитыхъ грабежахъ, — этотъ молодой человѣкъ, говоримъ мы, каждый день рисковалъ погибнуть подъ итальянскимъ стилетомъ, жертвою ненависти противъ французовъ. Но это было ему нипочемъ; онъ смѣясь говорилъ: «что жь дѣлать, если Италію нельзя видѣть иначе, какъ сдѣлавшись побѣдителемъ, если нельзя сдѣлать шагу безъ арміи. Лишь бы наслаждаться дивной природой, развалинами Рима, памятниками великой Греціи; — не бѣда, если за все это должно находиться въ неизвѣстности, гдѣ будешь, и будешь ли гдѣ нибудь завтра?» Нельзя перечесть всѣхъ опасныхъ встрѣчъ, которымъ гораздо болѣе подвергали его антикварскія занятія, чѣмъ военная служба—особенно въ южной Италіи между горными жителями. Нося пистолетъ и саблю, какъ носятъ рубашку и шляпу, онъ пускался въ поиски и преслѣдованія не какъ герой, а какъ любопытный. Его легко было схватить и обезоружить; а сколько разъ спасало его отъ бѣды присутствіе духа, умѣнье отлично говорить по-итальянски, или пожертвованіе значительной

частью багажа! — но на другой день онъ снова шелъ на встрѣчу разбойникамъ, безъ желанія мести.... Несчастнымъ калабрійцамъ, по его мнѣнію, было весьма позволительно поступать такимъ образомъ; и онъ не могъ безъ отвращенія и ужаса видѣть какъ истребляли ихъ французы.

Такое простодушное презрѣніе опасности, такая безпечная отвага попадались въ арміи гораздо рѣже, нежели пылкая храбрость, берущая редуты. Это была смѣлость особаго рода. Курье носилъ ее въ умѣ, а не въ крови; и такъ какъ къ ней примѣшивалось нѣкоторое отсутствіе субординаціи, то она, конечно, не могла привести его къ маршальскому жезлу, точно также, какъ впослѣдствіи памфлеты не привели его въ академію. Одно знаніе награждало его за всѣ труды; только въ немъ подвигался впередъ Курье. Онъ любилъ разсказывать, какъ однажды двѣнадцать или пятнадцать томовъ, никогда съ нимъ не разлучавшихся, были похищены гусарами Вурмсера, и какъ потомъ начальникъ отряда возвратилъ ихъ ему, при весьма любезной запискѣ. Такая вѣжливость, чрезвычайно замѣчательная со стороны непріятеля во время войны, веденной далеко не съ той человѣчностью, съ какой ведутся войны теперь, очень льстила Курье и казалась ему исключеніемъ, сдѣланнымъ единственно для него; и въ самомъ дѣлѣ, другой едва ли бы заслужилъ подобную вѣжливость, потому что не могъ потерять такого багажа. Менѣе счастливы были его ученыя похожденія въ Римѣ. Его чуть не разорвали тамъ однажды на части. Онъ находился при отрядѣ, оставленномъ въ Римѣ Макдональдомъ, когда этотъ генералъ пошелъ къ Требіи. Отрядъ сдался, и долженъ былъ возвратиться на корабляхъ во Францію. Курье хотѣлъ въ послѣдній разъ проститься съ ватиканской библіотекой, и забылъ часъ, назначенный для отправленія войска. Когда онъ вышелъ изъ библіотеки, въ Римѣ не оставалось ни одного француза. Былъ вечеръ. Его узнали при свѣтѣ лампады, горѣвшей передъ Мадонной. Раздался крикъ: giacobino! Выстрѣлъ, направленный въ него — убилъ какую-то женщину; Курье, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, произведеннымъ этой сценой, пустился бѣжать. Онъ кое-какъ добрался до дома одного римлянина, который очень любилъ его и помогъ ему выбраться изъ города. Вотъ какъ онъ оставилъ въ первый разъ Римъ и Италію. Подобныхъ приключеній было съ нимъ очень много, и желающіе познакомиться короче съ его романтической жизнью должны прочесть его переписку.

Въ эту эпоху нѣкоторые департаменты Франціи представляли для республиканца не меньше опасности, чѣмъ Италія. Курье сошелъ на берегъ въ Марсели, и на пути въ Парижъ снова под-

вергся преслѣдованію, какъ giacobino; на него напали партизаны, грабившіе на большой дорогѣ проѣзжихъ. Онъ потерялъ всѣ деньги, бумаги, имущество, и возвратился въ Парижъ налегкѣ; да кромѣ того еще схватилъ болѣзнь, не покидавшую его съ этого времени. Онъ сталъ харкать кровью. Надобно сказать правду, что судьба какъ будто нарочно поддерживала его скептицизмъ въ отношеніи къ тогдашнимъ событіямъ, его отвращеніе къ военному поприщу. Два раза бросала она его въ неаполитанское королевство, и во второй разъ онъ попался подъ начальство самаго посредственнаго или по крайней мѣрѣ самаго несчастливаго генерала, Релье. Война велась тамъ неправильная, нелѣпая и безчеловѣчная. Курье, удаленный отъ центра операцій, то-и-дѣло получалъ самыя противорѣчащія приказанія и безпрестанно рисковалъ наткнуться на служебныя непріятности, неговоря уже объ опасности быть каждую минуту схваченнымъ и повѣшеннымъ бродившими по Калабріи шайками. Вотъ что онъ писалъ тогда: «это исторія, исторія какъ она есть, безъ украшеній. Вотъ канва, по которой вышивали Геродотъ и Ѳукидидъ. По моему, это сцѣпленіе глупости и свирѣпства, называемое исторіею, не заслуживаетъ вниманія разсудительнаго человѣка. Мнѣ, право, жаль бѣднаго Плутарха, который съ своей физіономіей мудреца, и съ своей широкой бородой, восхваляетъ всѣхъ этихъ господъ, задававшихъ блистательныя сраженія, и примѣшиваетъ ихъ имена къ событіямъ, совершившимся вслѣдствіе обыкновеннаго хода вещей». Въ 1810 г. онъ писалъ на эту тему: «Да! я наконецъ бросилъ свое ремесло (vilain metier); жаль, что немного поздно. Но я не даромъ потерялъ время; я видѣлъ вещи, о которыхъ нынче судятъ вкривь и вкось. Теперь Плутархъ моритъ меня со смѣху: я не вѣрю въ великихъ людей!» Вотъ еще одно мѣсто въ такомъ же родѣ: «я поправляю переводъ Плутарха, который печатается въ Парижѣ. Это потѣшный историкъ, и очень мало извѣстный тѣмъ, кто не читалъ его въ подлинникѣ. Вся заслуга его въ слогѣ. Онъ смѣется надъ фактами и выбираетъ изъ нихъ то, что ему нравится. Главная забота его показаться искуснымъ писателемъ. Онъ бы охотно заставилъ Помпея выиграть фарсальскую битву, если бы это могло немножко округлить его фразу. И онъ правъ. Весь этотъ вздоръ, называемый исторіей, только и получаетъ цѣну отъ украшеній слога».

Но возвратимся къ жизни Курье. Вскорѣ произошелъ переворотъ, вручившій Наполеону военную диктатуру. Курье до сихъ поръ не принималъ дѣятельнаго участія въ политикѣ; онъ не становился на сторону военныхъ противъ адвокатовъ, ни на сторону адвокатовъ противъ солдатъ. Потому онъ остался во время консульства

тѣмъ, чѣмъ онъ былъ во время директоріи. Чуждый честолюбія, богатый наблюденіями, одаренный вкусомъ, онъ былъ ласково принятъ и ободренъ учеными, встрѣчавшими его въ Италіи,—и ограничивался ихъ обществомъ. Аккерманъ, Клавье, Буассонадъ, Сен-Круа были его друзьями, и если не угадывали еще его будущности, то по крайней мѣрѣ обратили вниманіе на его литературные опыты. Къ этому времени относятся статьи его: «Похвала Еленѣ», и «Путешествіе Менелая въ Трою за Еленой». Но всѣ эти вещи онъ писалъ для небольшаго кружка названныхъ писателей; и только критическая статья объ Атенеѣ Швейггейзера была напечатана въ Энциклопедическомъ магазинѣ Миллена. О существованіи этихъ сочиненій Курье никто бы конечно и не узналъ, если бы не памфлеты его, доставившіе ему такую извѣстность: послѣ ихъ появленія, издатели стали дорожить каждой его строчкой. Консульство приближалось къ концу, и вмѣстѣ съ нимъ миръ, купленный на поляхъ Маренго и Гогенлинденя; Курье получилъ эскадронъ въ одномъ изъ корпусовъ, расположенныхъ въ Италіи, сдѣлавшейся французскою. Едва только успѣлъ онъ прибыть въ Италію, какъ пришло приказаніе отобрать мнѣніе у различныхъ корпусовъ о новой перемѣнѣ въ управленіи Франціи. Республика давно уже была только словомъ; но Бонапарте, пользовавшемуся огромной, почти безконтрольной властью. хотѣлось болѣе опредѣленнаго титула. Имперія была создана; но какое-то подобіе народнаго избранія должно было узаконить ее. Военные, находившіеся тогда на службѣ, и потомъ удалившіеся къ частной жизни, по увѣренію нѣкоторыхъ новѣйшихъ французскихъ писателей, разсказывали, что это возбудило въ нихъ негодованіе. Ни одинъ фактъ однако же не обнаружилъ такого враждебнаго расположенія республиканской арміи къ Наполеону. Не вѣроятнѣе ли предположить, что дѣло происходило точно такъ, какъ описываетъ Курье, котораго письмо объ этомъ событіи принадлежитъ къ самымъ остроумнымъ его сатирамъ. И дѣйствительно, сказать: *нѣтъ*, значило для военныхъ обнажить шпагу или протестовать безполезно. Гдѣ была власть, слѣдившая за правильностью этихъ выборовъ? Кто считалъ голоса? кто могъ поручиться за уваженіе Бонапарте къ мнѣнію большинства? Курье тоже остерегся произнести: *нѣтъ*. Но у него было свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Вотъ письмо его.

«Мы только-что избрали императора, и я съ своей стороны не мѣшалъ этому. Вотъ какъ это было: нынче, утромъ, полковникъ д'Антуаръ собираетъ насъ и сообщаетъ въ чемъ дѣло; но главное — такъ просто, безъ всякихъ вступленій и оговорокъ: императоръ или республика, что вамъ больше по вкусу?—какъ обыкновенно спрашиваютъ: «тотъ или другой супъ, жаркое или холодное, что вы лучше

любите?» Рѣчь его кончена, и мы всѣ глядимъ другъ на друга, сидя въ кружкѣ. «Господа! какое же ваше мнѣніе?» Никто рта не разѣваетъ. Это продолжалось съ четверть часа или болѣе, и становилось затруднительнымъ для Антуара и окружающихъ, какъ вдругъ Меръ, молодой человѣкъ, поручикъ, встаетъ и говоритъ: «если онъ хочетъ быть императоромъ, пусть себѣ. Но что до меня, то я нахожу, что это вовсе не хорошо». Объяснитесь, говоритъ полковникъ: — хотите вы или не хотите? — «Не хочу», говоритъ Меръ. Ну, вотъ это другое дѣло. Опять молчаніе. Всѣ начинаютъ осматривать другъ друга, какъ люди, встрѣчающіеся въ первый разъ. Наконецъ я заговорилъ. «Господа», началъ я: «мнѣ кажется, что это не наше дѣло. Нація хочетъ императора, развѣ намъ рѣшать это?» Это разсужденіе показалось такъ сильно, такъ ясно, такъ ad rem, что я увлекъ собраніе! Никогда ораторъ не имѣлъ большаго успѣха. Встаютъ, подписываютъ, и уходятъ играть на бильярдѣ. Меръ обратился ко мнѣ: «капитанъ! вы говорите, какъ Цицеронъ. Но зачѣмъ вамъ такъ хотѣлось, чтобы онъ былъ императоромъ?» — «Да затѣмъ, чтобы кончить и поиграть въ бильярдъ. Не весь же день было оставаться тутъ.» Но разтолкуй мнѣ, что это значитъ: такой человѣкъ, какъ онъ, Бонапарте, солдатъ, начальникъ арміи, первый полководецъ въ мірѣ, и вдругъ захотѣть, чтобы ему говорили Sire. Онъ думаетъ возвыситься. Бѣдный! Я это подозрѣвалъ и прежде; когда онъ выдавалъ свою сестру за Боргезе, то думалъ, что Боргезе дѣлаетъ ей большую честь. Вотъ наши новости.... Разскажи, какъ это разыгралось у васъ.

«И руку насъ сковавшую лобзаютъ
Всѣ съ трепетомъ...........»

«Съ позволенія поэта, — это ложь... Не трепещутъ, а хотятъ денегъ и лобзаютъ руку, которая платитъ. Цезарь понималъ дѣло иначе... да и человѣкъ-то онъ былъ другой. Ему не нужно было титуловъ; онъ изъ имени своего сдѣлалъ титулъ, превышающій всякіе другіе титулы».

Изъ всего предъидущаго, читатель могъ видѣть, что характеръ Курье былъ болѣе независимый, нежели сильный, и что скептическій умъ его не установился еще на опредѣленныхъ принципахъ, въ то время, когда во Франціи республика смѣнилась имперіей; а потому будетъ понятно, что онъ и при новомъ порядкѣ вещей продолжалъ служить. Онъ не любилъ конвента, который оттолкнулъ его своей безпощадностью и крутыми мѣрами; директорію онъ презиралъ, какъ правительство неспособное и продажное. Изъ благодѣяній консульства онъ цѣнилъ одно, — трехлѣтній миръ, позволив-

шій ему спокойно предаться любимымъ занятіямъ. Притомъ онъ наклоненъ былъ не приписывать людямъ слишкомъ глубокихъ побужденій, и считалъ поступокъ Наполеона не столько честолюбивымъ покушеніемъ, сколько упоеніемъ тщеславія, достойнымъ соболѣзнованія. Никогда слово «узурпація» не приходило ему на мысль для характеристики новаго правленія; и Курье не питалъ къ нему ненависти; имперія со своими высокими титулами, своими герцогами и баронами, со своимъ смѣшеніемъ стараго и новаго дворянства, со своими феодальными побѣдами и раздачей королевствъ — казалась ему какимъ-то фарсомъ, часто противнымъ, но почти всегда чрезвычайно забавнымъ. Письма его, между 1803 и 1809 годами, изобилуютъ самыми ѣдкими выходками противъ этихъ генераловъ, представлявшихъ изъ себя образъ и подобіе императора, противъ этихъ штабовъ, превратившихся въ маленькіе дворы, противъ всѣхъ этихъ происковъ, интригъ и обожанія новыхъ кумировъ. Конечно, это смѣшная сторона эпохи. Издали зрѣлище тогдашней имперіи грандіозно, но современникъ видѣлъ ее вблизи; тщеславіе и жажда почестей прежде всего бросались въ глаза Курье и всего сильнѣй поразили его. Пока существовала имперія, ея величіе прославлялось только префектами да поэтами на жалованьѣ; а человѣкъ съ независимымъ образомъ мыслей долженъ былъ молчать изъ чувства собственнаго достоинства. Письма Курье представляютъ очень грустную картину нравственнаго упадка французской арміи.—Курье говорилъ, что въ его распоряженіи находится множество документовъ, могущихъ подтвердить истину его разсказовъ, множество писемъ, писанныхъ къ нему въ разныя эпохи революціи маршалами, генералами и другими знатными людьми имперіи, перешедшими въ 1815 году на сторону Бурбоновъ. «Изъ нихъ можно видѣть», прибавлялъ онъ: «какъ одни и тѣже лица, въ разныя времена, съ одинаковымъ энтузіазмомъ проповѣдывали самыя крайнія республиканскія идеи, и самыя рабскія доктрины; какъ они считали за честь называться врагами короля, и пресмыкаться въ его дворцѣ; какъ начали свое поприще санкюлотами и кончали его придворными».

Но кто бы могъ подумать, что Курье, чуждый всякаго честолюбія, всякаго желанія военной славы, поддастся тоже когда нибудь всеобщему увлеченію. И однакожь это дѣйствительно случилось съ авторомъ писемъ изъ Италіи. И у него закружилась голова, и онъ на минуту сдѣлался честолюбцемъ. Вотъ какъ было дѣло:

Въ 1808 г. Курье просился въ отпускъ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ; но не получилъ его и подалъ въ отставку. Онъ возвращается въ Парижъ къ своимъ старымъ друзьямъ, ученымъ,

нымъ человѣкъ навсегда расклавшійся съ противнымъ для него ремесломъ. Но вотъ новая война объявлена со стороны Германіи. Огромныя приготовленія къ кампаніи 1809 года приводятъ въ движеніе всю Францію. Парижъ снова ждетъ чего-то необыкновеннаго, одного изъ тѣхъ чудесъ смѣлости, къ которымъ успѣлъ пріучить умы императоръ. Бонапарте только-что возвратился изъ Испаніи, гдѣ одного появленія его было достаточно, чтобы война приняла болѣе успѣшный оборотъ. Онъ спѣшилъ на Дунай, куда уже двинулись войска, но гдѣ инструкціи его были дурно поняты, приказанія дурно выполнены. Кто тогда, при видѣ этого человѣка, подобно урагану, разбивавшаго всѣ преграды, встрѣчаемыя имъ на пути, не поддался бы всеобщему обольщенію? У Курье было живое воображеніе артиста, и онъ не устоялъ противъ желанія увидѣть конецъ этой войны. Сдѣлать кампанію съ Бонапарте — тогда какъ Курье до сихъ поръ видѣлъ только однихъ посредственныхъ генераловъ; встрѣтить, можетъ быть, человѣка, какого ему было нужно; показать, что если онъ и призиралъ славу, то не потому, что не былъ для нея созданъ, все это увлекло Курье... И вотъ онъ удаляется изъ Парижа тихонько, боясь, чтобы друзья не стали бранить его за этотъ поступокъ. Послѣ отставки, которую не прощалъ Наполеонъ, трудно было снова вступить въ дѣйствующую армію; и Курье безъ всякой должности, безъ всякаго назначенія, примкнулъ къ штабу одного артиллерійскаго генерала, въ качествѣ его друга. Но онъ не зналъ еще, что такое война,—когда ведетъ ее Бонапарте; онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ, но никогда не случалось ему видѣть, какъ люди тонули тысячами, какъ цѣлые полки исчезали подъ картечью, какъ груды убитыхъ и раненыхъ служили стѣной или мѣстомъ для сражающихся, какъ артиллерія, конница скакали по человѣческимъ остаткамъ, при грохотѣ 400 пушекъ, два дня и двѣ ночи не умолкавшихъ ни на мгновеніе. Теперь всего этого Курье насмотрѣлся вдоволь, пробывъ 48 часовъ на знаменитомъ островѣ Лобау во время Ваграмской битвы. Онъ ничего не понималъ, не зналъ, что ему дѣлать, посреди страшнаго разрушенія. Скоро разсѣялись иллюзіи, приведшія его на поле сраженія. Истощенный, упалъ онъ около дерева и опомнился только въ Вѣнѣ, куда его перевезли. Столько же быстро разочарованный, какъ и увлеченный, онъ покинулъ австрійскую столицу безъ дозволенія, безъ приказа, считая себя свободнымъ, на томъ основаніи, что формальности, необходимыя при вторичномъ опредѣленіи на службу, не совсѣмъ еще были выполнены, и поѣхалъ въ Италію освѣжиться отъ страшныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ арміи.

Въ «Разговорѣ у герцогини Альбани» онъ высказалъ, устами

живописца Фабра, свое мнѣніе о войнѣ, о героахъ, о великихъ полководцахъ, и этому мнѣнію оставался вѣренъ всю жизнь. Онъ никогда не хотѣлъ допустить присутствія какой нибудь мысли, какого нибудь намѣренія при этомъ ужасномъ безпорядкѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Онъ даже дошелъ до совершеннаго отрицанія всякой науки; и въ самомъ дѣлѣ, дни Эслингена и Ваграма едва ли могутъ дать понятіе о геніѣ Наполеона; не этимъ кровавымъ днямъ собственно, а двухъ-недѣльнымъ маршамъ и операціямъ, подготовившимъ ихъ, обязана кампанія 1809 года своимъ безсмертіемъ. Курье способенъ бы былъ понять это лучше всякаго другаго, если бы ваграмскія ощущенія не поссорили его безвозвратно съ войной.

II.

Съ этой поры дѣятельность Курье становится исключительно литературною. Пріѣхавши во Флоренцію, онъ тотчасъ бросился въ Лаврентинскую библіотеку отыскивать рукопись «Дафниса и Хлои», въ которой находилось одно неизданное мѣсто, пополнявшее пробѣлъ, замѣченный во всѣхъ другихъ изданіяхъ этого древняго греческаго романа. Но въ порывѣ восторга отъ своей находки онъ нечаянно залилъ чернилами драгоцѣнное мѣсто. Это обстоятельство произвело страшный скандалъ. Библіотекари обвинили Курье передъ цѣлымъ ученымъ міромъ, какъ намѣренно-испортившаго греческій оригиналъ, для того, чтобы торговать копіей, или сдѣлать невозможнымъ сличеніе ея съ оригиналомъ. На такія нападки Курье счелъ нужнымъ отвѣчать публично; въ формѣ письма, адресованнаго къ Ренуару, парижскому книгопродавцу, присутствовавшему при открытіи знаменитой рукописи, онъ написалъ нѣсколько страницъ, исполненныхъ сатирической желчи, презрительной, уничтожающей насмѣшки, напоминавшей французской публикѣ отвѣты Вольтера Фрерону и Дефонтену. Письмо обратило на себя всеобщее вниманіе, и даже встревожило правительство. Курье, желая заинтересовать своей ссорой общественное мнѣніе, утверждалъ, что флорентинскіе педанты такъ сильно привязывались къ нему единственно потому, что онъ французъ, и что въ Италіи были рады излить на бѣднаго ученаго ненависть, возбуждаемую правленіемъ вице-короля. Когда исторія приняла такой оборотъ, правительство тотчасъ же доискалось, что человѣкъ, сдѣлавшій чернильное пятно, былъ не кто другой, какъ эскадронный командиръ, котораго съ самаго дня Ваграмскаго сраженія напрасно вызываютъ въ армію. И вотъ несчастный Курье опять въ хлопотахъ. Дорого пришлось расплачиваться за месть фло-

рентинскимъ библіотекаремъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сбирался преслѣдовать его какъ похитителя древностей, между тѣмъ какъ военный министръ требовалъ, чтобы его судили, какъ дезертира... Однакожь Курье кое-какъ выпутался, но подъ условіемъ ни противъ кого никогда не писать.

Письмо къ Ренуару можетъ считаться первымъ памфлетомъ Курье; онъ показалъ имъ, что умѣетъ не только смѣяться, но и кусаться. Знаменитое пятно до сихъ поръ показываютъ во Флоренціи, съ роспиской Курье, въ которой онъ объявляетъ, что сдѣлалъ его по разсѣянности. Онъ остался вѣренъ своему обязательству, и до заключенія мира не брался за перо; но продолжалъ учиться и путешествовать. Въ октябрѣ 1812 года, во время заговора Малле, Курье, отправляясь въ Туръ, остановился проѣздомъ въ Блуа. Жандармы этого города потребовали отъ него паспорта; но паспорта у него не было, и его посадили въ тюрьму. Ему позволили написать въ Парижъ къ друзьямъ, которые тотчасъ же и выхлопотали у префекта полиціи приказаніе освободить его. Однакожь онъ провелъ въ заключеніи четыре дня. Это было послѣднее столкновеніе его съ императорскимъ правительствомъ. Реставрація Бурбоновъ, возвращеніе Бонапарте и вторичное паденіе его не извлекли Курье изъ политическаго бездѣйствія. Притомъ же онъ женился въ этотъ промежутокъ времени на старшей дочери своего друга Клавье, очень молоденькой дѣвушкѣ. Курье было тогда 42 года, и г-жа Клавье колебалась сначала отдать за него свою дочь. Ему сдѣлали нѣсколько возраженій. Но Курье обѣщалъ все: сдѣлаться хорошимъ подданнымъ, благонамѣреннымъ человѣкомъ, покорнымъ и кроткимъ; помогать Клавье въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ, стараться попасть въ академію и пр. «Я буду дѣлать визиты, говорилъ онъ: буду добиваться мѣста, какъ всѣ другіе...» Родители согласились, и лѣтомъ 1814 года произошла его свадьба.—Мы сказали уже, что два послѣднихъ года передъ женитьбой своей Курье оставался довольно равнодушнымъ зрителемъ политическихъ событій. Онъ предвидѣлъ давно катастрофу, казавшуюся ему неизбѣжною, и не принималъ еще ни сторону Бонапарте, ни сторону коалиціи. Но когда онъ увидѣлъ Францію — униженною, занятою чужими войсками и обремененною контрибуціями; когда онъ увидѣлъ что эмигранты, еще наканунѣ пресмыкавшіеся у ногъ иностранныхъ властителей, и чуть не просившіе милостыни, гордо подняли голову и приписывали себѣ честь этихъ побѣдъ, — впечатлительная натура его не выдержала. Преслѣдованія становились съ каждымъ днемъ все ужаснѣе; имъ подвергались жители даже самыхъ мирныхъ и чуждыхъ революціоннаго духа провинцій; за то, что осмѣливались не отказывать въ пріютѣ и кускѣ хлѣба несчаст-

нымъ солдатамъ, уцѣлѣвшимъ отъ Ватерлооскаго пораженія. Курье забылъ всю свою вражду къ Бонапарте и военному деспотизму, забылъ свои ученыя занятія и свои нѣсколько эпикурейскія наклонности, и вскорѣ примкнулъ къ рядамъ противниковъ новаго порядка. Тогда только шевельнулась въ немъ нѣкоторая гордость при воспоминаніи, что и онъ сражался противъ иностранцевъ въ войскахъ республики. Съ той поры онъ уже не стыдился признавать себя солдатомъ имперіи.

Рѣшившись возвысить свой голосъ, и высказать передъ публикой свое мнѣніе о дѣлахъ общественныхъ, Курье почувствовалъ надобность, такъ сказать, создать себѣ положеніе... Это не могло ему стоить большихъ усилій; вся прошедшая жизнь его принимала характеръ патріотизма, самаго безкорыстнаго. Пятнадцать лѣтъ носилъ онъ оружіе, а участвуя въ кампаніяхъ противъ коалиціи и эмигрантовъ, не добивался ни наградъ, ни милостей, не принадлежалъ ни къ одной изъ партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть.

То, что иногда было слѣдствіемъ оригинальнаго нрава или разсѣяннаго, капризнаго ума — было отнесено къ твердости духа и къ превосходству понятій. Если Курье находился въ 1792 г. на границѣ, то это не случайно, а изъ любви къ отечеству. Если онъ не выходилъ изъ своего скромнаго положенія, то это не по безпечности, а по ненависти къ власти. Солдатъ по долгу, поселянинъ по вкусамъ, писатель *для* препровожденія времени, — вотъ чѣмъ хотѣлъ казаться Курье, и за что его дѣйствительно принимали.

Выступая на арену политическаго писателя, онъ повиновался влеченію своего таланта и негодованію противъ системы преслѣдованій, которыхъ избѣжать могъ лишь тотъ, кто самъ становился преслѣдователемъ.

Въ декабрѣ 1816 г. явилось его «Прошеніе Палатамъ» (Pétition aux deux chambres) отъ жителей городка Люина. Прошеніе это — вѣрная картина реакціи въ мѣстечкѣ, имѣющемъ не болѣе тысячи жителей; но вся Франція узнала себя въ этой картинѣ; положеніе было одинаково всюду. Курье оказалъ обществу огромную услугу. Несмотря ни на какія преграды, его брошюра дошла по адресу и заинтересовала даже людей, болѣе сочувствовавшихъ преслѣдователямъ, нежели жертвамъ. Министръ полиціи, Деказъ, искавшій оружія противъ крайней партіи, которая угрожала столкнуть его съ мѣста, воспользовался брошюрой Курье и всѣми силами старался привлечь къ себѣ ея автора. Но напрасно: Курье по прежнему не хотѣлъ и слышать о политической карьерѣ. Онъ былъ занятъ своими виноградниками, своими полями и лѣсами; однако жъ протекція Деказа ему пригодилась. У Курье въ это время

происходили безпрестанные споры и драки съ сосѣдними дворянами, рубившими въ помѣстьяхъ его лѣса и вообще вредившими ему всячески. Городскія власти поддерживали его враговъ, и онъ напрасно переѣзжалъ изъ деревни въ Парижъ и изъ Парижа въ деревню, ища справедливости. Видя, что Деказъ продолжаетъ увѣрять его въ своей готовности быть ему полезнымъ, онъ рѣшился воспользоваться столь рѣдкимъ со стороны министра расположеніемъ, чтобы обезпечить себя по крайней мѣрѣ отъ нападковъ мѣстныхъ властей и отъ грабительства сосѣдей. И вотъ Курье появился въ министерскихъ салонахъ. Разумѣется, отношенія къ нему префекта и всѣхъ зависящихъ отъ префекта лицъ тотчасъ же измѣнились. Ему только того и хотѣлось. Курье раскланялся, поблагодарилъ и больше не показывался къ министру. Мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ памфлета Курье, могущія дать понятіе о томъ, что происходило во Франціи по возвращеніи Бурбоновъ.

«Это было въ серединѣ поста», говоритъ Курье: «25 марта, въ часъ по полуночи. Все спало. Сорокъ жандармовъ вступаютъ въ городъ. Принявъ свои мѣры, сдѣлавъ распоряженія, отобравъ нужныя показанія, они изъ трактира, гдѣ сначала остановились, съ разсвѣтомъ дня разсыпались по домамъ. Люнъ, господа, величиной въ половину Пале-Ройяля. Ужасъ скоро распространился повсюду. Всѣ бѣгутъ или прячутся. Нѣкоторыхъ застали въ постелѣ и оторвали отъ женъ и дѣтей. Но бóльшая часть, нагіе, бѣгущіе по улицѣ или по дорогѣ въ деревню, попадаются въ руки людей, стерегшихъ ихъ за угломъ. Послѣ долгой сцены безпорядковъ и криковъ, десять человѣкъ остаются арестованными. Это все, что могли захватить. Ихъ уводятъ. Родные и дѣти послѣдовали бы за ними охотно, еслибы дозволила власть....

«Власть, господа, — вотъ всемогущее слово во Франціи! Въ другихъ странахъ говорятъ: законъ; здѣсь власть. О, какъ былъ бы доволенъ le père Canay, еслибъ онъ ожилъ хоть на минуту. Онъ бы повсюду нашелъ слова: «не нужно разума; — власть!» (Point de raison; — l'autorité). Итакъ, этихъ несчастныхъ уводятъ, не сказавъ имъ, въ чемъ они обвиняются, какая участь ихъ ждетъ. Роднымъ запретили провожать и поддерживать ихъ до дверей тюрьмы. Дѣтей, желавшихъ увидѣть то мѣсто, куда бросятъ отца, и просившихъ у него послѣдняго взгляда, отталкивали. Изъ десяти арестованныхъ, на этотъ разъ, не было ни одного, который бы не оставлялъ семейства безпомощнымъ. Брюлонъ и жена его уже полгода въ казематахъ, и дѣти ихъ сиротѣютъ. Пьеръ Оберъ, вдовецъ, имѣлъ сына и дочь. Послѣдней было только шестнадцать лѣтъ; первому еще меньше; но кротость и умъ, рѣдкіе въ

этомъ возрастѣ, возбуждали къ нимъ всеобщее участіе. Къ этому присоединилось еще теперь состраданіе, и каждый помогалъ бѣднымъ дѣтямъ, чѣмъ могъ. Они бы могли ни въ чемъ не нуждаться... но отцовскихъ заботъ не замѣнишь! Дѣвочка впала вдругъ въ меланхолію, которой ничто не могло развлечь. Эта ночь, эти жандармы и отецъ въ цѣпяхъ не выходили у ней изъ головы. Впечатлѣніе ужаса, оставленное въ ней страшнымъ пробужденіемъ, мѣшало ей съ тѣхъ поръ предаваться веселости и играмъ ея возраста. Она томилась и гасла мало-по-малу. Не принимая никакой пищи, она все звала отца... Думали, что свиданіе съ нимъ смягчитъ горесть дѣвочки и можетъ быть возвратитъ ее къ жизни. Ей выхлопотали, но слишкомъ поздно, доступъ въ тюрьму. Онъ видѣлъ ее, обнялъ, и надѣется еще разъ обнять. Онъ не знаетъ своего несчастія, о которомъ и сами тюремщики боятся сказать ему. Въ своемъ страшномъ заточеніи, онъ живетъ только одной надеждой увидѣть когда нибудь опять Божій свѣтъ и возвратиться къ дочери... а вотъ уже двѣ недѣли какъ она умерла! Правосудіе, справедливость, промыселъ! Уже ли это пустыя слова, которыми насъ обольщаютъ? Я знаю людей, которыхъ не могли погубить ни измѣна, ни нарушеніе клятвы, ни глупость; а семейство, воздѣлывавшее землю отцовъ, брошено въ казематы и навсегда исчезло! Отвратимъ наши взоры отъ этихъ печальныхъ примѣровъ, заставляющихъ отчаяваться въ добрѣ, сомнѣваться въ самой добродѣтели!» Заключительныя строки изъ приведеннаго нами мѣста нѣсколько отзываются ораторскимъ краснорѣчіемъ; въ послѣдующихъ памфлетахъ Курье этотъ недостатокъ совсѣмъ исчезаетъ, и слогъ его пріобрѣтаетъ все болѣе силы и сжатости. Продолжаемъ выписку.

«Всѣ эти несчастные отведены въ Туръ и посажены тамъ въ тюрьму. Черезъ нѣсколько дней имъ возвѣщаютъ, что они бонапартисты. Но ихъ не хотятъ приговорить на мѣстѣ, ни даже судить. И хорошо дѣлаютъ; ибо нужно вамъ сказать, господа, что между людьми, обвинявшими ихъ, и тѣми, кто долженъ былъ ихъ судить, они одни только не клялись въ вѣрности Бонапарту, не заискивали его милостей и не заявляли своей преданности его священной особѣ. Судья, преслѣдующій ихъ нынче съ такой жестокостью за мнимый бонапартизмъ, точно такъ же поступилъ нѣсколько лѣтъ назадъ съ ихъ дѣтьми, но только по другой причинѣ. Онъ, при содѣйствіи тѣхъ же помощниковъ, хваталъ непослушнаго рекрута и посылалъ на галеры сына, предпочитавшаго Бонапарту—отца. Что я говорю! За отсутствіемъ сына, онъ хваталъ самого отца, продавалъ землю, быковъ, телегу несчастнаго, котораго сынъ дважды не отвѣчалъ на призывъ Бонапарта. Вотъ люди, обвиняющіе насъ въ

бонапартизмѣ! Что касается до меня, я никого не обвиняю, ни на кого не доношу, потому что не ищу никакихъ должностей, и ни къ кому не питаю ненависти; но я утверждаю, что ни въ какомъ случаѣ нельзя арестовать десять человѣкъ въ Люинѣ, или сто тысячъ въ Парижѣ, что все одно и тоже. Въ Люинѣ не можетъ найтись десяти воровъ, десяти убійцъ между горожанами; это кажется мнѣ такъ ясно, что если сказано — то и доказано. Слѣдовательно, это десять враговъ короля, десять человѣкъ опасныхъ для государства?.... Да! господа; во ста льё отъ Парижа, въ уединенномъ, неизвѣстномъ мѣстечкѣ, лежащемъ даже въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, есть десять заговорщиковъ, десять враговъ государства и короля, десять человѣкъ, которыхъ слѣдуетъ взять, — и конечно, не безъ извѣстныхъ предосторожностей. Таинственность есть душа всякой военной операціи. Въ полночь садятся на лошадей, ѣдутъ. Тихо подъѣзжаютъ къ городскимъ воротамъ: нѣтъ ни часовыхъ, которыхъ бы надо убивать, ни поста, которымъ бы слѣдовало овладѣть. Вступаютъ... И наконецъ, съ помощью всѣхъ этихъ благоразумныхъ мѣръ, хватаютъ женщину, цирульника, башмачника, пять или шесть земледѣльцевъ — и отечество спасено!»

Мы сказали, что Курье пріобрѣлъ своимъ памфлетомъ покровительство Деказа. Но это покровительство длилось не долго. Письмо къ членамъ «академіи надписей», появившееся въ 1820 году, положило конецъ министерскимъ любезностямъ. Друзья Курье сильно порицали рѣзкость этого новаго произведенія его. Но Курье утверждалъ, что онъ высказалъ только то, что всѣ думаютъ объ академіяхъ и нѣкоторыхъ академикахъ. Надобно однакожъ признаться, что хотя много правды и остроумія заключается въ этомъ письмѣ, но побужденія, руководившія авторомъ, были не безукоризненны. Онъ хотѣлъ попасть въ академію на мѣсто своего тестя Клавье. Если вѣрить ему, то большая часть академиковъ дали ему слово; но когда наступилъ день выборовъ, они единогласно его отвергли. Онъ разсердился, и написалъ знаменитое письмо. Многіе основательно замѣчали, что если онъ считалъ мѣсто Клавье для себя почетнымъ, то, нападая на академиковъ, бичевалъ самъ себя. Курье поступалъ не логично. — Легкомысліе его было наказано. — Его письмо, приводящее теперь читателя въ восхищеніе, не имѣло въ то время никакого успѣха; причины, вызвавшія этотъ памфлетъ, написанный необыкновенно ловко, заставили многихъ закрыть глаза на его литературныя достоинства. Притомъ же, личности всегда пугаютъ, даже охотниковъ посмѣяться. Каждый боится за самого себя и старается избѣгать сношенія съ человѣкомъ, которому бѣда не понравиться. Мы не станемъ распространяться подробно о письмѣ къ

академикамъ, не имѣющемъ особеннаго историческаго значенія; скажемъ только, что Курье не поскупился въ немъ на ѣдкость. Это можно видѣть даже изъ слѣдующихъ немногихъ строкъ:

«Всего болѣе меня бѣситъ то, что я вижу, какъ сбывается предсказаніе моего отца, говорившаго мнѣ: «изъ тебя никогда ничего не выйдетъ.»—«Изъ тебя никогда ничего не выйдетъ»—вѣдь это значитъ, что ты не будешь ни жандармомъ, ни маіоромъ, ни герцогомъ, ни лакеемъ, ни академикомъ!»

Въ этотъ же годъ появился рядъ писемъ Курье къ радактору журнала «Ценсоръ». Эти письма пріобрѣли автору еще большую популярность. До сихъ поръ предметомъ его сочиненій были частные случаи, обличенія того или другаго лица; онъ выступалъ передъ публикой какъ защитникъ своего кантона. Здѣсь же высказываетъ онъ свой образъ мыслей относительно управленія вообще.

За письмами «Ценсора» слѣдовалъ знаменитый памфлетъ подъ названіемъ: Simple discours de Paul Louis, Vigneron de la Chavonnière, адресованный къ членамъ совѣта Верезской общины, по поводу подписки, предложенной министромъ внутреннихъ дѣлъ, для пріобрѣтенія помѣстья Шамборъ наслѣдному принцу. Этотъ памфлетъ вмѣстѣ съ другимъ, изданнымъ въ 1824 г. и носящимъ названіе «памфлета памфлетовъ», справедливо почитаются лучшими произведеніями Поля-Луи Курье. Остановимся на первомъ. Прямой здравый смыслъ и энергія выраженія составляютъ его неотъемлемое достоинство.— Курье обращается здѣсь къ поселянамъ, и повидимому примѣняется къ ихъ понятіямъ.

Извѣстно, что рожденіе герцога Бордосскаго было событіемъ совсѣмъ нежданнымъ, въ которомъ приверженцы династіи Бурбоновъ видѣли даже что-то чудесное.... Имъ казалось, что Провидѣніе, пекущееся о судьбахъ Франціи, не хотѣло оставить ее безъ короля, на жертву новымъ безпорядкамъ, и потому послало ей этого младенца; отсюда и названіе Dieudonné, данное ему легитимистами. Мудрено ли послѣ этого, что нѣкоторыя преданныя аристократическія сердца, не зная, чѣмъ выразить свою радость, возъимѣли намѣреніе собрать по подпискѣ огромную сумму денегъ и пріобрѣсть на нее Шамборъ, для поднесенія принцу отъ имени всего французскаго народа. Благодаря мѣстнымъ властямъ, желавшимъ перещеголять другъ друга ревностью и усердіемъ, подписка тотчасъ же стала обязательною для всѣхъ безъ различія: и для богача, бросающаго сотни тысячъ на свои прихоти, и для бѣдняка, трудомъ добывающаго хлѣбъ своему семейству. Тотъ, кто вздумалъ бы отказаться, подвергся бы обвиненію въ неблагонамѣренности, во враждебномъ расположеніи, въ преданности предшествовавшему правительству и т. д.

Народъ и безъ того страдалъ подъ тяжестью разнаго рода поборовъ, и подписка эта, разумѣется, не могла найдти въ немъ сочувствія. Всѣ это сознавали, но никто не осмѣливался возвысить своего голоса, опасаясь преслѣдованій. Понятно, что когда Курье рѣшился первый открыто высказать то, что у каждаго было въ мысляхъ; памфлетъ его, возбудившій всеобщее сочувствіе, не могъ не встревожить правительства. Автора потребовали къ суду и приговорили къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Оправданіе, имъ написанное, можетъ также назваться превосходнымъ памфлетомъ; но онъ не произнесъ его передъ судьями, да и едва ли бы оно произвело впечатлѣніе на слушателей. Рѣчи, подготовленныя кабинетной работой, бываютъ хороши только въ чтеніи. Для того, чтобы ораторское слово могло подѣйствовать на толпу, оно должно быть плодомъ вдохновенія. Но обратимся къ содержанію «Simple Discours».

«Если бы мы имѣли столько денегъ», начинаетъ Курье: «что намъ бы некуда было дѣвать ихъ; если бы долги наши были уплачены, дороги исправлены, бѣдные наши не нуждались бы въ помощи; если бы церковь наша (потому что Богъ — прежде всего) была перестроена, дворъ ея вымощенъ, окна вставлены, крыша подновлена; и если бы у насъ еще оставались деньги, которыя бы можно было употребить на издержки внѣ общины, — я думаю, друзья мои, что намъ не худо бы было сложиться съ сосѣдями и починить Сентъ-Авертенскій мостъ, сокращающій намъ на цѣлое льё доставку нашихъ продуктовъ въ Туръ. При скоромъ сбытѣ этихъ произведеній, возвысится цѣна на нашу и на всѣ окрестныя земли. По-моему, это лучшее употребленіе, какое мы можемъ сдѣлать изъ нашихъ излишковъ, если только они окажутся. Но покупать Шамборъ для герцога Бордосскаго я никакъ несогласенъ; мнѣ кажется, что это плохое дѣло и для насъ, и для него, и для Шамбора. Я надѣюсь, что вы поймете это, если выслушаете меня.»

Послѣ этого прямаго приступа, Курье развиваетъ мысль, что Шамборъ былъ бы отличнымъ пріобрѣтеніемъ для того, кто воздѣлываетъ землю; что если бы его раздѣлить на нѣсколько участковъ и раздать бѣднымъ крестьянамъ, то это осчастливило бы много семействъ; но что короли богаты любовью подданныхъ. Пріобрѣтеніе Шамбора, по словамъ Курье, пришло въ голову окружающимъ короля, которымъ хочется быть — одному управляющимъ, другому — хранителемъ этого богатаго помѣстья и, разумѣется, брать за это огромное жалованье. У самого принца идея не могла явиться — онъ еще малъ. Министръ тоже въ сторонѣ; общины и подавно.... стало быть, это выдумали придворные. Во времена Генриха IV, короля, о которомъ народъ сохранилъ добрую память,

точно такъ же хотѣли поднести новорожденному сыну его огромную сумму денегъ; но когда ларошельскіе депутаты явились къ нему и предложили отъ одного ихъ города сто тысячъ золотыхъ экю, король сказалъ имъ: «это много, друзья мои, слишкомъ много на супъ ребенку. Оставьте у себя эти деньги; употребите ихъ на поправку того, что разрушено войной, и никогда не вѣрьте людямъ, которые будутъ васъ уговаривать — дѣлать мнѣ подарки.... Они не друзья ни мнѣ, ни вамъ.» Сосѣдство придворныхъ, которые захотятъ поселиться въ Шамборѣ, Курье считаетъ опаснымъ для нравовъ поселянъ. Наконецъ и для самого принца Бордосскаго—это мѣсто должно быть пагубно... Воспоминанія, сопряженныя съ Шамборомъ, не могутъ навести на хорошія мысли.... Тамъ онъ повсюду встрѣтитъ вензеля какой нибудь Діаны или M-me де-Шатобріанъ. Въ истолкователяхъ различныхъ эмблемъ конечно не будетъ недостатка. Какіе примѣры для юноши, предназначеннаго царствовать! Здѣсь Людовикъ, образецъ королей, *жилъ* (придворное выраженіе) съ госпожей Монтеспанъ, съ дѣвицей Лавальеръ, со всѣми женщинами и дѣвушками. Это былъ вѣкъ строгихъ нравовъ и набожности!... Король каждый день исповѣдывался.... Въ эту дверь входила вечеромъ его фаворитка, а утромъ — его духовникъ! Тамъ Генрихъ III каялся, окруженный миньонами и монахами. Вотъ мѣсто, гдѣ бросилась къ ногамъ Франциска молодая дѣвушка, умоляя пощадить жизнь отца ея.... И ей удалось спасти его,— но какой цѣной! Самъ Францискъ умеръ здѣсь, вслѣдствіе доброй нравственности.... Въ этой комнатѣ—другой Людовикъ.... Въ этой Филиппъ.... Его дочь.... О нравы! о религія! Вы исчезли съ тѣхъ поръ, какъ каждый трудится и живетъ въ своемъ семействѣ! Рыцарство, набожность, куда вы дѣвались? И какъ жаль отдавать въ руки промышленности этотъ храмъ старинныхъ нравовъ и старинной galanterie (другое слово, которое нельзя перевести на языкъ честныхъ людей), поселять посреди этихъ украшеній, бывшихъ свидѣтелями стольких оргій,—какое нибудь трудящееся семейство! Вотъ что скажетъ Шамборъ молодому принцу....» и т. д.

Далѣе, переходя къ воспитанію королевскихъ дѣтей во Франціи, Курье находитъ, что оно не даетъ имъ настоящаго понятія о нуждахъ и потребностяхъ народа, которымъ они должны будутъ впослѣдствіи управлять, и при этомъ превозноситъ герцога Орлеанскаго за то, что онъ посылаетъ своего сына учиться въ Collége de France, наравнѣ съ дѣтьми простыхъ смертныхъ. «Французскіе принцы до сихъ поръ не имѣли товарищей; они имѣли только слугъ, и единственной школой для нихъ была школа бѣдствій, которой тяжелые уроки, къ сожалѣнію, не всегда шли имъ въ прокъ. Изолированные

во всѣхъ возрастахъ, отдаленные отъ истины, не имѣя понятія о вещахъ и о людяхъ, они родятся и умираютъ въ цѣпяхъ этикета и церемоніала, не видавъ ничего, кромѣ румянъ и прикрасъ. Нѣтъ лучшаго воспитанія, какъ въ публичной школѣ. Вотъ если бы вмѣсто покупки Шамбора намъ предложили вносить за герцога Бордоскаго ежегодную плату въ Collège de France, я согласился бы отъ всего сердца, и вотировалъ бы все, что угодно... хотя бы это стоило мнѣ лучшаго куска мяса. О такой издержкѣ жалѣть бы нечего: это бы для всѣхъ насъ дѣлалось....»

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ дѣлать слишкомъ много выписокъ. Но замѣтимъ здѣсь, что похвалы, расточаемыя имъ герцогу Орлеанскому (будущему королю французовъ — Луи-Филиппу), навлекли на него осужденіе нѣкоторыхъ критиковъ. — Такъ, напримѣръ, Сенъ-Бёвъ въ довольно поверхностной и пропитанной самой пошлой мѣщанской благонамѣренностью статейкѣ о немъ (*), говоритъ: «этими похвалами Курье такъ связалъ себѣ руки, что если бы дожилъ до вступленія на престолъ младшей отрасли, то ему оставалось бы только всѣмъ восторгаться». Мы не понимаемъ этого. Курье могъ находить похвальнымъ поступокъ герцога Орлеанскаго, посылавшаго сына своего учиться въ Collège de France; но это, кажется, нисколько не обязывало его въ будущемъ находить — управленіе короля Луи-Филиппа безукоризненнымъ. Мы думаемъ даже совершенно напротивъ. Курье прежде всего былъ человѣкъ честный и чуждый всякаго честолюбія. Если поступки реакціонной партіи при Бурбонахъ возмущали его до глубины души, то нѣтъ повода думать, чтобы министры Луи-Филиппа, продолжавшіе дѣйствовать въ томъ же самомъ духѣ, — могли возбудить въ немъ къ себѣ особенное сочувствіе. — Онъ искренно любилъ народъ, и никакія либеральныя фразы мнимыхъ прогрессистовъ не помѣшали бы ему видѣть, что для народа ровно ничего не дѣлается. Другое дѣло, если бы Курье добивался должностей и мѣстъ. Тогда, разумѣется, онъ не преминулъ бы примкнуть къ знаменитой majorité, и при своемъ огромномъ талантѣ могъ бы надѣяться достигнуть очень высокаго поста. Эти строгіе критики въ родѣ Сенъ-Бёва, когда-то ратовавшіе за свободу, которую они также понимаютъ по своему, а теперь пишущіе въ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ наполеоновскихъ журналахъ, — мѣрятъ политическихъ и литературныхъ дѣятелей на свою собственную мѣрку; въ статьяхъ ихъ слишкомъ замѣтна зависть. Сенъ-Бёву также чрезвычайно не нравятся слѣдующія

(*) Causeries du Lundi.

строки изъ письма Курье къ редактору журнала Le Drapeau Blanc: «Друзья мои,— всѣ тѣ, которые подобно мнѣ — живутъ трудомъ. Число ихъ велико въ нашей сторонѣ, и съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Однимъ словомъ, друзья мои—въ народѣ. Народъ меня любитъ; а знаете ли вы, что такое эта дружба?... Почетнѣе ея ничего нѣтъ». Намъ кажется, что похвалы герцогу Орлеанскому, встрѣчающіяся въ одномъ или, много, въ двухъ памфлетахъ Курье, не имѣютъ особеннаго значенія; скорѣй всего, онъ хотѣлъ ими досадить тогдашнему правительству, не терпѣвшему герцога Орлеанскаго, и показать, что оно преслѣдовало всякое поползновеніе къ прогрессивнымъ идеямъ, даже въ членахъ королевской фамиліи. Съ этой же цѣлью Курье разсказываетъ въ своемъ Livret слѣдующій анекдотъ, безъ всякихъ комментарій съ своей стороны:

«Придворные журналы оскорбляютъ герцога Орлеанскаго. Его ненавидятъ. Его боятся. Хотятъ его послать путешествовать. — Король сказалъ ему на дняхъ: «такъ вы ѣдете въ Италію, герцогъ?» — Нѣтъ, ваше величество.... по крайней мѣрѣ я ничего не знаю объ этомъ. — «Ахъ, Боже мой! конечно ѣдете. Я говорю вамъ это; и вы меня понимаете.» — Нѣтъ, государь, я не понимаю; и оставлю Францію только въ такомъ случаѣ, когда мнѣ нельзя будетъ поступить иначе».

Что же касается до идеала Курье, то намъ кажется, что онъ видѣлъ его въ политическомъ устройствѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; по крайней мѣрѣ въ Pamphlet des Pamphlets слишкомъ ясно проглядываетъ сочувствіе къ нимъ.

Курье, какъ мы уже сказали, былъ приговоренъ за свой памфлетъ о Шамборѣ къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьму.... Едва только онъ вступилъ въ нее, какъ его начали осаждать визиты и поздравленія... Это всеобщее сочувствіе не могло его не радовать.— «Всѣ за меня», писалъ онъ женѣ: «Беранже сказалъ на дняхъ: на мѣстѣ г. Курье, я не отдалъ бы этихъ двухъ мѣсяцевъ за сто тысячъ франковъ!»

Наканунѣ того дня, когда истекалъ срокъ его заключенію, его опять потребовали къ суду за новый памфлетъ, подъ названіемъ: *Прошеніе крестьянъ, которымъ запрещаютъ танцовать*, гдѣ онъ клеймитъ лицемѣрство и ханжество молодыхъ католиковъ-поповъ, видящихъ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ оскорбленіе религіи.... Подвергая народъ преслѣдованіямъ за то, что онъ, послѣ шести-дневныхъ тяжелыхъ трудовъ, осмѣливался въ праздникъ повеселиться гдѣ нибудь на деревенской лужайкѣ, — эти ревностные пастыри руководствовались конечно не религіознымъ чувствомъ, а угожденіемъ власти, старавшейся повсюду отыскивать

слѣды революціонной эпохи. Курье, пользуясь удобнымъ случаемъ, касается вопроса о безбрачной жизни католическаго священника, и въ рѣзкихъ чертахъ выставляетъ всѣ пагубныя слѣдствія, всю безнравственность, вытекающую изъ этого постановленія.

Онъ и впослѣдствіи не разъ возвращался къ этой темѣ. Тѣ страницы, гдѣ онъ изображаетъ борьбу молодаго священника, исповѣдывающаго любимую дѣвушку, исполнены истины и поэтической прелести. А возмутительные факты, приводимые имъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній, и въ особенности исторія страшнаго преступленія Менгра (Maingrat), невольно заставляютъ васъ содрогнуться. Этотъ почтенный аббатъ обольстилъ сначала дѣвушку, и она пропала безъ вѣсти; дѣло замяли. Черезъ нѣсколько времени онъ хитростью привлекъ къ себѣ въ домъ замужнюю женщину. Что произошло между ними—неизвѣстно; но только онъ отнесъ ее мертвую въ гротъ, и тамъ разрубивъ ножомъ на мелкія части, побрасалъ ихъ одну за другой въ рѣку. — Его судили; но дали ему средство бѣжать въ Савою, гдѣ онъ продолжалъ быть священникомъ. «Ему простили», говоритъ Курье: «вѣроятно потому, что онъ много любилъ; или можетъ быть онъ раскаялся, и въ такомъ случаѣ онъ угоднѣе небу, нежели девяносто девять праведниковъ».

«Что можетъ помѣшать человѣку», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Курье: «жениться на дѣвушкѣ, которую онъ соблазнилъ, если только онъ уже не женатъ? — Богъ, люди, здравый смыслъ, природа, Евангеліе, религія хотятъ этого.... но папа не хочетъ — и жертва должна погибнуть»....

На этотъ разъ, однакоже, судьи отпустили Курье. Онъ получилъ только выговоръ. Но видя, что съ правительствомъ нѣтъ возможности разговаривать, какъ онъ выражался, посредствомъ журналистики, — онъ рѣшился прибѣгнуть къ другому способу, сталъ тайно печатать и распространять свои памфлеты. Дѣло это было имъ ведено очень искусно, и памфлеты слѣдовали одинъ за другимъ съ такой быстротой, что друзья его, знавшіе, какъ долго и тщательно онъ обработываетъ свои произведенія, не могли надивиться его плодовитости. Такимъ образомъ, между 1822 и 1824 годами, появились безъ имени автора: «Отвѣты на анонимныя письма», «Записная книжка», «Деревенская газета», и наконецъ «Дипломатическая нота».

Le Pamphlet des Pamphlets, относительно формы, есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ произведеній Курье. До сихъ поръ въ нихъ еще иногда замѣчалась манерность; онъ прикидывался поселяниномъ, примѣнялся къ тону и взгляду на вещи людей, которыхъ права отстаивалъ; но часто не выдерживалъ — и начиналъ говорить язы-

комъ адвоката, оратора, философа... Здѣсь, на сцену является Поль-Луи Курье—писатель, сознавшій всю важность своего призванія и старающійся защитить избранный имъ родъ отъ нападковъ и порицаній извѣстной части публики.

Талантъ Курье выказывается здѣсь въ полномъ блескѣ; но увы!—это была его лебединая пѣсня.

За годъ до своей смерти, Курье писалъ въ одномъ изъ памфлетовъ: «Нынче, гуляя въ Пале-Роялѣ, я встрѣтился съ М. «Берегись, Поль-Луи», сказалъ онъ мнѣ: «берегись.... ханжи отправятъ тебя на тотъ свѣтъ....»—«Но какъ же ты хочешь, чтобъ я уберегся», отвѣчалъ я: «они убивали и королей».

Можно вообразить себѣ, какое впечатлѣніе, послѣ этихъ словъ, произвело въ Парижѣ извѣстіе, что Курье дѣйствительно убитъ около своего дома, выстрѣломъ изъ ружья, на-поваль! Общественное мнѣніе громко и рѣшительно обвиняло святошъ, зная, что они не останавливаются ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Но на этотъ разъ, какъ показали дальнѣйшія обстоятельства, святоши оставались въ сторонѣ.

Началось слѣдствіе. Оказалось, что преступленіе совершилось 10 апрѣля, за полчаса до заката солнечнаго. Многіе по близости слышали ружейный выстрѣлъ. Когда осмотрѣли трупъ Курье, то въ ранахъ его нашли пыжъ, сдѣланный изъ клочка газеты, которую получалъ убитый.

Слѣдовательно, убійство было домашнее. Жена Курье объявила, что она подозрѣваетъ Фремона, лѣснаго сторожа ея мужа. Но Фремонъ, потребованный въ турскій ассизный судъ, былъ единогласно оправданъ присяжными.

Это еще болѣе утвердило общество въ прежнихъ предположеніяхъ, что Курье убитъ политическими врагами. Не прежде, какъ въ концѣ 1830 года, обнаружилась истина. Фремонъ дѣйствительно былъ виновенъ; но не одинъ, — онъ имѣлъ еще двухъ сообщниковъ. Преступленіе видѣла изъ-за куста молодая дѣвушка, возвращавшаяся лѣсомъ съ какого-то сельскаго праздника, и молчала четыре года; но однажды, когда она проѣзжала мимо того мѣста, гдѣ совершилось убійство, лошадь ея чего-то испугалась и чуть не опрокинула ее. Возвратясь домой, дѣвушка проболталась: «Лошадь моя», сказала она: «точно такъ же испугалась нынче, какъ я, въ то время, когда убили г. Курье.»

Эти слова, вырвавшіяся нечаянно, повели за собой другія; и судьямъ удалось наконецъ отобрать полное показаніе. Фремона позвали снова къ суду, но не какъ виновнаго, потому что въ первый разъ онъ уже былъ оправданъ, а какъ свидѣтеля. Сначала онъ за-

пирался. Но показанія дѣвушки были такъ наивны, представляли такъ много вѣроятностей, что не могло оставаться никакого сомнѣнія. Наконецъ Фремонъ объявилъ, что убійство дѣйствительно совершено имъ, но по принужденію двухъ другихъ слугъ, которымъ будто бы смерть господина ихъ была гораздо нужнѣе, нежели ему, Фремону. Этого объясненія судъ не принялъ; и единственный изъ сообщниковъ Фремона, оставшійся въ живыхъ, былъ оправданъ. Самъ же Фремонъ, изнуренный долгой борьбой, терзаемый упреками совѣсти, вышелъ изъ засѣданія шатаясь.... и четыре дня спустя — умеръ отъ апоплексическаго удара.

Итакъ, причина ранней погибели Курье была не политическая вражда. Онъ палъ жертвой корыстныхъ побужденій слугъ своихъ, которымъ притомъ давно уже не нравился его брюзгливый характеръ. Но если Курье не былъ страдальцемъ свободы, за нимъ навсегда остается имя одного изъ искреннихъ и горячихъ ея защитниковъ. «Онъ не забытъ и долго не будетъ забытъ», говоритъ его біографъ, Арманъ Каррель.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ ВОПРОСУ О МИРОВОЙ ЮСТИЦІИ И САМОУПРАВЛЕНІИ ВЪ АНГЛІИ.

Тѣ изъ читателей, которые имѣли терпѣніе слѣдить отъ начала до конца за полемикой моей съ «Русскимъ Вѣстникомъ», о мировой юстиціи въ Англіи, конечно давно уже рѣшили, кто изъ насъ былъ правъ во всемъ этомъ спорѣ. Дѣло это давно прошедшее: послѣдній относящійся къ нему актъ появился еще въ началѣ іюля, когда редакція «Русскаго Вѣстника» отвѣчала намъ (№ 12). Но, если самая полемика съ «Русскимъ Вѣстникомъ» представляется теперь уже дѣломъ архивнымъ, покрывшимся значительнымъ слоемъ пыли и нестоющимъ того, чтобы снова браться за него, то остается тѣмъ не менѣе поставленный нами вопросъ о мировой юстиціи. Полагая, что отъ правильнаго взгляда на мировую юстицію и на отношеніе ея къ присяжному суду зависитъ также правильное пониманіе современнаго selfgovernment'а въ Англіи, мы, въ интересѣ научномъ, сообщаемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній и соображеній, которыми дополняется высказанный нами взглядъ на миро-

вую юстицію (см. «Современникъ» за 1860 г. № 4). Замѣтки эти, можетъ быть, не лишены будутъ нѣкотораго интереса для занимающихся англійскими учрежденіями или, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, которые болѣе интересуются ими.

Остановимся прежде всего на самомъ выраженіи «мировая юстиція». Когда англичане говорятъ: justice of peace, то понимаютъ подъ этимъ терминомъ самого мироваго судью; напротивъ, выраженіе «юстиція мира» или «мировая юстиція» вызываетъ представленіе не объ извѣстномъ должностномъ лицѣ, а объ извѣстной отрасли правосудія. Такимъ образомъ самое выраженіе «мировая юстиція» способствуетъ къ тому, что съ понятіемъ о мировыхъ судьяхъ соединяется главнымъ образомъ понятіе о юрисдикціи, о правѣ суда, тогда какъ это право съ самаго начала англійскихъ мировыхъ судей и до половины прошлаго столѣтія занимало весьма второстепенное мѣсто въ ихъ коммиссіяхъ или полномочіяхъ, которыми они поставлялись въ должность. Въ этихъ коммиссіяхъ стояли на первомъ планѣ всегда чисто полицейскія права и обязанности. И если подобнымъ полицейскимъ властямъ, подобнымъ хранителямъ мира, которые назначались вообще короной, хотя коммонеры не разъ старались присвоить себѣ право избранія или утвержденія ихъ въ должности, — если подобнымъ властямъ присвоено было впослѣдствіи названіе судей, justices, magistrates, то это потому, что храненіе такъ называемаго королевскаго мира составляло также одну изъ главныхъ обязанностей разъѣзжихъ судей. Но съ большимъ отдѣленіемъ полицейской власти отъ судебной естественно было предоставить спеціальнымъ хранителямъ мира названіе судей, точно такъ же, какъ съ другой стороны сами государственные судьи и даже лордъ-канцлеръ продолжали и продолжаютъ считаться верховными хранителями мира.

Съ выраженіемъ «мировая юстиція» соединяется, кромѣ того, еще понятіе о примирительномъ разбирательствѣ, къ которому тяжущіеся добровольно прибѣгаютъ или которому они, по закону, обязаны подчиняться въ маловажныхъ дѣлахъ. И такъ какъ это можетъ быть главнымъ образомъ только по спорнымъ дѣламъ гражданскаго права, то съ представленіемъ о мировыхъ судьяхъ обыкновенно соединяется понятіе о гражданской юрисдикціи, предоставленной имъ. Между тѣмъ англійскіе мировые судьи вообще не имѣютъ гражданской юрисдикціи и разнятся въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, отъ французскихъ juges de paix. Для рѣшенія малоцѣнныхъ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ существуютъ въ Англіи новые суды графства, которые учреждены по

старанію лорда Брума, но въ которыхъ примирительнаго также ничего нѣтъ. Мировые же судьи, если имѣютъ какое нибудь отношеніе къ гражданскому праву, то лишь въ случаяхъ, въ которыхъ рѣшеніе гражданскаго спора важно въ интересѣ полицейскомъ, напримѣръ въ случаѣ споровъ между господами и слугами, въ случаѣ нѣкоторыхъ споровъ по найму имущественному, въ случаѣ спора объ алиментахъ и т. д. Но не въ подобныхъ, соприкасающихся съ гражданскимъ правомъ дѣлахъ, а въ храненіи мира попрежнему заключается истинное призваніе этихъ судей, призваніе, указанное имъ съ самаго начала государственною властію. Но храненіе мира, въ современномъ значеніи этого слова, крайне различно отъ средневѣковаго; въ странѣ густо населенной и въ которой мѣстные интересы получили такое развитіе, какъ нигдѣ въ остальной Европѣ, понятіе это, вмѣстѣ съ общественными потребностями, должно было расшириться. Особенность Англіи, какъ было не разъ замѣчено, состоитъ въ томъ, что ни одно начало, ни одно понятіе, вытекшее изъ бытовой ея жизни, не пропадаетъ, — оно только наполняется новымъ содержаніемъ. Это своего рода экономія историческаго развитія. Въ странѣ, изрѣзанной во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами и покрытой фабриками, заводами, рабочими домами и пенитенціарными заведеніями, храненіе мира не можетъ ограничиваться поимкою и представленіемъ къ суду разбойниковъ, грабителей и буйныхъ людей, какъ въ тѣ времена гражданскихъ междоусобій, когда должность мировыхъ судей была впервые учреждена и наложена на мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Храненіе мира—другими словами — не могло оставаться полицейскимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; оно получило болѣе широкое административное значеніе, и мировые судьи должны были наблюдать за дѣйствіемъ почти цѣлаго новаго законодательства о мѣстномъ благоустройствѣ. Исполненіе этихъ полицейскихъ и весьма обширныхъ административныхъ обязанностей можно также называть «мировой юстиціей», особенно, если принять въ соображеніе, что полицейскія и административныя отправленія постоянно прикрывались въ Англіи, и отчасти прикрываются еще до сихъ поръ, судебными формами. Это будетъ во всякомъ случаѣ мировая юстиція въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Но гораздо справедливѣе называть мировой юстиціей ту дѣятельность мировыхъ судей, когда они дѣйствуютъ не въ качествѣ администраторовъ графства и не въ качествѣ полицейскихъ властей, а являются дѣйствительными судьями, что бываетъ всякій разъ, когда они засѣдаютъ въ судѣ четвертныхъ засѣданій, а также въ малыхъ засѣданіяхъ. Между тѣмъ вслѣдствіе необходимаго участія присяжныхъ въ судѣ

четвертныхъ засѣданій, въ которыхъ обыкновенно предсѣдательствуетъ еще, кромѣ того, какой нибудь юристъ, судъ этотъ соотвѣтствуетъ всякому присяжному суду, и потому также не совпадаетъ вполнѣ съ мировой юстиціей, въ названіи которой тотчасъ слышится, что мировые судьи имѣютъ въ ней исключительное участіе. Остается такимъ образомъ для понятія мировой юстиціи только тотъ сокращенный уголовно-полицейскій судъ, который творится въ малыхъ засѣданіяхъ и который есть уже исключительное произведеніе однихъ мировыхъ судей. Значитъ, все зависитъ оттого, говоримъ ли мы о мировой юстиціи въ неточномъ или точномъ смыслѣ слова. И различіе это тѣмъ болѣе необходимо дѣлать, что признавая вообще хорошія стороны такого учрежденія, какъ англійскія justices of peace, мы тѣмъ безпристрастнѣе можемъ оцѣнить мировую юстицію въ точномъ или строгомъ смыслѣ слова, то есть тотъ судъ, который есть плодъ судебно-полицейской власти мировыхъ судей въ отдѣльности.

Мы сейчасъ сказали, что право уголовно-полицейскаго суда, предоставленное англійскимъ мировымъ судьямъ, занимало первоначально въ тѣхъ коммиссіяхъ или полномочіяхъ, которыми они поставлялись на службу, весьма второстепенное мѣсто. При этомъ естественно раждается вопросъ: когда и вслѣдствіе какихъ причинъ положено было начало этому суду? Блекстонъ, въ половинѣ 18 столѣтія, жалуется, что судъ этотъ очень разросся и что въ немъ заключается начало, враждебное суду присяжныхъ; поэтому спрашивается, когда же мировые судьи перестали быть простыми хранителями мира, conservatores pacis, и когда имъ предоставлено было право уголовно-полицейскаго суда въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это необходимо для сохраненія тишины и спокойствія и для немедленной расправы съ нарушителями полицейскихъ законовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ «Институтахъ» знаменитаго лорда Кока, главнаго юридическаго авторитета Англіи, который оцѣнилъ по достоинству этотъ судъ въ самомъ его началѣ и выражается по этому поводу слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ:

«Въ одинадцатый годъ правленія Генриха VII (1485—1509) былъ изданъ одинъ парламентскій актъ съ весьма велерѣчивымъ вступленіемъ (flattering preamble) и будто затѣмъ, чтобы искоренить различныя злоупотребленія, которыя гнѣваютъ всемогущаго Бога и которыя существуютъ, какъ во вредъ общему праву (common law), такъ и въ противность благополучію страны. Но то, что узаконялось этимъ статутомъ—служитъ именно ко гнѣву всемогущаго Бога, къ подрыву общаго права и къ крайнему злосчастію этой страны, какъ мы это

сейчасъ увидимъ». Слѣдуетъ затѣмъ самый текстъ новаго статута или закона, на основаніи котораго лордъ Кокъ доказываетъ, что до того мировые судьи могли изслѣдовать (inquire) подвѣдомственныя имъ судебно-полицейскія дѣла не иначе, какъ предъ присяжными; вновь же изданнымъ закономъ мировымъ судьямъ предоставлено было на будущее время не только изслѣдовать, но и окончательно рѣшать извѣстные проступки безъ присяжныхъ. О дѣйствіи этого новаго парламентскаго акта, «крайне несправедливаго и страннаго», лордъ Кокъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что нетрудно предвидѣть всѣ тѣ опасныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ нарушенія общаго начала или основнаго закона королевства. Новый парламентскій актъ, по мнѣнію великаго легиста Англіи, былъ причиною не только тяжкихъ притѣсненій и вымогательствъ (most grievous and heavy oppressions and exactions) со стороны недобросовѣстныхъ мировыхъ судей, но былъ въ явномъ противорѣчіи съ прирожденнымъ правомъ каждаго англійскаго подданнаго — быть судиму не иначе, какъ чрезъ присяжныхъ. Такое мнѣніе лорда Кока о мировой юстиціи безъ присяжныхъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что вообще онъ высоко цѣнилъ должность мироваго судьи и изрѣченіе его объ этой должности пріобрѣло историческую извѣстность.

Эта суммарная юрисдикція англійскихъ мировыхъ судей почти совершенно упускается изъ виду тѣми, которые, обращаясь къ англійскимъ учрежденіямъ, односторонне восхищаются такъ называемой мировой юстиціей и, разсуждая объ ней, не даютъ себѣ даже труда точнѣе опредѣлить ея смыслъ. Точно эта суммарная юрисдикція есть нѣчто отдѣльное, постороннее, не имѣющее ничего общаго съ мировой юстиціей! Зная мнѣніе Блекстона и новѣйшихъ публицистовъ о суммарной юрисдикціи, мы имѣемъ уже нѣкоторое понятіе о дальнѣйшемъ развитіи ея послѣ Кока и до настоящаго времени. Блекстонъ, вооружаясь, какъ намъ извѣстно, противъ подобной власти мировыхъ судей, говоритъ, что, хотя она была введена первоначально въ облегченіе фригольдеровъ отъ слишкомъ частой присяжной службы по суду надъ незначительными проступками, она тѣмъ не менѣе слишкомъ разрослась, слишкомъ удалилась отъ своего первоначальнаго, скромнаго назначенія, чтобы быть въ гармоніи съ присяжнымъ судомъ и съ конституціей. Въ числѣ вредныхъ послѣдствій, которыя онъ видитъ отъ суммарной юрисдикціи для внутренняго государственнаго устройства, онъ приводитъ и то, что подобная юрисдикція должна непремѣнно повредить самой должности мироваго судьи, права и обязанности которой такъ странно расширяются въ одну сторону.

Чтобы лучше видѣть, до какихъ размѣровъ достигаетъ эта суммарная юрисдикція безъ присяжныхъ въ настоящее время и въ какой степени она должна поглощать всю остальную мировую юстицію, слѣдуетъ обратиться къ судебной статистикѣ Англіи. Съ этой цѣлью мы воспользуемся нѣкоторыми уголовно - статистическими данными за самое послѣднее время, которыя мы находимъ въ одномъ юридическомъ журналѣ (*). Прежде чѣмъ коснуться отдѣла о суммарно-постановленныхъ приговорахъ (summary convictions), мы должны сказать, что всѣхъ преступниковъ въ Англіи считалось 160,346 человѣкъ и въ томъ числѣ 58,689 женщинъ, такъ что послѣднія относятся къ первымъ приблизительно какъ 1 : 3. Числа тѣхъ многихъ тысячъ домовъ, которые подъ различными названіями служили и служатъ притонами для этого населенія, мы не станемъ приводить. Пятая часть изъ всего этого населенія находилась уже за стѣнами тюремъ. Остальные 134,922 преступника совершили 57,868 такихъ преступленій, которыя стали извѣстны полиціи — при чемъ наибольшее число преступленій совершено осенью, наименьшее лѣтомъ—и по этимъ преступленіямъ поймано было 30,458 преступниковъ, такъ что на половину ихъ не удалось поймать. При этомъ однако замѣчательно, что именно, чѣмъ значительнѣе преступленіе, тѣмъ меньше для англійскаго преступника шансовъ укрыться отъ полиціи. Такъ высчитано, что въ случаѣ разбоя и грабежа (robbery) избѣгнуть поимки удается, среднимъ числомъ, только одному изъ 10 преступниковъ, въ случаѣ конокрадства одному изъ 7, въ случаѣ насильственнаго вторженія въ чужое жилище для совершенія кражи (burglary) половина преступниковъ ускользаетъ, но въ случаѣ простаго воровства уже 6 человѣкъ изъ 10 скрываются отъ полиціи. Изъ всѣхъ 30,458 пойманныхъ только 18,396, т. е. около 60% были поставлены къ суду; при чемъ не означено, по какимъ причинамъ другіе не были судимы: вслѣдствіе ли отступленія или уклоненія частныхъ обвинителей отъ преслѣдованія по недостатку доказательствъ, или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ.

Обращаемся теперь къ суммарной юрисдикціи, органами которой суть мировые судьи вездѣ, гдѣ они не были замѣнены полицейскими судьями на жалованьи. Число всѣхъ лицъ, судившихся суммарнымъ или сокращеннымъ порядкомъ, простиралось до огромной цифры 404,034 человѣка. То есть суду, который первоначально

(*) Law Times, jan. 7, 1860.

былъ исключеніемъ изъ общей судебной системы Англіи, подпадаетъ теперь почти въ двадцать разъ больше лицъ, чѣмъ суду обыкновенному, ординарному (18,396). Но при этомъ, разумѣется, слѣдуетъ скинуть значительный процентъ лицъ, судившихся суммарнымъ образомъ за нарушенія различныхъ полицейскихъ уставовъ, постановленій и правилъ—за нарушенія, которыя по необходимости должны быть предоставлены полицейскому суду. Мы именно не утверждали и не утверждаемъ, чтобы сужденіе всякаго мелкаго полицейскаго проступка безъ присяжныхъ одними мировыми судьями нарушало самоуправленіе, хотя самое выраженіе «мелкій полицейскій проступокъ» крайне эластично. Нѣтъ, мы думаемъ, что все здѣсь зависитъ отъ того объема, въ какомъ эта власть мировыхъ судей, судить безъ присяжныхъ, предоставлена имъ закономъ. Скинемъ же какъ можно болѣе процентовъ въ пользу нарушеній различныхъ полицейскихъ уставовъ и постановленій, судъ надъ которыми неизбѣжно предоставить одной полицейской власти мировыхъ судей, — положимъ, 50%. Но и тогда число лицъ, судившихся суммарнымъ образомъ, будетъ вдесятеро больше судившихся не суммарнымъ образомъ. Съ точки зрѣнія тягости совершенныхъ преступленій, конечно, лучше, что такихъ преступленій и проступковъ, которые судятся суммарнымъ образомъ, было вдесятеро больше, чѣмъ преступленій, для которыхъ удержанъ присяжный судъ. Но не становится ли вмѣстѣ съ тѣмъ для массы народа, подвергающагося этимъ суммарно-постановленнымъ приговорамъ, однимъ устарѣлымъ воспоминаніемъ, одною стародавней юридической фикціей — то начало Великой Хартіи, которое требуетъ, чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не былъ вверженъ въ темницу иначе, какъ по законному суду равныхъ его или перовъ? И во всякомъ случаѣ не оправдывается ли уже предсказаніе Блекстона, что, благодаря суммарной юрисдикціи, только одни капитальныя преступленія будутъ оставлены за присяжнымъ судомъ? Изъ слишкомъ четырехъ сотъ тысячъ лицъ, судившихся суммарнымъ образомъ, 143,744 было оправдано и 260,920 человѣкъ осуждено.

Осужденные были подвергнуты главнымъ образомъ слѣдующимъ наказаніямъ:

Къ тюремному заключенію на время не свыше 6 мѣсяцевъ	. 73.
отъ 3 до 6 —	2,762.
« 2 « 3 —	8,699.
« 1 « 2 —	10,302.
» 14 дней до 1 м.	21,758.
до 14 дней . . .	20,968.

Въ исправительныя заведенія (reformatories) отослано . 699.
Къ денежнымъ штрафамъ приговорено . . . . 160,360.
Тѣлесному наказанію подверглись (whipped) . . . . . 502.
и т. д.

По нѣкоторымъ отдѣльнымъ родамъ и видамъ проступковъ число лицъ, судившихся сокращеннымъ порядкомъ, располагается слѣдующимъ образомъ. Всѣхъ лицъ, и въ томъ числѣ малолѣтнихъ преступниковъ, судившихся въ простыхъ кражахъ, было 40,226; изъ нихъ 18,528 оправдано и 21,698 осуждено. По акту о бродяжничествѣ (Vagrants act) судилось всего 32,700 человѣкъ, и изъ нихъ осуждено 18,630. По нарушенію разныхъ полицейскихъ законовъ осуждено 23,561; по проступкамъ, совершеннымъ на большой дорогѣ, 21,603; по нарушенію различныхъ мѣстныхъ актовъ 19,670; за умышленное повреждение чужой собственности 16,709; за нарушеніе законовъ объ охотѣ осуждено было 8,929; по разбирательству споровъ и несогласій между слугами и господами осужденныхъ было 8,301.

Считая всѣ эти числа поразительными (startling), юридическій журналъ, которымъ мы пользуемся, замѣчаетъ, что суммарная юрисдикція становится, вслѣдствіе ея увеличивающагося объема, все болѣе важною отраслію правосудія. Чтобы замѣтить это, юристамъ конечно не нужно ни агитировать противъ мировой юстиціи, ни возставать противъ нея въ интересѣ только юридической корпораціи. Встрѣчаясь съ подобными доводами поклонниковъ мировой юстиціи à tout prix, невольно подумаешь, что юристы въ Англіи суть какіе-то заговорщики противъ мировой юстиціи, которые бы хотѣли захватить все въ свои руки. Какого бы мнѣнія мы ни были объ англійскихъ юристахъ, но все же мы полагаемъ, что подобный взглядъ на нихъ былъ бы не совсѣмъ справедливъ. Юристы въ Англіи, не такъ какъ въ другихъ странахъ Европы, являлись постоянно органами юридическаго сознанія своего собственнаго, а не чужаго народа. Они никогда не имѣли ничего общаго съ тѣми doctores juris, которые въ средніе вѣка вездѣ подавляли развитіе національнаго права посредствомъ римскаго. Въ знаменитыхъ словахъ, сказанныхъ однажды баронами Генриху III, по поводу чужеземнаго каноническаго права: «Мы не хотимъ измѣнять законовъ Англіи»,— въ этихъ словахъ высказалось разъ навсегда столько же убѣжденіе народа, сколько и корпораціи юристовъ. Судьи же, торговавшіе совѣстью въ политическихъ процессахъ, были столько же измѣнниками конституціи, сколько измѣнниками своей корпораціи. Отличительная черта англійскихъ юристовъ отъ континентальныхъ состояла

и состоитъ въ томъ, что, не смотря на все раздѣленіе труда въ практикѣ, они постоянно занимались столько же публичнымъ, сколько частнымъ правомъ.

Причина, почему, особенно въ настоящее время, такъ быстро растетъ въ Англіи эта отрасль правосудія, заключается между прочимъ и въ томъ, что мирные судьи, частные обвинители, свидѣтели и сами обвиненные одинаково стараются прибѣгать къ закону, установленному собственно для самыхъ простыхъ видовъ воровства-кражи (larceny). Это законъ 1855 г., которымъ предписывается, въ случаѣ самыхъ незначительныхъ по цѣнности кражъ, обращаться къ виновному съ вопросомъ: желаетъ ли онъ судиться суммарнымъ образомъ, или черезъ мировыхъ судей? Съ точки зрѣнія: Volenti non fit injuria, вопросъ этотъ въ порядкѣ вещей, хотя наказаніе, постановляемое здѣсь двумя мировыми судьями, состоитъ въ трехмѣсячномъ тюремномъ заключеніи съ тяжкой работой. Но любопытно то, что частные обвинители и свидѣтели начали прибѣгать къ этому закону въ особенности съ тѣхъ недавнихъ поръ, какъ уменьшена плата за издержки по судебному преслѣдованію и въ вознагражденіе свидѣтелей. Мы встрѣчаемся здѣсь, значитъ, съ тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, на вредныя послѣдствія котораго, для правосудія вообще, недавно жаловались большіе присяжные въ Ливерпулѣ. Извѣстно, что представленіе, съ которымъ эти присяжные обратились къ государственному судьѣ, барону Мартину, и которое въ виду многихъ тяжкихъ преступленій, совершенныхъ за самое послѣднее время въ Англіи, произвело значительное впечатлѣніе, приписываетъ главную причину зла тому обстоятельству, что многія пострадавшія отъ преступленія лица, обязанныя начать уголовный искъ, уклоняются отъ преслѣдованія, чтобы избѣгнуть еще большихъ ущербовъ и безпокойствъ. Точно также и свидѣтели всячески стараются уклониться отъ обще-гражданской обязанности, за исполненіе которой уменьшено вознагражденіе. Именно въ февралѣ 1858 г. сэръ Джорджъ Грей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, издалъ приказъ (order), которымъ значительно понижалось вознагражденіе въ пользу свидѣтелей. До того свидѣтели, являясь въ сессіи и ассизы, вознаграждались за безпокойство и потерю времени, согласно ихъ общественному положенію и по вѣроятному убытку, понесенному ими въ ихъ дѣлахъ. По новому же положенію Грея установлена для свидѣтелей однообразная плата по три съ половиною шиллинга въ день, за исключеніемъ только ученыхъ свидѣтелей, призываемыхъ для подтвержденія какихъ нибудь научныхъ фактовъ, и экспертовъ, дѣлающихъ какія нибудь техническія показанія. Плата эта, которая

во всякой другой странѣ была бы совершенно достаточною, считается въ Англіи до того незначительной, что отъ установленія ея страждутъ интересы правосудія (*). Значительность уголовно-судебныхъ издержекъ въ Англіи, — полная сумма которыхъ съ 1846 г. выплачивается однимъ государственнымъ казначействомъ, безъ участія графствъ,—открывается изъ слѣдующей цифры. Высчитано, что воръ по профессіи, когда его осуждаютъ на каторжную работу, обходится странѣ, среднимъ числомъ, въ 31 ф. 19 шиллинговъ и 3 пенса. И все же нельзя здѣсь для государства быть излишне экономнымъ, такъ какъ этотъ самый воръ на свободѣ взимаетъ съ общества ежегодно подать — посредствомъ кражи — приблизительно въ 75 ф. Менѣе, чѣмъ на 450 р. с., и вору трудно прожить въ Англіи, сколько нибудь прилично. Но возвратимся къ нашему предмету. При томъ одностороннемъ развитіи, которое получила постепенно англійская мировая юстиція, весьма важенъ вопросъ о контролѣ надъ нею. Мы фактически ошибались, когда, говоря о недостаточности существующихъ способовъ контроля надъ мировыми судьями, приписывали предполагавшемуся департаменту юстиціи возможное наблюденіе и надъ мировыми судьями. Какое бы, впрочемъ, обстоятельство ни ввело насъ здѣсь въ заблужденіе, но мы полагаемъ, что, при сколько нибудь добросовѣстномъ пониманіи всего сказаннаго нами по этому поводу, едва ли кому прійдетъ на мысль обвинять насъ въ желаніи принести независимость англійской судебной власти въ жертву бюрократіи. Обвиненіе это слишкомъ нелѣпо, чтобы на немъ останавливаться. Изъ всѣхъ существующихъ видовъ контроля надъ мировыми судьями, самый дѣятельный, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ общественномъ мнѣніи и въ прессѣ. Всѣ остальныя средства защиты противъ произвольныхъ рѣшеній мировой юстиціи менѣе дѣйствительны. Апеллировать на приговоры мировыхъ судей въ судъ четвертныхъ засѣданій можно только въ томъ исключительномъ случаѣ, когда въ самомъ статутѣ, которымъ извѣстный родъ проступковъ предоставляется суммарному суду, именно установлено право апелляціи. Достигнуть же вытребованія дѣла въ судъ королевской скамьи потому въ особенности трудно, что, какъ мы уже разъ видѣли, самая сумма, требуемая при этомъ въ залогъ правой апелляціи, 300 р. с., весьма значительна для бѣднаго класса, которому главнымъ образомъ приходится имѣть дѣло съ мировой юстиціей. Да кромѣ того все дѣлопроизводство въ центральныхъ судахъ

(*) Manchester Guardian, 21 aug. 1860.

сопряжено съ такими издержками, что обращаться съ жалобой къ нимъ вообще не очень выгодно, особенно если принять во вниманіе, что эти центральные суды, по словамъ Гнейста, по необходимости должны смотрѣть крайне снисходительно на мировыхъ судей, обремененныхъ такимъ множествомъ дѣлъ по управленію графства. Итакъ печатная гласность представляется лучшей гарантіей въ справедливости мировой юстиціи. Конечно, мы однажды уже имѣли случай замѣтить, что подобный контроль, который существуетъ уже въ лицѣ людей, принадлежащихъ въ графствѣ къ противной политической партіи, несмотря на всю его дѣйствительность, не всегда влечетъ за собой необходимыя юридическія послѣдствія. Тѣмъ не менѣе мы готовы были бы считать мировую юстицію, контролируемую прессой, совершенно безукоризненной. Но тутъ именно приходится намъ, къ сожалѣнію, встрѣчаться у англичанъ съ отзывами, въ родѣ слѣдующаго:

«Трудно себѣ представить, какъ велико число злоупотребленій, ежедневно совершаемыхъ, и какъ значительно здѣсь зло; никто не въ состояніи оцѣнить этого вполнѣ, кто не обращалъ вниманія на дѣйствіе этой судебной системы. Случаи мировой юстиціи (cases of Justices' justice) нерѣдко привлекаютъ къ себѣ вниманіе прессы. Но сотни случаевъ ежедневно встрѣчаются, которые не обращаютъ на себя подобнаго вниманія, но въ которыхъ мировые судьи оказываютъ притѣсненіе, безъ всякой сдержки и безъ всякой отвѣтственности. Въ огромномъ числѣ случаевъ, жертвами этой системы организованнаго притѣсненія суть люди бѣдные, которые не въ состояніи возвысить голоса, чтобы быть услышанными....» Далѣе краски еще мрачнѣе: говорится, что нельзя англичанину, имѣющему благородный common law, который охраняетъ одинаково богатыхъ и бѣдныхъ, войти въ судебную комнату мироваго судьи (Justice-room) безъ того, чтобы не покраснѣть отъ стыда (*). Положимъ, что это отзывъ публициста, который увлекается; положимъ даже, что это отзывъ писателя, который должно-быть когда нибудь былъ испорченъ юриспруденціей и говоритъ такъ о мировой юстиціи въ интересѣ своей юридической корпораціи. Но тѣмъ не менѣе намъ извѣстно, что это авторъ, который проникнутъ горячей любовію къ самоуправленію, ненавистію къ бюрократіи и централизаціи, и что книга его о самоуправленіи и централизаціи, появившаяся въ 1851

(*) Local selfgovernment and centralisation, by. J. Toulmin Smith, Esq. стр. 275.

году, имѣла уже два изданія. Къ судебно-полицейской власти мировыхъ судей онъ относится несравненно радикальнѣе насъ. Мы, напримѣръ, вслѣдствіе нашей умѣренности, совершенно помирились бы на томъ, если бы суммарной юстиціи положены были какіе нибудь спасительные предѣлы. Но на этомъ Тулминъ Смитъ ни за что не помирится, да и нельзя ему на этомъ помириться, потому что онъ отъ этой юстиціи видитъ для англійскаго самоуправленія еще гораздо бо́льшую опасность, чѣмъ мы видимъ. Онъ считаетъ ее однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ симптомовъ централизаціи, той особой централизаціи, которая отнимаетъ судъ въ бо́льшей части обыкновенныхъ, ежедневныхъ случаевъ отъ членовъ общины и передаетъ его землевладѣльцамъ, утвержденнымъ въ должности мировыхъ судей короной и потому совершенно безотвѣтственнымъ. Къ тому же замѣчательно, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между мировыми судьями и тѣми полицейскими судьями-юристами на жалованьи, которые во всѣхъ большихъ городахъ замѣнили мировыхъ судей, и замѣнили, по увѣренію Гнейста, между прочимъ, затѣмъ, чтобъ не было излишнихъ коллизій между капиталомъ и трудомъ, то есть между классами владѣющими и невладѣющими.

Мы встрѣчаемъ въ этомъ же сочиненіи одно довольно любопытное свидѣтельство о дѣйствіи законовъ, посредствомъ которыхъ несовершеннолѣтніе преступники были подчинены суммарной юрисдикціи. Мнѣніе это было высказано въ 1850 г. въ рѣчи, произнесенной черманомъ мидльсекскихъ четвертныхъ засѣданій, Адамсомъ. «Законодательная власть», сказалъ онъ: «полагала, что изъятіе дѣтей изъ вѣдомства публичныхъ судовъ и подчиненіе ихъ, вмѣсто суда присяжныхъ, суду одиночному, будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на юное населеніе страны и уменьшитъ число преступниковъ. Но сорокалѣтній опытъ въ отправленіи правосудія оставилъ въ немъ глубокое убѣжденіе, что послѣдствія этой суммарной юрисдикціи будутъ совершенно противоположны тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали виновники парламентскаго акта, установившаго эту суммарную юрисдикцію» (стр. 280).

Разбирательство споровъ и несогласій между господами и слугами составляетъ также одинъ изъ обширныхъ предметовъ мировой юстиціи. И подобные споры и несогласія, въ большей части случаевъ, дѣйствительно лучше предоставлять сокращенному разбирательству, чѣмъ формальному суду. Но у насъ есть въ этомъ отношеніи довольно любопытный образчикъ именно мировой юстиціи, образчикъ, взятый изъ одной лондонской газеты (Evening Star 1859, 11 aug.) и сохраненный на память. Дѣло, которое мы здѣсь пере-

даемъ, весьма несложное и простое по содержанію, было напечатано подъ весьма романтическимъ заголовкомъ: *Разочарованная невѣста* (A disappointed bride).

Марта Амосъ жила служанкой у Джона Тальбота, на такой-то фермѣ, въ мѣстечкѣ Четвиндъ, что въ Шрюисбери (Shrewsbury). Уже нѣсколько времени она была помолвлена за однимъ молодымъ человѣкомъ, и такъ какъ приближался срокъ свадьбы, то она за мѣсяцъ объявила своей хозяйкѣ, г-жѣ Тальботъ, о намѣреніи ее оставить и выйти замужъ. Хозяйка отказала ей на томъ основаніи, что она нанята погодно (*) (hired by the year). Тѣмъ не менѣе оглашеніе произведено было въ двухъ приходскихъ церквахъ, и день свадьбы назначенъ. За нѣсколько дней до свадьбы пришли за ней мать ея и женихъ; она обратилась къ хозяину съ просьбою разсчитать ее, и такъ какъ онъ отказалъ ей въ этомъ, то она оставила его и ушла съ матерью. На слѣдующее утро г. Тальботъ досталъ приказъ о поимкѣ ея и вручилъ его мѣстному констаблю, который тотчасъ отправился въ приходъ жениха и пришелъ туда именно въ то время, когда свадебный поѣздъ (the wedding party) только-что собирался отправиться въ церковь. И невѣста, и женихъ, и ближніе друзья были въ свадебныхъ нарядахъ, и все, казалось, шло какъ нельзя лучше, когда внезапно явился полисменъ и объявилъ удивленному обществу причину своего безцеремоннаго вторженія. Замѣшательство, которое тогда произошло, легче себѣ представить, чѣмъ описать. Полисменъ былъ неумолимъ, приказъ его не терпѣлъ отлагательства; и невѣста, вмѣсто того, чтобы пойти съ ея возлюбленнымъ въ церковь и торжественно обвѣнчаться въ присутствіи свидѣтелей, должна была отправиться въ обществѣ полицейскаго чиновника въ ближайшее мѣстечко Ньюпортъ, гдѣ и была подвергнута заключенію. Послѣ она была потребована къ мировому судьѣ въ Четвиндъ, который постановилъ слѣдующій приговоръ: «вычесть ей въ штрафъ изъ жалованья фунтъ стерлинговъ въ пользу хозяина, возвратиться на мѣсто и окончить срокъ служенія». Мы старались передать это дѣло слово-въ-слово и не позволили себѣ никакихъ измѣненій. Въ комментаріяхъ это дѣло также не нуждается.

(*) Домашняя прислуга (въ Англіи) нанимается обыкновенно за точно-опредѣленное въ годъ жалованье. Но по большей части не дѣлается именнаго условія, сколько времени служеніе должно продолжаться; и контрактъ, если не было иначе уговорено, понимается такимъ образомъ, что каждая изъ сторонъ можетъ отъ него во всякое время отказаться, — слуга, увѣдомляя за мѣсяцъ о своемъ намѣреніи оставить хозяина, хозяинъ, выплачивая впередъ за мѣсячное жалованье. Stephen, New Commentaries. II, 239.

Служанка, которая, въ нарушеніе контракта, за мѣсяцъ объявляетъ о намѣреніи оставить мѣсто и которая послѣ, вмѣсто того, чтобы стать предъ алтарь, отправляется съ полицейскимъ въ тюрьму и затѣмъ приговаривается мировымъ судьей еще къ штрафу, — это такое олицетвореніе торжествующаго договора личнаго найма, которое конечно дѣлаетъ честь мировой юстиціи... Впрочемъ мы приводимъ этотъ случай, разумѣется, не затѣмъ, чтобы поколебать абсолютную вѣру тѣхъ, которые, изъ англійскихъ учрежденій, особенно дорожатъ мировой юстиціей. Такіе ли еще, въ самомъ дѣлѣ, случаи бываютъ на свѣтѣ?..

Но все, что бы мы ни приводили противъ суммарно-полицейскаго суда мировыхъ судей, встрѣчаетъ одно и тоже возраженіе, сущность котораго можетъ быть выражена такъ: «вамъ не нравится мировая юстиція, — *значитъ*, вы предпочитаете бюрократическій порядокъ вещей». Неизбѣжная альтернатива здѣсь: мировой судъ, или чиновническій судъ. Посмотримъ, на какой теоріи основывается подобная альтернатива. «Русскій Вѣстникъ», который ставилъ намъ эту альтернативу, выражался слѣдующимъ образомъ: «Всѣ основательные публицисты какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ согласны въ томъ, что вся система англійской свободы основана на началахъ мѣстнаго самоуправленія, что мировая юстиція не есть въ ея конституціи какая нибудь мелкая подробность, которую можно вынуть и вложить по произволу; а что, напротивъ, лишь благодаря системѣ мѣстнаго самоуправленія, и самый парламентъ англійскій имѣетъ то значеніе, какого при всѣхъ усиліяхъ не могутъ достигнуть континентальные парламенты, опирающіеся на бюрократію» (№ 12, за 1860 г. стр. 437). Мы выписываемъ это мѣсто потому, что въ немъ особенно полно высказывается взглядъ безусловныхъ поклонниковъ новѣйшей мировой юстиціи въ Англіи.

Начало и конецъ выписаннаго нами предложенія совершенно справедливы; а въ цѣломъ оно все-таки выражаетъ мысль, съ которой нельзя согласиться. Точка отправленія совершенно вѣрная: публицистамъ какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ, какова бы ни была степень ихъ основательности, не трудно согласиться въ настоящее время въ томъ, что вся система англійской свободы основана на началахъ мѣстнаго самоуправленія. Не менѣе справедлива мысль, что, лишь благодаря системѣ самоуправленія, англійскій парламентъ имѣетъ то значеніе, какого не могли достигнуть до сихъ поръ континентальные парламенты. Дѣйствительно такой взглядъ составляетъ главный результатъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ изученіи англійскихъ учрежденій. Столѣтіе тому назадъ, во времена Монтескье

и Блекстона, когда взоры всѣхъ мыслящихъ людей на континентѣ устремились на Англію, общее вниманіе было исключительно сосредоточено на парламентѣ. Изъ цѣлаго зданія государственнаго устройства Англіи виднѣлся одинъ только куполъ. Но чѣмъ ближе подходили къ этому зданію, тѣмъ больше стали удивляться тому солидному фундаменту, на которомъ все зданіе воздвигнуто. Увидѣли, что массивное зданіе парламента, со всѣми его почтенными средневѣковыми формами, держится на множествѣ самостоятельныхъ общинныхъ союзовъ и корпорацій, покрывающихъ цѣлую страну. Эти общинные союзы и корпораціи должны быть крѣпки, когда ими поддерживается парламентъ; крѣпки же они опять потому, что управляются сами собой. Значитъ, совершенно справедливо, что англійскій парламентъ опирается на систему мѣстнаго самоуправленія, и противъ такой мысли, которая сама составляетъ основаніе всего выписаннаго нами мѣста, мы рѣшительно ничего не можемъ возразить; мы, напротивъ, вполнѣ ей сочувствуемъ. Но тѣмъ непріятнѣе для насъ, что двѣ совершенно вѣрныя мысли, стоящія одна въ началѣ, другая въ концѣ, связуются третьей, съ которой нельзя согласиться потому, что на мѣстѣ ея должна бы быть другая мысль. Эта связующая мысль, которая именно потому не хороша, что она здѣсь связующая, есть слѣдующая: «мировая юстиція не есть въ ея конституціи (т. е. Англіи) какая нибудь мелкая подробность, которую можно вынуть и вложить по произволу». Мы готовы бы согласиться съ этимъ, потому что въ извѣстномъ смыслѣ мировая юстиція, особенно въ ея такъ непрасиво-разросшемся объемѣ, не есть мелкая подробность. И все же какъ-то странно встрѣтиться здѣсь съ мировой юстиціей. У всякой мысли есть, такъ сказать, свой полетъ. Когда начинаешь съ того, что вся система англійской свободы основана на началахъ самоуправленія, и когда кончаешь тѣмъ, что англійскій парламентъ, только благодаря самоуправленію, имѣетъ такое значеніе, какого не могли пріобрѣсти другіе парламенты, то среди англійской свободы и англійскаго парламента готовишься встрѣтить другое, соотвѣтственное по важности явленіе государственной жизни Англіи. Какое же это явленіе, которому прилично занять мѣсто между самоуправленіемъ и парламентомъ? Оно во всякомъ случаѣ должно имѣть судебное значеніе. Это должно быть какое нибудь судебное учрежденіе; которое составляетъ гордость, славу Англіи, которое служитъ великимъ оплотомъ для свободной прессы и къ которому обращаются какъ граждане, такъ и правительственная власть, въ случаѣ какого либо нарушенія основныхъ правъ. Такимъ учрежденіемъ, конечно, можетъ быть не мировая юстиція, а судъ присяжныхъ. Поставимъ

же судъ присяжныхъ на мѣсто, которое онъ долженъ занимать и въ котораго его силится сдвинуть мировая юстиція. Мы получаемъ тогда въ результатѣ слѣдующую полную мысль, отличающуюся гармоническимъ единствомъ: «Всѣ основательные публицисты, какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ, согласны въ томъ, что вся система англійской свободы основана на началахъ мѣстнаго самоуправленія, что *присяжный судъ* не есть въ ея конституціи какая нибудь мелкая подробность, которую можно вынуть и вложить по произволу; а что, напротивъ, лишь благодаря системѣ мѣстнаго самоуправленія, и самый парламентъ англійскій имѣетъ то значеніе, какого при всѣхъ усиліяхъ не могутъ достигнуть континентальные парламенты, опирающіеся на бюрократію».

Очевидно, что въ теоріи, которой мы коснулись здѣсь, два справедливыхъ термина совершенно произвольно соединяются третьимъ, имѣющимъ съ ними очень мало общаго. Справедливо, что англійская свобода основана на началахъ мѣстнаго самоуправленія; справедливо, что англійскій парламентъ, только благодаря самоуправленію, имѣетъ такое значеніе, какого не могли пріобрѣсти континентальные парламенты, опирающіеся на бюрократію; но совершенно несправедливо, чтобы судъ, посредствомъ котораго держится самая система самоуправленія, былъ не судъ присяжныхъ, а мировая юстиція.

Вся разница между нами и представителями этой теоріи состоитъ въ томъ, что они не любятъ бюрократіи и видятъ спасеніе отъ нея только въ мировой юстиціи землевладѣльцевъ; мы же одинаково не любимъ ни бюрократіи, ни мировой землевладѣльческой юстиціи, и предпочитаемъ послѣдней общинный присяжный судъ съ самымъ обширнымъ кругомъ вѣдомства. Разница во взглядахъ здѣсь не такъ незначительна, какъ она можетъ показаться, — эта разница проистекаетъ изъ различнаго понятія о самоуправленіи. И мы, и представители той теоріи, стоимъ за самоуправленіе. Но вотъ мы, въ интересѣ изученія самоуправленія, подошли къ англійскимъ учрежденіямъ. На первыхъ порахъ знакомства со всякой чужеземной страной и со всякими учрежденіями, трудно, конечно, отдать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ. Первоначальный періодъ такого знакомства всегда бываетъ болѣе или менѣе періодомъ удивленія, потому что всѣ предметы поражаютъ своей новизной. Но нельзя же оставаться вѣчно при одномъ удивленіи; нужно спеціальнѣе познакомиться съ тѣми учрежденіями, совокупное дѣйствіе которыхъ образуетъ англійское самоуправленіе. При этомъ, разумѣется, оказывается, что и англійское самоуправленіе,

и виды всякаго другаго самоуправленія, на сколько они существуютъ, служатъ и могутъ служить для насъ только матеріаломъ, чтобы изучить тѣ общіе законы, по которымъ человѣческія общества могутъ управляться сами собой. Мы именно думаемъ, что нельзя принять какое бы то ни было существующее самоуправленіе за послѣднее и высшее осуществленіе общественнаго разума, за идеалъ вообще обязательный. Это уже и потому невозможно, что всякое устройство страны, а значитъ и всякое самоуправленіе, образуется главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извѣстной формы землевладѣнія, формы, которая вездѣ опять необходимо обусловливается всѣми особенностями историческими и національными. Теперь, спеціальнѣе знакомясь съ англійскими учрежденіями, мы разошлись въ мнѣніяхъ съ приверженцами той теоріи, относительно самаго существеннаго основанія всякаго самоуправленія, именно относительно суда. Мы полюбили тотъ судъ, благодаря которому, англійское самоуправленіе развилось и окрѣпло, именно судъ присяжныхъ; поклонники же и послѣдователи вышеозначенной теоріи болѣе всего полюбили въ англійскомъ самоуправленіи мировую юстицію землевладѣльческихъ классовъ. Впрочемъ, любовь здѣсь ни на которой сторонѣ не есть слѣпая, безсознательная. Мы именно полюбили судъ присяжныхъ на томъ основаніи — полюбить такое или другое учрежденіе нельзя же иначе, какъ на какомъ нибудь основаніи, — что въ судѣ присяжныхъ сама община, на сколько она существуетъ въ Англіи, принимаетъ участіе въ судѣ. Справедливость — это единственная задача всякаго правосудія. Но судъ присяжныхъ, осуществляя эту задачу, заслуживаетъ преимущество предъ всякимъ другимъ судомъ, — который также можетъ въ извѣстной степени обезпечивать справедливость, — еще потому, что призываетъ къ гражданской дѣятельности самихъ членовъ общины. Поэтому, нисколько не идеализируя суда присяжныхъ, мы полагаемъ, что онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ самоуправленію. Онъ вручаетъ дѣятельное участіе въ правосудіи не одному общественному классу, а призываетъ на службу правосудія, если не всѣ, то большинство общественныхъ классовъ. А это весьма важно, потому что иначе самоуправленіе будетъ значить управленіе страны однимъ только высшимъ (хотя бы и не пользующимся сословными преимуществами) классомъ; всѣ же остальные будутъ классы управляемые имъ и судимые. Вотъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ нашей симпатіи къ суду присяжныхъ. Поклонники же мировой юстиціи, изъ-за сильной симпатіи къ англійскимъ землевладѣльческимъ классамъ, — упустили немного изъ виду остальные классы населенія и болѣе всего полюбили тотъ

судъ, который англійскіе землевладѣльцы безвозмездно творятъ остальному населенію.

Притомъ любопытно отношеніе каждаго изъ насъ къ предмету особенной любви другаго. Въ сущности оно не есть враждебное ни съ которой стороны. Приверженцамъ вышеозначенной теоріи, разумѣется, не безъизвѣстно, что судъ въ Англіи состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ судей и присяжныхъ, и они очень хорошо знаютъ, какъ важно именно присутствіе втораго элемента въ судѣ, и что, благодаря этому второму элементу, который въ зародышѣ вездѣ существовалъ, но развился исторически въ одной Англіи, окрѣпла ея общинная свобода. Съ другой стороны и мы думаемъ, что землевладѣльческіе классы въ Англіи оказали весьма значительныя услуги краю, руководя тѣми историческими движеніями народа, результатомъ которыхъ было пріобрѣтеніе основныхъ правъ каждаго англійскаго гражданина. Кромѣ того, землевладѣльческіе классы, вслѣдствіе цѣлаго склада англійской исторіи, постоянно несли и несутъ довольно тяжкое бремя общинныхъ должностей. Особенно въ должности мировыхъ судей они сослужили вѣрную службу странѣ и постоянно имѣли въ этой должности отличную практическую школу для знакомства съ потребностями государственной жизни. Но почему же англійская джентри постоянно стремилась къ почетнымъ должностямъ въ графствѣ? «Потому что она одушевлена хорошимъ духомъ». Безъ всякаго сомнѣнія, хотя собственные интересы также играли здѣсь немаловажную роль. Всѣ тѣ общинныя подати, безъ которыхъ самоуправленіе немыслимо и сумма которыхъ въ Англіи простирается до 80 милліоновъ р. сер., взимаются съ реальнаго и, значитъ, главнымъ образомъ съ поземельнаго владѣнія. Землевладѣльцы суть въ Англіи наибольшіе плательщики общинныхъ податей. И именно потому, что землевладѣльцы платятъ наибольшую сумму общинныхъ податей въ графствѣ, именно поэтому они болѣе другихъ заинтересованы въ надлежащемъ добросовѣстномъ употребленіи ихъ. Значитъ, у народа, съ такимъ практическимъ смысломъ, какъ англійскій, землевладѣльцы не даромъ играютъ первую роль въ самоуправленіи. Можно не быть поклонникомъ англійскаго самоуправленія, но нельзя не признать, что преимущество извѣстнаго общественнаго класса, которое основывается на такихъ солидныхъ данныхъ, какъ взносъ относительно-наибольшей суммы мѣстныхъ податей и отправленіе почетныхъ, соединенныхъ иногда съ большими расходами должностей (*), есть наиболѣе заслуженное. Иначе

(*) Съ какими расходами соединено, напримѣръ, безвозмездное исправленіе должности шерифа, который къ тому же не представляется ни къ чинамъ, ни

дѣйствительно трудно бы было понять, почему англійская аристократія такъ сильна и уважаема народомъ. Что она не замкнута и доступна для отдѣльныхъ людей изъ другихъ классовъ, это, безъ сомнѣнія, не мало поддерживаетъ ея живучесть. Но этого еще мало: ежедневное оправданіе свое она находитъ еще въ томъ, что она больше другихъ платитъ и больше другихъ трудится на общую пользу. А это достаточныя права на уваженіе и въ нашъ неаристократическій вѣкъ.

Значитъ, теорія самоуправленія на основаніи мировой юстиціи не отказываетъ въ общемъ уваженіи присяжнымъ; мы же чувствуемъ подобное уваженіе къ мировымъ судьямъ. Но вотъ, чтобы нарушить полное согласіе между нами, начинаетъ разростаться со второй половины прошлаго столѣтія суммарная юрисдикція мировыхъ судей, которая, по мнѣнію многихъ англійскихъ писателей, значительно измѣняетъ основной характеръ мировой юстиціи. Судъ мировой, скромно существовавшій сначала подлѣ суда общиннаго, присяжнаго, начинаетъ расширять кругъ своего вѣдомства, благодаря парламентскому законодательству, на ходъ котораго оказываютъ главнымъ образомъ вліяніе тѣ же землевладѣльческіе классы, которымъ принадлежитъ въ графствѣ должность мировыхъ судей. Старое англійское самоуправленіе, какъ ни грубы были его формы, представляетъ именно тотъ замѣчательный фактъ, что общинно-присяжный судъ, посредствомъ liberi ac legales homines, составляетъ общую, а не исключительную форму суда для самыхъ важныхъ правонарушеній. Мировые же судьи, назначаемые изъ сквайровъ, имѣютъ въ своихъ рукахъ полицейское и хозяйственное управленіе графства, но пользуются только весьма незначительной юрисдикціей, перешедшей къ нимъ отъ шерифовъ. И если современный англійскій джентльменъ, приготовившій себя къ занятію должности мироваго судьи образованіемъ въ Итонѣ, или въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, во многомъ выше своего грубаго предка, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы обширное право мѣстнаго суда, предоставленное ему парла-

---

къ орденамъ, всего лучше видно изъ слѣдующаго весьма извѣстнаго закона, изданнаго еще при Карлѣ II съ цѣлію ввести нѣкоторую экономію въ бюджетъ шерифа. Ни одинъ шерифъ не долженъ держать открытаго стола во время ассизовъ, не долженъ подносить подарковъ судьямъ и ихъ свитѣ и не долженъ имѣть у себя въ услуженіи болѣе 40 ливрейныхъ лакеевъ. Но, съ другой стороны, ему запрещается, подъ страхомъ наказанія въ 200 фунтовъ, держать менѣе 20 лакеевъ, чтобы не ронять своей должности. Не знаемъ, въ какой степени этотъ курьёзный законъ соблюдался и соблюдается.

ментскимъ законодательствомъ въ гораздо бо́льшемъ противъ прежняго объемѣ, могло вызывать наше сочувствіе. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить, что какъ бы почтенны эти джентльмены ни были, но лучше, если они не будутъ пользоваться правомъ суда надъ другими классами. Мы сказали въ нашей статьѣ въ «Современникѣ» (№ 4), что за исчезновеніемъ сословныхъ правъ остаются еще различные по своимъ интересамъ классы. Это такая общеизвѣстная истина, которая, конечно, не нуждается въ доказательствахъ. По поводу этой мысли, конечно, можно сказать, что изъ разнообразія общественныхъ группъ, которыя остаются послѣ сословій, не слѣдуетъ еще, чтобы онѣ были въ состояніи взаимнаго антагонизма, и что, напротивъ, самое разнообразіе общественныхъ классовъ, группированныхъ около извѣстныхъ интересовъ и профессій, дѣлаетъ невозможнымъ общій антагонизмъ между классами владѣющими и невладѣющими.

Мы не думаемъ утверждать, чтобы подобныя группы необходимо должны были находиться въ состояніи антагонизма. По интересамъ своимъ, люди одной группы могутъ вести междоусобную войну съ людьми другой группы или нѣсколькихъ группъ. Аптекарь, напримѣръ, можетъ въ три-дорога продавать лекарства купцу, купецъ съ своей стороны можетъ наровить какъ можно больше взять съ аптекаря, фабрикантъ съ купца и т. д. Но все это не составляетъ антагонизма между группами. Извѣстно, напримѣръ, что парижскіе булочники живутъ не совсѣмъ въ хорошихъ ладахъ съ парижскими пирожниками. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы, если, положимъ, работники у парижскихъ булочниковъ захотѣли возвысить свою задѣльную плату и сочинить что нибудь въ родѣ англійскаго strike'a, они могли расчитывать на поддержку со стороны пирожниковъ. И такъ какъ во Франціи въ подобныя дѣла вмѣшивается тотчасъ полиція и вооруженная сила, то пирожники все-же были бы очень довольны усмиреніемъ работниковъ. Нѣтъ, несмотря на частную войну между группами, круговая порука между ними довольно развита.... Антагонизмъ между общественными группами становится возможнымъ только тогда, когда одной изъ этихъ группъ, напримѣръ группѣ землевладѣльцевъ, которая политически уже сильнѣе всѣхъ другихъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ, предоставить право суда надъ другими группами. Присяжный же судъ тѣмъ и хорошъ, что онъ составляется изъ людей, взятыхъ безразлично изъ какъ можно бо́льшаго числа группъ.

Но здѣсь наконецъ ждетъ насъ возраженіе, что тягость присяжной службы и теперь уже, при такой обширной системѣ изъятій

изъ вѣдомства присяжнаго суда, почти невыносима, по выраженію Times'a. И хотя мы не намѣрены строить гипотезы о пониженіи или расширеніи англійскаго присяжнаго ценса въ такомъ или другомъ смыслѣ, — такъ какъ о необходимости измѣнить настоящій присяжный цензъ намъ не удалось услышать еще ни одного голоса въ англійской печати,—но на самой тягости присяжной службы стоитъ остановиться. Жалобы на эту тягость далеко неновы; онѣ раздаются съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ присяжная служба и, по всей вѣроятности, никогда не перестанутъ раздаваться (*). Нѣтъ того идеальнаго общественнаго устройства, при которомъ люди смотрѣли бы на безвозмездную общественную службу иначе, какъ на тяжкую обязанность. Конечно, при извѣстномъ сознаніи гражданскаго долга, отъ этой службы не будутъ такъ бѣгать, какъ когда этого сознанія нѣтъ. Но вообще масса людей, для которыхъ время — деньги, охотнѣе занимаются своими дѣлами, или охотнѣе ничего не дѣлаютъ, чѣмъ ищутъ участія въ отправленіи правосудія. Какъ бы однако ни трудна была задача законодателя, имѣющаго разрѣшить вопросъ: кого привлечь къ присяжной службѣ,—освободить отъ нея онъ можетъ все-таки только тѣхъ, которые живутъ дневнымъ трудомъ, — все равно, есть ли у этихъ людей въ сберегательныхъ кассахъ небольшія суммы, скопленныя посредствомъ разныхъ лишеній на черный день, или нѣтъ. Очень многіе изъ тѣхъ, которые призваны служить и на которыхъ наложена эта обязанность, будутъ стараться избѣгнуть ея: необходимо поэтому для законодателя далѣе установить тѣ случаи, въ которыхъ, несмотря на совпаденіе въ какомъ нибудь лицѣ законныхъ условій для службы, его все-таки слѣдуетъ освободить отъ нея. Равно слѣдуетъ постановить штрафъ— этотъ штрафъ въ Англіи довольно значителенъ — за незаконное уклоненіе отъ службы. Многія изъ лицъ, которыя затѣмъ остаются обязанными служить, очень часто, при полученіи повѣстки, приглашающей ихъ принять участіе въ правосудіи, будутъ грустить и жаловаться, что имъ «некогда». Дѣйствительно, имъ можетъ быть не во-время пришла эта повѣстка; но излишняго значенія этому «некогда», даже если оно нашло себѣ выраженіе въ Times'ѣ, законодатель все-же не можетъ приписывать, потому что при всеобщемъ «некогда» становится невозможнымъ самоуправленіе. Бюрократи-

(*) Очень часто, впрочемъ, жалуются не на тягость присяжной службы вообще, а на существующій способъ призванія къ ней, способъ, дѣйствительно допускающій возможность совершенно напрасной траты времени для призываемыхъ.

ческое устройство страны главнымъ образомъ основывается на этомъ гражданскомъ, или антигражданскомъ «некогда». Нигдѣ у частныхъ лицъ нѣтъ такой возможности заниматься исключительно своими дѣлами и не тревожиться общественными обязанностями, какъ при вполнѣ чиновничьемъ устройствѣ суда и управленія.

Зная исторію англійской присяжной службы, мы нисколько не будемъ удивляться тому, что въ Times'ѣ по временамъ встрѣчаются жалобы на тягость ея. Такія ли жалобы вызывало бремя присяжной службы въ средніе вѣка? Развѣ не бывали тогда примѣры, что люди, обязанные нести эту службу, совершали даже фиктивныя, безденежныя продажи своихъ поземельныхъ участковъ, чтобы только освобождаться отъ jury! И что же можетъ значить современная тягость присяжной службы въ сравненіи съ тогдашней? Присяжная служба, подобно всѣмъ общественнымъ тягостямъ, съ древнѣйшихъ временъ покоилась на свободномъ владѣніи извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ, на фригольдѣ. Канцлеръ Генриха VI, Фортескю, во 2-ой половинѣ XV столѣтія, считаетъ преимуществомъ Англіи предъ Франціей то, что въ послѣдней встрѣчаются только отдѣльныя, чрезмѣрныя по величинѣ своей имѣнія, между тѣмъ какъ въ Англіи есть значительное число небольшихъ достаточныхъ землевладѣльцевъ, которые могутъ нести присяжную службу. Государство призывало здѣсь къ службѣ владѣющіе классы (milites, libere tenentes), чтобы имѣть бо́льшую гарантію въ неподкупности и въ дѣйствительности наказанія, которому подвергались недобросовѣстные присяжные: обыкновенное здѣсь наказаніе (attainte) влекло за собою конфискацію имущества. Независимо еще отъ этихъ соображеній, присяжный цензъ въ 20 шиллинговъ былъ съ конца XIII столѣтія установленъ именно затѣмъ, чтобы не отягощать присяжной службой бѣдняка. На это имѣются положительныя историческія доказательства. Медленно и постепенно, впослѣдствіи, цензъ этотъ растетъ и достигаетъ уже послѣ второй революціи, въ царствованіе Вильгельма и Маріи, нынѣшней своей величины, именно десятифунтовой ренты съ фригольда. Между тѣмъ начинается въ Англіи крайняя централизація поземельной собственности, централизація, которой суждено было совершенно поглотить небольшіе фригольдерскіе участки. О послѣдующихъ результатахъ этой централизаціи лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія краснорѣчивыя числа. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, во времена Адама Смита, въ Англіи считалось 200,000 поземельныхъ владѣльцевъ; нынѣ ихъ считается всего 35,000, то есть 165,000 самостоятельныхъ поземельныхъ вла-

дѣній исчезло (*). Оставаться при требованіи фригольда для присяжной службы естественно нельзя было. И дѣйствительно, уже въ то время, когда установился десяти-фунтовой присяжный цензъ, къ общей присяжной службѣ начинаютъ призывать такъ называемыхъ копигольдеровъ, несшихъ ее прежде только въ судѣ надъ незначительными проступками, въ которомъ предсѣдательствовалъ шерифъ. Немного позже, именно при Георгѣ II, призваны были еще къ присяжной службѣ фермеры (leaseholders). Парламентскій актъ 25 года ничего почти не измѣнялъ въ этомъ отношеніи, и этотъ актъ заключаетъ въ себѣ нынѣ дѣйствующее право о присяжной службѣ. Цензъ этотъ совершенно достаточенъ и соотвѣтствуетъ всѣмъ потребностямъ судовъ въ присяжныхъ. Въ началѣ нынѣшняго года происходилъ первый присяжный процессъ въ судѣ канцлера, и отнынѣ будутъ здѣсь прибѣгать къ присяжнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно рѣшить какой либо спорный фактическій вопросъ, точно также, какъ во всѣхъ судахъ по общему праву. Значитъ, потребность на присяжныхъ еще увеличилась противъ прежняго; а между тѣмъ никому и въ голову не пришло даже напомнить о необходимости произвести какое либо измѣненіе въ присяжномъ цензѣ. Правда, на тягость присяжной службы, какъ мы уже сказали, жалуются въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Мы встрѣтили даже недавно мнѣніе, что было бы справедливо вознаграждать присяжныхъ по всѣмъ гражданскимъ процессамъ (**). Авторъ этого мнѣнія разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Въ уголовномъ процессѣ каждый присяжный, исполняя общественную обязанность, служитъ государственнымъ интересамъ правосудія. По дѣламъ же гражданскимъ, частное лицо, являясь на скамьѣ присяжныхъ, служитъ еще болѣе частнымъ интересамъ тяжущихся, чѣмъ интересамъ государственнымъ. Почему же въ такомъ случаѣ не ввести бы по этимъ гражданскимъ дѣламъ вознагражденія присяжнымъ, подобно тому, какъ оно уже существуетъ для такъ-называемыхъ спеціальныхъ присяжныхъ? — Нѣтъ сомнѣнія, что если бы по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, за каждый день службы въ судѣ, респектабельные джентльмены получали гинею, подобно спеціальнымъ присяжнымъ, то жалобы на тягость присяжной службы разомъ бы прекратились. Но мы не думаемъ, чтобы это предложеніе могло быть когда либо осуществлено не только потому, что репутація именно спеціальныхъ присяжныхъ, получающихъ вознагражденіе, издавна

(*) Carey, Principles of social science, III. 287.
(**) Law Times, Feb. 18, 1860.

незавидна, но и потому, что это измѣнило бы совершенно характеръ присяжной службы, которая вообще должна быть безвозмездной и почетной обязанностью. Во всякомъ случаѣ приведенное мнѣніе не лишено интереса, такъ какъ оно служитъ выраженіемъ новыхъ взглядовъ на присяжную службу и на самоуправленіе. Подобныхъ мнѣній въ современной Англіи довольно. Мнѣніе Гнейста, что новые владѣющіе классы въ Англіи хотятъ видѣть въ государствѣ только компанію на акціяхъ — это мнѣніе, которое отъ частыхъ повтореній становится у него даже стереотипнымъ — заключаетъ въ себѣ весьма много справедливаго.

В. УТИНЪ.

20 сентября, 1860 года.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Изданіе графа Кушелева-Безбородко, подъ редакціею Н. Костомарова. Спб. 1860.)

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о народныхъ легендахъ, по поводу изданія г. Аѳанасьева, и старались показать ихъ происхожденіе и характеръ. Замѣтимъ, что какъ въ прежнихъ статьяхъ мы говорили, такъ и теперь мы будемъ говорить только о чисто-народныхъ легендарныхъ преданьяхъ и повѣрьяхъ, нисколько не касаясь тѣхъ сказаній, которыя освящены церковію и имѣютъ достоинство несомнѣнной достовѣрности (*). Мы указывали, между прочимъ, что одинъ изъ источниковъ народной легенды заключается въ легендѣ книжной, литературной, по происхожденію или русской, или переводной и заимствованной. Легенда могла идти и изъ народа

(*) Прибавляемъ во избѣжаніе недоразумѣній, что мы занимаемся изслѣдованіемъ собственно того, какъ разныя преданья жили и видоизмѣнялись въ народномъ сознаніи, сколько послѣднее выходило изъ области непогрѣшимыхъ вѣрованій, допуская въ себѣ разные оттѣнки внѣшнихъ вліяній и т. п. Всѣ подобныя, смѣшанныя съ вымысломъ народныя преданья и повѣрья мы называемъ легендою, потому что не знаемъ лучшаго слова, кромѣ этого общеупотребительнаго названія смѣшиваемыхъ съ вымысломъ сказаній западнаго католичества.

въ литературу, и, наоборотъ, изъ книги въ народные разсказы. Изданіе г. Костомарова даетъ намъ случай возвратиться къ этому предмету и остановиться именно на этой книжной легендѣ, которая можетъ служить весьма характернымъ выраженіемъ народныхъ вѣрованій, какъ они были встарину и какъ они сохраняются въ бóльшей части народа до сихъ поръ. Мы давно не видали такого любопытнаго изданія русскихъ памятниковъ, какъ изданіе г. Костомарова, имѣющее право на большее количество читателей, чѣмъ сколько находятъ обыкновенно книги о нашей народной старинѣ. Если насъ занимаетъ изученіе народнаго быта, которое представляетъ литература въ разсказахъ Тургенева и Марка Вовчка, въ комедіяхъ Островскаго, то свое право на вниманіе имѣютъ и памятники старинной литературы, имѣвшіе вліяніе на образованіе нынѣшнихъ понятій народа или до сихъ поръ представляющіе прямое ихъ выраженіе. Именно этого рода памятники выбралъ для своего изданія г. Костомаровъ. Книга его имѣетъ теперь тѣмъ больше занимательности, что существенная часть ея посвящена старинной легендарной литературѣ, которая до послѣдняго времени оставалась почти совершенно недоступна не только для ученаго изслѣдованія, но даже для простаго изданія, да и теперь изданіе подобныхъ памятниковъ сопряжено съ значительными неудобствами.

Вышедшій теперь томъ составляетъ только первую половину памятниковъ, которые предполагаетъ издать г. Костомаровъ. Книгу начинаетъ повѣсть «о Горѣ-Злочастіи», замѣчательный памятникъ старинной поэзіи, изданный нѣсколько лѣтъ тому въ «Современникѣ», и затѣмъ идетъ цѣлый рядъ легендъ о благочестивыхъ князьяхъ, о водвореніи христіанства въ разныхъ краяхъ древней Руси, о древнихъ святыхъ, о благочестивыхъ женщинахъ, о святыхъ старцахъ, творившихъ чудеса и боровшихся съ бѣсами, о видѣніяхъ загробнаго міра, и т. д. Въ числѣ ихъ издатель помѣщалъ впрочемъ не одни чисто-русскія произведенія, но далъ мѣсто и нѣкоторымъ переводнымъ, которыя наряду съ первыми дѣйствовали на понятія читателей. Русская легендарная поэзія не нашла еще своего историка, какъ не нашла еще своихъ бенедиктинцевъ и болландистовъ; мы замѣтили, что памятники ея оставались даже почти недоступны для изданія и объясненія, и это очень жаль, потому что для серьёзной оцѣнки народнаго характера совершенно необходимы эти источники, раскрывающіе исторически религіозную, благочестивую сторону народной жизни. Читатель оцѣнитъ, конечно, важность подобнаго изученія, если вспомнитъ, какъ много религіозныя понятія народа имѣютъ вліянія на его частный и общественный бытъ, на его отношенія къ властямъ, къ образованію, и т. д. Но

принимая на себя выставлять програму подобнаго изслѣдованія, еще труднаго въ наше время, мы ограничимся нѣсколькими указаніями на нее по поводу легендъ г. Костомарова.

Русская легендарная литература начинается вмѣстѣ съ первыми попытками нашей письменности. Распространеніе христіанства и грамотности познакомило русскихъ съ произведеніями древне-греческой легенды и развило въ благочестивыхъ читателяхъ вкусъ къ этому чтенію; вмѣстѣ со множествомъ святыхъ, явившихся въ русской церкви, и ихъ житій, является и множество легендарныхъ разсказовъ. Содержаніе ихъ, по характеру своему, отличается отъ содержанія достовѣрныхъ сказаній только печатію наивныхъ религіозныхъ увлеченій. Въ періодъ московскаго царства у насъ было уже много чисто-русскихъ произведеній легендарнаго рода. Масса ихъ шла, постепенно возрастая: въ XVII вѣкѣ еще продолжали появляться новыя легенды и повѣсти; но реформа Петра кладетъ границу и имъ, какъ многимъ инымъ явленіямъ русской старины, и съ тѣхъ поръ легенда остановилась. Еще обширнѣе, чѣмъ русскихъ, была масса переводныхъ легендъ, которыя заимствовались изъ трехъ разныхъ источниковъ: наибольшее число шло изъ византійской литературы; многое перешло отъ славянскихъ соплеменниковъ, сербовъ, болгаръ и даже чеховъ; наконецъ, особенно въ позднѣйшее время, много легендъ было переведено изъ сборниковъ латинскихъ. Существенно важнымъ источникомъ легендарной поэзіи была у насъ, конечно, византійская литература, изъ которой прямо могла перейти къ намъ форма и манера этихъ произведеній. Русскія легенды перенимали и самую внѣшность греческихъ, и слѣды такого подражанія можно иногда замѣтить; такъ русскіе сочинители легендъ давали иногда придуманныя греческія имена своимъ героямъ и т. п. Очень понятно, почему старина такъ долго держалась и въ содержаніи и въ формѣ этого рода литературы: легенда всегда жила исключительно въ классѣ благочестивыхъ читателей, дорожившихъ преданьемъ часто съ неразборчивымъ увлеченьемъ; притомъ ей давали важность религіозную, становившую ее выше обыкновенныхъ произведеній фантазіи. Различіе легендъ сводилось только къ тому, что въ одныхъ болѣе преобладалъ аскетизмъ, въ другихъ чудесное, въ третьихъ болѣе мягкое благочестіе, — все это, разумѣется, съ легендарными излишествами. Въ западныхъ литературахъ легенда сложилась такимъ же образомъ: легендарно-чудесное понималось очень сходно на востокѣ и на западѣ, и оттого греческая легенда пользовалась на западѣ такимъ же авторитетомъ, какъ дома; она вошла цѣликомъ въ западные сборники и держалась тамъ во все время господства легендарной поэзіи. Греческая легенда служитъ слѣдовательно нитью, ко-

торая связываетъ нашу легенду съ западно-европейскою; всѣ онѣ представляютъ много общаго.

При изслѣдованіи нашей легенды должны быть такимъ образомъ отмѣчены эти общія стороны, принадлежащія ей наравнѣ съ другими христіанскими легендами. Результатъ такого наблюденія представитъ приблизительно участіе общихъ христіанскихъ идей въ народныхъ вѣрованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы смѣло можемъ сближать русскую легенду съ итальянской, французской, нѣмецкой, и увидимъ въ нихъ много сходнаго; мы увидимъ тѣ же, нейдущія далѣе внѣшности своего предмета понятія объ аскетической жизни, о чудесахъ, тотъ же взглядъ на женщину, только какъ на источникъ зла и грѣха. Подобныя общія мѣста легенды не зависѣли отъ національнаго характера, потому что явились съ нею извнѣ, изъ первоначальнаго источника легенды, и составляли характеръ цѣлаго рода. Сходство объясняется именно той первоначальной легендой, которая составилась въ тѣ вѣка христіанства, когда началось направленіе живой вѣры не къ углубленію въ силу и значеніе христіанства, а къ ревности о разныхъ, выработанныхъ прежде подвигами вѣры, формахъ благочестія,—направленіе, изъ котораго проистекло наконецъ римское католичество. Съ тѣхъ поръ легенда, въ объясненномъ нами выше смыслѣ, неизмѣнно переходила ко всѣмъ христіанскимъ народамъ. Чтобы понять эти основныя черты легенды, надобно перенестись въ тѣ отдаленныя времена, когда этотъ суровый аскетизмъ, который произвелъ столько пустынниковъ и «столпниковъ» и который долженъ въ своемъ истинномъ значеніи навсегда остаться образцомъ благочестія, стали представлять и цѣнить по одной его наружности; даже позднѣйшія легенды приводятъ примѣры такого односторонняго понятія объ аскетизмѣ, въ которомъ нельзя не видѣть вліянія старинной легенды. Оттуда же идетъ почти вся масса понятій о чудесномъ, останавливающихся только на наружности чуда и занимающихъ такое важное мѣсто въ легендѣ: борьба съ искушеніями демона, власть надъ нимъ святыхъ людей, заклинанія бѣсноватыхъ, сверхъестественныя видѣнія, — безъ раскрытія силы и глубины всего этого, — словомъ, всѣ главные мотивы, которые повторяются и въ старыхъ и въ новыхъ легендахъ. Эти мотивы большею частію чрезвычайно древни; очень часто въ нихъ продолжали свое существованіе еще старые народные предразсудки и языческія вѣрованія. Если, напримѣръ, въ легендѣ иногда только нервическія страданія «одержимаго» представлялись дѣломъ бѣса, овладѣвшаго человѣкомъ, то и въ прежнихъ языческихъ понятіяхъ человѣкъ находился иногда подъ наитіемъ божества: такъ объяснялось изступленіе вакханокъ, дельфійскаго ораку-

ла, бѣшенство Алиса. При неумѣньи разграничить явленіе «одержимыхъ бѣсомъ» отъ явленій, объясняемыхъ физіологическими законами, или простой человѣческій обманъ отъ дѣйствительныхъ вліяній духовныхъ началъ тьмы, произошли и у христіанъ разные неосновательные разсказы о языческихъ волшебствахъ, которые нерѣдко встрѣчаются не только въ старой, но и въ новой легендѣ, а также и въ русской; отсюда шло и преслѣдованіе волшебства и магіи, свирѣпствовавшее не только въ средніе вѣка, но и позднѣе: сожиганіе вѣдьмъ и чародѣевъ, — достойное продолженіе инквизиціи, — продолжалось въ западной Европѣ даже до XVIII столѣтія. На Руси точно также преслѣдовались вѣщія женки, вѣдьмы и волхвы; наша исторія можетъ представить свои Hexenprocesse, хотя, можетъ быть, не въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ на западѣ. Изображеніе демоновъ въ легендѣ соотвѣтствовало ихъ злому, отверженному характеру; жилищемъ ихъ стали заброшенныя языческія капища и мѣста, невозможныя для человѣка, трущобы, лѣса и болота. Демоны принимали самый отвратительный видъ; извѣстны наиболѣе популярныя изображенія чорта; легенды называютъ его «эѳіопомъ», то есть чернымъ,—у насъ онъ представляется темносинимъ; онъ появляется и въ видѣ нечистыхъ животныхъ, свиньи, змѣи; въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ покидалъ иногда тѣло бѣсноватыхъ, изгоняемый заклинаніями. Новая демонологія получила въ легендѣ обширное значеніе, и вмѣстѣ съ ней развился цѣлый кругъ представленій, которыя легенда распространила впослѣдствіи въ массѣ читателей и народа; изъ нихъ образовались наконецъ обычаи, которые можно наблюдать до сихъ поръ. Требованія аскетизма и благочестія противорѣчили съ удовольствіями мірской, свѣтской жизни и съ народными увеселеніями, особенно въ первое время, когда эти увеселенія были еще остаткомъ языческихъ праздниковъ. Церковь возставала противъ нихъ, какъ противъ нечестія и суевѣрія, и за ней легенда, до самаго поздняго времени, осуждала людей, преданныхъ свѣтскимъ развлеченіямъ, и иногда казнила ихъ безъ милосердія, отдавая славу строгимъ постникамъ и молчальникамъ. Въ ней рѣдко являются люди среди семейства и общества: при всей святости жизни ихъ подвигъ недостаточенъ, и они почти всегда кончаютъ уединеніемъ и монашествомъ; спасеніе становилось возможно только цѣною отреченія отъ міра. Древнѣйшей легендѣ принадлежитъ также и мрачный взглядъ на женщину. Съ ней человѣкъ необходимо предавался мірской заботѣ и удовольствію, и оттого въ ней видѣли только источникъ грѣха, а въ ней самой предполагали вообще очень мало нравственной силы, которая бы могла предохранить ее отъ паденія. Она

представляется обыкновенно существомъ слабымъ и слишкомъ податливымъ; она можетъ сохранить благочестіе только совершеннымъ отказомъ отъ удовольствій жизни; и дѣйствительно, героини легенды или старицы, или богатыя житейскимъ опытомъ вдовы, или уже съ одиннадцати лѣтъ обрекаютъ себя на вѣчное дѣвство.

Такимъ образомъ въ связи съ уцѣлѣвшими остатками старыхъ языческихъ вѣрованій легенда даетъ намъ удобное средство проникнуть въ тогдашнюю борьбу и смѣсь религіозныхъ понятій, въ народныя представленія, родившіяся въ эпоху еще незабытаго язычества. Когда съ упадкомъ древняго образованія и литературы начала развиваться новая литература христіанскаго общества, легенда сдѣлалась поэтическимъ выраженіемъ новыхъ воззрѣній, стала общимъ религіознымъ эпосомъ христіанскихъ народовъ. Въ такомъ видѣ легенда древнѣйшихъ временъ христіанства перешла въ Европу. Дальнѣйшее развитіе ея въ отдѣльныхъ литературахъ происходило на основаніи тѣхъ же принциповъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ легенда пріобрѣтала и частный національный смыслъ, потому что у каждаго народа встрѣчалась съ иными народными предразсудками и повѣрьями, которыя оказывали вліяніе на ея складъ и содержаніе. Здѣсь опять повторяется то явленіе, на которое мы намекали прежде: легенда снова переработывала старыя понятія народа и замѣняла ихъ христіанскими, и это дѣлалось тѣмъ легче, что языческая миѳологія новыхъ народовъ представляла много сходства съ прежними, такъ что легенда была уже на знакомой почвѣ. Старинная греческая легенда совершенно понималась у насъ, потому что и въ русской жизни съ введеніемъ христіанства происходила та же борьба язычества съ новой религіей. Въ русской жизни также толпа еще вѣрила — и вѣрила долго и послѣ того — волхвамъ, которыхъ унижала церковь и легенда; народъ еще дорожилъ языческими праздниками, на которые легенда смотрѣла какъ на бѣсовскія игры. Языческій политеизмъ точно также олицетворялъ у насъ природу, предполагая въ ней разныя божества и населяя озера и лѣса русалками, лѣшими и водяными, которые въ глазахъ новыхъ христіанъ обратились въ бѣсовъ и демоновъ. Старинныя русскія поученія, направленныя противъ остатковъ язычества, какъ въ первыя времена христіанства, осуждали нѣкоторыя народныя повѣрья и обычаи, какъ прямое служеніе бѣсу. Злоба и хитрость бѣса были такъ велики по новымъ понятіямъ массы, что она легко могла объяснять участіемъ нечистой силы множество сверхъестественныхъ повѣрій, блуждавшихъ въ ея воображеніи: демонамъ приписывали страшныя бури и метели; отъ нихъ шли почти всѣ болѣзни; бѣсовской силой объяснялись

житейскіе соблазны и невзгоды. Опасно было даже просто называть имя нечистой силы, — какъ прежде суевѣрно боялись назвать волка, — одно это могло привлечь ее. Бѣсы имѣли собственныя имена не только въ греческой, но и въ нашей легендѣ: въ нее зашли греческія имена: Зеѳеусъ, Лазіонъ, Зереѳеръ; въ народныхъ легендахъ извѣстенъ бѣсъ Потанька; понятіе, что въ сердцѣ гордаго сидитъ дьяволъ, понималось едва ли не буквально. Входя въ легенду, содержаніе русскихъ домашнихъ повѣрій смѣшивалось съ демонологіей старыхъ легендъ, служившихъ ей прототипомъ и часто совершенно сливалось съ ней. Было и другое отношеніе, въ которомъ становились къ легендѣ старыя вѣрованія. Какъ на западѣ обычаи языческихъ временъ сохранялись подъ христіанской формой, въ храмахъ удерживались свѣтскіе обряды и пѣсни, и Мадонна въ Сициліи занимала святилища Цереры и Венеры, такъ и древнее руское язычество оставило отчасти слѣдъ въ народныхъ понятіяхъ: извѣстно, что, напримѣръ, почитаніе Волоса отнесено было въ первое время къ св. Власію, праздникъ Купалы къ Ивану Купалѣ и т. п. При этомъ къ новымъ историческимъ личностямъ относимы были и аттрибуты прежней миѳологіи. Изъ извѣстныхъ «стиховъ» о Егоріи Храбромъ ясно можно видѣть, что Егорію Храброму приписаны свойства, принадлежавшія прежде какому-то миѳическому лицу языческихъ преданій: ему дается таинственная власть и управленіе надъ дикими звѣрями. Эти народные разсказы не имѣютъ уже никакой ясной связи съ первоначальнымъ подлиннымъ сказаніемъ о Георгіи, и намъ уже нѣсколько трудно объяснить, почему именно къ этой личности отнесены упомянутыя преданья. Здѣсь народное преданье выбрало своимъ героемъ личность, собственно чуждую рускому міру; но часто легенда оставалась въ предѣлахъ чисто національныхъ повѣрій, и есть примѣръ легенды, построенной вполнѣ на народныхъ эпическихъ преданьяхъ старины. При введеніи христіанства эти послѣдніе сюжеты не были забыты народомъ, потому что нравились его воображенію, но уже передѣлывались въ новомъ духѣ и наконецъ переходили цѣликомъ въ легенду. Въ этомъ смыслѣ г. Буслаевъ весьма удачно объяснилъ нѣкоторые старинные памятники, напримѣръ легенды о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, о Меркуріи смоленскомъ. Возможность подобнаго смѣшенія и переработки сюжетовъ существовала очень долго; въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ Руси язычество крѣпко держалось въ понятіяхъ и обычаяхъ еще въ четырнадцатомъ столѣтіи; не говоримъ о менѣе сильныхъ и рѣзкихъ остаткахъ его, которые жили еще дольше.

Подъ такимъ общимъ настроеніемъ составлялась легенда; бываетъ трудно опредѣлить съ точностью, какимъ образомъ идетъ

весь процессъ ея образованія. Сочинители легендъ часто ссылаются на очевидцевъ и современниковъ событія, подавшаго поводъ къ легендѣ, но можетъ быть, что часто эта ссылка бывала условнымъ выраженіемъ; большая часть легендъ, по крайней мѣрѣ, составлялась уже много послѣ факта, прошедши уже черезъ нѣсколько рукъ. Иногда это ясно изъ самой легенды, изъ несходныхъ варіантовъ разсказа. Нѣкоторыя изъ легендъ не записывались вовсе и остались только въ памяти народа; въ изданіи г. Аѳанасьева мы отмѣтили нѣсколько такихъ разсказовъ, для которыхъ нельзя найти соотвѣтственнаго источника въ письменныхъ памятникахъ. Могло быть также, что составители легендъ находили нѣкоторыя произведенія народной фантазіи слишкомъ смѣлыми, боялись компрометировать себя повѣстями, въ которыхъ слишкомъ замѣтенъ былъ слѣдъ языческаго миѳа или народная сказка. Такъ въ записанныхъ легендахъ мы не находимъ разсказовъ, содержаніе которыхъ излагается въ упомянутыхъ народныхъ пѣсняхъ о Егоріи Храбромъ, и которые однако были весьма извѣстны и любимы народомъ: въ изданіи г. Костомарова мы найдемъ впрочемъ и чисто народныя легенды. Въ понятіяхъ того времени легендѣ давалось историческое, иногда догматическое значеніе, и люди знающіе питали недовѣріе къ апокрифамъ, достовѣрность которыхъ было бы трудно доказать, и это обстоятельство помѣшало, можетъ быть, народной легендѣ вполнѣ войти въ письменные памятники. Замѣтимъ также, что народная легенда отдавалась иногда юмору, который слишкомъ противорѣчилъ обычному тону письменной легенды. Наконецъ, въ массѣ разсказовъ, сочинитель останавливался на сюжетѣ, который онъ выбралъ; вспомнимъ, что почти всегда онъ былъ духовное лицо, монахъ, дьякъ и пономарь, и его пріемы соотвѣтствовали его учености. Онъ подражалъ въ своемъ изложеніи тѣмъ, первоначально византійскимъ, образцамъ, которые были ему извѣстны, и весьма рѣдко отступалъ отъ принятой рутины; условныя формы проникали все изложеніе легенды и стали необходимы въ ней, какъ извѣстныя эпическія выраженія.

Мы уже замѣчали прежде, что въ древней русской литературѣ легенда не получила того обширнаго развитія, какое имѣла она въ средневѣковыхъ литературахъ западной Европы; виной этого была, однако, только общая бѣдность тогдашней нашей литературы, а не недостатокъ любви къ легендѣ. Напротивъ, при сильно-развитой религіозности древней Руси, легенда сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ родовъ литературы: въ этомъ убѣждаетъ и простой пересмотръ рукописей, которыя представляютъ множество списковъ этого рода произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ. Общій

характеръ литературы какъ нельзя лучше подкрѣплялся легендой, которая нерѣдко приводится у нашихъ старинныхъ писателей, какъ сильный аргументъ въ защиту доказываемыхъ ими нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Въ народную жизнь вошло впослѣдствіи много благочестивыхъ обычаевъ, которые поддерживала легенда, и въ томъ же старинномъ духѣ ея сочинялись новыя русскія повѣсти. Особенно любимымъ чтеніемъ становились вещи, въ которыхъ господствовали тѣ же легендарно-аскетическіе взгляды; вспомнимъ столько распространенное «поученіе отъ отца къ сыну о женской злобѣ»,—этотъ кодексъ старинныхъ понятій о женщинѣ, постоянно представляющій ее орудіемъ діавола и соблазномъ для человѣка. Конечно, трудно приписать одной легендарной аскетической литературѣ распространеніе подобнаго взгляда на женщину, основаніе котораго заключалось также въ старинномъ подчиненномъ и рабскомъ ея положеніи; но едва ли можно сомнѣваться, что и литература имѣла въ этомъ свою долю. Въ жизни женщина была издавна рабой своего мужа, хозяйкой въ его домѣ, для которой нужна была плетка, а иногда и крупные побои, и литература не только не брала ее подъ свою защиту, но взводила на нее новыя обвиненія, отъ которыхъ она еще болѣе потеряла въ своемъ общественномъ положеніи. У сербовъ отношенія къ женщинѣ считаются просто грѣхомъ; герои сербскаго эпоса откровенно выражаются о своихъ отцахъ: «по грѣху мой старый родитель», понимая это такъ, что онъ сдѣлалъ грѣхъ, ставши родителемъ. Въ нашихъ обычаяхъ можно найти примѣры, если не такіе рѣзкіе, то аналогическіе съ этимъ взглядомъ, и едва ли можно объяснить эту смѣсь аскетизма и наивности инымъ вліяніемъ, кромѣ дурно понятаго религіознаго представленія и рабства женщины въ жизни.

Мы обозначили нѣкоторыя изъ существенныхъ сторонъ легенды, которыя необходимо имѣть въ виду при чтеніи памятниковъ. Съ помощью изданія г. Костомарова мы познакомимся теперь съ подробностями представленій, господствующихъ въ русской легендѣ. Для характеристики ихъ мы возьмемъ нѣсколько легендъ изъ собранія г. Костомарова и приведемъ отрывки изъ нихъ въ переводѣ на современный языкъ, на которомъ они конечно удобнѣе прочтутся читателями, хотя иногда потеряютъ свой старый колоритъ. Не останавливаясь на повѣсти о «Горѣ-Злочастіи», уже нѣсколько разъ объясненной и такъ же причастной общему легендарному направленію, перейдемъ къ легендѣ о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, перемѣшивающей истину объ историческихъ святыхъ личностяхъ съ вымыслами.

Разсказъ начинается эпизодомъ объ *летящемъ зміѣ*, который

летаЛъ къ женѣ князя Павла, брата герою легенды, и постороннимъ людямъ являлся въ видѣ ея мужа, такъ что они не узнавали его. Князь покорялся несчастью, по крайней мѣрѣ не обвинялъ своей жены, но наконецъ убѣдилъ ее вывѣдать отъ змія, какимъ образомъ этотъ змій можетъ погибнуть. Она дѣйствительно льстивыми словами вынудила отъ змія признаніе, что смерть случится ему «отъ Петрова меча и отъ Агрикова меча». Князь Петръ догадался, что именно ему суждено поразить этого змія; онъ нашелъ и богатырскій мечъ Агрика въ церкви, «въ алтарной стѣнѣ, въ скважинѣ между *керемидами*.» Съ помощью молитвы онъ поразилъ лукаваго змія, но кровь брызнула на князя и на тѣлѣ его оказались неизлечимыя язвы. Легенда продолжаетъ:

«И князь искалъ исцѣленія отъ многихъ врачей въ своей державѣ, но не получилъ помощи ни отъ одного. Такъ какъ и битва его была не съ людьми, а съ діаволомъ; то и исцѣленіе должно было придти не отъ людей, но отъ божественной силы, по господнему слову сказанному въ Евангеліи: иже невозможно отъ человѣкъ, возможна суть отъ Бога.

«Находясь въ великой болѣзни, князь Петръ услышалъ, что въ предѣлахъ Рязанской области живетъ много врачей, и велѣлъ везти себя туда; потому что онъ былъ очень боленъ и не могъ ѣхать на конѣ. И когда пріѣхали въ рязанскіе предѣлы, онъ разослалъ всѣхъ людей своихъ искать врачей, чтобы найти такого врача, который бы вылечилъ его отъ этой болѣзни. И велѣлъ обѣщать врачамъ большіе дары. Одинъ юноша изъ людей его попалъ въ село, называемое Ласково, и пришелъ къ одному двору и никого не видѣлъ у воротъ; онъ вошелъ и въ домъ, но никто его не слышалъ; вошелъ въ комнату, и увидѣлъ, что тамъ сидѣла одна дѣвица, за станкомъ, а передъ ней скакалъ заяцъ. Дѣвица же какъ будто удивилась и стала говорить какія-то странныя слова, которыя были непонятны юношѣ. Она сказала именно: «не слѣдуетъ быть двору безъ ушей, а храму (избѣ) безъ очей.» Юноша же, не понявши словъ дѣвицы, сказалъ ей: «скажи мнѣ, дѣвушка, гдѣ хозяинъ этого дома?» Она же очень хитро отвѣчала ему: «хозяинъ этого дома — мой отецъ, но онъ ушелъ вмѣстѣ съ моей матерью плакать взаймы; есть у меня и братъ, но онъ ушелъ смотрѣть на смерть подъ ногами». Юноша же, услышавъ такія загадочныя слова и не понявши ни одного изъ ея словъ, удивлялся и сказалъ: «дѣвушка, я вижу, что ты очень мудрая: я вошелъ къ тебѣ и увидѣлъ тебя за станкомъ, а передъ тобой скачущаго зайца, и услышалъ отъ тебя какія-то странныя слова, которыхъ я не понимаю». Она же сказала ему: «этого ли ты не понимаешь? Слова эти вовсе нестранны и непонятны, какъ говоришь ты, но напротивъ очень просты, и если ты не понимаешь, я скажу тебѣ понятными словами: ты пришелъ въ нашъ домъ, вошелъ во храмину и увидѣлъ меня сидящей въ такомъ безпорядкѣ и лишенной всякой красоты,

а если бы у насъ въ домѣ былъ песъ, то услышалъ бы, какъ ты подходилъ къ дому, и хотя онъ по своей природѣ безсловесенъ, но лаемъ своимъ могъ бы возвѣстить твой приходъ, — это уши у двора; и если бы у меня въ храминѣ былъ мальчикъ, то увидѣвъ, что ты идешь въ комнату, сказалъ бы мнѣ, — это очи у дома. Отецъ же мой и мать пошли на похороны, чтобъ тамъ плакать надъ покойникомъ; а когда они сами умрутъ, то и надъ ними будутъ также плакать, — это есть заемный плачъ. Отецъ же и братъ мой — древодѣльцы, и собираютъ въ лѣсу съ деревьевъ медъ, и сегодня братъ мой пошелъ на такое дѣло и ему нужно лѣзть на высокое дерево, и смотрѣть подъ ноги внизъ, чтобы не сорваться и не лишиться жизни». Юноша же сказалъ: «о дѣвушка! я вижу твою мудрость; скажи мнѣ свое имя». Она отвѣчала: «имя мое — Февронія; теперь и ты скажи о себѣ: кто ты, и откуда, и куда идешь, и зачѣмъ пришелъ сюда?» Онъ же сказалъ: «я изъ людей муромскаго князя Петра. Князь мой имѣетъ тяжкую болѣзнь и многія язвы на своемъ тѣлѣ, потому что на него попала кровь непріязненнаго летящаго змія, котораго онъ убилъ своей рукой; во всей своей державѣ искалъ онъ исцѣленія отъ многихъ врачей и не получилъ, и потому велѣлъ привезти себя сюда; онъ слышалъ, что здѣсь есть много врачей, и теперь мы пріѣхали сюда и не знаемъ, какъ зовутъ этихъ врачей и гдѣ живутъ они; и я прошу тебя сказать мнѣ: не знаешь ли ты здѣсь врачей?» Она отвѣчала: «если бы кому нибудь нужно было твоего князя для себя, тотъ могъ бы уврачевать его». Онъ сказалъ: «что ты говоришь? Кому нужно моего князя для себя? Если кто излечитъ его, тому князь мой дастъ большое имѣніе; но назови мнѣ этого врача, кто онъ и гдѣ живетъ?» Она же сказала: «привезите своего князя сюда, и если онъ будетъ мягкосердеченъ и смиренъ въ отвѣтахъ, то будетъ исцѣленъ». Юноша воротился къ князю и разсказалъ ему по порядку и подробно все, что видѣлъ и слышалъ. Благовѣрный князь Петръ, услышавъ упомянутыя слова, удивился разуму дѣвицы и сказалъ предстоящимъ: «везите меня къ этой дѣвицѣ». Предстоящіе, услышавши повелѣніе князя, повезли его и доѣхали до дома, гдѣ была дѣвица. И князь послалъ къ ней юношу спросить: «гдѣ тотъ врачъ, который хочетъ меня вылечить?» Слуга, пришедши къ ней, спросилъ ее; она же отвѣчала: «поди, скажи своему князю, что это я....»

Она обѣщала исцѣлить князя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на ней, и дѣйствительно исцѣлила всѣ язвы его, кромѣ одной. Князь, слыша о ея мудрости и загадкахъ, вздумалъ самъ испытать ея хитрость:

«И послалъ ей князь съ однимъ изъ слугъ своихъ повѣсмо льну, говоря: «если эта дѣвица хочетъ для своей мудрости быть моей супругой, и если у нея дѣйствительно есть мудрость, то пусть сдѣлаетъ мнѣ изъ этого льну сорочку, порты и платокъ въ то время, пока я буду въ банѣ». Слуга принесъ ей ленъ и сказалъ княжее слово; она ни-

сколько не смутилась и сказала слугѣ: «взойди на печь и достань оттуда полѣнце». Онъ послушалъ ея и досталъ; а она велѣла ему отрубить часть его въ пядь длинною; слуга исполнилъ ея приказаніе и отрубилъ, и она сказала: «возьми этотъ отрубокъ, отнеси князю своему и скажи ему отъ меня: пока я очищу этотъ ленъ, князь твой пусть приготовитъ мнѣ изъ этого отрубка станокъ и всѣ нужныя вещи, чтобы соткать его полотно». Слуга принесъ князю обрубокъ полѣнца и сказалъ ему всѣ рѣчи дѣвицы. Услышавши это, князь удивился ея отвѣту, и послалъ того же слугу къ дѣвицѣ: «поди и скажи дѣвицѣ, что изъ такого небольшаго куска дерева и въ короткое время невозможно этого сдѣлать». Слуга пришелъ и сказалъ ей княжее слово; а она отвѣчала: «а возможно ли въ то время, пока онъ будетъ въ банѣ, изъ такого количества льну сдѣлать сорочку, порты и платокъ взрослому человѣку?». Слуга ушелъ и сказалъ всѣ ея отвѣты; князь же, услышавши ихъ, похвалилъ ее.»

Исцѣленный князь не исполнилъ однако обѣщанія; ему не хотѣлось жениться на дочери древодѣльца: но тогда болѣзнь возвратилась, и Февронія вылечила его снова. Онъ женился на ней и потомъ, по смерти старшаго брата, сталъ владѣтелемъ Мурома. Однако «ненавидящій добра роду человѣческому», діаволъ, вложилъ боярамъ его ненависть противъ Февроніи; они не полюбили ея, *женъ своихъ ради*, потому что она была не боярскаго рода. При этомъ случился такой анекдотъ:

«Однажды одинъ изъ слугъ ея пришелъ къ князю Петру и наклеветалъ на нее, будто бы она безчинно встаетъ изъ-за стола, потому что, выходя, беретъ со стола крошки, какъ голодная. Благовѣрный князь Петръ, желая испытать ее, велѣлъ ей обѣдать съ собой за однимъ столомъ. Когда кончился обѣдъ, она, по своему обыкновенію, набрала со стола крошекъ въ рукавъ; князь Петръ взялъ ее за руку и раскрывши увидѣлъ добровонный ливанъ и ѳиміанъ, и съ того дня уже не искушалъ ее.»

Наконецъ бояре прямо сказали Февроніи, что они не хотятъ ея; она согласилась оставить городъ, но только просила, чтобъ ей дали то, что она желаетъ взять съ собой; они обѣщали; и Февронія сказала, что хочетъ взять съ собой своего мужа. Бояре должны были согласиться, и втайнѣ были довольны, потому что каждый безъ князя надѣялся достигнуть власти. Князь съ своей супругой оставили Муромъ. На пути произошли слѣдующія любопытныя приключенія:

«Когда они плыли по рѣкѣ (Окѣ) на судахъ, у княгини Февроніи въ ладьѣ сидѣлъ одинъ человѣкъ, жена котораго была тутъ же, и

этотъ человѣкъ, взявши помыслъ отъ лукаваго бѣса, посмотрѣлъ съ помысломъ на княгиню. Она поняла его мысль и скоро обличила его, и сказала ему: «почерпни воды изъ рѣки по эту сторону судна». Онъ почерпнулъ, и она велѣла ему выпить; онъ выпилъ. И опять она велѣла ему почерпнуть съ другой стороны судна и выпить; онъ сдѣлалъ это. Тогда она сказала: «которая вода слаще?» Онъ отвѣчалъ: «вода одна и вкусъ одинъ». Княгиня же сказала ему: «и женское естество одно, а ты, оставя свою жену, думаешь о чужой». Человѣкъ тотъ, увидѣвъ въ ней даръ прозорливости, боялся уже имѣть такія помышленія.

«Когда пришелъ вечеръ, они пристали къ берегу; блаженный князь Петръ началъ думать: «что будетъ теперь, когда я добровольно лишился власти». Дивная же княгиня Февронія сказала ему: «не скорби, князь; милостивый Богъ, творецъ и промысленникъ всего, не оставитъ насъ въ нищетѣ».

«На томъ берегу князю Петру приготовляли къ ужину кушанья, и поваръ воткнулъ въ землю небольшіе колья, на которыхъ висѣли котлы. Послѣ ужина святая княгиня Февронія ходила по берегу и, увидѣвши эти колья, благословила ихъ и сказала: «да будутъ эти деревца къ утру великими деревьями, съ вѣтвями и листьями». Такъ и случилось. На другое утро нашли, что деревца сдѣлались большими деревьями, съ вѣтвями и листьями.»

Кончилось тѣмъ однако, что жители Мурома снова пришли просить князя Петра на княженіе, потому что вельможи, стремясь ко власти, губили другъ друга. Князь возвратился съ Февроніей: все время ихъ правленія прошло въ добрыхъ дѣлахъ и благочестіи; въ концѣ своей жизни они оба приняли монашескія ризы и скончались въ одинъ день и часъ. Они завѣщали положить себя въ одномъ гробѣ; люди не хотѣли исполнить этого и поставили ихъ отдѣльные гробы въ разныхъ мѣстахъ, но невидимая сила соединила ихъ въ томъ гробѣ, который они сами для себя приготовили.

Приведенная нами легенда представляетъ чрезвычайно любопытный образчикъ того разряда легендъ, на который мы указывали прежде, какъ на вполнѣ принадлежащій національному источнику: вся она построена на чисто русскихъ преданіяхъ и привязана къ русскимъ общественнымъ отношеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря объ общей популярности загадокъ, которыми наполнена легенда, г. Костомаровъ приводитъ старинную малороссійскую сказку *о дѣвкѣ-семилѣткѣ*, чрезвычайно похожую на то мѣсто легенды, гдѣ говорится о загадкахъ Февроніи. Въ ней выставленъ и сходный поводъ къ этимъ загадкамъ: именно, одинъ панъ искалъ себѣ невѣсту и хотѣлъ жениться на такой дѣвушкѣ, которая бы отгадала его загадки: дѣвушка отыскивается и съ своей стороны озадачиваетъ его посланныхъ своими мудреными вопросами. Этотъ мотивъ вообще чрезвычай-

но извѣстенъ въ народной поэзіи, и въ русской не меньше другихъ. Кромѣ тѣхъ загадокъ, какія упоминаются въ легендѣ, сказка приводитъ и другія, напр. панъ требуетъ, чтобъ дѣвушка пришла къ нему ни на конѣ, ни на водѣ, ни босая, ни обутая, ни нагая, ни одѣтая и т. д., и она исполняетъ это. Въ томъ же почти видѣ эта загадка находится въ извѣстной повѣсти о семи мудрецахъ и другихъ средневѣковыхъ разсказахъ. Подобно этимъ, и другія частности нашей повѣсти принадлежатъ къ чисто-народнымъ повѣрьямъ; напримѣръ змѣй, летающій къ женѣ муромскаго князя, до сихъ поръ весьма извѣстенъ въ народныхъ предразсудкахъ. Разсказъ о томъ, какъ княгиня собирала въ рукахъ крохи отъ стола, превращавшіяся у ней въ ѳиміамъ, мы слышали въ народныхъ сказкахъ, гдѣ волшебница такимъ же образомъ превращала крошки въ цвѣты и т. п. Выростаніе дерева изъ палки—весьма обыкновенный мотивъ легенды вообще, народной и книжной (напр. легенда о Христофорѣ). Далѣе, анекдотъ о томъ, какъ княгиня отвѣчала на ухаживанье своего спутника, былъ вѣроятно довольно распространеннымъ разсказомъ: о княгинѣ Ольгѣ ходило подобное преданье, которое и теперь буквально разсказывается въ Псковскомъ краю (Письма и пр. г. Якушкина, стр. 156). Обстоятельства призванія князя Петра, раздоры вельможъ и безначаліе, описываемые въ легендѣ, г. Костомаровъ справедливо считаетъ чертами весьма давняго времени; они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на древнее устройство городовъ и границы княжеской власти. Изъ другихъ объясненій г. Костомарова мы находимъ неправильнымъ толкованіе слова *керемида*. «Въ нашей повѣсти, говоритъ онъ, Агриковъ мечъ запрятанъ подъ церковью, но между *керемедями*; кереметями назывались мѣста языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени. Это наводитъ на мысль, что все преданіе объ Агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составляло сущность ихъ миѳологическихъ представленій. Церковь стояла на мѣстѣ прежнихъ кереметей...» У сочинителя легенды вовсе не было мысли объ этихъ кереметяхъ: агриковъ мечъ находится не подъ церковью, а въ церковной стѣнѣ, въ скважинѣ между *керемидами*, или по другому варіанту, просто между камнями. Керемида (ceramis, камень, кирпичъ) — одно изъ тѣхъ греческихъ словъ, какихъ было много въ старинномъ языкѣ и которыя у насъ любили употреблять для приданія важности слогу. Мы можемъ найти это слово и въ другихъ старыхъ памятникахъ.

Перебравши всѣ подробности легенды, легко видѣть, до какой степени вся она проникнута народными повѣрьями до-христіанскаго, миѳическаго періода, съ которымъ вообще имѣетъ связь масса народныхъ вѣрованій и поэзіи. Самый сюжетъ разсказа безразличенъ;

онъ не имѣетъ собственно легендарнаго характера, — этотъ характеръ приданъ ему уже сочинителемъ, который оттѣнилъ его благочестивыми разсужденіями и упоминаніемъ о добродѣтеляхъ князя и княгини. Впрочемъ, легенда рѣдко пользовалась съ такой полнотой народными представленьями миѳическаго свойства; чаще она обращалась къ предметамъ, доставлявшимъ случай для христіанскаго толкованія и аскетической нравственности и меньше народно-поэтическихъ подробностей.

Изданіе г. Костомарова даетъ цѣлый рядъ подобныхъ легендъ, разсказывающихъ примѣры благочестивой жизни, явленія ангеловъ, искушенія бѣсовъ и т. п.

Легенда *о Марѳѣ и Маріи* передаетъ исторію чудеснаго появленія креста на р. Унжѣ. Это были двѣ сестры, мужья которыхъ перессорились изъ-за *отчества*,—кому выше сидѣть на пиру; они разошлись вслѣдствіе ссоры. Мужья этихъ сестеръ умерли послѣ того, оба въ одинъ день; Марѳа и Марія, не зная о своемъ общемъ вдовствѣ, отправились каждая для свиданья съ другой и встрѣтились на дорогѣ. Здѣсь явился имъ во снѣ ангелъ, и далъ одной золото, другой серебро, съ тѣмъ, чтобы они отдали его первому встрѣчному и велѣли сдѣлать изъ золота крестъ, изъ серебра — ковчежецъ для него. Такъ и случилось. Сестры разсказали другъ другу сны; на дорогѣ они встрѣтили монаховъ и передали имъ свое порученіе. Когда онѣ вернулись въ городъ, сродники, услышавъ эту исторію, упрекали ихъ за неосторожность и хотѣли уже пуститься въ погоню за монахами, какъ увидѣли старцевъ, которые несли съ собой крестъ и ковчежецъ. Они честно приняли старцевъ и спросили: откуда идутъ они; старцы отвѣчали: *изъ Царяграда.* — Какъ давно вы изъ Царяграда?—Уже третій часъ, отвѣчали старцы и стали невидимы. Это были, конечно, ангелы.

Въ этой легендѣ уже нѣтъ почти ничего, исключительно народнаго. Это общія христіанскія представленія, даже общія человѣческія представленія о значеніи сновъ, которые здѣсь до такой степени близко представляютъ дѣйствительность, что золото и серебро, данные сестрамъ во снѣ, оказываются въ ихъ рукахъ наяву. Появленіе ангеловъ въ видѣ странниковъ и монаховъ извѣстно всему христіанскому міру. Русскій сочинитель вставилъ только любопытную мѣстную черту, — что ангелы приходятъ изъ Царяграда, къ которому русскій міръ долго сохранялъ извѣстное тяготѣніе. Эта легенда, очевидно, особенно близка къ духу чистыхъ церковныхъ сказаній; такова же и ниже слѣдующая у насъ легенда Костомаровскаго изданія.

Въ этой легендѣ, именно объ *Ульяніи* муромской, опять развивается по преимуществу мысль о заслугахъ благочестивой жизни, но разум-

вается гораздо обширнѣе. Чудесное входитъ здѣсь уже второстепеннымъ элементомъ. Легенда, дѣйствіе которой относится къ царствованію Ивана Васильевича, имѣетъ видъ историческаго разсказа и называетъ по имени и отчеству всѣхъ родныхъ героини. Ульянія «отъ младыхъ ногтей» возлюбила Бога и Пречистую Богородицу, почитала старшихъ, предавалась посту и молитвѣ, и не слушала насмѣшекъ и вразумленія людей, которые говорили ей, — зачѣмъ она въ такой молодости изнуряетъ свою плоть и губитъ дѣвственную красоту. Она удалялась отъ сверстницъ, которыя принуждали ее къ играмъ и *пустошнымъ* пѣснямъ, и постоянно занималась работой и молитвой. Шестнадцати лѣтъ ее отдали замужъ, но она не измѣнила своего прежняго нрава, каждый вечеръ творила по сту и больше земныхъ поклоновъ, заботилась о сирыхъ и убогихъ. Рабамъ и рабынямъ, т. е. стариннымъ холопямъ, она давала работу по силѣ, и никого не называла *простымъ* именемъ (т. е. называла полнымъ именемъ, а не обыкновенными кличками), не требовала, чтобы ей подавали воды для умовенія рукъ, снимали ея *сапоги* и т. п. Однажды во снѣ она видѣла, какъ нападали на нее бѣсы и какъ св. Никола защитилъ ее; проснувшись, она увидѣла на яву человѣка, исчезнувшаго какъ молнія за дверями ея храмины. Легенда разсказываетъ потомъ о благодѣяніяхъ ея бѣднымъ, когда въ странѣ свирѣпствовали голодъ и болѣзнь, когда всѣ забыли нищихъ и боялись ходить за больными. Въ концѣ своей жизни она обнаружила аскетическую суровость: рабъ убилъ одного изъ ея сыновей, на службѣ погибъ другой, — она не жалѣла, и только помолилась о душахъ ихъ; когда мужъ не хотѣлъ отпустить ее въ монастырь, она убѣдила его прекратить ихъ супружескія отношенія, и съ тѣхъ поръ подкладывала себѣ на постелю дрова и желѣзные ключи, и уснувъ немного, вставала ночью на молитву; зимой она брала у своихъ дѣтей денегъ на теплую одежду, но все раздавала нищимъ; въ свою обувь она подкладывала орѣховыя скорлупы. Наконецъ, видѣнія, представлявшіяся ей прежде во снѣ, стали совершаться на яву.

«Однажды вечеромъ она вошла въ свою особую комнату на молитву, и храмина наполнилась бѣсами со всякимъ оружіемъ, которые хотѣли убить ее. Она помолилась со слезами Богу, и тогда явился св. Никола, съ палицей, и прогналъ ихъ отъ нея: они исчезли какъ дымъ. Но одного бѣса онъ поймалъ и мучилъ, а ее благословилъ крестомъ и сталъ невидимъ.... Бѣсъ убѣжалъ отъ нея, вопія: многую бѣду нынѣ принялъ я изъ-за тебя, но отплачу тебѣ, — будешь ты на старости сама умирать съ голоду, а не чужихъ кормить. Она перекрестилась и бѣсъ исчезъ отъ нея; а она пришла *къ намъ* въ ужасѣ и съ измѣнившимся лицомъ; мы спрашивали, видя ея смущеніе, но она ничего не

сказала, но потомъ разсказала *намъ* за тайну и не велѣла никому говорить объ этомъ (стр. 65).»

Голодъ дѣйствительно постигъ и ее, но съ Божіей милостью она пекла изъ лебеды и древесной коры хлѣбы такіе сладкіе, что всѣ удивлялись ея искусству, не подозрѣвая чуда. Когда она мирно скончалась, предстоящіе видѣли свѣтъ кругомъ ея головы и благоуханіе вѣяло изъ комнаты, гдѣ стоялъ гробъ ея. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ церкви, гдѣ она была погребена, открылся гробъ ея, и въ немъ нашли муро благовонное; песокъ, высыпавшійся подлѣ гроба, совершалъ исцѣленія.

Таково содержаніе легенды; это — изображеніе благочестивыхъ нравовъ, какъ они были возможны въ семейномъ быту. Легенда довольно поздняя и въ ней можно видѣть результатъ русскаго религіознаго воззрѣнія, нравоученіе, порожденное русской жизнью. Ульянія дѣйствительно могла бы служить типическимъ выраженіемъ подобныхъ лицъ въ древней Руси; но мысль и образцы этого аскетизма даны еще греческой легендой, такъ что русскій сочинитель, при всемъ фактическомъ основаніи своего произведенія, продолжалъ идти въ прежде данномъ направленіи. Мы приведемъ одинъ примѣръ изъ западной легенды, изъ котораго видно, какъ вездѣ легенда одинаково стремилась къ однимъ идеаламъ, хотя не вездѣ оставила одинаковые слѣды въ народѣ.

Въ знаменитой «Золотой Легендѣ» (Legenda aurea), составленной въ двѣнадцатомъ столѣтіи, мы находимъ разсказъ о Елизаветѣ, дочери короля венгерскаго, представляющій ту же тему, но заведенную еще дальше. Читатель увидитъ крайнее сходство въ мысли двухъ легендъ, по нѣсколькимъ чертамъ, которыя мы возьмемъ.

Елизавета, жившая среди роскоши двора, точно также съ юности презирала все преходящее, обнаруживала любовь къ молитвѣ и бѣгала отъ увеселеній. Во время дѣтскихъ игръ она всегда старалась подойти къ капеллѣ, чтобы имѣть случай войти въ нее: въ капеллѣ она преклоняла колѣни и совершенно простиралась на полу. «Подъ предлогомъ игры съ другими дѣвочками, она часто ложилась на землю, чтобы показать свое смиреніе передъ Богомъ». Когда она стала подростать, она выбрала Богоматерь и св. Іоанна стражами своей невинности, налагала на себя умерщвленіе плоти и отказывалась отъ вещей, которыя ей нравились. Противъ собственнаго желанія, только по волѣ родителей, она вышла замужъ, и хотя должна была повиноваться волѣ супруга, но «не предавалась никакому непозволительному наслажденію». Часто она покидала супружеское ложе и проводила ночи безъ сна, на молитвѣ. Умѣренность ея была

такова, что за роскошнымъ столомъ она довольствовалась кускомъ хлѣба. Часто она приказывала служанкамъ бичевать ее для подражанія Христу и для умерщвленія грѣховныхъ инстинктовъ плоти. Какъ Ульянія, она ходила за прокаженными и сама хотѣла омывать зловонныя язвы. «Она приглашала больныхъ исповѣдывать свои грѣхи, и однажды ударила старуху, которая отказывалась отъ этого, и тѣмъ принудила ее къ исповѣди». По смерти мужа она была изгнана вассалами изъ своихъ владѣній, и съ радостью приняла всевозможныя лишенія; она подвергалась оскорбленіямъ и находила въ этомъ удовольствіе. «Чтобы вполнѣ посвятить свою душу Богу и чтобы ея благочестіе не находило никакой помѣхи, она молилась, чтобы Богъ внушилъ ей презрѣніе къ міру и отнялъ у нея любовь къ ея дѣтямъ и укрѣпилъ ее противъ всякихъ оскорбленій». Она постоянно предавалась святому дѣлу созерцанія и получила особенную милость — проливать слезы, имѣть небесныя видѣнія и зажигать въ другихъ небесную любовь. Для спасенія души она не отказывалась ни отъ какого униженія. По смерти, отъ гроба ея шелъ ароматическій запахъ, въ знакъ чистоты, которою блистала ея жизнь. «Пѣніе птицъ послѣ ея смерти, разсказываетъ легенда, обнаружило, какъ велики были ея достоинства и слава: мы думаемъ, что эти птицы были ангелы, которыхъ Богъ послалъ отнести на небо ея душу и отдать честь ея смертнымъ останкамъ». Легенда оканчивается примѣрами исцѣленій отъ ея гроба.

Вотъ существенныя черты, извлеченныя нами изъ длинной католической легенды; въ ней можно замѣтить нѣкоторое различіе въ религіозныхъ обычаяхъ, больше крайняго піэтизма, чѣмъ въ нашей легендѣ, но въ сущности онѣ тождественны. Елизавета и Ульянія одинаково съ дѣтства отдаются небесной любви, исполняютъ дѣла благочестія, разрываютъ родственныя связи, налагаютъ на себя лишенія, получаютъ благодать небесныхъ видѣній—общая тема, давно развитая въ древней легендѣ. Такъ прочно поддерживались легендой старыя понятія.

Затѣмъ слѣдуютъ у г. Костомарова легенды или болѣе достовѣрныя сказанія: *о плѣнномъ Половчинѣ*, который былъ освобожденъ изъ русскаго плѣна, взявши въ поручника себѣ образъ св. Николая; когда половчинъ хотѣлъ было обмануть своего русскаго хозяина, образъ дѣйствительно заставляетъ его принести обѣщанный выкупъ;—*о старцѣ, низведшемъ дождь съ неба*, разсказъ византійскаго происхожденія; — *о благочестивомъ рабѣ*, котораго благочестіе чудеснымъ образомъ избавляетъ отъ смерти; — *о двухъ сапожникахъ*, разсказъ о томъ, какъ одинъ сапожникъ разбогатѣлъ, посѣщая всегда церковь Божію, и какъ онъ привлекъ къ церкви другаго сапожника, который спраши-

валъ его, откуда пришло къ нему богатство. Все это небольшіе разсказы, доказывающіе силу благочестія; изъ нихъ болѣе всѣхъ другихъ любопытенъ первый, безъ сомнѣнія очень древній, въ которомъ отражаются черты русскаго быта въ удѣльное время.

Для исторіи преданій гораздо занимательнѣе легенда *о покаяніи князя*, въ которой мы снова встрѣчаемся съ отличительными чертами византійской легенды, съ ея демонологіей. Въ повѣсти выражается представленіе о томъ, какимъ образомъ человѣкъ выдерживаетъ нападеніе бѣсовъ, которые хотятъ отвратить его отъ принятаго намѣренія, спасительнаго для его души и потому ненавистнаго для демоновъ. Такими повѣрьями о злобѣ и силѣ демоновъ, ходившими въ малороссійскомъ народѣ, воспользовался Гоголь въ своемъ *Вiѣ*. Легенда извѣстна и въ малороссійской формѣ, и г. Костомаровъ, отчасти на этомъ основаніи, думаетъ, что она составлена очень давно, еще въ удѣльную эпоху, когда старинная федеративная связь цѣлаго русскаго народа еще не была разорвана. Повѣрья этого разряда конечно весьма древни у насъ; но въ легендѣ нѣтъ ничего, чтобы могло быть сочтено исключительно русскимъ, она основывается на общей демонологіи.

Содержаніе ея слѣдующее. Жилъ одинъ благочестивый герой, прославившійся своими добродѣтелями; князь того города, вблизи котораго онъ жилъ, узнавши о его святости и видя, какъ жадно люди ищутъ его познаній, рѣшился пойти къ нему и принести ему покаяніе, не дожидаясь своего смертнаго часа. Когда князь пришелъ къ нему, іерей спросилъ его, можетъ ли онъ пятнадцать лѣтъ выдержать епитимію; князь не надѣется. Іерей предлагаетъ ему семь лѣтъ, три года, наконецъ три мѣсяца, но князь все не надѣется и отказывается. Тогда іерей предложилъ ему провести въ покаяніи только ночь, одному, во храмѣ; князь согласился. Когда онъ отправился въ церковь, въ ней собрались всѣ демоны той страны и стали совѣщаться, какъ бы устранить и соблазнить его. Тогда выбрался одинъ изъ бѣсовъ, который надѣялся ввести его въ искушеніе.

«Демонъ принялъ на себя видъ его сестры, которую князь любилъ и уважалъ, все дѣлая по ея совѣту и повелѣнію, потому что она была очень умна и добра. Въ такой *фантазіи* (превращеніи) демонъ пришелъ въ княжескомъ убранствѣ къ церкви и началъ говорить: «любезный братъ! Какъ ты сдѣлалъ такое безуміе? Ты и другимъ образомъ можешь умилостивить Бога. А какъ рѣшаешься ты стоять въ такомъ храмѣ и въ пустомъ мѣстѣ, не имѣя ни слугъ, ни обороны. Ты знаешь, сколько у тебя враговъ, они придутъ и разсѣкутъ тебя на части; выдь отсюда, прошу тебя; если же не послушаешь меня, то не считай меня больше своей сестрой». Князь отвѣчалъ: «мнѣ дано за епитимію —

остаться на эту ночь во храмѣ; если не исполню этого, то не получу отпущенія великихъ моихъ грѣховъ; уйди, сестра, не мѣшай мнѣ, я ни за что не уйду отсюда, хоть бы меня убили». И демонъ, много метавшись, ушелъ посрамленный, и пересказалъ все старѣйшему, говоря: «человѣкъ этотъ сдѣлался тверже камня, и я вижу, что мы не сможемъ преодолѣть его всѣми нашими силами». Услышавъ это, другой демонъ началъ надъ нимъ смѣяться и сказалъ: «я пойду и сейчасъ же покорю его». Онъ превратился въ образъ жены его, и какъ будто держалъ на рукахъ сына его, и крича еще издали, какъ женщина, пришелъ въ церковь, распустивши волосы, горько плача и говоря: «какъ могъ ты скрыться здѣсь одинъ, не заботясь о насъ, оставивши меня и сына своего; враги твои пришли на тебя, взяли твой городъ, разграбили богатство, плѣнили людей; я одна кое-какъ могла убѣжать съ сыномъ! Брось твое предпріятіе, и гонись съ уцѣлѣвшими людьми за врагами своими; напавши въ расплохъ, ты одолѣешь ихъ и воротишь свое; если же не выдешь отсюда, куда мы дѣнемся? Я убью сама себя, и сына твоего расшибу о полъ!» И она бросила сына на полъ. Но князь не склонился на выдумки врага, отвѣчалъ мнимой женѣ, какъ и сестрѣ, и демонъ ушелъ съ горестью и стыдомъ, посрамленный тѣмъ, чтъ не успѣлъ въ лукавомъ умыслѣ, которымъ хвалился. И старый бѣсъ сказалъ: «теперь мы побѣждены; но надобно, чтобы еще кто нибудь изъ насъ попробовалъ одолѣть такую твердость; я придумалъ, придумалъ лучше всѣхъ». Старый отдалъ приказаніе, и бѣсъ началъ творить свою злую хитрость. Слышитъ князь: возстала страшная буря, и громъ, и смертоносная молнія съ неба, и началъ храмъ колебаться отъ бури, и отъ молніи весь храмъ загорѣлся и прогорѣло сквозь стѣнъ, а кругомъ храма собрались всѣ демоны, вопія: «помогите, помогите!» И вошли въ церковь, говоря князю, что люди прибѣжали изъ города для его избавленія: «выдь, князь, государь нашъ, выдь, чтобы не сгорѣть понапрасну и не быть тебѣ осужденнымъ какъ самоубійца!» И князь сказалъ: «никакъ не выйду отсюда, хоть бы мнѣ пришлось сгорѣть; за повелѣніемъ отца и пастыря моего, если и умру, то надѣюсь, что получу благое отъ рукъ господнихъ!» Услышавъ это, демоны исчезли, посрамленные; князь, увидѣвъ, что ничего нѣтъ, удивился. И опять начали демоны совѣтоваться, чтобы попробовать еще, и чтобы одинъ изъ нихъ принялъ образъ попа, а другой пономаря. Вошедши въ церковь, попъ велѣлъ пономарю звонить будто бы къ заутрени; самъ же мнимый попъ зажегъ свѣчи, и взглянувши съ яростью на князя, сказалъ: «какъ ты, проклятый, стоишь въ этомъ храмѣ, кто пустилъ тебя сюда, такого сквернителя, убійцу и грабителя? Выдь сейчасъ, а если не послушаешься, я велю тебя вывести силой; я не буду пѣть, пока ты здѣсь». Князь не тронулся, но укрѣпился духомъ и отвѣчалъ также, какъ прежде; демонъ же и всѣ друзья его, бѣсы разбѣжались со стыдомъ и униженіемъ изъ злобы и лукавства. И возсіяла заря, пришелъ день, и князь вышелъ изъ храма, очищенный отъ всѣхъ своихъ грѣховъ.... Пришелъ князь въ городъ, нашелъ жену и все въ домѣ, какъ было вчера, и воздалъ хвалу Богу.»

Слѣдующія затѣмъ легенды переносятъ насъ въ другую область преданій; это сказанія о загробной жизни, о «*томъ-свѣтѣ*.» Между ними очень любопытна легенда *о грѣшной матери:* авторъ ея разсказываетъ, что онъ встрѣтилъ однажды бѣднаго странника, одѣтаго во власяницу и принимавшаго пищу лѣвой рукой; когда онъ спросилъ его, отчего его правая рука завязана въ платокъ и онъ ѣстъ лѣвой, противъ правила Василія Великаго, который говоритъ, что правая рука служитъ человѣку отъ чреслъ до головы, а лѣвая отъ чреслъ до долу, — странникъ сказалъ ему свою исторію. Онъ былъ сынъ грѣшной матери; подумавши однажды о ней, онъ началъ молиться о ея тяжкихъ грѣхахъ, и желалъ знать ея судьбу по смерти. Онъ просилъ совѣта у патріарха іерусалимскаго, который послалъ его въ скитъ, въ Ѳиваиду, но мудрые старцы не могли разрѣшить его сомнѣній и сами послали его во внутреннюю пустыню.

«Я взялъ хлѣба и воды, — разсказываетъ странникъ въ легендѣ, — и молитву святыхъ старцевъ, шелъ тридцать дней и нашелъ небольшую пещеру, близь нея немного воды, и при ней человѣческіе слѣды; я обрадовался и подошелъ къ пещерѣ. Я постучалъ по обычаю и мнѣ отвѣчалъ извнутри святой старецъ, и вышелъ ко мнѣ; послѣ обычнаго монашескаго поклона и молитвы, мы сѣли и рабъ божій сказалъ мнѣ: «это хорошо, сынъ мой, что ты пришелъ къ намъ и претерпѣлъ такой длинный путь; скажи мнѣ: какъ живетъ теперь христіанское племя? какъ цари? какъ утверждена вѣра?» Я сказалъ: что де молитвами отъ васъ преподобныхъ, ангельски живущихъ, все стоитъ блачестно и мирно; но молюсь, припадая къ ногамъ твоимъ, святой отецъ, просвѣти меня о томъ, для чего я пришелъ къ тебѣ. Онъ спросилъ: «какая же причина твоего прихода къ намъ?» Я разсказалъ ему все, о чемъ говорено прежде, и прибавилъ: «я молюся.... чтобы узнать, получила ли какую нибудь пользу отъ молитвы моя мать, или нѣтъ?» Этотъ истинный рабъ божій отвѣчалъ: «этотъ вопросъ выше моей силы и достоинства; но помолимся вмѣстѣ съ тобою, да велитъ Богъ открыть намъ, что хочетъ», — и очертивъ своимъ жезломъ кругъ, поставилъ меня внутри его, и заповѣдалъ мнѣ семь дней не садиться, не ѣсть и не пить сколько можно, но молить Бога день и ночь, да покажетъ намъ разрѣшеніе искомаго. «И я, сказалъ онъ, сдѣлаю тоже внутри пещеры».... И сотворивъ прилежную молитву, оставилъ меня внутри круга и вошелъ въ свою пещеру. Прошло шесть дней и шесть ночей, и когда пришла седмая ночь, я былъ какъ въ изступленіи, смотрю на лѣвую сторону и вижу тинное озеро, исполненное смрада, и чьи-то головы, восходящія изъ глубины озера, и съ ними увидѣлъ матерь свою, восходящую и нисходящую до шеи. И узнавши меня, она закричала: «чадо мое доброе, прости меня!» И опять поникла въ глубину тины. И опять, поднявшись до персей, закричала: «чадо мое, помоги мнѣ!» И снова опустилась въ глубину, и потомъ я увидѣлъ ее поднявшуюся въ третій

разъ и еще громче вопіющую, съ умиленіемъ и многими слезами и рыданіемъ, и говорившую: «чадо мое, не оставь меня въ этой бѣдѣ!» Я, забывъ опасность, протянулъ правую руку и схватилъ ее за волосы, и когда она погрузилась, рука моя омочилась въ той смрадной тинѣ до запястья, но я извлекъ матерь свою, и взглянувъ направо, увидѣлъ купель чистой, благовонной и сладкой воды, ввергнулъ ее туда и омылъ отъ смрадной тины, и соединился съ находящимися тамъ свѣтлыми людьми, хваля и славя Бога. Насталъ день и пришелъ старецъ, спрашивая, видѣлъ ли я что нибудь; и когда я сказалъ, тотъ замѣчалъ мнѣ, что такъ это было и что онъ самъ это видѣлъ; когда же я открылъ руку и не могъ снести невыносимаго смрада, онъ сказалъ: «не печалься объ этомъ; это останется печатью истины происшедшаго, для всѣхъ слышащихъ и видящихъ, что это было истинное видѣніе, а не привидѣніе или мечта.»

Старецъ далъ ему платокъ, которымъ онъ завязалъ свою руку и который распространялъ вмѣсто смрада благоуханіе. Легенда кончается эффектнымъ образомъ: старецъ хотѣлъ вознаградить странника за его вѣру и терпѣніе, и чтобы избавить его отъ труднаго обратнаго путешествія черезъ пустыню, велѣлъ южному вѣтру донести его на облакѣ къ его дому.

Рядомъ съ этой легендой г. Костомаровъ помѣстилъ малороссійскій разсказъ о грѣшной матери, который вѣрнѣе могъ бы быть помѣщенъ варіантомъ къ слѣдующей затѣмъ легендѣ *о видѣніи мукъ грѣшницы въ аду*, гдѣ мученія за нескромную жизнь представлены въ еще болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ въ приведенномъ описаніи. Грѣшница изображена сидящею на страшномъ зміѣ, два ужа были на ея шеѣ, два другихъ на груди, два нетопыря терзали ея глаза, изо рта выходилъ огонь, въ ушахъ были стрѣлы, и т. д., — словомъ, тоже неизящное изображеніе, которое встрѣчается на лубочной картинкѣ этого содержанія. Картины ада вообще представляли обширное поле воображенію, и оно дѣйствительно стремилось совмѣстить въ нихъ все ужасное, что только могла представить природа. Легендарныя изображенія ада весьма древни по происхожденію и очень сходны у разныхъ народовъ, отчасти потому, что вездѣ воображеніе настроено было одинакимъ образомъ и какъ бы поневолѣ нападало на однѣ и тѣ же черты адскихъ ужасовъ; съ другой потому, что всѣ они стояли въ связи съ однимъ первоначальнымъ источникомъ — древней легендой, представляющей адъ только во внѣшнемъ, чувственномъ видѣ. Дантовъ адъ вовсе не былъ исключительнымъ произведеніемъ фантазіи поэта; напротивъ, въ немъ собрались черты извѣстныхъ средневѣковыхъ повѣрій, распространенныхъ по всей Европѣ, западной и восточной. Въ нашихъ преданьяхъ, напр. въ

малороссійскихъ повѣрьяхъ о мукахъ грѣшниковъ, собранныхъ въ «Запискахъ о Южной Руси», встрѣчаются иногда тѣ же подробности, какія принадлежатъ итальянскимъ легендамъ XIV вѣка. Обѣ приведенныя нами легенды безъ сомнѣнія византійскія, но чрезвычайно распространились въ народѣ, такъ что могутъ представлять для насъ его понятія, какъ знаменитое изображеніе страшнаго суда.

Къ этому циклу повѣрій относится еще легенда *о временномъ посѣщеніи ада*. Въ народѣ есть повѣрье, что у людей обмиравшихъ, то есть впадавшихъ въ летаргическій сонъ, душа отдѣляется отъ тѣла, и въ это время странствуетъ на томъ свѣтѣ и можетъ видѣть тайны загробнаго міра. По возвращеніи къ жизни эти люди сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что они тамъ видѣли. На подобномъ повѣрьѣ могла быть основана и эта легенда. Содержаніе ея слѣдующее. Одинъ благочестивый человѣкъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и просилъ Бога лучше послать ему смерть, чѣмъ терпѣть подобныя муки. Тогда явился къ нему ангелъ и предложилъ на выборъ: или цѣлый годъ быть въ болѣзни на землѣ, или три дня терпѣть за свои грѣхи адскія муки. Человѣкъ тотъ немедленно согласился. Онъ умеръ и душа его отослана была на муку. Черезъ день ангелъ посѣтилъ душу, и душа, истомленная адскимъ мученіемъ, начала укорять ангела, что онъ заставляетъ ее мучиться тысячу лѣтъ вмѣсто нѣсколькихъ дней. Ангелъ увѣрилъ ее, что она только одинъ день находится въ аду, и она согласилась хоть бы до скончанія міра терпѣть тѣлесныя скорби, но лишь бы избавиться отъ адскихъ мученій. Такъ и случилось: она возвратилась въ тѣло, и человѣкъ, оставшись въ болѣзни одинъ годъ и покаявшись, умеръ и вошелъ въ вѣчное упокоеніе.... Народныя легенды, которыя мы видѣли въ собраніи г. Аѳанасьева, имѣютъ подобное представленіе объ адѣ и раѣ: минуты, проведенныя смертнымъ въ зрѣлищѣ адскихъ мукъ или райскаго блаженства, кажутся ему цѣлыми годами, — такъ поразительны эти вещи, къ которымъ не привыкли чувства человѣка. Г. Костомаровъ не означаетъ источника, изъ котораго взялъ онъ эту повѣсть; мы не знаемъ, принадлежала ли она какому нибудь русскому или переводному сборнику, но въ содержаніи ея, въ возможности для человѣка вживѣ попасть въ загробный міръ, опять нѣтъ исключительно русскаго представленія. Этотъ мотивъ принадлежитъ всей европейской легендѣ. Такова очень извѣстная ирландская легенда о рыцарѣ Тундалѣ, который видѣлъ рай и адъ. Тундаль былъ рыцарь щедрый, веселый, но слишкомъ преданный міру, не жалѣвшій о бѣдныхъ, рѣдко ходившій въ церковь. Однажды, это было въ среду, онъ вдругъ упалъ мертвый, и только черезъ нѣсколько дней, въ субботу, онъ снова ожилъ, когда его уже собирались хоронить, раздѣлилъ свое имѣніе нищимъ, от-

казался отъ свѣта и надѣлъ монашеское платье. Послѣ того онъ каждому разсказывалъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Душа его въ это время странствовала въ сопровожденіи ангела въ аду и на небѣ, тамъ онъ терпѣлъ различныя муки, въ раю вкусилъ небесныя радости: впрочемъ и тѣ и другія описываются у него довольно однообразно. Въ аду онъ видѣлъ мученія убійцъ, клятвопреступниковъ, гордыхъ, развратныхъ, и т. д., въ раю онъ видѣлъ нѣсколькихъ ирландскихъ королей и епископовъ, и между прочимъ пустое мѣсто, предназначенное для епископа, который еще жилъ тогда на землѣ. Эта встрѣча съ людьми, знакомыми на землѣ, конечно еще болѣе оживляла разсказы; въ малороссійскихъ преданьяхъ, души, странствовавшія на томъ свѣтѣ, точно также встрѣчаютъ тамъ своихъ умершихъ знакомыхъ и приносятъ о нихъ вѣсти; у Данта эти встрѣчи сдѣлались существенной рамкой поэмы. Въ западной легендѣ Тундаль конечно не единственное лицо, видѣвшее загробный міръ; этотъ мотивъ имѣлъ и на западѣ обширное развитіе, какъ напримѣръ въ знаменитой легендѣ о св. Брапданѣ, представляющей цѣлую Одиссею приключеній и чудесныхъ разсказовъ. Въ византійской и въ нашей легендѣ этотъ сюжетъ является также въ сказаньяхъ о хожденіи по мытарствамъ. Въ русскихъ памятникахъ мы можемъ указать весьма поэтическую варіацію этого содержанія, извѣстную въ старыхъ рукописяхъ подъ названіемъ «Хожденія Богородицы по мукамъ»: неизвѣстный авторъ сказанья весьма удачно воспользовался положеніемъ и изобразилъ чувства Богородицы при посѣщеніи адскихъ мученій. Мы уже замѣчали, что основаніемъ этой общности преданій могла быть отчасти первобытная легенда, которая разошлась по всему христіанскому міру: она образовалась на почвѣ древнихъ христіанскихъ понятій, въ которыхъ имѣли свою долю и старинныя классическія представленія, удержавшіяся напримѣръ въ нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядахъ, бывшихъ на западѣ. Такимъ образомъ исторія этихъ легендъ можетъ восходить очень далеко; опредѣлить теперь чисто русскія черты этихъ преданій еще трудно, безъ подробнаго собранія матеріаловъ, котораго еще нѣтъ у насъ до сихъ поръ. Въ сборникъ г. Костомарова вошла только незначительная часть этихъ сказаній.

Далѣе, замѣтимъ въ этомъ изданіи легенду *о братствѣ*, которое заключилъ со Христомъ Провъ, сынъ царя Семиклея. Христосъ явился ему въ видѣ раба, помогъ собрать дань, заключилъ съ нимъ братство и потомъ исцѣлилъ отца его отъ слѣпоты, мать его Кунаву отъ проказы, а жену отъ «нечистаго духа». Обычай братства, для освященія котораго могла быть составлена легенда, существовалъ у многихъ народовъ, начиная отъ древнихъ грековъ, и въ разной степени

сохраняется до сихъ поръ у славянъ, особенно южныхъ. У сербовъ, заключеніе братства, побратимство, сопровождается религіозными обрядами и считается священнымъ дѣломъ. Герои нашихъ эпическихъ пѣсенъ также заключаютъ братство между собою. Братство со Христомъ встрѣчается и въ другихъ сказаніяхъ, напримѣръ о св. Христофорѣ. Повѣсть любопытна и по отношенію къ нашимъ народнымъ легендамъ, въ которыхъ очень часто Христосъ является между людьми, принимаетъ участіе въ ихъ дѣлахъ и оказываетъ покровительство людямъ достойнымъ и благочестивымъ. Г. Костомаровъ думаетъ, что легенда сочинена русскимъ, но это едва ли справедливо. Славянское имя Купавы, жены царя, ничего не доказываетъ въ этомъ случаѣ, потому что примѣры подобной вставки славянскихъ именъ встрѣчаются весьма часто въ древнихъ переводныхъ произведеніяхъ. Въ извѣстной басносливой исторіи о троянской войнѣ Ифигенія названа по-славянски Цвѣтаною.

Поучительныя легенды *о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу*, и *о тѣхъ, кто думаетъ, что нѣтъ грѣха въ шахматныхъ и другихъ позорныхъ играхъ*, — эти люди ужаснымъ образомъ похищаемы были дьяволами, — имѣли весьма близкое отношеніе къ старинному русскому быту; вторая изъ этихъ легендъ взята изъ рукописи XVI вѣка. Пьянство и игра въ кости принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ удовольствіямъ того времени, и современные моралисты не упускали случая проповѣдывать народу о ихъ зловредности. Въ повѣсти о «Горѣ-Злочастьи», родители не совѣтуютъ доброму молодцу дружиться съ костярями и корчемниками и головами кабацкими. Легенда также могла казаться хорошимъ средствомъ для наставленія людямъ, преданнымъ пьянству и игрѣ, и авторъ этихъ сказаній, придуманныхъ очень незамысловато, прямо отдаетъ этихъ людей во власть бѣса, который утаскиваетъ игрока черезъ потолокъ и крышу. Подобныя легенды и долго спустя продолжали свое существованіе въ народныхъ лубочныхъ картинкахъ, изображавшихъ пьяницу, утащеннаго изъ кружала дьяволомъ и другія приключенія этого свойства.

Въ этихъ и имъ подобныхъ произведеніяхъ собственно легендарный интересъ уступаетъ простой морали. За то *повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи* представляетъ весьма оригинальный и курьёзный примѣръ русской народной демонологіи. Мы нѣсколько затрудняемся передачею этой легенды на нынѣшнемъ языкѣ, отчасти по ея обширности для статьи, отчасти по несходству нынѣшней литературной формы со старинною, — но постараемся дать о ней вѣрное понятіе. Легенда открывается чисто историческими указаніями на время и мѣсто событія: оно произошло въ 7169 (1661) году,

въ сорока верстахъ отъ Устюга, вверхъ по Сухонѣ, въ Ерогодской волости. Молодая Соломонія, дочь тамошняго іерея, отдана была замужъ за простаго земледѣльца Матвея. Въ первый же день свадьбы съ ней случилось необыкновенное приключеніе: мужъ ея вышедъ зачѣмъ-то изъ брачной комнаты, и въ это время бѣсъ подошелъ къ храминѣ и постучался, прося отпереть. Соломонія думала, что это ея мужъ, и когда отворила дверь, ей пахнулъ въ лицо, въ уши и въ очи какъ будто великій вихрь и явилось синее пламя. Она ужаснулась, на нее напалъ ознобъ, и на третій день она почувствовала въ себѣ лютаго демона, который терзалъ ее. На девятый день, когда они съ мужемъ собирались спать, явился снова въ храмину мохнатый съ когтями бѣсъ, и съ той поры бѣсы цѣлыми толпами, иногда въ видѣ прекрасныхъ юношей, приходили къ ней, и съ Соломоніей происходило тоже, что бываетъ съ женщинами, къ которымъ по народному повѣрью летаютъ огненные зміи. Соломонія теряла сознаніе и не могла отъ нихъ защититься. Мужъ отдалъ ее къ отцу, но и въ домѣ отца продолжалось тоже. Бѣсы невидимо похищали ее, уносили въ воду и черезъ нѣсколько дней бросали ее въ лѣсу, въ полѣ, безъ всякой одежды. Они приходили и въ самую комнату ея, мучили ее, бросали по угламъ храмины, привязывали къ стропиламъ; они требовали, чтобы она убила отца и давали ей копье, которое послѣ она показывала людямъ. Въ той волости много свидѣтелей этихъ козней, прибавляетъ сочинитель легенды.

«Послѣ того пришло многое множество тѣхъ водяныхъ демоновъ, и начали принуждать ее, чтобы она жила у нихъ и вѣровала вмѣстѣ съ ними въ отца ихъ сатану, чтобы пила и ѣла съ ними и творила всю ихъ волю. Сначала они хотѣли отвратить ее отъ христіанской вѣры ласками и честью, всячески убѣждали ее: «видишь ли, Соломонія, какое наше житье, все хорошо и богато, и ты будешь у насъ въ большой чести». И другія пріятныя убѣжденія дѣлали они, но Соломонія ничего имъ не отвѣчала. Тогда окаянные демоны увидѣли, что не могутъ добромъ и ласкою прельстить ее и отвратить отъ истинной христіанской вѣры, и начали мучить ее: растянули ее по стѣнѣ, руки и ноги ея забили въ колодки, начали колоть ее копьями и рожнами, и ножами рѣзать, и ногтями все тѣло ея драть, и опять спрашивали: «вѣруешь ли въ насъ и въ отца нашего сатану?» Она же ничего имъ не отвѣчала. Они ее расковали, взвели на одно высокое мѣсто, взяли за руки и за ноги и бросили на землю, такъ что она упала замертво; когда она едва отдохнула, они снова взяли ее къ себѣ, и отдали нѣкоей дѣвѣ, которую они называютъ Ярославкою. Эта дѣва начала ее распрашивать: «какъ ты сюда попала, изъ какого города или села, какого отца и матери и сродичей?» Обо всемъ она распросила подробно, и когда Соломонія все отвѣчала, та Ярославка сказала ей: «если ты, Соломонія, не хочешь

здѣсь жить, но ты не ѣшь и не пей у нихъ, и ничего не отвѣчай имъ, они помучатъ и отпустятъ». Черезъ нѣсколько времени демоны опять пришли и спрашивали: «вѣруешь ли въ насъ?» Она ничего не отвѣчала; они много грозили ей, принуждая ее къ своей вѣрѣ, но она молчала. И послѣ многихъ угрозъ, лукавые духи взяли ее и отнесли въ лѣсъ чуть живую отъ многаго мученія; она съ большимъ трудомъ добралась до дому. Она прожила шесть дней въ домѣ отца, и демоны, пришедши невидимо, опять взяли ее и унесли къ себѣ. Она пробыла у нихъ два дня и двѣ ночи, и зачала, и носила ихъ полтора года. Когда ей пришло время родить, она была въ домѣ отца, и выслала изъ дому отца со всѣми живущими у него, сказавъ, что она должна родить, — и какъ бы ихъ *темнозрачные* не убили. И въ это время пришла къ ней женщина отъ тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ и начала водиться съ ней; и она родила *ихъ* шесть, а цвѣтомъ они синіе, и та женщина взяла ихъ изъ храмины и унесла ихъ подъ мостъ.»

Дѣвка Ярославка, которую Соломонія видѣла у демоновъ, разсказала ей, что она родомъ изъ Ярославля, и что мать отдала ее маленькую демонамъ. Ярославка сжалилась надъ ней и хотѣла ей помочь; исторія разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

«Она начала ее учить и называть ей демоновъ по именамъ, какъ кого зовутъ; учила ее та Ярославка по десяткамъ: прежде одинъ десятокъ выучитъ, потомъ другой. Соломонія, уча такъ по десяткамъ, узнала всѣхъ ихъ имена. Потомъ Ярославка сказала: «какъ отпустятъ тебя къ отцу проститься, и ты вели своему отцу всѣ тѣ имена переписать и вели ихъ окаянныхъ проклинать во святомъ алтарѣ, гдѣ приносится безкровная жертва, и послѣ того имъ окаяннымъ невозможно будетъ ни увести тебя, ни приблизиться къ тебѣ». И пошла та дѣвка Ярославка къ демонамъ и сказала: «отпустите Соломонію къ отцу проститься; простившись съ отцомъ, она вѣчно будетъ здѣсь жить». Они послушались ея, и понесли Соломонію къ отцу и принесли на болото; и было ихъ окаянныхъ многое множество, и начали они топить Соломонію въ болотѣ. И въ это время пришла великая туча съ молніей и громомъ страшнымъ и сильными ударами, и начало ихъ палить и убило многое множество. Болото и озеро наполнилось ими какъ смолою; и видя ихъ погибель, Соломонія побѣжала отъ нихъ и скрылась въ яму; но увидѣвшіе окаянные демоны нашли ее тамъ и снова начали мучить ее всякими несказанными муками; и въ тотъ часъ поднялась буря еще больше, и громъ, и молнія, и едва лукавые отступили отъ нея, испугавшись бури, она убѣжала и пришла съ великою скорбью и истомленная къ дому отца своего.»

Соломонія разсказала отцу все, что съ ней случилось; онъ записалъ имена демоновъ и началъ проклинать ихъ. Соломонія отъ тяжкаго бѣсовскаго мученія впала въ болѣзнь, и въ это время ей явилась во снѣ святая Ѳеодора и посылала ее въ Устюгъ, гдѣ ее ожида-

лю исцѣленіе; но святая запретила ей обращаться къ волхвамъ и искать отъ нихъ помощи. Но демонская сила, жившая въ ней, сопротивлялась и ее едва могли увезти въ городъ. Черезъ нѣсколько времени она была почти здорова, и ей захотѣлось повидаться съ отцомъ.

«Она была уже нѣсколько дней въ домѣ отца, и однажды по захожденіи солнца пришли опять нечистые духи, темные демоны, и начали кликать ее по имени: «Соломонія! полонянка!» Голосъ ихъ слышали отецъ и мать и всѣ люди, живущіе тамъ на погостѣ. Она жила у отца своего восемь недѣль, и тѣ окаянные демоны часто приходили и кликали ее, какъ и прежде, и говорили отцу ея, такъ что всѣ слышали: «попъ, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы дадимъ тебѣ имѣнья сколько тебѣ угодно», и опять говорили, ругаясь: «намъ ее, полонянку, отдалъ братъ нашъ; если вы теперь и не отдадите ее, мы унесемъ ее у васъ; потому что намъ отдали ее братья наши, водяные демоны; а насъ она оболгала и обманула; мы унесемъ ее въ лѣсъ». И каждую ночь они окаянные приходили, кричали и ревѣли, ломали храмину, въ которой она была. Въ то время было на погостѣ освященіе церкви пресвятой Богородицы, и съ Устюга пріѣзжали отъ соборной церкви священникъ Никита и протодьяконъ Димитрій на освященіе, и много другихъ людей, и они слышали всѣ эти вражескія козни, какъ они кричали и звали ее, и просили ее у отца; и если какой человѣкъ въ чемъ нибудь оспоритъ ихъ или начнетъ бранить, и они окаянные бранили всякихъ людей и обличали ихъ всякими грѣхами, кто сотворилъ какой грѣхъ, и обнажали совѣсть всякаго человѣка, и послѣ долгаго спора уходили.»

Мы не будемъ дальше подробно слѣдить за исторіей Соломоніи; достаточно сказать, что и въ Устюгѣ она продолжала выносить мученіе жившихъ въ ней демоновъ, пока, наконецъ, молитвы и помощь устюжскихъ чудотворцевъ не освобождаютъ ее отъ бѣсовскаго преслѣдованія, послѣ цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ подъ ихъ властью.

Легенда о Соломоніи—одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ своего рода; немногія совмѣщаютъ такую подробность въ описаніи демонскихъ нравовъ и такой подборъ ужасовъ, наполнявшихъ воображеніе народа. Общія преданья о злыхъ духахъ и о власти ихъ надъ бѣсноватыми въ легендѣ о Соломоніи соединяются съ чисто-русскими повѣрьями, идущими вѣроятно изъ временъ до-христіанскихъ. Вѣрованіе въ матеріальное существованіе злыхъ духовъ и въ возможность физическихъ отношеній, описанныхъ въ легендѣ о Соломоніи, принадлежитъ отдаленной древности. Г. Костомаровъ указываетъ на еврейскую талмудическую исторію о Лилутѣ, будто бы первой женѣ Адама, отъ связи которой съ злыми духами произошло поколѣніе бѣсовъ, имѣющихъ физическую жизнь и умирающихъ,

какъ демоны нашей легенды. При распространеніи христіанства боги древности, по основанію языческаго заблужденія, сочтены были за демоновъ, и потому мисы о похожденіяхъ боговъ языческихъ на землѣ только подтверждали новое вѣрованіе о появленіи на землѣ злыхъ духовъ съ тѣми свойствами, съ какими Юпитеръ являлся въ мисахъ о Данаѣ, Іо, Селенѣ и. т. д. Въ средніе вѣка мнѣніе о связяхъ бѣсовъ съ женщинами было распространено повсюду въ Европѣ; и трудно сказать, гдѣ оно выражалось страннѣе и курьёзнѣе: такимъ связямъ приписывали, напримѣръ, происхожденіе цѣлаго народа гунновъ, которыхъ ужасный видъ и свирѣпость могли объясняться, по мнѣнію европейцевъ, только бѣсовскимъ происхожденіемъ. Наша легенда предполагаетъ цѣлый разрядъ бѣсовъ, живущихъ въ водѣ, которые родятся отъ женщинъ, ѣдятъ, пьютъ, веселятся, умираютъ; у нихъ есть и своего рода религія, — они поклоняются своему богу — сатанѣ; въ числѣ ихъ встрѣчаются и женщины, не только ими похищенныя, какъ Соломонія и дѣвка-ярославка, но и «темнозрачныя» бабы, ихъ же демонской породы. Повидимому власть ихъ ограничена только извѣстной мѣстностью; по крайней мѣрѣ Соломонію отвозятъ въ Устюгъ, чтобы водяные демоны не нападали на нее въ домѣ ея отца, и въ Устюгѣ она въ самомъ дѣлѣ избавляется отъ этихъ нападеній; ее продолжаютъ мучить тамъ только тѣ, которые жили въ ней самой. Полная реальность этихъ бѣсовъ обнаруживается въ разсказѣ о томъ, какъ святые устюжскіе исцѣляли ее: одинъ изъ ея избавителей разрѣзалъ ея тѣло и вынималъ демоновъ; другой убивалъ ихъ. Наша легенда подробнѣе другихъ развила эти повѣрья, связанныя съ общей христіанской демонологіей, но вѣроятно заимствовавшія также кое-что изъ старыхъ языческихъ представленій, въ которыхъ имѣли свое мѣсто и божества водяныя.

Это настроеніе видѣть вездѣ бѣсовскія козни до такой степени господствовало въ народѣ, что входило чрезвычайно важнымъ элементомъ въ произведенія его фантазіи. На связи съ бѣсомъ основана и помѣщенная въ сборникѣ г. Костомарова повѣсть *о Саввѣ Грудцынѣ*, одинъ изъ первыхъ опытовъ русской повѣсти, если еще не вполнѣ свѣтской, то уже не исключительно легендарной, или церковной. Повѣсть о Саввѣ, какъ повѣсть о Горѣ-Злочастіи, не есть чистая легенда; онѣ не обходятся безъ піэтизма, потому что онъ былъ слишкомъ силенъ и въ дѣйствительной жизни того времени. Любопытно, что въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ изображеніе бѣсовъ гораздо мягче и они не имѣютъ того отвратительнаго вида, какой даетъ имъ, напримѣръ, легенда о Соломоніи. Повѣсть интересна и описаніемъ русскихъ нравовъ XVII-го столѣтія: дѣйствіе ея относится

къ царствованію Михаила Өеодоровича; купеческій сынъ Савва влюбляется въ замужнюю женщину, любовью которой онъ прежде пренебрегъ и которая въ отмщенье за то напоила его приворотнымъ зельемъ. Чтобы успѣть снова у этой женщины, Савва ищетъ содѣйствія бѣса, который явился къ нему пріятелемъ; Савва даетъ ему на себя рукописаніе, самъ того не подозрѣвая, потому что, плохо зная грамоту, не понялъ хорошенько, что писалъ подъ его диктовку. Послѣ того бѣсъ дѣлается его постояннымъ спутникомъ, показываетъ ему царство своего «князя тьмы», доставляетъ ему любовь женщины, съ которою онъ прежде разсорился, помогаетъ ему отличиться на войнѣ, при осадѣ Смоленска, гдѣ Савва убиваетъ сильныхъ польскихъ рыцарей; наконецъ, милостью Богородицы, Савва спасается отъ діавольской злобы и ему возвращено его «богоотметное» (и безграмотное) писаніе. Таковъ сюжетъ разсказа. Г. Костомаровъ приводитъ въ примѣчаніи повѣсть о Евладіи, спасенномъ Василіемъ Великимъ, и думаетъ, что нашъ разсказъ былъ только сколкомъ съ этой легенды: какъ бы то ни было, но повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ остается совершенно русскимъ произведеніемъ и въ замыслѣ и въ подробностяхъ разсказа.

Къ этимъ легендамъ г. Костомаровъ прибавилъ еще нѣсколько разсказовъ о бѣсовскихъ искушеніяхъ. Эти разсказы были не самостоятельнымъ, а заимствованнымъ матеріаломъ въ нашей легендѣ, но тѣмъ не менѣе близко касались русскихъ нравовъ, монашескихъ и свѣтскихъ. Легенды предупреждали старцевъ отъ разсѣянности въ молитвѣ, примѣромъ инока, въ кельѣ котораго началъ плясать бѣсёнокъ, когда онъ невнимательно читалъ псалтырь; предупреждали отъ сребролюбія, отъ самонадѣянности, когда бѣсъ жестоко соблазнилъ старца, хотѣвшаго претерпѣть судьбу Іова. Духъ этихъ легендъ чисто-христіанскій; легендарнаго въ нихъ не болѣе, какъ только наивная безотчетность вѣрованій. Легенда предупреждала и людей, живущихъ въ свѣтѣ, отъ танцевъ и пѣнія пѣсенъ, примѣромъ одной дѣвицы, которую за это преступленіе бѣсы утащили во снѣ въ геенну огненную, опалили ея тѣло и воткнули въ ротъ горячую головешку. Для образчика мы приведемъ одну легенду подобнаго рода, заимствованную изъ греческаго источника, но содержаніе которой очень извѣстно въ народныхъ повѣрьяхъ.

«Два старца согласились удалиться отъ мірскаго мятежа; у одного изъ нихъ былъ маленькій сынъ. Когда они вышли въ пустыню и выстроили себѣ хижины, они черезъ недѣлю посѣщали другъ друга для бесѣды, и когда ребенокъ уже началъ понимать, отецъ его бесѣдовалъ однажды съ братомъ о духовныхъ вещахъ, но потомъ мало-по-малу они совратились и на мірскія: какъ они жили въ мірѣ. Житейскіе раз-

говоры продолжались, старцы забылись и отъ житейской повѣсти впали въ празднословіе; и когда они уже достаточно такимъ образомъ наговорили, одинъ изъ нихъ опомнился и сказалъ другому: «братъ, мы согрѣшили передъ Создателемъ и нарушили наше обѣщаніе; мы отреклись отъ тѣхъ грѣшныхъ вещей, о которыхъ говоримъ». Тогда оба они прослезились и начали творить прощеніе другъ къ другу, по отеческому преданію. Тогда мальчикъ, сынъ одного изъ нихъ, громко засмѣялся; отецъ же чрезвычайно на него разсердился и хотѣлъ его ударить; отрокъ же, испугавшись его гнѣва, измѣнился въ лицѣ; а другой монахъ сталъ убѣждать его отца, чтобы онъ не билъ его, и наконецъ уговорилъ. Отецъ началъ тогда спрашивать его съ любовью, чтобы онъ сказалъ имъ: отчего онъ вдался въ безчинство и чему единъ безстыдно засмѣялся? Отрокъ едва могъ отъ страха разсказать имъ, что онъ видѣлъ видѣніе: когда, разсказывалъ онъ, монахи говорили о господнемъ законѣ, и объ апостольской проповѣди, и объ отеческихъ подвигахъ, тогда отрокъ видѣлъ двухъ свѣтлыхъ божіихъ ангеловъ, тайно бесѣдующихъ съ монахами въ правое ухо; когда они оставили духовное повѣствованіе и начали бесѣдовать о житейскомъ, тогда божіи ангелы вышли изъ ихъ кельи и въ нее вошли къ тѣмъ монахамъ два бѣса, и то, что они говорили о житейскомъ, бѣсы записывали на хартіяхъ, и одинъ бѣсъ къ одному, а другой къ другому старцу шептали тайно въ лѣвое ухо, и когда бѣсы исписали хартіи, то начали писать на себѣ, что говорили старцы, и уже бѣсы совсѣмъ себя исписали, такъ что не оставалось на нихъ пустаго мѣста. И когда монахи опомнились и покаялись передъ Богомъ въ своемъ празднословіи, и сотворили другъ другу прощеніе, тогда загорѣлись у бѣсовъ хартіи и то писаніе загорѣлось, которое бѣсы писали на своемъ тѣлѣ, и начало бѣсовъ отъ старческаго покаянія палить огнемъ, и бѣсы затрепетали отъ пламени, не вынося его, скакали по кельи и вопіяли съ горькимъ плачемъ: «о горе наше, сами себя погубили!» И отрокъ засмѣялся этому скаканію, и трепету ихъ, и горькимъ стонамъ. Услышавши это, старцы умилились и съ того времени жили въ страхѣ божьемъ...»

Легенда стояла такимъ образомъ за строгость нравовъ, осуждала увеселенія, въ которыхъ видѣла одно вредное легкомысліе. Въ этомъ она никогда себѣ не измѣняла.

Чтобы кончить нашъ обзоръ памятниковъ, изданныхъ г. Костомаровымъ, мы должны бы были говорить еще объ историческихъ легендахъ, помѣщенныхъ имъ въ концѣ книги, но это завлекло бы насъ очень далеко. Легенды эти разсказываютъ о введеніи христіанства въ Ростовѣ и Муромѣ, о чудесахъ Антонія Римлянина и Іоанна новгородскаго, и т. д. Они представляютъ тѣ же общія основанія легенды, борьбу съ бѣсами, чудесное, видѣнія, но въ приложеніи къ историческимъ личностямъ и историческимъ событіямъ. Для примѣра мы приведемъ одно новгородское сказаніе о видѣніи пономаря

Тарасія, которое не лишено поэтическихъ оборотовъ. Видѣніе произошло въ обители преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

«Въ церкви святаго Спаса былъ однажды въ полночь, по церковной надобности, пономарь, именемъ Тарасій. Вдругъ онъ увидѣлъ, что на паникадилѣ и на свѣтильникахъ всѣ свѣчи зажглись и кадила загорѣлись, и вся церковь исполнилась благоуханія отъ благовоннаго фиміама и ладана, и пономарь сонными глазами, не во снѣ, а на яву, видитъ преподобнаго чудотворца Варлаама, выходящаго изъ своего гроба въ церкви св. Спаса. И началъ преподобный молиться Господу нашему Іисусу Христу и пречистой его Матери и всѣмъ святымъ, со слезами и великимъ умиленіемъ, часа три. Пономарь былъ въ великомъ ужасѣ. И пришелъ къ пономарю Тарасію самъ чудотворецъ Варлаамъ и сказалъ ему: «о братъ, Тарасій, хочетъ Господь Богъ погубить Великій Новгородъ! Взойди, братъ пономарь Тарасій, на самый верхъ церковный; ты увидишь пагубу Великаго Новагорода, что хочетъ сотворить ему Богъ». Пономарь Тарасій взошелъ, по слову чудотворца Варлаама, на самый верхъ церковный и видитъ чудо, исполненное страшной грозы: надъ самымъ Великимъ Новгородомъ поднялось озеро Ильмень на высоту, хотя потопить Великій Новгородъ. Увидѣвъ страшное видѣніе, пономарь Тарасій ужаснулся, и одержимый великимъ страхомъ вошелъ въ церковь св. Спаса. И пришелъ къ нему святой Варлаамъ и спросилъ его: «что онъ видѣлъ надъ городомъ?» Пономарь Тарасій сказалъ святому Варлааму: «озеро Ильмень поднялось надъ Великимъ Новгородомъ». И сказалъ пономарю святой Варлаамъ: «Господь Богъ хочетъ Ильменемъ озеромъ потопить Великій Новгородъ за умноженіе грѣховъ народа, за его беззаконіе и неправды». Послѣ того онъ опять началъ съ умиленіемъ и слезами молиться Господу Богу и Пречистой Богородицѣ часа три, и послалъ пономаря Тарасія идти на церковь святаго Спаса и посмотрѣть, что сотворитъ Богъ надъ Великимъ Новгородомъ. Пономарь въ другой разъ взошелъ, по слову чудотворца Варлаама, на верхъ церкви, и видитъ: множество ангеловъ стрѣляютъ огненными стрѣлами, какъ сильный дождь изъ тучи, на множество «людскаго народа», на мужей и женъ и дѣтей ихъ, сколько было мужей, женъ и дѣтей; и передъ всякимъ мужемъ и женою, и отрокомъ, и дѣвушкой, и передъ всякимъ человѣкомъ стоялъ ангелъ хранитель и держалъ книги и смотрѣлъ въ нихъ повелѣнія божія. Если человѣкъ находился написаннымъ въ живыхъ, того ангелъ помазывалъ кистью изъ сосуда, — принимая, я думаю, мура небеснаго, — и тотъ человѣкъ получалъ исцѣленіе и становился здоровъ отъ смертоносной язвы немилостивыхъ ангеловъ. Если же видѣлъ ангелъ человѣка, которому написано было умереть въ книгахъ судебъ божіихъ, повелѣніемъ владыки нашего Христа, и ангелъ хранитель не помазывалъ муромъ и печально отходилъ отъ такого человѣка, боясь преслушать повелѣніе своего владыки.... Пономарь ужаснулся, и одержимый великимъ страхомъ бѣжалъ съ церковнаго верху: и спросилъ его святой чудотворецъ Варлаамъ: «какое онъ видѣлъ ви-

дѣніе надъ Великимъ Новгородомъ?» Пономарь же началъ говорить ему, что видѣлъ множество ангеловъ божіихъ, пускающихъ съ неба безчисленныя огненныя стрѣлы на всенародное множество людей. И преподобный Варлаамъ началъ молиться со слезами и великимъ умиленіемъ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ, и сказалъ чудотворецъ пономарю Тарасію: «братъ! за молитвы Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, пощадилъ Господь Богъ людей своихъ, не погубилъ города потопомъ, но посылаетъ Богъ въ наказаніе людямъ моръ, но съ милостію, то есть съ покаяніемъ, потому что самъ Господь сказалъ въ евангеліи: въ чемъ застану тебя, въ томъ и сужу! И будетъ моръ три года». Такъ и былъ въ эти три года моръ, божіе посѣщеніе. И опять святой долго молился, и въ третій разъ послалъ пономаря на церковь, что увидитъ надъ городомъ. Пономарь взошелъ на церковь, по слову чудотворца Варлаама, и увидѣлъ надъ городомъ огненную тучу; и опять онъ ужаснувшись, сошелъ съ церкви и, вошедши во храмъ, увидѣлъ чудотворца, молящагося Богу; и спросилъ чудотворецъ Варлаамъ пономаря: «что онъ видѣлъ надъ городомъ?» Пономарь же сказалъ ему, что видѣлъ надъ Великимъ Новгородомъ огненную тучу. И чудотворецъ сказалъ ему: «черезъ три года послѣ мору будетъ сильный пожаръ въ Великомъ Новгородѣ. Погоритъ вся торговая сторона и сгоритъ многое множество людей; потому что, братъ пономарь Тарасій, Пречистая Богородица со всѣми святыми умолила Господа нашего и избавила городъ отъ потопа». И помолившись Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, преподобный Варлаамъ вошелъ въ гробъ свой; свѣчи и кадила сами погасли.»

Въ настоящее время было бы еще трудно сказать съ точностью, какое мѣсто занимала легенда въ старой русской письменности и жизни. Изданіе г. Костомарова впервые вводитъ насъ въ эту область старой литературы; то, что сдѣлано было по ней до сихъ поръ, ограничивается немногими примѣрами; намъ недостаетъ слѣдовательно матеріала, существенно необходимаго для такого вывода. Мы должны ограничиться общими свѣдѣніями о распространеніи легенды и общими замѣчаніями о вліяніи, которое она могла имѣть. Первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго русская письменность ознакомилась съ легендой и заимствовала эту форму литературы, было, какъ мы замѣтили, начавшееся въ глубокой древности направленіе многихъ къ разнымъ формамъ благочестія, не взвѣшеннымъ въ истинномъ и глубокомъ ихъ значеніи; развитіе литературной дѣятельности принесло у насъ впослѣдствіи цѣлую массу переводныхъ и самостоятельныхъ легендъ. При бѣдности образованія, при отсутствіи въ массѣ иныхъ интересовъ, все усердіе литературной дѣятельности обращалось или къ лѣтописи, или къ литературѣ духовнаго содержанія, и въ этой послѣдней легенда занимала одно изъ важнѣй-

ныхъ мѣстъ, потому что чистый догматизмъ или сухое поученіе безъ сомнѣнія меньше завлекали массу, чѣмъ легенда, которая, кромѣ морали, имѣла историческій и поэтическій характеръ, — каковъ бы онъ ни былъ. Каждое отдѣльное направленіе легендарной поэзіи, образцы которыхъ мы приводили въ нашей статьѣ, выражалось цѣлыми сотнями легендъ, которыя исчерпывали его до конца, составили цѣлый кодексъ особенныхъ понятій и конечно не прошли безъ слѣда въ народномъ характерѣ. Въ какое же отношеніе легенда становилась къ народу и народной жизни? Съ самаго начала она явилась поддержкой церковной литературы, возстававшей противъ язычества и распространявшей новыя идеи: старинное духовенство, какъ извѣстно, съ большимъ жаромъ вооружилось противъ народныхъ обычаевъ, увеселеній, пѣсенъ, въ которыхъ видѣло одно бѣсовское глумленіе; оно стремилось искоренить народную поэзію, въ которой не безъ основанія угадывало языческія воспоминанія, — эту поэзію должна была замѣнить новая поэзія легенды. Она и дѣйствительно ее замѣнила: русскій народный эпосъ древняго времени исчезъ; если впослѣдствіи не поднимался нашъ эпосъ отъ раздѣленія Руси, отъ недостатка народнаго участія въ событіяхъ, то могли по крайней мѣрѣ сохраниться въ письменности остатки древняго, какъ сохранились Нибелунги и карловингскіе романы; но изъ письменности вытѣснила его церковная литература и легенда. Эти послѣднія слишкомъ утвердились въ умахъ набожныхъ людей, которымъ большей частью принадлежала грамотность; при этомъ направленіи, грамотность, за немногими исключеніями, не давала мѣста народному поэтическому матеріалу, не имѣвшему связи съ церковнымъ и легендарнымъ. Въ XVII столѣтіи была записана чисто народная поэма (Горе-Злочастіе), но вѣроятно только потому, что она въ своемъ содержаніи уже имѣла достаточно данныхъ легендарнаго свойства. Такимъ образомъ совершилась побѣда легенды; народная поэзія, то есть народная самостоятельность понятій не представляла достаточной оппозиціи. Въ людяхъ грамотныхъ поэтическія стремленія уходили на легенду: въ ней скрываются духовные порывы старинныхъ людей или въ привлекательныхъ формахъ, утѣшительныхъ для патріотизма, — какъ въ сказаніи о пророчествѣ Варлаама,—или въ извращенныхъ представленіяхъ напуганнаго воображенія, — какъ въ повѣсти о Соломоніи, и т. д.

Существенная важность этого преобладанія легенды надъ поэзіей народной заключалась въ томъ, что съ легендой входилъ совершенно иной порядокъ нравственныхъ понятій, которыя должны были изъ нея переходить въ народную массу. Мы старались ука-

зать, какъ согласно въ этомъ случаѣ дѣйствовала легенда съ церковной литературой вообще, и въ какомъ смыслѣ она могла имѣть вліяніе на народъ. Древняя Русь отличалась благочестіемъ; она привыкала смотрѣть съ благочестивой, церковной точки зрѣнія на свои отношенія общественныя и домашнія; народная оппозиція, явившаяся въ XVII вѣкѣ, совершалась въ церковныхъ формахъ раскола; въ той же формѣ она продолжалась и послѣ. Вспомнивши этотъ порядокъ вещей, мы можемъ удобнѣе опредѣлить, какую силу надъ понятіями народа имѣла древняя церковная литература и съ нею легендарная поэзія.

Въ самомъ дѣлѣ, легенда должна была пользоваться большой любовью у грамотной части народа. Въ огромномъ количествѣ нашихъ старыхъ рукописей, наполняющихъ теперь библіотеки, легендѣ принадлежитъ одно изъ главныхъ мѣстъ среди произведеній, составлявшихъ чтеніе массы: въ рукописяхъ любители соединяли или мѣстные циклы преданій, или чудеса отдѣльныхъ святыхъ, или дѣлали смѣшанные сборники особенно интересныхъ разсказовъ. Легенда перешла и въ уста народа, отчасти въ формѣ тѣхъ прозаическихъ разсказовъ, какіе собраны были въ настоящее время г. Афанасьевымъ, отчасти въ формѣ духовнаго стиха. Легенда воспользовалась и тѣми рапсодами, которымъ принадлежало прежде распространеніе народнаго эпоса; тѣ старцы, слѣпцы, нищіе, которые у малоруссовъ до сихъ поръ помнятъ національныя думы, у насъ уже забываютъ старыя пѣсни; они поютъ духовные стихи.

Роль легендарной поэзіи у насъ была, кажется, болѣе обширна, чѣмъ въ народныхъ литературахъ запада. Тамъ ея первыя судьбы были тѣ же, что и у насъ; быть можетъ даже, она еще сильнѣе привилась тамъ къ литературной дѣятельности. Византійская или древняя легенда не оставалась на западѣ въ первоначальномъ, сыромъ переводѣ; народные поэты перелагали ее въ стихи, и стихотворные «пассіоналы» на поэтическомъ языкѣ народа повидимому должны были дать ей еще болѣе возможности войти въ народъ, чѣмъ имѣли наши славянскія легенды, къ языку которыхъ читатель болѣе или менѣе долженъ былъ привыкать. Средневѣковыхъ поэтовъ очень занимала обработка заимствованной переводной легенды; не менѣе обширно было на западѣ и развитіе собственно національной легенды, — очевидно, и въ томъ и въ другомъ смыслѣ писатели руководились потребностями публики. Многіе классы тогдашней западной публики не далеко перегнали русскій народъ стараго времени своимъ развитіемъ; было столько же легковѣрія, наивности и простоты. При всемъ томъ, на западѣ эта литература не оставила въ народѣ большаго піэтизма, не сдѣлала его слишкомъ исключи-

тельнымъ. Дѣло въ томъ, что тамъ масса читателей относилась къ ней гораздо свободнѣе; если одна часть слишкомъ принимала на вѣру суровыя правила аскетизма, которыхъ требовала легенда, то другая держалась своихъ мнѣній и выставляла гуманныя требованія.

У насъ легенда и то общее направленіе, къ которому она принадлежала, господствовали нераздѣльно; изъ какого бы класса ни былъ читатель, онъ находилъ одну литературу, она давала ему одни впечатлѣнія, которыя не уравновѣшивались ничѣмъ инымъ. На западѣ положительно не было этой цѣльности религіознаго духа; внѣ клерикальнаго образованія и понятій были другія понятія и образованіе; дѣйствительная жизнь съ ея гуманной, веселой и серьёзной сторонами имѣла своихъ представителей въ поэзіи, и легендарная литература не получила абсолютнаго господства. Общественная поэзія превозмогла съ романами, фабльо, Декамерономъ; послѣ нихъ уже была невозможна исключительность легенды.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

(Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева*. Т. VII и VIII.)

I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Было время, когда исторія служила орудіемъ для личныхъ цѣлей въ рукахъ различныхъ партій и сектъ. Въ нее втискивали заранѣе приготовленныя идеи и подбирали факты, которые служили къ подтвержденію этихъ идей. Ученія самыя разнородныя, противорѣчащія хотѣли найти въ ней свое оправданіе. Изъ людей, болѣе благонамѣренныхъ, одни хотѣли сдѣлать изъ исторіи училище религіи, другіе — училище нравственности, третьи — политики и т. д. Исторія однакожь оказалась не пригодною ни для одной изъ означенныхъ цѣлей. Безконечно разнообразная, какъ сама жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени консеквентная и стройная въ своихъ внутреннихъ основаніяхъ, она могла давать только такіе уроки, какіе даетъ сама жизнь, во всей совокупности своихъ явленій, для умѣющихъ разбирать неумирающій смыслъ этихъ явленій, но не годилась ни для какой спеціальной педагогіи. Факты, вырванные изъ нея и вложенные въ предварительно заготовленныя рамки—оказывались нелѣпостію и не вели ни къ чему. Тогда и партіи, и секты, и люди благонамѣренные бросили исторію, какъ

для ихъ цѣлей ненужную, предоставивъ ей заниматься спокойно своимъ дѣломъ, то есть возсозданіемъ жизни прошедшей, какъ она была, со всѣми ея достоинствами и недостатками, доблестями и слабостями, добродѣтелями и пороками, чтобы мы, законные наслѣдники жившаго прежде насъ человѣчества, видѣли, что мы получили въ наслѣдство, какими трудами пріобрѣталось и скоплялось это наслѣдство, и на основаніи прошедшихъ опытовъ умѣли сами лучше распорядиться наслѣдствомъ и увеличить его.

Насколько задача исторіи сдѣлалась отъ этого проще и опредѣленнѣе, настолько искусство историческое стало труднѣе и сложнѣе. Умѣть по памятникамъ прошедшаго, всегда почти случайнымъ, одностороннимъ, отрывочнымъ, пристрастнымъ, понять внутреннюю связь и основу явленій, отличить въ нихъ важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго, вліявшее отъ невліявшаго, угадать вездѣ истинныя начала и истинныхъ виновниковъ историческаго движенія, не увлекаясь внѣшнимъ блескомъ и суетою, всему дать свое мѣсто и значеніе въ исторической картинѣ, имѣя при этомъ всегда въ виду общечеловѣческіе интересы и отношеніемъ къ нимъ измѣряя величіе и событій и дѣятелей, — все это требуетъ талантовъ огромныхъ и разнородныхъ въ одномъ лицѣ, и историческія сочиненія въ собственномъ смыслѣ этого слова весьма рѣдки.

При этомъ, явленіе тѣхъ или другихъ историческихъ сочиненій, какъ вообще, такъ тѣмъ болѣе историческихъ сочиненій частныхъ объ отдѣльныхъ народахъ, объ отдѣльныхъ обществахъ—условливается всегда развитіемъ того общества, въ которомъ являются эти сочиненія. Въ своей собственной исторіи каждое общество или народъ стараются понять сами себя, объяснить себѣ то состояніе, въ которомъ они находятся въ данное время. Смотря по тому или другому своему развитію, они предлагаютъ тѣ или другіе вопросы исторіи. Какія стороны жизни интересуютъ общество или народъ въ данное время, тѣ обыкновенно являются и въ исторіи. И оттого-то, пока въ народѣ или обществѣ не пробудилось человѣческое самосознаніе, пока не даетъ онъ себѣ серьёзныхъ вопросовъ о своей жизни, дотолѣ исторія бываетъ въ немъ только предметомъ празднаго любопытства или потѣхой народнаго самолюбія, и столько же походитъ на истинную исторію, сколько походятъ дѣтскія куклы на живыхъ людей.

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ исторіи собственно Россіи, намъ нѣтъ нужды говорить, что Россія доселѣ не имѣетъ еще своей исторіи. Даже серьёзная разработка русской исторіи началась не очень давно. И мы думаемъ, что не ошибемся, если ска-

жемъ, что первый опытъ такой разработки русской исторіи принадлежитъ г. Соловьеву.

Въ настоящее время трудно представить себѣ, какія непроходимыя дебри представляла собою русская исторія назадъ тому какихъ нибудь 20 или даже 15 лѣтъ. Первостепенные ученые того времени, не видя никакого выхода изъ этихъ дебрей, выбрали себѣ въ нихъ мѣста, которыя казались посвѣтлѣе другихъ, и занялись исключительно ихъ разсчисткою, оставляя безъ вниманія все прочее. Но отъ этихъ усиленныхъ трудовъ первостепенныхъ ученыхъ, достойныхъ впрочемъ всякаго уваженія, свѣту нисколько не прибыло, — напротивъ, образовались новыя, искуственныя дебри, выходъ изъ которыхъ сдѣлался еще труднѣе, чѣмъ изъ дебрей, надъ разсчисткою которыхъ никто не трудился. Молодыя дарованія, не опытныя, малосильныя—или погибали одиноко и безслѣдно, стараясь пробить самостоятельную дорогу, или, примыкая къ авторитетамъ, безплодно тратили свои силы на работу пустую, которая не только не вела къ выходу, напротивъ, часто отводила въ сторону отъ настоящаго пути.

Говоря проще, исторія русская была аггрегатомъ фактовъ и событій, въ цѣломъ ничѣмъ не осмысленныхъ, лишенныхъ живой, внутренней, органической между собою связи, не имѣвшихъ никакого внутренняго начала для оцѣнки того или другаго своего значенія. Имъ можно было давать то или другое толкованіе, навязывать тотъ или другой смыслъ совершенно по произволу. Оттого ни одна эпоха, ни одинъ отдѣлъ въ исторіи не были правильно, по крайней мѣрѣ *сознательно*-правильно, поняты и оцѣнены, ни одному не было указано настоящаго значенія. Всякій по произволу придавалъ значеніе той эпохѣ, которая казалась ему важнѣе по произвольнымъ его догадкамъ, и посвящалъ изученію ея и разработкѣ иногда всю свою жизнь. Впослѣдствіи оказывалось, что разработка именно этой эпохи не могла вести ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Такимъ образомъ силы и трудъ пропадали напрасно.

Для ума человѣческаго, котораго существенное стремленіе состоитъ именно въ томъ, чтобы выйти изъ-подъ власти факта, подчинить разнообразіе явленій единству идеи во всякой наукѣ, подобное положеніе науки исторической не могло не быть тяжкимъ. Изслѣдованія по отечественной исторіи наводили скуку не только на простыхъ любителей чтенія, желавшихъ познакомиться съ прошедшими судьбами своего отечества, но даже на записныхъ изслѣдователей русской исторіи. Если бы было нужно, можно бы было фактами доказать, что на полѣ русской исторіи трудились и такіе дѣятели, которые принимались за ея разработку, не прочитавъ даже

всей исторіи Карамзина, а довольствуясь чтеніемъ только тѣхъ примѣчаній изъ нея, которыя относились къ ихъ дѣлу. Говоря справедливо, въ этомъ не было ничего страннаго; изъ груды фактовъ и событій, одно подлѣ другаго положенныхъ, внутренно ничѣмъ между собою не связанныхъ, всякій могъ брать факты и событія, какія ему были пригодны *для* задуманной имъ работы, безъ всякаго опасенія, что эта работа не будетъ гармонировать или станетъ въ противорѣчіе съ идеею цѣлаго историческаго зданія, потому что этой именно идеи и не было въ русской исторіи.

Вотъ что говорилъ г. Кавелинъ о тогдашней ученой разработкѣ русской исторіи въ своемъ *Взглядѣ на юридическій бытъ древней Россіи*:

«Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ (такъ ихъ не много!), все служитъ блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобы не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностію выбора. Вопросы существенные, важные оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе розыскателей. Между отдѣльными изслѣдованіями никакого единства, такъ что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы были пояснять и дополнять другъ друга. Отсюда никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, сдѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякой интересъ къ предмету, чего онъ, самъ-по-себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ» (Соч. Кав. Т. I, стр. 310).

Изъ этихъ историческихъ дебрей, о которыхъ мы говоримъ, первый успѣлъ прорубиться на свѣтъ Божій г. Соловьевъ своими сочиненіями: 1) *Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ*; 2) *О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси* и 3) *Исторію отношеній между князьями Рюрикова дома*, явившимися въ 1845, 1846 и 1847 годахъ. Мы не будемъ говорить здѣсь, съ какимъ восторгомъ встрѣчены были поименованные нами труды г. Соловьева тѣми изслѣдователями, которые доселѣ напрасно искали выхода изъ темныхъ дебрей русской исторіи и какую непріязнь, напротивъ, встрѣтили они со стороны другихъ изслѣдователей, которые основали въ этихъ дебряхъ прочную осѣдлость и расположились остать-

ся здѣсь навсегда. Желающіе могутъ найти все это въ тогдашней журнальной полемикѣ.

Въ поименованныхъ нами сочиненіяхъ, равно какъ и въ своей исторіи Россіи, г. Соловьевъ поставилъ себѣ задачею разъяснить: какимъ образомъ изъ первоначальной формы родоваго быта, въ которой является намъ первоначально русское государство, постепенно вырабатывались государственныя начала, пока наконецъ московскіе князья — вотчинники, сознавъ эти начала, стали стремиться къ осуществленію ихъ и, успѣвъ сосредоточить въ рукахъ своихъ распавшіяся княжества, преобразили свою московскую вотчину со всѣми добытыми примыслами въ одно огромное московское государство. Съ разрѣшеніемъ этой задачи разъяснилось первоначальное состояніе Россіи, бывшее доселѣ предметомъ многихъ споровъ; указанъ постепенный и естественный ростъ государства, какъ государства; найденъ смыслъ въ междоусобіяхъ и дракахъ князей, въ которыхъ прежде не находили никакого смыслу, — однимъ словомъ: разрѣшено множество вопросовъ. Вмѣстѣ съ этимъ и исторія русская изъ безобразнаго и безсмысленнаго аггрегата фактовъ, какою была доселѣ, превратилась въ неразрывное цѣлое, связанное идеею самою блестящею, надъ которою почти исключительно только и работали всѣ князья Рюриковой династіи. Г. Соловьевъ поставилъ эту идею во главу угла своей исторіи и развилъ блистательно. Но этимъ и оканчивается заслуга г. Соловьева, какъ историка. Мы говоримъ: *какъ историка*, потому что какъ археологъ и вообще изслѣдователь — г. Соловьевъ сдѣлалъ множество неоцѣненныхъ замѣтокъ и соображеній для науки русскихъ древностей во всѣхъ ея видахъ.

Но идея, поставленная г. Соловьевымъ во главу исторіи, по отношенію къ народу была однакожь все-таки болѣе или менѣе внѣшняя. Она развилась не въ его средѣ, родилась не изъ прочувствованныхъ имъ потребностей. Напротивъ, мы видимъ, что гдѣ народъ имѣлъ возможность развиваться болѣе или менѣе самобытно, тамъ онъ приходилъ къ другимъ формамъ развитія. Слѣдовательно, хотя различныя преемственно-мѣнявшіяся формы юридическаго собственно быта не могли не имѣть того или другаго, и во всякомъ случаѣ значительнаго, вліянія на народъ, — но онѣ все-таки не могутъ намъ сказать ничего о его внутреннемъ состояніи. Поэтому, при чтеніи самыхъ блестящихъ страницъ исторіи г. Соловьева, мы не получаемъ полнаго удовлетворенія. Въ насъ невольно раждается вопросъ: гдѣ же народъ? что съ нимъ дѣлается? Идетъ онъ впередъ, развивается, усовершенствуется матеріально и морально съ перемѣною формъ своего быта?

Отвѣта на эти вопросы у г. Соловьева не находимъ. Онъ исклю-

чительно занять государственнымъ началомъ и централизаціею московскою.

Извѣстно, что стремленіе къ общинному устройству было общее всѣмъ славянамъ, вошедшимъ въ составъ русскаго государства, и проявлялась въ нихъ постоянно, почти до окончательнаго утвержденія московскаго царства. Всюду, гдѣ слабѣла власть князей, являлись общины, но были скоро снова подавляемы. Успѣшнѣе другихъ дѣйствовала въ этомъ случаѣ отдаленная община новгородская. Она умѣла утвердить за собой извѣстныя права на самостоятельность, умѣла отстаивать ихъ, пользуясь междоусобіемъ князей и своею отдаленностію отъ центра дѣйствій, и существовала долго. Во внутреннемъ своемъ развитіи община новгородская ушла не далеко отъ другихъ общинъ; но внѣшнее ея положеніе въ сравненіи съ другими княжествами древней Руси, не исключая и московскаго, было блестящее. Она одна находилась въ прочныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ западомъ. А какъ, начиная съ древней Греціи и до настоящихъ временъ—до Англіи и до Америки включительно, торговля всегда была лучшимъ путемъ и условіемъ цивилизаціи, то существуетъ основаніе предполагать, что и Новгородъ ждала блестящая будущность. «Въ судьбахъ Новгорода», говоритъ г. Кавелинъ въ своемъ Взглядѣ на юридическій бытъ древней Россіи, «много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собой, но насильственно прервано — жертва сколько идеи, столько же и физическаго возрастанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ исчезнуть. Не задолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось какое-то неясное стремленіе идти по тому же пути, по которому великій преобразователь черезъ два съ половиной вѣка повелъ всю Россію — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода. Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столь различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить» (Соч. Кавел. Т. I, стр. 342).

По соображеніи всего этого, самъ собою раждается слѣдующій вопросъ: та форма быта, подъ которою является намъ въ послѣднее время своего историческаго значенія Новгородъ, не была ли бы также удобною для самостоятельнаго развитія народа, такъ какъ она была выработана имъ самимъ и была сподручна ему, была въ характерѣ его, такъ какъ стремленіе къ общинному быту

мы встрѣчаемъ во всей древней Руси? Безъ сомнѣнія странно было бы требовать отъ историка, чтобы онъ пускался въ разсужденія о томъ, что было бы, если бы извѣстная форма жизни не была подавлена и успѣла развиться. Но когда историкъ на подавленную форму смотритъ, какъ на зло, а къ замѣнившей ее формѣ привязывается всею душею и сердцемъ, почитая ее единственно прогрессивною, то не въ правѣ ли мы требовать, чтобы онъ совершенно фундаментально — цѣлостнымъ изображеніемъ состоянія народной жизни подъ тою и другою формами — доказалъ намъ внутреннюю несостоятельность первой и несомнѣнныя достоинства второй? — Но этого цѣлостнаго изображенія внутренней жизни народной, подъ разными формами быта, г. Соловьевъ и не даетъ намъ. Благотворность московской централизаціи для русскаго народа онъ защищаетъ кой-гдѣ разбросанными замѣтками, въ родѣ слѣдующихъ:

«Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность сѣверовосточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться; державы западной Европы узнаютъ, что на сѣверовостокѣ существуетъ обширное, самостоятельное русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобы ознакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами—было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣднею должны были скоро прекратиться, по недостатку общихъ интересовъ (!?); какъ и прежде — татарскія орды на востокѣ и югѣ, Литва и Швеція на западѣ ограничивали политическій горизонтъ» (Истор. Солов. Т. V, стр. 8).

Мы давно уже привыкли у нашихъ славянофиловъ и вообще поклонниковъ древней Руси читать о цивилизаціи ея, *что*, говорятъ они, несомнѣнно очевидно изъ сношеній ея съ западными народами, изъ выписки ею съ Запада художниковъ, лекарей, пушекъ и т. п.; но никакъ не думали подобныхъ общихъ мѣстъ встрѣтить у такого талантливаго историка, какъ г. Соловьевъ. Извѣстно, что единственныя связи, которыя крѣпко связываютъ между собою какъ частныхъ лицъ, такъ и народы, суть связи родства или племен-

ныя, связи религіи, связи единства образованія, наконецъ связи прочныхъ взаимныхъ интересовъ матеріальныхъ. Родства съ западными государствами племеннаго мы не имѣли; религіи ихъ мы не терпѣли; образованія у насъ не было, да и стремиться къ нему мы не показывали намѣренія; торговли, послѣ блистательнаго сокрушенія Иваномъ III торговли Новгородской, также не было, то есть торговли, основанной на взаимныхъ выгодахъ; а если разнымъ иностранцамъ въ разныя времена до Петра и давались въ московскомъ государствѣ торговыя монополіи, то монополіи эти служили только къ раззоренію народа — и ни къ чему болѣе. Что касается до выписки художниковъ, то безъ насажденія у нихъ самихъ науки и художествъ, выписка художниковъ знакомила насъ съ цивилизаціею Европы столько же, или немного больше, сколько въ недавнее время знакомила выписка страсбургскихъ пироговъ. Если бы г. Соловьевъ, не увлекаясь исключительно благотворностію московской централизаціи, обратилъ вниманіе на наши прочные союзы съ западными государствами, то призналъ бы, что первый прочный союзъ былъ завязанъ торговлею Новгородскою, — и союзъ этотъ безъ сомнѣнія принесъ бы скоро благотворные плоды для образованія народа, если бы не было уничтожено историческое значеніе Новгорода. Затѣмъ наши новые прочные союзы съ иностранцами, основанные на взаимныхъ выгодахъ, начинаются только при Петрѣ. О сношеніяхъ нашихъ съ западными государствами въ видахъ собственно политическихъ, хотя бы то и *для европейскихъ цѣлей*, мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь, потому что сношенія эти не могли вести ни къ какимъ прочнымъ союзамъ; подобныя сношенія западныя государства имѣли и съ монголами. Такимъ образомъ, едва ли можно сказать, что *утвержденіе единовластія* служило къ прекращенію нашей *отчужденности, замкнутости*.

Впрочемъ объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробно въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же мы хотѣли только представить маленькій образчикъ того, какимъ радужнымъ свѣтомъ г. Соловьевъ освѣщаетъ дѣло централизаціи даже тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакого свѣта.

Вообще, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, г. Соловьевъ является такимъ же панегиристомъ въ своей исторіи, какимъ былъ Карамзинъ. Какъ Карамзинъ идеализировалъ всю нашу древнюю жизнь, такъ г. Соловьевъ идеализируетъ московскую власть, не обращая вниманія на средства, которыя употребляла для собранія земли русской и которыя не могли не отозваться невыгодными послѣдствіями для народной нравственности. Слѣдя по исторіи г. Соловьева за тѣмъ, какъ постепенно день-ото-дня все болѣе и болѣе крѣпнетъ власть

въ рукахъ централизирующей силы, невольно обманываешься и думаешь, что вмѣстѣ съ тѣмъ также быстро возрастаетъ и внутреннее благосостояніе и развитіе народа. На самомъ же дѣлѣ оказывается вовсе не то. Жалкія картины невѣжества, разврата, притѣсненій, насилій, дикости, встрѣчающіяся не въ видѣ незначительныхъ исключеній, а какъ нормальныя явленія, поражаютъ насъ не только въ первыя, но и въ послѣдующія времена московской централизаціи. И не то, чтобы обо всемъ этомъ умалчивалось въ исторіи г. Соловьева. Нѣтъ, напротивъ, обо всемъ этомъ говорится, но все это размѣщено въ разныхъ княженіяхъ и царствованіяхъ, и въ каждомъ княженіи и царствованіи по разнымъ клѣточкамъ, ничѣмъ между собою не связаннымъ, такъ что на каждую клѣточку приходится доза зла умѣренная, не поражающая ни своимъ вѣсомъ, ни видомъ. Отъ такой неконцентрированности и отсутствія прагматизма въ изложеніи становятся непонятными не только причины тогдашняго положенія народа, но даже картина этого положенія исчезаетъ. Читатель не выноситъ изъ чтенія, не говоримъ уже рѣзкаго, живаго впечатлѣнія о положеніи народа, даже представленія объ этомъ. Внутренняя жизнь народа для него исчезаетъ совершенно при блестящей картинѣ дѣйствій централизаціи, нарисованныхъ мастерскою рукою.

Явись исторія г. Соловьева назадъ тому 40 или 50 лѣтъ, этого рѣзкаго контраста между крѣпостію правительственнаго остова и болѣзненностію самаго организма конечно никто не примѣтилъ бы, какъ не примѣтили тогда, что «Исторія» Карамзина излагаетъ вовсе не исторію Россіи, а какой-то другой страны, для Россіи мало знакомой. Но исторія Соловьёва стала появляться тогда, когда русское общество начало приходить въ сознаніе себя, когда, обративъ вниманіе на внутреннюю свою сторону, усмотрѣло въ своей жизни множество недостатковъ, которыхъ прежде не примѣчало. Общество думало сначала, что недостатки эти принадлежатъ не всему обществу, а только извѣстной, хотя бы то и значительной части испорченныхъ членовъ его, что они усилились только вслѣдствіе невниманія общества къ своему состоянію, что стряхнуть эти недостатки, какъ случайные, легко, по крайней мѣрѣ не очень трудно, подвергнувъ дѣятельность всѣхъ своихъ членовъ неусыпному контролю и суду общественнаго мнѣнія. Но, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, оно увидѣло, что ему не изъ кого образовать общественнаго мнѣнія, что недостатки эти хотя многими усматриваются и признаются за дѣйствительные недостатки, но всѣми извиняются и благосклонно принимаются, какъ что-то родное, что, однимъ словомъ, они не случайный наростъ общества, а

плоть отъ плоти его и кость отъ костей его. Деморализація давала себя чувствовать во всѣхъ опытахъ, какіе предпринимало общество для своего исправленія и самоусовершенствованія, и даже въ предпріятіяхъ его, чисто матеріальныхъ. Отсюду послышались жалобы на среду, все заѣдающую и все отравляющую своею тлетворною атмосферою. Тогда справились съ прошедшимъ и нашли, что историки наши долго держали насъ въ жестокомъ самообольщеніи относительно нашихъ успѣховъ на пути развитія, что мы шли далеко не такъ быстро, какъ увѣряли они, что въ сравненіи съ нашими предками въ насъ много прибыло лоску и внѣшней образованности; но во внутреннемъ, собственно человѣческомъ образованіи мы еще не очень далеко ушли отъ нихъ. Еще при Годуновѣ законъ строго преслѣдовалъ взяточничество. Если судья былъ уличенъ во взяткахъ, то долженъ былъ «возвратить взятое, заплатить штрафу отъ 500 до 1,000 и 2,000 рублей, имѣніе его отбиралось въ казну. Если это былъ дьякъ, не пользовавшійся случайно особеннымъ расположеніемъ власти, то его возили по городу и сѣкли, причемъ висѣлъ у него на шеѣ мѣшокъ со взяткою, будь то деньги или мѣхъ, или соленая рыба; потомъ преступника заточали» (VIII, 64). Несмотря на столь жестокое преслѣдованіе взяточничества съ столь давняго времени, оно остается недугомъ и современнаго общества. Еще при Иванѣ IV русскіе люди жаловались на произволъ вельможъ, недостатокъ наряда и завидовали правдѣ турецкой. «Царь Магометъ «салтанъ», говорили они: велѣлъ со всего царства всѣ доходы къ себѣ въ казну собирать и ни въ одномъ городѣ вельможамъ своимъ намѣстничество не далъ, чтобы они не прельщались судить неправедно и давалъ имъ жалованье ежегодно изъ казны своей царской, кто чего достоинъ, и во все царство судъ далъ прямой.... Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя русскаго, другаго христіанскаго царства вольнаго и закона греческаго нѣтъ, и въ спорахъ съ латинами греки на русское царство указываютъ: если бы къ истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, то съ русскими людьми ангелы бы бесѣдовали» (Истор. Сол. Т. VII, 239). Однакожь эти давнія жалобы на произволъ и неурядицу остались безъ послѣдствій. Если бы было нужно, можно бы было насчитать много недуговъ современнаго общества, которые дошли до насъ изъ давняго времени во всей овѣжести, точно какъ будто никто никогда не думалъ объ ихъ исцѣленіи. При такихъ странныхъ явленіяхъ естественно возникъ вопросъ: какимъ образомъ христіанское общество, имѣвшее почти съ самаго появленія своего и евангеліе и гражданскіе законы на родномъ языкѣ и прожившее тысячу лѣтъ, могло такъ мало сдѣлать для своего

внутренняго очищенія и развитія? Съ вопросомъ этимъ обратились къ исторіи. Но у историковъ нашихъ отвѣта на этотъ вопросъ не нашлось. Ихъ вѣкъ занимало въ исторіи государство и территорія его, а не народъ. Вопросъ о внутреннемъ состояніи и развитіи народа всегда считался только курьёзомъ, о которомъ говорили въ тѣхъ же клѣточкахъ, въ которыхъ говорилось о пушкахъ, о монетѣ, о войскѣ и т. п. Этимъ же самымъ недостаткомъ страдаетъ и исторія г. Соловьева. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается разгадка, почему публика, принявшая съ восторгомъ первые труды г. Соловьева, съ холодностію встрѣчаетъ его нынѣшніе труды, хотя труды эти во всякомъ случаѣ составляютъ въ нашей исторической литературѣ замѣчательныя явленія и каждый томъ «Исторіи» г. Соловьева вноситъ что нибудь новое въ науку. Публика много выросла послѣ того, какъ явились первыя сочиненія г. Соловьева. Она ищетъ теперь въ исторіи уже другихъ интересовъ.

Что причина холоднаго пріема публикою послѣднихъ трудовъ г. Соловьева была именно та, которую мы указываемъ, лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить тотъ восторгъ, съ которымъ въ прошедшемъ году встрѣчено было сочиненіе г. Щапова: «Расколъ русскаго старообрядства». По таланту и эрудиціи нельзя дѣлать никакого сравненія между г. Щаповымъ и г. Соловьевымъ. Трудъ г. Щапова почти чисто фактическій, непосредственный, на которомъ весьма мало признаковъ мысли. Какъ исторія собственно раскола, «Расколъ русскаго старообрядства» стоитъ ниже всякой критики. Г. Щаповъ написалъ не исторію раскола, а собралъ, какіе могъ собрать, матеріалы для исторіи состоянія русскаго общества въ XVII столѣтіи. Этотъ существенный недостатокъ сочиненія доставилъ между тѣмъ огромный успѣхъ сочиненію, потому что въ извѣстной мѣрѣ удовлетворялъ современному требованію публики. Хотя факты, собранные г. Щаповымъ, были не новы, но собранные въ одну группу, концентрированные для извѣстной цѣли, они довольно ярко обрисовывали жизнь XVII и XVIII столѣтія. Это только и желало слышать въ то время общество, испытывавшее каждый день безсиліе въ опытахъ надъ самоусовершеніемъ себя. Г. Щаповъ, сказавъ, что мы были очень дурны и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, безъ вѣдома для себя, сказалъ самый лучшій комплиментъ, какого ждало тогда отъ кого нибудь русское общество.

Мы уже замѣтили выше, что когда мы говоримъ, что г. Соловьевъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія внутреннюю жизнь народа, то разумѣемъ, что у него нѣтъ цѣльнаго, историческаго изображенія этой жизни. Замѣтокъ же отрывочныхъ набросано очень мно-

го, — и всѣ они набросаны мѣткою рукою. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ таланта г. Соловьева относится умѣнье подмѣчать характеристическія черты времени, нравовъ и передавать ихъ съ сохраненіемъ того колорита, въ какомъ они являются въ самыхъ памятникахъ. Частыя выписки изъ лѣтописей, грамотъ, и т. д., которыми обильна «Исторія» г. Соловьева, нѣкоторые относятъ къ числу недостатковъ, называя это черновой работой, — мы съ своей стороны признаемъ это достоинствомъ, и думаемъ, что такая черновая работа удастся не всякому.

Этими замѣтками будемъ пользоваться и мы, чтобы указать отношеніе московской власти къ народной жизни. Читатель, который ищетъ новыхъ фактовъ и открытій, можетъ здѣсь же закрыть книгу. Цѣлью нашихъ очерковъ будетъ изображеніе нравственной стороны общества въ связи съ вліяніями, обусловливавшими то или другое его развитіе. Мы начнемъ наши очерки Борисомъ Годуновымъ, который представляетъ собою пышный цвѣтъ русскаго боярства, возращенный древне-русскою цивилизаціею.

II.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, КАКЪ ПРАВИТЕЛЬ.

Смертію Ивана IV, можно сказать, кончилась династія Рюрикова дома. Преемникъ Грознаго Θеодоръ Іоанновичъ былъ вовсе не способенъ управлять государствомъ. Авторъ такъ рисуетъ передъ нами портретъ этого государя:

«Θеодоръ былъ небольшаго роста, приземистъ, опухлъ; носъ у него ястребиный, походка не твердая; онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается. Онъ простъ, слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ тотъ день, предъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить: хорошо ли она почивала? — и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ

бояре, находящіеся въ большой милости. Около девяти часовъ царь идетъ къ объднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню, или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха царь идетъ къ вечернѣ и возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужскаго и женскаго рода, которые кувыркаются и поютъ пѣсни. Это самая любимая его забава; другая забава — бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избѣгая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову». (Т. VII, стр. 259).

Другой сынъ Грознаго, Димитрій Іоанновичъ, былъ еще младенецъ. Нѣкоторые изъ бояръ хотѣли захватить управленіе государствомъ во имя его въ свои руки. Но замыслы эти были предупреждены, и «совѣтъ россійскихъ бояръ» позаботился отослать младенца съ матерью, отцомъ ея и родственниками Нагими въ Угличъ. Обстоятельства сложились впослѣдствіи такъ, что младенецъ погибъ преждевременно отъ руки убійцъ.

Россіи представился случай — выбрать изъ лучшихъ людей своихъ лучшаго на престолъ царей. Такой лучшій человѣкъ изъ современниковъ дѣйствительно нашелся. Это былъ «изрядный правитель» Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ.

Борисъ Θедорычъ Годуновъ былъ прежде всего воспитанникомъ московской централизаціи и притомъ въ апогеѣ ея развитія, когда она такъ блистательно проявилась въ лицѣ Грознаго. Съ юныхъ лѣтъ Борисъ находился при дворѣ Грознаго, жилъ съ нимъ въ Александровской слободѣ и былъ постоянно имъ отличаемъ. Еще въ раннихъ лѣтахъ, когда Борису не было и двадцати лѣтъ, онъ умѣлъ уже снискать расположеніе извѣстнаго любимца Іоаннова, главы опричниковъ, Малюты Скуратова Бѣльскаго и женился на его дочери. Въ походахъ крымскомъ (1570) и ливонскомъ (1572) Борисъ находился постоянно при особѣ царя. При третьей женитьбѣ Грознаго на Марθѣ Собакиной (1571), Борисъ, еще не имѣвшій важнаго сана, былъ дружкою со стороны царя, а жена его свахою, что почиталось знакомъ особенной царской милости. Царь вскорѣ породнился съ Борисомъ, женивъ сына своего Θеодора на сестрѣ Годунова, Иринѣ Θеодоровнѣ. По этому случаю Годуновъ пожалованъ былъ саномъ боярина (1580). Въ томъ же году, по случаю женитьбы царя на Маріи Θеодоровнѣ Нагой, Борисъ былъ дружкою со стороны невѣсты, а сестра его Ирина Θеодоровна посаженною матерію царя. Умирая, царь

назначилъ Бориса членомъ думы, учрежденной изъ пяти лучшихъ бояръ *для* управленія царствомъ, и, по современному сказанію, его преимущественному попеченію поручилъ сына, дочь и все царство.

Такимъ образомъ въ продолженіе всей жизни Грознаго Борисъ умѣлъ удержаться въ неизмѣнной благосклонности перемѣнчиваго царя. Это одно уже доказываетъ, что «изрядный правитель» или умѣлъ понять виды царя, и извѣстный образъ дѣйствованія въ этихъ видахъ не находилъ противнымъ своему убѣжденію, или умѣлъ служить этимъ видамъ, не обнаруживая своихъ убѣжденій даже въ ранней молодости. Въ томъ и другомъ случаѣ личность «изряднаго правителя» едва ли можетъ возбуждать къ себѣ особенную симпатію. И хотя защитники Бориса говорятъ, что «среди звѣрской опричнины, стоя «у престола окровавленнаго, Борисъ, одинъ изъ всѣхъ царедворцевъ, «отличался въ то время разврата и ужасовъ чистотою душевною, ти«хостью нрава и красотою (!); всегда умѣлъ искусно избѣгать уча«стія въ убійствахъ и рѣшительно неповиненъ былъ ни въ одной «каплѣ крови, пролитой опричниною» (см. Энцикл. словарь Плюшара, статью «Борисъ Годуновъ»), однакожъ этому сказанію, которое подтвердить ничѣмъ нельзя, кромѣ недостатка свидѣтельствъ, — что какъ извѣстно, не можетъ составлять никакого доказательства, — мы никакъ не можетъ повѣрить. Трудно допустить, чтобы зять Малюты Скуратова, любимецъ Грознаго, участникъ оргій, вакханалій и потѣхъ Александровской слободы, не принималъ никакого участія въ любимой забавѣ царя и — остался его любимцемъ. Притомъ, по его позднѣйшему образу дѣйствій можно судить о первой порѣ его дѣятельности: отрава, петля, ножъ — оставались любимыми орудіями въ рукахъ «изряднаго правителя» во всю его жизнь.

Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы Годуновъ былъ какимъ нибудь извергомъ или нравственнымъ уродомъ среди другихъ бояръ; напротивъ, мы думаемъ, что всѣ они какъ нельзя болѣе походили другъ на друга и были достойны другъ друга. Трудно было стоять при престолахъ двухъ Василіевъ, Ивана III, сына его и Ивана Грознаго, служить имъ съ безпрекословнымъ усердіемъ и не перенять тѣхъ пріемовъ, которые эти великіе собиратели земли русской считали необходимыми въ видахъ государственныхъ, и на которые часто благословляло ихъ даже духовенство. Вотъ почему мы не вѣримъ, или по крайней мѣрѣ весьма мало вѣримъ, прославляемому многими благочестію и добродѣтели нашихъ вельможныхъ предковъ. Во всякомъ вѣкѣ есть свои добродѣтели, которыми люди *мнятся службу приносити Богу*, и которыя приводятъ въ содроганіе потомковъ. Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, Варфоломеевская ночь, Сицилійская вечерня считались когда-то под-

вигами благочестія и добродѣтели. Во всякомъ вѣкѣ есть свои установленныя, общепринятыя понятія о порядочности и благовоспитанности людей извѣстнаго класса, столь свято всѣми хранимыя, что усумниться въ нихъ и тѣмъ болѣе отступить отъ нихъ — значитъ погубить себя въ общественномъ мнѣніи. Назадъ тому не болѣе, можетъ быть, 20 лѣтъ — держать полную переднюю Ванекъ, Гришекъ, Васекъ, ничего не дѣлать, бросать на вѣтеръ деньги, почиталось несомнѣннымъ признакомъ барства. Вѣроятно есть не мало мѣстъ, гдѣ подобныя воззрѣнія существуютъ и доселѣ. Но въ основу новаго общества легли уже другія понятія, — и пройдетъ еще 20 лѣтъ, — люди сохранившіе старое воззрѣніе будутъ считаться нравственными аномаліями. Назадъ тому не болѣе 30 лѣтъ, кутежи и пьянство почитались признакомъ если не геніальности, то *широкости* натуры. А мошенничество или умѣнье обдѣлывать свои дѣла, т. е. всякими средствами дѣлать себѣ карьеру, наживать состояніе, еще и доселѣ не отличается отъ ума и считается иногда добродѣтелью. Точно также было время, когда по общественному мнѣнію набожность и нищелюбіе, какія бы они ни были, почитались необходимымъ условіемъ для всякаго порядочнаго человѣка. Не ходить въ извѣстное время въ церковь, не ѣздить на богомолье, не подавать мѣдныхъ грошей нищимъ и т. п., значило проиграть все. Общественное мнѣніе не различало при этомъ набожности, имѣвшей своимъ источникомъ чувство благочестія, отъ набожности чисто внѣшней, и истиннаго чувства человѣколюбія отъ раздачи нищимъ грошей. Грозный представляетъ намъ въ своемъ лицѣ едва ли не единственный во всѣхъ возможныхъ исторіяхъ — образецъ этого нравственнаго безобразія своего вѣка, этого сочетанія ханжества съ попраніемъ всякой религіи, съ самыми отвратительными оргіями разврата и убійства. Но Грозный извинялъ свое звѣрство тѣмъ, что онъ имѣлъ дѣло съ звѣрями. Значитъ, Грозный понималъ истинное достоинство благочестія и добродѣтели лицъ его окружавшихъ. Люди стоявшіе подлѣ его престола были въ собственномъ смыслѣ звѣри. Насъ, людей XIX вѣка, вовсе не блистающихъ особенными нравственными доблестями, приводятъ въ содроганіе и благочестіе «изряднаго правителя», и подвиги его благотворенія, какъ поруганіе надъ всѣмъ, что есть въ человѣкѣ святаго. Но Борисъ не былъ какимъ нибудь исключеніемъ. Мстиславскіе, Шуйскіе и другіе были не лучше его.

Мы не намѣрены излагать здѣсь исторіи всей жизни Годунова. Мы остановимся только на тѣхъ событіяхъ, которыя характери-

зуютъ его, какъ человѣка, и вообще моральную сторону вельможныхъ лицъ того времени.

Борисъ, при слабоумномъ Өеодорѣ, какъ братъ царицы, при содѣйствіи сестры своей, имѣвшей вліяніе на царя, легко приблизился къ престолу, и скоро изъ членовъ Думы сталъ ея главою, равно какъ главою и всего государства. Этого конечно не могли перенести безъ бою прежде всего родовитые бояре, — и бой начался по обыкновенію того времени засадою. Положено было пригласить Бориса на пиръ къ Мстиславскому, — и здѣсь, при содѣйствіи хозяина, убить его. Но заговоръ былъ открытъ. Старикъ Мстиславскій былъ пострижен въ монахи въ Кирилловскомъ монастырѣ; Воротынскихъ, Головиныхъ и другихъ разослали въ дальнія мѣста; другихъ заточили въ тюрьмы. Пощажены были только Шуйскіе, главные заговорщики, которыхъ болѣе всѣхъ ненавидѣлъ Борисъ, и которыхъ не смѣлъ однакоже тронуть, опасаясь московской черни.

Обстоятельство это для насъ весьма замѣчательное. Не одни бояре — естественные соперники Бориса участвуютъ въ заговорѣ, какъ стараются увѣрить насъ поклонники Бориса, но участвуютъ по преимуществу торговые люди и чернь. Они склоняютъ безхарактернаго Мстиславскаго, привлеченнаго сначала Борисомъ на свою сторону, принять участіе въ заговорѣ, и по опасенію ихъ же, послѣ неудавшагося заговора, Борисъ не смѣетъ тронуть Шуйскихъ, любимцевъ черни. Это лучше всего доказываетъ намъ, что Борисъ вовсе не былъ такимъ незлобивымъ агнцемъ среди опричниковъ, какимъ хотятъ намъ представить его хвалители, а напротивъ, умѣлъ высказаться передъ народомъ своими дѣлами въ то именно время, когда былъ опричникомъ и любимцемъ Грознаго. Говорятъ, что послѣ неудавшагося заговора торговые черные люди такъ озлоблены были противъ Бориса, что хотѣли побить его камнями. Это заставило Годунова, несмотря на ненависть къ Шуйскимъ, искать съ ними мира. Митрополитъ Діонисій пригласилъ къ себѣ Годунова и Шуйскихъ, убѣждалъ ихъ помириться, — и они помирились. Но въ то самое время, когда происходила мировая, толпа торговыхъ людей собралась у Грановитой Палаты ожидать, чѣмъ кончится дѣло. Когда князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедъ отъ митрополита, объявилъ купцамъ, что они помирились съ Годуновымъ, то изъ толпы выступили два купца и сказали ему: «помирилися вы нашими головами; и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть». Купцы эти были схвачены въ ту же ночь и исчезли неизвѣстно куда.

Вскорѣ составился новый заговоръ противъ Бориса, при преимущественномъ участіи также торговой черни. Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, гости московскіе и всѣ люди купеческіе согла-

епились и утвердились рукописанiемъ бить челомъ государю, чтобы онъ, по примѣру дѣда своего, развелся съ неплодною Ириною и вступилъ въ новый бракъ. Сторону заговорщиковъ принялъ митрополитъ Дiонисiй. Узнавъ объ этомъ, Годуновъ успѣлъ убѣдить митрополита, что царь никогда не рѣшится развестись съ любимой имъ Ириною, что притомъ для государства будетъ хуже, если Өеодоръ будетъ имѣть дѣтей, потому что тогда произойдетъ неминуемое междоусобiе между дѣтьми Өеодора и здравствующимъ еще сыномъ Грознаго, Димитрiемъ, такъ какъ ни онъ, ни дѣти Өеодора не захотятъ уступить другъ другу престола. Дiонисiй отказался отъ заговора — и опасность миновалась. Но Борисъ принялъ на этотъ разъ рѣшительныя мѣры, чтобы предупредить заговоры на будущее время.

«Лѣтописцы говорятъ, что Борисъ не умягчилъ своего сердца на Шуйскихъ и научилъ людей ихъ, Өеодора стараго съ товарищами, обвинить господъ своихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствiе этого, въ 1587 г. Шуйскихъ перехватали: князя Ивана Петровича схватили на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ свою суздальскую вотчину; вмѣстѣ съ Шуйскими схватили друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ и другихъ; людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили; пытали крѣпкими пытками и гостей московскихъ, Өеодора Нагая съ товарищами, и на пыткахъ они ничего не сказали. По окончанiи слѣдствiя, князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали въ отчину его, село Лопатничи, съ приставомъ; изъ Лопатничъ отправили на Бѣлоозеро и тамъ удавили; князя Андрея Ивановича Шуйскаго сослали въ село Воскресенское, оттуда въ Каргополь и тамъ удавили; князя Ивана Татева сослали въ Астрахань; Крюка-Колычева въ Нижнiй Новгородъ, въ тюрьму каменную; Быкасовыхъ и другихъ знатныхъ людей разослали по городамъ; а гостямъ московскимъ, Өеодору Нагаю съ шестью товарищами, въ Москвѣ на пожарѣ отсѣкли головы; другихъ торговыхъ людей заключили въ тюрьмы; нѣкоторыхъ разослали по городамъ на житье».

Эти казни, по наказу, данному Годуновымъ, такъ должны были объяснять отправлявшiеся въ Литву послы. Спросятъ: «за что на Шуйскихъ государь опалу положилъ? и за что казнили земскихъ посадскихъ людей?» — Отвѣчать: «государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, далъ въ кормленье Псковъ и съ пригородами, съ тамгою и кабалами, чего ни одному боярину не давалъ государь. Братъ его князь Андрей и другiе братья стали предъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ *торговыми мужиками*, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ, къ нимъ приставалъ и неправды многiя пока-

залъ передъ государемъ. То не диво въ государствѣ добрыхъ жаловать, а лихихъ казнить. Государь нашъ милостивъ: какъ сѣлъ послѣ отца на своихъ государствахъ, ко всѣмъ людямъ свое милосердіе и жалованье великое показалъ; а мужики, надѣясь на государскую милость, *заворовали* было, не въ свое дѣло вступились, къ бездѣльникамъ пристали; государь велѣлъ объ этомъ сыскать, и которые мужики воры такое бездѣлье учинили, тѣхъ пять или шесть человѣкъ государь велѣлъ казнить; а Шуйскаго князя Андрея сослалъ въ деревню за то, что къ бездѣльникамъ приставалъ, а опалы на него никакой не положилъ; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Димитрій, князь Александръ и князь Иванъ—въ Москвѣ; а князь Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ-Шуйскій — тотъ былъ на жалованьѣ на Каргополѣ, а теперь, думаемъ, на Москвѣ; бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму.... а мужики всѣ посадскіе люди теперь по старому живутъ».

Итакъ, по сознанію самого Годунова, врагами его были не бояре только, а и *торговые мужики*, которые, надѣясь на государскую милость, *заворовали, не въ свое дѣло вступились*. И эти мужики остались на всю жизнь главными врагами Бориса. Они постоянно заворовывались и вступались не въ свое дѣло. Борисъ умѣлъ справляться съ боярами, привлекая ихъ къ себѣ милостями, а непокорныхъ заставляя молчать казнями и опалами. Но съ мужиками не могъ сдѣлать ничего. Безчисленныя благодѣянія, равно какъ и казни, здѣсь одинаково не вели ни къ чему. Мужики сохраняли свою постоянную ненависть къ Борису, не давали ему покою на тронѣ и наконецъ уронили его тронъ.

Въ одно время съ паденіемъ Шуйскихъ и другихъ враждебныхъ Борису бояръ былъ низвергнутъ и митрополитъ Діонисій. Видя пытки и казни, совершавшіяся надъ невинными, онъ рѣшился вмѣстѣ съ крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ печаловаться за невинныхъ и говорить о неправдахъ Годунова государю,—но ихъ обоихъ свергнули съ каѳедръ и заточили въ новгородскіе монастыри.

Съ паденіемъ главныхъ недруговъ Бориса, честолюбивымъ видамъ его открылось безпрепятственное поприще. Въ санъ митрополита возведенъ былъ ростовскій архіепископъ Іовъ, человѣкъ всецѣло преданный Борису, который самъ впослѣдствіи такъ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ правителю: «когда я былъ на коломенской епископіи и на ростовской архіепископіи, и на степени патріаршеской—не могу и пересказать превеликой къ себѣ, смиренному, милости отъ Бориса Ѳеодоровича». Въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ Борисъ распоряжался, какъ государь. Пятичленной Думы да-

но уже не существовало. Самъ царь, «избывая мірскія суеты и докуки», не вступался ни во что. Только въ важнѣйшихъ дѣлахъ созывались соборы, на которыхъ, кромѣ бояръ и думныхъ людей, присутствовало и духовенство. Но и самые соборы находились въ полномъ распоряженіи Бориса. «По свидѣтельству Флотчера, царь приказывалъ призывать на соборъ тѣхъ изъ принадлежавшихъ къ Думѣ вельможъ, которыхъ самъ заблагоразсудилъ; патріархъ же приглашалъ, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, тѣхъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользовались особенною извѣстностію и уваженіемъ. Соборы обыкновенно созывались по пятницамъ въ столовой палатѣ: царь садился на тронѣ; недалеко отъ него, за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, за которымъ могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, садился патріархъ съ духовенствомъ и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ членовъ думы, съ двумя дьяками, которые записывали все, что происходило; прочіе члены садились на скамьяхъ около стѣны. Потомъ одинъ изъ дьяковъ излагалъ содержаніе дѣла, для разсужденія о которомъ созванъ соборъ; спрошенныя о мнѣніи духовныя лица обыкновенно отвѣчали, что государь и дума его премудры, опытны, гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, потому что они, духовные, занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися къ религіи, и потому просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвою» (VII, 376).

Распоряжаясь такимъ образомъ полновластно всѣми дѣлами въ государствѣ, Годуновъ имѣлъ случай какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и военномъ поставить всюду людей себѣ преданныхъ.

Дѣла внѣшнія находились также въ рукахъ Бориса. Ему предоставлено было право даже личнаго, отъ собственнаго имени сношенія съ иностранными правительствами. Когда, по случаю полученія грамоты отъ цезаря, Борисъ докладывалъ объ этомъ государю, то государь «приговорилъ съ бояраии, что къ цезарю римскому и къ брату его Максимиліану отъ конюшаго и боярина Бориса Θеодоровича Годунова грамоты писать пригоже нынѣ и впередъ: это царскому имени къ чести и прибавленью, что его, государевъ, конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями; да и къ инымъ ко всѣмъ государамъ, которые станутъ къ Борису Θеодоровичу грамоты писать, отвѣтныя отъ Бориса Θеодоровича грамоты писать въ посольскомъ приказѣ вмѣстѣ съ государевыми грамотами». Цѣль, которую имѣлъ Годуновъ въ виду постоянно въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, была сохранить, чего бы то ни стоило, миръ съ иностранными государствами. Ему хотѣлось, чтобы народъ

послѣ бурнаго и тяжелаго царствованія Іоаннова почувствовалъ облегченіе и покой и благословилъ имя правителя. Въ этихъ видахъ Борисъ, какъ вообще, такъ въ особенности лично къ себѣ, желалъ пріобрѣсть расположеніе иностранныхъ дворовъ. Ласкалъ иностранцевъ-плѣнниковъ; еще болѣе старался услужить и выказать себя передъ послами иностранными; послы и гонцы русскіе, отправлявшіеся къ иностраннымъ дворамъ, получали наказъ *выславлять* Бориса. Такъ, когда архіепископъ-примасъ Карнковскій между прочимъ говорилъ проѣзжавшему черезъ Польшу къ цезарю послу Лукѣ Новосильцеву: «сказывали намъ плѣнники наши, что есть на Москвѣ шуринъ государскій Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, правитель земли и милостивецъ великій: и нашимъ плѣнникамъ милость оказалъ, на отпускѣ ихъ у себя кормилъ и поилъ, и пожаловалъ всѣхъ сукнами и деньгами, и какъ были въ тюрьмахъ, великія милостыни присылалъ; и намъ за честь, что у такого великаго государя, такой ближній человѣкъ разумный и милостивый; а у прежняго государя былъ Алексѣй Адашевъ, и онъ московскимъ государствомъ также правилъ»; — то на это Новосильцевъ отвѣчалъ: «Алексѣй былъ разуменъ, а это не алексѣева верста: это великій человѣкъ, бояринъ и конюшій, государю нашему шуринъ, государынѣ братъ родной, а разумомъ его Богъ исполнилъ всѣмъ, и о землѣ великій печальникъ» (VII, 271). Послы, отправлявшіеся въ Литву, должны были такъ прославлять Бориса: «это человѣкъ начальный въ землѣ; вся земля отъ государя ему приказана, и строенье во всей землѣ такое, какого никогда не бывало» и проч. (382). Посламъ польскимъ, ѣхавшимъ въ 1590 г. въ Москву и терпѣвшимъ недостатокъ въ корму на пути отъ Смоленска, Борисъ прислалъ кормъ изъ своихъ вяземскихъ помѣстій. Приставъ долженъ былъ при этомъ объяснить посламъ, что это дѣлается по указу конюшаго боярина, что онъ проситъ ихъ стоять въ селѣ своемъ на Вяземѣ, и дѣлаетъ это, желая между великими государями любовь братскую видѣть, а имъ, посламъ великимъ, почесть оказывая» (308). Но въ видахъ пріобрѣтенія благосклонности иностранныхъ дворовъ Борисъ употреблялъ не одно только *выславленіе*, а жертвовалъ для этого и существенными интересами Россіи. Такъ, желая угодить англійской королевѣ Елисаветѣ, называвшей Годунова своимъ «кровнымъ любительнымъ пріятелемъ», онъ освободилъ англійскихъ купцовъ отъ платежа пошлинъ, простиравшихся до 2,000 стерлинговъ въ годъ. Льстившему ему императору австрійскому переслалъ огромныя суммы для войны съ турками, совершенно безплодно для Россіи.

Бросая деньги тамъ, гдѣ тратить ихъ не было никакой нужды, Борисъ не хотѣлъ дать ничтожной суммы тамъ, гдѣ требовали этого

интересы Россіи, не совпадавшіе съ его личными видами. Когда по смерти Баторія въ Польшѣ образовалась сильная партія не только изъ литовцевъ, но и поляковъ, въ пользу избранія польскимъ королемъ Өеодора, употреблявшая всѣ усилія, чтобы согласить на это Өеодора, Годуновъ съ своей стороны употребилъ также всѣ усилія, можно сказать, ухитрился оттолкнуть этотъ преданный Россіи народъ. Онъ не хотѣлъ дать требуемой денежной поддержки литовской партіи; въ переговорахъ не только не старался устранить разныхъ препятствій, которыя поляки, не благопріятствовавшіе Өеодору, находили въ избраніи его, именно: что царь русскій не приметъ римской вѣры, не будетъ короноваться въ Краковѣ отъ гнѣзненскаго архіепископа, не пріѣдетъ скоро въ Варшаву, въ титулѣ своемъ королевство польское поставитъ ниже московскаго, — но выставлялъ эти препятствія еще рѣзче. Наконецъ, когда поляки, не видя никакихъ уступокъ отъ русскихъ пословъ для своихъ требованій, нашли невозможнымъ избраніе Өеодора на польскій престолъ, и Литва одна рѣшилась, отдѣлясь отъ Польши, присоединиться къ Россіи, но при этомъ желала знать: приметъ ли ее государь безъ Польши, станетъ ли за нее своею силою,—Годуновъ употребилъ всѣ средства, чтобы оттолкнуть Литву. И въ этомъ случаѣ выказалось все ничтожество «изряднаго правителя». Онъ понималъ очень хорошо, что принявъ подъ свою власть Литву, Россія неизбѣжно вовлечется въ войну. Война же представляла самые невѣрные шансы для личныхъ стремленій правителя. Но на этотъ разъ Борисъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Неблагоразумное уклоненіе отъ благовременнаго вмѣшательства въ дѣла сосѣдей, навлекши впослѣдствіи множество бѣдствій Россіи, приготовило паденіе и самому Борису.

Приспособляя, какъ правитель государства, всѣ силы и средства государства для служенія своимъ видамъ, Борисъ не забылъ обезпечить себя и какъ частный собственникъ. Онъ взялъ себѣ въ государствѣ лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги,—всѣ прекрасные луга на берегахъ Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками, — разные казенные сборы московскіе, рязанскіе, тверскіе, сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья: что вмѣстѣ съ доходомъ его родовыхъ вотчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно не менѣе восьми или девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, такъ что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до 100 т. войска. (Карамз. X, 13)

Наконецъ Борисъ не оставилъ никакихъ самыхъ маленькихъ средствъ лжи, начиная отъ мелкаго злословія и сплетенъ, чтобы пріобрѣсти себѣ народное расположеніе, сдѣлать имя свое для народа популярнымъ. Когда царь кого нибудь жаловалъ или оказывалъ ми-

лость, то въ указахъ писалось: *пожаловалъ государь-царь по упрошенію ближайшаго своего пріятеля, Бориса Θеодоровича;* когда же въ указѣ повелѣвалось кого нибудь казнить за вину законную, то писали: *приговорили бояре — князь Θеодоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи.* Точно также отъ имени одной сестры Бориса, Ирины, безъ Θеодорова имени, указы, возвѣщавшіе милость, прощеніе и т. п. Кромѣ того Борисъ находилъ усердныхъ сочинителей, которые *въ писаніяхъ веліи и несказанныя похвалы правленія свыше мѣры исплетаху ему, яко чимъ желая утѣшитися, тѣмъ и ублажаху его* (Карамз. X, стр. 50, прим. 273, 275). Между тѣмъ Борисъ запретилъ поминать имя царевича Димитрія на богослуженіи; послы при иностранныхъ дворахъ называли его незаконнорожденнымъ. Для Россіи употреблялись другія средства, чтобы дѣлать имя царевича ненавистнымъ. Распускались слухи, что Димитрій, имѣя еще не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, отличается уже жестокостію, любуется какъ при немъ рѣжутъ овецъ или колютъ домашнихъ птицъ для кухни, и самъ убиваетъ ихъ до смерти палкою. Это разсказывалось для народа. Для бояръ передавались другіе слухи: что царевичъ играя, сдѣлалъ изъ снѣгу 20 человѣческихъ изображеній и назвавъ ихъ именами тогдашнихъ бояръ, поставилъ рядомъ и рубилъ саблею: Годунову отрубилъ голову, другимъ руки и ноги, приговаривая: «такъ будетъ вамъ въ мое царствованіе». (Карамз. Т. X, 75, 224).

Такимъ образомъ у Бориса было все приготовлено, чтобы возможно-удобно и спокойно перешагнуть черезъ трупъ Димитрія, — и Борисъ перешагнулъ. Насъ не удивляетъ здѣсь поступокъ Годунова. Мы думаетъ, что въ положеніи Бориса въ тотъ вѣкъ вельможныхъ предательствъ, убійствъ, разврата—подобный поступокъ не затруднился бы совершить ни одинъ русскій бояринъ изъ приближенныхъ къ престолу. Карамзинъ справедливо говоритъ: «если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Θеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерью и родными въ явной хотя и честной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь; Годунова? темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ царство, ласкаемый царями востока и запада» (Карамз. X, 73). Кого же мы можемъ назвать изъ тогдашнихъ бояръ, кто бы, имѣя въ виду подобную опасность, не рѣшился замарать себя въ крови, подобно Борису? Мстиславскаго? Шуйскихъ? Бѣльскаго?—Повторяемъ, не злодѣяніе удивляетъ насъ, но удивляетъ

процессъ суда надъ нимъ. Положимъ, что Годуновъ выбралъ для слѣдствія людей надежныхъ — окольничаго Клетнева, того самаго, который искалъ для Бориса убійцъ, Шуйскаго, который въ нравственныхъ доблестяхъ не уступалъ Борису, митрополита Геласія, конечно также хорошо извѣстнаго Борису. Но слѣдствіе было передано на разсмотрѣніе собору, составленному изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха; по разсмотрѣніи здѣсь, оно передано было боярамъ для постановленія приговора. Ошибки, противорѣчія, опущенія, натяжки въ слѣдствіи были очевидны. И во всемъ синклитѣ, окружавшемъ престолъ Өеодора, не нашлось ни одного человѣка, который бы возвысилъ голосъ въ виду очевиднаго злодѣянія, который принесъ бы въ лицѣ своемъ очистительную жертву за русское христіанство, за русское общество!

И здѣсь мирятъ насъ съ русскимъ обществомъ не лица, воспитанныя централизаціею, а ненавистные Борису мужики, которые въ виду такого торжественнаго попранія правды знатнѣйшими вельможами и духовенствомъ предъ лицомъ всей Россіи, снова *заворовали, не въ свое дѣло вступились*. Не смотря на произведенное слѣдствіе, на разсмотрѣніе его высшимъ синклитомъ и состоявшееся осужденіе Нагихъ, въ народѣ шелъ ропотъ: здѣсь прямо указывали истиннаго виновника злодѣянія. И Борисъ трепеталъ этого ропота. Мужики никакъ не могли понять, чтобы злодѣяніе. столь очевидное, столь возмутительное осталось безъ должнаго изслѣдованія и наказанія. Когда царь вскорѣ послѣ углицкаго происшествія поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую лавру на богомолье, народъ думалъ, что онъ отправился въ Угличъ для личнаго изслѣдованія дѣла Димитрія. Въ это самое время въ Москвѣ случился страшный пожаръ, истребившій значительнѣйшую часть ея. Горожане лишившіеся имущества, оставшіеся безъ крова и пристанища, спѣшили на Троицкую дорогу просить царя о милости. Годуновъ самъ, незванный, явился на помощь погорѣвшимъ: раздавалъ деньги, строилъ дома, давалъ льготы. Погорѣвшіе славили Бориса. Но мужики твердили другое. Они говорили, что Годуновъ самъ зажегъ Москву, для того, чтобы щедрыми благодѣяніями погорѣвшимъ заставить народъ забыть о злодѣяніи, или чтобы отвлечь царя отъ поѣздки въ Угличъ. Слухи эти были такъ сильны и такъ тревожили Бориса, что онъ нашелъ нужнымъ опровергать ихъ въ Литвѣ чрезъ посланника Исленьева. Послѣднему былъ данъ такой наказъ: «станутъ спрашивать про пожары московскіе, то говорить: мнѣ въ то время не случилось быть въ Москвѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аөанасья съ братьею: это на Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, что есть слухи будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: это какой нибудь воръ-без-

дѣльникъ сказывалъ; лихому человѣку воля затѣвать. Годуновы бояре именитые, великіе».

Вскорѣ пришелъ на Москву крымскій ханъ Казы-Гирей. Борисъ старался выказать самое горячее усердіе при защитѣ Москвы, — и когда ханъ бѣжалъ, Годуновъ получилъ отъ царя богатыя награды, и между прочимъ рѣдкое титло *слуги царскаго*. Но украинскіе мужики распустили слухъ, что Борисъ самъ привелъ подъ Москву крымскаго царя, *боялся земли про убійство царевича Дмитрія*. Получивъ свѣдѣніе объ этомъ слухѣ отъ одного алексинскаго боярскаго сына Ивана Подгорѣцкаго, Борисъ не вынесъ: онъ подвергъ пыткѣ крестьянина, на котораго донесъ Подгорѣцкій. Крестьянинъ оговорилъ множество народа; Борисъ послалъ сыскивать по городамъ; много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытки померло; иныхъ казнили и языки рѣзали, иные по темницамъ помирали, и много мѣстъ оттого запустѣло (Карамз. Т. X, прим. 272).

Но пытки и казни не запугали народа. Черезъ годъ послѣ углицкаго происшествія, у Ѳеодора родилась дочь, названная Ѳеодосіей. Прошелъ слухъ, что Борисъ подмѣнилъ младенца, что младенецъ былъ мужскаго пола. На другой годъ Ѳеодосія умерла,—народъ говорилъ, что ее уморилъ Борисъ. Въ смерти Ѳеодора молва тоже заподозрила Бориса. Наконецъ молва заподозрѣвала Бориса въ невольномъ постриженіи въ монашество Марѳы Владиміровны, вдовы титулярнаго ливонскаго короля Магнуса, дочери двоюроднаго брата Іоаннова, Владиміра Андреевича, въ рано-временной смерти дочери Марѳы Владиміровны, Евдокіи, въ ослѣпленіи Касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, носившаго названіе царя и великаго князя, и по волѣ Грознаго нѣсколько времени царствовавшаго въ Москвѣ. Надъ Борисомъ тяготѣло страшное проклятіе—проклятіе народа, неподкупнаго въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и умѣющаго равно долго помнить и добро и зло.

ГРЫЦЬКО.

НОВЫЯ КНИГИ.

Введеніе къ изученію россійскихъ законовъ, *И. Пискарева*, старшаго учителя законовѣдѣнія въ 1-й с.-петербургской гимназіи. Спб. 1860 г.

«Не вѣрь безотчетному слову учителя.»

Иногда очень трудно объяснить появленіе въ свѣтъ той или другой книги, той или другой компиляціи. Бѣда еще больше, если и самъ авторъ такой книги не говоритъ, для кого онъ ее предназначаетъ, кого онъ взялся просвѣщать. Такъ и г. Пискаревъ составилъ изъ разныхъ статей и книгъ «Введеніе къ изученію *россійскихъ* законовъ», и эту компиляцію, съ эпиграфомъ, заключающимъ ульпіаново опредѣленіе законовѣдѣнія, издалъ въ свѣтъ, нисколько не заботясь о томъ, принесетъ ли кому нибудь пользу его книга. Впрочемъ, ученый юристъ могъ разсуждать такимъ образомъ: «Россія велика,—истина неопровержимая; сообразно съ величиной ея, законодательство ея обширно, даже слишкомъ обширно; и такъ какъ законовъ очень много, то россіяне безъ особеннаго введенія къ ихъ изученію изучить ихъ не могутъ; а если положеніе россіянъ столь печально, то отчего не помочь имъ?»—на что г. Пискаревъ, какъ antecessor juris, считалъ себя вполнѣ способнымъ. Однако мы того мнѣнія, что книжка г. Пискарева не можетъ помочь россіянамъ и ввести ихъ въ изученіе законовъ. Несмотря на развиваемыя авторомъ общія понятія о правѣ и его сущности, несмотря на довольно полное обозрѣніе источниковъ нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, несмотря на строгую внѣшнюю систему учебника и другія ученыя

замашки, книга эта пройдетъ такъ же безслѣдно въ нашей юридической литературѣ, какъ «Юридическая грамматика» Правикова, какъ книги Смирнова и Дегая. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ писать и составлять внѣшнія или формальныя юридическія энциклопедіи (къ каковымъ, по справедливости, можетъ быть отнесено и «Введеніе» г. Пискарева) и юридическія препедевтики, какъ собраніе безсвязныхъ замѣтокъ о правѣ, мы ни на шагъ не подвинемся въ изученіи ни нашихъ россійскихъ, ни какихъ бы то ни было законовъ. Кому нибудь, захотѣвшему изучить право того или другаго народа, тогда только можно съ успѣхомъ приняться за это дѣло, когда онъ знакомъ съ общими началами права по всѣмъ частямъ его, которыя начала, какъ путеводныя нити, проведутъ его по положительному матеріалу изучаемыхъ имъ законовъ. Иначе, пріобрѣвши одни формальныя свѣдѣнія о тѣхъ законахъ, онъ будетъ подавленъ множествомъ встрѣчающихся ему опредѣленій, не пойметъ ни связи между ними, ни смысла ихъ, ни относительнаго ихъ достоинства. Правда, такое предварительное усвоеніе начинающимъ изучать отечественные законы философскихъ понятій о главнѣйшихъ юридическихъ учрежденіяхъ должно необходимо повести къ критическому воззрѣнію на положительный матеріалъ, но въ этомъ трудно видѣть что нибудь дурное, даже и въ томъ случаѣ, если ученье приведетъ къ сознательному порицанію какого нибудь національнаго учрежденія. Въ этой необходимости предварительныхъ теоретическихъ свѣдѣній о правѣ при изученіи законовѣдѣнія лежитъ, между прочимъ, и главное основаніе того мнѣнія, что мальчиковъ учить праву, наравнѣ съ ариѳметикой и грамматикой, не слѣдуетъ. Вотъ почему мы думаемъ, что писать введенія къ изученію тѣхъ или другихъ законовъ съ чисто-формальнымъ содержаніемъ, хотя бы заключающимъ въ себѣ самыя подробныя и обстоятельныя обозрѣнія источниковъ права, есть дѣло столь же полезное, какъ, напримѣръ, толочь воду.

Нѣмецкіе юристы уже перестали писать исключительно формальныя юридическія энциклопедіи; обыкновенно у нихъ за формальной частью энциклопедіи слѣдуетъ матеріальная, состоящая 1) изъ теоретическаго философскаго обозрѣнія отдѣльныхъ частей права и 2) обозрѣнія внутренней исторіи различныхъ частей положительнаго, обыкновенно нѣмецкаго, права; кромѣ того, иногда излагается исторія философіи права. Иногда сюда же включается всемірно-историческое обозрѣніе права (Варнкенигъ, Аренсъ). Но и въ Германіи составлялись иногда такія юридическія энциклопедіи, что, по словамъ одного изъ извѣстныхъ тамошнихъ юристовъ, «начинающій изучать право юристъ, находя въ нихъ то, чего не ищетъ,

и ища того, чего не находитъ, съ пренебреженіемъ отступаетъ отъ той отрасли знанія, въ которой отсутствіе внутренней связи и системы прикрыты чѣмъ-то лишь снаружи». Впрочемъ, въ томъ объемѣ, какъ мы сказали, юридическая энциклопедія уже не служитъ только введеніемъ къ изученію права—она есть зеркало всей науки, особенная юридическая наука, которою и начинается и завершается настоящее юридическое образованіе, и мы завели объ ней здѣсь рѣчь только потому, чтобъ сказать, что намъ, русскимъ, нужны не введенія г. Пискарева, ни препедевтики Штекгардта, никого ничему не могущія научить, а нужна намъ юридическая энциклопедія, напр., какъ Аренса или Вальтера, ибо слишкомъ извѣстно то, что и знаменитая книга Неволина служитъ надежнымъ руководствомъ лишь относительно исторіи философіи права. Намъ, русскимъ, особенно нужно желать появленія книги, которая, заключая въ себѣ прежде всего философское обоснованіе всѣхъ частей права, не упустила бы изъ виду и историческаго развитія русскаго законодательства, разумѣется не съ внѣшней только стороны (хронологическое обозрѣніе источниковъ права), но и относительно развитія самыхъ юридическихъ опредѣленій. Мы, признаемся, даже не понимаемъ, какую пользу можетъ принести внѣшняя исторія законодательства, излагаемая отдѣльно отъ внутренней: это сухой каталогъ названій, годовъ и авторовъ, годящійся развѣ для справокъ, но не всегда составляемый такъ подробно, чтобъ быть вполнѣ справочной книгой. Итакъ мы противъ всѣхъ внѣшнихъ энциклопедій и коротенькихъ введеній къ изученію законовъ, противъ формы и нѣмой буквы, потому что и форма и нѣмая буква слишкомъ безсильны для того, чтобы облегчить вступленіе въ изученіе такой науки, какова юриспруденція. Кромѣ того, мы думаемъ, что съ преобладающимъ историческимъ направленіемъ въ правѣ—мы образуемъ, пожалуй, легистовъ, что у насъ до сихъ поръ и было, но юристы будутъ такъ же рѣдки, какъ рѣдки они теперь. Впрочемъ, объявляя себя рѣшительнымъ противникомъ всякихъ коротенькихъ введеній къ изученію законовъ, мы совсѣмъ-было позабыли о «Введеніи» г. Пискарева; обратимся же къ нему: можетъ-быть оно и не такъ безполезно, какъ того можно ожидать. Книжка имѣетъ три отдѣла: въ первомъ трактуется объ общихъ понятіяхъ о правѣ, законахъ и законовѣдѣніи; во второмъ изложенъ очеркъ внѣшней исторіи русскаго законодательства, и наконецъ въ третьемъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ, помѣщено обозрѣніе источниковъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, общихъ, особенныхъ и мѣстныхъ съ историческими о нихъ свѣдѣніями.

Молодой кіевскій профессоръ Ренненкампфъ, изъ нѣсколькихъ

новѣйшихъ нѣмецкихъ юридическихъ энциклопедій (Фляндлендера, Аренса, Вальтера и Ортлофа), составилъ небольшую статью о правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи и помѣстилъ ее въ Архивѣ», издаваемомъ г. Калачовымъ. Изъ этой статьи г. Пискаревъ взялъ цѣликомъ три страницы и помѣстилъ ихъ во главѣ своего «Введенія». Далѣе онъ разсуждаетъ о формахъ, въ которыхъ выражается право въ общежитіи. Понятія автора о положительныхъ законахъ не вѣрны. Вотъ какъ философствуетъ нашъ авторъ: «право въ обществахъ не установившихся выражается обычаемъ. въ государствахъ же устроенныхъ обычаи восполняются законами положительными». Совершенно наоборотъ: въ государствахъ, какъ выражается авторъ, устроенныхъ, не обычаи восполняются законами положительными, а законы положительные обычаями, ибо обычаевъ бываетъ уже несравненно менѣе законовъ. Хотя бы два слова сказалъ г. Пискаревъ о національности въ правѣ, хотя бы однимъ намекомъ указалъ онъ на то, что положительное право есть произведеніе прожитой народомъ исторіи. Впрочемъ, есть у него вещи еще болѣе замѣчательныя. «Останавливаясь на понятіи законовъ положительныхъ, опредѣлимъ, говоритъ онъ, значеніе ихъ въ государственномъ союзѣ». Что же такое государственный союзъ, государство, — объ этомъ онъ умалчиваетъ; а между тѣмъ какъ важно предъ изученіемъ права усвоить себѣ понятіе государства, какъ часто будетъ учащійся, въ длинныхъ статьяхъ закона, сталкиваться съ этими понятіями, какое огромное вліяніе оказываетъ такъ-называемая государственная необходимость на многія учрежденія. Обо всемъ этомъ г. Пискаревъ считалъ совершенно неумѣстнымъ распространяться; его дѣло было написать введеніе къ изученію Россійскихъ законовъ, а о томъ, чѣмъ оно должно было наполниться, онъ думалъ, какъ видно, не много. Далѣе, на страницахъ того же учебника встрѣчаемъ ужасную юридическую ересь: «законъ, по его мнѣнію, съ уничтоженіемъ сознанія о его необходимости, *самъ собою* отмѣняется». Да это заставляетъ думать, что автору неизвѣстна даже азбука государственнаго права; неужели онъ не знаетъ, что отмѣна закона всегда идетъ тою же сложною процедурою. какъ и его установленіе; въ противномъ случаѣ какую бы твердость имѣли положительные законы, если бы ихъ можно было отмѣнять по произволу, безъ участія законодательной власти. И притомъ весьма часто случается, что извѣстный законъ, какъ бы мало ни удовлетворялъ современнымъ потребностямъ, какъ бы мало ни вязался съ другими законами той же системы, живетъ долго, иногда или какъ памятникъ исторіи, или опять-таки вслѣдствіе той государственной необходимости, на которую такъ не любитъ обра-

щать вниманія авторъ «Введенія». Слѣдовательно и съ этой стороны неправъ г. Пискаревъ. Не менѣе оригинальна мысль, что «всѣ люди, живущіе подъ управленіемъ одной и той же верховной власти, *имѣютъ равное право пользоваться законами, отъ нея исходящими*. Въ этомъ трудно согласиться съ ученымъ авторомъ: отчего же напр. у насъ, дворянинъ *не имѣетъ права*», наравнѣ съ лицами низшаго сословія, *пользоваться* законами о наказаніи плетьми? Все дѣло въ томъ, что г. Пискаревъ, желая вывести общую обязанность подданныхъ повиноваться закону, заговорилъ вмѣсто того про pia desideria всякаго законодательства—про равенство всѣхъ предъ закономъ. Возможно ли смѣшивать такія понятія!

Далѣе слѣдуетъ обозрѣніе разныхъ родовъ законовъ. Говоря о составѣ законовъ государственныхъ, авторъ даже выдумалъ такіе, какихъ вовсе не существуетъ: «есть», говоритъ онъ: «законы государственные внѣшніе, къ коимъ принадлежатъ: *законы внѣшней полиціи* и законы войны и мира». Что это за законы внѣшней полиціи? гдѣ нашелъ ихъ г. Пискаревъ? въ чемъ они заключаются? Напрасно. Отвѣта нѣтъ. Это загадка, которую разгадать можетъ только самъ авторъ «Введенія». Раздѣленіе гражданскихъ законовъ вполнѣ несостоятельно. Во-первыхъ, чтобъ вывести понятіе законовъ объ имуществахъ, ни мало не нужно было прибѣгать къ фиктивнымъ и нелѣпымъ *союзамъ по имуществамъ*; во-вторыхъ, раздѣленіе законовъ объ имуществахъ на законы гражданскіе (въ тѣсномъ смыслѣ) и на законы государственнаго благоустройства (то есть о промышленности, торговлѣ, землледѣліи, кредитѣ и т. п.), совершенно ложно потому, что вводитъ въ кругъ законовъ гражданскихъ то, чѣмъ занимаются законы государственные. Изъ трехъ, находимыхъ во введеніи категорій законовъ гражданскихъ охранительныхъ, просто нужно бы сдѣлать одну, — гражданское судопроизводство. Дѣленія г. Пискарева напоминаютъ намъ сочинителя одной уже устарѣвшей внѣшней юридической энциклопедіи, Фалька, который такъ зарапортовался въ этихъ схоластическихъ дѣленіяхъ, что церковное и полицейское право отнесъ къ частному! Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію законовѣдѣнія, какъ науки, и въ одномъ параграфѣ даетъ два опредѣленія ея: «законовѣдѣніемъ (jurisprudentia) называется вообще совокупность свѣдѣній о законахъ» и «законовѣдѣніе есть полное, основательное и въ порядкѣ расположенное ученіе о всѣхъ существующихъ въ государствѣ законахъ». И то и другое опредѣленіе одинаково невѣрны: первое не логично, потому что никакая наука не есть только совокупность свѣдѣній объ извѣстномъ предметѣ; второе слишкомъ тѣсно и годится развѣ только для означенія догматическаго

ученія объ данномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи одна строчка эпиграфа, взятаго авторомъ изъ Ульпіана: jurisprudentia est justi atque injusti scientia—сказала бы болѣе, чѣмъ г. Пискаревъ въ двухъ своихъ опредѣленіяхъ. На стр. 9: «законы полицейскіе опредѣляютъ существо и образъ дѣйствія мѣръ, предпринимаемыхъ правительствомъ для предупрежденія и пресѣченія нарушенія установленныхъ закономъ отношеній и порядка», и отнесены къ законамъ государственнымъ, а законы государственнаго благоустройства (стр. 10) къ законамъ гражданскимъ; а на стр. 14 и то и другое, подъ именемъ полицейскаго права, отнесено къ государственному праву въ обширномъ смыслѣ! Что опять должны подумать ученики г. Пискарева? Схоластицизмъ достигаетъ наибольшаго своего развитія при обозрѣніи частей практическаго законовѣдѣнія. Тутъ все дѣленія и опредѣленія. Всего оригинальнѣе раздѣленіе юридической практики частнаго и уголовнаго правъ. Она имѣетъ слѣдующіе виды:

«1) Юриспруденція геврематическая (jurisprudentia heurematica) заключаетъ въ себѣ правила искусства касательно наилучшаго устройства юридическихъ сдѣлокъ между частными лицами, какъ-то: заключеніе контрактовъ, составленіе духовныхъ завѣщаній и т. п.

«2) Искусство нотаріальное и маклерское состоитъ въ умѣньи написать актъ съ надлежащею точностью, вѣрностью и ясностью и облечь его въ законную форму.

«3) Искусство адвокатовъ или стряпчихъ.

«4) Судебное дѣлопроизводство.»

Многіе ли знали до сихъ поръ, что существуетъ цѣлое искусство, геврематическая юриспруденція? — впрочемъ, такого искусства и нѣтъ на самомъ дѣлѣ: то, что его составляетъ, по словамъ г. Пискарева, всегда и вездѣ было предметомъ занятій маклеровъ, нотаріусовъ и стряпчихъ. Любовь выдумывать новыя науки и искусства принадлежитъ преимущественно нѣмцамъ и отъ нихъ въ наши учебники перешло Богъ-знаетъ сколько разнаго ненужнаго хламу. Господа юристы Камбеки въ Казани пошли въ этомъ отношеніи еще дальше западныхъ германцевъ и въ своемъ учебникѣ русскаго гражданскаго судопроизводства пресерьёзно увѣряютъ, что есть особая и сложная наука — какая бы вы думали, читатель? — Archivwissenschaft! Странно, отчего г. Пискаревъ упустилъ удобный случай включить и ее въ свое прекрасное «Введеніе». Въ немъ есть и геврематическая юриспруденція, есть и хронологическая юриспруденція (внутренняя исторія права), а нѣтъ ни архивной юриспруденціи, ни юридической герменевтики. Дойдя до параграфа о спосо-

бахъ изученія законовъ, мы думали найти хоть нѣсколько намековъ на методы изученія права, но ожиданія наши оказались тщетными. Можно ли было въ учебникѣ, назначенномъ къ введенію учащихся въ занятія правомъ, не сказать ни слова объ такомъ важномъ предметѣ, какъ различные юридическіе методы изученія? Это значило просто сказать ученикамъ — учитесь какъ хотите, возьмите любой томъ свода законовъ, или книгу правилъ св. Апостолъ etc. и читайте себѣ подъ-рядъ, выучите — хорошо, не выучите—дурно, а какъ сдѣлать то, чтобъ это ученіе было для васъ болѣе полезно, интересно и легко, я и самъ не знаю; объ этомъ надобно спросить у кого нибудь другаго ; я же съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ и выписалъ изъ Энциклопедіи Неволина именно то, что вамъ и безъ того было извѣстно. Таковъ первый общій теоретическій отдѣлъ «Введенія».

Очеркъ внѣшней исторіи русскаго права составленъ лучше, и видно, что автору хорошо извѣстна наша историко-юридическая литература. Но и этотъ отдѣлъ имѣетъ много недостатковъ. Церковные уставы Владиміра св. и Ярослава, неизвѣстно почему, разсматриваются не вмѣстѣ. О грамотахъ таможенныхъ сказано только, что онѣ дѣйствовали одновременно съ Судебникомъ Іоанна IV, между тѣмъ какъ онѣ дѣйствовали и до него. Уложеніе 1649 года безъ всякихъ оговорокъ и объясненій названо *краеугольнымъ камнемъ* нынѣ дѣйствующаго законодательства. Почти ничего не сказано о содержаніи Уложенія, а обращено лишь вниманіе, на сколько главъ и статей оно раздѣляется. Не мѣшало бы въ столь короткомъ историческомъ обозрѣніи обратить болѣе вниманія на общее историческое значеніе главнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, каковы — Правда, Судебники, Уложеніе, и поменьше обременять память читателей тѣмъ, гдѣ, что, когда и кѣмъ издано. Краткія обозрѣнія подобныхъ предметовъ писать трудно: тутъ важность отдѣльныхъ явленій должна быть пропорціональна подробности ихъ изложенія; а г. Пискаревъ, упуская изъ виду болѣе важное и болѣе національное, выписалъ изъ сочиненій другихъ, почти цѣликомъ, цѣлыя страницы о такихъ источникахъ, каковъ «Законъ судный людямъ», «Извлеченія изъ книгъ Моисеевыхъ», «Градскіе законы греческихъ царей», «Ханскіе ярлыки» и т. п., а между тѣмъ, напр., о Судебникѣ Іоанна IV почти не сказалъ ничего, тогда какъ превосходное сочиненіе объ немъ г. Калачова могло бы очень помочь автору «Введенія», вообще склонному къ самымъ мозаическимъ заимствованіямъ. Обозрѣніе источниковъ церковныхъ законовъ составлено лучше; особенно удовлетворительными показались намъ параграфы о «Стоглавѣ» и «Кормчей»; но перечисляя мелкіе каноническіе памятники,

г. Пискаревъ пропустилъ «Вопросы» Кирика и «Правило» Іоанна. Желая охарактеризовать новый періодъ русскаго законодательства съ Петра Великаго до нашего времени (§ 62), г. Пискаревъ говоритъ: «Вѣкъ Петра Великаго былъ вѣкъ преобразованій.... Петръ Великій не успѣлъ создать полной системы права.... Державные преемники Петра Великаго шли по указанному имъ пути» и т. п.— все фразы, фразы, устряловскія фразы. Но мы уже никакъ не ожидали, что г. Пискаревъ держится отсталаго мнѣнія царствованія считать эпохами въ исторіи права; а между тѣмъ конецъ того же § подтверждаетъ это. Было бы гораздо полезнѣе всѣхъ этихъ фразъ, еслибъ авторъ, не мечтая «исчислить въ краткомъ историческомъ обзорѣ всѣ разнообразныя постановленія, непрерывно выходившія со временъ Петра Великаго», показалъ бы характеръ юридическихъ преобразованій Екатерины II и упомянулъ бы про работы Сперанскаго по составленію Уложенія въ началѣ настоящаго вѣка.

Третій отдѣлъ «Введенія», обозрѣніе источниковъ дѣйствующаго русскаго права, довольно полонъ, но также смотритъ на предметъ съ внѣшней стороны. На этотъ отдѣлъ, составленіе котораго не представляло автору особенной трудности, мы позволилъ себѣ сдѣлать два-три замѣчанія. Не понимаемъ, что значитъ начало 77 §: «Но Сводъ заключаетъ въ себѣ только прошедшее и не опредѣляетъ ничего въ будущемъ». Авторъ, какъ видно (§ 73), сочувствуетъ болѣе Сводамъ, чѣмъ преобразовательнымъ Уложеніямъ. Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы ему составить *для* учениковъ, которые будутъ изучать его «Введеніе», табличку *продолженій*. Впрочемъ трудолюбивые ученики могутъ сдѣлать это. Тогда окажется, что мы имѣемъ 9 книгъ продолженій къ 12 томамъ Свода Военныхъ постановленій, 3 прод. къ Своду Законовъ изд. 1857 г., 2 прод. къ Своду Морскихъ уголовныхъ постановленій, изд. 1851 г. и одно — къ Своду мѣстныхъ узаконеній губ. Остзейскихъ. Это было бы достаточнымъ объясненіемъ непонятной фразы, что Сводъ ничего не опредѣляетъ въ будущемъ.

Если уже авторъ подробно разсмотрѣлъ составленіе и изданіе всѣхъ законныхъ книгъ, то отчего онъ умолчалъ (стр. 36) о причинахъ появленія Уголовнаго Уложенія 1845 г.? Объ Вахтанговомъ уложеніи можно было сказать короче, потому что оно теперь почти не дѣйствуетъ.

Наконецъ, такъ какъ обозрѣніе источниковъ нынѣ дѣйствующихъ мѣстныхъ и особенныхъ законовъ у автора довольно обширно, то не мѣшало бы указать на существованіе законовъ инородцевъ: мусульманъ въ Крыму и на Кавказѣ, сибирскихъ инород-

цевъ, и нѣкоторыхъ мѣстныхъ законовъ для русскихъ, напр. въ Войскѣ Донскомъ; не мѣшало бы предупредить учениковъ, что въ Сводѣ Законовъ, особенно X. томѣ, они встрѣтятъ и тептеряковъ, и калмыковъ, и самоѣдовъ, и татаръ, и армянъ, и нѣмцевъ — и что весь ихъ трудъ долженъ быть направленъ преимущественно къ тому, чтобъ замѣтить законъ общій. Наконецъ нельзя не замѣтить, что весь этотъ отдѣлъ написанъ какимъ-то канцелярскимъ, приказнымъ слогомъ; вѣроятно г. Пискаревъ думалъ, что другимъ языкомъ о такомъ высокомъ предметѣ, какъ *россійскіе* законы, писать неприлично. Сообразно ли съ назначеніемъ учебника напр. такое изложеніе: § 116. *Вслѣдствіе сего*, по мнѣнію графа М. М. Сперанскаго и по положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному 3 февраля 1831 г., Магдебурское право въ Малороссіи замѣнено Литовскимъ Статутомъ и общими русскими законами.... Государь императоръ Николай Павловичъ, по упраздненіи въ 1840 году мѣстнаго, основаннаго на тѣхъ же источникахъ, законодательства въ губерніяхъ западныхъ, повелѣлъ второму отдѣленію собственной канцеляріи» и т. д.» Такъ и думаешь, что читаешь какое нибудь отношеніе. Грустно, что этотъ бездушный, не позволяющій обнаружиться ни чувству, ни рѣзкой мысли, языкъ проникаетъ въ учебники.

Что же сказать въ заключеніе объ книжкѣ г. Пискарева? Повторимъ то, что мы сказали въ началѣ,—именно, что его «Введеніе» не вводитъ въ изученіе русскихъ законовъ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный *В. Варенцовымъ*. Спб. 1860.

Духовные стихи, изданные теперь г. Варенцовымъ, составляютъ довольно любопытный отдѣлъ поэзіи русскаго народа. Въ нихъ особенно выразились его религіозныя и космогоническія представленія, его мораль и взглядъ на жизнь. Въ послѣднее время ученые наши обратили вниманіе на эти произведенія, и уже достаточно объяснили ихъ исторію. Начало и можно даже сказать цѣлый характеръ «духовныхъ стиховъ» принадлежитъ еще старой Руси и отъ нея перешелъ по наслѣдству къ той части народа, которая осталась ея вѣрнымъ продолженіемъ. Духовные стихи, описывающіе мудрую «Голубиную» книгу, сонъ Богородицы, евангельскія событія, житія и т. д., начинаютъ забываться тамъ, гдѣ старые обычаи смѣняются новыми; но тамъ, гдѣ новая цивилизація еще не получила правъ, гдѣ держится старина, — духовные стихи, или преданья, съ которыми они связаны, сохраняются съ полной вѣрой; ихъ свято дер-

жится до сихъ поръ огромная половина русскаго народа, начиная отъ простодушнаго деревенскаго населенія до помѣщиковъ, живущихъ по старинѣ, и купеческихъ домовъ, гдѣ являются Ризположенскіе съ разсказами о маститыхъ старцахъ, живущихъ въ странахъ необитаемыхъ, съ кучей дѣтей малъ-мала меньше.... До сихъ поръ мы еще не знаемъ вполнѣ той массы суевѣрія, которая тяготѣетъ надъ воображеніемъ народа къ числу этихъ суевѣрій относится и содержаніе многихъ «стиховъ». Наша ученая критика много разъ занималась ими, опредѣляла ихъ миѳологическое и археологическое значенье, но мало занималась ими съ ближайшей точки зрѣнія, именно со стороны ихъ современнаго значенія. Духовные стихи, записанные теперь изъ устъ народа, мимо ихъ историческаго интереса, представляетъ еще любопытный матеріалъ для современной характеристики народа, для опредѣленія его нынѣшнихъ нравовъ и степени развитія. Въ стихахъ народъ поетъ о томъ, что онъ думаетъ, чему вѣритъ.

Духовные стихи, какъ мы сказали, принадлежатъ еще старой Руси. Древнѣйшая народная поэзія при введеніи христіанства возбудила противъ себя сильное преслѣдованіе духовенства, видѣвшаго въ ней продолженіе язычества. Это преслѣдованіе, конечно, не могло вдругъ заставить народъ отказаться отъ этой поэзіи; онъ долго оставался ей вѣренъ, и многое удержалъ изъ нея до сихъ поръ; но онъ необходимо долженъ былъ внести въ нее и новые элементы понятій, данные христіанствомъ и Византіей. Это была легенда и легендарныя представленія, которыя съ усиленіемъ христіанства съ своей стороны имѣли вліяніе на народное воображеніе. Съ теченіемъ времени, новая поэзія, византійскаго происхожденія и характера, получала болѣе и болѣе власти; съ ней явилась и новая поэтическая форма — духовный стихъ; а старыя преданья между тѣмъ забывались, или передѣлывались и входили въ новую рамку. Оттого, въ духовныхъ стихахъ, напримѣръ въ стихахъ о Голубиной книгѣ, о Георгіѣ Храбромъ, могли уцѣлѣть очень древнія миѳологическія преданья, еще изъ временъ язычества. Такихъ примѣровъ, впрочемъ, не такъ много; большею частью новая духовная поэзія народа близко держалась или церковныхъ книгъ, или апокрифическихъ представленій, извѣстныхъ въ преданьѣ, но не признанныхъ церковью. Народный стихъ или передавалъ евангельскія событія и житія, подводя ихъ подъ народную точку зрѣнія, или просто излагалъ догматическія и нравственныя понятія, какъ они слагались въ народѣ подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ.

Очень многіе изъ этого разряда стиховъ, до сихъ поръ живущіе въ устахъ народа, несомнѣнно древнѣе семнадцатаго вѣка; народъ

водновлялъ ихъ языкъ, но понятія оставались тѣже. Народная поэзія вообще консервативна, а въ этихъ произведеніяхъ она еще менѣе способна была къ прогрессу. Какъ за нѣсколько сотъ лѣтъ, такъ и теперь народъ думаетъ, что

«на трехъ китахъ, на рыбинахъ,
на тридцати было на малыихъ,
основана на нихъ вся сыра земля,
и содержится вся подселенная, —
потому китъ рыба надъ рыбамъ мать» (стр. 26).

Святая Русь въ понятіяхъ народа точно также мать всѣмъ землямъ, на слѣдующемъ основаніи:

«почему свята-Русь земля—всѣмъ землямъ мать?
Изукрашена свята-Русь-земля божьимъ церквамъ,
на ней строются церкви соборныя:
потому она всѣмъ землямъ мать» (стр. 24).

Такимъ образомъ къ прежнимъ наивностямъ древней поэзіи прибавлялись новыя византійскія наивности, предметъ которыхъ иногда былъ важнѣе трехъ китовъ, держащихъ вселенную. Въ томъ же стихѣ царя Давида спрашиваютъ:

«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи,
отчего цари зачадилися (произошли),
и отчего князья со боярами;
отчего крестьяне православные?
Имъ отвѣтъ на то держалъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
Зачадились цари со царицами
отъ честной главы отъ адамовой;
зачадились князья со боярами
отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ,
завелось крестьянство православное
отъ того колѣна отъ адамова» (стр. 22).

Издатель очень остроумно сравниваетъ это преданье съ индѣйскимъ вѣрованіемъ о происхожденіи главнѣйшихъ кастъ изъ устъ, изъ рукъ и изъ ногъ Брамы. Сходство дѣйствительно любопытное. Въ такомъ родѣ вліяніе Византіи передѣлывало народныя космогоническія и житейскія представленія; подобными передѣлками во многихъ случаяхъ оно очевидно мало подвигало впередъ народное самосознаніе. Преданья, сообщенныя народу, сохранялись чрезвычайно вѣрно, и русскіе археологи перестали удивляться, встрѣчая современныя намъ убѣжденія народа въ старыхъ сборникахъ четырнадцатаго или пятнадцатаго вѣка. Это конечно прекрасное, но не всегда утѣшительное свидѣтельство народной памяти.

Въ болѣе новую эпоху, къ древнимъ стихамъ присоединяются новыя произведенія, силлабическія вирши, явившіяся отъ польскаго вліянія въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, тяжелыя по языку, лишенныя поэтическаго достоинства, но, несмотря на то, до сихъ поръ извѣстныя народу, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ книги г. Варенцова, который записывалъ ихъ со словъ. Семнадцатое столѣтіе ввело еще одинъ разрядъ духодныхъ стиховъ — стихи раскольничьи. Характеръ ихъ опредѣляется ихъ происхожденіемъ; на испорченномъ полу-церковномъ языкѣ, который вообще отличаетъ раскольничьи сочиненія, выражается въ этихъ стихахъ ожесточенный преслѣдованіемъ фанатизмъ и иногда замѣчательно-мрачный взглядъ на вещи.

Въ коротенькомъ, но весьма дѣльно написанномъ предисловіи г. Варенцовъ между прочимъ опредѣляетъ общее впечатлѣніе духовныхъ стиховъ нашего народа, и опредѣляетъ по нашему мнѣнію очень вѣрно. «Любимыми мотивами пѣсенъ, — говоритъ онъ, — были житіе Алексѣя, человѣка божія, евангельская притча о Лазарѣ убогомъ, о страшномъ судѣ. Не веселы были эти образы; однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскорбленнаго, забытаго богатымъ; себя, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему все грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; все грезились мытарства и грозные ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находитъ въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній; когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія, — духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонитъ голову, не выступая на борьбу. И жизнь и смерть — равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки да казни; смерть — холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей (см. стихъ объ Аникѣ-воинѣ). Таковъ большею частію характеръ нашихъ духовныхъ стиховъ».

Первое основаніе такому взгляду на жизнь давала еще древняя византійская легенда, проповѣдовавшая полнѣйшее отреченіе отъ міра или жестокія казни на томъ свѣтѣ; но всего больше этотъ взглядъ принесенъ былъ самой жизнью. Она издавна окружена бы-

ла условіями, тяжкими для народа, или татарскимъ игомъ, или неурядицей московскаго управленія, или наконецъ крестьянствомъ и религіозными смутами семнадцатаго вѣка. Присутствіе подобнаго вліянія исторической судьбы народа бросается въ глаза при первомъ сравненіи духовныхъ стиховъ собственно великорусскихъ съ южными, малорусскими, или еще больше съ духовными пѣснями другихъ славянъ. Въ небольшомъ выборѣ малорусскихъ стиховъ, напечатанныхъ въ изданіи г. Варенцова, замѣтенъ уже другой, болѣе свѣтлый колоритъ, болѣе мягкое чувство; ясно становится, что стихи прошли черезъ иную исторію церкви и иную историческую роль народа. Великорусскій стихъ съ какой-то особенной охотой останавливается на поэзіи ужаса, на картинахъ адскихъ мученій, въ которыхъ давало себѣ волю его мрачно настроенное воображеніе. Для примѣра мы приведемъ выписки изъ любопытнаго стиха о Страшномъ судѣ, записаннаго въ Вятской губерніи. Стихъ представляетъ въ началѣ изображеніе Христова пришествія, когда небо и земля потрясется, солнце и мѣсяцъ померкнутъ, отъ небесъ моря возмутятся и когда сами ангелы и архангелы устрашатся. Когда мертвые встанутъ изъ гробовъ и соберутся живые, начнется судъ, и праведные пойдутъ въ рай, а грѣшники въ огонь-пламя неугасимое и въ пропасти неисповѣдимыя. Отчаявшіеся грѣшники обратятся съ мольбой о защитѣ къ Богоматери, и она тронется ихъ просьбами и будетъ умолять своего сына о помилованіи ихъ. Христосъ соглашается, если она захочетъ во второй разъ видѣть его распятіе. Богородица не можетъ рѣшиться на это, и грѣшники осуждены:

«Проглаголетъ Господь ко грѣшникамъ,
Со престолу со Божьяго:
Вы грѣшные рабы, беззаконные!
Отойдите отъ меня прочь, рабы проклятые,
Напасти вы земляные,
Пойдите вы къ отцу и къ матери,
Къ сатанѣ и ко дьяволу,
Кому на томъ свѣтѣ дѣлали, работали,
Скачучи, пляшучи, играючи,
Сатану со дьяволомъ утѣшаючи.
Изготовлена вамъ мука вѣчная,
Огонь-пламя неугасимое,
Вамъ пропасти неисповѣдимыя.
Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петры громъ трикающій (?).
Припадетъ народу много грѣшнаго къ сырой землѣ,
Расшибетъ мать сыру-землю на двѣ полосы.

Разступится мать сыра-земля на четыре четверти;
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ рѣка огненна
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небеси;
Съ небесъ сойдутъ на землю святы ангелы,
Ударятъ грѣшныхъ рабовъ скипетрамъ желѣзными
И прутьямъ калеными,
Погонятъ грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну.
Они свяжутся своими грѣхами тяжкими,
Еретникъ съ еретницею,
Клеветникъ съ клеветницею,
Ненавистникъ съ ненавистницей,
Блудникъ со блудницею,
Пьяница со пьяницею.
Понесетъ грѣшныхъ рабовъ рѣка огненная
На муки разныя, на муки разноличныя!
Кому Господь создалъ по дѣламъ душамъ мученіе,
По грѣхамъ различеніе.
Тогда сядетъ самъ Іисусъ Христосъ
На Престолѣ, судья праведный,
Задернетъ грѣшныхъ рабовъ
Святымъ Духомъ Господнимъ,
Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ,
Ни писку, ни визку, ни взраду
И ни зубнаго скрыданія (скрежетанія)
И ни слезнаго рыданія».... (стр. 167—168).

Въ старинныхъ рукописяхъ есть другая редакція этого разсказа, безъ сомнѣнія более древняя: Богородица, растроганная и возмущенная зрѣлищемъ адскихъ мукъ, приноситъ Спасителю мольбу о помилованіи грѣшниковъ, и Христосъ даетъ имъ облегченіе; на извѣстное время грѣшники освобождаются отъ муки. Нынѣшній стихъ не знаетъ пощады; Христосъ закрываетъ грѣшниковъ землей и муравой, чтобы Богородица не могла слышать скрежета зубовъ и рыданій.... Народные нравы уже успѣли загрубѣть и ожесточиться.

Въ стихахъ чисто раскольничьихъ, которыхъ не мало помѣщено въ изданіи г. Варенцова, мы встрѣчаемся съ фанатической поэзіей разныхъ сектъ, дичавшихъ въ скитахъ и лѣсныхъ захолустьяхъ, куда загоняетъ ихъ старинное преслѣдованіе. Многіе изъ этихъ стиховъ поразительны, если не поэзіей, то намекомъ на дѣйствительность, которая производила подобныя произведенія фантазіи. Издатель собралъ много стиховъ, принадлежащихъ сектамъ бѣглопоповщины, морельщиковъ, сожигателей, глухой нѣтовщины, и другихъ

менѣе ужасныхъ названій; если бы онъ воспользовался еще раскольничьими пѣснями, помѣщенными въ извѣстной книгѣ Надеждина, онъ бы очень эффектно дополнилъ картину этого малоизвѣстнаго намъ міра, стоящаго особнякомъ въ русской жизни. И безъ того впрочемъ она довольно поучительна. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о тонѣ этой поэзіи, мы приведемъ одну пѣсню «глухой нѣтовщины», оставшуюся послѣ временъ самосожигательства. Въ ней разсказывается символическая исторія о старцѣ, потерявшемъ золотую книгу и ключъ церковный, подъ которыми понимается истина евангельскаго ученія и строгость жизни между духовенствомъ. Пѣсня читается слѣдующимъ образомъ:

«Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ,
Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
Какъ на встрѣчу ему идетъ
Самъ Христосъ, царь небесный.
Какъ возговоритъ Христосъ старцу,
Самъ Господь Богъ, царь небесный:
«Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,
Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
Ты о чемъ, черноризецъ, воздыхаешь?»
Отвѣчалъ Господу старецъ,
Отвѣчалъ царю небесному черноризецъ:
«Охъ ты гой еси, Христосъ царь небесный!
Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Потерялъ я златую книгу,
Потопилъ ключъ церковный въ морѣ».
Отвѣчаетъ Христосъ старцу,
Отвѣчаетъ царь небесный черноризцу:
«Не плачь, старецъ, не плачь, черноризецъ!
Я сыщу тебѣ златую книгу,
Ключъ церковный изъ моря выну.
Ты поди, старецъ, въ пустыню,
Ты спасай тамъ свою душу».
Какъ возговоритъ ему старецъ со слезами:
«Охъ ты гой еси, батюшка Христосъ, царь небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы пташки пролетали,
Меня бы, старца, потѣшали,
Ото сна бы пробуждали;
Ото сна бъ я пробудился,

На правило становился».
Какъ возговоритъ Христосъ, царь небесный:
«Ой вы люди, рабы *мои* Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога, живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый — злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть (соблазны)
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ *костры большіе*,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно» (стр. 183—185).

Сборникъ г. Варенцова у насъ уже не первый, но лучшій въ своемъ родѣ. Собраніе духовныхъ стиховъ Кирѣевскаго, изданное лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, много бѣднѣе, и притомъ во многихъ стихахъ, которые одинаково находятся въ обоихъ изданіяхъ, у Кирѣевскаго многое осталось недосказаннымъ или недопечатаннымъ. Такъ въ приведенномъ стихотвореніи, въ редакціи Кирѣевскаго (см. стр. 218 — 220 его собранія) не высказана мысль о самосожженіи, составляющая существенный интересъ цѣлаго стиха. Вообще изданіе г. Варенцова составлено очень старательно, и книга крайне любопытна для тѣхъ, кто интересуется исторіей внутренней жизни русскаго народа.

Мѣсяцесловъ на 1861 годъ. *Съ изображеніемъ памятника въ Бозѣ почивающему императору Николаю I-му. Спб. 1860.*

Не будемъ доказывать неоцѣненныя и неоспоримыя заслуги, оказываемыя с.-петербургскою академію наукъ европейской наукѣ. «Санскритскій Словарь» г. Бентинка, «Медицинская Зоологія» г. Бранта, и другіе столь же много-ученые труды почтенныхъ академиковъ заслуживаютъ, разумѣется, полнаго уваженія; но для простаго читателя, не понимающаго въ нихъ ни аза, никакъ не могутъ быть источникомъ наслажденія или — той пользы, которую простой читатель привыкъ мѣрить большею или меньшею близостью ея къ своимъ обыденнымъ интересамъ. Къ несчастію, люди съ такими неширокими требованіями составляютъ большинство; а что голосъ немногихъ истинныхъ цѣнителей и жрецовъ науки долженъ необходимо глохнуть за безтолковою болтовней профановъ—это аксіома, не требующая доказательствъ. Какъ намъ это ни горько, а мы должны признаться, что русская публика, не читая французскихъ бюллетеней академіи и не имѣя особенной надобности справляться не только съ «Санскритскимъ Словаремъ» г. Бентинка, но даже и со столь драгоцѣннымъ «Малороссійскимъ Словаремъ» достойнаго полигистора г. Аѳанасьева-Чужбинскаго (къ сожалѣнію, до сихъ поръ не академика), каковой словарь печатался въ драгоцѣнномъ изданіи «Извѣстій II отдѣленія академіи», — мы должны, повторяемъ, признаться, что нѣкоторые находятся въ странномъ заблужденіи относительно дѣятельности академіи: въ наивности своей думаютъ, что почтенное ученое собраніе сходится, разсуждаетъ и совѣщается единственно о составѣ и полнотѣ календаря, являющагося ежегодно, съ пунктуальностью истинно-изумительной.

Мы вовсе не для того заговорили о календарѣ, чтобы разбирать его критически, чтобы дѣлать замѣчанія на статьи «О прогонныхъ деньгахъ, платимыхъ на версту и на лошадь» или «О крестныхъ ходахъ, ежегодно совершаемыхъ». Авторитетъ календаря въ этомъ отношеніи, разумѣется, не погрѣшителенъ. Мы не можемъ такъ же согласиться съ людьми, вѣчно изобрѣтающими разныя новости и утверждающими, напримѣръ, что среднія числа ничего не говорятъ и не объясняютъ въ статистикѣ. Календарь признаетъ важность среднихъ чиселъ, и мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе, и на основаніи «Свѣдѣній статистическихъ», помѣщенныхъ въ «Мѣсяцесловѣ на 1861 годъ», думаемъ, что населеніе въ Китаѣ вовсе не такъ густо, какъ воображаютъ многіе. Точно такъ же не можемъ мы раздѣлять и того мнѣнія, что Франческо II Bombolino перестаетъ быть королемъ Обѣ-

нихъ Сицилій: «Свѣдѣнія историческія» утверждаютъ насъ въ противномъ мнѣніи, хотя «Обзоръ событій», напечатанный въ календарѣ нѣсколько дальше, и говоритъ, что «часъ Бурбоновъ въ Италіи, казалось, пробилъ». Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ академіи на значеніе и Вашингтона Ирвинга и Прасковьи Ивановны Мятлевой, *домъ* которой, по словамъ «Некролога», много лѣтъ былъ «украшеніемъ лучшаго петербургскаго *общества*»; мы вполнѣ согласны и съ мнѣніемъ о Ѳаддеѣ Венедиктовичѣ Булгаринѣ въ томъ же некрологѣ, а именно, что его «Журнальная Всякая Всячина» нравилась публикѣ «своимъ разнообразіемъ и забавностію».

Все въ «Мѣсяцесловѣ», отъ таблицы сокращеній до объявленія объ изданіи «Морскаго Сборника», внушаетъ полное къ себѣ довѣріе, какъ результатъ совокупныхъ трудовъ цѣлаго ученаго сословія (по-нѣмецки Stand); но что̀ кажется намъ въ нѣкоторомъ родѣ перломъ нынѣшняго календаря, это статья «Объ *относительномъ* достоинствѣ различныхъ предметовъ гимназическаго курса *въ отношеніи* развитія учащихся». Читатели могли уже замѣтить на первой же страницѣ нашей рецензіи вліяніе этой превосходной статьи, именно на слогѣ нашемъ, нѣсколько тяжеловатомъ и темноватомъ, но зато истинно-академическомъ. Надѣемся, кромѣ этой внѣшней стороны, усвоить современемъ и внутренній характеръ помянутой статьи. Авторъ ея — г. академикъ Видеманъ. Статья «Объ относительномъ достоинствѣ—въ отношеніи» и проч. подарокъ въ своемъ родѣ драгоцѣнный. Отнынѣ имя г. академика Видемана будетъ произноситься нами съ должнымъ уваженіемъ къ его ученымъ заслугамъ. Слѣдующія апоѳеегмы мы запечатлѣли навсегда въ своей памяти, и совѣтуемъ сдѣлать тоже всѣмъ педагогамъ и философамъ. Прочтите и судите сами, не драгоцѣнное ли это приношеніе въ сокровищницу европейской науки или—скажемъ болѣе высокимъ слогомъ — въ корвану общечеловѣческаго знанія? Ну, не должны ли померкнуть золотыя изреченія Пиѳагора, мысли Паскаля, афоризмы Гете, Иванчина-Писарева, Жанъ-Поля Рихтера, Михаила Петровича Погодина и др. передъ этими рѣчами г. академика Видемана:

«По весьма часто употребительному въ языкѣ обыкновенію—мы не станемъ разбирать здѣсь, въ какой степени слова соотвѣтствуютъ понятіямъ — говорится о различныхъ духовныхъ силахъ, духовныхъ дѣятельностяхъ, при чемъ, не входя въ разборъ различныхъ видовъ проявленія духа, мы представляемъ его себѣ организмомъ, частямъ котораго свойственно извѣстное отправленіе, подобно органамъ растенія или членамъ животнаго тѣла. Точно также часто говоримъ мы о духовной пищѣ, заимствуя по аналогіи это выраженіе отъ представленія тѣлеснаго организма. Какъ тѣло, въ юности малое и слабое, растетъ и укрѣп-

ляется посредствомъ пищи, доставляемой извнѣ, точно такъ же духъ, посредствомъ принимаемой пищи, развивается, то есть растетъ и крѣпнетъ одновременно во всѣхъ своихъ частяхъ и равномѣрно во всѣхъ своихъ силахъ. Поэтому-то развитіе и образованіе подобнаго рода называется формальнымъ образованіемъ духа, въ противоположность тому, которое заключается въ одномъ лишь накопленіи вещества питательнаго и состоитъ въ собираніи свѣдѣній въ памяти, при чемъ всѣ прочія части духовнаго организма нерѣдко тупѣютъ, то есть могутъ остаться незначительными и слабыми.»

И съ какою обстоятельностью, съ какимъ блескомъ многосторонней учености проводится эта паралель!

«Тѣло наше, для поддержанія существованія и для развитія, нуждается въ разнообразныхъ простыхъ веществахъ, которыми мы снабжаемъ его посредствомъ ежедневной пищи, содержащей въ себѣ эти вещества въ многоразличныхъ смѣшеніяхъ. Посредствомъ пищеваренія эти вещества превращаются въ кровь, которая, разливаясь по развѣтвляющимся тончайшимъ каналамъ, приводитъ ихъ въ тѣ микроскопическія мастерскія, въ которыхъ выдѣлывается матеріалъ для волоконъ мускуловъ, для нервовъ, костей и т. д. Такъ какъ жизненная дѣятельность въ состояніи только разлагать вещества необходимыя для тѣла изъ ихъ прежнихъ соединеній и слагать ихъ въ новыхъ смѣшеніяхъ, потребныхъ тѣлу; но никогда не можетъ сама произвесть этихъ веществъ: то вслѣдствіе того, въ ежедневной пищѣ не должно недоставать ни одного изъ тѣхъ первообразныхъ веществъ, которыя составляютъ единственную часть нашего тѣла. Если бы стали кормить человѣка однимъ сахаромъ или крахмаломъ или другимъ веществомъ, не заключающимъ въ себѣ азота, то, конечно, онъ не умеръ бы также скоро, какъ умираютъ съ голода при недостаткѣ пищи, но все-таки онъ сталъ бы чахнуть и окончательно долженъ бы былъ погибнуть именно потому, что при такой пищѣ азотныя частицы тѣла, издержанныя и выдѣленныя ежедневными испражненіями, не были возстановлены. Конечно, нѣтъ необходимости, чтобъ ежедневная наша пища содержала въ одинаковой смѣси и въ точно-опредѣленной пропорціи всѣ тѣ элементы, которые составляютъ потребность нашего организма; главное здѣсь то, чтобы всѣ эти элементы находились въ пищѣ, и незначительный перевѣсъ въ количествѣ того или другаго нисколько не будетъ вреденъ нормальной жизни; въ такомъ случаѣ преобладающій въ пищѣ элементъ либо накопляется въ тѣлѣ, какъ бы для будущихъ потребностей, напр. углеродъ въ формѣ жира, — либо выдѣляется изъ организма нашего, какъ вещество, несоотвѣтствующее случайнымъ потребностямъ тѣла. При этомъ, конечно, должно замѣтить, что чрезмѣрно преобладающій избытокъ одного вещества, притомъ при продолжительномъ накопленіи, не можетъ остаться безъ вліянія на здоровье и нормальное состояніе нашего тѣла. Разсматривая ежедневную и привычную пищу народовъ и племенъ самыхъ различныхъ и живущихъ въ противоположныхъ концахъ свѣта, мы съ любо-

пытствомъ замѣчаемъ, что повсюду человѣкъ, хотя нисколько непонимающій науки и требованій ея, природнымъ чутьемъ и врожденнымъ инстинктомъ находитъ естественный и соотвѣтствующій организму составъ пищи, который онъ приготовляетъ или слагаетъ изъ тѣхъ именно веществъ, которыя содержатъ необходимые для жизни и развитія организма элементы въ потребномъ количествѣ. Такъ мы напр. употребляемъ въ ежедневную пищу преимущественно мясо и хлѣбъ, или, употребляя болѣе общее выраженіе, животныя и растительныя вещества, для того именно, чтобъ изобилующій элементъ азота въ животномъ веществѣ могъ быть уравновѣшенъ съ углероднымъ элементомъ растительнаго вещества, и чтобъ обѣ эти главныя составныя части нашего тѣла были ему доставляемы въ достаточномъ количествѣ. Точно такъ поступаетъ человѣкъ и въ другихъ странахъ. Гдѣ только допускаетъ климатъ, тамъ разводитъ онъ хлѣбныя растенія различнаго рода; а житель Гренландіи, котораго природа сама лишила возможности заниматься земледѣліемъ, и который поэтому исключительно питается животными веществами, употребляетъ при мясной или рыбной пищѣ въ большемъ количествѣ жиръ, въ которомъ водянистое вещество и углеродъ представляютъ главную составную часть, какъ крахмалъ въ хлѣбныхъ растеніяхъ.»

Вамъ, можетъ быть, интересно знать, какое *отношеніе* имѣютъ эти геніальныя соображенія къ *относительному* достоинству и проч. вообще, и къ преподаванію въ гимназіяхъ въ особенности. Но погодите. Изъ этихъ соображеній — какъ думаетъ г. академикъ Видеманъ — рождается самъ собою другой вопросъ, а именно: необходима ли для человѣка составная пища, и нѣтъ ли простой пищи, которая и проч.

Распространившись о питаніи тѣла, г. академикъ Видеманъ жалѣетъ, что не можетъ «распространиться далѣе», «не будучи естествоиспытателемъ». Это ужь черезъ-чуръ скромно: намъ кажется, что и въ этой отрасли человѣческаго вѣдѣнія г. академикъ Видеманъ стóитъ всѣхъ Молешотовъ и Фохтовъ. И такъ, не распространяясь *далѣе*, онъ «въ противоположность приведеннымъ явленіямъ физическаго организма», обращаетъ вниманіе читателей «на отношенія нашей духовной силы», и спрашиваетъ: подъ какими условіями питается она и развивается? и какая пища преимущественно соотвѣтствуетъ духу нашему? и — можно ли обнять необъятное?

Предоставляя любителямъ полезнаго и изящнаго чтенія прочесть статью г. академика Видемана цѣликомъ, мы не можемъ однако не подѣлиться съ ними результатомъ, до котораго доходитъ достопочтенный авторъ. По его мнѣнію всѣ реальныя науки въ гимназіяхъ не мѣшало бы замѣнить изученіемъ греческаго языка, преимущественно имѣя въ виду его древнѣйшія формы. «Лишь греческій есть

вещь, а прочее все гиль». Вотъ, однакожъ, собственное заключеніе автора:

«Такимъ образомъ, если станемъ безъ предубѣжденія и пристрастія анализировать отдѣльные учебные предметы, преподаваемые въ нашихъ училищахъ, въ отношеніи ихъ достоинства, какъ духовной пищи, т. е. ихъ относительное преимущество по вліянію на успѣхи умственнаго образованія, то придемъ къ заключенію, что языки должны быть поставлены выше такъ-называемыхъ реальныхъ предметовъ, а между языками древніе, классическіе языки опять стоятъ выше живыхъ языковъ, между всѣми же первое мѣсто долженъ занимать языкъ греческій. Въ заключеніе не могу не повторить еще разъ, что надобно крайне сожалѣть, что въ новѣйшее время склоняются къ тому, чтобы въ училищахъ отмѣнить преподаваніе древнихъ языковъ, или же тамъ, гдѣ оно останется, дозволять ученикамъ уклоняться отъ него, съ намѣреніемъ напрягать умъ свой какъ можно менѣе, или потому что родители полагаютъ, что греческій языкъ дѣтямъ ихъ не будетъ нуженъ въ практической жизни. Конечно, всѣ мы считаемъ полезнымъ, чтобы дѣти наши посредствомъ гимнастическихъ упражненій развили и укрѣпили свое тѣло, но мы ни мало при этомъ не имѣемъ въ виду сдѣлать изъ нихъ дюжихъ работниковъ, или акробатовъ, или скороходовъ; почему же при развитіи умственныхъ дарованій дѣтей своихъ мы не хотимъ имѣть въ виду капитала, который они могутъ и должны пустить въ ростъ, не взирая на то, сколько выгодъ, почестей и удобствъ онъ можетъ доставить имъ въ практической жизни?»

Какъ вѣрно это заключеніе, ясно уже изъ самой статьи г. академика Видемана. Гибкость и острота, какою отличается умъ его, воспитанный на греческихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ, и удивительная проницательность, сообщенная его мысли изученіемъ классическихъ формъ языка Гомера и Платона, должны, какъ кажется намъ, побудить всѣхъ родителей, читающихъ календарь, засадить своихъ юныхъ чадъ за Кюнера и Бутмана. А можетъ быть и самъ г. академикъ Видеманъ сочинитъ, если не сочинилъ уже, не менѣе пріятное руководство.

Пѣсни и Думы изъ Гейне, переводы въ стихахъ *А. Мантейфеля*. Съ портретомъ автора. Москва. 1860.

Г. Мантейфель не столько переводитъ, сколько исправляетъ и улучшаетъ Гейне. По его мнѣнію, «Книга пѣсенъ» и «Новыя стихотворенія» нѣмецкаго поэта ужь черезъ-чуръ просты, и къ нимъ не мѣшало подбавить кой-какихъ украшеній. И онъ исполняетъ это съ большимъ успѣхомъ.

Гейне, напримѣръ, говоритъ: «какъ ни сладки твои слова, поцалуи еще слаще». Г. Мантейфель переводитъ гораздо изящнѣе такъ:

«Нуеть голосъ твой *звонкіе струй*,
Но слаще словъ твой поцалуй.»

У Гейне говорится: «мы холодно сказали другъ другу прости, и ты сдѣлала мнѣ вѣжливѣйшій книксенъ». У г. Мантейфеля вмѣсто этого стихи, достойные соединенныхъ перьевъ гг. Бенедиктова и Розенгейма:

«Хладна была наша разлука, *какъ Стиксъ;*
Я шаркнулъ — ты сдѣлала вѣжливый книксъ.»

Вмѣсто простыхъ словъ: «у тебя изсохло сердце», г. Мантейфель пишетъ:

«Зачѣмъ же, *какъ капля въ безвыходномъ зноѣ*,
Засохло сердечко твое молодое!»

Вмѣсто двухъ стиховъ Гейне, такъ тривіально говорящихъ: «когда гляжу тебѣ въ глаза — исчезаетъ все мое горе», г. Мантейфель производитъ слѣдующее поэтическое четверостишіе, опять-таки съ меткимъ и тонкимъ сравненіемъ, которое упустилъ изъ виду недогадливый Гейне:

«Когда тебѣ гляжу я въ очи,
Въ душѣ недугъ стихаетъ злой;
Такъ исчезаютъ тѣни ночи
Съ лучемъ денницы молодой.»

Нѣкоторыми стихотвореніями Гейне г. Мантейфель, впрочемъ, остался повидимому доволенъ, и старался перевесть ихъ поближе къ подлиннику. Но тутъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ похвалить его такъ, какъ хвалили за отступленія отъ подлинника.

Вотъ, напримѣръ, самый яркій образчикъ пунктуальности г. Мантейфеля.

У Гейне есть стихотвореніе, начинающееся словами: «Es drängt die Noth». Смыслъ этихъ словъ такой: «меня гонитъ неволя»; а между тѣмъ самыя слова значутъ: drängen — тѣснить, Noth — нужда. И г. Мантейфель не поколебался поставить:

«Нужда тѣснитъ....»

Оно и вышло, что какъ будто стихотвореніе-то это сочинилъ не самъ Гейне, а достопочтенный другъ его, о которомъ онъ пишетъ въ своей «Италіи», гамбургскій жидъ Гумпель или маркизъ Гумпелино, да и то не въ нормальномъ состояніи, а именно въ ту пресловутую ночь, какъ его пригласили на любовное свиданіе, а онъ царапнулъ передъ тѣмъ стаканъ глауберовой соли.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Петербургъ въ октябрѣ и началѣ ноября. — Горестное положеніе фельетонистовъ. — Нѣсколько словъ о моихъ читателяхъ-джентльменахъ, и объ отношеніяхъ, какія мы, джентльмены-писатели, имѣемъ къ народу. — Барышня-сирота, дочь надворнаго совѣтника. — Петербургскіе современные «Тартюфы». — Очеркъ одного изъ такихъ. — Нѣчто о лицемѣріи. — Закрытіе театровъ и два слова о г. Кравцовѣ. — Театральные слухи. — Фокусникъ Экштейнъ. — Концерты. — Отчетъ академіи художествъ. — О византійскомъ музеѣ при академіи художествъ. — Художественныя собранія въ залахъ постоянной выставки. — Деларошъ, Тройонъ, Мезонье и проч. — Выставка картинъ Боголюбова. — Постройки публичной библіотеки. — Освѣщеніе газомъ. — Прачешная у Измайловскаго полка. — Великанъ.—Дѣйствія «общества для улучшенія помѣщенія рабочаго класса».—Протоколъ 26 засѣданія (4 октября) «общества для пособія нуждающимся литераторамъ». — Два слова по поводу этого протокола. — Анатомическій музей и великанша. — Новое заведеніе г. Пивато, Halle aux huitres. — Излеръ — aux délicatesse и проч. — Объявленіе г. Зацепина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». — «Русская Хозяйка». —Объ изданіи «Курскаго Сборника». — Объявленіе объ изданіи «Морскаго Сборника» на 1861 годъ и нѣсколько словъ объ этомъ «Сборникѣ». — Проэктъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, съ учрежденіемъ новой гимназіи.—«Основа»—южно-русскій литературный и ученый Вѣстникъ. — Изданія министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.—«Кобзарь» Шевченки.—9 томъ соч. Бѣлинскаго. — Открытіе желѣзной дороги изъ Острова въ Динабургъ, и проч.

Петербургъ въ глубокомъ траурѣ. Всякіе съѣзды въ высшихъ петербургскихъ обществахъ и публичныя зрѣлища прекратились; но только петербургскіе клубы съ обѣда до ночи наполнены джентльме-

нами, не знающими какъ убить вечеръ, послѣ благополучно совершившагося пищеваренія.

Бѣдные джетльмены!

Но въ такіе скорбные дни, какіе переживаемъ мы теперь, всего затруднительнѣе положеніе остроумныхъ фельетонистовъ... Они живутъ, дышутъ, щеголяютъ другъ передъ другомъ новостями. Фельетонистъ почитаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если ему удастся прежде другихъ своихъ собратовъ напечатать въ своемъ фельетонѣ какую нибудь новость: хотя бы о привозѣ устрицъ, или открытіи какого нибудь ресторана, или о смерти актера Давлуи. Сообщивъ *первый* такую новость — фельетонистъ проникается чувствомъ достоинства и гордо посматриваетъ на своихъ собратій. Ну, что бы, казалось, за важность объявить первому, что устрицы привезены, или что Давлуи умеръ? Эти событія даже и въ нашей общественной жизни, лишенной всякихъ интересовъ, не составляютъ особенной важности. О привозѣ устрицъ разсылаются объявленія съ афишами; смерть Давлуи, кромѣ его близкихъ, не имѣла значенія ни для кого. Сегодня онъ умеръ, завтра на сценѣ онъ замѣненъ другимъ — и никто не замѣтилъ этой перемѣны, — а фельетонистъ все-таки *гордится* тѣмъ, что сообщилъ объ его смерти *первый*, и не только фельетонистъ, иногда даже редакторъ газеты или журнала. — «Каковъ мой ZZ, или NN, говоритъ онъ съ торжествующею улыбкою: — на лету подхватываетъ новости!»

Для такихъ рьяныхъ фельетонистовъ отсутствіе всякихъ новостей — великое бѣдствіе. О чемъ писать, когда нѣтъ никакихъ новостей? Можно бы, пожалуй, поболтать такъ, кое о чемъ, да къ сожалѣнію, большая часть нашихъ фельетонистовъ имѣетъ очень мало воображенія и вовсе не имѣетъ умѣнья французовъ ловко переливать изъ пустаго въ порожнее. Въ старые годы можно было по крайней мѣрѣ мучиться надъ бумагой и грызть съ досады перо; но теперь и это неудобно, потому что гусиныя перья совсѣмъ вышли изъ употребленія....

Всѣ настоящіе фельетоны непремѣнно начинаются стереотипными фразами: «о чемъ говорить? Новостей никакихъ. Общественная жизнь въ застоѣ» и такъ далѣе. И за неимѣніемъ новостей — одинъ фельетонистъ разсказываетъ съ мельчайшими подробностями и прекраснымъ слогомъ о томъ, какъ загорѣлся сарай на дворѣ дома, въ которомъ помѣщается ресторанъ г. Еремѣева; другой — съ большимъ чувствомъ — передаетъ о томъ, какъ г. Еремѣевъ, которому предлагали большія деньги за его окна во время печальной процессіи 29 октября, великодушно пригласилъ къ себѣ въ это утро всѣхъ своихъ обычныхъ посѣтителей *безплатно*; третій краснорѣчиво рас-

пространятся о медалькахъ въ память Шиллера, которые разносятъ теперь по всему Петербургу; четвертый — о разговорѣ своемъ съ французомъ-парикмахеромъ, и т. д. Мнѣ, слава Богу, не для чего гоняться за новостями. — Я не фельетонистъ, а только скромный наблюдатель нравовъ....

Мои замѣтки, очерки, наблюденія—какъ хотите называйте ихъ— я посвящаю добрымъ читателямъ-джентльменамъ, друзьямъ моимъ, гуляющимъ ежедневно по Невскому проспекту отъ 3 до 5,—для возбужденія аппетита, и всѣмъ счастливцамъ міра сего, которымъ, по выраженію Гейне, *сами летятъ въ ротъ жареные бекасы.*

Эти господа принадлежатъ къ классу самыхъ *благосклонныхъ* читателей. Имъ нужно самое легкое чтеніе, которое бы не тревожило, не безпокоило ихъ, а забавляло и развлекало. Они собственно не читаютъ, а скользятъ глазами по строчкамъ, перебирая журналы и отыскивая въ нихъ что нибудь забавное, какой нибудь *намекъ* на своихъ друзей и знакомыхъ. Они занимаются обыкновенно литературой въ клубѣ, въ ожиданіи обѣда, или въ постелѣ — на сонъ грядущій, или если какая нибудь болѣзнь, въ родѣ *гастрита*, (аристократическая болѣзнь) удерживаетъ ихъ дома.... Въ другое время имъ и некогда заниматься литературой; у нихъ бездна серьёзныхъ дѣлъ — государственныхъ и частныхъ, тысячи служебныхъ занятій: различные комитеты, правленія акціонерныхъ обществъ, визиты, вечернія партіи въ клубѣ... мало ли что? Истинно удивительно, какъ еще они могутъ удѣлять хоть нѣсколько минутъ намъ при такихъ многочисленныхъ занятіяхъ!

Если бы, впрочемъ, они не удостоивали обращать благосклоннаго вниманія на отечественную литературу, мы, остроумные русскіе литераторы, не знали бы, что дѣлать. Кто бы тогда могъ оцѣнивать тонкія и глубокія психическія черты въ нашихъ свѣтскихъ повѣстяхъ, наши блестящіе разсказы о различныхъ *финесахъ* (какъ выражается одинъ мой знакомый) петербургской жизни, нашъ изящный и гладкій слогъ, нашу удивительную, микроскопическую наблюдательность, — несомнѣнный признакъ нашихъ художественныхъ талантовъ?...

Не можемъ же мы относиться къ тѣмъ читателямъ, которыхъ занимаетъ еще только процессъ чтенія....

Между нами — людьми, пропитанными *амбре* европейской цивилизаціи — и нашимъ народомъ — въ кислыхъ овчинныхъ тулупахъ и въ затрапезныхъ халатахъ, — страшная бездна! Это фактъ, конечно, грустный, но фактъ!

Мы, по снисходительности нашей, пробовали было писать для

народа; но эти пробы (надо сознаться) были до того неудачны, что мы нѣкоторымъ образомъ *компрометировали* себя....

Взлелѣянные на психическихъ *финесахъ*, на риторическихъ цвѣтахъ, постоянно блуждая въ сферахъ отвлеченностей, проникая иногда «въ бездонныя глубины, гдѣ царятъ матери», по выраженію безсмертнаго Гете,—мы изъ психологовъ, художниковъ, творцовъ, мыслителей, философовъ, фельетонистовъ не можемъ же превратиться въ составителей народныхъ учебниковъ!

Мы, я повторяю, глубоко сочувствуемъ народу и всѣмъ низшимъ трудящимся классамъ; радуемся, когда хлопочутъ о заведеніи для народа школъ, объ улучшеніи его быта; были бы въ совершенномъ восторгѣ, если бы народъ могъ понимать въ сію минуту наши утонченныя творенія, если бы мы могли обращаться ко всему русскому народу, — все это было бы великолѣпно! Но такъ какъ эта вещь покуда невозможная, то мы, поневолѣ, относимся только къ *передовымъ*, *избраннымъ* кружкамъ, къ *своимъ*....

Намъ кричатъ нѣкоторые благородные и горячіе юноши, что наша сфера—жалка, узка, что мы вращаемся въ кружку нашихъ сословныхъ, мелочныхъ интересовъ; что мы эти кружки принимаемъ за цѣлые міры, и такъ далѣе.... О, какъ несправедливы наши юные судьи! Мы не оспориваемъ того, что наша сфера узка; мы не такъ тупы, чтобы видѣть въ небольшомъ избранномъ кружку цѣлый міръ, но по необходимости обращаемся только къ этому кружку, потому что покуда все-таки онъ одинъ въ состояніи понимать наши литературныя *финесы*.

Ктому же, нельзя же намъ вдругъ оторваться отъ нашихъ джентльменскихъ обычаевъ, привычекъ, отъ всего того, что мы всосали съ молокомъ матерей нашихъ. Какъ же намъ, при всемъ нашемъ сочувствіи къ народу, отказаться отъ друзей нашего дѣтства, отъ ковровъ въ кабинетѣ, отъ банана въ гостиной, отъ желтыхъ перчатокъ, отъ англійскаго пиджака и отъ англійскаго клуба, отъ.... отъ.... мало ли отъ чего? Не надѣть же намъ, въ самомъ дѣлѣ, смазные сапоги, синіе порты, красную рубаху и шляпу въ формѣ гречневика, съ павлиньимъ перомъ, въ нелѣпой мысли черезъ это *слиться съ своими корнями*, какъ говаривалъ г. А. Григорьевъ, — т. е. съ народомъ. Нѣкоторые изъ славянофиловъ пробовали это, но народъ не призналъ ихъ своими, и смѣялся надъ ними. Увы! ни грубые смазные сапоги, которые мы натягиваемъ на наши нѣжныя ноги, ни народныя книжки, которыя мы пишемъ нашими пухлыми бѣлыми руками, и въ которыхъ мы прикидываемся простыми людьми, заговаривая маленько-мужицкимъ слогомъ, — ничто не помогаетъ!... Добрые мужички смѣются надъ нашимъ переряжаньемъ и ломаньемъ,

и принимаютъ все это за барскую шутку, за господскую забаву отъ нечего-дѣлать. Какіе шутники эти господа!

Нѣтъ! оставимъ лучше эти неприличныя шуточки. Мы не умѣемъ ни говорить серьёзно, ни шутить съ народомъ. Лучше будемъ шутить между собою—это по крайней мѣрѣ невинно и безвредно. Какъ бы ни была ограничена наша сфера, но въ этой сферѣ мы еще имѣемъ хоть какое нибудь значеніе, какой нибудь смыслъ; а выходя изъ нея и приближаясь къ народу, для изученія его, сквозь наши стеклышка, — мы дѣлаемся только смѣшны и жалки.

Только тотъ, кто испыталъ холодъ и голодъ, кто перестрадалъ за самого себя и за близкихъ своему сердцу, кто работалъ въ потѣ и крови, борясь съ нищетою—можетъ дѣйствительно сочувствовать бѣднымъ и страждущимъ; только тотъ, кто видѣлъ народъ лицомъ къ лицу, становился съ нимъ въ ровень, жилъ его жизнію, раздѣлялъ его горе и радость,—можетъ принимать дѣйствительное участіе въ его судьбахъ, говорить съ нимъ понятнымъ языкомъ и возвышать свой голосъ въ его пользу.

Мы же джентльмены-ораторы, джентльмены-писатели, джентльмены-гуманисты, джентльмены-благотворители, и т. д., изучающіе народъ съ *нашего прекраснаго высока*, займемся лучше изученіемъ самихъ себя....

Кстати о джентльменахъ-благотворителяхъ. Петербургъ кишитъ ими. Я имѣлъ случай познакомиться недавно съ однимъ изъ такихъ.

Ко мнѣ изрѣдка заходитъ одна бѣдная дѣвица, которую я знаю съ дѣтства. Лѣтъ до сорока дѣвица эта проживала въ разныхъ генеральскихъ домахъ, въ качествѣ ключницы, дѣтской забавницы, компаньонки; гадала на картахъ, на кофеѣ, вырѣзывала изъ картъ человѣчковъ и разныя фигурки, льстила генералу, генеральшѣ, плясала въ присядку передъ генеральскими дѣтьми, заискивала въ дворецкомъ и въ камеръ-фрау, цаловала и холила любимыхъ котовъ и кошекъ, пила разъ восемь въ день кофе, ссорилась и мирилась съ холопами и во время ссоры постоянно кричала, что «она не какая нибудь холопка, а дочь надворнаго совѣтника....»

Когда генералы и генеральши отошли въ лоно вѣчности, ихъ дворецкіе и камеръ-фрау перемерли, кошки переколѣли, а дѣти переженились, и обзелись въ свою очередь дѣтьми, дочь надворнаго совѣтника предложила свои услуги своимъ бывшимъ питомцамъ и питомицамъ, которыхъ она забавляла такъ усердно.

— Я, говоритъ:—имѣла счастіе нянчить васъ на своихъ рукахъ; теперь позвольте же мнѣ понянчить вашихъ прелестныхъ дѣтокъ.

Но дочь надворнаго совѣтника не подозрѣвала, что времена пе-

реходчивы; она никогда не слыхивала о томъ, что̀ такое духъ времени, движеніе впередъ, прогрессъ и проч. Къ ея великому изумленію, ея питомцы и питомицы объявили ей, что она болѣе не нужна ни имъ, ни ихъ дѣтямъ. — По закону прогресса, для дѣтей своихъ они наняли француженокъ, нѣмокъ и англичанокъ, а всю лишнюю крѣпостную челядь и проживалокъ прогнали изъ дома.

Дочь надворнаго совѣтника принуждена была нанять каморку, и заняться шитьемъ, но глаза ея уже начинали слабѣть, шитье выходило не такъ чисто; въ лавочкѣ ей не вѣрили въ долгъ болѣе двухъ цѣлковыхъ; ей часто приходилось голодать, цѣлый день не видать во рту кофеинки, закладывать свой платокъ и салопъ, и можетъ быть пришлось бы умереть съ голоду, если бы не добрые люди....

— Я благодарю моего Бога, бывало, разсказывала она мнѣ: — мои благодѣтели меня не оставляютъ. Полковница Иванова, Анна Григорьевна, подарила мнѣ свой старый салопъ на бѣличьемъ мѣху; мѣхъ конечно повытерся немного, а все носить можно, и покрышка байковая клетчатая, только въ двухъ мѣстахъ немного протерлась. Вотъ также генеральша Сысалова, Надежда Федоровна, ужь можно сказать — первая вельможа; какіе экипажи! — въ комнатахъ все шелки да бархаты, и ужь такъ гордо держитъ себя что и сказать нельзя: такъ, кажется, и говоритъ взглядомъ, что все ниже ее, — а мною, дай Богъ ей здоровья, не гнушается.... завсегда велитъ меня позвать къ себѣ.... «Садитесь», говоритъ, «милая», и сейчасъ позвонитъ, велитъ мнѣ кофею подать — и все это такъ у нихъ, какъ у знати: на серебряномъ подносѣ принесутъ этакіе разные сухарики и кандитерскія печенья; и ужь никогда не отпуститъ меня такъ — всегда сунетъ мнѣ въ руку рублевую, либо трехрублевую бумажку. Онѣ ужь пожилыхъ лѣтъ, но такія видныя изъ себя дамы, румянецъ на щекахъ. брови точно выведены дугой; поведутъ меня показывать свой гардеробъ—платьямъ-то, кажется, и числа нѣтъ: все шелковыя да бархатныя муаре д'антикъ; раскроютъ передо мною всѣ свои коробки съ своими драгоцѣнностями: брошки и браслеты все золотыя съ брильянтами.... Я только ахаю, а онѣ изволятъ улыбаться, — даромъ, что вельможа такая, а предобрѣйшаго сердца!... А ихный супругъ, ихъ превосходительство Александръ Егорычъ, — я по гробъ не забуду ихнихъ благодѣяній, потому что черезъ ихъ особу я нѣсколько разъ получала изъ комитетовъ пособія, — самыхъ добродѣтельныхъ правилъ и такіе они изъ себя видные, полные, — двѣ звѣзды на фракѣ такъ и сіяютъ... какъ идутъ въ публикѣ, такъ, кажется, передъ ними все преклоняется.... Безъ та-

кихъ благодѣтелей — что бы я стала дѣлать въ моемъ сиротскомъ положеніи? сами вы разсудите....

И пойдетъ, и пойдетъ, и все на одну ноту. Ужь если не перебьешь, ни за что не остановится....

Годы шли; дочь надворнаго совѣтника перестала видѣть однимъ глазомъ, лицо ея съ каждымъ годомъ все болѣе съёживалось отъ морщинъ, руки начинали дрожать, но языкъ дѣйствовалъ все такъ же исправно, и всякій разъ, когда она заходила ко мнѣ — непремѣнно выступали на сцену вельможи разные: — и полковница Иванова, и генеральша Сысалова съ супругомъ, и другіе ея благодѣтельницы и благодѣтили....

Однажды я слышу изъ передней несется какой-то монотонный звукъ, точно какъ будто кто-то читаетъ надъ покойникомъ.

Я сталъ прислушиваться.

— Вотъ вы конечно, тянулъ голосъ:—любезный мой, не знаете меня; вѣрно вы недавно, а тотъ человѣкъ, что былъ прежде, очень хорошо зналъ меня, и впускалъ завсегда къ барину безъ докладу, потому что я барина знаю съ дѣтства: на рукахъ его носила и игрушки ему изъ картъ вырѣзывала, и ужь мнѣ никогда отказу ни въ какихъ домахъ нѣтъ, куды я вхожа. Вотъ хоть бы теперь у генеральши Сысаловой — швейцаръ Ѳедоръ....

— А-а! милости прошу, милости прошу! закричалъ я.

Дочь надворнаго совѣтника вошла ко мнѣ съ низкими поклонами.

Я велѣлъ подать кофе.

— Если это для меня, то не извольте безпокоиться, — я ужь и безъ того очень чувствую ваше вниманіе, сказала она, присѣдая. — Вотъ на прошлой недѣли, ея превосходительство Надежда Ѳедоровна, генеральша Сысалова, также, когда я къ нимъ пришла....

— А вы имѣете какое нибудь дѣло, перебилъ я:—или такъ пришли навѣстить меня?

Дочь надворнаго совѣтника объяснила мнѣ, что уже она по дряхлости совсѣмъ работать не можетъ; что ея благодѣтельница, полковница Иванова еще не пріѣхала изъ деревни; что генеральша Сысалова и безъ того много ей благодѣтельствовала; что она не смѣетъ теперь безпокоить такую особу; что она задолжала въ лавочку и за квартиру, и два дня сидитъ безъ гроша; что въ такой крайности она подала прошеніе о вспомоществованіи; что теперь все зависитъ отъ ревизора, котораго назначутъ; что такъ какъ я имѣю знакомства со всѣми вельможами, то вѣроятно знаю членовъ и ревизоровъ благотворительнаго общества, которому она подала просьбу, и могу попросить ихъ за нее.

Я обѣщалъ ей узнать, что сдѣлалось съ ея просьбой и похлопотать, чтобы она была принята во вниманіе.

На другой день я отправился къ одному моему знакомому, отецъ котораго находится въ близкихъ сношеніяхъ съ разными господами, служащими по части человѣколюбія и благотворительности.

Знакомый мой объявилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, что мою бѣдную поручено освидѣтельствовать г. Балясникову и далъ мнѣ его адресъ.

Я тотчасъ же отправился къ этому господину.

Г. Балясниковъ принялъ меня необыкновенно привѣтливо. Это былъ человѣкъ лѣтъ 45, средняго роста, съ полнымъ и румянымъ лицомъ, съ значительною лысиною, съ вкрадчивыми и маслянистыми карими глазами, въ виц-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ. Въ его походкѣ и во всѣхъ его манерахъ и движеніяхъ было что-то необычайно-кроткое, мягкое, бархатное. Слушая его, я въ первый разъ понялъ выраженіе: *медоточивыя уста*... Дѣйствительно, казалось, медъ лился изъ устъ его, и въ эти мгновенія глаза его принимали столь же сладкое выраженіе, какъ и уста.

— Какое счастливое обстоятельство, сказалъ онъ мнѣ, взявъ меня за обѣ руки и сжимая ихъ: — даетъ мнѣ пріятный поводъ имѣть честь и удовольствіе познакомиться съ вами! Это было всегда моимъ искреннимъ желаніемъ. Не будучи лично знакомъ съ вами, я уже зналъ васъ — любилъ и уважалъ...

Чиновникъ-благотворитель говорилъ такъ вкрадчиво и сладко, что я даже почувствовалъ сладость на своихъ губахъ и невольно сталъ облизываться, смотря на него.

Я объяснилъ ему, въ чемъ состоитъ моя просьба, и описалъ яркими красками бѣдственное положеніе полуслѣпой старой дочери надворнаго совѣтника.

Онъ слушалъ меня съ величайшею внимательностію, смотря прямо мнѣ въ глаза съ чувствомъ. Когда я кончилъ, онъ опять взялъ меня за обѣ руки и, пожимая ихъ, произнесъ:

— Моя искренняя къ вамъ симпатія и то глубокое чувство уваженія, которое я питалъ къ вамъ, еще не имѣя удовольствія быть съ вами лично знакомымъ, послѣ всего того, что я выслушалъ отъ васъ въ сію минуту, еще болѣе укрѣпились. Принимая такое горячее участіе въ участи этой бѣдной и достойной дѣвицы, вы обнаружили то высокое чувство христіанскаго милосердія и человѣколюбія, которое, къ сожалѣнію, въ наше время становится рѣдкостію....

Благотворитель при послѣднихъ словахъ помоталъ головою, вздохнулъ, возвелъ очи къ потолку и объяснилъ мнѣ, что бѣдственное положеніе этой дѣвицы ему извѣстно, что хотя по прави-

ламъ общества она и не имѣетъ права на пособіе, ибо еще не прошло года, какъ ей выдано небольшое единовременное пособіе отъ общества; но, принимая въ уваженіе мое ходатайство объ ней, онъ съ своей стороны употребитъ всѣ мѣры, чтобы ей не было отказано въ ея просьбѣ и тотчасъ увѣдомитъ меня о резолюціи комитета общества. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что онъ всякій день благодаритъ Бога за то, что на его долю выпали такія служебныя обязанности, которыя доставляютъ ему прямой случай исполнять долгъ каждаго истиннаго христіанина — утѣшать бѣдныхъ и страждущихъ и помогать имъ.

Онъ еще разъ вздохнулъ и возвелъ очи къ потолку.

Черезъ недѣлю послѣ этого онъ посѣтилъ меня и, входя въ мою комнату, воскликнулъ растроганнымъ голосомъ и съ слезящимися глазами:

— Я къ вамъ съ радостною вѣстію — и потому вы великодушно простите меня, что я помѣшалъ вашимъ занятіямъ. Бѣдной дѣвицѣ, въ которой вы принимаете участіе, назначено въ пособіе 25-ть рублей серебромъ.

Я началъ благодарить его, но онъ перебилъ мои слова, схвативъ меня за руки и произнесъ:

— Бога ради, Бога ради!... я тутъ ничего,—къ тому же это наша священная обязанность, нашъ долгъ....

Онъ довольно долго говорилъ въ этомъ смыслѣ и изъявилъ между прочимъ свою скорбь, что въ наше время замѣчается охлажденіе къ религіи, что многіе, вслѣдствіе этого, забываютъ христіанскія обязанности, предаваясь мірскимъ интересамъ, суетности и тщеславію, гоняясь за ничтожными благами міра сего и мишурными почестями, и забывая, что мы всѣ здѣсь — гости....

Рѣчь его лилась съ удивительною плавностію, съ возвышеніями и пониженіями въ голосѣ, съ лицомъ то просвѣтленнымъ радостію, то выражавшемъ скорбь, смотря по переходамъ рѣчи.

Достойный благотворитель какъ-то ласкалъ и успокоивалъ мой слухъ и зрѣніе.

Въ стары годы (въ концѣ 30 и 40-хъ годовъ) въ литературѣ нашей было въ большомъ ходу прилагательное: *элейный* (отъ элея), теперь совсѣмъ вышедшее изъ употребленія.

Глядя на благотворителя, я невольно думалъ:

«Какая *элейная* натура!»

Я передалъ моему знакомому, указавшему мнѣ на него, то пріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня г. Балясниковъ.

Знакомый мой засмѣялся.

— Вы шутите? сказалъ онъ.

— Нимало, отвѣчалъ я: — право, онъ премилый, и сладкой такой!

— Не вѣрьте этимъ сладенькимъ человѣчкамъ, возразилъ мнѣ мой знакомый. — Эта мягкость, сладость, человѣколюбіе, состраданіе, взоры, поднятые къ небесамъ, или смиренно опущенные долу — все это лицемѣріе.... Выслушайте маленькую біографію этого господина, и судите.

Онъ опредѣленъ на службу по ходатайству какой-то особы, изъ второстепенныхъ, и остался незамѣченнымъ, но начальникъ его, обратилъ, говорятъ, вскорѣ на него особенное вниманіе, — не потому, чтобы онъ обнаруживалъ какія нибудь способности по службѣ, но потому, что постоянно находилъ его каждый праздникъ, каждое воскресенье и каждый табельный день въ церкви усердно молящагося. Онъ приблизилъ его къ себѣ, сталъ приглашать въ свой домъ. Черезъ нѣсколько времени богомольный юноша сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ своего начальника. Онъ исполнялъ всѣ порученія генеральши съ аккуратностію, бѣгалъ по городу, высуня языкъ, а по вечерамъ читалъ ей назидательныя книги. Служебная карьера его такимъ образомъ шла очень удачно. Генеральша мечтала даже, говорятъ, отдать свою дочку за него, послѣ того, какъ онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника; но за дочкой родители много дать не могли, — это очень хорошо зналъ благочестивый чиновникъ, — а въ это время какая-то богомольная вдова, съ пятьюдесятью тысячами капитала, съ нарумяненными щеками и насурмленными бровями, удостоила его своимъ особеннымъ вниманіемъ и благосклонностью, придя въ восторгъ отъ его благочестія. Онъ и вдовѣ сталъ читать назидательныя книжки, и черезъ полгода послѣ знакомства съ нею—получилъ полную и неограниченную довѣренность на управленіе ея дѣлами. Года черезъ два послѣ этого вдовѣ угрожала тюрьма, — какимъ образомъ это случилось, я не знаю, — но дѣло въ томъ, что она умерла отъ нервическаго удара, а благочестивый чиновникъ, читавшій ей назидательныя книжки, вскорѣ послѣ ея смерти положилъ въ какое-то кредитное постановленіе пятьдесятъ тысячъ рублей на свое имя. Онъ, говорятъ, по-маленьку, но въ тихомолку, занимался разными мелкими коммерческими аферами, пробовалъ пускать деньги въ ростъ за большіе проценты и подъ залогъ.

Этотъ сладенькій господинъ неумолимъ, страшенъ, если чуть кто нибудь прикоснется къ его интересамъ. Я увѣренъ, что онъ не пощадилъ бы ни отца, ни мать, и повелъ бы ихъ въ тюрьму, целуя,

впрочемъ, ихъ руки и проповѣдуя, что страдающимъ *здѣсь*, на землѣ, будетъ хорошо *тамъ*!

Его служебныя дѣла шли бы отлично, теперь бы онъ вѣроятно и черезъ плечо имѣлъ. Начальникъ его давно уже повышенъ и продолжалъ его протежировать, да одно обстоятельство вдругъ на время пріостановило его карьеру.

Въ одно прекрасное утро является къ его превосходительству, занимавшему уже должность высокопревосходительную, — просительница, очень хорошенькая и молоденькая. Генералъ взглянулъ на нее изъ-подлобья, украдкой (смотрѣть прямо на молодыхъ женщинъ онъ считалъ грѣхомъ), потупилъ глаза въ землю и произнесъ:

— Что вамъ угодно, сударыня?

Просительница объявляетъ ему, что она дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, сирота; что она, по неопытности, была увлечена его подчиненнымъ, который далъ ей клятву передъ *маменькинымъ благословеніемъ* жениться на ней; что онъ обѣщалъ обезпечить ее, а потомъ бросилъ и оставилъ безъ всякаго пропитанія.

Его превосходительство, слушая это, все болѣе и болѣе потуплялъ глаза въ землю и блѣднѣлъ.

— Не можетъ быть, сударыня, произнесъ онъ наконецъ задыхающимся голосомъ: — у меня такихъ безнравственныхъ подчиненныхъ быть не можетъ.... Вы ошибаетесь.... Какъ фамилія этого господина?

Просительница произнесла имя и фамилію благочестиваго фаворита его превосходительства.

Генералъ съ ужасомъ отступилъ отъ нее на два шага.

— Вы клевещете, сударыня, сказалъ онъ: — господинъ этотъ дѣйствительно служитъ подъ моимъ начальствомъ, но это образецъ нравственнаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный чиновникъ, и я считаю за честь имѣть у себя такого рода подчиненныхъ. Что заставило васъ, сударыня, клеветать на такого человѣка? Знаете ли вы, что это великій грѣхъ?

— Я, ваше превосходительство, не клевещу, — вотъ его письмо ко мнѣ.

И она подала ему пачку писемъ, связанныхъ розовой ленточкой.

Генералъ дрожащею рукою взялъ эту пачку, развязалъ ихъ и бросилъ взглядъ на первое попавшееся ему письмо. Онъ узналъ дѣйствительно почеркъ своего подчиненнаго фаворита и прочелъ:

«Ангелъ мой, Клавдія Прохоровна, — я смѣло могу назвать васъ этимъ именемъ, которое никогда не произношу всуе, ибо дѣйствительно на землѣ я не встрѣчалъ подобнаго вамъ существа. Моя пламенная любовь къ вамъ....»

У его превосходительства выпала вся пачка изъ рукъ, онъ облокотился о столъ, отодвинулъ отъ себя съ негодованіемъ эти грѣховныя посланія и произнесъ:

— Хорошо, сударыня, хорошо; оставьте у меня эти документы. Вы получите удовлетвореніе.

Какое объясненіе происходило послѣ этого между начальникомъ и подчиненнымъ — я не знаю; но вѣроятно было любопытное объясненіе. Дѣло въ томъ, что жертва соблазна отъ своего соблазнителя получила 1,000 р. с., а соблазнитель подвергся строгой опалѣ начальника....

Нѣсколько лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу, онъ никуда не показывался. Его превосходительство забылъ уже о его существованіи, какъ вдругъ однажды докладываютъ ему, что пришелъ г. Балясниковъ и проситъ позволенія видѣть его.

Генералъ нахмурился, однако велѣлъ его позвать.

Преступникъ вошелъ неслышными шагами и молча остановился у письменнаго стола его превосходительства, не переводя дыханіе. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, волосы его были подстрижены подъ гребенку. Когда начальникъ поднялъ на него глаза, онъ потупилъ свои и не произносилъ ни слова.

— Вы вѣрно были нездоровы, сказалъ генералъ довольно мягкимъ голосомъ: — вы очень измѣнились.

— Я страдаю болѣе душою, чѣмъ тѣломъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ онъ слабымъ и смиреннымъ голосомъ: — но ни постъ, ни покаяніе, ни молитвы не помогаютъ грѣшному.... Теперь я твердо рѣшился отправиться въ Іерусалимъ и тамъ повергнуться въ прахъ передъ гробомъ нашего Искупителя. Одинъ онъ, милосердный, можетъ снять съ меня мой тяжкій грѣхъ и послать миръ душѣ моей. — Я пришелъ униженно просить ваше высокопревосходительство о томъ, чтобы вы великодушно простили меня и напутствовали меня вашимъ благословеніемъ. Просьбу объ отставкѣ я уже приготовилъ.

Генералъ былъ видимо тронутъ этою рѣчью, и когда кающійся подчиненный окончилъ ее, его превосходительство утеръ слезу и заключилъ его въ свои объятія.

— Отнынѣ все забыто, произнесъ онъ съ глубокимъ чувствомъ: — Господь да благословитъ ваше предпріятіе. Оно внушено вамъ свыше...,

Его превосходительство посадилъ его возлѣ себя и началъ распрашивать, имѣетъ ли онъ денежныя средства для такого дальняго пути?

Кающійся чиновникъ имѣлъ 50 т. р. вдовьяго капитала, да оборо-

тами пріобрѣлъ себѣ домикъ; но онъ умолчалъ объ этомъ и отвѣчалъ, что собралъ кое-какія крохи усиленной экономіей и, кромѣ того, намѣренъ продать свою движимость.

Его превосходительство объявилъ ему, что онъ объ отставкѣ его и слышать не хочетъ, и назначилъ еще ему на его путешествіе значительное денежное пособіе изъ *остаточныхъ* суммъ.

Черезъ годъ, кающійся чиновникъ возвратился въ Петербургъ...

Это путешествіе совершенно возстановило его репутацію. Онъ считается теперь самымъ добродѣтельнымъ и благочестивымъ человѣкомъ въ кругу весьма почетныхъ особъ. Если нѣкоторые либералы и неблагонамѣренныя лица называютъ его лицемѣромъ, или еще чѣмъ нибудь хуже, то онъ на это не обращаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что мнѣніе о немъ такихъ людей еще способствуетъ его карьерѣ....

Я ни за что не повѣрю, чтобы этотъ господинъ произвелъ на васъ хорошее впечатлѣніе.... На меня по крайней мѣрѣ наводятъ тоску эти лицемѣрныя физіономіи, подъ наружнымъ благочестіемъ, кротостію и сладостію скрывающія всевозможные пороки.

— Не нападайте слишкомъ на лицемѣровъ, возразилъ я: — всѣ мы, батюшка, болѣе или менѣе лицемѣры; лицемѣріе въѣлось въ насъ съ дѣтства и обратилось во вторую нашу натуру. Лицемѣріе еще въ такомъ ходу, что если бы между нами нашелся человѣкъ совершенно правдивый и открытый, непроизнесшій ни разу лицемѣрнаго слова, никогда не прибѣгавшій къ лицемѣрному поступку, участь такого героя была бы незавидна.... Старое, отживающее общество — все зданіе свое поддерживаетъ на лицемѣріи. И мы.... мы нападающіе такъ на лицемѣріе, безпрестанно лицемѣримъ сознательно, чувствуемъ гадость этого — и оттого безпрестанно находимся въ разладѣ съ самими собою. Открытая борьба здраваго смысла и правды съ лицемѣріемъ только-что началась; нѣтъ сомнѣнія, что правда восторжествуетъ, но намъ не дождаться конца этой борьбы....

Положимъ, что г. Балясниковъ — лицемѣръ; я противъ этого спорить не буду; но мнѣ кажется не на этого ничтожнаго червяка надо поднимать камень. Въ обществѣ, которое бы было основано на здравомъ смыслѣ и правдѣ, г. Балясниковъ, повѣрьте, былъ бы весьма порядочнымъ человѣкомъ. Если бы ему не было *выгоды* ханжить и лицемѣрить, онъ непремѣнно стоялъ бы за правду и здравый смыслъ....

По поводу современнаго лицемѣрія и современныхъ лицемѣровъ можно написать много любопытнаго; но это предметъ серьёзный и совсѣмъ не для бѣглыхъ замѣтокъ; я только вскользь коснулся

его и перехожу къ лѣтописи петербургской жизни за октябрь и половину ноября....

Въ прошломъ мѣсяцѣ я упомянулъ о дебютѣ г. Кравцова. Онъ появлялся на сценѣ, передъ самымъ закрытіемъ театровъ, два раза въ ролѣ «Отелло». Фельетонисты, жадные до новостей, обрадовались случаю поднять единодушный гвалтъ о талантѣ г. Кравцовѣ, подстрекаемые конечно отчасти патріотическимъ чувствомъ. — «Какая новость! какая удивительная и отрадная новость! кричали они наперерывъ другъ передъ другомъ. — Нашъ русскій — и притомъ великій теноръ, не уступающій ни въ чемъ Тамберлику и даже съ его ut-diez!»... *Надѣлала синица шуму, а море не зажгла*.... Г. Кравцовъ при первомъ появленіи принятъ былъ публикою, не слыхавшею его голоса, съ единодушными рукоплесканіями; но послѣ его пѣнія слушатели начали посматривать другъ на друга въ недоумѣніи... «Что это?» спрашивали они, улыбаясь:—«мистификація? шутка?... Но развѣ позволительно такъ шутить съ публикою? Шутка—даже можетъ-быть очень забавная съ двумя-тремя пріятелями; распространенная на всю публику — называется уже не шуткою, а неумѣстною дерзостію.... И дебютировать еще въ «Отелло» послѣ Тамберлика!»... Г. Кравцовъ поступилъ дѣйствительно очень неосторожно: довольно было одной неудачной пробы и повторять ее не слѣдовало. Свой ut-diez г. Кравцовъ, какъ замѣтилъ одинъ фельетонистъ, потерялъ на дорогѣ изъ Парижа въ Петербургъ. Мы слышали, что онъ оставляетъ петербургскую сцену и отправляется въ Москву пробовать счастья. Намъ жаль г. Кравцова, а едва ли и въ Москвѣ увѣнчается успѣхомъ его рѣшимость продолжать свои сценическіе дебюты.

Съ 20 октября по 10 ноября театры были закрыты. Въ четвергъ, 10 ноября, въ театрѣ-циркѣ, противъ Александринскаго театра, артисты труппы цирка давали конное представленіе, и въ тотъ же день на Маріинскомъ театрѣ данъ былъ большой концертъ, въ которомъ участвовали между прочимъ почти всѣ первые артисты итальянской труппы. Собственно спектакли откроются 2 декабря; г-жа Ристори пріѣдетъ въ Петербургъ къ ихъ открытію; говорятъ, ее секретарь уже здѣсь; піесы ея репертуара печатаются уже въ подстрочномъ русскомъ переводѣ.

Выставка сельскаго хозяйства закрыта. По случаю закрытія ея (мы это узнали только изъ «Иллюстраціи») данъ былъ 27 октября обѣдъ по подпискѣ, въ которомъ принимали участіе экспоненты безъ различія сословій и званій, нѣкоторые литераторы и профессоры; всего было человѣкъ 50. Обѣдъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь, на ряду съ людьми чиновными, учеными и воен-

ными, сидѣли и простые русскіе мужички. Рѣчи говорили между прочими: гг. Мельниковъ, Киттары, Желѣзновъ и Клокачевъ (изобрѣтатель Невской воды).

Императорская академія художествъ напечатала свой отчетъ. Изъ него мы узнаемъ, между прочимъ, что на основаніи новаго устава съ января 1860 г. открытъ въ академіи дополнительный курсъ наукъ, въ примѣненіи къ искусствамъ; что это нововведеніе было принято учениками съ сочувствіемъ, и лекціи постоянно были полны слушателями.

«Какъ изъ прежнихъ, такъ и изъ принятыхъ по новому положенію учениковъ не было ни одного, который могъ бы поступить прямо во 2-е или въ 3-е отдѣленіе, или по недостатку познаній, или по возрасту, недопускающему принимать старше 20 лѣтъ въ число учениковъ академіи. При такихъ обстоятельствахъ можно было открыть курсъ только для перваго отдѣленія, въ которое поступили 44 ученика, и несмотря на то, что, отъ января до каникулъ, оставалось времени немного, преподаваніе наукъ шло такъ успѣшно, что въ іюнѣ можно было сдѣлать первый переводный экзаменъ, по которому 25 учениковъ были переведены во второе отдѣленіе. Третье отдѣленіе будетъ открыто съ будущаго года, такъ что, въ 1861 году, академическій курсъ будетъ преподаваться разомъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ и затѣмъ послѣдуетъ первый выпускъ учениковъ, по новому положенію. Въ настоящее время занятія по классамъ распредѣлены такъ, что 18 часовъ въ недѣлю назначены для слушанія лекцій, а 30 часовъ для занятій художественныхъ. На посѣщеніе академическихъ классовъ было выдано 464 билета. Для академическаго музея и библіотеки сдѣлано пріобрѣтеній на сумму 1,150 руб. 85 коп.; съ нынѣшняго же года приступлено къ устройству академической библіотеки для чтенія, которая и открыта для желающихъ ею пользоваться. Для изученія костюма, предположено устроить особый костюмный классъ, гдѣ ученики могли бы найти всѣ данныя для обстановки эскизовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучались схватывать съ натуры характеръ костюма и нѣкоторымъ образомъ изучали самую его исторію. Съ наступающимъ годомъ, имѣющіеся уже въ академіи костюмы будутъ дополнены, и къ нимъ перейдутъ нѣкоторыя вещи и оружіе, хранящіяся въ академическомъ музеѣ. Съ открытіемъ лекцій 2-го отдѣленія, въ наступающемъ году открыта будетъ каѳедра химіи и физики въ приложеніи къ строительному искусству.

«Въ настоящемъ году первой золотой медали удостоены: гг. Поповъ и Кеппель за архитектурные проекты *Биржи* съ пакгаузами, гаванью, таможнею и пр., Лаверецкій и Каменскій за барельефы,

«Возвращеніе Регула въ Карѳагенъ»; Карнѣевъ за картину «Общество трезвости», Поповъ за картину «Складъ чая въ Китаѣ», Шишкинъ за два вида на островѣ Валаамѣ, и г. Волковъ за картину «Прерванный бракъ» получилъ золотую медаль, установленную за экспрессію.»

Кстати о художникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сходятся въ извѣстные дни въ залахъ рисовальнаго училища, съ цѣлію заниматься рисованіемъ въ пользу бѣдныхъ художниковъ. Съ рисунковъ снимаются хромолитографированныя копіи, которыя и поступаютъ въ продажу. Первый выпускъ этого изданія, подъ заглавіемъ: «Русскіе художники», уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе рисунки: «Грекъ» г. И. Соколова, «Кавказскій видъ» г. Ѳ. Львова, «Крестьянскія сани» г. Сверчкова и «Фальстафъ» г. Зичи. Копіи съ рисунковъ этихъ талантливыхъ художниковъ сдѣланы въ литографіяхъ гг. Беттрова и Брезе. Вслѣдъ за первымъ выпускомъ появится второй, состоящій изъ произведеній: Айвазовскаго, Микешина, Трутовскаго и князя Максутова. Цѣна очень не дорогая: за четыре рисунка большаго формата г. Беттровъ беретъ только 5 р. сер.»

Въ залѣ постоянной выставки находилось въ послѣднее время много замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ художниковъ (Тройона, Месонье, Розы Бонёръ) и между прочимъ знаменитая картина Поль Делароша: *Кромвель у гроба Карла I* (принадлежащая графу Н. А. Кушелеву-Безбородко). Въ этой картинѣ художественная простота доведена до высочайшаго совершенства. Въ цѣломъ и въ деталяхъ все полно въ этой картинѣ глубины и строгой правды. Недурно, если бы наши историческіе живописцы (ихъ впрочемъ не много), гоняющіеся, послѣ Брюллова, за блескомъ и эффектами, за вычурностію и искуственностію второстепенныхъ французскихъ художниковъ, — призадумались надъ этой картиной Поль Делароша....

Академія художествъ учредила византійскій музей. Вотъ что говорятъ объ этомъ учрежденіи въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

«Настоящее помѣщеніе византійскаго музея въ одномъ изъ флигелей академіи, вѣроятно, только временное: собранные тутъ предметы выставлены такъ, что одни изъ нихъ висятъ слишкомъ высоко, даже для невооруженнаго глаза, другіе скрыты въ шкафахъ: какъ тѣ, такъ и другіе, равно недоступны для простаго, непривилегированнаго посѣтителя. Къ первому разряду относятся иконы, ко второму слѣпки Эронделева общества и фотографіи, хранимые въ портфеляхъ. Собраніе древне-русскихъ иконъ, принадлежавшихъ первоначально нынѣ закрытымъ старообрядческимъ скитамъ, поступило въ академію художествъ изъ министерства внутреннихъ

дѣлъ: оно очень многочисленно и нѣкоторыя изъ находящихся тутъ иконъ замѣчательны, какъ по изображеніямъ на нихъ, такъ и по исполненію. Здѣсь скрыты богатые матеріалы не только для исторіи древне-русской живописи, но и для иконографіи, науки, къ обработкѣ которой у насъ почти еще не приступали. Другую важную часть византійскаго музея составляютъ художественные результаты путешествія г. Севастьянова на Аѳонскую гору, которые были публично выставлены въ залахъ синода. Въ составъ византійскаго музея вошли еще рисунки съ фресковъ церквей Аѳонской горы, сдѣланные французскимъ художникомъ Доменикомъ Папети, любопытный образчикъ того, какъ карандашъ этого художника умѣлъ придавать византійскимъ фрескамъ совершенно-новомодный, французскій характеръ и въ позѣ и въ выраженіи лицъ. Интересно, далѣе, богатое собраніе фотографій, отчасти раскрашенныхъ, съ замѣчательнѣйшихъ миніатюръ византійскихъ рукописей, хранящихся въ Парижѣ,—тѣмъ болѣе интересно, что представляетъ послѣдовательную картину развитія византійской живописи, начиная съ IX вѣка, и къ тому же описано профессоромъ Ваагеномъ. Замѣчательны также копіи съ грузинскихъ миніатюръ. Сверхъ всего этого есть въ музеѣ отдѣльныя копіи, въ малыхъ размѣрахъ, съ разныхъ фресковъ, мозаикъ, фотографій съ средневѣковыхъ скульптуръ и т. д. Въ музеѣ собраны произведенія, какъ византійскихъ, такъ и западныхъ художниковъ древне-христіанской и романской эпохи.»

Императорская публичная библіотека закрыта для публики съ 10 мая нынѣшняго года. Причина этому — постройка новой залы для чтенія. Прежняя читальная зала сдѣлалась тѣсна для посѣтителей. Съ сооруженіемъ новой залы, входъ для публики откроется съ Александринской площади. Новая зала будетъ въ бельэтажѣ. Она будетъ свѣтла и просторна. Большія окна залы съ желѣзными переплетами, не отнимающими свѣта, выходятъ на дворъ. Въ залѣ не будетъ слышно стука экипажей и уличнаго шума — и еще для большей тишины полъ залы будетъ устланъ гутта-перчевымъ ковромъ; двери будутъ безъ замковъ.

Въ залѣ этой будутъ находиться энциклопедіи, словари по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, спеціальные журналы, записки разныхъ ученыхъ обществъ, библіографическія пособія и всѣ книги, касающіяся современныхъ и общихъ всѣмъ вопросовъ. Дежурные будутъ выдавать ихъ по словеснымъ требованіямъ каждаго посѣтителя. Для разсматриванія рукописей и рѣдкихъ книгъ будетъ устроенъ особый комитетъ. Художники, которымъ необходимо для занятій хорошее освѣщеніе, будутъ имѣть также особое помѣщеніе.

Въ нижнемъ этажѣ новаго строенія будетъ устроенъ кабинетъ

директора, канцелярія, касса и регистратура. Въ подвалѣ помѣстятся переплетныя мастерскія.

Работы въ библіотекѣ начались весною. Старая парадная лѣстница сломана. Въ теченіе рабочаго времени нынѣшняго года вбито 700 свай, сдѣланъ фундаментъ, возведено строеніе до 10 саженъ вышины и покрыто желѣзомъ; внутри строенія сведены нижніе своды. Будущей весной устроенъ будетъ большой сводъ надъ залою. Къ осени все строеніе будетъ оштукатурено внутри, а весною 1862 г. все новое строеніе будетъ окончательно готово.

Мы говорили когда-то объ учрежденіи *общества для улучшенія помѣщенія рабочаго класса.*

Изъ отчета этого общества мы узнаемъ:

«Правленіе общества поручило архитектору своему г. Гану произвесть постройку дома хозяйственнымъ образомъ, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы заготовка матеріаловъ и наемъ рабочихъ были предоставлены въ полное его распоряженіе, но чтобы онъ не выходилъ изъ назначенной, по составленной на эту постройку сметѣ, суммы 153,541 р. 30 к:, а съ устройствомъ лѣсовъ, временныхъ сараевъ, заборовъ и прочихъ необходимыхъ принадлежностей, 161,218 р. 30 к.; во-вторыхъ, чтобы ему за труды и наемъ себѣ помощниковъ и десятниковъ было выдано 5% съ употребленнаго на постройку дома капитала; въ-третьихъ, чтобы всѣ остатки, какіе оказаться могутъ отъ сметнаго назначенія, были обращены въ пользу общества, съ выдачею г. Гану, за это сбереженіе, особаго вознагражденія, по усмотрѣнію правленія и, въ-четвертыхъ, чтобы выдача ему денегъ на расходы по постройкѣ производилась еженедѣльно, по мѣрѣ производства работъ и согласно его требованіямъ и представляемымъ счетамъ, разсмотрѣннымъ правленіемъ. Г. архитекторъ Ганъ, послѣ означеннаго постановленія правленія, немедленно приступилъ къ очисткѣ мѣста, назначеннаго подъ постройку дома, къ обнесенію его временнымъ заборомъ на всемъ пространствѣ, по обѣимъ улицамъ, Офицерской и Англійскому проспекту, къ разборкѣ всѣхъ находившихся на этомъ мѣстѣ ветхихъ зданій, къ устройству необходимыхъ для архитекторскихъ занятій, для рабочихъ людей и для храненія строительныхъ матеріаловъ временныхъ деревянныхъ строеній и къ выемкѣ земли подъ фундаментъ. Всѣ эти предварительныя работы были кончены въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и за симъ произведена закладка дома. Для безостановочнаго продолженія постройки въ нынѣшнемъ году, правленіе приняло уже надлежащія мѣры. Что касается до состоянія капитала общества, прихода, расхода и прибыли онаго, то въ приходѣ значилось всего 166,564 р. 24 к.; изъ нихъ израсходовано: 43,637 р. 13 к.

«Затѣмъ къ 1 января оставалось всего 122,927 р. 11 к.

«При образцовомъ домѣ будетъ устроена особая теплая прачешная по способу Бульонъ-Миллера, подобная тѣмъ, какія существуютъ за границею, согласно желанію почетной попечительницы этого дома, А. К. Карамзиной, которая, изъявила готовность уступить обществу безвозмездно часть машинъ и прочихъ принадлежностей, выписанныхъ ею изъ-за границы. Плата за отдачу въ наемъ квартиръ въ образцовомъ домѣ предположена правленіемъ, сравнительно съ цѣнами, существующими въ частныхъ домахъ, весьма умѣренная, несмотря на то, что квартиры будутъ представлять болѣе удобствъ и предназначены къ отдачѣ въ наймы съ отопленіемъ, водою и освѣщеніемъ лѣстницъ, а для одинокихъ даже съ прислугою.»

Комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ продолжаетъ съ большимъ успѣхомъ свои благодѣтельныя дѣйствія, поддерживаемыя и поощряемыя сочувствіями всѣхъ просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, я не говорю уже о литераторахъ... Ихъ участіе и сочувствіе къ обществу должно быть еще горячѣе.

Я убѣжденъ, что нѣтъ ни одного литератора, ни одного журналиста, ни одного фельетониста, который бы отъ искренняго сердца не желалъ полнаго успѣха благодѣтельному обществу.,.. Кому изъ насъ можетъ прійти въ голову злонамѣренная мысль набрасывать *тѣнь* на комитетъ *этого общества, или, что еще хуже, оскорблять лица, получающія пособія*, взводить на комитетъ клеветы? и проч. Это невѣроятно!

И потому какъ-то грустно и больно читать въ протоколѣ 26-го засѣданія комитета (4 октября) слѣдующія строки:

«Нѣкоторые изъ членовъ комитета, указавъ на печатаемыя отъ времени до времени въ санктпетербургскихъ періодическихъ изданіяхъ *прямыя и косвенныя порицанія его распоряженій*, возбудили вопросъ: вправѣ ли комитетъ, уполномоченный довѣріемъ общества на управленіе его дѣлами, оставлять такіе отзывы безъ отвѣта и возраженій? По ихъ мнѣнію, порицанія *не только набрасываютъ тѣнь на членовъ комитета, но, что еще хуже, оскорбляютъ лица, получающія пособія отъ общества*; въ протоколахъ комитета они не названы по имени, и потому открывается широкое поле для догадокъ, къ кому изъ нихъ именно относятся печатаемыя противъ комитета обвиненія. Наконецъ, такіе упреки, доводимые до общаго свѣдѣнія и остающіеся безъ отвѣта, вредятъ цѣлому обществу въ мнѣніи иногородныхъ его членовъ и той части публики, *которая непосвящена въ тайны петербургской журналистики и петербургскихъ литературныхъ отношеній*. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обвиненій, остаю-

щихся безъ отвѣта, можетъ *ослабить довѣріе къ дѣлу*, встрѣченному общимъ сочувствіемъ во всей Россіи и заслуживающему, во всей справедливости, полнаго участія.

«*Комитетъ, признавая изложенное мнѣніе, къ сожалѣнію, весьма справедливымъ*, нашелъ, послѣ обсужденія этого дѣла *во всей подробности*, что:

«Во-первыхъ, объясненія съ его стороны были бы совершенно необходимы, еслибъ существовали какіе нибудь, хотя бы только *вѣроятные* признаки, что цѣлое общество или, по крайней мѣрѣ, значительная часть его членовъ не раздѣляетъ взглядовъ комитета и не одобряетъ направленія его дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, комитетъ почелъ бы непремѣнною своею обязанностью и дѣломъ чести немедленно созвать, на основаніи §§ 27 и 42 устава, чрезвычайное собраніе и представить всѣ свои распоряженія на разсмотрѣніе особой ревизіонной коммиссіи, отъ которой и зависѣло бы одобрить или не одобрить его дѣйствія, отъ имени всего общества. *Но пока такихъ признаковъ нѣтъ*, комитетъ не можетъ видѣть въ печатаемыхъ противъ него обвиненіяхъ что либо иное, какъ *выраженіе личныхъ мнѣній и взглядовъ ихъ авторовъ, оправдываться передъ которыми комитетъ не имѣетъ ни основанія, ни обязанности*.

«Во-вторыхъ, комитетъ не имѣетъ никакихъ средствъ къ опроверженію передъ обществомъ и публикой, посредствомъ печати, дѣлаемыхъ ему упрековъ, потому что, для объясненія своихъ дѣйствій, ему было бы необходимо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, назвать лица, которымъ назначены пособія, а этого онъ не вправѣ сдѣлать, въ силу § 29 устава. Сообразивъ все это и имѣя въ виду, что, на основаніи §§ 20, 28 и 42 устава, должна въ скоромъ времени, именно 2-го февраля 1861 года, произойти общая повѣрка всѣхъ дѣйствій комитета, съ самаго его начала, посредствомъ особой ревизіонной коммиссіи, онъ положилъ: *отложить это дѣло до годоваго собранія 2-го февраля 1861 года, и тогда представить свои объясненія означенной коммиссіи, если она признаетъ взводимые на комитетъ обвиненія и упреки заслуживающими уваженія.*»

Къ кому это относится? Кто изъ насъ (я говорю о *санктпетербургскихъ* литераторахъ) *взводилъ* обвиненія, и дѣлалъ прямыя и косвенныя порицанія на распоряженія комитета?...

Да наконецъ, если бы это было и такъ? Что же такое? Развѣ комитетъ общества считаетъ себя неприкосновеннымъ и не погрѣшительнымъ?... Конечно, онъ составленъ изъ весьма почтенныхъ литераторовъ и ученыхъ, пользующихся болѣе или менѣе всеобщимъ уваженіемъ, — но эти литераторы и ученые могутъ, какъ и всѣ простые смертные, дѣлать ошибки. Errare humanum est!... И если въ

какомъ нибудь изъ *санктпетербургскихъ* изданій кто нибудь очень скромно осмѣлился указать на какой нибудь промахъ комитета или на какую нибудь его ошибку, изъ добраго желанія, чтобы комитетъ не впадалъ въ другой разъ въ такія ошибки, — то развѣ можно обвинять того, кто позволилъ себѣ сдѣлать это замѣчаніе, въ злоумышленіи — бросить *тѣнь* на почтенныхъ членовъ комитета, поколебать къ нимъ довѣріе, и такъ далѣе? Справедливо ли со стороны комитета заподозрѣвать его за это въ враждебности къ обществу и намекать по этому поводу на какія-то *тайны петербургской журналистики и на какія-то петербургскія литературныя отношенія?*

Такія подозрѣнія и странные намеки—недостойны столь почтеннаго собранія.

Комитетъ общества, состоящій изъ ученыхъ, литераторовъ и журналистовъ — людей глубоко убѣжденныхъ въ пользѣ гласности, постоянно призывавшихъ эту гласность, всегда энергически ратовавшихъ за нее — не можетъ и не долженъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, обижаться и оскорбляться за какое нибудь замѣчаніе о его неправильномъ дѣйствіи, или за намекъ на его ошибку. Литераторы и журналисты, смѣло обличающіе ошибки и промахи другихъ, должны бы, казалось, съ большимъ хладнокровіемъ принимать дѣлаемыя имъ замѣчанія справедливыя, или даже несправедливыя, во имя той гласности, о которой они такъ краснорѣчиво проповѣдывали всю жизнь.... Иначе, простые смертные, подвергавшіеся ихъ обличеніямъ, могутъ сказать имъ: «Что же это такое, господа? Какой примѣръ подаете вы намъ — вы герои гласности, вы неумолимые изобличители и каратели нашихъ заблужденій, увлеченій, промаховъ и злоупотребленій? — Къ намъ — вы безпощадно примѣняете вашу гласность, а чуть она коснется до васъ — вы сейчасъ приходите въ раздраженіе и сердитесь за то, что вамъ осмѣливаются замѣчать ваши небольшія ошибки? Гласность должна быть одинаково примѣняема — къ дѣйствіямъ геніальныхъ, ученыхъ и простыхъ людей.... Себя вы должны прежде всего подчинить ея контролю. — Въ противномъ случаѣ мы, простые смертные, можемъ подумать, что всѣ ваши крики о гласности, ваши панегирики ей, были только звонкія фразы, риторическія упражненія на извѣстную тему.... Не гуманно желать другимъ то, чего себѣ не желаешь, — невеликодушно подвергать контролю всѣхъ, исключая самихъ себя»....

Вышеприведенный нами пунктъ изъ протокола комитета, 4 октября, написанъ столь раздражительнымъ тономъ, что читая его, невольно хочется сказать: «милостивые государи, вы сердитесь, слѣдовательно вы *не совсѣмъ* правы»....

Если такому раздраженію комитета способствовалъ отчасти и я

моей невинной заметкой о 500 р. («Совр». августъ—1860 г. стр. 318 и 319), выданныхъ одному известному литератору, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ, то мнѣ это очень больно.

Цѣль моей замѣтки была совершенно благонамѣренная: предостеречь комитетъ отъ нашествія на него тѣхъ *широкихъ* литературныхъ *натуръ*, которыя вѣчно находятся *въ временно стѣсненномъ положеніи*. Я сказалъ въ заключеніе моей замѣтки слѣдующее:

«Мы убѣждены въ разумномъ распоряженіи комитета ввѣренными ему суммами на вспомоществованіе истинно нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и никакъ не полагаемъ, чтобы *русскій литераторъ, пріобрѣвшій всеобщее уваженіе* и получившій отъ комитета 500 р., походилъ сколько нибудь на ту широкую натуру, которую мы изобразили»....

Тогда я только не полагалъ этого, а теперь *я твердо убѣжденъ* въ томъ, что эти 500 р. — получили прекрасное назначеніе и служили помощью литератору пользующемуся *дѣйствительно* всеобщимъ уваженіемъ.

«Примѣръ этотъ» (говорилъ *я* далѣе, намекая *на широкую натуру*) мы привели только на всякій случай (то есть, на тотъ случай, прибавлю *я* теперь, чтобы комитетъ не впалъ въ ошибку, вздумавъ помогать такимъ натурамъ). Благотворительность должна быть осмотрительна и не поощрять распущенности и безпутства, какими бы краснорѣчивыми фразами она ни оправдывала себя».

Скажите, Бога ради, неужели въ этихъ словахъ видно *посягательство на подрывъ довѣрія* къ комитету, желаніе *бросить на него тѣнь, взводить* на него обвиненія и упреки, *косвенно порицать* его и *оскорблять лица, получающія отъ него пособія*?...

Изъ чего столько толковъ и шуму? Къ чему эти намеки на какія-то *тайны петербургской журналистики и петербургскихъ литературныхъ партій*?...

Какія это тайны?

Къ числу членовъ комитета принадлежатъ, между прочимъ, и нѣкоторые *санктпетербургскіе* журналисты. Не объяснятъ ли они намъ, что разумѣетъ комитетъ подъ этими странными словами — *тайны журналистики*?

Что касается до насъ, — мы не принадлежимъ ни къ какой литературной партіи и одинаково сочувствуемъ всѣмъ безкорыстнымъ, и проникнутымъ честными убѣжденіями литературнымъ дѣятелямъ; но если бы мы и принадлежали къ какой нибудь партіи, враждебной по чему то ни было литературнымъ членамъ комитета, — то изъ нашей личной вражды къ нимъ—никогда бы не рѣшились *вредить* обществу, къ цѣли котораго питаемъ искреннее, горячее сочувствіе.

Мы ужь кстати рѣшаемся сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе относительно недопущенія комитетомъ до балотировки нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ поступить въ члены общества.... Комитетъ вполнѣ убѣжденъ, какъ мы видѣли, что между имъ и цѣлымъ обществомъ, или значительною частью его членовъ, существуетъ полная гармонія, и что это большинство вполнѣ одобряетъ направленія его дѣятельности. Мы нисколько не сомнѣваемся въ этомъ, но можемъ въ тоже время увѣрить комитетъ, что многіе изъ членовъ общества находятъ, что такія забалотировки комитета не совсѣмъ удобны для общества, которое имѣетъ единственною цѣлію — благотворительность. Чѣмъ болѣе будетъ желающихъ поступить въ члены общества, тѣмъ лучше; умноженіе членовъ будетъ способствовать приращенію средствъ общества и расширенію его дѣятельности. Какое дѣло комитету входить въ разсмотрѣніе чьей-либо нравственности? Кто бы я ни былъ, я даю деньги, я хочу благотворить — и этого довольно.

Предположимъ, что я человѣкъ безнравственный, не имѣющій никакихъ убѣжденій, всю жизнь вертѣвшійся какъ флюгеръ, надувавшій и обманывавшій честныхъ людей, укравшій значительный капиталъ у моего благодѣтеля на смертномъ одрѣ, или — загрубѣлый помѣщикъ, упорный въ моихъ феодальныхъ правахъ, какъ г. Бланкъ, гордый моимъ древнимъ родомъ, какъ магистръ Н. Безобразовъ, или наконецъ — журналистъ-спекуляторъ, выжимавшій сокъ изъ своихъ сотрудниковъ, доводившій ихъ жизненныя силы до истощенія, тайно богатѣвшій ихъ трудомъ, а явно прикидывавшійся нищимъ передъ ними, чтобы отдѣлываться отъ нихъ грошами, и ханжившій передъ разными откупщиками-евреями и христіанами, *для того, чтобы они снабжали меня значительными суммами не изъ корыстныхъ видовъ, какъ говорятъ они, а единственно изъ благороднаго влеченія способствовать моимъ успѣхамъ на литературномъ поприщѣ*.... (См. «Русскій Инвалидъ» 1860 г. № 150, среда, 10 іюля, стр. 566. Статья «Голосъ изъ среды откупной»).... и такъ далѣе, и такъ далѣе....

Какое дѣло комитету общества до всего этого?... Если же комитетъ не допускаетъ къ балотировкѣ подозрительныя личности, изъ боязни, чтобы онѣ не попали въ правленіе, то это, кажется, напрасное безпокойство. Неужели общество будетъ поручать свои дѣла господамъ, за которыми водятся такіе неблаговидные поступки?

Комитетъ долженъ хлопотать объ увеличеніи средствъ общества, а не пускаться въ разсужденіе о поведеніи и нравственности желающихъ поступить въ члены общества. Зачѣмъ къ прекрасной роли благотворителя примѣшивать суровую и трудную роль судьи?...

Я надѣюсь, что все высказанное здѣсь мною будетъ на этотъ разъ снисходительно растолковано комитетомъ общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Я снова повторю, что искренно и отъ всей души желаю, на ряду со всѣми просвѣщенными и благомыслящими людьми, полнаго обществу успѣха, а комитету, къ большинству котораго я питаю полнѣйшее довѣріе,—болѣе хладнокровія относительно замѣчаній по поводу его дѣйствій.

Кстати о комитетѣ. Редакція «Современника» получила отъ комитета увѣдомленіе отъ 1 ноября, за № 370, за подписью г. предсѣдателя комитета, въ которомъ комитетъ проситъ сообщить г. *К. Санжаревскому* (приславшему 32 р., собранные имъ на литературномъ вечерѣ въ г. Славянскѣ) *искреннюю его признательность какъ за усиленіе средствъ общества, такъ и за участіе къ цѣлямъ его, которое обнаруживается этимъ пожертвованіемъ*....

Мало по малу Петербургъ, не упуская, разумѣется, изъ виду коммерческихъ видовъ, начинаетъ придумывать разныя полезныя улучшенія для трудящагося класса. Къ числу такихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большое двухъэтажное зданіе, предназначенное для публичной прачешной (у Измайловскаго моста). Эта прачешная раздѣляется на два отдѣленія: «въ одномъ будетъ приниматься стирка и глаженье бѣлья на отвѣтственность учредителя, а въ другомъ будутъ допускаться постороннія прачки. Заведеніе будетъ открыто съ шести часовъ утра до восьми вечера. Для избѣжанія безпорядковъ и споровъ, могущихъ возникнуть, оба отдѣленія, какъ собственно хозяйское, такъ и отдаваемое за извѣстную плату, по часамъ, приходящимъ прачкамъ, сообщенія никакого между собою имѣть не будутъ. По примѣру иностранныхъ, прачешная снабжена всѣми снарядами и машинами, приспособленными къ мытью бѣлья. Въ отдѣленіи, отдаваемомъ за плату, находятся помѣщенія для стирки, полосканья, выжимки бѣлья, сушильня и гладильня. За приготовленіе бѣлья платится, по уговору, по-штучно или съ вѣсу, а за стирку взимается по часамъ, — 18 копѣекъ за часъ. За эту цѣну каждой прачкѣ отводится особенное мѣсто съ лоханкой и двумя кранами холодной и горячей воды, бучильникъ съ краномъ для пара и скамейка для складки бѣлья. За сушку бѣлья, крахмаленье, подсиниванье и глаженье опредѣлено взимать 15 коп. въ часъ. Въ сушильнѣ также каждая прачка будетъ имѣть особенное мѣсто, которое можетъ запирать своимъ ключемъ. Съ приходящихъ только полоскать бѣлье плата будетъ та же самая, что и на открытыхъ плотахъ. Заведеніе это устроено *въ видѣ опыта*, и распространеніе подобныхъ же въ другихъ частяхъ города будетъ зависѣть отъ большей или меньшей удачи.»

Вотъ перечень разныхъ петербургскихъ новостей послѣдняго времени:

Литейная улица, Загородный проспектъ, Галерная, Англійская набережная, Адмиралтейскій плацъ—освѣтились газомъ; извѣстный въ Малой Морской Hotel de Paris завелъ прекрасный двухъэтажный омнибусъ, запряженный парой отличныхъ сѣрыхъ лошадей. Лакей и кучеръ одѣты по-русски съ большою щеголеватостію. Назначеніе этого омнибуса—доставлять пріѣзжающихъ въ Петербургъ по желѣзнымъ дорогамъ въ отель и отвозить постояльцевъ отеля и ихъ багажи обратно на станціи желѣзныхъ дорогъ. (За границей такіе экипажи есть во всякомъ благоустроенномъ отелѣ.) На каретѣ надпись: «Grand Hôtel de Paris»; экипажъ этотъ всякій день можно встрѣтить на Невскомъ проспектѣ. Г. Гебгардъ показываетъ въ Пассажѣ *великана*, а въ своемъ деревянномъ домикѣ на Мойкѣ *великаншу*, дѣвицу Эльсбергъ, родомъ изъ Праги (19 лѣтъ, ростъ 7 футовъ). Онъ краснорѣчиво называетъ ее *чудесной игрой природы или женщиной изъ волшебнаго міра*. Французъ, показывающій 14-лѣтняго альбиноса, въ домѣ Глазунова, противъ Аничкова дворца, выставилъ у воротъ литографированный портретъ альбиноса и внизу подписалъ: «Messieurs et Mesdames venez voir le plus beau fenomene de France. Oui, Mesdames, oui! Mon père est noir, ma mère — idem et moi je suis comme la neige.... Pour le voir 10 cop. et pour l'entendre chanté encore 10 cop.» Знаменитый Излеръ открылъ въ бывшемъ домѣ Вонлярлярскаго, у Николаевскаго моста, *паштетную и кандитерскую* Aux Délicatesses. Излишнее помѣщеніе изъ 8 отдѣльныхъ меблированныхъ комнатъ онъ отдаетъ въ наемъ. Гг. Пивато и Миллеръ, содержатели гастрономическаго заведенія (отличающагося неслыханною дороговизною), въ домѣ рядомъ съ домомъ г. военнаго губернатора, открыли на дворѣ небольшое заведеніе для устричныхъ охотниковъ, подъ именемъ: Halle aux huitres. Устрицы продаются у нихъ во всякое время года по 80 к. за десятокъ.... Вслѣдствіе этого, Елисѣевъ, Смуровъ, Колчинъ, Вьюшинъ, Бабиковъ и другіе понизили также цѣну на устрицы (у нихъ до сей минуты никогда не продавался десятокъ устрицъ дешевле 1 рубля). Halle aux huitres будетъ вѣрно имѣть много посѣтителей, тѣмъ болѣе, что въ этомъ заведеніи, кромѣ устрицъ, можно получать макароны, котлеты и бифстексъ. Мы только посовѣтовали бы содержателямъ этого заведенія, которые благоразумно уменьшили цѣну на устрицы, не увеличивать неблагоразумно цѣны на другія яства, а то у гг. Пивато и Миллера порція макаронъ стоитъ 50 к. — Это ужь слишкомъ!...

Было литературное чтеніе въ пользу воскресныхъ школъ, въ залѣ Пассажа: читали свои произведенія гг. Майковъ, Полонскій,

Шевченко, Достоевскій (Ѳ. М.) и Писемскій; таковыя же чтенія готовятся, говорятъ, въ пользу общества для нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.

Пріѣхалъ въ Петербургъ небывавшій еще здѣсь чернокнижникъ и фокусникъ Сигизмундъ *Эпштейнъ*. Онъ уже далъ одно представленіе въ театрѣ. Концерты съ итальянскими пѣвцами и конныя представленія въ циркѣ продолжаются.

Другихъ новостей, кажется, нѣтъ.

Объ открытіи участка петербурго-варшавской линіи желѣзныхъ дорогъ, отъ Острова до Динабурга, читатели наши знаютъ изъ газетъ. Издатели газетъ ожидали, что вслѣдствіе этого открытія они будутъ доставлять своимъ читателямъ 24 часами ранѣе прибавочныя политическія извѣстія къ публикуемымъ ими телеграфическимъ депешамъ; но вслѣдствіе измѣненія часовъ прихода и отхода транспортовъ по поводу открытія этого участка,—иностранные журналы и газеты стали доставляться *шестью часами позже!*...

Теперь часы, кажется, снова измѣнены—и все пришло въ прежній порядокъ.

Объявленія продолжаютъ сыпаться на насъ ежедневно во всевозможныхъ размѣрахъ.... Къ новымъ журнальнымъ явленіямъ 1861 года присоединяются: *Учитель* (педагогическій журналъ) и *Русская Хозяйка* (домоводственный журналъ). По мнѣнію «Русской хозяйки», *образованная женщина* не можетъ удовлетвориться модными журналами, часто безграмотными, а въ спеціальныхъ журналахъ *она можетъ встрѣчать подробности, въ чтеніи которыхъ ей неловко сознаться*. Итакъ, ясно, что *для образованныхъ русскихъ женщинъ* былъ *пробѣлъ* въ нашей журналистикѣ, и «Русская Хозяйка» пополняетъ этотъ *пробѣлъ*.

Какихъ не бываетъ объявленій! Читали ли вы, напримѣръ, прелестныя объявленія нашего доморощенаго философа г. *Зацепина* въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

Если не читали, то я для васъ приведу ихъ здѣсь. — Они стоятъ того.

Объявленіе I.—Продается: «*Опытъ сближенія медицинскихъ понятій о человѣкѣ съ внушеніями св. вѣры и здравой философіи*. Соч. Ив. Зацепина и проч.

«Попадались мнѣ прекрасныя книги; но ни одна изъ нихъ не «производила на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ «Ученіе о «жизни». Здѣсь такъ много истинъ, понятныхъ сердцу каждаго Рус«скаго, что я на самаго автора сталъ смотрѣть съ чувствомъ удив«ленія и искренней благодарности. — Послѣ Лермонтова, Майкова «и частію Сологуба я впервые услышалъ голосъ и чувства родные...

«Корифеи нашей литературы Русскіе-ли? Сомнѣваюсь. — Явилась «ваша книга, и какъ она встрѣчена! Я не читалъ этихъ рецензій, «но гдѣ ни спрашивалъ объ вашей книгѣ, никто не читалъ, потому «что она раскритикована. Боже мой! раскритиковать такую книгу «(I и II части), *съ умысломъ лишить ее читателей*, вмѣсто того, «чтобъ заботиться о расширеніи этого круга, — да, это просто пре-«ступленіе для Русскаго... Что касается до меня, то я поставлю себѣ «непремѣнною обязанностію имѣть вашу книгу.—Я одѣну ее сколь-«ко можно лучше и поставлю ее на почетное мѣсто». (Неизв. лицо отъ 11-го іюл. 1845 г.). — 3. —

Не менѣе интересно и объявленіе II, по поводу той же самой книги:

«*Раскритиковать книгу съ умысломъ лишить ее читателей*», сказано въ предыдущемъ объявленіи о семъ сочиненіи. Но такое же дѣйствіе на книги имѣетъ и *молчаніе* объ нихъ журналовъ. «Журналы» — правильно замѣчаетъ объ нихъ М. В., — «рѣдко суть «вѣрное зеркало отражающее мнѣнія другаго. Мнѣнія, они ихъ не «излагаютъ, а налагаютъ (навязываютъ). Этотъ фактъ, надобно, «чтобы онъ былъ бѣлой или черной; это имя, надобно, чтобы оно «стояло высоко или низко. Это *шибболеѳъ* Израильтянъ. Всякому «еврею, худо произнесшему *шибболеѳъ*, рѣка служила гробомъ. Гробъ «книги, это молчаніе, и отъ одняхъ журналовъ только бываетъ го-«воръ (шумъ, гласность) или молчаніе». Между тѣмъ «кто знаетъ, «какое дѣйствіе можетъ имѣть появленіе идеи вѣрной, исправленіе «идеи ложной? Что такое искра отъ кремня? Иногда пожаръ. Что «такое дубовой желудь? Можетъ быть, цѣлой лѣсъ! Стало, кто «знаетъ? Прочитанный и выслушанный и одобренный очень немно-«гимъ числомъ тѣхъ людей, коимъ принадлежитъ обладаніе умами (общественнымъ мнѣніемъ), можетъ быть я возбужу въ нихъ вдох-«новеніе, спасительное для всѣхъ» (Exam. de la situat. de la monarch. Franc., par M. d. V-t. 1 p. 5—6). Вотъ почему и для чего и Русской авторъ въ объявленіяхъ о своемъ сочиненіи «*не самъ себя хвалитъ*», а прилагаетъ лестные отзывы о сочиненіи почтенныхъ и ученыхъ соотечественниковъ, какъ это дѣлается въ просвѣщенныхъ странахъ, напр. въ Англіи: (См. The Lancet 1860 и др.).»

Въ Курскѣ будетъ издаваться «*Курскій* Сборникъ» княземъ Н. Н. Голицынымъ. Въ немъ будутъ помѣщаться статьи по части исторіи и этнографіи Курской губерніи, по примѣру Симбирскаго, Пермскаго, Архангельскаго и другихъ сборниковъ.

Съ большимъ сочувствіемъ прочли мы объявленіе объ южнорусскомъ литературно-ученомъ Вѣстникѣ, подъ названіемъ «Основа». Цѣль этого изданія — всестороннее и безпристрастное изслѣ-

дованіе южно-русскаго края. Общечеловѣческое просвѣщеніе, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, — будетъ руководящею идеею редакціи.

«Для нашего развитія», говоритъ редакторъ «Основы», Бѣлозерскій, «вреднѣе всего была бы замкнутость въ однихъ своихъ элементахъ, которые тогда только получатъ всю свою цѣнность, когда придутъ въ естественное соприкосновеніе съ нравственными началами другихъ народностей».

Мысль—весьма основательная. Въ новомъ южно-русскомъ журналѣ будутъ принимать, между прочими, дѣятельное участіе: г-жа Маркъ-Вовчекъ, гг. Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко.

Мы желаемъ успѣха этому прекрасному предпріятію.

«Морской Сборникъ» съ 1861 года переходитъ подъ новую редакцію.—Новый ея редакторъ, г. Мельницкій, одинъ изъ дѣльныхъ и образованныхъ морскихъ офицеровъ—извѣстенъ многими статьями, печатавшимися въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы не сомнѣваемся, что г. Мельницкій не только поддержитъ это замѣчательное изданіе (въ которомъ, какъ извѣстно, еще задолго до другихъ журналовъ, подняты были важные общественные и государственные вопросы), но и будетъ способствовать къ его усовершенствованію. Въ этомъ насъ убѣждаетъ, между прочимъ, и объявленіе объ изданіи «Морскаго Сборника» на 1861 годъ, въ которомъ мы между прочимъ прочли слѣдующее:

«Морской Сборникъ» не можетъ быть защитникомъ отсталыхъ, узкихъ и кастовыхъ воззрѣній, таинственности въ административныхъ и законодательныхъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть представителемъ такихъ корпораціонныхъ интересовъ, которые несовмѣстны съ общими пользами государства; не можетъ не возставать противъ жестокаго обращенія съ нижними чинами, и отчасти признавая трудность замѣненія тѣлесныхъ наказаній на флотъ другими, болѣе соотвѣтствующими человѣческому достоинству, наказаніями, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые не находятъ никакой возможности и надобности бросить за бортъ линьки и розги, даже относительно лучшей части командъ.»

Съ 1861 года отмѣняется обязательная для лицъ морскаго вѣдомства подписка на Морской Сборникъ.

Цѣна «Сборника» для жителей Петербурга и Москвы—4 руб. сер. для лицъ морскаго вѣдомства и 5 руб. для прочихъ подписчиковъ; для иногородныхъ морскаго вѣдомства—5 руб., для прочихъ—7 руб.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся русская просвѣщенная публика («Морской Сборникъ» имѣетъ интересъ не для однихъ моряковъ) обнаружитъ

къ этому изданію полное сочувствіе и вниманіе подпискою на него и будетъ этимъ способствовать расширенію его средствъ... «Морской Сборникъ» первое у насъ правительственное изданіе, которое отвергнуло избитую тропу и проложило для себя новый путь. — Какъ же намъ не имѣть къ нему сочувствія?...

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на слѣдующія вновь вышедшія сочиненія:

Изданіе Морскаго Министерства: Проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи, составленный адмираломъ графомъ Путятинымъ. Проэктъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ въ «Современникѣ».

Изданія министерства внутреннихъ дѣлъ: 1) Сборникъ постановленій по с.-петербургскому общественному управленію, состоящій изъ статей Свода Законовъ и изъ свода инструкцій.

2) Городскія поселенія въ Россійской имперіи. Это изданіе заключаетъ въ себѣ всѣ существующія городскія поселенія Россійской имперіи въ алфавитномъ порядкѣ губерній. Изданіе составитъ нѣсколько томовъ. Теперь изданы городскія поселенія Европейской Россіи и Сибири.

Изданія министерства государственныхъ имуществъ: Томъ II изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, съ приложеніемъ двухъ картъ: карты Астраханскихъ водъ и карты юго-восточной части Закавказскаго края, съ показаніемъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. — Этотъ II томъ заключаетъ въ себѣ рыболовство въ Каспійскомъ морѣ и его притокахъ и общіе отчеты и предположенія.

Вышла 9-я часть сочиненій Бѣлинскаго, заключающая въ себѣ критики его въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844 года.

Все изданіе будетъ заключать, говорятъ, 12 частей. Въ 1846 г., при объявленіи объ изданіи «Современника» нынѣшнею редакціею, возникла, если помнитъ читатель, полемика между новыми издателями «Современника», и въ томъ числѣ Бѣлинскимъ, и редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» г. Краевскимъ. Г. Краевскій увѣрялъ тогда, между прочимъ, что дѣятельность Бѣлинскаго вовсе не была значительна въ его журналѣ и что выходъ Бѣлинскаго изъ «Отечественныхъ Записокъ» не замѣтенъ для редакціи «От. Зап.». Теперь изъ изданія сочиненій Бѣлинскаго читатели могутъ ясно видѣть, до какой степени справедливъ былъ отзывъ г. Краевскаго. Въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1840 по 1846 г.) Бѣлинскій былъ душею этого изданія, которое именемъ его поддерживается и до сихъ поръ. Надо быть впрочемъ справедливымъ. Нынѣ г. Краевскій (черезъ 10

лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго) началъ отзываться о немъ въ своихъ изданіяхъ съ большимъ чувствомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Вышелъ «Кобзарь» Тараса Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ г. Гербелемъ.

Мы слышали также, что въ непродолжительномъ времени отпечатается и выйдетъ въ свѣтъ *девятый томъ* «Шиллера, въ переводахъ русскихъ писателей, и что онъ будетъ заключать въ себѣ и «Исторію тридцатилѣтней войны».

НЕПОСТИЖИМАЯ СТРАННОСТЬ.

(изъ неаполитанской исторіи.)

I.

Всѣ благомыслящіе люди въ Европѣ посвящають теперь свои досуги справедливому изумленію—какъ это такъ неожиданно неаполитанскій народъ порѣшилъ съ старымъ порядкомъ и измѣнилъ судьбу своей земли?! Не то удивительно, что возстаніе произошло: въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій возстанія ни почемъ; всѣмъ извѣстно, что Италія, по крайней мѣрѣ со временъ Тарквинія Гордаго, всегда была страною заговоровъ, тайныхъ обществъ и тому подобныхъ ужасовъ. А если уже растутъ на тамошней землѣ заговорщики, то разумѣется заговорщики составляютъ и возстанія; тамъ ужь всѣ къ этому привыкли. Извѣстно, какъ при Фердинандѣ II, напримѣръ, знаменитый начальникъ полиціи Делькаретто — слѣдилъ втихомолку за постепеннымъ развитіемъ заговоровъ, въ которыхъ принимали участіе его агенты, дожидался, пока австрійская полиція получитъ неопредѣленныя свѣдѣнія о заговорѣ и увѣдомитъ о немъ неаполитанское правительство, — и потомъ захватывалъ заговорщиковъ. Все оканчивалось обыкновенно домашнимъ образомъ, и законное правительство нимало оттого не страдало. Поэтому и въ нынѣшнемъ году, когда началось возстаніе въ Сициліи, благомыслящіе люди надъ нимъ смѣялись; когда Гарибальди явился въ Палермо, надъ его дерзостью тоже подсмѣивались; когда Сицилія была очищена отъ королевскихъ войскъ и Гарибальди готовился перенести вой-

ну на материкъ Италіи, легитимисты потирали руки, приговаривая не безъ язвительности: «милости просимъ! вотъ теперь-то мы и посмотримъ вашу храбрость, благородный кондотьери!» Даже когда онъ появился въ Калабріи, и тутъ благоразумные люди хотѣли выразить полное пренебреженіе къ его предпріятію, но къ сожалѣнію — не успѣли: Гарибальди такъ быстро добрался до Неаполя, что за нимъ не поспѣло даже перо Александра Дюма, безспорно величайшаго борзописца нашего времени. За то благомыслящіе граждане съ избыткомъ вознаградили себя, когда защита Капуи обѣщала обратиться во что-то серьёзное: они объявляли, что Францискъ II удалился изъ Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасамъ войны, но что онъ отстоитъ свои права, и что народъ, опомнившись отъ своего безумія, повсюду уже призываетъ законное правительство. И вдругъ — всѣ надежды рушатся: на этотъ разъ возстаніе оканчивается совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно; оно принимаетъ нестерпимо серьёзный характеръ, такой серьёзный, что даже политика Кавура, при всей своей уклончивости, рѣшается открыто вмѣшаться въ дѣло.... А тутъ является еще suffrage universel; 1,300,000 голосовъ противъ 10,000, опредѣляетъ присоединеніе къ Пьемонту; послѣдній изъ Бурбоновъ истощается въ послѣднихъ воззваніяхъ къ трактатамъ и къ чувствамъ своего народа; но ничто не помогаетъ, онъ теряетъ Капую и видитъ себя въ необходимости оставить свое послѣднее убѣжище, свою Гаэту, 12 лѣтъ тому назадъ воспріявшую въ свои стѣны святѣйшаго отца и счастливую столькими благородными воспоминаніями...

Какъ объяснить такую неожиданную исторію? Кто такъ направилъ неаполитанцевъ? Это вопросъ чрезвычайно курьёзный. Конечно, онъ практическаго значенія, можетъ быть, и не имѣетъ, и вы скажете, что не стоитъ имъ теперь и заниматься, когда дѣло порѣшено окончательно. Но что прикажете дѣлать, если «Современникъ» страдаетъ нѣкоторой слабостью упражняться на поприщѣ мышленія почтеннаго Кифы Мокіевича! Онъ печатаетъ стихи на взятіе Парижа, дѣлаетъ невозможныя выкладки относительно выкупа и сельской общины, толкуетъ объ антропологическомъ принципѣ въ философіи, и т. п. Конечно, все это непрактично и безплодно; но что же дѣлать? Надо съ этимъ примириться, хотя въ уваженіе того, что въ «Современникѣ» же печатаются иногда капитальные труды, въ родѣ, напр., «Поземельнаго кредита» г. Безобразова. Притомъ же извѣстно, что кто хочетъ практичности, дѣльности, кто желаетъ всегда быть на высотѣ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ требованій общественной жизни, тотъ долженъ читать «Русскій Вѣстникъ»; тамъ онъ найдетъ и прекрасныя письма г. Молинари о русскомъ об-

ществѣ, и мысли г. Гересеванова «о жалованьи предводителямъ дворянства», и статьи объ устройствѣ черкесовъ, обитающихъ на берегу Чернаго Моря, и замѣтки г. Сальникова о паспортахъ, и тьму замѣтокъ по вопросамъ еще болѣе капитальнымъ. «Современникъ» преклоняется предъ мудростью «Вѣстника» и ограничиваетъ свои претензіи гораздо болѣе скромною ролью: занимать иногда досужее любопытство празднаго читателя какими либо курьёзными размышленіями. Такъ и теперь мы, для вашего развлеченія, читатель, задаемся вопросомъ: что за странность такая, что неаполитанскій народъ обманулъ самыя справедливыя надежды всѣхъ благомыслящихъ людей? Гдѣ объясненіе этой странности?...

Надѣемся, что мы не снискали еще права на особенное благоговѣніе читателей передъ нашими мнѣніями, и потому можемъ, не опасаясь никого повергнуть въ горькое разочарованіе, признаться, что рѣшить заданнаго вопроса мы не умѣемъ. Но за то мы обѣщаемъ добросовѣстно передать читателямъ мнѣнія людей, имѣвшихъ всю возможность знать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. На эти-то мнѣнія мы и просимъ обратить вниманіе, постоянно имѣя въ виду, что мы собственнаго мнѣнія на этотъ счетъ не имѣемъ (*).

Чтобы сказать что нибудь положительное о причинѣ странной неожиданности, поразившей Неаполь, надо бы знать народъ неаполитанскій; а мы его не знаемъ, да и кто его знаетъ? Ужь конечно не иностранные туристы, разсказывающіе Богъ-знаетъ-что и о народѣ, и о правительствѣ; конечно и не журналисты, печатающіе объ иныхъ странахъ такія корреспонденціи, что, пожалуй, имъ и любой туристъ могъ бы позавидовать.... На мнѣнія и разсказы такихъ людей положиться нельзя, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію весьма почтенныхъ людей, неаполитанскій народъ чрезвычайно сдержанъ, недовѣрчивъ, и не любитъ высказываться предъ чужими. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, виконтъ Анатоль Лемерсье, въ началѣ брошюры, изданной имъ въ началѣ нынѣшняго года: «несмотря на частныя сношенія Неаполя съ Франціей, несмотря на легкость сообщеній, менѣе чѣмъ въ два дня переносящихъ васъ изъ Марселя въ столицу королевства Обѣихъ Сицилій, рѣдкій народъ такъ мало извѣстенъ французамъ, какъ неаполитанцы. Правда, туристы печатаютъ множество разсказовъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, въ картинахъ и гравюрахъ воспроизводятся во всѣхъ видахъ мѣстные

(*) Чтобъ очевиднѣе доказать это читателю, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обременяемъ статью свою множествомъ ученыхъ цитатъ на разныхъ языкахъ. Статья отъ этого пріобрѣтаетъ нѣсколько мрачную наружность, но мы совѣтуемъ «не судить по наружности».

пейзажи и костюмы, журналисты не упускаютъ случая обсудить по своему — и положеніе дѣлъ, и людей, и политику королевства; но неаполитанцевъ нельзя узнать ни по путевымъ впечатлѣніямъ, ни по рисункамъ артистовъ, ни по журнальнымъ оцѣнкамъ; нужно много времени, много особенныхъ случаевъ и средствъ, чтобы добраться до истины относительно этого народа, который при легкомъ наблюденіи всегда останется непостижимымъ. Нуженъ постоянный и долгій навыкъ, для того, чтобы, среди притворства, открыть истинное состояніе этого народа. Писатели всѣхъ странъ въ продолженіе стольких лѣтъ клеветали на Неаполь, что неаполитанецъ теперь питаетъ крайнее недовѣріе къ иностранцамъ. Только съ большимъ трудомъ, поэтому, можно достигнуть до открытія истины; и если особенныя благопріятныя обстоятельства не помогутъ вамъ, вы никогда въ этомъ не успѣете» (*).

Слова почтеннаго виконта мы привели затѣмъ, чтобы оправдать наше собственное незнаніе народа неаполитанскаго. Но мы не можемъ утаить, что виконтъ написалъ ихъ съ другою цѣлью: онъ хотѣлъ доказать, что не слѣдуетъ вѣрить писателямъ, увѣряющимъ, будто въ неаполитанцахъ шевелится любовь къ свободѣ и недовольство ихъ положеніемъ. Дѣйствительно, были и такіе писатели; но всѣ они заражены были, какъ оказывается, духомъ партій и не имѣли безстрастія, которое, если припомнятъ читатели, считаетъ первымъ долгомъ публициста г. Чичеринъ (**). Къ счастію, количество такихъ писателей невелико. Вообще же относительно Италіи давно принято мнѣніе людей почтенныхъ, безстрастно изслѣдовавшихъ родъ человѣческій и распредѣлившихъ разнымъ племенамъ тѣ или другія способности: французамъ — остроуміе, славянамъ — гостепріимство, англичанамъ — практичность, и т. д., и рѣшившихъ, кто къ чему способенъ въ исторіи. Такъ извѣстно, напримѣръ, что нѣмцы должны вырабатывать теоретическія начала общественной жизни, французы пускать ихъ въ ходъ на практикѣ; мехиканцы должны производить въ годъ нѣсколько революцій, а славяне лишены самостоятельности, и потому должны играть великую роль въ будущемъ, какъ представители эклектической народности (***),

(*) Quelques mots de vérité sur Naples, par le v-te Anatole Lemercier. Paris, 1860 p. 5.

(**) См. «Очерки Англіи и Франціи», или «Отеч. Записки», 1857 г. № 12, s. v. p.

(***) Мнѣніе Н. Ф. Павлова, относящееся впрочемъ ко времени споровъ «Русскаго Вѣстника» съ «Русскою Бесѣдою», то есть къ эпохѣ предшествующей «Нашему Времени».

и пр. и пр. Въ этой международной табели о рангахъ положено, что итальянцы вообще — народъ лѣнивый, изнѣженный, лишенный всякой стойкости, неспособный къ самостоятельной политической жизни и не имѣющій ни малѣйшаго поползновенія къ гражданской свободѣ. Только бы не мѣшали его «ничего-не-дѣланью», итальянецъ больше ничего не желаетъ; своимъ farniente онъ не пожертвуетъ ни для какого благополучія. По временамъ онъ разгорячится (нельзя же и безъ этого; южный житель, стало быть, долженъ горячиться), но это лишь на минуту,—волненіе его такъ же легко и успокоивается, какъ легко приходитъ. Таково было общее мнѣніе объ итальянцахъ, принятое всѣми учеными и добропорядочными людьми. Относительно неаполитанцевъ прибавляли обыкновенно, что они лѣнивѣе и безпечнѣе всѣхъ остальныхъ итальянцевъ, расслаблены климатомъ гораздо больше, а страстности имѣютъ меньше, вслѣдствіе вліянія религіи и постоянно соблюдаемаго правительственнаго порядка. Это мнѣніе, за исключеніемъ немногихъ писателей, принято было всѣми партіями, какъ тѣми, которыя защищали неаполитанское правительство, такъ равно и тѣми, которыя нападали на него. Само собою разумѣется, что образъ выраженія у тѣхъ и другихъ былъ различенъ, и даже въ нѣкоторой степени противоположенъ: одни, напримѣръ, хвалили кротость и почтительность народа, другіе сожалѣли о его униженіи и низкихъ свойствахъ характера; одни говорили, что онъ доволенъ малымъ и возлагаетъ упованіе во всемъ на тѣхъ, кто имъ управляетъ; а другіе выражались, что онъ невѣжественъ, лишенъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ порывовъ души, потерялъ сознаніе собственнаго достоинства, и т. п. Но лучше приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ разныхъ книжекъ объ Италіи, которыми теперь наводнены всѣ книжныя лавки въ Европѣ.

Не подумайте, что мы думаемъ подвергнуть сомнѣнію проницательность людей, которыхъ цитируемъ. Мы уже сказали, что не знаемъ сами неаполитанскаго народа, слѣдовательно не имѣемъ права отвергать чужія свидѣтельства о немъ. А согласіе противныхъ партій въ отзывахъ о характерѣ неаполитанскомъ даетъ имъ большую гарантію достовѣрности. Но тѣмъ изумительнѣе опроверженіе, которое противъ нихъ сдѣлано фактами послѣдняго времени. Послушайте, что повторалось о неаполитанцахъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и повторялось основательно: можно ли было ожидать такого конца послѣ такихъ увѣреній!

Чтобы не начинать слишкомъ издалека, мы возьмемъ только послѣднее тридцатилѣтіе, которое, какъ извѣстно, способствовало къ утвержденію въ Неаполѣ характера бездѣятельности и равнодушія

къ политической жизни. До восшествія на престолъ Фердинанда II, неаполитанцы могли считаться такимъ же народомъ, какъ и другіе народы западной Европы. Вотъ почему Луи-Филиппъ, вскорѣ по своемъ воцареніи, писалъ къ Фердинанду, уговаривая его сдѣлать нѣкоторыя уступки правамъ народнымъ. «Мы живемъ, писалъ Луи-Филиппъ,—въ переходную эпоху, когда часто нужно бываетъ уступить кое-что. Признаки броженія такъ ясны и сильны въ Италіи, что необходимо ожидать взрыва, болѣе или менѣе близкаго, смотря по тому, ускорятъ или замедлятъ его мѣры князя Меттерниха, слишкомъ уже крутыя. Ваше Величество будете увлечены потокомъ, если вы во время не сдѣлаете своего выбора». Фердинандъ отвѣчалъ письмомъ очень твердымъ: тутъ онъ дѣлалъ признанія, что «свобода гибельна для фамиліи Бурбоновъ», что онъ «преклоняется» предъ идеями, которыя признала вѣрными и спасительными многолѣтняя опытность Меттерниха», и пр. Тутъ же находилось и свидѣтельство о неспособности неаполитанскаго народа къ гражданской самостоятельности, свидѣтельство едва ли не самое важное и положительное изъ всѣхъ, какія мы приведемъ далѣе. «Мой народъ повинуется власти и склоняется подъ ней, писалъ онъ; — но горе, если онъ вздумалъ бы выпрямиться подъ вліяніемъ этихъ мечтаній, которыя такъ хороши въ разсужденіяхъ философовъ и невозможны на практикѣ! Я буду королемъ одинъ и всегда (*)....»

Выражаясь такимъ образомъ о своемъ народѣ, Фердинандъ долженъ былъ хорошо знать его характеръ и быть вполнѣ увѣреннымъ въ истинѣ своихъ понятій о немъ. И мы видимъ, что увѣренность эта никогда не покидала его: все его царствованіе служило осуществленіемъ принциповъ, высказанныхъ въ приведенныхъ нами строкахъ.

Къ нѣкоторымъ фактамъ этого царствованія мы еще возвратимся; а теперь, послѣ свидѣтельства самого короля, приведемъ нѣсколько отзывовъ всѣхъ партій о неаполитанскомъ народѣ. Возьмемъ рядъ извѣстій за послѣднія десять лѣтъ.

Въ 1851 году лордъ Глэдстонъ напечаталъ свои письма о неаполитанскомъ правительствѣ. Все въ нихъ было проникнуто сочув-

---

(*) «Письмо Луи Филиппа и отвѣтъ Фердинанда въ первый разъ обнародованы были г. Петручелли де-ла-Гаттуна, въ Revue de Paris, 1856 г. livr. 15 oct. Возникли сомнѣнія въ ихъ подлинности. Эти сомнѣнія были, между прочимъ, выражены парижскимъ корреспондентомъ Indépendance Belge, 29 ноября 1856 г. Но г. Петручелли де-ла-Гаттуна отвѣчалъ, въ Revue de Paris, 1 декабря того же года, что онъ ручается за подлинность писемъ, и объяснялъ при этомъ, что они открыты были въ Тюльери въ февралѣ 1848 года, и достались автору изъ рукъ весьма надежныхъ. Никто не опровергалъ потомъ показаній г. Петручелли.

ствіемъ къ положенію народа, и негодованіемъ противъ правительства Обѣихъ Сицилій. Письма эти произвели полемику, вслѣдствіе которой лордъ Глэдстонъ издалъ новую брошюру «Examination», пересмотръ нѣкоторыхъ фактовъ, упомянутыхъ имъ прежде и оспаривавшихся защитниками Фердинанда. Въ этой-то брошюрѣ пришлось лорду Глэдстону высказаться и о самомъ народѣ неаполитанскомъ. Вотъ его слова: *«во всей Европѣ нельзя найти народа болѣе кроткаго, преданнаго и послушливаго, какъ народъ неаполитанскій»* (*). Подобное же понятіе о народѣ видно и въ самыхъ письмахъ Глэдстона.

Одинъ изъ самыхъ яростныхъ антагонистовъ лорда Глэдстона, французъ Гондонъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ газеты «L'Univers», написалъ нѣсколько книгъ въ защиту неаполитанскаго правительства въ Неаполѣ, и въ одной изъ нихъ, въ 1855 году, говоря о разныхъ либеральныхъ претензіяхъ, утверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ невозможность и ненужность реформъ для неаполитанскаго народа. Между прочимъ вотъ что онъ пишетъ:

«Трудно, можетъ быть, не зная страны, составить себѣ отчетливое убѣжденіе относительно невозможности организовать представительное правленіе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій; но всякій добросовѣстный человѣкъ, который захочетъ серьезно вникнуть въ дѣло, непремѣнно убѣдится въ этой невозможности.

«Низшіе классы во всемъ королевствѣ исполнены энтузіазма къ своему правительству и вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; они никогда и не помышляли о пріобрѣтеніи того, что называютъ политическими правами. Все, что ни говорила и ни писала противъ этого мнимая парламентская партія,—все это ложно въ высшей степени. Народъ неаполитанскій вѣруетъ въ своего короля, ибо знаетъ, что Фердинандъ вѣруетъ въ Бога и что въ своей просвѣщенной совѣсти онъ понимаетъ и исполняетъ обязанности католическаго монарха въ отношеніи къ народу, надъ которымъ онъ царствуетъ. Какого еще болѣе вѣрнаго ручательства можетъ религіозный народъ желать отъ своего повелителя? Какой писанный актъ можетъ имѣть для совѣсти короля такое значеніе, какъ законы религіи? Всѣ политическіе безпорядки, волновавшіе Европу, не происходили ли они главнымъ образомъ оттого, что новѣйшая политика оставила въ сторонѣ религію, желая разрѣшить задачу своего запутаннаго и ненормальнаго положенія? Но въ такомъ королевствѣ, какъ Неаполитанское, гдѣ король и подданные одушевлены единою вѣрою и единымъ желаніемъ добра,—всѣ вопросы, неразрѣшимо запу-

(*) Examinat. p. 39.

танные въ другихъ мѣстахъ, находятъ себѣ разрѣшеніе самое простое и легкое. Народъ неаполитанскій, т. е. масса населенія, не желаетъ ничего лучшаго, какъ оставаться подъ тѣмъ же управленіемъ короля, такъ достойно возсѣдающаго на тронѣ Обѣихъ Сицилій. Народъ прямо и вполнѣ разсчитываетъ на него во всемъ, что касается національныхъ интересовъ и улучшеній, какія возможны въ его участи. Двадцатипятилѣтнее царствованіе достаточно объясняетъ и оправдываетъ эту довѣренность!

«Кто же, при нежеланіи народа, можетъ желать въ Неаполѣ новыхъ опытовъ этого представительнаго правленія, которымъ кичится Англія и которое мы знаемъ по печальнымъ опытамъ Франціи? Конечно, ужь не аристократія! Надо очень худо знать ее, чтобы предполагать, что ея члены (отличные люди, весьма преданные королю) достаточно воспитаны для того, чтобы засѣдать въ сенатѣ или въ законодательномъ корпусѣ. Вообще — плохую услугу оказалъ бы имъ тотъ, кто захотѣлъ бы превратить ихъ въ законодателей.... Нѣтъ, ужь лучше оставить ихъ служить мечомъ королю и приносить пользу отечеству безчисленными способами, которыми могутъ располагать умные и богатые аристократы!...

«Есть, правда, разрядъ людей, который съ удовольствіемъ толкуетъ о реформѣ: это — часть буржуазіи, преимущественно адвокаты и медики, которые, какъ мы видѣли, и во Франціи и въ Пьемонтѣ выказываютъ особенную жадность къ политическимъ реформамъ и особенный энтузіазмъ къ парламентскому правленію, ибо они умѣютъ извлекать изъ него свои выгоды. Но въ Неаполѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, этотъ классъ людей потерялъ свое значеніе и никому не внушаетъ довѣрія. Они составляютъ здѣсь маленькую секту, которой главою до сихъ поръ считается Поэріо. Къ великому счастью народа, размѣры этой секты дѣлаютъ ее вовсе неопасною. Ее составляютъ невѣрующіе философы и революціонные теоретики, въ родѣ тѣхъ, которые вызвали недавніе ужасы во Франціи. Эта-то ничтожная частичка средняго класса, далеко впрочемъ не такъ сильная, какъ во Франціи,—одна только и питаетъ нелѣпыя мечты, которыхъ осуществленія — увы! — ей не суждено увидѣть!

«И какимъ образомъ правительство съ преніями и публичностью могло бы быть введено у народа, который, къ счастію для него, не получилъ отъ своей исторіи такъ называемаго политическаго воспитанія? Да, ему не дано этого воспитанія, за которое другіе народы поплатились такъ дорого и которое однакоже все-таки не помогло имъ удержать у себя эту форму правленія.... Притомъ же не нужно забывать народнаго темперамента и характера. Извѣстно, что такое представляли въ Парижѣ нѣкоторыя засѣданія республиканскія; въ

Неаполѣ парламентскія разсужденія не замедлили бы произвести безпорядки гораздо болѣе ужасные» (*).

Свидѣтельство г. Жюля Гондона удовлетворитъ читателя. Впрочемъ, мы имѣемъ и другія свидѣтельства, нѣсколько въ другомъ тонѣ, но рѣшительно такія же въ сущности. Напримѣръ, не хотите ли прочесть размышленія аббата Мишона? Не пугайтесь имени аббата: это аббатъ весьма либеральный; довольно сказать, что года четыре назадъ онъ напечаталъ брошюру, въ которой отсылалъ папу въ Іерусалимъ, чтобы онъ не мѣшалъ ходу дѣлъ въ Италіи. Брошюра заслужила нѣсколько похвальныхъ словъ отъ Манина, и аббатъ въ предисловіи къ своей книгѣ не боится похвалиться его одобреніемъ. А между тѣмъ относительно политическаго воспитанія народа неаполитанскаго онъ говоритъ такія же вещи, какъ и г. Гондонъ. Правда, аббатъ Мишонъ увѣряетъ, что и нѣкоторые аристократы тоже питаютъ — если не либеральные проэкты, то по крайней мѣрѣ недовольство. Но онъ сознается, что число ихъ крайне ограничено. Относительно же народа вотъ что онъ пишетъ:

«Политическое воспитаніе низшихъ классовъ въ Неаполѣ ушло не дальше того, какъ въ глуши нашей Бретани. То, что называется собственно народомъ, т. е. люди нужды и работы,—всѣ они вполнѣ преданы предразсудкамъ и привычкамъ. Они не понимаютъ, что такое политическая жизнь, не имѣютъ понятія даже и объ улучшеніяхъ общественныхъ. Это поденьщикъ, привыкшій къ своей ежедневной работѣ и не мечтающій о свободной жизни, о правѣ располагать самимъ собой, потому что теперь господинъ заботится о его пищѣ и одеждѣ, а человѣкъ свободный долженъ думать о нихъ самъ.

«Во Франціи есть инстинктивный либерализмъ въ народѣ, и вотъ почему онъ далъ свою опору первой революціи; вотъ почему привѣтствовалъ онъ движеніе 1830 года; вотъ почему выказалъ онъ свою симпатію къ перевороту 1848 года.

«Ничего подобнаго у неаполитанскаго народа. Напротивъ, онъ имѣетъ стремленія совершенно противоположныя. Виноватъ ли въ этомъ опытъ прежнихъ поколѣній? Или это оппозиція высшимъ классамъ, которыхъ интересы въ понятіяхъ народа, противны его собственнымъ? Или это вліяніе религіознаго воспитанія?... Какъ бы то ни было, но фактъ несомнѣненъ: этотъ народъ любитъ власть своихъ королей. Онъ съ удовольствіемъ ихъ привѣтствуетъ, тѣснится около нихъ, проситъ у нихъ иллюминацій, парадовъ, въ случаѣ надобности — хлѣба. Чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо

(*) De l'etat des choses à Naples, p. Jules Gondon, Paris, 1855 p. 159 — 160.

сказать, что короли освободили народъ отъ феодальныхъ путъ, которыя, связывая народъ, стѣсняли и просторъ королевской власти. Народъ и король боролись вмѣстѣ противъ гидры феодализма, и вмѣстѣ побѣдили ее. Народъ остается вѣренъ старой привязанности и кричитъ: vive le roi!» (*).

Аббатъ Мишонъ подтверждаетъ свой отзывъ фактами, и затѣмъ переходитъ къ вопросу: что же надо сдѣлать, чтобы измѣнить состояніе народа? Онъ находитъ, что всего лучше было бы, если бы неаполитанское правительство шло рука-объ-руку съ просвѣщенными прогрессистами и исподоволь подготовляло народъ къ сознательной политической жизни. Изъ этого вы видите, что образъ воззрѣній аббата вовсе не тотъ, какъ у г. Гондона. Мы не будемъ разбирать разногласія этихъ личностей; намъ важно то, что оба признаютъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, совершенное отсутствіе политическаго воспитанія у неаполитанскаго народа. Мало того, аббатъ Мишонъ находитъ, что даже либеральныя реформы правительства въ Неаполѣ почти невозможны, и причину этого открываетъ какъ въ правительственныхъ лицахъ, такъ и въ настроеніи самого народа. Онъ говоритъ:

«Зная людей и политическія страсти, мы должны понять всю безконечную трудность подобнаго преобразованія, или, правильнѣе сказать, этой революціи, произведенной въ нѣдрахъ правительства самимъ же правительствомъ, соглашающимся ввести конституціонныя установленія.

«Первая трудность заключается въ Бурбонской династіи, для которой уступки своему народу всегда кажутся пораженіемъ или по крайней мѣрѣ ослабленіемъ ея вѣковыхъ правъ.

«Съ династической точки зрѣнія возможна слѣдующая гипотеза: это — еслибы будущій наслѣдникъ престола воспитанъ былъ нѣсколькими людьми, которымъ дана была бы свобода слова, въ принципахъ представительнаго правленія. Онъ, сдѣлавшись королемъ, могъ бы примѣнить эти теоріи и произвести политическую перемѣну, не подвергаясь за нее упреку.

«Но кажется, ни настоящій король, ни будущій его наслѣдникъ не имѣютъ расположенія къ началамъ такой политики.

«Но это не все. Рядомъ съ прогрессивной партіей существуетъ партія ретроградная, еще могущественная, имѣющая своихъ важныхъ представителей, свои органы, свои преданія. Она тотчасъ же образуетъ грозную оппозицію либеральнымъ учрежденіямъ; она бу-

(*) L'Italie politique et religieuse, p. l'abbe, I. H. Michon. Brux. 1859 p. 81.

детъ опираться на духовенство, столь многочисленное и вліятельное въ Неаполѣ, и столь мало еще доступное либеральнымъ идеямъ; она воспользовалась бы самой свободою прессы, чтобы вывести изъ себя правительство своими жалобами, подорвать уваженіе къ новымъ учрежденіямъ, чтобы напугать опасностями, неизбѣжными, когда порядокъ и нравственность ввѣрены попеченію людей, которые для этой партіи въ сущности тѣ же революціонеры...» (*).

Изъ этихъ указаній ясно видно одно: что неаполитанское правительство, несмотря на крики его недоброжелателей, было самое сообразное съ потребностями страны, и что если кто нибудь и могъ быть имъ недоволенъ, за то никто не могъ надѣяться измѣнить его. Преслѣдуя свой либеральный идеалъ, аббатъ Мишонъ описываетъ безвыходное положеніе, въ которомъ находился Неаполь, и даже предвѣщаетъ, что дѣло кончится худо. Но предвѣщанія его не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ, и если они оправдались теперь, такъ это еще нисколько не доказываетъ, что они именно и должны были оправдаться. Напротивъ, изъ приведенныхъ нами отзывовъ самого аббата ясно всякому внимательному читателю, что въ Неаполѣ не было ровно никакихъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы родиться какая нибудь опасность для тогдашней неаполитанской системы правительства. Народъ обожалъ Фердинанда, о политической свободѣ не имѣлъ понятія, былъ совершенно доволенъ; недовольство проглядывало только въ высшихъ классахъ, да и тамъ была могущественная партія, готовая напасть на всякое проявленіе либерализма. И король и наслѣдникъ его были воспитаны и утверждены въ понятіяхъ, совершенно сообразныхъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Казалось бы, что Францискъ II долженъ править многіе годы такъ же спокойно и твердо, какъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. А между тѣмъ вышло не то. Что же за причина? Ужь не пришло ли въ самомъ дѣлѣ то время, о которомъ мечтаетъ аббатъ Мишонъ, — когда неаполитанскій народъ вздумаетъ соединить свои интересы съ интересами аристократіи? Но нѣтъ, напрасно вы будете доискиваться этого замысловатаго соединенія въ неаполитанскомъ движеніи послѣднихъ мѣсяцевъ; вы видите, напротивъ, что въ то время, какъ народъ бѣжалъ навстрѣчу Гарибальди и провозглашалъ Виктора-Эммануила, неаполитанская аристократія продолжала заниматься интригами. По другимъ свидѣтельствамъ, выходитъ, что неаполитанецъ природой и положеніемъ своимъ сдѣланъ кроткимъ и послушливымъ, и потому уважаетъ всякаго, кто выше его, и чѣмъ выше, тѣмъ больше ува-

(*) L'Italie pol. et rel., p. 84 — 85.

жаетъ. Вотъ самое простое объясненіе общепризнаваемаго факта привязанности неаполитанцевъ къ тогдашнему правительству. Объясненіе это не придумано a priori, а основано тоже на свидѣтельствахъ весьма почтенныхъ. Одно изъ нихъ мы приведемъ здѣсь, въ уваженіе того, что оно принадлежитъ лицу несомнѣнно компетентному, виконту Лемерсье, тому самому, который говоритъ, что нельзя узнать неаполитанцевъ, безъ пособія особенно-благопріятныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ. Благородный виконтъ именно находился въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ долго былъ при французскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, имѣлъ тамъ дѣла и обширныя знакомства, имѣлъ доступъ къ оффиціальнымъ документамъ разнаго рода, и ко всѣмъ учрежденіямъ, куда рѣдко допускаются иностранцы, стало быть имѣлъ всѣ средства узнать истину въ самомъ ея источникѣ. Мало того, онъ, какъ самъ признается, самъ сроднился съ духомъ этой страны, и только извиняется (въ посвященіи своей книги князю Алессендріа), что, «какъ сынъ своей милой Франціи, не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ». Вотъ какъ онъ отзывается о народѣ.

«Дурные инстинкты гордости и зависти вовсе неразвиты въ неаполитанцахъ. Исполненные уваженія къ высшимъ состояніямъ, они безропотно принимаютъ общественную іерархію. Нѣтъ въ Европѣ народа, которымъ бы такъ удобно было управлять, какъ неаполитанцами, которыхъ постоянно сдерживаетъ религія, дѣлающая ихъ смиренными безъ низости, и воспитаніе, научающее ихъ благоговѣть предъ вещами и людьми, предъ которыми благоговѣли ихъ отцы. Намъ не повѣрятъ, если мы скажемъ, что никогда никакой повелитель не былъ такъ любимъ своимъ народомъ, какъ король неаполитанскій, — и между тѣмъ это строжайшая истина. Нельзя сказать, чтобы аристократія, буржуазія и народъ, каждый по своему, не позволяли себѣ порицацій; но эти порицанія относятся всегда къ частностямъ, и никогда, несмотря на всѣ усилія иностранныхъ революціонеровъ, мысль о низверженіи законной власти не заходила въ голову истинныхъ неаполитанцевъ. Уваженіе къ установленному порядку составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ этого народа и даетъ ему его ярко опредѣленную оригинальность среди другихъ народовъ Европы. Мы не скажемъ, что зависть не закрадывалась ни въ одну неаполитанскую душу, но мы утверждаемъ, что ея не существуетъ тамъ у одного класса противъ другаго. Несмотря на введеніе французскаго гражданскаго кодекса, несмотря на почти шестидесятилѣтнее обращеніе съ этими законами, такъ быстро уравнивающими всѣ состоя-

нія, неаполитанскій сеньоръ, хотя и сдѣлался менѣе богатымъ, чѣмъ прежде, но остался совершенно такъ же уважаемъ и такъ же могуществен. Вѣрный стариннымъ обычаямъ, народъ довольствуется малымъ; можно сказать, что онъ вовсе не имѣетъ нуждъ въ этой странѣ, гдѣ живутъ на открытомъ воздухѣ и почти не ѣдятъ; онъ наслаждается благорастворенностью своего климата, красотою своего залива, прелестью своего беззаботнаго существованія, и нимало не желаетъ измѣненія своего общественнаго положенія. Напрасно толковали добрымъ неаполитанскимъ простолюдинамъ о бѣдствіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ: они не хотѣли ни понимать, ни вѣрить, потому что сами никогда не чувствовали ничего подобнаго. Конечно, если посмотрѣть на внѣшность неаполитанскаго простонародья, если войти въ ихъ жилища, то легко подумать, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы нищета была ужаснѣе. Они мало заботятся объ своей личности и о своихъ домахъ, одѣты часто въ лохмотья, жилища ихъ наполнены грязью. Сравнивая эту наружность съ жизнью нашихъ парижскихъ работниковъ, тотчасъ же, разумѣется, принимаются сожалѣть объ участи несчастныхъ обитателей Неаполя и превозносить достоинства нашей цивилизаціи. Но тутъ-то и впадаютъ въ самую грубую ошибку: счастіе чаще обитаетъ въ жалкомъ пріютѣ неаполитанца, нежели въ почти-изящномъ жилищѣ парижанина. Въ самомъ дѣлѣ—у одного встрѣчаемъ мы вѣру, которая услаждаетъ ему всѣ горести, и довольство своимъ жребіемъ, которое дѣлаетъ жизнь его счастливою; у другаго, напротивъ, совѣсть возмущена нечестіемъ или покрайней мѣрѣ индифферентностью, а стремленіе къ обогащенію и зависть къ тѣмъ, кто чѣмъ нибудь владѣетъ, поселяютъ недовольство и ненависть въ его сердцѣ....

«Совершенная ложь, будто народъ неаполитанскій страдаетъ и жалуется на свое состояніе общественное; но еще болѣе ложно—увѣрять, будто онъ съ трудомъ выноситъ свое положеніе политическое. Народъ съумѣлъ противостоять странствующимъ труппамъ возмутителей, являвшихся къ нему проповѣдывать противъ богатыхъ, духовенства, дворянства и законнаго правительства. Понятно, почему простолюдинъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій чрезвычайно мало занятъ политикою и охотно предается руководству своего приходскаго священника или стараго сеньора. Онъ знаетъ, что платитъ подати очень небольшія, видитъ, что дороги его содержатся хорошо, что конскрипція не такъ ужасна, какъ онъ опасался; этого ему довольно для того, чтобы не желать перемѣнъ, изъ которыхъ еще неизвѣстно, что выйдетъ...

«Средній классъ, правда, менѣе доволенъ, и многіе въ немъ желаютъ политической перемѣны; но надо замѣтить, что большая часть изъ

нихъ не простираетъ своихъ видовъ дальше пріобрѣтенія коммунальныхъ правъ, которыя уничтожены въ Неаполѣ введеніемъ французской цивилизаціи. И нельзя не сознаться, что для народа, такъ мало приготовленнаго къ политическимъ правамъ, пріобрѣтеніе ихъ было бы скорѣе бѣдствіемъ, нежели благомъ. Развѣ мы не видѣли, что происходило въ 1848 году, когда Фердинандъ, однимъ разомъ опередившіи и статутъ сардинскій, и новыя постановленія папскія, издалъ хартію, составленную почти совершенно по хартіи 1830 г.? По своей неопытности въ конституціонной игрѣ, парламентъ оказался неспособнымъ вотировать ни одного закона, и палъ среди волненія, которое вызвалъ, самъ того не желая и не вѣдая»... (*)

Переходя къ аристократіи, виконтъ Лемерсье объявляетъ, что она, не смотря на все уваженіе, которымъ пользуется, не составляетъ нынѣ корпораціи въ королевствѣ и что во всякомъ случаѣ—если ее можно упрекнуть въ чемъ нибудь, то развѣ въ излишнемъ удаленіи дѣлъ, а ужь никакъ не въ либеральныхъ замыслахъ. Очеркъ свой онъ заключаетъ слѣдующими рѣшительными строками: «пусть знаетъ Европа, что недовольство и нерасположеніе неаполитанцевъ къ своему правительству суть нелѣпыя басни, и что наилучшая политика для другихъ державъ относительно Неаполя должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять его правительство, а не ослаблять его.»

Не увлекся ли благородный виконтъ чувствами преданности къ тогдашнему неаполитанскому правительству и дружбою къ высокимъ придворнымъ и духовнымъ особамъ, съ которыми постоянно былъ близокъ, какъ видно изъ его брошюры? Не обманулся ли онъ ихъ показаніями, не представилъ ли вещи въ ложномъ свѣтѣ? Но нѣтъ, мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать что нибудь подобное. Все, что мы можемъ предполагать не безъ основанія, это одно: что виконтъ нѣсколько преувеличилъ еще значеніе либеральныхъ тенденцій въ Неаполѣ. Впрочемъ, если намъ нужно безпристрастія, ничѣмъ не заподозрѣннаго, то обратимся къ туристамъ: ихъ упрекаютъ часто въ легкомысліи, но рѣдко кто изъ нихъ подвергался упреку въ умышленномъ искаженіи фактовъ. Возьмемъ же первыхъ попавшихся: всѣ говорятъ одно и тоже.

«Мы были очень изумлены, пишетъ одинъ изъ нихъ, въ самомъ началѣ своихъ замѣтокъ: нашедши въ Неаполѣ совсѣмъ противное тому, что воображали по журнальнымъ тревогамъ. Такъ это-то терроръ, который, какъ насъ увѣряли, свирѣпствуетъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій! Да помилуйте, намъ бы ничего не надо было

(*) Quelques mots de vérité sur Naples. p. 6—7.

лучше, если бы народъ во Франціи былъ такъ спокоенъ и благополученъ!... Дѣло въ томъ, что народъ здѣсь не томится стремленіемъ обогатиться и завистью, не ищетъ политическихъ правъ, а умѣетъ наслаждаться тѣмъ, что въ избыткѣ даетъ ему природа. Лаццарони валяются на улицахъ и преспокойно смотрятъ на блестящіе экипажи: они совершенно довольны своими лохмотьями, плодами и водой, и не чувствуютъ ни малѣйшей надобности въ перемѣнѣ своей участи» (*).

Эти слова брошены мимоходомъ; а вотъ отзывъ, служащій результатомъ долгихъ размышленій автора, спеціально писавшаго о неаполитанцахъ, г. Теодора Верна:

«Что касается собственно Неаполя, нельзя сомнѣваться въ томъ, что климатъ его способствовалъ разслабленію и упадку нравственной силы народа. Чтобы убѣдиться въ разслабляющемъ свойствѣ этого климата, достаточно прожить въ немъ нѣсколько времени.... Правда, въ итальянскомъ климатѣ образовались древніе римляне; правда, въ Неаполитанскомъ королевствѣ процвѣтали сикулы, самниты, норманны; но эти великія воспоминанія только еще рельефнѣе даютъ видѣть, до какой степени эти воинственныя и сильныя племена выродились въ нынѣшнихъ изнѣженныхъ и лишенныхъ всякой энергіи обитателяхъ.

«Другая причина уничиженія Неаполя—заключается въ долговременномъ насиліи, которое сдѣлало неаполитанцевъ неспособными къ возвышеннымъ стремленіямъ. Для того, чтобы дать ходъ натуральнымъ способностямъ и создать національную доблесть, нужно было, чтобъ каждый находилъ себѣ дорогу, по которой могъ бы онъ идти съ сознаніемъ своей цѣли и своего достоинства. Но правительство вовсе не было приспособлено къ такому воспитанію народа. Теперь всѣ кричатъ, что спасеніемъ для страны можетъ служить лишь измѣненіе существующихъ постановленій. Но по нашему мнѣнію, много преувеличиваютъ значеніе этого общественнаго лекарства; развѣ мы не видимъ, что неаполитанскія постановленія сами по себѣ очень хороши, а между тѣмъ приносятъ плоды полные отравы»?... (**)

Ставя Италію и Неаполь особенно въ безвыходное положеніе, г. Вернъ находитъ для нея одно спасеніе: отказаться отъ католицизма, чтобы принять протестанское исповѣданіе! Изъ этого видно, до какой степени безнадежнымъ казалось положеніе неаполитанскихъ дѣлъ французскому туристу, посѣтившему Неаполь въ прошломъ году....

(*) Quelques lettres sur l'Italie, par E. Paris. 1858 p. 2.
(**) Naples et les Napolitains, p. Théodore Vernes, Brux. 1859. p. 298—300.

Г. Шарль де-ла Вареннъ въ 1858 г. такъ отзывался о правительствѣ неаполитанскомъ: «въ Неаполѣ господствуетъ власть, основанная на союзѣ двора съ простымъ народомъ и половиною буржуазіи, готовою все сдѣлать и все допустить для сохраненія тѣхъ положеній, къ которымъ она привыкла. Этотъ союзъ направленъ преимущественно противъ высшихъ классовъ, питающихъ либеральныя тенденціи, — за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ лицъ, состоящихъ при дворѣ» (*).

Можетъ быть, вы не вполнѣ довѣряете французскимъ отзывамъ? Извѣстно, что у насъ привыкли считать французовъ народомъ легкомысленнымъ. Но мы приводили выше свидѣтельство лорда Глэдстона; можемъ, если хотите, привести отзывъ г. Теорода Мундта, нѣмца: вы знаете, что нѣмцы народъ основательный.

Г. Мундтъ, бывшій въ Неаполѣ въ началѣ нынѣшняго года, замѣчаетъ, что положеніе дѣлъ въ Неаполѣ не обѣщаетъ ничего хорошаго, но что измѣнить его едва ли возможно. «Простой народъ въ Неаполѣ, говоритъ онъ, не хочетъ и не знаетъ политической свободы; онъ совершенно не понялъ бы того, кто бы сталъ обѣщать ему государственныя и общественныя улучшенія, чтобы чрезъ то улучшить состояніе самого народа. Король и народъ въ Неаполѣ держатся крѣпко другъ за друга, потому что они давно уже вмѣстѣ боролись противъ общаго врага — могущества феодаловъ, бывшихъ опасными для нихъ обоихъ, и потомъ — противъ дворянства и самостоятельности буржуазіи. Въ дворянской и прогрессивной части буржуазіи существуютъ либеральныя наклонности; но у нихъ, кажется, никогда не было никакой опредѣленной цѣли. Это либерализмъ надеждъ и желаній, который охотно примирился бы со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно не было таково, какъ нынѣшнее. Въ теоріи этотъ либерализмъ имѣетъ много приверженцевъ, но сомнительно, чтобъ онъ встрѣтилъ серьёзную поддержку» (**).

Наконецъ, можно привести свидѣтельство самихъ итальянцевъ. Довольно вамъ указать, напр., на Монтанелли, который говоритъ, что есть двѣ Италіи: одна — ученыхъ, литераторовъ, адвокатовъ, медиковъ, студентовъ, и другая — священниковъ, монаховъ, простаго народа. Въ разныхъ мѣстностяхъ есть оттѣнки въ отношеніяхъ той и другой партіи, но въ Неаполѣ Монтанелли, какъ и другіе, признаетъ рѣшительное преобладаніе послѣдней (***).

(*) Lettres Italiennes, p. Charles de la Varenne, Paris, 1858, p. 284.

(**) Italienische Zustände, v. Th. Mundt, Berl. 1860, Th. IV, s. 285—286.

(***) Le parti national italien, p. Montanelli,—dans Revue de Paris, 1856, livr. de 15 juillet, p. 481 sq.

Мы размножили наши цитаты, разумѣется, отчасти для того, чтобы показать нашу начитанность по неаполитанскому вопросу, но отчасти и съ другою, менѣе тщеславною цѣлью: намъ хотѣлось показать читателю, что за годъ-за два, даже за нѣсколько мѣсяцевъ, до гарибальдіевскаго движенія, никому дѣйствительно не приходило въ голову, чтобы неаполитанское правительство и его система могли быть такъ легко уничтожены въ Неаполѣ. Многіе у насъ наслышаны о томъ, что итальянцы вообще ужасные головорѣзы, и потому революціи на Апенинскомъ полуостровѣ считаются чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ. Но изъ совокупности свидѣтельствъ всѣхъ партій выходитъ, что неаполитанцы по крайней мѣрѣ — вовсе не были такимъ народомъ. Общій выводъ изъ всѣхъ отзывовъ долженъ быть таковъ: народъ въ Неаполѣ былъ вполнѣ равнодушенъ ко всѣмъ либеральнымъ тенденціямъ и скорѣе расположенъ былъ всѣми силами защищать правительство, нежели возставать противъ него; духовенство, чрезвычайно многочисленное и пользующееся огромнымъ вліяніемъ въ Неаполѣ, постоянно дѣйствовало въ пользу существующей системы; король былъ весьма почитаемъ народомъ, и кромѣ того опирался на сильную армію, которой посвящалъ свое особенное вниманіе. Если бывалъ когда ропотъ, то лишь противъ частныхъ распоряженій и второстепенныхъ чиновниковъ. Либеральныя стремленія обнаруживались лишь въ незначительной части средняго сословія; нѣкоторые увѣряютъ, что и въ высшемъ тоже было недовольство, но очень вѣроятно, что это было въ значительной части случаевъ не болѣе, какъ досада людей, обойденныхъ чиномъ или не умѣвшихъ попасть ко двору. По инымъ, весь неаполитанскій либерализмъ сводится къ ничтожной горсти адвокатовъ и медиковъ, по другимъ онъ представляется болѣе распространеннымъ; но всѣ согласны, что въ либерализмѣ этомъ не было ничего дѣятельнаго, ничего серьёзнаго, даже почти ничего политическаго: общимъ и опредѣленнымъ у всѣхъ было одно только желаніе, чтобы дѣла шли получше. Самыя смѣлыя надежды въ послѣдніе годы не простирались далѣе того, что правительство сдѣлаетъ какія нибудь уступки соединеннымъ настояніямъ Англіи и Франціи. Что же касается до дѣятельной роли народа, о ней не мечтали самые горячіе либералы. Разсказываютъ (можетъ быть и несправедливо), что передъ экспедиціею Гарибальди нѣсколько человѣкъ, изъ самыхъ патріотовъ, въ числѣ которыхъ называютъ Жозефа Феррари, нарочно отправлялись сондировать расположенія неаполитанскаго населенія, и результатъ ихъ наблюденій былъ тотъ, что на неаполитанскомъ материкѣ невозможно было ожидать имъ никакой поддержки. За истину этого слуха нельзя ручаться; но онъ совершенно согласенъ

съ тѣмъ, что писалось о походѣ Гарибальди въ Неаполѣ до самой высадки его въ Реджо. Не говоря о насмѣшкахъ легитимистскихъ газетъ и предостереженіяхъ пьемонтскихъ органовъ кавуровой партіи, вспомнимъ, что самъ Викторъ-Эммануэль, на дняхъ такъ торжественно собравшій плоды отваги Гарибальди, въ іюлѣ мѣсяцѣ писалъ ему дружеское запрещеніе идти на Неаполь... До того всѣ увѣрены были въ прочности неаполитанскаго правительства!

Противъ этого мнѣнія, равно принятаго и врагами и защитниками неаполитанскаго правительства, могутъ повидимому свидѣтельствовать безпрестанныя возстанія и заговоры въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Дѣйствительно, въ 200 лѣтъ, прошедшихъ со времени Мазаніелло, было конечно по крайней мѣрѣ 100 большихъ и малыхъ волненій въ Неаполѣ и Сициліи. Если взять одно царствованіе Фердинанда, такъ и тутъ попытки противъ его правленія надо считать десятками.

Въ 1830 году, 8 ноября, вошелъ на престолъ Фердинандъ II. Немедленно по его воцареніи, по свѣдѣніямъ полиціи оказалось, что въ королевствѣ до 800,000 карбонаріевъ, несмотря на преслѣдованія ихъ въ предшествующія царствованія. Вслѣдъ затѣмъ дѣятельность либераловъ обнаружилась громкими криками о реформѣ, и для ея полученія устроенъ былъ въ 1831 году даже заговоръ, которымъ заправлялъ министръ полиціи Интонти. Заговоръ этотъ открытъ былъ, благодаря зоркости австрійскихъ тайныхъ агентовъ.

Въ теченіе 1833 года было открыто, одинъ за другимъ, три заговора: одинъ Нирико, другой Россароля и Романо, третій Леопарди и Поэріо, — всѣ въ довольно широкихъ размѣрахъ и всѣ открытые предъ самымъ моментомъ исполненія.

Въ 1834 году, по поводу путешествія короля, обнаружились неудовольствія въ Сициліи.

Въ 1837 году, во время холеры, произошли частныя возстанія въ Абруццахъ и въ Калабріи. Въ то же время вспыхнуло возстаніе въ Сициліи: въ Катанію принуждены были послать войска.

Въ 1839 году начиналось движеніе въ Чивита ди Пенна.

Въ 1842 году произошла попытка въ Аквилѣ.

Въ 1844 году открытъ заговоръ въ Козенцѣ.

Въ томъ же году — попытка братьевъ Бандьера, съ семью товарищами.

Въ 1846 году обнародованъ мятежный «протестъ народа Обѣихъ Сицилій», написанный Сеттембрини, но послужившій къ арестаціямъ и ссылкамъ и множества другихъ подозрѣвавшихся въ либерализмѣ.

Въ 1847 году — произошло волненіе въ Реджо и въ Мессинѣ.

Въ 1848 году — общая революція, въ нѣсколько пріемовъ.

Въ 1849 году — продолженіе революціи въ Сициліи.

Въ 1850 году — новая попытка возстанія въ Палермо.

Въ 1851 году — продолжалось укрощеніе мятежныхъ сициліанцевъ.

Въ 1856 году — волненія въ Козенцѣ и въ то же время въ Сициліи, въ Чефалу.

Въ концѣ того же года — покушеніе Агезилая Милано на жизнь Фердинанда.

Въ 1857 году — экспедиція Пизакане.

Въ 1858 году — дѣло Луиджи Пеллегрини и его сообщниковъ.

Въ 1859 году — возмущеніе въ швейцарскихъ полкахъ и потомъ начало волненій въ Сициліи, которыя разразились наконецъ революціею четвертаго апрѣля 1860 года, имѣвшею такое рѣшительное продолженіе во всемъ королевствѣ.

Въ этомъ перечнѣ мы конечно еще пропустили довольно много мелкихъ политическихъ процессовъ, которые въ Неаполѣ никогда не переводились. Такъ, напримѣръ, въ концѣ царствованія Фердинанда, въ сентябрѣ 1858 г., по поводу какого-то найденнаго трупа съ подозрительными бумагами, производилось дѣло, по которому арестовано было до 1,200 человѣкъ; предъ самой смертью Фердинанда готовы были вспыхнуть безпорядки по интригамъ камариллы, желавшей доставить престолъ графу Трани. Такими явленіями полна неаполитанская исторія во всѣ годы.

Все это, повидимому, служитъ опроверженіемъ общихъ отзывовъ о томъ, что народъ неполитанскій чрезвычайно спокоенъ и доволенъ, что онъ не стремится къ измѣненію своего положенія и къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Но это только повидимому: въ самомъ же дѣлѣ, при внимательномъ взглядѣ, мы находимъ, что всѣ частныя возстанія, происходившія въ Неаполѣ, только могли убѣждать въ ничтожности и рѣшительной несостоятельности партій, стремившихся къ измѣненію существующаго порядка вещей. Народъ не только не поддерживалъ этихъ партій, но еще на нихъ же опрокидывался. Такъ въ революцію 1848 года замѣченъ былъ всѣми фактъ, на который, между прочимъ, ссылается аббатъ Мишонъ. «Фердинандъ, видя, что либералы становятся сильны, ничего не нашелъ лучшаго для себя, какъ обратиться къ народу. Онъ вооружилъ изъ него десять тысячъ, которые ринулись на Неаполь, вторгались въ дома, заставляли трепетать всѣхъ» (*). Г. Гондонъ,

(*) Michon, L'Italie, pol. et rel. p. 83.

опровергая Глэдстона и доказывая, что народъ въ Неаполѣ не только не желаетъ, но и знать не хочетъ конституціи, приводитъ слѣдующій фактъ. «Въ провинціяхъ, и даже въ самомъ Неаполѣ, когда возмутители кричали: «viva la constituzione!»—въ народѣ слышались насмѣшливые крики: «viva la costruzione! viva la costipazione! viva la contrizione!» (*) Вслѣдъ за усмиреніемъ волненій, къ королю, по свидѣтельству того же г. Гондона и другихъ благонамѣренныхъ людей, посыпались адресы, говорившіе, что не нужно созывать новаго парламента; и большая часть провинціальныхъ совѣтовъ выразила желаніе, чтобъ конституція была уничтожена. Значитъ, элементы либерализма такъ были ничтожны въ Неаполѣ, что не могли противустоять правительству, даже въ 1848, во время всеобщаго волненія во всей западной Европѣ. Историкъ итальянскаго движенія 1848 года, Перренсъ, указываетъ много фактовъ, доказывающихъ, что народъ, духовенство и армія дѣйствительно не были въ Неаполѣ расположены къ поддержкѣ новыхъ, конституціонныхъ началъ правленія. «3 августа, толпы солдатъ и лаццорони бѣгали по городу съ криками: «долой статутъ! Да здравствуетъ король!»—5-го сентября, депутаты, направляясь въ палату, были оскорбляемы на улицахъ.» Въ этотъ же день одинъ священникъ санта-лучіанской церкви воспламенилъ народъ противъ либераловъ, какъ враговъ короля, и повелъ противъ нихъ народъ, съ криками: «долой свободу! да здравствуетъ король!» (**).

Довольно вспомнить, что уничтоженіе неаполитанскаго парламента въ 1849 году было простою полицейскою мѣрою, чтобы видѣть, какъ мало дѣйствительнаго участія принималъ народъ въ поддержкѣ революціи. Подобные же факты обнаруживались и послѣ: напр., въ 1857 году, въ Сапри сельское населеніе рѣшительно напало на отрядъ инсургентовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Пизокане, и клерикальные журналы не мало говорили тогда по этому случаю о преданности неаполитанцевъ законной власти. Наконецъ, кто слѣдилъ за событіями въ Неаполѣ по газетнымъ извѣстіямъ послѣднихъ мѣсяцевъ, тотъ могъ замѣтить, что и нынѣ масса неаполитанскаго народа не очень много измѣнилась въ своихъ расположеніяхъ. Въ томъ же Санта-Лучіанскомъ приходѣ, который игралъ такую роль въ сентябрѣ 1848 года, происходило въ началѣ нынѣшняго сентября тоже волненіе, по поводу отъѣзда короля изъ Неаполя. Реакціон-

---

(*) La terreur dans le Royaume de Naples, p. Jules Gondon, Paris, 1851, 145.

(**) Deux ans de revolution en Italie, p. F. T. Perrens, Paris, 1857, p. 468—470.

ныя попытки противъ конституціи были и въ нынѣшнемъ году. Даже послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, до самаго послѣдняго времени не переставали приходить извѣстія о движеніяхъ, то тамъ, то здѣсь, въ смыслѣ возстановленія павшаго правительства. Казалось бы, что невзгода, постигшая Франциска II, не должна считаться серьёзною, что его пребываніе въ Гаэтѣ еще не совсѣмъ безнадежно, что народъ можетъ возвратиться къ нему....

Но всѣ видятъ, что на этотъ разъ прежнее неаполитанское правительство въ Неаполѣ получило ударъ рѣшительный. Всѣ видятъ, что хотя народъ неаполитанскій и оказался не очень энергичнымъ сподвижникомъ предводителей движенія, но встрѣчалъ ихъ съ энтузіазмомъ и пассивнымъ образомъ содѣйствовалъ низверженію существовавшаго правленія. Попытки реакціи не были уже сильны, какъ прежде.

II.

Что значитъ такая перемѣна и какъ она могла произойти? Мы видѣли, что народъ неаполитанскій по своему характеру вовсе несклоненъ къ политическимъ нововведеніямъ и къ ослушанію законной власти. Не было ли работы злоумышленниковъ надъ умами народа въ Неаполѣ, и не дано ли имъ было слишкомъ много простора для ихъ гибельныхъ замысловъ? Если бы мы успѣли открыть это, все бы объяснилось, и странность внезапнаго паденія неаполитанскаго правительства не была бы болѣе странностью.

Посмотримъ, какими средствами могли располагать злонамѣренные люди для распространенія своихъ идей и для возбужденія народа къ возстанію противъ установленныхъ порядковъ.

Религіозные споры много разъ служили въ разныхъ странахъ Европы прикрытіемъ политическихъ требованій. Исторія реформаціи особенно полна такими фактами. Вотъ почему одинъ писатель, котораго приводили мы выше, находитъ даже, что свобода Италіи невозможна, пока протестанство туда не проникнетъ. «Нравственное первенство Италіи, равно какъ и ея независимость, говоритъ онъ, погибли такъ быстро потому, что Италія осталась чуждою реформѣ» (*). Г. Вернъ разсуждаетъ такъ съ своей точки зрѣнія, а г. Гондонъ, напримѣръ, съ ужасомъ и отвращеніемъ высказываетъ

(*) Naples et les Napolitains, p. Th. Vernes, p. 306.

опасеніе, что англійская политика въ Италіи можетъ повести къ учрежденію тамъ библейскихъ обществъ и введенію ереси (*). Взглянемъ же, во-первыхъ, какъ силенъ *еретическій* элементъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Раскроемъ хоть статистику Кольба, 1860 года (**):

Населеніе	. . . .	9,117,000.
Въ томъ числѣ — протестантовъ		800,
евреевъ.	. .	2,200.

Остальные всѣ — католики.

Оказывается, что еретическіе элементы — вовсе не такъ сильны въ Неаполѣ, чтобы могли волновать умы народа и направлять его къ исканію реформъ. Католическая церковь всегда была поборницею преданій противъ стремленій кичливаго разума человѣческаго, всегда укрощала гордыя страсти и поощряла терпѣніе и смиреніе. Очевидно, что религіозныя вліянія въ Неаполѣ должны были всегда дѣйствовать самымъ благопріятнымъ образомъ для сохраненія порядка.

Но форма вѣроисповѣданія сама по себѣ еще не составляетъ всего. И католическій народъ можетъ быть непокорнымъ и буйнымъ, если онъ холоденъ къ своей религіи, если онъ зараженъ скептическими началами, столь распространенными въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка. Примѣръ вамъ — Франція: французы тоже почти всѣ католики, но плохіе католики. Поэтому надо знать не то, къ какому исповѣданію причисляются неаполитанцы, а то, въ какой мѣрѣ проникнуты они духомъ своей религіи. На этотъ счетъ мы имѣемъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія. Общій отзывъ тотъ, что нѣтъ народа, болѣе преданнаго католицизму, какъ неаполитанцы. Тонъ отзывовъ, разумѣется, различается, сообразно личнымъ воззрѣніямъ каждаго автора: одни сожалѣютъ о суевѣріи народа, другіе превозносятъ его набожность и религіозность. Мы приведемъ, для бо́льшаго безпристрастія, свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

Изъ всего, что было писано о религіозности неаполитанцевъ, намъ особенно нравятся краснорѣчивыя страницы благочестиваго Жюля Гондона, въ которыхъ онъ показываетъ мелкіе недостатки, замѣчаемые въ общественной жизни и въ самыхъ постановленіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ перевести эти страницы.

«Неаполь не избѣгъ общей участи человѣческихъ обществъ, — пишетъ г. Гондонъ: — его установленія не совсѣмъ изъяты отъ критики; они могли бы, конечно, быть на болѣе высокой степени со-

(*) De l'état des choses à Naples, p. 4.
(**) G. fr. Kolb, Handbuch der vergleich. Statistik, p. 288.

вершенства. Я долженъ согласиться, что иностранецъ, пріѣзжающій въ Неаполь, испытываетъ тотчасъ же нѣсколько непріятныхъ впечатлѣній, которыя часто имѣютъ большое вліяніе на его сужденіе о странѣ.

«Такъ не безъ основанія жалуются на медленность, съ которою полиція исполняетъ всѣ формальности, необходимыя для впуска путешественниковъ въ страну. Впрочемъ это должно быть отнесено только къ манерѣ исполненія своихъ обязанностей низшими чиновниками, потому что въ сущности мѣры относительно пріѣзжающихъ чрезвычайно благоразумны и необходимы для предохраненія страны отъ золъ политическихъ, нравственныхъ и даже религіозныхъ, которыя могли бы вкрасться въ нее извнѣ.

«Таможенный осмотръ при въѣздѣ даетъ очень грустное понятіе о продажности низшихъ чиновниковъ по этой части.

«То же зрѣлище продажности поражаетъ путешественника, когда онъ проникаетъ во внутренность страны. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ — не только необходимо представлять свой паспортъ, но эта формальность исполняется такимъ образомъ, что она кажется не столько мѣрою общественной безопасности, сколько предлогомъ вытянуть у путешественника нѣсколько денегъ.

«Надо однакоже сказать, что эти злоупотребленія, повсюду распространенныя въ Италіи, имѣютъ свой корень въ обычаяхъ, которые ихъ оправдываютъ. Но путешественникъ, пріѣзжающій въ чужую страну, обыкновенно не старается поставить себя на точку зрѣнія своихъ хозяевъ: онъ судитъ обо всемъ по своимъ понятіямъ, сравнивая то, что видитъ, съ постановленіями, обычаями и нравами своихъ соотечественниковъ.

«Но какое блестящее вознагражденіе за эти непріятности! Едва вы вступите въ Неаполь, какъ передъ вами открывается истинный характеръ обитателей! На каждомъ шагу возстаютъ передъ вами свидѣтельства религіозной вѣры. Статуи Пресвятой Дѣвы или святыхъ украшаютъ всѣ площади. Нѣтъ ни одного памятника, пирамиды, фонтана, на верху котораго не стояло бы изображеніе Мадонны или почитаемаго святаго, вызывая прохожихъ на благочестивыя размышленія. На углу каждой улицы вы находите нишь, гдѣ помѣщена статуя святаго, подъ покровительство котораго отдали себя жители этой улицы. Это нѣчто въ родѣ маленькихъ часовенъ, поддерживаемыхъ съ благочестивымъ тщаніемъ, благолѣпно украшенныхъ; въ теченіе всей ночи предъ ними неугасимо горитъ лампада. Въ улицахъ болѣе длинныхъ число этихъ нишей увеличивается. Но что еще болѣе замѣчательно,—независимо отъ этихъ общихъ выраженій благочестія, — въ каждомъ магазинѣ, самомъ богатомъ,

равно какъ и въ самой бѣдной лавчонкѣ, противъ входа находится всегда образъ св. Дѣвы или святаго, украшенный цвѣтами, а вечеромъ озаренный свѣчами.

«Эта религіозность физіономіи большаго города составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ неаполитанской столицы. Я былъ ею тронутъ гораздо болѣе, нежели красотою залива, живописностью мѣстоположенія, блескомъ артистическихъ богатствъ и драгоцѣннѣйшихъ коллекцій древностей. Свидѣтельства живой религіозной вѣры народа, со всѣхъ сторонъ возстающія передъ очами, были для меня полнѣйшимъ ручательствомъ за него противъ клеветъ, которыя такъ упорно и безсовѣстно расточаются на счетъ этого добраго племени.

«Кто вздумалъ бы приписывать суевѣрію и невѣжеству эти внѣшніе знаки народнаго благочестія, тому стоило бы только, для уничтоженія своихъ сомнѣній, заняться изученіемъ простыхъ, истинно-христіанскихъ нравовъ народа. Достаточно войти, въ воскресенье или въ праздникъ, въ церковь, чтобы убѣдиться въ искренности и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, которыя такъ ярко выражаются на каждомъ шагу въ Неаполѣ.

«Не менѣе поразительно для иностранца то уваженіе, которымъ окружаетъ народъ представителей церкви. Благоговѣніе неаполитанцевъ предъ служителями Божіими совершенно напоминаетъ время первобытной церкви Христовой: безпрестанно встрѣчаете вы лица разныхъ сословій, останавливающіяся на улицахъ предъ монахомъ или священникомъ, чтобы поцаловать у него руку, въ знакъ благоговѣйнаго уваженія.

«Нѣтъ, что бы ни говорили апологисты протестантской Англіи,— народъ, у котораго религія образуетъ сердце, очищаетъ и возвышаетъ стремленія, не можетъ быть ниже націи, которая понимаетъ религіозную истину лишь подъ призмою ереси. И если даже смотрѣть со стороны матеріальнаго благосостоянія (которая одна только и занимаетъ извѣстные умы!), то какъ не признать, что рабочіе классы въ Италіи, и въ Неаполѣ особенно, несравненно счастливѣе работниковъ въ какой бы то ни было части Соединеннаго Королевства!

«Если бы манчестерскій или бирмингэмскій работникъ захотѣлъ справлять въ теченіе года всѣ религіозныя торжества, строго соблюдаемыя въ Италіи, то его семья принуждена была бы умереть съ голоду. Въ Неаполѣ же, несмотря на чрезвычайно частые праздники, которые, освящая душу, содѣйствуютъ чрезъ то и благосостоянію тѣла, работникъ удовлетворяетъ весьма легко всѣмъ своимъ нуждамъ, съ семьею и дѣтьми. Англійскій работникъ, въ обыкновен-

ныхъ условіяхъ, работаетъ больше, питается не лучше, семью свою содержитъ съ бо́льшимъ трудомъ и доходитъ до конца года съ бо́льшимъ истощеніемъ тѣла, не испытавъ ни одного изъ тѣхъ нравственныхъ услажденій, которыя католическая религія даетъ вкушать неаполитанскому простолюдину, находящемуся въ тѣхъ же условіяхъ. Такъ, широкое значеніе, предоставленное у католическихъ націй жизни духовной, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, возвышаетъ матеріальное благосостояніе!» (*)

Въ этомъ описаніи вы видите, правда, только внѣшнюю сторону,—обряды и образа̀; вы не видите, до какой степени *духъ* христіанской религіи проникъ въ сердца народа. Г. Гондонъ не говоритъ объ этомъ, а другіе увѣряютъ, что сущность христіанстаа вовсе не понятна для массъ и даже для многихъ изъ самихъ духовныхъ лицъ. Такъ напр. у г. Верна находимъ увѣренія и факты, доказывающіе, что «безнравственность легко уживается у неаполитанскаго простонародья съ величайшею набожностью». Въ Калабріи и Абруццахъ безпрерывно происходятъ грабежи, но часть награбленнаго всегда идетъ на дѣла церковныя, на украшеніе иконъ, статуй, и т. п. Само духовенство хлопочетъ только о томъ, чтобы народъ больше дѣлалъ приношеній на церковь, больше крестился и клалъ поклоны передъ образами, а затѣмъ — духовное возвышеніе народа нимало не интересуетъ его пастырей. Священники и монахи не даютъ безъ денегъ разрѣшенія на бракъ, требуютъ платы за позволеніе ѣсть скоромное въ постные дни, продаютъ чотки, молитвы за умершихъ, находящихся въ чистилищѣ, собираютъ по мелочи деньги съ сотни персонъ, заказывающихъ службу, и отправляютъ ее для всѣхъ заодно. Наконецъ, они придумываютъ необыкновенныя явленія, чтобы привлечь въ свои церкви больше народа и слѣдовательно больше приношеній» (*).

Не приводя другихъ свидѣтельствъ, заподозрѣвающихъ значеніе неаполитанской религіозности, не можемъ умолчать однако, что г. Мишонъ, хотя и аббатъ, къ сожалѣнію совершенно сходится въ своихъ отзывахъ съ людьми либеральнаго образа мыслей. Аббатъ очень недоволенъ, напримѣръ, неаполитанскими проповѣдниками, приводя въ примѣръ анализъ одной проповѣди какого-то отца Джузеппе Фуріа на тему о цѣломудріи. Вся проповѣдь, говоритъ аббатъ Мишонъ, была въ безусловномъ духѣ; отецъ Фуріа не дѣлалъ ни малѣйшаго примѣненія къ общественной жизни, ни малѣйшей уступки даже супружескимъ отношеніямъ, — онъ требовалъ цѣломудрія

(*) De l'état des choses à Naples, p. J. Gondon, p. 173—176.
(**) Naples et les Napol. chap. V—VI, Religion, miracles.

въ самыхъ яркихъ метафорахъ и благоуханныхъ фразахъ, съ весьма патетическими жестами, по обыкновенію. «Разумѣется, такія проповѣди не могутъ укрѣплять человѣка въ практической жизни, замѣчаетъ аббатъ Мишонъ;—а между тѣмъ всѣ почти проповѣдники въ Неаполѣ берутъ темы столько же безплодныя и отвлеченныя, слѣдуютъ той же рутинѣ и схоластикѣ.» Вообще онъ замѣчаетъ, что духовенство въ Неаполѣ плохо образовано, грубо и часто не понимаетъ даже своихъ обязанностей. Служителями церкви дѣлаются отъ-нéкуда дѣваться. Къ одному изъ аристократовъ Неаполя явился молодой, дюжій парень, съ грубыми замашками, одѣтый клеркомъ; священникъ, который привелъ его, просилъ сеньйора внести за него плату, необходимую для того, чтобы молодой человѣкъ могъ получить священство. Сеньйоръ былъ непріятно удивленъ и замѣтилъ: «помилуйте, да ему бы лучше въ солдаты идти!»—«Это правда, замѣтилъ священникъ: — но онъ очень труслив!» (*).

Мы не имѣемъ особеннаго интереса защищать католическое духовенство бывшихъ неаполитанскихъ владѣній; мы не рѣшаемся на это тѣмъ болѣе, что въ недостаткахъ его сознаются сами его защитники. Такъ, напр., виконтъ Лемерсье соглашается, что духовенство неаполитанское далеко не такъ безукоризненно, какъ французское; количество его, слишкомъ значительное въ сравненіи съ народонаселеніемъ, заставляетъ его, болѣе чѣмъ нужно, соприкасаться съ теченіемъ дѣлъ житейскихъ; оно входитъ въ семейства болѣе въ качествѣ знакомыхъ, нежели духовныхъ отцовъ. Уваженіе къ священному званію ничуть не страдаетъ отъ этого, но самая личность уже не внушаетъ духовнаго благоговѣнія. У народа менѣе религіознаго такія отношенія скоро породили бы ссоры; но у неаполитанцевъ не вредятъ нимало вѣрѣ (**). Впрочемъ благородный виконтъ кончаетъ тѣмъ, что «никакимъ образомъ не должно вѣрить баснямъ относительно клира, вымышленнымъ людьми, которые желали бы уменьшить спасительное вліяніе духовенства на массы». Вотъ это—главное. Духовенство имѣетъ огромное вліяніе на массы—вотъ фактъ, котораго никто не отрицаетъ. Фактъ этотъ указывается уже самымъ количествомъ духовенства въ Неаполѣ. Аббатъ Мишонъ говоритъ, что количество духовныхъ считаютъ въ Неаполѣ равнымъ около трети всего мужскаго населенія. Эту цифру онъ считаетъ очень преувеличенною; но чтобы дать понятіе о многочисленности клира, даетъ слѣдующую мѣрку: «однажды, говоритъ онъ, идя по улицѣ Толедо, я изъ любопытства вздумалъ считать священни-

(*) L'Italie pol. et rel. p. 110, 113.
(**) Quelques mots de ver. s. Naples. p. 18.

ковъ, которые мнѣ встрѣчались: въ теченіе полчаса, я насчиталъ ихъ 120». Ясно, что если даже не нравственнымъ вліяніемъ, то однимъ своимъ присутствіемъ духовенство должно составлять въ Неаполѣ значительную силу. Но и вліяніе его велико; объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всего лучше люди, враждебные къ нему. Такъ г. Теодоръ Вернъ пишетъ: «если законы въ Неаполѣ вообще мало оказываютъ вліянія на нравы, зато совершенно противное надо сказать о религіи, дѣйствующей различными средствами и на личность, и на семейство, и на цѣлое общество. Духъ католическій и клерикальный здѣсь господствуетъ и управляетъ, и въ немъ-то находится почти вся причина настоящаго положенія вещей. Онъ въ теченіе вѣковъ упорно работалъ надъ тѣмъ, чтобы понизить нравственный и умственный уровень народнаго характера» (*).

Мы знаемъ, что значатъ эти выраженія въ устахъ Верна, и изъ его словъ мы дѣлаемъ простое заключеніе, что вліяніе клира въ Неаполѣ—огромно и что оно всегда было направлено къ тому, чтобы смирить кичливое недовольство, успокоить страсти и внушить народу послушаніе и самоотверженіе. Этого было бы довольно намъ для вывода, что церковь въ Неаполѣ никогда не была противницею законной власти, не возбуждала народъ къ волненіямъ и недовольству. Но чтобы окончательно разрушить всякое сомнѣніе по этой части, мы должны коснуться еще одного подозрѣнія, которое въ послѣдніе годы распространено было нѣкоторыми людьми на счетъ непріятностей, возникшихъ будто бы между Фердинандомъ II и святѣйшимъ отцомъ. Трудно было бы повѣрить этому, зная, какъ благочестивъ былъ король неаполитанскій и какъ много дѣлалъ онъ для церкви. Извѣстно, что духовный отецъ Фердинанда, монсеньйоръ Кокль, имѣлъ на него сильное вліяніе. Извѣстно, что король строго выполнялъ всѣ религіозные обряды, аккуратно являлся въ церковь. Все это уже свидѣтельствуетъ въ пользу полнѣйшаго согласія бывшаго неаполитанскаго правительства съ папскимъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ было между ними маленькое недоразумѣніе по поводу іезуитовъ. Враги порядка и добраго согласія хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы прокричать о несогласіяхъ между Римомъ и Неаполемъ. Но вотъ, что говоритъ по этому поводу Жюль Гондонъ: «Будьте увѣрены, что чувства короля въ отношеніи къ сынамъ св. Игнатія совершенно таковы же, какъ и самой церкви, и доказательствомъ этому служитъ неограниченное довѣріе, которымъ пользуются члены этого общества во всемъ королевствѣ. Сво-

(*) Naples et les Napol. p. 165.

бода дѣйствій, предоставленная іезуитамъ, не имѣетъ предѣловъ; можно сказать, что имъ ввѣрилъ король воспитаніе всѣхъ классовъ общества. Недавно поручено имъ было управленіе церковною школою, куда приходили отличнѣйшіе члены клира изъ разныхъ діоцезовъ; они и теперь воспитываютъ дѣтей аристократовъ, въ благородныхъ коллегіумахъ, и дѣтей средняго класса, въ лицеяхъ; они имѣютъ своихъ профессоровъ въ военной школѣ; духовное направленіе арміи поручено ихъ усердію; тюрьмы отданы въ ихъ полное распоряженіе, госпитали открыты для ихъ отеческихъ попеченій. Такимъ образомъ, за исключеніемъ нормальной церковной школы, іезуиты управляютъ всѣми учрежденіями, и непріятности происшедшія недавно и направленныя болѣе противъ нѣкоторыхъ личностей, хотя и опечаливаютъ всѣ католическія сердца, но не должны подавать повода къ сомнѣніямъ въ продолженіи наилучшихъ отношеній между королемъ и святѣйшимъ отцомъ (*).»

Такимъ образомъ мы приходимъ къ рѣшительному заключенію, что одна изъ самыхъ важныхъ силъ управляющихъ жизнью народа, — религія была въ Неаполѣ постоянно въ союзѣ съ властью, и что служители религіи, имѣя огромное вліяніе, располагали народъ не къ нововведеніямъ и самовольству, а къ послушанію, самоотверженію и сохраненію утвержденныхъ порядковъ и обычаевъ. Консерватизмъ религіозный неразлучно связывался съ консерватизмомъ политическимъ.

Н. Т—НОВЪ.

(*) Jules Gondon, De l'état des choses à Naples, p. 198.

ПОЛИТИКА.

РЕФОРМЫ ВЪ АВСТРІИ. — РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦІИ. — ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА. — 6 НОЯБРЯ 1860 ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Когда обнаружилось, что прежнее неаполитанское правительство не удержится противъ Гарибальди, а еще больше, когда обнаружилось, что Викторъ-Эммануэль не побоится принять подъ свою власть южную Италію, и хочетъ низвергнуть свѣтскую власть папы, Австрія увидѣла надобность остановить дѣло вооруженною силою, и воинственность вѣнскаго правительства дошла до такого жара, что съ каждымъ днемъ надобно было ожидать вторженія австрійскихъ войскъ въ Ломбардію, въ отнятыя у папы провинціи, и въ случаѣ успѣха въ бывшее Неаполитанское королевство. Но наученное прошлогоднимъ опытомъ, австрійское правительство хотѣло пріобрѣсти силъ больше прежняго, чтобы вновь не испытать неудачи въ задуманной войнѣ. Чьи дѣла пойдутъ расклеиваться, тому все обращается во вредъ: захочетъ онъ быть отважнымъ, окажется опрометчивымъ; захочетъ быть осмотрительнымъ, окажется пропускающимъ удобное время. Такъ и австрійцы: въ прошломъ году они проиграли дѣло оттого, что погорячились; теперь проигрываютъ его оттого, что вздумали поступать осторожно. Читатель могъ прежде не раздѣлять нашихъ чувствъ, когда мы хвалили австрійцевъ, потому что тогда мы руководились своимъ образомъ мнѣній, а въ образѣ мнѣній люди могутъ расходиться; теперь не то: какого бы образа мыслей кто ни держался, всякій долженъ сострадать вмѣстѣ съ нами. Въ прошедшемъ году они под-

вергались несчастіямъ на поляхъ битвъ, они лишились богатѣйшей провинціи; но эти прискорбія вознаграждались отрадными фактами другаго рода. Если война отняла у нихъ Ломбардію, то Виллафранкскій миръ подарилъ имъ Венецію,—подарилъ, говоримъ мы, потому что никто изъ друзей Австріи, дней всего за 10 передъ Виллафранкскимъ миромъ, не могъ ожидать, что она останется въ ихъ рукахъ, и мы сами уже отказывались отъ этого упованія, котораго такъ долго и такъ крѣпко держались. Но маловѣріе, вторгавшееся въ наше сердце, пристыжено было великодушіемъ императора французовъ. Возрастающая благосклонность побѣдителя открывала потомъ Австріи перспективу, еще болѣе отрадную: Цюрихскій миръ утѣшалъ насъ обѣщаніемъ возстановить двухъ герцоговъ и одного великаго герцога, успокоивалъ насъ составленіемъ конфедераціи, въ которой всѣ голоса были бы противъ Піэмонта, которая подъ предсѣдательствомъ папы, подъ эгидою Франціи, возвратила бы прежнюю тишину несчастнымъ итальянцамъ, возстановила бы въ ней прежнее уваженіе къ совѣтамъ Австріи, на одномъ лишь томъ условіи, чтобы Австрія сама не выходила изъ-подъ вліянія могущественнаго и благороднаго новаго своего союзника; но это условіе было такъ разумно, исполнять его было такъ легко для Австріи при полномъ согласіи ея принциповъ съ принципами великодушнаго побѣдителя и покровителя. Не дурно стали устроиваться и внутреннія дѣла Австріи, начинавшія-было расшатываться отъ войны. Неудовольствіе, овладѣвавшее всѣми провинціями, начинавшее принимать опасный характеръ передъ Виллафранкскимъ миромъ, стало послѣ него безсильнымъ пустословіемъ, вызывавшимъ только презрительную улыбку на лицахъ друзей Австріи: съ возвращеніемъ войскъ, правда, побѣжденныхъ непріятельскими арміями, но достаточно мужественныхъ для разсѣянія мятежниковъ, благодаря искусству вѣрныхъ командировъ въ усмиреніи внутренняго врага, — съ возвращеніемъ этихъ войскъ въ Вѣну, въ Пештъ, Дебречинъ, Львовъ, Прагу и т. д., злоумышленники лишились возможности осуществить свои преступные замыслы; они отступились отъ намѣренія дѣйствовать, и лишь неосновательные люди продолжали еще роптать, не понимая, что прошло время, когда ропотъ былъ не лишенъ смысла; скоро и они стали замолкать, — видъ Бенедека, окруженнаго 60-тысячнымъ войскомъ въ Пештѣ, видъ сподвижниковъ Бенедека, окруженныхъ достаточнымъ для другихъ провинцій числомъ войска въ другихъ городахъ, охлаждалъ запоздалую горячку, и все возвращалось къ спокойствію. Да, существовали тогда и отрадныя явленія; теперь не то. Теперь весь горизонтъ австрійскихъ правителей покрытъ тучами, сквозь которыхъ

не падаетъ ни одного свѣтлаго луча. А отъ чего произошла вся бѣда ихъ? Оттого, что запуганные прошлогодними слѣдствіями своей опрометчивости, они вздумали осторожно и осмотрительно обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ. Они пропустили этимъ удобное время,— а удобное время было для нихъ.

Мѣсяца три тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ августа, было уже видно, что Францискъ II будетъ низвергнутъ, что неаполитанцы собираются провозгласить власть Виктора-Эммануэля, что онъ приметъ власть надъ ними и соединитъ Италію въ одно государство. Вотъ этихъ немногихъ дней, прошедшихъ между первыми успѣхами Гарибальди въ Калабріи и выступленіемъ сардинскихъ войскъ на подавленіе Ламорисьера, не слѣдовало бы терять австрійцамъ. Не слѣдовало имъ довольствоваться посылкою по нѣскольку человѣкъ на подкрѣпленіе Ламорисьера, а прямо, открыто двинуть тысячъ 50 или 80 австрійскаго войска на изгнаніе Гарибальди изъ неаполитанскихъ предѣловъ. Это можно было сдѣлать, не касаясь земель, находившихся тогда подъ властью Виктора-Эммануэля: можно было переправить армію моремъ изъ Тріеста или Венеціи въ Абруццы или другую неаполитанскую область. У Австріи нѣтъ военнаго флота, но купеческихъ пароходовъ и транспортныхъ судовъ нашлось бы довольно: стѣсняться формами при такой безотлагательной надобности не стали бы австрійскіе правители: можно было безъ околичностей забрать подъ перевозку войскъ всѣ купеческія суда въ Тріестѣ и другихъ австрійскихъ портовыхъ городахъ. Дѣло съ Гарибальди было бы покончено въ нѣсколько дней, много въ двѣ недѣли, и Кавуръ не посмѣлъ бы шевельнуть пальцемъ, имѣя противъ себя на сѣверо-востокѣ Верону и Мантую, а на югѣ 80 тысячъ австрійцевъ съ 50-тысячною арміею Франциска II и 30-тысячною арміею Ламорисьера. Онъ протестовалъ бы, да тѣмъ и кончилъ бы. Но Франція? Вѣдь Франція провозглашала, что не потерпитъ вмѣшательства въ итальянскія дѣла? Кто знакомъ съ человѣческими дѣлами, знаетъ, какъ легко было бы устранить это возраженіе. Австрійцы торжественно объявили бы и конфиденціально увѣрили бы, что они нимало не хотятъ касатьтя ни Піэмонта, ни Ломбардіи, гарантированной ему Франціею, ни даже Тосканы, герцогствъ и Романьи, присоединеніе которыхъ къ Піэмонту не гарантировано и не одобрено Франціею; что они хотятъ только прогнать флибустьера изъ владѣній своего союзника и родственника короля неаполитанскаго и немедленно возвратятся назадъ въ свои границы, какъ только возстановятъ его власть. Только то и было бы нужно. Чего хочетъ Франція? Только того, чтобы австрійцы не возстановляли своего перевѣса въ Италіи во вредъ французскому влія-

нію, и успокоить Францію въ этомъ отношеніи было бы легко австрійцамъ: стоило бы объявить имъ, что они съ радостію увидятъ, если французы будутъ помогать имъ въ изгнаніи Гарибальди. Франція прислала бы еще нѣсколько дивизій въ Римъ, заняла бы, можетъ быть, Неаполь или другіе пункты, увидѣла бы, что австрійцы не опасаются ея войскъ, смотрятъ на нихъ какъ на союзниковъ — и дѣло кончилось бы возстановленіемъ Франциска II, и австрійцы, вѣрные своему слову, возвратились бы домой, т. е. въ Венецію, и южная половина полуострова была бы возвращена ихъ союзнику и родственнику, а папа сохранилъ бы Умбрію и маркграфства. Еслибы только увѣрить Францію, что цѣль австрійскаго движенія состоитъ лишь въ этомъ, Франція осталась бы очень довольна, потому что расширеніе власти Виктора Эммануэля противно интересамъ императора французовъ, какъ извѣстно всѣмъ. Другія великія державы одобрили бы такую помощь: одна Англія протестовала бы,— но опять извѣстно, что войны за Италію не начала бы она ни въ какомъ случаѣ; а неудовольствіе, ограничивающееся депешами и протестами, не слишкомъ важная вещь. Смѣлостью и быстротою Австрія могла бы удержать въ концѣ августа Италію отъ соединенія въ одно государство. А теперь уже поздно, соединеніе произошло; изъ 80 тысячъ союзниковъ, которыхъ имѣла тогда Австрія въ арміяхъ Франциска II и Ламорисьера, осталось лишь нѣсколько безсильныхъ батальоновъ въ Гаэтѣ и въ Римѣ, а армія Виктора Эммануэля уже увеличилась нѣсколькими десятками тысячъ съ той поры, увеличится еще сотнею тысячъ или больше къ веснѣ. Потеряно австрійцами время; потеряли они его въ напрасныхъ стараніяхъ обезпечить неудобоисполнимыми средствами успѣхъ, зависѣвшій отъ рѣшительности и прямоты.

Въ прошедшій разъ мы говорили, какими способами думала Австрія упрочить успѣхъ себѣ въ итальянской войнѣ; теперь посмотримъ, къ чему привели ее эти способы.

Ей хотѣлось удержать Францію отъ сопротивленія австрійскому вмѣшательству въ итальянскія дѣла. Можно было бы прямо согласиться съ императоромъ французовъ, еслибы войти въ его виды. Мысль о возвращеніи Ломбардіи и о возстановленіи надлежащаго порядка въ сѣверной Италіи слѣдовало оставить до обстоятельствъ, болѣе благопріятныхъ. Вмѣсто этого, Австрія вздумала составить коалицію восточной Европы, чтобы грозить вторженіемъ черезъ Рейнъ, если французы не дадутъ ей власти распоряжаться въ Италіи, какъ она хочетъ. Это значило требовать отъ императора французовъ невозможныхъ вещей и прибѣгать къ фантастическимъ средствамъ для вынужденія у него согласія. Наполе-

онъ III конечно желаетъ добра австрійцамъ, но благородное сочувствіе къ нимъ не доходитъ у него, какъ у человѣка разсчетливаго, до забвенія о самомъ себѣ, до подрыванія собственной власти изъ любви къ австрійцамъ. Что сказала бы французская публика, еслибъ онъ уступилъ австрійцамъ политическое первенство на западѣ европейскаго континента,—а предоставить австрійцамъ произволъ распоряжаться въ Италіи, какъ они хотятъ, значило бы ни больше, ни меньше, какъ предоставить имъ первенство, свести Францію на второе мѣсто между западными континентальными державами. «Это униженіе для насъ», сказала бы французская публика, и власть Наполеона III поколебалась бы. А еще больше, если бы такая уступка была вынуждена у него угрозами, какъ думала сдѣлать Австрія, — что сказала бы тогда французская публика? Она не стала бы и говорить ничего, потому что стала бы думать уже не о разговорахъ; потому-то Наполеонъ III, когда Австрія начала громко говорить о готовящейся коалиціи, нашелся вынужденнымъ произнесть очень простыя слова: «я не вѣрю, будто бы составляется коалиція; но если она составляется, я не боюсь ея». Слова эти хороши тѣмъ, что справедливы. Наполеонъ III находится въ такомъ положеніи, что коалиція не страшна ему; напротивъ, она была бы выгодна для него: коалиція противъ Франціи довела бы національное чувство французовъ до экстаза, который сдѣлался бы самою прочною опорою престола Наполеона III. Справедливы оказались его слова и въ томъ отношеніи, что обнаружилась невозможность составить коалицію, о которой хлопотала Австрія. Въ самомъ дѣлѣ, какая изъ континентальныхъ державъ считаетъ возможнымъ дѣломъ вторженіе во Францію? Между тѣмъ императоръ французовъ пока еще вовсе не готовится переходить за Рейнъ,—дѣло идетъ вовсе не о томъ; опасность войны находится въ Италіи. Какою же опасностью угрожаетъ, напримѣръ, Пруссіи война въ Италіи, и достанетъ ли у Пруссіи средствъ посылать войска въ Италію? Конечно, отправлять армію такъ далеко, значило бы посылать ее на погибель. Непостижимо, какъ австрійскіе правители считали дѣломъ возможнымъ устроить коалицію, пока Франція не обнаруживаетъ намѣренія вторгнуться въ Германію.

Такою же непрактичностью отличались австрійскіе правители въ исполненіи другаго своего способа обезпечить себѣ успѣхъ въ задуманной войнѣ съ Италіею. Мы уже говорили въ прошлый разъ, какими соображеніями и обстоятельствами была произведена австрійская попытка, называвшаяся въ оффиціальныхъ австрійскихъ газетахъ введеніемъ конституціоннаго устройства. Чтобы начать войну, было надобно успокоить внутреннія провинціи государ-

ства, ропотъ которыхъ достигалъ силы, показавшейся австрійскимъ министрамъ серьезною. Чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ искусство, надобно прибавить, что возбудили этотъ шумъ они же сами. Мы говоримъ не о томъ, что они держались системы, не согласной съ желаніями публики, — за это порицать ихъ не слѣдуетъ, иной системы не могли они держаться по своему положенію. Вспомнимъ, какъ нынѣшняя Австрійская имперія возникла, всего лишь 15 лѣтъ тому назадъ. Прежняя Австрія погибла для австрійцевъ въ 1848 году: возмутились противъ австрійцевъ ломбардо-венеціанцы, потомъ чехи, потомъ венгры, наконецъ и нѣмцы. Мы нѣсколько разъ объясняли, что нѣмцы, населяющіе Тироль, эрцгерцогство Австрію и другія нѣмецкія области Австрійской имперіи—вовсе не австрійцы, точно такъ, какъ народъ, населяющій Греческое королевство и Іоническіе острова — вовсе не фанаріоты, а просто греки. Австрійцы были изгнаны отовсюду, — не только изъ Милана, Венеціи и Пешта, но даже изъ Вѣны, даже изъ Инспрука. По выраженію Радецкаго, Австрія тогда сохранилась только въ лагеряхъ тѣхъ войскъ, которыми командовали австрійцы, каковы напримѣръ Радецкій и Виндишъ Грецъ, несмотря на свои славянскія фамиліи, Гіулай и Бенедекъ, несмотря на свои венгерскія фамиліи. Австрія, существующая нынѣ, основалась въ 1848 и 1849 гг. подвигами Радецкаго, Шлика, Гайнау. На какихъ основаніяхъ существовала прежняя Австрія, намъ нѣтъ нужды разбирать здѣсь; довольно указать извѣстный каждому фактъ, что земли ея составлявшія или вовсе никогда не были завоеваны, а добровольно признали надъ собою власть австрійской династіи, или завоеваны были такъ давно, что утратили сознаніе о томъ. Эта прежняя Австрія погибла въ 1849 году и замѣнилась новымъ государствомъ, происхожденіе котораго мы объяснили.

Отношенія между австрійцами и населеніемъ Австрійской имперіи были созданы вооруженною силой, и для упроченія этого порядка дѣлъ австрійцы были принуждены оставаться на военномъ положеніи среди своихъ подданныхъ нѣмцевъ, славянъ и венгровъ. 10 лѣтъ они оставались вѣрны этой неизбѣжной для нихъ политикѣ и все въ Австрійской имперіи шло прекрасно, какъ мы доказывали съ годъ тому назадъ выписками изъ очень основательной книги знаменитаго австрійскаго ученаго Черннга. Прошлогодняя война повредила дѣлу. Пораженные страшными ударами, австрійскіе правители испугались поднявшагося ропота.

Австрійцамъ показалось, что ропотъ возбужденъ нѣкоторыми недостатками прежней системы. Такое мнѣніе, конечно, должно было произвести результаты, противные благонамѣреннымъ ожиданіямъ австрійскихъ правителей для успокоенія ропота. При заключе-

нія Виллафранкскаго мира даны были обѣщанія внутреннихъ улучшеній. Каждый долженъ былъ понимать, что улучшенія эти могутъ состоять лишь въ усовершенствованіи существовавшей системы. Но подданные Австріи перетолковали данныя обѣщанія превратнымъ образомъ: они стали разумѣть подъ улучшеніями внутренняго порядка введеніе равенства вѣроисповѣданій, улучшеніе конкордата, ставившаго школы въ зависимость отъ іезуитовъ и другихъ ультрамонтанцевъ, признаніе національностей, предоставленіе каждой національности независимаго управленія всѣми ея дѣлами. Несогласимость понятій не замедлила обнаружиться, лишь только австрійскіе правители стали исполнять свои обѣщанія. Первое обѣщаніе, подвергнувшееся процессу исполненія, было предоставленіе льготъ венгерскимъ протестантамъ, находившимся подъ управленіемъ іезуитовъ. Протестанты объявили, что не принимаютъ второстепенныхъ уступокъ и хотятъ, чтобы ихъ церквамъ была дана такая же независимость, какою пользуется католическая церковь. Читатель понимаетъ, что такой взглядъ, такія желанія, никакъ не могутъ быть соглашены съ австрійскою системою. Вмѣсто примиренія, результатомъ улучшенія вышло тутъ лишь то, что протестанты громко стали говорить о правахъ, которыхъ никакъ не могутъ предоставить имъ австрійскіе правители. Точно таковъ же былъ результатъ всѣхъ другихъ мѣръ, принятыхъ австрійцами для осуществленія обѣщаній: ропотъ не успокоился, а только усилился. Мы не будемъ перечислять всѣхъ подробностей этого постепеннаго разочарованія обѣихъ сторонъ, — довольно будетъ заняться намъ послѣднимъ, самымъ громкимъ послѣдствіемъ ошибочнаго взгляда австрійцевъ. Мы говоримъ о такъ-называемомъ введеніи представительнаго правленія въ земляхъ Австрійской имперіи.

Когда мы писали политическое обозрѣніе для прошлой книжки «Современника», мы имѣли еще только телеграфическія извѣстія о преобразованіи, вводимомъ въ Австріи дипломомъ 20 октября и проистекающими изъ него статутами. Только въ послѣднія минуты, когда уже оканчивалось печатаніе нашей статьи, были получены нумера газетъ, заключавшіе въ себѣ текстъ диплома и сопровождавшихъ его рескриптовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ получены были телеграфическія депеши, утверждавшія, что во всѣхъ частяхъ имперіи реформа показалась очень удовлетворительною и была встрѣчена съ большою радостію и признательностію. Противъ этихъ данныхъ, казавшихся столь положительными, мы могли говорить тогда, основываясь лишь на собственномъ впечатлѣніи; оно состояло въ томъ, что уступки, сдѣланныя австрійскими правителями, не соотвѣтствуютъ расположенію умовъ въ завоеванныхъ областяхъ и не могутъ по-

править прежнихъ отношеній. Скоро оказалось, что действительно такъ. Теперь всѣ австрійскія газеты наполнены фактами показывающими, что уступки были напрасны.

Самое происхожденіе документовъ, возвѣщавшихъ уступки, подтверждаетъ ту простую истину, что австрійскіе правители увлеклись на путь, чуждый для нихъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы указывали способъ составленія документовъ 20 октября, основываясь лишь на самомъ характерѣ этихъ документовъ; теперь напечатаны положительныя извѣстія, показывающія, что дѣло происходило именно такъ, какъ мы тогда предполагали.

Когда былъ распущенъ новый государственный совѣтъ, австрійскіе министры думали сначала, что можно обойтись безъ преобразованій. Читатель помнитъ, что государственный совѣтъ составилъ два проэкта преобразованій. Огромное большинство государственныхъ совѣтниковъ подписало проэктъ, сочиненный графомъ Кламомъ Мартиницемъ по согласію съ венгерскими магнатами. Сущность проэкта состояла въ томъ, чтобы возстановить порядокъ дѣлъ, существовавшій въ XVII столѣтіи. Этотъ порядокъ отличался отъ нынѣшняго двумя главными чертами. Во-первыхъ, каждая область имѣла свое отдѣльное управленіе, и связью между областями служила только личная воля государя. Во-вторыхъ, каждая область находилась подъ управленіемъ мѣстной аристократіи. Эта вторая черта отличія прежнихъ порядковъ отъ нынѣшнихъ не была противна системѣ австрійскихъ правителей, но было невозможно имъ согласиться на ослабленіе своей власти, требовавшееся для осуществленія первой черты перемѣнъ, предлагаемыхъ проэктомъ этой партіи. Они готовы были бы передать областныя дѣла во власть мѣстной аристократіи лишь на томъ условіи, чтобы эти мѣстныя правительства были подчинены центральному правительству, сохраняющему нынѣшнія бюрократическія формы. Партія Кламъ-Мартиница хотѣла господствовать надъ бюрократіей; австрійскіе правители могли сдѣлать ее своею союзницею лишь съ тѣмъ, чтобы она была исполнительницею распоряженій центральной бюрократіи. Такое коренное разнорѣчіе желаній было причиною, что австрійскіе правители рѣшились оставить безъ вниманія проэктъ большинства государственнаго совѣта. Проэктъ меньшинства не годился для нихъ потому, что носилъ нѣкоторый отпечатокъ конституціонныхъ идей. Мы вовсе не то хотимъ сказать, что онъ предлагалъ ввести конституціонное правленіе: меньшинство государственнаго совѣта состояло изъ людей, чуждыхъ такой мысли; но они желали нѣкоторыхъ нововведеній, ограничивавшихъ самостоятельность распоряженій мини-

стерства. Австрійскіе правители нашли, что ограниченіе власти ихъ — дѣло вредное для всего австрійскаго порядка. Словомъ сказать, проэктъ меньшинства и проэктъ большинства — оба казались неудобоисполнимыми для австрійскихъ правителей, и оба были отложены въ сторону.

На этомъ и хотѣли остановиться. Но публика толковала о возможности преобразованій, будто бы обѣщанныхъ послѣ Виллафранкскаго мира. Австрійскіе правители поколебались въ своей прежней рѣшимости; они поддались вліянію общественнаго мнѣнія и стали думать, что надобно сдѣлать какія нибудь преобразованія. Совѣтъ министровъ началъ совѣщаться объ этомъ. Когда пошла рѣчь о томъ, какими усовершенствованіями полезно было бы улучшить прежнюю систему, они не могли ни въ чемъ согласиться между собою. Время шло въ безплодныхъ спорахъ; едва тотъ или другой министръ предлагалъ ту или другую мысль, всѣ остальные находили ее или вредною, или непрактичной. А между тѣмъ толки въ публикѣ становились все громче, да и дѣла въ Италіи требовали, по мнѣнію австрійскихъ министровъ, скорѣйшаго успокоенія внутреннихъ провинцій. Тогда австрійскіе министры обратились къ проэкту большинства государственнаго совѣта, чтобы передѣлать его. Но все-таки не могли они придти ни къ какому результату. Оказалась нужна посторонняя помощь. Въ составленіи проэкта большинства главное участіе принималъ графъ Кламъ-Мартиницъ. Чтобы передѣлать этотъ проэктъ сообразно положенію австрійскихъ правителей, ближе всего было бы пригласить графа. Но, при всей своей благонамѣренности, Кламъ-Мартиницъ обнаружилъ въ себѣ свойство, неудобное для австрійскихъ министровъ: онъ хотѣлъ быть главою новаго кабинета, хотѣлъ устранить всѣхъ прежнихъ министровъ отъ должностей, замѣстивъ ихъ людьми по своему выбору. Пришлось искать другаго совѣтника. Помощниками Кламъ-Мартиница въ государственномъ совѣтѣ были венгерскіе магнаты: между ними первую роль игралъ графъ Сеченъ. Министры обратились къ нему; онъ обнаружилъ сговорчивость: удовлетворился званіемъ министра безъ портфеля, т. е. члена совѣта министровъ, не имѣющаго никакой особенной части управленія въ своемъ завѣдываніи, и въ замѣнъ за то взялся передѣлать проэктъ большинства государственнаго совѣта сообразно съ намѣреніями министровъ.

Содержаніе диплома объясняется его происхожденіемъ. Проэктъ большинства государственнаго совѣта, поступившій въ руки Сечена, имѣлъ, какъ мы замѣчали, двѣ главныя черты: во-первыхъ, онъ устроивалъ областное управленіе такъ, чтобы вся власть принадлежала феодальнымъ сословіямъ; во-вторыхъ, онъ ограничи-

в ль ств центральнаго управленія, давая областнымъ правительствамъ независимость отъ центральнаго почти во всей администраціи. Графъ Сеченъ исправилъ проэктъ такъ, что центральная бюрократія сохраняетъ всю свою нынѣшнюю власть; областныя правительства дѣйствуютъ исключительно по ея распоряженіямъ. Но эта дѣятельность, состоящая въ исполненіи воли центральнаго правительства, передается въ каждой области лицамъ, которыхъ почтутъ достойными своими представителями мѣстныя феодальныя сословія. Такое преобразованіе почтено было министрами и графомъ Сеченомъ за реформу, удовлетворительную для всѣхъ областей Австрійской имперіи, кромѣ одной Венгріи. Будучи самъ венгерецъ, графъ Сеченъ разсудилъ, что Венгрія не удовлетворилась бы этою сущностію дѣла, если бы сущность дѣла не была облечена въ формы, пріятныя національному чувству венгерцевъ. Венгерцамъ нравилось, что главный правитель королевства назывался у нихъ встарину особеннымъ именемъ палатина, а не просто намѣстникомъ или генералъ-губернаторомъ, какъ въ другихъ австрійскихъ земляхъ; имъ льстило, что австрійскій императоръ имѣетъ особенную коронацію, какъ король венгерскій; наконецъ они жаловались, что нѣмецкому языку дано въ ихъ землѣ первенство надъ венгерскимъ. Графъ Сеченъ объяснилъ остальнымъ министрамъ, что надобно уступить Венгріи въ этихъ случаяхъ. Такимъ образомъ въ дипломѣ была отдѣлена Венгрія отъ остальныхъ земель, и назначены ей особыя преимущества. Венгерскій языкъ былъ признанъ оффиціальнымъ для дѣлъ внутренней венгерской администраціи; обѣщано было, что императоръ австрійскій будетъ имѣть особенную коронацію, какъ король венгерскій; генералъ-губернатору венгерскому присвоенъ былъ прежній титулъ палатина. Словомъ сказать, корпораціи и сановники, установлявшіеся вслѣдствіе диплома, получили имена, заимствованныя изъ прежняго венгерскаго устройства. Отъ этого наружность дѣла имѣла для Венгріи другой оттѣнокъ, чѣмъ для остальныхъ провинцій, и въ соблюденіе такого различія дипломъ говорилъ о Венгріи отдѣльно отъ остальной массы австрійскихъ областей. Графъ Сеченъ, жертвуя отдѣльною областью благу австрійскаго правительства, не требовалъ для своей родины уступокъ, не согласныхъ съ духомъ реформъ, дававшихся другимъ областямъ, а остальные министры согласились съ нимъ, что имена сановниковъ и учрежденій въ Венгріи должны быть болѣе блестящими, чѣмъ въ другихъ областяхъ при существенной одинаковости устройства Венгріи и остальныхъ провинцій.

Еще болѣе замѣчательна осмотрительность графа Сечена при

назначенія министра, который управлялъ бы Венгріею. Мелочныя хлопоты, поглощавшія прежде значительную часть времени у министровъ вѣроисповѣданій, полиціи и внутреннихъ дѣлъ, слагались теперь съ чиновниковъ центральныхъ вѣнскихъ департаментовъ на областныя управленія. Прежде министры дѣлали распоряженія и сами хлопотали о подробностяхъ исполненія даже маловажныхъ распоряженій; теперь было рѣшено, что по маловажнымъ дѣламъ они только будутъ отдавать приказанія и имѣть надзоръ за ихъ исполненіемъ, а самое исполненіе маловажныхъ распоряженій возлагается на обязанность областныхъ управленій. Черезъ это должность министра значительно облегчалась и найдена была возможность соединить въ рукахъ одного министра три отрасли управленія, которыя прежде были раздѣлены между тремя министрами. Это соединеніе трехъ министерствъ въ одно было облегчено тѣмъ, что графъ Надашди, министръ внутреннихъ дѣлъ, и графъ Тунъ, министръ исповѣданій, навлекли на себя неудовольствіе перваго министра, графа Рехберга, и принуждены были подать въ отставку. Остальные министры рѣшились не замѣщать этихъ должностей, сдѣлавшихся вакантными, и такимъ образомъ прежній министръ полиціи, графъ Голуховскій, принялъ подъ свое управленіе министерства вѣроисповѣданій и внутреннихъ дѣлъ съ титуломъ государственнаго министра. Но Венгріи давалось положеніе отдѣльное отъ остальныхъ провинцій, потому надобно было назначить отдѣльнаго сановника для завѣдыванія по венгерской провинціи тѣми отраслями дѣлъ, которыми сталъ завѣдывать по другимъ провинціямъ графъ Голуховскій. Этому министру венгерскихъ дѣлъ дано было старинное имя венгерскаго придворнаго канцлера. Графъ Рехбергъ предложилъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера графу Сечену, какъ венгерцу. Но графъ Рехбергъ не зналъ, до какой степени не любятъ венгерцы графа Сечена, который до 1848 г. былъ приверженцемъ Меттерниха и горячо боролся противъ національной партіи, а въ 1848 г. держалъ сторону австрійскаго правительства въ войнѣ противъ мятежныхъ своихъ соотечественниковъ. Теперь онъ могъ бы воспользоваться предположеніемъ австрійскихъ министровъ, что его имя произведетъ хорошее впечатлѣніе въ Венгріи; но онъ не захотѣлъ извлекать выгоды для себя изъ ихъ ошибки, отказался отъ званія венгерскаго придворнаго канцлера; на это мѣсто рекомендовалъ онъ человѣка, вполнѣ раздѣляющаго теперь его убѣжденія, барона Вая.

Но несмотря на высокое благородство графа Сечена, составлявшаго дипломъ 20 октября, несмотря на то, что дипломъ этотъ содержалъ въ себѣ крайнія уступки, какія только можетъ сдѣлать

австрійское правительство, опытъ новаго законодательства былъ холодно встрѣченъ народами. Такого результата слѣдовало ожидать по изложеннымъ нами отношеніямъ австрійцевъ къ населяющимъ Австрійскую имперію нѣмцамъ, славянамъ, венграмъ и итальянцамъ. Мы еще яснѣе убѣдимся въ его неизбѣжности, если ближе познакомимся съ характеромъ преобразованій, провозглашенныхъ дипломомъ 20 октября.

Въ то время, какъ мы пишемъ эту статью, постепенно обнародованы уставы для сеймовъ четырехъ провинцій: Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля. Уставъ для Штиріи явился первымъ, потому имѣлъ особенную важность въ ходѣ окончательнаго установленія мнѣній о новомъ устройствѣ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его съ нѣкоторою подробностію.

По второй статьѣ статута, «ландтагъ состоитъ изъ представителей духовенства, дворянъ и большихъ землевладѣльцевъ, городовъ, торговыхъ и промышленныхъ палатъ и прочихъ общинъ.» По четвертой статьѣ, президентъ ландтага назначается императоромъ, а не выборомъ самихъ членовъ ландтага. По статьямъ 9, 10, 11 и 12, духовенство посылаетъ на ландтагъ 8 депутатовъ, дворянство 12, города 10 депутатовъ, торговая и промышленная палаты 2 депутатовъ, остальныя герцогства Штиріи 12 депутатовъ. Такимъ образомъ изъ 42 членовъ ландтага, двумъ первымъ сословіямъ принадлежитъ 18. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ всѣ эти 18 членовъ стали бы подавать голосъ какъ одинъ человѣкъ; чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, имъ нужно было бы привлечь на свою сторону изъ остальныхъ членовъ ландтага только 4 или даже только 3 человѣкъ, потому что президентомъ конечно всегда будетъ епископъ или аристократъ, такъ что при равномъ раздѣленіи голосовъ его голосъ всегда далъ бы перевѣсъ ихъ партіи. По 24 статьѣ, права ландтага состоятъ въ томъ, что онъ «по предметамъ, касающимся благосостоянія и нуждъ Штиріи, можетъ выражать желанія или жалобы страны и представлять предложенія и просьбы или непосредственно императору, или чрезъ намѣстника.» Такимъ образомъ онъ имѣетъ совѣщательный голосъ или, точнѣе говоря, право представлять свое мнѣніе на благоусмотрѣніе центральнаго правительства, а рѣшенія правительства принимаются совершенно независимо отъ ландтага. По 27 статьѣ, это отношеніе устанавливается еще опредѣлительнѣе: «ландтагъ выражаетъ мнѣнія по всѣмъ предметамъ, въ которыхъ правительство обратится къ нему за совѣтомъ»,—такимъ образомъ кругъ его дѣятельности или, точнѣе говоря, кругъ дѣлъ, о которыхъ онъ можетъ представлять просьбы императору, опредѣляется тѣмъ, о какихъ дѣлахъ найдетъ нужнымъ

министерство совѣтоваться съ нимъ. Кромѣ этихъ дѣлъ, которыя каждый разъ указываются ландтагу волею министерства, онъ занимается совѣщаніями о постройкѣ дорогъ и кадастровыми дѣлами. Наконецъ, онъ завѣдуетъ раскладкою податей и повинностей по разнымъ округамъ и общинамъ.

Прибавимъ, что депутаты отъ городовъ избираются не прямо самими горожанами, а городскими начальствами; депутаты другихъ общинъ, то есть сельскихъ общинъ, также не поселянами, а начальствами общинъ.

Слѣдовавшіе за этимъ уставомъ статуты Каринтіи, Зальцбурга и Тироля были совершенно таковы же. Разница была только въ числѣ членовъ сейма, соотвѣтственно разницѣ въ величинѣ и населеніи провинцій. Но пропорція между представителями феодальныхъ сословій и другими депутатами постоянно была такова же, какъ въ штирійскомъ сеймѣ: большинство было всегда обезпечено феодальнымъ сословіямъ; такъ, напримѣръ, тирольскому сейму положено было имѣть всего 56 членовъ, по 14 отъ каждаго изъ 4 сословій: духовенства, дворянства (котораго почти нѣтъ въ Тиролѣ), горожанъ и поселянъ. При такомъ распредѣленіи представителей, два феодальныя сословія должны имѣть большинство, хотя бы ни одинъ изъ представителей горожанъ и поселянъ не присоединился къ нимъ, потому что на ихъ сторонѣ былъ бы президентъ, голосъ котораго рѣшаетъ при равномъ раздѣленіи голосовъ.

Но областные сеймы занимаются только дѣлами отдѣльныхъ областей; по дѣламъ всего государства данъ былъ имъ при центральномъ правительствѣ особенный общій органъ, подъ названіемъ государственнаго совѣта. Читатель помнитъ изъ прежняго нашего обозрѣнія, что члены государственнаго совѣта назначаются по выбору областныхъ сеймовъ; каждый провинціальный сеймъ посылаетъ въ государственный совѣтъ соразмѣрное важности своей провинціи число такихъ повѣренныхъ. Областной сеймъ долженъ былъ выбирать не прямо самыхъ членовъ государственнаго совѣта, а кандидатовъ на это званіе, въ тройномъ числѣ противъ количества членовъ, какое опредѣлено было брать въ государственный совѣтъ отъ провинціи. Напримѣръ, если бы въ государственный совѣтъ назначено было взять пять человѣкъ членовъ изъ Тироля, то тирольскій сеймъ долженъ выбирать 15 человѣкъ, кажущихся ему достойными такого назначенія. Австрійское министерство удержало за собою право окончательнаго выбора пятерыхъ членовъ государственнаго совѣта изъ этого представляемаго ему списка 15 кандидатовъ.

Такая мѣра соотвѣтствовала назначенію государственнаго совѣта; въ самомъ дѣлѣ, ему предоставлено было право «содѣйствія» (Mitwirkung) по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, превышавшимъ кругъ участія областныхъ сеймовъ: черезъ совѣщанія государственнаго совѣта должны были проходить всѣ вопросы о новыхъ налогахъ, займахъ и законодательныхъ мѣрахъ. Офиціальными разъясненіями было указано, что степень вліянія государственнаго совѣта на всѣ эти дѣла въ точности опредѣляется терминомъ «содѣйствія», которымъ обозначалъ дипломъ участіе этого учрежденія въ государственномъ управленіи. Разъяснено было, что «содѣйствіе» указываетъ на всегдашнюю готовность министровъ принимать къ свѣдѣнію мнѣніе государственнаго совѣта. Но тутъ же было прибавлено, что «содѣйствіе» вовсе не означаетъ «утвержденія» или «согласія». Министерство оставляло за собою право поступать во всякомъ дѣлѣ сообразно своему усмотрѣнію, не стѣсняясь мнѣніемъ государственнаго совѣта, если это мнѣніе окажется не соотвѣтствующимъ правительственной надобности. Оно дѣлало государственный совѣтъ дѣйствительно собраніемъ своихъ совѣтниковъ, мнѣніе которыхъ уважается, когда бываетъ хорошо, но не мѣшаетъ надлежащему ходу дѣла, когда бываетъ неудовлетворительно. При такомъ условіи государственный совѣтъ, получая возможность быть полезнымъ для министерства, не могъ служить препятствіемъ къ надлежащему порядку управленія Австрійскою имперіею. Впрочемъ на его совѣщаніе должны были предлагаться необходимыя для государства мѣры только въ обыкновенныхъ случаяхъ; а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда дѣло не терпѣло бы отлагательства, или когда, по своему характеру или по своему отношенію къ публикѣ, оно было бы не удобно для совѣщаній въ многочисленномъ собраніи, министерство оставляло за собою право дѣлать всѣ нужныя распоряженія помимо совѣщаній съ государственнымъ совѣтомъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что австрійское правительство не отступало отъ основаній прежней системы, оставляло за собою всю прежнюю власть. Двѣ важнѣйшія отрасли государственныхъ дѣлъ,— иностранная политика и военная часть, — были оставлены на прежнихъ основаніяхъ. Новыми формами облекался ходъ дѣлъ только по внутреннему гражданскому управленію, да и тутъ новыя формы оставались безъ всякой силы вредить продолженію администраціи на прежнихъ основаніяхъ. Мы говорили выше, что дипломъ 20 октября былъ ошибкою со стороны австрійскаго правительства; но ошибку надобно видѣть не въ характерѣ установленій, вводимыхъ

этимъ дипломомъ, — нѣтъ, ошибка заключалась лишь въ томъ, что австрійское правительство ожидало за него признательности отъ побѣжденныхъ народовъ, думало, что дѣлаетъ имъ уступку. Въ этомъ своемъ предположеніи оно ошиблось.

Дипломъ 20 октября былъ истолкованъ, какъ признаніе австрійцевъ въ невозможности продолжать систему, по которой управлялась Австрійская имперія. Въ самой Вѣнѣ формально провозглашалось это. Всѣ вѣнскія газеты каждый день твердятъ теперь, что австрійскіе правители объявили дипломомъ 20 октября несостоятельность прежней системы. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ вѣнской газеты Die Presse, — онѣ взяты нами изъ нумера, вышедшаго 31 октября, черезъ полторы недѣли послѣ диплома.

«Благодаря могущественному вліянію государственнаго человѣка, владычествовавшаго надъ Германіею съ 1815 года до весны 1848, союзный сеймъ забывалъ свою обязанность позаботиться о томъ, чтобы Австрія получила конституцію и политическая жизнь Австріи замерла подъ ледяною рукою Меттерниха. Буря, пронесшаяся назадъ тому 12 лѣтъ по всей имперіи, пробудила и народы Австріи; но наставшая потомъ реакція уничтожила все пріобрѣтенное ими, и Австрія сдѣлалась политическою степью, на которой не могъ явиться ни одинъ зеленый колосъ какого нибудь конституціоннаго учрежденія. Надъ этою политикою произнесенъ приговоръ нынѣ, произнесенъ тѣми самыми людьми, которые въ теченіе цѣлаго поколѣнія были ея ревностнѣйшими защитниками, и теперь наконецъ, какъ видно изъ циркуляра Рехберга, императорское правительство начинаетъ признавать за населеніемъ конституціонныя права.»

Съ того времени, вѣнскія газеты каждый день выражаютъ эту мысль все рѣзче и рѣзче. Конечно онѣ ошибаются, утверждая, будто бы графъ Рехбергъ и его товарищи имѣли въ виду осужденіе прежней системы, когда составляли и объявляли дипломъ 20 октября. Но вотъ именно то и слѣдуетъ назвать большою ошибкою, что они возбудили подобные толки документомъ, по своей сущности безвреднымъ. Они слишкомъ надѣялись встрѣтить въ подданныхъ тотъ же взглядъ, какимъ проникнуты были сами. Къ сожалѣнію, эта надежда на публику оказалась не соотвѣтствующею дѣйствительному характеру публики. Перспектива австрійскаго будущаго омрачена и уже произошло много прискорбныхъ явленій.

Эти явленія начали возникать съ самаго того дня, какъ появился дипломъ. Для примѣра приведемъ факты, которыми обнаружила холодность своихъ чувствъ самая столица Австрійской имперіи. Министерство ожидало, что Вѣна обнаружитъ признательность и сооб-

щило городскому начальству, чтобы оно облегчило своими распоряженіями вступленіе жителей Вѣны на прямѣйшій путь къ выраженію ожидаемаго чувства. Городское начальство объявило жителямъ, что вечеромъ 21 октября назначено быть городу иллюминованнымъ, по случаю обнародованія въ утреннихъ газетахъ того числа диплома съ сопровождающими документами. Жители не послѣдовали распоряженію городскаго начальства. Иллюминованы были только общественныя зданія и жилища официальныхъ лицъ, а частные домы остались не освѣщены. Телеграфическія депеши говорили, что вечеромъ 21 октября обнародованіе диплома было отпраздновано иллюминаціями въ Прагѣ, Линцѣ, Грацѣ, Тріестѣ и т. д. Но повсюду иллюминація ограничивалась тѣми же зданіями, какъ въ Вѣнѣ; ни одинъ городъ не имѣлъ надлежащей иллюминаціи. Несмотря на слухи, что повсюду дипломъ возбуждаетъ неблагопріятные отзывы, министры продолжали начатое преобразованіе и чрезъ нѣсколько дней послѣ диплома явился уставъ для сейма герцогства Штиріи, а за нимъ, какъ мы говорили, стали поочередно являться подобные же уставы для Каринтіи, Зальцбурга и Тироля. Чтеніе этихъ документовъ усилило неблагопріятное впечатлѣніе и даже представило юридическіе предлоги для формальнаго заявленія недовольства.

Читатель помнитъ, что представители отъ городовъ выбираются въ областные сеймы не горожанами, а городскими начальствами. Надобно знать, что когда реакція еще должна была нѣсколько стѣсняться броженіемъ умовъ, она издала довольно много законовъ, въ которыхъ были либеральныя подробности; эти законы были отмѣнены или оставлены безъ дѣйствія, когда новый порядокъ дѣлъ упрочился и всякая опасность безпорядковъ показалась устраненною. Къ числу законовъ 1849 года, не отмѣненныхъ, но потерявшихъ дѣйствительную силу, принадлежалъ уставъ городскаго управленія. Въ немногихъ городахъ начальства успѣли быть выбраны прежде чѣмъ законъ этотъ потерялъ силу. Да и въ этихъ городахъ составъ городскаго управленія былъ впослѣдствіи преобразованъ назначеніемъ другихъ людей или оставленіемъ выбранныхъ въ 1849 г. начальниковъ на должностяхъ по истеченіи срока, когда надобно было бы по бездѣйствующему закону произвести новые выборы. Въ другихъ городахъ законъ этотъ и съ самаго начала не былъ примѣненъ къ дѣлу, и управленіе еще въ 1849 г. поручено лицамъ по назначенію министровъ. Когда уставы для областныхъ сеймовъ нѣкоторыхъ провинцій были обнародованы, городскія начальства этихъ провинцій заявили начальству, что не могутъ выбирать депутатовъ на сеймы потому, что сами не

имѣютъ законнаго существованія, занимая свои должности въ противность закону 1849 года. Изъ другихъ провинцій стали приходить въ Вѣну отъ городскихъ начальствъ такія же заявленія, что если по уставамъ сеймовъ этихъ провинцій будетъ возложена на городскія начальства обязанность выбирать депутатовъ, то они, нынѣшнія городскія начальства, не могутъ признать за собою права заняться этими выборами. Сдѣлавъ одинъ шагъ по несвойственному пути, министерство нашлось теперь вынужденнымъ сдѣлать второй шагъ: протесты городскихъ начальствъ стали такъ многочисленны, что оно уступило, и теперь объявлено, что возобновляется дѣйствіе закона 1849 г. о городскомъ управленіи и будутъ произведены на его основаніи выборы новыхъ городскихъ начальствъ.

Обнаруживается фактъ, прискорбнѣйшій всѣхъ прежнихъ: нѣкоторыя изъ провинцій, еще не получившихъ новаго устройства, присылаютъ въ Вѣну увѣренія, что не могутъ принять уставовъ, подобныхъ обнародованнымъ для Штиріи, Каринтіи и т. д. Такіе протесты присланы, между прочимъ, изъ Праги и другихъ чешскихъ и моравскихъ городовъ; то же самое объявили города верхняго и нижняго эрцгерцогствъ австрійскихъ, въ томъ числѣ Вѣна. Надобно надѣяться, что австрійскіе правители не уступятъ такимъ требованіямъ и обнародуютъ для остальныхъ провинцій уставы, подобные уже обнародованнымъ. Но еслибы министерство и уступило, то уступки конечно не будутъ касаться существенныхъ основаній, а измѣнятъ лишь нѣкоторыя подробности, могущія быть приложенными такъ или иначе къ основнымъ принципамъ нынѣшней системы.

Самая непріятная часть Австрійской имперіи — Венгрія; она кажется намъ не только хуже Вѣны или Праги, а даже Венеціи. Еслибъ Венгрія стала держать себя иначе, миновалось бы тяжелое положеніе дѣлъ и въ Венеціи. По упорству Венгріи, найдено было нужнымъ дать ей, какъ мы говорили, исключительное положеніе. Не то, чтобы принципы новаго устройства, обѣщаннаго венграмъ, существенно отличались отъ реформъ, которыми предоставляются перечисленныя нами права другимъ областямъ, — нѣтъ, но нашли нужнымъ польстить самолюбію венгровъ уступками, которыя считали совершенно достаточными для венгровъ. Мы уже говорили, что венгерскій намѣстникъ будетъ называться стариннымъ именемъ палатина, что сановникъ, управляющій въ Вѣнѣ венгерскими дѣлами, будетъ называться стариннымъ именемъ венгерскаго придворнаго канцлера, и т. д.; кромѣ того, венгерскому областному сейму предоставленъ кругъ занятій, болѣе обширный, чѣмъ другимъ об-

ластнымъ сеймамъ. Мы знаемъ, что всѣ важныя дѣла должны рѣшаться въ Вѣнѣ, какъ было до сихъ поръ, съ прибавленіемъ формальности сужденія о нихъ въ государственномъ совѣтѣ, если министры найдутъ удобнымъ, или и безъ этой формальности, если министрамъ покажется она неудобной. Венгрія не должна служить исключеніемъ изъ такого правила: и по ея внутреннему управленію всѣ важныя дѣла рѣшаются въ Вѣнѣ. Но изъ маловажныхъ дѣлъ предоставляется венгерскому провинціальному сейму разсмотрѣніе многихъ такихъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію другихъ областныхъ сеймовъ; второстепенные законы для Венгріи будутъ обсуживаться венгерскимъ сеймомъ, мнѣніе котораго не обязательно для вѣнскаго министерства.

Венгры раздѣляются на три или, собственно говоря, на двѣ партіи. Половина населенія держится партіи Кошута; другая половина націи, такъ называемая умѣренная партія, попрежнему хочетъ, чтобы Венгрія составляла государство, совершенно отдѣльное отъ Австрійской имперіи, съ которой была бы соединена только одинаковостію династіи, какъ Норвегія соединена со Швеціей. Это требованіе называется «требованіемъ возстановленія старинной конституціи съ измѣненіями, сдѣланными въ ней въ 1848 г.» Измѣненія, сдѣланныя въ 1848 г., состояли въ томъ, что отстранена была всякая возможность вмѣшательства вѣнскаго правительства въ венгерскія дѣла: въ столицѣ Венгріи, Пештѣ, было учреждено отдѣльное министерство, находившееся къ вѣнскому лишь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся два правительства совершенно различныхъ государствъ, — напримѣръ, англійское къ французскому, или испанское къ португальскому. Къ этой умѣренной партіи и къ радикальной или кошутовской партіи принадлежатъ венгры, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ третью партію. Эти немногіе люди — люди, бывшіе приверженцами Меттерниха и остававшіеся вѣрными Австріи въ эпоху возстанія. Они магнаты, но и между магнатами составляютъ лишь незначительную пропорцію. Эта такъ-называемая старая консервативная или австрійская партія надѣялась склонить умѣренную партію къ принятію диплома 20 октября. Къ несчастію для Австрійской имперіи, она ошиблась въ благонамѣренномъ разсчетѣ. Въ Венгріи дипломъ былъ принятъ холоднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ другихъ большихъ городахъ неудовольствіе въ первые дни по его обнародованіи выразилось лишь отказомъ отъ приглашенія къ иллюминованію домовъ; въ Пештѣ оно дошло до столкновенія толпы съ австрійскими войсками. Вотъ отрывокъ изъ корреспонденціи Times'а объ этой сценѣ (беремъ раз-

сказъ Times'а собственно потому, что онъ умѣреннѣе разсказовъ, сообщенныхъ нѣмецкими газетами, которыя самымъ непатріотическимъ образомъ выражали свое сочувствіе къ венграмъ непріятными словами объ австрійцахъ; должно сказать, что это относится и къ газетамъ, издающимся въ самой Вѣнѣ):

«Вотъ подробности о безпорядкахъ, произошедшихъ въ Пештѣ, вечеромъ, 23 октября. Въ понедѣльникъ, 22 октября, городской совѣтъ пригласилъ жителей венгерской столицы иллюминовать дома въ выраженіе благодарности императору за возстановленіе конституціи. Во вторникъ, утромъ, (23 октября) до генерала Бенедека дошло, что въ случаѣ устройства иллюминаціи—произойдутъ безпорядки; потому онъ приказалъ городскому начальству объявить домохозяевамъ, чтобы они не освѣщали домовъ. Вечеромъ погода была чрезвычайно хороша и улицы были полны народа; но не было никакихъ признаковъ намѣренія произвести безпорядокъ въ городѣ до 8 часовъ вечера; въ это время толпа молодежи пошла по Вайценской улицѣ (главной улицѣ Пешта) съ свистомъ и крикомъ. Въ первомъ этажѣ дома, занимаемаго гостинницею «Венгерскаго короля» была выставка стереоскопныхъ картинъ и за транспарантомъ въ одномъ изъ оконъ былъ яркій свѣтъ. Увидѣвъ это, молодежь начала кричать больше прежняго и бросать въ окно мелкими мѣдными деньгами. Явились сильные патрули и прямо бросились на толпу. Въ то же время было другое столкновеніе между войсками и народомъ на площади новаго рынка. Отряды пѣхоты и конницы бросились на него. Между прочимъ, солдаты входили въ кофейную Зрини и выгнали оттуда посѣтителей. Нѣсколько человѣкъ было арестовано.»

Бенедекъ, венгръ по происхожденію, выказалъ тутъ мужественную откровенность намѣреній и чувствъ. Вмѣстѣ съ дипломомъ 20 октября былъ обнародованъ рескриптъ, которымъ Бенедекъ изъ должности венгерскаго генералъ-губернатора перемѣщался на должность главнокомандующаго австрійскими войсками въ Венеціанской области. Готовясь проститься съ правителемъ соотечественникомъ, городское начальство Пешта явилось къ нему съ поднесеніемъ грамоты на званіе пештскаго гражданина, какъ нѣкогда лондонская сити подносила Веллингтону титулъ лондонскаго гражданина. Это было послѣ сцены 23 октября. «Погодите подносить титулъ вашего согражданина до той поры, когда не будетъ безчестно называться пештскимъ гражданиномъ», сказалъ Бенедекъ явившейся къ нему депутаціи. «Вы знаете Бенедека только на половину, продолжалъ онъ: «въ слѣдующій разъ я не посмотрю на то, сколько васъ надобно будетъ перебить». Давая обѣщаніе охранять порядокъ съ непоко-

любимою твердостью, Бенедекъ разумѣлъ или то, что еще остается въ Пештѣ на нѣсколько времени (онъ уѣхалъ въ Венецію лишь въ половинѣ ноября), или то, что въ случаѣ надобности возвратится въ Венгрію изъ Венеціи. Но несмотря на такую сильную поддержку, дѣло объ осуществленіи диплома 20 октября встрѣчаетъ затрудненія.

Мы видѣли, что для другихъ провинцій составъ областныхъ сеймовъ и способъ избранія депутатовъ опредѣлялся прямо рѣшеніемъ министерства. Сеченъ и его товарищи полагали, что подобное распоряженіе относительно венгерскаго сейма произведетъ слишкомъ дурное впечатлѣніе въ Венгріи. Министры объявили, что должна собраться изъ венгерскихъ магнатовъ предварительная конференція для составленія проэкта избирательнаго закона. Результаты такой уступки не замедлили обнаружиться. Первоначально Сеченъ и Вай хотѣли созвать на конференцію исключительно своихъ политическихъ друзей. Но тотчасъ же обнаружилось, что такая конференція не имѣла бы нравственной силы надъ мнѣніемъ страны, которая отвергла бы ея постановленія. Оказалась необходимость пригласить на конференцію нѣсколькихъ людей національной партіи. Но умѣренные люди національной партіи рѣшились явиться на конференцію лишь за тѣмъ, чтобы объявить незаконность конференціи, выразить мнѣніе, что всякія совѣщанія о составѣ сейма и способѣ выборовъ незаконны, что выборы должны происходить по избирательному закону 1848 года. Такая неожиданность принудила министровъ отлагать конференцію съ одного срока на другой, наконецъ отложить ее безсрочно. Какъ распутается это затрудненіе, неизвѣстно.

Точно такое же неудобство встрѣтилось въ преобразованіи венгерской администраціи. По прежнему порядку, Венгрія дѣлилась на комитаты, имѣвшіе самоуправленіе по своимъ дѣламъ. Эта комитатская администрація была отмѣнена, и страна, населенная собственно венгерскимъ племенемъ, раздѣлена на 5 большихъ округовъ, управлявшихся австрійскими начальниками. Теперь вздумали возвратиться въ нѣкоторой степени къ формамъ прежняго національнаго управленія и явился списокъ венгерцевъ, назначенныхъ начальниками или «жупанами» (Obergespan) возстановляемыхъ комитатовъ. По обычаю, этихъ лицъ не было предварительно спрошено, согласны ли они принять даваемое имъ назначеніе. Въ списокъ жупановъ попало человѣкъ 12 или 15 умѣренной національной партіи. Что же вышло? Всѣ они отказались отъ должностей.

Будемъ надѣяться, что искусство австрійскихъ правителей най-

деть средства къ устраненію всѣхъ непріятныхъ послѣдствій диплома 20 октября. Но до сихъ поръ онъ произвелъ для нихъ одни только непріятныя слѣдствія.

Во всякомъ случаѣ, если бы ошибка и была еще исправима, очень дурно то, что потеряно благопріятное время къ усмиренію внутреннихъ враговъ, получающихъ силу отъ успѣховъ внѣшняго врага—итальянскаго единства. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы говорили, легко было бы рѣшительными и быстрыми дѣйствіями возстановить власть Франциска II, удержать власть папы въ областяхъ, остававшихся у него къ веснѣ нынѣшняго года. Время это потеряно въ безплодныхъ попыткахъ пріобрѣсти внѣшнихъ союзниковъ и успокоить внутреннее недовольство, а теперь справиться съ Италіею уже не такъ легко.

Когда мы писали обозрѣніе въ прошломъ мѣсяцѣ, Сицилія, Неаполь, занятыя піэмонтцами папскія области собирались вотировать свое присоединеніе къ королевству Виктора-Эммануэля, радикалы были побѣждены умѣренными, Гарибальди готовился сдать сардинскимъ генераламъ продолженіе войны съ Францискомъ II и министерству Кавура управленіе южною Италіею. Положеніе дѣлъ было уже такъ опредѣлительно, что можно было впередъ знать событія, которыя произошли съ тѣхъ поръ.

Сардинскія войска приближались съ сѣверо-запада, изъ бывшихъ папскихъ владѣній, черезъ Абруццы, къ театру войны. Гарибальди ожидалъ ихъ въ бездѣйствіи, чтобы передать имъ свои позиціи. Приблизился король. Гарибальди поѣхалъ на встрѣчу ему, обнялся съ Чальдини, находившимся въ авангардѣ королевской арміи, но король при встрѣчѣ только подалъ ему руку, не слѣзая съ лошади. Уже и прежде Гарибальди испыталъ много естественныхъ непріятныхъ для себя и для своихъ волонтеровъ послѣдствій своего дѣла. Теперь онъ и волонтеры подверглись оскорбленіямъ, которыхъ были достойны. Конечно, они передавали Виктору-Эммануэлю и Кавуру области, равнявшіяся своимъ населеніемъ всему прежнему королевству сѣверной Италіи; конечно, они дѣлали Виктора-Эммануэля изъ слабаго, зависимаго отъ покровительства сосѣдей государя,—государемъ могущественнымъ. Но все-таки они представляли собою революціонный элементъ, котораго не могло терпѣть благоустроенное правительство; самыя претензіи ихъ на имя освободителей южной Италіи, на имя основателей итальянскаго единства были несносны, а предпріимчивость ихъ, до сихъ поръ бывшая столь полезною для Виктора-Эммануэля и Кавура, ка-

валась опасною для будущаго; пока оставались волонтеры и Гарибальди, умѣренная партія не могла ручаться, что они не увлекутъ Италію въ столкновенія съ Франціею и Австріею, съ которыми не слѣдуетъ теперь ссориться, по мнѣнію умѣренной партіи. При такихъ отношеніяхъ и разсчетахъ, необходимо было принудить Гарибальди удалиться и уничтожить опасную силу волонтеровъ. Надобно сказать, что Кавуръ и его товарищи приняли всѣ мѣры, нужныя для достиженія такой цѣли. Начать съ того, что еще задолго до вступленія Виктора-Эммануэля въ Неаполь выборъ лицъ, назначенныхъ управлять Неаполемъ и Сициліею, сдѣланъ былъ такой, чтобы Гарибальди и волонтеры ясно видѣли, что стали ненужны и неумѣстны при учрежденіи правильнаго управленія. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и выборъ генераловъ, сопровождавшихъ Виктора-Эммануэля въ Неаполь. Вотъ небольшой отрывокъ изъ неаполитанской корреспонденціи Times'а, относящійся къ тому времени, когда Викторъ-Эммануэль направлялся къ Неаполю:

«Вѣроятно графъ Кавуръ и его товарищи были далеки отъ намѣренія оскорблять диктатора безъ всякой надобности; но я не могу равнодушно читать статью Diritto, въ которой перечисляются, одинъ за другимъ, новые чрезвычайные коммисары и ихъ секретари и оказываются людьми по разнымъ причинамъ самыми враждебными Гарибальди. Король въѣзжаетъ въ Каверту, имѣя подлѣ себя Фарини, какъ совѣтника по гражданскимъ дѣламъ и Фанти, какъ начальника своего штаба. А эти люди, Фарини и Фанти, тѣ самые люди, которые остановили въ началѣ нынѣшняго года задуманный Гарибальди походъ въ папскую область и Неаполь изъ Романьи. Вальфре, ѣдущій также съ королемъ, чтобы принять начальство надъ артиллеріею, былъ первымъ секретаремъ при Ла-Марморѣ и раздѣлялъ, даже утрировалъ, презрѣніе и антипатію Ла-Марморы къ волонтерамъ; справедливо или несправедливо — Вальфре считаютъ причиною всѣхъ непріятностей, которымъ подвергались волонтеры Гарибальди въ ломбардскомъ походѣ. Какъ не велико самоотверженіе Гарибальди, но каково будетъ для него, ради короля, подать руку этимъ сановникамъ короля. Чувство прискорбія и униженія, которое пробудится въ немъ видомъ этихъ людей, не будетъ смягчено извѣстіями, которыя привезетъ ему король, — извѣстіями, что Фарини назначенъ королевскимъ генеральнымъ коммисаромъ въ Неаполѣ, а Монтецѣмоло королевскимъ генеральнымъ коммиссаромъ въ Палермо, — Монтецемоло, который былъ къ несчастію губернаторомъ Ниццы, въ то время, когда готовилась уступка Ниццы, который былъ исполнителемъ всѣхъ уловокъ, всѣхъ дѣйствій, какія принуждено было дѣлать правительство графа Кавура, жертвовавшее требованію Франціи не только двумя областями королевства, жертвовавшее также правительственной честью, правами парламента и народа. Не успокоитъ Гарибальди и то,

что генералъ-секретаремъ сицилійскаго правительства, помощникомъ Монтецемоло, назначенъ Кордова,—Кордова, котораго диктаторъ почелъ нужнымъ всего двѣ недѣли тому назадъ изгнать изъ Неаполя и Сициліи. Еще хуже того, если справедливъ слухъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Сициліи назначается Ла-Фарина, — Ла-Фарина, который первый раздражилъ Гарибальди въ Сициліи, — Ла-Фарина, котораго диктаторъ всегда считалъ злѣйшимъ изъ своихъ личныхъ враговъ.»

Мы обращаемъ вниманіе не на то, что партія, доставившая Виктору-Эммануэлю власть надъ южною Италіею, совершенно устранялась отъ управленія дѣлами въ южной Италіи, — положимъ, что Кавуръ естественно долженъ былъ назначить правителями людей своей партіи. — нѣтъ, мы говоримъ совершенно о другомъ обстоятельствѣ. Въ числѣ вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ Кавуръ могъ найти множество лицъ, не имѣвшихъ личныхъ столкновеній съ Гарибальди; почему же выбраны были именно тѣ немногіе, назначеніе которыхъ было личною обидою для него по прежнимъ личнымъ непріятностямъ его съ ними? Развѣ, напримѣръ, нѣтъ въ сардинской арміи генераловъ, кромѣ Фанти? Зачѣмъ же именно Фанти, а не другой какой нибудь генералъ былъ посланъ сопровождать Виктора-Эммануэля? Выборъ произведенъ былъ съ явнымъ разсчетомъ оскорбить Гарибальди. Или некого было послать въ Неаполь, кромѣ Фарини, некого послать въ Палермо, кромѣ Ла-Фарины?

Мы говорили, что когда піэмонтскія войска двинулись на войну съ Францискомъ II, Гарибальди прекратилъ всякія наступательныя дѣйствія, съ патріотическимъ разсчетомъ рѣшившись оставить честь побѣды тѣмъ людямъ, хотя и своимъ противникамъ, которые будутъ управлять Неаполемъ, чтобы славою сардинской арміи упрочилась власть Виктора-Эммануэля. Но когда піэмонтская армія пришла подъ Капую, Гарибальди конечно долженъ былъ сказать, что его волонтеры не отказываются помогать піэмонтскимъ, хотятъ сражаться рядомъ съ ними. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ на это, что если Гарибальди хочетъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то пусть обратится за инструкціями къ делла-Роккѣ, командующему піэмонтскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ противъ Капуи. Это значило, что Гарибальди отдается подъ команду одного изъ второстепенныхъ піэмонтскихъ генераловъ.

Подъ команду къ нему Гарибальди не поступилъ, но въ случаѣ нужды волонтеры помогали сардинцамъ. Наконецъ, капуанскій гарнизонъ предложилъ сдаться. Гарибальди, всегда дававшій неаполитанцамъ самыя почетныя, по военнымъ правиламъ, условія капиту-

ліціи, чтобы не унижать и не раздражать солдатъ, пригодныхъ впослѣдствіи служить итальянскому дѣлу, соглашался на условія, предложенныя гарнизономъ Капуи. Но делла-Рокка не согласился, требуя условій, менѣе почетныхъ для гарнизона, и возобновилъ бомбардировку крѣпости. Гарибальди былъ внѣ себя отъ негодованія, увидѣвъ это безполезное продолженіе побоища.

Какъ поступали Кавуръ и піэмонтскіе генералы съ Гарибальди, точно такъ же поступали піэмонтскіе офицеры и солдаты съ волонтерами; слѣдуя примѣру начальниковъ, они третировали волонтеровъ съ пренебреженіемъ, какъ людей плохо знающихъ формальную сторону службы. Читатель знаетъ, что лишь въ послѣднее время началъ проникать въ піэмонтскую армію боевой духъ, ставящій способность храбро сражаться выше плацъ-парадной выправки; еще недавно господствовали въ ней педанты, вліяніе которыхъ на умы офицеровъ остается до сихъ поръ сильно. Въ прошедшемъ году, до присоединенія Тосканы, герцогствъ и Романьи къ Піэмонту, командуя арміею центральной Италіи, Фанти отказывалъ въ принятіи людямъ, добровольно пришедшимъ за сотни верстъ, поступить въ солдаты, когда эти люди были на четверть дюйма ниже мѣрки или были однимъ мѣсяцемъ моложе опредѣленнаго возраста. Люди этой категоріи еще многочисленны между сардинскими командирами и офицерами. Можно вообразить себѣ, какъ смотрѣли они на волонтеровъ, умѣвшихъ только сражаться.

Среди ряда непріятностей, Гарибальди и волонтеры имѣли одинъ торжественный день, — день раздачи медалей тѣмъ храбрымъ, которые уцѣлѣли изъ 1062 человѣкъ, высадившихся съ Гарибальди въ Марсалѣ и взяли Палермо, принудивъ сдаться на капитуляцію двадцати-тысячную армію. Медаль была выбита въ честь ихъ городскимъ правительствомъ Палермо. Герцогиня Вердура съ депутаціею отъ города Палермо привезла ее въ Неаполь и сама навѣшивала на грудь каждому. По списку вызывали одного за другимъ, — но лишь на меньшую половину вызывовъ являлись вызываемые, а чаще вслѣдъ за именемъ вызываемаго слышался отвѣтъ товарищей: «убитъ». Изъ 1062 человѣкъ уцѣлѣло только 457. Медали убитыхъ были отданы ихъ семействамъ, въ воспоминаніе о признательности сицилійцевъ. Въ числѣ получившихъ медаль находилась одна дама, — г-жа Криспи, супруга того Криспи, который былъ душою сицилійской радикальной партіи. «Она достойна медали не меньше, чѣмъ кто нибудь изъ насъ, сказалъ Гарибальди: она была единственная женщина, сопровождавшая насъ въ марсальской экспедиціи».

Торжество волонтеровъ марсальской экспедиціи было послѣднее

свѣтлою эпопею жизни Гарибальди и волонтеровъ въ послѣднія недѣли. Скоро пришла минута уничтоженія арміи и удаленія ея предводителя.

7 ноября Викторъ Эммануэль пріѣхалъ въ Неаполь; Гарибальди съ своими продиктаторами,—неаполитанскимъ Паллавичино и сицилійскимъ Мордини, — явился на другой день передать ему власть и король назначилъ своихъ намѣстниковъ въ Неаполь и Палермо. Мы не будемъ повторять здѣсь всѣхъ разнорѣчащихъ слуховъ объ обидахъ, которымъ подвергся Гарибальди въ эти дни. Довольно будетъ упомянуть о фактахъ, достовѣрность которыхъ уже разъяснена полемикой.

Гарибальди съ Паллавичино и Мордини явился встрѣтить короля на станціи желѣзной дороги. Король пригласилъ въ свой экипажъ Гарибальди и Паллавичино, но не почелъ достойнымъ этой чести Мордини, котораго давно уже выставили злодѣемъ за то, что онъ не вошелъ въ сношенія съ Кавуромъ противъ Гарибальди, какъ вошелъ Паллавичино; притомъ же Паллавичино — маркизъ, а Мордини — что-то въ родѣ адвоката или медика, или чего-то подобнаго, не больше. Не смотря на званіе продиктатора, Мордини не имѣлъ денегъ, чтобы обзавестись экипажемъ. Во время пріѣзда короля шелъ проливной дождь, а король прибылъ въ Неаполь съ экстреннымъ поѣздомъ гораздо прежде, чѣмъ его ждали, потому около станціи не было народа, не было и ни одного извощика. Мордини отправился домой пѣшкомъ по грязи, подъ дождемъ. Когда Гарибальди сѣлъ въ экипажъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ и увидѣлъ, что Мордини тутъ нѣтъ, а садится въ экипажъ только Паллавичино, онъ вспыхнулъ: въ самомъ дѣлѣ, пренебреженіе къ Мордини было пренебреженіемъ къ нему самому, при извѣстной дружбѣ его съ сицилійскимъ продиктаторомъ. Нечего было дѣлать; догнали Мордини, воротили, посадили въ экипажъ рядомъ съ Паллавичино.

Викторъ-Эммануэль предложилъ Гарибальди орденъ Аннунсіады; Гарибальди сказалъ, что онъ носить орденъ не можетъ, но просилъ короля дать эту награду обоимъ продиктаторамъ. На другое утро, когда продиктаторы и министры собрались въ комнату Гарибальди, чтобы отправиться къ Виктору-Эммануэлю и передать ему власть, Паллавичино былъ украшенъ орденомъ Аннунсіады, а Мордини нѣтъ. Гарибальди опять не выдержалъ, разсердился, сталъ упрекать Паллавичино, зачѣмъ онъ принялъ орденъ, который не данъ его товарищу, такому же продиктатору, какъ онъ. Но чрезъ нѣсколько ми-

нутъ дѣло разъяснилось: Палавичино сообщилъ Гарибальди, что Мордини самъ прислалъ къ королю письмо, въ которомъ отказывался отъ ордена. Гарибальди успокоился. Но чрезъ нѣсколько часовъ узналъ, что прежнее разъясненіе было не совсѣмъ полно. Мордини было сообщено, что король не хотѣлъ бы давать ему ордена, но затрудняется, какъ отказать ему, когда этого требовалъ Гарибальди. Услышавъ это, Мордини написалъ письмо, которое вывело Виктора-Эммануэля изъ затрудненія.

Все это мелочи, но они достаточно показываютъ, что Гарибальди и его помощники унижены отъ тѣхъ самыхъ людей, въ пользу которыхъ работали. Если такое пренебреженіе высказывали къ диктатору южной Италіи даже въ вещахъ не важныхъ, то можно сообразить, какой отвѣтъ слышалъ онъ на свои требованія въ важныхъ дѣлахъ. Давно уже онъ видѣлъ, что чѣмъ скорѣе ему убраться на Капреру, тѣмъ лучше. Онъ даже не хотѣлъ дожидаться пріѣзда Виктора-Эммануэля въ Неаполь, но его убѣдили не обнаруживать разрыва съ такою рѣзкостью. Потомъ онъ хотѣлъ уѣхать тотчасъ же послѣ аудіенціи 8 числа, въ которой передалъ власть Виктору-Эммануэлю; его опять успѣли удержать до слѣдующаго утра, чтобы смягчить впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести его отъѣздъ. Ему выражали готовность согласиться на всѣ его требованія, какія только могутъ быть исполнены, но оказалось, что не могутъ согласиться ни на одно изъ нихъ. Конечно, не весь ходъ этихъ переговоровъ извѣстенъ теперь съ точностію. Раза два или три Гарибальди говорилъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ наединѣ и не разсказывалъ потомъ никому, кромѣ своихъ ближайшихъ друзей, о чемъ шла рѣчь. Извѣстно только въ общихъ чертахъ, что Гарибальди соглашался остаться, если дозволятъ ему занимать положеніе, не зависимое отъ туринскаго министерства, враждебнаго ему. На это не согласились. Тогда онъ просилъ по крайней мѣрѣ, чтобы сохранена была отдѣльная организація арміи волонтеровъ,— не согласились и на это. Наконецъ онъ просилъ хотя того, чтобы признаны были офицерскіе чины за людьми, произведенными имъ въ его арміи, — не согласились и на это. Онъ уѣхалъ 9 сентября на разсвѣтѣ, когда городъ еще спалъ, чтобы не возбуждать своимъ отъѣздомъ демонстрацію. Съ нимъ отправилось на Капреру человѣкъ семь тѣхъ ближайшихъ его друзей, которые не были удержаны своими обязанностями при агоніи, прекращавшей существованіе арміи волонтеровъ. Тюрръ, Козенцъ, Сирторій не могли уѣхать изъ Неаполя: они остались, чтобы защищать по возможности своихъ товарищей. Учреждена коммиссія для пересмотра офицерскихъ

списковъ арміи Гарибальди, чтобы уволить отъ службы «опасныхъ» или «недостойныхъ» людей, которые успѣли войти въ ряды волонтеровъ, но не должны безславить собою корпусъ офицеровъ регулярной итальянской арміи. Оставлены будутъ чины лишь тѣмъ изъ нихъ, которыхъ піемонтскіе генералы признаютъ заслуживающими снисхожденіе. Гарибальди успѣлъ добиться лишь того, что Сирторій, Козенцъ и Тюрръ допущены въ піэмонтскую коммиссію, которая будетъ судить офицеровъ бывшей арміи Гарибальди. А между тѣмъ армія эта быстро исчезаетъ: съ каждымъ днемъ расходятся изъ рядовъ ея сотни патріотовъ. Желаніе Фанти въ томъ именно и состоитъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ этого безпорядочнаго собранія людей. Уже два раза удавалось піэмонтскимъ генераламъ уничтожать войска волонтеровъ, собиравшихся около Гарибальди: по заключеніи Виллафранкскаго мира, они успѣли уничтожить корпусъ альпійскихъ стрѣлковъ, съ которымъ дѣйствовалъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи. Черезъ полгода они, и главнымъ образомъ именно Фанти, успѣли уничтожить второе такое войско, собранное Гарибальди въ центральной Италіи; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ нынѣшній разъ ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ; вѣрнѣе сказать, они уже увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ; черезъ полторы недѣли по отъѣздѣ Гарибальди не осталось въ рядахъ арміи волонтеровъ и третьей части людей, составлявшихъ ее; не замедлитъ разойтись и эта послѣдняя треть. Мы хвалимъ ревность, съ какою спѣшилъ Кавуръ наказать Гарибальди и его товарищей за революціонный духъ, двинувшій ихъ противъ короля неаполитанскаго. Кавуру нельзя было не воспользоваться плодами дѣла, совершеннаго Гарибальди, но онъ не могъ, чтобы не наказать его всевозможными униженіями. Это хорошо; но Кавуръ увлекся избыткомъ усердія. Онъ держится своею дипломатическою репутаціею такъ твердо, что не боится ни Гарибальди, ни его друзей. Но, если безвредно остается для самого Кавура впечатлѣніе, произведенное на итальянскую публику удаленіемъ Гарибальди, то вредно оно для итальянскаго дѣла. Кавуръ во многихъ поколебалъ этими оскорбленіями преданность къ Виктору-Эммануэлю, внесъ сильнѣйшую причину раздора въ умы итальянскихъ патріотовъ.

Но между тѣмъ единство Италіи устраивается и упрочивается. Черезъ годъ или черезъ два можетъ быть уже не будетъ возможности раздробить государства, собравшіяся теперь подъ власть Виктора-Эммануэля. Будемъ ждать, какъ переживетъ оно опасности, которыми окружено его возникновеніе. Австрійцы потеряли время для начатія войны и теперь, повидимому, не думаютъ начинать ее

раньше слѣдующей весны. Посмотримъ, успѣютъ ли итальянцы приготовиться къ войнѣ до весны; но если не успѣютъ, то виноваты будутъ уже сами. У нихъ есть время до той поры сформировать такую армію, противъ которой австрійцы не могли бы вести наступательной войны.

Положеніе дѣлъ сомнительно не въ одной Австріи. Нѣсколько разъ мы упоминали о разныхъ признакахъ умственнаго безпокойства во Франціи. Симптомы эти мелки, потому что крупныхъ не можетъ быть въ нынѣшней Франціи: она вся какъ будто отлита изъ чугуна, который сохраняетъ всю наружную крѣпость до той минуты, когда вдругъ распадается. Но само французское правительство озабочивается признаками движенія, предсказывающими непріятности. Постоянно носятся слухи, что оно думаетъ преобразовать конституцію въ либеральномъ смыслѣ. Эти слухи повторяются иногда съ опроверженіями, иногда съ подтвержденіями въ полуофиціальныхъ французскихъ газетахъ. Было бы неосновательно ожидать ихъ осуществленія въ значительномъ размѣрѣ, но въ незначительной степени они оправдываются извѣстіями, что дается нѣкоторый просторъ преніямъ законодательнаго корпуса. Будемъ надѣяться, что уступка окажется не портящею нынѣшняго порядка, но все-таки она свидѣтельствуетъ о какомъ-то внутреннемъ колебаніи.

Точно такое же стѣсненіе прежнихъ твердыхъ началъ неблагопріятнымъ расположеніемъ умовъ обнаруживается и во французской политикѣ относительно Италіи. Во всемъ видно желаніе поддержать Франциска II, но никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимается противъ основывающагося итальянскаго государства. Все ограничивается пока только тѣмъ, что сардинскому флоту не дозволено было участвовать въ осадѣ Гаэты; но это лишь оттягиваетъ нѣсколькими недѣлями развязку, нисколько не увеличивая шансовъ Франциска II. Война идетъ къ своему концу по программѣ, развитіе которой можно было предвидѣть заранѣе. Сардинцы разрѣзали войска Франциска II на три части,—разорвавъ сообщенія дѣйствующей арміи съ гарнизонами Гаэты и Капуи. Капуя сдалась; черезъ нѣсколько дней дѣйствующая армія оттѣснена была въ папскія владѣнія и тамъ положила оружіе; остается только Гаэта, осада которой не представляетъ ничего сомнительнаго въ своемъ ходѣ. Франція не дѣлала до сихъ поръ ничего такого, что могло предотвратить исходъ дѣла, всѣми давно предусматриваемый. Со стороны Франціи тутъ недостатокъ не въ доброй волѣ, а лишь въ возможности дѣйствовать безъ риска для внутренняго существующаго порядка.

Соображая все, приходишь къ одному заключенію: трудно надѣяться на такое счастье, чтобы слѣдующая весна не принесла съ собою западной Европѣ сотрясеній. Изъ вѣроятныхъ для западной Европы шансовъ наименѣе невыгодный для существующаго порядка былъ бы тотъ, когда бы столкновенія ограничились какою нибудь войною между тѣми или другими державами, безъ внутреннихъ смутъ; но этого шанса нельзя назвать вѣроятнѣйшимъ. Итальянскія событія уже оказываютъ заразительную свою силу въ Австріи и въ расположеніи умовъ французовъ.

Къ числу важнѣйшихъ событій слѣдуетъ отнести пораженіе такъ-называемой демократической и торжество такъ-называемой республиканской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, при выборѣ президента. Это фактъ, едва ли уступающій своею значительностью итальянскимъ событіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Не то, чтобы отъ выбора Линкольна надобно было ожидать немедленныхъ переворотовъ, — теперь всѣ видятъ, что восторжествовавшіе противники невольничества еще не въ силахъ принять мѣръ къ освобожденію негровъ въ южныхъ штатахъ, а побѣжденные рабовладѣльцы не въ силахъ поднять южные штаты къ отторженію отъ союза. Но 6 ноября 1848 г., день, когда побѣда осталась на сторонѣ партіи, имѣвшей своимъ кандидатомъ Линкольна, этотъ великій день—начало новой эпохи въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, день, съ котораго начался поворотъ въ политическомъ развитіи великаго сѣверо-американскаго народа. До сихъ поръ, надъ его политикою господствовали южные плантаторы, люди знатные и гордые своею знатностью. Ихъ партія называется теперь демократическою, но въ сущности она была олигархическою. Теперь землепашцы сѣвера и запада,—землепашцы въ буквальномъ смыслѣ слова, люди, воздѣлывающіе землю своими руками,—первые сознали съ себѣ силу обойтись безъ опеки южныхъ олигарховъ и управлять союзомъ. 6 ноября 1860 года они свергнули иго, лежавшее на нихъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, и какимъ бы колебаніямъ не было подвержено въ будущемъ продолженіе борьбы, они пойдутъ и пойдутъ къ своей цѣли, къ возстановленію политики Соединенныхъ Штатовъ на высоту, которой не имѣла она со временъ Джефферсона; начнетъ воскресать бѣлое населеніе юга, не имѣющее невольниковъ, и черезъ нѣсколько времени оно соединится съ сѣверными штатами для уничтоженія невольничества черныхъ, — невольничества, которое лежало гнетомъ на всей жизни всего сѣверо-американскаго народа, пятномъ на доброй славѣ его. А добрая слава сѣверо-американскаго народа важна для всѣхъ націй при быстро возрастаю-

щемъ значеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ жизни цѣлаго человѣчества. Теперь довольно будетъ этой общей характеристики событія, которое извѣстно намъ лишь по отрывочнымъ и краткимъ замѣткамъ европейскихъ газетъ; разсказъ о немъ отложимъ до слѣдующаго мѣсяца, когда получимъ сѣверо-американскія газеты, описывающія ходъ дѣла 6 ноября.

— Эти же фантазіи (музыкальные вечера) на любимыя русскія пѣсни изданы также для одной флейты. 3 тетради, каждая 40 к.

ДЛЯ ГАРМОНИФЛЕЙТЫ.

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты, съ изъясненіемъ и описаніемъ этого инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ — 1 р.

— Six melodies favorites pour l'harmoniflûte (75 к.).

— Six morceaux sur des thêmes favoris (1 р. 25 к.). Le bijou Receuil de 25 melodies pour l'harmoniflûte (1 р. 50 к.).

REES. Fantaisie sur la muette de Portici (75 к.).

СОБРАНІЕ любимыхъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ, переложенныхъ для гармонифлейты М. Бернардомъ. Тетрадь 1-я (75 к.). Тетрадь 2-я (1 р.).

Полученъ вновь большой выборъ ПАРИЖСКИХЪ ГАРМОНИФЛЕЙТЪ лучшаго достоинства, которыя продаются по 40 р.

Выписывающіе хоть на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го ноября 11-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXI), содержащая въ себѣ между прочимъ: *Rubinstein*, Une soirée à St.-Petersbourg. Romance sans paroles. — *Kontski*, Fantaisie-transcription sur Rigoletto. — *Humer*, Air bohémien-russe transcrit. — *Mayer*, Polka de salon. — *Strauss*, Orphée aux enfers Quadrille, всего 11 пьесъ, — портретъ *Ричарда Вагнера* и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Нувеллистъ будетъ выходить въ будущемъ 1861 году, на томъ же основаніи, какъ и въ нынѣшнемъ.

Здѣсь же получены вновь ИНОСТРАННЫЕ РОЯЛИ и ПІАНИНО лучшаго достоинства, СКРИПКИ итальянскія, французскія и нѣмецкія, АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ, ГИТАРЫ, ФЛЕЙТЫ, ЧАКАНЫ, АККОРДЕОНЫ, МЕТРОНОМЫ, КАМЕРТОНЫ, КОНИФОЛЬ и проч.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и съ первоотходящею почтою.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 11 ноября 1860 года.

Ценсоръ Ѳ. [illegible]

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,
КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Завѣтнова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

Изданіе Д. В. Григоровича.

10 книжекъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

СБОРНИКЪ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ. Состав. В. Варенцовъ. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПѢСНИ, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. В. 1. М. 1860. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОРОШЕНІЮ РАЗНЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ УГОДІЙ. Состав. П. Чернопятовъ; съ атласами чертежей. Спб. 1860. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

ГОРОДСКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Состав. по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ. Т. 1. Спб. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева, съ рисунками. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ В. Бѣлинскаго. Т. 9. М. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., тоже 8 томовъ. Ц. 8 р., съ пер. 11 р.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій Сборникъ Н. Фролова. Т. 6. Часть 2. М. 1860. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ. Соч. Курсель-Сенеля. Перев. съ франц. В. Вишнякова. Спб. 1860. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

ПОХОДЪ 1796 года Бонапарта въ Италіи М. Богдановича. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. П. Лялѣева. Спб. 1860. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ. И. Писарева. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХИМІЯ. Буффа, Коппа и Цаминера. Пер. съ нѣмец. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОПЫТЪ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ СТРѢЛКОВЪ. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА. Пер. И. Бабста. Т. 1. Отд. 1.

КОБЗАРЬ Тараса Шевченка. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. подъ радакціею И. В. Гербеля. Спб. 1860. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Ивана Панаева. Четыре тома. Спб. 1860. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА УЗАКОНЕНІЙ ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ. Состав. В. Л. Спб. 1860. Ц. 40 к., съ пер. 65 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. Б. Миллера. 2 части. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Григорія и Степана Карпенко. На русскомъ и малороссійскомъ языкахъ. 4 книги. Спб. 1860. Ц. 3 р. 30 к., съ пер. 4 р.

АНГЛІЯ въ XVIII столѣтіи. Публичныя лекціи Г. Вызинскаго. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ НОВАГО ПОЭТА. 2 ч. Спб. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НАСТАВЛЕНІЕ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦУ. І. Журдье. Пер. съ франц. Варакситъ. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОБЩАЯ БІОЛОГІЯ. Изидора Жоффруа Сентъ-Илера. Пер. А. Богданова. 2 тома. М. 1860. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

РУКОВОДСТВО КЪ ЗООЛОГІИ Х. Г. Бронна. Пер. А. Богданова. 3 выпуска, съ политипажами. М. 1860. Ц. 1 р. 85 к., съ пер. 2 р. 10 к.

О ВЫРОЖДЕНІИ человѣческаго рода и средствахъ препятствовать этому вырожденію физическимъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ человѣка; рожденіе дѣтей того или другаго пола по желанію. Состав. Д. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ, историческій разсказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго Даневскою съ чертеж. и картою. Спб. 1860. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

МѢСЯЦОСЛОВЪ НА 1861 ГОДЪ, съ изображеніемъ памятника императору Николаю 1-му. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 35 к., въ папкѣ 90 к., съ пер. 1 р. 40 к., въ саф. кор. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ГЕОГРАФІИ и СТАТИСТИКИ РОССІИ, составленные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Состав. М. Бароновичъ. Спб. 1860. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Тамже принимается подписка на всѣ русскія газеты и журналы на 1861 годъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова, въ Спб.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 11 ноября 1860 года.
Цензоръ Ѳ. Рахманиновъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ
въ 1861 году.

Въ 1861 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже знакомы въ теченіе *пятнадцати лѣтъ*. Вступая въ шестнадцатый годъ своего существованія, наше мѣстное изданіе не имѣетъ причинъ измѣнять своего характера и будетъ слѣдовать направленію, данному ему нѣсколько лѣтъ назадъ, общеніемъ съ европейскими интересами, съ общечеловѣческими идеями. Эта потребность давно уже чувствовалась, потому что годъ отъ году болѣе и болѣе Кавказъ дѣлается Европою, стряхивая съ себя азіатскую исключительность. — Тѣмъ не менѣе, стоя на рубежѣ двухъ странъ, межъ Востокомъ и Западомъ, мы никогда не отказывались знакомить читателей, какъ съ мѣстною здѣшней исторіей, нравами и обычаями разнообразныхъ племенъ, населяющихъ нашу живописную и *во всѣхъ отношеніяхъ* интереснѣйшую страну, такъ и съ сопредѣльными ей странами и государствами. Наши корреспонденціи съ Тегераномъ, которыя сдѣлались постояннымъ отдѣломъ газеты, возбуждаютъ вниманіе въ образованномъ мірѣ и перепечатываются во всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ. Мы не можемъ не радоваться такому успѣху, хотя и во вредъ изданію нашему, небогатому средствами и числомъ подписчиковъ; напротивъ, мы будемъ стараться какъ можно болѣе развить этотъ отдѣлъ *корреспонденцій съ Востока*, особливо теперь, при броженіи мусульманскаго міра — и надѣемся, что доведемъ это развитіе до того, что и русскія и иностранныя политическія газеты станутъ брать у насъ этотъ готовый матеріалъ — и можетъ быть многія обратятся къ прямому источнику. Мы высказываемъ эту мысль, какъ надежду, какъ цѣль, къ которой мы будемъ стремиться.

Кавказские наши читатели конечно замѣтили, что отдѣлъ *политическаго обозрѣнія* у насъ если не многословенъ, то всегда полонъ и отличается свѣжестію сообщаемыхъ новостей, такъ что наша газета опережаетъ въ Тифлисѣ С.-Петербургскія и Московскія почти цѣлой недѣлей— иногда болѣе. И на будущій годъ мы не оставляемъ заботы объ этомъ скорѣйшемъ сообщеніи новостей.

Что касается до другихъ отдѣловъ, то мы будемъ вести ихъ, какъ и доселѣ, желая быть по возможности полными и разнообразными, что, конечно, не такъ легко для изданія во сто сорокъ иль въ полтораста листовъ. Мы имѣемъ привычку не обѣщать, но стараться вводить еще улучшенія, сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція.

По составу своему газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I) Правительственныя распоряженія. — Сюда же относятся и *всѣ* высочайшіе приказы по Кавказкой арміи, а также по гражданскому

вѣдомству. II) Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III) Извѣстія о Россіи. IV) Политическое обозрѣніе. V) Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, библіографія и т. д. — VI) Фельетонъ. VII) Метеорологическія наблюденія тифлисской магнитной обсерваторіи, и наконецъ, VIII) Разныя объявленія и извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

1) *Отъ тифлисскихъ подписчиковъ*, **ВЪ ТИФЛИСѢ**, *исключительно* въ редакціи, что на Александровской площади.

2) *Отъ иногородныхъ подписчиковъ*, **ВЪ ТИФЛИСѢ**, въ редакціи газеты «Кавказъ».

3) **ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ**, въ Газетной Экспедиціи.

4) **ВЪ МОСКВѢ**, въ Газетной Экспедиціи и у коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета Ө. О. Свѣшникова.

5) Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ. **ПОДПИСЫВАТЬСЯ ТАКЖЕ МОЖНО И ВО ВСѢХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ**; но за исправное и своевременное доставленіе газеты редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только предъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались:

ВЪ ТИФЛИСЪ, ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗЪ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставк. на домъ и пер.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
ГОДОВАЯ ЦѢНА:				
За газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій)	9	—	8	50
За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»)	5	50	5	—
За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями	12	50	12	—
ПОЛУГОДОВАЯ ЦѢНА:				
За газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій)	5	—	4	50
За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»)	3	—	2	50
За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями	6	50	6	—

*** *Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получать всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но независимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ того только нумера, предъ которымъ поступитъ подписка.*

Редакторъ **ӨЕДОТЪ [illegible].**

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 18 ноября 1860 года.
Цензоръ Ө. Рахманиновъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

ВЪ 1861 ГОДУ.

«Русскій Педагогическій Вѣстникъ», журналъ для воспитателей и родителей, будетъ издаваться и въ 1861 году съ такимъ же направленіемъ и въ томъ же объемѣ.

«Русскій Педагогическій Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно книжками отъ семи до восьми и болѣе листовъ. Цѣна годовому изданію **6 руб. 50 коп.** безъ пересылки, съ пересылкою и доставкою на домъ **8 руб.**

За «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» 1860 года плата по подписной цѣнѣ.

Редакція «Русскаго Педагогическаго Вѣстника» проситъ требованія на означенный журналъ заявлять заранѣе, чтобы она могла распорядиться въ свое время на счетъ количества печатаемыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «Русскаго Педагогическаго Вѣстника» при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Николаевскаго дворца, въ домѣ Завѣтнова, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Свѣшникова.

Редакторъ **А. Григоровичъ.**

СЕНТЯБРЬ, № IX.

I. — Замѣчанія по поводу «Проэкта устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія».

II. — О сельскихъ училищахъ въ Устьсысольскомъ округѣ, вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ. П. Касаткина.

Октябрь, № X.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 14 ноября 1860 года.
Цензоръ Θ. Размахнинъ.

Печатать позволяется. Ноября 23-го дня 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

СОВРЕМЕННИКЪ будетъ выходить въ 1861 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки: 15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою: 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ *Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

Приготовленныя для этой и предъидущей книжекъ статьи: 1) «Транспортъ», разсказъ Б—ша; 2) «Картины Италіи» Ш. Гейне, перев. М. Л. Михайлова; 3) Разсказы Н. В. Успенскаго: a) «Ревизія», b) «Майоръ»; 4) «Предложеніе г. Закревскаго относительно виннаго акциза» Н. Г. Чернышевскаго; 5) «Записки Бенони», часть первая; 6) «Портретъ», стихотв. И. Рончевскаго; 7) «Свистокъ» № 6, — отложены до слѣдующихъ книжекъ.

СОВРЕМЕННИКЪ

1860

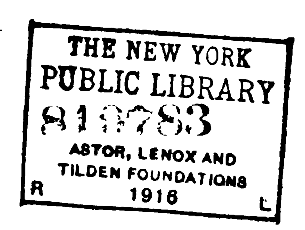
№ XII ДЕКАБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Невскомъ, домъ Завѣтнова № 58)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.



ИВАНЪ ЕРМОЛАИЧЪ.

(Быль.)

I.

«О, судьба, судьба! О, мечта, мечта! знать, всѣ друзья-пріятели до чернаго дня; горе мнѣ, терзающемуся тоскою.... Машенька, Машенька, милая Маша! я плачу, я рыдаю, даже слезы проливаю, когда о тебѣ ни помышляю; забуду ли я тебя когда, да и могу ли забыть?—нѣтъ, никогда! Если я тебя забуду, пусть будетъ забыта мною правая моя рука, и если когда не помяну тебя, прильпни языкъ мой гортани моему; тебя ли, прелестная дѣва, моя надежда, тебя ли не обожаю я больше всего на свѣтѣ? душа моя не знаетъ надъ собой ничьей власти, кромѣ твоея.

«Да, я забытъ, забытъ за то, что я тебя такъ страстно любилъ и люблю навсегда; забытъ за то, что я тебя въ скорби и печали утѣшалъ; забытъ за то, что охранялъ тебя отъ злыхъ людей, ненавидящихъ тебя; забытъ за то, что я у тебя когда слезы утиралъ. Забыто, забыто это все и за это я сталъ отвергнутъ. Вспомни то, Маша, что ты мѣста меня лишила, или этого ты и желала? такъ пусть исполнилось желаніе твое въ радость тебѣ; радуйся и веселися, яко мзда объяла тебя: ты теперь счастлива, и счастіе твое пусть будетъ на многія лѣта. О, жестокая! о, каменно-сердечная! каждый день, каждый часъ, каждую

минуту ты изъ ума-сердца моего не выходишь; вотъ тебѣ клянусь всею душою: я тогда тебя забуду, когда успокоюсь вѣчнымъ сномъ. Маша, хотя ты меня и отвергла отъ себя, но я тебѣ не престану письма писать; а передавать тебѣ я не имѣю никакого случая особеннаго, такъ я буду посылать тебѣ письма по городской почтѣ, съ которыми пришлю и твои письма; также и ты мои письма изорви и сожги, тогда и забудь меня. А при всемъ моемъ огорченіи я прошу тебя, уже и завтра въ 6 часовъ покажись мнѣ въ то окно, на которомъ у васъ лампа прибита, и я буду ждать тебя на тротуарѣ и смотрѣть тебя, какъ нынче, такъ и завтра въ 6 часовъ; дай мнѣ послѣднимъ зрѣніемъ на тебя насладиться и въ послѣдній разъ тебя оплакать. Прощай!

«Злодѣйка! терзай меня тоскою и слезами.»

Письмо это, писанное въ одномъ изъ сырыхъ угловъ подвальнаго этажа, — на другой день, дѣйствительно, было послано по городской почтѣ... но оно, хотя и было получено тою, къ которой было послано, не достигло цѣли, для которой было послано — по очень простой причинѣ.

Маша, упоминаемая въ этомъ письмѣ, была въ это время въ апогеѣ той славы, какой можетъ достигнуть швейка или горничная: она случайно попалась къ одному господину, который далъ ей чистую квартиру, возможность имѣть модную шляпку и бурнусъ, приличный гардеробъ, и сытный обѣдъ. Такое счастіе вскружило Машѣ голову.... Она вообразила, что господинъ, давшій ей все это, никогда не оставитъ ея, и Маша съ презрѣніемъ бросила подъ столъ письмо Ивана Ермолаича, любившаго ее такъ пламенно, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ, она принимала его увѣренія въ любви не безъ удовольствія, потому что, находясь у мѣста, онъ могъ помогать ей. Въ настоящемъ положеніи, при одной мысли о немъ, она презрительно произносила про себя: «мужикъ!» — слово, самое презрительное въ устахъ двороваго.... Погрузившись въ наслажденіе своимъ положеніемъ, она позабыла, что колесо фортуны, какъ и всякое колесо, вертится безпрестанно, — и не только не отвѣчала на это и на другія, послѣдовавшія за нимъ, посланія Ермолаича, но даже и не распечатывала ихъ... что продолжалось довольно долго — или, лучше сказать, до тѣхъ поръ, пока молодой человѣкъ, которому въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ она успѣла нѣсколько поприскучить, не объявилъ ей въ одно прекрасное утро, что ему нужно уѣхать изъ города, и что

потому связь ихъ кончилась, и онъ оставляетъ ей, по великодушію своему, подарки, какіе ей дѣлалъ.

Дѣвушка, никакъ не ожидавшая такой развязки, до того растерялась, что позабыла даже объявить ему, что она беременна, и что бросить женщину въ такомъ положеніи—безчестно. Молодой человѣкъ можетъ-быть не обратилъ бы и на это вниманія и все-таки бросилъ бы ее, — но тогда по крайней мѣрѣ осталось бы ей утѣшеніе жаловаться на него, теперь же и жаловаться было нельзя: она виновата была во всемъ сама.

Доживя на чистенькой квартирѣ до срока, и распродавъ все, что показалось ей излишнимъ, Маша, игновенно превратившаяся опять въ Машу изъ Марьи Ивановны, увидала, что приходится, до отысканія мѣста, перебраться въ какой нибудь уголъ. Какъ ни коротки были эти три мѣсяца, они испортили ей на всю жизнь возможность честно заработывать хлѣбъ свой.... сдѣлаться же вполнѣ продажной — мѣшалъ ей остатокъ нравственнаго чувства.

Между тѣмъ положеніе бѣдной дѣвушки становилось невыносимо. Мѣста, которыя ей представлялись, были не по ней, такъ что проживши три-четыре дня, она отходила отъ нихъ.... Она стала продавать, одинъ за другимъ, тѣ мелочные предметы роскоши, которые у ней оставались отъ ея прежняго довольства; наконецъ принялась и за необходимое.

Въ одинъ вечеръ, доведенная до послѣдней крайности, она рѣшилась отдаться первому встрѣчному, для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ эту минуту она сидѣла на скамейкѣ бульвара. Сотни разряженныхъ, довольныхъ жизнію, проходили мимо ея. Вдругъ вдалекѣ мелькнулъ ей знакомый образъ Ивана Ермолаева. Сердце ея забилось сильно и потомъ болѣзненно сжалось, когда она вспомнила, что на любовь его она отвѣчала презрѣніемъ, потому только, что у ней было нѣсколько десятковъ лишнихъ рублей въ карманѣ.... Она не могла не остановиться при мысли, что теперь можетъ-быть онъ самъ заплатитъ ей тѣмъ же, и сознавала, что будетъ правъ; но надежда игновенно отогнала всю минутную тревогу, заставила даже забыть, какъ дурно и неблагодарно поступила она съ тѣмъ, кто прежде такъ много служилъ ей, такъ честно и истинно любилъ ее.... Она сидѣла на лавочкѣ въ томъ тоскливомъ ожиданіи, какое испытываетъ человѣкъ, когда онъ ставитъ на карту послѣднее достояніе, — и дрожала всѣми членами, когда Ермолаевъ

началъ подходить.... Узнаетъ ли онъ, захочетъ ли онъ узнать ее?... Сердце ея замирало: она вспоминала, что Ермолаевъ зналъ и любилъ ее чистою....

Иванъ Ермолаевъ шелъ грустно, опустивъ голову, и потому не могъ замѣтить Маши, прежде нежели съ ней поравнялся. Наружность его тоже сильно измѣнилась; щеки его впали, въ одеждѣ не было прежней щеголеватости. Пересказать, что она перечувствовала въ эти немногія минуты, пока онъ подходилъ, не достанетъ словъ. Она боялась, что онъ не захочетъ узнать ее, боялась и того, что узнаетъ.... Какими глазами будетъ она смотрѣть на него.... что скажетъ, ежели онъ ее спроситъ: отчего она въ такомъ положеніи? Сердце ея билось такъ сильно, что она слышала его біеніе.... щеки ея то вспыхивали, то блѣднѣли; кажется, цѣлые годы пережила она въ эти минуты.

Когда Иванъ Ермолаичъ поравнялся съ нею и случайно поднялъ голову, онъ остановился.... Видимо не зная, что ему дѣлать, стоялъ онъ въ тяжкомъ раздумьѣ; тяжкая мысль овладѣла имъ: какъ она приметъ его? что скажетъ?...

Робко подошелъ онъ къ ней. — Марья Ивановна! произнесъ онъ. — Лицо дѣвушки вспыхнуло; она подняла на него глаза, полные неизъяснимой благодарности и неизъяснимаго счастія; это одно слово мирило ее съ самой собою, съ прошедшимъ, съ будущимъ, — оно открывало передъ ней цѣлый рядъ надеждъ.

Взглядъ этотъ, значенія котораго Иванъ Ермолаичъ не понялъ, заставилъ его мгновенно прійти въ себя.... Онъ заговорилъ безъ смысла, но для ушей Маши эти слова были такъ отрадны!

Она отвѣчала на нихъ не словами, но самою сладкою улыбкою.

Разсказать, что чувствовалъ Иванъ Ермолаичъ, глядя на свою Машу — худую, блѣдную, съ впавшими глазами, — врядъ ли достанетъ у меня умѣнья.

Состояніе его ясно высказалось во взглядѣ, въ безмолвіи его, во всей его фигурѣ. Маша поняла, что въ эту минуту она снова завоевала въ его сердцѣ мѣсто, утраченное на минуту, и глаза ея радостно сверкнули. Торжество ея было совершенно.

Тѣмъ не менѣе нѣмая эта сцена не могла долго продолжаться. Маша положила ей конецъ, предложивъ Ермолаичу идти къ ней на квартиру.

II.

Когда они усѣлись передъ самоваромъ, Иванъ Ермолаичъ пожелалъ, чтобы Маша разсказала ему похожденія свои съ того дня, какъ они разстались. Бѣдная дѣвушка вспыхнула—ей надо было разсказывать о своемъ позорѣ. Но, къ чести ея должно сказать, она ни на минуту не усомнилась, что любовь ея стараго друга не уменьшится, если она откровенно разскажетъ ему все — даже то, что она беременна. По инстинкту она гнушалась лжи, и если иногда лгала, то неохотно.

— Благодарю за письма, Иванъ Ермолаичъ, начала она. — Тогда я не умѣла цѣнить ихъ. Послѣ ужь, когда нужда одолѣла, когда я осталась одна сирота-сиротой и какъ стало не къ кому преклонить голову, тогда вспомнила я тебя, Ермолаичъ, горько вспомнила....

— Перестаньте, Марья Ивановна, отвѣчалъ Ермолаичъ:—перестаньте; отъ вашихъ слезъ горько на душѣ; Богъ милостивъ, теперь напасти ваши прошли.... Пока я живъ, вы нужды знать не будете....

Столько истины и столько откровенной и честной простоты было въ словахъ его, что Маша не могла не быть увѣренной, что съ этой минуты она дѣйствительно не одна, что у ней есть покровитель и что страданія ея кончились, если она такъ же честно приметъ любовь его, какъ онъ ей ее предлагаетъ.... но тѣмъ не менѣе она чувствовала, что роковое признаніе въ беременности можетъ испугать его. Признаніе это давило ее; ей было стыдно чистой и безкорыстной любви его, но тѣмъ не менѣе скрыть отъ него это обстоятельство у ней даже не было и въ мысли: безсознательно понимала она однако, что это было бы для него новымъ оскорбленіемъ, котораго она ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы взять себѣ на душу.

— Много дурнаго пережила я, Иванъ Ермолаичъ, очень много, продолжала она. — Богъ наказалъ меня за мою гордость. Я думала, что если буду носить бархатъ да шелкъ, то горя ужь никогда не узнаю. Меня бросили, какъ ветошку; бархатъ да шелкъ ушли на хлѣбъ; у меня ничего не осталось, кромѣ стыда да горя.

Иванъ Ермолаичъ потупился и смотрѣлъ въ землю; ни за что въ мірѣ не осмѣлился бы онъ взглянуть ей въ глаза: ему каза-

лось, что, взглянувши на нее, онъ насмѣется надъ ея несчастіемъ, заставитъ ее краснѣть. Онъ былъ какъ на иголкахъ; ему хотѣлось узнать всѣ подробности, чтобъ она разомъ и ясно выговорила все, что бы такое ни было, даже самое дурное; мучительная неизвѣстность была хуже самой тяжелой дѣйствительности.

Маша поняла, что дѣлается у него на душѣ. Переломивши себя, какъ ей ни было трудно, она рѣшилась сказать ему всю правду, и сказать сейчасъ же....

— Я у тебя просила прощенія, Ермоланчъ, начала она: — за то, что не читала твоихъ писемъ, — тогда я думала о себѣ Богъ знаетъ что; но это еще не все: я должна у тебя просить прощенія въ другомъ; послѣ этого ты, можетъ быть, и смотрѣть на меня не захочешь.... Что бы тамъ со мною ни было, хотя бы ты меня сталъ гнушаться, хоть бы бросилъ, и мнѣ пришлось умереть съ голоду — я таить отъ тебя не стану.... за любовь твою это было бы и грѣшно и безчестно. Я беременна, Ермоланчъ.

Ермоланчъ не пошевелился, услыша это слово; онъ не тронулся ни однимъ членомъ.

— Ну, что же-съ? скрѣпя сердце, отвѣчалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. — Богъ проститъ тебя, Марья Ивановна.... не мнѣ тебя судить!

Маша бросилась на шею Ивану Ермоланчу.

III.

Съ этой минуты свиданія Марьи Ивановны съ Иваномъ Ермоланчемъ начались частыя. Куда бы онъ ни шелъ, зачѣмъ бы ни шелъ, онъ всегда находилъ минуточку для своей Маши; въ тѣ же дни, когда его никуда не посылали, онъ, уложивъ своего барина спать, бѣгомъ бѣжалъ, чтобъ только хоть взглянуть на нее одну минутку. Онъ не могъ наглядѣться на свою Машу; все, что получалъ, онъ относилъ ей, лишая себя даже необходимаго.

Машѣ казалось, что всякимъ вниманіемъ, всякою ласкою, которую онъ ей оказывалъ, онъ какъ будто напоминалъ ей о томъ, какъ она виновата передъ нимъ, и какъ бы безмолвно упрекалъ ее. Положеніе это сдѣлалось невыносимымъ. Ей стали тяжелы его подарки, его помощь, даже его ласки; она готова была отказаться отъ всего, жить въ прежней нуждѣ, попрежнему умирать съ голоду, только бы великодушіе его, его

любовь не гнели ее такъ тяжело, не унижали безпрестанно въ собственныхъ глазахъ.... Она стала вмѣстѣ съ тѣмъ думать, какъ бы избавиться отъ беременности своей; она слыхала, что есть на это средства, и однажды, когда тоска ея дошла почти до отчаянія, она рѣшилась открыться своей двоюродной сестрѣ — дѣвушкѣ хоть и молодой, но жившей въ модномъ магазинѣ, и потому прошедшей сквозь огонь и воду.

Она сначала, впрочемъ, открылась Ивану: представила, сколько позору ожидаетъ ее, если всѣ узнаютъ, что она беременна, и объявила ему свое рѣшеніе. Иванъ испугался. Тщетно отговаривалъ онъ ее оставить это намѣреніе; тщетно представлялъ ей тяжесть такого грѣха, и говорилъ, что это наказывается закономъ, и наказывается строго; тщетно увѣрялъ ее, даже съ клятвой, что въ его глазахъ она та же Марья Ивановна, та же чистая, та же любимая имъ вѣчно Марья Ивановна, отъ привязанности къ которой избавитъ его только одна смерть, — дѣвушка стояла на своемъ.... и просьбами, ласками, слезами заставила его согласиться....

Онъ согласился; но отъ сердца его какъ будто оторвалось что-что; онъ зналъ, на что̀ онъ рѣшается и что̀ его ожидаетъ. Но пострадать и даже, пожалуй, погибнуть за Машу ему было нипочемъ. Согласившись разъ, онъ взялъ на себя главную роль и самъ отправился къ одной старушонкѣ-лекаркѣ. Онъ взялся передать лекарство, и заплатилъ за него деньги. Онъ принялъ всѣ предосторожности, чтобъ ни старуха, давшая снадобье, и никто не зналъ, для кого оно; и когда снадобье было готово и онъ принесъ его Машѣ, онъ снова со слезами умолялъ ее оставить пагубное намѣреніе....

Маша колебалась немножко, но потомъ все-таки рѣшилась принять снадобье тихонько отъ Ивана.

Не распросивъ его подробно о томъ, какъ принимать, она выпила то, что было имъ принесено, то есть гораздо больше, нежели сколько слѣдовало принять вдругъ. У нея сдѣлались тотчасъ же страшныя боли. Иванъ, заставъ ее въ такомъ положеніи, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Онъ началъ проклинать себя, плакать, бить въ грудь. Онъ совсѣмъ потерялся.

Крики Маши, суета и отчаяніе Ивана Ермолаича—не могли скрыться отъ сосѣдей. Содержательница квартиры или, лучше, сказать, съемщица, испугавшись, чтобъ Маша не умерла,—и ее послѣ не притянули бы къ слѣдствію,—побѣжала совѣтоваться къ

унтеру; унтеръ объявилъ, что она должна все разсказать тотчасъ квартальному, «иначе бѣда будетъ». Старуха со всѣхъ ногъ бросилась къ квартальному и, дрожа всѣмъ тѣломъ, объявила, что у ней на квартирѣ неблагополучно, что женщина приняла отраву и, пожалуй, чего-добраго, Богу душу отдастъ; что она тутъ ничего знать не знаетъ, и вѣдать не вѣдаетъ,—а что, пожалуй, ее на старости лѣтъ таскать станутъ; такъ за что же ей горемычной за чужую бѣду на себя да муку принимать?

Квартальный ее выслушалъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ, и рѣшилъ: подать объявленіе на бумагѣ. Старуха поплелась домой, охая и вздыхая, и на всѣ лады проклиная Машу и ту минуту, когда пустила ее на квартиру. Но такъ какъ стоны въ каморкѣ Маши еще не прекратились и въ нихъ высказывалась грозная необходимость минуты, то старуха, крехтя изо всѣхъ силъ, какъ будто у ней душа съ тѣломъ разстается, полѣзла въ свой сундукъ, и тамъ найдя въ завѣтномъ уголку завернутый въ тряпичку пятиалтынный, воротилась съ нимъ въ кварталъ.

Объявленіе было подано, вмѣстѣ съ именемъ Ивана Ермолаева; изъ объявленія это имя перескочило въ дневной рапортъ, на которомъ дня черезъ два явилась уже надпись: «произвести слѣдствіе такому то».

Участь Маши и Ивана Ермолаича была рѣшена: надъ ними наряжено слѣдствіе.

На несчастіе двухъ героевъ нашего разсказа, выборъ главнаго начальника полиціи палъ на слѣдственнаго пристава Анаксименандрова, одного изъ «докъ» приказнаго міра, бывшаго какъ наружно, такъ и нравственно олицетвореніемъ «крапивнаго сѣмени», воспѣтаго Нахимовымъ. Прежде всего онъ рѣшилъ себѣ, что всякое дѣло, какъ бы оно неважно или важно ни было, должно приносить слѣдователю извѣстный процентъ, а всякая бумажка, имъ полученная или имъ посланная—извѣстную часть этого процента. Знанія законовъ у него не было, да онъ находилъ его излишнею роскошью; въ замѣнъ, было у него кой-какое, сшитое нитками, знаніе формъ и обрядовъ, такъ часто замѣняющее законовѣдѣніе.

Приступая къ слѣдствію, онъ, разумѣется, потянулъ обоихъ: Машу—какъ главную преступницу, Ивана Ермолаича—какъ ея пособника. Нѣтъ надобности говорить, что Маша перепугалась, и въ этомъ испугѣ пересказала слѣдователю все, какъ было, не смотря на запрещеніе Ивана Ермолаича отнюдь говорить что

либо о себѣ. По той деликатности чувства, которая дана такъ не многимъ, онъ расположилъ въ умѣ такъ, что Маша должна остаться невинной, во что бы то ни стало. Конечно, онъ не далъ еще себѣ отчета, какъ онъ этого достигнетъ, — только зналъ, что онъ долженъ до этого достигнуть, хотя бы для этого надо погибнуть самому. Онъ зналъ, въ какую опасную игру играетъ онъ, и не обманывалъ себя; тѣмъ не менѣе онъ надѣялся, что можетъ-быть ему и удастся освободить Машу и какъ нибудь вывернуться самому.

Введенный къ слѣдователю тотчасъ послѣ Маши, и слѣдственно не зная о ея полномъ признаніи, онъ былъ мучительно пораженъ, когда слѣдователь началъ тѣмъ, что объявилъ ему, что запираться нечего, что онъ знаетъ все, и что главная преступница ему все открыла. Зная по слухамъ, что слѣдователи говорятъ иногда такъ, чтобъ выпытать у другихъ ихъ тайну, — Иванъ Ермолаичъ сначала-было уперся и хотѣлъ отдѣлаться однимъ отрицаніемъ; но когда слѣдователь сталъ ему разсказывать такія подробности, которыхъ выдумать нельзя, не зная ихъ, и которыя изобличали явно сознаніе Маши, Иванъ Ермолаичъ струхнулъ не на шутку. Онъ понялъ, что это сознаніе можетъ погубить ихъ, и потому тотчасъ рѣшился принять все на себя одного и тѣмъ избавить Машу отъ ожидающаго ее наказанія.

Я сказалъ уже, что онъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ послѣдствій этого принятія на себя преступленія; но и мысль подвергнуть Машу наказанію, когда онъ можетъ ее спасти, казалась ему такою чудовищною, что онъ даже не допускалъ ея возможности. Онъ сталъ увѣрять слѣдователя, что все, что она говорила—вздоръ, что она наговорила на себя со страху, что виноватъ во всемъ онъ одинъ, и поставилъ слѣдователя (который, разумѣется, не могъ понять, чтобъ кто нибудь на свѣтѣ могъ быть такъ глупъ, чтобъ идти за другаго на казнь, безъ вины, безъ участія въ преступленіи) въ такое положеніе, что онъ, по пословицѣ, разинулъ ротъ, и даже на минуту задумался, что вообще случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Это все хорошо, отвѣчалъ слѣдователь:—только какъ же она говоритъ, что она сама хотѣла вытравить ребенка, а ты такъ только.... знакомый ей, что ли?

— Э, ваше благородіе, сами разсудите, развѣ можно бабу слушать? У бабы бабій разумъ и есть.... Извѣстное дѣло, волосъ

дологъ, да умъ коротокъ... Испугалась, должно быть, вотъ и начала на себя всякую нелѣпицу клепать. Развѣ онѣ знаютъ сами, что говорятъ?... Что взбредетъ на умъ, то и мелетъ....

— Однако, братъ, вздоръ молоть—шутка вѣдь плохая.... За это ихнюю сестру, да и тѣхъ, кто помогалъ имъ, плетишками сѣкутъ, да туда отправляютъ, куда воронъ костей не заноситъ.... Такъ тутъ подумать, да подумать надо, прежде нежели эдакую штуку лапнешь....

— Что жь дѣлать, ваше благородіе, коли Богъ разуму не далъ? Кабы въ своемъ смыслѣ были, такъ разумѣется постарались бы концы схоронить, и то и другое сказать, а наконецъ и у вашей милости совѣта попросить: дескать такъ и такъ.... заставьте за себя Богу молить!... былъ грѣхъ; съ кѣмъ бѣда да горе не живетъ?...помогите!...Неужели ваше благородіе отказались бы помочь бѣдной дѣвушкѣ?... Ужь конечно нѣтъ!

Слѣдственный приставъ пріосанился; въ первый разъ въ жизни въ немъ предполагали добрыя качества; ему какъ-то легко стало; теперь онъ, пожалуй, готовъ и не добираться до дѣла—такъ свѣжо и ново показалось ему быть защитникомъ несчастныхъ, держать въ своей рукѣ судьбу себѣ подобныхъ.

— Ну, а ты правду говоришь, что ты одинъ эту штуку сварганилъ? спросилъ онъ Ивана Ермоланча, возвращаясь къ своей роли слѣдователя и, пожалуй, готовый упрекать себя за то, что разжалобился на минуту.

Иванъ Ермоланчъ понималъ, что въ такую минуту, какова теперешняя, можно порисковать сказать правду, чтобъ спасти себя; но мысль, что онъ можетъ этимъ повредить своей Машѣ— его остановила. Рѣшительность его была мгновенная.... Она или онъ,—вотъ въ чемъ состоялъ вопросъ... Притворившись простачкомъ, добродушнымъ, что, какъ извѣстно, составляетъ отличительную черту русскаго человѣка, онъ продолжалъ дѣйствовать въ смыслѣ начатой имъ роли, и потому сказалъ:

— Неужели я самъ себѣ врагъ, ваше благородіе? Что дѣлать! попуталъ нечистый! Жаль больно дѣвки-то стало. Шибко ужь убивалась. Говоритъ: «какъ всѣ узнаютъ, какъ на меня смотрѣть-то станутъ?» Да какъ всплачетъ, всплачетъ.... Мнѣ и стало жалко.... Говорю себѣ: вѣдь есть же такія средствія, что даже самыя гулящія дѣвки не беременѣютъ..., дай толкнусь, да узнаю, нельзя ли какъ помочь бѣднягѣ. Ну, и толкнулся и узналъ: есть, дескать, возможность помочь... Что цѣна? Цѣна, говоритъ, не ма-

дая—рублей двадцать, пожалуй, на ассигнацію станетъ... Подумалъ, подумалъ—была-не-была—истрачу двадцать рублей, помогу дѣлу.... Ну и истратилъ, ваше благородіе.... а будетъ ли польза — это еще одному Богу извѣстно.

— А ты знаешь ли, чему ты подвергаешься? спросилъ его слѣдователь самымъ казеннымъ голосомъ.

Ивана Ермолаича подрало по кожѣ; однако онъ продолжалъ:

— Чему? извѣстно чему—плетямъ, коли ваше благородіе не защитите.

— А какъ же я тебя защищу-то? Вѣдь ты самъ сознаешься,—а по закону «собственное сознаніе есть лучшее всему міру свидѣтельство». И чортъ тебя дернулъ сознаваться!

— А ежели бъ я не сознался — что жь она-то?

— Она? что она? Потаскали-бъ ее на порядкахъ, а пожалуй, чего-добраго, тоже бы плетишекъ хватила.... И по дѣломъ....

Эти слова человѣка, отъ котораго зависѣла судьба его Маши и его собственная судьба, какъ тяжелый камень, легли на душу Ермолаича. Онъ видѣлъ, въ чьихъ рукахъ судьба ея и его—и не имѣлъ возможности помочь бѣдѣ. Сердце его обливалось кровью. Разжалобить слѣдственнаго пристава нечего было и думать. Видно жребій брошенъ — онъ долженъ погибнуть.

Но прежде нежели рѣшился, онъ невольно спросилъ себя: за кого онъ гибнетъ? Она, его Маша — что такое она?—любовница другаго, мать ребенка, котораго даже отецъ знать не хочетъ,—отдавшаяся первому, кто предложилъ ей хорошее содержаніе. Но въ ту же минуту, онъ представлялъ себѣ Машу выведенною на площадь,—ея палача. Онъ зналъ, что у Маши нѣтъ никого; что всѣ ея надежды на него.

«Пусть судитъ ее Богъ, говорилъ онъ самъ себѣ: я судить ея не буду.... Пусть меня сошлютъ, — она останется здѣсь; можетъ, и вспомнитъ Ивана Ермолаича».

Когда онъ принялъ это намѣреніе рѣшительно, то не давалъ отдыха слѣдователю, чтобъ онъ снялъ скорѣе съ него показаніе. Въ показаніи этомъ онъ объявилъ торжественно, что Маша не знала ничего объ истребленіи ребенка; что она только плакала о своемъ несчастіи, а онъ, не будучи въ состояніи сносить этихъ слезъ, рѣшился безъ ея вѣдома избавить ее отъ этой заботы. Для этого, не говоря ей ни слова, онъ влилъ въ чай невѣстную жидкость; Маша хоть и жаловалась, что чай не вкусенъ, но все-таки выпила. Къ этому Ермолаичъ прибавлялъ, что, помня

заповѣдь Божію и часъ смертный, онъ не можетъ допустить, чтобъ невинная страдала за его собственную вину, и готовъ претерпѣть всякаго рода наказаніе, какъ бы оно жестоко ни было, только бы она не пострадала даромъ....

Такого рода великодушіе непонятно было слѣдственному приставу; онъ, напротивъ, сталъ ему говорить:

— Ты, братецъ, дуракъ, что самъ подъ плети лѣзешь; мнѣ, признаться, жалко тебя стало. Ни за понюхъ табаку пропадешь.... А что ты ее бережешь, такъ это, братъ, просто глупо.... Экая бѣда, что забеременѣла... вѣдь не отъ тебя? такъ пусть и возится, какъ знаетъ, со своимъ любовникомъ.... Мнѣ, ты самъ разсуди, все равно, пойдешь ли ты въ Сибирь, или не пойдешь: мнѣ отъ этого ни теплѣй, ни холоднѣй не будетъ,—я для тебя говорю — плюнь, братецъ, ты на нее! ну ее къ Богу! Вѣдь я вижу, ты на себя клеплешь напрасно, чтобъ только ее отъ плетей избавить, — а это, какъ ты тамъ ни видай — глупость одна. Да и вообще къ женщинѣ такъ пристраститься, чтобъ за нее въ Сибирь идти — это такая глупость, что и сказать-то нельзя.

И много, въ этомъ тонѣ, говорилъ слѣдователь «по-христіански», какъ онъ выражался, «совѣтуя ему плюнуть на дуру, что дала себя обманывать, а теперь свою шею подставлять должна». Но Иванъ Ермолаичъ, однажды рѣшившись, даже и не подумалъ измѣнить принятое рѣшеніе. Мысль видѣть свою Машу въ несчастіи страшила его несказанно.

Когда слѣдователь увидѣлъ, что его увѣщанія не дѣйствуютъ и что «дурекъ упрямъ», онъ повернулъ дѣло круто, и снялъ съ него показаніе.... А такъ какъ послѣ этого признанія Иванъ Ермолаичъ поступалъ въ разрядъ преступниковъ, подлежащихъ, по закону, ежели не къ совершенному лишенію правъ, то къ ограниченію ихъ, что̀ влечетъ за собою предупредительное заключеніе,—то слѣдователь и объявилъ, что острогъ неизбѣженъ.

Это не входило въ программу Ивана Ермолаича. Онъ не подумалъ объ этомъ, дѣлая свое признаніе, и сердце его сжалось, когда онъ увидѣлъ, что это только начало тѣхъ страданій, которыя его ожидаютъ. А потомъ другая мысль: что-то будетъ съ Машей, когда онъ будетъ сидѣть въ острогѣ, а потомъ уйдетъ въ ссылку?... Тутъ онъ совершенно растерялся и не могъ даже собрать мыслей—такъ вдругъ безнадежно показалось ему его положеніе.... Но дѣлать было нечего!

«Видно такъ мнѣ на роду написано», шепталъ онъ, и пошелъ сперва въ часть, а потомъ въ острогъ, предваривши Машу о томъ, что можетъ-быть онъ ее *долго* не увидитъ.

Получивши объ этомъ коротенькую записочку, Маша сначала не поняла, что это значитъ. Она знала, что *долго*, на языкѣ Ивана Ермолаича — значитъ день, много два, и потому обрекла себя на ожиданіе, хотя, сказать правду, и скучала, не видя его. Прошло и два, и три дня — дѣвушка начала тосковать. Нельзя было сказать, чтобъ она его любила, но тѣмъ не менѣе она чувствовала къ нему что-то больше, нежели обыкновенная дружба и благодарность.

Маша, оставшись одна, тяжело почувствовала свое одиночество... Всѣ эти мелочныя тревоги жизни, которыя ей теперь надо было переносить и которыхъ она до сихъ поръ почти не замѣчала, потому что ихъ несъ за нее Иванъ Ермолаевъ, сильно тяготили ее,... Она горько плакала.... Теперь только начала она понимать, что̀ такое былъ для нея Иванъ Ермолаичъ. Несмотря на слабость свою, она рѣшилась идти къ нему въ домъ, гдѣ онъ служилъ лакеемъ...

Ей объявили, что онъ сидитъ въ острогѣ. Вѣсть эта отняла у нея послѣдній остатокъ силы; она сѣла на лавочку бульвара и заплакала. Наплакавшись, она рѣшилась идти къ Ивану — узнать: за что онъ содержится, не можетъ ли она помочь ему, и если не можетъ, то по крайней мѣрѣ поплакать вмѣстѣ съ нимъ.

Она шла, шла; усталыя ноги отказывались служить ей, а острогъ какъ будто отодвигался отъ нея, по мѣрѣ приближенія къ нему; уже давно видѣла она его бѣлыя стѣны, его зубчатыя башни, — а все еще не близко..

Когда она наконецъ дошла до острога, послѣднія силы ее оставили; она легла на траву подлѣ стѣны и начала понемногу приводить въ порядокъ свои мысли.... Бѣлыя стѣны не имѣли ничего страшнаго; зелень луга, на которомъ она лежала, зелень и свѣжесть деревьевъ внушали что-то успокоивающее, отрадное... да и солдатъ, стоявшій у калитки, не имѣлъ ничего особенно страшнаго; такой же, какъ и всѣ — значитъ, она боялась напрасно. Это ее нѣсколько успокоило и дало ей силы. Но тѣмъ не менѣе, когда она стала входить въ ворота, сердце ея сжалось; ей показалось, что ее зарываютъ въ могилу.

Она вошла, однако.

Но теперь мы поговоримъ о томъ, что̀ такое острогъ.

IV.

Если вы когда-нибудь зачѣмъ-нибудь отправитесь въ городъ М*, то близъ заставы его вы увидите большое, какое-то странное зданіе. По высокой стѣнѣ, опоясывающей его со всѣхъ сторонъ, оно похоже на монастырь; но башнямъ на углахъ—на феодальный замокъ; но часовымъ у воротъ—на тюрьму. Это—то, что называется въ народѣ—острогъ, въ приказныхъ бумагахъ—тюремный замокъ, въ законѣ—тюрьма. Въ сущности, это школа грабежей, убійствъ, разврата всякаго рода, такъ что несчастнаго, посидѣвшаго въ ней, уже нельзя узнать: все, что еще могло остаться у преступника или обвиняемаго—добраго, честнаго, неиспорченнаго, все это сразу погибнетъ. Особенно гибельно это мѣсто для молодыхъ людей, имѣвшихъ несчастіе (какъ напр. Малой-кузнецъ въ Волчьей долинѣ (*) быть вовлеченными въ преступленіе, быть только прикосновенными къ дѣлу; все, что могло еще оставаться честнаго, благаго, истиннаго, въ душѣ ихъ и сердцѣ, все это погибнетъ невозвратно среди этой зараженной атмосферы. Вмѣсто предупредительной мѣры, кончающейся большею частію оставленіемъ въ подозрѣніи, — молодой человѣкъ выноситъ оттуда, изъ острога, всѣ пороки, всю готовность къ преступленію, все искусство опытнаго преступника,—и это все отъ того, что мѣсяцы, десятки мѣсяцевъ, даже годы пройдутъ, прежде нежели ему объявятъ, что онъ оставленъ въ подозрѣніи, и выпустятъ на волю.

Малой-кузнецъ, пошедшій, какъ извѣстно, на воровство не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, а единственно изъ того, что ему лестно было работать съ «Голованомъ», котораго съ такимъ уваженіемъ встрѣчали въ полпивныхъ и кабакахъ—лучшее доказательство того, какъ могутъ остроги губить людей. Просидѣвши, послѣ извѣстнаго приключенія въ домѣ Помяленкиныхъ, въ острогѣ около 8 мѣсяцевъ, онъ, что называется, сдѣлался мастеромъ—не хуже учителя своего, дѣлателя фальшивой монеты, занимавшагося даже и въ острогѣ этимъ невиннымъ ремесломъ: сталъ работать — при отсутствіи всѣхъ орудій, исключая свинца, куска высушеннаго трута, изломанной желѣзной ложки и отломка ножа — такіе двугривен-

(*) См. Провинц. воспоминанія часть I — разсказъ: Волчья долина.

ные и четвертаки, что солдаты, стоявшіе въ коррндорѣ не встрѣчали ни малѣйшаго затрудненія сбывать ихъ.—Независимо отъ этого, Малой-кузнецъ узналъ, что натертая ртутью мѣдная монета, для того, чтобъ ртуть крѣпко на ней держалась, вмѣсто какихъ нибудь химическихъ аптекарскихъ средствъ, должна быть продержана во рту цѣлую ночь—за это онъ даже получалъ по 10 коп. асс. со штуки; отъ одного офени научился онъ его языку до того, что открылъ цѣлый курсъ для желающихъ, съ платою по 1 р. асс. въ мѣсяцъ, и тѣмъ образовалъ цѣлое поколѣніе мошенниковъ, могшихъ въ случаѣ надобности передавать другъ другу, что было нужно, на языкѣ непонятномъ ни помѣщикамъ, ни слѣдователямъ. Однимъ словомъ, Малой-кузнецъ употребилъ съ пользою время, проведенное въ острогѣ; и когда Голованъ, выпущенный изъ острога по дѣлу Пошлепкиныхъ ходатайствомъ сыщика, попалъ туда снова зато, что настоятельно сталъ требовать отъ него деньги за брильянты графини,—Малой-кузнецъ встрѣтилъ его не какъ новичекъ, но какъ мастеръ, ожидающій только выхода изъ острога, чтобъ показать и осторожной публикѣ и публикѣ Волчьей долины, что значитъ способность русскаго человѣка.

— Здравствуй, Николай Иванычъ! закричалъ онъ ему, лишь только увидѣлъ его, входящаго въ камеру № 5, въ которой они содержались:—видно и тебя не миновала очередь. Видно опять слимонилъ что нибудь.

Голованъ, не привыкшій къ такого рода обращенію и особенно отъ мальчика, который за 8 какихъ нибудь мѣсяцевъ считалъ особымъ счастіемъ «работать» подъ его руководствомъ, — не отвѣчалъ ему ни слова, а только, поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ медленно, съ сознаніемъ своего достоинства:

— Здравствуйте, господа честные!

Арестанты при этомъ поклонились ему молча, но не зная, кто онъ такой, продолжали всякій заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались прежде, до его прихода, т. е. ничѣмъ.

Не знаю, кстати ли я употребляю здѣсь слово «ничѣмъ». Это правда, что они ничего не дѣлаютъ въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, мастеровой, трудомъ зарабатывающій себѣ кусокъ хлѣба, или крестьянинъ, который говоритъ, что онъ ничѣмъ не занятъ, когда не пашетъ, не коситъ, не молотитъ, — а оправляетъ телегу, чинитъ сбрую, ковыряетъ лапти. У арестанта есть своего рода дѣло: онъ изучаетъ мѣст-

ность, припоравливаясь, куда бы спрятать похитрѣе то, что ему спрятать надо; и дѣйствительно прячетъ иногда такъ, что кажется, всѣ мышиныя норки переройʼ, а не найдешь того, что онъ спряталъ.—Былъ одинъ такой случай съ однимъ чиновникомъ особыхъ порученій одного гражданскаго губернатора. Производилъ онъ слѣдствіе о дѣланіи въ острогѣ фальшивой монеты. Одинъ изъ арестантовъ доказалъ объ этомъ на другаго; стали этого обыскивать, нашли инструменты, а монеты, не смотря на то, что доноситель утверждалъ, что у дѣлателя ихъ таки довольно напасено—на нашли. Чиновникъ особыхъ порученій былъ изъ горяченькихъ. Принялся за дѣло горячо: туда сюда—нѣтъ монеты. Позвалъ дѣлателя, честью началъ просить его: скажи, куда дѣлъ монету. Этотъ,—не отрицая того, чтобъ ея у него не было, хоть впрочемъ и не сознается положительно, чтобъ и была, а только ухмыляется, — говоритъ: «напрасно, ваше благородіе, безпокоиться изволите! Ежели и была, такъ не найдете.»

Взорвало этого чиновника.

— Врешь же ты, собачій сынъ, говоритъ:—найду, коли принялся и коли она есть; лучше скажи, гдѣ она у тебя?

— Ищите, ваше благородіе; найдете—ваша взяла, а я вамъ говорю, что нѣтъ ея у меня.

— Куда жь ты ее дѣлъ?

— Да кой-куда размытарилъ.

— Да куда жь именно?

— Ну, ужь этого, ваше благородіе, не скажу. Таиться теперь нечего: мой грѣхъ — дѣлалъ монету, и инструменты у меня нашли, а куда дѣвалъ — не скажу.

— Да вѣдь тебѣ все равно: хоть ты теперь запирайся, что не дѣлалъ, не повѣрятъ; значитъ, тебѣ одинъ конецъ; отчего жь ты не хочешь сказать, гдѣ она?

— А оттого и не хочу сказать, что не хочу другихъ въ это дѣло путать. Я рѣшеніе свое знаю: мнѣ кнута не миновать; я и въ острогѣ-то сижу за убійство, такъ оно выходитъ мнѣ все равно—сознаюсь ли я въ фальшивой монетѣ, или не сознаюсь—все ужь мнѣ по Владиміркѣ идти; и фальшивой-то монетой сталъ я заниматься отъ скуки: восемь лѣтъ въ острогѣ сижу—надоѣло; пора бы ужь одинъ конецъ какой нибудь.

— Ну, такъ гдѣ жь деньги-то? спросилъ опять неотвязчивый чиновникъ, желая во что бы то ни стало добиться своего.

— Лежатъ тамъ, гдѣ положилъ! отвѣчалъ арестантъ, улыбаясь. — Экъ васъ, ваше благородіе, понимаютъ — хочется добраться, куда я деньги дѣлъ; ну, сбылъ да и кончено, — а кому сбылъ — не скажу.

— Я знаю, что они у тебя.

— Не откуда вамъ это знать.

— Говорю, что знаю.

— А знаете, такъ ищите.

— И найду, не безпокойся. Хоть бы надобно было всю вашу камору вверхъ дномъ перевернуть—переверну, а ужь деньги найду.

— Не найдете, ваше благородіе.

— Не заставляй меня дѣлать постановленіе, что ты упорствуешь открыть, гдѣ у тебя деньги, хоть и сознался, что ты ихъ дѣлалъ и сбывалъ.

— Дѣлайте какое хотите постановленіе — мнѣ это все равно. Я ужь говорилъ вамъ, что мнѣ кнута не миновать. А что дадутъ пятнадцать ударовъ, али двадцать, такъ это одно и тоже.

Сколько чиновникъ ни грозилъ, сколько ни просилъ, сталъ мой арестантъ на своемъ: «ищите», говоритъ; «найдете—виноватъ остаюсь, а не найдете — пѣняйте на себя».

И принялся мой чиновникъ за дѣло: съ того началъ, что платье арестанта перещупалъ все до послѣдней нитки; его и всѣхъ другихъ товарищей его до-нага раздѣлъ; платье ихъ, какъ оно гадко ни было, все пересмотрѣлъ до малѣйшей подробности; тюфяки ихъ перещупалъ, перерылъ, перетрясъ; въ подушкахъ ни одного уголка не оставилъ, и не вѣря глазамъ ужь, пальцами перемарилъ, — нѣтъ, не нашелъ. Тогда принялся за комнату. Арестантовъ вывелъ и сталъ лазить по нарамъ: и сверху, и снизу, и съ боковъ, и въ спаяхъ, и въ малѣйшей трещинѣ — нѣтъ! Кажется, сомнѣнія-то даже остаться не могло, что есть что нибудь. Однако этимъ не пренялся — выпросилъ у губернатора дозволеніе, позвалъ плотника, сломалъ нары. Видитъ, что нѣтъ толку, — давай подымать полы. Полы поднялъ, и все-таки ничего не нашелъ; печку исковырялъ такъ, что надо было печника звать. Стала эта игрушка въ копѣечку, и все-таки ничего не нашелъ. Съ тѣмъ и

отхохоталъ. А арестантъ, не выходя изъ своей пассивности, только и приговаривалъ, какъ узналъ обо всемъ этомъ:

— Да вѣдь я говорилъ, что не найдете. Вольно вамъ было!

— Куда же ты ихъ дѣвалъ? скажи ради Христа. Честью тебѣ клянусь, что не покажу это на бумагѣ и къ слѣдствію не приложу. Не какъ слѣдователю, а какъ человѣку скажи — ради любопытства одного прошу. Вотъ тебѣ Богъ, что въ худо этого тебѣ не сдѣлаю.

— Вы чудны право, ваше благородіе! Хотите найти, что арестантъ спрячетъ. Да гдѣ вамъ найти! Хоть цѣлый полкъ позовите, такъ и тогда не найдете. Арестанту-то что дѣлать? такъ вѣдь сидитъ — въ томъ только и день проходитъ, чтобъ придумать какую нибудь штучку, али найти, куда схоронить что нибудь; больше-то вѣдь ему дѣлать нечего...

Какъ ни бился мой чиновникъ, съ тѣмъ и отсталъ, хоть и былъ увѣренъ, что фальшивыя деньги въ каморѣ спрятаны. Объ этомъ ему божился доносчикъ, не знавшій однако, куда онъ ихъ спряталъ, потому что пожелалъ быть переведеннымъ изъ этой камеры въ другой замокъ, ибо боялся, чтобъ его не убили за доносъ.

Все это я разсказалъ къ слову объ острогѣ, гдѣ сидѣлъ нашъ бѣдный Иванъ Ермолаичъ.

V.

Перейдемъ же къ нему.

Иванъ Ермолаевъ съ ужасомъ и омерзеніемъ смотрѣлъ на то, что около него происходило. Мало посѣщая трактиры и полпивныя, онъ почти не былъ знакомъ съ тѣмъ, что тамъ происходитъ, и потому цинизмъ преступленія сильно на него подѣйствовалъ. Воздухъ этого 5 № давилъ его, и подъ вліяніемъ этого тяжелаго, почти нестерпимаго чувства, онъ готовъ ужъ былъ просить о переводѣ его въ другой номеръ, ежели бъ его не потребовали въ общую залу, гдѣ допускаются свиданія. Это его озадачило и дало совсѣмъ другое направленіе его мыслямъ. Онъ сталъ спрашивать себя: кто бы могъ его вспомнить, кто бы могъ имѣть до него какую нибудь надобность; ни связей, ни близкихъ отношеній у него не было; онъ зналъ, что если бъ онъ завтра умеръ, некому было бы проводить его слезою или

сожалѣніемъ въ могилу. О Машѣ онъ не думалъ; онъ зналъ, что она больна; онъ не подозрѣвалъ въ ней столько силы характера, или, лучше, не довѣрялъ ей на столько, чтобъ думать, что пренебрегая болью, усталостью, стыдомъ, она захочетъ его видѣть. Когда онъ увидалъ, что это была Маша, онъ весь затрясся отъ радости и бросился къ ней.

На всѣ разспросы ея о томъ, по какому случаю онъ попалъ въ острогъ, онъ отвѣчалъ самымъ успокоивающимъ образомъ; онъ увѣрилъ ее, что заключеніе его есть слѣдствіе недоразумѣнія; что по всѣмъ вѣроятіямъ его выпустятъ очень скоро; чтобъ она не тревожилась и думала больше о себѣ,—и далъ ей записочку на полученіе послѣднихъ деньжонокъ, которыя онъ держалъ въ резервѣ на черный день.

Онъ проводилъ свою Машу, если не совсѣмъ спокойною, по крайней мѣрѣ успокоившеюся, и когда она вышла, зарыдалъ какъ ребенокъ.

Это было его послѣднее прощаніе съ ней, потому что видѣть ее онъ даже можетъ-быть не желалъ бы больше, зная, что помочь ей ничѣмъ уже не можетъ, а можетъ заставить страдать еще, хотя и противъ воли.

Долго онъ плакалъ, несмотря на насмѣшки и оскорбленія товарищей своихъ — арестантовъ камеры № 5.

VI.

Въ этомъ 5 № находился и Голованъ, отчасти уже извѣстный намъ своими подвигами. Вслѣдствіе какихъ-то соображеній, которыя чрезвычайно трудно узнать въ подобныхъ людяхъ, онъ былъ одинъ, который не смѣялся надъ слезами Ивана Ермолаича, и даже объявилъ, что тотъ, кто будетъ продолжать свои насмѣшки надъ нимъ, будетъ имѣть дѣло съ нимъ, Голованомъ. Авторитетъ его, а главное—грозные кулаки, которые онъ, такъ, безъ всякой причины, время отъ времени подносилъ къ носу предстоящихъ, для того, чтобъ они увѣрились въ ихъ крѣпости, разумѣется, остановили потокъ шутокъ, готовыхъ излиться на Ермолаича—и это по неволѣ, несмотря на все отвращеніе, которое Голованъ сначала внушалъ Ивану Ермолаичу — расположило его въ его пользу. Онъ началъ думать, что если въ жизни Голована и были какіе нибудь грѣхи, то они

были слѣдствіемъ какой нибудь случайности или неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Онъ сблизился съ Голованомъ, и признался, что онъ гибнетъ не за свою вину. Голованъ нисколько не удивился подобному самоотверженію, и сталъ совѣтовать Ивану Ермоланчу не отказываться отъ принятой на себя роли, но изыскать средства спастись самому, освободя и Машу. Вкравшись ему въ душу, онъ сталъ представлять ему картины того счастія, которое его ожидаетъ, ежели онъ избавится отъ этого непріятнаго дѣла—и вслѣдствіе этого развивалъ ему свою систему способовъ избавиться отъ осужденія. Когда возможность быть счастливу съ Машей коснулась мысли Ермоланча, онъ почувствовалъ, какъ будто какое-то туманное облако легло на его совѣсть и, какъ утопающій за соломенку, схватился за совѣты Голована. Несмотря на кажущуюся строгость заключенія, на высокія каменныя стѣны, на обитыя желѣзомъ двери, на замки и запоры, на сотни часовыхъ, Голованъ брался дать знать Машѣ, что̀ ей говорить, если будутъ спрашивать, увѣряя, что онъ на свой страхъ беретъ уладить дѣло такъ, что они оба останутся цѣлы. Въ заключеніе, хотя и недовольно ясно для того, чтобъ можно было поймать его на словѣ, онъ давалъ чувствовать Ермоланчу, что у него и денегъ можетъ быть вволю, если онъ только захочетъ съ нимъ сойтись поближе и при случаѣ помочь ему кой-какими бездѣлушками, какъ, напримѣръ, подтвердить ложную ссылку, спрятать или спровадить краденое, а главное — помочь ему въ его предположеніи, удрать изъ острога.

Пока Ермоланчъ предполагалъ, что судьба его уже рѣшена, онъ былъ покоенъ. Но когда Голованъ показалъ ему возможность спастись отъ ссылки и быть снова подлѣ Маши, тяжко показалось ему заключеніе его. Онъ впалъ въ тревожное состояніе, и готовъ былъ на все, чтобы только высвободиться изъ острога.

По наученію Голована, онъ вдругъ объявилъ прокурору, что имѣетъ открыть важное дѣло и чтобъ его вытребовали къ кому нужно. Такъ какъ дѣло его было еще у слѣдователя, то и не къ кому было его вытребовать, кромѣ слѣдователя. Слѣдователю онъ объявилъ, что не скажетъ того, что имѣетъ открыть. Кому же сдѣлать открытіе? Или этому же самому прокурору, или начальнику полиціи, или наконецъ начальнику губерніи? Чтобъ не раздражать начальника губерніи, который, при утвержденіи

рѣшенія палаты, все-таки можетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую судьбу его,—Ермолаичъ опять-таки, по совѣту Голована, пожелалъ объявить все прокурору. Этотъ не заставилъ ждать себя и явился тотчасъ. По принятой напередъ программѣ, Ермолаичъ объявилъ, что все, что онъ показывалъ слѣдователю — вздоръ, что принявши на себя преступленіе, онъ клеветалъ на себя, что онъ никогда никакого преступленія не дѣлалъ; что онъ даже и Марью-то Ивановну вовсе не знаетъ, а если и говорилъ весь этотъ вздоръ, такъ по наущенію неблагонамѣренныхъ людей. Какъ ни нелѣпо было подобное оправданіе, Голованъ увѣрилъ его, что это ничего, что не такія еще небылицы показываютъ, да и то сходитъ; что судьи хотя и не вѣрятъ ни слову изъ того, что преступникъ показываетъ, а все-таки обвинить его не могутъ, и должны, оправдывать обвиненнаго, потому что собственнаго сознанія нѣтъ; а свидѣтелей — или быть такому дѣлу не можетъ, или если и есть, такъ безприсяжные, потому что и слѣдователь приглать къ присягѣ прикосновенныхъ людей побоится, да и тѣ подъ присягою не покажутъ того, что говорятъ просто. Слѣдовательно обвиняемому воля — ври, что хочешь, за это взыску не будетъ.

Такой душеспасительный совѣтъ былъ выполненъ Иваномъ Ермолаичемъ въ точности. Онъ отказался и отъ Марьи Ивановны, и отъ всего, что было; употребилъ извѣстные: «знать не знаю», «вѣдать не вѣдаю»; наговорилъ съ три короба объ истязаніяхъ, которыя ему дѣлалъ слѣдователь при допросахъ, и много всякаго другаго вздору, который прокурорскій чиновникъ тщательно записывалъ, и когда кончилъ, далъ подписать Ивану Ермолаичу.

На пути порока дорога широка, и ходко Иванъ Ермолаичъ подмахнулъ показаніе это, какъ будто бы оно было самое правдивѣйшее въ мірѣ. Мѣсяцъ тому назадъ, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы клеветать такъ безстыдно; но для человѣка, побывавшаго въ острогѣ, все становится ни по чемъ....

Показаніе Ермолаича, такъ какъ его дѣвать было некуда, прокуроръ отослалъ къ тому слѣдователю, который производилъ дѣло о немъ. Получивъ его, слѣдователь взбѣсился. Какъ показывать на него, что онъ дѣлалъ истязанія, тогда какъ онъ и пальцемъ его не тронулъ? это ужь слишкомъ... Не думая долго, слѣдователь написалъ къ смотрителю острога — «посадить Ермолаича въ секретную», по открывшимся вновь важнымъ уди-

камъ, по которымъ свободное обращеніе съ преступниками можетъ быть въ ущербъ производившемуся слѣдствію. Какого рода могъ быть этотъ ущербъ — слѣдователь не объяснялъ; да и какая надобность въ этомъ смотрителю? Ему велятъ посадить человѣка въ секретную—онъ посадитъ; ему какое дѣло до того, правъ или виноватъ человѣкъ? Для него арестанты — цифры, которыя онъ переставливаетъ съ мѣста на мѣсто, безъ злобы, безъ лицепріятія, точно кости на шахматной доскѣ. А страдаютъ ли они отъ этого, дурно ли имъ, или хорошо — это до него не касается: это знаетъ начальство.

Первые часы заключенія своего Ермолаичъ не могъ понять того, что около него происходило. Смутно что-то представлялось ему.... онъ чувствовалъ и смрадъ, его окружающій, и недостатокъ воздуха, и что-то душное и тяжелое на груди своей, но отчета не могъ еще себѣ дать... Долго лежалъ онъ, закрывши глаза, стараясь привести въ порядокъ свои мысли: сверху раздавались какіе-то звуки наглой пѣсни, смѣнявшіеся ругательствами и звономъ цѣпей; вблизи гремѣли запоры, а въ послѣдующей тишинѣ раздавались мѣрные шаги часоваго и стукъ ружья. Онъ открылъ глаза: надъ нимъ висѣли своды тюрьмы, закопченой и почернѣлой; начерченныя фигуры какъ бы выходили изъ стѣны и манили его къ себѣ... Сквозь окно, подъ сводомъ потолка, черезъ три желѣзныя рѣшетки, тоскливый свѣтъ проникалъ въ комнату, рисуя какія-то чудовищныя тѣни. Въ углу возилась крыса, нашедши, вѣроятно, крошки хлѣба — остатокъ скорбнаго ужина его предшественника; затѣмъ могильная тишина. Эта тишина, зловѣщая и мрачная, какъ тишина могилы, испугала его: онъ вскочилъ на ноги; онъ хотѣлъ пройтись, чтобъ расправить усталые, опухшіе члены, но шагнувъ два раза, уткнулся въ стѣну; сдѣлалъ два шага назадъ — опять стѣна, — и всюду, и здѣсь и тамъ, и вправо и влѣво, и впереди и назади, однѣ только голыя, холодныя, сѣрыя стѣны. Онъ хотѣлъ-было кричать, звать на помощь, но толстыя стѣны отражали только звуки его собственнаго голоса. Теперь только онъ понялъ, что такое тюрьма, что такое преступникъ, что такое быть осужденнымъ; теперь только онъ понялъ, что можетъ годы просидѣть въ этомъ смрадномъ, лишенномъ воздуха углу; и холодный потъ охватилъ его. Теперь только созналъ онъ, какую великую жертву приносилъ онъ Машѣ, и усомнился невольно;

пойметъ ли она всѣ страданія его, поймеіъ ли она, чему онъ за нее подвергается?

Наступающая ночь еще болѣе прибавила къ тому отчаянію, которое, какъ ледяное покрывало, налегло ему на душу. Пока видѣнъ былъ еще слабый остатокъ дня, хоть искра надежды тлѣлась у него въ сердцѣ; но когда наступила ночь, ему показалось, что онъ исключенъ изъ списка живыхъ, что онъ опущенъ въ могильный склепъ, и что ему нѣтъ возврата. Его охватила нестерпимая, мучительная тоска; распаленное воображеніе стало представлять небывалыя картины; стѣны тюрьмы какъ-то странно и страшно стали рости въ вышину, приближаясь одна къ другой, и начали давить его. Дыханіе его сперлось. Онъ упалъ въ безпамятствѣ на полъ.

VII.

Между тѣмъ Маша первые дни сильно плакала, напрасно ожидая Ивана Ермолаича, обѣщавшаго прійти къ ней черезъ нѣсколько дней. Потомъ, когда у ней появилась работа, и довольно выгодная, она утѣшилась, и хоть все-таки ждала его и ждала нетерпѣливо, но покорялась судьбѣ, не видя его.

Проходили недѣли, мѣсяцы—Маша стала заслушиваться гитариста, какого-то усатаго господина, поселившагося объ стѣнку съ ней. Она еще вспоминала объ Иванѣ Ермолаичѣ, но не надолго, и стала даже искать случая встрѣтиться съ усатымъ господиномъ.

Гитаристъ познакомился съ нею. Долгіе, одинокіе вечера при мерцающемъ свѣтѣ сальной свѣчки—за работою, смѣнились теперь для нея вечерами съ разговоромъ; сперва разговоръ былъ тихъ и серьёзенъ, а потомъ сталъ слышаться и смѣхъ. Усатый господинъ, камердинеръ безъ мѣста, какъ онъ себя называлъ, былъ, какъ видно, не новичекъ въ любовномъ дѣлѣ; онъ разсказывалъ Машѣ смѣшные анекдоты, приносилъ ей мятные пряники и кедровые орѣшки. Потребность высказать гнетущее горе заставила Машу въ одинъ прекрасный день разсказать ему, въ общихъ чертахъ, жизнь свою. Усатый господинъ выслушалъ серьёзный, безхитростный разсказъ Маши, и предложилъ ей разсѣяніе: прогулку въ Марьину рощу, въ воскресенье.

Отвергнуть такое предложеніе, когда нѣтъ въ жизни другихъ

развлеченій, другихъ радостей — было невозможно. Она пошла съ нимъ сначала какъ-то застѣнчиво; въ первые минуты ей казалось совѣстно идти не съ Иваномъ Ермоланчемъ; но потомъ новость окружающихъ впечатлѣній, шумная музыка, свѣтъ кругомъ, — все это увлекло, заставило ее забыть гнетущее ее чувство и отдаться одной настоящей минутѣ. Усачъ предложилъ ей руку, и она не нашла это неприличнымъ. Онъ былъ одѣтъ хорошо, и ей было даже, можетъ-быть, пріятно идти съ нимъ подъ-руку.

Тутъ только впервые усатый господинъ коснулся извѣстной струнки, сталъ разсказывать Машѣ о своихъ успѣхахъ у прекраснаго пола и наконецъ очень ловко предложилъ ей освѣжиться: десять яблоковъ положено было въ клѣтчатый платокъ, фунтъ вишень взятъ былъ въ бумажкѣ; они мирно и дружелюбно, какъ давнишніе друзья, усѣлись за столикъ съ самоваромъ, и рѣчь пошла все откровеннѣе, все дружнѣе....

Съ этого вечера усатый господинъ просиживалъ цѣлые вечера въ каморкѣ Маши; звуки гитары не умолкали до поздняго часа; къ нимъ сталъ иногда, сначала робко, а потомъ смѣлѣе, присоединяться женскій голосъ. Въ теченіе цѣлыхъ дней иногда судьба Ивана Ермоланча даже не приходила въ голову Машѣ.

Такъ прошло почти двѣ недѣли; усатый господинъ сдѣлался уже не гостемъ, а почти хозяиномъ каморки; угощенія вечернія, прогулки—стали повторяться чаще-и-чаще; онъ замѣтилъ, что у ней шляпка поистаскалась и предложилъ ей въ долгъ денегъ, чтобъ купить новую.

Усатый господинъ, бывшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ при старомъ холостякѣ, удостоился попасть въ его духовную на нѣсколько сотъ серебряныхъ рублей. Слѣдственно въ деньгахъ не было у него недостатка. Это онъ далъ замѣтить Машѣ, когда она его оговорила за какой-то расходъ, для нея сдѣланный.

Неожиданное происшествіе вдругъ разстроило, впрочемъ, это купленное пряничками и кедровыми орѣшками счастье усатаго....

Черезъ улицу противъ дома, въ подвальномъ этажѣ котораго жила Маша, поселился одинъ молодой человѣкъ. Получивъ отъ отца большое состояніе, пріобрѣтенное за крѣпостнымъ столомъ гражданской палаты, этотъ молодой человѣкъ, достойнымъ пріобрѣтенія образомъ, проживалъ отцовскія деньги: обѣды, ужины, вино, карты, женщины — все было пріятно

ить на помощь его умѣнью проживать деньги. Сидя однажды у окна, послѣ весело проведенной ночи, за оттачиваніемъ ногтей, схожихъ съ когтями ястреба, онъ какъ-то случайно увидалъ въ растворенное окно подвала миловидное личико Маши.

Оставить такое дѣло безъ вниманія и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ показалось ему невозможнымъ. Онъ позвалъ своего фактотума — камердинера, самаго продувнаго бестію, изъ мѣщанъ, и указалъ ему пальцемъ на Машу, торчавшую у окна. Этого было достаточно для лакея. Онъ потребовалъ неограниченнаго кредита, зная очень хорошо, что въ дѣлахъ такого рода собственно на дѣло идутъ копѣйки.

Дома, гдѣ отдаются углы, бываютъ обыкновенно на уголкахъ, близь рынковъ, — и въ этихъ домахъ, или гдѣ нибудь вблизи, полпивныя, мелочныя лавочки, харчевни. Это мѣста лучшія, когда надо собрать какого бы то ни было рода свѣдѣнія. Въ нихъ вамъ подробно разскажутъ не только изъ какого количества членовъ состоитъ семейство всякаго живущаго въ околоткѣ, но даже способы жизни, характеръ, привычки, даже количество платья каждаго. При свойственной и прирожденной русскому народу болтливости, свѣдѣнія эти узнаются каждымъ, такъ что онъ можетъ о нихъ даже и не спрашивать. Случайныя встрѣчи двухъ кухарокъ, горничныхъ, дворниковъ, лакеевъ въ этихъ заведеніяхъ, и ихъ разговоры держатъ постоянно лавочниковъ и полпивщиковъ au courant того, что дѣлается въ домахъ, прилежащихъ къ ихъ заведеніямъ. Усатый господинъ—и еще при деньгахъ—былъ, разумѣется, не изъ послѣднихъ посѣтителей этихъ заведеній. Послѣ легкой побѣды надъ Машей, ему надо было попавлиниться и повеличаться этой побѣдой, и ужь конечно никакъ не долѣе, какъ черезъ сутки, вся полпивная узнала о ней со всѣми сопровождающими дѣло обстоятельствами; при чемъ, для большаго эфекта, брошена была легкая грязь въ лицо Ивану Ермоланчу, что онъ оставляетъ одну такую «милашку».

Фактотуму барина, о которомъ я упомянулъ, не трудно было узнать почти тотчасъ, что такое Маша и какого полета.

Послѣднія свѣдѣнія о ней говорили, что она занята усатымъ господиномъ, который часто бываетъ въ полпивной. Этихъ свѣдѣній достаточно было для ловкаго лакея, который, извѣстивъ барина, что дѣло повидимому можетъ уладиться, отправился на-

блюдать въ полпивную... Онъ дожидался не долго. Усатый господинъ явился въ сумерки и потребовалъ бутылку пива....

Кто знаетъ, какъ скоро сводятся знакомства въ кабакахъ и полпивныхъ, тотъ не удивится, что черезъ четверть какихъ нибудь часа, фактотумъ уже сидѣлъ съ усатымъ господиномъ за полдюжиною пива. Они бесѣдовали очень дружелюбно. На третьей бутылкѣ усатый началъ повѣрять ему свои сердечныя тайны, — а на послѣдней фактотумъ узналъ всѣ обстоятельства ихъ встрѣчи, такъ же подробно, какъ будто бы они происходили съ нимъ самимъ. Видя, что усатый находится въ *откровенномъ* расположеніи, то есть на половину пьянъ, онъ, не думая долго, предложилъ ему сдѣлку: уступить Машу за приличное вознагражденіе. Усатый сначала было поморщился, хотѣлъ разсердиться, но когда услыхалъ довольно кругленькую цифру, то смирился: самолюбіе его было удовлетворено, потому что весь околотокъ уже зналъ всѣ подробности его знакомства съ Машей. Для вида онъ все-таки поломался, — а потомъ уступилъ, зная, что ежели онъ не отступится добровольно, у него украдутъ ее изъ-подъ носа даромъ, что вовсе не входило въ его разсчеты.

Когда дѣло было такимъ образомъ рѣшено, оставалось только поговорить съ самой дѣвушкой. Для этого всегда найдутся снисходительныя бабушки, которыя по пальцамъ вычтутъ дѣвушкѣ всѣ выгоды предложенія и, какъ дважды-два, съ прибавкою кой-какихъ блестящихъ бездѣлушекъ, докажутъ, что отказываться отъ такихъ предложеній—глупо. Такъ было и тутъ. Машѣ вскружили голову обѣщаніями, а еще болѣе разными цвѣтными тряпками, которыя и не Машу, а и гораздо повыше, заставляли падать — и она, не вспомня даже объ Иванѣ Ермолаичѣ, согласилась....

Черезъ недѣлю она жила въ высокихъ комнатахъ и имѣла прислугу....

VIII.

Пока все это происходило, Голованъ дѣйствовалъ, и вскорѣ плоды этихъ дѣйствій увидѣли свѣтъ: онъ вдругъ скрылся, такъ что самые тщательные, самые усиленные розыски не могли открыть слѣдовъ его бѣгства. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣгство это было задумано издавна и что простодушный Ермолаичъ предпа-

значенъ былъ играть въ этомъ бѣгствѣ какую нибудь роль; — и если не игралъ, то вѣроятно потому, что въ немъ не представилось надобности — дѣло могло обойтись безъ него. Подробности этого побѣга такъ замѣчательны, что мы постараемся разсказать ихъ.

Настоящаго званія Голована не зналъ никто. Одинъ день онъ появлялся въ кругу своихъ простымъ, самымъ ничтожнымъ мѣщаниномъ, со всѣми ухватками, даже языкомъ этого сословія; въ другой — онъ разъигрывалъ изъ себя человѣка высшаго сословія, гонимаго судьбой и доведеннаго обстоятельствами до той жалкой роли, которую суждено ему было играть въ обществѣ,— и тогда движенія его пріобрѣтали всю развязность человѣка, посѣщавшаго не одни полпивныя и харчевни, но видѣвшаго хоть издали, какъ живутъ порядочные люди. Если что его не оставляло, то это нѣкоторая самоувѣренность, даже какъ будто наглость, которою онъ хотѣлъ прикрыть недостатокъ свѣтскаго лоска,—наглость, которая многимъ могла показаться за признакъ образованія и фешенебельности. Голованъ это зналъ очень хорошо, и на этомъ основалъ планъ свой. Словами, полунамеками, какой нибудь исторіей, разсказанной какъ будто о третьемъ лицѣ, но изъ которой ясно можно было видѣть, что это онъ разсказываетъ о себѣ самомъ — и если не говоритъ этого прямо, то единственно изъ одной скромности,—онъ давалъ понять, что онъ далеко не то, чѣмъ кажется. Эти разсказы кстати и со всѣми аллюрами человѣка, привыкшаго къ расходамъ, и истраченныя деньги сдѣлали то, что смотритель, сталъ отпускать его для допросовъ въ суды уже безъ команды, а съ однимъ квартальнымъ поручикомъ, которому и въ мысль даже не приходило, чтобъ человѣкъ съ связями, какимъ онъ себя выдавалъ, могъ употребить во зло его довѣріе.

Для того, чтобъ законнымъ образомъ пользоваться своими отлучками изъ острога, Голованъ завелъ дѣла повсюду: сталъ взыскивать небывалыя деньги, чтобъ его требовали въ гражданскіе суды; сталъ объявлять, что можетъ сдѣлать важныя открытія и что хочетъ читать выписку, чтобъ его требовали въ уголовные суды,—однимъ словомъ, устроился такъ, что его стали требовать изъ острога то туда, то сюда, раза два и три въ недѣлю. Выѣзжалъ онъ не иначе, какъ на пролеткѣ. Случалось такъ, что поѣхавши изъ острога утромъ, онъ возвращался только вечеромъ, и смотритель, хотя сначала и замѣчалъ ему это, и косвенно,

то есть смѣясь, грозилъ ему не отпускать его больше, но видя, что онъ всегда возвращается, и не въ безобразномъ какомъ нибудь видѣ, а въ приличномъ, и слыша постоянно отзывы квартальныхъ, что онъ ведетъ себя чрезвычайно добропорядочно, привыкъ къ этому и не сталъ болѣе обращать на его отлучки вниманія.

Въ одинъ прекрасный день, Голованъ такимъ образомъ отправился въ словесный судъ, для судоговоренія по какому-то, разумѣется, имъ выдуманному дѣлу. Такъ какъ это продолжаться долго не могло и они отдѣлались скоро, Голованъ предложилъ сопровождавшему его квартальному закусить въ трактирѣ. Тотъ, ѣздившій съ Голованомъ уже не одинъ разъ и всегда имъ довольный, разумѣется, не отказался. Они зашли въ хорошій трактиръ, выпили сначала по хорошей рюмкѣ желудочной и потребовали разныхъ закусокъ на четыре персоны. Когда квартальный сталъ спрашивать о причинѣ этого, Голованъ, въ припадкѣ откровенности, по секрету сообщилъ ему, что дѣло его въ уголовномъ судѣ рѣшено, что онъ признанъ во всемъ невиннымъ и возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ, и что онъ хочетъ нынѣшній день возблагодарить секретарей этого уголовнаго суда, обѣщавшихъ пріѣхать завтракать съ нимъ и распить въ честь его освобожденія бутылку шампанскаго. Въ самомъ дѣлѣ, немного погодя, явились два молодыхъ человѣка, довольно приличной наружности, которыхъ Голованъ и рекомендовалъ квартальному, какъ секретарей. Разговоръ, разумѣется, пошелъ о предстоящемъ освобожденіи Голована изъ-подъ стражи; они очень усердно поздравляли его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла, и даже время отъ времени величали его вашимъ сіятельствомъ. На это Голованъ съ подобающею скромностію отвѣчалъ имъ, что они позволяютъ себѣ это еще очень рано, что въ настоящую минуту онъ нечто иное, какъ арестантъ острога; что если онъ и графъ, то не русской имперіи, а иностранной, и что еще Богъ знаетъ, позволятъ ли ему здѣсь носить этотъ титулъ, о чемъ онъ уже и подалъ прошеніе кому слѣдуетъ, но отвѣта еще не получилъ, и что какъ только его освободятъ изъ заключенія, тотчасъ поѣдетъ въ столицу, чтобъ охлопотать это дѣло, въ счастливомъ окончаніи котораго онъ и не сомнѣвался....

Когда секретари и квартальный довольно уже сдѣлали возліяній въ честь графа,—онъ, отведя квартальнаго въ сторону, прямо уже, безъ обиняковъ, сказалъ ему о связи своей съ одной

весьма знатной барыней,—и просилъ у него позволенія съѣздить къ ней на минуту, увѣряя своимъ честнымъ графскимъ словомъ, что воротится не далѣе, какъ черезъ полчаса или много-много черезъ три четверти. Въ ожиданіи его пріѣзда, онъ просилъ квартальнаго провести время съ секретарями и занять ихъ, чтобъ они не могли подумать чего нибудь дурнаго объ этой отлучкѣ. Квартальный, увѣренный, по словамъ гг. секретарей, что дѣло о немъ уже кончено и что со дня на день надо ожидать его освобожденія, а между тѣмъ возбужденный нѣсколькими бокалами выпитаго шампанскаго, и завѣренный честнымъ словомъ благороднаго графа—согласился. Разумѣется, Голованъ не заставилъ себѣ повторять этого въ другой разъ. Онъ, въ доказательство справедливости словъ своихъ, и для того, чтобъ больше увѣрить квартальнаго въ своемъ возвращеніи—былъ такъ великодушенъ, что оставилъ ему даже шинель свою.... и поѣхалъ въ одномъ сюртукѣ....

Полчаса спустя одинъ изъ секретарей вышелъ изъ комнаты и тоже не возвращался что-то долго, — а черезъ четверть часа и другой секретарь, уставъ сидѣть, пошелъ пройтись по комнатамъ трактира и послушать «машину»—и тоже исчезъ. Квартальный остался одинъ съ пустыми бутылками и съ порядочнымъ счетомъ, который ему же и пришлось заплатить, такъ какъ ни графъ, ни гг. секретари ни въ трактиръ, ни въ острогъ не являлись даже по сей день — хотя этому прошло нѣсколько лѣтъ....

Такой продѣлкѣ былъ обязанъ Иванъ Ермолаичъ тѣмъ, что черезъ какую нибудь недѣлю получилъ, на весьма грязномъ лоскуткѣ бумаги, посланіе отъ неизвѣстнаго человѣка, принесенное неизвѣстнымъ человѣкомъ, въ которомъ его увѣдомляли о перемѣнѣ, происшедшей въ судьбѣ Маши, и совѣтовали, оставя ее на произволъ судьбы, употребить въ дѣло тѣ совѣты, которые ему были даны такъ великодушно.

Получивши это письмо, Иванъ Ермолаичъ не зналъ, вѣрить ли ему, или нѣтъ. Поступокъ Маши былъ до того низокъ, что онъ отказывался вѣрить въ возможность его.

Но письмо, писанное на грязной сѣрой бумагѣ, лежало передъ его глазами, отгоняя всякую возможность не вѣрить въ ужасающую истину. Мало по малу сомнѣніе начало вкрадываться въ него. Онъ переходилъ къ прошедшему Маши, которое не можетъ ручаться за будущее. Онъ припоминалъ тѣ слова ея,

въ пылу разговора, въ которыхъ такъ часто невольно изобличается тайная, задушевная мысль.... Многое припомнилъ и понялъ теперь Иванъ Ермоланчъ, и ему стало стыдно себя самого, что онъ за такую женщину рѣшился погибнуть. Онъ не плакалъ больше; сердце его окаменѣло, отчаяніе породило въ немъ злобу и готовность на всякое преступленіе.

Въ головѣ, въ сердцѣ—была у него теперь одна мысль, одно чувство: воли! воли! Для чего хотѣлъ онъ этой воли, онъ не зналъ самъ; острогъ и товарищи стали ему ненавистны; онъ разбилъ бы голову первому, кто осмѣлился бы ему противорѣчить. Общество этихъ людей стало ему до такой степени въ тягость, что онъ готовъ былъ опять проситься въ секретную, чтобъ только быть одному; кроткій и смирный Иванъ Ермоланчъ въ этотъ день исколотилъ до полусмерти трехъ или четырехъ арестантовъ, осмѣлившихся потрунить надъ нимъ. Марья Ивановна пробудила въ немъ всѣ животные инстинкты; разомъ уничтожила въ немъ все благо и добро.

Смотритель посадилъ его въ темную комнату, куда обыкновенно сажаютъ тѣхъ, которые буйствуютъ. Здѣсь Иванъ обдумалъ свое положеніе: онъ нашелъ, что гибнуть за такую женщину, какъ Маша — глупо, и потому началъ думать о собственномъ спасеніи. Но было ужь поздно; признаніе его, имъ самимъ подписанное, утвержденное добросовѣстнымъ, имѣло неотъемлемую силу — онъ былъ осужденъ....

IX.

Приговоръ свой онъ узналъ, однако, не прежде, какъ когда ему прочитали его въ уголовной палатѣ. Въ роковой день солдатъ пришелъ въ корридоръ (такъ называются комнаты арестантскія) и закричалъ: «эй, такіе-то! нынче вамъ въ уголовную палату: собирайтесь!» и ушелъ.... Началась возня, прибаутки, насмѣшки; надъ Иваномъ Ермоланчемъ, однако, никто не смѣлъ смѣяться. Угрюмый, пошелъ онъ въ контору, чтобъ оттуда быть отправленнымъ вмѣстѣ съ другими; молча протянулъ руку къ желѣзамъ, чтобъ его приковали къ общей цѣпи, на которой водятъ арестантовъ въ присутственныя мѣста, и гремя кандалами пошелъ по улицамъ. Въ эту минуту онъ не желалъ и воли.

Когда прочли ему приговоръ и онъ остался въ пріемной па-

лаги дожидаться другихъ, онъ спросилъ себя: «за что онъ погубилъ себя добровольно?»

Судорожно поднялъ онъ кулакъ, какъ бы грозя кому-то въ пространствѣ; звонъ цѣпей приводилъ его въ ярость не потому, что эти цѣпи были его позоромъ и страданіемъ, — но потому, что онъ носилъ ихъ за ничтожную и презрѣнную женщину....

Когда ему прочли, что онъ приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ на каторгу, онъ выслушалъ это такъ равнодушно, какъ будто дѣло шло не о немъ, а объ комъ нибудь другомъ....

Наказаніе онъ выдержалъ, не испустивъ даже стона.

Въ минуты наказанія онъ думалъ не о той физической боли, которую испытывалъ, но о томъ, какъ подло поступила съ нимъ Маша. На минуту явилось было у него желаніе видѣть ее, но чувство отвращенія превозмогло.

Приготовленіе къ ссылкѣ, перекличку, заковываніе и наконецъ самое отправленіе онъ перенесъ совершенно равнодушно и спокойно; даже какъ будто его утѣшала мысль уйти изъ города, гдѣ живетъ Маша.

Прошелъ мѣсяцъ.... а онъ съ партіей все идетъ.

Однимъ вечеромъ остановилась партія для отдыха въ маленькомъ городкѣ Сибири. Въ партіи оказалось много больныхъ. Здоровѣе всѣхъ былъ Иванъ Ермолаичъ. О чемъ онъ думалъ во все это время—рѣшить трудно; постояно молчаливый, угрюмый, онъ даже товарищамъ своимъ внушалъ невольное уваженіе.... Всѣмъ онъ былъ доволенъ, ни на что не жаловался; давали ли имъ дурной хлѣбъ, нестерпимъ ли былъ отъ духоты воздухъ этаповъ, въ которыхъ ихъ запирали, съ закрытыми окнами, въ самомъ тѣсномъ пространствѣ, въ предупрежденіе побѣга — онъ никогда не жаловался, никогда не роппалъ, и когда другіе возмущались, глядѣлъ молча на нихъ и такъ свѣтло и покойно, что тѣмъ становилось стыдно, и они умолкали. Даже солдаты, даже партіонные офицеры обходились съ нимъ не такъ, какъ съ другими....

Острогъ городка, въ который ихъ привели, состоялъ изъ двухъ избъ, раздѣленныхъ сѣнями и обнесенныхъ тыномъ, то есть вертикально врытыми въ землю заостренными бревнами, аршина въ четыре вышиною. Въ городкѣ случился пожаръ; строенія, состоящія, какъ и въ большой части нашихъ уѣздныхъ городковъ, изъ доминовъ въ три окошечка, покрытыхъ тесомъ, драныо, даже соломою, разумѣется, давали хорошую

пищу для огня. Огонь распространялся съ необыкновенною быстротою, гонимый сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; несмотря на то, что острогъ стоялъ, по обыкновенію, на площади и довольно далеко отъ другихъ строеній, галки, то есть пучки свернувшейся соломы, даже куски дерева летѣли на деревянный тынъ острога и неоднократно зажигали ихъ. Городничій, безногій ветеранъ двѣнадцатаго года, видя, что отстоять тынъ нѣтъ никакой возможности, и что если онъ не приметъ мѣръ къ выводу пришедшей вчера партіи и тѣхъ арестантовъ, которые тамъ сидѣли по дѣламъ этого города—они должны сгорѣть или разбѣжаться въ суматохѣ, — рѣшился на отчаянное средство, которое конечно не всякому придетъ въ голову и на которое не всякій, разумѣется, рѣшится, зная, какія страшныя послѣдствія можетъ онъ взять этимъ на свою отвѣтственность. Взойдя въ острогъ, онъ собралъ около себя арестантовъ и сказалъ имъ слѣдующую краткую рѣчь:

— Братцы! Острогъ того-и-гляди, что сгоритъ. Пожарной команды у насъ нѣтъ; смѣлыхъ людей мало. Помогите тушить огонь, и ежели кто будетъ дѣлать дѣло, какъ надо, я буду писать о томъ по начальству и просить награды.... Дадите ли вы мнѣ честное слово не разбѣжаться и послѣ пожара придти ко мнѣ на квартиру? Дадите честное слово — ворота для васъ отворены, и съ Богомъ — ступайте помогать тѣмъ, кто въ этомъ нуждается; не дадите — я васъ за карауломъ отправлю отсюда. Вѣрю вашему честному слову. Ежели согласны, давайте мнѣ поочередно ваши руки, и помните, что ежели вы разбѣжитесь,— я, уродъ, какъ видите, жена моя и всѣ дѣти — погибли. Даете ли вы ваше честное слово?

— Даемъ! крикнули арестанты хоромъ и всѣ бросились пожать руку честному ветерану.

Послѣ этого ворота растворились — и арестанты бросились въ огонь. Они принялись за дѣло такъ, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ — ни одинъ изъ нихъ не отступилъ передъ опасностью. Гдѣ сильнѣе была опасность, гдѣ свирѣпѣе крутился огонь, тамъ и видѣли этихъ полубритыхъ, желтыхъ каторжниковъ. Сколько дѣтей вынесено ими изъ огня, сколько имущества спасено, сколько дряхлыхъ стариковъ обязано имъ жизнію!

Иванъ Ермолаичъ среди нихъ былъ первымъ. Онъ былъ всюду, гдѣ была сильнѣе опасность, гдѣ выше вздымалось пламя, гдѣ упорнѣе была борьба.... Примѣромъ, полесомъ онъ

одушевлялъ и руководилъ товарищей. Иванъ Ермолаичъ отдавалъ приказанія; онъ распоряжался всѣмъ, самъ бросался туда, откуда уже бѣжали другіе; тутъ его равнодушіе къ жизни или презрѣніе смерти высказалось болѣе, нежели когда нибудь.

Около одного домика, уже со всѣхъ сторонъ охваченнаго пламенемъ, рыдала, кричала, рвалась женщина; она молила, заклинала всѣхъ спасти ея ребенка, оставленнаго ею въ домѣ, ломала руки, кидалась сама въ огонь, но, опаленная, всякій разъ возвращалась снова къ своему безсильному отчаянію. Около нея, по обыкновенію, собралась толпа: всѣ совѣтовали, всѣ суетились, всѣ кричали, но подать дѣйствительную помощь никто не рѣшался — такъ грозно вздымалось пламя, такъ удушливъ былъ смрадъ, который надо было превозмочь. Уже и товарищи Ивана Ермолаича пробовали отчаянную попытку, но должны были воротиться. Казалось, всякая человѣческая помощь сдѣлалась невозможною.

Въ эту минуту явился тутъ Иванъ Ермолаичъ, который былъ занятъ до того въ другомъ мѣстѣ. Лишь только узналъ онъ, въ чемъ дѣло, лишь только услышалъ рыданія и вопли матери, онъ, не разбирая ничего, бросился въ пламя. Только одинъ крикъ ужаса предстоящихъ сопутствовалъ ему; потомъ мгновенно наступило торжественное молчаніе. У всѣхъ занялся духъ. Въ тоскливомъ ожиданіи, казалось, погибель спасающаго такъ же неизбѣжна, какъ и спасаемаго, тѣмъ болѣе, что почти въ это же самое мгновеніе съ ужаснымъ трескомъ обрушились стропилы и рухнули внутрь уже охваченныхъ стѣнъ. У зрителей сердце замерло отъ ужаса, но въ то самое мгновеніе, когда исчезла послѣдняя надежда, онъ показался среди горящихъ развалинъ съ ребенкомъ въ рукахъ... и, выскочивъ оттуда, упалъ за-мертво. Городничій и всѣ власти города, бывшіе свидѣтелями этого, бросились къ нему на помощь; мать, съ раздирающимъ воплемъ радости, выхватила изъ рукъ его ребенка. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, которыя не забываются никогда тѣмъ, кто былъ ей свидѣтелемъ. Ребенокъ былъ спасенъ, но спаситель лежалъ безъ памяти. Голова была у него проломлена, рубашка прожжена въ тысячи мѣстахъ, волосы спалены, все тѣло покрыто язвами. Его тотчасъ отвезли въ больницу и оказаны всевозможныя пособія: этимъ особенно озаботился городничій, отправившій къ губернатору подробное описаніе всего происшествія съ приложеніемъ къ нему свидѣтельства всѣхъ зна-

чительнѣйшихъ обывателей и властей города — о поведеніи всѣхъ арестантовъ вообще, и Ивана Ермолаича въ особенности. Обыватели, а съ ними и городничій, просили начальника губерніи обратить на всѣхъ арестантовъ этой партіи особенное вниманіе и даже ходатайствовали о наградѣ имъ, какъ спасителямъ города. Само собою разумѣется, что поступокъ Ивана Ермолаича не былъ забытъ.

Городничій тѣмъ болѣе считалъ себя обязаннымъ представить все это обстоятельство въ самомъ выгодномъ свѣтѣ начальнику губерніи, что на другой день послѣ пожара, всѣ арестанты, *не исключая ни одного*, явились въ городническую квартиру.

Начальникъ губерніи донесъ тотчасъ объ этомъ министру, и вскорѣ послѣдовало повелѣніе объ облегченіи арестантамъ ихъ участи, а Иванъ Ермолаичъ даже освобождался отъ ссылки. Эту счастливую новость привезъ ему городничій, прежде нежели онъ успѣлъ выйти изъ больницы.

Освобожденный отъ всякаго наказанія, вольный идти куда хочетъ, Иванъ Ермолаичъ остановился въ тягостномъ раздумьѣ: что ему дѣлать съ собою?... Жизнь не представляла ему никакой отрады: онъ чувствовалъ, что, подвергая жизнь свою опасности для спасенія ребенка, онъ не рисковалъ ничѣмъ, и что въ этомъ не было никакой заслуги. Всѣ мѣста въ мірѣ были для него равны: здѣсь ли, тамъ ли — всюду понесетъ онъ свое горе съ собою, и для этого горя нѣтъ утѣшенія.

Когда онъ вышелъ изъ больницы, щедро одаренный купечествомъ городка, достояніе котораго ему обязано было своимъ спасеніемъ, — послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Иванъ Ермолаичъ рѣшился отправиться туда, гдѣ онъ провелъ свою молодость.... Встрѣча съ Машей, впрочемъ, пугала его. Не улеглась видно еще въ немъ совсѣмъ страсть къ ней.

Медленно пошелъ онъ, свободнымъ человѣкомъ, по той самой дорогѣ, по которой нѣсколько недѣль назадъ шелъ каторжникомъ. Голова его полна была разныхъ мыслей, сердце полно неизъяснимой тревоги; онъ хотѣлъ бы жизнь свою, безполезную для него, употребить теперь на пользу ближняго. Приходило ему также въ голову сдѣлаться и монахомъ. Онъ шелъ, и все думалъ. Недѣли прошли, а онъ все шелъ, не торопясь, не спѣша; да и куда было торопиться ему?

Воздухъ, свобода, даже усталость имѣли на него благодѣтельное дѣйствіе. Сознаніе исполненнаго долга, сознаніе того,

что онъ остался вѣренъ наполнявшему его чувству, что не *словами* только, но *дѣломъ* доказалъ онъ, какъ онъ *любилъ*, не мало способствовали къ его успокоенію.

Однажды, дѣло было къ вечеру, проходилъ онъ мимо почтовой станціи. У подъѣзда стоялъ тарантасъ; около него суетился лакей въ военной ливреѣ; на крыльцѣ стояла молодая женщина. Необыкновенная кротость разлита была въ чертахъ лица ея; что-то грустное выражалось во всѣхъ ея движеніяхъ.... Она была не дурна собою. Иванъ Ермолаичъ почему-то почувствовалъ къ ней особое какое-то влеченіе, какое-то грустное участіе.... ему стало почему-то вдругъ жаль ее — и такъ жаль, что даже слезы показались на его рѣсницахъ.... Онъ не могъ не удивиться самъ этому.

Въ это время вышелъ изъ комнатъ станціи мужчина въ венгеркѣ и съ трубкою въ рукахъ, подошелъ къ женщинѣ, обнялъ ее какъ-то очень свободно при постороннихъ и поцаловалъ. У молодой женщины щеки вспыхнули, и она невольно отшатнулась отъ этихъ неожиданныхъ изліяній. Это ничтожное обстоятельство заинтересовало Ивана Ермолаича; онъ сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть. Черты лица проѣзжаго показались ему какъ будто знакомыми, и тѣмъ болѣе всматривался онъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что знаетъ этого господина и знаетъ близко, только никакъ не могъ вспомнить, гдѣ бы онъ могъ его знать и видѣть.... Впалыя щеки, сгорбленный станъ, неопредѣленность взгляда и замѣтное желаніе никогда не смотрѣть никому прямо въ глаза—напоминали ему недавнее время, дурное время. При взглядѣ на это лицо, пробудилось въ немъ вдругъ воспоминаніе объ острогѣ и цѣпяхъ. Память однакожь отказывалась служить ему; онъ перебиралъ въ умѣ всѣхъ, кто посѣщалъ домъ его бывшаго господина и не могъ ни на комъ остановиться.

Увидѣвъ его, проѣзжій началъ пристально его разсматривать. Вглядѣвшись, онъ вдругъ началъ торопить смотрителя запрягать лошадей, кричалъ на ямщиковъ, кричалъ на своего человѣка, что онъ не понуждаетъ ихъ, — однимъ словомъ, перемѣнилъ вдругъ тотъ спокойный, увѣренный тонъ, съ какимъ вышелъ на крыльцо станціи. Время отъ времени онъ бросалъ на Ивана Ермолаича проницательные взгляды.... наконецъ остановился въ раздумьѣ, нѣсколько минутъ стоялъ въ размышленіи, потомъ вдругъ направился прямо къ нему.

Подойдя къ нему, проѣзжій вдругъ оборотился назадъ, для

того, чтобъ глазами смѣрить разстояніе, раздѣляющее ихъ отъ тарантаса и занятыхъ около него людей, и увѣрившись, что никто слышать его не можетъ, онъ вдругъ схватилъ Ивана Ермоланча за руку и спросилъ въ полголоса:

— Узналъ ли ты меня?

— Нѣтъ! отвѣчалъ удивленный Иванъ Ермоланчъ.

— Всмотрись хорошенько, продолжалъ проѣзжій:—и благословляй судьбу свою.... Изъ нищаго ты завтра можешь быть богатъ, въ чести; золото польется на тебя какъ дождь.... И за то отъ тебя не потребуютъ ничего, кромѣ молчанія.

Этотъ голосъ, эти пышныя обѣщанія, эффектъ, съ которымъ произнесены были эти слова, заставили Ивана Ермоланча невольно вздрогнуть... Онъ не зналъ, вѣрить ли глазамъ своимъ....

— Голованъ! сказалъ онъ наконецъ, боясь даже выговорить.

— Тссъ! прошипѣлъ проѣзжій.—Не Голованъ, но отставной капитанъ Бойко: другъ — ежели ты захочешь служить мнѣ; врагъ—ежели вздумаешь открыть кому нибудь, что зналъ меня прежде.

Иванъ Ермоланчъ все еще не могъ придти въ себя. Это казалось ему сномъ. Припоминая Голована въ острогѣ, онъ зналъ, на что онъ способенъ; но такая дерзость казалась ему рѣшительно выше всякаго вѣроятія. Онъ не могъ не высказать этого....

Голованъ засмѣялся и продолжалъ:

— Не въ этомъ дѣло, но въ томъ, хочешь ли ты быть со мною? Обстоятельства перемѣнились; я теперь богатъ, женатъ, какъ видишь, — помню тебя въ острогѣ, и знаю, что на тебя можно положиться.... Десять тысячъ въ годъ жалованья, все содержаніе, моя дружба — ну, согласенъ ли ты? Если согласенъ, то по рукамъ.... мнѣ некогда, я долженъ ѣхать.... Ты можешь найти меня въ первомъ городкѣ.... Я знаю, что ты умѣешь молчать, что ты даже далъ приговорить себя къ ссылкѣ изъ-за какой-то дуры....

Иванъ Ермоланчъ сдѣлалъ невольное движеніе....

— Не сердись, любезный, продолжалъ Голованъ.—Да или нѣтъ — вотъ что мнѣ только нужно. Согласенъ — жизнь твоя обезпечена навсегда; въ шкатулкѣ у меня лежатъ десятки тысячъ; несогласенъ и не съумѣешь молчать—вотъ....

При этомъ онъ показалъ изъ кармановъ панталонъ два револьвера.

Иванъ Ермоланчъ отступилъ невольно, и такъ какъ предложеніе сдѣлано было слишкомъ неожиданно, молчалъ.

Видно, самозванецъ сильно дорожилъ Иваномъ Ермоланчемъ, потому что, несмотря на почти недвусмысленное молчаніе, продолжалъ:

— Ты вѣроятно бѣжалъ и теперь бродяжничаешь? Развѣ это жизнь? Посмотри, какой ты оборванный. Еще есть ли какой нибудь видъ? Вѣроятно, нѣтъ. Со мной будешь жить,—ужь конечно не въ отрепьяхъ ходить будешь, и питаться не мірскимъ подаяніемъ, какъ теперь. Рѣшайся. Кажется, думать долго нечего....

Иванъ Ермоланчъ не поддался искушенью; онъ отказался,—и когда Голованъ уѣхалъ, только справился по книгѣ, на чье имя была записана его подорожная. Оказалось, что онъ его обманулъ, назвавшись ему капитаномъ Бойко. Станціонный смотритель за то не могъ достаточно нахвалиться проѣзжимъ: онъ получилъ отъ него бумажный рубль серебромъ. И все бы было хорошо; только не далѣе, какъ черезъ три дня, съ этимъ рублемъ его взяли на базарѣ: бумажка оказалась фальшивою....

X.

Вотъ показались и кресты колоколень того города, въ которомъ жила Маша,—родина Ивана Ермоланча. Сердце его вспыхнуло и замерло; все прошедшее вдругъ встало передъ нимъ съ такою силою, что онъ долженъ былъ остановиться; ноги отказывались служить ему.

Онъ прилегъ на землѣ.... Быстро летѣли надъ головою его облака; въ поднебесьи дрожалъ жаворонокъ, заливаясь.... надъ нимъ шумѣли листья знакомыхъ ему съ дѣтства деревъ; влажная пахучая свѣжесть дышала на него изъ темноты густой листвы; а изъ-за перелѣска, какъ изъ какого-то изумруднаго коридора, несло на него вѣяніемъ только-что скошеннаго сѣна.

Долго лежалъ онъ, впивая въ себя благодатный воздухъ утра. Когда наступилъ полдень, онъ всталъ и пошелъ по большой дорогѣ, и чѣмъ ближе подвигался къ городской заставѣ, тѣмъ тоскливѣе становилось ему.

«Куда идти? гдѣ преклонить голову?» Ему стало горько при этой мысли. Но онъ продолжалъ идти, не чувствуя усталости, не зная, куда и для чего онъ идетъ. Карета, вдругъ пересѣкшая

ему дорогу и чуть-чуть не отдавившая ему ноги, заставили его очнуться. Онъ огляделся: знакомая улица, даже какъ будто знакомыя лица; вотъ трактиръ, въ который онъ ходилъ такъ часто пить чай; вотъ скамеечка на бульварѣ, на которой онъ такъ часто сидѣлъ съ Машей. — Маша не выходила у него изъ головы.

Онъ далъ себѣ честное слово не думать объ ней больше, и пошелъ въ трактиръ.

Въ трактирѣ тѣ же половые, тотъ же усыпанный бѣлымъ песочкомъ полъ, тѣ же грязныя скатерти.... Все осталось тѣмъ же, кромѣ его самого: нѣтъ еще четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ былъ любимъ всѣми, уважаемъ даже; никому бы не пришло въ голову назвать его иначе, какъ по имени и по отчеству, — а теперь, что онъ такое?... Помилованный каторжникъ! не оправданный, но только одному случаю обязанный своимъ освобожденіемъ.

Онъ взглянулъ на себя въ зеркало, въ первый разъ послѣ заключенія въ острогѣ, и испугался самъ себя....

Онъ съѣлъ наскоро, что ему дали, для утоленія голода, и бросился вонъ изъ трактира... Первою мыслью его было—сбросить съ себя грязныя лохмотья, видѣвшія его позоръ....

Онъ пошелъ въ лавку, гдѣ продается готовое платье, наскоро переодѣлся тамъ же, и сбрилъ бороду.

Но съ тѣмъ паспортомъ, который онъ имѣлъ, онъ зналъ, что его никто не захочетъ взять.... Вспомнивъ, что господинъ, у котораго онъ былъ въ услуженіи до ссылки, любилъ его и довѣрялъ ему, онъ счелъ за лучшее идти къ нему, прямо и откровенно разсказать ему все.....

Онъ такъ и сдѣлалъ.

По счастію, господинъ этотъ былъ человѣкъ порядочный. Онъ повѣрилъ ему во всемъ на-слово — даже протянулъ ему руку....

Это возстановило Ивана Ермолаича въ его собственныхъ глазахъ.

Черезъ недѣлю онъ былъ неузнаваемъ, и если бъ кто сказалъ, что этотъ человѣкъ несъ когда нибудь цѣпь каторжника, — никто не повѣрилъ бы этому....

Такъ проходили недѣли....

Однажды шелъ онъ по улицѣ, веселый и покойный.... Въ этотъ день онъ былъ настроенъ какъ-то веселѣе обыкновеннаго.

На углу улицы, когда онъ, только-что хотѣлъ перебѣжать черезъ дорогу, — подъ носомъ у него промчалась коляска, чуть

не задавившая его, и забрызгавшая его съ ногъ до головы грязью.... Въ коляскѣ этой сидѣла Маша, разодѣтая въ пухъ, съ гордымъ видомъ. Она бросила на него презрительный взглядъ, какъ на ничтожнаго пѣшехода. Эта мимолетная встрѣча съ Машей произвела странное впечатлѣніе на Ивана Ермоланча.

Онъ сталъ сначала бѣгать людей, становился все угрюмѣе и угрюмѣе, и наконецъ слегъ....

У него открылась сильная горячка. Онъ былъ на волосокъ отъ смерти, въ продолженіе двадцати дней. Но натура взяла свое; онъ сталъ выздоравливать.

Не на радость ему было, впрочемъ, это выздоровленіе. Пока онъ былъ въ бреду, онъ не чувствовалъ своего состоянія; очнувшись, онъ почувствовалъ его горьче, нежели когда нибудь. Выздоровленіе его было медленно.

Однажды, въ лѣтній теплый вечеръ, еще шатаясь на дрожавшихъ ногахъ, онъ вышелъ на улицу близь своего дома. Онъ присѣлъ на скамеечку у воротъ. Мѣсяцъ ярко обливалъ улицу серебрянымъ свѣтомъ — можно было видѣть въ подробности малѣйшія украшенія сосѣдняго дома, выпуклости каріатидъ, поддерживавшихъ перистиль, и украшенія на карнизахъ и архитравѣ....

Вотъ вдалекѣ послышался шелестъ.... смолкъ, раздался опять.... мелькнуло изъ-за угла бѣлое платье....

Инстинктивно Иванъ Ермоланчъ устремилъ глаза въ ту сторону, откуда слышался этотъ шорохъ, и глазъ его, привыкшій къ этому полусвѣту мѣсячной ночи, ясно различилъ женскую фигуру, приближавшуюся быстрыми шагами къ тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ, закрытый столбами калитки и тѣнью дома. Почти противъ него, фигура эта перебѣжала улицу и прежде, нежели онъ успѣлъ разглядѣть ее, была отъ него въ двухъ шагахъ.... Онъ взглянулъ ей въ лицо, освѣщенное мѣсяцемъ, и вскрикнулъ....

Это была Маша.

Услыша этотъ крикъ, она остановилась невольно, подошла къ нему и увидавъ, что онъ лежитъ безъ движенья, стала звать на помощь.... Зовъ этотъ услыхалъ сонный будочникъ.... Онъ зѣвнулъ лѣниво и задремалъ снова.

Маша не узнала Ивана Ермоланча — такъ невозможною ей казалась мысль, чтобъ человѣкъ, сосланный съ Сибирь, могъ

вдругъ очутиться здѣсь.... Но тѣмъ не менѣе что-то похожее на упрекъ совѣсти кольнуло ее въ сердце....

Досадуя на себя, что воспоминаніе объ Иванѣ Ермоланчѣ потревожило ее — она хотѣла-было отойти отъ этого лежавшаго безъ чувствъ человѣка, предоставя его на произволъ судьбы, какъ вдругъ судорожныя движенія рукъ и мускуловъ лица изобличили, что онъ приходитъ въ себя. Скорѣе любопытство, нежели участіе остановило ее. Въ этомъ сухомъ, и несмотря на молодость, уже растлѣнномъ сердцѣ почти не было мѣста ни раскаянію, ни любви: все честное и благородное было уже ей чуждо....

Когда Иванъ Ермоланчъ пришелъ въ себя и снова увидалъ передъ собою Машу, онъ невольно закрылъ глаза руками.... Въ эти первыя минуты онъ не хотѣлъ вѣрить себѣ, что передъ нимъ стоитъ *та*, которая была причиною его гибели.... Но увѣрившись въ этомъ, онъ сказалъ ей свое имя — и заставилъ ее невольно остановиться.... Она хотѣла-было начать комедію, какую она такъ часто играла, особенно въ послѣднее время, стала-было увѣрять его въ любви, — но слова ея уже не дѣйствовали на Ивана Ермоланча. Любви въ его сердцѣ уже не было....

Онъ сталъ распрашивать ее объ ея образѣ жизни, и по ея двусмысленнымъ, уклончивымъ отвѣтамъ понялъ, что она такое....

Онъ отпустилъ ее, узнавъ предварительно, гдѣ она живетъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣтно спокойнѣе.

Выздоровѣвъ совершенно, онъ посѣтилъ Машу, и убѣдился, что спасеніе ее невозможно. Онъ попробовалъ было говорить съ ней о ея положеніи, но она отвѣчала на это сожалѣніемъ, что не можетъ носить такихъ платьевъ, какія носила прежде и ѣздить въ тысячной коляскѣ, какъ ѣзжала прежде....

Маша умерла гдѣ-то въ больницѣ, спустившись до послѣдней ступени, до какой только можетъ низойти женщина....

Иванъ Ермоланчъ до послѣдней минуты помогалъ ей, чѣмъ могъ.

И. СЕЛИВАНОВЪ.

МЕЛОЧИ ВОЕННАГО БЫТА (*).

МЕТЕОРЪ.

I.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ глуши, далеко отъ столицъ, далеко отъ губернскаго города, далеко даже отъ того маленькаго, скверненькаго, грязненькаго городка Копылова, въ которомъ квартируетъ штабъ полка. Глушь страшная, тоска смертная! Уныло стоитъ деревня на обнаженной степи, кругомъ негдѣ взору отдохнуть.... Скука носится здѣсь въ воздухѣ, входитъ въ грудь, душитъ легкія.

Въ избушкѣ, крытой соломой, по волѣ рока обитаетъ поручикъ Змѣевъ.... Онъ проснулся отъ послѣобѣденнаго сна и въ раздумьи сидитъ у своего единственнаго столика, не зная, что ему дѣлать, чѣмъ убить остальное время дня.... Три-четыре книги, которыя лежатъ у него на столикѣ, давно имъ прочитаны, выучены наизусть, а другихъ достать негдѣ. Самъ выписывать ихъ — онъ не имѣетъ средствъ, а въ полку библіотеки нѣтъ.... Живя при эскадронѣ въ качествѣ субалтерна, Змѣевъ и по службѣ не много имѣетъ занятія, потому что эскадрономъ ревниво командуетъ ротмистръ Клыковъ, лично самъ. Что же остается дѣлать Змѣеву?... Остается одно: спать — и онъ спитъ какъ Обломовъ, до тѣхъ поръ, пока, къ величайшему его удовольствію, почтовый ѣздовой не при-

---

(*) См. «Совр.» 1860 г., № 2.

везетъ ему предписанія прибыть для дежурства въ штабъ полка, отправиться на слѣдствіе, принять въ свое завѣдываніе команду.

Апатія, обломовщина отражаются на молодомъ еще лицѣ его, хотя, вглядѣвшись пристальнѣе въ черты его, замѣтить можно, что не Обломовымъ родился онъ.

Раздумье его наконецъ, однакожь, разрѣшается тѣмъ, что, одѣвшись, и натянувъ огромные охотничьи сапоги, зѣвнувши раза два самымъ чудовищнымъ манеромъ, и взявши дубинку въ руки, для защиты отъ собакъ,—онъ отправляется къ Клыкову, обитающему въ такой же жалкой избенкѣ на другомъ концѣ деревни, и тоже отдыхающему въ эти минуты на своей походной кровати. Но Клыковъ не спитъ; онъ такъ только прилегъ на полчаса, не больше.... Лежитъ онъ одѣтый....

— Здравствуйте, Иванъ Сергѣичъ! говоритъ Змѣевъ, входя. — Что, отдыхаете?

— Да! отвѣчаетъ Клыковъ, подавая ему руку и вытягиваясь на кровати. — Усталъ сегодня въ манежѣ, восемь смѣнъ отгонялъ, на трехъ молодыхъ лошадяхъ самъ отъѣздилъ. Потомъ по конюшнямъ ходилъ.... да вотъ и опять еще надо идти.... Ой! ой!

— Что вы крякаете?

— Да такъ не здоровится что-то.... Ломоты.... все старыя простуды отзываются.

— Лечиться надо, Иванъ Сергѣичъ.

— Хм! лечиться! Я и безъ васъ знаю, что надо бы, да некогда.... Какое тутъ леченье, когда эскадронъ на рукахъ? сами, чай, видите, что будь въ суткахъ хоть сорокъ восемь часовъ, такъ и то не достанетъ на все времени.... Вездѣ нужно самому: не положиться же мнѣ на вахмистра или на васъ.... А кое-какъ дѣлать дѣла не могу и не хочу....

— Сдайте эскадронъ, легкомысленно возражаетъ Змѣевъ.

— Слуга покорный!! Какъ же я буду висѣть въ полку безъ эскадрона-то?

— Ну, временно; хоть слегка полечитесь....

— Не-по-мо-жетъ! возразилъ нетерпѣливо Клыковъ, махая рукой и вставая съ кровати. — Да и трудно, я вамъ скажу, на скорую руку вылечиться отъ болѣзней, которыя накопились годами. По походамъ, да на бивакахъ, да въ манежѣ зимой, чего-чего не нажился я въ двадцать-то лѣтъ службы?... и ревматизмовъ, и воспаленій!... И въ отставку выйдти не могу, продолжаетъ онъ затѣмъ, помолчавши немного и какъ-то сосредоточенно шагая по пяти-аршинной діагонали своего жилища: — и въ отставку выйдти не мо-

гу, потому что теперь въ службѣ всѣ мои средства къ жизни. Пансіонъ хочется выслужить на старость лѣтъ.

И разговоръ ихъ принимаетъ то направленіе, которое обыкновенно принимаетъ онъ въ армейскомъ офицерскомъ обществѣ, когда дѣло касается до матеріальной стороны военной службы.... онъ переходитъ въ іереміаду....

Но вотъ дверь избы отворяется, и является новое лицо, корнетъ Будкинъ — будущій Змѣевъ или Клыковъ....

— А-а-а! вскрикиваютъ оба послѣдніе въ одинъ голосъ. — А, здравствуйте! Что, вы возвратились изъ штаба? Что тамъ новенькаго? Что тамъ наши подѣлываютъ?...

— Да ничего! все тоже, что и мы здѣсь, грѣшные, отвѣчаетъ Будкинъ, обивая грязь съ длинныхъ сапоговъ своихъ тутъ же, — Скучаютъ....

— Еще что? спрашиваетъ Змѣевъ.

— Въ костелѣ сегодня много публики было....

— А кто, да кто?...

— Городничаго жена была, исправника дочь была.... Постой..., Кто же еще-то былъ?... Да, еще изъ деревни Панъ Кулюкевичъ пріѣзжалъ съ племянницей.... Аптекарша, кажется, была....

— Ну, а не слышно ли чего изъ политическихъ новостей? спрашиваетъ въ свою очередь Клыковъ: — не будетъ ли тамъ какого нибудь смотра? А?

— Поговариваютъ, да еще, кажется, не скоро....

— То-то эскадронъ перековывать надо....

Напившись чаю и потолковавши въ этомъ же родѣ, Будкинъ между прочимъ предлагаетъ съиграть въ преферансъ, на что конечно Змѣевъ соглашается съ радостью; но что касается до Клыкова, то онъ отказывается положительно отъ этого удовольствія, и скоро уходитъ на пригонку аммуниціи.

— А что же будемъ дѣлать мы? спрашиваетъ Будкинъ у Змѣева.

— Да чтожь больше дѣлать-то? Спать пойдемъ! отвѣчаетъ этотъ.

— А нѣтъ ли у тебя книгъ почитать? снова спрашиваетъ Будкинъ, уже идучи дорогою.

— Уставъ есть; возьми, коли хочешь.

Будкинъ не хочетъ устава, а бѣснуясь въ сотый разъ, и конечно совершенно понапрасну, высказываетъ множество общихъ мѣстъ о равнодушіи полка къ заведенію библіотеки. Наконецъ онъ дѣлаетъ Змѣеву предложеніе—поѣхать отъ скуки познакомиться съ помѣщиками, но и на это предложеніе—встрѣчаетъ со стороны Змѣева отвѣтъ неудовлетворительный.

— Охота ѣздить за семь верстъ киселя ѣсть! возражаетъ последній.

— Но общество, женщины.... заикается Будкинъ.

— Общество, женщины! передразниваетъ его Змѣевъ.—Прямой корнетъ! Въ штабъ поѣдемъ — вотъ наше общество!

Теперь, если мы заглянемъ въ такъ-называемый штабъ, то есть въ городокъ Копыловъ, то тоже увидимъ не очень свѣтлыя картины.... Трудъ или скука, вотъ удѣлъ каждаго, и только ералашъ, вечернею порою, служитъ отрадою. Зайдемъ даже хоть въ трактиръ, куда по случаю праздничнаго дня съѣхалось довольно публики изъ эскадроновъ. На бильярдѣ раздается стукъ шаровъ, величиною съ горошину; двое играютъ — десятеро слѣдятъ за ходомъ партіи; общій разговоръ касается преимущественно службы и занятій по эскадронамъ, и развѣ только между молодежью онъ имѣетъ нѣсколько животрепещущій интересъ.... Вотъ, напримѣръ, образчикъ:

«Не знаю, что и дѣлать! велѣлъ прибавить по гарнцу». — «А что, ужь началъ ѣздить галопомъ?»—Да! благодаря Бога, начинаютъ ходить!» — «Вообразите себѣ! *меня* не хотятъ разставить шире!» — «Одолжите мнѣ кузнеца!» — «Плохи, плохи справки!»...

Или:

«Я вчера прошелъ три карты; пройди четвертую — вся пулька была бы моя». — «Мнѣ говорилъ мишуресъ Шлёмка, что пріѣхало что-то новенькое». — «Какъ сегодня много народу было въ костелѣ!» — «А кто да кто былъ?» — «Городничаго жена была, исправника дочь была.... Панъ Кулюкевичъ съ племянницей былъ».

Иногда только какой нубудь любопытный политикъ спроситъ: «А чтожь, канальство, про войну все еще ничего не слыхать? Потолковали да и перестали»... — «Нѣтъ, ничего! отвѣтитъ кто нибудь, зѣвая: — а вотъ лучше скажите-ка, господа, что тутъ дѣлать-то послѣ обѣда?» и опять зѣвнетъ.... — «Да что же дѣлать-то? Нечего! развѣ вечеркомъ партію въ ералашъ составимъ», отвѣтитъ другой.... — «Эхъ, чортъ побери, скажетъ третій, а мнѣ такъ на слѣдствіе нужно ѣхать. Тащиться за сорокъ верстъ по грязи....»

Много здѣсь Змѣевыхъ, много здѣсь Клыковыхъ. На лицахъ однихъ отражается апатія, обломовщина, навѣянная атмосферою зимнихъ квартиръ; ихъ обстановка, деревенская глушь, отсутствіе тѣхъ свойственныхъ болѣе или менѣе всякому развитому человѣку развлеченій, которыя бы поддерживали бодрость и энергію духа, и которыя однакожь доступны многимъ другимъ счастливцамъ, — положили рѣзко печать свою на этихъ лицахъ; на другихъ — видѣнъ трудъ, утомленіе, забота.

Для тѣхъ и другихъ долгіе годы ихъ жизни проходятъ въ ли-

шеніяхъ самыхъ разнообразныхъ, въ глуши деревенскихъ стоянокъ, среди трудовъ физическихъ, часто утомительныхъ до изнуренія.... И разъ поставленные судьбою на этотъ путь, они идутъ по немъ, иногда вслѣдствіе необходимости, идутъ, довольствуясь тѣмъ, что имъ назначено судьбою, добросовѣстно исполняя свои обязанности и, въ потѣ чела, добиваясь съ трудомъ тѣхъ правъ, которыя даетъ долголѣтняя служба —служба, которой отдаютъ они всѣ силы тѣла и духа своего, въ привязанности къ которой, несмотря на всю тяжелую ея обстановку, они доходятъ иногда до самоотверженія.

II.

А однакожь и въ ихъ жизни бываютъ свѣтлыя мгновенья.

Слухи о войнѣ давно уже носятся въ публикѣ, и въ газетахъ появляются сильные намеки; и вотъ, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда почти цѣлый полкъ съѣхался въ городъ и по обыкновенію собрался пообѣдать и побесѣдовать въ трактиръ — дверь отворяется съ особенною силою, и среди публики является полковой адъютантъ съ праздничною физіономіею, съ сіяющими глазами и съ кипою бумагъ въ рукахъ. — «Господа, господа!» кричитъ онъ еще издалека, задыхаясь, захлебываясь, но какимъ-то необыкновенно-радостнымъ голосомъ. — «Господа! поздравляю! Полкъ приводится на военное положеніе!! Сію минуту получено предписаніе!!!»

Неописанный человѣческимъ языкомъ восторгъ овладѣваетъ всей компаніей. Всѣ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и окружаютъ радостнаго вѣстника.—«Ого! быть не можетъ!» «Чудесно!» «Урра!» «Съ кѣмъ, съ кѣмъ война?» «Покажи-ка предписаніе!» «Шампанскаго!»

— А и въ самомъ дѣлѣ, господа! вскрикиваетъ, по обыкновенію, громко и энергически штабсъ-ротмистръ Дроздовъ: — выпьемъ шампанскаго на радостяхъ...

Предложеніе это, какъ и слѣдуетъ ожидать, мгновенно одобряется всѣми присутствующими. «О, какъ же! какъ не выпить! Выпьемъ, выпьемъ, господа!» раздается со всѣхъ сторонъ. «Эй, хозяинъ! пане Березницкій! Шампаньскѐго!!» Слишкомъ очевидно, что всякій до-нельзя радъ придраться къ случаю, и когда шампанское является, когда первая пробка, хлопнувши самымъ неблагопристойнымъ образомъ, высоко подскакиваетъ вверхъ, въ потолокъ, —а оттуда падаетъ кому нибудь на носъ, тотъ же самый Дроздовъ — въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всему дѣлу голова —

снова восклицаетъ громко: «Господа! пошлемъ за трубачами!» — «А пошлемъ, пошлемъ!» въ свою очередь снова восторженно отзывается публика. — «А вы, мишуресы, лети по офицерскимъ квартирамъ! сзывай скорѣе всѣхъ сюда, кого тутъ нѣтъ! Живо!» Мишуресы несутся какъ стрѣла. Являются трубачи, грянулъ маршъ. «Хозяинъ, шампанскаго! больше сюда шампанскаго!»

Такъ иногда человѣкъ способенъ весь отдаться впечатлѣнію минуты!... Да и предметъ-то пикантный: гулъ орудій, дымъ, атаки, годовое не въ зачетъ, взятіе баттарей, кресты, награды, фуражныя, слава!... «Довольно киснуть въ тинѣ мира! Долой, долой съ себя хандру!»

И кутежъ мало-по-малу принимаетъ совершенно гомерическіе размѣры.

А что же, напримѣръ, дѣлается въ Петербургѣ?

Въ Петербургѣ война дѣло уже рѣшеное... Говорятъ, гвардія тоже современемъ приведена будетъ на военное положеніе и выступитъ къ границамъ.... Но когда же еще это будетъ?

Поэтому-то чувство патріотизма, жажда славы, жажда боя увлекаетъ множество офицеровъ изъ гвардіи въ армію. Скромный армейскій мундиръ на томъ, кто еще недавно былъ гвардейскимъ офицеромъ, производитъ въ Петербургѣ эффектъ, шикъ необыкновенный.

Молодой, лѣтъ двадцати-трехъ, красивый гвардейскій поручикъ Фальшфейеръ тоже перешелъ, и разумѣется, какъ слѣдуетъ, ротмистромъ въ армейскій полкъ, и скоро долженъ ѣхать.... гм!... въ Копыловъ.

— Жоржъ! говоритъ съ чувствомъ старый генералъ, его дядя, обнимая въ послѣдній разъ своего дорогаго племянника. — Жоржъ! ты дѣлаешь честь нашей фамиліи... ты поступилъ какъ настоящій русскій дворянинъ.... настоящая служба въ военное время — въ арміи, въ арміи, mon cher.

— Mon oncle! отвѣчаетъ Жоржъ, тоже съ глубокимъ чувствомъ. — Я русскій — я долженъ исполнить свой долгъ.

— И вы рѣшились ѣхать въ провинцію, въ глушь, въ армію, на войну? спрашиваетъ Жоржа, въ свою очередь, его хорошенькая кузина, протягивая ему, тоже въ послѣдній разъ, свою бѣленькую ручку. — Вы рѣшились оставить Петербургъ, оперу, театръ?

— Кузина! Я русскій — я долженъ всѣмъ жертвовать...

— Какъ! и ты перешелъ въ армію? Что такъ? зачѣмъ? что за фантазія? раздается вдругъ передъ нимъ — въ то время, какъ онъ въ послѣдній разъ задаетъ шикъ своимъ армейскимъ мундиромъ на

Невскомъ проспектѣ—голосъ одного изъ его свѣтскихъ штатскихъ пріятелей, полнаго, высокаго, свѣжаго, здороваго мужчины.

— Подраться захотѣлось, mon cher! отвѣчаетъ молодцоватый Фальшфейеръ.

— Да вѣдь гвардія тоже, говорятъ, можетъ-быть пойдетъ въ походъ?

— Ахъ, mon ami, дожидаться долго! перебиваетъ юный ротмистръ. — Да притомъ, какъ поручикъ гвардіи, я перешелъ въ армію ротмистромъ, а быть ротмистромъ, двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, согласись со мною, вѣдь имѣетъ свою прелесть? Эскадронъ тамъ получу навѣрное... И я вообще нахожу, что я поступилъ очень, очень умно. N'est ce pas?

— Oui, vraiment!...

Прощай, Петербургъ! прощай, Невскій проспектъ! прощай, Дюссо! прощайте, театръ, опера, Мина Карловна! «Мы шагнемъ черезъ Балканы!» напѣваетъ нашъ ротмистръ, развалясь въ коляскѣ своей, въ то время, какъ она мчится по столбовой, почтовой дорогѣ, пуская пыль въ глаза всѣмъ встрѣчнымъ проѣзжимъ и прохожимъ. И онъ весь предается обаянію славы, которая ждетъ его впереди; воображеніе рисуетъ ему картины битвъ, а на устахъ вспыхиваетъ улыбка при мысли о знакахъ отличія, долженствующихъ непремѣнно украсить грудь его. «Эскадронъ получу, съ эскадрономъ баттарею возьму!» думаетъ онъ между прочимъ. «А то, отчего бы, напримѣръ, не поступить къ кому нибудь въ ординарцы, въ адъютанты?... Кстати, тутъ ли мои рекомендательныя письма?... вотъ они, здѣсь... всё на лицо... Милый *дядя*, какъ я ему обязанъ! Charmante Wilhelmine!»

«А воображаю», мечтаетъ онъ далѣе, все болѣе и болѣе увлекаясь пылкимъ своимъ воображеніемъ: «какой бы это былъ шикъ, если бы послѣ войны вдругъ явиться въ Петербургъ съ подвязанной рукой!... или еще лучше съ интереснымъ шрамомъ на лицѣ... C'est très joli...»

III.

Дѣйствіе происходитъ въ Копыловѣ... Въ ожиданіи добычи, мишуресы, то есть факторà, какъ итальянскіе лаццарони, отдыхаютъ на скамейкахъ, каждый около того заѣзднаго дома, въ которомъ служитъ... Но вотъ отъ заставы слышится переливчатый звонъ почтоваго колокольчика...

— Шлёме! Мовше! Хаимъ! раздается голосъ жидовки мѣнялки, какой нибудь Суры, которая сидитъ тутъ же гдѣ нибудь не подалеку,

на открытомъ воздухѣ, чуть не на самой серединѣ улицы, за своимъ столикомъ, на которомъ разложены мѣшечки съ деньгами, и вяжетъ чулки.... — Мовше! Хаимъ! герстъ-ду! Дзвонке-съ, ди колокольчике-съ!

И мишуресы, воспрянувъ, какъ стая гончихъ псовъ, бросаются на встрѣчу приближающемуся экипажу....

— До насъ, пане, до насъ, пане! О ту подъ лисэмъ, подъ баранемъ, подъ недвѣдземъ! кричатъ они въ изступленіи, перегоняя другъ друга, чуть не хватая лошадей подъ уздцы.

Наконецъ коляска останавливается, и пріѣзжій, конечно ротмистръ Фальшфейеръ, въ сопровожденіи торжествующаго мишуреса Шлемки, направляетъ шаги въ указываемый имъ номеръ.

— Фи! какая мерзость! восклицаетъ онъ съ отвращеніемъ, не рѣшаясь переступить черезъ порогъ.

— И ну! всѣ афицери тутотки стаютъ, майори стаютъ, пальковники заѣзжаютъ, енараль сидѣлъ! убѣждаетъ мишуресъ.

— Ахъ, cela me frappe!...

На другой же день, явившись, по заведенному служебному порядку, полковому командиру, и въ краткомъ разговорѣ при этомъ случаѣ, мимоходомъ, въ скобкахъ, сказавши кое-что о своихъ петербургскихъ связяхъ, намекнувши даже о какомъ-то родствѣ своемъ съ однимъ очень вліятельнымъ лицомъ, по желанію котораго будто бы и переведенъ въ этотъ полкъ, Фальшфейеръ весьма скоро знакомится, скорѣе нежели можно было ожидать, со всѣмъ обществомъ новыхъ своихъ полковыхъ товарищей, благодаря безцеремонности и армейскому радушію послѣднихъ.... Фактъ этотъ совершается въ слѣдующей, весьма быстрой послѣдовательности....

Сдѣлавъ, послѣ полковаго командира, первый визитъ полковому адъютанту, какъ человѣку всегда нужному, пріѣзжій уже взялъ въ руки карандашъ, чтобы записать фамиліи и адресы... но адъютантъ остановилъ его.

— Э! пустое! замѣтилъ онъ: — успѣете и послѣ. Пойдемте теперь лучше въ трактиръ, тамъ вся наша публика.... тамъ и познакомитесь.

— Господа! сказалъ онъ, входя вмѣстѣ съ нимъ въ трактиръ, гдѣ и на этотъ разъ собрался почти весь полкъ.—Господа! позвольте вамъ представить нашего новаго товарища.... Ротмистръ Фальшфейеръ.... А мнѣ, эй, человѣкъ, водки!

Всѣ вѣжливо встаютъ, радушно протягиваютъ руки, каждый называетъ свою фамилію, говоритъ: «очень пріятно»,—и когда, послѣ безчисленнаго множества распросовъ, разсказовъ, свѣдѣній, имѣющихъ цѣлію посвятить новаго товарища во всѣ мелочи, во всѣ не-

дробности этого новаго для него армейскаго быта, онъ, желая вѣроятно еще лучше скрѣпить узы знакомства, отдаетъ приказаніе подать шампанскаго, распоряженіе это встрѣчаетъ всеобщую оппозицію.

— Нѣтъ! ужь если такъ, вскрикиваетъ съ обычною своею энергіей знакомый уже намъ Дроздовъ; — то позвольте намъ начать, позвольте намъ принять васъ! Эй, хозяинъ! давай сюда дюжину шампанскаго покамѣстъ! Господа! выпьемъ за здоровье нашего товарища!

— О! конечно, выпьемъ, выпьемъ.... Съ удовольствіемъ! отвѣчаютъ всѣ.

И когда потомъ, къ концу третьей дюжины, Фальшфейеръ, очарованный радушіемъ собесѣдниковъ, подъ вліяніемъ вакхическаго восторга, въ увлеченіи, высоко поднявъ надъ головою своею стаканъ, восклицаетъ: «Господа! позвольте съ вами со всѣми выпить на *ты*!» всѣ, или почти всѣ, въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: «Хорошо! Съ удовольствіемъ!» и радушно чокаются съ нимъ своими стаканами... Только два или три скептика, — какой нибудь маленькій мефистофель поручикъ Гибра, или штабсъ-ротмистръ Чичиковъ, происходящій по прямой линіи отъ Павла Ивановича, но, разумѣется, Чичиковъ современный, развитый и образованный несравненно лучше своего дѣда, — думаютъ про себя: «не слишкомъ ли рано?» Между тѣмъ какъ болѣе увлекающіеся, такъ называемыя души на распашку, уже громогласно, восторженно стуча кулаками по столу, восклицаютъ: «Сосѣда! сосѣда!» Нѣкоторые изъ нихъ уже затягиваютъ:

«Наливай сосѣдъ сосѣду, —
Сосѣдъ любитъ пить вино!»

Усѣлись для «сосѣда»; многіе находятъ обыкновенный стаканъ слишкомъ малымъ для этой операціи и требуютъ чего-то въ родѣ кружки, чего-то въ родѣ стеклянной чаши, въ которой хранятся конфекты.... Хаджи Эдиковичъ деспотически захватываетъ право управлять хоромъ... «Наливай! Подноси! Поклонись! Выпивай! Оботри! Поцалуй!» подсказываетъ онъ неистовымъ голосомъ передъ началомъ каждаго куплета....

Но — минутная вспышка прошла, и опять невыразимо, мучительно-скученъ городокъ Копыловъ. Вслѣдствіе этого Фальшфейеръ отправляется на нѣсколько времени въ губернскій городъ и проживаетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что полкъ въ скоромъ времени долженъ выступить къ

границѣ. Тогда онъ возвращается назадъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ высшаго начальства получается предписаніе: «г. ротмистру Фальшфейеру, такъ какъ онъ одинъ изъ старшихъ въ полку ротмистровъ, принять эскадронъ на законномъ основаніи отъ такого-то.»

— А что, говоритъ Змѣевъ Клыкову: — сдаете эскадронъ?

— Да! и признаюсь вамъ, больно мнѣ это, отвѣчаетъ тотъ. — Три года работалъ надъ эскадрономъ, не жалѣлъ ни силъ, ни здоровья, ни трудовъ....

IV.

Полкъ уже въ походѣ.... Какъ утомительны эти переходы! идешь-идешь, а все какъ-то мало подвигаешься впередъ. Придешь на мѣсто, слѣзешь съ коня: ноги подкашиваются, и самъ весь какъ будто изломанъ. — «А что обѣдъ?» спрашиваешь у слуги. — «Да еще не готовили.... только-что сами пріѣхали.» — «Ну, давай хоть чаю поскорѣй!» — «Да вода-съ такая соленая, что кушать не станете....»

На завтра — то же, на послѣзавтра — то же. Шлепая по жидкой грязи, или подымая кругомъ и надъ собою тучи удушливой пыли, тянутся по дорогѣ эскадроны.... По очереди обгоняетъ ихъ коляска.

Дежурный по эскадрону унтеръ-офицеръ, завидя несущійся сзади на полныхъ рысяхъ экипажъ, суетливо вскликиваетъ: «Вправо! Полковникъ ѣдетъ!» При этомъ возгласѣ солдаты поспѣшно начинаютъ тѣсниться къ одной сторонѣ дороги. «Полковникъ, полковникъ ѣдетъ! передай тамъ голосъ!» слышится въ рядахъ ихъ. Офицеры, ѣхавшіе до тѣхъ поръ впереди, тоже спѣшатъ занять свои мѣста при взводахъ, какъ будто они цѣлый переходъ ни на секунду отъ нихъ не отлучались. Самъ эскадронный командиръ, встрепенувшись, какъ отъ удара электрической машины, вдругъ сдерживаетъ своего коня, совсѣмъ почти сажаетъ его на хвостъ, зычнымъ голосомъ вскрикиваетъ: *«смиррррно!»* и, пропуская мимо себя эскадронъ, приговариваетъ: «Подобрать поводья! подобрать поводья! Смотрѣть налѣво! Головы выше! Молодцами! Обтянуть каблуки!...» Однимъ словомъ, какимъ-то особеннымъ чувствомъ проникается весь эскадронъ.

Но это не полковникъ. Это онъ, нашъ милый, достопочтенный ротмистръ Фальшфейеръ. Высунувшись на половину изъ коляски, онъ приказываетъ ей ѣхать шагомъ и, обращаясь къ офицерамъ, дѣлаетъ пріятный, пластическій жестъ рукою... «Bonjour, Messieurs!»

— А, здравствуйте! Да какъ же вы насъ напугали! отвѣчаетъ

эскадронный командиръ, улыбаясь, но съ досадой въ сердцѣ. — А вѣдь мы думали, что это полковникъ.

«Вольно!» командуетъ онъ затѣмъ эскадрону.

.... И кампанія открылась, да, по несчастію, полкъ попалъ въ такой отрядъ, для котораго дѣлъ съ непріятелемъ рѣшительно не предвидится.... Полкъ, что называется, гніетъ на бивакахъ, а молодая кровь Фальшфейера кипитъ живымъ ключомъ. Онъ проклинаетъ судьбу и на русскомъ и на французскомъ діалектахъ.

— Что съ вами? Изъ-за чего бѣснуетесь вы столько? спрашиваютъ его.

— Да что! досадно, говоритъ:—хотѣлось бы подраться поскорѣй.

— Погодите, не горячитесь! отвѣчаютъ ему:—можетъ-быть еще придется....

Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что фамильярное «*ты*» давно уже замѣнено въ обращеніи съ Фальшфейеромъ церемоннымъ «*вы*». Богъ знаетъ, какъ это случилось; но только есть сортъ людей, съ которыми нѣтъ никакой возможности сойтись на короткую ногу, въ обхожденіи съ которыми никогда не дойдешь до фамильярности, до простоты.... Живите съ такимъ человѣкомъ вмѣстѣ десять лѣтъ, и все-таки между вами будетъ натянутость, церемонность, принужденность. «Брудершафтъ», предложенный Фальшфейеромъ, въ минуту увлеченія, очень скоро, чуть ли даже не на другой день послѣ знаменитаго *Сосѣда*, уже потерялъ свою обязательную силу, и потерялъ ее самымъ незамѣтнымъ образомъ.

Но, Боже мой, какая скверность эти биваки! Жаръ нестерпимый — нѣтъ силъ дышать раскаленнымъ воздухомъ; въ палаткѣ душно, внѣ ея печетъ солнце; миріады докучливыхъ мухъ носятся кругомъ, лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ уши, въ глаза. Нечѣмъ жажды утолить — воды не напасешься, и посылать за нею далеко.

А то, пожалуй, дождь идетъ и ручьемъ льетъ сквозь палатку или какой нибудь идиллическій шалашикъ изъ древесныхъ вѣтвей. Крупныя, холодныя капли безъ устали падаютъ на лицо, на руки, за шею; платье промокаетъ насквозь, бѣлье — тоже; холодно, сыро, подъ ногами лужи.... И обѣда сварить негдѣ, потому что подъ дождемъ дрова горѣть не хотятъ.... Руки, ноги коченѣютъ — ни обсушиться, ни обогрѣться....

— Нѣтъ, здѣсь совсѣмъ сгніемъ! говоритъ Фальшфейеръ въ какомъ-то отчаяніи, впрочемъ весьма простительномъ всякому въ подобномъ положеніи.

— На то война! отвѣчаетъ лаконически Клыковъ.

— Удивляюсь я вашему равнодушію...

— Ничего, мы привыкли; бывало хуже!..

И Клыковъ равнодушно, подъ шумъ дождя, засыпаетъ на кучѣ мокрой соломы...

— И зачѣмъ я перешелъ изъ гвардіи! говоритъ нашъ ротмистръ въ другой разъ кому нибудь....

— Въ самомъ дѣлѣ, напрасно! отвѣчаютъ ему насмѣшливо.

— Но я, mon ami, драться хотѣлъ, возражаетъ Фальшфейеръ.

— Такъ что же? Поѣзжайте въ Севастополь... въ дѣлѣ скорѣе будете....

— Завтра же поѣду хлопотать объ этомъ! говоритъ онъ рѣшительно.

— Съ Богомъ!

И спустя нѣсколько дней Фальшфейеръ окончательно обдѣлываетъ свои дѣла. Онъ уѣзжаетъ.... но не по той дорогѣ.... Обстоятельства складываются для него почему-то такъ, что онъ остается въ какомъ-то довольно удобномъ для жизни городкѣ, при какомъ-то изъ важныхъ лицъ, въ родѣ ординарца, для исполненія разныхъ порученій.... По спискамъ, онъ впрочемъ еще считается членомъ полка....

Раза два былъ онъ посланъ и въ Севастополь — съ бумагами; оба раза ему случилось пріѣхать туда, какъ нарочно въ то самое время, когда тамъ происходили жаркія дѣла съ непріятелемъ....

V.

Кампанія кончилась. Опять разошлись полки русскіе по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ. Снова ротмистръ Клыковъ и прочіе начинаютъ жить прежнею жизнію: глотать въ манежѣ пыль, пригонять ремни, пряжки, катать отъ скуки на билльярдѣ шары, величиною съ горошину. Многіе полысѣли, посѣдѣли еще болѣе, обзавелись ревматизмами — и всѣ рѣшительно получили медали.

Но скажите пожалуйста, гдѣ же Фальшфейеръ?

...Наслаждается жизнію, государи мои, въ Москвѣ или въ Петербургѣ; встрѣтить его тамъ или здѣсь очень легко.... Послѣдній разъ мы выдимъ его въ свѣтскомъ обществѣ.... Съ тактомъ, подробно, отчетливо повѣствуетъ онъ о всѣхъ событіяхъ послѣдней войны. Докторально, безпощадно осуждаетъ онъ дѣйствія и ошибки генераловъ, преимущественно тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ.... яркими, поразительными красками рисуетъ кар-

тину претерпѣнныхъ имъ нуждъ и лишеній во время пребыванія въ арміи.

— А скажите пожалуйста, спрашиваетъ его кто-то: — каково армейское общество?...

Фальшфейеръ дѣлаетъ гримасу.

— Жить не умѣютъ.... Да и не на что особенно роскошничать... Вообразите себѣ, что мнѣ однажды случилась надобность въ тысячѣ рублихъ, и я ни у кого не могъ ихъ найти, чтобы взять въ займы!

Съ этихъ поръ этотъ блестящій метеоръ исчезаетъ у насъ изъ виду. Почемъ знать — надолго ли?

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗА СѢНОМЪ.

Однажды, въ лѣтній вечеръ, при закатѣ солнца,—сказать короче, послѣ вечерней уборки лошадей,—на лужайкѣ сзади стодолы, то есть сарая, гдѣ помѣщалось нѣсколько строевыхъ лошадей, человѣкъ съ десятокъ солдатъ, разлегшись на землѣ, кто брюхомъ вверхъ, кто брюхомъ внизъ, кто въ кителѣ, кто въ шинелѣ на-опашь, вели между собою бесѣду въ самомъ конфиденціальномъ духѣ, потому что одинъ изъ собесѣдниковъ, молодцоватый дѣтина, въ фуражкѣ на бекрень, съ коротенькой трубочкой въ зубахъ, такъ называемой носогрѣйкою, сообщалъ, между прочимъ, своимъ товарищамъ вполголоса и съ разстановкой слѣдующее:

«— Признаться, братцы, третьева-дни, съ вечера, я-таки маненько и выпимши былъ. Поручику только что подметки подкинулъ — для того, значитъ, деньги были... Вернулся это я изъ шинка на конюшню, заложилъ конямъ сѣна, укрылся попоной.... легъ.... одначе — не спится, что-сь... Терехинъ, слышу, тоже что-то ворочается.

«— Что, молъ, не спишь, говорю: — аль блохи кусаютъ?

«— Да, таки маненько докучаютъ, сказываетъ.—Да и такъ, говоритъ, что-сь сонъ не беретъ... все, говоритъ, братецъ ты мой, думка лѣзетъ въ голову.

«— Что, аль водки выпить хошь? пытаю.—Коли такъ, пойдемъ, я поднесу.... шинокъ-то, чай, еще не запертъ.

«— Нѣтъ, говоритъ: — не хочу!

«— Ну, такъ что жь еще за думка въ ночи? Спи, говорю: — лейб-итъ, чай, намаялся.

«Погодя маленько, слышу, онъ меня уже окликаетъ.

«— Что? спрашиваю.

«— Да то, говоритъ:—какіе, братецъ ты мой, подумаю я, мы, говоритъ, дурни!

«— А что?

«— Да то же: видалъ, чай, стожки-то стоятъ на лужку.... вонъ тамъ, за этой деревней, что подъ горою?

«А накрутникъ Чуркина, что съ нами на конюшнѣ, слышу: хи-хи-хи! хи-хи-хи! Такой плутъ!

«— Ну, такъ что жь? говорю я — Терехину-то.

«— Да все тоже! Цѣлую зиму, говоритъ, братецъ ты мой, стояли они тутока... вотъ и весна проходитъ, а все-то они не тронуты... А тутъ вотъ и походъ скоро... Право, инда смотрѣть жалко... такъ пропадаютъ.

«— Чего, говорю, пропадать? Помѣщицкіе, чай.

«— Такъ что жь, что помѣщицкіе, говоритъ Терехинъ:—все едино... Пойти бъ, говоритъ, братецъ ты мой, да набрать по оберемку хоть на послѣдяхъ.

«— Какъ бы не изымали? говорю.

«— Энъ, сказы сказываетъ! Кто изымаетъ?

Слѣдуетъ замѣтить, что стожки сѣна вообще для кавалерійскаго солдата—пресоблазнительная вещь. Солдатъ часто съ стоическимъ равнодушіемъ переноситъ собственный голодъ, но формально страдаетъ, когда лошадь его остается, по какому нибудь случаю, безъ корму. Мало этого: даже при самой отличной дачѣ фуража, въ душѣ его вѣчно гомозится страстишка, по техническому солдатскому выраженію, *разстараться* въ пользу своего коня, и самый честный изъ нихъ, который для себя собственно, даже въ самую трудную минуту, не взялъ бы ни тайно, ни насильственно куска чужаго хлѣба — захватъ сѣна считаетъ дѣломъ отнюдь не грѣховнымъ. Отъ этихъ замашекъ попользоваться чужимъ сѣнцомъ ихъ удерживаетъ только строгость эскадроннаго командира или другаго какого нибудь начальника, потому что въ этомъ случаѣ не только падаетъ на него взысканіе *претензіи*,—причемъ всегда онъ принужденъ бываетъ, по пословицѣ, отдать за лычко ремешекъ, — но и страдаетъ его служебная репутація.

Разсказчикъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— На другой день, поздно ночью, вчера то-ись, точно, что собрались мы.... человѣкъ съ десятокъ, кажись.... захватили это арканы съ собой....

«— Накрутника-то возьмемъ, что ли, съ собою? пытаю Терехина.

«— А какъ же, сказываетъ. — Хошь, говоритъ, Чурилка, съ нами идти?

«— Идé? пó-що? отзывается тотъ.

«— Извѣстно, куды — стараться!

«— А добре, пійду и я.

«— Только смотри, сказываетъ Терехинъ ему:—ни взводному, никому, ни-ни.... Да коли, нехай Богъ боронитъ, и того.... накроютъ, значитъ; такъ чтобы того....

«— Ни, дядя, ни! Колы я що, або-що, то нехай мене Богъ знае що, ô-що!

«— Ну, ладно! говоритъ Терехинъ.

«Пошли... Эхъ, да и ночь же, братцы, вчера была! Первый сортъ... Темень такая, что хоть въ морду бей—ничего не видать...»

— Стало быть, все болполушно, замѣтилъ одинъ изъ слушателей, слегка разсмѣявшись.

— Какъ слѣдуетъ дѣло справили! отвѣтилъ разсказчикъ съ какимъ-то чувствомъ собственнаго достоинства; причемъ плюнулъ на сторону какимъ-то особеннымъ образомъ сквозь зубы. — Пудовъ, чай, но пяти вязкъ на плечахъ домой принесъ....

— А караульщиковъ, стало-быть, при сѣнѣ не было? спросилъ кто-то.

— Стало-быть, не было. Эхъ, да и праздникъ же, братцы, сегодня конямъ былъ!!.. Сѣно-то знатное такое!... Хм! Марко Микитичъ, вахмистръ, утромъ на конюшню взошелъ: «что-то, говоритъ, у васъ сѣна много отъ вчерашней дачи осталось... Аль кони не ѣдятъ? Плохо, что ли? Сѣно, кажись, хорошее!» — «Нѣтъ, молъ, такъ, Марко Микитичъ. На завтра приняли.... А то вотъ поручикъ себѣ купили, да здѣсь покамѣстъ сложить приказали».—«То-то! говоритъ, и самъ пальцемъ пригрозилъ: то-то! чтобъ у меня того!... ни чети!! Рохмистръ эвтого не любитъ».

Разсказчикъ давно уже кончилъ свой разсказъ, давно распростился со слушателями, въ компанію къ которымъ попалъ случайно, мимоходомъ, давно уже ушелъ къ себѣ домой, то есть въ свой взводъ, на свою конюшню, въ другомъ концѣ деревни; но впечатлѣніе, оставленное его разсказомъ въ умахъ слушателей, оказалось такъ сильнымъ, что долго еще, послѣ ухода его, почтенная компанія продолжала вести бесѣду въ томъ же конфиденціальномъ духѣ; а когда молодой, только-что народившійся серповидный мѣ

сяцъ, показавшись на голубомъ небѣ на какіе нибудь полчаса, снова исчезъ съ тверди небесной, и мрачная ночь осѣнила чернымъ крыломъ своимъ уснувшую деревню и всю окрестность, — какія-то тѣни долго еще сновали во мракѣ, взадъ и впередъ, около извѣстной намъ стодолы.... Порою раздавался неясный шопотъ.

Въ самую полночь, новая экспедиція, состоявшая частью изъ слушателей вечерняго разсказа, увлеченныхъ успѣхомъ предшественниковъ, частью изъ новыхъ лицъ, отправилась въ путь.... Вотъ уже передъ ними, сквозь темень ночи, рисуются конусообразные силуэты вожделѣнныхъ стожковъ....

— Не болтай, ребята, не болтай.... тише! слышится сдержанный чей-то шопотъ.

— Да вѣдь, слышь, караульщиковъ-то нѣтъ!... отвѣчаетъ другой, болѣе смѣлый голосъ.

— Одначе....

Подойдя къ стожкамъ и, не тратя времени, распустивъ арканы, съ лихорадочной поспѣшностью, съ жадностью, свойственною только кавалерійскому солдату, воры принялись за крайній стожокъ....

Въ какихъ нибудь пять минутъ вязки навязаны, взвалены на плечи....

«Ну, ребята, маршъ!» Экспедиція тронулась.

— Ага! чужое сѣно красть! Лапай москаливъ! Лови! вяжи ихъ! Гу! га! раздалось вдругъ десятка три страшныхъ, азартныхъ голосовъ, и толпа крестьянъ бурно бросилась на солдатъ, окружая ихъ и перерѣзывая имъ путь.

— Братцы! утекаймо! вскрикнули въ расплохъ застигнутые молодцы, и бросая вязки сѣна, жертвуя даже арканами, пускаются они на уходъ....

Но — увы! — нѣкоторые настигнуты своими преслѣдователями, взяты въ плѣнъ, связаны, и подъ карауломъ отводятся во дворъ помѣщика Безоскулова, которому принадлежитъ сѣно....

Чтобы объяснить причину подобной фатальной неудачи этой второй экспедиціи, тогда какъ первая исполнила свое дѣло съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, необходимо сказать слѣдующее...

При стожкахъ всегда находился караульный мужикъ, но въ предшествовавшую ночь, увидѣвъ передъ собою толпу солдатъ, пришедшихъ съ явно-враждебными намѣреніями, отчасти со страху, отчасти по благоразумію, глубоко забился въ середину одного стожка. Но когда опасность миновалась вполнѣ, то есть, когда самый Чурилка, находившійся въ арріергардѣ, удалился во свояси — онъ

въ то же утро счелъ своею обязанностію донести о томъ своему помѣщику.... а этотъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ, устроивши въ слѣдующую же ночь засаду.

Между тѣмъ какъ плѣнные обдумываютъ средства къ побѣгу, и для того даже принимаются дѣлать въ избѣ, куда ихъ засадили, подкопъ всѣми имѣющимися подъ руками способами, какъ-то щепками и собственными пальцами, — спасшіеся отъ преслѣдованія, прибѣжавъ въ деревню на рысяхъ, составляютъ нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что попытка ихъ должна сдѣлаться извѣстною, потому что не будь улики, то есть захваченныхъ плѣнныхъ, въ крайнемъ случаѣ можно отъ всего отпереться: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.... воля ваша» — вотъ и все тутъ. Дѣлай, что хочешь!... Но теперь положеніе ихъ получаетъ самый критическій характеръ. Строгость эскадроннаго командира въ этихъ случаяхъ имъ хорошо извѣстна. Доложено о происшествіи взводному вахмистру Глушаницѣ.

— Эхъ вы, дрянь-ребята! восклицаетъ этотъ энергическій и рѣшительный человѣкъ, уснастивши рѣчь кой-какимъ крѣпкимъ словцомъ. — Ну, дѣлать нечего: надо сказать старшему вахмистру.... Эка напасть! Господи!

Всякій можетъ представить себѣ досаду эскадроннаго командира, когда при утреннемъ рапортѣ, послѣ обычной фразы: «при эскадронѣ все обстоитъ благополучно», старшій вахмистръ тотчасъ же докладываетъ ему о происшествіи вчерашней ночи. Вскипѣвъ благороднымъ негодованіемъ на поступокъ солдатъ, онъ посылаетъ вахмистра тотчасъ же къ помѣщику, съ приличнымъ извиненіемъ, съ просьбою отпустить задержанныхъ солдатъ, съ обѣщаніемъ наказать ихъ примѣрно, и наконецъ съ готовностью заплатить *претензію*, если бы господинъ помѣщикъ объявилъ таковую.

Но ужь помѣщикъ Безоскуловъ распорядился по своему. Въ тотъ же день, по его требованію, прибыли чиновники земскаго суда.... Улика на лицо: пойманные солдаты все еще сидятъ подъ карауломъ, и большая часть стоговъ оказываются въ серединѣ совершенно пустыми. Составленъ актъ, въ которомъ означается, что, судя по глазомѣру, изо всѣхъ стоговъ сѣна похищено до нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, суммою чуть ли не на пятьсотъ или шестьсотъ рублей серебромъ, и что поэтому предполагать можно, что солдаты близь-квартирующаго эскадрона приходили таскать его въ продолженіи цѣлой зимы и весною.

Кто изобразитъ стыдъ, негодованіе, безпокойство эскадроннаго командира? Собравши эскадронъ, онъ приступаетъ къ допросу, убѣж-

даетъ, грозитъ, но, за исключеніемъ пойманныхъ и ходившихъ какъ въ последній разъ, такъ и въ предъидущую ночь за сѣномъ, добровольно повинившихся, всѣ въ одинъ голосъ стоятъ на томъ, что никто изъ нихъ стоговъ не трогалъ — всѣ готовы принять присягу. Ходившіе же признаются, что забрали можетъ-быть пудовъ пятьдесятъ, не больше.... Желая покончить подобное непріятное дѣло, могущее повредить ему во мнѣніи какъ начальства, такъ и полка, ротмистръ предлагаетъ помѣщику мировую сдѣлку, съ тѣмъ, чтобы заплатить не только ту сумму, на которую дѣйствительно украдено сѣна, но гораздо болѣе.... вдвое, втрое, вчетверо, вдесятеро наконецъ, лишь бы только избѣжать скандала, огласки.... лишь бы только спасти—въ случаѣ ежели бы дѣло пошло законнымъ порядкомъ— отъ строгаго наказанія солдатъ, посягнувшихъ хотя на непозволительное дѣло, но все-таки изъ особеннаго усердія и заботливости о лошадяхъ. Помѣщикъ однакоже настаиваетъ на своемъ; онъ согласенъ на сдѣлку, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы ему была уплачена вся та кругленькая сумма, которая означена въ актѣ.... Тогда эскадронный командиръ, не будучи въ состояніи заплатить, бросить на вѣтеръ этой значительной суммы, рѣшается предоставить дѣло рѣшенію суда....

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ событій полкъ выступилъ въ далекій походъ. Проходитъ два мѣсяца, и въ одно прекрасное утро въ полку получается предписаніе свыше, чтобы эскадронный командиръ такой-то всенепремѣннѣйше удовлетворилъ претензію г. помѣщика Безоскулова; причемъ выражается сомнѣніе, что вѣроятно первый не отпускаетъ въ надлежащемъ количествѣ фуража, если солдаты находятся въ необходимости посягать на воровство. «Подобное преступленіе, совершившееся въ одной какой либо части полка,—говорится далѣе въ предписаніи, — кладетъ пятно на весь полкъ.»

Спрашивается: что̀ остается дѣлать эскадронному командиру? Возможно ли подробное слѣдствіе, когда полкъ уже удалился изъ тѣхъ мѣстъ за 800, 1000 верстъ? Возможенъ ли, наконецъ, какой бы то ни было протестъ съ его стороны, послѣ окончательнаго, не допускающаго уклоненій: «удовлетворить претензію всенепременнѣйше»?

И онъ заплатилъ претензію, не имѣвши даже возможности отвести душу—лично ругнуть господина Безоскулова, за его столь дерзкое и нахальное притѣсненіе.... И если бы даже была къ тому какая нибудь возможность, то какія послѣдствія?... Новыя кляузы, но-

ями-прошенія, новаго «удовлетворить всепокорнѣйше», а то, пожалуй, и еще что нибудь хуже....

Спустя годъ, на большой дорогѣ, пролегающей мимо деревни Безоскулова, между сѣдокомъ и ямщикомъ происходилъ слѣдующій разговоръ....

— А ты знаешь этого помѣщика? спросилъ первый.

— Какъ не знать! отвѣчалъ ямщикъ.—Богатырь панъ....

— Какъ это богатырь?

— Да богатъ, значитъ; достатку, то есть, вдоволь имѣетъ. Да и затѣйный ктому жь: со всякой дряни пѣнку снимаетъ. Ужь на что москали походомъ переходятъ, аль такъ у него въ деревнѣ сколько времени стоятъ; такъ и тѣхъ наровитъ ободрать.

— Да что же съ солдата возьмешь?

— Какъ, что?... А хвитанція-то?... Не далъ, да и все тутъ. Процентію заплати. Солдатъ ненарокомъ на сапогѣ стебло утащитъ, а ты ему деньги подай за цѣлый снопъ.... Извѣстно, начальникъ солдатскій пошумитъ, пошумитъ, а все заплатить должонъ, для того, какъ онъ безъ хвитанціи-то пойдетъ?... А то, лѣтось, знатную штуку выкинулъ. Гусары это не подалече въ деревнѣ стояли.... а у него, вонъ тамъ, на лужку-то, стожки были.... Ну, знать, добре вѣдалъ солдатску привычку — напередъ зналъ, что рано-ль, поздно-ль доберутся.... стоятъ это на виду, глаза мозолятъ.... Что жь бы вы думали, баринъ, онъ сдѣлалъ? По немножку своимъ дворовымъ и велѣлъ сѣно-то изъ середины стоговъ повыбрать, да въ другое мѣсто свезти.... а караульщика все-таки приставилъ.... И точно, передъ самымъ походомъ разъ солдаты приходятъ за сѣномъ—набрали маненько, унесли. Караульщикъ докладываетъ: такъ и такъ, молъ, прошедшу ночь солдаты сѣно покрали.—«Добре, говоритъ, молчи; и на деревнѣ, молъ, никому до времени не сказывай; а солдаты навѣрно въ другорядь придутъ.... даже, пожалуй, этой же ночи.» Вечеромъ и дворовыхъ собралъ, да мужиковъ сколько... и молодцовъ караулить послалъ.... Былъ у него такой парнишко молодой, бойкій.... самъ воръ первѣйшій,... Солдаты-то гдѣ еще были, а ужь онъ прибѣгъ: идутъ, говоритъ.—«А много ли?» спрашиваетъ панъ.—«Да человѣкъ съ десятокъ, говоритъ, не больше.»—«Ну, слава тебѣ Господи!» И вѣдь точно, что изловилъ! Да такую кашу заварилъ, что Боже сохрани! «Вынь да положь шестьсотъ карбованцевъ... Вонъ, говоритъ, сколько у меня сѣна потаскано; стожки-то совсѣмъ въ сере-

дишѣ пустые.... Цѣлую зиму, десять, у меня брали.» Судъ [illegible]; сказываютъ, самъ когда-сь въ какомъ-то судѣ служилъ—народъ знакомый, значитъ, и дѣло, выходитъ, тоже знакомое.... Да и одурить москаля не штука: стоитъ только бумагой постращать — дѣлай съ нимъ, что хочешь!... Эхъ, вы, соколики!

А. [illegible].

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.

I.

ЧЕТЫРЕ МѢШКА.

На Подолѣ еще донынѣ между простонародьемъ слышатся въ пѣсняхъ и въ преданіяхъ разсказы о старостѣ каніовскомъ (*), ясневельможномъ панѣ Николаѣ Потоцкомъ; много также сохраняется въ Польшѣ и въ Литвѣ разныхъ анекдотовъ и повѣствованій о его странностяхъ и причудахъ; а одинъ изъ его современниковъ, Карпинскій, описалъ подробно всю жизнь старосты каніовскаго. Если вѣрить книгѣ Карпинскаго, староста каніовскій былъ какимъ-то извергомъ, потому что онъ, по словамъ своего біографа, собственною рукою убилъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ. Впрочемъ, такіе разсказы не могутъ заслуживать довѣрія. Карпинскій, какъ извѣстно, былъ противникомъ Потоцкаго въ политическихъ стремленіяхъ; онъ принад-

(*) Старосты первоначально были правителями областей, судьями и предводителями мѣстной шляхты при выступленіи ея въ походъ. Впослѣдствіи званіе старосты было почетною наградой за заслуги Рѣчи Посполитой; Сигизмундъ III началъ жаловать староствами королевскія имѣнія, съ большою властью и со взносомъ только четвертой части дохода съ этихъ имѣній на содержаніе войска.

лежалъ къ партіи короля Станислава Понятовскаго, съ которымъ такъ настойчиво боролся Потоцкій. Притомъ и народныя преданія, разсказывая о многихъ продѣлкахъ ясневельможнаго пана, не упоминаютъ о такихъ жестокостяхъ, но представляютъ Потоцкаго только какимъ-то чудакомъ и забіякой, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Много можно привести разсказовъ о странностяхъ своевольнаго магната, между прочимъ о томъ, какъ онъ жилъ среди базиліанскихъ монаховъ въ Почаевѣ, какъ онъ лечилъ ихъ, какъ онъ тамъ каялся и сокрушался сердцемъ о своихъ грѣхахъ. Тѣло Потоцкаго, умершаго 15 іюля 1782 года, донынѣ еще лежитъ въ томъ же монастырѣ....

Любимымъ мѣстопребываніемъ пана Николая Потоцкаго было наслѣдственное его мѣстечко Бучачъ на Подолѣ. Мѣстечко это расположено среди самыхъ живописныхъ окрестностей, на рѣкѣ Стрыпѣ. Здѣсь, по низменнымъ берегамъ извивистой рѣки, текущей между холмами, виднѣются, среди зелени пирамидальныхъ тополей, нѣсколько костеловъ, базиліанскій монастырь, ратуша и сотни полторы небольшихъ домиковъ, разсѣянныхъ по холмамъ и по долинѣ.

Въ сторонѣ, надъ мѣстечкомъ, на высокой горѣ, поросшей плотнымъ кустарникомъ, стоятъ еще и теперь развалины огромнаго и нѣкогда великолѣпнаго замка: здѣсь жилъ староста каніовскій. Не вдалекѣ отъ мѣстечка находился еще, въ былое время, другой небольшой замокъ, въ которомъ, среди тоски и горя, провела свою жизнь жена старосты, Марія-Анна, славившаяся въ околоткѣ красотой и добротою сердца. Въ то время, когда замокъ Потоцкаго оглашался шумными пирами, веселыми криками и нечестивыми потѣхами, въ жилищѣ его жены слышались только тихія молитвы.

Весело, правда на свой ладъ, жилъ староста въ Бучачѣ; но однако и ему однажды, по милости четырехъ мѣшковъ, пришлось испытать такое неожиданное страшное горе, о какомъ онъ, конечно, никогда не могъ даже и помыслить.

Дѣло началось, для того времени, очень просто.

Недалеко отъ мѣстечка, въ которомъ пировалъ и своевольничалъ Потоцкій, стояла на большой проѣзжей дорогѣ корчма. Былъ жаркій лѣтній день; солнце палило удушливо; въ неподвижномъ воздухѣ было такъ тихо, что золотистая рожь, созрѣвавшая по окраинамъ большой дороги, не колыхалась даже

[illegible] колесомъ. Проѣзжихъ въ такой жаръ не было; всѣ бѣжали отъ солнечнаго припека въ прохладную тѣнь, и укрывались тамъ, ожидая, когда спадетъ дневной жаръ, чтобы отправиться дальше въ дорогу. Поэтому, въ растворенныя настежь ворота корчмы никто не въѣзжалъ въ это время.

На дворѣ корчмы стоялъ конь, привязанный къ деревянной колодѣ; а на столбѣ, близь колоды, были развѣшаны сѣдло, подпруга, уздечка, пара пистолетовъ и сабля. По всему этому видно было, что въ корчму заѣхалъ освѣжиться какой нибудь странствовавшій шляхтичъ.

Дѣйствительно, въ одной изъ комнатъ корчмы—молодой, высокій и плечистый мужчина добывалъ изъ дорожнаго вьюка разныя мелкія принадлежности, необходимыя въ пути. Пересмотрѣвъ, въ порядкѣ ли все имущество, шляхтичъ хотѣлъ прилечь отдохнуть, какъ вдругъ на дорогѣ, и вслѣдъ затѣмъ и подъ самыми окнами корчмы, послышались конскій топотъ и шумъ въѣхавшаго въ ворота тяжелаго экипажа.

Извѣстно, что содержатели корчемъ всегда радуются заѣзжимъ гостямъ. Но на этотъ разъ Ицко, содержатель прибугчачской корчмы, сунувшійся-было въ окошко, отскочилъ отъ него, какъ ошпаренный, и блѣдный, трясясь всѣмъ тѣломъ, едва могъ вскрикнуть: «ай, вай! старостесъ!» Съ этими словами, онъ опрометью кинулся изъ корчмы.

Въ сѣняхъ между тѣмъ раздалось множество голосовъ и послышались грозные крики на растерявшагося Ицку.

Шляхтичъ, услышавъ шумъ, раздумалъ уже ложиться отдыхать и, въ ожиданіи вновь прибывшихъ путниковъ, усѣлся на лавкѣ подлѣ стола. Вдругъ дверь широко распахнулась. Ицко показался на порогѣ; одной рукой онъ держался за дверную скобку, въ другой рукѣ была у него ермолка, которую онъ, низко нагибаясь всѣмъ тѣломъ, опускалъ до самаго полу, въ знакъ своего уваженія къ шедшему слѣдомъ за нимъ путешественнику.

Вошедшій за Ицкой мужчина былъ человѣкъ уже пожилой, высокаго роста; голова его была выбрита и только на макушкѣ висѣлъ длинный чубъ; длинные усы закрывали ему ротъ, глаза смотрѣли сурово. Лобъ и толстый подбородокъ были покрыты множествомъ глубокихъ морщинъ. На немъ былъ надѣтъ суконный кунтушъ фіолетоваго цвѣта, доходившій до колѣнъ, съ рукавами на-отлетъ; подъ кунтушемъ былъ атласный жупанъ свѣтло-небеснаго цвѣта, застегнутый подъ шеей бриліантовой

запонкой. Опоясанъ онъ былъ литымъ серебрянымъ поясомъ, съ золотой бахрамой напереди; у пояса, на шелковой тесьмѣ, была привѣшена кривая сабля съ дорогой рукоятью.

Когда вошелъ новый гость, шляхтичъ всталъ съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и отвѣсилъ вошедшему праву низкій поклонъ.

— Откуда, и зачѣмъ ѣдешь одинъ? спросилъ грозно важный панъ.

— Служилъ я при дворѣ покойнаго каштеляна Коссаковскаго, отвѣчалъ почтительно шляхтичъ.

— Такъ-то, проговорилъ протяжно панъ.

— Да, ясневельможный, перебилъ шляхтичъ: — я служилъ у разныхъ пановъ, и служилъ у нихъ и вѣрно, и честно.

— Порядочный слуга не третъ угловъ по корчмамъ! крикнулъ сердито староста.

— Я дѣлаю это только во время дороги, пробормоталъ оробѣлый шляхтичъ: — видитъ Богъ, не иначе, ясневельможный панъ!

— Знаю, знаю, и камень прирастаетъ къ мѣсту, а вашъ братъ любитъ шляться съ мѣста на мѣсто.

— Что жь дѣлать, ясневельможный! Человѣкъ ищетъ себѣ хлѣба, и потому дѣлаетъ то, что принужденъ дѣлать.

— Да кто жь тебя-то, братъ, принуждаетъ? Вѣдь ты самъ говорилъ, что у тебя было мѣсто?

— Да; но Богъ скоро прибралъ въ свою славу нашего пана; всѣмъ намъ пришлось промышлять о себѣ, и теперь я ищу куска хлѣба.

— А зачѣмъ искать? спросилъ грозно Потоцкій.—Развѣ мой хлѣбъ твердъ для твоихъ зубовъ?

— Высоки пороги у ясневельможнаго пана, а я человѣкъ неважный, отвѣчалъ смиренно шляхтичъ, почтительно кланяясь Потоцкому.

— Ничего, братъ, это ничего, замѣтилъ Потоцкій: — если идешь собирать грибы, клади каждый грибъ въ корзину; а то вашъ братъ объѣзжаетъ мой дворъ, какъ будто въ немъ чума.

— Если бъ я могъ пригодиться на что нибудь ясневельможному пану, поспѣшилъ замѣтить шляхтичъ.

Съ этими словами онъ опустилъ смиренно глаза, низко нагнулся и прикоснулся къ старостѣ ниже колѣна тремя пальцами.

— Развѣ годится такъ шляться? Ѣдешь какъ какой нибудь старый дѣдъ съ торбой! Чтò у тебя здѣсь? спросилъ вдругъ староста, взглянувъ на дорожный вьюкъ шляхтича.

— Пустяки, ясневельможный панъ,—такъ, разныя вещички, необходимыя въ дорогѣ и для лошади и для человѣка.

— Это хорошо, замѣтилъ снисходительно Потоцкій. — Чтò жь у тебя тамъ?

— Скребница, щетка, гребень, бритва, есть кое-что изъ бѣлья и изъ платья, а также кусокъ полотна и кусокъ кожи для заплатокъ.

— А ножницы есть?

— Есть, ясневельможный.

— А иголка, нитки, шило, дратва?

— И это есть, ясневельможный.

— А обсѣчка для подковъ, а щипцы, а молотокъ?

— И это есть, ясневельможный.

— Покажи же мнѣ все это.

— Будто бы вашей милости угодно видѣть всю эту дрянь? отвѣчалъ шляхтичъ, заминаясь и почесывая свой чубъ.

— Покажи, покажи, любезный, повторилъ привѣтливо Потоцкій: — я хочу убѣдиться, не врешь ли ты.

Шляхтичъ развязалъ свой мѣшокъ, вынулъ оттуда все то, что спрашивалъ у него ясневельможный, и разложилъ на столѣ свое имущество. Староста пересмотрѣлъ все съ большимъ вниманіемъ.

— А гдѣ жь шниперъ, чтобъ кровь пускать? вдругъ грозно спросилъ Потоцкій, пристально взглянувъ на шляхтича.

Шнипера не оказалось.

— Что жь ты, братецъ мой, будешь дѣлать, заговорилъ ясневельможный: — если у тебя конь захвораетъ въ дорогѣ, да особенно въ такіе жары? — Настоящій шляхтичъ, продолжалъ поучительнымъ голосомъ Потоцкій: — долженъ имѣть при себѣ все, чтò можетъ понадобиться въ дорогѣ и для человѣка и для лошади. Ты долженъ былъ имѣть для лошади шниперъ, а для себя ложку, ножъ, вилку, соль и перецъ. Гдѣ ты все это до-

станешь въ дорогѣ? У тебя всего этого я что-то не вижу. Такъ какой же ты шляхтичъ, если ты не имѣешь при себѣ всего необходимаго? Эй! Иванка! крикнулъ староста, отворивши дверь въ сѣни.

На зовъ пана вскочилъ въ комнату огромный дѣтина и остановился, какъ вкопанный, ожидая приказаній.

— Взять его, — пусть попляшетъ, сказалъ грозно Потоцкій, показывая на шляхтича. — Онъ ужъ имѣетъ отъ меня грамату; нужно только приложить печать. Сорокъ плетей ему, — не больше!

Казакъ опрометью кинулся за своими товарищами. Шляхтичъ тоже было кинулся въ двери за своей саблей, но не успѣлъ добѣжать до нея, какъ его обступила толпа казаковъ. Съ храбростью ничего не сдѣлаешь противъ силы. Какъ ни отбивался, какъ ни барахтался шляхтичъ, казаки повалили его на землю; двое сѣли къ нему на плеча, двое держали за руки и четверо за ноги. Началась расправа. Потоцкій молча смотрѣлъ на это.

— Ясный панъ! Видитъ Богъ, что я шляхтичъ! Ой, ой! кричалъ наказываемый.

Не помогло ничто. Онъ получилъ сполна назначенное ему число плетей.

— Это, братъ, ничего, сказалъ Потоцкій, махнувъ рукой въ то время, какъ шляхтичъ приподнимался съ ковра: — это ничего; ты молокососъ, а я старикъ, — помни, ты самъ поблагодаришь меня за науку; она въ лѣсъ не убѣжитъ.

Казалось, затѣмъ только и пріѣзжалъ ясневельможный въ корчму, потому что тотчасъ же послѣ этого изъ воротъ корчмы выкатила запряженная шестерикомъ коляска; въ ней, полулежа, сидѣлъ Потоцкій; шесть казаковъ бѣжало впереди экипажа и столько же сзади. Послышались потомъ конское ржанье, гиканье, хлопанье бичей, и весь поѣздъ понесся вихремъ по пыльной дорогѣ.

Отъѣзжая отъ корчмы, Потоцкій дружески кивнулъ шляхтичу головой на прощанье. Бѣднякъ стоялъ какъ ошеломленный; онъ не могъ еще придти въ себя, и самъ не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось.

Кое-какъ добрался шляхтичъ до корчмы; пуститься верхомъ въ дорогу не было никакой возможности. Заботливый Ицко

наталкалъ въ комнату сѣна, и уложилъ на него шляхтича. Закрывшись плащемъ, шляхтичъ охалъ и скрежеталъ зубами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, Ицко имѣлъ попеченіе объ его конѣ, а жена Ицки грѣла вино съ мыломъ и этимъ цѣлебнымъ составомъ натирался несчастный шляхтичъ, проклиная въ душѣ виновника своихъ бѣдъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ въ корчмѣ лежалъ шляхтичъ, туда явился панъ Юзефъ, старинный пріятель больнаго шляхтича. Онъ возвращался домой и зашелъ въ корчму для того только, чтобъ закурить свою трубку. Увидавъ на дворѣ знакомаго воронаго коня съ бѣлой отмѣткой на ногѣ и со стрѣлкой на лбу, онъ догадался, что въ корчмѣ долженъ быть его пріятель, владѣлецъ этого коня, панъ Янъ. Панъ Юзефъ поспѣшилъ навѣстить своего стараго товарища.

— Что съ тобой сдѣлалось, панъ Янъ? спросилъ Юзефъ.

— Боленъ я не боленъ, но далъ мнѣ знать себя этотъ каніовскій песъ, проворчалъ шляхтичъ: — отнялъ онъ у меня и хлѣбъ и здоровье. Пусть его за меня Господь Богъ накажетъ, да только хорошенько!

— Знаю, знаю, замѣтилъ панъ Юзефъ:—мнѣ кое-что поразсказалъ Ицко о твоемъ несчастьи. Слушай же однако, продолжалъ панъ Юзефъ:—вѣдь ты будешь никуда негодная баба, если не отплатишь Потоцкому своей обиды!

— Да что жь я-то сдѣлаю? возразилъ печальнымъ голосомъ шляхтичъ: — онъ сильный панъ, ѣздитъ всегда съ огромной дворней, а я человѣкъ ничтожный, одинокій!

— Какъ будто мы съ тобой хуже чѣмъ-нибудь Потоцкаго! съ гордостью возразилъ панъ Юзефъ;—да развѣ мы съ тобой не такіе же шляхтичи, какъ онъ! Вѣдь ты знаешь пословицу: «шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ».

— Знаю, знаю, пробормоталъ панъ Янъ, повертываясь съ трудомъ на сѣнѣ.

— Лежи спокойно и слушай, что я разскажу тебѣ, замѣтилъ Юзефъ. — Съ этими словами, онъ подвинулъ скамейку къ сѣну, на которомъ лежалъ его хворый пріятель, и началъ разсказывать слѣдующее:

— Староста поставилъ около Бучача каменный столбъ съ изображеніемъ Божіей Матери, и далъ обѣтъ сидѣть подъ этимъ столбомъ каждую субботу и собирать подаяніе. Сидитъ онъ

тамъ одѣтый не такъ, какъ всегда, а наряжается для этого въ лохмотья, привѣшиваетъ длинную сѣдую бороду и привязываетъ по бокамъ сумы,—переодѣвается онъ такъ, что его не легко и узнаешь. Онъ дѣлаетъ видъ, будто молится и проситъ подаянія, а на самомъ-то дѣлѣ онъ подслушиваетъ, что говорятъ и какъ отзываются проѣзжіе насчетъ разныхъ его остротъ, которыя онъ велѣлъ написать на столбѣ. Когда выздоровѣешь, не забудь объ этомъ, и отплати ему хорошенько. Ты вѣдь и самъ по себѣ парень здоровый, справишься съ нимъ и одинъ; а если хочешь, пригласи меня, да еще одного изъ своихъ товарищей. Когда намъ удастся расправиться хорошенько со старостой, мы хорошенько напьемся въ Теребовлѣ, а потомъ будемъ говѣть у отцовъ августіановъ.

Янъ не отвѣчалъ ничего, но только раздумывалъ надъ разсказомъ своего добраго пріятеля.

— Да развѣ онъ тебя только одного такъ обидѣлъ! продолжалъ панъ Юзефъ.—Что онъ обидѣлъ нашего брата, бѣднаго шляхтича, такъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; а то вѣдь и равному себѣ онъ не даетъ спуску. Вѣрно ты слышалъ, какъ онъ съѣхался однажды на мосту съ паномъ Калиновскимъ, старостою винницкимъ, и приказалъ ему уступить дорогу, а тотъ, такой же сорванецъ, какъ и онъ, не исполнилъ приказанія, то Потоцкій, имѣя при себѣ болѣе дворни, нежели Калиновскій, приказалъ вытащить его изъ коляски, разложить на дорогѣ и всыпать ему сто пятьдесятъ плетей. Правда, что вслѣдствіе этого была у нихъ большая тяжба; выигралъ ее, конечно, Калиновскій, которому Потоцкій долженъ былъ заплатить двѣсти тысячъ злотыхъ за безчестье. Да на что Калиновскому деньги? онъ и самъ богачъ; староста винницкій денегъ и не тронулъ, а приложилъ къ нимъ еще столько изъ своихъ, да на всѣ эти деньги и построилъ монастырь во имя Богоматери. Отвертѣлся, значитъ, во славу Божію. — Но, знаешь, староста каніовскій боится смерти, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, ему придется непремѣнно попасть въ когти дьяволу; онъ все вытерпитъ, только бъ не убили его.

Разсказавъ все это своему пріятелю, панъ Юзефъ набилъ снова трубку, закурилъ ее, пожалъ дружески руку пану Яну и, уходя, сказалъ ему: «да не лѣжься долго, а то мнѣ за тебя будетъ стыдно».

Послѣ отъѣзда пріятеля изъ корчмы, шляхтичъ то лежалъ,

то ходилъ по комнатѣ, и когда замѣтилъ, что онъ уже можетъ отправиться въ путь верхомъ, осѣдлалъ своего коня, уложилъ всѣ свои бездѣлки въ мѣшокъ, припоминая, сколько онѣ надѣлали ему горя, разсчитался съ добрымъ Ицкой и, осторожно сѣвъ на своего скакуна, пустился далѣе во имя Божіе.

Послѣ разсказаннаго происшествія прошло нѣсколько недѣль, а быть-можетъ прошло даже и нѣсколько мѣсяцевъ. Шляхтичъ уже изрѣдка думалъ о томъ, какъ бы отомстить магнату за нанесенную обиду; онъ нашелъ для себя очень хорошее мѣсто при дворѣ какого-то воеводы, который полюбилъ его и оказывалъ ему большое довѣріе.

Случилось однажды, что воевода отправилъ куда-то съ письмомъ пана Яна; при этомъ ему нужно было ѣхать черезъ Бучачъ, гдѣ жилъ въ то время староста каніовскій. Тутъ вспомнилъ панъ Янъ завѣтъ своего добраго пріятеля — отомстить оскорбителю. Недолго думалъ объ этомъ смѣтливый шляхтичъ. Сдѣлалъ онъ себѣ изъ холста четыре большіе мѣшка: въ одинъ изъ нихъ онъ насыпалъ ячменныхъ крупъ, въ другой гречневыхъ, въ третій гороху, а въ четвертый пшенныхъ крупъ, все это вложилъ въ дорожный вьюкъ и не безъ цѣли отправился по дорогѣ въ Бучачъ, приноровивъ такъ, чтобы тамъ непремѣнно быть въ субботу.

Подъѣхалъ шляхтичъ къ мѣстечку, и когда приблизился къ столбу, на которомъ было поставлено изображеніе Богоматери, то увидѣлъ, что на ступеняхъ подъ этимъ столбомъ сидитъ въ лохмотьяхъ какой-то старикашка, а около пояса у него было съ каждой стороны по большому мѣшку.

Быстро взглянулъ шляхтичъ на старика своимъ соколинымъ взглядомъ и тотчасъ догадался, кто такой былъ этотъ попрошайка. Забилось крѣпко сердце шляхтича, когда онъ увидѣлъ предъ собою предметъ своего давняго мщенія.

— Да будетъ похвалено имя Господне! сказалъ шляхтичъ, поравнявшись съ старикашкой.

— Во вѣки вѣковъ, отвѣчалъ сѣдобородый, низко кланяясь путнику.

Хриплый голосъ старика окончательно убѣдилъ шляхтича, что это былъ тотъ самый, съ кѣмъ онъ хотѣлъ перевѣдаться. Шляхтичъ слѣзъ проворно съ лошади и привязалъ ее къ дереву. Между тѣмъ старикъ громко и съ воздыханіями читалъ

«Отче нашъ». Шляхтичъ, слѣзши съ коня, сталъ рыться въ своемъ дорожномъ вьюкѣ, и, вытащивъ оттуда одинъ за другимъ приготовленные мѣшки, сказалъ:

— Давай-ко, дѣдушка, свою торбу; я тебѣ насыплю ячменныхъ крупъ, а ты помолишь за душу раба Божьяго Ивана.

— Пошли ему, Господи, царство небесное, отвѣчалъ старикъ, подставляя прикрѣпленную у бока суму.

Шляхтичъ всыпалъ туда ячменныхъ крупъ до-верху, а старикъ завязалъ крѣпко-на-крѣпко свою суму, перегибаясь на бокъ отъ ея тяжести.

— Ну, дѣдушка, сказалъ снова шляхтичъ:—подставь теперь другую торбу; достанешь ты гречневыхъ крупъ, за душу рабы Божіей Катерины.

Старикъ подставилъ суму, прикрѣпленную съ другаго бока; шляхтичъ насыпалъ туда гречневой крупы до верху, а старикъ крѣпко завязалъ суму, которая потянула его на другой бокъ.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ: — давай теперь третью суму, я насыпаю тебѣ гороху, а ты помяни раба Божьяго Францишка.

Съ трудомъ, отъ тяжести двухъ сумъ, наполненныхъ ужь крупою, повернулся старикъ спиною къ шляхтичу. Оказалось, что у него назади была третья торба.

Насыпалъ шляхтичъ эту торбу горохомъ до верху, и уже самъ завязалъ ее какъ можно покрѣпче. Старикъ едва стоялъ на ногахъ подъ тяжестью сдѣланнаго ему подаянія.

— Ну, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ: — подставляй теперь четвертую торбу; я насыплю тебѣ пшенныхъ крупъ, а ты помолишь за душу Матеуша.

Но четвертой сумы у старика не оказалось.

— Такъ ты вотъ какой, старый бездѣльникъ! грозно крикнулъ шляхтичъ: — народъ возвращается теперь съ праздника, хочетъ подать милостыню во имя Богоматери, а у тебя нѣтъ и торбы, куда бъ положить подаяніе! Ахъ ты, негодяй! Постой же, вотъ я сейчасъ всучу тебѣ!...

Съ этими словами, шляхтичъ вытащилъ изъ-за пояса пребольшой арапникъ. Старикъ съ крѣпко привязанными къ нему сумами не могъ двинуться съ мѣста; вдобавокъ онъ запутался въ своихъ лохмотьяхъ. Здоровый и молодой шляхтичъ осилилъ его въ минуту, и, поваливъ на землю, принялся отсчиты-

вать ему съ-плеча двѣ сотни ударовъ арапникомъ. Потоцкій вертѣлся и ёжился какъ вьюнъ, но не кричалъ, а только сопѣлъ, пыхтѣлъ и скрежеталъ зубами.

— Будь теперь здоровъ, дѣдушка, сказалъ шляхтичъ, затыкая арапникъ за поясъ: — помни, быть-можетъ ты когда нибудь поблагодаришь меня за науку; самъ ты знаешь, что наука не волкъ: въ лѣсъ она не убѣжитъ. Помни также, дѣдушка, добавилъ шляхтичъ, кивнувъ дружески Потоцкому головою на прощанье:—что какою мѣрою ты мѣряешь, такою же тебѣ возмѣрится.

Сказавъ это, шляхтичъ сѣлъ на своего скакуна; пыль взвилась подъ конскими копытами, и шляхтичъ скрылся на большой дорогѣ.

Отвязавъ кое-какъ свои торбы, старикъ кинулся въ свой замокъ, и сбросивъ тамъ съ себя лохмотья, созвалъ своихъ надворныхъ казаковъ и крикнулъ имъ:

— Эй, ребята! Сейчасъ черезъ Бучачъ проѣхалъ шляхтичъ на вороной лошади, въ синей шапкѣ. Догоняйте его! А тотъ, кто приведетъ его ко мнѣ, получитъ любаго коня изъ моихъ табуновъ и въ придачу сто червонцевъ.

Какъ вихрь помчались казаки въ погоню за шляхтичемъ. Увѣренный въ томъ, что его не скоро еще будутъ преслѣдовать, шляхтичъ ѣхалъ ужь шажкомъ за Бучачемъ, когда вдругъ на него съ гикомъ налетѣли со всѣхъ сторонъ казаки. Шляхтичъ притворился, что онъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ.

— Съ чего вы вздумали разбойничать на большой дорогѣ? крикнулъ онъ казакамъ, и обнажилъ свою саблю.

Но казаки приперли его ко рву, конь шляхтича споткнулся и упалъ. Дѣло вышло плохо. Казаки схватили его; крѣпко стянули веревками и ремнями по рукамъ и ногамъ и, положивъ, какъ барана, на двѣ лошади, потащили его въ замокъ на расправу.

Съ удивленіемъ узнали возвратившіеся казаки, что панъ ихъ сдѣлался вдругъ боленъ и что онъ слегъ въ постель, чего съ нимъ отъ роду не бывало. Одинъ только шляхтичъ смекалъ причину болѣзни ясневельможнаго, но не говорилъ ничего. Когда донесли Потоцкому, что бѣглецъ пойманъ, то онъ приказалъ привести его къ себѣ. Обмеръ шляхтичъ, и пошелъ на вѣрную погибель. Когда онъ вошелъ въ спальню, гдѣ ле-

жалъ староста, то Потоцкій велѣлъ шляхтичу подойти къ постели, и, сказавъ казакамъ: «накормите лошадей!» бросилъ имъ мѣшокъ червонцевъ. Обрадованные казаки выбѣжали опрометью изъ комнаты, а Потоцкій, вперивъ свои глаза въ бѣднаго шляхтича, спросилъ его какъ-то разсѣянно:

— А что, узналъ теперь ты меня?

— Не имѣлъ еще счастья никогда встрѣчаться съ вашей милостью, отвѣчалъ бойко шляхтичъ, почтительно кланяясь магнату.

— Не лги, братецъ! замѣтилъ староста: — мы съ тобой знакомы давно, да я-то на бѣду промѣнялъ быка на индѣйку, да вотъ еще даю тебѣ и это въ придачу.

Съ этими словами, вынувши изъ шкатулки коробку, опечатанную съ двухъ сторонъ, Потоцкій бросилъ ее шляхтичу въ шапку.

— Сосчитаешь это дома, сказалъ онъ: — но, братишка, смотри, если ты хоть кому нибудь, если даже хоть матери родной, разскажешь о томъ, что между нами было, то не будь я Потоцкій, ежели я не велю отсчитать тебѣ столько же плетей, сколько я получилъ отъ тебя сегодня.... а теперь поѣзжай съ Богомъ!...

Задумался шляхтичъ, и не отвѣчая ничего, почтительно поклонился Потоцкому, и затѣмъ вышелъ изъ его спальни.

Только за Бучачемъ опомнился шляхтичъ и перевелъ спокойно духъ. Онъ прежде всего поблагодарилъ Бога за свое избавленіе отъ страшной напасти, а послѣ этого раскрылъ ларчикъ, брошенный ему въ шапку старостой, и нашелъ въ этомъ ларчикѣ сто червонцевъ.

Возвратясь домой, шляхтичъ съ молитвой пересчиталъ еще разъ свои червонцы, протеръ глаза, какъ будто не вѣря тому, что онъ видитъ и потомъ.... взявъ въ аренду фольварокъ, зажилъ самъ настоящимъ паномъ.

II.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

Фамилія Понятовскихъ, отъ которой происходилъ послѣд-

ній король польскій, не отличалась въ Польшѣ ни знатностью, ни богатствомъ.

Впрочемъ, надобно замѣтить, по польскимъ гербовникамъ, составленнымъ послѣ возвышенія Понятовскихъ, Понятовскіе вели свое начало отъ Лудольфа, герцога саксонскаго, жившаго около 886 года, и отъ Гвидона Салингуэры, перваго владѣтеля Феррары. По родословнымъ, тамъ помѣщеннымъ, король былъ въ 29-мъ колѣнѣ потомкомъ Лудольфа и въ 20-мъ потомкомъ Гвидона. По сказаніямъ же польскихъ геральдиковъ вообще, прямой родоначальникъ Понятовскихъ, графъ Торели, выѣхалъ въ Польшу изъ Италіи только въ первой половинѣ XVII вѣка; онъ женился здѣсь на наслѣдницѣ имѣнія Понятова и принялъ фамилію Понятовскаго, приписавшись къ гербу «Телецъ». Извѣстно, что въ польской геральдикѣ не каждая дворянская фамилія имѣла свой гербъ, но всего было около двухъ съ половиною сотенъ гербовъ, къ которымъ и приписывались лица, поступавшія въ сословіе польскаго дворянства.

Первый изъ Понятовскихъ былъ храбрый воинъ и имѣлъ сына Франциска, родившагося 3 октября 1651 г. и отличившагося впослѣдствіи въ рядахъ Собьескаго, подъ стѣнами Вѣны; отъ брака съ Еленою Невяровской онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей и въ числѣ ихъ былъ Станиславъ, отецъ будущаго короля.

Станиславъ Понятовскій родился въ 1675 году. По своему характеру и по своимъ дѣяніямъ онъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ польской исторіи. Молодость свою онъ провелъ въ австрійской службѣ, подъ знаменами принца Евгенія Савойскаго. Король польскій Августъ II, вступивши на престолъ, конфисковалъ имѣнія Понятовскаго, за приверженность его къ королю Станиславу Лещинскому. Будучи преданъ послѣднему, Понятовскій естественно былъ приверженцемъ Карла XII, къ которому онъ и удалился въ 1709 году. Когда Карлъ XII жилъ въ Бендерахъ, Понятовскій отправился въ Константинополь и тамъ успѣлъ вооружить Порту противъ Россіи. Слѣдствіемъ этого былъ прутскій походъ, такъ неудачно кончившійся для Петра Великаго.

Когда Карлъ XII былъ убитъ, Лещинскій, потерявъ надежду возвратить утраченную имъ корону, подписалъ свое отреченіе отъ польскаго престола, и отправилъ это отреченіе съ тѣмъ, кто дѣлилъ всѣ его невзгоды и всѣ опасности: онъ же-

лалъ этимъ самымъ сблизить Понятовскаго со своимъ счастливымъ соперникомъ — королемъ Августомъ. Смѣло и даже гордо явился честный Понятовскій передъ Августомъ II, и объявивъ ему, что такъ какъ законный король польскій и великій князь литовскій Станиславъ Лещинскій добровольно сложилъ съ себя корону и уступилъ ее курфирсту саксонскому Августу, то онъ, Понятовскій, признаетъ теперь законнымъ государемъ Польши и Литвы курфирста саксонскаго Августа II.

Августъ II оцѣнилъ благородное упорство Понятовскаго; онъ принялъ его чрезвычайно ласково, сдѣлалъ ловчимъ великаго княжества Литовскаго, потомъ старостой любельскимъ, потомъ воеводой мазовецкимъ, а наконецъ каштеляномъ краковскимъ. Достигнувъ этого званія, Станиславъ Понятовскій сталъ первымъ сановникомъ королевства; на этой должности, вмѣстѣ съ доходами съ возвращенныхъ ему родовыхъ имѣній, онъ получалъ по крайней мѣрѣ 300,000 злотыхъ ежегодно. Почести и общее уваженіе окружали заслуженнаго воина. Оцѣнивъ вполнѣ умъ и твердость Понятовскаго, Августъ II посылалъ его два раза польскимъ посланникомъ въ Парижъ.

Непреклонный въ бояхъ и въ несчастьяхъ, каштелянъ краковскій не устоялъ однако передъ миловидной дѣвушкой, и ужь подъ-пятьдесятъ лѣтъ женился на княжнѣ Констанціи Чарторыжской, которой въ день свадьбы было не болѣе 18-ти лѣтъ. Этотъ бракъ, несоразмѣрный по годамъ жениха и невѣсты, не принесъ особеннаго счастья каштеляну краковскому; его молодая супруга была женщина гордая и строптивая въ отношеніи къ мужу — и, какъ говорила молва, была вѣтрена въ супружеской жизни. Она подарила каштеляну двухъ дочерей: Людвику и Изабеллу, и пять сыновей; изъ нихъ четвертому, Станиславу, судьба опредѣлила носить польскую корону. Онъ родился 17 января 1732 года, въ мѣстечкѣ Волжинѣ, въ то время, какъ его мать была во всемъ блескѣ женской красоты, а отецъ, удрученный годами и тревогами, испытанными въ жизни, казался уже слабымъ и болѣзненнымъ старикомъ.

Дѣтство свое провелъ будущій король въ деревенскомъ уединеніи, подъ надзоромъ своей матери, которая позаботилась о томъ, чтобъ дать ему если не основательное, то блестящее и разностороннее образованіе. Въ самые молодые годы онъ объѣхалъ почти всю Европу. Съ перваго вступленія своего въ свѣтъ, красивый, ловкій и остроумный Понятовскій нашелъ

счастье у женщинъ; а извѣстно, что кого полюбятъ женщины, того полюбитъ и судьба.

Въ Парижѣ Понятовскій пользовался всѣми земными удовольствіями; но они вовлекли его въ неоплатные долги, и будущій король былъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму, и только усиленныя хлопоты знаменитой г-жи Жоффренъ, прельщенной прекраснымъ узникомъ, избавили Понятовскаго отъ тюремнаго заключенія.

Изъ Парижа Понятовскій поѣхалъ въ Лондонъ, а оттуда въ 1756 году отправился въ качествѣ секретаря при англійскомъ посланникѣ Виллъямѣ Гембари. Побѣды надъ женщинами слѣдовали повсюду за Понятовскимъ. Многія изъ хорошенькихъ грѣшницъ, поддававшихся его очаровательному вліянію, сохранили въ своихъ записочкахъ откровенные разсказы о первой роковой встрѣчѣ со своимъ искусителемъ, а также и о томъ, какъ онѣ для него обманывали своихъ зорко-сторожившихъ мужей, и какъ онѣ пробирались украдкой къ счастливцу, подъ тѣнью ночи, этой вѣрной подруги всѣхъ любовныхъ свиданій.

Въ 1757 году Понятовскій былъ назначенъ польскимъ посланникомъ въ Петербургъ; близость его къ канцлеру Бестужеву, подвергнувшемуся опалѣ, а быть можетъ и другія обстоятельства—заставили петербургскій дворъ просить польскаго министра, графа Брюля, объ отзывѣ Понятовскаго изъ Петербурга. При вступленіи на престолъ Екатерины II, Понятовскій былъ, по ея желанію, назначенъ опять польскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и здѣсь этого любимца счастья и женщинъ ждала королевская корона.

Когда умеръ польскій король Августъ II, Екатерина пригласила къ себѣ Понятовскаго и предложила ему домогаться короны Піастовъ. Понятовскій выразилъ императрицѣ свое удивленіе и замѣтилъ невозможность этого домогательства; но русскія войска и сорокъ тысячъ прусаковъ двинулись къ Варшавѣ.

Обстоятельства между тѣмъ благопріятствовали Понятовскому. Сильнѣйшею въ то время партіей въ Польшѣ была партія князей Чарторыжскихъ, ближайшихъ родственниковъ молодаго Понятовскаго по матери. Чарторыжскіе, не надѣясь достигнуть короны сами, такъ какъ они не пользовались расположеніемъ шляхты, замышляли посадить на польскій престолъ своего племянника, разсчитывая, что при этомъ они будутъ властвовать

его именемъ. Кромѣ опоры въ партіи Чарторыжскихъ, Понятовскій имѣлъ опору въ общемъ расположеніи и уваженіи къ его отцу. Притомъ вся почти молодежь была на сторонѣ умнаго и образованнаго Понятовскаго, какъ такого молодаго человѣка, который имѣлъ достаточно силъ для того, чтобы произвести необходимыя реформы во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ Рѣчи Посполитой. Не малое число приверженцевъ имѣлъ очаровательный Понятовскій въ женскомъ полѣ, и, надобно сказать, вліяніе молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ на дѣла государственныя всегда и вездѣ бываетъ сильнѣе, нежели обыкновенно думаютъ.

Но если Понятовскій лично привлекалъ къ себѣ въ Польшѣ много сочувствія и подавалъ много надеждъ, то вся его семья (за исключеніемъ только старика отца), а въ особенности мать его, Констанція, была предметомъ общей ненависти. Гордая и властолюбивая Констанція не хотѣла вспомнить незнатность Понятовскихъ; она воспитывала своихъ сыновей хотя и весьма тщательно, но въ духѣ высокомѣрія, и мечтала пріобрѣсти для одного изъ нихъ польскую корону. Происки и интриги Понятовской озлобляли противъ нея всѣхъ; вся Варшава называла ее не иначе, какъ «градовой тучей».

Между тѣмъ молодые Понятовскіе, жившіе въ Варшавѣ и избалованные матерью, принадлежали къ той безпечной молодежи, которая дѣлала долги безъ всякаго разсчета и безъ всякой надежды на уплату, влюблялась въ каждую хорошенькую женщину (и преимущественно въ актрису), бѣгала отъ кредиторовъ, ничего не дѣлала, ничего не совѣстилась и веселилась каждый день до утренней зари, а иногда и подольше.

Одинъ случай въ особенности увеличилъ непріязнь въ Варшавѣ къ Констанціи и къ ея семейству. Однажды у воеводы Сандомирскаго, маршала Бѣлинскаго, былъ великолѣпный и многолюдный балъ. Яркими огнями блестѣли огромныя палаты воеводы, громко раздавались рѣзвые звуки мазурки, сливаясь съ веселымъ смѣхомъ варшавскихъ красавицъ. Но танцы вдругъ были прерваны сильнымъ шумомъ; началась, неизвѣстно изъ-за чего, ссора между старшимъ сыномъ Понятовскаго и молодымъ, богатымъ и знатнымъ паномъ Тарло. Казиміръ Понятовскій вызвалъ своего противника на поединокъ; на этотъ поединокъ сбирались съѣхаться родственники обоихъ соперниковъ со своими

надворными войсками, и такимъ образомъ частная ссора могла обратиться въ общее кровопролитіе.

Однако поединокъ состоялся прежде пріѣзда родственниковъ обѣихъ сторонъ. Въ день, назначенный для поединка, вся Варшава побѣжала за Маримонтскую заставу; жены оставили своихъ мужей, мужья своихъ женъ, родители своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей, и наконецъ даже ученики самовольно оставили классы. Духовенство опасалось, что при этомъ дѣло дойдетъ до общей схватки, и потому объявило, что не допуститъ въ костелы тѣхъ, кто пойдетъ смотрѣть на поединокъ; это однако не удержало любопытныхъ, и на другой день послѣ побоища костелы наполнились множествомъ каявшихся грѣшниковъ и въ особенности грѣшницъ, и обрядъ присоединенія ихъ къ церкви былъ совершенъ по тому же самому уставу, по которому совершается этотъ обрядъ надъ отлученными отъ церкви за тяжкіе грѣхи. Между тѣмъ наставники отпускали розги ученикамъ, не бывшимъ въ классѣ въ день поединка. Вслѣдствіе этого, былъ плачъ въ костелахъ и вопль въ школахъ.

На этомъ поединкѣ погибъ Тарло, любимецъ Варшавы. Народная молва громко говорила, что онъ былъ убитъ своимъ противникомъ вѣроломно; а это обстоятельство въ Польшѣ, гдѣ понятія о рыцарской чести на поединкѣ были сильно развиты, — усилило еще болѣе общую нелюбовь къ Понятовскимъ.

Впрочемъ къ той порѣ, когда Станиславъ Понятовскій явился искателемъ польской короны, время уже изгладило до нѣкоторой степени это печальное событіе изъ памяти народной.

За нѣсколько дней до избранія короля, шляхта расположилась подъ Варшавой, раздѣлившись на воеводства и повѣты; надъ каждой изъ такихъ стоянокъ вѣялъ особый значокъ съ гербомъ воеводства и повѣта. Въ день избранія, примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, Лубенскій, выѣхалъ изъ своего дворца въ коляскѣ, залитой золотомъ и обитой внутри пунцовымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ. По старопольскому обычаю, въ этомъ случаѣ примасъ, несмотря на то, что онъ былъ духовное лицо, долженъ былъ въѣхать въ поле верхомъ на конѣ, но Лубенскій былъ слабъ и ходилъ сгорбившись, а потому онъ отправился въ экипажѣ, окруженный блестящими всадниками; золотая сбруя ихъ коней ярко блистала на утреннемъ солнцѣ.

При приближеніи примаса, сенаторы пошли къ нему на

встрѣчу. Примасъ вышелъ изъ коляски и, стоя среди первыхъ сановниковъ королевства, пропѣлъ «Veni creator». Послѣ этого онъ сѣлъ снова въ экипажъ и поѣхалъ по воеводствамъ. Объѣзжая шляхту, раздѣленную на повѣты и земли, примасъ говорилъ: «Привѣтствую васъ, господа и братья, на этомъ полѣ, и спрашиваю васъ, кого вы избираете въ короли?»

Три раза опрашивалъ примасъ шляхту и три раза она повторяла имя Станислава Понятовскаго. Избраніе новаго короля было исполнено стародавнимъ порядкомъ.

Тогда примасъ, на другой день, объявилъ на полѣ государемъ Польши и Литвы Станислава Понятовскаго и, ставъ на колѣни, запѣлъ подъ открытымъ небомъ: «Te Deum». Звуки трубъ и громъ литавръ возвѣстили, что наступило новое царствованіе. Окруженный сенаторами и панами, примасъ поѣхалъ къ Понятовскому извѣстить его о высокомъ, выпавшемъ для него жребіи; послѣ этого, примасъ въ каретѣ, а за нимъ король верхомъ на конѣ — поѣхали въ костелъ святаго Яна; густая толпа конныхъ пановъ слѣдовала за Станиславомъ. Въ дверяхъ костела примасъ привѣтствовалъ новаго государя торжественной рѣчью, и принялъ отъ него присягу въ томъ, что новый избранникъ на престолъ будетъ въ точности соблюдать предложенныя ему обязательства, такъ называвшіяся «Pacta conventa».

Такимъ образомъ воцарился Понятовскій.

Въ это время Польшѣ грозили духъ внутреннихъ раздоровъ и замыслы сосѣдей, и только государь, твердый характеромъ и напоминавшій собою тѣни Баторіевъ и Собьескихъ, могъ отвратить опасность, предстоявшую Рѣчи Посполитой. Но вновь избранный король былъ не таковъ; ему были милы роскошные чертоги, а не воинскій шатеръ; его плѣняло не бранное поле и не звукъ оружія, но офранцуженное общество съ его остроумной бесѣдой. На его сердце болѣе дѣйствовалъ шорохъ шелковаго платья хорошенькой женщины, нежели шумъ родныхъ знаменъ, разорванныхъ и разстрѣлянныхъ въ бояхъ и запечатлѣнныхъ кровью. Новый король не былъ воинъ, и хотѣлъ прославить свое царствованіе такими дѣлами, которыя не пахнутъ порохомъ. Притомъ, онъ хотѣлъ пожить среди роскоши и нѣги.

Какъ частный человѣкъ, Станиславъ-Августъ былъ замѣчательной личностью, не говоря уже о его обаятельной внѣшности и томъ чарующемъ голосѣ, которому невольно поддавался каждый, кто проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ хоть нѣсколько минутъ.

Надобно замѣтить, что онъ объяснялся по-французски, по-нѣмецки, по-русски, по-турецки, по-англійски, по-испански и по-итальянски, какъ на своемъ родномъ языкѣ, а по игривости своего ума могъ смѣло мѣриться съ Вольтеромъ, съ которымъ и былъ постоянно въ самой дружеской перепискѣ. Корреспонденція его съ разными дамами всѣхъ націй была обширна, и отличалась той утонченной любезностью и той изящностью, которыя были необходимымъ условіемъ въ сердечныхъ сношеніяхъ свѣтскаго человѣка XVIII вѣка съ прекраснымъ поломъ.

Всѣ переписки этого рода занимали послѣдняго короля польскаго гораздо болѣе, нежели всѣ дѣла государственныя и судьбы того народа, главою котораго его сдѣлала слѣпая прихоть счастья.

Мы не будемъ говорить здѣсь о дѣлахъ политическихъ, но взглянемъ собственно на личность короля Станислава - Августа. Въ этой личности было много страннаго и противоположнаго. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, король окружилъ себя послѣдователями Вольтера; но часто, послѣ долгой вечерней бесѣды, проведенной въ ихъ кругу, на которой онъ не жалѣлъ насмѣшекъ, его можно было видѣть падавшимъ ницъ передъ Распятіемъ, или иконой Богоматери. Каждую пятницу запирался онъ на два часа со своимъ духовникомъ, каялся передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ. Каждый великій четвергъ онъ исповѣдывался всенародно, падая на землю передъ ксендзомъ, сидѣвшимъ посреди костела передъ главнымъ алтаремъ. Каждый праздникъ и каждое воскресенье онъ бывалъ у обѣдни. Но и послѣ обѣденъ, и послѣ тайныхъ и явныхъ покаяній, онъ принимался опять за прежнее въ кругу своихъ остроумныхъ собесѣдниковъ.

Тоже самое было и въ управленіи государствомъ: и здѣсь была видна нетвердость и перемѣнчивость его убѣжденій. Первый его взглядъ на каждое дѣло былъ вѣренъ и находчивъ, но все послѣдующее было никуда не годно. При открытіи какой нибудь должности, онъ тотчасъ же выбиралъ на нее кандидатомъ такое лицо, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе, но потомъ измѣнялъ свое намѣреніе, безъ всякой видимой причины отдавая открывшуюся вакансію какому нибудь своему любимому придворному или какому нибудь ничтожному человѣку, бывшему подъ покровительствомъ молодой или знатной

дамы. Дамы знали слабость короля къ ихъ полу, и ежедневно осыпали его записочками и личными просьбами, и Станиславъ-Августъ ни въ чемъ не отказывалъ имъ.

Характеръ короля представлялъ тѣ же противоположности. Станиславъ-Августъ былъ чрезвычайно кротокъ и не могъ безъ живаго участія не только видѣть чужія страданія, но даже и слушать разсказы объ нихъ; а между тѣмъ, въ теченіе своего царствованія, онъ допустилъ столько жестокостей, надъ которыми бы остановился въ раздумьи самый грозный властитель. Притомъ, жестокости эти были сдѣланы безъ всякой надобности и вдобавокъ нѣкоторыя изъ нихъ надъ лицами, совершенно невинными.

Хотя король не былъ вовсе мстителенъ, — онъ былъ скорѣе забывчивъ на все дурное, — однако онъ преслѣдовалъ нѣкоторыхъ изъ провинившихся передъ нимъ разными способами, недостойными его высокаго сана. Такъ напримѣръ, если кто нибудь обидѣлъ чѣмъ-либо короля и потомъ имѣлъ какое нибудь частное тяжебное или судебное дѣло, то король секретными письмами склонялъ его судей на сторону его противниковъ или же внушалъ имъ, чтобы они постановили надъ нимъ приговоръ безъ малѣйшаго послабленія. Этими поступками онъ потерялъ общее уваженіе. Преслѣдуя однихъ до мелочности, Станиславъ-Августъ въ тоже время осыпалъ иногда безконечными милостями самыхъ явныхъ своихъ враговъ.

Въ обращеніи короля проявлялись опять тѣ же крайности: учтивый, любезный и снисходительный безъ мѣры, онъ иногда разгорячался до того, что давалъ пощечины своей прислугѣ или билъ своихъ лакеевъ палкой; но потомъ щедро награждалъ обиженныхъ имъ и просилъ у нихъ извиненія.

Что касается женщинъ, то и въ этомъ отношеніи у короля были свои особенныя странности: часто онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ такой очаровательной женщинѣ, отъ которой сходили всѣ съ ума, и влюблялся до безумія въ такую женщину, въ которой не было ничего привлекательнаго. Однихъ изъ своихъ любовницъ, съ которыми онъ расходился не мирно, онъ награждалъ съ непомѣрною щедростью; другихъ же, которымъ онъ былъ какъ нельзя болѣе преданъ, оставлялъ въ нуждѣ, очень близкой къ нищетѣ. Вообще, завоеваніе женскихъ сердецъ было едва ли не главною дѣятельностію этого миролюбиваго государя. У однихъ магнатовъ онъ соблазнялъ хорошень-

кихъ молодыхъ женъ, у другихъ сманивалъ и увозилъ любовницъ. Волокитство короля доставляло ему множество враговъ, которые, при каждомъ удобномъ случаѣ, обращались въ его политическихъ непріятелей и колебали твердость его трона. Такъ, напримѣръ, Станиславъ-Августъ за похищенную имъ коварно у гетмана Огинскаго молодую дѣвушку—нажилъ себѣ въ гетманѣ, одномъ изъ сильнѣйшихъ магнатовъ Польши и Литвы, непримиримаго и опаснаго врага, долго безпокоившаго короля своею непокорностью и своими происками.

При всемъ этомъ, король любилъ науки и искусства. Обыкновенно въ то время, когда по утру завивалъ короля, въ продолженіе двухъ часовъ, парикмахеръ-англичанинъ, онъ былъ окруженъ учеными, поэтами и художниками, разговаривалъ съ каждымъ изъ нихъ о чемъ нибудь очень дѣльно, или приказывалъ читать себѣ какое нибудь сочиненіе, весьма метко оцѣнивая всѣ его слабыя и хорошія стороны.

Обращеніе короля вообще было чрезвычайно любезно; съ шляхтой онъ постоянно обходился какъ нельзя болѣе привѣтливо. Обыкновенно во время королевскаго туалета, шляхтичи, пріѣзжавшіе въ Варшаву изъ воеводствъ и областей, собирались въ сосѣдней комнатѣ, для того, чтобы представиться королю послѣ его туалета. Привыкшіе свободно и безцеремонно толковать на сеймахъ и сеймикахъ, шляхтичи не оставляли своей кровной привычки и въ чертогахъ королевскихъ. Унять шляхту прямо повелѣніемъ его величества было неловко, а между тѣмъ ея громкіе разговоры и нерѣдко запальчивые споры въ покояхъ королевскихъ—мѣшали королю заниматься въ сосѣдней комнатѣ ученой бесѣдой въ подобающей для этого тишинѣ. Одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ поднимался однако на хитрость: въ то самое время, какъ шляхта, забывавшая, что она находится въ королевскомъ дворцѣ, начинала слишкомъ громко толковать между собою, канарейки подъ шумный говоръ принимались (какъ онѣ дѣлаютъ это всегда) пѣть все громче и громче. Догадливый камергеръ выходилъ въ это время изъ королевской уборной и, махая платкомъ на клѣтки, въ которыхъ сидѣли канарейки, сердито кричалъ на нихъ: «ахъ вы, безпокойныя, тише! Королю мѣшаете!» Шляхтичи смекали, къ кому относилось это, и, переглянувшись другъ съ другомъ, прекращали на время громкую болтовню.

Когда входилъ король въ пріемную, всѣ почтительно скло-

нялись передъ нимъ и старались выслушать каждое его слово. Король говорилъ увлекательно, то серьёзно, то шутливо, полнымъ звучнымъ голосомъ, внушавшимъ къ нему довѣріе и расположеніе, такъ что всякій, говорившій съ нимъ, поддавался какому-то пріятному обаянію.

Любя самъ непринужденный и откровенный разговоръ, король очень скоро допускалъ его и со стороны своихъ подданныхъ. Онъ самъ повторялъ по нѣскольку разъ тѣ остроумные отвѣты, которые приводилось ему слышать въ разговорахъ съ ними. Такъ, между прочимъ, онъ разсказывалъ, что въ какомъ-то воеводствѣ жилъ шляхтичъ, нѣсколько помѣшанный на томъ, что онъ король польскій. Во время проѣзда Станислава-Августа, мнимый король представился настоящему.

— Привѣтствую мнѣ равнаго, сказалъ ласково король шляхтичу.

— Ваше величество, отвѣчалъ шляхтичъ почтительно: — дѣйствительно, по рожденію я равенъ съ вами, и по смерти мы опять будемъ равны между собою; но въ настоящее время вы мой государь, избранный мною вмѣстѣ съ другими моими братьями шляхтичами, а я — вѣрный подданный вашего величества.

Король любилъ роскошь и пышность. До него польскіе короли жили лѣтомъ въ Вилановѣ. Жилище это, въ которомъ умеръ славный Собіескій и которое сохранилось донынѣ въ своемъ первобытномъ видѣ, было скорѣе домомъ богатаго польскаго пана, чѣмъ жилищемъ короля одного изъ самыхъ обширнѣйшихъ государствъ въ Европѣ того времени. Понятовскій не удовольствовался этой скромной резиденціей, и выстроилъ подъ Варшавою лѣтній королевскій дворецъ Лазенки, не уступавшій въ ту пору, по своей роскоши, ни одному изъ увеселительныхъ дворцовъ тогдашнихъ европейскихъ государей. Около Лазенокъ явились обширные пруды съ лебедями, страусами и павлинами; на деревьяхъ, въ дорогихъ клѣткахъ, были развѣшаны обезьяны, попугаи и разныя рѣдкія птицы, а между темной зеленью тополей и каштановъ мелькали бѣлыя мраморныя статуи, купленныя въ Италіи дорогою цѣной. Роскошные цвѣты, разсаженные въ клумбахъ, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. Въ этомъ прекрасномъ убѣжищѣ король польскій, какъ частное лицо, съ любезностью и предупредительностью свѣтскаго человѣка, встрѣчалъ пріѣзжавшую къ

вену въ гости варшавскую публику, и съ большимъ удовольствіемъ показывалъ каждому всѣ свои постройки, свои статуи, картины, древнія монеты и разныя рѣдкости. Само собою разумѣется, что прекрасный полъ пользовался въ этомъ случаѣ со стороны короля особымъ почетомъ и особымъ вниманіемъ.

Вообще, царствованіе Понятовскаго имѣло большое вліяніе на утонченность и развитіе общественной жизни. Тѣ попойки, которыми такъ щеголяла Польша при короляхъ изъ саксонскаго дома, стали исчезать при дворѣ Понятовскаго. Самъ король отличался чрезвычайною трезвостью, хотя и любилъ роскошный столъ; повара его, нѣмецъ Шютцъ и французъ Тремо, пользовались за свое искусство громадною, европейскою извѣстностью. Изъ всѣхъ любимцевъ короля только одинъ генералъ Канаржевскій славился страстью къ попойкамъ и неодолимою въ нихъ крѣпостью своей головы; всѣ же другія лица, приближенныя къ королю, были въ этомъ отношеніи люди новаго покроя,—люди ученые, предпочитавшіе серьёзный или остроумный разговоръ продолжительнымъ вакханаліямъ.

Въ толпѣ щеголеватыхъ и пудреныхъ царедворцевъ короля Станислава-Августа являлись: ученый историкъ Польши Нарушевичъ, неразлучный спутникъ короля въ его поѣздкахъ по государству; Богомолецъ, жизнеописатель древнихъ поляковъ; поэты: Венгерскій, Трембицкій и Красицкій; Богуславскій, творецъ польской сцены; глубокомысленные законовѣды: Віельгорскій и Сташицъ; славный польскій граматикъ, монахъ піарскаго ордена Континскій, Ваза, Осинскій, двое Потоцкихъ, Игнатій и Станиславъ, Парановичъ и Ѳадей Чацкій. Всѣ эти лица, приближенныя къ королю, славились своимъ умомъ и образованіемъ; а Чацкій былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятельнѣйшихъ и благороднѣйшихъ ревнителей просвѣщенія, какихъ мало вообще встрѣчалось въ цѣлой Европѣ.

Но многія хорошія качества Станислава-Августа, какъ частнаго человѣка, были недостаточны для той поры, когда ему привелось править судьбами Польши. Среди тогдашнихъ бурь необходимъ былъ Польшѣ король-воинъ; но Понятовскій не былъ рожденъ воиномъ. Притомъ, къ сожалѣнію, онъ свои личныя выгоды и удобства своей жизни предпочиталъ истинному благу возвеличившей его родины.

Противъ короля составлялись частыя конфедераціи шляхты, и въ іюнѣ 1767 года было уже 178 конфедерацій, условившихся

соединиться въ Радомѣ; а въ 1771 году даже составился заговоръ овладѣть особою короля. Во главѣ заговорщиковъ были: Косинскій, Стравинскій и Лукавскій; и только счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило короля отъ замысла этихъ заговорщиковъ. Въ это время жилъ въ Парижѣ одинъ изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, которыми въ ту пору изобиловала Германія и которые искали по всей Европѣ или службы, если были храбры, или престола при помощи брачныхъ союзовъ, если были миловидны собой и имѣли длинную родословную. Владѣтельный князь, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не думалъ ни о томъ, ни о другомъ, но веселился въ столицѣ Франціи до тѣхъ поръ, пока кредиторы не рѣшились упрятать его въ тюрьму, какъ несостоятельнаго должника. Заговоръ противъ Понятовскаго помогъ нѣмецкому принцу избавиться отъ преслѣдованій заимодавцевъ.

Какъ только его свѣтлость, а быть-можетъ и его величество, изволилъ узнать объ этомъ, тотчасъ, по совѣту бывшаго въ то время въ Парижѣ, варшавскаго банкира Теппера, учредилъ орденъ «Божьяго Провидѣнія», въ память избавленія польскаго короля отъ грозившей ему опасности. Звѣзда этого ордена была золотая, съ изображеніемъ посрединѣ всевидящаго ока и съ надписью: «Vide cui fide». Лента была самая щегольская — небеснаго цвѣта съ золотыми каймами. Тепперъ открылъ у себя бюро этого ордена. Сначала патенты на этотъ орденъ продавались по 100 червонцевъ, потомъ упали въ цѣнѣ до 25. Въ Варшавѣ, въ Вильно, въ Парижѣ, на Волыни и Подолѣ явилось множество кавалеровъ этого ордена, не сознававшихъ, въ чемъ состояло ихъ отличіе и за что они украшены такой блестящей звѣздой и такой великолѣпной лентой. Вскорѣ все это обратилось въ смѣхъ; на кавалеровъ нѣмецкаго ордена стали показывать пальцами; звѣзды и ленты исчезли; но тѣмъ не менѣе нѣмецкій принцъ поправилъ свои дѣла: онъ не только вывернулся изъ своихъ долговъ, но еще зашибъ, при помощи ордена, кое-какія деньжонки.

Гетманъ Браницкій публично укорялъ Понятовскаго въ томъ, будто бы онъ самостоятельностію своей родины пожертвовалъ своему личному честолюбію.... Область за областью отходила отъ Рѣчи Посполитой, и король утверждалъ эти отдѣлы, довольствуясь тѣмъ, что ему были оставляемы доходы съ отбираемыхъ отъ Польши областей.

Современныя польскія сказанія передаютъ, между прочимъ,

о присоединеніи къ Пруссіи польскихъ областей слѣдующія подробности: отъ Пруссіи въ каждый повѣтъ было послано два коммисара; они пріѣзжали въ городъ, собирали народъ и объявляли ему по-нѣмецки, оффиціально, а затѣмъ частнымъ образомъ объясняли на ломаномъ польскомъ языкѣ, что такой-то городъ принадлежитъ его величеству королю прусскому, и что здѣсь уже не Польша, а Пруссія. Послѣ этого, ставили столбъ, прибивали къ нему бляху съ чернымъ орломъ и отправляли въ приходскій костелъ столько экземпляровъ о присоединеніи какой либо области къ Пруссіи, сколько было въ этомъ приходѣ шляхетскихъ дворовъ.

Король переносилъ все это безъ особеннаго соболѣзнованія, и былъ озабоченъ болѣе собственными, нежели государственными дѣлами. Самая главная его забота состояла въ томъ, какъ бы добывать деньги. Онъ жилъ роскошно, тратилъ много, раздавалъ не мало на убогихъ и на госпитали, а самъ, вслѣдствіе всего этого, былъ постоянно безъ денегъ. Его факторы бѣгали по Варшавѣ съ готовыми росписками, даже въ 500 злотыхъ, и занимали деньги въ особенности у монаховъ, пугая ихъ отнятіемъ монастырскихъ имуществъ.

Скажемъ кстати, что послѣ своего отреченія отъ престола, Понятовскій оставилъ долгу на 34,000,000 польскихъ флориновъ. Онъ былъ долженъ и Евангелическому Обществу въ Варшавѣ, и какой-то вдовѣ Якобсонъ, и кармелитскому монастырю, и купцу Ришару 1,800 флориновъ, и за книги 2,700 флориновъ, и своимъ камергерамъ, Трембицкому, Пжецкому, и графинѣ Тышкевичъ, и своему повару, и графинѣ Мнишекъ за брильянты, и нѣкоей г-жѣ Камели 1,187,535 флориновъ по невыплаченнымъ пенсіонамъ. О родѣ пенсіоновъ, подлежавшихъ вѣдѣнію этой кассирши, догадаться не трудно. Такъ, однажды, королю устроили на Вислѣ особаго рода праздникъ: на великолѣпной лодкѣ посадили шесть самыхъ красивыхъ, полуобнаженныхъ дѣвушекъ въ видѣ сиренъ. Онѣ пѣли гимнъ въ честь короля. Послѣ этого, каждую дѣвушку ему представили порознь, и каждая изъ нихъ получила пожизненную пенсію, смотря по тому, въ какой мѣрѣ понравилась его величеству. Кромѣ того, на королѣ было множество долговъ по заложеннымъ въ разныхъ мѣстахъ брильянтамъ, а также золотымъ и серебрянымъ вещамъ.

Въ 1795 году, послѣ взятія Варшавы, Суворовъ объявилъ королю волю императрицы Екатерины о выѣздѣ изъ Варшавы.

Король медлилъ; а народъ, не оказывавшій до того времени расположенія къ Понятовскому, собирался съ шумомъ передъ королевскимъ дворцомъ.... Король выѣхалъ изъ Варшавы между двумя рядами солдатъ, разставленныхъ Суворовымъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ двигаться королевскій поѣздъ.

25 ноября 1795 года Станиславъ-Августъ отрекся въ Гродне отъ престола.

Онъ собирался отправиться на житье въ Римъ, когда неожиданно получилъ отъ императора Павла приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. Король долго не соглашался на это, но его жена и и окружавшія его дамы уговорили Станислава отправиться въ Петербургъ.. . Всѣ королевскія драгоцѣнности, при посредствѣ евреевъ, были проданы въ Гамбургѣ, и король отправился въ Петербургъ.

Здѣсь онъ поселился въ Мраморномъ дворцѣ, и жилъ уединенно.

Въ первый день 1798 года Павелъ пріѣхалъ въ гости къ Понятовскому. Съ радостнымъ лицомъ проводилъ король императора, послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды, и, обратившись къ окружавшимъ его придворнымъ, весело сказалъ имъ: «наконецъ судьба устала преслѣдовать насъ,—скоро мы увидимъ Варшаву!»

Ожиданія короля не сбылись. 12 февраля, въ полдень, онъ сталъ жаловаться на головную боль. Призванный для поданія пособія, докторъ Бедлеръ пустилъ ему кровь. Узнавъ о болѣзни короля, Павелъ поспѣшилъ къ нему, но засталъ его ужь лишеннымъ сознанія. Императоръ не отходилъ отъ умирающаго короля ни на минуту. Послѣ исповѣди, Станиславъ-Августъ скончался въ 10 часовъ вечера. Веденныя имъ записки перешли, какъ пишутъ нѣкоторые, въ руки императора. Говорятъ, что король простудился, присутствуя на Іорданѣ.

На мертваго короля самъ императоръ надѣлъ корону, а въ день его погребенія ѣхалъ за гробомъ верхомъ до самаго костела, съ опущенной книзу шпагой. Прахъ Понятовскаго лежитъ въ Петербургѣ, въ римско-католической церкви св. Екатерины, по правую сторону главнаго алтаря.

Король былъ женатъ на Грабовской, урожденной Шидловской, съ которой онъ жилъ долго безъ брака и съ которой

обвѣнчался тайно въ 1784 году, но до своего выѣзда изъ Варшавы не объявлялъ ее своей женой, потому что, предъ избраніемъ его въ короли, сеймъ обязалъ его жениться только на той, на которую ему укажутъ государственные чины, а между тѣмъ выборъ ихъ не падалъ на Грабовскую.

Понятовскіе герба «Телецъ», получившіе въ 1764 году, 18 декабря, по опредѣленію сейма, княжеское достоинство, существуютъ и понынѣ въ потомкахъ братьевъ короля; одни изъ нихъ носятъ свою родовую польскую фамилію, а другіе живутъ въ Италіи подъ именемъ князей ди Монте-Ротондо.

III.

СВАДЬБА КАСИ.

Въ позднюю дождливую осень, въ сумерки, когда на колокольнѣ костела въ одномъ многолюдномъ мѣстечкѣ замолкъ уже протяжный и унылый звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ, тихо плелся къ этому мѣстечку, подъ мелкимъ, моросившимъ цѣлый день дождемъ, отставной служивый капралъ польскихъ войскъ — Бурчимуха.

Въ мѣстечкѣ, къ которому подходилъ старый служака, была въ это время ярмарка; много набралось въ мѣстечко отовсюду разнаго народа. Здѣсь цѣлый день, по грязнымъ и тѣснымъ улицамъ, съ самаго ранняго утра, медленно двигались фуры, колымаги, кочи и нетычанки, раздавалось хлопанье бичей, и слышались крики и перебранки. Цѣлый день шныряли изъ одного конца мѣстечка въ другой факторы, приподнимая на-бѣгу долгія полы своихъ черныхъ, прадѣдовскихъ халатовъ. Одни изъ факторовъ или доставали, или размѣнивали деньги; другіе улаживали куплю или продажу; третьи бѣгали только къ смазливенькимъ обитательницамъ мѣстечка съ разными порученіями отъ пановъ и панычей. Но теперь, когда подходилъ Бурчимуха позднимъ вечеромъ къ мѣстечку, въ немъ не было никакого движенія; на улицахъ не было видно ни души, такъ что можно было бы подумать, будто вымеръ весь городъ, если бы на огромныхъ фурахъ, стоявшихъ на улицахъ, не отражались огни, горѣвшіе въ окошкахъ небольшихъ домиковъ, да посреди общей тишины не доносились изъ ярко-освѣщенной корчмы звуки

скрипки и цымбаловъ, сопровождаемые то веселымъ припѣвомъ, то громкимъ топаньемъ каблуковъ въ разгульной, нескончаемой мазуркѣ.

Стараго служаку, усталаго отъ большаго перехода, не слишкомъ занимало веселье, разгоравшееся въ корчмѣ все болѣе и болѣе съ каждымъ часомъ. Ему хотѣлось только добраться поскорѣе до теплаго угла, хорошенько высушиться и расправить свою спину, на которой онъ тащилъ довольно увѣсистую котомку съ разными пожитками.

Вошелъ наконецъ Бурчимуха въ первый домъ, стоявшій при входѣ въ мѣстечко, и освѣдомился, нельзя ли ему пріютиться здѣсь на ночлегъ? Отвѣчали ему, что весь домъ набитъ биткомъ пріѣзжими на ярмарку гостями и посовѣтовали ему, чтобы онъ шелъ подальше. Дальше было тоже самое. Обошелъ такимъ образомъ Бурчимуха домовъ десять: гдѣ онъ ни постучится, гдѣ ни попросится на ночлегъ, вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ — нѣтъ мѣста, да и только!

Посообразилъ, однако, служивый и то, что стоянки военнаго человѣка не очень любятъ ни по городамъ, ни по мѣстечкамъ, ни по деревнямъ, и что быть-можетъ нарочно отказываютъ ему въ ночлегѣ, побаиваясь, что служивый, по своей привычкѣ, или побуянитъ, или, что̀ еще хуже, приволокнется, пожалуй, за хозяйской женой или за хозяйской дочерью, если только онѣ для этого покажутся пригодными.

«Нарочно спроваживаютъ они меня», думалъ Бурчимуха: «военнаго народа не любятъ!» Потому, обходя далѣе мѣстечко, служивый заявлялъ всѣмъ, что онъ человѣкъ смирный, и что съ утренней же зарей взвалитъ себѣ на плечи котомку и пойдетъ дальше во имя Божіе своимъ путемъ-дорогой, не обидѣвъ ни стараго ни малаго, ни молодицы ни старухи.

Ничто однако не помогало; во всемъ мѣстечкѣ не нашелъ себѣ капралъ уголка для ночлега.

— Не отыщешь нигдѣ здѣсь для себя мѣста, сказалъ наконецъ Бурчимухѣ въ одномъ домѣ хозяинъ, вышедши на крыльцо: — давнымъ-давно здѣсь все занято; придется отправляться тебѣ за мѣстечко; тамъ есть на большой дорогѣ хата; видишь, гдѣ свѣтится огонекъ (и при этомъ хозяинъ указалъ рукою на мерцавшій вдалекѣ слабый свѣтъ). Да впрочемъ, добавилъ въ раздумьѣ хозяинъ: — туда идти тебѣ нестать...

— А что? спросилъ торопливо служивый.

— Да струсишь, пожалуй, потому что въ той хатѣ водится теперь нечистая сила, никому она не даетъ покоя.

— Такъ только-то, улыбнувшись перебилъ служивый:—ну, пріятель, это намъ ни по чемъ!

Поблагодаривъ за совѣтъ хозяина, Бурчимуха поплелся на огонекъ. Далеко показалось служивому колесить въ обходъ по дорогѣ; извѣстное дѣло, по прямому пути дойдешь поскорѣе, и вотъ Бурчимуха живо, по военному, разобралъ высокій плетень и пошелъ впередъ на привѣтный огонекъ, не сворачивая ни шагу въ сторону.

Было уже совсѣмъ темно въ это время; не безъ труда перелѣзалъ служивый то черезъ гряды, то черезъ рытвины, то черезъ ямы, рѣшительно добираясь до ночлега прямо, безъ малѣйшаго обхода. Вотъ наконецъ очутился онъ передъ хатой, постучался въ двери и, послѣ опроса тоненькимъ женскимъ голосомъ: «кто тамъ?» двери отворились.

Бурчимуха вошелъ въ чистенькую комнатку и увидѣлъ передъ собой прехорошенькую дѣвушку. Дѣвушка, впустивъ служиваго, опрометью выбѣжала сама изъ каморки и позвала отца и мать.

— Гость въ домъ — Богъ въ домъ, сказалъ отецъ дѣвушки служивому, повторяя, вмѣсто привѣтствія, старопольскую пословицу. — Радъ я, пріятель, твоему приходу, да уложить тебя на бѣду не гдѣ; тамъ спимъ мы сами въ большой тѣснотѣ, а здѣсь тебѣ оставаться не приходится, добавилъ хозяинъ, боязливо озираясь.

— Отчего жь? спросилъ твердымъ голосомъ служивый.

— Ходитъ здѣсь нечистая сила, робко сказалъ хозяинъ,— и при этихъ словахъ и мужъ жена проговорили набожно: «Іезусъ-Марья!»

— Трусы вы, трусы! сказалъ презрительно капралъ, покачивая головою и посматривая пристально на хозяйскую дочь.

Посмотрѣть на нее стоило. Кася (уменьшительное имя отъ Катерины) была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати; прямотѣ и стройности ея стана могли позавидовать любыя красавицы Варшавы и Кракова; густая, крѣпко заплетенная коса высокимъ бугоркомъ поднималась надъ темными волосами; на смугломъ лицѣ Каси пробивался яркій румянецъ, на щекахъ ея были ямочки, а глазки

блестѣли, какъ блестятъ два огонька въ бессарабской степи, когда ихъ разведутъ тамъ въ темную осеннюю ночь кочевые цыгане около своего табора.

«Славная дѣвушка», думалъ про себя служивый: «а кому-то она достанется? старъ я для нея, да и грудь-то у меня на вылетъ прострѣлена пулей.»

Покуда такъ думалъ служивый, хозяинъ, хозяйка и ихъ дочь суетились, готовя для прохожаго горѣлку, тютюнъ и вареную печенку. Разговаривая съ добрыми хозяевами о мѣстномъ ксендзѣ, о ярмаркѣ, о костелѣ, о томъ и другомъ, капралъ попивалъ горѣлку, покуривалъ трубку и закусывалъ печенкой.

Но вотъ пора и спать; уже долетѣлъ до хаты глухой бой одиннадцати часовъ на костельной колокольнѣ. Сжалось сердце добрыхъ хозяевъ, когда они, пожелавъ Бурчимухѣ пріятнаго сна, пошли спать, оставивъ завернувшаго къ нимъ прохожаго въ добычу нечистой силѣ. Одна только Кася улыбнулась лукаво, проговоривъ скороговоркой капралу: «покойная ночь!»

— Вздоръ, сказалъ Бурчимуха, оставшись одинъ въ страшной комнатѣ:—вздоръ! скорѣй я поймаю чорта за чупрунъ, нежели онъ схватитъ меня за усъ, — и при этомъ старый служивый, съ горделивой осанкой, покрутилъ свой сѣдой усъ, доходившій до самаго плеча.

Затѣмъ онъ налилъ себѣ порядочный шкаликъ горѣлки; выпилъ одинъ, выпилъ другой, выпилъ и третій, закурилъ трубку и, положивъ подлѣ себя толстую дорожную палку, сталъ поджидать нечистой силы.

Вотъ опять послышался бой костельныхъ часовъ. Они ударили полночь. За каждымъ медленнымъ ихъ ударомъ, капралъ спѣшилъ выпивать по шкалику горѣлки. При послѣднемъ ударѣ часовъ, Бурчимухѣ показалось, что вмѣсто одного шкалика — стоятъ на столѣ два, вмѣсто одной свѣчки — горятъ двѣ, и наконецъ вмѣсто одной трубки — у него изо рту торчатъ двѣ.

— Такъ вотъ гдѣ она, эта дьявольская сила! крикнулъ громко служивый, швырнувъ съ размаха о полъ опорожненную имъ стеклянную фляжку. Звонко задребезжали на полу разбитые куски стекла; но еще не кончилось ихъ дребезжаніе, какъ вдругъ за дверями послышался явственный звонъ цѣпей. Двери распахнулись, и въ комнату вошло какое-то черное страшилище съ оковами на рукахъ.

Капралъ не струсилъ, онъ даже не выпустилъ трубки изо рту и со всего разбѣга подскочилъ къ привидѣнію, схватилъ его за чубъ и принялся колотить его палкой изо всей мочи. Видно было, что нечистая сила не пріучила себя къ такому обращенію. Нечистый упалъ передъ капраломъ на колѣни и сталъ просить о помилованіи, ударяя себя въ грудь такъ сильно, какъ никогда не бьетъ себя передъ исповѣдью самый тяжкій грѣшникъ.

— Кто ты такой, пріятель? грозно спросилъ капралъ, держа нечистаго за чубъ и замахиваясь на него палкой.

— Я.... я.... работникъ въ здѣшнемъ домѣ, отвѣчало привидѣніе, дрожа всѣмъ тѣломъ:—имя мнѣ Блажекъ; я крѣпко люблю Касю, и она не смотритъ на меня искоса, да вся бѣда наша въ томъ, что отецъ и мать не хотятъ ее за меня выдать....

— Ну, такъ что жь? перебилъ Бурчимуха.

— Такъ вотъ я, продолжалъ оправляясь Блажекъ: — и шляюсь такъ, какъ ты меня теперь видишь, каждую ночь, и кричу, что есть силы: «не дамъ вамъ ни покоя, ни отдыха, пока не выдадите вы Касю за Блажека!»

Служивый выпустилъ изъ своей руки чубъ Блажека.

— Эту черную накидку съ серебрянымъ крестомъ на спинѣ, продолжалъ чистосердечно Блажекъ: — далъ мнѣ костельный сторожъ; ей накрываютъ въ костелѣ покойниковъ, а цѣпи я отбилъ отъ плуга. Вотъ все, что могу сказать вамъ, вельможный панъ, добавилъ Блажекъ:—только не выдавайте меня хозяину, а лучше всего устройте дѣло такъ, чтобъ Кася была моей женой.

Служивый сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, потирая себѣ лобъ.

— Если вельможный панъ сдѣлаетъ мнѣ это, заговорилъ снова Блажекъ:—то онъ можетъ приходить ко мнѣ и къ Касѣ во всякое время и пить у насъ горѣлку, сколько его душѣ будетъ угодно.

— Славно! крикнулъ Бурчимуха: — иди теперь съ Богомъ, а завтра увидимся.

Блажекъ чуть не повалился капралу въ ноги передъ своимъ уходомъ; а Бурчимуха разлегся на скамейкѣ и захрапѣлъ, подумавъ однако напередъ о томъ, какъ онъ лихо будетъ пить на даровщину.

Только-что забрезжилось утро, какъ хозяйка и хозяинъ заговорили между собой о капралѣ.

— Нужно будетъ, сказала печально хозяйка:—послать заказать гробъ, да попросить отца плебана со святой водой: вѣрно нашего гостя ужъ задушила нечистая сила.

— Вѣчный покой его душѣ, отвѣчалъ заунывнымъ голосомъ хозяинъ:—охота же ему была самому искать смерти! На то впрочемъ и родятся военные люди, добавилъ онъ, махнувъ рукой.

Медленнымъ шагомъ и съ сильнымъ замираніемъ сердца поплелись хозяева къ той комнатѣ, гдѣ они оставили ночевать капрала.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! крикнули въ одинъ голосъ испуганные мужъ и жена, увидѣвъ шедшаго къ нимъ на встрѣчу Бурчимуху, и ужь хотѣли бѣжать отъ него въ запуски, какъ колѣни у нихъ подкосились отъ страху, и они остановились на одномъ мѣстѣ, будто вкопанные.

— Да, да, хозяева, плохо у васъ въ хатѣ, заговорилъ зловѣщимъ голосомъ капралъ:—помучился я было нынѣшнюю ночь; хорошо еще, что я наткнулся на такого же служиваго, какой я самъ.

Съ ужасомъ начали хозяева распрашивать Бурчимуху о томъ, что съ нимъ было въ продолженіе ночи.

Прежде всего онъ потребовалъ себѣ горѣлки, а потомъ разсказалъ, что въ хатѣ хозяевъ поселился покойный прадѣдъ хозяина, который согрѣшилъ передъ прадѣдомъ Блажека, и который теперь за это не можетъ имѣть покоя на томъ свѣтѣ, до тѣхъ поръ, пока правнучка его не выйдетъ замужъ за Блажека.

— Плохо вамъ будетъ отъ него! добавилъ Бурчимуха.—Поразсказалъ мнѣ покойникъ, что онъ былъ также капраломъ и въ томъ самомъ региментѣ, въ которомъ служилъ я; а извѣстно, что наши полковые не даютъ никому спуску.

Простаки повѣрили старому капралу, порѣшили выдать Касю за Блажека, и весело отпраздновали ихъ свадьбу. Хитрый сватъ пилъ въ этотъ день за четверыхъ; на другой день молодые повели его, на свой счетъ, въ сосѣднюю корчму, на третій день въ другую, а потомъ стали угощать его горѣлкой каждый день на дому.

Скучно было капралу только то, что ему приходилось пить

одному. И вотъ онъ началъ пріискивать для себя товарищей въ мѣстечкѣ. На что на другое не скоро подъищешь годнаго человѣка, а для выпивки найдешь людей цѣлыми десятками; и дѣйствительно, сегодня капралъ угощалъ, на счетъ Блажека, трехъ, а завтра угощалъ на его счетъ пятерыхъ, а тамъ сталъ уже созывать пьяницъ десятками. До послѣдняго гроша издержался Блажекъ: пришлось ему забирать горѣлку въ долгъ.

— Господинъ капралъ, сказалъ наконецъ Блажекъ своему свату:—пейте сами, по нашему уговору, сколько вашей чести будетъ угодно,—хоть купайтесь сами каждый день въ горѣлкѣ, пусть все это будетъ вамъ на здоровье; но только оставьте вашихъ пріятелей. Я-то съ моей Касей пробьюсь какъ нибудь всю жизнь; но у насъ будутъ и дѣтки,—вѣдь мы не для шутки обвѣнчались; а имъ придется, по милости вашей, идти по міру....

Вспыхнулъ отъ гнѣва капралъ при такомъ замѣчаніи.

— Такъ вотъ ты, пріятель, каковъ! крикнулъ онъ на Блажека, и, не говоря болѣе ни слова, побѣжалъ къ его тестю, которому и разсказалъ начисто всѣ продѣлки его зятя.

Обомлѣлъ съ перваго раза панъ Ваврекъ, когда узналъ, что его Кася досталась Блажеку не совсѣмъ чисто, по-христіански, а при помощи какихъ-то дьявольскихъ затѣй; онъ опрометью кинулся къ войту, къ главному блюстителю порядка и тишины во всемъ мѣстечкѣ. Войтъ созвалъ тотчасъ же старостъ и понятыхъ и начался у нихъ судъ надъ Блажекомъ.

Всѣ засѣданія этого суда сопровождались непомѣрнымъ истребленіемъ горѣлки, которою подчивалъ судей отецъ Каси, стараясь этимъ способомъ возбудить въ нихъ безпощадную строгость къ обманщику. Въ этомъ судѣ, не подводя никакихъ статутовъ, а только подъ вліяніемъ горѣлки, постановили: «посадить Блажека въ одну клѣтку, а Касю въ другую, и обо всемъ, что случилось, разсказать отцу плебану». Послѣднее исполнили тотчасъ, но первое рѣшеніе было трудно выполнить на дѣлѣ, потому что подсудимые не ждали своего приговора и давнымъ давно улепетнули изъ мѣстечка....

Между тѣмъ осеннее ненастье прошло; вѣтеръ разогналъ густыя тучи на югъ, на сѣверъ, и въ то время, какъ судьи произносили надъ Касей и надъ Блажекомъ свой окончательный приговоръ, на голубомъ вечернемъ небѣ проглянулъ серебряный ноготокъ молодаго мѣсяца.

Само собою разумѣется, что упоминать въ нашемъ разсказѣ о молодомъ мѣсяцѣ было бы вовсе не кстати, если бы у всѣхъ рядившихъ и судившихъ дѣло Каси и Блажека, а въ особенности у перваго его зачинщика, у Бурчимухи, не болѣла отъ горѣлки голова, начиная съ перваго появленія молодаго мѣсяца и до конца полнолунія....

Е. КАРНОВИЧЪ.

ЗАПИСКИ О ТУРУХАНСКОМЪ КРАѢ.

I.

Путешествіе внизъ по Енисею. — Ѣзда на собакахъ. — Шорохинская станція. — Якуты въ Шорохиной. — Агутиха. — Горошинская станція и Усть-Курейка. — Озера Курейское и Мантуйское. — Денежкина; бѣдственное положеніе жителей ея. — Карасина; нѣчто объ инородцахъ. — Старикъ казакъ; безполезные поселенцы. — Тунгусскій князь Ленке. — Плохія станціи. — Заговѣнье на Носовой. — Плахина; плахинскіе юраки. — Хантайка, или село Хантайское; воспоминаніе старины, развалины церкви, обитатели Хантайки. — Бѣлый олёній мохъ, какъ пища для человѣка. — Лузина; ея благосостояніе. — Казенный запасный магазинъ въ Лузиной, и нѣчто о расходѣ хлѣба. — Вершинская станція. — Заструги. — Дудина; церковь, магазинъ, встрѣча; свиданіе съ инородческими старшинами; нужды священника. — Отправленіе въ Толстой Носъ. — Ермиловскій станокъ. — Лаптуковское зимовье, и исторія его. — Два анекдота. — Обличенный святотатецъ; хищничество и самоуправство. — Смѣна оленей. — Интересъ Крестовской станціи. — Толстой Носъ и прибрежья Ледовитаго Океана. — Экспедиція изъ Бѣлаго моря къ устью Енисея. — Промышленность жителей. — Пименъ. — Возвращеніе въ Дудину. — Нѣчто объ аванскихъ самоѣдахъ. — Пребываніе въ Дудиной и приготовленіе къ поѣздкѣ за Тундру.

....Наконецъ наступало время путешествія внизъ по Енисею и за Тундру, которое я предположилъ начать въ концѣ января. Особыхъ приготовленій къ нему, кромѣ заготовленія запасовъ пищи и преимущественно сухарей, не было, потому что въ это время, или нѣсколько позже, ежегодно отправляется туда же одинъ изъ членовъ «отдѣльнаго управленія», и къ проѣзду его всегда заблаговременно дѣлается распоряженіе о присрочкѣ оленей. Но пред-

ставлялось затрудненіе, какимъ образомъ выѣхать, или, говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ, *подняться* изъ Туруханска, куда оленей не было присрочено; оставался одинъ способъ — выѣзда на собакахъ, для которыхъ болокъ — тяжелый экипажъ. Рѣшено было къ туруханскимъ собакамъ присоединить лучшихъ собакъ изъ ближайшаго станка Монастырскаго. Такъ и сдѣлали, и 28 января нашъ поѣздъ двинулся торжественно изъ Туруханска въ тотъ дальній и трудный путь, которымъ такъ устрашали меня. Толпа туруханцевъ, собравшаяся около экипажей, напутствовала насъ добрыми пожеланіями.

Изъ города верстъ 8, такъ-называемою дровяною дорогою, проѣхали на лошадяхъ, конечно запряженныхъ *гусемъ*, по-парно; тамъ же, гдѣ начинается чисто собачій путь, взяли собакъ, которыхъ въ болокъ мой было запряжено 20 самыхъ лучшихъ, и собаки весело и дружно потянули наши экипажи, такъ скоро, что проводники едва успѣвали бѣжать за ними на лыжахъ. Когда мы миновали острова и протоки, гдѣ мѣстами съ трудомъ пробирались между деревьевъ, и выѣхали на материкъ Енисея, я вышелъ изъ болка на передокъ его, чтобы посмотрѣть на картину нашего поѣзда. И дѣйствительно, она была интересна! Впереди разстилался широкою полосою Енисей, который намъ нужно было переѣхать съ лѣваго берега на правый, всего съ протокою верстъ около пяти; а тамъ вдали, въ ущельи, въ сугробахъ снѣга, виднѣлась, точно муха на бѣлой скатерти, Шорохинская станція. Хотя еще было рано, не больше трехъ часовъ, но день уже кончался; блѣдное солнце склонялось къ закату; облака, всегда густо застилающія небо, раздвинулись, и тихій вечеръ пріятно оживлялъ нашъ поѣздъ. Даже собаки, предвидя конецъ своимъ трудамъ, оживились; но уже не перепрыгивали чрезъ постромки, не путались и не грызлись, не озирались безпрестанно съ какимъ-то недоумѣніемъ на своего вожака, а безостановочно спѣшили впередъ; когда же и останавливались почему нибудь и ложились, по обыкновенію, на землю, то тотчасъ же дружнымъ воемъ требовали продолжать путь, и только при встрѣчѣ съ шорохинскими собаками вышла между ними непріязненная стычка, остановившая даже поѣздъ; впрочемъ грозное *та, та, та* (*), съ особеннымъ окликомъ самыхъ задорныхъ и съ прибавленіемъ нѣсколькихъ ударовъ бичемъ — тотчасъ же возстановили нарушенный порядокъ.

При въѣздѣ на станцію насъ встрѣтило все мужское населеніе, довольно значительное, помогая, по обычаю, пробираться экипажамъ по извилистой тропинкѣ между домами. Въ Шорохиной счи-

(*) Такъ погоняютъ собакъ.

тается 10 домовъ, принадлежащихъ осѣдлымъ якутамъ, духоборамъ, скопцамъ. Странно видѣть этихъ такъ-называемыхъ якутовъ, образующихъ особую шорохинскую управу, завѣдываемую старостою изъ среды ихъ же, и состоящихъ только изъ двухъ фамилій Сотниковыхъ и Самойловыхъ, дѣды которыхъ когда-то, въ давнія времена, вышли сюда изъ Якутской области и заселились тутъ. Потомки ихъ, слившись во всемъ съ русскими и даже не сохранивъ наружнаго типа своего, все еще считаются осѣдлыми якутами, и почему то, отличительно отъ прочихъ инородцевъ и жителей Туруханскаго края, платятъ особенныя подати и повинности, тогда какъ было бы справедливѣе, какъ они и сами желаютъ, перевести ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ поселянъ. Духоборы, назадъ тому 20 лѣтъ, сосланы сюда на поселеніе изъ Нерчинскихъ заводовъ за свою секту и живутъ лучше всѣхъ прочихъ жителей. Впрочемъ угодья, особенно рыбная ловля, почти вблизи самаго станка, одни изъ лучшихъ въ Шорохиной.

Все время, какое я провелъ въ Шорохиной, за чаемъ, въ весьма опрятномъ домѣ одного старика духобора, было посвящено бесѣдѣ о разныхъ мѣстныхъ интересахъ, и между прочимъ мнѣ представлены были якутами долговые реестры о считающейся на нихъ хлѣбной недоимкѣ, которой было на двухъ семействахъ до 1400 пудовъ, а по словамъ ихъ и роспискамъ въ платежѣ — недоимки должно быть гораздо менѣе, такъ какъ она въ разное время оплачивалась, но уплата показана не вполнѣ. Впрочемъ, подобные случаи встрѣчались почти повсюду, словно неизбѣжное зло....

Другой серьёзный предметъ, о которомъ жители высказывали свою нужду — было заведеніе лошадей, вмѣсто собакъ. Собаки сколько ни полезны въ этомъ краѣ, но содержаніе ихъ стоитъ весьма дорого, такъ-что нерѣдко не достаетъ дѣлаемыхъ запасовъ рыбы и потому надобно кормить ихъ хлѣбомъ; между тѣмъ для ѣзды по Енисею могли бы съ удобностью служить лошади, и по изобилію травъ, содержаніе ихъ не было бы такъ дорого. Только необходимо, для поддержанія дороги съ удобствомъ къ проѣзду на лошадяхъ, заводить послѣднихъ на нѣсколькихъ станкахъ совокупно; но этого достигнуть трудно какъ по бѣдности большей части жителей, у которыхъ не остается излишковъ отъ денегъ, получаемыхъ за почтовую гоньбу и за свои промыслы, такъ и по затруднительности пріобрѣтенія лошадей на мѣстахъ; представляется одинъ способъ — приплавить лошадей, посредствомъ участія правительства, на плотахъ изъ Енисейскаго округа; а всего лучше сдѣлать пособіе какому нибудь благонадежному старожилу въ устройствѣ конскаго завода.

Послѣ недолгой бесѣды съ благоразумными шорохинцами, я отправился въ дальнѣйшій путь, на станцію Ангутиху (35 верстъ). Эта станція — также одно изъ значительныхъ заселеній по тракту; тутъ семь домовъ (2 крестьянскихъ и 5 скопческихъ). Здѣсь промышляютъ самыхъ лучшихъ чировъ во всемъ краѣ. Въ Шорохиной насъ ожидали олени, приведенные изъ Усть-Курейскаго станка, за 70 верстъ впереди, единственнымъ тамошнимъ жителемъ, съ присоединеніемъ части тунгусскихъ съ озера Ментуйскаго; олени эти должны были доставить насъ до Денежкинскаго станка, — слѣдовательно сдѣлать оборотъ болѣе 200 верстъ. До слѣдующей Горошинской станціи переѣздъ—45 верстъ, и хотя на половинѣ, на бывшей Конощельской станціи, находится 4 скопческихъ дома, но они, не получая прогонныхъ денегъ, не относятъ и подводной гоньбы, такъ какъ станція эта, когда коренные жители погибли отъ бывшей эпидеміи, закрыта; но въ настоящее время, при сдѣланномъ вновь заселеніи, по обширности здѣсь переѣзда, слѣдовало бы ее возобновить. На Горошиной, гдѣ только два жилыхъ дома, мѣщанскій и поселенческій, мы были въ 10 часовъ утра.

Въ Усть-Курейкѣ (25 верстъ) остановились мы на нѣсколько часовъ; здѣсь находится магазинъ, и на вахтера поступило много жалобъ въ обвѣсѣ хлѣбомъ, припискѣ излишняго, произвольномъ возвышеніи цѣнъ и проч. Оказалось, по удостовѣренію и ревизіи магазинныхъ книгъ, что это правда. Представьте, что на приписныхъ къ этому магазину жителяхъ (которыхъ въ четырехъ, извѣстныхъ уже намъ, станціяхъ 64 души обоего пола, и между ними 20 скопцовъ, мало пользующихся казеннымъ хлѣбомъ) — считается недоимки до 14,500 пудовъ, слишкомъ на 13,000 р. сер., и изъ всѣхъ должниковъ на лицо только 5 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ долженъ 2,270 п. 30$^3/_4$ ф.; остальное же количество на разныхъ лицахъ, или посторонних, или умершихъ и отсутствующихъ, даже безъ означенія у иныхъ званій, именъ и вѣдомствъ, такъ-что врядъ ли болѣе десятой части всего этого долга можно признавать благонадежнымъ къ пополненію; въ томъ числѣ есть обнаруженныя растраты самими вахтерами, не говоря уже объ остающихся въ безвѣстности. Бывшій тутъ вахтеръ оказался, при безграмотности его, величайшій плутъ и вовсе, даже наружно, не походилъ на казака; за свое мошенничество онъ еще ранѣе смѣщенъ былъ съ должности вахтера одного изъ за-тундринскихъ магазиновъ и назначенъ сюда, какъ бы подъ ближайшій надзоръ; но это рѣшительно не исправило его, и оставалось лишь совершенно уволить его, съ преданіемъ законной отвѣтственности.

Близь Усть-Курейскаго станка впадаетъ въ Енисей значительная

рѣчка Курейка, вытекающая, за нѣсколько сотъ верстъ, съ сѣверо-востока, изъ озера Курейскаго, которое лежитъ на одной мѣстности съ озерами и болотами, служащими истокомъ многихъ рѣкъ, впадающихъ съ одной стороны въ Нижнюю Тунгуску, съ другой въ Хатангу. Въ 100 и 150 верстахъ отъ устья Курейки былъ нѣкогда казенный запасный магазинъ для остяковъ и тунгусовъ, имѣющихъ обыкновенно зимнее и частію лѣтнее пребываніе на близь лежащихъ озерахъ: Мантуйскомъ, Окуневомъ, Ершовомъ и Пеляжьемъ, изъ которыхъ первое болѣе извѣстно и обитаемо, и даже одно время посѣщалось священниками походной церкви. Живущіе здѣсь инородцы, преимущественно вѣдомства карасинской остяцкой управы и четырехъ-лѣтней тунгусской управы, исключая того времени, которое необходимо для звѣриныхъ промысловъ, остальное проводятъ неподвижно около озеръ, пропитываясь рыбною ловлею въ нихъ, и только въ извѣстные сроки выходятъ къ близь-лежащимъ магазинамъ за хлѣбомъ. Мѣстность эта одна изъ тѣхъ немногихъ мѣстностей края, гдѣ инородческое населеніе, обыкновенно бродящее повсюду, централизуется въ извѣстное время года, какъ бы принимая характеръ осѣдлой жизни.

Въ часъ ночи мы были на Денежкиной станціи (35 верстъ). Здѣсь смѣна оленей, и я назначилъ ночлегъ. На станціи единственный домъ крестьянина раздѣляется на двѣ половины: первая, гдѣ мы пріютились, имѣла двѣ чистыя, свѣтлыя и теплыя комнаты, въ которыхъ пріятно было отдохнуть. Мы расположились весьма удобно. По пріѣздѣ явился немедленно староста, — князецъ карасинскихъ остяковъ, уже около 20 лѣтъ состоявшій въ этомъ званіи, отлично говорившій по-русски; онъ, впрочемъ, съ первыхъ же словъ показался мнѣ что-то подозрительнымъ, потому что сталъ слишкомъ выхвалять себя и свое ловкое обращеніе съ начальствомъ, которое поэтому будто бы весьма довольно имъ; а между тѣмъ оказалось, что карасинскіе остяки, такъ же какъ и прочіе остяки, большіе лѣнтяи и бѣдняки, и у самохвала князя не нашлось даже достаточно оленей подъ экипажи мои. — Назавтра утромъ явилась хозяйка дома съ какимъ-то особенно печальнымъ и робкимъ выраженіемъ въ лицѣ. Это была молодая, опрятно одѣтая женщина и, какъ оказалось, весьма неглупая. На вопросъ мой о томъ, какъ они живутъ, она, не говоря ни слова, бросилась ко мнѣ въ ноги, обливаясь горькими слезами. Недоумѣвая о причинѣ, я поспѣшилъ ободрить бѣдную женщину и просилъ ее разсказать свое горе. Оказалось, что у нихъ въ домѣ нѣтъ ни фунта хлѣба, ни одной рыбы, — словомъ, ничего даже для дневнаго пропитанія цѣлой семьи; между тѣмъ тутъ хорошія рыболовныя мѣста, и такъ же,

какъ и на прочихъ станціяхъ, выдаются прогонныя деньги для пріобрѣтенія хлѣба. Но дѣло въ томъ, что хотя на станціи этой считается два дома, однакожь другой построенъ далѣе, болѣе нежели въ верстѣ, и владѣлецъ его — духоборъ, у котораго три сына — не ладитъ ни съ кѣмъ; подводную гоньбу, когда идетъ небольшая лодка, или плыветъ какой нибудь нарочный, относятъ они поочередно, между тѣмъ проѣзды лѣтомъ, въ одну сторону не менѣе 70 верстъ и въ другую 35 верстъ, иногда приводится дѣлать по нѣскольку дней, если случится дурная погода; такимъ образомъ, когда выпадаетъ очередь на единственнаго жителя станціи, мужа этой женщины, онъ долженъ или оставлять жену свою одну съ малолѣтними дѣтьми, оставлять свои рыбные промыслы, съ которыми одна женщина не можетъ справиться, терять снасти, столь дорогія здѣсь, и заставлять семью свою проводить цѣлые дни въ страхѣ и нуждѣ, или же, если возможно, брать съ собою всѣхъ въ подводы, что еще болѣе разстроиваетъ хозяйство, — на помощь же недружелюбныхъ сосѣдей нѣтъ никакой надежды. Эти-то причины (да притомъ и самъ крестьянинъ не очень расторопенъ) довели семью его до того, что у нихъ не было теперь ни хлѣба, ни рыбы, и бѣдная женщина не могла безъ слезъ говорить о своемъ крайнемъ положеніи. Мы помогли чѣмъ было возможно; а главное—нужно устранить то, что служило виною такого положенія жителей и не на одной, какъ увидимъ, станціи этой, то есть нужно бы увеличить населеніе, чтобы въ подводной гоньбѣ и промыслахъ не было столько затрудненія. Здѣсь было бы болѣе полезно населеніе скопцовъ (это и исполнено впослѣдствіи).

Напутствуемые благословеніями всей семьи обитателя Денежкиной, мы только мимоходомъ завернули на станцію Ново-Ермаковскую. гдѣ два дома духоборовъ, живущихъ безъ нужды, но недовольныхъ своимъ одинокимъ положеніемъ, — и поздно вечеромъ прибыли на Карасинскую станцію. Здѣсь четыре дома, казенный запасный магазинъ и вахтеръ. До полуночи прождали мы оленей, приготовленныхъ на смѣну тунгусами четырехъ-лѣтней управы: ихъ не могли собрать по тундрѣ. Въ чистомъ, тепломъ домикѣ, принадлежавшемъ бывшему вахтеру, промотавшему казенный хлѣбъ, я терпѣливо ожидалъ въ бездѣйствіи прибытія оленей, а вахтеръ между тѣмъ разсказывалъ мнѣ о повиновеніи и незаботливости инородцевъ, о неисполненіи принявшими изъ нихъ православіе священныхъ обрядовъ; онъ говорилъ, что многіе, будучи христіанами, упорно придерживаются шаманства и даже сами дѣлаются шаманами, тѣмъ болѣе, что туруханскій священникъ, къ приходу котораго они принадлежатъ, рѣдко посѣщаетъ мѣста эти; требы же, и то конечно самыя нужныя—кре-

щеніе и отпѣваніе — исправляются, по спопутности, ѣдущимъ изъ Дудиной въ Туруханскъ, или обратно, тамошнимъ священникомъ. Вообще религія здѣсь весьма слаба. Въ числѣ жителей станціи, явившихся ко мнѣ, былъ отставной казакъ, старикъ 95 лѣтъ, нѣкогда исправлявшій разныя должности по Туруханскому краю и бывалый всюду, — но отъ его продолжительнаго странствованія, конечно не лишеннаго обычной любостяжательности, осталось одно только дряхлое тѣло, не обезпеченное и въ дневномъ пропитаніи, и отсутствіе даже поверхностнаго воспоминанія о прошедшемъ. Онъ не могъ ничего сказать мнѣ особеннаго о быломъ, въ которомъ однакожь, во время долгой его жизни, какъ говорятъ, было не мало интереснаго, и только съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ поданную ему чарку водки. Другой явившійся ко мнѣ посѣтитель былъ поселенецъ; здоровый, рослый дѣтина, въ самой порѣ, онъ не зналъ, гдѣ ему пріютиться и что дѣлать съ собою. Будучи причисленъ къ Горѣловскому станку, опустошенному бывшею въ 1851 г. болѣзнію, гдѣ одному человѣку, не знакомому съ мѣстнымъ образомъ жизни, конечно нечего дѣлать, — онъ и странствуетъ по другимъ станкамъ, отыскивая въ нихъ пріютъ и занятіе себѣ, и меня убѣдительно просилъ причислить его куда нибудь, гдѣ бы онъ могъ быть чѣмъ нибудь полезенъ. Кстати приведу другой примѣръ несообразнаго поселенія на Горѣловскій же станокъ, послѣ опустошенія его. Чтобы не оставлять его долѣе пустымъ и не затруднять прилежащіе станки подводною гоньбою, мѣстное начальство (какъ оно само объясняетъ такую заботливость свою) поселило на этотъ станокъ, назадъ тому три года, двухъ семидесяти-лѣтнихъ скопцовъ, которые въ первую же зиму отъ старости померли. Когда скончался одинъ, товарищъ его, будучи и самъ боленъ, положилъ умершаго въ амбаръ, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и самъ, и только тогда узнали о смерти ихъ и похоронили.

Наконецъ въ полночь явился тунгусскій князь Ленке съ оленями, оправдываясь въ своей неисправности тѣмъ, что завѣдывающій другою половиною рода тунгусовъ старшина не прибылъ на сугланъ (*). Я не сдѣлалъ никакого взысканія и обласкалъ князца; но вахтеръ, который уже думалъ, что своими разсказами снискалъ мое благорасположеніе и Ленке можетъ быть обвиненъ безъ оправданія, напалъ на него, угрожая послѣ отъѣзда моего сдѣлать расправу. Я далъ волю казаку высказаться; однакожь смѣтливый и ободренный моимъ вниманіемъ тунгусъ доказалъ, что не столько онъ виноватъ, сколь-

(*) Назначенное сборное мѣсто.

ко самъ вахтеръ своими пристрастными распоряженіями въ пользу старшины. Изъ всего этого обнаруживалось лишь самоуправство вахтера и привычка его къ властвованію; я остановилъ его гнѣвные порывы, а князю сказалъ, что если есть какія либо нужды у его сородичей, онъ объяснитъ мнѣ ихъ въ обратный путь, такъ какъ теперь онъ, повидимому, затруднялся высказываться; и дѣйствительно предположеніе мое оправдалось. Вахтеръ видимо сконфузился и присмирѣлъ. Тутъ же на Карасиной я распростился, впрочемъ съ большимъ удовольствіемъ, съ лѣнивыми остяками, которыхъ уже далѣе къ сѣверу не обитаетъ.

1 февраля на Шушковскую станцію (25 верстъ) пріѣхали мы къ разсвѣту. Здѣсь одинъ жилый домъ (*), въ которомъ, въ отдѣльныхъ половинахъ, помѣщаются два родственныя семейства — вдова крестьянка съ малолѣтнимъ сыномъ и дочерью, и зять ея, поселенецъ, съ женою; но, какъ видно, между обоими семействами существуетъ раздоръ. Поселенецъ, красивый и бойкій молодецъ, хорошій писака, былъ нѣкогда писаремъ отдѣльнаго засѣдателя и, во время поѣздокъ съ нимъ по краю, полюбилъ на этомъ станкѣ дочь крестьянина, женился на ней и переселился сюда на житье; но, или дѣйствительно жена его оказалась плохою женщиною, или самому ему, привыкшему къ иной жизни, трудная жизнь на станкѣ надоѣла, только онъ разладился и съ женою своею и со всею семьею ея, и хлопочетъ о переводѣ своемъ куда нибудь въ другое мѣсто. На другой половинѣ дома, сырой и грязной (первая не была вовсе топлена), гдѣ мы остановились, больная мать-хозяйка, старуха, встрѣтила насъ жалобою на свою немощь, плохое житье и несогласіе семьи, и тутъ же вецеремонно перебранивалась съ своею невѣсткою, мужъ которой, тупоумный мужикъ, стоялъ неподвижно, съ апатичнымъ видомъ, печально понуривъ голову. Дѣйствительно, весьма скудная жизнь видна была во всемъ. На слѣдующую, Икарскую станцію (40 верстъ) мы добрались уже поздно вечеромъ, съ трудомъ, на уставшихъ оленяхъ. Морозъ былъ жестокій, не менѣе 35—40°, такъ что, при всей своей теплой одеждѣ и удобствѣ экипажа, я прозябалъ, а спутники мои задыхались отъ холода, и ни ѣхать, ни пѣшкомъ бѣжать не было возможности. Это былъ первый день изъ нашего путешествія, въ который мы порядочно пострадали; притомъ и Икарская станція оказалась еще хуже Шушковской. Это была единственная, тѣсная, буквально набитая людьми, и столь сырая изба, что по

(*) Другой домъ, пустой, принадлежитъ поселенцу, сосланному въ каторжную работу за убійство.

стѣнамъ текла вода; но мы были рады и ей, — далѣе за тундрою ждали насъ пріюты еще хуже. Впрочемъ по Енисею, говорятъ, Икарская станція единственная худшая; при этомъ и не такъ легко попадать въ нее, потому что, поднявшись на берегъ Енисея, нужно остановиться, — здѣсь губокій оврагъ, русло рѣчки, неудобное для проѣзда въ экипажахъ: уже далѣе до жилья, нѣсколько десятковъ саженъ, надобно добираться на ямщичьихъ санкахъ, или пѣшкомъ, и такъ же съ немалымъ трудомъ. Здѣсь, въ этой-то тѣсной избѣ, живутъ два семейства, и кромѣ ихъ пріютились на время двѣ поселки, назначенныя минувшимъ лѣтомъ на поселеніе на извѣстный пустой Горѣловскій станокъ, находящійся между Икарскимъ и Шушковскимъ станками. Безъ теплой одежды, безъ всякихъ средствъ и полубольныя, онѣ не знаютъ, что дѣлать съ собою. Опять неосновательное распоряженіе начальства — бросить на пустой станокъ двухъ женщинъ, лишь бы сказать, что онъ не пустой, тогда какъ эти женщины въ другомъ мѣстѣ края принесли бы болѣе пользы.

Нѣкогда на Икаркахъ, говорятъ, живали отлично, были большіе дома и всего избытокъ. Семейство крестьянъ Ш., существовавшее здѣсь, все перевелось, дома развалились, и лишь осталось обѣднѣвшимъ наслѣдникамъ скудное наслѣдство. Замѣтимъ, что на обѣихъ, Шушковской и Икарской, станціяхъ, хорошіе промыслы рыбы, вдоволь покосныхъ мѣстъ, родятся ягоды и проч., и получаютъ они, кромѣ своихъ прогоновъ, прогоны и за Горѣловскій станокъ, пополамъ, а живутъ плохо. Здѣсь смѣна оленей. Сами жители имѣютъ шесть штукъ, поэтому и были приготовлены олени тазовскими юраками и изъ сосѣдственной Носовской станціи, до которой мы доѣхали скоро. Хотя тутъ также одинъ домъ, но онъ довольно великъ и раздѣляется на двѣ половины; обитатели его, три брата, крестьяне П., живутъ весьма хорошо, имѣютъ 16 оленей, заведенныхъ впрочемъ только нынѣшнею зимою, большую рыболовлю, такъ что, кромѣ продажи рыбы, оставляютъ достаточный запасъ ея на цѣлую зиму, и наконецъ мало должны въ казну за хлѣбъ. Сегодня послѣдній день масляницы, т. е. заговѣнье, и хотя уже было четыре часа утра, однакожь мы, предполагая сохранять великій постъ, выполнили обычай, — заговѣлись по-русски добрымъ борщемъ, приготовленнымъ и замороженнымъ въ Туруханскѣ, и жареною телятиною, взятою оттуда же, и расположились порядкомъ уснуть въ тепломъ и покойномъ жильѣ, послѣ утомительнаго путешествія.

Назавтра утромъ мы въ 9 часовъ выѣхали на свѣжихъ оленяхъ и въ три часа дня были уже въ Плахиной. Эта станція, расположенная на красивой мѣстности Енисея, нѣсколько болѣе другихъ, потому что здѣсь магазинъ, вахтеръ и три жилыхъ

дома. Хотя къ магазину причислено шесть близь-лежащихъ станковъ, гдѣ всего 43 души обоего пола, находящихся на лицо, но двѣ трети недоимки (до 14,000 руб. сер.) состоитъ преимущественно на инородцахъ, не причисленныхъ къ магазину, изъ коихъ юраки тазовской управы, въ числѣ 120 человѣкъ, проживая съиздавна около плахинскаго магазина, постоянно пользуются здѣсь и хлѣбомъ, и ихъ нѣкоторымъ образомъ можно признавать законными потребителями хлѣба, тогда какъ, напротивъ, другіе инородцы: остяки, самоѣды и тунгусы, неправильно покупаютъ въ этомъ магазинѣ хлѣбъ, заимствуя его притомъ и изъ другихъ магазиновъ, къ коимъ они причислены. Кстати, говоря о юракахъ тазовскихъ, нельзя не сказать о странномъ и затруднительномъ положеніи ихъ. Юраки эти считаются причисленными къ магазину у часовни, гдѣ имѣютъ свое главное начальство, взносятъ тамъ ясакъ и отбываютъ подводную гоньбу, тогда какъ промыслы свои и постоянное жительство имѣютъ на Енисеѣ, въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ Таза, гдѣ также требуется отъ нихъ присрочка оленей, при проѣздѣ члена отдѣльнаго управленія, и потому давно хлопочутъ, чтобы ихъ совершенно отдѣлили отъ юраковъ, оставшихся на Тазѣ, и причислили бы окончательно къ тазовскому магазину, дабы не подвергаться разнымъ стѣсненіямъ и не выпрашивать у вахтера хлѣба, въ которомъ онъ можетъ отказать, или брать за него болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

На слѣдующей станціи (20 верстъ), Солтановской, гдѣ только одинъ домъ поселенца съ большимъ семействомъ и еще большимъ долгомъ въ казну за хлѣбъ, мы не выходили изъ экипажей и лишь перемѣняли нѣкоторыхъ уставшихъ оленей, и въ полночь были въ Хантайкѣ. Эта станція замѣчательнѣе другихъ. Здѣсь нѣкогда существовало извѣстное въ старину село Хантайское, въ которомъ считалось до 15 домовъ и была церковь; но теперь осталось, по преданію, лишь одно воспоминаніе, и недалеко отъ станка сохранились развалины деревянной церкви, разрушившейся окончательно назадъ тому не болѣе 15 лѣтъ; утварь церковная перенесена въ Толстоносовскую и Хатанскую церкви. На мѣстѣ села Хантайскаго теперь стоитъ уединенно одинъ домъ крестьянъ Б.; но этотъ домъ, большой, обшитый тесомъ, съ высокимъ крыльцомъ, крышею на четыре ската, бѣлою русскою печью въ пространной чистой избѣ, былъ достойнымъ потомкомъ своего предка—существовавшаго села—и свидѣтельствовалъ о благосостояніи своихъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, два брата Б. достаточно состоятельны, имѣютъ большіе рыбные и, частію, звѣриные промыслы, до 25 оленей, держатъ работниковъ, не заимствуются хлѣбомъ въ казнѣ,—словомъ, первые лю-

ли во своемъ околоткѣ. Какъ-то особенно пріятно было видѣть такое обезпеченное положеніе въ этой пустынѣ, гдѣ только и слышались одни жалобы на нужду. Я весьма охотно расположился здѣсь напиться чаю; но старшій хозяинъ видимо былъ чѣмъ-то озабоченъ и все подозрительно, изъ подлобья, посматривалъ на меня. Казалось, онъ будто ждалъ, скоро ли я, какъ обыкновенно водится здѣсь, разгнѣваюсь на какіе нибудь пустяки, приму строгій тонъ и дамъ почувствовать, что я знаю за нимъ кое-какіе грѣшки.... Но я продолжалъ спокойно пить чай; озабоченный видъ хозяина понемногу исчезалъ, и когда послѣ люди мои пригласили его къ чаю, какъ это дѣлалось нерѣдко, мужичокъ повеселѣлъ и сталъ разговорчивѣе. Зашла рѣчь о мхѣ, т. е. о бѣломъ оленьемъ мхѣ, и я неожиданно получилъ разрѣшеніе весьма любопытнаго вопроса, занимавшаго меня особенно. Разскажу это дѣло подробнѣе.

Въ одномъ фельѣтонѣ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» 1857 года напечатана была статья объ употребленіи въ человѣческую пищу бѣлаго мха. Тамъ объяснялась многосторонняя польза, какую мохъ этотъ приноситъ въ Финляндіи и Исландіи, служа важнымъ подспорьемъ хлѣбу. То же самое въ Туруханскомъ краѣ: хлѣбъ здѣсь составляетъ главную и дорогую потребность; по непроизводительности его краемъ, онъ доставляется казною и частными людьми, а между тѣмъ бѣлаго мха произрастаетъ не мало, особенно по тундрамъ. Разговорившись съ Б., случайно я узналъ, что печеніе хлѣба изъ мха, съ примѣсью муки пополамъ, дѣлалось имъ, по указанію одного поселенца, въ 1845 г., во время бывшей голодовки въ Туруханскомъ краѣ, когда жители питались древесною корою и шахтою. Приготовлялся мохъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. По собраніи и очисткѣ его отъ сорныхъ травъ, высушивали въ печи и потомъ растирали въ порошокъ, который, просѣявъ сквозь рѣшето или сито, смѣшивали съ мукою и пекли хлѣбъ. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался подобному извѣстію, потому что нигдѣ до сего времени не было ни малѣйшаго слуха объ употребленіи хлѣба изъ мха въ Туруханскомъ краѣ, и на дѣланные мною вопросы объ этомъ всѣ отвѣчали недоумѣніемъ и сомнѣніемъ, и даже бывшіе тамъ нѣкоторые отдѣльные засѣдатели, прослывшіе дѣловыми людьми, на офиціальные запросы отвѣчали отрицательно. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ писалъ, что затруднителенъ сборъ мха, высушка его, обращеніе въ порошокъ, что это отниметъ нужное время для рыболовли и что гораздо лучше замѣнить мохъ доставленіемъ прессованной капусты (*);

(*) Продававшейся тогда въ Енисейскѣ у одного золотопромышленника, въ числѣ другой прессованной зелени, въ такомъ количествѣ и по такимъ цѣнамъ,

между тѣмъ оказалось, что собираніе мха вовсе не составляетъ затрудненія, именно тѣмъ способомъ, какъ объяснено въ фельётонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», то есть всею семьею въ свободное время отъ другихъ занятій; мохъ сушить возможно и въ печи, и на открытомъ воздухѣ, и наконецъ надъ тѣми кострами, которые обыкновенно разводятся въ инородческихъ чумахъ, по особенному устройству надъ ними выше огня деревянныхъ перекладинъ, на которыхъ и мы, во время своего проѣзда, неоднократно разогрѣвали замерзшій хлѣбъ и просушивали разныя вещи; да и приготовляютъ же какимъ нибудь образомъ всѣ инородцы сушеную рыбу. Обращеніе мха въ порошокъ еще менѣе затруднительно, потому что его можно толочь или тереть въ деревянныхъ ступкахъ, или металлической посудѣ, такъ-называемыхъ чугункахъ и котлахъ, которые есть у всякаго жителя русскаго и инородца; притомъ и незатруднительно мѣстами завести ручныя жернова; рыболовля не отниметъ времени для собиранія мха, — его можно всегда собирать — и въ вѣтеръ, и въ ненастье, а рыбу не всегда можно ловить, какъ извѣстно. О замѣнѣ же хлѣба прессованною капустою и картофелемъ и говорить нечего, взявъ въ соображеніе одно только, что та и другой продавались въ Енисейскѣ 1 р. 25 к. с. за фунтъ, а за пудъ 55 р.; въ Туруханскомъ же краѣ, конечно, цѣна должна быть вдвое или втрое, по обыкновенію, тогда какъ хлѣбъ казенный продается нерѣдко въ 70 к. сер. и частный не дороже 1 р. пудъ. Но еще интереснѣе было другое возраженіе, показавшее, къ сожалѣнію, малое знаніе не только нуждъ, но и самой мѣстности края со стороны лица, завѣдывавшаго имъ нѣсколько лѣтъ. Оно пишетъ, что въ окрестныхъ мѣстахъ Туруханска, простирающихся отъ 700 до 1,000 верстъ и болѣе во всѣ направленія, мховъ, растущихъ на землѣ, именуемыхъ исландскій, олешій и подснѣжный, нѣтъ; а какъ эти мѣста лѣсисты, то есть только древесный. Между тѣмъ, въ дѣйствительности—напротивъ; исландскаго мха точно нѣтъ, но олешій начинаетъ расти за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Туруханска, какъ это доказывается тѣмъ, что по рѣчкѣ Локосихѣ, въ 25 верстахъ отъ Туруханска, постоянно обитаютъ оленные остяки; къ озеру Мундуйскому, въ 200 верстахъ отъ Туруханска, собирается много инородцевъ съ стадами оленей на цѣлую зиму; съ станціи Усть-Курейской, въ 125 верстахъ отъ Туруханска, и ниже, до самаго Дудинскаго урочища, въ 500 верстахъ, почти всѣми жителями заведенъ олешій скотъ, питающійся бѣлымъ мхомъ по близь-лежащимъ небольшимъ тундрамъ, или лайдашамъ.

что это только доступно золотымъ промысламъ, для которыхъ она и заготовлена была.

Въ продолженіе дня, 4 февраля, скоро переѣхали мы двѣ станціи, Денисовскую и Фокинскую (93 версты) до Лузиной; каждая—одно-дворна; но жители — въ одной крестьянинъ, въ другой мѣщанинъ— живутъ удовлетворительно. Въ первой мнѣ опять привелось быть примирителемъ домашняго несогласія. Старикъ-отецъ горько жаловался на неповиновеніе своихъ дѣтей и объявилъ рѣшительное намѣреніе бросить ихъ, удалившись въ монастырь. Надобно было какъ нибудь уладить раздоръ, и въ обратный путь я замѣтилъ уже болѣе согласія. Лузина—довольно большой станокъ, гдѣ казенный магазинъ, вахтеръ и 4 дома. Вечеръ, т. е. 3 часа дня, былъ ясный и теплый, и я съ особеннымъ удовольствіемъ, не входя въ квартиру, провелъ нѣсколько времени на открытомъ воздухѣ, осмотрѣлъ магазинъ, полюбовался живописнымъ мѣстоположеніемъ станціи. Съ неменьшимъ удовольствіемъ видѣлъ вездѣ признакъ благосостоянія, потому что около каждаго дома было нѣсколько амбарушекъ, гдѣ хранятся запасы и лежало много промысловыхъ принадлежностей; но еще съ большимъ удовольствіемъ, подходя къ своей квартирѣ, увидѣлъ я предъ собою порядочный домъ, вполнѣ городской архитектуры, открытое большое крыльцо передъ сѣнями, раздѣлявшими домъ пополамъ, и въ одной половинѣ двѣ чистыя выбѣленныя комнаты съ крашеною мебелью, диванчиками, покрытыми коврами, и т. п., такъ что можно было забыться, что вы почти въ 500 верстахъ къ сѣверу отъ Туруханска, если бы только льдяныя окна не напоминали объ этомъ. Хозяева этого дома, туруханскіе мѣщане, очень приличные люди, приняли меня съ большимъ радушіемъ; у нихъ до 50 оленей, да у прочихъ жителей столько же, такъ что ни на одной станціи нѣтъ ихъ такъ много. Кромѣ рыболовли въ обыкновенное время и на продажу енисейцамъ, жители промышляютъ осенью ежегодно до сотни осетровъ, которыхъ садятъ въ садъ, т. е. пускаютъ въ озеро, находящееся недалеко, и послѣ, по тонкому льду, вымевоживаютъ. Но, какъ видно, не столько мѣстный промыселъ даетъ выгоду этимъ оборотливымъ мѣщанамъ, сколько торговля съ инородцами и енисейцами: пріобрѣтая отъ первыхъ шкуры пушныхъ звѣрей, они сбываютъ ихъ послѣднимъ въ замѣнъ хлѣба. Голодный,—такъ какъ въ продолженіе трехъ сутокъ, кромѣ строганины (*), по случаю поста, ничего не ѣли,—я охотно принялъ предложеніе хозяевъ отобѣдать, и вскорѣ поданная горячая уха изъ прекрасныхъ стерлядей, да жареный чиръ, на осетровомъ жиру, показались мнѣ самыми изящными блюдами.

(*) Мерзлая сырая рыба, нарѣзанная лентами, въ видѣ стружекъ, которую ѣдятъ, пока она не растаяла, приправляя солью и перцемъ.

Существующій въ Лузиной магазинъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ учрежденія въ Туруханскомъ краѣ нѣкоторыхъ магазиновъ безъ существенной надобности въ нихъ, и поэтому безрасчетнаго или ненужнаго употребленія казеннаго хлѣба, слѣдствіемъ чего было значительное накопленіе недоимки. Такимъ образомъ, къ Лузинскому магазину, находящемуся съ одной стороны въ 70 верстахъ отъ Дудинскаго, и съ другой отъ Плахинскаго, причислено только два станка, гдѣ всѣхъ жителей, пользующихся казеннымъ хлѣбомъ — 11 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые не одолжаются изъ магазина, и двѣ самоѣдскія управы, Керасинскую и Кантайскую, въ коихъ около 500 душъ обоего пола, которымъ очень удобно было бы заимствоваться изъ другихъ, ближайшихъ магазиновъ; между тѣмъ всей недоимки на магазинѣ считается до 12,000 р. сер. и, конечно, преимущественно на самоѣдахъ (около 10,000 р.), тогда какъ они болѣе другихъ инородцевъ состоятельны къ платежу за хлѣбъ. (*) Что же это значитъ? То, что инородцы, пользуясь неопредѣленностью закона, дозволяющаго брать имъ хлѣбъ, кромѣ того магазина, къ которому причислены, изъ другаго, куда бы, въ случаѣ крайности, они вышли съ промысловъ своихъ, берутъ хлѣбъ вездѣ, и даже тамъ, гдѣ вовсе не можетъ быть надобности въ немъ, — такъ, наприм., на Толстомъ Носу, гдѣ они бываютъ только лѣтомъ для промысла рыбы и торговли съ енисейцами.

Опять спросите: какая же причина такого огромнаго долга, которой надобно же когда нибудь уплатить? Причинъ много, и онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ истинную причину бѣдственнаго положенія края.

Подъ вліяніемъ самаго пріятнаго настроенія духа я выѣхалъ изъ Лузиной и подъ тѣмъ же вліяніемъ остановился ночевать на станціи Вершининской (33 версты), гдѣ нашелъ такой же обезпеченный бытъ въ единственномъ крестьянскомъ домѣ, въ которомъ живетъ большое семейство, при трехъ взрослыхъ хозяевахъ-работникахъ. Прекрасный домъ, большая рыболовля, полсотни оленей свидѣтельствовали о достаткѣ обитателей. Такъ какъ слѣдующій переѣздъ въ село Дудину, резиденцію участка, былъ довольно большой, по Енисею 45 вер., а чрезъ мысы 30 верстъ, и притомъ порядочныя заструги на рѣкѣ поутомили порядкомъ, то я весьма охотно расположился

(*) Такъ, напримѣръ, на князѣ (старостѣ) хантайскихъ самоѣдовъ, человѣкѣ богатомъ, имѣющемъ нѣсколько сотъ оленей, считается недоимки болѣе 1,300 пуд., а на старшинѣ ихъ до 800 пуд., и кромѣ того первый изъ нихъ еще долженъ по Толстоносовскому магазину до 1000 пуд., а второй 480 пуд. 10 фунтовъ, и т. п.

ночевать въ теплой избѣ. Кстати о застругахъ. Такъ называются снѣговые наметы, навѣваемые вѣтромъ на Енисеѣ и на тундрахъ. Обыковенно они имѣютъ одно направленіе отъ сѣверо-востока къ юго-западу, какъ гряды волнъ. Мѣстами они бываютъ очень высоки и крѣпко убиты, такъ что при скорой ѣздѣ весьма достается и экипажамъ, и пассажирамъ; у первыхъ нерѣдко, при неосторожности вожаковъ, ломаются полозья и копылья; болокъ, какъ змѣя, извивается по застругамъ, прыгаетъ и скрыпитъ. На открытыхъ тундрахъ, гдѣ почти ничѣмъ не указывается путь, гдѣ кругомъ одна безпредѣльная пустыня и гдѣ, во время пути, потерять направленіе—значитъ погибнуть, заструги служатъ компасомъ; извѣстное расположеніе ихъ, соотвѣтственно мѣстности, указываетъ направленіе, которымъ должно слѣдовать къ опредѣленному пункту.

Назавтра, 5 февраля, рано утромъ, мы отправились въ Дудину. Свѣжіе олени, съ избыткомъ запряженные въ экипажи наши, быстро промчали насъ станцію эту, хотя, признаюсь, немало доставалось отъ застругъ. Чрезъ три часа остановились. Я полагалъ, что мы уже въ Дудиной, и дѣйствительно мы были тамъ, гдѣ бы должно быть селенію; но его нѣтъ. Первый предметъ, поразившій меня при выходѣ изъ болка, была каменная церковь, уединено стоящая среди обширной равнины. Только съ одной стороны, невдалекѣ, два домика раздѣляли уединеніе церкви и, притомъ, одинъ изъ нихъ былъ домъ скопца.... Село Дудино, которое бы должно было находиться здѣсь, на берегу Енисея, гдѣ построена церковь, основалось въ прежнее время и остается теперь далѣе, вправо, вверхъ по рѣчкѣ Дудинкѣ. Причина будто бы та, что туда заходятъ купеческія суда, укрываясь въ устье Дудиной отъ бурь, и тамъ удобнѣе вести торговыя дѣла.... Тутъ же находится казенный запасный магазинъ, и его я было предположилъ причиною моей остановки, тѣмъ болѣе, что на встрѣчу мнѣ выѣхали помощникъ отдѣльнаго засѣдателя, прибывшій ранѣе меня въ Дудину по дѣламъ службы, участковый смотритель и нѣкоторые изъ инородческихъ родоначальниковъ; но въ магазинъ попасть скоро было нельзя, потому что онъ кругомъ занесенъ снѣгомъ, а объ очисткѣ его не позаботились.

Повернувъ направо и проѣхавъ версты три, мы были въ селѣ Дудинскомъ, какъ оно называется. Я думалъ найти дѣйствительно нѣчто похожее на селеніе, потому что здѣсь все—и мѣстныя удобства, и выгоды положенія, и самое значеніе — давали возможность большей осѣдлости; но оказалось только четыре домика, едва замѣтные въ сугробахъ снѣга, и между ними ни одного, принадлежащаго мѣстному обывателю; тутъ были два дома енисейскихъ купцовъ, или мѣщанъ, торгующихъ здѣсь, въ которыхъ живутъ въ одномъ—дудинскій

приходскій священникъ, въ другомъ семейство хатанскаго за-тундринскаго священника; третій принадлежитъ смотрителю, а четвертый казаку вахтеру за тундрою, и въ этомъ послѣднемъ мы остановились, несмотря на сырое и холодное помѣщеніе. Что же бы значило такое отсутствіе кореннаго населенія, тогда какъ оно нужно здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь? Дудина—пунктъ, гдѣ останавливается большая часть судовъ, приплывающихъ и приплывавшихъ прежде изъ Енисейска,—тутъ и ярмарка какъ будто; здѣсь распутье къ Толстому Носу и за тундру, временный складъ привозимыхъ оттуда шкуръ пушныхъ звѣрей, большой съѣздъ инородцевъ, продажа пороха и соли, центральный хлѣбный магазинъ, къ которому причислено нѣсколько инородческихъ ордъ и пр. Говорятъ — жители охотно бы селились тутъ, да начальство ихъ не селитъ. Причина очень простая: все, что обращается въ Дудиной казеннаго и частнаго, обращается въ рукахъ небольшаго его населенія, преимущественно лицъ мѣстнаго управленія, и присутствіе постороннихъ тутъ неумѣстно, — поэтому и двумъ единственнымъ частнымъ домамъ, какъ-то основавшимся здѣсь на случай подводной гоньбы, указано жить около церкви. И дѣйствительно, когда — по пословицѣ, рука моетъ руку—и смотритель, и священникъ дружно правятъ своими вѣдомствами, что необходимо по такому близкому сосѣдству, кто вынесетъ на сторону, сколько именно мамонтовой кости, лисицъ, песцовъ и проч., долженствующихъ поступить въ казну, поступило на такое-то судно? кто увидитъ, на сколькихъ нартахъ, набитыхъ пушниною, выѣхали вахтера изъ-за тундры съ донесеніемъ о неуловѣ звѣри? кто объяснитъ инородцамъ дѣйствительную цѣну хлѣба, пороха, свинца? да и мало ли какихъ найдется поводовъ къ такому уединенію! — Вотъ какъ предусмотрителенъ человѣкъ, когда имъ руководитъ корысть, и когда эта корысть прикрывается такою защитою, какъ власть!

Лишь только я остановился въ своей квартирѣ, какъ пришелъ ко мнѣ мѣстный священникъ. Онъ здѣсь недавно, назначенъ изъ дьяконовъ другой эпархіи, живалъ въ Крыму, и по всему видно, что человѣкъ бывалый. Первая его жалоба (безъ этого нельзя), послѣ обычныхъ привѣтствій, была на одиночество церкви, на забвеніе ея и пастырями и прихожанами, на незаботливость однихъ и непокорство другихъ. Послѣ него стали представляться родоначальники инородческихъ ордъ: князцы съ старшинами самоѣдовъ хантайскихъ и карасинскихъ, долгано-жиганскихъ и долгано-тунгусскихъ и тунгусовъ трехъ-лѣтней управы. Вся комната наполнилась представителями этихъ племенъ, которые въ первый разъ видѣли начальника старше своего засѣдателя; но несмотря на то, они съ должнымъ

приличіемъ умѣли держать себя и весьма удовлетворительно отвѣчали на вопросы мои. Наружностью и во всемъ отличались самоѣды, и тотчасъ же было видно, что это большое и состоятельное племя; напротивъ, долганы и тунгусы были скромнѣе и въ пріемахъ, и въ одеждѣ. Самоѣды не высказали ни въ чемъ своей нужды, тогда какъ долганы и тунгусы жаловались на свою бѣдность и не скрывали, что они обременяются доставкою казеннаго хлѣба за тундру и подводною гоньбою. И дѣйствительно, обитая почти постоянно на Норильскихъ озерахъ, они обязаны законными условіями доставлять ежегодно до Авамскаго магазина, за 500 верстъ, чрезъ тундру, хлѣба 750 пуд., по цѣнѣ не болѣе 20 коп. сер. пудъ. Теряя на это часто нужное время для промысловъ, они теряютъ при переѣздахъ не мало оленей, и должны имѣть всегда наготовѣ упряжь, что здѣсь стоитъ довольно дорого; да притомъ, какъ ближайшіе инородцы, имѣющіе почти постоянное мѣстное жительство, они часто требуются для провоза то смотрителя участка, то вахтеровъ, то нарочныхъ за тундру. Избѣжать же всего этого трудно; но предстояла возможность помочь, т. е. прибавить плату за провозъ хлѣба и ограничить произвольное употребленіе подводъ, что и сдѣлано мною. Между тѣмъ самоѣды, бродя повсемѣстно со своими стадами оленей, вездѣ имѣютъ промыселъ, свободны и заботливо сохраняютъ бытъ свой. Ихъ воинственная, серьёзная физіономія рѣзко отличается отъ наружности тунгусовъ и особенно скромныхъ долгановъ. Послѣдніе почти всѣ крещены, болѣе другихъ ознакомлены съ религіею, весьма обходительны, тогда какъ изъ самоѣдовъ не многіе крещены; а тунгусы занимаютъ средину между долганами и остяками, которые хотя болѣе другихъ инородцевъ обрусѣли, но плохіе христіане и очень охотно придерживаются, какъ мы уже видѣли, шаманства.

Зная, что здѣсь не всѣ крещеные инородцы имѣютъ кресты, я взялъ съ собою запасъ мѣдныхъ крестовъ и бѣлую тесьму, и въ Дудиной въ первый разъ предложилъ ихъ тѣмъ, у кого не было крестовъ. Они съ радостью, особенно долганы, принимали кресты и, кромѣ того, выпрашивали ихъ для своихъ родныхъ, женъ, дѣтей. При этомъ случаѣ я пытался самоѣдскихъ родоначальниковъ склонить къ крещенію. Они пугались затруднительности выполненія обрядовъ. «Грѣхъ христіанину ѣсть пропастину», говорили они: «и жениться на некрещеной, да и бачка (священникъ) сердитъ» (взыскателенъ), а это, по мнѣнію ихъ, было стѣсненіемъ. Они питаются преимущественно олениной, ѣдятъ павшихъ и задавленныхъ волкомъ оленей; состоятельные имѣютъ по двѣ и по три жены, и ужасно боятся своего строптиваго начальства. Долго продолжалась

бесѣда моя съ словоохотливыми дикарями. Къ серьёзнымъ предметамъ примѣшивались и пустыя частныя дѣла. Каждый изъ присутствовавшихъ спѣшилъ что нибудь сказать. Слова, въ отвѣтъ на мои рѣчи: «ладно, ладно, бачка; пасибо, пасибо тебѣ», сопровождаемыя низкими поклонами, произносились безпрерывно каждымъ участвовавшимъ въ бесѣдѣ. Я очень утомился и по неволѣ долженъ былъ попросить гостей моихъ оставить меня до слѣдующаго свиданія. Оставшись одинъ, я сѣлъ съ моимъ будущимъ спутникомъ, помощникомъ засѣдателя, за нашъ незатѣйливый обѣдъ изъ свѣжей, прекрасной рыбы. Завтра предстояла поѣздка къ Толстому Носу. Нужно было отдохнуть, особенно моему слугѣ, не свыкшемуся съ этимъ труднымъ путешествіемъ. Другое лицо, взятое мною изъ Туруханска, хотя и безъ существенной надобности, но какъ бывалое въ этихъ мѣстахъ много разъ и опытное, служило въ качествѣ вожака, безъ котораго, по тундрамъ, съ незнающими русскаго языка инородцами, могло быть немало затрудненій. Это былъ отставной казакъ, уроженецъ Туруханскаго края, проведшій здѣсь всю свою жизнь, въ званіи вахтера и пристава. Еще бодрый старикъ, онъ имѣлъ здравый и основательный умъ, много оригинальнаго юмору и дѣйствительную честность. Знакомый со всею мѣстностью края, со многими событіями его, съ разными личностями, онъ былъ весьма полезенъ.

Вечеромъ того же дня опять посѣтилъ насъ священникъ, и мнѣ предстояла необходимость выслушать въ подробности многія претензіи его на смотрителя участка и прихожанъ, прочитать возникшую переписку объ этомъ, и, къ сожалѣнію, во многомъ рѣшить не въ пользу почтеннаго отца, хотя онъ показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и дѣятельнымъ; но такъ какъ мѣры, принятыя имъ для возстановленія порядка, поддержанія вѣры и особенно устройства своего хозяйства, были нѣсколько энергичны, стѣснительны и возбуждали жалобы, наиболѣе по послѣднему пункту, то я долженъ былъ весьма осторожно замѣтить заботливому пастырю, что въ такомъ краѣ, гдѣ все — природа и люди — недостаточно развиты, надобно быть терпѣливымъ, снисходительнымъ, кроткимъ; а время и трудъ сдѣлаютъ то, къ чему онъ стремится, если только будетъ стремиться спокойно, съ истиннымъ желаніемъ добра и пользы.

Утромъ, 7 числа февраля, мы были готовы къ отправленію на Толстый Носъ, внизъ по Енисею, къ самому крайнему пункту разъѣздовъ мѣстнаго управленія по этой рѣкѣ, почти въ прибрежьяхъ Ледовитаго океана. Эта поѣздка была на-легкѣ, по недальности и непродолжительности ея и потому, что изъ Толстаго Носа нужно было возвращаться въ Дудину.

До слѣдующей станціи, Ермиловской (35 вер.), мы доѣхали скоро. Она прежде называлась Солтановскою, по фамиліи бывшаго обитателя, а нынѣ называется такъ по имени единственнаго жителя, зажиточнаго крестьянина Ермила Лаптукова. Самого хозяина не было дома; онъ отправился за тундру, гдѣ нѣкогда имѣлъ значительную торговлю; насъ встрѣтила хозяйка, почтенная старушка. Домъ большой, крыльцо крытое, изба просторная и чистая. Готовъ уже былъ и самоваръ, и мы съ удовольствіемъ провели здѣсь часъ съ разговорчивой старушкою въ воспоминаніяхъ о быломъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ, но за то они содержатъ много сирыхъ и бѣдныхъ родственниковъ и чужихъ. Отсюда, миновавъ Ананьевскій станокъ (20 вер.), гдѣ также живетъ одно семейство туруханскихъ мѣщанъ весьма бѣдно, мы пріостановились далѣе, въ 5 вер., въ Лаптуковскомъ зимовьѣ.

Это зимовье замѣчательно. Здѣсь, не такъ давно, жилъ въ обширномъ домѣ, богато-убранномъ всѣми городскими принадлежностями благоустроеннаго жилища, единственный во всемъ Туруханскомъ краѣ купецъ Лаптуковъ. Фамилія Лаптуковыхъ здѣсь многочисленна: пять братьевъ происходятъ отъ бѣдныхъ родителей, коренныхъ жителей тундры. Трое изъ нихъ основались по р. Пясинѣ, а двое поселились по Енисею: одинъ изъ нихъ—уже знакомый намъ Ермилъ, а другой — Иванъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь. Иванъ, какъ видно, былъ предпріимчивый и оборотливый крестьянинъ, потому что скоро сдѣлался купцомъ и завелъ большую торговлю по всему низовскому краю и за тундрою, снабжая жителей всѣмъ нужнымъ; получаемыя же отъ нихъ шкуры пушныхъ звѣрей онъ сдавалъ въ Енисейскѣ тамошнимъ купцамъ, такъ что весь оборотъ его торговли простирался за тридцать тысячъ рублей сер., что составляло тогда большой капиталъ. Домъ его слылъ за полную чашу, а деньгамъ въ шкатулкѣ его, какъ говорили туземцы, не было счета, несмотря на то, что оригинальный старикъ любилъ порядкомъ, при случаѣ, выпить, подзадорить какого нибудь пріятеля и показать свою тароватость. Такъ, напримѣръ, однажды пріѣхалъ онъ въ Енисейскъ для разсчетовъ по своимъ дѣламъ, выпилъ гдѣ-то черезчуръ пуншу и отправился за покупкою въ гостиный дворъ; входитъ въ лавку, спрашиваетъ у купца прямо: что стоитъ весь товаръ въ его лавкѣ?—получаетъ отвѣтъ: столько-то,—и не говоря ни слова, тутъ же заплативъ всѣ деньги, велитъ продавцу немедленно убираться вонъ, а самъ запираетъ лавку, какъ уже законный владѣлецъ ея. Чуть ли это происшествіе было не одновременно съ подобнымъ же происшествіемъ также въ Енисейскѣ. Разскажу кстати и его: тамъ, въ тѣ же времена, жило нѣсколько человѣкъ богатыхъ

владѣльцевъ лучшихъ золотыхъ промысловъ. Какъ они жили, и говорить нечего, — разсказъ объ этомъ показался бы мнѣ самою вздорною сказкою не знающимъ прежняго быта нашихъ золотопромышленниковъ. Такимъ образомъ одинъ изъ этихъ могущественныхъ дѣятелей общественной жизни, разъ, послѣ дружеской вечеринки, возвращался домой со своими пріятелями, пѣшкомъ, — экипажи шли сзади. Ночь, вѣрно, была темная, и золотопромышленникъ, не разсмотрѣвъ впереди цѣлаго дома, выдавшегося какъ-то изъ общаго ряда, наткнулся на него и будто, разсказываютъ, прямо лбомъ. Послѣдствій, конечно, особенныхъ не было, исключая небольшой шишки на лбу; но онъ очень разгнѣвался. Пріѣхавъ домой, онъ тотчасъ потребовалъ управляющаго своими дѣлами, разсказалъ о нанесенномъ оскорбленіи дерзкимъ домишкою и приказалъ, чтобы завтра же его не существовало, а была бы на мѣстѣ его аллея деревьевъ, цвѣтникъ, или что нибудь подобное. Такъ и сдѣлано: домъ немедленно былъ купленъ въ десятеро дороже, чѣмъ стоилъ, сломанъ, мѣсто выровнено, усажено березникомъ, и господинъ N уже могъ идти въ другой разъ смѣло, самыми нетвердыми шагами, не опасаясь получить новой шишки на лбу; а бывшій владѣлецъ дома, не имѣвшій до этого чѣмъ поддержать его отъ разрушенія, выстроилъ на другомъ мѣстѣ новый большой домъ. Хотя герой разсказанной исторіи и кончилъ свое поприще тѣмъ, что попался вскорѣ въ тѣсныя обстоятельства, то есть подъ опеку за долги свои, но все-таки по смерти оставилъ порядочное состояніе своимъ наслѣдникамъ. Но туруханскій герой, напротивъ, не былъ несостоятельнымъ, не терпѣлъ убытковъ и не попадалъ ни подъ какія ощутительныя невзгоды, а по смерти единственный сынъ его остался почти ни съ чѣмъ. Большаго дома уже не существовало, — онъ сгорѣлъ со всѣми амбарами и кладовыми, и молодаго наслѣдника мы нашли помѣщавшимся въ тѣсной избѣ, кажется, передѣланной изъ бани; нѣсколько поломанныхъ вещей, стѣнные подсвѣчники, картины, посуда и т. п. свидѣтельствовали о минувшемъ богатствѣ его отца; да старые счеты, напоминая о десяткахъ тысячъ, переходившихъ чрезъ тѣ же руки, напоминали также объ оставшихся долгахъ, сборомъ которыхъ съ добросовѣстныхъ и сознательныхъ должниковъ и жилъ кое-какъ бѣдный Лаптуковъ. Куда же дѣвалось все богатство отца его? спросите вы. Будто не знаете, что когда умираетъ какой нибудь богатый человѣкъ въ городѣ, или, еще лучше, въ деревнѣ, и когда у него нѣтъ наслѣдниковъ, или наслѣдники несовершеннолѣтніе, то обыкновенно наличный капиталъ куда-то исчезаетъ внезапно, во время приведенія въ извѣстность имущества умершаго мѣстными властями, а вещи

оказываются у разныхъ лицъ, поступившими въ подарокъ отъ покойнаго, или же купленными у него передъ смертью. Такъ было и съ имуществомъ Лаптукова; а сынъ его былъ очень молодъ, да и по природѣ нѣсколько простоватъ, и потому не могъ воспротивиться существующему обычаю; притомъ, самовольные наслѣдники такъ ловко воспользовались своими правами сильныхъ людей, что потомъ, вслѣдствіе дошедшихъ какъ-то до начальства свѣдѣній о таковомъ, будто неправильномъ наслѣдованіи, представили и законныя доказательства на обладаніе имъ, то есть какія-то росписки или записки того же самаго наслѣдника. «Какъ же это случилось?» спрашивалъ я послѣдняго, когда онъ мнѣ разсказывалъ несвязно и неопредѣлительно о бывшихъ наѣздахъ для наслѣдованія отцовскаго имущества. «Не помню», отвѣчалъ онъ: «меня поподчивали водкою», и дѣло дѣйствительно рѣшилось дружелюбнымъ образомъ. Съ нимъ живетъ одинъ старикъ, еще служившій прикащикомъ, или чѣмъ-то въ родѣ этого, при покойномъ отцѣ, бывшій свидѣтелемъ наѣздовъ. Я позвалъ этого старика и сталъ у него любопытствовать; но онъ упорно отвѣчалъ: «ничего не знаю», ссылаясь на то, что его не пускали въ комнаты, и что онъ не видалъ, что тамъ дѣлалось....

Разскажу кстати случай, какъ обличился одинъ изъ наѣздниковъ за наслѣдствомъ Лаптукова. Знали, что у послѣдняго были хорошіе образа въ серебряныхъ ризахъ, которые онъ завѣщалъ въ церковь, но куда дѣвались образа послѣ его смерти — неизвѣстно. Былъ въ то же время въ Дудиной казакъ, вахтеръ С. (нынѣ уже умершій), большой негодяй, который принималъ также большое участіе въ судьбѣ имущества Лаптукова. Этотъ С. жилъ въ одномъ изъ двухъ домиковъ, находящихся нынѣ около церкви, въ Дудиной, на берегу Енисея. Разъ случилось большое наводненіе во время весны; ледъ несло массою по рѣкѣ и выбрасывало на берегъ, и вдругъ одна огромная льдина была выброшена какъ разъ къ тому самому дому, гдѣ жилъ вахтеръ, и такъ сильно ударила въ ветхій домъ, что выбила уголъ. Угрожала опасность жильцамъ; изъ Дудиной бросились помогать, и когда стали выносить вещи изъ дома, нашли между ними утаенныя иконы, тѣ самыя, которыя Лаптуковъ принесъ въ даръ церкви. Улика на лицо, и С. долженъ былъ обратить похищенные имъ образа по принадлежности.

Признаюсь, ни въ одномъ мѣстѣ изъ всего Туруханскаго края, исключая самого Туруханска, не казалось мнѣ время такъ длинно, какъ эти полтора часа въ Лаптуковскомъ зимовьѣ, пока готовился нашъ дорожный ужинъ.... Такъ непріятно было впечатлѣніе раз-

сказовъ о хищничествѣ и самоуправствѣ, хотя, по совѣсти сказать, подобные разсказы приводилось здѣсь слышать нерѣдко.

Отсюда до Малышевской станціи, 20 верстъ, проѣхали очень скоро. Здѣсь также однодворка: бѣдный домикъ трехъ братьевъ крестьянъ, которые порадовали меня извѣстіемъ, что они не должны въ казну, довольствуясь лишь 20 пудами хлѣба на всю семью; тѣхъ «роскошныхъ» ковригъ, которыми привыкъ питаться русскій мужичокъ, они не пекутъ, а дѣлаютъ лишь простые калачи изъ прѣснаго тѣста, употребляя ихъ только для лакомства; собакамъ же вовсе не даютъ хлѣба, и ко всему этому не жалуются ни на какую нужду. На Малышевской станціи мы смѣнили нашихъ подводчиковъ; вмѣсто долгановъ, поступили юраки Береговой управы, обитающіе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Толстому Носу. Долганы, какъ я уже говорилъ, сдѣлали на меня весьма выгодное впечатлѣніе, — это разумное, кроткое, привѣтливое племя. Никто изъ нашихъ вожаковъ не выказалъ столько смѣтливости и вниманія къ своимъ обязанностямъ, какъ долганы. Когда они входили въ избы, каждый сначала усердно молился Богу, а потомъ ужь кланялся; когда имъ подавали положенную порцію вина, сухарей, они принимали спокойно, безъ всякаго выраженія какой-то радости, подобно другимъ инородцамъ, и напротивъ, когда получали прогонныя деньги, не могли скрывать своего изумленія, потому что получать прогонныя деньги имъ никогда не доводилось. Долганы составляютъ небольшое племя, живутъ большею частію на Норильскихъ озерахъ и за тундрою, имѣютъ много сходства съ тунгусами, только гораздо ихъ образованнѣе, какъ ведущіе болѣе постоянную жизнь, и почти всѣ христіане.

На слѣдующей Крестовской станціи (однодворка, 35 верстъ) мы были утромъ 10 февраля. Такъ она называется отъ стоящихъ на берегу Енисея, съ незапамятныхъ временъ, нѣсколькихъ большихъ деревянныхъ крестовъ, которые отъ времени уже пришли въ разрушеніе. Происхожденіе этихъ крестовъ неизвѣстно. Одни разсказываютъ, что здѣсь нѣкогда было заселеніе, которое разорено взбунтовавшимися инородцами, жители убиты, и на мѣстѣ побоища поставлены кресты. Слѣды бывшихъ строеній видны и теперь. Другіе же говорятъ, что тутъ, по Енисею, приплывали офицеры какой-то экспедиціи съ того самаго гальота, котораго остовъ нынѣ находится на Хатангѣ, и ставили въ разныхъ мѣстахъ кресты на память; но далѣе, однакожь, крестовъ я нигдѣ не замѣтилъ. Здѣсь же существуетъ разсказъ о бывшей въ прежнія времена еретичкѣ, которая жила въ ямѣ бездонной глубины, и по временамъ являлась людямъ. Впрочемъ нынѣшніе обитатели не могли передать мнѣ ничего опре-

дѣлительнаго, да и всевѣдущій мой старикъ, казакъ П., оказался на этотъ разъ не болѣе ихъ знающимъ.

Слѣдующіе станки Селякинскій, Дураковскій, Казанскій, Сѣчинскій и Караульный до Толстаго Носа (84 версты) проѣхали мы въ продолженіе дня. Юрацкіе олени оказались довольно плохи; они очень измучены, потому что юраки ѣздятъ на оленяхъ и лѣтомъ, и даже на саняхъ, заставляя бѣдныхъ животныхъ волочить ихъ по тундрамъ. Олени долганскіе и тунгусскіе отличаются рослостью, потому что преимущественно обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ, и слѣдовательно мало подвергаются вліянію пургъ; напротивъ, самоѣдскіе олени, обитатели открытыхъ тундръ, малорослы. Всѣ станки, которые мы миновали, исключая Селякинскаго, однодворки, и жители ихъ довольно бѣдны. Поздно вечеромъ прибыли мы къ Толстому Носу. Здѣсь три дома, церковь и казенный магазинъ. Остановились мы у одного почтеннаго, зажиточнаго крестьянина. Вскорѣ по прибытіи поднялась пурга; порывистый вѣтеръ вторгался съ шумомъ во всѣ скважины, поднималъ снѣговыя облака, крутилъ ихъ.

Толстый Носъ—это мысъ на Енисеѣ, выше 4 верст. селенія, получившаго и самое названіе отъ него. Здѣсь Енисей раскидывается во всемъ величіи своемъ, служа какъ бы преддверіемъ той необозримой массы водъ, въ которую должenъ онъ излиться чрезъ нѣсколько сотъ верстъ. Еще ранѣе, около станка Селякинскаго, онъ дробится на множество рукавовъ, образуя острова; здѣсь же, у Толстаго Носа, разливъ его достигаетъ 60 верстъ, а далѣе, въ такъ-называемыхъ частныхъ островахъ, онъ еще шире, и наконецъ, у Карговскаго зимовья, нынѣ не существующаго, Енисей опять сливается въ одно русло, чтобы дружною массою вторгнуться въ предѣлы Океана, до котораго остается уже недалеко. Но развернемъ карту Туруханскаго края. На ней, по обоимъ берегамъ рѣки, губы ея и около самаго взморья, означено множество жилыхъ мѣстъ. Это значитъ, что нѣкогда тутъ была большая населенность и дѣятельность, а нынѣ осталось только нѣсколько зимовьевъ (*), разбросанныхъ на большомъ разстояніи одно отъ другаго.

Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: Пелятка, въ 60 и 70 вер. отъ Толстаго Носа, на противоположной сторонѣ отъ рѣки, гдѣ живетъ мѣщанинъ В., у котораго болѣе 700 оленей, и Лукинское, въ островахъ, въ 35 верст. отъ Толстаго Носа, гдѣ въ двухъ домахъ, одинъ отъ другаго за 6 верстъ, живутъ крестьяне К.; у нихъ также болѣе

(*) Между тѣмъ карта и до сего времени, съ показаніемъ прежнихъ жилыхъ мѣстъ, печатается и перепечатывается, какъ будто некому сообщить нужныхъ свѣдѣній къ исправленію ея.

150 оленей. Говорятъ, дома, устройство ихъ и бытъ этихъ полярныхъ обитателей таковы, что можно забыть, что вы въ Туруханскомъ краѣ, въ сосѣдствѣ вѣчныхъ льдовъ. Другія же зимовья не отличаются благосостояніемъ. Но, спросите, куда же исчезла прежняя населенность и что причиною этой перемѣны? Да, было время, когда весь этотъ край оживлялся большою дѣятельностью; это было тогда, когда богатые звѣриные промыслы, изобиліе въ рыбѣ и легкій способъ къ обогащенію привлекали сюда искателей счастія. Ихъ переселялось тогда не мало въ Туруханскій край, и даже существовалъ здѣсь цѣлый городъ Мангазея; а въ мѣстностяхъ Толстаго Носа усиленію населенія помогъ одинъ случай: разсказываютъ, что когда-то давно одно судно пробиралось изъ Архангельска моремъ въ Енисей и его затерло льдами, въ 500 верстахъ выше Толстаго Носа; команда, которой было не мало, судно бросила въ морѣ; сама же, съ чѣмъ только возможно, выбралась на берегъ и тутъ же осталась на постоянное жительство, занявшись выгодными промыслами; но нынѣ изъ пришлецовъ этихъ никого уже нѣтъ. Случай этотъ, бывшій, говорятъ, назадъ тому не менѣе 70 лѣтъ, напоминаетъ предпріятіе одного архангельскаго купца.

Изъ имѣющихся архивныхъ данныхъ, по этому предмету, извѣстно слѣдующее: коммерціи совѣтникъ и архангельскій 1-й гильдіи купецъ Вильгельмъ Брантъ, по предположенному проэкту совѣтникомъ правленія сѣвернаго округа карабельныхъ лѣсовъ въ Архангельскѣ Клюковымъ: какъ лучше и ближе можно достигнуть морскимъ путемъ до устья рѣки Енисея, снарядивъ своимъ иждивеніемъ три мореходныхъ судна, изъ которыхъ два имѣли назначеніе узнать удобность плаванія по Карскому и Сибирскому морямъ до рѣки Енисея, поручилъ экспедиціи эти изъявившимъ желаніе 24 флотскаго экипажа лейтенанту Кротову, корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручикамъ Пахтусову и Казакову и кондуктору Крапивину, съ согласія правительства.

Лейтенанту Кротову и находившемуся въ командѣ его штурману Казакову поручено, на шкунѣ Енисей, идти прямымъ путемъ, чрезъ Маточкинъ Шоръ и Карское море, до устья рѣки Енисея, и ежели льды Сибирскаго моря и вѣтры не попрепятствуютъ обратному ходу, то остановиться у острова Кускина, или у противолежащаго праваго берега Енисейской губы, только для опредѣленія широты и долготы мѣста и постановленія въ примѣтныхъ мѣстахъ знаковъ, что онъ былъ здѣсь, а потомъ стараться, безъ промедленія времени, отправиться обратно, съ тѣмъ, что ежели по близости мѣстъ этихъ встрѣтить самоѣдовъ, или русскихъ промышленниковъ, по обыкновенію

отправляющимся въ лѣтнее время къ устью рѣки Енисея для промыслов, то чтобы съ ними отправилъ въ Туруханскъ, на имя архангельскаго военнаго губернатора, бумаги, для передачи г. Бранту со всѣми нужными свѣдѣніями, касающимися до плаванія его. Подпоручику же Пахтусову назначено было, на шлюпѣ Карѣ, описать восточный берегъ Новой Земли, а потомъ перейти къ противолежащему берегу Сибири, и по достиженіи устья рѣки Енисея, войти въ нее на зимовку; а до вскрытія навигаціи промѣрить и описать Енисейскую губу и устье рѣки Енисея, для опредѣленія мѣста, гдѣ можно устроить портъ.

Главная же цѣль этой экспедиціи была открыть торговыя сношенія съ Зауральскими губерніями, т. е. Сибирью. Дальнѣйшія свѣдѣнія заключаются въ томъ, что ладья «Карское море», въ іюнѣ 1832 года, отправилась къ берегамъ Новой Земли и въ проливъ Маточкинъ Шоръ, для устройства тамъ становой избы съ принадлежностями, гдѣ бы можно было, въ случаѣ надобности, зимовать; а въ началѣ августа, шлюпъ «Новая Земля» и шкуна «Енисей», первый подъ командою подпоручика Пахтусова, имѣвшаго при себѣ кондуктора Крапивина, а вторая подъ командою лейтенанта Кротова и подпоручика Казакова, съ командою на обоихъ судахъ 17 челов. мезенскихъ и архангельскихъ жителей, отправились для описи восточнаго берега Новой Земли и изслѣдованія удобности плаванія по Карскому и Сибирскому морямъ до Енисейской губы, включительно. Но какіе были результаты экспедиціи этой, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ неизвѣстно.

Въ тѣ же времена приплывало къ Толстому Носу и далѣе—до 7 судовъ изъ Енисейска для засола рыбы, которыя въ разныхъ мѣстахъ оставляли такъ называемыхъ зимовщиковъ, постепенно, во время осенняго лова рыбы, и даже зимою, засаливавшихъ рыбу, тогда какъ нынѣ бываетъ здѣсь только два судна, и зимовщиковъ не оставляется. Засолъ рыбы производится въ одно только время прохода судовъ; они, идя впередъ, оставляютъ на извѣстныхъ мѣстахъ по одному и по два человѣка для покупки и засола рыбы въ готовую уже посуду. Тогда здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь по Енисею, все оживлено промысломъ рыбы. Кромѣ мѣстныхъ обитателей, сюда приплываетъ много инородцевъ, особенно хантайскихъ и карасинскихъ самоѣдовъ, которые такъ же, на свободныхъ и привольныхъ мѣстахъ, принимаютъ живое участіе въ промыслѣ.

На Толстомъ Носѣ главный ловъ осетровъ и муксуновъ. Первые попадаются въ изобиліи, отличаются особеннымъ вкусомъ мяса, чистаго, твердаго, цвѣтомъ какъ янтарь, и дешевизны необыкно-

возной,—высшая цѣна 1 р. сер. за пудъ; муксуны также ловятся въ избыткѣ, вкусны и дешевы,— 40 — 60 к. сер. за пудъ.

На другой день пріѣзда, когда собрались ко мнѣ почти всѣ жители окольныхъ станковъ, чтобы повидаться и поговорить о своихъ нуждахъ, главная рѣчь шла о настоящемъ затруднительномъ ихъ положеніи и способахъ, какъ пособить этому. Самые старѣйшіе и благоразумнѣйшіе обитатели выразили желаніе переселиться на нѣкоторые станки, лежащіе выше по Енисею, отъ Дудиной до Усть-Курейки, и причислиться къ находящимся тамъ магазинамъ, по слѣдующимъ причинамъ: а) по недостаточности выгодъ, получаемыхъ отъ промысла звѣря и рыбы, изъ которыхъ послѣднюю должны обывать приплывающимъ изъ Енисейска рыбопромышленникамъ за весьма низкую цѣну, не покрывающую даже расходовъ и на самый трудъ; б) по высокой цѣнности необходимыхъ предметовъ, для домашняго быта, которая налагается тѣми же рыбопромышленниками на привозимыя ими потребности, по отдаленности края; в) по неимѣнію достаточнаго числа собакъ для разъѣздовъ священника, чиновниковъ и вахтеровъ, для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей на такомъ обширномъ пространствѣ, отъ Дудиной до крайняго зимовья; г) по малочисленности общества, изъ котораго должны выбираться въ общественныя службы старосты и трапезники и д), наконецъ, въ избѣжаніе совершенной нищеты, служащей только къ отягощенію хлѣбнаго капитала и ведущей къ неоплатному долгу за хлѣбную недоимку и другіе сборы.

Такимъ образомъ, предположеніе это, какъ видно, заключало въ себѣ весьма много благопріятныхъ сторонъ, — и я почти былъ увѣренъ въ возможности исполненія его. Но, къ сожалѣнію, впослѣдствіи оказалось необходимымъ отказаться отъ него по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время; именно: по принятому распоряженію ссылать въ Туруханскій край всѣхъ скопцовъ, велѣно было обратить туда же бывшихъ въ ссылкѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи; образовалась огромная масса скопцовъ, которыхъ оказалось нужнымъ поселить на линіи между Туруханскомъ и Дудиной, или между Дудиной и Толстымъ Носомъ. Это-то именно остановило исполненіе предположенія. Въ первомъ случаѣ, при переселеніи жителей изъ низоваго участка, можетъ быть вообще стѣсненіе въ средствахъ къ жизни, а во-вторыхъ, скопцы завладѣютъ рыбными промыслами внизъ по Енисею, которые бы иначе остались собственностью переселенцевъ; лишиться же промысловъ будетъ для нихъ чувствительною потерею (*).

(*) Впослѣдствіи для ссылки скопцовъ назначены другія мѣста.

Пурга продолжалась по прежнему, и нельзя было сдѣлать шагу изъ комнаты. По необходимости надобно было остаться до завтра. Я, впрочемъ, не сожалѣлъ объ этомъ препятствіи, имѣя въ виду еще болѣе ознакомиться съ этою малоизвѣстною частью края. Между тѣмъ явились юрацкіе старшины, завѣдывающіе небольшимъ племенемъ, не болѣе 22 душъ ясачныхъ, и очень жаловались на свою бѣдность, которая проистекала въ особенности отъ безпечности ихъ: рыбные промыслы здѣсь хороши, дикаго оленя довольно, и слѣдовательно жизнь этихъ инородцевъ могла бы быть сносною. Неудивительно, конечно, что на приписныхъ жителяхъ къ магазину считается казеннаго долга за хлѣбъ до 12 тыс. р. сер.

Я имѣлъ время поговорить и съ остальными жителями зимовьевъ, находящихся далѣе за островами, на нѣсколько сотъ верстъ; но странно, что они, которые преимущественно должны были желать о выселеніи изъ своихъ захолустьевъ, гдѣ имъ ни въ какомъ случаѣ не откуда ждать помощи, какъ-то неохотно разставались съ своими жилищами: видно имъ, совершенно отчудившимся отъ людей, было тяжело начинать жить между людьми. Нечего говорить, что рыбная ловля главная ихъ промышленность, однакожь нельзя пройти молчаніемъ о существующемъ тамъ, хотя и весьма незначительномъ, промыслѣ дельфиновъ, бѣлыхъ медвѣдей и моржей. Первые заходятъ съ моря въ устье Енисея большими рунами. Ихъ ловятъ, какъ обыкновенную рыбу, пущальнями, длинными сѣтями, сдѣланными изъ тонкихъ бичевокъ, или ремней, укрѣпляя пущальни съ берега на толстыхъ канатахъ, якорями изъ камней. Попадаются дельфины вѣсомъ до 30 пудовъ, и одного жира на половину; мясо идетъ на кормъ собакамъ, жиръ сбывается инородцамъ, а изъ шкуры дѣлаютъ ремни для лямокъ на оленей. Здѣсь же добываютъ такимъ же образомъ и моржей, которыхъ употребленіе одинаковое, какъ и дельфиновъ; а бѣлыхъ медвѣдей бьютъ изъ ружей и колятъ, когда ихъ прибиваетъ къ берегу моря на льдинахъ, или когда они на самомъ берегу дѣлаютъ себѣ снѣговыя логовища. Но моржей и медвѣдей вообще промышляютъ очень мало, не потому, чтобы ихъ не было, а по отдаленности мѣстъ промысла и недостатка въ промышленникахъ.

Когда нѣсколько стихла погода, я осмотрѣлъ церковь и мѣстность Толстаго Носа. Церковь деревянная, простой архитектуры, въ видѣ часовни, хотя и очень давней постройки, но кажется постарѣвшею отъ разрушительнаго вліянія сыраго климата; внутри черна, оттого, что плохо выкладенная печь дымится, а исправить ее никто не умѣетъ; между тѣмъ глины много вездѣ кругомъ....

Выше селенія, въ двухъ верстахъ, мнѣ показали, на берегу Ени-

сея, возвышеный мысъ. Тутъ могила какого-то Пимена, давно, въ незапамятныя времена погребеннаго, о личности котораго, впрочемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. О смерти его разсказываютъ разнообразно; но болѣе похоже на то, что онъ былъ сосланъ за какое-то преступленіе, въ которомъ обвиненъ напрасно, и присужденъ къ повѣшенію на мѣстѣ ссылки. Когда нужно было исполнять приговоръ, Пименъ увѣрялъ, что скоро послѣдуетъ прощеніе, однакожь этому не повѣрили и казнь совершили надъ нимъ; между тѣмъ дѣйствительно прощеніе въ непродолжительномъ времени получилось. Похороненъ онъ на мѣстѣ имъ указанномъ, и самъ принесъ съ рѣки два большіе камня, которые и велѣлъ положить на могилу, что̀ и исполнено. Послѣ того времени деревянный памятникъ (голбчикъ) надъ могилою раза три перемѣняли по ветхости, но камни опять кладутъ на прежнее мѣсто. Пимена чтутъ не только мѣстные жители, но и приплывающіе енисейцы. Что̀ именно служитъ поводомъ къ почитанію Пимена—неизвѣстно, ибо о жизни его нѣтъ никакихъ свѣдѣній; развѣ преданіе о несправедливой казни его. Да еще разсказываютъ, что случалось видѣть по ночамъ свѣтъ на могилѣ, и такимъ образомъ одинъ мѣстный житель, заблудившись въ пургу на Енисеѣ, былъ спасенъ этимъ свѣтомъ, и когда усталыя собаки вывезли его къ могилѣ Пимена, онъ увидѣлъ тутъ горящія свѣчи.

Наконецъ пора распроститься съ Толстымъ Носомъ, гдѣ мы загостились долѣе обыкновеннаго. Садясь въ болокъ, я въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ эту безпредѣльную пустыню. Кругомъ, всюду только снѣгъ, одинъ снѣгъ; небольшія возвышенія съ одной стороны, а съ другой Енисей, раздробившійся между безчисленными островами и, какъ бы для удовлетворенія пытливаго взора, оставившій лишь тѣсную извилистую полосу незанятаго воднаго пространства къ противоположному берегу, чуть замѣтно синѣющаго вдали, быть-можетъ еще нѣсколько разнообразятъ это суровое однообразіе; и вездѣ одно и тоже, — только мелкій тальникъ, да сѣрый мохъ напоминаютъ, что и здѣсь бываетъ время, когда все оживаетъ, хотя и кратковременно. Да, бываетъ это короткое время грустнаго лѣта, но безплодная тундра ничего не производитъ кромѣ того, что она представляетъ и въ суровую зиму.

Вскорѣ за Дудиной кончается и та скудная лѣсная растительность, которая окружаетъ низовья береговъ Енисея. Я разумѣю здѣсь не сплошные хвойные лѣса, встрѣчаемые на пути до Туруханска и нѣсколько далѣе, но рѣдкій, чахлый и какъ-будто доживающій свой вѣкъ *листвякъ*. Отъ Ермаковской или Ананьинской станціи начинается чистая тундра,—только мѣстами, по островамъ,

попадается тальникъ. «Здѣсь нѣтъ вовсе лѣсу», спросите вы: «а какъ же строятъ дома и отапливаютъ ихъ въ длинныя, суровыя зимы?» Лѣсу такъ много, что въ немъ не только жителямъ Енисея, но и другихъ тундровыхъ рѣкъ, никогда не встрѣчается недостатка ни для постройки домовъ, ни для топки печей. Это лѣсъ наносный. Половодіе рѣкъ, особенно Енисея, несетъ въ изобиліи изъ лѣсныхъ населенныхъ мѣстъ массы деревьевъ, отрываемыя отъ береговъ, и нерѣдко уже готовыя отесанныя бревна, плахи, и даже цѣлые плоты и барки, такъ что часто немного требуется работы построить цѣлый домъ. Лѣсъ выбрасывается водою на берега, или перехватывается самими жителями.

Обратный путь нашъ совершился безъ всякихъ затрудненій. Опять привелось пробыть въ Дудиной около двухъ сутокъ, чтобы приготовиться къ путешествію за тундру. Приготовленія эти были уже гораздо серьёзнѣе, потому что нужно было предусмотрѣть и предупредить всякое затрудненіе, или какой либо недостатокъ, который могъ встрѣтиться во время продолжительной пустынной дороги. Между тѣмъ явились ко мнѣ представители еще одного племени—самоѣдовъ авамскихъ. Въ главѣ ихъ находился князь Масека, старикъ лѣтъ 60, весьма почтенной и серьёзной наружности; другіе старшины также отличались солидностью.

Всѣ они были опрятно одѣты въ свое народное платье и держали себя гораздо смѣлѣе прочихъ своихъ соплеменниковъ. Этимъ доказывалось, что авамскіе самоѣды, самое большое племя, своею самостоятельностью и даже нѣкоторою личною независимостью стоятъ выше всѣхъ другихъ инородческихъ племенъ, обитающихъ въ Туруханскомъ краѣ. Блуждая зимой, для звѣропромышленности и удовлетворенія разныхъ надобностей, на пространствѣ, лежащемъ между Енисеемъ, Пясиною и Боганидою, они, въ началѣ весны, выходятъ почти къ самымъ берегамъ Океана, гдѣ на рѣкѣ Таймурѣ и проводятъ все лѣто, занимаясь промысломъ оленей, составляющимъ главное занятіе ихъ. Такимъ образомъ, проводя всю жизнь въ движеніи, въ борьбѣ съ трудностями, добывая однихъ дикихъ звѣрей, и отчудившись отъ общенія съ русскими, авамскіе самоѣды сохранили свои нравы, обычаи и характеръ болѣе, чѣмъ другіе инородцы. Только старшины съ нѣкоторыми родовичами являются разъ въ годъ, въ извѣстное время, къ дудинскому магазину, къ которому они приписаны, хотя и весьма немногіе изъ нихъ пользуются казеннымъ хлѣбомъ, питаясь преимущественно олениною. Но это появленіе необходимо сколько для платежа ясака и сохраненія зависимости отъ мѣстнаго управленія, столько же для установленія чрезъ нихъ временныхъ станцій для проѣзда члена отдѣль-

наго управленія за тундру и обратно. Такое движеніе самоѣдовъ отъ юга къ сѣверу и обратно, а также занятіе опредѣленныхъ пунктовъ на пути проѣзда члена, совершается *аргишомъ*, то есть они медленно подвигаются впередъ съ своими чумами, со всѣми своими многочисленными стадами оленей и семействами, дѣлая дорогою небольшія остановки и охотясь въ это время. Этимъ-то путемъ и мы будемъ слѣдовать по тундрѣ, и воспользуемся случаемъ познакомиться ближе съ любопытными дикарями.

Масека привѣтствовалъ меня съ пріѣздомъ, и былъ не только крайне удивленъ, но и огорченъ, когда я отказался принять отъ него подарки — нѣсколько песцовыхъ шкуръ, съ которыми онъ явился ко мнѣ, какъ съ обычною данью начальнику. Когда я объяснилъ ему, чрезъ переводчика и самъ, сколько могъ, причину отказа, то есть, что не беру взятокъ, — Масека нѣсколько понималъ по русски, — онъ убѣдился моими словами, кланялся усердно и благодарилъ, что бачка говоритъ правду, и объявилъ, что съ этой поры онъ станетъ больше ясака давать, а не будетъ никому дѣлать подарковъ. Тотчасъ же передалъ своимъ родовичамъ мои слова и свое рѣшеніе, которые также немало были изумлены небывальымъ явленіемъ между ними въ краѣ, гдѣ бахчишъ играетъ главную роль въ всѣхъ сношеніяхъ властей съ подвластными. Впрочемъ жалобъ на первыхъ въ этомъ случаѣ не приносили, — я думаю, не столько, между прочимъ, изъ общаго опасенія жалующихся на неизбѣжное впослѣдствіи возмездіе за жалобу, удовлетвореніе которой получается обыкновенно рѣдко и никогда своевременно, а скорѣе по той естественной причинѣ, что существованіе права старшаго и сильнаго здѣсь безспорно, а слѣдовательно и то, что дѣлается имъ незаконнаго, но освященнаго временемъ и обычаемъ, утрачиваетъ передъ привыкнувшимъ къ своему положенію, угнетеннымъ и удаленнымъ отъ защиты жителемъ всякое значеніе какого либо личнаго произвола. Такъ должно быть, иначе нельзя, не бывало и не будетъ, — такое было убѣжденіе въ этомъ обитателей бѣдной страны.

II.

Отъѣздъ за тундру. — Смѣна оленей. — Самоѣдскій чумъ. — Самоѣды и бытъ ихъ. — Пясинская тундра. — Пясина отъ Веденскаго зимовья до Черновскаго. — Авамская или большая тундра. — Самоѣдская семья; больныя самоѣдки; забавная старуха. — Цѣнность денегъ. — Хозяйка самоѣдка и дѣти ея. — Переѣздъ чрезъ большую тундру. — Самоѣдское божество. — Авамъ—урочище. — Дудыпта и Авамъ рѣки. — За-тундринскія жилища. — Поѣздка на самоѣдскихъ

санкахъ; пурга и ночь на тундрѣ. — Боганидскіе тунгусы и князь ихъ. — Рѣчка Пайтурма. — Вадеевскіе самоѣды; князь ихъ Тайчунъ. — Боганида, — еще путешествіе на самоѣдскихъ санкахъ. — Филипповская станція. — Тынтагадатель. — Енисейскіе якуты и илимпейскіе тунгусы. — Переѣздъ на Хету и подвижной чумъ. — Красивая якутка. — Рѣчка Хета; проѣздъ по ней. — Осѣдлые якуты. — Прибытіе на Хатангу.

Теперь за тундру, на Хатангу, 13-го февраля утромъ, послѣ завтрака, мы были готовы въ путь. Поѣздъ нашъ составлялъ истинный караванъ; сколько я ни старался объ уменьшеніи числа экипажей, но сократить рѣшительно не было возможности. Я же, не зная мѣстности, не могъ настаивать, чтобы не быть въ отвѣтственности за какія либо послѣдствія; да притомъ съ нами же возвращался вахтеръ, приготовлявшій по тундрѣ оленей, какъ это всегда прежде дѣлалось. Нужно было пока невольно покориться существующему порядку.

Дорога за тундру сначала идетъ по рѣчкѣ Дудинкѣ, верстъ шесть, потомъ рѣчкою Косою, версты три, и наконецъ выѣзжаютъ на ближайшую тундру, покрытую рѣдкимъ и сухимъ лиственичнымъ лѣсомъ, почти безъ сучьевъ. Верстъ черезъ 30 первая смѣна, до которой доѣхали мы весьма скоро, и я не выходилъ здѣсь изъ болка. Тотчасъ же перемѣнили оленей и вскорѣ въѣхали въ открытую тундру, тянувшуюся безпредѣльнымъ пространствомъ въ обѣ стороны, покрытымъ небольшимъ снѣгомъ и мѣстами оголеннымъ до земли. По проѣздѣ 30 или 40 верстъ, миновавъ полосу открытой тундры, начинаютъ показываться небольшія возвышенія, покрытыя лѣскомъ; далѣе и далѣе возвышенія обращаются въ холмы, и лѣсъ дѣлается гуще. Наконецъ часовъ въ восемь вечера, переѣхавъ какое-то неизвѣстное озеро, остановились мы у одного самоѣдскаго чума, — ихъ было тутъ два съ нѣсколькими семействами; множество оленей бродило вокругъ. Вошли въ чумъ, которому я былъ весьма радъ, потому что задыхался въ своемъ сокуѣ — онъ тѣснилъ мнѣ лицо и, обмокнувъ и покрывшись куржакомъ, сталъ нестерпимъ. Чумъ былъ обширный, изъ ровдугъ и олениинъ (то есть изъ оленьихъ шкуръ, безъ шерсти и съ шерстью, какъ мѣхъ), осыпанъ кругомъ снѣгомъ. По срединѣ пылалъ костеръ; густой, ѣдкій дымъ носился въ верхней части чума, такъ что, при входѣ въ узкія двери, въ которыя нужно, согнувшись, пролѣзать бокомъ, не давалъ сначала возможности ничего видѣть. Намъ указали мѣста направо, гдѣ прямо на снѣгу настланы были доски и покрыты оленьими шкурами. Когда я совершенно освободился отъ своего несноснаго костюма и помѣстился передъ костромъ, защитившись нѣсколько отъ дыма, ощути-

лась пріятная теплота. И какъ всѣ мы были рады и яркому огню, такъ привѣтливо согрѣвавшему насъ, и этому чуму, казавшемуся въ эту минуту, послѣ десяти-часовой ѣзды, великолѣпнѣе всякаго станціоннаго дома. Струганина составила намъ импровизованный завтракъ; а чай, приготовленный на льдяной водѣ, хотя немножко припахивавшей дымомъ, мы пили не спѣша, съ такимъ же удовольствіемъ, какъ пили бы лучшій чай на ключевой водѣ.

Между тѣмъ я съ любопытствомъ разсматривалъ окружавшіе меня предметы. При входѣ въ чумъ, мы нашли здѣсь, по правую сторону костра—обычное мѣсто хозяевъ — только трехъ женщинъ, хозяекъ чума; вскорѣ стали собираться и другіе обитатели обоихъ чумовъ. Каждый приходившій, если онъ давно не видался съ прочими, привѣтствовалъ всѣхъ поцалуемъ, не исключая и женщинъ. Поздоровавшись со всѣми, самоѣдъ садился въ общій кружокъ къ своимъ ближайшимъ знакомымъ или родственникамъ, и такъ образовалось двѣ или три линіи кружковъ; наши вожаки, какъ гости, заняли мѣсто впереди. Задымились у самоѣдовъ небольшія ихъ трубочки, которыя они безпрерывно набивали табакомъ, смѣшивая его тутъ же съ мелкими деревянными стружками, и живой разговоръ завязался между собесѣдниками. Какъ жаль было, что я не могъ понимать ихъ языка, довольно пріятнаго, и прислушаться къ предметамъ ихъ бесѣды, которую они вели совершенно спокойно и свободно, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, новыхъ лицъ, и даже будто не обращая на нихъ вниманія. Спутникъ мой, помощникъ засѣдателя, смотрѣлъ непріязненно на эту свободу, очевидно непонятную для него не только при отношеніи какого нибудь самоѣда къ старшему начальнику, но даже лично его самого къ этому послѣднему,—и мнѣ не разъ приводилось удерживать горячія замѣчанія его за такое нарушеніе чинопоклоненія. Сколько однакожь ни говорили въ пользу этого народа личныя его свойства, въ то же время по всему было видно, какъ мало соотвѣтствовали имъ внѣшнія условія его быта. Животная, грязная жизнь выражалась во всемъ. Подлѣ костра висѣлъ чугунный большой котелъ, который одна изъ старухъ самоѣдокъ безцеремонно надвинула на костеръ, положила туда нѣсколько нечистыхъ снѣговыхъ глыбъ, лежавшихъ тутъ же, дала имъ растаять, и потомъ, принеся изъ запасовъ нѣсколько кусковъ оленины, бросила ихъ также въ котелъ. Это приготовлялся ужинъ для вожаковъ, отправлявшихся съ нами. Немного прошло времени, какъ онъ былъ уже готовъ, т. е. вода только-что согрѣлась и мясо растаяло и развѣ-развѣ немного сварилось. Та же старуха сдвинула котелъ съ костра, достала черныя отъ грязи, деревянныя ложки, называемыя *селяками*, и выложивъ на нихъ мясо, по-

дала кому слѣдовало, а эти жадно принялись за свой ужинъ. Окончивъ мясо, ужинавшіе дикари принялись за жидкость, въ которой оно варилось, и такъ же спокойно пили, поочередно, изъ ковша эту нечистую влагу; но что изумило меня, въ противоположность видѣнному, — ужинъ свой они закончили умываньемъ рукъ и лица. Все было готово далѣе въ путь, — мы поспѣшили. Прекрасная свѣтлая ночь озаряла дорогу нашу.

Здѣсь слѣдовалъ переѣздъ чрезъ озеро Пясинское, которымъ и нужно было ѣхать около 50 верстъ. Я видѣлъ его только въ началѣ, т. е. съ вечера, и въ концѣ, утромъ, на другой день, сохранивъ въ памяти лишь неясный очеркъ озера; остальное время спалъ крѣпко послѣ утомительнаго дня. Въ 7 часовъ утра, переѣхавъ Пясинскій хребетъ, покрытый камнями, торчавшими на-голо, мы выѣхали на рѣку Пясину и остановились въ первомъ пясинскомъ зимовьѣ, называемомъ Веденскимъ. Мы были за тундрою пясинскою, но еще не за настоящею, такъ-называемою Большою тундрою. Рѣка Пясина вытекаетъ изъ Пясинскаго озера, нѣсколько юго-восточнѣе нашего пути, течетъ довольно большимъ русломъ прямо на сѣверъ и впадаетъ въ Океанъ. На протяженіи 70—80 верстъ находится по ней нѣсколько русскихъ зимовьевъ, которые хотя и принадлежатъ къ затундринскому обществу по гражданскому управленію, но по церкви — дудинскаго прихода; объ этомъ-то, между прочимъ, была у меня бесѣда съ жителями Веденскаго зимовья, состоящаго изъ двухъ домовъ крестьянъ, извѣстной уже намъ фамиліи по герою Лаптуковскаго зимовья, живущихъ весьма порядочно. Дудинскій священникъ еще ранѣе объяснилъ мнѣ, что онъ ни одного раза не былъ на Пясиной для исполненія своей обязанности, а жители не выѣзжаютъ въ Дудину. Первому нѣтъ возможности попасть сюда, потому что инородческіе олени присрочиваются только для проѣзда засѣдателя или помощника его въ опредѣленномъ числѣ и, съ проѣздомъ ихъ, инородцы удаляются по своимъ мѣстамъ; пясинскіе же жители, исключая лишь одного, не имѣютъ оленей, а на собакахъ затруднительно совершать переѣздъ въ 150 верстъ, и даже невозможно поднять экипажъ священника; а если случается имъ провозить нужныя бумаги или нарочнаго, то дѣлаютъ это съ большимъ трудомъ, подвергаясь опасностямъ въ малоизвѣстной имъ тундрѣ, гдѣ только инородецъ смѣло совершаетъ путь, не страшась и пурги. Я уже сказалъ, что въ Веденскомъ мы нашли безнуждный бытъ жителей и даже самоваръ, что̀ здѣсь большая рѣдкость. Говорятъ, прежде тутъ живали весьма хорошо, когда съ за-тундрою вели торговлю, и нѣкоторые енисейцы отправляли свои караваны въ самую глубь тундры и до Есейскаго озера, когда тундра наполнена была песцами и ко-

гда народонаселеніе еще не было ослаблено губительными болѣзнями.

Напившись чаю въ Веденскомъ, гдѣ была и смѣна оленей, мы до слѣдующаго зимовья, Половиннаго (30 верстъ), проѣхали не болѣе двухъ часовъ. Здѣсь одно небольшое зимовье, въ которомъ помѣщается весьма тѣсно многочисленная семья, живущая бѣдно, но однакожь не сознающая своей нужды, потому что привычка къ лишеніямъ и невѣдѣніе лучшаго освоили ее съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ она находится. На вопросъ мой хозяину дома: сколько онъ съ своей семьею употребляетъ хлѣба въ годъ?—онъ отвѣчалъ преналивно: «много же будетъ, пудовъ десять, пятнадцать въ годъ», и утверждалъ, что предовольно. Конечно рыба всѣхъ родовъ, которою изобилуетъ Пясина, особенно прекрасные нельмы и чиры, доставляетъ удовлетворительную пищу. Для всѣхъ пясинскихъ жителей, при проходѣ транспорта съ казеннымъ хлѣбомъ за тундру, оставляютъ здѣсь, въ нарочно устроенномъ амбарѣ, до 50 пуд., и ими вполнѣ довольствуются всѣ жители. И это не удивительно, когда для обитателей всей тундры доставляется только 750 пуд. и недостатка въ хлѣбѣ не ощущается.

Къ вечеру мы были въ Заостровскомъ зимовьѣ, гдѣ и расположились обѣдать.

Далѣе мы миновали зимовье Черновское, гдѣ два дома, и Крыжовское, лежащее еще далѣе 15 верстъ по Пясиной, съ которой, недалеко отъ зимовья Черновскаго, нашъ путь дѣлаетъ поворотъ направо, къ сѣверо-востоку, чтобы пересѣчь Авамскую тундру, пустынный, необитаемый переѣздъ, болѣе чѣмъ чрезъ 300 верстъ, и самый опасный отъ бывающихъ здѣсь большихъ пургъ.

Первый переѣздъ до ближайшаго самоѣдскаго чума, верстъ 60, составляетъ какъ бы преддверіе къ самой тундрѣ. Онъ заключается частію въ открытыхъ мѣстахъ, частію въ холмахъ, покрытыхъ мелкимъ и рѣдкимъ лиственичнымъ лѣсомъ. Около полуночи, мы остановились у чума въ урочищѣ, называемомъ Край чистой тундры, по которой слѣдуетъ одинъ безсмѣнный проѣздъ на 130 верстъ. Это—лощина, открытая до самаго моря, и здѣсь-то полный разгулъ страшнымъ сѣвернымъ бурямъ. Временную станцію нашу составляли два чума, около которыхъ группировались стада оленей и было множество санокъ разной величины, то пустыя, то съ какою-то поклажею. Смотря на все это, подумаешь, что здѣсь большой съѣздъ инородцевъ. Ничего не бывало; инородцевъ только то число, какое нужно для подводъ, или немного болѣе, и то большею частью хозяева чумовъ; многочисленность оленей и санокъ доказываетъ лишь

состоятельность послѣднихъ. Каждый членъ самоѣдскаго семейства имѣетъ, по обыкновенію, нѣсколько своихъ собственныхъ оленей въ общемъ стадѣ и нѣсколько санокъ, которыми и управляетъ во время аргиша — передвиженія съ одного мѣста на другое; также имѣетъ особый пай въ промыслѣ дикихъ оленей, запасаетъ отдѣльно для себя пищу, и вообще обязанъ обычаемъ, живя нераздѣльно въ одномъ семействѣ, устраивать собственное хозяйство. Это-то хозяйство, заключающееся въ одеждѣ, пищѣ, шкурахъ звѣрей и проч., размѣщается по санкамъ каждаго владѣльца и хранится въ нихъ. Въ чумѣ же имѣется только необходимое для ежедневнаго употребленія. И здѣсь, если помѣщается вмѣстѣ нѣсколько семействъ, разумѣется, родныхъ, каждое изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный уголъ, котораго занять другое не имѣетъ права. Для насъ, при проѣздѣ, всегда очищалась лѣвая сторона чума, а хозяева всѣ соединялись на правой.

Чумъ, у котораго остановились мы, принадлежалъ брату Масеки, состоятельному самоѣду. Это былъ очень помѣстительный и хорошо устроенный чумъ. Въ немъ мы нашли только двухъ бодрствующихъ старухъ,—остальное семейство спало. Заняли свою обычную, лѣвую сторону; но одна изъ женщинъ, дряхлая старуха, упорно оставалась на той же сторонѣ, съ краю отъ входа. Оказалось, что это была мать Масеки и хозяина чума, пользовавшаяся, по своему званію, особеннымъ уваженіемъ, и мы какъ по этому, такъ и потому, что мѣста было довольно для всѣхъ, оставили ее въ покоѣ. Пока мы пили чай и ужинали, обезпечиваясь къ предстоявшему длинному переѣзду, готовились въ дорогу и подводчики наши; но какой-то озабоченный разговоръ занималъ ихъ, и повременамъ слышалось слово «пурга». Спросили ихъ, о чемъ говорятъ, и не будетъ ли пурга? Они отвѣчали нерѣшительно. Я велѣлъ спутникамъ моимъ, уже знакомымъ съ здѣшними бурями, удостовѣриться о состояніи погоды, но ничто особенное не показывало серьёзнаго измѣненія ея, и только едва чувствовалось легкое направленіе воздуха съ сѣвера, подернувшагося также легкою мглою вдали, едва замѣтною. Мѣсяцъ свѣтилъ вполнѣ, небо было совершенно ясно. Удостовѣрялся и я самъ — и также ничего, кромѣ того, что уже сказалъ, не замѣтилъ; но проводники все оставались при нерѣшительныхъ отзывахъ въ пользу хорошей погоды, не отказываясь, впрочемъ, отъ поѣздки. Однакожь, несмотря на понятное желаніе скорѣе перебраться за опасную тундру и тѣмъ болѣе избавиться отъ непріятнаго ночлега въ холодномъ и дымномъ чуму, я, руководясь мудрою пословицею: «утро мудренѣе вечера», рѣшился переночевать здѣсь. Расположились кое-какъ, въ-повалку, на принадлежавшей намъ сторонѣ чума,

не запасшись даже нужною одеждою изъ экипажей, въ увѣренности завтра утромъ отправиться далѣе.

Безпокойный разговоръ старухъ и безпрестанный приходъ любопытныхъ долго не давалъ уснуть намъ, такъ-что нужно было безъ церемоніи остановить и бесѣду, и посѣщеніе. Все затихло; было тихо и внѣ чума, — я заснулъ крѣпко; но вдругъ, спустя нѣсколько времени, слышу страшную суматоху въ чумѣ и за чумомъ. Думаю сначала, не во снѣ ли это грезится. Нѣтъ! За чумомъ спѣшно набрасываютъ на него снѣгъ съ одной, обращенной къ сѣверу, стороны, именно той, гдѣ мы спали; внутри самый чумъ, съ той же стороны, укрѣпляютъ тяжелыми слегами. Видно, всѣ озабочены тѣмъ, чтобы чумъ удержать на мѣстѣ. Сбылось предсказаніе самоѣдовъ: была дѣйствительно пурга, сначала еще довольно слабая, и этимъ временемъ пользовались, чтобы обезопасить себя. Дѣлать нечего, остается спокойно и терпѣливо выжидать благопріятной погоды. Я такъ и рѣшился сдѣлать; но сонъ уже былъ встревоженъ; вмѣстѣ съ завываніемъ вѣтра слышались еще въ чумѣ какіе-то странные стоны. Пурга усиливалась, чумъ скрипѣлъ, какъ-то судорожно потрясаясь подъ взрывами бури, все было въ озабоченномъ состояніи. Еще кое-какъ съ начала утра можно было выйти изъ чума; но вскорѣ ураганъ сдѣлался такъ силенъ, что уже не было никакой возможности показаться изъ нашего прибѣжища; въ двухъ шагахъ ничего не было видно, снѣгъ вило и крутило съ необыкновенною быстротою.

Всѣ мы благодарили Бога, что не поѣхали ночью далѣе, а то буря застигла бы насъ на самой тундрѣ, и наше положеніе было бы истинно бѣдственное. Обыкновенно при такихъ случаяхъ, чтобы не растеряться по неизмѣримой пустынѣ, тотчасъ же останавливаются, экипажи ставятъ въ линію по вѣтру, оленей крѣпко связываютъ въ кучу и прикрѣпляютъ къ экипажамъ, въ которые укрываются и сами путешественники на все время пурги, оставаясь въ нихъ неподвижно, а проводники ложатся на свои санки или на землю. Вообще, въ это время ни подъ какимъ предлогомъ нельзя ни на шагъ удаляться отъ становища, — иначе можно потерять его и погибнуть въ метели. Въ такомъ-то незавидномъ положеніи остаются несчастные путешественники во все время пурги, хотя бы она продолжалась цѣлую недѣлю, питаясь одними сухарями, единственною пищею, имѣемою всегда вблизи себя; снѣгъ вьетъ и навѣваетъ огромные сугробы на все, что только имѣетъ какое либо возвышеніе отъ земли, заноситъ кругомъ и экипажи, и людей, и оленей; и наконецъ, когда пурга стихаетъ, нужно выбиваться изъ-подъ снѣгу, приводить въ порядокъ нарты, наполненныя снѣгомъ, отыскивать оленей, по-

торыхъ буря разгоняетъ иногда. И, слава Богу, если все это кончится ни чѣмъ болѣе, т. е. никто не пострадаетъ серьёзнымъ образомъ, Случается и это.

Такое-то положеніе ожидало насъ на неопредѣленное время, если бы мы выѣхали вчера; правда, и теперь, въ дымномъ чуму, среди безцеремонной самоѣдской семьи, на снѣгу, только покрытомъ тонкими дощечками и грязными оленинами, положеніе наше было незавидно; но во всякомъ случаѣ, мы находились въ безопасности. Сопровождавшій меня отставной казакъ, много разъ бывавшій здѣсь, разсказываетъ, что въ одно время привелось ему выжить, подъ пургою, въ самоѣдскомъ чуму, мѣсяцъ и три дня, а въ другое—пролежать на открытой тундрѣ, въ нартѣ, подъ снѣгомъ цѣлую недѣлю. Покорившись спокойно необходимости, я началъ свой день, послѣ непріятнаго чаю изъ снѣговой воды, тѣмъ, что сталъ ознакомливаться съ окружавшею меня семьею самоѣдовъ и жизнью ихъ. Въ чумѣ оказалась большая семья: кромѣ матери Масеки, его первая старая жена и двѣ дочери дѣвушки, братъ Масеки съ женою и нѣсколькими дѣтьми. Молодыя самоѣдки были больны, лежали почти неподвижно и безпрерывно стонали, и этотъ-то стонъ слышался мнѣ ночью; съ одною изъ нихъ иногда дѣлались судорожные припадки. Крайне и безпомощно было состояніе этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, оставленныхъ безъ попеченія. Чѣмъ онѣ были больны—неизвѣстно, и никто не могъ объяснить болѣзни ихъ. Совершенно одѣтыя, онѣ лежали неподвижно цѣлый день; почти никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Сколько возможно было дать выразумѣть самоѣдамъ, какъ помочь больнымъ, по крайней мѣрѣ доступными средствами, особенно предохраняя отъ дальнѣйшей простуды, я сдѣлалъ это и, какъ оказалось впослѣдствіи, не напрасно: самоѣдкамъ стало гораздо лучше. Между тѣмъ старуха-самоѣдка, сосѣдка наша, оказалась пренаивнымъ существомъ. Безпрерывно она что-то копошилась въ своемъ углу, разбирая хранившійся тамъ разный хламъ, и если въ это время кто нибудь изъ казаковъ шутя подсматривалъ за нею, она очень сердилась. Ко всему, къ чему возможно было, она припрашивалась, и особенно къ табаку, никакъ не довольствуясь тѣмъ, сколько давали,—а пепломъ, выбивавшимся изъ трубки моей, гдѣ конечно была и часть табаку, пользовалась неупустительно; еще болѣе пристрастна была къ вину, но истиннаго вкуса въ немъ, какъ видно, вовсе не знала: налили случайно въ бутылку, гдѣ было вино, воды, и какъ въ тоже время старуха припросилась и къ этому, то ей не отказали, и она осталась былю предовольною,—только замѣтивъ, что смѣются, и понявъ въ чемъ дѣло, разсердилась не на шутку. Сама же за все, чѣмъ пользовались отъ

нея, напримѣръ: оселкомъ, ножемъ, иглою, которые конечно тотчасъ же и возвращались, она непремѣнно просила *наемъ*, плату, не считая дѣлавшихся ей послугъ. Я подарилъ ей мелкую серебряную монету; никто изъ самоѣдовъ не зналъ ея значенія и цѣнности, и когда имъ разъяснили это, не видно было, однакожь, никакого впечатлѣнія. Ясно, что они не понимали цѣнности денегъ и тѣмъ болѣе серебра, не находящихся здѣсь въ большомъ обращеніи. Вообще въ Туруханскомъ краѣ все почти производится на мѣну, и что-либо опредѣленное изъ мѣстныхъ произведеній служитъ нормою оцѣнки всего. Такимъ образомъ за тундрою все оцѣнивается на песца, который служитъ установленною единицею, и на песцовыя лапы, какъ дроби, составляющія двадцать одного песца. Если какая нибудь вещь стоитъ нѣсколько рублей и копѣекъ, говорятъ: столько-то песцовъ и лапъ. Нормальная цѣна песцу 60—70 коп. сер., а лапѣ 3—3½ коп. сер. Сообразно этому разцѣниваются шкуры и другихъ пушныхъ звѣрей и получаемые, взамѣнъ ихъ, разные предметы потребностей.

Въ продолженіе дня ознакомилось съ нами все семейство самоѣдовъ, жившее въ чуму; хозяйствомъ его завѣдывала молодая женщина, жена брата Масеки: она успѣвала вездѣ; не смотря на пургу, рубила дрова на открытомъ воздухѣ, носила ихъ въ чумъ, готовила пищу, сама хлопотала съ дѣтьми и при этомъ весьма заботливо ухаживала за маленькою дочерью. Годовой ребенокъ, нагой и грязный, лежалъ въ колыбели особеннаго устройства, въ родѣ овальнаго ящика, — онъ былъ предметомъ ласки для всѣхъ самоѣдовъ, своихъ и чужихъ. —Также прочіе дѣти, мальчики съ большими животами, вѣроятно отъ неумѣреннаго употребленія пищи при отсутствіи дѣятельности, были почти наги, и вся эта юная семья держалась то около матери, то около отца. Въ семейной жизни этого племени я съ удовольствіемъ замѣтилъ не мало чувства пріязни, что видно изъ любви къ дѣтямъ и всегда привѣтливой встрѣчи между собою, — между тѣмъ примѣровъ домашняго раздора я не слыхалъ. Жаль, что незнаніе языка, недостатокъ времени и невѣжество вахтеровъ, которые съ трудомъ могли объяснять самые обыкновенные предметы, не давали возможности изучить ближе, какъ этотъ народъ, такъ и другія племена Туруханскаго края, съ которыми встрѣчался я. Обращаюсь къ нашей жизни въ чуму. Несмотря на совершенное неудобство ея, мы въ обычное время дня пили чай, обѣдали и ужинали, хотя, по правдѣ сказать, при имѣвшихся у насъ хорошихъ запасахъ, все это было весьма дурно: вода изъ нечистаго льду со снѣгомъ, постоянный дымъ, грязь и шерсть отъ звѣриныхъ шкуръ по-своему приправляли наши скромныя кушанья, конечно, изъ рыбы, такъ

что не мало доставалось отъ нихъ и на долю самоѣдовъ, которые, напротивъ, не стѣснялись ничѣмъ: они такъ же въ извѣстное время ѣли весьма аппетитно, по нѣскольку разъ въ день, оленину въ разныхъ видахъ, то полусвареную, то совершенно сырую и мерзлую, и наконецъ олеиій жиръ, какъ лакомство. На ночь всѣ обитатели чума, самоѣды, располагались за-просто, по домашнему, снявъ съ верхней части тѣла одежду и укрывшись подъ одѣяла, сдѣланныя въ видѣ куля и прикрѣпленныя одними концами къ шестамъ чума; тоже самое дѣлали безцеремонно и супруги, помѣщаясь на одно ложе и подъ одно одѣяло. Скоро все успокоивалось въ чуму; погасалъ и костеръ; вмѣсто тепла дѣлалось страшно холодно. Только буря свирѣпствовала по прежнему, завывала по тундрѣ, потрясая слабый чумъ, и наводила невыносимую тоску на душу въ ночной тишинѣ, а къ этому присоединялись по временамъ стоны больныхъ самоѣдокъ.

Утро слѣдующаго дня (16 февраля) началось для насъ позже обыкновеннаго, потому что продолжавшаяся буря, холодъ и отсутствіе какого либо дѣла представляли каждому право располагать собою по произволу, т. е. спать, сколько хотѣлось. Къ обѣду порывы вѣтра стали какъ будто рѣже,—мы ожили; а къ вечеру, противъ ожиданія, погода затихла, такъ-что мы рѣшились отправиться далѣе, хотя съ немалымъ опасеніемъ, ибо затишье это могло быть кратковременно и могъ послѣдовать возвратъ пурги. Часовъ въ 8, или 9 вечера собрались и выѣхали. Хотя на тундрѣ и остались слѣды пурги—легкая метель, но мы безпрепятственно совершили къ 8 часамъ утра 130 верстовой переѣздъ. Такъ какъ вѣтеръ не совершенно еще стихъ, то наши вожаки не угадали попасть на то мѣсто, гдѣ находился станціонный чумъ, и довольно долго блуждали, пока нашли его. Въ чумѣ, поставленномъ на урочищѣ, называемомъ Чорнымъ, по имени рѣчки, отъ слова чернолѣсье, какъ величаютъ чахлый, рѣдкій листвякъ, ростущій здѣсь, мы напились чаю и тотчасъ же отправились далѣе. Слѣдовавшій переѣздъ, 65 верстъ, полагали совершить такъ же скоро; но, напротивъ, холодный и пронзительный вѣтеръ, почти таже пурга, и большія заструги, особенно въ лѣсу, весьма замедляли ѣзду нашу, такъ-что нужно было дѣлать порядочные объѣзды *лайдами*, т. е. открытыми безлѣсными мѣстами, маленькими тундрами. Уже вечеромъ прибыли мы къ чуму, на станцію, на урочищѣ Гусиномъ, гдѣ и обѣдали. Въ чуму помѣщались три семейства самоѣдовъ; большія стада оленей, точно мухи, покрывали всю окружающую мѣстность и представляли картину весьма оживленную. Здѣсь, между прочимъ, изъ множества санокъ, пустыхъ и съ разною поклажею, обратили на себя вниманіе одни небольшія саночки, грубо раскрашенныя красною краскою и находившіяся на другихъ

обыкновенныхъ. Оказалось, что въ нихъ сохраняется *шайтанъ*, божество самоѣдовъ; я попросилъ показать мнѣ эту рѣдкость. Принесли ее въ чумъ, развязали ремни, которыми были перепутаны сапочки, выбросили изъ нихъ множество разныхъ лоскутьевъ оленины и достали, съ самаго дна, деревянную куклу грубой работы, обвитую ремнями,—и только. Я было пожелалъ узнать значеніе этого божества, но никто ничего не могъ объяснить мнѣ.

Переѣздъ къ Авамскому магазину, заключающій такое же почти пространство, какое проѣхали мы сюда, совершили мы гораздо лучше, хотя дорогою останавливались на часъ для починки изломавшагося полоза у одного изъ экипажей. Въ 2 часа ночи прибыли къ Аваму. Здѣсь половина пути между Дудиною и Хатангою. Трудно передать удовольствіе, съ какимъ мы расположились въ теплой русской избѣ, при сознаніи, что совершенъ путь чрезъ опасныя тундры. Впереди, хотя столько же до Хатанги, но тамъ болѣе или менѣе жилыя мѣста и можно опредѣлительно расчитывать время. Авамское урочище, гдѣ казенный запасный магазинъ и два крестьянскихъ дома, находится на берегу рѣки Дудыпты, при устьѣ Авама. Дудыпта, довольно значительная рѣка, вытекаетъ изъ озеръ, въ глубинѣ самой сѣверной части края, недалеко отъ Балахны, впадающей въ Хатангскій заливъ, и направляя теченіе свое къ югу, соединяется съ Пясиной въ 150—200 верстахъ отъ истока ея изъ озера, и уже подъ именемъ Пясины впадаетъ въ море, образуя теченіемъ своимъ полукругъ. Авамъ же, также довольно значительная рѣчка, выходитъ изъ тундръ и впадаетъ въ Дудыпту съ лѣвой стороны. Та и другая весьма рыбны. Берега ихъ то отлоги, то возвышены, а по Дудыптѣ встрѣчаются горы; но тѣ и другія безлѣсны. На Авамѣ постоянно живутъ крестьяне, братья Б., происхожденія якутскаго, и одинъ изъ нихъ, будучи христіаниномъ, занимался прежде шаманствомъ, но нынѣ оставилъ это и живетъ какъ должно. Это уже чисто затундринскіе жители, у которыхъ не найдете ничего, что бы напоминало какія нибудь условія другой жизни. Одежда—оленьи шкуры въ разныхъ видахъ, пища—рыба, оленина и дикая птица, жилища устроены по характеру климата тундры, т. е. вмѣсто однихъ сѣней дѣлаются трое въ извилистомъ направленіи, съ тѣсными и низкими дверями, такъ, чтобы во время пургъ не могли они забиваться снѣгомъ; въ сѣняхъ сохраняется запасъ всего нужнаго для обыденнаго существованія, не исключая дровъ, на случай метелей, пока онѣ не позволяютъ выходить изъ зимовья; окна зимою льдяныя, а лѣтомъ изъ рыбьихъ шкуръ, печи изъ битой глины, безъ трубы, и дымъ стелется по избѣ, имѣя исходъ во время топки лишь въ открываемыя двери и въ отверстіе надъ печью, которое, по вытопленіи пе-

сѣней, тотчасъ закрывается, и тогда, послѣ холода, пока топилась печь, дѣлается вдругъ нестерпимо жарко. Такое-то жилище составляло первый ночлегъ нашъ за тундрою; но такъ какъ кругомъ широкія лавки, и притомъ было тепло и покойно, то мы не могли желать ничего лучшаго. Шкура *чачукона*, каменнаго барана, служила мнѣ самою пріятною постелью. Всѣ находились въ самомъ хорошемъ настроеніи духа. Къ Авамскому магазину считается приписныхъ русскихъ жителей до 80 душъ обоего пола, обитающихъ, на протяженіи болѣе 400 верстъ, въ 11 зимовьяхъ или урочищахъ, и инородцевъ, тунгусовъ 2-хъ лѣтней управы, въ числѣ 180 человѣкъ обоего пола, блуждающихъ по тундрѣ. Къ сожалѣнію, несмотря на незначительность ежегоднаго потребленія хлѣба по магазину, 250 пуд., и всегдашнюю возможность расплаты, и здѣсь считается недоимки болѣе 3,500 пуд., отъ тѣхъ же причинъ,—злоупотребленій вахтеровъ. Радовало меня по крайней мѣрѣ то, что за нынѣшнимъ вахтеромъ, молодымъ и толковитымъ казакомъ, не было замѣчено никакихъ грѣховъ.

Не останавливаясь надолго въ Авамѣ, потому что и инородцевъ, которые бы могли высказать свои нужды, почти не было, по неизвѣстности времени прибытія нашего, мы назавтра (18 февраля), въ 11 часовъ, отправились далѣе къ востоку, мѣстностью, прилегавшею къ рѣчкѣ Дудыптѣ. Погода была тихая и теплая, мнѣ наскучило сидѣть наглухо запертымъ въ моемъ болкѣ и я вышелъ изъ него, рѣшившись еще въ первый разъ путешествовать на открытомъ воздухѣ, и поѣхалъ на самоѣдскихъ санкахъ, которыми правилъ мой спутникъ помощникъ, ознакомленный уже съ этимъ способомъ ѣзды. Олени неслись живою рысью; заструги изъ стороны въ сторону побрасывали санки наши; снѣгъ крутился подъ полозьями. Окружавшая мѣстность интересовала меня своимъ особеннымъ характеромъ. Это было вообще низкое и открытое пространство, перерѣзанное невысокими холмами, покрытыми мелкимъ лѣсомъ и небольшими озерами. Я здѣсь не видалъ того печальнаго однообразія, какое представляетъ чистая тундра. По всей вѣроятности сосѣдство рѣки даетъ нѣкоторую жизнь природѣ. Поворотили въ глубь лѣса, отыскивая потерянную дорогу къ чуму, какъ говорятъ здѣсь *опруживали*; но вожакъ уже давно бросился впередъ и, найдя стойбище, выѣхалъ на встрѣчу. На широкой ложбинѣ, среди чахлаго лѣса, раскинуты были два чума; вокругъ стояло множество санокъ, большею частію нагруженныхъ имуществомъ своихъ владѣльцевъ, и бродило огромное стадо оленей. Самоѣды встрѣтили насъ толпою радушно и провели въ самый большой чумъ. Смѣнные олени уже были готовы; поспѣшили наскоро позавтракать—и далѣе,

пользуясь благопріятнымъ временемъ. Нужно было сдѣлать къ ночи такой же переѣздъ, верстъ 35, до осѣдлаго русскаго жилья; но здѣсь будетъ умѣстно извѣстное изреченіе: человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ. Такъ случилось и съ нами.

Испытавъ удовольствіе ѣзды на самоѣдскихъ санкахъ, да притомъ и пользуясь благопріятною погодою, я съ помощникомъ продолжалъ нашъ путь на нервыхъ. Разнообразная мѣстность, то открытая и ровная, то холмистая и покрытая лѣсомъ, безпрерывно встрѣчавшіяся озера, прекрасный вечеръ и теплая погода доставили намъ много удовольствія, такъ-что болѣе половины переѣзда прошло незамѣтно; между тѣмъ подулъ легонькій вѣтеръ, сдѣлалась изморозь. Мы продолжали ѣхать, сколько въ надеждѣ быть скоро на станціи, столько же изъ нежеланія садиться въ экипажи въ отсырѣвшемъ платьѣ.

Вѣтеръ усиливался, сдѣлалась метель и почти пурга; снѣгъ сталъ сильнѣе и сильнѣе завиваться, такъ-что мы нерѣдко теряли изъ виду экипажи и проводниковъ, которые, чтобы не раздѣлиться, безпрерывно окликались. Судя по времени, слѣдовало уже быть на станціи; оказалось, что мы сбились съ дороги. Вожакъ бросался то въ ту, то въ другую сторону, разсматривая мѣстность и отыскивая нужное направленіе; часто останавливались и другіе проводники, сходились между собою для совѣта; но при первомъ вопросѣ со стороны нашей, особенно выраженномъ съ неудовольствіемъ, тотчасъ же разбѣгались къ своимъ санкамъ и пускались впередъ. Очевидно, они боялись обнаружить, что потеряли дорогу. Убѣдившись, что пріѣздъ нашъ на станцію отсрочился на неопредѣленное время, и чувствуя, что лицо и руки мокры, сырое платье примерзло и на ногахъ слой снѣгу, я рѣшился сѣсть въ болокъ; остановились. Кое-какъ обили снѣгъ съ меня и я, обмокшій, съ полузамерзшими членами, помѣстился весьма неудобно въ болкѣ, который тотчасъ же и закрыли наглухо, чтобы снѣгъ не могъ завиваться въ щели. Наступила темная ночь, ничего не было видно. Невольная мысль явилась въ умѣ, что, спасшись отъ пурги на тундрѣ, можемъ замерзнуть теперь не отъ пурги столько, сколько отъ сырости платья, если бы наступилъ вдругъ морозъ и наша остановка сдѣлалась продолжительною. Безъ движенія согрѣться было невозможно. Отогрѣвъ прежде всего руки, я спѣшилъ зажечь огонь въ фонарѣ, всегда висѣвшемъ въ болкѣ у меня, а затѣмъ старался сколько возможно обсохнуть, и выпилъ порядочную порцію водки, которая для подобныхъ случаевъ всегда хранилась подъ руками не только въ моемъ экипажѣ, но и въ другихъ, гдѣ помѣщались прочіе мои спутники. Пока еще можно было слышать меня, я посовѣтовалъ имъ сдѣлать то же самое и такъ же помѣ-

ленно укрыться въ свои экипажи. Пурга усиливалась, болокъ дрожалъ и покачивался; но проводники все еще не останавливались, бросаясь по сторонамъ и отыскивая потерянное направленіе. Наконецъ остановились, видя попытки безполезными.

Еще нѣсколько времени я размышлялъ о положеніи нашемъ. Оно было несравненно хуже того, въ какомъ находились мы въ чуму. Тамъ мы были въ безопасности, а теперь здѣсь угрожала намъ, ежели не совершенная гибель, то возможность остаться съ отмороженными членами, или сильно простудиться, если не скоро стихнетъ погода и не выяснитъ; а пока самоѣды не опознаютъ мѣстности, нельзя и думать тронуться далѣе, чтобы еще болѣе не заблудиться; да еще стихнетъ ли погода завтра? Или же испуганные неудачею, вожаки оставятъ насъ, какъ это случилось разъ съ засѣдателемъ. Подобные тревожные вопросы невольно возникали въ умѣ; представлялись и другія послѣдствія: болѣзнь гдѣ нибудь въ избѣ, безъ пособія медицинскаго и т. п. Но утомленіе взяло верхъ; благодѣтельный сонъ явился съ своею помощью; я погасилъ огонь и, завернувшись въ дыху, крѣпко заснулъ.

Какъ прошла ночь—не знаю. Просыпаюсь; уже свѣтло. Понимаю, что мы продолжаемъ стоять на одномъ мѣстѣ; пурга гораздо тише; кругомъ ни малѣйшаго посторонняго звука, какъ будто я одинъ. Что же это значитъ? Гдѣ же проводники, спутники мои? Неужели первые какъ нибудь во время ночи отдѣлились отъ меня и мы потеряли другъ друга, а вторые дѣйствительно бѣжали. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ. Со мною былъ небольшой карманный компасъ, взятый не столько на случай какой либо опасности, сколько для опредѣленія повременамъ направленія пути въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, и недалеко, въ портфелѣ, имѣлась также на всякій случай карта Туруханскаго края. Справившись съ первымъ, я тотчасъ же увидалъ по положенію болка, что наше направленіе къ сѣверу, слѣдовательно мы оставили Дудьпту въ сторонѣ, къ югу. Нужно отыскать ее и, взявъ по ней направленіе къ западу, можно выйти обратно на Авамъ. Прошло не менѣе получаса томительнаго сомнѣнія, пока составился въ головѣ моей этотъ планъ спасенія, и я сталъ уже покойнѣе смотрѣть на свое положеніе. Но все еще оставался въ надеждѣ, что эта тишина кругомъ не есть непремѣнный признакъ, чтобы я былъ оставленъ одинъ. Быть можетъ и другіе, утомленные бурною ночью, спятъ спокойно, какъ и самъ я спалъ. Приотворивъ двери болка и выждавъ минуту нѣкотораго затишья погоды, я подалъ голосъ; мнѣ отвѣтили, и скоро явился къ болку казакъ П. Оказалось, что мы всѣ здѣсь, и дѣйствительно спали; но не видно проводниковъ, хотя сани и олени ихъ тутъ. Узнавъ, что мои спутники

не потеряли ничего, я вздохнулъ свободнѣе, а о проводникахъ заключилъ, что вѣрно они разошлись искать дорогу. Пока мы разговаривали съ П., конечно громко, бугры снѣгу, навитые метелью около экипажей, изъ которыхъ опытный казакъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ каре, помѣстивъ сюда оленей и проводниковъ, для предупрежденія побѣга послѣднихъ, зашевелились и изъ-подъ нихъ начали показываться и самоѣды, такъ же спокойно спавшіе въ своихъ непроницаемыхъ сокуяхъ. Все ожило тотчасъ же; одни бросились отыскивать путь, другіе стали запрягать оленей, между тѣмъ и погода къ нашему счастію начала выясниваться.

Скоро мѣстность была узнана; обнаружилось, что мы отъ прямаго направленія заѣхали вглубь тундры, верстъ 20, и не менѣе этого блуждали по ней, причемъ чуть было не попали въ большой оврагъ, едва лишь миновавъ его. Этой новой опасности мнѣ никакъ не приходило въ голову; я никогда не слыхалъ о существованіи здѣсь овраговъ, а говорятъ, ихъ не мало, и есть такіе, что можно сдѣлать въ нихъ хорошій переверть. Но, слава Богу, все миновалось благополучно; я далъ себѣ слово не дѣлать подобныхъ прогулокъ во время пурги. Нашли Дудыпту, которую впрочемъ не разъ переѣзжали ночью, не замѣчая этого, и по ней добрались въ полдень на станцію.

Въ теплой и просторной избѣ зажиточнаго крестьянина Б. мы опѣшили осушиться и отдохнуть. Б. старожилъ, мать его была якутка, а самъ онъ женатъ на тунгускѣ. Главный промыселъ здѣсь рыбный и звѣриный. Рыба—чиры, сиги, кунджа, пелядь, довольно крупные—добывается въ Дудыптѣ, Каменной рѣчкѣ, впадающей въ Дудыпту, и въ озерахъ. Промыселъ песцовъ неодинаковъ; напр., въ одинъ годъ ихъ бываетъ изобиліе, въ другой—напротивъ, и потомъ опять появляются; въ одно время ихъ ловятъ удачно, а въ другое — нѣтъ: не берутъ, какъ говорятъ, наживки, то есть не идутъ на приманку въ ловушкахъ, называемыхъ *пастями*, которыми обыкновенно промышляютъ песцовъ. На шкуры песцовъ и оленьи, которыхъ у Б. порядочное стадо, онъ пріобрѣтаетъ нужное для себя отъ вахтеровъ, конечно, дорогою цѣною; довольствуется казеннымъ хлѣбомъ не болѣе десяти пудовъ въ годъ на собственное семейство изъ осьми душъ, да на цѣлый чумъ семьи тунгусовъ, занимающихся пастьбою оленей и служащихъ изъ одной только пищи.

Заботливыя хозяйки, благодаря протекціи стараго своего пріятеля, оставшаго П., спѣшили накормить насъ обѣдомъ чисто не затундренски: отличною ухою, съ приправою изъ нашихъ запасовъ — крупы, соли и перцу,—рыбою, жареною на рыбьемъ же жиру, блинами изъ икры, паланкою и юколою — сухою копченою рыбою и, угощая, приговаривали: «не медлите (не спѣшите), батюшка, покушайте

шайте на здоровье нашего харчи». Взамѣнъ, и мы угостили радушныхъ хозяевъ чаемъ и бѣлыми сухарями.

Отдохнувъ, мы отправились на слѣдующую станцію (35 вер.) къ князцу тунгуской боганидской управы, Тюприну. Здѣсь Дудыпта остается налѣво, а дорога дѣлаетъ поворотъ прямо на р. Боганиду. За нѣсколько верстъ до жилища Тюприна, я вышелъ изъ болка, и какъ погода была ясная и тихая, то не опасаясь новой бѣды, по близости жилья, съ удовольствіемъ проѣхалъ остальное пространство на нартѣ. Тутъ была весьма живописная мѣстность въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ обѣщать край. Большое озеро Каменское, окруженное возвышеніями, покрытыми лѣсомъ, примыкало къ жилищу Тюприна, которое, какъ птичье гнѣздо, виднѣлось вдали, на крутомъ берегу озера. Тутъ мы были встрѣчены князцемъ, старикомъ, правящимъ своимъ небольшимъ племенемъ лѣтъ уже 30, и тунгусами, которые должны были смѣнить самоѣдовъ. Тунгусы эти составляютъ одно общее племя со всѣми прочими своими сородичами, обитающими въ разныхъ мѣстахъ Туруханскаго края. Преимущественно промышляютъ дикихъ оленей, лисицъ, песцовъ и каменныхъ барановъ, называемыхъ здѣсь *чавуконами*, обитающихъ въ скалистыхъ утесахъ рѣки Хеты. Озеро Каменское изобилуетъ всякою рыбою. Напившись чаю въ избѣ Тюприна, живущаго совершенно осѣдло, отправились мы далѣе, распростившись съ добрыми авамцами, съ которыми совершено было столько пути (около 600 верстъ), и испытано не мало.

Далѣе на рѣчку Пайтурму, 40 вер., переѣхали скоро на свѣжихъ оленяхъ. На Пайтурмѣ держитъ станцію живущій осѣдло якутъ въ довольно большой избѣ, которая дѣлится на двѣ половины, и дальняя, небольшая комната предназначена для проѣзжающихъ лицъ. Такое устройство домовъ заведено по сю сторону Авама до Хеты. Якутъ не нуждался ни въ чемъ, только жаловался на недостатокъ конопля и мотовъ, которыхъ негдѣ пріобрѣсть, хотя для покупки есть и деньги. Откуда же деньги?—это меня удивило.—Изъ Якутской области или, правильнѣе, отъ якутовъ той области, живущихъ на Есейскомъ озерѣ.

Далѣе служатъ проводниками вадеевскіе самоѣды, небольшое племя, какъ-то отдѣлившееся отъ прочихъ своихъ соплеменниковъ подъ управленіе особаго князца. Ко мнѣ явился бывшій ихъ начальникъ, почтенный старикъ, въ сокуѣ изъ разноцвѣтнаго сукна, и привѣтствовалъ меня съ какою-то особенною развязностію, какъ человѣкъ болѣе другихъ бывалый, объясняясь притомъ довольно свободно по-русски.

Мы однакожь поспѣшили впередъ. Такой же точно переѣздъ, около 50 вер,, былъ на р. Разсоху, куда и пріѣхали утромъ въ зимовье крещенаго долгана. Разсоха и Пайтурма, небольшія рѣчки, впадающія въ Дудыпту. Далѣе везутъ тѣже самоѣды до Боганиды, гдѣ уже русское населеніе. Странно, — пять сряду переѣздовъ и пристанище на каждомъ у особаго племени: у самоѣда, русскаго, тунгуса, якута и долгана — и всѣ они живутъ дружно, не жалуясь, не обижая одинъ другаго.

Переѣздъ до Боганиды былъ не большой, 20 вер., погода прекрасная, совершенно весенній день, и мы опять съ помощникомъ пустились на санкахъ, но уже рискнули гораздо болѣе, потому что отправились впередъ нашихъ экипажей, съ однимъ бойкимъ и смышленымъ самоѣдомъ, забывши, что недавно едва дорого не поплатились за подобную же прогулку. Три оленя, запряженные въ санки, несли насъ шибкою рысью по открытой, ровной мѣстности, иногда лѣсистой; частыя озера разной величины, между которыми самое большое — Боганидское, перерѣзывали путь нашъ; нерѣдко останавливались, чтобы дать вздохнуть нашимъ оленямъ, покурить, особенно по просьбѣ самоѣда, и, признаюсь, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ вдыхалъ я въ себя свѣжій, чистый воздухъ, впрочемъ не оставляя безъ вниманія пасмурнаго горизонта. Дорогою присоединился къ намъ еще одинъ праздный самоѣдъ, желавшій погарцовать на своихъ красивыхъ оленяхъ; но вотъ и Боганида, которая прямо пересѣкла путь нашъ, а за нею станція Филипповская, показывавшаяся намъ большимъ селеніемъ, хотя въ ней всего только четыре дома, съ множествомъ разныхъ амбарушекъ. И дѣйствительно, послѣ Дудинки, занесенной снѣгомъ, Филипповское, на открытомъ мѣстѣ, можетъ показаться точно большимъ селомъ. Толпа, собравшаяся у одного дома, съ изумленіемъ смотрѣла на прибытіе наше. Она ожидала цѣлый поѣздъ, а тутъ явились двое санокъ съ неизвѣстными людьми. Нѣсколько минутъ продолжалось общее недоумѣніе, пока проводникъ нашъ не объяснилъ, въ чемъ дѣло. Мы остановились въ домѣ долганскаго старшины, крещенаго долгана.

Чрезъ полчаса послѣ нашего пріѣзда явились и экипажи. Пока приготовлялся обѣдъ, я занялся магазиномъ, назыв. Савинскимъ: здѣсь считается недоимки уже гораздо менѣе, именно не болѣе 1,800 пуд., хотя приписныхъ къ нему жителей русскихъ до 50 душ. и инородцевъ до 240 чел. об. п., да кромѣ того пользуются хлѣбомъ и неприписные жители; вся считающаяся недоимка, которую, впрочемъ, жители не вполнѣ признаютъ за собою, накопилась только до 1842 г. по существовавшему тогда безотчетному произволу въ

распоряженіяхъ. Вахтеръ магазина служитъ болѣе 18 лѣтъ; онъ разсказываетъ чудеса о прежнемъ времени, о безотчетномъ, самовольномъ и, натурально, своекорыстномъ расходованіи хлѣба, объ отсутствіи всякаго порядка....

Въ Филипповскомъ, между прочимъ, мнѣ представлялся Тымта, князь вадеевскихъ самоѣдовъ, интересный старикъ, который извѣстенъ, какъ гадатель. По линіямъ на ладоняхъ рукъ онъ будто распознаетъ прошедшее и будущее, и въ это гаданье его вѣрятъ безусловно. Для опыта и я протянулъ ему свою руку; Тымта долго разсматривалъ ее и предсказалъ благополучное окончаніе путешествія по Туруханскому краю, и — довольно! Это сбылось. Здѣсь же были якуты съ Есейскаго озера, куда изъ Филипповскаго считается ближайшій и болѣе принятый путь, пріѣхавшіе за покупкою оленьихъ шкуръ, и илимпейскіе тунгусы съ Нижней Тунгуски, которые никогда не бывали у своего магазина и уже два года не платили ясака, а вѣрно въ магазинскомъ реестрѣ на нихъ показана за хлѣбъ недоимка. Кстати о тунгусахъ. Начальство заботится, особенно заботилось прежде, чтобы вездѣ, гдѣ только возможно, были устроены для инородцевъ хлѣбные магазины, съ такимъ предположеніемъ, чтобы не затруднять дикарей большимъ переходомъ отъ своихъ промышленныхъ мѣстъ къ магазинамъ. Ихъ устроили сначала не мало, а потомъ уже ограничили почти на половину; затраченъ на это огромный капиталъ, безвозвратно почти, накопили страшную недоимку, и — что же вышло? Хлѣбомъ воспользовались или частію сами распорядители, или тѣ изъ инородцевъ, которые облѣнились и обѣднѣли, какъ напримѣръ остяки; а тѣ, которые сохранили свой бытъ — самоѣды, тунгусы, якуты — мало заботились о магазинахъ, довольствуясь хлѣбомъ только въ особенной крайности, и свободно продолжали тотъ же способъ пріобрѣтенія пищи, какъ это было издревле. Поэтому-то приписные къ магазинамъ на Тунгускѣ или на Енисеѣ инородцы являлись за тундрою и на берегахъ Ледовитаго океана. Очевидно, какъ мало былъ извѣстенъ край и обитатели его тѣмъ, которые составляли проэктъ объ обезпеченіи его продовольствіемъ посредствомъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ.

Изъ Боганиды прямой переѣздъ волокомъ, какъ говорятъ, около 100 верстъ, прямо на Хету, принадлежащую къ системѣ Хатанги. Но я еще ничего не сказалъ собственно о Боганидѣ. Эта довольно значительная рѣчка вытекаетъ изъ одной плоскости съ Дудыптою, также изъ озеръ, имѣетъ направленіе къ югу и соединяется съ Хетою, посредствомъ которой изливается въ Хатангу. По Боганидѣ нѣсколько жилыхъ мѣстъ; но мы всѣ ихъ оставили въ сторонѣ, поворо-

тивъ тотчасъ же направо, къ востоку. Сначала везли филипповскіе жители на своихъ оленяхъ. Первая смѣна была, въ 36 вер., на открытомъ мѣстѣ, въ подвижномъ чуму, принадлежавшемъ крестьянину Е. Это былъ почтенный, умный старикъ, весьма привѣтливо встрѣтившій насъ у своего чума. Подвижной чумъ былъ новымъ предметомъ для насъ. Представьте себѣ большую четырехъ-угольную деревянную будку съ прямолинейною крышею, поставленную на полозья; она обита оленьими шкурами, для входа небольшая дверь, внутри очагъ. Жилище теплое и совершенно удобное для тундры. Оно устроивается собственно тѣми, которые совершаютъ большіе переѣзды по тундрѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, или должны далеко отлучаться къ песцовымъ заводамъ для промысла.

Въ такой-то чумъ, гдѣ могло помѣститься однакожь только шесть человѣкъ, мы были приглашены нѣсколько обогрѣться, пока перемѣняли оленей. Наша подвижная станція, ночью, на открытомъ мѣстѣ, далеко исчезавшемъ во мракѣ, окруженная стадомъ оленей и кострами огней — имѣла свой эффектъ.

Далѣе (35 вер.), почтенный Е. провезъ насъ на однихъ своихъ оленяхъ, которыхъ у него до 200. Остановились въ лѣску, также у чума, временно поставленнаго русскими жителями съ прочихъ зимовьевъ Боганиды; изъ нихъ одинъ крестьянинъ имѣетъ не менѣе 160 оленей. Здѣсь, кромѣ хозяина чума, насъ встрѣтили двѣ женщины, — одна чистая якутка, а другая сестра хозяина, смѣсь русскаго съ инородческимъ, молодая дѣвушка весьма не дурная собою, съ умнымъ выраженіемъ лица, одѣтая въ парадный якутскій костюмъ: санаяхъ — мѣховую шубу, плотно облегавшую тѣло; на головѣ повязка, вышитая бисеромъ; такія же бисерныя нити съ серебряными бляхами и кольцами вплетены въ косы; кожаный поясъ, украшенный бисеромъ, со множествомъ кошельковъ разной величины, игольникомъ, огнивомъ и пр.; на шеѣ повязка изъ бѣличьихъ хвостовъ, какъ боа. Отецъ, владѣлецъ чума, русскій, былъ женатъ сначала на якуткѣ, а послѣ на долганкѣ и такимъ образомъ въ одной семьѣ совокупилось три племени. Какая именно смѣсь произвела хорошенькую дикарку, я не знаю.

Въ 7 часовъ утра, 21 февраля, мы были уже на Хетѣ. Это довольно значительная рѣка. Она вытекаетъ изъ мѣстности, гдѣ лежитъ Есейское озеро и, по соединеніи съ Боганидою, течетъ направо и впадаетъ въ Хатангу.

Здѣсь Хета довольно широка, около 3 вер., течетъ въ островахъ; берега высокіе, особенно правый; покрыта лѣсомъ, хотя не крупнымъ, но частымъ; мѣстами отвѣсные утесы; изобилуетъ всякаго рода рыбою. Мѣстность вообще довольно оживленная. Въ первомъ

жиломъ мѣстѣ, куда мы въѣхали, назыв. Налтановскимъ, два дома якутовъ, которые обитаютъ осѣдло по всей Хетѣ до Хатанги. Остановились въ одной, у стараго якута, переведеннаго сюда назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда повальная болѣзнь опустошила станокъ, съ рѣки Попигая, находящагося еще далѣе за Хатангою верстъ 500, гдѣ впрочемъ у него на прежнемъ жилищѣ остался сынъ. Внутреннее устройство избъ имѣетъ нѣкоторыя особенности: кругомъ двухъ боковыхъ стѣнъ широкія нары, съ узкимъ проходомъ между ними; налѣво отъ дверей печь, а направо къ нарамъ придѣлана невысокая загородка, отдѣляющая уголъ, гдѣ хозяйка имѣетъ свою кухню. Якуты всѣ крещены, и потому вездѣ на передней стѣнѣ икона, и она, какъ видно, виситъ не для виду только. Въ образѣ жизни якутовъ во всемъ замѣтна смѣсь осѣдлой жизни съ кочевою, напримѣръ: они всегда въ своихъ избахъ сидятъ на нарахъ въ шапкахъ, поджавши подъ себя ноги. Живутъ безнуждно, имѣютъ порядочныя стада оленей и занимаются обыкновенными промыслами за-тундринскихъ русскихъ жителей, то есть рыболовствомъ и звѣроловствомъ; но я замѣтилъ между ними менѣе привѣтливости и довѣрчивости, нежели у другихъ инородцевъ.

Миновавъ другое Налтановское зимовье и сдѣлавъ безостановочно переѣздъ въ 60 вер. на свѣжихъ оленяхъ, Хетою, мы остановились на Андреевскомъ. Здѣсь не нашли никого изъ мужчинъ, отправившихся разъискивать оленей, — были однѣ женщины; въ избѣ страшная нечистота и вонь, оттого, что тутъ квасились и выдѣлывались оленьи шкуры. Прежде всего принялись мы сами очищать и вывѣтривать комнату, а потомъ стали готовить обѣдъ. Въ числѣ нашихъ подводчиковъ съ предшествовавшаго переѣзда была, вмѣстѣ съ братомъ, молоденькая дѣвушка-якутка, одѣтая весьма нарядно. Она, получивъ отъ меня за свой трудъ въ подарокъ два двугривенныхъ, сочла нелишнимъ съ своей стороны наградить меня за это нѣсколькими кокетливыми взглядами своихъ дѣйствительно хорошенькихъ черныхъ глазъ. Я былъ удивленъ такою наивною развязностью молодой дикарки. Она принадлежитъ къ хорошей якутской семьѣ и слыветъ по Хетѣ за первую невѣсту.

Отсюда, при переѣздѣ до слѣдующей смѣны (42 вер.), я сѣлъ на открытую нарту. Такихъ саней, какъ у бывшихъ вожаковъ инородцевъ, ни русскіе, ни якуты не имѣютъ, а обыкновенныя нарты. Чрезъ 8 верстъ остановились, чтобы добавить оленей, у деревни Александровской, гдѣ четыре двора, а потомъ, проѣхавши 12 вер., сдѣлали привалъ у деревни Кононовской, гдѣ также четыре двора. Тутъ вошли мы въ одну избу, чтобы нѣсколько обогрѣться и просушиться, потому что отъ скорой ѣзды порядочно продуло насъ и за-

метало снѣгомъ. Всѣ жители — якуты, и они, по принятому обычаю, очень наивно являлись съ торгомъ своимъ, предлагая всякій хламъ, особенно выдѣланныя налимьи шкуры, замѣняющія здѣсь кожу и холстъ, и требуя только конопли, но, къ крайнему ихъ огорченію, мы не могли удовлетворить требованія этого. По обѣимъ сторонамъ Кононовской станціи были кладбища и много крестовъ надъ могилами погибшихъ во времена повальныхъ болѣзней. Да, кстати, послушайте разсказъ стараго казака П. объ этихъ страшныхъ эпидеміяхъ, опустошавшихъ въ разное время Туруханскій край. Вотъ что дѣлала оспа въ 1852 г. здѣсь, за тундрою. П., какъ приставу всѣхъ за-тундринскихъ магазиновъ, нужно было отправиться до Авама по дѣламъ службы. Оспа, появившаяся на зимовьѣ Авамскомъ, быстро и опустошительно прошла до Хатанги, и тутъ истребила бóльшую часть населенія, такъ что П. даже не съ кѣмъ было доѣхать до перваго станка. Случился возвращавшійся туда крестьянскій староста и попутный долганъ, съ которыми онъ и отправился. Пріѣхали къ зимовью Островскому, остановились, стали распрягать оленей, но изъ зимовья никто не выходилъ; одни только истомленныя собаки съ жалкимъ воемъ грызлись за какіе-то остатки, какъ оказалось, человѣческаго трупа. П. вошелъ въ избу и видитъ по сторонамъ ея лежащихъ людей, закутанныхъ въ свою одежду. На вопросы и даже крикъ не было отвѣта. Онъ сталъ осматривать и нашелъ, что одни уже померли, другіе едва дышутъ; лица у всѣхъ были покрыты сплошнымъ наростомъ, такъ что нельзя было различить пола, и только могла объясниться съ трудомъ лежавшая въ сторонѣ престарѣлая женщина. Прибытіе П. было счастливое, ибо онъ могъ еще кое-кому оказать пособіе и спасти отъ смерти. Далѣе же, въ зимовьѣ Усть-Нижнемъ, всѣ жители найдены здоровыми, а напротивъ въ послѣдовавшемъ, Убойномъ, опять была встрѣчена страшная картина смерти. То же безмолвіе при пріѣздѣ, и лишь топившаяся печь показывала присутствіе живаго человѣка. Въ первыхъ сѣняхъ на полу, на дверяхъ и порогахъ кровь; во вторыхъ лежало четыре мертвыхъ тѣла и тутъ же, подлѣ, въ амбарѣ, еще три, а въ избѣ семь человѣкъ неподвижныхъ больныхъ, и, между всѣми этими умершими и умирающими, одна полуживая, дряхлая старуха, которая и топила печь. Она разсказала все, что нужно было, объяснивъ причину крови въ сѣняхъ тѣмъ, что принадлежавшія зимовью собаки, оголодавъ безъ пищи, терзали въ ожесточеніи другъ друга. П. и этого зимовья не оставилъ безъ вниманія, пославъ изъ сосѣдняго, гдѣ оспа сдѣлала менѣе опустошенія, на помощь старухѣ людей; но, однакожь, изъ семи больныхъ трое умерли. На Авамѣ, гдѣ сначала появилась оспа, всѣ почти жители

сдѣлались жертвою ея, исключая только вахтера и одного человѣка, поспѣшившаго удалиться съ своими оленями въ глубь тундры. Такимъ образомъ опустошенъ былъ губительною эпидеміею край этотъ, и въ тѣхъ зимовьяхъ, гдѣ было насесеніе изъ 10 и 15 чел., осталось 2 и 3 челов., а въ иныхъ и совсѣмъ никого не осталось; паническій страхъ овладѣлъ всѣми; инородцы бѣжали вдаль отъ мѣстъ смерти, бросая на жертву ей не только умершихъ, но лишь заболѣвавшихъ своихъ собратій, такъ что на попадавшихся бывшихъ стойбищахъ лежали грудами тѣла умершихъ и принадлежавшихъ имъ заколотыхъ оленей. Сообщеніе по краю сдѣлалось весьма затруднительно; мѣстами даже вовсе прерывалось, и проѣзжавшіе вахтера должны были нерѣдко сами ловить оленей, запрягать въ сани и, при указаніи какого нибудь единственнаго жителя, ѣхать далѣе. Вы спросите: неужели не было возможности подать какое либо медицинское пособіе этимъ несчастнымъ? — Какое же? На весь Туруханскій край одинъ медикъ, который и живетъ постоянно въ Туруханскѣ, а пока дойдетъ вѣсть до тамошняго начальства о появленіи болѣзни, пока оно распорядится командировать медика, и пока онъ пріѣдетъ на мѣсто, болѣзнь, совершивъ опустошеніе, уже прекратилась, и медикъ возвращается, сдѣлавъ лишь напрасную, безполезную поѣздку, во вредъ своимъ больнымъ въ городѣ, а иногда и своему здоровью. Впрочемъ, онъ покажетъ въ своей отчетности число бывшихъ больныхъ, умершихъ до прибытія его, и слѣдовательно до подаНія помощи, и выздоровѣвшихъ отъ медицинскихъ пособій, т. е. пощаженныхъ болѣзнью, тоже до прибытія его.—А лекарскіе ученики? Также есть одинъ въ Туруханскѣ, и безспорно такой, что лучше и не посылать его никуда, развѣ только для кровопусканій. Оспенныхъ учениковъ и не бывало до послѣдняго времени, и лишь нынѣ приготовлено въ Енисейскѣ изъ мѣстныхъ мальчиковъ четыре, которые и отправлены въ разныя части края. Даже въ самомъ Туруханскѣ нѣтъ больницы.

22-хъ верстный переѣздъ до Соколовской деревни, послѣдней къ Хатангѣ, гдѣ также четыре двора, мы сдѣлали очень скоро, такъ что пріѣхали еще засвѣтло. Думали-было послѣ чаю и далѣе ѣхать, но случилось иначе: пришлось до полночи прождать оленей, которыхъ недавняя пурга разогнала; а жители не позаботились заблаговременно собрать ихъ; да нѣкоторые признаки угрожали опять скорою метелью: вдали на горизонтѣ, къ сѣверу, поднималось черное облачко, —земля играетъ, какъ говорили жители; но это предвѣстіе пурги ограничилось небольшою вьюгою, не препятствовавшею ѣздѣ.

За полночь уже отправились мы въ Хатангу, куда считается 33 вер., и на разсвѣтѣ прибыли туда. Мы остановились у священни-

ка, — другой квартиры не было. Священникъ, еще недавно назначенный сюда, ожидая ли прибытія нашего, или же такъ случайно, приготовилъ баню. Я тотчасъ же и отправился, и, признаюсь, послѣ такого утомительнаго путешествія, черная, но жаркая баня показалась мнѣ роскошнѣйшею ванною. Я совершенно ожилъ, и такъ какъ здѣсь былъ предѣлъ нашего дальнѣйшаго странствованія по тундрѣ, то рѣшился пробыть на Хатангѣ сутокъ двое, чтобы поисправить экипажи и отдохнуть. Вахтеръ хатангскаго магазина, носящій названіе пристава, потому что въ его завѣдываніи находятся всѣ три затундринскіе магазина, — оказался болѣе другихъ благонадежнымъ и толковитымъ казакомъ; равно и старосты якутской нижне-затундрской управы и затундрскаго участка, явившіеся ко мнѣ здѣсь, могли сообщить удовлетворительныя свѣдѣнія.

Хатангскій магазинъ менѣе всѣхъ другихъ имѣетъ на себѣ долгу за казенный хлѣбъ, именно не болѣе 900 р. сер., хотя къ нему причислено не мало жителей: русскихъ 60, якутовъ 616 и долганъ 230 душъ обоего пола.

Нечего говорить о скудости и недостаточности жителей здѣшнихъ заселеній. Только живущіе по Хатангѣ и имѣющіе сношеніе съ хатангскимъ заселеніемъ могутъ еще пріобрѣтать для себя нужное; прочіе же, жительства которыхъ удалены на 500, 800 и 1,000 верстъ, лишены этихъ способовъ. Сообщеніе съ ними весьма затруднительно по обширности переѣздовъ, а между тѣмъ якутскій и крестьянскій старосты обязаны ежегодно отправляться туда для сбора податей и ясака; также долженъ дѣлать туда поѣздки и священникъ хатангской церкви, къ приходу которой они принадлежатъ.

Кромѣ нѣкоторымъ образомъ постоянныхъ мѣстъ жительства, якуты и долганы удаляются для промысловъ въ глубь тундры, на сѣверъ, и выходятъ къ берегамъ моря. Тамъ они промышляютъ песцовъ, дикихъ оленей и иногда бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ первыхъ добываютъ пастями, вторыхъ колютъ, загоняя къ какому нибудь извѣстному пункту, а третьихъ — бьютъ въ логовищахъ, устраиваемыхъ ими въ снѣговыхъ сугробахъ.

Село Хатанское, такъ же какъ Дудинское, невелико; въ немъ только четыре дома, изъ которыхъ три принадлежатъ русскому, якуту и долгану, а четвертый священнику; населеніе весьма незначительное, относительно къ тому, что здѣсь церковь и магазинъ. Оно находится на лѣвомъ берегу Хатанги, протекающей тутъ въ отлогихъ берегахъ, на довольно большой ширинѣ. Хатанга вытекаетъ изъ озера того же имени, лежащаго гораздо южнѣе Есейскаго озера и, обогнувъ его, направляется прямо къ сѣверу; ниже 150 верстъ

села Хатанскаго, она течетъ въ безлѣсной мѣстности, и изобилуетъ разною рыбою.

III.

Обратный выѣздъ съ Хатанги. — Якутка-омерячка. — Темная пора. — Сѣверныя сіянія. — Ереминская станція на Богандѣ. — Сказаніе объ Есейскомъ озерѣ. — Прибытіе на Дудыпту и Авамъ. — Характеръ большой тундры. — Равнодушная встрѣча съ старыми знакомцами самоѣдами. — Небольшое происшествіе на Пясиной. — Почта изъ Туруханска. — Месть волковъ. — Хлѣбъ изъ мха съ ржаною мукою и налимій жиръ. — Самоѣдское кладбище. — Пріѣздъ въ Дудину. — Замедленіе въ путешествіи. — Опять Хантайка. — Возвращеніе.

24 февраля мы стали готовиться въ обратный путь. Поблагодаривъ добраго отца Владиміра за данный намъ пріютъ, въ полдень мы отправились обратно. Я выѣхалъ изъ Хатанги вообще успокоенный еще сноснымъ положеніемъ жителей этихъ отдаленныхъ частей края, болѣе, нежели могъ ожидать. Въ 17 верстахъ отъ села остановились мы, чтобы взглянуть на соединеніе Хатанги съ Хетою, которыя здѣсь обѣ являются значительными рѣками. Хету проѣхали скоро, но проѣздъ черезъ тундру на Боганиду былъ какъ-то затруднительнѣе прежняго. На послѣдней, второй Налтановской станціи, гдѣ мы не были въ передній путь, и откуда теперь поворотили прямо на Боганиду, видѣли якутку-омерячку, которая съ какимъ-то судорожнымъ усиліемъ повторяла все, что говорили ей громко, или показывали въ движеніяхъ. Это—болѣзненное состояніе; оно образуется отъ существующаго между якутами обычая забавляться пугливыми женщинами, которыя сначала нарочно дѣлаются шутихами, а потомъ привыкаютъ къ этому и уже невольно подражаютъ всему, чему угодно. Ихъ называютъ *омерячками*. Спутники мои вздумали также позабавиться несчастною омерячкою, но я ихъ тотчасъ же остановилъ, такъ какъ это болѣзненно дѣйствовало на якутку, уже старую женщину. На разсвѣтѣ были мы въ подставномъ чуму, гдѣ пили чай. 25 февраля — глубокая зима здѣсь и далѣе къ югу; напримѣръ въ Енисейскѣ еще въ это время, въ 5 часу утра, глубокая ночь; но мы уже видѣли восходъ солнца въ 4 часа и закатъ его почти въ 9 часовъ вечера; а въ началѣ мая оно уже вовсе не будетъ оставлять горизонта, и тогда до августа мѣсяца возстановится безпрерывный день; только жаль, что въ то же время нѣтъ такого ранняго и продолжительнаго лѣта, которое начинается здѣсь не ранѣе конца іюня мѣсяца, вмѣстѣ со вскрытіемъ рѣкъ. Наоборотъ, за длиннымъ весенне-лѣтнимъ днемъ слѣдуетъ съ постепеннымъ

укороченіемъ времени такая же осенне-зимняя ночь, продолжающаяся такъ же безпрерывно нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. Вездѣ въ этомъ краю осенне-зимнее время, когда наступаетъ продолжительная ночь, называется *темною порою*, и въ это время жители, какъ русскіе, такъ и инородцы, остаются неподвижными въ своихъ жилищахъ, занимаясь подручною работою, преимущественно исправленіемъ или приготовленіемъ вновь промысловыхъ снастей, конечно при освѣщеніи изъ рыбьяго жира. Кажется, какое грустное существованіе—не видѣть нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ свѣта и солнца и жить во мракѣ; но жители и не думаютъ объ этомъ лишеніи. За то зимою взамѣнъ солнца, всегда блѣднаго и туманнаго, если оно появляется въ это время на горизонтѣ, есть такое небо, какого не увидите нигдѣ: оно горитъ звѣздами. И кромѣ того, чуть ли не каждую ночь освѣщается внезапно та или другая часть неба огнями сѣверныхъ сіяній, которыя иногда бываютъ такъ сильны, покрывая все небо или большую часть его массою яркаго свѣта, что почти замѣняетъ собою дневный свѣтъ. Обыкновенныхъ сѣверныхъ сіяній, заключавшихся или въ разноцвѣтныхъ полосахъ, или въ мгновенно загоравшихся лучахъ, или въ сплошномъ потокѣ свѣта въ какой нибудь одной сторонѣ неба—я видѣлъ во время пути не мало; но такое сѣверное сіяніе, которое покрывало все небо великолѣпными радугами, мнѣ случилось видѣть только одинъ разъ, при возвращеніи.

Къ обѣду выѣхали мы на Боганиду, въ жилище Е., показывавшее во всемъ безнуждное состояніе этого старожила. Здѣсь мы отобѣдали. Прекрасная рыба—мочугаръ, въ родѣ сиговъ, жирная, вкусная, имѣющая бѣлое и нѣжное мясо, и кунджа, въ родѣ форели, которой мясо бываетъ краснаго и бѣлаго цвѣта—служила намъ для обѣда; рыбы эти водятся только за тундрою въ рѣкахъ и озерахъ. А между тѣмъ бывалый хозяинъ кое-что поразсказалъ о здѣшней странѣ и особенно объ Есейскомъ озерѣ, имѣвшемъ прежде весьма важное значеніе въ торговлѣ здѣшней и теперь не лишенномъ интереса для туземцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Ходу до него полагается одинъ мѣсяцъ аргишомъ, т. е. медленнымъ движеніемъ, со всѣмъ таборомъ, что̀ будетъ около 700—900 верстъ, мѣстами большею частію низкими и лѣсистыми, гдѣ нѣтъ никакихъ жилищъ, и только въ одномъ мѣстѣ нужно проходить высокія горы, безлѣсныя и каменистыя, гдѣ олени болѣе сутокъ остаются безъ пищи. Это та цѣпь горъ, которая составляетъ непрерывную линію, связывающую возвышенности Тунгуски, Енисея, Пясиной, Хеты, Хатанги, имѣющихъ здѣсь названіе Камней. Ширина Есейскаго озера опредѣляется ходомъ одного зимняго дня, 25—30 вер., а длина неизвѣстна. Что въ особенности привлекало прежде къ Есейскому озеру дѣятель-

нихъ торговцевъ, это—то, что живущіе тамъ якуты съ Вилюя всегда имѣли деньги и, нуждаясь въ оленяхъ и оленьихъ шкурахъ, платили за нихъ выгодно; а нынѣ они уже сами выходятъ на Богаенду. Оттуда же достаются всѣ украшенія женской одежды и разныя желѣзныя вещи—работы якутовъ, которые, какъ извѣстно, большіе искусники на это. Сами же якуты нужные матеріалы пріобрѣтаютъ изъ Якутской области; оттуда же идетъ и конскій волосъ, употребляемый, замѣнъ конопля, на рыболовныя сѣти — пущальни.

Въ продолженіе сутокъ мы выѣхали свободно на Дудыпту, вездѣ встрѣчая признательность отъ инородцевъ, что данное имъ дозволеніе заниматься промысломъ дикихъ оленей, во время нашего проѣзда впередъ, доставило имъ значительную добычу. Такъ, Тыита, вадеевскій князь, говорилъ, что онъ съ своею большою ордою убилъ въ два дня 27 оленей махалками. Ловля махалками — весьма удобный и выгодный способъ. Онъ заключается въ томъ, что берутъ какую нибудь извѣстную мѣстность, гдѣ держится олень, окружаютъ ее махалками, небольшими палочками съ прикрѣпленными къ верхнимъ концамъ крыльями и хвостами разныхъ птицъ; палочки втыкаютъ въ землю двумя линіями, такъ что передовыя линіи махалокъ ставятся на значительномъ разстояніи одна отъ другой (въ 3—5 вер.); потомъ обѣ линіи постепенно сближаютъ въ узкое устье, устраиваемое близко или къ озеру, или къ рѣкѣ, оврагу, лѣсу и т. п., или же, если ничего подобнаго не имѣется, то устье закрѣпляютъ ременною сѣтью для затрудненія выхода изъ него оленямъ. Устроивъ эту загородь, охотники раздѣляются на двѣ половины. Одна остается при махалкахъ, въ устьѣ ихъ, гдѣ, вооруженная луками и копьями, притаившись ждетъ его, а другая отправляется за стадами оленей, бродящими вблизи по тундрамъ, легонько группируютъ ихъ и загоняютъ въ махалки. Для этого иногда употребляются домашніе олени, пріученные заманивать дикихъ, а охотники, одѣтые въ сакуи, сшитые изъ оленьихъ шкуръ, скрываются за своими оленями. Когда же стадо забѣжитъ въ линію махалокъ и увидитъ ихъ, оно, испугавшись колебанія перьевъ, мчится впередъ, не смѣя броситься въ стороны, и такимъ образомъ добѣгаетъ до устья, гдѣ сторожевые охотники и поражаютъ встревоженныхъ животныхъ. Раскинутая сѣть, оврагъ, озеро или рѣка, лѣтомъ, дѣлаютъ преграду къ скорому спасенію и, натурально, облегчаютъ охотникамъ полученіе добычи ихъ. Этою зимою олень былъ густой, по мѣстному выраженію, т. е. онъ появлялся большими стадами. Промыселъ махалками преимущественно принадлежитъ самоѣдамъ и особенно авамскимъ и вадеевскимъ, которые, бродя по всей тундрѣ въ охотѣ за оленями, весьма искусны въ этомъ дѣлѣ.

Отъ Пайтурмы мы выѣхали прямо на Дудыпту къ Бархатовскому зимовью, миновавъ станцію у Каменнаго озера. На половинѣ дороги поставленъ былъ чумъ, гдѣ и смѣнили оленей. Этою дорогою тѣ одинокіе, непривычные ѣздоки, которые не рѣшаются пускаться въ путь тундрою, изъ опасенія пургъ, выѣзжаютъ на Дудыпту и уже по ней слѣдуютъ до самаго Авама, хотя, конечно, путь этотъ несравненно длиннѣе. На Авамъ пріѣхали мы поздно вечеромъ. Чтобы видѣть мѣстность Дудыпты, я сдѣлалъ послѣдній переѣздъ на открытой нартѣ, и очень прозябъ. Характеръ какъ береговъ рѣки, такъ и прилегающихъ мѣстъ, вездѣ одинаковъ: всюду правый берегъ гористъ и покрытъ лѣсомъ, лѣвый болѣе отлогъ, открытъ и перемежается возвышеніями. Въ числѣ проводниковъ нашихъ былъ одинъ самоѣдъ, единственное лицо, сохранившееся изъ своей многочисленной семьи во время свирѣпствовавшей здѣсь оспы. Разсказываютъ интересную черту его религіозности, хотя онъ шаманскаго исповѣданія. Когда похоронивъ всю свою семью, онъ вышелъ къ русскому жилищу, то прежде всего обратился къ иконамъ, предъ которыми долго стоялъ и кланялся и, наконецъ, поднеся имъ песца, просилъ хозяина дома купить свѣчу и поставить Богу за спасеніе себя.

Въ послѣдній переѣздъ мы порядкѣ продрогли отъ холоднаго, противнаго вѣтра; къ счастію, не случилось еще пурги; поэтому мы рѣшились пробыть на Авамѣ до полуночи, обогрѣться и собраться съ силами къ трудному путешествію по большой тундрѣ. Только-что вытопленная изба и теплая шкура чавукона, посланная на широкой лавкѣ, доставили мнѣ пріятный отдыхъ.

27 февраля, въ полдень, мы были передъ послѣднимъ переѣздомъ чрезъ чистую тундру, а вечеромъ, въ 9 часовъ, уже на той сторонѣ тундры, которую переѣхали весьма скоро, болѣе прямымъ путемъ, чему благопріятствовала хорошая погода. Пользуясь ею, безъ опасенія пурги, дверь моего болка во все время пути я держалъ открытою, чтобы видѣть эту любопытнѣйшую мѣстность. Она вообще однообразна: безлѣсная, ровная, иногда прорѣзываемая небольшими возвышеніями, окружающими озера, которыя встрѣчаются безпрерывно, покрытая по преимуществу дресвою, мелкимъ камнемъ, и иногда густыми розсыпями изъ валуновъ.

Какъ съ добрыми знакомыми увидѣлись мы съ обитателями извѣстнаго чума брата Масеки, гдѣ провели двое сутокъ подъ пургою; но они, кажется, мало сочувствовали нашему удовольствію, потому что приняли насъ съ обычнымъ самоѣдскимъ равнодушіемъ. И натурально: какое имъ дѣло было до того, что мы возвращаемся домой и благополучно миновали чистую тундру. Правда, скорѣе прежнимъ,

скорѣе и они будутъ свободны; но они, по крайней мѣрѣ, не выражали радости и этому. И также, думаю, не безъ причины. «Хорошъ былъ бачка, когда впередъ ѣхалъ, а кто знаетъ какомъ будетъ теперь. Пожалуй, осердится и скажетъ: давай спасибо (подарокъ), въ честь (знакъ) благодарности».

Такъ какъ наши дорожные запасы уже можно было разсчитать опредѣлительно на обратный путь, то я распорядился подѣлиться кое-чѣмъ съ больными хозяйками нашими, и особенно дать болѣе другихъ старухѣ матери, которая однакожъ, не смотря на то, продолжала по прежнему напрашиваться при каждомъ случаѣ къ гостинцу, сердилась на отказъ и рѣшительно не давала ничего безъ найма.

Рано утромъ, 28 числа, мы были на Пясиной въ Черномъ, оставшемся въ передній путь въ сторонѣ. Здѣсь пришлось мнѣ слышать много жалобъ на бѣды отъ размножившихся волковъ. Кстати разскажу слышанный мною случай. Одинъ затундринскій крестьянинъ нашелъ недалеко отъ своего зимовья четырехъ волчатъ въ гнѣздѣ. Такъ какъ волчаты были еще малы, слѣдовательно убивать ихъ для шкуръ было безполезно, то онъ придумалъ способъ воспользоваться ими, когда выростутъ: подрѣзалъ волчатамъ жилы у ногъ, чтобы не могли убѣжать, и предоставилъ попеченію волчицы, матери ихъ, которая, конечно, и кормила дѣтей своихъ, а крестьянинъ наблюдалъ за новымъ способомъ воспитанія несчастныхъ звѣрей. Когда волчата выросли, промышленникъ убилъ ихъ всѣхъ, но не могъ убить волчицы, остерегавшейся своего врага. Она скрылась и немедленно явилась мстительницею за своихъ дѣтей: въ первую же ночь задушила десять оленей жестокосердечнаго крестьянина и въ продолженіе зимы перевела все почти стадо его, и притомъ явно нападала только на его оленей, щадя принадлежавшихъ другимъ, если они случались тутъ же.

Другой разсказъ относится къ авамскимъ самоѣдамъ. Въ одно время, очень давно, они промышляли на Таймурѣ множество оленей, и, при избыткѣ промысла, для забавы содрали кожу съ живаго оленя. Когда самоѣды явились на слѣдующій годъ на тоже мѣсто, для промысла оленей, ихъ опять было множество, но лишь станутъ загонять стадо въ пахалки, является между ними ободранный олень; все стадо разбѣгалось и въ добычѣ не было ничего. Такимъ образомъ появленіе оленя повторялось сряду много лѣтъ, такъ что авамцы, лишившись главнаго промысла, почти обѣднѣли.

На Половинной станціи мнѣ показывали хлѣбъ, испеченный изъ мха въ соединеніи съ ржаною мукою, оказавшійся очень удовлетво-

рительнаго вкуса. Жители остались благодарными за это полезное для нихъ нововведеніе.

Въ послѣдней Волошиной станціи встрѣтился Масона, возвращавшійся изъ Дудинки къ своимъ ордынцамъ. Я, къ величайшему удовольствію его, передалъ ему благопріятныя вѣсти о семействѣ его.

Изъ Пасиной отправились мы утромъ 1 марта при хорошей погодѣ. Я вышелъ изъ болка, чтобы осмотрѣть мѣстность. Сначала переѣздъ чрезъ Пясинскій камень. Это кряжъ горъ, идущихъ отъ Енисея по одну сторону Пясинскаго озера и направляющихся далѣе до моря, подъ разными наименованіями. Онъ также соединяется съ хребтами Норильскихъ озеръ, которыя и видны далеко, съ вершины Пясинскаго камня. Здѣсь, т. е. въ плоскости, гдѣ лежатъ Пясинское, Норильскія и Есейское озера, долженъ быть узелъ затундринскихъ горъ, расходящихся потомъ въ разныя стороны, по направленію рѣкъ. Подъемъ и спускъ Пясинскаго хребта довольно отлоги, хотя и продолжительны, безснѣжны и покрыты мелкою галькою, что рѣзко ощущалось на полозьяхъ саней. Вскорѣ послѣ спуска начинается Пясинское озеро. Длина его 70 верстъ, ширина отъ 25 до 40 верстъ. Обыкновенно около всѣхъ большихъ озеръ по тундрѣ инородцы имѣютъ свои промысла, и живутъ тамъ постоянно извѣстное время года, — напротивъ, Пясинское никѣмъ не обитаемо. Говорятъ, причиною этого большія отмели береговъ его. Впрочемъ преданіе передаетъ, что когда-то давно жилъ здѣсь постоянно неизвѣстный отшельникъ русскій и питался промысломъ рыбы изъ озера; да въ то время, какъ существовала серьёзная торговля съ за-тундрою, въ которой принимали участіе и пясинцы, извѣстный купецъ А., съ Енисея, имѣлъ на озерѣ лодки для перевоза лѣтомъ на Пясину разныхъ тяжестей. Берега озера лѣсисты.

Переѣхавъ озеро и потомъ еще проѣхавши около 5 верстъ лѣсомъ, мы остановились въ довольно живописномъ мѣстѣ, у двухъ чумовъ. Тутъ была смѣна оленей. Далѣе шла такая же мѣстность, и мнѣ не хотѣлось садиться въ болокъ; но рѣзкій, холодный вѣтеръ заставилъ это сдѣлать. Тутъ въ одномъ мѣстѣ я былъ пораженъ печальнымъ зрѣлищемъ. На небольшомъ ложкѣ стояло нѣсколько полуразрушенныхъ временемъ самоѣдскихъ санокъ, въ разныхъ направленіяхъ, очевидно оставленныхъ спѣшно. Тутъ были брошенныя тѣла умершихъ самоѣдовъ во время свирѣпствовавшей въ 1850 г. оспы, которая истребила такъ много жителей. Извѣстенъ обычай инородцевъ хоронить умершихъ со всею собственностью ихъ. На жертву смерти и тлѣнію отдается все, что принадлежало умершему: одежда, сани, любимый олень.... Бросая тѣла, особенно

пораженныхъ эпидеміею, гдѣ приводится, инородцы спѣшатъ удалиться отъ того мѣста, и такое-то кладбище встрѣтилось намъ.

Послѣ еще одной смѣны въ небольшомъ, дымномъ и плохомъ чуму, какихъ же встрѣчалось намъ во всю дорогу, мы въ 5 часовъ утра были въ Дудиной, едва предупредивъ пургу, которая шла путь не по пятамъ нашимъ и уже начала порядочно разыгрываться, когда мы были недалеко отъ Дудиной; опоздай однимъ часомъ — привелось бы остановиться въ ожиданіи затишья, чтобы не заблудиться. Вотъ было бы досадное положеніе: находиться въ нѣсколькихъ верстахъ отъ исхода самой трудной половины нашего путешествія и не имѣть возможности достигнуть его. Былъ же случай, что одинъ житель Дудиной, возвращаясь домой отъ церкви, былъ захваченъ на дорогѣ пургою, заблудился и замерзъ въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ своего собственнаго дома.

Я оставался въ полномъ убѣжденіи, что нашъ обратный путь къ Туруханскъ совершится такъ же скоро, какъ и передній, если еще не скорѣе, по случаю готовности вездѣ оленей; но совершенно неожиданно оказалось противное. По Енисею выпалъ такой огромный снѣгъ, какого не запомнятъ старожилы, и притомъ сдѣлалась большая оттепель, чего, говорятъ, не бывало никогда. Привелось, вмѣсто бойкой ѣзды рысью на оленяхъ по гололедицѣ, тянуться почти шагомъ по разрыхлѣвшему снѣгу. Олени утомлялись; нужно было часто останавливаться, чтобы перемѣнять ихъ; а каждая такая остановка влекла за собою новыя остановки по случаю безпрерывно оказывавшейся неисправности въ сбруѣ. Такимъ образомъ едва 2 марта мы добрались до Усть-Хантайки.

За полночь, послѣ девяти-часовой медленной ѣзды по рыхлому снѣгу, мы были въ Плахиной; а назавтра едва къ полудню добрались до Носовой. Переѣздъ до Икарокъ, хотя случились свѣжіе олени, напомнилъ мнѣ тундринскія пурги. Пользуясь прекрасною погодою и желая сдѣлать какой нибудь успѣхъ въ ѣздѣ, я сѣлъ на нарту; но ничего не бывало: по глубокому и рыхлому снѣгу олени не могли идти иначе, какъ шагомъ; между тѣмъ съ половины дороги поднялся небольшой вѣтеръ вмѣстѣ со снѣгомъ, который впрочемъ не препятствовалъ ѣздѣ, и до станціи оставалось не болѣе 5 вер.; но вдругъ сдѣлалась мятель, такъ что ничего не стало видно. Хотя она продолжалась весьма недолго, однакожъ мы сбились съ дороги и попали на противоположный берегъ Енисея, который здѣсь, надобно сказать, имѣетъ ширины 8—9 верстъ. Опознались, когда уже взъѣхали на берегъ. Тотчасъ-же принуждены были послать впередъ для осмотра настоящаго пути; его отъискали съ большимъ трудомъ и едва-едва, уже поздно ночью, дотащились до Икарокъ и попали

въ тѣсную, сырую избу, набитую жильцами, особенно женщинами. Усталые олени, трудная дорога и темнота ночи заставили насъ ночевать здѣсь, несмотря на крайнее неудобство. Для помѣщенія проводниковъ и цѣлой толпы самихъ обитателей избы тотчасъ-же была приготовлена баня. Такимъ образомъ въ продолженіе сутокъ, при постоянной ѣздѣ, мы сдѣлали только 65 верстъ.

Рано утромъ отправились далѣе, въ надеждѣ хотя поздно вечеромъ достигнуть Карасиной; но лишь, шагъ за шагомъ, могли добраться до Шушковой. Опять тѣже причины заставили здѣсь ночевать и опять холодная изба обѣщала непріятный ночлегъ,—такъ и случилось. Для возможнаго облегченія затруднительнаго путешествія я отправилъ помощника впередъ; но и эта мѣра не достигла своей цѣли, по другимъ уже причинамъ. Хотя свѣжіе олени ускорили ѣзду, однакожь въ Карасиной встрѣтилась иного рода остановка. Здѣсь собравшіеся тунгусы принесли жалобу на разныя стѣсненія отъ вахтера, того самого, который въ передній проѣздъ старался показаться такимъ честнымъ и заботливымъ. Оказалось, что онъ безъ зазрѣнія совѣсти на все продаваемое отъ казны по опредѣленной цѣнѣ: хлѣбъ, порохъ и свинецъ, установилъ высшую цѣну и, натурально, излишекъ обращалъ въ свою пользу.

Не предполагая, чтобы мы общимъ караваномъ могли скоро добраться до Туруханска, я рѣшился своихъ спутниковъ оставить въ Усть-Курейкѣ, а самъ, въ легкой кошевѣ, отправился впередъ; но и тутъ, на первомъ переѣздѣ до Горошиной, чуть ли не болѣе встрѣтилъ затрудненій, по неопытности въ ѣздѣ вожаковъ тунгусовъ; оказалось, что и олени ихъ вовсе не пріучены къ санной ѣздѣ. Снѣгъ былъ глубокъ, олени едва могли подвигаться впередъ шагомъ и, признаюсь, считать все то пространство, которое мы проѣзжали чуть не саженями, было крайне скучно; поэтому, когда мы съ послѣдней станціи къ Туруханску, Шорохиной, запрягли въ кошеву собакъ, и когда онѣ дружно и бойко понеслись по дорогѣ, мнѣ показалось, что я мчусь по большому тракту на тройкѣ лихихъ скакуновъ. Въ 2 часа ночи, на 11 марта, я былъ въ Туруханскѣ. Съ какимъ удовольствіемъ вошелъ я въ свою теплую, покойную квартиру, какъ будто въ собственный домъ, гдѣ провелъ цѣлую жизнь.

АЛЕКСАНДРЪ МОРДВИНОВЪ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

Недавнее празднованіе пятидесяти-лѣтняго юбилея берлинскаго университета подало въ Россіи поводъ къ обнародованію въ свѣтъ интересныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго просвѣщенія первой половины прошедшаго столѣтія. Руская академія наукъ, получивъ извѣстіе о юбилеѣ названнаго университета, gielt es für angemessen, diese Anlass zu benutzen, um auch von hier aus.... впрочемъ, имѣя въ виду познакомить съ этимъ предметомъ русскихъ читателей, мы будемъ продолжать наше изложеніе по-русски. Итакъ, наша академія сочла приличнымъ воспользоваться юбилеемъ, чтобы выразить заслуженную признательность и теплое сочувствіе университету, который оказалъ наукамъ великія услуги, и въ которомъ слушали лекціи многіе изъ сочленовъ академіи и преподавателей нашихъ учебныхъ заведеній. Въ этихъ видахъ, академіею изданы въ прошедшемъ сентябрѣ «Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu Petersburg». Большая часть заключающихся здѣсь матеріаловъ сообщены г. Свенске; онъ отъискивалъ и привелъ ихъ въ порядокъ еще въ 1859 году; онъ же преимущественно занимался и приготовленіемъ ихъ къ печати.

Познакомившись съ содержаніемъ этой книги, нельзя не порадоваться, что юбилей берлинскаго университета подвигнулъ академію сдѣлать доступными часть матеріаловъ, въ которыхъ не должно быть недостатка въ ея архивѣ, и которые, безъ сомнѣнія, могутъ разъяснить многое, остающееся пока неразгаданнымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе академіи наукъ

въ Петербургѣ важно было для Россіи не въ томъ только отношеніи, что это было высшее ученое учрежденіе, но потому особенно, что оно является у насъ первою серьёзною попыткою водворить въ Россіи европейскую науку со всѣми ея современными требованіями и условіями. Слѣдовательно, академія въ Петербургѣ съ самыхъ первыхъ годовъ своего существованія должна была бы служить противодѣйствіемъ кіевской схоластикѣ, сложившейся изъ элементовъ, чуждыхъ русской національности. Между тѣмъ, на дѣлѣ это противодѣйствіе оказывалось столь слабымъ, что кіевская ученость и ея послѣдователи почти до до конца XVIII вѣка пользовались рѣшительнымъ перевѣсомъ, такъ что дѣятельность академіи наукъ вовсе почти не оставила слѣдовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія сказанной эпохи.

Г. Куникъ, предпославшій обстоятельное предисловіе къ письмамъ Вольфа, не могъ не коснуться неудовлетворительнаго состоянія нашей академіи и объясняетъ это вліяніемъ на ученое учрежденіе политическихъ переворотовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ. «Дѣйствительно поразительно, замѣчаетъ притомъ ученый академикъ, что — на сколько возможно пока обозрѣть обширный запасъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ, — въ теченіе перваго періода (т. е. съ 1725 до 1803 г.) ея существованія только два академика ясно сознавали неправильное положеніе, въ которое она была ввергнута, и только эти два академика рѣшительно настаивали на возвратъ къ замысламъ Петра Великаго. Это были — Ломоносовъ и Шлецеръ. Какъ трудно было при тогдашнемъ порядкѣ вещей произвести реформу въ академіи, то доказываетъ лучше всего борьба Ломоносова, который представляется пристрастнымъ умамъ (befangenen Gemüthern) какимъ-то героемъ, между тѣмъ какъ его грубое обхожденіе (rohes benehmen) не допускало никакой единодушной дѣятельности съ другими въ академіи и внѣ ея.» Соглашаясь отчасти съ объясненіемъ г. Куника, мы не можемъ не замѣтить, что оно не разрѣшаетъ впрочемъ всѣхъ вопросовъ, которые при томъ возникаютъ. Такъ, напримѣръ, почему кіевская схоластика, несостоятельность которой ясно сознавалась еще при Петрѣ Великомъ, успѣла же однако, при неблагопріятной для Россіи обстановкѣ въ XVIII столѣтіи, распространить до такой степени свое господство, что бо́льшая часть школъ того времени преобразовывались или учреждались вновь непремѣнно подъ ея вліяніемъ? Сверхъ того, достаточно извѣстно, что въ личномъ составѣ академіи никогда не замѣчалось не только перевѣса, но даже уравненія русскаго элемента съ нѣмецкимъ, что всегда ставило это учрежденіе въ самой Россіи въ изолированное по-

ложеніе и не допускало образоваться органической связи между академіею и жизнію и потребностями народа. «Производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, жаловался Ломоносовъ, въ которыхъ Россійской имперіи ни сколько пользы быть не можетъ...» Можно ли объяснить такое явленіе политическими переворотами, на которые ссылается г. Куникъ для оправданія академіи?

Мы никогда не раздѣляли и не раздѣляемъ мнѣнія доморощеныхъ патріотовъ, которые убѣждены, что въ нѣмцахъ заключается весь источникъ нашихъ злоключеній, но въ тоже время, намъ кажется забавною претензія наивныхъ германцевъ, что Россія только и жива вліяніемъ нѣмецкаго элемента. Послѣднему, конечно, мы обязаны регулярнымъ войскомъ, нашею бюрократіею, разными титулами въ родѣ ваше благородіе, ваше высокоблагородіе и т. д., полезными словами въ родѣ фердъ, штанги и многія другія, — все это, однако, имѣетъ значеніе лишь въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества, но въ тоже время совершенно чуждо народу. Нѣмецкій элементъ въ русской академіи былъ въ разладѣ съ нашею дѣйствительностью. Для примѣра возьмемъ самыя отдаленныя времена — эпоху 1730—40 годовъ: тогда для народа была бироновщина, которая казалась такъ не легка, что толпы переселенцевъ цѣлыми селеніями спѣшили перебираться за границу, подалѣе отъ своихъ родныхъ пепелищъ. Теперь, просмотрите за тоже время «петербургскія вѣдомости», непосредственно издававшіяся тогда отъ Академіи: академики долгомъ считали помѣщать тамъ, въ русскомъ переводѣ, лишенныя всякаго вкуса оды, надписи и похвальныя рѣчи, гдѣ Россія представлялась счастливѣйшею страною во всей подсолнечной. Ученый Крафтъ написалъ педантическую диссертацію по поводу.... чего бы вы думали? по поводу спектакля — бракосочетанія двухъ шутовъ въ жестокую зиму въ ледяномъ домѣ!

Нѣтъ сомнѣнія, что удовлетворительные отвѣты на разные вопросы, возникающіе въ исторіи нашего просвѣщенія, найдутся лишь тогда, когда будетъ наконецъ приступлено къ обработкѣ и обнародованію того обширнаго запаса матеріаловъ для исторіи нашей академіи, на которые дѣлаетъ намеки и г. Куникъ. Конечно, для германской литературы весьма важно открыть, напримѣръ, какой-то проэктъ знаменитаго Лейбница объ учрежденіи академіи въ Петербургѣ; но для насъ, русскихъ,—такъ какъ уже положительно извѣстно, что это учрежденіе въ такъ называемый первый періодъ своего существованія не принесло ожидаемой пользы русскому просвѣщенію, — открытіе помянутаго проэкта теряетъ всякое значеніе; а было бы интереснѣе узнать поближе изъ оффиціальныхъ,

напримѣръ, протоколовъ академіи, что и какъ происходило въ засѣданіяхъ ея въ доброе старое время; чѣмъ занимались тогдашніе академики и какъ понимали они свои обязанности въ отношеніи къ Россіи и къ русскому просвѣщенію? Мы твердо убѣждены, что подобные матеріалы увидятъ свѣтъ, не дожидаясь юбилея, котораго нибудь изъ германскихъ университетовъ.

Христіанъ Вольфъ (1679 — 1754 г.) сначала пріобрѣлъ себѣ извѣстность разными математическими сочиненіями. Въ 1706 году, когда Карлъ XII вступилъ съ войсками въ Саксонію, Вольфъ принужденъ былъ покинуть лейпцигскій университетъ и въ 1707 г., по рекомендаціи Лейбница, вступилъ въ гальской университетъ на каѳедру математики и естественныхъ наукъ. Особенная ясность и опредѣлительность въ изложеніи математическихъ началъ и переработка философіи согласно математическому методу — доставили Вольфу множество послѣдователей. Между тѣмъ, въ 1718 году, въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ «Acta eruditorum» помѣщено было извѣстіе объ открытіи нѣкимъ Орфиреусомъ perpetuum mobile. Открытіе это и прежде еще сильно заинтересовало Петра Великаго; а потому Блюментростъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ нашей академіи, просилъ Вольфа сообщить вѣрныя извѣстія объ изобрѣтеніи Орфиреуса. Гальскій профессоръ, отвѣчая довольно уклончиво о самой машинѣ, выразилъ однако въ тоже время предположеніе, что если бы она попала въ руки разумныхъ математиковъ, то ее можно было бы усовершенствовать. Тогда Блюментростъ, отъ имени Петра Великаго, предложилъ Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно ему условіяхъ, лишь бы взялся усовершенствовать изобрѣтеніе Орфиреуса. Съ тѣхъ поръ до 1725 года, Вольфъ очень часто и убѣдительно былъ приглашаемъ въ Россію, для участія словомъ и дѣломъ въ осуществленіи намѣренія Петра Великаго основать въ Петербургѣ академію наукъ и зависящую отъ нея высшую школу. Вольфъ, однако, не сдавался ни на какія предложенія, и въ письмахъ къ Блюментросту и библіотекарю Шумахеру старался извинить свое нежеланіе отправиться въ Россію то суровостью климата, то трудностью привыкать къ новому роду жизни, то наконецъ семейными обстоятельствами. Между тѣмъ какъ обо всемъ этомъ происходила переписка, на Вольфа возстало въ Галлѣ сильное гоненіе отъ лютеранскихъ ханжей, извѣстныхъ подъ именемъ піетистовъ. Они провозгласили его философское ученіе антирелигіознымъ и, не будучи въ состояніи бороться съ своимъ противникомъ честнымъ образомъ, подали, какъ обыкновенно это бываетъ

въ подобныхъ случаяхъ, доносъ. Это средство удалось превосходно: прусскій король, безъ всякаго суда и распросы, приказалъ, въ ноябрѣ 1723 г., выслать Вольфа изъ Галля въ теченіе 48 часовъ. Изгнанный ученый нашелъ тотчасъ же покровительство у гессенскаго ландграфа, который далъ ему профессорскую каѳедру въ марбургскомъ университетѣ. Какъ только узналъ о томъ Блюментростъ, то снова предложилъ Вольфу ѣхать въ Россію, прибавляя при томъ, что ему кажется удивительнымъ, почему ученый предпочелъ званіе профессора математики въ Марбургѣ мѣсту, предложенному ему отъ русскаго правительства и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣйшему предъ всѣми прочими. Вольфъ, съ своей стороны, сообщалъ Блюментросту о гоненіяхъ противъ него піетистовъ и о намѣреніи своемъ публично опровергнуть взведенныя на него клеветы. «Я не сомнѣваюсь», писалъ онъ между прочимъ; «что г. профессоръ Франке, состоящій въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ русскихъ епископовъ, написалъ къ нимъ такія же обо мнѣ клеветы, какія имъ уже сообщены въ Вѣну и Англію. Но тамъ онѣ остались безъ послѣдствій; у васъ же строго преслѣдуютъ еретиковъ, а потому я не безъ основанія озабоченъ тѣмъ, не могутъ ли мнѣ у васъ повредить клеветы Франке, а здѣсь онъ ни къ чему не можетъ придраться. Я осмѣливаюсь испрашивать нѣкоторыхъ объясненій по этому предмету и, по полученіи ихъ, не премину сообщить о моемъ окончательномъ рѣшеніи» (касательно поѣздки въ Россію).

Вслѣдствіе этого письма, Блюментростъ писалъ къ Шумахеру: «Г. Вольфъ желаетъ пріѣхать (въ Россію), только прежде требуетъ объясненій касательно здѣшняго духовенства, предъ которымъ онъ, по его мнѣнію, оклеветанъ профессоромъ Франке. Я уже отвѣчалъ ему (этотъ отвѣтъ не отысканъ), что здѣшнее духовенство не имѣетъ такой власти, какую Вольфъ себѣ вообразилъ, и до него ему не будетъ никакого дѣла. Въ Россіи самъ императоръ есть глава духовенства, а послѣднее обязано быть въ совершенной зависимости отъ него....» Шумахеръ отвѣчалъ Вольфу въ томъ же смыслѣ. Этотъ отвѣтъ сохранился въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ кратчайшую приводимъ здѣсь: «Господинъ лейбъ-медикъ сообщилъ мнѣ (то есть Шумахеру) письмо вашего высокородія (*), отъ 1-го марта, изъ котораго видны недоброхотные поступки піетистовъ противъ особы вашей. Мы тѣмъ

(*) Въ нашемъ переводѣ не выпущены эти утонченныя нѣмецкія привѣтствія въ родѣ высокоблагородія, высокородія (Hochedler, Hochedelgeboren) и проч., иначе письма потеряли бы тотъ характеръ, которымъ отличается переписка между нѣмцами.

болѣе приняли это къ сердцу, что убѣждены въ грубой клеветѣ обвиненій, которыя у честныхъ людей никогда не будутъ имѣть успѣха. Мы можемъ вѣрно обнадежить ваше высокородіе, что если бы г. Франке рѣшился писать къ здѣшнему духовенству, то оно, нынѣ совершенно погруженное въ работы надъ приведеніемъ церковныхъ дѣлъ въ благоразумные предѣлы, дурно бы приняло такое извѣстіе, тѣмъ болѣе въ такое время, когда прежнее значеніе этого сословія, при помощи извѣстныхъ мѣръ, уже находится въ упадкѣ. Напротивъ того, остроумная ученость и разумные принципы вашего высокородія у здѣшняго духовенства въ великомъ уваженіи, и то доказываетъ ихъ собственное сознаніе. Такъ, когда всемилостивѣйшій императоръ, на одной ассамблеѣ, приказалъ публично прочесть посвященіе вашего высокородія (*) и сказалъ, что авторъ этого посвященія пріѣдетъ сюда, то духовенство прямо изъявляло о томъ свою радость. Несомнѣнно, что это дѣлалось не изъ угожденія императору, а по собственному побужденію, потому что архіепископъ псковскій (Ѳеофанъ Прокоповичъ), которому мы обязаны добрыми распорядками въ синодѣ и разными церковными постановленіями, часто privatim говоритъ о вашемъ высокородіи и вмѣстѣ съ другими сильно желаетъ вашего прибытія сюда. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, я полагаю, вы можете быть покойны и безопасны....»

Не смотря однако на разныя обѣщанія и предложенія отъ Блюментроста и Шумахера, Вольфъ — какъ замѣчено уже выше — не рѣшился переселиться въ Россію. Взамѣнъ того, съ 1725 г. онъ оказывалъ дѣятельное участіе въ приглашеніи ученыхъ во вновь учрежденную въ Петербургѣ академію. Кромѣ того, марбургскій профессоръ, изъ признательности къ правительству Екатерины I, написалъ разсужденіе, гдѣ доказывалось, что наслѣдованіе русскимъ престоломъ, по всѣмъ естественнымъ и божескимъ законамъ, приличествуетъ одной только императрицѣ, а никому другому. Съ 1725 же года этотъ ученый до самой смерти былъ почетнымъ членомъ нашей академіи и получалъ ежегодно пенсіонъ въ 300 рейхсталлеровъ.

Въ декабрѣ 1735 г., баронъ Корфъ, тогдашній президентъ петербургской академіи, обратился къ саксонскому горному совѣтнику Генкелю въ Фрейбергѣ съ просьбою пригласить въ русскую службу способнаго и знающаго горное дѣло химика. Генкель отвѣчалъ, что

(*) Это посвященіе Вольфа Петру Великому было напечатано при изданной ученымъ математикомъ книгѣ, въ 1723 г., Vernünfftige Gedancken von den Würckungen der Natur.

онъ не знаетъ такого человѣка, какого желаетъ имѣть русское правительство, и что, по его убѣжденію, было бы лучше и выгоднѣе послать въ путешествіе за-границу для изученія горнаго дѣла нѣсколькихъ молодыхъ и уже кое-чему обученныхъ русскихъ: они, по пріобрѣтеніи требуемыхъ знаній, могли бы ихъ передавать другимъ и тѣмъ привлекать на службу императрицѣ. Вслѣдствіе такого отзыва, въ 1736 г. было рѣшено послать за-границу трехъ студентовъ Ломоносова, Виноградова (оба воспитанники московской духовной академіи) и Рейзера (сына русскаго горнаго совѣтника, особенно рекомендованнаго Вольфу отъ академика Крафта). Для лучшаго образованія, они должны были прежде всего пробыть нѣкоторое время въ Марбургѣ, а оттуда, по окончаніи курса наукъ, отправиться въ ученое путешествіе.

18 августа 1736 г., баронъ Корфъ писалъ Вольфу: «Высокородный, особенно высокоуважаемый господинъ регирунгсъ-ратъ. Рекомендую вамъ наилучшимъ образомъ подателей этого письма, студентовъ: Рейзера, Ломоносова и Виноградова, которыхъ ея императорское величество всемилостивѣйше повелѣла отправить за-границу для усовершенствованія въ металлургіи и другихъ наукахъ, относящихся до горнаго дѣла. Врученная имъ инструкція объясняетъ ихъ обязанности; обо всемъ же прочемъ я самъ буду имѣть честь сообщить вашему высокородію въ непродолжительномъ времени»...

Вслѣдствіе этого, у Вольфа возникла новая переписка съ нашею академіею, и отсюда предлагаются здѣсь отрывки, въ которыхъ идетъ рѣчь о трехъ названныхъ русскихъ, отправленныхъ въ Марбургъ. По нашему убѣжденію, эти отрывки есть самые интересные изъ всей изданной нынѣ переписки Вольфа. Съ одной стороны, здѣсь какъ нельзя лучше рисуется добросовѣстный ученый, который, чувствуя себя обязаннымъ русскому правительству, употребляетъ всѣ возможныя для него мѣры, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы выполнить возложенное на него порученіе. Какъ человѣкъ, понимающій всю цѣну трудовыхъ денегъ, Вольфъ приходитъ въ отчаяніе, сердечно болѣетъ, что порученные ему юноши тратятъ даромъ деньги, входятъ въ долги и проч. При всемъ этомъ, нельзя не замѣтить, какъ деликатно онъ обращался съ ними, какъ съ господами студентами, какъ осторожно предлагаетъ онъ ихъ начальству мѣры навести заблудшихся на путь исправленія; съ какимъ, наконецъ, довольствомъ онъ хвалитъ Ломоносова. Съ другой стороны, русскіе юноши въ Марбургѣ представляютъ намъ типы той *размашистой русской натуры*, которые—жаль сказать — не вывелись и донынѣ, и находятъ себѣ хвалителей и почитателей. Три русскихъ студента въ Марбургѣ держали себя такъ, что на всѣхъ нагоняли страхъ: на

кредиторовъ кидались съ обнаженными шпагами, не терпѣли никакого противорѣчія; никто имъ не смѣлъ сказать слова, и только уже по отъѣздѣ ихъ ученый профессоръ наконецъ узналъ, отчего они надѣлали столько долговъ. Несмотря на безпорядочную жизнь, Ломоносовъ и въ Марбургѣ выдавался изъ своихъ товарищей умомъ, прилежаніемъ, знаніями. При всей распущенности, у него было доброе сердце; онъ сознавалъ, что велъ себя дурно и, прощаясь въ послѣдній разъ съ Вольфомъ, не могъ произнести слова отъ слезъ и рыданій.

3 марта 1737 г., баронъ Корфъ отвѣчалъ такимъ образомъ на письмо Вольфа (неизвѣстное): «изъ письма вашего высокородія, отъ 25 ноября 1736 г., врученнаго мнѣ недавно предъ возвращеніемъ моимъ изъ Курляндіи, я узналъ съ величайшимъ удовольствіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя было угодно вашему высокородію сдѣлать касательно трехъ русскихъ студентовъ. Я совершенно одобряю теперешнее распредѣленіе лекцій, которыя они должны посѣщать; а потому предоставляю вашему дальнѣйшему усмотрѣнію надзоръ за этими молодыми людьми во все время пребыванія ихъ въ Марбургѣ»....

12 іюня 1737 г., Вольфъ сообщилъ Корфу: «теперь съ полгода, какъ находящіеся здѣсь русскіе студенты обязаны, согласно инструкціи, присылать въ академію specimina (образцы) своихъ занятій. Хотя они упражнялись въ начальныхъ основаніяхъ ариөметики и геометріи и прилежали къ изученію нѣмецкаго языка, также начали говорить по-нѣмецки, однако не знаю я, какія бы они могли представить тому specimina. Я напоминалъ имъ также объ отчетѣ, но они отговариваются незнаніемъ, какъ пересылать пакеты въ Россію, потому-что по почтѣ это было бы очень долго. Итакъ ваше превосходительство имѣете разрѣшить, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ? На столъ они еще ничего не получали. Охотно желаютъ они также заниматься естественною исторіею; но мнѣ бы пріятнѣе было, чтобы ваше превосходительство предоставили академіи рѣшить, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, потому что оно академіи лучше извѣстно, нежели мнѣ. Студенты теперь будутъ продолжать упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, притомъ познакомятся съ основаніями механическимъ наукъ, а зимою перейдутъ къ физикѣ. Впрочемъ, во всемъ ожидаю приказанія» и проч.

15 сентября 1737 г., къ тому же: «изъ письма, полученнаго мною отъ вашего превосходительства съ прошлою почтою, я съ огорченіемъ узналъ, что до васъ не дошли письма ни господъ русскихъ, ни мои два. Меня это безпокоитъ и потому я настойчиво требовалъ у здѣшняго почтмейстера, чтобы онъ посылалъ письма на Бре-

ссель, а оттуда на Дудерштадтъ, откуда письма идутъ и изъ Петербурга. Я сообщалъ, что студенты, послѣ занятій ариѳметикой, геометріею и тригонометріею, слушаютъ у меня въ настоящее время механику; причемъ я обращаю особенное вниманіе на то, что необходимо къ познанію машинъ. Полагаю, что для нихъ, по ихъ предназначенію, пригодятся въ будущемъ не столько отвлеченныя теоріи, для изученія которыхъ у нихъ и нѣтъ довольно времени, сколько познанія машинъ по горному дѣлу. И какъ затѣмъ послѣдуетъ преподаваніе гидростатики, аерометріи и гидравлики, то я хочу дать имъ нѣкоторыя предварительныя понятія о размежеваніи горныхъ участковъ (подземная геометрія), для того, чтобы устранить долгія задержки при показаніи имъ этого на практикѣ на рудникахъ. Господа Виноградовъ и Ломоносовъ начинаютъ говорить по-нѣмецки и понимаютъ порядочно разговоръ; но, разумѣется, нужно время на то, чтобы русскій, совершенно незнающій нѣмецкаго языка, могъ въ немъ усовершенствоваться. Этою зимой они должны слушать экспериментальную физику, при чемъ хочу въ особенности обращать при каждомъ удобномъ случаѣ вниманіе ихъ на то, что должно замѣчать при опытахъ. Они также занимаются тѣмъ, что будетъ имъ полезно въ будущемъ ихъ путешествіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я спрашивалъ, что заблагоразсудитъ императорская академія наукъ касательно изученія естественной исторіи, такъ-какъ они должны сю заниматься болѣе сами собою, какъ предметомъ, который зависитъ лишь отъ памяти. Впрочемъ, я совершенно готовъ руководить ихъ, согласно сообщенной имъ академіи наукъ инструкціи, и словомъ и дѣломъ. Далѣе, я спрашивалъ о предписанномъ студентамъ отчетѣ. По моему мнѣнію, онъ долженъ быть подробный, а не общій, какъ ими составленъ; также необходимо въ надлежащихъ мѣстахъ его прилагать квитанціи, если пакетъ на почту не очень великъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ показывать, чтобы я могъ, по просмотрѣ, дѣлать аттестаціи. Наконецъ, не знаю я, въ чемъ должны состоять предписанныя specimina, и потому испрашиваю объ этомъ точнѣйшаго извѣстія. И вотъ все то, что я писалъ объ учащихся здѣсь русскихъ»....

24 ноября 1737 г., къ тому же: «присланные вашимъ превосходительствомъ векселя я получилъ исправно. За тотъ изъ нихъ, который назначенъ мнѣ, приношу почтительнѣйше мою благодарность и предаю себя совершенно въ распоряженіе ваше. Я распорядился тотчасъ же векселями, продавъ ихъ купцамъ во Франкфуртѣ, а они получатъ по нимъ уплату въ Голландіи.

«Каждый изъ русскихъ господъ студентовъ получилъ изъ присланныхъ денегъ третью часть, и какъ они вошли въ нѣкоторые дол-

ги; то и могутъ расплатиться съ ними. Но сверхъ каждый изъ нихъ истрачиваетъ по 52 рейхсталера въ годъ. Я было забылъ опять (сказать), что не могло бы имъ повредить убѣжденіе вести правильно свое хозяйство: тогда не было бы долговъ, которые могутъ имъ, въ случаѣ отзыва отсюда, сдѣлать остановку въ ихъ отъѣздѣ. Въ угодность имъ, я началъ преподаваніе физики, которая, по предположенію ихъ (къ изученію горнаго дѣла), весьма имъ нужна; лѣтомъ же буду производить притомъ и опыты. Я передалъ имъ инструкцію объ изученіи естественной исторіи, и позабочусь, чтобы оно шло удовлетворительно. Ваше превосходительство напоминаете о примѣрахъ изъ древней и новой исторіи въ правахъ естественномъ и народномъ: готовъ предложить свои услуги и въ этомъ случаѣ, на сколько могу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознаться, что я не занимался исторіею и не много читалъ по этой части; почему и не знаю, вездѣ ли можно будетъ скоро найти примѣры, какъ бы я того желалъ. Гроцій и нѣкоторые изъ его комментаторовъ приводили примѣры: на нихъ можно ссылаться въ данныхъ случаяхъ, только когда найдешь цитируемыя ими мѣста и притомъ, когда перечитаешь историковъ, изъ которыхъ они заимствовали. Плохо то, что здѣсь ни отъ кого нельзя имѣть помощи, а у меня времени на лекціи уходитъ столько, что для чтенія прочаго остается мало досуга»...

30 марта 1738 г., къ Шумахеру: «нельзя будетъ пожалѣть, когда господа русскіе студенты получатъ увѣщаніе избѣгать долговъ, которые при отъѣздѣ ихъ задержатъ. Лучше впрочемъ будетъ, когда это послѣдуетъ, какъ будто по собственному ихъ побужденію».

17 августа 1738 г., къ барону Корфу: «письмо вашего превосходительства, съ новою строжайшею инструкціею для русскихъ студентовъ и двумя векселями, я получилъ исправно и за вексель, мнѣ присланный, приношу всепокорнѣйшую благодарность. Я тотчасъ же озаботился о выдачѣ денегъ помянутымъ студентамъ, такъ-какъ они чрезвычайно нуждались, долгое время не имѣя въ своихъ рукахъ звонкой монеты; я же не хотѣлъ ихъ ссужать деньгами, чтобы удержать отъ излишнихъ издержекъ. Уплачено за столъ и то немногое, что я имъ давалъ въ долгъ; остальныя же затѣмъ деньги они взяли себѣ и все-таки на этотъ разъ не могли расплатиться съ долгами, потому-что снова остались съ пустыми руками. Новая строжайшая инструкція хотя можетъ служить предупрежденіемъ на будущее время, однако не въ состояніи помочь тому, что уже случилось. Вся ошибка заключается въ началѣ. Привезенныя съ собою деньги они промотали, оставшись еще нѣсколько должными; а потомъ, по пріобрѣтеніи нѣкотораго кредита, впали въ долги. Быть можетъ, такимъ же бы образомъ у нихъ ушли и столовыя деньги-

если бы только не у меня имѣли столъ. Я не могу ничего сказать о количествѣ ихъ долговъ, иначе мнѣ надобно прибѣгнуть ко многимъ розыскамъ, а я не знаю, насколько должно мнѣ вмѣшиваться въ это дѣло. Кажется, что они въ предшествовавшихъ отчетахъ своихъ показали, что ими еще не уплачено. Я ожидаю отъ вашего превосходительства приказанія, какъ поступать мнѣ, чтобы вывести все наружу. Повидимому они еще не умѣютъ ни обходиться съ деньгами и держать въ порядкѣ хозяйство, ни думать, какъ наконецъ будутъ раздѣлываться при отъѣздѣ отсюда. Господинъ Ломоносовъ изъ нихъ кажется одареннымъ чрезвычайно бойкимъ умомъ (scheinet den aufgewecktesten Kopf zu haben), и онъ могъ бы, при должномъ прилежаніи, многое изучить, такъ-какъ у него къ наукамъ большая охота и любознательность. Господинъ же Виноградовъ кажется мнѣ во всемъ самымъ плохимъ. Я самъ не знаю, въ чемъ будутъ собственно состоять specimina profectuum (образцы успѣховъ), которые обязанъ онъ составить въ моемъ присутствіи. Теперь приближается время представленія ихъ донесеній, и я почтительнѣйше испрашиваю подробнѣйшаго наставленія, обязанъ ли я точно освѣдомиться объ ихъ долгахъ, чтобы придумать, какъ тому помочь. Если они получатъ деньги въ руки, то могутъ также мало думать объ уплатѣ. Можетъ-быть, не было бы безполезно, чтобы на будущее время при рапортахъ были показываемы ихъ долги и чтобы я имѣлъ повелѣніе смотрѣть за вѣрностью этихъ показаній. Мнѣ бы пріятно было совѣтовать имъ, какъ жить удобнѣе, не возбуждая притомъ неудовольствія и не теряя ихъ довѣренности».

26 сентября 1738 г., къ тому же: «не извольте, ваше превосходительство, негодовать на меня за то, что я, по случаю сильной простуды въ глазу, не въ состояніи много писать; между тѣмъ мнѣ не хотѣлось, чтобы залежалось переданное мнѣ для пересылки отъ господъ русскихъ студентовъ. Я не могу утвердить ихъ показанія въ отчетѣ, что за все уплачено, потому что фехтовальный учитель предъявилъ на нихъ претензіи въ 66 фл. и у бухгалтера стоитъ еще большій счетъ. Они неохотно объявляютъ свои долги; однако же, я не вижу, какъ можно будетъ наконецъ избѣжать это. Ожидаю, впрочемъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ».

13 января 1739 г., къ тому же: «такъ-какъ уже давно студенты были безъ денегъ, то я выдавалъ каждому изъ нихъ впередъ по талеру на недѣлю, съ цѣлью предохранить ихъ отъ дальнѣйшихъ долговъ. Они показали итогъ своихъ долговъ и представили счеты. Можно надѣяться, что нѣтъ болѣе никакихъ долговъ, такъ-какъ я всегда удерживалъ что слѣдуетъ за столъ, за исключеніемъ того, что наростетъ вновь и вычитается изъ векселя. Сумма долговъ

простирается до 1371 рейхсталлера. Не знаю, куда дѣвали они деньги, потому что изъ векселя ничего не уплачивалось, кромѣ стола по 1 рейхсталлеру въ недѣлю (за исключеніемъ г. Ломоносова — онъ впослѣдствіи ужиналъ по вечерамъ, за что платилось $1^1/_2$ рейхсталлера) и мелочи за квартиру, отопленіе, освѣщеніе и другіе незначительные предметы».

«Лекціи, которыя они у меня посѣщали, кончаются; однако гг. Ломоносовъ и Рейзеръ слушаютъ еще начатый мною математическій курсъ. Теперь у нихъ нѣтъ дѣла, они штудируютъ для себя и заняты приготовленіемъ диссертацій. Господинъ Виноградовъ былъ всегда лѣнивѣйшимъ, и его поведеніе не лучше; но тутъ немного сдѣлаешь, потому что онъ тотчасъ хочетъ знать, кто сказалъ что нибудь о немъ дурное, и потомъ мститъ за то. Прошедшимъ годомъ, я, чрезъ тогдашняго проректора, выручалъ его въ разныхъ случаяхъ; но нынѣ мнѣ поручено проректорство, и я не въ состояніи ничего сдѣлать, иначе прочіе студенты сочтутъ то за пристрастіе. Конечно, лучше бы всего взять ихъ изъ университета и поручить химику, гдѣ они не имѣли бы той свободы, которой невозможно имъ лишить въ университетѣ. Теперь въ нѣмецкомъ языкѣ они на столько успѣли, что понимаютъ весь разговоръ и сами могутъ порядочно объясняться. Во французскомъ же языкѣ они мало сдѣлали: учитель не хочетъ имъ давать уроки безплатно, а они сами не копили на то денегъ. Я все-таки твердо увѣренъ въ успѣхахъ г. Ломоносова; онъ также раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ»....

4 апрѣля 1839 г., къ тому же: «господа Рейзеръ и Ломоносовъ ведутъ себя во всемъ благоразумно, между собою единодушны, и я твердо надѣюсь, что на нихъ не даромъ потрачены деньги. Г. Ломоносовъ приноравливается къ мягкимъ нравамъ (bequemet sich zu mildern Sitten); что же мнѣ предпринять съ г. Виноградовымъ — я не знаю. Первые двое уже представили specimina; Виноградовъ также обѣщается принести свои, но изъ этого ничего не выйдетъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ въ состояніи что нибудь сдѣлать. Онъ любитель праздности и безпорядочной жизни. Ничто не въ состояніи его передѣлать. Только и заботы охранять его, чтобы онъ не впалъ въ несчастіе или не подвергнулся академическому наказанію. Онъ не дозволяетъ другимъ ни въ чемъ себѣ противорѣчить, да и не думаю, чтобы онъ могъ сойтись съ другими. Хотя пишу объ этомъ неохотно, однако долгъ мой противъ ея императорскаго величества не дозволяетъ мнѣ молчать. Впрочемъ, предоставляю все на благоусмотрѣніе вашего превосходительства....»

3 мая 1739 г., къ тому же: «по полученіи письма вашего превосходительства, тотчасъ же объявилъ русскимъ студентамъ импера-

торское повелѣніе и предупредилъ ихъ о приготовленіи къ отъѣзду. Однако при томъ встрѣтились большія затрудненія.... (слѣдуетъ подробное описаніе задержекъ въ полученіи денегъ по векселямъ) Кромѣ того, помянутые студенты представили впервые подробный реестръ долговъ, несмотря на то, что я ихъ серьёзно уговаривалъ не скрывать ничего. Настоящихъ долговъ оказывается у г. Рейзера — 411 рейхст. 11 кр., г. Ломоносова — 593 рейхст. 7 кр. и у г. Виноградова 614 рейхст. 46 кр., всего 1619 рейхст. 29 кр., которые превышаютъ ассигнованные по векселю 1400 рейхст. на 220 рейхст. безъ нѣсколькихъ крейцеровъ. И при всемъ томъ, я не увѣренъ, чтобы не могло найтись, когда дѣло дойдетъ до развязки, еще многихъ небольшихъ должковъ, особенно у г. Виноградова, который рѣшительно неукротимъ и вовсе не имѣетъ охоты учиться, что съ избыткомъ увидитъ и г. Генкель. Мнѣ уже представленъ одинъ счетъ въ 13 рейхст., о которомъ онъ не подумалъ; равнымъ образомъ, я знаю, что у бухгалтера есть еще бо̀льшій счетъ; его я не вижу въ реестрѣ, почему и прохожу молчаніемъ. Виноградовъ самъ можетъ не знать, сколько онъ долженъ, потому что онъ должаетъ повсюду, гдѣ только ему даютъ въ долгъ. На своихъ кредиторовъ, которые ему напоминаютъ о долгахъ, кидается со шпагой, на что очень часто ко мнѣ, какъ временному проректору, поступали жалобы».

«И такъ, не знаю, какъ вывести ихъ изъ этого лабиринта, въ который они попали по собственной волѣ. Если получатъ они деньги въ руки, то распорядятся ими по прежнему и не заплатятъ ни разу за столъ. Въ оправданіе свое они только и знаютъ приводить свою неосмотрительность, а непоказаніе съ перваго раза всѣхъ долговъ оправдываютъ лишь тѣмъ, что уплатили бы ихъ по полученіи въ руки векселя, который присылается къ концу года. Однако, на дѣлѣ это осуществилось бы также мало, какъ и уплата изъ прежде полученныхъ денегъ. Не могу выразить, какъ это меня безпокоитъ; а между тѣмъ они сами въ добромъ расположеніи, какъ будто поступали очень хорошо»....

«Изъ послѣдняго векселя достанетъ имъ на содержаніе до тронцына дня по старому стилю, потому что я, кромѣ стола, выдаю имъ еженедѣльно каждому по таллеру, съ прибавкою мелочи на совершенно необходимое. Но какъ, по всѣмъ соображеніямъ, они здѣсь останутся нѣсколько долѣе, то встрѣтятся затрудненія. Если бы они были бережливы, то каждому можно бы доѣхать до Фрейберга съ 15 рублями. Я, впрочемъ, не знаю, не лучше ли будетъ не давать имъ въ руки ни одного рубля, потому что какъ скоро они пускаются въ издержки, то мало сообразуются съ бюджетомъ.»

13 мая 1739 г. къ тому же: «не могу выразить, какъ огорчаетъ

меня дѣло о долгахъ русскихъ студентовъ, такъ какъ они не только показываютъ еще большіе долги противъ объявленныхъ прежде, но со стороны Виноградова и послѣ того еще открылось множество долговъ, и онъ, несмотря ни на какія увѣщанія, продолжаетъ жить день за днемъ, и въ будущемъ на него нѣтъ ни малѣйшей надежды. Въ этомъ скоро можетъ удостовѣриться и г. Генкель, котораго я хочу пространно извѣстить, на что долженъ онъ обратить вниманіе, если они туда (во Фрейбергъ) отправятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они очень назойливы съ своими кредиторами и тотчасъ угрожаютъ обнаженными шпагами, чтобы вынудить кредитъ. И въ особенности постоянныя жалобы опять-таки противъ Виноградова. Я не знаю, за что приняться, чтобы научить ихъ вести хозяйство свое порядочно, а Виноградову внушить охоту заниматься чѣмъ нибудь. По обѣщаніямъ все совершенно хорошо. Они постоянно скрывали отъ меня свои долги и обманывали до тѣхъ поръ, пока наконецъ все должно было обнаружиться. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній, имѣю честь и проч.»

1 августа 1739 г., Вольфъ, увѣдомляя барона Корфа объ отправленіи нашихъ студентовъ во Фрейбергъ, представилъ подробный отчетъ объ уплатѣ долговъ, которыхъ въ то время было: на Виноградовѣ — 899 рейхст. 7 кр. 2 г., Ломоносовѣ — 613 рейхст. 10 кр. 3 г. и Рейзерѣ—414 рейхст. 31 кр. 2 г., а всего 1,936 рейхст. 43 кр. 3 г. Изъ этой суммы, по убѣжденіямъ Вольфа, кредиторы сложили 141 рейхст. 27 кр. 3 г. «Они, пишетъ послѣ того германскій философъ, отправились отсюда въ 5 часовъ утра 20 іюля и заѣзжали ко мнѣ на домъ для полученія денегъ на путевыя издержки—каждый, какъ онъ садился въ повозку. Съ Виноградовымъ мнѣ было еще много хлопотъ, чтобы отстранить дальнѣйшія околичности съ разными студентами, отчего произошла бы остановка въ отъѣздѣ. И господинъ Ломоносовъ выкинулъ штуку, которая нисколько не была нужна и которая могла бы его задержать, если бы я, въ качествѣ проректора, не предотвратилъ того».

«Теперь я долженъ только то еще напомнить, что они провели здѣсь время не совсѣмъ напрасно. Хотя же Виноградовъ, кромѣ нѣмецкаго языка, не многимъ здѣсь воспользовался, и по большей части заставлялъ только хлопотать о томъ, чтобы не сдѣлать его несчастнымъ и не подвергнуть академическимъ наказаніямъ, однако я ничего не могу сказать противъ того, что въ особенности Ломоносовъ, съ которымъ я болѣе, нежели съ Рейзеромъ, имѣлъ случаи разговаривать, почему его образъ мыслей мнѣ болѣе извѣстенъ, воспользовался науками. Причина ихъ долговъ объяснилась только послѣ ихъ отъѣзда: они были очень преданы сладострастію и при-

вались за женскій полъ. Въ бытность ихъ здѣсь, каждый боялся нибудь сказать, потому что они своими угрозами держали всѣхъ страхѣ. Съ отбытіемъ ихъ отсюда, я освободился отъ многихъ хлопотъ; но г. горный совѣтникъ (Генкель) приметъ ихъ къ себѣ въ домъ, они не будутъ жить въ университетѣ, и потому рано испытаетъ ихъ дѣянія и поведеніе. Какъ они увидали множество заплаченныхъ за нихъ долговъ и тѣ затрудненія, которыя надобно было превозмочь, чтобы уменьшить долгъ, то тогда только пришли въ себя и не токмо раскаявались въ причиненныхъ мнѣ безпокойствахъ, но увѣряли, что поведутъ себя иначе. Я также нашелъ ихъ не тѣми, какими они были только-что по пріѣздѣ въ Марбургъ. Я имъ напомнилъ, что они должны подумать, какъ загладить свои вины предъ вашимъ превосходительствомъ и императорскою академіею наукъ. Имъ не было ни мало надобности заботиться обо мнѣ, — однако, въ особенности Ломоносовъ, отъ горести и слезъ не могъ произнести ни одного слова....»

Еще прежде, именно 20 іюля 1739 г., Вольфъ далъ аттестатъ Ломоносову на латинскомъ языкѣ, гдѣ говорится объ успѣхахъ его въ математикѣ, философіи и физикѣ, также выражена увѣренность, что Ломоносовъ, по возвращеніи въ отечество, будетъ полезенъ ему.

Въ 1741 г., Вольфъ снова былъ переведенъ въ гальскій университетъ, и оттуда, 25 апрѣля того же года, сообщалъ Шумахеру, что онъ писалъ къ одному своему доброму пріятелю въ Марбургѣ о скорѣйшемъ отправленіи Ломоносова въ путешествіе. Этимъ распоряженіемъ и кончились хлопоты германскаго философа о русскихъ студентахъ — по крайней мѣрѣ въ послѣдующей его перепискѣ съ академіею наукъ о нихъ уже не упоминается.

Въ заключеніе, не лишнимъ считаемъ привести замѣтки самого Ломоносова о пребываніи его за границей (*): «Ломоносовъ и Виноградовъ съ третьимъ Рейзеромъ опредѣлены были кабинетскимъ указомъ, 1736 г. марта 18 дня, учиться за моремъ на суммѣ особливо изъ статской конторы, сверхъ академической. Однако, получивъ оную, употребила на другіе расходы канцелярія академическая, а оные три студента принуждены были жить въ Санктпетербургѣ съ 19 марта до половины сентября мѣсяца затѣмъ, что денегъ на дорогу долго ждали (и въ осень глухую на морѣ едва не потонули). За моремъ будучи, претерпѣвали великую нужду съ удержкою жалованья, и живучи въ долгъ и беручи деньги въ процентъ, великіе понесли убытки. Наконецъ, какъ они во Фрейбергѣ горнымъ дѣламъ

(*) «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», изд. А. Вельтманомъ 1840 г., стр. 17, 18.

сь и совѣтникъ Генкель не получалъ напередъ шести сотъ ...евъ обѣщанныхъ — половину своей за нихъ платы, также и къ ...удентамъ весьма скудно деньги, и то чрезъ него, Генкеля, присылались, которыя онъ у себя сталъ удерживать, и не надѣясь отъ академіи себѣ награжденія, по прошествіи десяти мѣсяцей, при окончаніи химическаго курса, совсѣмъ онымъ студентамъ отказалъ въ деньгахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ Ломоносовъ искать случая въ Россію возвратиться и по прошенію онаго, а по ордеру академіи президента фонъ-Бреверна въ С.-Петербургъ пріѣхалъ. Оставшіе(ся) послѣ его товарищи три года не могли для долговъ въ отечество возвратиться, пока ихъ горная коллегія по представленію вице-президента Рейзера выкупила. Хотя между тѣмъ въ академіи сумма на троихъ оныхъ студентовъ каждый годъ напередъ отпускалась. (И уже въ мою бытность здѣсь въ адъюнктахъ четыреста рублевъ на мою часть якобы для посылки мнѣ за море изъ статсъ-конторы принимались въ академіи. Чудное дѣло! я былъ въ одно время три года здѣсь и за моремъ вдругъ!)»

В. Р.

ПРОЦЕССЪ МЕРТВЫХЪ ПЕРЕДЪ КАССАЦІОННЫМЪ СУДОМЪ.

Injuria facta testatori facta hæredi; semper enim interest hæredi defuncti existimationem purgare.... quia sustinet personam defuncti.

Говоря о формализмѣ французскихъ судовъ, о строгости, съ которой они уважаютъ букву закона, съ одной стороны,—несправедливо было бы не сказать ни слова съ другой—о случаяхъ болѣе свободнаго толкованія дѣйствующихъ постановленій, практикой тѣхъ же судовъ. Самъ Игерингъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ разсудительные юристы соглашаются, что строгая приверженность къ буквѣ закона составляетъ признакъ младенчества въ дѣлѣ юридическихъ отправленій; а потому ни одно зрѣлое право или зрѣлая судебная практика не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ формы, безъ нѣкотораго простора въ толкованіи отданнаго на совѣсть лицъ, испытанныхъ и заслуженныхъ. Эта нѣкоторая свобода, признаваемая за судьями, по отношенію къ закону, пополняетъ здѣсь необходимость нравственнаго убѣжденія, которое по отношенію къ факту дается присяжными.

Трудно на этотъ разъ не согласиться съ нашими старшими въ научномъ дѣлѣ; трудно даже исчислить все добро, которое можетъ произойти для людей отъ вмѣшательства совѣсти и нравственнаго убѣжденія въ какія хотите казуистическія и запутанныя дѣла. Итакъ, значитъ, на ряду съ присяжными, адвокатами, устностью и гласностью, становится еще одно вожделѣнное благо судебнаго по-

рядка—*толкованіе закона по совѣсти*. Оно пока, кажется, и замыкаетъ все звено благихъ средствъ, къ улучшенію участи тяжущихся придуманныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не есть послѣднее изъ всѣхъ, котораго достигаетъ правосудіе.

Послѣ этого, если жюри и бываетъ иногда не совсѣмъ справедливъ, если гласность помѣщается въ довольно тѣсныхъ загородкахъ, отведенныхъ при судахъ плебсу, если не всѣ процессы печатаются и наконецъ самое толкованіе закона по совѣсти бываетъ не всегда удачно,—то все это, по мнѣнію нашему, не колеблетъ самихъ принциповъ, а доказываетъ только: что все можетъ искажаться людьми; что самая совѣсть имѣетъ свои границы, и давать ей слишкомъ много простора такъ же ненадежно, какъ и изгонять ее вовсе; что непогрѣшимыми орудіями въ дѣлѣ человѣческихъ установленій могутъ быть только тѣ побужденія его сердца, которыя высказываются всегда одинаково, внятно и положительно, и противъ которыхъ люди рѣдко грѣшатъ. Пока этими побужденіями, работающими постоянно втайнѣ сердецъ и совѣстей, жизнь не будетъ приведена къ извѣстному равновѣсію, и требованія добра и справедливости не будутъ установлены на этихъ болѣе реальныхъ интересахъ, до тѣхъ поръ правда будетъ испытывать постоянно болѣе или менѣе сильныя колебанія, которыхъ не предупредитъ никакая совокупность до сихъ поръ изобрѣтенныхъ средствъ судебнаго порядка. Мы и не требуемъ поэтому вовсе отъ адвокатовъ гласности и т. д. болѣе, чѣмъ они могутъ дать, и останавливаемся только надъ тѣмъ, что они могутъ дать при полныхъ условіяхъ благонамѣренности.

Вникая съ этой-то стороны въ рѣшенія судовъ, мы замѣчаемъ одно довольно странное и мало утѣшительное явленіе, что толкованіе закона по буквѣ и толкованіе его по духу или совѣсти — приводитъ судебныя рѣшенія къ одному и тому же формализму. Нравственное убѣжденіе замѣняется силой привычки, подъ которыя, если подходитъ законъ, онъ примѣняется буквально; если не подходитъ, онъ толкуется. Отсюда выше формализма закона стоитъ формализмъ понятій и теорій, подъ которыя подводятся одинаково и законъ, и нравственныя убѣжденія. Послѣ этого, если въ результатѣ выходитъ что нибудь несообразное съ нравственными требованіями, оно объясняется какъ неизбѣжное зло, связанное со всякимъ человѣческимъ установленіемъ, какъ горькая необходимость. Большинство людей такъ привыкло къ несообразностямъ, такъ крѣпко связало ихъ съ представленіемъ о человѣческой природѣ, что для него кажется противузаконною всякая надежда на выходъ; для нихъ человѣчество осуждено блуждать безъ срока въ лабиринтѣ собственныхъ несовершенствъ. Они не могутъ во-

обвинять его; безъ нихъ, можетъ-быть, даже жаль было бы этихъ несовершенствъ, если бы они когда нибудь кончились; можетъ-быть поэтому они вообще такъ сговорчивы и кротки, такъ легко мирятся со всякимъ зломъ, считая его за нормальное и неизбѣжное. Мы, напротивъ, не считаемъ нужнымъ придавать такого безусловнаго значенія необходимостямъ; мы вѣримъ, что процессъ человѣческой жизни можетъ-быть когда нибудь выигранъ, и что это вовсе не противно человѣческой природѣ. Указывая тамъ, или здѣсь недостатки, мы признаемъ ихъ только принадлежностію извѣстнаго порядка, извѣстной среды, извѣстнаго времени. Мы видимъ въ общественности вообще слишкомъ большую власть и силу надъ личными свойствами, которая можетъ дать когда нибудь ей возможность покорить себѣ совершенно безпокойный характеръ частнаго лица, его же собственными слабостями. Анти-общественныя страсти уступятся, сядутъ передъ массой выгодъ. Правда, исторія учила человѣка общественности постоянными принужденіями: онъ былъ вообще довольно близорукъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ; а потому и здѣсь дѣло врядъ ли можетъ кончиться помимо обязательнаго закона, который бы препятствовалъ постоянно людямъ вредить другъ другу и портить чужое спокойствіе, въ сущности — въ ущербъ своему собственному. Безъ этого распространенія общественнаго начала и вмѣшательства его въ частную жизнь не можетъ-быть, конечно, конца колебаніямъ правды и тѣхъ несовершенствъ, которыя связаны со всякимъ судебнымъ порядкомъ. Указывая такой путь, мы сознаемся, что конецъ несовершенствъ, конечно, не въ рукахъ ни адвокатовъ, ни устности, ни присяжныхъ, и потому мы не такъ много, какъ другіе, приписываемъ значенія этимъ трофеямъ современнаго устройства. Но мы признаемъ за ними извѣстную возможность имѣть вліяніе на толкованіе и направленіе закона, а слѣдовательно и на ту прямую дорогу, которая лежитъ къ добру. Мы признаемся, что къ распространенію общественнаго принципа должны одинаково стремиться и законъ, и наконецъ самые суды, толкующіе и примѣняющіе законъ.

Вотъ почему мы не можемъ встрѣчать совершенно хладнокровно рѣшеній, гдѣ предоставленная свобода толкованія закона направляется къ поддержанію старыхъ противорѣчій, къ возбужденію взаимнаго антагонизма между людьми, а не къ его уменьшенію.

Изъ этихъ примѣровъ мы можемъ видѣть только, что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ сторонняго умысла, какъ сами судебныя установленія, такъ и защитники оныхъ — не сознаютъ ни существа, ни значенія этихъ установленій. Имъ нравятся они просто, сами по себѣ; ихъ увлекаетъ форма, голое право, не касаясь того, какимъ

общественнымъ вліяніемъ разрѣшатся эти формы. Въ сущности у насъ нѣтъ нравственнаго капитала въ запасѣ, на которомъ они могли бы опереть это вліяніе. Вмѣсто началъ, есть капиталъ формализма, строй противорѣчивыхъ пріемовъ — рутина, нѣтъ нравственнаго убѣжденія, есть привычка къ тому, и другому, и третьему, и потому вмѣсто того, чтобы давать жизнь закону, они его рушатъ часто для того, чтобы натянуть на свои старые предразсудки, и толкуя законъ по буквѣ или духу, въ обоихъ случаяхъ остаются одинаково формалистами неискоренимо-засѣвшаго въ убѣжденія оптимизма.

Намъ кажется, напротивъ того, что обсуждая извѣстныя установленія слѣдуетъ гораздо менѣе приписывать значенія этимъ установленіямъ, самимъ по себѣ, чѣмъ тому логическому капиталу, той сферѣ понятій и нравственныхъ убѣжденій, которыми будутъ руководствоваться эти установленія. Такъ было время, когда судья былъ положительно убѣжденъ, что судъ существуетъ только, какъ доходная статья для него. Далѣе, онъ можетъ-быть вполнѣ убѣжденъ въ высшихъ нравственныхъ требованіяхъ, которыя связаны съ его званіемъ; но его понятія могутъ быть ограничены, грубы, и онъ также сдѣлаетъ мало хорошаго. Такъ сдѣлаютъ, наконецъ, не много хорошаго и адвокаты, и право толкованія закона по совѣсти, если нравственныя убѣжденія не будутъ направлять этого толкованія къ одной положительной цѣли, къ поддержанію общественнаго начала. И вотъ почему мы думаемъ, что правильному устройству судовъ мало можно помочь одними трескучими криками и журнальными завываніями....

Болѣе поучительнаго примѣра тому, къ какимъ результатамъ приводитъ это увлеченіе формальной стороной вещей, въ ущербъ ихъ реальному значенію, трудно отыскать гдѣ либо, кромѣ Франціи. Французъ такъ привязанъ къ всякой внѣшности, что за ней исчезаетъ для него совершенно дѣйствительность. Всѣ половинчатыя сдѣлки съ прошедшимъ, филистерскія полумѣры и лавочныя новаціи составляютъ для него предметъ гордости. Мало того, онъ спокойно прочтетъ въ Journal des Tribunaux голое постановленіе суда по дѣлу.... и ни мало не усумнится на счетъ судебной гласности, какъ факта во Франціи. Вмѣсто дѣла онъ хочетъ помпы театра, маскерада, декламаціи, мелодрамы во всемъ, и на этомъ мирится. Впрочемъ, можетъ-быть мы и не совсѣмъ справедливы къ этому народу; мы и не беремъ на себя права слишкомъ строго судить его; мы хотимъ сказать только, что дѣйствительный успѣхъ въ жизни гораздо болѣе зависитъ отъ взгляда на ея реальную сторону, чѣмъ на голыя формы, отъ капитала тѣхъ понятій, которыя будутъ руководить ея правами и установленіями, — что сообразно съ этимъ условіемъ только самое

держное право — право толкованія закона по смыслу и нравственному убѣжденію можетъ получить свою настоящую оцѣнку и опредѣданіе.

Въ процессѣ, о которомъ мы хотимъ говорить, сошлось какъ нарочно достаточное число условій, подтверждающихъ наши положенія.

Прежде всего, въ залу засѣданія были впущены только избранные; за многочисленнымъ стеченіемъ публики, народу не оставлено мѣста. Съ пяти часовъ утра онъ однако толпился въ дверяхъ, и когда его потомъ не пустили, въ теченіе цѣлаго дня не переставалъ наполнять галлерей—и все напрасно; ему даже не удалось послѣ прочесть того, что происходило за рѣшетчатой дверью—sal des pas perdus осталась на этотъ разъ настоящей залой потерянныхъ шаговъ.

О чемъ, спрашивается, шелъ споръ, привлекшій столько любопытныхъ? что за дѣло такое, у котораго достало только мѣста сановникамъ да духовенству, и то еще избраннымъ....

Споръ, о которомъ идетъ рѣчь, касался именно права *гласности въ одномъ изъ ея видовъ*, и это самое главное, что останавливаетъ наше вниманіе въ этомъ дѣлѣ. Фактическія подробности процесса которыя пропали за онлою запрещенія, болѣе были интересны для Франціи. Завязка его была довольно проста. Газета «Constitutionnel», въ полемикѣ своей съ орлеанскимъ епископомъ Дюпанлу, поставила послѣднему, между прочимъ, въ примѣръ умѣренности одного изъ его предшественниковъ, епископа Руссо, умершаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Дюпанлу отвѣтилъ на этотъ примѣръ фактами изъ жизни Руссо, почерпнутыми изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ епископіи, и мало оправдывавшими евангельское совершенство покойнаго прелата. Родственники послѣдняго сочли себя въ правѣ жаловаться, и предъявили искъ за безчестіе. Такъ завязался судебный споръ о томъ: *можно ли писать неисходную правду противъ мертвыхъ, даже если эта правда основана на неоспоримыхъ документахъ; можно ли признать такую правду за преслѣдуемое закономъ оскорбленіе?*

Опять вопросъ, казалось, былъ такъ простъ и нетруденъ, что для безпристрастнаго судьи, даже отуманеннаго, пожалуй, въ извѣстной степени учеными совершенствами, въ немъ собственно не было скрыто вовсе вопроса, потому что буква закона была на этотъ разъ ясна для всѣхъ рѣшительно; она не допускала никакого сомнѣнія, это сознавали всѣ; вопросъ могъ только родиться при примѣненіи права толкованія закона по нравственному убѣжденію,—такъ онъ и родился.

Французская магистратура не могла не примѣшать сюда своихъ

тенденцій и не воспользовались случаемъ, чтобы не помѣстить себѣ; иначе отыскался здѣсь не только вопросъ, но еще вопросъ казусный.

Мы не имѣемъ преній, которыя вызвалъ этотъ вопросъ въ 1-й камерѣ парижскаго суда. Къ чести послѣдней, мы должны конечно сказать, что вопросъ этотъ былъ рѣшенъ довольно человѣчески; но и здѣсь оказывается привесть дѣло къ такому рѣшенію было не совершенно легко. Процессъ, гдѣ всѣ факты были установлены, гдѣ все дѣло заключалось только въ вопросѣ права, занялъ три дня. Рѣчь адвоката Дюманлу, *Берье*, продолжалась отъ двухъ до четырехъ часовъ; все это уже показываетъ, что выиграть его считалось довольно трудно, и что онъ не казался такъ простъ и ясенъ уже для первой камеры.

Какъ бы то ни было, въ результатѣ она пришла къ довольно осторожному заключенію, признавъ, что законъ 17 мая 1819 года, о безчестіи, относится только къ оскорбленіямъ, направленнымъ противъ живыхъ лицъ, и что затѣмъ онъ не касается вовсе мертвыхъ.

Дюманлу былъ оправданъ, искъ его противниковъ отвергнутъ. Но этимъ дѣло не кончилось; лучше сказать, для насъ оно только началось отсюда. Наслѣдники Руссо, правда, не думали продолжать его; представители публичнаго министерства при императорскомъ судѣ также; но послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія, министръ юстиціи нашелъ истолкованіе закона 1819 года, сдѣланное судомъ, неправильнымъ. «Нѣтъ, писалъ онъ генеральному прокурору, я не могу признать, чтобы въ странѣ, гдѣ уваженіе преданій и почетъ умершихъ лежатъ въ основаніяхъ общественной нравственности, кто нибудь изъ почившихъ могъ быть безнаказанно подвергнутъ безчестію, и чтобы оскорбленіе его памяти могло быть менѣе преслѣдуемо закономъ, оскорбленія его праха.

Рѣшеніе первой камеры возмутило высшую магистратуру, и вотъ дѣло въ кассаціонномъ судѣ. *Зная* разъ, какія лица придали значеніе этому дѣлу, и управляли его ходомъ въ кассаціонномъ судѣ, не трудно было догадаться, чѣмъ оно должно было кончиться. Министръ юстиціи не даромъ поручилъ генеральному прокурору Дюпену настаивать передъ судомъ на уничтоженіи рѣшенія первой камеры. Со стороны были ясны послѣ этого два обстоятельства: что означенное рѣшеніе должно было быть кассировано,—это первое, и второе, что кассировать его было невозможно, не примѣнивъ къ закону права толкованія его по нравственному убѣжденію.

Докладъ дѣла въ кассаціонномъ судѣ былъ порученъ совѣтнику Плугульму. Рѣчь его объяснитъ намъ приблизительно, къ какимъ

результатамъ можетъ привесть иногда толкованіе закона по смыслу, если оно будетъ основано на схоластическихъ остаткахъ юридической эрудиціи.

«Господа», началъ Плугульмъ: «законъ 17 мая 1819 года, столь строгій въ отношеніи безчестія, не дозволяющій даже справедливаго порицанія чужаго имени, этотъ прекрасный, нравственный, необходимый законъ, неужели онъ только думалъ о живыхъ? а мертвыхъ, память которыхъ священна для всякой семьи, по безпечности или забывчивости, оставилъ на произволъ клеветы и оскорбленій? Не далъ онъ развѣ оружія наслѣдникамъ, и обязалъ послѣднихъ быть нѣмыми свидѣтелями поруганія памяти, которую они уважаютъ, лишь бы обида не касалась ихъ лично? Таковъ вопросъ, подлежащій вашему рѣшенію,—вопросъ важный, вы видите, потому что онъ касается живѣйшихъ интересовъ семьи, мало того интересовъ исторіи и т. д.

«Вопросъ этотъ, хотя тронутъ отчасти нѣкоторыми судебными рѣшеніями, въ первый разъ является передъ судомъ въ столь ясномъ и опредѣленномъ видѣ, что ваше рѣшеніе послужитъ истолкованіемъ закона 17 мая въ одной изъ его главныхъ частей.»

Здѣсь слѣдуетъ, весьма бѣдный фактами, разсказъ предыдущихъ обстоятельствъ дѣла.

Затѣмъ ораторъ приступаетъ къ закону 17 мая 1819 г. Соглашаясь, что въ немъ нѣтъ положительнаго указанія на счетъ вліянія его на мертвыхъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что законъ этотъ, запрещая обнародованіе обидныхъ обстоятельствъ противъ живыхъ, даже если эти обстоятельства справедливы, явно имѣлъ въ виду предупредить всякую кровавую вражду, и поэтому быть по преимуществу закономъ спокойствія, добраго порядка, христіанскаго милосердія даже, и потомъ спрашиваетъ: «Представьте себѣ, если бы въ этомъ самомъ законѣ вы прочли, что безчестіе, запрещенное относительно живыхъ, дозволяется относительно мертвыхъ. Какой законодатель могъ когда либо написать эти строки? Явно, что, закрывая одинъ источникъ зла, онъ открывалъ бы другой, несравненно болѣе опасный. Что для меня обида, которую наносятъ лично мнѣ, въ сравненіи съ тою, которая направлена противъ особы, которую я уважалъ всегда и не перестаю уважать въ моемъ сердцѣ? Я могу сказать еще, какъ сказалъ одинъ изъ знаменитыхъ людей нашего времени, что моя душа выше всякаго оскорбленія; но если обида направлена противъ памяти моего отца, врагомъ, который можетъ-быть только выжидалъ его смерти для этого, — неужели я снесу ее спокойно?—нѣтъ, я обращусь къ закону. Но законъ оттолкнетъ меня. О! тогда вы мнѣ позволите сказать среди этого святи-

лица закона, или, лучше, вы скажете вмѣстѣ со мною: я буду подлецъ, если не обращусь къ собственнымъ средствамъ—я спрошу въ такомъ случаѣ у генеральнаго прокурора, этого мудраго виновника законодательства, о дуэли: неужели шпага, которая въ рукѣ сына мститъ за память отца, ему покажется еще лезвіемъ убійцы? Вы видите сами, выводитъ Плугульмъ: толкованіе закона 1819 года, на которомъ основано рѣшеніе суда, въ настоящемъ случаѣ есть ниспровержение самаго закона и оправданіе поединка». Здѣсь ораторъ обѣщаетъ кончить съ фразами, и переходитъ въ область юридическихъ формулъ и тонкостей. «Главное затрудненіе, за которымъ останавливаются въ настоящемъ случаѣ большая часть достойныхъ юристовъ», говоритъ онъ: «состоитъ въ недостаткѣ при обидахъ, направленныхъ противъ мертвыхъ, главнаго, *обиженнаго*, того, что называется на юридическомъ языкѣ corpus delicti. Ибо, что такое память этого покойника, которую вы хотите сдѣлать неприкосновенною? — это что-то воображаемое, мечтательное, это ничто; и такъ къ чему же защищать то, что не существуетъ?»

«Напротивъ, говоритъ ораторъ, когда спрашиваешь себя, что такое наша память, нельзя не сознаться, что это нѣчто очень дѣйствительное, занимающее видное мѣсто между живыми, дѣйствующее на нихъ и господствующее надъ ними. Человѣкъ умираетъ, правда, но послѣ него остаются его дѣла, итогъ его жизни, его память, которыми онъ переживаетъ себя, такъ сказать. Одна ли это мечта только, эта память, которой мы дорожимъ и о которой заботимся? Quidquid amavimus manet (что мы любили остается), сказалъ величайшій историкъ древности.

«Неужели мы бы хотѣли уничтожить слѣды его, — взглянемъ, какія были бы послѣдствія? Человѣкъ больше не будетъ ни защищать, ни уважать памяти отцевъ, потому что онъ знаетъ, что его собственная не будетъ ни защищена, ни уважаема,—и тогда что станетъ съ семейными преданіями, съ побужденіями къ добру? Взгляните, какъ этотъ законъ сушитъ, забиваетъ человѣка въ эгоизмъ, какъ онъ съуживаетъ его взглядъ и жизнь, ограничивая мысль его однимъ земнымъ существованіемъ.»

«Но положительный законъ вовсе не хочетъ этого; для него, по мнѣнію оратора, есть этотъ corpus delicti, эта память и это лицо послѣ смерти самого лица.»

Конечно, здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ нѣкотораго рода фикцій; но для юридической эрудиціи вообще fictio дѣло самое простое, за которымъ останавливаться никогда не слѣдуетъ,—благо, это средство уже разъ употреблялось въ римскомъ правѣ. Чуть встрѣтилось какое нибудь затрудненіе, чуть дѣло выходитъ немного да-

ладно, юристъ прибѣгаетъ къ fictio, и въ этомъ-то смыслѣ онъ и понимаетъ по большей части толкованіе закона по нравственному убѣжденію. Такъ и здѣсь. Прежде всего, правда, ораторъ указалъ на законъ о ненарушеніи гробницъ, но тутъ же согласился, что это законъ болѣе полицейскій и потому мало можетъ помочь дѣлу. Нужно было поискать другихъ. «Когда законъ, спрашиваетъ Плугульмъ, отымаетъ даръ у неблагодарнаго наслѣдника, развѣ онъ не мститъ черезъ это за оскорбленіе памяти завѣщателя? Далѣе, законъ лишаетъ наслѣдства сына, который не выдаетъ убійцу отца; далѣе, родственники могутъ требовать возстановленія чести лица, умершаго банкротомъ. Далѣе, наконецъ, законъ требуетъ возстановленія чести покойника, несправедливо осужденнаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ развѣ законъ думалъ о семействѣ умершаго? Но покойникъ не оставилъ семейства,—ясно, законъ имѣлъ въ виду одну память его.»

Этимъ послѣднимъ примѣромъ юридическая безсрочность памяти считается ораторомъ совершенно доказанною. Остается объяснить только, кому можетъ быть предоставлено стоять за эту память. «Для того, чтобы выйти изъ этого затрудненія, стоитъ только представить себѣ, что эта память составляетъ такую же часть достоянія умершаго, какъ его движимость и недвижимость, и что поэтому эта память принадлежитъ въ собственность тому, кому принадлежитъ и прочее наслѣдство.»

Кому принадлежитъ собственность движимая или недвижимая, оставляемая покойникомъ, и въ какой мѣрѣ это опредѣляетъ каждое положительное законодательство, хотя различно, но всегда ясно. Кому же принадлежитъ память умершаго, объ этомъ, кажется, не упоминаетъ ни одно наслѣдственное право. Допустивъ даже какія-хотите натяжки и фикціи, трудно допустить догадку, чтобы какое нибудь новѣйшее законодательство приравнивало понятія, о которыхъ идетъ рѣчь; трудно предположить также, чтобы съ точки зрѣнія французскаго права можно было, поставивъ память въ уровень съ домашнимъ хламомъ, завѣщать ее направо и налѣво, какъ серебряныя ложки или старую мебель,—а вѣдь по логикѣ Плугульма выходитъ такъ.

Впрочемъ, объяснить это изъ положительнаго смысла французскаго закона казалось трудно даже самому Плугульму. Почему память принадлежитъ вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ наслѣдникамъ — это окончательно объясняетъ для оратора все-таки римское право: quia sustinet personam defuncti. Мало того, у римлянъ былъ даже положительный законъ на этотъ счетъ: Injuria facta testatori facta haeredi. Semper enim interest haeredi defuncti existimationem purgare.

Относительно французскаго права въ этомъ отношеніи онъ могъ вывести только вотъ что: «п. 5 закона 26 мая 1819 г. не опредѣляетъ, что жалоба должна быть приносима обезчещеннымъ»; онъ выразился гораздо шире: «сторона, которая будетъ считать себя обиженною». Отсюда ясно для оратора, что всякій наслѣдникъ можетъ счесть себя таковымъ, а потому ему и принадлежитъ право жалобы.

Главная трудность затѣмъ была пройдена, — доказано, что лицо живетъ безсрочно юридически и живетъ, какъ старая утварь.

Оставалось затѣмъ сообразить частныя затрудненія, представляющіяся въ настоящемъ вопросѣ. Ораторъ находитъ таковыхъ пять: 1) отсутствіе въ законѣ положительнаго постановленія по сему предмету, тѣмъ болѣе замѣчательное, что прежнее законодательство не подвергало гласности насчетъ мертвыхъ никакимъ стѣсненіямъ; 2) въ законѣ о безчестіи употреблено слово personne, которое можетъ относиться только къ живому лицу, а не къ памяти умершаго; 3) проступокъ такого рода, еслибъ онъ былъ предусмотрѣнъ закономъ, по существу своему, долженъ былъ составить предметъ особыхъ постановленій отъ тѣхъ, которыми ограждается честь живаго лица; 4) въ случаѣ совмѣстничества, которому изъ наслѣдниковъ принадлежитъ право иска; 5) если семейство имѣетъ свои права, то и исторія имѣетъ свои также.

Всѣ эти затрудненія были приняты во вниманіе ораторомъ, но всѣ они также устранены столь же блестящимъ образомъ.

Въ отношеніи *перваго* затрудненія открывается вотъ что: если бы законъ дѣйствительно не распространялъ своего смысла на мертвыхъ, то онъ долженъ былъ объ этомъ положительно выразиться; онъ не выразился, — слѣдовательно, тѣмъ хуже для него. *Второе* — если слово personne означаетъ въ самомъ дѣлѣ только живое лицо, а не такое, какого собственно нѣтъ, то есть вовсе не лицо, то и объ этомъ нужно было положительно предупредить,—также ясно. *Третье*; приговоръ суда говоритъ, что посягательство на честь мертваго составляетъ особое преступленіе отъ посягательства на честь живаго, — ораторъ опровергаетъ это такъ: «нѣтъ, это тоже преступленіе, тоже безчестіе со злымъ умысломъ, только гораздо подлѣе и злѣе перваго». *Четвертое*; приговоръ говоритъ, что это преступленіе требовало бы своихъ особыхъ спеціальныхъ правилъ преслѣдованія, — ораторъ отвѣчаетъ: «эти правила найдены; это сперва жалоба наслѣдниковъ и потомъ обыкновенный искъ за безчестіе.» Которому же однако изъ наслѣдниковъ принадлежитъ право жалобы, если ихъ много — тому, кто захочетъ жаловаться, тому наконецъ, кто представляетъ покойника? До котораго же наконецъ колѣна наслѣдники имѣютъ право смывать безчестіе судебнымъ путемъ? Рим-

свое право, которое признавало за ними это право, опредѣляло и границы родства, соотвѣтствующія оному?—«Это уже вопросъ исторіи», отвѣчаетъ ораторъ,—вотъ вамъ и все. *Пятое*, наконецъ,—въ какое положеніе поставленъ будетъ историкъ такимъ толкованіемъ закона? — О! добросовѣстному историку нечего будетъ опасаться все-таки; что же касается памфлетистовъ и сборщиковъ анекдотовъ, то если этимъ придется и плохо отъ такого стѣсненія, — зло еще не великое!

Кто, однако, проведетъ границу между тѣми и другими? можно было, пожалуй, спросить,—и тутъ еще—кто станетъ рѣшать между памфлетистомъ и историкомъ? но для оратора здѣсь не можетъ быть вопроса: для него слишкомъ ясно, кто историкъ и кто памфлетистъ.

Такова сила доводовъ Плугульма. Тутъ есть надъ чѣмъ поучиться, безъ сомнѣнія, грядущимъ судебнымъ ораторамъ. Упоминать о послѣдней части рѣчи—о примѣрахъ судебной практики, безъ которыхъ не кончается ни одна рѣчь, сказанная въ строгомъ стилѣ,—неинтересно и безполезно. Приводить слѣдовавшія затѣмъ слова *Дюпена* было бы еще безполезнѣе и скучнѣе. Почтенный прокуроръ явно говорилъ по-заказу, безъ участія, безъ охоты, и не зная, чѣмъ пополнить рѣчь, выложилъ передъ судомъ римскую мудрость о почитаніи мертвыхъ — мудрость такихъ же мертвыхъ, отдающихся склепомъ и развалинами цитатъ, въ которыхъ мало интереснаго.

И безъ того довольно, чтобы понять, въ чемъ гнѣздится весь секретъ судебной діалектики; и безъ того слишкомъ просто все искусство реторики. Вступленіе, фразы, потомъ положительный законъ, за нимъ юридическій вымыселъ (fictio juris), а гдѣ не поможетъ вымыселъ, тамъ опять выведутъ фразы.

Итакъ, 24 мая текущаго года въ кассаціонномъ судѣ состоялось такое постановленіе:

«Судъ,

«Выслушавъ докладъ г. Плугульма, совѣтника, и заключенія генеральнаго прокурора Дюпена;

«Имѣя въ виду пункты 13-й закона 17 мая 1819 г. и 5-й закона 26 мая;

«Принимая во вниманіе, что пунктъ 13-й опредѣляетъ безчестіе, какъ обнародованіе какого либо факта, посягающаго на честь и уваженіе лица, которому фактъ этотъ вмѣняется;

«Что безчестіе (diffamation) составляетъ проступокъ, караемый п. 18 того же закона;

«Принимая во вниманіе, что слово personne, упомянутое въ п. 13, относится одинаково къ живымъ и мертвымъ, такъ какъ въ законѣ не встрѣчается на этотъ случай различія;

«Что причины общественной нравственности и мира между гражданами, которыя вызвали въ законѣ обезпеченіе уваженія и добраго имени, не ограничиваются однимъ земнымъ существованіемъ; и что непризнаніе того же принципа касательно мертвыхъ было бы еще болѣе опасно и противно духу закона 1819 г.;

«Принимая во вниманіе, что память умершихъ специально ограждается нѣсколькими изъ нашихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ; что ст. 727 наполеонова Кодекса караетъ наслѣдниковъ, равнодушныхъ къ убійцамъ ихъ родителей; что статьи 1046, 1047 того же кодекса подвергаютъ наказанію оскорбленія наслѣдниковъ, нанесенныя памяти ихъ завѣщателей; что ст. 447 кодекса уголовнаго судопроизводства возстановляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ память осужденныхъ;

«Что, наконецъ, ст. 360 Уголовнаго Кодекса ограждаетъ неприкосновенность гробницъ;

«Что требованія такихъ постановленій относительно мертвыхъ нельзя было бы согласить съ предполагаемымъ равнодушіемъ закона 1819 г.;

«Что молчаніе закона не допускаетъ толкованій, противныхъ его духу и видимой цѣли этого закона;

«Принимая во вниманіе необходимость убѣжденія для каждаго, что память его будетъ не менѣе ограждаема закономъ его собственной жизни;

«Что память умершаго входитъ въ составъ семейнаго имущества; что наслѣдникъ, представляющій умершаго, находитъ въ этомъ уже право защищать все, что войдетъ въ составъ наслѣдства, какъ собственность матеріальную и нравственную;

«Принимая во вниманіе, что ст. 5 закона 26 мая 1819 г., которая даетъ право жалобы не только самому лично обиженному, но и всякому, кто сочтетъ себя таковымъ, относится по этому самому и къ наслѣднику;

«Что этотъ наслѣдникъ можетъ быть дѣйствительно оскорбленъ, какъ представитель обиженнаго qujus sustinet personam, по выраженію римскаго права, несмотря на то, что обида не была направлена лично противъ него;

«Принимая во вниманіе, что число наслѣдниковъ, каково бы ни было разногласіе между ними, въ подобномъ случаѣ не можетъ уничтожать права иска, существующаго само по себѣ и признаннаго закономъ;

«Принимая во вниманіе что границы, установленныя въ такомъ смыслѣ относительно безчестія — не могутъ ни въ какомъ случаѣ обратиться въ стѣсненіе для исторіи;

«Что судья всегда будетъ имѣть возможность отличить преступный или благій умыселъ писателя, оцѣнить цѣль его нападокъ и сужденій, не смѣшать исторической откровенности съ злоумышленіемъ памфлетъ и наконецъ признать преступленіе только тамъ, гдѣ онъ найдетъ дѣйствительное намѣреніе вредить;

«Принимая во вниманіе, что разсматриваемый приговоръ, ограничивая только живыми дѣйствіе 13 ст. закона 1819 г., нарушаетъ текстъ и духъ этого закона, —

«Судъ,

«Постановляя относительно ходатайства генеральнаго прокурора, согласно порученію министра юстиціи. и признавая его законнымъ, кассируетъ и уничтожаетъ, — въ видахъ закона, приговоръ первой камеры императорскаго суда отъ 19 марта текущаго года и проч.»

Самое дѣло, подавшее поводъ такому приговору, было такимъ образомъ возрождено къ новому судебному странствованію; но для насъ это вопросъ послѣдней важности. То, что преимущественно возбудило наше вниманіе въ настоящемъ процессѣ, съ тѣмъ покончено невозвратно—процессъ гласности проигранъ передъ кассаціоннымъ судомъ. И въ результатѣ всей тощей реторики выложено слѣдующее толкованіе закона: *«Безчестіе относительно памяти мертвыхъ наказуется закономъ одинаково съ безчестіемъ, наносимымъ живымъ... Право иска въ семъ случаѣ принадлежитъ каждому изъ его наслѣдниковъ, которые, въ этомъ качествѣ, продолжаютъ лицо умершаго, и потому имѣютъ право защищать неприкосновенность его памяти.»*

Таковы результаты юридической выкладки. Всякій буржуа, за которымъ водились кой-какія плутни, можетъ быть теперь покоенъ.

Но возьмемъ настоящее постановленіе въ болѣе общемъ смыслѣ, независимо отъ французскаго положительнаго закона. Вопросъ, здѣсь рѣшенный уже, слишкомъ важенъ въ обще-юридическомъ отношеніи потому, что вездѣ найдутся люди, достаточно ученые, чтобы принять теорію *фикцій* не за ошибку, какой она была здѣсь въ устахъ только-что занимавшаго насъ оратора, а за безповоротное условіе, разумность котораго не можетъ быть подорвана никакими результатами, къ которымъ оно приведетъ на практикѣ.

Конечно, можно было бы короче сказать, что не пора ли запрятать куда нибудь подальше всю многотомную мудрость, даромъ что она не легко далась, если она приводитъ къ такимъ заключеніямъ. Можно было бы даже просто замѣтить, что ни одно изъ большевидныхъ законодательствъ Европы, несмотря на всю венерацію свою къ римскому праву, не проводитъ его слабостей до роковаго quia sustinet personam. Вездѣ существуютъ постановленія, запрещающія сдирать съ покойниковъ саваны, разрывать гробницы, или красть

съ нихъ кресты или прочія принадлежности; но чтобы это запрещалось потому, что есть наслѣдники, которые представляютъ лицо покойника, этого не умудрился пояснить даже ни одинъ комментаторъ. Гробницы и трупы ограждаются закономъ независимо оттого, sustinet ли кто personam defuncti или нѣтъ,—такъ даже было въ римскомъ правѣ. Съ другой стороны, нигдѣ также давно уже,—именно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ смѣльчакъ рѣшился вскрыть впервые трупъ умершаго человѣка, — не останавливаются затѣмъ, чтобы не раскопать могилы, и даже подвергнуть любопытству ножа и химическихъ реагенцій любого покойника, коль скоро того мало-мальски требуетъ общественная польза: заподозрѣна ли отрава или насиліе, или даже ради научнаго любопытства. Притомъ также не всегда спрашиваютъ у наслѣдниковъ, обидятся ли они этимъ или нѣтъ, особливо, если дѣло производится по желанію полиціи. Понятія о чести, какъ извѣстно, довольно условны; можно найти наслѣдниковъ, которые это для себя найдутъ оскорбительнымъ; законъ ихъ однако не слушаетъ. Спрашивается, почему бы общество имѣло менѣе правъ на нравственную личность покойника, и не имѣло бы права вскрыть дѣлъ его, какъ бы они ни были плохи, если простое знаніе ихъ для него сколько нибудь можетъ быть интересно? Понятнѣе запретить разсказывать предосудительную правду про живыхъ людей, потому что живое лицо имѣетъ свой индивидуальный міръ, внутри котораго оно господинъ, и до котораго интересы общества не могутъ касаться, да и тутъ еще, независимо отъ всякихъ запрещеній, общественное право мѣшалось и мѣшается до сихъ поръ въ нравственную жизнь живаго лица, и не задумывается надъ его интересами, а по праву совершенно подчиняетъ ихъ интересамъ общественнымъ, не спрашивая вовсе, оскорбится ли этимъ вмѣшательствомъ Иванъ или Петръ. Понятія о чести такъ условны, повторяемъ мы, что Иваны и Петры оскорбляются очень часто этимъ вмѣшательствомъ, и несмотря на то живыхъ людей сажаютъ въ тюрьмы, лишаютъ ихъ имущества и даже вѣшаютъ. Никто этого не находитъ несправедливымъ. Если теперь общество можетъ вмѣшаться въ дѣла живаго Петра, не спрашивая, оскорбится ли онъ этимъ,—спрашивается: отъ чего оно не можетъ вмѣшиваться такъ или иначе въ дѣла мертваго Петра, который даже не можетъ оскорбиться?! Вамъ отвѣчаютъ вотъ что: потому что Петръ умеръ собственно только физически, а юридически онъ живъ, живъ въ своемъ имуществѣ и въ своихъ наслѣдникахъ.—А если послѣ него не осталось ни того, ни другаго?—О, тогда онъ умеръ въ смыслѣ права,—и вы можете оскорблять его пасквилями, сколько вашей душѣ угодно, и законъ за него не вступается.—Страннымъ можетъ показаться по-

рядокъ вещей, гдѣ, признавая за человѣкомъ право на добрую память, законъ обѣщаетъ защищать ее только для того, кто купилъ себѣ при жизни будущихъ защитниковъ; а кто нѣтъ, въ того можно бросать грязью, сколько вздумается. Оно, можетъ быть, очень поощрительно для развитія коммерческой конкурренціи и увеличенія числа родственниковъ; но, кажется, поощрять и то и другое совершенно лишнее, потому что гдѣ и нужно, на это есть другія средства, болѣе приличныя для этого; да и не законъ же это тогда, а просто мѣра, и нечего потому строить для нее всякихъ утонченныхъ умозаключеній о юридической жизни лица. Какже быть однако? одно изъ двухъ: либо память равняется наслѣдству, и тогда память имѣетъ право на законную гарантію, либо нѣтъ, и тогда ни мильонеръ-покойникъ, ни оставляющій цѣлый полкъ наслѣдниковъ не могутъ запретить говорить о себѣ людямъ, ни бездомный, непомнящій родства бродяга, котораго хоронятъ на счетъ полиціи. Толкованіе французскаго закона, приведенное выше, разбиваетъ такимъ образомъ само себя. Теорія вымысла разрѣшилась неловко, и это-то указало на настоящій характеръ, получаемый закономъ отъ толкованія его на основаніи юридическихъ фикцій. Но пріемъ вымысла, можетъ-быть, могъ быть выполненъ искуснѣе и проведенъ болѣе уравнительно для всѣхъ; а потому остается сказать теперь еще кое-что о самомъ вымыслѣ.

Римское право было полное спеціальное царство этого вымысла; роняя лицо передъ политическими отношеніями въ частномъ быту, оно вознаграждало его сторицею, проводя права его, въ ущербъ всему внутреннему строю жизни, до крайнихъ размѣровъ; эту типическую особенность развивало оно, пока она не опрокинула всего шаткаго лихорадочнаго порядка общественной эксплуатаціи и не сдала всей культуры, незнавшей больше что дѣлать съ собой, въ руки варварамъ. Оно дѣйствительно признавало вымыселъ безсрочности юридическаго лица, и потому могло ставить въ законѣ такую сентенцію: «Injuria facta testatori facta haeredi. Semper enim interest haeredi defuncti existimationem purgare.... quia sustinet personam defuncti. Но fictio въ этомъ видѣ было все-таки ракомъ, который разъѣлъ общественную жизнь старой Италіи, и этого не можетъ забывать новое законодательство.

Европейское общество въ своемъ развитіи шло совершенно обратнымъ путемъ; оно шло къ признанію политическихъ правъ лица съ одной стороны, и съ другой къ уравненію и умѣренію тѣхъ же правъ въ частныхъ отношеніяхъ. Отсюда юридическій образъ лица въ этихъ отношеніяхъ терялъ и теряетъ до сихъ поръ постепенно то значеніе, которое онъ имѣлъ сперва въ Римѣ и потомъ въ

средневѣковой жизни. Возьмемъ ли мы нашу или западную исторію, вездѣ въ прошедшемъ мы отыщемъ полное господство надъ юридическими отношеніями этого образа. Мы не говоримъ объ отношеніяхъ семейственныхъ или поземельныхъ—судъ, управленіе, всѣ стороны быта были ему подчинены; но этого мало, юридическое лицо, т. е. вся масса правъ, привязанныхъ къ данному человѣку—продолжалась за смерть его, переходя на сына; — отсюда наслѣдственность во всѣхъ ея видахъ, наслѣдственность всѣхъ правъ и титловъ—въ судѣ и администраціи; наслѣдственность должностей на западѣ и наше мѣстничество.

Съ точки зрѣнія преданія, конечно, можно было бы объяснить и законъ, запрещающій выражать о мертвыхъ обидную правду для ихъ наслѣдниковъ, но не болѣе. Съ точки же зрѣнія настоящаго, это едва ли возможно. Стоитъ взглянуть на вещи, независимо отъ всѣхъ введенныхъ противъ воли теорій, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Фактическое лицо умираетъ вмѣстѣ съ физическою его смертью, и для насъ болѣе ничего не нужно. Оно не можетъ болѣе дѣйствовать ни защищать себя, и поэтому, даже согласно кодексу свѣтскаго point d'honneur не подлежитъ обидѣ. Единственнее, что послѣ него остается, — это дѣла его, сумма его прошлой дѣятельности, которая выражается въ матеріальномъ имуществѣ, имъ оставленномъ, съ одной стороны, и съ другой, въ нравственномъ капиталѣ его дѣлъ и подвиговъ, совершенныхъ имъ по отношеніямъ его къ обществу и роду этого общества. Первая часть такого посмертнаго остатка, согласно положительному закону, принадлежитъ его наслѣдникамъ. Эта экономическая часть остатка до насъ не касается, и потому мы оставляемъ ее въ сторонѣ. Мы спросимъ только, кому принадлежатъ нравственныя дѣла покойника, его дѣла, какъ общественнаго дѣятеля, или даже частнаго дѣятеля (то есть его дѣла въ отношеніяхъ семейныхъ и имущественныхъ, независимо отъ ихъ финансовой стороны). Ясно, что эти дѣла, какъ нравственныя, въ силу самаго уже этого свойства, не могутъ быть ни кому ни завѣщаны, ни переданы,—и тотъ же г. Плугульмъ, и съ нимъ вся французская судейская ученость, конечно, разсмѣялись бы, если бы какому нибудь французу-покойнику вздумалось завѣщать хоть свое честное поведеніе въ торговыхъ дѣлахъ съ домомъ N, или свои плутни по должности хоть сборщика податей, напримѣръ, старшему или младшему изъ сыновей своихъ. Ясно, что всѣ эти добрыя дѣла или злыя принадлежатъ, по самой своей природѣ, обществу, т. е. всѣмъ Петрамъ и Иванамъ, которые могутъ разбирать ихъ, сколько имъ вздумается, — не спрашивая на то позволенія у сыновей умершаго, которые имѣютъ на эти дѣла не болѣе правъ, какъ всякій посторонній.

Мало того, и въ матеріальное наслѣдство общество вмѣшивается, когда найдетъ нужнымъ — и даже вскроетъ трупъ покойника, а на счетъ вмѣшательства въ нравственныя дѣла его жизни, странно было бы ему и задумываться, — это согласно текущему порядку его собственныя дѣла.

Итакъ, стѣсненіе въ этомъ случаѣ неразумно. Но этого мало. Всякая нелѣпость и несправедливость влечетъ за собой положительный вредъ. При внимательномъ разсматриваніи порядка жизни выходитъ дѣйствительно такъ, что понятія справедливости, пользы и разумности неизбѣжно вяжутся между собою самымъ тѣснымъ прямымъ отношеніемъ, совершенно противно тому, какъ думаетъ до сихъ поръ еще часто наука, разводя безпрестанно эти понятія. Вотъ противъ такого пониманія вещей нельзя достаточно вооружаться. Либо всѣ эти качества сливаются разомъ въ данномъ установленіи, либо нѣтъ ни одного изъ нихъ. Для науки они всѣ синонимы; а тамъ, гдѣ начинаютъ дѣлать различіе между ними, попирать одно въ пользу другаго, право или разумность въ пользу пользы или политики, — тамъ это доказываетъ только, что въ основаніе была вложена или допущена коренная ошибка, которая при дальнѣйшемъ развитіи отдѣльныхъ вопросовъ вызывала невольныя противорѣчія. До этой-то коренной ошибки должно доискиваться при всѣхъ столкновеніяхъ на практикѣ съ требованіями, не отвѣчающими всѣмъ условіямъ нравственнаго благосостоянія вмѣстѣ. Но большею частію этого не дѣлается; гораздо легче считается помочь одной ошибкѣ другою, и такъ выростаетъ масса противорѣчій, въ которыхъ умъ потомъ вращается, какъ въ заколдованномъ кругѣ.

Такъ въ настоящемъ случаѣ толкованіе закона, сдѣланное кассаціоннымъ судомъ, можетъ вести на практикѣ только къ положительному вреду.

Не говоря уже о томъ, что согласно этому толкованію законъ разрѣшается въ привилегію, оно ведетъ къ болѣе общимъ невыгодамъ. Польза всякаго закона и установленія держится на большемъ или меньшемъ способствованіи его къ увеличенію матеріальной и нравственной производительности въ обществѣ; чѣмъ больше законъ этотъ вынуждаетъ дѣлъ и поступковъ, согласныхъ съ требованіями добра, тѣмъ онъ полезнѣе. Поэтому, напримѣръ, законъ о гласности полезенъ: онъ вынуждаетъ людей задумываться надъ дѣлами, которыя бы они безъ того совершали совершенно безбоязненно; и вреденъ, законъ утверждающій безповоротно за людьми добрую память или славу. Если уже такъ сложились понятія людей пока, что они хотятъ первенствовать одинъ передъ дру-

гимъ своею славою, то пусть же они разсчитываютъ на это первенство по мѣрѣ дѣйствительнаго добра, совершеннаго ими въ жизни, а не въ силу монополіи. Да и этотъ расчетъ еще не такъ вѣренъ для общества; гораздо вѣрнѣе для него, если всякій отброситъ мистическое представленіе этой славы, которая будетъ связана съ его лицомъ, а будетъ знать, что единственный остатокъ его будутъ здѣсь одни дѣла, имъ совершенныя, по той положительной пользѣ, которую они принесутъ обществу, независимо отъ того блеска, который свяжетъ потомство съ его именемъ. Чтобъ обезпечить именно заботу перваго рода и устранить всякій расчетъ на обманчивую, незаслуженную славу, общество должно имѣть возможность раскрывать во всей подробности всѣ прошлыя дѣла своихъ равныхъ, не спрашивая о томъ, обидятся ли этимъ ихъ наслѣдники, или нѣтъ.

Итакъ, если признаніе такой истины ничего не можетъ принести обществу, кромѣ положительной пользы, — спрашивается: къ чему ведутъ всѣ фразы и толкованія, выводимыя на этотъ счетъ изъ стараго вымысла? Что они ведутъ къ очень не многому, это явствуетъ уже отъ того, что лучшія законодательства Европы не дѣлаютъ въ настоящемъ случаѣ никакихъ стѣсненій.

Англійское законодательство даетъ право начать искъ наслѣднику только въ такомъ случаѣ, когда эти обиды касаются именно и его лично. Прусское Уложеніе 1851 г. не допускаетъ никакого преслѣдованія обидъ противъ мертвыхъ. Мѣра этого рода была предположена при составленіи уложенія и отвергнута.

Бельгійское право не представляетъ также никакихъ стѣсненій на этотъ счетъ. Остается Австрія и второстепенныя нѣмецкія владѣнія: Саксонія, Гесс.-Дармштатъ, Гановеръ, Вюртембергъ Брауншвейнгъ и Баденъ, гдѣ запрещенія этого рода имѣютъ силу. Наконецъ, этихъ запрещеній не знало до сихъ поръ французское право. Но кассаціонный судъ и истые юристы дружно помогли этому недостатку, какъ мы видѣли.

У ГРОБОВЩИКА.

(ИЗЪ ФРЕЙЛИГРАТА.)

Горькое дѣло! страшное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло.

«Вотъ еще выдумалъ горе какое!
Намъ чтò за дѣло? не наше — чужое!»

Полно бранить! развѣ я виноватъ?
Первый вѣдь гробъ я работаю, братъ.

«Первый, послѣдній ли — чтò за забота?
Пой: веселѣе подъ пѣсни работа.

«Доски распилишь, — отмѣрь же смотри!
Выстругай глаже, и стружки сбери.

«Доску къ доскѣ пригони поплотнѣе:
Тѣсно лежать, такъ чтобъ было теплѣе.

«Выкрасишь, — дно и бока уложить
Стружками надо, а сверху обить.

«Стружки приличнѣй, чѣмъ пухъ или перья;
Это старинное наше повѣрье.

«Гробъ ты снесешь; а какъ мертвый ужь въ немъ,
Крышку захлопнулъ, — и дѣло съ концомъ!»

Все это знаю я! Доски исправно
Я распилилъ, и ихъ выстругалъ славно....

Только все дрожь не проходитъ въ рукахъ,
Только все слезы стоятъ на глазахъ.

Стругъ ли, пилу ли рука моя водитъ,
Сердце все мретъ, словно кровью исходитъ.

Горькое дѣло! страшное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

(А. Н. Плещееву.)

На улицахъ, среди толпящихся людей,
Средь сытыхъ, вѣтреныхъ, довольныхъ и счастливыхъ,
Видали ль вы нужды и голода дѣтей,
Тревожно ропщущихъ, иль мрачно молчаливыхъ?

Какою злобою сердца у нихъ кипятъ,
Когда глядятъ они на каменныя стѣны
Недосягаемыхъ, дооблачныхъ палатъ,
Что̀ праздно высятся, и пышны, и надменны!

Тамъ пресыщеніе роскошное живетъ,
Идетъ свободный пиръ, — пиръ прихоти безбѣдной;
Въ тѣ залы свѣтлыя угрюмо не зайдетъ
Гнетущій, тяжкій трудъ, ночей товарищъ блѣдной....

Ѳ. Бергъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ЯМБАМЪ.

(изъ Барбье.)

Мнѣ говорятъ: «Твой стихъ всегда въ грязи ползетъ,
А самъ творецъ въ плащѣ циническомъ идетъ,
И бочку катитъ онъ, какъ Діогенъ безстыдной,
У ступеней дворцовъ съ насмѣшкою обидной,
И оскорбляетъ онъ великихъ имена,
И зависть жолчная въ рѣчахъ его слышна....»

Что мнѣ до криковъ ихъ, безсмысленныхъ, безвредныхъ,
До шарлатановъ тѣхъ, что вѣчно въ виршахъ блѣдныхъ
Поддѣльнымъ паѳосомъ ведутъ постыдный торгъ —
И фразы выдаютъ нахально за восторгъ!
Растлѣнье пошлое и слово отравляетъ,
А злая ненависть все жолчью обливаетъ....
Когда мой стихъ угрюмъ, когда безстыденъ онъ —
Пусть въ нашъ безстыдный вѣкъ его раздастся звонъ!
Да, онъ тяжелъ и грубъ, но — грозно-неподкупной —
Караетъ наглость лжи, коварной и преступной.

Ѳ. БЕРГЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ Г. ЗАКРЕВСКАГО

ОТНОСИТЕЛЬНО ВИННАГО АКЦИЗА.

Уничтоженіе откуповъ, рѣшенное правительствомъ, могло бы возбуждать разные вопросы, столь несомнѣнно разрѣшающіеся въ теоріи, что едва-ли можно и назвать ихъ вопросами. Напримѣръ, не представляется ли эпоха измѣненія гражданскихъ отношеній почти половины народа удобнѣйшею эпохою и для реформъ въ системѣ налоговъ? Выгодно ли для государства, или даже въ частности для бюджета государственныхъ доходовъ, чтобы главнѣйшимъ источникомъ доходовъ былъ налогъ на вино? Какіе напитки представляются болѣе полезными для народнаго здоровья? Каковы способы, могущіе содѣйствовать замѣненію или не столь полезныхъ или прямо вредныхъ напитковъ въ народномъ употребленіи? — Теоретическое разрѣшеніе такихъ вопросовъ не представляетъ, какъ мы замѣтили, никакого затрудненія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы знаемъ, что имъ не придается никакого практическаго значенія, и разсуждать о нихъ теперь — значило бы разсуждать только для собственнаго удовольствія. Мы знаемъ, что если хотимъ говорить что-нибудь могущее представиться сколько нибудь практическимъ, то по поводу рѣшеннаго въ принципѣ уничтоженія откуповъ надобно заниматься вопросами совершенно иного рода, изъ которыхъ главный состоитъ въ томъ,

какъ установить такой акцизъ на вино и такой способъ взиманія этого акциза, чтобы сумма, равная нынѣшнему доходу съ откуповъ, могла доставляться хлѣбнымъ виномъ съ наименьшимъ возможнымъ обремененіемъ народа.

Я получилъ отъ г. Закревскаго для напечатанія въ «Современникѣ» слѣдующую, весьма заслуживающую вниманія, записку объ этомъ предметѣ.

ЗАПИСКА Г. ЗАКРЕВСКАГО.

«Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что населенія губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привиллегированныхъ, вмѣстѣ съ населеніями козачьихъ земель, составляющія въ совокупности 57,000,000 душъ или 11,400,000 семействъ, считая 5 душъ на каждое, въ теченіе года потребляютъ вина до 54,000,000 ведръ, а съ перегарными градусами, отпускаемыми откупщикамъ изъ казенныхъ магазиновъ, и водками, выдѣлываемыми внутри государства, изъ винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, потребленіе спиртовой жидкости возрастаетъ до 60,000,000 ведръ въ полугарѣ; если же присчитать сюда то вино, которое скрывается отъ казны акцизными откупщиками, и то, которое вывозится съ заводовъ акцизно-откупными коммиссіонерствами тайно, ограничивъ количество этого вина размѣромъ двадцати только процентовъ на все вышепоказанное число ведръ, въ такомъ случаѣ годовой расходъ вина доходитъ уже до 72,000,000 ведръ въ полугарѣ.

«Всѣмъ извѣстно, что въ кабакахъ продается слабое вино, не полными мѣрами, по цѣнамъ отъ 5 до 10 р. включительно за ведро; что такого рода продажа вторглась уже и въ предѣлы такъ называемыхъ вольныхъ шинковъ, посредствомъ снятія ихъ въ арендное содержаніе акцизными и чарочными откупщиками; и что хорошо очищенное вино, высшіе сорта водокъ, наливки и настойки продаются въ откупныхъ заведеніяхъ и въ ренсковыхъ погребахъ отъ 15 до 30 и болѣе рублей за ведро, а въ трактирахъ отъ 30 до 150 р. за ведро.

«Ослабленіе крѣпости вина примѣсью воды до 20 — 30 и даже болѣе градусовъ недогара по спиртометру Гесса; неполность разлива, доходящая въ мелкой посудѣ до $^{2}/_{10}$ у ведра; продажа: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа, и половины одной четверти штофа за половину своей цѣны вмѣсто осьмушки штофа (*), а также двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ а

(*) Называемая закономъ четверть штофа, въ существѣ не четверть штофа, а пятая доля онаго.

цѣну ведра (*); далѣе рядъ продѣлокъ со стороны цѣловальниковъ и повѣренныхъ, а именно: полный подливъ воды, обмѣры до половины, переборъ денегъ, обчеты и даже самое обкрадываніе покупателей при всякомъ удобномъ случаѣ, — суть факты, подлинность которыхъ легко можетъ быть провѣрена.

«Поэтому учетъ денегъ, расходуемыхъ населеніями за 72,000,000 ведръ полугара, надлежало бы основать на всѣхъ вышеприведенныхъ фактахъ, безъ уступки, для того, чтобъ суммою обращенныхъ въ деньги — произвола откупщиковъ и продѣлокъ ихъ служителей — опредѣлить степень значенія откупной системы и мѣру вліянія, оказываемаго ею на народную жизнь; но къ сожалѣнію, такой учетъ, уже по самому положенію откупныхъ дѣлъ, невозможенъ.

«А потому, и чтобы не возбудить недовѣрія къ излагаемому здѣсь дѣлу, допускаемъ, что ни сокрытія вина со стороны акцизныхъ откупщиковъ, ни тайнаго вывоза онаго съ заводовъ со стороны акцизно-откупныхъ коммиссіонерствъ не было, и что, слѣдовательно, годовой сбытъ этого вина не превышаетъ 60,000,000 ведръ; что всѣ суммы, слагающіяся отъ продажи питій какъ въ заведеніяхъ откупщиковъ, такъ равно въ погребахъ и трактирахъ — сверхъ 10 р. за ведро, идутъ на уравненіе въ цѣнѣ того вина, которое отпускается на порціи нижнихъ чиновъ по 3 р., съ тѣмъ, которое продается въ откупахъ отъ 5 до 10 р. за ведро; и что всѣ дѣйствія откупщиковъ и ихъ служителей ограничиваются 20-ю только градусами пониженія крѣпости вина, неполностію разлива на $^1/_{10}$ у ведра и продажею: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа и одной половины четверти штофа за половину своей цѣны, вмѣсто осьмушки штофа, а также: двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ за цѣну ведра (**). Но при этомъ многоуступчивомъ ограниченіи, откупщики изъ 60,000,000 ведръ полугара дѣлаютъ спеціальной водки 75,000,000 ведръ, заливаютъ ею посуды 83,333,333 ведра, а продаютъ за 104,166,667 ведръ, считая ведро по 7 р. 50 к. (***), на сумму 781,250,000 р.

«Четверть ржаной муки 9-ти пудоваго вѣса, дающая двойнаго спирта до $4^1/_2$ ведръ, принимая въ разсчетъ десятилѣтнюю сложность рыночныхъ цѣнъ при всевозможныхъ урожаяхъ, стоитъ не дороже 2 р.

(*) Ведро содержитъ въ себѣ 10 штофовъ, между тѣмъ какъ посуду эту простой народъ считаетъ осьмухами, осьминами на томъ основаніи, что прежде ведро дѣлилось на 8-мь штофовъ.

(**) Всѣ дѣйствія откупщиковъ по продажѣ вина приведены ими въ такую систему, которая ограждаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности по откупнымъ законамъ и въ случаяхъ даже разлада ихъ съ полицейскими властями, что впрочемъ бываетъ весьма рѣдко.

(***) 7 р. 50 к. средняя цѣна между цѣнами отъ 5 до 10 р. за ведро включительно.

50 к.; но будемъ считать четверть хлѣба въ 3 р., а выходы спирта изъ четверти хлѣба въ 4 ведра или въ 8 ведръ полугара; слѣдовательно заводчики, продавая вино по 50 к. за ведро въ полугарѣ, имѣютъ отъ каждой четверти хлѣба по 1 р. сер., что составляетъ 33⅓% на стоимость продукта, кромѣ барды. Этого, конечно, весьма достаточно для покрытія заводскихъ расходовъ и для вознагражденія самого заводчика.

«Для выкурки 60,000,000 ведръ полугара потребно хлѣба 7,500,000 четвертей.

«Поэтому изъ суммы годоваго расхода населеній 781,250,000 р. с. поступаетъ:

«Въ доходъ казны, какъ это видно изъ печатныхъ свѣдѣній.	108,000,000 р.
«Въ пользу винокуренія съ 7,500,000 четвертей хлѣба, по 1 р. съ каждой четверти.	7,500,000 —
«Въ пользу земледѣлія за 7,500,000 четвертей хлѣба по 3 р.	22,500,000 —
А всего . .	138,000,000 р.

«Остальные затѣмъ 643,250,000 руб. поглощаются безполезными откупными расходами, безполезною арендною платою за шинки и безполезными прибылями откупщиковъ.

«Каждая четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 104 р. 16 к., что составляетъ 3,470% на стоимость продукта; на каждое семейство приходится въ годъ спиртовой жидкости въ полугарѣ $5^{263}/_{1000}$ ведра на 68 р. 53 к., а въ сутки $^{14}/_{1000}$ ведра на 19 к.— Тутъ и одному пить нечего. Слѣдовательно, довольствоваться виномъ недостаточному семейству (а ихъ огромное большинство) нѣтъ возможности; остается одно изъ двухъ: или вовсе не пить, или пьянствовать.

«Предположимъ теперь, что, вмѣсто настоящихъ откупныхъ системъ, на всѣ вышеозначенныя населенія была бы распространена система свободной торговли трехпробнымъ виномъ въ 30 градусовъ перегара по спиртометру Гесса, и что, на основаніи этой системы, акцизная пошлина, въ размѣрѣ 2 р. съ ведра въ полугарѣ, взималась бы при выпускѣ вина съ заводовъ; вино это развозилось бы свободно, безъ ярлыковъ; правительство было бы совершенно обезпечено, какъ въ правильномъ сборѣ акцизной пошлины, такъ и въ полномѣрной продажѣ вина безъ пониженія установленной крѣпости, такимъ строемъ порядка, который ни сколько не противорѣчилъ бы принципу свободнаго винокуренія и свободной торговли виномъ (*).

(*) Подъ вліяніемъ вытекающей изъ свободной торговли конкурренціи, заводчики и винопромышленники монополировать продажныхъ цѣнъ на вино не могутъ; но отъ пониженія установленной крѣпости вина и продажи онаго не полными мѣрами, никакая конкурренція спасти не въ силахъ, потому что недостатокъ жидкости въ мелкомъ разливѣ на десять процентовъ и на столько же

«Въ такомъ положеніи дѣла, покупка трехпробнаго вина изъ первыхъ рукъ съ акцизомъ, на основаніи вышеупомянутаго разсчета, обходилась бы потребителямъ и промышленникамъ въ 3 р. 25 к. за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, прибавляя къ этой цѣнѣ 30%, на расходы по перевозкѣ товара и найму торговыхъ помѣщеній, 4 р. 22½ к. за ведро. — Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что потребители и фабрикаторы разныхъ издѣлій изъ вина и спирта обращались бы за покупкою вина преимущественно на заводы, и стало быть большая часть онаго пріобрѣталась бы ими въ 3 р. 25 к. за ведро, а потому средняя продажная цѣна вину никакъ не превышала бы 3 р. 75 к. за ведро. Слѣдовательно, на сумму теперешняго расхода населеній 781,250,000 р. продавалось бы трехпробнаго вина 208,333.333 ведра, а въ полугарѣ 270,833,333 ведра, для котораго требовалось бы хлѣба 33,854,166 четвертей. Изъ выручаемой же за это вино суммы 781,250,000 р. поступало бы:

«Въ доходъ казны акциза съ 270,833,333 ведръ полугара, по 2 р. съ ведра.	541,666,666 р. (*)
«Въ доходъ земледѣлія за 33,854,166 четвертей хлѣба, считая каждую въ 3 р.	101,562,498 — (**)
«Въ прибыль заводчиковъ и на расходы ихъ по винокуренію, считая по 1 р. съ четверти. .	33,854,166 — (***)
«Въ прибыль промышленниковъ и на расходы ихъ.	104,166,670 — (****)
А всего . .	781,250,000 р.

«Четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 23 р. 8 к., вмѣсто 104 р. 16 к.; на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина въ годъ $18\frac{276}{1000}$ ведра, вмѣсто $5\frac{263}{1000}$ ведра полугара, а въ сутки одна обыкновенная бутылка въ двадцатую долю ведра, вмѣсто $\frac{14}{1000}$ долей ведра, за тѣ же деньги.

«Но, можетъ быть, несмотря на значительность уступокъ, сдѣланныхъ нами въ пользу откупщиковъ и ихъ служителей, станутъ отрицать правильность нашего учета, на томъ основаніи, что въ уцѣлѣвшихъ отъ откупной аренды вольныхъ шинкахъ привилегированныхъ губерній продается хорошее вино не дороже 1 р. 80 к. за ведро.

«Хотя число такихъ шинковъ, которые почему либо не вошли еще въ составъ общей откупной монополіи, до того ничтожно, что всѣ они,

---

ослабленіе крѣпости вина, для какого бы то ни было опытнаго глаза и тонкаго вкуса, незамѣтны, между тѣмъ какъ подобная разница (не говоря уже о большей) составляетъ громадныя суммы.

(*) Вмѣсто 108,000,000 р.

(**) — — 22,500,000 р.

(***) — — 7,500,000 р.

(****) — — 643,250,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ.

вмѣстѣ взятые, едва ли составляютъ двадцатую долю вошедшихъ; и поэтому, производимая въ нихъ продажа вина доступными цѣнами не можетъ уменьшить итога вышеозначеннаго учета на столько, на сколько увеличился бы оный отъ обращенія въ деньги тѣхъ статей, которыя уступлены нами въ пользу откупныхъ дѣйствій; но чтобъ не дать повода и къ подобнымъ возраженіямъ, мы рѣшаемся еще на одну огромную уступку, а именно на уступку 481,250,000 р., изъ суммы учтеннаго нами расхода 781,250,000 р. и, слѣдовательно, допускаемъ, что ни откупщики, ни ихъ служители, воды въ вино нисколько не подливаютъ, розливъ производятъ самый правильный, двухъ четвертей штофа по цѣнѣ полуштофа и двухъ штофовъ по цѣнѣ четверти ведра не отпускаютъ; словомъ, продаютъ вино въ законной крѣпости, законными мѣрами и не дороже 5 р. за ведро, стало быть и законными цѣнами, потому что установленная на улучшенный полугаръ цѣна, въ 4 р. 50 к. за ведро, съ укупоркою достигаетъ 5 р. (*); но и въ такомъ случаѣ изъ выручаемыхъ за 60,000,000 ведръ 300,000,000 р. денегъ, только 138,000,000 р., а именно: доходъ казны, покупка хлѣба для винокуренія и заводское производство, составляютъ предметъ необходимаго расхода, а остальные затѣмъ 162,000,000 р. теряются безполезно.

«На этотъ разъ четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 40 р.; на каждое семейство приходится въ годъ вина $5^{263}/_{1000}$ ведра, на 26 р. $31^{1}/_{2}$ к., а въ сутки $^{14}/_{1000}$ ведра, на $7^{1}/_{2}$ к.

«Но если бы, при годовомъ расходѣ населеній въ 300,000,000 р. у насъ, вмѣсто откуповъ, существовала такая же система свободной торговли виномъ, какую привели мы прежде, при расходѣ этихъ населеній въ 781,250,000 р., съ тою только разницею, что размѣръ акциза не превышалъ бы 50 к. съ ведра въ полугарѣ, то трехпробное вино, судя по цѣнамъ на хлѣбъ, продавалось бы изъ первыхъ рукъ не дороже 1 р. 30 к. за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, съ прибавленіемъ 30%, не дороже 1 р. 70 к., такъ что средняя продажная цѣна на это вино ни въ какомъ случаѣ не превышала бы 1 р. 50 к. за ведро; слѣдовательно, трехпробнаго вина продавалось бы 200,000,000 ведръ, для котораго требовалось бы хлѣба 32,500,000 четвертей, а изъ выручаемыхъ за вино въ теченіе года денегъ 300,000,000 р. поступало бы: въ доходъ казны 130,000,000 р., вмѣсто 108,000,000 р.; въ пользу земледѣлія за хлѣбъ 97,500,000 р., вмѣсто 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ и на расходы ихъ по винокуренію 32,500,000 р., вмѣсто 7.500,000 р.; въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ 40,000,000 р., вмѣсто 162,000,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ; четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 9 р. 23 к., вмѣсто

(*) Всякое ведро вина, принятое откупщиками Великороссійскихъ губерній изъ казны въ пропорцію, обходится имъ въ платежѣ акцизной суммы 5 р. 45 к. безъ откупныхъ расходовъ.

40 р.; на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина $17^{243}/_{1000}$ ведра, вмѣсто $5^{283}/_{1000}$ ведра полугара, а въ сутки почти полная бутылка, вмѣсто $^{14}/_{1000}$ долей ведра, за одну и ту же сумму расхода.

«Здѣсь довольство народа очевидно, а поводовъ къ пьянству вовсе нѣтъ: и полная бутылка хорошаго вина въ $7^{1}/_{2}$ к. за столомъ семейства труженика, въ теченіе дня, конечно, израсходовалась бы, частію въ обыкновенномъ видѣ, частію же въ видѣ домашней наливки или настойки, не съ вредомъ для нравственности, а съ пользою для жизни и здоровья всѣхъ членовъ этого семейства. Кромѣ того, вино необходимо для порціи войскъ, для дѣланія: лака, политуры, уксуса, освѣтительнаго газа, гофманскихъ капель, одеколона, духовъ и проч.; оно нужно: аптекамъ, больницамъ, химическимъ лабораторіямъ, фотографическимъ заведеніямъ, сахарнымъ заводчикамъ и на разное домашнее употребленіе; въ немъ неизбѣжны: усышка, утечка, дорожная трата; оно теряется при очисткѣ чрезъ песокъ и уголь и угораетъ при перегонкѣ на спиртъ, нужный для дѣланія высшихъ сортовъ водокъ и другихъ издѣлій.

«Если бы система свободной торговли виномъ, при акцизѣ въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, была распространена, кромѣ вышеозначенныхъ населеній, на Закавказскій край, Остзейскія губерніи и на округа сибирскихъ киргизовъ, въ такомъ случаѣ, на 60,000,000 всѣхъ жителей, составляющихъ 12,000,000 семействъ, полагая въ сутки по одной бутылкѣ, потребовалось бы вина 219,000,000 ведръ въ годъ, да на порцію войскамъ, лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія издѣлія, съ неизбѣжными тратами, хоть 21,000,000 ведръ, а всего 240,000,000 ведръ трехпробнаго вина; въ полугарѣ же 312,000,000 ведръ, для котораго расходовалось бы хлѣба 39,000,000 четвертей, а изъ выручаемой за вино въ теченіе года суммы 360,000,000 р. обращалось бы:

«Въ доходъ казны: акцизной пошлины съ 312,000,000 ведръ полугара по 50 к.	156,000,000 р.
«Въ доходъ земледѣлія за 39 мил. четвертей хлѣба, считая каждую въ 3 р.	117,000,000 —
«Въ пользу винокуренія, съ 39,000,000 четвертей, считая по 1 р. съ каждой четверти хлѣба.	39,000,000 —
«Въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ. .	48,000,000 —
А всего . .	360,000,000 р.

«Но допустимъ, что годовой сбытъ трехпробнаго вина по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, будетъ ограничиваться количествомъ 200,000,000 ведръ (*), а денежный расходъ на покупку этого вина суммою въ 300,000,000 р.; въ такомъ случаѣ доходъ казны отъ одного вина, не касаясь пива и меда, будетъ

(*) Изъ 200,000,000 ведръ, 180,000,000 ведръ предполагается на расходъ для питья, а остальныя 20,000,000 ведръ для порціи войскъ, на дѣланіе лака, политуры, освѣтительнаго газа и на всѣ другія расходы.

составлять 130,000,000 р.; сбытъ хлѣба внутри страны, собственно для винокуренія, разовьется до 32,500,000 четвертей; оборотъ денежныхъ суммъ сосредоточится на винокуренныхъ заводахъ, съ акцизомъ до 260,000,000 р., а польза промышленниковъ, съ ихъ расходами, дойдетъ до 40,000,000 р. Вина будетъ приходиться на каждое семейство собственно для питья, 15 ведръ, а денежнаго расхода 22 р. 50 к. въ годъ или 6¼ к. въ сутки.

«Установленіе акцизной пошлины въ размѣрѣ, превышающемъ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, при настоящемъ быту населеній нашихъ, вошло бы въ несогласіе съ законами экономіи; постепенное же возвышеніе этой пошлины, по мѣрѣ улучшенія народной жизни въ степени, не уменьшающей сбыта вина, было бы дѣломъ глубокаго и плодотворнаго разсчета.

«Никто не сомнѣвается, что допущеніе свободной торговли виномъ при условіяхъ, недопускающихъ злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и устраняющихъ возможность пониженія крѣпости вина и неполномѣрности при продажѣ онаго, необъяснимо полезно; но безъ этихъ условій, реформа въ дѣлѣ питейныхъ откуповъ будетъ, въ отношеніи казны, не лучше настоящей откупной системы.

«Единственно-возможное средство къ положительному устраненію злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и огражденію вина отъ пониженія установленной крѣпости и обмѣровъ при продажѣ онаго, заключается лишь въ такомъ виномѣрномъ снарядѣ, который, въ примѣненіи своемъ къ винокуренному заводу, показывалъ бы во всякое время: сколько выкурено вина или спирта и въ какой крѣпости; а въ примѣненіи къ продажѣ вина не допускалъ бы ни обмѣровъ, ни отпусковъ онаго, ниже установленной крѣпости.

«Изобрѣтенный купцомъ Закревскимъ снарядъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ вышеобъясненнымъ условіямъ. Основанная на этомъ снарядѣ система свободной торговли виномъ, съ неограниченнымъ числомъ мѣстъ продажи онаго и возможно-дешевымъ правомъ на винопромышленность, будетъ до того правильна и по послѣдствіямъ своимъ благотворна, что примѣру ея станутъ охотно слѣдовать и другія просвѣщенныя правительства.

«Опытъ надъ снарядомъ Закревскаго можетъ быть произведенъ здѣсь въ С.-Петербургѣ: въ отношеніи контроля винокуренія, на одномъ изъ водочныхъ заводовъ; а въ отношеніи продажи вина, въ одномъ изъ питейныхъ домовъ.

«Благонамѣренные изъ капиталистовъ, сочувствуя дѣлу свободной торговли трехпробнымъ виномъ, изъявляютъ готовность свою застраховать акцизный доходъ казны, въ мѣрѣ нынѣшняго дохода ея отъ откуповъ, за весьма умѣренную премію, если вмѣстѣ съ распространеніемъ этой торговли по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, установлена будетъ норма акцизной пошлины не менѣе 50 к. съ ведра въ полугарѣ; а для контроля винокуренныхъ заводовъ и огражденія самой продажи вина отъ обмѣровъ и по-

ниженія установленной крѣпости, приняты будутъ на столько дѣйствительныя мѣры, на сколько представляетъ въ этомъ ручательства снарядъ Закревскаго, хотя бы въ такомъ случаѣ правительству угодно было производить сборъ акциза посредствомъ своихъ чиновниковъ.

«*Примѣчаніе.* Такого рода способъ застрахованія акцизнаго дохода предполагается въ томъ только предположеніи, что, можетъ быть, правительство не пожелаетъ на первый разъ принять на себя всѣ послѣдствія этого новаго дѣла, не сдѣлавши предварительно основательнаго опыта, а не потому, что застрахованіе необходимо: оно, кромѣ этого случая, при учетѣ заводовъ и продажѣ вина посредствомъ означенныхъ снарядовъ, безнужно.

«Назначеніе акцизной пошлины съ пива и меда, вывариваемыхъ на заводахъ — въ размѣрѣ 20 к. съ ведра; съ вывариваемыхъ же домашнимъ образомъ—въ размѣрѣ 10 к. съ ведра, и отдача права сбора этой пошлины, на первый разъ, съ торговъ по городамъ, принесетъ казнѣ новый, весьма значительный доходъ; а свободное пиво и медовареніе и свободная торговля этими напитками будутъ въ свою очередь способствовать развитію сельскаго хозяйства и промышленности.

«P. S. Въ доказательство несостоятельности нынѣ дѣйствующихъ откупныхъ системъ, допустимъ еще то предположеніе, что вышеозначенное количество вина 60,000,000 ведръ въ полугарѣ, расходуемое между населеніями губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привилигированныхъ и въ землѣ козачьихъ войскъ, продается уже не по 5, а только по 4 р. за ведро; что поэтому денегъ въ теченіе года для покупки вина издерживается всего только 240,000,000 р., что независимо отъ этого, Закавказскій край, Остзейскія губерніи и округа Сибирскихъ киргизовъ расходуютъ денегъ на тотъ же предметъ не болѣе 10,000,000 р. въ годъ; и что, слѣдовательно, весь расходъ населеній цѣлой имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, ограничивается суммою въ 250,000,000 р.

«Но и въ такомъ случаѣ на эту сумму 250,000,000 р., при свободной торговлѣ трехпробнымъ виномъ, съ пошлиною въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, расходовалось бы трехпробнаго вина 166,666,667 ведръ, а въ полугарѣ 216,666,667 ведръ, для выкурки котораго требовалось бы хлѣба 27,083,333 четверти.

«Слѣдовательно, изъ вырученной за это вино въ теченіе года суммы 250,000,000 р. поступало бы: въ доходъ казны акцизной пошлины, не касаясь ни пива, ни портера, ни меда, ни браги, ни сусла, ни медоваго кваса, ни лака съ политурой, ни патентнаго сбора, ни погребщиковъ съ трактирщиками, 108,333,333 р. 50 к., стало быть, не менѣе того ея дохода, который поступаетъ нынѣ съ откуповъ; въ пользу земледѣлія за хлѣбъ 81,250,000 р., вмѣсто теперешнихъ 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ 27,083,333 р., вмѣсто теперешнихъ 7,500,000 р.; въ пользу виноторговцевъ 33,333,333 р. 50 к., вмѣсто теперешняго

милліарда (если все считать по фактамъ), поглощаемаго безполезными откупными расходами, безполезною арендною платою за шинки и безполезными прибылями откупщиковъ.

«Предполагая, что изъ означенныхъ 166,666,667 ведръ, собственно для питья расходовалось бы 150,000,000 ведръ, а остальные 16,666,667 ведръ употребились бы на лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія потребности, — на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина для питья въ годъ 12½ ведръ, на 18 р. 75 к., а въ сутки ⅔ бутылки на 5 копѣекъ.

«И при всемъ этомъ, пагубнаго по своимъ послѣдствіямъ корчемства, конечно, не было бы; а погребщики и хозяева трактирныхъ заведеній, свободные отъ откупнаго гнета, не продавали бы такъ дорого предметовъ своего промысла.»

Передавая мнѣ свою записку, г. Закревскій выразилъ согласіе на то, чтобы я, если найду нужнымъ, тутъ же выразилъ и свое мнѣніе о ней. Пользуюсь этимъ правомъ. Читатель видитъ, что въ запискѣ г. Закревскаго находятся двѣ главныя мысли. Во-первыхъ, доказательство, что доходы, получаемые нынѣ казною отъ винной продажи, могутъ быть при уничтоженіи откуповъ доставлены акцизомъ несравненно меньшаго размѣра, чѣмъ какой предполагается нужнымъ для этой цѣли большею частью людей, занимавшихся вопросомъ о сохраненіи нынѣшняго дохода отъ вина казнѣ съ уничтоженіемъ откуповъ. Во-вторыхъ, г. Закревскій предлагаетъ техническое средство, предотвращающее, по его убѣжденію, всякую возможность отнять у казны часть акцизнаго сбора утайкою въ количествѣ проданнаго вина или обманомъ въ крѣпости вина.

Въ первой мысли надобно согласиться съ авторомъ напечатанной нами записки, и дѣлая свои замѣчанія на нее, мы имѣемъ цѣлью только разъясненіе выводовъ, представляемыхъ г. Закревскимъ.

Онъ начинаетъ тѣмъ, что, основываясь на оффиціальныхъ данныхъ о количествѣ потребляемаго вина и на извѣстныхъ оборотахъ, употребляемыхъ агентами откуповъ при его продажѣ, вычисляетъ, какую массу денегъ стремится откупъ взять съ народа за продаваемое вино. Цифра выходитъ изумительная, — болѣе 780,000,000 рублей серебромъ. Конечно, не слѣдуетъ понимать слова г. Закревскаго такъ, что продавцы вина при откупной системѣ получаютъ въ дѣйствительности такую сумму за вино, — она по всей вѣроятности далеко превышаетъ собою то количество денегъ, какое въ состояніи заплатить народъ. Она только опредѣляетъ собою размѣръ стремленій откупа; а въ какой степени достигаются эти стрем-

ленія, зависитъ уже просто отъ матеріальной возможности народа удовлетворить имъ. Если народъ въ силахъ заплатить за вино только 400 милліоновъ, откупъ получитъ 400 милл.; если народъ не въ силахъ заплатить и этого, а имѣетъ въ своихъ рукахъ лишь 350 милліоновъ, — откупъ возьметъ 350 милл.; но если народъ имѣетъ силу выплатить не 350, не 400, а 500 или 550 милл., откупъ получитъ 500 или 550 милліоновъ; получитъ и больше, если народъ можетъ заплатить больше; словомъ сказать: полученіе денегъ до суммы 780 милліоновъ за продажу вина ограничивается только средствами уплаты со стороны народа, а не недостаткомъ права откупа брать ихъ. При существующихъ откупныхъ пріемахъ народъ подлежитъ требованію со стороны откупа въ 780 милліоновъ; если откупъ беретъ меньше, это лишь значитъ, что должникъ его за продаваемое вино, народъ, не имѣетъ въ данное время средствъ заплатить болѣе, и каждое увеличеніе народныхъ средствъ ведетъ только къ увеличенію суммы, получаемой съ него откупомъ.

Но сколько же денегъ берется съ народа откупомъ при нынѣшней невозможности народа уплатить всю сумму, до какой можетъ простираться требованіе откупа въ полномъ своемъ развитіи? Откупъ не получаетъ всего, чего требуетъ по своей натурѣ; но сколько же получаетъ онъ? Точной цифры нельзя тутъ опредѣлить, потому что она могла бы оказаться лишь изъ вѣрныхъ показаній всѣхъ откупщиковъ о количествѣ получаемыхъ ими за вино денегъ, а давать такія показанія было бы противно ихъ интересу. Они никакъ не захотятъ открыть свои счеты. Но еслибъ они и захотѣли, мы все таки узнали бы не всю сумму, какую платитъ народъ за вино, а лишь ту часть этой суммы, которая доходитъ въ руки откупщиковъ; между тѣмъ сверхъ этой части есть другая часть, не доходящая до ихъ рукъ. Агенты откупщиковъ утаиваютъ отъ нихъ часть денегъ, выручаемыхъ продажею вина; каждый кабакъ есть нѣчто въ родѣ аренды, и откупщикъ знаетъ только, сколько платится ему за аренду, но не знаетъ въ точности, сколько получаетъ арендаторъ, — сидѣлецъ кабака. Опредѣлить все количество денегъ, дѣйствительно выплачиваемыхъ народомъ за вино, никто не въ состояніи. За то, по крайней мѣрѣ, можно найдти цифру, о которой каждый скажетъ, что она необходимо должна быть гораздо меньше всей суммы, платимой народомъ за вино. Г. Закревскій находитъ, что по самымъ откупнымъ условіямъ откупъ продаетъ 60 милліоновъ ведръ вина (по переложенію разныхъ сортовъ вина въ полугаръ); по самымъ откупнымъ условіямъ ведро полугара до истощенія пропорціи 60 милл. ведръ не можетъ продаваться дешевле 5 р. сер.; это состав-

ляеть 300 милл. руб. серебромъ. Такова была бы сумма, платимая народомъ за вино, еслибы откупъ продавалъ его не болѣе 60 милл. ведръ, еслибъ онъ продавалъ ведро полугара не выше 5 руб. сер. и еслибъ не употреблялись при продажѣ никакіе способы получить за проданное количество вина больше денегъ, чѣмъ приходилось бы получить по объявленной цѣнѣ. Но каждому извѣстно, что откупъ продаетъ вина больше пропорціи, оказывающейся по откупнымъ условіямъ, что продажная цѣна ведра полугара бываетъ объявляема выше 5 рублей и что наконецъ разными средствами, изъ которыхъ главныя — недомѣръ и пониженіе крѣпости, агенты откупа успѣваютъ получить за ведро вина сумму больше той, какая объявлена продажною цѣною его. Такимъ образомъ необходимо должно быть, что за вино берется у народа больше той суммы, какая выходила бы изъ продажи только 60 милл. ведръ полугара, только по 5 р. за ведро и безъ всякой фальши при продажѣ. 300 милліоновъ р. сер. — такая цифра, которая несомнѣнно меньше суммы, дѣйствительно платимой народомъ за вино.

При невозможности открыть истинную величину суммы, употребляемой народомъ на покупку вина, г. Закревскій основываетъ свои дальнѣйшіе разсчеты на этомъ количествѣ 300 милл. руб. сер., которое, какъ для всякаго очевидно, меньше истинной цифры. Онъ находитъ, что даже и эта сумма, меньшая дѣйствительной суммы, уже даетъ полную возможность казнѣ получить отъ продажи вина доходъ не меньшій или, вѣрнѣе сказать, большій нынѣшняго, при обложеніи вина акцизомъ, несравненно меньшимъ не только акциза, платимаго нынѣ откупщиками съ ведра, но и тѣхъ нормъ акциза, какія предполагались или предполагаются почти всѣми другими лицами, занимавшимися вопросомъ о винномъ акцизѣ. Читателю извѣстно, что многія изъ этихъ лицъ считаютъ для сохраненія нынѣшняго дохода казны необходимымъ установить акцизъ не меньше 2 р. сер. съ ведра полугара; многіе находятъ, что и эта цифра еще слишкомъ мала для гарантированія нынѣшняго дохода, что онъ будетъ обезпеченъ только акцизомъ въ 2 р. 50 к. Сколько мы знаемъ, никто изъ писавшихъ о винномъ акцизѣ не считалъ возможнымъ предложить цифру, меньшую одного рубля сер. — одинъ рубль, ниже этого не отваживались спускать акцизъ даже писатели, наиболѣе желавшіе установленія цѣны вина, какъ можно менѣе высокой. Г. Закревскій находитъ, что для обезпеченія казнѣ нынѣшняго дохода отъ винной продажи или, вѣрнѣе говоря, дохода, довольно много превышающаго нынѣшній, достаточенъ акцизъ въ 50 к. сер. съ ведра полугара.

Мы не будемъ слѣдовать за нимъ въ разсчетахъ, на которыхъ основана у него цифра акциза именно въ 50 к. сер. Тутъ можно сказать многое и за и противъ. Первымъ возраженіемъ въ мысли каждаго должно представиться, что г. Закревскій выводитъ свою цифру акциза въ соотвѣтственности съ среднею цѣною хлѣба по сложности послѣднихъ десяти лѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предполагаетъ (какъ и на самомъ дѣлѣ должно быть), что съ громаднымъ пониженіемъ цѣны вина при акцизѣ, имъ предлагаемомъ, потребленіе вина очень значительно увеличится, т. е. очень значительно увеличится и количество хлѣба, требуемаго заводами на выдѣлку вина; естественно раждается мысль, что при громадномъ увеличеніи запроса на хлѣбъ для винокуренія (до 20 или 30 мил. четвертей сверхъ нынѣшняго запроса) значительно поднимется цѣна хлѣба. А если поднимется цѣна хлѣба, то и заводчики не будутъ въ состояніи поставлять вино по цѣнѣ, нынѣ для нихъ выгодной; слѣдовательно, при данномъ акцизѣ цѣна вина будетъ выше предполагаемой г. Закревскимъ; а если такъ, то на сумму, какую по его разсчету платитъ народъ за вино, будетъ куплено меньше ведръ, чѣмъ предполагаетъ г. Закревскій; стало быть, для сохраненія данной цифры казеннаго дохода окажется необходимымъ акцизъ выше предполагаемаго г. Закревскимъ. Такое заключеніе съ перваго же взгляда будетъ сдѣлано каждымъ: но нельзя сказать, чтобы оно имѣло безспорную несомнѣнность. Во-первыхъ, можно спорить даже противъ того, что цѣна хлѣба значительно поднимется отъ увеличенія запроса его на винокуреніе. Есть у насъ очень много мѣстностей, которыя безъ увеличенія нынѣ существующей въ нихъ цѣны легко станутъ производить количество хлѣба, несравненно большее нынѣшняго, лишь бы нашелся сбытъ ему, — мѣстностей, которыя задерживаются въ увеличеніи своего хлѣбнаго производства не невозможностію производить больше хлѣба по нынѣшнимъ цѣнамъ, а просто лишь невозможностію сбыть увеличенное количество хлѣба по какимъ бы то ни было цѣнамъ. На этомъ основаніи можно думать, что цѣна хлѣба въ сложности для всей Россіи возрасла бы далеко не въ такой значительной степени, какъ увеличился бы запросъ на него для винокуренія. Г. Закревскій можетъ сказать, что уже сдѣлалъ слишкомъ достаточное удовлетвореніе этому предполагаемому возвышенію цѣны хлѣба, принявъ за основаніе своихъ разсчетовъ цѣну четверти ржи — 3 р. с., вмѣсто получаемой по десятилѣтней сложности дѣйствительной цѣны — 2 р. 50 к. Представляются и другія соображенія. Г. Закревскій основываетъ разсчетъ на выдѣлкѣ вина изъ ржи; но рожь самый дорогой изъ матеріаловъ винокуренія; при выдѣлкѣ вина изъ картофеля оно обходится дешевле. Увеличить воздѣ-

лыванie картофеля очень легко безъ повышенiя цѣны этого материала.

Но главное дѣло въ томъ, что если и принять въ полной силѣ возраженiе, основанное на вѣроятномъ повышенiи цѣны хлѣба при увеличившемся запросѣ на него для выдѣлки вина, выводы г. Закревскаго ни мало не поколеблются. Въ самомъ дѣлѣ, онъ опредѣляетъ продажную цѣну вина такой высоты, которая допускаетъ очень большое возвышенiе цѣны хлѣба, и точно такъ же достаточна для покрытiя излишка расходовъ заводчика на тотъ случай, если бы сказали мы, что у г. Закревскаго принятъ чрезмѣрно большой выходъ по 8 ведръ полугара изъ одной четверти ржи. Сущность вопроса для выводовъ г. Закревскаго о количествѣ ведръ вина, съ какого будетъ собираться акцизъ, зависитъ непосредственнымъ образомъ отъ продажной цѣны вина, а онъ считаетъ ее на заводѣ въ 1 р. 30 к. сер. за ведро полугара съ акцизомъ въ 50 к. сер., то есть въ 80 к. сер. за ведро полугара при вычетѣ акциза. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ большей части Европейской Россiи ведро полугара будетъ обходиться заводчикамъ дешевле 80 к., даже при значительномъ повышенiи цѣнъ хлѣба противъ среднихъ нынѣшнихъ. А при свободной продажѣ вина и свободѣ винокуренiя, конечно винокуренiе сосредоточилось бы главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна хлѣба низка. Такимъ образомъ, хотя бы мы и положили выходъ вина, значительно меньшiй противъ полагаемаго г. Закревскимъ, а цѣну хлѣба значительно выше противъ принимаемой имъ, мы все-таки должны сказать, что при акцизѣ 50 к. заводчики будутъ продавать вино не выше 1 р. 30 к., а для выводовъ г. Закревскаго только и нужно согласiе на эту цифру.

Наконецъ, еслибъ мы и нашли стоимость ведра полугара менѣе 80 к. безъ акциза для заводчика слишкомъ малою, — чего мы не имѣемъ основанiй думать, — все-таки какую бы другую цифру этой стоимости ни захотѣли мы предположить, никакое правдоподобное возвышенiе ея не будетъ имѣть чувствительнаго влiянiя на количество продаваемаго вина. Никто не захочетъ сказать, что можно ожидать стоимости ведра полугара безъ акциза заводчику въ 1 р., — такая стоимость невѣроятна по чрезмѣрной высотѣ. Но и при этой цѣнѣ вино, по оплатѣ акциза, предлагаемаго г. Закревскимъ, стало бы продаваться изъ первыхъ рукъ только по 1 р. 50 к. с. А при такой цѣнѣ продаваемое количество не было бы чувствительнымъ образомъ меньше количества, какое продалось бы при цѣнѣ 1 р. 30 к., предполагаемой г. Закревскимъ. Высшая цѣна, 1 р. 50 к., все-таки была бы еще такъ легка, что не отозвалась бы сколько нибудь за-

мѣтнымъ сокращеніемъ потребленія, соразмѣрнаго дѣйствительной потребности.

Но совершенно иной вопросъ, могла ли бы дѣйствительная потребность въ винѣ, при какой бы то ни было низкой цѣнѣ его, достигать размѣра, нужнаго для того, чтобы сохранился нынѣшній доходъ казны при величинѣ акциза только въ 50 к. Винный доходъ казны составляетъ нынѣ около 1 р. 75 к. съ каждаго человѣка всего населенія (при 60 милл. населенія больше 100 милл. рублей). Итакъ, при акцизѣ въ 50 к. нужно было бы потребленіе въ $3^1/_2$ ведра на каждаго жителя, — цифра, вѣроятно, въ два раза бо̀льшая нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія (по офиціальнымъ даннымъ, составленнымъ на основаніи количества, продаваемаго откупщиками извѣстнымъ казнѣ образомъ, потребленіе вина оказывается даже только около 1 ведра на человѣка; но и правительству и каждому изъ насъ извѣстно, что въ дѣйствительности откупъ продаетъ гораздо бо̀льшее число ведръ, чѣмъ показываетъ). При пониженіи цѣны, столь громадномъ, какъ предполагаетъ г. Закревскій, конечно должно въ огромной пропорціи увеличиться количество продаваемаго вина; но увеличится ли оно вдвое, какъ нужно по разсчету г. Закревскаго, это сказать трудно. Если надо уже произносить рѣшеніе на основаніи однихъ только соображеній, при отсутствіи положительныхъ основаній, то скорѣе можно сказать «нѣтъ», чѣмъ «да». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что увеличеніе будетъ значительное, но едва ли дойдетъ оно до $3^1/_2$ ведръ на человѣка.

Впрочемъ, опять-таки мало важности въ томъ, вѣроятна или не вѣроятна именно та цифра потребленія вина, какую предполагаетъ г. Закревскій. Уменьшайте ее до какихъ угодно предѣловъ, все-таки вы получите выводъ, что для сохраненія казнѣ нынѣшняго дохода достаточенъ акцизъ, не многимъ превышающій величину акциза, предлагаемую авторомъ записки. Вина теперь продается безъ всякаго сомнѣнія до 100 милліоновъ ведеръ, а по всей вѣроятности больше. Стало быть, если бы отъ пониженія цѣны вовсе не увеличилось потребленіе вина, былъ бы достаточенъ для сохраненія дохода казны акцизъ въ 1 руб. сер. Но даже при цѣнѣ около 2 р. за ведро, какая была бы при акцизѣ въ 1 р., потребленіе стало бы гораздо больше нынѣшняго, значитъ такой акцизъ не необходимъ, и можно удовольствоваться акцизомъ меньшаго размѣра. Быть можетъ 50 коп. съ ведра мало для сохраненія казеннаго дохода, быть можетъ нуженъ для этого акцизъ въ 70 или 75 коп., но во всякомъ случаѣ достаточенъ акцизъ, гораздо меньшій 1 р. сер., который понадобился бы лишь въ предположеніи, что продажа вина

не увеличится при огромномъ пониженіи его цѣны, то есть при предположеніи явно неосновательномъ.

Намъ кажется, что нельзя съ точностію опредѣлить, на сколько ниже 80 или 75 коп. можетъ стать акцизъ при сохраненіи нынѣшняго дохода казны; но вѣроятно онъ можетъ спуститься ниже этихъ цифръ. Если казна не должна рисковать ничѣмъ въ этомъ случаѣ и если съ тѣмъ вмѣстѣ она не хочетъ увеличивать нынѣшняго своего дохода отъ налога на предметъ первой необходимости, то, не рискуя ничѣмъ, можно было бы опредѣлить акцизъ на первый разъ около 75 коп. сер. съ ведра полугара, а потомъ постепенно понижать его, по мѣрѣ того, какъ опытомъ будетъ обнаруживаться достаточность низшихъ цифръ (*).

(*) Прочитавъ эту статью въ корректурѣ, г. Закревскій сдѣлалъ, въ подтвержденіе вѣрности своихъ разсчетовъ, слѣдующія замѣчанія на выраженныя мною сомнѣнія:

«Въ числѣ 60 милл. ведръ полугара заключается до 25 мил. ведръ трехпробнаго, а въ полугарѣ до $32^1/_2$ мил. ведръ продающагося собственно въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей этихъ губерній; остальное же затѣмъ вино и водки, въ количествѣ $27^1/_2$ мил. ведръ въ полугарѣ, продается на 40 милліоновъ жителей великороссійскихъ, Ставропольской и сибирскихъ губерній, въ совокупности съ жителями земель козачьихъ. Слѣдовательно на каждаго жителя привилегированныхъ губерній приходится въ годъ вина въ полугарѣ 1,91 ведра, а на жителя великороссійскихъ, Ставропольской и сибирскихъ губерній и земель козачьихъ всего только 0,61 ведра.

«Столь рѣзкая разница въ сбытѣ вина происходитъ отъ того единственно, что уцѣлѣвшая въ привилегированныхъ губерніяхъ нѣкоторая часть вольныхъ шинковъ отъ аренды акцизныхъ и чарочныхъ откупщиковъ—не позволяетъ имъ поднять во всемъ томъ краѣ такихъ высокихъ цѣнъ на вино, какія подняты ими въ великороссійскихъ губерніяхъ и вообще тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ соперничества: въ привилегированныхъ губерніяхъ продается вино такъ же дорого, какъ и во всѣхъ другихъ откупахъ, лишь въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ вольныхъ шинковъ, не подпавшихъ арендному содержанію, или тамъ, гдѣ всѣ шинки сняты на аренду цѣлыми уѣздами; но въ тѣхъ арендныхъ шинкахъ, которые находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ неарендованными, откупщики поневолѣ держатся сколько нибудь умѣренныхъ цѣнъ; однакожь эти умѣренныя цѣны отнюдь не ниже 3 и 4 рублей за ведро вина, ослабленнаго примѣсью воды до недогара.

«Если въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей теперь, когда въ чарочныхъ откупахъ и въ большей части вольныхъ шинковъ, находящихся въ арендномъ содержаніи откупщиковъ, продается вино по такимъ же высокимъ цѣнамъ, по какимъ оно продается здѣсь и въ другихъ откупахъ, сбытъ онаго достигаетъ 32 милліоновъ ведръ въ полугарѣ, то естественно, при цѣнѣ на трехпробное вино въ 1 р. 50 к. за ведро (выше которой съ акцизомъ въ 50 к. съ ведра продажи быть не можетъ), потребность онаго увеличится на 18 мил., и слѣдовательно вмѣсто 32 будетъ расходоваться 50 милліоновъ за несравненно меньшую сумму расходовъ населенія. А если неоспорима потребность въ 50 милліонахъ ведръ трехпробнаго вина на число населенія въ 17 мил-

Акцизъ въ 75 к. сер. мы находимъ не представляющимъ никакого риска для дохода казны, потому что онъ требуетъ увеличенія продажи всего лишь на $^1/_3$ противъ нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія. Г. Закревскій выводитъ, что дѣйствительная продажа вина откупомъ превышаетъ нынѣ 100 мил. ведръ. Возможно ли предполагать, что съ пониженіемъ цѣны отъ 5 или 7 или даже отъ 10 р. сер. за ведро до 1 р. 55 коп. за ведро потребленіе его не увеличилось бы на одну третью часть? Трудно думать, что оно не увеличится въ пропорціи, болѣе значительной. А чѣмъ больше окажется оно, тѣмъ ниже можетъ стать акцизъ.

Стремленіе открыть возможность къ установленію малаго акциза составляетъ одну изъ двухъ главныхъ цѣлей записки г. Закревскаго, и въ этой первой цѣли мы совершенно ему сочувствуемъ. Никто изъ просвѣщенныхъ людей не сомнѣвается, что чѣмъ ниже будетъ акцизъ на вино, тѣмъ больше выигрыша во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ земледѣльческомъ и вообще хозяйственномъ, но и въ нравственномъ. Совершенно лишнимъ дѣломъ было бы доказывать, что дешевизна вина, необходимаго въ нашемъ климатѣ, при характерѣ жилищъ, пищи и одежды нашихъ простолюдиновъ, не имѣетъ ничего общаго съ пьянствомъ, а напротивъ, имѣла бы результатомъ своимъ уменьшеніе этого зла, происходящаго отъ совершенно иныхъ причинъ и, въ томъ числѣ, именно отъ дороговизны вина. Это вещь, извѣстная каждому, сколько нибудь занимавшемуся вопросами о народной жизни. Чѣмъ дешевле будетъ вино, тѣмъ меньше будетъ пьянства. Потому нельзя вмѣстѣ съ г. Закревскимъ не желать, чтобы установился какъ можно меньшій акцизъ. Очень можетъ быть, что съ теченіемъ времени откроется возможность понизить его до 50 к. сер., какъ предполагаетъ г. За-

---

ліоновъ, то на чемъ же можетъ быть основано сомнѣніе, что для населенія въ 60 милліоновъ одного и того же государства не разойдется 175 милліоновъ трехпробнаго вина?

«При цѣнѣ за четверть ржанаго хлѣба въ 3 р. всегда выгодно продавать вино съ заводовъ по 50 к. за ведро въ полугарѣ. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ вольныхъ шинкахъ, не подпавшихъ еще владычеству откупщиковъ, трехпробное вино и при теперешнемъ акцизѣ на оное въ 75 к. съ ведра продается по 1 р. 80 к. за ведро, слѣдовательно не изъ первыхъ рукъ; изъ первыхъ же рукъ, т. е. съ заводовъ, оно покупается съ акцизомъ не дороже 1 р. 40 к. за ведро.

«Цѣны на поставку вина въ казну съ заводовъ великороссійскихъ губерній примѣромъ служить не могутъ. Такого рода заподрядъ вина сопряженъ съ большими расходами въ казенныхъ палатахъ и требуетъ совершенно безполезной развозки вина по казеннымъ подваламъ, которые большею частію отстоятъ отъ заводовъ на огромномъ пространствѣ.»

кревскій; а теперь едва ли подлежитъ сомнѣнію практическая достаточность величины акциза, мало превышающей предлагаемую г. Закревскимъ.

Но условіемъ низкаго акциза служитъ то, чтобы казна не была обманываема въ количествѣ и качествѣ продаваемаго вина. Для полученія нынѣшняго дохода при акцизѣ отъ 50 к. до 1 руб. сер. съ ведра необходимо, чтобы каждое продаваемое ведро было оплачено акцизомъ, чтобы не продавалось народу одно ведро полугара въ объемѣ полутора ведра разведенной водою жидкости, подъ названіемъ полугара, и чтобъ не имѣлъ заводчикъ возможности отпустить покупщику 150 ведръ, показавъ казнѣ и оплативъ акцизомъ только 100 ведръ. Сомнѣніе въ возможности такого казеннаго контроля, которымъ предотвращались бы утайки и подлоги въ продажѣ вина, служило прежде главнымъ препятствіемъ къ уничтоженію откуповъ, а теперь служитъ главною причиною того, что считается необходимымъ высокій акцизъ. Предполагается, что казна можетъ разсчитывать на полученіе акциза только съ части вина, какое будетъ продаваться, а не со всего его количества, потому что нѣкоторая и притомъ значительная часть его будетъ утаена отъ оплаты акцизомъ.

Предлагались нѣкоторые способы къ устраненію обмана казны при введеніи свободной торговли виномъ, и намъ кажется, что были между этими способами такіе, которые ограждали бы казну удовлетворительнымъ образомъ. Сколько мы знаемъ, эти планы остались безъ вліянія на составленіе проектовъ дѣйствительной организаціи новаго порядка винной торговли. Быть можетъ, предложеніе г. Закревскаго получитъ больше счастія въ этомъ отношеніи, быть можетъ оно привлечетъ къ себѣ вниманіе лицъ, устраивающихъ замѣну нынѣшняго порядка новымъ. Это предложеніе требуетъ чисто техническаго испытанія; надобно желать, чтобы оно было подвергнуто ему самымъ заботливымъ образомъ, потому что если справедливо убѣжденіе г. Закревскаго въ качествѣ изобрѣтеннаго имъ снаряда, этотъ снарядъ разрѣшилъ бы всѣ затрудненія къ доставленію дешеваго и хорошаго вина безъ всякихъ обмановъ казны или народа при продажѣ.

Если снарядъ, изобрѣтенный г. Закревскимъ, дѣйствительно окажется имѣющимъ качества, приписываемыя ему изобрѣтателемъ, то правительство въ состояніи будетъ само легко учитать количество вина, производимаго и продаваемаго каждымъ заводомъ. При невозможности утайки устраняется въ такомъ случаѣ всякая мысль о надобности въ откупахъ или въ чемъ нибудь подобномъ откупамъ. Тѣмъ страннѣе показалось намъ, что г. Закревскій упоминаетъ

въ своей запискѣ о возможности составить компанію, которая, принявъ на себя наблюденіе за продажею вина съ заводовъ при помощи снаряда г. Закревскаго, гарантировала бы казнѣ нынѣшній доходъ отъ винной продажи. При прочтеніи записки намъ пришло подозрѣніе, что тутъ скрывается планъ возстановить откупъ подъ новою формою. Но г. Закревскій отвѣчалъ намъ (какъ упоминаетъ и въ примѣчаніи къ своей запискѣ), что онъ очень далекъ отъ такого желанія, и что если онъ расчитываетъ на коммерческія выгоды отъ принятія его снаряда, то эти выгоды совершенно иного рода, чѣмъ какіе нибудь откупные доходы. «Я завелъ бы фабрику для выдѣлки снарядовъ моего изобрѣтенія, сказалъ онъ намъ; эти снаряды потребовались бы въ большомъ количествѣ, потому что они были бы нужны не на однихъ заводахъ, а также въ лавкахъ торгующихъ виномъ; мой снарядъ (продолжалъ г. Закревскій) необходимъ для обезпеченія не одной казны при продажѣ вина съ заводовъ, а также и для обезпеченія покупщика отъ обмана въ количествѣ или въ качествѣ вина при розничной продажѣ; для удовлетворенія покупщиковъ, продавцы нашли бы необходимымъ производить розничную продажу помощью этого снаряда. Огромное требованіе на мой снарядъ со стороны продавцовъ вина, дало бы мнѣ большія выгоды». Если дѣйствительно такъ, г. Закревскій имѣетъ въ виду выгоды совершенно законныя и непротиворѣчащія ни пользамъ казны, ни пользамъ народа. Онъ просто хочетъ, какъ изобрѣтатель, воспользоваться въ теченіе извѣстнаго времени привилегіею на продажу своего изобрѣтенія. Если изобрѣтеніе дѣйствительно даетъ возможность достичь такого хорошаго для казны и для народа результата, какъ уничтоженіе всякой надобности въ откупахъ и установленіе низкаго акциза, то нельзя не сказать, что привилегія принесетъ г. Закревскому выгоды не съ вредомъ, а съ пользою для государства. Словомъ сказать, г. Закревскій хочетъ быть не чѣмъ нибудь похожимъ на откупщика, а фабрикантомъ.

Но если такъ, снова спросили мы его, — если вы дѣйствительно далеки отъ мысли объ откупныхъ выгодахъ, то зачѣмъ вы все-таки вставили въ въ вашу записку слова о какой-то компаніи, могущей гарантировать казнѣ нынѣшній доходъ съ винной продажи? Онъ отвѣчалъ и на этотъ вопросъ удовлетворительно. «О возможности учредить такую компанію я говорилъ (отвѣчалъ онъ намъ, и упоминаетъ объ этомъ въ примѣчаніи къ своей запискѣ) единственно для того, чтобы предотвратить всякое сомнѣніе въ вѣрности моихъ разсчетовъ о безубыточности для казны установить предлагаемый мною акцизъ при помощи моего снаряда. Если кто нибудь скажетъ, что установленіе такого низкаго акциза представляло бы рискъ для казны, у

меня готовъ теперь отвѣтъ, очень сильный: когда вы боитесь риска для казны, частные капиталисты готовы принять на себя такой рискъ, и это показываетъ вамъ, что въ дѣйствительности нѣтъ никакого риска, что разсчетъ мой вѣренъ». Надобно признаться, что такой оборотъ мыслей очень натураленъ и основателенъ.

«Но, продолжалъ г. Закревскій, я вовсе не желаю, чтобы сочтено было нужнымъ казнѣ принять гарантію компаніи, о которой говорю я; я вовсе не желаю, чтобы устроена была такая компанія; я убѣжденъ, что она совершенно не нужна, что казнѣ будетъ легко самой собирать акцизъ при помощи моего снаряда. Моя цѣль—установленіе совершенно свободной торговли виномъ, безъ всякой тѣни чего нибудь похожаго на откупъ или монополію». Представляемъ читателю судить, имѣютъ ли эти слова г. Закревскаго характеръ искренности. Что же касается до насъ, мы полагаемъ, что разсчетъ на справедливую прибыль отъ фабрикаціи большаго размѣра достаточенъ для отклоненія умнаго коммерческаго человѣка отъ желанія извлекать выгоды изъ откупныхъ оборотовъ; и если снарядъ г. Закревскаго дѣйствительно таковъ, какимъ считаетъ его изобрѣтатель, онъ дѣлаетъ откупъ не нужнымъ для денежныхъ выгодъ изобрѣтателя. Потому мы не находимъ причины сомнѣваться въ искренности объясненій г. Закревскаго, изложенныхъ нами здѣсь.

А во всякомъ случаѣ, самое свойство снаряда, предотвращающаго всякую утайку въ продажѣ вина, было бы смертельно для откуповъ; поэтому мы вполнѣ желали бы, чтобы снарядъ г. Закревскаго по строгомъ испытаніи оказался такимъ, какимъ представляетъ его изобрѣтатель. Въ этомъ случаѣ, снарядъ г. Закревскаго имѣлъ бы очень важное значеніе для нынѣшняго нашего государственнаго хозяйства, и вопросъ, имъ возбуждаемый, такъ серьёзенъ, что конечно онъ будетъ подвергнутъ самому внимательному испытанію на практикѣ.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

НОВОЕ ИМЯ ВЪ РУССКИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ.

(По поводу выставки этюдовъ и картинъ г. Боголюбова).

—«Намъ такъ рѣдко случается дѣлать добрыя дѣла, говорилъ мнѣ одинъ добрый человѣкъ:—что я всегда радуюсь, если случится хоть по обязанности сдѣлать что нибудь доброе.»

Откровенность эта, не знаю почему, приходитъ въ голову по поводу явленій искусства, о которыхъ такъ рѣдко приходится говорить и слышать, что радъ, если хоть какое-нибудь подстрекающее обстоятельство на это вызоветъ. Годичная выставка въ Академіи развязываетъ срочно нѣсколько языковъ и размачиваетъ нѣсколько перьевъ: это—обязательное дѣланье добра моего знакомаго. Но если случится, что какой-нибудь выдумщикъ вдругъ пригласитъ насъ не въ счетъ въ Академію, мы чувствуемъ себя сбитыми съ толку,—мы уже ѣздили этотъ годъ на Васильевскій островъ, и не можемъ прійти въ себя отъ изумленія, что опять надобно туда ѣхать....

На этотъ разъ Васильевскій островъ показываетъ новое имя въ области русскаго пейзажа, — имя, которое всѣ мы знали, когда оно еще не было вполнѣ именемъ и на которое смотримъ теперь, какъ старые родные смотрятъ на племянника, повторяя: «да какъ же ты перемѣнился! совсѣмъ мужчина сталъ—ну, можно-ли!» и въ подтвержденіе показываютъ портретъ красиваго мальчика съ отложнымъ воротничкомъ.

Отложной воротничокъ г. Боголюбова—программа его на золотую медаль — очень кстати открывающая выставку взрослыхъ произведеній его таланта, лучше всего показываетъ ростъ художника.

Это та зарубка, которую дѣлаютъ у притолоки, отправляясь изъ родительскаго дома въ школу.

Художественное воспитаніе г. Боголюбова довольно исключительно: начатое еще въ мундирѣ морскаго офицера, во время выстаиванья на вахтѣ въ открытомъ морѣ, когда онъ тревожно всматривался въ безпредѣльную стихію, не съ однимъ оффиціальнымъ чувствомъ человѣка, наблюдающаго *нордъ-зюдъ-эсты* и очертанія береговъ или движеніе парусовъ и снастей, но съ трепетомъ будущаго художника въ сердцѣ, — воспитаніе это продолжалось потомъ на скамьяхъ Академіи, не кончилось съ золотою медалью, но пошло неутомимою поступью по разнымъ художественнымъ городамъ Европы: Риму, Парижу, и наконецъ Дюссельдорфу, гдѣ и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, подъ руководствомъ знаменитаго Ахенбаха. Ранняя удача и маленькіе лавры Петербурга, увлекающіе къ сожалѣнію многихъ истинно-даровитыхъ художниковъ и недающіе имъ сдѣлать ни шагу впередъ, не увлекли г. Боголюбова. Пріѣхавъ въ Римъ, со своею методой alla prima, онъ увидѣлъ потребность чего-то другаго. Римскіе пейзажисты не давали отвѣта на его требованія. Римъ не городъ пейзажей. Кастелли, Кафи, Виртуни—неудовлетворительны. Изабе, Тройонъ, Гюденъ и др. манили его въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ приступилъ къ исполненію большихъ морскихъ сраженій, заказанныхъ ему еще въ Россіи, и нѣсколько картинъ было имъ здѣсь написано, уже другимъ пріемомъ. Это было время выискиванья и колебанья, недовольства собою и сознанія въ себѣ силъ, требовавшихъ только направленія. Но и работы этого промежутка художественной дѣятельности г. Боголюбова были уже гораздо лучше петербургскихъ. Тѣмъ не менѣе, неудовлетворенный и неутомимый въ преслѣдованіи своего идеала, художникъ покидаетъ Парижъ, и поселяется въ Дюссельдорфѣ — маленькомъ нѣмецкомъ Римѣ, съ его пейзажнымъ Ватиканомъ — мастерскою Андрея Ахенбаха.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ отъѣзда своего изъ Петербурга, г. Боголюбовъ возвращается съ собраніемъ своихъ картинъ, между которыми нѣтъ уже ни работъ Парижа, ни Италіи — одни холсты, написанные въ Дюссельдорфѣ. Сюжеты и заказы, исполненные въ Парижѣ, несмотря на свою громадность, заброшены и замѣнены новыми. Такой силы характера и такого художественнаго мужества не приходится встрѣчать часто... Г. Боголюбовъ получилъ, правда, званіе профессора за свои новыя произведенія, но вѣдь онъ получилъ бы его и за прежнія, — истекло бы только узаконенное для того время; но вѣдь и *необыкновенный* г. Воробьевъ тоже профессоръ... Г. Боголюбовъ получаетъ болѣе — онъ получаетъ громкое

имя въ нашей живописи, и, судя по пройденному имъ пути, съумѣетъ удержать его и не потерять въ дорогѣ и на будущее время. Въ г. Боголюбовѣ академія пріобрѣтаетъ себѣ полезнаго члена въ дѣлѣ развитія молодыхъ дарованій. Пейзажная ея живопись, страдавшая до сихъ поръ г. Воробьевымъ, оживилась разомъ гг. Лагоріо и Боголюбовымъ, къ которымъ могутъ наконецъ прійти за совѣтомъ и указаніемъ начинающіе пейзажисты. Что такое совѣтъ и указаніе въ молодости — всякій знаетъ. Что сдѣлали Брюловъ, Ѳедотовъ и др. для русскихъ художествъ — на лицо. Айвазовскій породилъ Дорогова, къ несчастію умершаго чуть не при самомъ рожденіи своего замѣчательнаго дара морскаго живописца. Каламъ воспиталъ цѣлое поколѣніе нашихъ пейзажистовъ, какъ только явились два его пейзажа на стѣнахъ академіи. Молодое растеніе нуждается въ подпорѣ, и молодое дарованіе тоже. Наконецъ А. Ахенбахъ довершилъ Боголюбова... Профессоръ Воробьевъ (не «необыкновенный», а просто профессоръ) принесъ тоже въ свое время посильную пользу академіи. Не отличаясь дарованіемъ особенно сильнымъ, онъ былъ хорошимъ совѣтникомъ и руководителемъ и не ознаменовалъ себя ни одною изъ тѣхъ картинъ огненныхъ, которыми такъ плачевно прославился его однофамилецъ и подъ которыми на лубочныхъ переложеніяхъ непремѣнно отыскалъ бы подпись: «Кавалеръ Донъ-Жуанъ, или адомъ наказанный вольнодумецъ».

Айвазовскій, Каламъ, даже Воробьевъ (отецъ) у васъ очень извѣстны. Ахенбахъ менѣе пріучилъ къ себѣ — его еще мало видѣли въ Россіи. Между Ахенбахомъ и Боголюбовымъ съ одной стороны, и Каламомъ и Айвазовскимъ съ другой—нѣтъ почти ничего общаго, и это очень облегчаетъ сужденіе о нихъ. Сравненіе тутъ невозможно, возможно одно противопоставленіе. Каламъ и Айвазовскій — художники поэты, даже идеалисты, если хотите; Ахенбахъ и Боголюбовъ — реалисты. У первыхъ — какъ бы поэтическія воспоминанія о природѣ; у вторыхъ — неукоризненно вѣрная передача ея явленій. Первые (особенно Айвазовскій) иначе не работаютъ, какъ сразу: загорѣлось вдохновеніе, они спѣшатъ его вылить на холстъ, пока оно горячо. У Айвазовскаго это доходитъ почти до импровизаціи: онъ даже не дѣлаетъ эскиза, но прямо начинаетъ картину, создавшуюся въ его воображеніи. Всякая подготовка уже охлаждаетъ его къ сюжету. Ахенбахъ приготовляется къ картинѣ: онъ пишетъ эскизъ, потомъ подмалевываетъ холстъ, отставляетъ его въ сторону, забываетъ о немъ, потомъ скоблитъ, пишетъ, переписываетъ, третъ, опять скоблитъ — и въ этихъ разнообразныхъ пріемахъ, дающихъ ему возможность передѣлывать, измѣнять и до-

биваться, находитъ путь къ достиженію той поразительной правды, той *натуральности*, которая дѣлаетъ его работы живыми отрывками изъ природы. Довольно вспомнить хоть его картину на послѣдней академической выставкѣ. Плоская природа, сѣренькое небо; стоячая вода съ зеленой плесенью, въ которой болтаются утки; изба на берегу и вѣтряная мельница на горизонтѣ: что тутъ кажется такого? Все это можно видѣть на каждомъ шагу, какъ на каждомъ шагу встрѣтить Акакія Акакіевича или Чичикова. Одному художнику извѣстно, какъ трудно достигается эта будничная правда, такая на видъ доступная и такая простая!

Г. Боголюбовъ, начавшій свое поприще съ перваго способа, перешелъ на второй, и всѣ послѣднія его картины написаны уже пріемомъ Ахенбаха. Который способъ лучше или цѣннѣе, рѣшить трудно, — несомнѣнно только одно: нуженъ неистощимый запасъ вдохновенія и свѣжихъ силъ для того, чтобы работать сразу и подъ диктовку одного вдохновенія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Айвазовскій. При такомъ условіи постоянная удача картинъ почти невозможна: было въ художникѣ много огня, водившаго его кистью — картина согрѣваетъ зрителя и манитъ къ себѣ неотступно, не было огня — и картина и зритель холодны. Притомъ же, самый пріемъ письма alla prima (сразу) требуетъ дарованія исключительнаго и наукою не пріобрѣтается. Способъ Ахенбаха прочнѣе, пріему его выучиться можно. По способу Ахенбаха въ музыкальномъ мірѣ творитъ Мейерберъ; по способу противоположному творили Россини и Беллини. Что кому больше нравится. Повторяю, сравненія тутъ невозможны.

Въ картинахъ и многочисленныхъ этюдахъ Боголюбова видно много глубокаго изученія, труда сознательнаго и дѣльнаго, преслѣдованія именно той правды, къ какой должно стремиться всякое художественное произведеніе. На такихъ условіяхъ дарованіе прочно, и польза, приносимая имъ начинающимъ дарованіямъ, несомнѣнна.

Работы Боголюбова можно раздѣлить на *вольныя* и *невольныя*. Къ послѣднимъ относятся заказы морскихъ битвъ черноморскаго флота въ послѣднюю войну. Трудно сражаться кистью, какъ сражались пушками, да еще именно такъ, какъ сражались въ извѣстное время и на извѣстномъ мѣстѣ. Искусство не легко подчиняется условіямъ стратегіи. Тутъ надо лавировать между его требованіями и командою адмираловъ, которые конечно имѣли въ виду совсѣмъ другое, чѣмъ то, чтобы изъ ихъ эволюцій могли выйти современемъ картины... Боголюбовъ, какъ морякъ и художникъ, успѣлъ необыкновенно счастливо маневрировать между огнестрѣльнымъ оружіемъ и палитрою: сраженія его остались сраженіями, а картины картинами, — причемъ одни нисколько не пострадали на счетъ другихъ. Нель-

за судить объ исторической вѣрности всѣхъ подробностей этихъ сраженій,—ихъ, разумѣется, не видѣлъ художникъ, и долженъ былъ положиться на реляціи и разсказы очевидцевъ; зато можно быть увѣреннымъ, что они вѣрны географически: этюды мѣстностей всѣ сдѣланы на мѣстахъ; это не фантастическіе пейзажи, на которые обречена бо́льшая часть батальныхъ и историческихъ картинъ. Въ «Синопѣ», напримѣръ, пейзажъ играетъ почти главную роль. Первый планъ отданъ городу и его укрѣпленіямъ; воюющіе корабли на второмъ планѣ. Въ исполненіи перваго плана этой огромной картины Боголюбовъ является большимъ мастеромъ въ пейзажномъ дѣлѣ: скалы, баттареи и зданія написаны превосходно и свѣтлы, не взирая на отсутствіе темныхъ пятенъ, служащихъ выгоднымъ контрастомъ въ подобныхъ случаяхъ. На картинахъ «Исакчи» и «Пароходъ Колхида» — тоже пособіе пейзажа морскому сраженію, отчего батальная картина такъ-сказать теряетъ свою спеціальность, не для всякаго занимательную. На эпизодѣ «взятія Владиміромъ парохода перевозъ—Барке» вода, серебрящаяся мелкой зыбью на горизонтѣ, исполнена превосходно и картина эта можетъ быть названа лучшею изъ всѣхъ батальныхъ. Въ нѣкоторыя изъ этого рода картинъ художникъ умѣлъ вложить даже особенный смыслъ, и надъ ними невольно призадумываешься. Таково «Ночное нападеніе фрегата Флоре». Художникъ избралъ тихую, задумчивую лунную ночь, съ пробѣгающими по небу легкими тучками, съ поверхностью моря, уснувшею и успокоенною. И въ эту-то исполненную мира ночь, люди зажигаютъ фитили и выдвигаютъ десятки пушечныхъ жерлъ другъ противъ друга. Неугомонность человѣческихъ страстей и дѣтское довольство отдыхающей природы, кроткій свѣтъ луны и огненные языки выстрѣловъ — производятъ поразительный контрастъ. Самая природа какъ будто изумленными глазами разбуженнаго человѣка смотритъ на эти дѣйствія людей...

Картины *вольныя*, давшія болѣе произвола фантазіи художника, еще многочисленнѣе, и изъ нихъ «Ночная ярмарка въ Амстердамѣ» и «Нормандскій портъ» — одни уже въ состояніи сдѣлать большое имя пейзажисту и должны быть названы произведеніями первокласными. «Ночная ярмарка»—большая картина со зданіями и водою, со множествомъ фигуръ и двойнымъ освѣщеніемъ — луннымъ сверху и огненнымъ снизу. Нуженъ былъ необыкновенно точный и искусный разсчетъ въ сопоставленіи тоновъ—холоднаго и теплаго, чтобы извлечь ту силу и правду освѣщенія, какія дѣлаютъ этотъ холстъ поразительнымъ по своей красотѣ. Движеніе, ночная легкость очертаній и прозрачность воды и воздуха изумительны. Можно бы рѣшительно сказать, что это лучшее изъ произведеній Боголюбова, еслибъ

«Нормандскій портъ» не соперничалъ съ нимъ. Здѣсь уже не ночь и не тихая зыбь воды, какъ въ Амстердамѣ, — здѣсь сѣрый день и бьющіяся морскія волны въ тѣснинѣ порта. Буря гонитъ и вскидываетъ ихъ желтоватые гребни на деревянную плотину, уже захлестанную водою. Нѣсколько человѣкъ притягиваютъ за канатъ барку и спорятъ съ силою вѣтра. Разбѣгъ и давка волнъ таковы, что кажется слышишь скрытый въ нихъ шумъ и ревъ... Что же послѣ подобныхъ картинъ стоило художнику написать его золотистые вечера Константинополя и Венеціи, его прелестные по мотиву сумерки въ Неаполитанскомъ залѣ, гдѣ только верхушки зданій на скалахъ тлѣютъ еще огнемъ догарающаго вечера, а вода и вся окрестность уже поблѣднѣли и готовы принять налетающую на нихъ ночь... Что для него эти ночи, съ сквозностью воды и воздуха и игрою луннаго свѣта на заливахъ? А надобно однако сознаться, что и это не легкій трудъ, и не всякая ночь удается. Особенно трудно передать эти теплыя ночи востока и юга, ночи, которыя носятъ на себѣ отблескъ раскаленнаго дня, какого-то неуловимаго фіолетоваго оттѣнка.... Такъ и у Боголюбова, гораздо неукоризненнѣе, напримѣръ, въ отношеніи тона ночь «при отходѣ парохода», съ холоднымъ освѣщеніемъ луны. Воздухъ до того сквозенъ, что видно, какъ тучки плывутъ въ пустотѣ. А лунные блики на водѣ серебрятся и играютъ, какъ это часто имъ удается дѣлать въ заливахъ, но очень и очень рѣдко на холстахъ...

П. К.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЫНѢШНІЕ АНГЛІЙСКІЕ ВИГИ.

(**Маколей.** Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Критическіе и историческіе опыты. Изданіе *Николая Тиблена*. Спб. 1860).

Нечего и говорить о томъ, заслуживаетъ ли одобренія г. Тибленъ за намѣреніе издать переводъ сочиненій Маколея. Должно полагать, что для успѣха этого прекраснаго предпріятія излишни всякія рекомендаціи. Если надобно публикѣ услышать отъ рецензентовъ что нибудь о русскомъ переводѣ Маколея, то конечно лишь отзывъ о степени достоинства перевода. Но и въ этомъ отношеніи самъ издатель предупредилъ насъ, скромно объяснивъ въ предисловіи, что издаваемый имъ сборникъ переводовъ не имѣетъ претензіи передавать прелесть слога, которою блеститъ подлинникъ, а довольствуется возможною точностію въ передачѣ мыслей. Это правда, какъ мы убѣдились сличеніемъ довольно многихъ страницъ; переводъ сдѣланъ добросовѣстно. Ничего лучшаго не въ состояніи мы требовать, не потребуетъ и публика. Маколей не искаженъ въ изданіи г. Тиблена, — это уже очень много значитъ. Издатель, какъ видно, старался сдѣлать все, что могъ. Добросовѣстный переводъ онъ издалъ изящно, и присоединилъ къ нему, въ видѣ вступленія, большую статью о Маколеѣ, написанную человѣкомъ, довольно извѣстнымъ нашей литературѣ, г. Вызинскимъ. Статья недурно знакомитъ

русскаго читателя съ характеромъ литературной дѣятельности Маколея и съ его жизнію.

Коротко говоря, о русскомъ изданіи Маколея нечего высказать намъ, кромѣ желанія, чтобы оно продолжалось такъ же счастливо, какъ началось.

Но другое дѣло—самъ Маколей. О немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, несовсѣмъ согласныхъ съ обыкновенными панегирическими отзывами. Не то, чтобы мы не любили Маколея,—напротивъ, невозможно не любить писателя, доставляющаго столько наслажденія. Но дѣло въ томъ, что нельзя восхищаться имъ почти безусловно, какъ дѣлаютъ очень многіе, въ томъ числѣ и г. Вызинскій. Самая статья г. Вызинскаго доставитъ намъ главные матеріалы для разъясненія основаній, по которымъ наше восхищеніе Маколеемъ имѣетъ свои границы.

Напрасно замѣчать, что Маколей обладалъ искусствомъ писать чрезвычайно изящно, — въ этомъ отдаютъ ему справедливость и тори, нелюбящіе его за либерализмъ (въ которомъ обвиняютъ его напрасно), и прусскіе патріоты, страшно разобиженные непочтительною статьею его о Фридрихѣ Великомъ. Сверхъ великаго таланта изложенія, мы признаемъ за нимъ достоинства человѣка очень ученаго, изслѣдователя очень основательнаго, въ которыхъ совершенно несправедливо отказываютъ ему англійскіе тори. Наконецъ, каждая страница, имъ написанная, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ человѣкъ съ очень замѣчательной силой ума. Но посмотримъ, какія заключенія объ этихъ его достоинствахъ надобно сдѣлать по отзывамъ самихъ его поклонниковъ.

Г. Вызинскій справедливо удивляется «огромной массѣ знанія, которою обладалъ» Маколей. Но по свидѣтельствамъ, приводимымъ у самого г. Вызинскаго, вникнемъ въ характеръ этого знанія. «Онъ могъ бы удивить Кузена, цитуя Cyrus г-жи Скюдери» (предисл. стр. IV). Мы не наводили справокъ, на чьемъ показаніи основывается это увѣреніе, что Маколей хранилъ въ своей памяти пустѣйшій изъ французскихъ романовъ прошлаго столѣтія, читать который утомительнѣе алгебры и безполезнѣе сочиненій маркиза Фудраса; но нельзя не вѣрить этому факту, когда на страницѣ LXXII-й читаешь слова одного изъ людей, «близко знавшихъ» Маколея. «Имена всѣхъ папъ, съ апостола Петра до Пія IX, имена всѣхъ архіепископовъ кентерберійскихъ, со времени основанія этого архіепископства, равнымъ образомъ фамиліи и титулы всѣхъ канцлеровъ и министровъ Англіи—онъ умѣлъ пересказать по пальцамъ». Г. Вызинскій сообщаетъ, что «г-жа Бичеръ Стоу подтверждаетъ это свидѣтельство». Трудно рѣшить, что похвальнѣе и полезнѣе: терять время на

изученіе романовъ г-жи Скюдери, или помнить имена всѣхъ папъ. Обыкновенно, такіе факты объясняютъ одною страшною силою памяти. Такъ, человѣкъ безъ особенной силы памяти не въ состояніи блистать подобными знаніями. Но одной силы памяти тутъ еще мало: надобно поддерживать ее частымъ занятіемъ. Скалигеръ зналъ наизусть Иліаду — но вѣдь онъ вѣроятно каждый годъ по нѣскольку разъ перечитывалъ ее, иначе черезъ три года послѣ послѣдняго чтенія не могъ бы припомнить половину стиховъ, какъ бы твердо ни зналъ ихъ прежде. Мы знали юношу, который, много занимавшись латинскимъ языкомъ, помнилъ почти всего Горація; черезъ нѣсколько времени онъ бросилъ латинскій языкъ, и черезъ пять лѣтъ не могъ уже прочесть на память ни одной оды поэта, бывшаго нѣкогда его любимцемъ. Даже родной языкъ забываютъ люди, когда теряютъ случай говорить и читать на немъ. Надобно полагать, что имена всѣхъ папъ можетъ помнить лишь человѣкъ или спеціально занимающійся исторіею папства, да и то лишь въ то время пока пишетъ сочиненія о папствѣ, или человѣкъ, не умѣющій различать важныя знанія отъ неважныхъ, нужныя отъ ненужныхъ и безпрестанно читающій много такого, что безполезно читать. Спеціальныхъ сочиненій о римской каѳедрѣ Маколей не писалъ и никогда не былъ намѣренъ писать; стало быть, мы должны причислить его къ людямъ, любознательности у которыхъ больше, чѣмъ умѣнья опредѣлять предметы, заслуживающіе вниманія. Впрочемъ мы вѣроятно ошибаемся: надобно думать, что Маколей очень хорошо понималъ, зачѣмъ твердитъ списокъ папъ, зачѣмъ изучаетъ сочиненія г-жи Скюдери. Разсказываютъ объ одномъ беллетристѣ, будто бы онъ всегда имѣлъ при себѣ карандашъ и тетрадку, въ которую записывалъ, не теряя ни минуты, каждое эффектное выраженіе, каждое бойкое слово, какое попадалось ему на мысль или въ ухо. Этотъ беллетристъ — Марлинскій, писатель съ талантомъ, съ умомъ, со всѣми какими угодно достоинствами и лишь съ однимъ недостаткомъ, состоявшимъ въ пристрастіи къ эффектному слогу. Судя по всѣмъ сочиненіямъ Маколея, надобно сказать, что онъ читалъ и изучалъ всякій вздоръ съ цѣлью, походившею на цѣль тетрадки, повсюду сопровождавшей Марлинскаго: онъ все хотѣлъ украшать свой умъ знаніями, нужными для украшенія рѣчи, для антитезъ, метафоръ, уподобленій, намековъ, остротъ и всякаго блеска. Кому недостаточно припомнить характеръ его изложенія, чтобы убѣдиться въ этомъ, того убѣдитъ слѣдующее мѣсто изъ статьи г. Вызинскаго. Сказавъ, что Маколей говорилъ въ парламентѣ удивительно-прекрасныя рѣчи, г. Вызинскій замѣчаетъ, что онъ не игралъ однакоже важной роли въ ходѣ парламентскихъ преній, и въ

объясненіе тому прибавляетъ: «При всемъ богатствѣ своего знанія и свободѣ рѣчи, онъ никогда не рѣшался говорить безъ тщательнаго приготовленія. Рѣчи его были не что иное, какъ тѣ же essays, но сказанные изустно. Онѣ еще болѣе нравились въ чтеніи. Главную прелесть ихъ составляло множество историческихъ примѣровъ и иллюстрацій, ловко и искусно подобранныхъ и приложенныхъ къ современнымъ вопросамъ. Это были не просто парламентскія рѣчи, а скорѣе блестящія публичныя чтенія о разныхъ политическихъ предметахъ. Палата всегда слушала Маколея съ наслажденіемъ, но слѣдовала за Робертомъ Пилемъ и подобными ему вождями преній». Скажите пожалуйста, что это значитъ? Есть писатели, которые не могутъ стать замѣчательными парламентскими людьми по застѣнчивости, или по неспособности говорить бойко, или по брюзгливости характера; таковы были Гиббонъ и Байронъ. Но Маколей говорилъ свободно, легко, и не былъ брюзгою. Что же мѣшало ему сдѣлаться предводителемъ виговъ, если онъ умѣлъ говорить лучше Пальмерстона и Росселя? Мѣшало одно свойство характера или ума: Пальмерстонъ и Россель рѣшаются говорить, что нужно, всегда когда нужно; для нихъ главное дѣло — самое дѣло; изящна или не изящна покажется ихъ рѣчь, для нихъ все равно,—имъ хочется только, чтобы она оказалась пригодна для дѣла. Они конечно умные люди, но не хотятъ казаться людьми, не похожими на обыкновенныхъ смертныхъ. У Маколея были другія мысли: ему казалось мало, если скажутъ, что онъ говорилъ дѣльно, что онъ способствовалъ успѣху дѣла; ему нужно было, чтобы сказали: «его рѣчь отличалась удивительнымъ художественнымъ изяществомъ»; мало было ему, чтобы сказали: «онъ хорошо понимаетъ дѣло, онъ говорилъ умно», — ему было нужно, чтобъ сказали: «онъ обнаружилъ чрезвычайную ученость и начитанность, чрезвычайное искусство пользоваться богатствами своей учености». — Есть женщины, которыя являются въ общество, не набѣлившись и не нарумянившись; есть другія женщины, и даже очень красивыя, которыя не покажутся вамъ на глаза, не украсивъ себя косметическою разрисовкою. Намъ кажется, что при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ Маколей имѣлъ слабость, свойственную балетнымъ танцовщицамъ.

Были люди великаго ума, страдавшіе тою же слабостію и лишившіе черезъ нее свои сочиненія большей части цѣны въ глазахъ потомства. Говорятъ, напримѣръ, будто бы Корнель и Расинъ имѣли великіе поэтическіе таланты; изъ умныхъ людей нынѣшняго поколѣнія никто не въ состояніи рѣшить—правда ли это, потому-что никто не можетъ читать ихъ произведеній безъ тяжелаго усилія, отнимающаго всякую возможность эстетической оцѣнки. Но ихъ ошиб-

бочное направленіе извинялось фальшивымъ вкусомъ той эпохи. Маколей не имѣетъ подобнаго оправданія: онъ дѣйствовалъ въ эпоху, полную живыхъ стремленій, предпочитавшую дѣло фразѣ, простоту всякимъ украшеніямъ. Вліяніе эпохи отразилось на немъ не во вредъ ему, а въ пользу: оно удерживало его отъ чрезмѣрной цвѣтистости, отъ слишкомъ приторныхъ реторическихъ прикрасъ. Говоря о немъ, можно въ подражаніе знаменитому афоризму сказать: «saeculi, non hominis virtus,». Вы постоянно видите, что лично онъ всячески хлопочетъ объ эффектѣ, но строгая и дѣльная простота вкуса эпохи сдерживаетъ его реторическіе порывы, и онъ остается въ предѣлахъ здраваго смысла, не нарушаетъ логическихъ требованій. Вы постоянно чувствуете, что ему пріятно было бы сбросить эти стѣснительныя для него узы, но онѣ слишкомъ тяжелы и крѣпки. Нѣтъ народа, который писалъ бы такимъ простымъ и безъискусственнымъ языкомъ, какъ англичане. Маколей спасся отъ ламартиновскихъ и шатобріановскихъ словоухищреній только тѣмъ, что писалъ для англійской публики, въ которой Карлейль не популяренъ за ухищренность слога. Маколей хотѣлъ быть популяренъ, потому принужденъ былъ соблюдать умѣренность въ своей реторикѣ.

Но въ эпоху дѣльную, живую, не любящую пустыхъ прикрасъ, пристрастіе къ реторикѣ бываетъ признакомъ или нѣкоторой нездоровости ума, какъ напримѣръ у Карлейля, или того, что умъ писателя ниже собственно беллетристической стороны его способностей. Маколея нельзя назвать человѣкомъ съ болѣзненнымъ направленіемъ ума, каковъ Карлейль: никогда не найдете вы у Маколея дикихъ выходокъ, нелѣпостей, никакихъ признаковъ мономаніи, чѣмъ всѣмъ изобилуетъ Карлейль; напротивъ, о чемъ бы ни говорилъ Маколей и въ какомъ бы духѣ ни говорилъ, въ справедливомъ или въ ошибочномъ, онъ всегда говоритъ чрезвычайно разсудительно, предусматриваетъ всякое возраженіе, старается предотвратить его сдержанностію и обдуманностію формы, въ какой выражаетъ свою мысль, дѣлаетъ всевозможныя уступки и оговорки, — словомъ сказать: онъ всегда вполнѣ владѣетъ собою. Если такой писатель считаетъ слишкомъ важнымъ дѣломъ блескъ изложенія, то надобно заключить, что способность къ блестящему изложенію дѣйствительно составляетъ главную его силу, что онъ родился не столько мыслителемъ, какъ художникомъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ такъ. Нѣтъ никакой возможности спорить противъ того, что Маколей заслужилъ свою чрезвычайную знаменитость. Но если вы читаете его съ наслажденіемъ; если все, что онъ хочетъ сказать вамъ, умѣетъ онъ сказать превосходно; если онъ очень живо передаетъ вамъ тѣ черты эпохи, съ которыми хочетъ знакомить васъ, очень ярко обрисовываетъ событія

и лица; если вы узнаете отъ него чрезвычайно много интереснаго и даже серьёзно-важнаго — то можно ли сказать, однако, чтобы его воззрѣніе имѣло какую нибудь оригинальность, чтобы выносили вы изъ всѣхъ его сочиненій какую нибудь общую мысль, или хотя начинали понимать яснѣе прежняго какую нибудь сторону человѣческой жизни? Въ частностяхъ онъ можетъ сообщить вамъ много полезнаго. Быть-можетъ, вы считали Кромвеля отвратительнымъ лицемѣромъ и злодѣемъ, — Маколей объяснитъ вамъ, что Кромвель — великій человѣкъ; быть можетъ вы не знали, какъ согласить благородный патріотизмъ Макіавелли съ провозглашеніемъ вѣроломства за лучшій принципъ политической дѣятельности, — Маколей покажетъ вамъ, какъ произошло такое странное сочетаніе высокихъ стремленій съ отвратительными правилами; быть можетъ вы сомнѣвались, слѣдовало ли англичанамъ допускать евреевъ въ парламентъ, — Маколей докажетъ вамъ, что это дѣло хорошее, и т. д., и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что изъ него съ удовольствіемъ узнаете вы фактическія подробности событій, съ которыми до него были знакомы лишь немногіе спеціалисты. Все это такъ; но скажите, чѣмъ отличается взглядъ Маколея на англійскую исторію отъ взгляда, вотъ уже полтораста лѣтъ господствующаго у всѣхъ англійскихъ писателей партіи виговъ? Кое въ чемъ Маколей не соглашается съ Галламомъ, кое въ чемъ съ Макинтошемъ, — нельзя же безъ этого; не могутъ же два человѣка думать совершенно одинаково о каждомъ фактѣ. Но изъ мыслей Маколея, сколько нибудь важныхъ, нѣтъ ни одной, которая не была бы въ головѣ каждаго вига, которую нельзя было бы смѣло приписать кому угодно изъ нихъ, писавшему объ англійской исторіи. Еще менѣе можно найдти у Маколея какое нибудь опредѣленное и лично ему принадлежащее воззрѣніе на исторію вообще. Вотъ напримѣръ, чтобы не ходить далеко за сравненіями, укажемъ на его соотечественника Бёкля, о которомъ теперь начинаютъ очень много говорить. Вся книга Бёкля проникнута самобытною мыслью, что ходъ исторіи опредѣляется ходомъ научныхъ изслѣдованій, что «сумма событій опредѣляется суммою знаній». Справедливо или несправедливо такое воззрѣніе, справедливо оно безъ всякихъ ограниченій, какъ думаетъ Бёкль, или только съ большими ограниченіями, объ этомъ каждый можетъ судить по своему; но безспорно то, что проведеніемъ такого взгляда черезъ изложеніе фактовъ, Бёкль или приближаетъ историческую теорію къ истинѣ, или по крайней мѣрѣ возбуждаетъ другихъ ученыхъ къ изслѣдованіямъ, которыя должны приблизить ее къ истинѣ. У Маколея напрасно будете искать чего нибудь подобнаго. Справедливы или несправедливы мысли Маколея объ исторіи Ан-

гаія, онъ не высказалъ ни одной сколько-нибудь важной мысли, которая не принималась бы всѣми изслѣдователями къ соображенію и до него. Можно быть послѣдователемъ понятій Бёкля, можно быть ученикомъ Гизо, Тьерри, Нибура. Но въ чемъ можно быть ученикомъ Маколея? Въ манерѣ изложенія, — это такъ; но въ способѣ пониманія вещей, — это невозможно, потому что въ способѣ пониманія нѣтъ у него ничего, — справедливаго или ошибочнаго, — что составляло бы его особенность. Пишите картинно, изучайте подробности, ройтесь въ архивахъ, чтобы собирать черты для яркихъ картинъ, для живыхъ портретовъ, — вотъ вещи, въ которыхъ вы можете стать ученикомъ Маколея. Что еще можетъ внушить онъ намъ? развѣ охоту хвалить виговъ; но вѣдь этому учитъ не онъ, учитъ каждый писатель партіи виговъ. Нельзя сказать, чтобы мысли Маколея были безцвѣтны, — нѣтъ, онѣ очень опредѣленнаго цвѣта. Но этотъ цвѣтъ — цвѣтъ мундира или кокарды; онъ принадлежитъ не индивидуальному человѣку, а цѣлому огромному разряду людей. Вы видите представителя извѣстной партіи; но что за человѣкъ самъ по себѣ этотъ представитель, вы не видите. Мы ошиблись: вы видите, что онъ человѣкъ ученый, очень умный и, главное, умѣющій превосходно писать.

Эта безхарактерность мысли, при высокой оригинальности изложенія, лишаетъ насъ возможности говорить собственно объ убѣжденіяхъ Маколея, — можно говорить только объ убѣжденіяхъ вигистской партіи, мастерски излагаемыхъ имъ въ примѣненіи къ историческимъ событіямъ и лицамъ.

Читателю извѣстна общая исторія партіи виговъ. Въ концѣ XVII вѣка вигами назывались всѣ безъ исключенія люди, хотѣвшіе утвердить господство парламента въ управленіи Англіею. Тогда всякій былъ вигъ, кто не хотѣлъ пожертвовать двору Стюартовъ парламентскою властію; одинъ былъ аристократъ, другой демократъ, одинъ конституціонистъ, другой республиканецъ, — это было все равно, всѣ сходились въ одномъ желаніи — низвергнуть Іакова II. Послѣ передачи власти Вильгельму III и потомъ по провозглашеніи ганноверской династіи, долго связывала всѣхъ этихъ разномыслящихъ людей общая мысль, чтобы не возвратились Стюарты. Потомъ, когда ганноверская династія совершенно укрѣпилась, перестала бояться Стюартовъ, она обнаружила стремленіе расширить свою власть, вдалась въ попытки подчинить парламентъ двору. Общая опасность продолжалась для виговъ, и продолжала соединять всѣ оттѣнки либерализма подъ знаменемъ виговъ. Потомъ начались войны съ Франціею, надолго отвратившія массу народа отъ либеральныхъ идей. По прекращеніи войнъ, нѣсколько лѣтъ шла борьба за то, что-

бы отнять господство надъ государствомъ у тори, прикрывавшихъ тогда парламентскими формами принципы, очень близкіе къ тому, что на континентѣ называется легитимизмомъ. Такимъ образомъ до недавняго времени вигизмъ означалъ просто либерализмъ. Но къ тому времени, съ котораго началась дѣятельность Маколея, положеніе дѣлъ измѣнилось. Власть парламента была окончательно утверждена. Сами тори, со времени Кеннинга, рѣшительно стали парламентистами. Англія въ послѣднія тридцать или тридцать-пять лѣтъ, называясь конституціонною монархіею, была на самомъ дѣлѣ уже республикою, въ которой законодательная власть вся принадлежитъ двумъ палатамъ или, точнѣе сказать, почти исключительно палатѣ общинъ: палата лордовъ не имѣетъ силы останавливать ни одного важнаго рѣшенія палаты общинъ и можетъ лишь затягивать неважныя дѣла, окончательною развязкою которыхъ не интересуется палата общинъ. Утвержденіе парламентскихъ актовъ королевскою властью сдѣлалось чистою формою: на фактѣ королевское утвержденіе значитъ согласіе министерства, а министерство назначается палатою общинъ и смѣняется ею по произволу, — то есть опять-таки на фактѣ, потому что по формѣ дѣло происходитъ иначе: министры избираются лицомъ, которому король или королева поручитъ составленіе министерства; но поручается это непремѣнно предводителю большинства палаты общинъ; никто другой и не берется за это порученіе или черезъ нѣсколько часовъ отказывается отъ него, когда, переговоривъ съ членами палаты общинъ, увидитъ, что большинство не согласно поддерживать кабинетъ, какой могъ бы онъ составить. Образованіе новаго министерства бываетъ всегда слѣдствіемъ совѣщаній партіи, имѣющей большинство въ палатѣ общинъ: она распредѣляетъ всѣ должности въ кабинетѣ, а лицо, называющееся составителемъ новаго кабинета, служитъ только исполнителемъ рѣшеній, принимаемыхъ въ этомъ дѣлѣ партіею. При первомъ желаніи большинства измѣнить кабинетъ, онъ измѣняется. Такимъ образомъ министерство, управляющее государствомъ, составляютъ повѣренные большинства палаты общинъ, поставленные въ необходимость передавать власть, по первому желанію большинства, лицамъ, которыхъ оно захочетъ назначить на ихъ мѣста. Во всѣхъ важныхъ административныхъ дѣлахъ министры даже формально спрашиваютъ утвержденія палаты общинъ. Они пользуются громадною властью, — но пользуются ею лишь по порученію палаты общинъ, лишь какъ ея агенты или уполномоченные. Въ этомъ рѣшительномъ переходѣ министровъ изъ-подъ власти двора подъ исключительную власть палаты общинъ и состоитъ сущность того, что мы называемъ окончательнымъ утвержденіемъ конституціоннаго управленія въ Англіи. Когда совершенно

установился такой порядокъ дѣлъ, когда торійская партія отказалась отъ всякой мысли о возвращеніи временъ Карла II и Іакова II, положеніе либеральной партіи въ Англіи измѣнилось. Прежде вся она соединялась надобностью бороться противъ тори для устраненія изъ англійскаго устройства элементовъ, не согласныхъ съ конституціоннымъ правленіемъ. Теперь тори стали такими же усердными приверженцами его, какъ и либеральная партія, и ей представлялось два выбора: или успокоиться на упроченіи порядка, утвержденіе котораго было прежде главною цѣлью ея усилій, или обратить свои заботы на достиженіе другихъ цѣлей, заботиться о которыхъ не было ей досуга прежде. Разумѣется, разные оттѣнки либеральной партіи сдѣлали различный выборъ. Одна половина ея удовольствовалась торжествомъ прежнихъ стремленій, которое было упрочено парламентскою реформою 1832 года, — эти люди сохранили прежнее названіе виговъ. Другая половина либеральной партіи стала говорить, что всѣ прежніе успѣхи должны считаться только средствомъ къ совершенію новыхъ реформъ,—эти люди извѣстны теперь въ Англіи подъ именемъ радикаловъ. По недавнимъ преданіямъ о дружномъ дѣйствованіи нынѣшніе виги и радикалы еще сохраняютъ между собою многія связи, но по существующимъ отношеніямъ они расходятся другъ съ другомъ гораздо больше, чѣмъ нынѣшніе виги съ нынѣшними тори. Вигамъ и тори одинаково кажется, что надобно сохранить основныя черты существующаго устройства, и если должны быть производимы постепенно какія нибудь преобразованія, то реформы эти должны касаться лишь второстепенныхъ подробностей, а коренное измѣненіе существующаго устройства было бы вредно. Радикалы, до сихъ поръ еще слабые въ палатѣ общинъ, но имѣющіе на своей сторонѣ всю небогатую часть средняго сословія и всю ту часть простаго народа, которая интересуется общественными дѣлами, хотятъ такихъ преобразованій, которыми должны измѣниться самыя основанія существующаго порядка. Коснемся лишь одной черты разнорѣчія, самой важной. По парламентской реформѣ 1832 года, большинство членовъ палаты общинъ избирается, какъ прежде, подъ вліяніемъ аристократіи. По мнѣнію виговъ и тори, такъ и слѣдуетъ остаться этому дѣлу. Но большинство публики расположено въ пользу новой парламентской реформы. Тори открыто говорятъ, что никакая реформа не нужна, и если въ прошедшемъ году они представляли проэктъ реформы, то прямо заявляли, что уступаютъ въ этомъ случаѣ прискорбному для нихъ заблужденію общественнаго мнѣнія. Виги предпочитали другой языкъ: они увѣряли себя и публику, что они желаютъ реформы. Но сравнивъ ихъ проэктъ съ торійскимъ проэктомъ, мы не найдемъ между ними большой разницы

въ существенныхъ пунктахъ. По обоимъ проектамъ сохранялась нынѣшняя чрезвычайная несоразмѣрность между числомъ населенія избирательныхъ округовъ и числомъ посылаемыхъ ими депутатовъ. По проэкту виговъ предполагалось сохранить ту нынѣшнюю черту, что какія нибудь десять ничтожныхъ мѣстечекъ, не имѣющихъ въ совокупности и 100 тысячъ жителей, посылаютъ въ палату общинъ больше представителей, чѣмъ Лондонъ съ его тремя милліонами населенія. Мѣстечки эти сохранялись потому, что находятся въ зависимости отъ мѣстныхъ аристократовъ. Точно также въ проэктѣ виговъ удерживался нынѣшній способъ выборовъ посредствомъ открытой подачи голосовъ, при которой фермеры и другіе зависимые люди необходимо должны выбирать кандидата, котораго рекомендуетъ имъ землевладѣлецъ. Въ этихъ основныхъ чертахъ проэктъ виговъ былъ сходенъ съ торійскимъ. Мало того, ходъ парламентскихъ преній обнаружилъ, что виги обманывали сами себя, думая, будто расположены хотя къ какой нибудь парламентской реформѣ: свой собственный проэктъ они защищали очень холодно, охотно поддавались торійской тактикѣ, замедлявшей ходъ преній о немъ, и бывали принуждаемы формально сознаваться, что предлагаютъ реформу лишь по внѣшнему настоянію, а не по собственному стремленію. Точно такъ же, какъ и тори, они вынуждены были къ этой непріятной уступкѣ лишь тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, возбужденнаго радикалами въ концѣ 1858 года, и, подобно тори, съ радостію бросили непріятное дѣло, когда общественное мнѣніе, развлеченное заботами о внѣшнихъ отношеніяхъ, перестало вынуждать реформу. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ внутренней политики, какъ въ вопросѣ о парламентской реформѣ, нынѣшніе виги — такіе же консерваторы, какъ и тори; обѣ партіи, прежде враждовавшія, сходятся теперь во всемъ существенномъ.

Но эти нынѣшніе консервативные виги наслѣдовали имя, которое прежде было равнозначительно имени прогрессистовъ; вмѣстѣ съ именемъ они насаѣдовали и преданія старинныхъ виговъ; они говорятъ, что они преемники Росселя, казненнаго при Стюартахъ, и Фокса. Эти воспоминанія ни мало не мѣшаютъ имъ въ парламентской дѣятельности: прежніе виги временъ Фокса и его предшественниковъ или вовсе еще не занимались вопросами, въ которыхъ нынѣшніе виги разошлись съ прогрессивною партіею, или не имѣли возможности придавать этимъ вопросамъ первостепенную важность, потому что на первомъ планѣ стояли тогда другіе вопросы, нынѣ уже рѣшенные. Повторяя по этимъ рѣшеннымъ вопросамъ мнѣнія прежнихъ виговъ, нынѣшніе виги имѣютъ полную свободу разсу-

ждать какъ хотятъ о новыхъ вопросахъ, выдвинувшихся на первый планъ только въ последніе десятилетія.

Но если въ государственной практике нынешніе виги ничего не теряютъ отъ мысли о себе, будто бы о действительныхъ наследникахъ стремленій прежнихъ виговъ, то фальшивость ихъ положенія обнаруживается, когда они отъ практики обращаются къ теоретическимъ трудамъ. Въ парламенте ведется речь о надобности или ненадобности, о возможности или невозможности,—тутъ очень удобно говорить, что и для нынешняго века границы надобнаго и возможнаго совпадаютъ съ границами, существовавшими сто летъ тому назадъ; тутъ очень удобно говорить: мы держимся программы Фокса, защищаемъ все, что защищалъ онъ, и не изменяемъ ему, когда не делаемъ того, чего не делалъ онъ. Но въ науке надъ всеми мыслями должна господствовать логика; въ науке факты обобщаются; изъ частныхъ требованій и отношеній известнаго деятеля или известной партіи выводится общій характеръ воззреній и стремленій этого человека, этой партіи, и требуется, чтобы вы или разрешали текущіе вопросы въ томъ же духе, или порицали техъ историческихъ деятелей, въ духе которыхъ не хотите вы разрешать современные вамъ вопросы. Тутъ несообразность претензіи нынешнихъ виговъ на верность либеральнымъ преданіямъ съ нынешнимъ образомъ ихъ действій высказывается очень ярко. Она отразилась на произведеніяхъ Маколея.

Каковы были его мненія о политическихъ вопросахъ, занимающихъ ныне умы въ Англіи, вполне обнаруживается знаменитымъ, напечатаннымъ после его смерти, письмомъ его къ одному северо-американскому гражданину объ американскихъ учрежденіяхъ. Приводимъ письмо по переводу, помещенному въ статье г. Вызинскаго.

«Вы удивились узнавши, что я не имею слишкомъ высокаго мненія о Джефферсоне, а я удивляюсь вашему удивленію. Я увереиъ, что я никогда не написалъ ни одной строки, и никогда, ни въ парламенте, ни въ частномъ разговоре, ни даже на густингсахъ, на которыхъ господствуетъ обыкновеніе льстить массе, не сказалъ ни одного слова въ пользу того мненія, что высшая власть въ государстве должна быть вверена большинству гражданъ, считаемыхъ поголовно, то есть — иными словами—самой бедной и невежественной части общества. Я всегда былъ убежденъ, что учрежденія чисто-демократическія, раньше или позже, должны уничтожить свободу, или цивилизацію, или и то и другое, вместе.

«Въ Европе, где народонаселеніе густо, следствія такихъ учрежденій обнаружились бы почти мгновенно. То, что произошло во Франціи, можетъ послужить примеромъ....

«Вы полагаете, что ваша страна (Соединенные Штаты) пользуется изъятіемъ отъ подобныхъ золъ. Я признаюсь откровенно, что мое мнѣніе совершенно другое. Судьба вашей страны неизбѣжна, хотя она и отсрочена вслѣдствіе физической причины. Пока вы будете имѣть огромныя пространства плодородной и незанятой почвы, ваше рабочее народонаселеніе будетъ пользоваться гораздо большимъ благосостояніемъ и довольствомъ, чѣмъ рабочее народонаселеніе Стараго Свѣта; и пока будутъ продолжаться эти отношенія, политическое устройство Джефферсона можетъ существовать, не производя никакихъ бѣдствій; но придетъ время, когда новая Англія будетъ такъ же густо заселена, какъ и старая Англія. Заработная плата будетъ такъ же низка и будетъ такъ же колебаться у васъ, какъ и у насъ. Вы будете имѣть ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и въ этихъ Манчестерахъ и Бирмингамахъ сотни тысячъ работниковъ вѣроятно найдутся иногда безъ работы. Тогда-то наступитъ часъ испытанія для вашихъ учрежденій. Бѣдствіе вездѣ дѣлаетъ работника недовольнымъ и наклоннымъ къ мятежу; онъ съ жадностію слушаетъ агитаторовъ.... У насъ, въ другой годъ, бываетъ много ропота, а иногда и нѣсколько мятежа; но это не такъ важно, потому что у насъ тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ. Высшая власть находится въ рукахъ класса, правда, многочисленнаго, но избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка. Поэтому недовольные бываютъ усмиряемы не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами. Дурное время проходитъ безъ ограбленія богатыхъ въ пользу неимущихъ. Источники народнаго благосостоянія скоро опять открываются, работа является въ изобиліи, заработная плата повышается, и опять водворяется спокойствіе и всеобщее довольство. Я видѣлъ, какъ Англія три или четыре раза проходила такія критическія времена. Черезъ подобные кризисы Соединенные Штаты должны будутъ проходить въ слѣдующемъ столѣтіи, или, можетъ быть, еще въ нынѣшнемъ. Какъ вы вывернетесь изъ нихъ? Я отъ души желаю вамъ успѣшнаго исхода. Но мой разумъ и мои желанія противорѣчатъ другъ другу, и я не виноватъ, что предвижу самое худшее. Ясно какъ солнце, что ваше правительство никогда не будетъ въ состояніи усмирить бѣдствующее и недовольное большинство, потому что у васъ правительство есть именно это большинство, и оно держитъ совершенно въ своей власти богатыхъ, которые всегда составляютъ меньшинство. Придетъ время, когда въ Нью-Йоркскомъ штатѣ станетъ избирать законодательное собраніе толпа людей, изъ которыхъ ни одинъ не будетъ имѣть болѣе, чѣмъ половину завтрака, и

не будетъ ожидать болѣе, чѣмъ половину обѣда. Возможно-ли сомнѣваться, какого рода законодательное собраніе выберутъ эти люди? Вотъ, съ одной стороны государственный человѣкъ, который проповѣдуетъ терпѣніе, уваженіе пріобрѣтенныхъ правъ, строгое соблюденіе публичной честности. Вотъ, съ другой, демагогъ, который декламируетъ о тиранніи капиталистовъ и лихоимцевъ, и спрашиваетъ, можно-ли допустить, чтобы кто-либо пилъ шампанское и ѣздилъ въ каретѣ въ то время, когда тысячи честныхъ людей лишены самаго необходимаго? Кого же изъ этихъ двухъ кандидатовъ, предполагать нужно, предпочтетъ работникъ, который слышитъ, какъ его дѣти кричатъ: «хлѣба?» Я серьёзно опасаюсь, что въ такія времена злополучія у васъ могутъ произойти дѣла, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе прежняго благосостоянія. Или какой нибудь Цезарь или Наполеонъ захватитъ кормило правленія въ свою крѣпкую руку; или же ваша республика будетъ такъ страшно разграблена и опустошена варварами въ XX столѣтіи, какъ Римская имперія разграблена и опустошена была въ V столѣтіи: но съ тою разницею, что гунны и вандалы, которые разоряли Римскую имперію, пришли извнѣ, а ваши гунны и вандалы будутъ порождены въ вашей собственной странѣ вашими собственными учрежденіями.

«Будучи такого мнѣнія, я, разумѣется, не могу причислить Джефферсона къ благодѣтелямъ человѣчества.»

Мы выписали это письмо цѣликомъ, для того, чтобы каждый могъ сличить наши заключенія и слова Маколея, на которыхъ они основываются. Есть разные способы доказывать невозможность демократическихъ учрежденій для той или другой страны въ извѣстное время,—Маколей говоритъ не о томъ: онъ доказываетъ, что демократическія учрежденія вообще вредны, вредны по своей сущности. Бываютъ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ вредная вещь оказывается безсильною вредить. Такъ, напримѣръ, мышьякъ не убьетъ человѣка, если человѣкъ запьетъ его огромнымъ количествомъ молока; укушеніе бѣшеной собаки не испортитъ человѣка, если тотчасъ же прижечь рану раскаленнымъ желѣзомъ. Точно такъ Сѣверо-Американскіе Штаты еще не погублены своими демократическими учрежденіями лишь потому, что имѣютъ отъ этого яда слишкомъ сильное противоядіе въ громадномъ пространствѣ незанятыхъ земель. Сѣверная Америка—еще пустыня, лишь слегка заселенная по прибрежью. Мало ли какія безразсудства проходятъ людямъ безнаказанно въ пустынѣ? Житель пустыни можетъ не имѣть замковъ на дверяхъ, можетъ не имѣть плана на своей участокъ, можетъ закрывъ глаза—стрѣлять изъ ружья во всѣ стороны,—и его пули никому не повредятъ, объ его участкѣ никто не заведетъ съ нимъ тяжбы, его

имущество не будетъ украдено, потому что нѣтъ вокругъ него людей, которымъ онъ могъ бы повредить своимъ безразсудствомъ или которые могли бы воспользоваться его безразсудствомъ. Сѣверо-Американскіе Штаты еще полудикая страна,—мало ли дѣлается въ полудикихъ странахъ такихъ вещей, которыя гибельны были бы въ благоустроенномъ обществѣ? Въ Сѣверной Америкѣ выжигаютъ траву, чтобы удобрить поле, выжигаютъ лѣсъ, чтобы пріобрѣсти поле; но скажите, развѣ можно назвать такіе способы хозяйства пригодными для страны, порядочно цивилизованной? Пустынностью, дикостью Сѣверной Америки объясняется возможность людямъ жить въ ней съ демократическими учрежденіями, не погибая отъ нихъ. Но эта возможность не будетъ длиться много времени. Сѣверная Америка быстро населяется и скоро войдетъ въ нормальное положеніе. Каково же нормальное положеніе цивилизованныхъ странъ?

Маколей обрисовываетъ его чертами очень опредѣлительными. Масса народа лишена всякаго недвижимаго имущества; она вся состоитъ изъ наемныхъ работниковъ, живетъ со дня на день рабочею платою; плата эта мала; масса терпитъ нужду и не знаетъ, будетъ ли имѣть завтра работу и пищу. Опасенія остаться безъ хлѣба часто сбываются, и сотни-тысячъ отцовъ семействъ слышатъ тогда крикъ голодныхъ дѣтей. Есть люди, думающіе, что демократическія учрежденія не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ при такомъ положеніи массы. Маколей говоритъ не то: онъ говоритъ, что эти учрежденія никогда не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ ни въ какой странѣ, не похожей на пустыню; онъ говоритъ, что очерченное имъ положеніе дѣлъ неизбѣжно. Просимъ замѣтить эту разницу: она такова же, какъ разница между словами: «въ нѣкоторыхъ случаяхъ» и «всегда». Если работники пьянствуютъ, они не могутъ быть зажиточны — это одна мысль; но совершенно другая будетъ мысль, если сказать: работники не могутъ быть зажиточны, потому что всегда пьянствуютъ. Въ странѣ, гдѣ положеніе массы бѣдственно, никакія учрежденія не могутъ дѣйствовать хорошо, да и ничего, серьёзно хорошаго, не можетъ быть, — кто этого не знаетъ? Объ этомъ не стоило писать письмо; мысль письма другая: кромѣ пустынныхъ странъ, во всѣхъ странахъ масса неизбѣжно должна бѣдствовать.

А если во всѣхъ населенныхъ странахъ масса должна бѣдствовать по закону необходимости, не отвратимому человѣческими силами, то выводъ конечно ясенъ. Человѣкъ бѣдствующій наклоненъ обольщаться словами обманщиковъ, обѣщающихъ ему деньги или хлѣбъ, если онъ доставитъ имъ власть. Потому масса должна быть лишена вліянія на общественныя дѣла.

Все это совершенно такъ по системѣ, нынѣ называющейся виггизмомъ и не отличающейся ничѣмъ существеннымъ отъ торизма. Но торизмъ откровенно остается вѣренъ правиламъ здраваго разсудка: вѣрны или не вѣрны, хороши или дурны его принципы, не о томъ мы говоримъ здѣсь, — мы говоримъ, что онъ откровенно принимаетъ правила, вытекающія изъ его принциповъ. По своему бѣдственному положенію масса, готовая за кусокъ хлѣба или даже за обѣщаніе куска хлѣба продать себя каждому честолюбцу, должна быть устранена отъ вліянія на общественныя дѣла. Но достигается ли эта цѣль только тѣмъ, что общество будетъ ограждено отъ зловредныхъ демократическихъ учрежденій? этого мало. Пусть «тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ»: пусть «высшая власть находится въ рукахъ класса избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и въ поддержаніи общественнаго порядка». Всего этого еще мало. «Избранный классъ», какъ бы ни былъ «многочисленъ», всегда бываетъ очень малочисленъ сравнительно съ массою, — иначе онъ и не былъ бы «избраннымъ». Какими же средствами это меньшинство будетъ удерживать въ покорности себѣ массу? Тутъ возможно вообразить два случая. Масса можетъ повиноваться нравственному вліянію меньшинства, добровольно слушаться его наставленій, — въ такомъ случаѣ все равно, исключена ли она отъ формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, или имѣетъ его; хотя «законодательное собраніе избирается толпою», избираются люди, соотвѣтствующіе идеямъ меньшинства, потому что масса руководится его совѣтами. Въ этомъ случаѣ «власть» одинаково «находится въ рукахъ класса избраннаго» и при аристократическихъ и демократическихъ учрежденіяхъ. Но не объ этомъ случаѣ говоритъ Маколей: мы видѣли, что такой случай онъ считаетъ невозможнымъ въ странахъ, вышедшихъ изъ состоянія пустынности. Онъ говоритъ о «ропотѣ», мятежѣ, «объ усмиреніи недовольныхъ», объ охраненіи страны отъ «разграбленія и опустошенія гуннами и вандалами, порожденными» въ самой странѣ. А если такъ, рѣшеніе дѣла зависитъ уже не отъ существующихъ законовъ, а прямо отъ матеріальной силы. Если меньшинство, «заинтересованное въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка», при желаніи большинства «разграбить и опустошить» страну, имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріальную силу «усмирить бѣдствующее и недовольное меньшинство», порядокъ будетъ поддержанъ при какомъ угодно составѣ «законодательнаго собранія»: вѣдь дѣло приняло такой оборотъ, что остановить его можно только вооруженною силою; оно рѣшается не «законодательнымъ собраніемъ», а войскомъ, не де-

кротами, а штыками и картечью. Такъ оно и рѣшено было, напримѣръ, во Франціи, на которую ссылается Маколей. Въ іюнѣ 1848 года побѣда осталась за законодательнымъ собраніемъ, потому что оно имѣло на своей сторонѣ вооруженную силу; въ декабрѣ 1851 года законодательное собраніе было уничтожено, потому что вооруженная сила находилась въ рукахъ его противниковъ. Характеръ учрежденій въ обѣ эпохи былъ одинаковъ, но исходъ дѣла для законодательнаго собранія совершенно различенъ. Раздѣляя мнѣніе Маколея о необходимости, чтобы «власть принадлежала избранному классу», по «наклонности работника къ мятежу», тори справедливо выводятъ изъ этого принципа заключеніе, что избранное меньшинство не должно довольствоваться однимъ законодательнымъ существованіемъ учрежденій, дающихъ ему власть, потому что этой одной гарантіи слишкомъ недостаточно,—оно должно также имѣть всегда на-готовѣ вооруженную силу для усмиренія безпорядковъ, а для предотвращенія безпорядковъ должно постоянно держать «страдающую» грубую массу подъ властью вооруженной силы. Маколей твердитъ о «свободѣ и цивилизаціи», для сохраненія которыхъ необходимо теперь англичанамъ, и скоро будетъ необходимо сѣверо-американцамъ, «усмирять большинство»; соображая условія и средства, нужныя для достиженія цѣли, указываемой Маколеемъ, тори находятъ и прямо высказываютъ, что «свобода и цивилизація» должны основываться на вооруженномъ господствѣ «избраннаго меньшинства».

Тори никогда не противорѣчатъ сами себѣ; ни въ какихъ случаяхъ не измѣняютъ своему образу мыслей. Но у виговъ совершенно не то: вопросы, совершенно одинаковые, рѣшаютъ они въ смыслахъ противоположныхъ. Въ примѣръ возьмемъ хотя статью Маколея о предоставленіи государственныхъ правъ англійскимъ евреямъ. Положеніе дѣла было совершенно сходно съ дѣломъ о предоставленіи избирательнаго права классамъ, противъ которыхъ направлено приведенное нами письмо. Сословія, не имѣющія въ Англіи права голоса на выборахъ, лишены только такъ-называемыхъ политическихъ правъ, а гражданскими правами пользуются они вполнѣ. Точно также вполнѣ пользовались гражданскими правами англійскіе евреи, когда не допускались въ палату общинъ и въ государственную службу. Тори, не хотѣвшіе давать имъ политическихъ правъ, утверждали, что предоставить имъ участіе въ политической власти было бы вредно. Посмотрите же, какъ усердно доказываетъ Маколей, что подобное ограниченіе вовсе не достигаетъ своей цѣли.

«Въ дѣйствительности, евреи и теперь не лишены политической власти. Они имѣютъ ее, и пока будутъ пользоваться правомъ нако-

ютъ большія богатства, они не могутъ не имѣть ея. — Какая власть въ образованномъ обществѣ сильнѣе власти кредитора надъ должникомъ? Если мы отнимемъ эту власть у еврея, то нарушимъ безопасность его собственности. Если же оставимъ ее, то оставимъ черезъ это въ его рукахъ власть гораздо болѣе обширную, чѣмъ власть короля и всего его кабинета. — Предоставить еврею засѣдать въ парламентѣ, было бы безбожно.. Но еврей можетъ добывать деньги, а деньги могутъ дѣлать членовъ парламента. Что еврей можетъ имѣть въ рукахъ своихъ самую сущность законодательной власти, что онъ можетъ располагать голосами при подачѣ мнѣній, — это совершенно въ порядкѣ вещей. Но чтобы онъ могъ сѣсть на эти таинственныя подушки зеленаго сафьяна, это было бы оскверненіемъ святыни, достаточнымъ для навлеченія погибели на страну.—Чтобы еврей былъ тайнымъ совѣтникомъ (министромъ) у христіанскаго короля, это было бы вѣчнымъ позоромъ для націи. Но еврей можетъ управлять биржею, а биржа можетъ управлять свѣтомъ. Министръ можетъ не рѣшаться на свою финансовую систему, пока не переговоритъ на-единѣ съ евреемъ. Росчеркъ еврея на оборотѣ куска бумаги можетъ стоить болѣе, чѣмъ національный кредитъ. Но чтобы еврей поставилъ передъ своимъ именемъ «достопочтенный» (титулъ членовъ палаты общинъ), было бы самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ для націи.—Такимъ же образомъ разсуждали нѣкоторые изъ нашихъ политиковъ объ ирландскихъ католикахъ. Католики не должны имѣть политической власти. Солнце Англіи навсегда зайдетъ, если католики будутъ имѣть политическую власть. Дайте католикамъ все остальное, но не допускайте ихъ до политической власти. Эти мудрые люди не понимали, что — разъ все остальное дано, то дана и политическая власть. Они повторяли свою пѣснь кукушки и тогда, когда уже перестало быть вопросомъ: должны ли католики имѣть политическую власть, или нѣтъ; когда католическая лига поругалась надъ парламентомъ и католикъ агитаторъ имѣлъ несравненно болѣе вліянія, чѣмъ лордъ-намѣстникъ.—Если мы обязаны устранить евреевъ отъ политической власти, то мы обязаны также и обращаться съ ними, какъ обращались наши предки: убивать, ссылать и грабить ихъ. Ибо этимъ путемъ,—и единымъ только этимъ путемъ, — мы можемъ на самомъ дѣлѣ лишить ихъ политической власти. Не принявъ же этого образа дѣйствій, мы можемъ только отнять у нихъ тѣнь власти, но должны оставить (у нихъ) самую сущность ея. Мы можемъ сдѣлать достаточно, чтобы обидѣть и раздражить ихъ, но не можемъ сдѣлать столько, чтобы оградить себя отъ опасности, если опасность въ самомъ дѣлѣ существуетъ.» (стр. 304—306).

Посмотрите, онъ становится на точку зрѣнія, съ которой письмо его къ сѣверо-американцу оказывается ни больше ни меньше, какъ смѣшнымъ. Каковъ смыслъ разсужденій, сейчасъ выписанныхъ нами? Участіе въ государственной власти, вліяніе на общественныя дѣла зависятъ не оттого, получено ли извѣстными лицами или

извѣстнымъ сословіемъ формальное участіе въ формальныхъ актахъ управленія, — оно зависитъ просто оттого, находятся ли эти лица или это сословіе въ такомъ положеніи среди общественной жизни, чтобы имѣть реальное значеніе въ ней. Между англійскими евреями находятся люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ силъ—богатство; а если такъ, продолжаетъ онъ, то напрасно ожидать, что они могутъ быть отстранены отъ вліянія на государственныя дѣла Англіи какими бы то ни было законами о составѣ палаты общинъ или о государственной службѣ. Вы не хотите, чтобы еврей былъ членомъ палаты общинъ; но имѣя деньги, онъ склонитъ избирателей выбрать въ палату человѣка, который будетъ подавать голосъ точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ подавалъ бы его исключаемый вами изъ палаты еврей. Вы не допускаете, чтобы еврей могъ стать министромъ финансовъ. Но если еврей хорошо знаетъ финансовыя дѣла, министръ финансовъ будетъ дѣйствовать по его указанію; а если еврей господствуетъ на биржѣ, то онъ господствуетъ надъ финансовыми операціями министра. Дѣло не въ томъ, предоставлено ли формальными условіями вліяніе на государственную жизнь; дѣло въ томъ, находится ли сила имѣть такое вліяніе; если она находится, то обнаружитъ свое дѣйствіе, каковы бы ни были формальныя условія.

Маколей доказалъ, что исключить евреевъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ Англіи невозможно, хотя бы и было полезно. Но было ли бы это полезно, еслибъ и было возможно? Тори, не допускавшіе евреевъ до государственной службы и въ палату общинъ, утверждали, что евреи—дурные англійскіе граждане, что они могутъ желать вреда англійскому королевству,—словомъ сказать, что они составляютъ классъ людей, имѣющій интересы, противоположные интересамъ сословій и лицъ, управлявшихъ Англіею и издававшихъ для нея законы въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ споръ. Маколей доказываетъ, что такое мнѣніе объ англійскихъ евреяхъ не совершенно справедливо, и прибавляетъ, что если оно отчасти справедливо, то все-таки лекарствомъ противъ зла было бы не устраненіе евреевъ отъ политическихъ правъ, — этимъ способомъ зло только увеличивается, — а предоставленіе имъ политическихъ правъ, которое одно можетъ сдѣлать ихъ изъ вредныхъ гражданъ полезными, изъ непріязненныхъ благорасположенными.

«Если евреи не почувствовали къ Англіи дѣтской привязанности, то это потому, что сама Англія обращалась съ ними, какъ мачиха. Нѣтъ другаго чувства, которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, живущихъ подъ сколько-нибудь порядочнымъ правительствомъ, какъ чувство патріотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще

не было такой націи, или значительной части какой нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей — недостатокъ въ нихъ патріотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это — логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленіи его источника (стр. 308). Англійскіе евреи, сколько мы можемъ видѣть, являются именно такими, какими ихъ сдѣлало правительство. Они представляютъ собою именно то, что представляла бы всякая секта, или чѣмъ былъ бы всякій классъ людей, при такомъ обращеніи, какому подвергаются евреи. Если бы, напримѣръ, всѣ рыжеволосые люди въ Европѣ подвергались, въ теченіе многихъ вѣковъ, оскорбленіямъ и угнетеніямъ; были бы изгоняемы изъ одного мѣста, въ другомъ — подвергаемы заключенію; если бы у нихъ отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самымъ слабымъ уликамъ въ самыхъ неправоподобныхъ преступленіяхъ, волочили на конскихъ хвостахъ, вѣшали, пытали, сожигали живыхъ; если бы, и послѣ смягченія нравовъ, люди эти продолжали подвергаться унизительнымъ стѣсненіямъ; если бы повсюду они были устраняемы отъ общественныхъ должностей и почестей,—каковъ былъ бы патріотизмъ джентльменовъ съ рыжими волосами? И если бы, при этихъ обстоятельствахъ, сдѣлано было предложеніе о допущеніи рыжихъ людей къ должностямъ, — какую поразительную рѣчь могъ бы сказать краснорѣчивый поклонникъ старинныхъ нашихъ учрежденій противъ столь революціонной мѣры! «Эти люди — могъ бы онъ сказать — едва ли считаютъ себя англичанами. Они считаютъ рыжаго француза или рыжаго нѣмца болѣе близкимъ себѣ, чѣмъ черноволосаго человѣка, родившагося въ ихъ собственномъ приходѣ. Если чужой монархъ покровительствуетъ рыжимъ волосамъ, то эти люди любятъ его болѣе, чѣмъ своего природнаго короля. Они не англичане; они не могутъ быть англичанами; это запрещено природой; опытъ доказываетъ, что это невозможно. Права на политическую власть они вовсе не имѣютъ; ибо никто не имѣетъ права на политическую власть. Пусть они пользуются личною безопасностью; пусть ихъ собственность находится подъ защитою закона. Но если они станутъ домогаться участія въ управленіи общиною, которой они только вполовину члены, общиною, которой конституція существенно черноволосая, то мы можемъ отвѣтить имъ словами нашихъ мудрыхъ предковъ: nolumus leges Angliae mutari (стр. 310).

Какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не измѣнявшій себѣ никогда, могъ написать и страницы, приведенныя нами изъ статьи о евреяхъ, и письмо къ сѣверо-американцу? Какъ онъ не замѣтилъ, что самъ опровергаетъ себя? Отвѣтъ заключается въ одномъ словѣ: авторъ письма къ сѣверо-американцу и статьи о евреяхъ былъ вигъ. Это значитъ: онъ былъ человѣкъ, по преданію продолжавшій

повторять прогрессивныя убѣжденія, а на дѣлѣ бывшій консерваторомъ. Предоставленіемъ политическихъ правъ евреямъ не производилось на дѣлѣ никакой важной перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ; въ этомъ случаѣ консервативные интересы молчали, и не мѣшали проявленію слѣдовъ прежней прогрессивности.

Такова сущность нынѣшняго англійскаго вигизма: быть прогрессивнымъ въ мелочахъ, не имѣющихъ важности въ государственной жизни; быть консервативнымъ во всемъ важномъ. Читатель понимаетъ, что мы вовсе не хотимъ высказывать этимъ своей симпатіи или антипатіи къ вигизму. Мы хотимъ только опредѣлить его сущность. Мы не знаемъ и не хотимъ знать, полезное или вредное вліяніе имѣютъ виги на ходъ общественной жизни въ Англіи. Мы говоримъ о вигизмѣ, какъ общественномъ принципѣ, только для того, чтобы разъяснить характеръ воззрѣній Маколея на человѣческія дѣла.

Зная теперь, какую роль играетъ въ его убѣжденіяхъ прогрессивный элементъ, мы имѣемъ полное право опровергнуть тѣхъ, которые захотѣли бы, обманувшись нѣкоторыми отдѣльными строками или тирадами Маколея, видѣть въ немъ писателя, стоявшаго на сторонѣ радикальнаго либерализма. Правда, у него есть мѣста, которыя могутъ быть перетолкованы въ либеральномъ смыслѣ, если будутъ вырваны изъ связи текста; но должно будетъ только сообразить, къ какимъ фактамъ относитъ онъ самъ эти слова, какое консервативное ограниченіе получаютъ они отъ предмета его рѣчи, и увидимъ, что они не мѣшаютъ оставаться ему писателемъ консервативнымъ. Напримѣръ, въ статьѣ о Мильтонѣ находится тирада о свободѣ, съ уподобленіемъ, взятымъ изъ сказки о феѣ, которая иногда принимала отвратительный видъ, но скоро становилась опять феей. Въ художественномъ отношеніи сравненіе, заимствованное изъ Аріосто, надобно назвать очень картиннымъ; но предметъ, по поводу котораго дѣлается оно, отнимаетъ у него всякую излишнюю (если можно такъ выразиться) заносчивость. Маколей тутъ говоритъ о событіяхъ, происходившихъ за 200 лѣтъ до нашего времени и кончившихся утвержденіемъ нынѣшней династіи на англійскомъ престолѣ и нынѣшняго государственнаго порядка. Мысль Маколея та, что происходили въ этомъ отдаленномъ прошедшемъ нѣкоторые безпорядки, но что совокупность событій тогдашняго времени вела къ утвержденію нынѣшняго порядка, который онъ и защищаетъ съ усердіемъ истиннаго консерватора. Читатель знаетъ, что, по различію условій общественнаго быта, подробности консервативныхъ убѣжденій въ разныхъ странахъ различны. Возьмемъ, напримѣръ, законы о наслѣдствѣ. По англійскому закону недвижимое

имущество отца, умершаго безъ завѣщанія, отдается одному старшему сыну; по-французскому закону оно въ этомъ случаѣ дѣлится поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерями; по русскому закону дочерямъ выдѣляется по опредѣленной (одной четырнадцатой) части, а все остальное дѣлится поровну, уже между только сыновьями. Въ чемъ же теперь состоитъ консерватизмъ англичанина, француза и русскаго по убѣжденіямъ, касающимся закона о наслѣдствѣ? Англичанинъ-консерваторъ будетъ защищать право первородства противъ стремленій замѣнить его способомъ французскаго или русскаго раздѣла; французъ-консерваторъ долженъ защищать равный раздѣлъ между дочерями и сыновьями противъ русскаго назначенія дочерямъ извѣстной доли и противъ права первородства; русскій-консерваторъ также долженъ защищать существующій у насъ способъ раздѣла противъ французскаго способа и противъ права первородства. Изъ этого мы видимъ, что въ частныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ предметахъ консерваторы разныхъ странъ могутъ расходиться между собою; но неужели они должны считать другъ-друга людьми дурныхъ убѣжденій изъ-за этой разницы? неужели они должны не понимать, что подъ наружнымъ разноречіемъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ лежитъ во всѣхъ нихъ одно-и-тоже коренное убѣжденіе, соединяющее всѣхъ ихъ въ одну дружескую компанію? Въ самомъ дѣлѣ, какова сущность мысли каждаго изъ нихъ? «Установленный порядокъ наслѣдства или безусловно хорошъ, или по крайней мѣрѣ преимущества другихъ порядковъ надъ нимъ не такъ велики, чтобы стоило изъ-за этого хлопотать о передѣлкѣ, подвергать общество трудамъ или неудобствамъ, какія соединены съ перемѣною». Тоже надобно сказать и обо всѣхъ другихъ отношеніяхъ общественной жизни. По каждому изъ нихъ консерватизмъ можетъ имѣть въ разныхъ странахъ разныя убѣжденія, но по каждому всѣ эти различныя убѣжденія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ въ консервативныхъ людяхъ всѣхъ странъ. Такъ и Маколей по духу своему не говоритъ ничего, противорѣчащаго консерватизму, когда, защищая существующій въ Англіи порядокъ, защищаетъ и событія эпохи, основавшей этотъ порядокъ. Въ установившихся отношеніяхъ, которыя видитъ на своей родинѣ, Маколей не хочетъ перемѣны; а если писатель, проникнутый такимъ духомъ, и разнорѣчитъ въ словахъ съ консерваторами другихъ странъ, то по сущности мыслей онъ не враждебенъ имъ, — напротивъ сходенъ съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, главная важность не въ томъ, хвалить или порицать извѣстный фактъ или извѣстныхъ людей, а въ томъ, какъ понимать ихъ, съ какой стороны хвалить и съ какой порицать.

Обыкновенно фактъ имѣетъ множество сторонъ, различныхъ по своему значенію; дѣятельность человѣка точно также. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитый наполеоновскій «Кодексъ». Онъ представляетъ собою передѣлку законовъ, изданныхъ или приготовленныхъ предшествовавшими Наполеону собраніями; передѣлка эта совершена съ заботою по возможности изгладить ихъ рѣзкій революціонный характеръ. Человѣкъ какой бы то ни было партіи можетъ хвалить или порицать этотъ кодексъ, смотря по тому, какую сторону его выдвинетъ онъ на первый планъ. Французскій легитимистъ будетъ хвалить его, если почтетъ, что въ тогдашнее время нельзя было сдѣлать ничего бо̀льшаго для сглаженія анархическихъ началъ, введенныхъ прежними собраніями во французское законодательство; онъ будетъ порицать его, если станетъ думать, что можно было сдѣлать тогда больше шаговъ къ возстановленію прежнихъ законовъ. Анархистъ можетъ хвалить тотъ же кодексъ, если убѣдится, что характеръ законовъ, изданныхъ предшествующими собраніями, мало измѣненъ въ немъ; будетъ порицать его, если убѣдится въ противномъ. Отъ факта обратимся къ дѣятелю — къ Наполеону I. Онъ былъ простолюдинъ, управлявшій государствомъ съ безусловною властію. Легитимистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ уничтожилъ республику, заставилъ молчать представительное собраніе, не дозволялъ говорить ничего противъ власти. Анархистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ производилъ свою власть отъ народнаго выбора, и дѣйствовалъ революціоннымъ способомъ. Тотъ же анархистъ можетъ и порицать его за то самое, за что хвалитъ легитимистъ; тотъ же легитимистъ — порицать за то, за что хвалитъ анархистъ.

Повторяемъ, важность не въ томъ, какіе факты и какихъ людей хвалитъ или порицаетъ писатель, а въ томъ, какія стороны этихъ людей или фактовъ онъ выставляетъ на первый планъ.

Такъ и Маколею приходится иногда имѣть симпатію къ фактамъ и лицамъ, не представляющимся хорошими для консерваторовъ другихъ странъ, — что жь дѣлать! каждая національность имѣетъ свои особенности; онъ англичанинъ, и, въ качествѣ англичанина, ему извинительно многое, что было бы не извинительно во французѣ, какъ, наоборотъ, французу бываетъ извинительно многое, неизвинительное англичанину. Напримѣръ, вѣдь не порицаемъ мы англійскихъ газетъ за то, что онѣ постоянно наполняютъ множество колоннъ описаніями конскихъ скачекъ; а во французскихъ газетахъ это было бы несносно. Наоборотъ, нестерпимо показалось бы вамъ въ англійскихъ газетахъ постоянное наполненіе множества колоннъ разборами театральныхъ представленій, а во французскихъ газетахъ театральные фельетоны не составляютъ нелѣпости. Точно такъ Ма-

колей въ качествѣ англичанина писалъ иногда страницы, которыхъ не написалъ бы консерваторъ какой нибудь другой націи. Но, повторяемъ, надобно только вникнуть, какую сторону лицъ и событій выставлялъ онъ на первый планъ, и мы простимъ ему многое.

Напримѣръ, главнымъ предметомъ своихъ занятій выбралъ онъ новую исторію Англіи съ половины XVII вѣка. Много лѣтъ жизни употребилъ онъ на исполненіе мысли написать ее; но успѣлъ описать только послѣдніе годы XVII вѣка. Прежде того много лѣтъ употребилъ онъ на приготовленіе къ этому труду, и естественно написалъ о томъ же періодѣ нѣсколько статей, пока еще не начиналъ писать исторію. Такимъ образомъ въ собраніи его сочиненій всего больше мѣста занято переворотомъ 1688 года, его причинами и послѣдствіями. Какую же сторону этого событія выставляетъ онъ на первый планъ? Сущность дѣла, по его изложенію, состояла въ томъ, что прекращены были нарушенія существовавшихъ законовъ; успѣхъ дѣла, то есть огражденія силы существующихъ законовъ, зависѣлъ оттого, что при исполненіи соблюдена была величайшая умѣренность; главнымъ обезпеченіемъ успѣха послужило то, что осталась неприкосновенна прежняя форма государственнаго устройства. Словомъ сказать, по изложенію Маколея выходитъ, что сущность дѣла была консервативна, и успѣхъ дѣла произошелъ отъ его консервативности. Можно ли порицать такого историка?

Да, нельзя порицать его за сущность его воззрѣнія, общую нынѣшнимъ вигамъ съ прежними ихъ противниками тори. Нѣтъ нужды, что тори порицаютъ событія, превозносимыя вигами, — виги изображаютъ ихъ съ такой стороны, которую стали бы хвалить и тори, еслибы вздумали, подобно нынѣшнимъ вигамъ, выставлять ее на первый планъ. Разница только въ томъ, что тори не соглашаются, будто бы эта сторона дѣла была существенною его стороною. Но тутъ, какъ видитъ читатель, разница между вигами и тори имѣетъ уже чисто техническій, спеціальный, если можно такъ выразиться, археологическій характеръ, имѣетъ значеніе не общественное, а чисто ученое.

Съ ученой стороны, съ логической стороны Маколей, надобно признаться, не правъ. Нынѣшній вигизмъ можетъ имѣть большинство въ палатѣ общинъ, можетъ быть для англійской общественной жизни менѣе неудобенъ, чѣмъ торизмъ; но въ научномъ отношеніи онъ не выдерживаетъ критики, потому что вовсе не послѣдователенъ. Онъ отрицаетъ въ настоящемъ то, что признаетъ въ прошедшемъ, онъ допускаетъ въ мелкихъ дѣлахъ то, что отвергаетъ въ важныхъ, — въ наукѣ это не годится; она требуетъ строгой выдержанности принциповъ. Виги могутъ быть благоразумными ми-

нистрами, но неблагоразумно поступитъ вигъ, если захочетъ проводить нынѣшній вигизмъ въ наукѣ, какъ дѣлалъ Маколей. Тутъ нужно было бы уважать логику и сдѣлать прямой выборъ: или, оставаясь вѣрнымъ основанію нынѣшняго вигизма, сдѣлаться тори, — потому что нынѣшніе виги тѣ же тори, лишь не логичные тори, — или, оставаясь вѣрнымъ преданію старыхъ виговъ, отвергнуть торійскія чувства нынѣшнихъ виговъ, на которыхъ мало походили Гампденъ и Пимъ, Альджернонъ-Сидни и Фоксъ. Маколей не замѣтилъ научной надобности такого выбора. Это значитъ, что онъ не имѣлъ такой силы ума, какая нужна человѣку, чтобы былъ онъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Онъ превосходно развивалъ мысли, но чужія мысли.

Но если Маколей не имѣетъ первостепеннаго достоинства какъ мыслитель, то мы нимало не думаемъ отрицать въ немъ ни тонкости и практичности ума, ни способности превосходно аргументировать, ни богатства частныхъ наблюденій надъ человѣческимъ сердцемъ, ни близкаго знакомства съ ходомъ человѣческихъ дѣлъ: можно быть человѣкомъ очень замѣчательнаго ума, не будучи мыслителемъ, можно быть удивительнымъ знатокомъ жизни, не умѣя подмѣчать кореннаго ея смысла. Таковъ былъ Маколей. Но писатель замѣчательнаго ума, очень тонко знающій жизнь, всегда будетъ поучителенъ, каковы бы ни были научные его недостатки. Не забудемъ еще одного качества, о которомъ и нельзя забыть: Маколей — англичанинъ. Если кому нибудь изъ насъ и не кажутся справедливы его мнѣнія о многихъ предметахъ, то все же очень важно для насъ знать, какими особенностями отъ консерватизма другихъ странъ отличается англійскій консерватизмъ; а ни отъ какого другаго писателя мы не можемъ узнать это такъ легко и съ такимъ наслажденіемъ, какъ отъ Маколея.

НОВЫЯ КНИГИ.

Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Составилъ *М. Барановичъ*. Спб. 1860 г.

Въ предисловіи къ изданному теперь тому «Матеріаловъ, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба» сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и планѣ сборника, обѣщающаго быть очень важнымъ для науки.

Военное министерство и въ особенности генеральный штабъ постоянно встрѣчали потребность въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи. Потому въ 1836 г. Высочайше повелѣно было генеральному штабу составлять и черезъ каждые три года исправлять и пополнять военно-статистическія обозрѣнія губерній и областей Россійской имперіи. Для этихъ обозрѣній дана была общая программа, по которой описаніе каждой губерніи или области должно было состоять изъ двухъ частей: одна заключала въ себѣ «общія» статистическія и географическія свѣдѣнія, другая—свѣдѣнія спеціальныя по предметамъ вѣдомствъ генеральнаго штаба, провіантскаго и коммиссаріатскаго. По такой системѣ съ 1837 до 1854 г. были сдѣланы три изданія военно-статистическихъ описаній 69 губерній и областей имперіи; два первыя изданія были литографированы, а третье напечатано, но только для исключительнаго употребленія главныхъ военныхъ управленій, а въ публику эти изданія не выпускались.

Въ 1856 году, по заключеніи мира, были возобновлены, но уже на новыхъ основаніяхъ, статистическія работы генеральнаго штаба,

пріостанавливавшіяся во время войны. Признано было, что работы эти заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній, могущихъ быть обнародованными и служить полезными матеріалами для ученыхъ; потому съ 1857 года онѣ производятся въ размѣрахъ, обширнѣйшихъ прежняго, съ тѣмъ, чтобы одна ихъ часть, подъ названіемъ статистическаго описанія, печаталась для публики, и только другая часть, собственно военное обозрѣніе, издавалась для исключительнаго употребленія военнаго министерства. «Недостатокъ въ офицерахъ (говорится въ предисловіи) и разныя другія затрудненія, неизбѣжныя при исполненіи столь обширныхъ работъ, были причиною, что работы эти не могли начаться одновременно во всей имперіи, но въ 1858 году производились уже въ большей части губерній и областей, а нынѣ производятся почти во всѣхъ частяхъ Россіи, и нѣкоторыя изъ нихъ уже окончены; прочія же ведутся съ различною степенью успѣха». Описаніе Рязанской губерніи составляетъ начало предположеннаго изданія. Предисловіе оканчивается словами: «Издавая последовательно въ свѣтъ, по мѣрѣ окончанія, прочіе томы «Матеріаловъ для Географіи и Статистики Россіи», департаментъ генеральнаго штаба надѣется, что труды офицеровъ генеральнаго штаба приготовятъ полезный матеріалъ для изученія Россіи и послужатъ хорошимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ географическихъ и статистическихъ изслѣдованій.»

Мы можемъ прибавить, что, судя по всему, надежда департамента генеральнаго штаба оправдается. Мы думаемъ такъ, во-первыхъ, потому, что имѣли случай знать нѣкоторыхъ изъ числа офицеровъ, отправившихся для описанія губерній: образованность и добросовѣстность ихъ ручаются за хорошее исполненіе возложенной на нихъ работы, и мы увѣрены, что всѣ ихъ товарищи по этой работѣ имѣютъ такія же достоинства. Вторымъ основаніемъ предсказывать хорошій успѣхъ дѣлу служитъ первый образчикъ его — «Описаніе Рязанской губерніи», составленное г. Барановичемъ и находящееся теперь въ нашихъ рукахъ.

По своему спеціальному характеру, книга эта будетъ прочитана всѣми конечно въ одной Рязанской губерніи, а за ея границами будетъ читаема только спеціалистами. Поэтому считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь ея оглавленіе, которое познакомитъ читателя съ программою всего начинающагося теперь изданія.

Изложивъ въ «Историческомъ введеніи» исторію края, составляющаго нынѣ Рязанскую губернію, г. Барановичъ въ первой главѣ своего описанія излагаетъ географію и топографію Рязанской губерніи съ большою подробностію. Во 2-й главѣ говорится о числѣ жителей, движеніи народонаселенія, представляется очеркъ физиче-

скихъ, нравственныхъ и гражданскихъ качествъ всего рязанскаго населенія вообще, и въ отдѣльности каждаго сословія. 3-я глава содержитъ также очень подробныя свѣдѣнія о промышленности; 4-я глава — о состояніи образованности рязанскаго населенія; 5-я глава описываетъ его внутренній и внѣшній бытъ, 6-я глава—управленіе, а 7-я глава содержитъ «свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ вообще, и описаніе городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ въ особенности». Тутъ, между прочимъ, помѣщенъ полный списокъ «селеніямъ Рязанской губерніи, имѣющимъ болѣе 100 дворовъ», и селеніямъ, въ которыхъ находятся «фабрики и заводы, базары и ярмарки, почтовыя станціи и этапные пункты, становыя квартиры и волостныя и сельскія управленія, монастыри, церкви, раскольничьи молельни и мечети, училища и богодѣльни, пристани, водяныя мельницы и другіе замѣчательные предметы».

Надобно сказать, что г. Барановичъ исполнилъ эту программу очень добросовѣстно. Онъ воспользовался всѣми существовавшими пособіями для изученія Рязанской губерніи и, какъ видно по результатамъ, не жалѣлъ труда при собираніи личными изслѣдованіями свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, по которымъ существовавшіе матеріалы оказывались недостаточны.

Мы конечно не можемъ здѣсь пересмотрѣть все содержаніе толстаго тома, составившагося изъ его трудовъ. Остановимся лишь на очень немногихъ страницахъ книги.

Во всей средней полосѣ средней Россіи, а въ особенности въ подмосковныхъ губерніяхъ, жалуются на истребленіе лѣсовъ. Рязанская губернія представляетъ цифры, слишкомъ хорошо показывающія быстрый ходъ этого зла. Со времени генеральнаго межеванія въ теченіе 80 лѣтъ истреблена ровно третья часть лѣсовъ, существовавшихъ тогда въ Рязанской губевніи. Изъ 3,690,021 десятинъ всего пространства губерніи, по генеральному межеванью лѣсами было занято 1,413,426 десятинъ, а теперь показывается въ отчетахъ уже только 942,393 десятины лѣса; изъ этого слѣдуетъ, что количество земли, занятой лѣсомъ, уменьшилось на 471,033 десятины. Люди, находящіе достаточнымъ повторять бездоказательныя фразы одной изъ экономическихъ школъ, враждебной общинному поземельному владѣнію, прямо толкуютъ, не справившись съ фактами, будто-бы въ истребленіи лѣсовъ виновато наше общинное землевладѣніе, а частная собственность сохраняетъ у насъ лѣса. Мы имѣли когда-то случай объяснять, что это бывало до сихъ поръ у насъ какъ разъ наоборотъ, что лѣса принадлежащіе государству или находившіеся въ пользованіи у общинъ сохранялись и сохраняются хорошо или дурно, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ лѣса частныхъ владѣльцевъ.

Книга г. Барановича представляетъ новое подтвержденіе тому. Вотъ его слова:

«Относительно пользованія лѣсомъ не соблюдается никакой правильности. Казенные лѣса стоятъ почти нетронутыми и сохраняются, хотя нѣкоторые изъ нихъ, при расчитанномъ оборотѣ рубки, могли бы имѣть постоянный и выгодный сбытъ на чугуноплавильные и стеклянные заводы, тѣмъ болѣе, что собственно заводскіе лѣса почти истреблены, а сосѣднія дачи частныхъ владѣльцевъ находятся въ скудномъ состояніи. Что же касается до помѣщичьихъ лѣсовъ, то они, какъ было уже сказано, рубятся безъ всякаго порядка. Сбереженіе лѣсовъ и вообще сколько нибудь правильное лѣсохозяйство замѣчается еще у тѣхъ владѣльцевъ, которыхъ хозяйство находится вообще въ хорошемъ положеніи; но такихъ немного; большею же частію помѣщики, стараясь извлечь хотя временную, но сколь возможно большую пользу, при первомъ представившемся случаѣ для выгоднаго сбыта продаютъ свои лѣса цѣликомъ разнымъ промышленникамъ, съ условіемъ совершеннаго истребленія.»

Изъ главы о движеніи народонаселенія мы отмѣтимъ одно очень основательное замѣчаніе г. Барановича. По десятой ревизіи 1858 г. въ Рязанской губерніи оказывался нѣкоторый перевѣсъ числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ; точно тоже было по 9 ревизіи (1850 года). Между тѣмъ по свѣдѣніямъ о количествѣ раждающихся и умирающихъ слѣдовало-бы ожидать противнаго. Г. Барановичъ говоритъ:

«Свѣдѣнія, заимствованныя изъ дѣлъ рязанской духовной консисторіи, о количествѣ ежегодно заключаемыхъ браковъ, рождающихся и умирающихъ имѣются за нѣсколько лѣтъ. Средній выводъ изъ нихъ показываетъ, что перевѣсъ рожденій бываетъ всегда на сторонѣ мужскаго пола. Среднимъ числомъ за 14 лѣтъ родилось: мальчиковъ 29,127

дѣвочекъ .	28,044
разница . .	1,083

«Слѣдовательно перевѣсъ рожденій въ пользу мужскаго пола довольно значителенъ; между тѣмъ, какъ число умершихъ и мужскаго и женскаго половъ совершенно одно и тоже, именно по тѣмъ же выводамъ умерло:

мужскаго пола . .	18,222
женскаго пола . .	18,239

«Изъ этого слѣдуетъ, что въ массѣ народонаселенія губерніи мужской полъ долженъ быть многочисленнѣе женскаго; но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Причина этому ясная — убыль народонаселенія отъ рекрутскихъ наборовъ, войнъ, разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, часто очень гибельныхъ для здоровья, касается одного только мужскаго пола.»

Вліяніе послѣдней причины, именно разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Рязанскіе поселяне, уходящіе на промыслы въ Москву, Петербургъ и проч., конечно умираютъ въ нѣкоторомъ числѣ за предѣлами губерніи, и эти умирающіе не вносятся въ метрическія книги Рязанской эпархіи. Но не отъ этой причины происходитъ, что число мужчинъ въ Рязанской губерніи оказывалось въ послѣднія десятилѣтія меньше числа женщинъ. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго рязанцы также уходили на промыслы въ другія губерніи, а между тѣмъ по пятой и шестой ревизіямъ (1796 и 1812 гг.) численность мужскаго пола была больше женскаго. По переписи 1812 года, произведенной до начала войны, въ губерніи было слишкомъ на 20 тысячъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Усиленные наборы 1812, 1813 и 1814 гг. уничтожили почти весь этотъ перевѣсъ: по 7 ревизіи (1815 г.) количество мужчинъ превышало количество женщинъ на 830 человѣкъ. Въ слѣдующіе годы бралось меньше рекрутъ, и излишекъ мужскаго населенія сравнительно съ женскимъ по 8 ревизіи (1833 г.) простирался до 3,850 человѣкъ. Но послѣ того рекрутскіе наборы усилились, и въ 1850 г. (по 9 ревизіи) въ мужскомъ населеніи сравнительно съ женскимъ оказался уже недочетъ въ 10 тысячъ человѣкъ. За 1850 г. слѣдовали годы крымской войны, въ теченіе которыхъ этотъ недочетъ конечно еще увеличился; но въ два послѣдніе года передъ 10 ревизіею не производилось наборовъ, и потому недочетъ уменьшился съ 10 тысячъ человѣкъ до 5 тысячъ человѣкъ.

Дѣлая очеркъ нравственныхъ качествъ рязанскаго сельскаго населенія, г. Барановичъ замѣчаетъ въ населеніи двухъ половинъ губерніи, земледѣльческой и промышленной, обыкновенныя черты различія, производимыя разницею между неподвижнымъ бытомъ земледѣльца и болѣе подвижною жизнію мастероваго или фабричнаго работника; но говоритъ, что, независимо отъ этихъ различій, есть черты, общія всему сельскому населенію Рязанской губерніи,—черты, принадлежащія поселянину и всѣхъ прочихъ великороссійскихъ губерній. «Надежда на Промыслъ (говоритъ г. Барановичъ) служитъ ему (рязанскому и вообще великорусскому поселянину) лучшимъ утѣшеніемъ въ тяжкіе дни невзгоды».

«Повиновеніе къ властямъ и довѣріе къ обществу суть тоже отличительныя его свойства. Говоря правду, примѣры ослушанія и неповиновенія довольно рѣдки, и случаются болѣе, какъ вынужденные чрезмѣрными требованіями или вслѣдствіе недоразумѣній. Крестьянинъ вполнѣ довѣряетъ обществу, среди котораго живетъ, зная, что оно не обманетъ его, но въ иныхъ случаяхъ жизни смотритъ на многое подозри-

тельно и недовѣрчиво, и въ этомъ конечно нельзя обвинять русскаго человѣка, по природѣ добраго и простодушнаго» (стр. 136).

Надобно отдать полную справедливость умѣнью г. Барановича понимать народъ: какихъ вздоровъ не разсказываютъ о нашемъ поселянинѣ люди, обыкновенно порицающіе его, и даже люди, обыкновенно восхищающіеся имъ, — какихъ пустяковъ не разсказываютъ они о тѣхъ сторонахъ его характера, которыя такъ вѣрно отмѣчаетъ г. Барановичъ въ немногихъ приведенныхъ нами словахъ. Отъ порицателей и панегиристовъ русскаго поселянина мы обыкновенно слышимъ увѣренія, будто бы онъ недовѣрчивъ къ людямъ, носящимъ нѣмецкое платье. Само собою разумѣется, что никакой разсудительный и опытный человѣкъ, хотя бы былъ поселянинъ или мѣщанинъ, помѣщикъ или купецъ, офицеръ или чиновникъ, не станетъ съ перваго же слова раскрывать вамъ свое сердце, высказывать вамъ свои чувства и надежды, не узнавъ предварительно, расположены ли вы его слушать и готовы ли сочувствовать ему; но человѣку, одѣтому въ какое бы то ни было платье, не только нѣмецкое, а хотя бы грузинское, или турецкое, или даже славянофильское, и не только русскому человѣку, но и всякому человѣку, умѣющему говорить по-русски, нужно ровно столько же времени, ни больше, ни меньше, на то, чтобы сойтись съ поселяниномъ, какъ и на то, чтобы сойтись съ русскимъ мѣщаниномъ или купцомъ, или просто образованнымъ человѣкомъ. Сядьте за столъ въ ресторанѣ съ людьми образованнаго общества, сядьте за столъ на постояломъ дворѣ съ проѣзжими мужиками, — все равно разговоръ вашъ съ сосѣдомъ будетъ нѣсколько минутъ вертѣться на общихъ фразахъ и все равно, черезъ нѣсколько минутъ, онъ будетъ проникнутъ довѣрчивостію или прямодушіемъ, если вообще вы сами таковы, что можете внушить довѣріе человѣку какого нибудь званія. Сблизиться съ мужикомъ человѣку изъ образованнаго общества не труднѣй и не легче, чѣмъ сблизиться съ человѣкомъ своего сословія. Но, разумѣется, для этого нужно, чтобы вы находились къ нему просто въ отношеніяхъ добраго знакомаго къ доброму знакомому, а не въ какихъ нибудь дѣловыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ откровенность становится источникомъ невыгодъ для него,—въ этомъ опять мужикъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другаго человѣка: если говорить ему вредно, онъ будетъ удерживаться отъ лишнихъ рѣчей. Точно также и купецъ не будетъ говорить съ вами о своей торговлѣ, чиновникъ о своей службѣ, если долженъ будетъ ожидать, что извлеченныя изъ разговора съ нимъ свѣдѣнія намѣрены вы обратить во вредъ ему. Что тутъ особеннаго? Но, говорятъ, трудно убѣдить мужика, что вы не

имѣете намѣренія обратить во вредъ ему его довѣріе. Ничуть не труднѣе, чѣмъ всякаго другаго человѣка; напротивъ, даже легче, потому что онъ сильнѣе всякаго будетъ расположенъ въ вашу пользу, когда въ вашемъ разговорѣ съ нимъ будетъ дружелюбная ласковость, безъ чванной снисходительности. Точно такъ же можно было бы перебрать одну за другою всѣ черты, указываемыя въ поселянинѣ короткими, но вѣрными словами сдѣланной нами выписки: готовность слушаться всякаго разсудительнаго совѣта, всякаго справедливаго требованія и т. д. Изъ всѣхъ этихъ чертъ мы считаемъ удобнымъ вникнуть нѣсколько поближе только въ одну, которую г. Барановичъ называетъ довѣріемъ къ обществу; да и эту черту разсмотримъ лишь съ одной стороны,—со стороны отношеній великорусскаго поселянина къ способу землевладѣнія, обычному у насъ.

Г. Барановичъ раздѣляетъ мнѣніе многихъ нашихъ экономистовъ, будто бы общинное землевладѣніе не-выгодно. Тѣмъ достовѣрнѣе отзывъ его о расположеніи великорусскихъ поселянъ къ общинному землевладѣнію. Мы приведемъ изъ его книги вполнѣ весь отрывокъ объ этомъ предметѣ.

«Земли, предоставленныя въ пользованіе крестьянъ, дѣлятся между ними по-ровну; въ казенныхъ имѣніяхъ по числу ревизскихъ душъ, а въ помѣщичьихъ по количеству тяголъ или наличныхъ работниковъ. У государственныхъ крестьянъ дѣлежъ земли бываетъ обыкновенно послѣ ревизіи; послѣ чего каждый владѣетъ своимъ участкомъ до слѣдующей ревизіи, то есть до новаго раздѣла земель. Если же, по какимъ нибудь причинамъ, въ селеніи произошла значительная убыль населенія, то, не дожидаясь ревизіи, въ селеніи дѣлается общій передѣлъ земель между оставшимися ревизскими душами. Самый процессъ дѣлежа въ казенныхъ селеніяхъ слѣдующій. Сперва разбиваютъ земли на десятины и сортируютъ, по достоинству, на нѣсколько разрядовъ. При этой сортировкѣ принимаютъ въ разсчетъ не одно качество почвы, но и отдѣльность земель отъ усадьбъ, однимъ словомъ, всѣ выгоды и неудобства дачи. Послѣ того общество, то есть ревизскія души, между которыми производится дѣлежъ, подраздѣляется на ровныя части. Части эти называются *вытями* или *службами*, и какъ число ихъ, такъ и число заключающихся въ нихъ душъ произвольно; 200 душъ, напримѣръ, дѣлятся на 4 или на 5 вытей, по 50 или по 40 душъ въ каждой; если же въ селеніи 203 души, то остающіяся отъ разсчета три души называются *завытными* и надѣляются землей особо. Раздѣлившись на выти, общество, по числу этихъ послѣднихъ, дѣлитъ и каждаго сорта землю на ровныя части, и потомъ бросаетъ жребій, какой участокъ земли во всѣхъ разрядахъ какой выти достанется. Каждая выть, получивъ землю, опять сортируетъ ее по качеству на разряды и всѣ полученные отъ общества участки дѣлитъ по числу составляющихъ его душъ, а потомъ рѣшаетъ жребіемъ, кому какимъ клочкомъ владѣть.

«Такимъ образомъ дѣлятся не одпѣ пашни, но и всѣ угодья, за исключеніемъ лѣсовъ, выгоновъ, иногда и луговъ, остающихся въ общемъ пользованіи. Земли находящіяся подъ усадьбами тоже раздѣляются по душамъ; но занятыя дворами, огородами и садами остаются безъ перемѣны; при раздѣлѣ сихъ послѣднихъ, крестьяне по условію вознаграждаютъ одинъ другаго участками лучшихъ пахотныхъ земель, конопляниковъ и пр.

«Отъ подобнаго раздѣла поле выходитъ раздѣленное на полосы, шириною въ 2 и 1½ саж., иногда и уже. Дробность полосъ часто бываетъ очень велика, но это не стѣсняетъ крестьянъ; они заботятся только, чтобы при дѣлежѣ вся земля, худая и хорошая, была распредѣлена между ними по качествамъ своимъ по возможности равномѣрно; если же случается, что иному не посчастливится и достанется дурная земля, то общество принимаетъ въ немъ участіе и вознаграждаетъ его небольшими деньгами.

«Подобный же способъ раздѣла земли между крестьянами существуетъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ тою только разницею, что земля дѣлится не по числу душъ, а по числу тяголъ, отчего участки дѣлаются не такъ дробны и самый раздѣлъ производится проще; кромѣ того, въ раздѣлѣ земель между крестьянами принимаетъ непосредственное участіе самъ помѣщикъ или поставленный имъ бурмистръ. Общій передѣлъ земли, или перекладка тяголъ, вредящій крестьянскому хозяйству, дѣлается очень рѣдко; обыкновенно тягло владѣетъ доставшеюся ему землею долгое время; затяглые же, не имѣя земли, живутъ при семействахъ, помогая имъ или пріобрѣтая деньги на сторонѣ. Если же тягло въ деревнѣ, по какой нибудь причинѣ, уничтожилось, то земля, имъ оставленная, передается по жребію или по волѣ помѣщика одному изъ затяглыхъ, который съ этихъ поръ несетъ тягло.

«Въ оброчныхъ имѣніяхъ помѣщики предоставляютъ въ пользованіе крестьянъ всю свою землю и за это, по условію, получаютъ извѣстный оброкъ съ тягла; въ имѣніяхъ же барщинныхъ каждое тягло надѣляется среднимъ числомъ двумя десятинами въ каждомъ полѣ, и за это обязано обработывать такое же количество земли господской, употребляя для этого своихъ лошадей, упряжь и земледѣльческія орудія. Въ большей части имѣній, земли между помѣщикомъ и крестьянами дѣлятся по ровну; въ рѣдкихъ имѣніяхъ барская запашка превосходитъ крестьянскую. Кромѣ пашенной земли, крестьяне несущіе тягло надѣляются отъ помѣщика частью луговъ для сѣнокоса, выгономъ для скота, огородомъ, конопляникомъ и пр. Что касается до луговъ, то они дѣлятся такъ же, какъ и пашни, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ много; большею же частью раздѣлъ покосовъ производится каждое лѣто, обыкновенно когда настанетъ время сѣнокосу. Чрезъ это много терпятъ луга, потому что никто не заботится объ ихъ осушеніи и очищеніи.

«Въ хозяйственномъ отношеніи подобные раздѣлы земель имѣютъ много неудобствъ. Крестьянинъ, не имѣя твердой увѣренности сохранить землю, воздѣланную его трудами, на-долго и передать ее потом-

ству, дѣлается равнодушнымъ ко всѣмъ улучшеніямъ, если польза отъ нихъ предвидится только въ будущемъ; къ тому же раздробленіе крестьянскаго хозяйства, въ видѣ клочковъ земли, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, чрезвычайно затрудняетъ веденіе правильнаго хозяйства. Но, тѣмъ не менѣе, эта система раздѣла справедлива по совѣсти; крестьянинъ доволенъ ею и не тяготится ея недостатками, которые устраняетъ, по мѣрѣ возможности, своимъ практическимъ умомъ и довѣріемъ къ обществу. При дѣлежѣ случаются иногда ссоры и неудовольствія, но рѣдко были примѣры, чтобы крестьяне обращались къ властямъ съ просьбою разсудить ихъ въ дѣлежѣ земли.»

Изъ всего этого мы видимъ, что единственная практически невыгодная сторона общиннаго землевладѣнія въ Рязанской губерніи — обычай брать участокъ не однимъ цѣлымъ кускомъ въ каждомъ полѣ, а дробить землю каждаго поля на столько разныхъ частей, сколько есть разныхъ сортовъ земли, и давать каждому по полосѣ въ каждомъ изъ такихъ кусковъ, такъ что подушный участокъ въ каждомъ полѣ составляется изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ полосъ, очень мелкихъ. Но это неудобство не имѣетъ никакой связи съ общиннымъ землевладѣніемъ: при существованіи частной собственности земля одного поселянина также можетъ состоять изъ множества разбросанныхъ мелкихъ кусковъ, какъ и видимъ мы во Франціи, гдѣ семейство поселянъ, владѣющее землею, имѣетъ свою землю, раздробленною среднимъ числомъ на 23 или 24 клочка, лежащіе врозь другъ отъ друга. При частной собственности эта вредная раздробленность никакъ не можетъ быть устранена безъ очень рѣзкихъ принудительныхъ мѣръ, и даже будучи разъ истреблена — тотчасъ же стала бы возникать вновь. Земли одного владѣльца никакъ нельзя собрать въ одинъ кусокъ безъ принудительнаго обмѣна или принудительнаго отчужденія и округленія административнымъ путемъ. Но разъ собравшись въ одно мѣсто, поземельное имущество сельской семьи тотчасъ же вновь стало бы получать видъ прежней разбросанности отъ разныхъ дробленій одного куска и соединеній въ однѣ руки разныхъ полосъ разныхъ кусковъ черезъ продажу, наслѣдство и переходъ въ приданое. Вредная разбросанность клочковъ лежитъ въ самой натурѣ такого поземельнаго устройства. Но при общинномъ землевладѣніи разрозненность клочковъ бываетъ лишь слѣдствіемъ того, что поселяне не замѣчаютъ вреда въ ней, то есть существуетъ лишь въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ не очень важенъ приносимый ею вредъ, и исчезаетъ, какъ скоро становится тяжела для поселянъ. Изъ Гакстгаузена мы знаемъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ неудобство разбросанныхъ полосъ стало чувствительно, поселяне наши уже перешли къ другому спо-

собу дѣлить участки по душамъ,—къ способу, при которомъ никогда не возможно явиться вредной разбросанности полосъ. Вмѣсто того. чтобы давать въ каждый подушный участокъ полосу каждаго сорта земли, поселяне опредѣляютъ относительное достоинство каждаго сорта земли и достигаютъ одинаковости подушныхъ участковъ тѣмъ, что одну десятину лучшей земли полагаютъ равняющеюся, напримѣръ, $1^1/_4$ десятины земли втораго сорта, и быть можетъ цѣлымъ тремъ десятинамъ самой худшей земли. При такомъ способѣ нарѣзыванія подушныхъ участковъ каждый участокъ, состоитъ изъ одного куска въ полѣ, и радробленности уже никакой нѣтъ и быть не можетъ. Если рязанскіе поселяне еще не поступаютъ такимъ образомъ, это просто значитъ, что дробленіе на полосы еще не составляетъ для нихъ чувствительнаго неудобства. Г. Барановичъ говоритъ, какъ о слѣдствіи общиннаго владѣнія, еще о другомъ фактѣ,—о томъ, что они плохо удобряютъ землю; по это происходитъ отъ совершенно иной причины, какъ мы увидимъ сейчасъ.

Впрочемъ, мы замѣчаемъ все это лишь мимоходомъ. Здѣсь не мѣсто повторять мысли, давно и очень обширно изложенныя въ «Современникѣ». Дѣло для насъ теперь въ томъ, что г. Барановичъ, не будучи расположенъ къ общинному землевладѣнію, прямо свидѣтельствуетъ однако, что «крестьянинъ доволенъ этою системою», «не тяготится» тѣми слѣдствіями ея, которыя г. Барановичъ называетъ недостатками, и которыя скорѣе надобно назвать просто различіями ея отъ системы частной собственности. Мало всего этого: самъ г. Барановичъ признается, что «эта система раздѣла справедлива по совѣсти».

Извѣстно, что у насъ довольно плохо удобряются поля въ большей части тѣхъ губерній, земля которыхъ требуетъ удобренія. Есть люди, столь богатые воображеніемъ и привычные повторять безъ всякаго соображенія тирады изъ плохихъ французскихъ книжекъ, что приписываютъ это обстоятельство общинному землевладѣнію. Гораздо проще объяснять его тѣмъ, что наши поселяне бѣдны и не могутъ обзавестись достаточнымъ количествомъ скота, а помѣщики также почти всѣ издавна обременены долгами и по нерасчетливости не могли заняться хозяйствомъ какъ слѣдуетъ. О количествѣ и содержаніи скота у поселянъ Рязанской губерніи г. Барановичъ сообщаетъ намъ слѣдующее:

«Уходъ за скотомъ самый небрежный: скотъ никогда не чистится и не моется, солома бросается подъ ноги съ цѣлью увеличенія навоза, а не для того, чтобы доставить скоту сухую подстилку. Съ приготовленіемъ питательнаго корма и питья, а также съ употребленіемъ средствъ, предохраняющихъ скотъ отъ болѣзней, крестьяне почти незнакомы; вос-

тниваніе молодыхъ животныхъ самое противуестественное, отчего большая часть ихъ умираетъ; наконецъ для улучшенія породъ ничего не дѣлается; крестьяне нисколько не заботятся о томъ, чтобы общими силами пріобрѣтать хорошихъ быковъ для стадъ своихъ. Самое распложеніе животныхъ предоставлено природѣ; плодиться начинаютъ они прежде, чѣмъ достигнутъ полнаго развитія, отчего получается слабый и болѣзненный приплодъ, и порода съ каждымъ поколѣніемъ становится слабѣе и слабѣе.

«Очевидно, что при такомъ хозяйствѣ нельзя ожидать отъ скота большихъ выгодъ. Главная цѣль содержанія скота: полученіе навоза и на лѣтнее время молока. Мясная пища почти неизвѣстна крестьянамъ, въ городахъ же продовольствуются пригоннымъ скотомъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Земли Войска Донскаго. Масло получается въ маломъ количествѣ, и рѣдко можно найти такія хозяйства, въ которыхъ бы оно шло въ продажу и составляло предметъ дохода. Однимъ словомъ, рогатый скотъ держится крестьянами только для того, чтобы запастись навозомъ и пропитать себя молокомъ; но такъ какъ кормовыя средства весьма недостаточны, то крестьяне содержатъ самое ограниченное число головъ; въ большей части семействъ можно найти одну, двѣ и весьма рѣдко три коровы; такъ что и единственная цѣль содержанія рогатаго скота — накопленіе навоза, далеко не достигается.»

Но, разумѣется, смѣшно было бы ожидать, чтобы поселянинъ доставлялъ своему скоту пищу лучше той, какую имѣетъ самъ, или устроивалъ жилища для скота теплѣе, чище и удобнѣе, чѣмъ въ какихъ живетъ самъ. Мы возьмемъ изъ книги г. Барановича слѣдующія очень вѣрныя замѣтки о пищѣ и жилищахъ рязанскихъ поселянъ.

«Обыкновенно пища крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ вседневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдней часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ; въ праздникъ пекутъ, изъ ржаной муки съ примѣсью пшеничной, такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни, варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны или просто молока; о заправѣ щей мукою, масломъ и крупами не многіе имѣютъ понятіе и потому они выходятъ жидки и невкусны, вполнѣ суровыя. Каша бываетъ гречневая, пшенная и просяная, молочная и съ постнымъ масломъ или толченымъ конопляннымъ сѣменемъ, во время постовъ; употребленіе каши уже служитъ признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается до мясной пищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще

менѣе; въ общемъ употребленіи она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина и севрюжина, и свѣжая: плотица, окунь, ершъ, пискарь, язь, касарь, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи, по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма питательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола, еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; а въ сѣверныхъ уѣздахъ объ нихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи, безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ не разбирая зрѣлы ли онѣ, или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы.

«Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служатъ болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который также, какъ и яичница подаются къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ приготовленіемъ пищи крестьяне не знакомы, развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной количество съѣдаемой пищи, можно сказать, удвоивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда, напротивъ, крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ; и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ; въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Къ довершенію всего, часто у крестьянъ къ этому времени недостаетъ даже хлѣба, и онъ прибѣгаетъ къ займамъ или для насущнаго пропитанія молотитъ рожь еще незрѣлую.

«Жилище поселянина, состоящее изъ разныхъ построекъ, представляетъ всегда фигуру четвероугольника, болѣе или менѣе продолговатую. Главное строеніе есть изба, стоящая обыкновенно лицомъ на улицу; въ одну линію съ нею — ворота, потомъ амбаръ или плетень; по бокамъ и съ заду бани, погреба, конюшни, хлѣвы, загороды для скота и разныя другія пристройки. Амбары не всегда находятся въ чертѣ прочихъ строеній; есть много деревень, особенно въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ амбары стоятъ отдѣльно чрезъ улицу и за дворомъ.

«Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ

между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для житья, а другая есть клѣть, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ это главное строеніе крестьянина весьма разнообразно въ своихъ формахъ; иногда вмѣсто клѣти ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются дурно сколоченнымъ поломъ горизонтально на двѣ половины, изъ коихъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣть и называется подполица. Въ уѣздахъ Данковскомъ, Скопинскомъ, Пронскомъ и другихъ западныхъ клѣть называется горницей, а иногда горенкой.

«Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ; такимъ образомъ, средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаютъ отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 кубическихъ аршина; въ каждой избѣ, въ сложности, живутъ по восьми человѣкъ; слѣдовательно, каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину три, а въ вышину два аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіе зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитая большею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ *опечикѣ*, устроенномъ въ углу, подлѣ двери, и занимаетъ обыкновенно шестую часть избы. Русская печь не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію; если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и для приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы. Крестьяне это ясно видятъ, и — вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, то есть нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ долѣе горячій дымъ, посредствомъ поворотовъ въ трубѣ, задерживается въ печи, тѣмъ болѣе она даетъ теплоты, и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ предъ бѣлыми; кромѣ того, курныя избы удобнѣе, потому что сухи; напротивъ, избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому что печь не въ состояніи нагрѣвать надлежащимъ образомъ стѣны, и онѣ мокнутъ, осаживая влажность въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны; если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ, то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемая пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и

пр., а кругомъ заплѣснѣвшія гнилыя стѣны,—то въ этихъ избахъ долженъ быть угаръ, и въ этомъ случаѣ дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собой вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи обыкновенно отворяются двери.

«Все это причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ; даже топятъ по черному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра — позволяютъ хозяину вполнѣ воспользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба съ трубой.

«Исчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожь не признать ихъ весьма неудобными; онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неровною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но зато утромъ температура почти равняется уличной.»

Все это вещи, очень давно и очень хорошо извѣстныя каждому, кто сколько нибудь интересовался бытомъ великорусскихъ поселянъ. Каждому изъ такихъ людей не менѣе извѣстны и причины такого положенія. Но г. Барановичъ излагаетъ дѣло такимъ спокойнымъ тономъ, что едва ли у кого нибудь достанетъ смѣлости обвинить представляемый имъ отчетъ въ преувеличеніи. Думаемъ, что слѣдующія мѣста, приводимыя нами изъ его книги, не нуждаются въ комментаріяхъ, какъ вѣроятно не нуждаются и предыдущіе отрывки. Мы ограничимся тѣмъ, что выпишемъ ихъ.

Говоря о недоимкахъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ, г. Барановичъ дѣлаетъ такое объясненіе:

«Одно важное обстоятельство необходимо должно было имѣть вліяніе на состояніе недоимокъ у казенныхъ крестьянъ,—это учрежденіе палаты государственныхъ имуществъ. Не утверждая въ какой мѣрѣ это учрежденіе способствовало или препятствовало успѣшному взносу податей, представимъ состояніе недоимокъ до открытія палаты государственныхъ имуществъ и послѣ сего. Эти сравнительные выводы покажутъ слѣдующее:

при учрежденіи палаты въ 1839 году,
подушной и оброчной недоимки считалось. . . 110,948 р. с.
а къ 1856 году. . . . . 768,796 « «

«Слѣдовательно недоимка увеличилась на 657,848 р., то есть въ семь разъ.

«Наконецъ, есть еще одно зло, сильно ослабляющее народную нравственность и благосостояніе и служащее главнѣйшею причиною накопленія недоимокъ: это пьянство, — порокъ тѣмъ болѣе возбуждающій сожалѣніе, что пагубныя слѣдствія онаго усиливаются разными посторонними обстоятельствами.»

Число кабаковъ, пропорціонально количеству душъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ пять разъ больше, чѣмъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ. Но многочисленность эта не должна считаться слѣдствіемъ желанія самихъ государственныхъ крестьянъ: они, по свидѣтельству г. Барановича, «ходатайствуютъ о выводѣ питейныхъ домовъ изъ своихъ селеній» (стр. 416).

О помѣщичьихъ крестьянахъ и о помѣщикахъ мы не будемъ говорить ничего, довольствуясь только одною краткою выпискою о тѣхъ и другою столь же краткою о другихъ. Изъ крестьянскихъ повинностей мы замѣтимъ слова г. Барановича только объ одной обозной.

«Лѣтнія обязательныя работы состоятъ въ разныхъ полевыхъ занятіяхъ по земледѣлію; зимнія же въ молотьбѣ и возкѣ помѣщичьяго хлѣба на продажу, къ мѣстамъ сбыта. Эта возка составляетъ одну изъ обременительныхъ статей барщинныхъ обязанностей и совершается часто въ отдаленныя мѣста; въ уѣздахъ Раненбургскомъ и Данковскомъ каждое тягло обязано дѣлать отъ двухъ до трехъ *обозовъ* въ зиму, за 350 верстъ каждый; въ Пронскомъ и Михайловскомъ такое же количество обозовъ въ Москву, на разстояніе отъ 200 до 280 верстъ; въ Зарайскомъ по три обоза въ Москву и по шести къ Ильѣ Пророку (Московской губерніи, Богородскаго уѣзда) и пр.»

О состояніи помѣщиковъ Рязанской губерніи можно судить по способу, какимъ продаютъ они хлѣбъ.

«Заподряды хлѣба у помѣщиковъ дѣлаются въ декабрѣ или январѣ мѣсяцахъ, когда обыкновенно цѣны стоятъ выгоднѣйшія; иногда заподряды эти дѣлаются и ранѣе, но всегда принимаются въ разсчетъ цѣны январьскія, и по нимъ совершается расплата. Случается, что хлѣбъ покупаютъ даже на корню и деньги выплачиваются впередъ, но при этомъ заключается условіе, что противу цѣнъ, которыя будутъ въ январѣ, помѣщикъ долженъ сдѣлать уступку на 15 и болѣе процентовъ.

«Купецъ, покупая у помѣщика хлѣбъ, даетъ ему задатокъ; чѣмъ выгоднѣе сдѣлана покупка и чѣмъ настоятельнѣе требованіе на хлѣбъ, тѣмъ болѣе платится задатокъ, такъ что величина задатка опредѣляетъ и самую степень выгодности торговли; впрочемъ, при значительномъ заподрядѣ въ задатокъ дается обыкновенно половина всей суммы; иногда же платятся и всѣ деньги, но при этомъ дѣлается въ пользу купца уступка.»

Читатель конечно понимаетъ, что выгоднѣйшими цѣнами называются здѣсь выгоднѣйшія для купцовъ, то есть самыя низкія. Такимъ образомъ помѣщики Рязанской губерніи, по разстроенности своихъ дѣлъ, принуждены продавать хлѣбъ по самымъ убыточнымъ

цѣнамъ, да и изъ этихъ цѣнъ дѣлать купцамъ значительную уступку для полученія денегъ впередъ. Надобно помнить, что г. Барановичъ говоритъ о положеніи дѣлъ въ годы, предшествовавшіе началу такъ-называемаго крестьянскаго вопроса. Вообще онъ говоритъ, что хозяйственныя дѣла помѣщиковъ Рязанской губерніи находились тогда въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ.

Закрывая его книгу, мы должны сказать, что часто и очень часто будутъ ссылаться на неё всѣ, занимающіеся статистикою Россіи. Г. Барановичъ заслуживаетъ полной признательности за свой прекрасный и добросовѣстный трудъ. Надобно желать, чтобы и слѣдующіе томы полезнаго изданія, предпринятаго департаментомъ генеральнаго штаба, походили на описаніе Рязанской губерніи.

Экономическая Библіотека. — Промышленныя предпріятія. *Курсель-Сенёля.* Переводъ съ французскаго, изданный подъ редакціей В. Вешнякова. С.-Петербургъ. 1860 г.

Зачѣмъ написана Курсель-Сенёлемъ книга, переведенная теперь на русскій языкъ, и зачѣмъ переведена она на русскій языкъ, этого разобрать никакъ нельзя; но такъ-какъ она уже написана и переведена неизвѣстно зачѣмъ, то надобно похвалить ее. Да и какъ не похвалить? Въ предисловіи къ русскому изданію мы читаемъ, что о достоинствахъ ея «свидѣтельствуютъ достаточно какъ два изданія ея на французскомъ языкѣ, слѣдовавшія одно за другимъ на разстояніи двухъ лѣтъ, такъ и благопріятные отзывы, которыми она была встрѣчена при первомъ появленіи своемъ не только французскими, но и русскими журналами».

Мы согласны съ этими журналами, что книга хороша, только все-таки думаемъ, что не стоило ни писать, ни переводить ее. Читателю могутъ показаться странными такія слова. Но пусть припомнитъ онъ знаменитую статью «О сухихъ туманахъ», когда-то перепугавшую читателей покойнаго «Атенея». Кто могъ сказать, что статья эта не хороша? кто могъ сказать, что слѣдовало ее печатать? Мы помнимъ, что по случаю этой статьи было даже составлено оглавленіе къ книжкѣ «Атенея», которая будто бы должна содержать слѣдующія статьи:

О переходныхъ породахъ отъ девонской формаціи къ юрской въ графствѣ Ланкастерскомъ;

О спинномъ хребтѣ африканскаго строѳокамила;

Температура воды въ глубинѣ Адріатическаго моря;

Идеализмъ и реализмъ въ стихотвореніяхъ г. Пилянкевича, или г. Пилянкевичъ какъ идеалистъ между реалистами и т. д. и т. д.

Для успѣшнаго веденія торговыхъ, фабричныхъ и земледѣльческихъ предпріятій необходимо знать и соблюдать извѣстныя экономическія правила, напримѣръ: покупать матеріалы не безъ разбора, вести счеты свои въ порядкѣ, не дѣлать напрасныхъ расходовъ, заниматься дѣломъ прилежно, предварительно позаботиться о пріобрѣтеніи нужныхъ для него свѣдѣній, и прочее. Скажите пожалуйста, надобно ли писать книгу для разъясненія этихъ условій, необходимыхъ для выгоднаго веденія дѣлъ? Если надобно, отвѣчайте мнѣ скорѣе, потому что въ такомъ случаѣ я не замедлю написать еще нѣсколько подобныхъ книгъ: одну книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ, — тутъ будетъ говориться, что чиновникъ долженъ выучиться правильному письму, старательно изучить формы дѣлопроизводства, быть усерденъ къ должности и т. д. Другую книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для учителя, — тутъ будетъ говориться, что учитель долженъ быть хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, посѣщать классы аккуратно и т. д. Но очень можетъ быть, что такія книги были бы совершенно лишни. Кому изъ людей, занимающихся или желающихъ заняться преподаваніемъ или чиновничествомъ неизвѣстны всѣ азбучныя истины, которыя составляли бы содержаніе такихъ книгъ? Вотъ точно такова и книга объ условіяхъ, нужныхъ промышленному предпринимателю.

Но въ свою книгу объ условіяхъ, нужныхъ чиновнику, я могъ бы, кромѣ азбучныхъ правилъ, напихать множество разныхъ отрывковъ изъ Свода Законовъ и разныхъ юридическихъ книгъ. Отрывки эти могли бы каждый въ отдѣльности имѣть смыслъ. Не имѣло бы смысла только нанизыванье ихъ на нитку, ровно ни къ чему не пригодную. Точно также поступилъ и Курсель-Сенёль: изъ французскихъ кодексовъ и политико-экономическихъ книгъ набралъ онъ всего, что попалось ему подъ руку, нанизалъ всѣ эти отрывки, куда какой пришелся, и вышла книга, не лишенная страницъ, любопытныхъ для того, кому не удалось имѣть въ рукахъ книгъ, составленныхъ по плану, болѣе разумному. Напримѣръ: двойная бухгалтерія, знаніе очень хорошее, очень важное; если вы хотите научиться двойной бухгалтеріи, вы возьмете какое нибудь руководство къ ней. Если вы не хотите учиться ей, вы прочтите главу «основанія устройства счетоводства» въ книгѣ Курсель-Сенёля, — вы вполнѣ достигнете своей цѣли: двойной бухгалтеріи не выучитесь, а часа два или три убьете на перевертываніе страницъ, потому что выдержки изъ руководствъ къ двойной бухгалтеріи занимаютъ у Курсель-Сенёля очень много страницъ, чуть ли не до сотни. Или вотъ еще хорошая вещь — французскіе коммерческіе законы. Если вы хотите изучать француз-

ское торговое право, вы возьмите какое нибудь руководство по этому предмету; а въ книгѣ Курсель-Сенёля написано о немъ гораздо больше страницъ, чѣмъ нужно для человѣка, не желающаго торговать во Франціи или спеціально заниматься коммерческимъ правомъ, и несравненно меньше, чѣмъ нужно для французскаго промышленника или для спеціалиста. Словомъ сказать, книга Курсель-Сенёля— нѣчто въ родѣ книжекъ, какія встарину издавались подъ названіями «Красоты Локка», или «Духъ Стерна», или «Избранные Отрывки изъ Гольдсмита» — книжекъ, въ которыхъ есть разныя половинки и четверти разныхъ главъ, не дающія вамъ никакого понятія ни о чемъ, но очень не дурныя.

Презабавно читать на второмъ листѣ книги подробное заглавіе: «Руководство къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ». Не менѣе забавно читать наивное «предисловіе автора», говорящаго въ такомъ родѣ:

«Сближенія экономическихъ истинъ съ фактами, подмѣченными опытностію просвѣщенныхъ предпринимателей въ торговлѣ, въ мануфактурной промышленности и въ земледѣліи, достаточно, чтобы дать полезное содержаніе цѣлой книгѣ, въ которой бы практическія правила были повѣрены, подтверждены и выражены теоретически, книгѣ, которая бы указывала начинающимъ предпринимателямъ или домогающимся еще только званія главы предпріятія, главныя теченія и подводные камни того океана, въ который они пускаются. Подобная книга можетъ научить даже практиковъ, которые, занимаясь дѣлами съ дѣтства, не имѣли довольно времени для размышленія, чтобы составить себѣ теорію. Наконецъ она можетъ служить и людямъ свѣтскимъ, любящимъ науку, умамъ пытливымъ, которые, стоя внѣ дѣлъ, хотятъ однакоже знать ихъ духъ, обычаи, потребности, смыслъ и общественное значеніе.»

Курсель-Сенёль хочетъ учить практиковъ, какъ имъ выгоднѣе вести свои дѣла, — да развѣ этому можно научиться изъ книгъ? Это все равно, что учиться изъ книгъ благоразумію, опытности, твердому характеру, бережливости. Другое дѣло техническія свѣдѣнія, — они дѣйствительно могутъ быть пополняемы, расширяемы книгами, но ужь никакъ не книгами политико-экономическаго содержанія, а развѣ курсами технологіи, агрономіи, руководствами къ выдѣлкѣ кожъ или къ воспитанію шелковичныхъ червей, къ устройству прядильныхъ фабрикъ или свекло-сахарныхъ заводовъ и т. д. Курсель-Сенёль хочетъ «служить и людямъ свѣтскимъ, любящимъ науку, умамъ пытливымъ», но вѣдь такіе люди, съ такими умами, станутъ читать курсы политической экономіи или изслѣдованія о положеніи

промышленности, станутъ изучать или теорію, имѣющую какой нибудь смыслъ, или факты, имѣющіе какой нибудь смыслъ, — такіе люди нимало не нуждаются въ компиляціяхъ, составленныхъ изъ разнородныхъ обрывковъ разныхъ знаній.

Само собою разумѣется, что не стоило бы говорить о такой ничтожной книгѣ, если бы она являлась просто отдѣльною книгою. Но на оберткѣ ея выставлено «Экономическая Библіотека»; изъ этого надобно заключать, что разсматриваемая нами книга служитъ началомъ цѣлаго ряда томовъ. Мы хотѣли предупредить издателя или издателей «Экономической Библіотеки», что въ выборѣ сочиненій для перевода полезна была бы имъ разборчивость.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе *Ѳ. Буслаева*. 2 большихъ тома, въ 4°. Изданіе книгопродавца Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.

Въ этомъ обширномъ изданіи, исполненномъ съ большой типографской роскошью, собраны въ одно цѣлое разныя изслѣдованія г. Буслаева о русской старинѣ, разсѣянныя по журналамъ и сборникамъ и приведенныя теперь въ нѣкоторую систему. Многое прибавлено имъ вновь, многое значительно передѣлано и пополнено. Историческіе очерки расположены въ слѣдующемъ порядкѣ. Первый томъ посвященъ исключительно изслѣдованьямъ о русской народной поэзіи. Авторъ начинаетъ съ общей характеристики народной поэзіи, въ ея связи съ языкомъ, бытомъ и миѳологіей народа, излагаетъ ея существенныя особенности, преимущественно по русскимъ памятникамъ, но безпрестанно обращаясь и къ народной поэзіи другихъ индоевропейскихъ племенъ. За общей характеристикой слѣдуетъ изученіе содержанія славянскихъ поэтическихъ преданій и памятниковъ, наконецъ объясненіе собственно русскихъ памятниковъ въ ихъ отношеніи къ народной поэзіи и преданьямъ. Второй томъ посвященъ древне-русской народной литературѣ и искусству. Авторъ доказываетъ прежде всего присутствіе народно-поэтическихъ элементовъ въ древней русской литературѣ, въ которой до сихъ поръ не видѣли участія народа и которой давали исключительно церковное значеніе. Свое положеніе авторъ несомнѣнно подтверждаетъ разборомъ старинныхъ памятниковъ, въ особенности легендъ: его критика сказаній о св. Меркуріѣ смоленскомъ, Петрѣ и Февроніи муромскихъ, объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ является въ нашей литературѣ первымъ въ своемъ родѣ изслѣдованіемъ старинныхъ вѣрованій народа, и въ первый разъ указываетъ памятни-

камъ этого рода ихъ настоящее мѣсто въ древней русской письменности. Эта критика составляетъ одну изъ лучшихъ заслугъ г. Буслаева въ нашей ученой литературѣ. То же надобно сказать и объ его изученіи стариннаго русскаго искусства, т. е. преимущественно миньятюрной живописи манускриптовъ, которой онъ также пользуется какъ матеріаломъ для изслѣдованія поэзіи и вѣрованій народа. Авторъ старается раскрыть художественные элементы, существовавшіе въ древней Руси, ихъ происхожденіе и ихъ развитіе въ памятникахъ стариннаго иконописнаго и миньятюрнаго искусства. Массѣ читателей, конечно, очень мало знакомы древности подобнаго рода, и для облегченія ихъ авторъ издалъ въ своей книгѣ множество прекрасно-исполненныхъ очерковъ съ миньятюръ, находящихся въ старинныхъ рукописахъ. Изслѣдованія г. Буслаева обо всѣхъ этихъ предметахъ идутъ въ его «Очеркахъ» цѣлымъ рядомъ монографій, старательно обдѣланныхъ и очень занимательно переданныхъ.

Г. Буслаевъ уже давно пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древней русской поэзіи и литературы, и намъ излишне говорить, какъ важно будетъ его изданіе для тѣхъ, кто занимается русской стариной. Дополнивъ и во многомъ передѣлавъ свои прежнія статьи, г. Буслаевъ далъ «Историческимъ очеркамъ» если не полную систему, то нѣкоторую послѣдовательность, въ которой его взглядъ легче воспринимается читателемъ. Самый взглядъ автора въ новомъ изданіи его сочиненій получилъ бóльшую опредѣленность; занимаясь долго народнымъ эпосомъ, народными повѣрьями и преданьями, г. Буслаевъ больше и больше усвоилъ себѣ поэтическіе образы старой жизни и старыхъ людей, они полнѣе стали возстановляться въ его собственномъ воображеніи, такъ что, если сравнить его прежніе труды, вообще болѣе объективные, съ той формой, которую онъ даетъ имъ въ настоящемъ изданіи, мы замѣтимъ у него, если не больше истинной симпатіи къ народу, то больше пристрастія къ старинѣ. Намъ кажется именно, что увлекшись первобытной поэзіей, г. Буслаевъ приписалъ древнему преданью слишкомъ много значенія въ народной судьбѣ и слишкомъ мало оцѣнилъ историческія требованія развитія. Народная поэзія представляется ему почти исключительной нормой поэтической культуры, между тѣмъ какъ ея собственная исторія даетъ намъ чувствовать эпохи упадка, происходящаго отъ ея собственной несостоятельности при встрѣчѣ съ жизнью.

Общій взглядъ г. Буслаева намъ кажется слишкомъ исключительнымъ, и мы не можемъ съ нимъ согласиться. Но это не мѣшаетъ намъ признать несомнѣнныя достоинства, которыми отличается его

книга: она будетъ необходима каждому, кто интересуется исторіей народныхъ понятій, вѣрованій, обрядовъ, поэзіи, словомъ—исторіей народности; г. Буслаевъ съ большимъ искусствомъ умѣетъ объяснять происхожденіе и смыслъ этихъ проявленій народнаго духа; для объясненія ихъ онъ умѣетъ воспользоваться и намекомъ древней лѣтописи, и народной пѣсней, и темнымъ обрядомъ, и уродливой картинкой лицеваго Псалтыря. Всѣ эти разбросанныя черты соединяются у него въ живой разсказъ о старинѣ, какихъ до сихъ поръ немного представляла наша ученая литература. Сочиненіе богато остроумными объясненьями и указаніями, которыя будутъ безъ сомнѣнія весьма полезны для будущихъ изслѣдователей этого предмета. Правда, и здѣсь г. Буслаевъ не свободенъ отъ увлеченій; онъ преувеличиваетъ иногда значеніе древняго преданья, дѣлаетъ нѣсколько произвольныя сближенія, находитъ миѳическую старину тамъ, гдѣ фактъ объясняется и безъ помощи древняго миѳа, и т. п. Впрочемъ мы будемъ впослѣдствіи имѣть случай нѣсколько подробнѣе говорить о взглядахъ г. Буслаева, и ограничиваемся теперь однимъ извѣщеніемъ о его книгѣ, которая безъ сомнѣнія получитъ должный успѣхъ въ публикѣ.

Внѣшность изданія, какъ мы сказали, отличается большой типографской роскошью, какой мы не привыкли видѣть въ нашихъ ученыхъ книгахъ; множество снимковъ съ старыхъ миньятюръ помогаютъ читателю войти въ ту старину, которую объясняетъ г. Буслаевъ. Снимки сдѣланы исключительно съ миньятюръ въ рукописяхъ, отъ четырнадцати до осьмнадцатаго столѣтія.

Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Москва. 1860. 3 книги.

«Чтенія» Московскаго Общества безъ сомнѣнія — лучшее изъ всѣхъ изданій нашихъ ученыхъ обществъ, которыя вообще или дремлются мирно, никому неизвѣстныя, академической схоластикѣ, или не имѣютъ времени заняться дѣломъ за домашними раздорами. Возстановленныя въ прежнемъ видѣ, «Чтенія» опять отличаются тѣми достоинствами, которыя прежде составили ихъ репутацію; почтенный редакторъ умѣетъ и теперь, какъ прежде, отыскивать весьма интересныя вещи, съ которыми «Чтенія» дѣлаются дѣйствительно необходимы для занимающихся россійской исторіей. На любопытныхъ матеріалахъ, относящихся къ новой исторіи и напечатаннымъ г. Бодянскимъ, съ невольнымъ вниманіемъ остановится не одинъ спеціалистъ, бросающійся и на скучныя для другаго мелочи, но и всякій читатель, не лишенный любознательности.

Въ первой книжкѣ, изъ ученыхъ изслѣдованій, любопытна статья г. Майкова о земельной собственности въ древней Сербіи; изъ матеріаловъ древнихъ — біографія одного болгарскаго святаго, важная для старой исторіи болгаръ; изъ новыхъ русскихъ матеріаловъ — много записокъ и мнѣній о разныхъ предметахъ государственнаго управленія извѣстнаго адмирала Мордвинова, Лопухина, Румянцева и проч., но въ особенности различныя сочиненія извѣстнаго историка екатерининскихъ временъ, князя М. М. Щербатова. Этотъ писатель, уже полу-забытый, теперь снова заинтересовалъ нашу публику, благодаря тому, что любители русской исторіи вызвали изъ забвенія многіе труды князя, скрывавшіеся подъ спудомъ, особенно статью его «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Статьи кн. Щербатова, напечатанныя въ «Чтеніяхъ», найдены были лѣтъ пять тому назадъ покойнымъ М. П. Заблоцкимъ въ числѣ бумагъ его, уцѣлѣвшихъ отъ пожара 1812 года. Нѣкоторыя извлеченія и отдѣльныя небольшія статьи изъ нихъ печатались въ разныхъ журналахъ, а теперь все, найденное Заблоцкимъ, напечатано или обѣщано въ «Чтеніяхъ», за исключеніемъ только статьи «О поврежденіи нравовъ», полное изданіе которой пока еще невозможно. Издатель утѣшаетъ насъ только пословицей, что «все идетъ въ свой чередъ; а что людямъ пойдетъ, и до насъ дойдетъ».

Записка «О поврежденіи нравовъ» принадлежитъ однако къ числу наиболѣе замѣчательныхъ статей кн. Щербатова, какъ особенно яркое выраженіе его мнѣній, которыя конечно не были въ то время его исключительными мнѣніями. По этой запискѣ кн. Щербатова можно было бы счесть за славянофила своей эпохи: онъ сильно осуждаетъ испорченность нравовъ въ царствованіе Елисаветы и Екатерины и ищетъ лучшихъ временъ въ старой до-петровской Россіи. Изъ другихъ его сочиненій, напечатанныхъ г. Бодянскимъ, мы видимъ однако, что это пристрастіе къ древней Руси не было у него окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла. Здѣсь является у него какъ будто даже другое направленіе, и любопытно было бы знать, раньше или позже статьи «О поврежденіи нравовъ» написано, напримѣръ, «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго». Это чистая апологія Петра, написанная съ полнымъ признаніемъ пользы, принесенной реформою, съ самымъ невыгоднымъ взглядомъ на семнадцатое столѣтіе. «Разсмотрѣніе» не лишено занимательности для нашего времени, когда защитники народности и ея «естественнаго» развитія бросаютъ тѣнь на реформу Петра и приписываютъ ей вредный характеръ, представляя ее дѣломъ частнаго произвола. Не защищая личный характеръ Петра, мы обращаемъ только вниманіе на аргументы, которыми защищаетъ его князь Щерба-

товъ, потому что въ нихъ обнаруживается взглядъ на семнадцатое столѣтіе, можетъ быть не безполезный *для* историковъ нашего времени. Для насъ вопросъ объ отношеніи реформы къ старой Россіи становится уже вопросомъ изученія; для насъ почти одинаково далеко и время Петра и московское царство: тѣмъ интересные мнѣніе умнаго Щербатова, въ воспоминаніяхъ котораго обѣ эпохи были свѣжѣе, который самъ еще знавалъ людей петровскихъ временъ. Притомъ, его нельзя обвинить и въ пристрастіи къ Петру, которое было такъ естественно у людей осьмнадцатаго вѣка; онъ достаточно заявилъ свои національно-русскія наклонности. Князь Щербатовъ не беретъ на себя безусловной защиты Петра, но во многомъ, за что обвиняли Петра, горячо его оправдываетъ тѣми нравами, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, и которымъ онъ покорялся наравнѣ съ другими. Картина эпохи, предшествовавшей реформѣ, въ статьѣ Щербатова производитъ впечатлѣніе едва ли менѣе сильное, чѣмъ то повреждение нравовъ, которое онъ видѣлъ въ позднѣйшее время. Самовластіе Петра онъ защищаетъ тѣми громадными затрудненіями, съ которыми онъ поминутно встрѣчался въ своей дѣятельности, и которыя не имѣли смысла въ его глазахъ. Нашъ авторъ, впрочемъ, говоритъ въ концѣ своей апологіи: «остается мнѣ въ заключеніе сего оправдать и себя въ томъ, что можетъ быть нѣкоторые мнѣ скажутъ, что я есть защитникъ самовластія, и что по предположеннымъ мною правиламъ и каждый монархъ можетъ сказать, что онъ такіе же имѣетъ благіе виды, и подобныя же ему обстоятельства настоятъ (заставляютъ) употреблять самовластіе, и его употребить. Нѣсть мое намѣреніе побуждать владыкъ свѣта къ ослабленію взаимной связи престола и гражданъ, и влагать въ нихъ мысли, усугубляющія злосчастія рода человѣческаго» и проч. (стр. 21). Онъ говоритъ именно въ свое оправданіе, что послѣ Петра уже не было обстоятельствъ, которыя могли бы дать поводъ къ самовластію, что никому изъ монарховъ не представлялось столько препятствій, и что никто изъ нихъ не испыталъ на себѣ столькихъ опасностей и лишеній, чтобы сравняться съ Петромъ.

Въ дополненіе къ этому разбору дѣятельности Петра Великаго кн. Щербатовъ написалъ «Примѣрное времянечислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы». Предположивши возможность такого вопроса, онъ высчитываетъ всѣ обстоятельства, которыя должны были обусловливать ходъ просвѣщенія въ Россіи, еслибы она осталась безъ реформы; и по его расчетамъ выходитъ, что Россія только въ

1892 году могла бы дойти до такого положенія, въ какомъ была въ его время, т. е. въ царствованіе Екатерины, конечно еслибы она при этомъ была въ безопасности отъ сосѣдей, и если бы ей при ея старыхъ порядкахъ удалось спастись отъ покоренія Карломъ XII или Фридрихомъ II.

Далѣе, во второмъ томѣ, любопытны въ отдѣлѣ славянскихъ матеріаловъ: новое изданіе «Исторіи о Черной Горѣ», напечатанной въ половинѣ прошлаго столѣтія черногорскимъ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и «Житіе» сербскаго царя Лазаря, разсказанное пѣсеннымъ языкомъ и важное для исторіи сербской народной поэзіи и литературы;—въ смѣси: очень интересное подметное письмо Петру Великому о неудовольствіи на него солдатъ, наскучившихъ войнами и тяжелой работой; подлинныя бумаги, относящіяся до Пугачевскаго бунта; исторія воспитательныхъ домовъ, особенно московскаго, и любопытный эпизодъ о послѣднемъ въ 12-мъ году; опять цѣлый рядъ записокъ и мнѣній, писанныхъ разными государственными лицами временъ Александра I, и между прочимъ не лишенные занимательности документы для исторіи крестьянскаго вопроса, между которыми любопытны писанія графа Ѳ. В. Растопчина, обнаруживающія въ немъ усерднѣйшаго защитника помѣщичьихъ правъ и врага освобожденія. Но лучшее украшеніе книжки составляютъ «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. Вл. Лопухина», извѣстнаго мартиниста и сподвижника Новикова. Этими записками уже пользовались отчасти нѣкоторые изъ нашихъ историковъ литературы, писавшихъ о временахъ Екатерины; теперь г. Бодянскій далъ полное изданіе ихъ, за вѣрность котораго онъ ручается. Въ рукописи онѣ были довольно извѣстны, потому что самъ Лопухинъ роздалъ нѣсколько списковъ съ нихъ своимъ знакомымъ, и между прочимъ прислалъ одинъ и въ библіотеку Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Списокъ ихъ есть и въ здѣшней Публичной Библіотекѣ. Записки Лопухина чрезвычайно любопытны для исторіи нашего общества въ послѣдніе годы Екатерины, при Павлѣ и въ первые годы царствованія Александра. Особенно занимательны подробности, которыя сообщаютъ онѣ объ извѣстномъ обществѣ мартинистовъ, собравшемся около Новикова и представляющемъ замѣчательный эпизодъ въ исторіи нашего общества въ XVIII столѣтіи. Мы постараемся впослѣдствіи сообщить читателямъ «Современника» наиболѣе характеристическія черты этой замѣчательной автобіографіи. До послѣдняго времени изданіе «Записокъ» Лопухина было по разнымъ обстоятельствамъ очень затруднительно, и нельзя не поблагодарить почтеннаго редактора «Чтеній», за его постоянство въ ученыхъ предпріятіяхъ.

Въ третьемъ недавно вышедшемъ томѣ довершено изданіе «Записокъ» Лопухина, и опять сообщается множество любопытныхъ матеріаловъ для новой русской исторіи. Не перечисляя всѣхъ ихъ, мы укажемъ только немногіе, наиболѣе важные историческіе, напр., «Записку канцлера В. П. Кочубея о кончинѣ принца Іоанна Антоновича Ульриха» (такъ-называемое дѣло Мировича); «Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла», соч. графа Растопчина; «Письма русскихъ государей къ новгородскимъ архіереямъ»; далѣе «Слѣдственное дѣло объ академикѣ Шумахерѣ», старинные акты, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрьевъ шуянъ въ XVII столѣтіи, и т. д. Изъ ученыхъ статей замѣтимъ продолженіе большаго изслѣдованія покойнаго Вл. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи». Кромѣ того, «Чтенія» представляютъ переводъ книги Стриннгольма о Скандинавскихъ Викингахъ, и книги Мацѣевскаго объ Исторіи славянскихъ законодательствъ, о которой впрочемъ знающіе спеціалисты думаютъ, что ее вовсе не стоитъ переводить.

Изъ нашихъ короткихъ указаній читатель увидитъ, какой большой запасъ важныхъ историческихъ документовъ представляютъ «Чтенія», и оцѣнитъ вмѣстѣ съ нами заслуги почтеннаго редактора, которому конечно стоитъ не малаго труда дѣлать правильное ихъ изданіе. Но при несомнѣнныхъ достоинствахъ изданія тѣмъ непріятнѣе поражаютъ насъ его слабыя стороны, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ въ надеждѣ, что они останутся не безъ пользы. Нѣкоторыя странности попадаются и въ прежнихъ «Чтеніяхъ», но отъ нихъ пора было бы освободиться серьёзному изданію, для поддержанія его собственнаго достоинства. Къ чему, напримѣръ, печатаются въ «Чтеніяхъ» статьи въ родѣ «Моголъ и Индійскихъ Кагановъ XIII вѣка» г. Вельтмана, который уже достаточно испыталъ себя на историческомъ поприщѣ, издавши книгу «Индо-Германе или Сайване». Можетъ быть подобныя вещи находятъ читателей, какъ находили ихъ прежніе чудодѣйственные романы того же г. Вельтмана изъ временъ Святослава, но все-таки ученому московскому обществу не слѣдовало бы отдавать страницы своего изданія подъ такія увеселительныя изслѣдованія; печатая подобныя вещи, оно очень подрываетъ свою ученую репутацію, которой конечно дорожитъ. Довольно страненъ также «Списокъ замѣчательныхъ лицъ русскихъ»; развернувши его на серединѣ, мы вдругъ наткнулись на цѣлый рядъ именъ, которыя можно было бы отнести въ русскія развѣ по ученой методѣ г. Вельтмана, именно: принцъ Оранскій Вильгельмъ, англійскій генералъ отъ кавалеріи

Энгьенъ, лордъ Гилль (послѣ виконтъ Гаукестонъ, Hawkestone), принцъ Августъ Прусскій и т. д. Наше недоумѣніе разрѣшилось, когда мы заглянули въ начало статьи и увидѣли, что списокъ русскихъ замѣчательныхъ лицъ есть собственно списокъ георгіевскихъ кавалеровъ; за ними слѣдуютъ кавалеры Владиміра первой степени. Мы не будемъ оспаривать исторической методы ученаго общества, считающаго замѣчательными русскихъ людей по степенямъ орденовъ и поставляющаго въ число ихъ много не русскихъ и не замѣчательныхъ людей; мы желали бы только, чтобы общество точнѣе опредѣляло свою тему и объясняло, напримѣръ, до какихъ орденовъ и степеней будетъ оно продолжать этотъ списокъ,—словомъ, гдѣ, на какомъ рангѣ граница замѣчательности. Дальше, къ чему помѣщена статья г. Шипова «Россія и Польша», лишенная не только всякаго такта, но и всякаго историческаго пониманія, переполненная доморощенными понятіями о государственномъ правѣ, въ родѣ знаменитаго разсужденія: народы дикіе любятъ независимость и проч. Г. Шиповъ утверждаетъ, что всѣ народы стремятся къ соединенію въ большія политическія тѣла и доказываетъ это такимъ образомъ: «въ древности и въ средніе вѣка народы жили сначала племенами, потомъ составлялись мало-по-малу общины, образовались княжества, герцогства и королевства (въ древности-то?); въ настоящее же время замѣтно стремленіе народовъ къ соединенію въ большія тѣла политическія. Это законъ природы, Всевышнимъ Творцемъ положенный... Но такому естественному сліянію народовъ въ большія государства во многихъ странахъ препятствуютъ династическія начала, существующіе трактаты и другія причины» и т. д. На подобной логикѣ основано все разсужденіе автора. Онъ утверждаетъ, что Русское государство есть союзъ славянскій (стр. 55), въ который вступило бывшее королевство Польское и въ которомъ эффектно онъ предполагаетъ сліяніе славянскихъ племенъ, судя по его разсужденію о стремленіяхъ народовъ. По мнѣнію г. Шипова, должны, напримѣръ, слиться и языки славянскіе; это мнѣніе подкрѣпляетъ онъ слѣдующимъ небывалымъ фактомъ: «многіе люди ученые изъ всѣхъ западныхъ племенъ славянскихъ, разсуждая на съѣздахъ своихъ о средствахъ къ преуспѣянію литературы славянской, пришли къ тому убѣжденію, что ни одно нарѣчіе славянское не можетъ отдѣльно отъ другихъ съ успѣхомъ развивать своей особенной литературы, что для всѣхъ славянъ нуженъ одинъ языкъ ученый, и что основаніемъ такого языка не можетъ быть иное нарѣчіе, какъ великорусское, то есть языкъ русскій, который употребляется уже 50-ю милліонами русскаго населенія и на которомъ всѣ ученые предметы преподаются въ университетахъ и проч.

(стр. 57). Желательно было бы узнать, гдѣ и когда происходили подобные съѣзды славянскихъ ученыхъ для разсужденій о введеніи русскаго языка; не объяснитъ ли намъ этого редакторъ «Чтеній», имѣющій репутацію ученаго славяниста и знающій вѣроятно объ этихъ съѣздахъ? Впрочемъ, за гарантіей редакціи, мы принимаемъ на вѣру эти неизвѣстные намъ съѣзды и слѣдуемъ за авторомъ дальше, гдѣ онъ утверждаетъ, что точно также русскій языкъ долженъ быть общимъ языкомъ и между всѣми просвѣщенными людьми польскими. «До сего времени, говоритъ г. Шиповъ, — для введенія русскаго языка не употребляется въ Польшѣ никакихъ мѣръ насильственныхъ: всякому просителю, какого бы онъ ни былъ происхожденія, предоставляется обращаться къ установленнымъ властямъ съ прошеніями на польскомъ или на русскомъ языкѣ, по его желанію» и пр. (стр. 60), но и это не совсѣмъ нравится автору, который полагаетъ, что «пренебрегать симъ распространеніемъ не должно». Въ этомъ родѣ написано все разсужденіе г. Шипова: неужели редакція соглашается съ подобнымъ пониманіемъ исторіи, — или, если не соглашается (чего мы скорѣе отъ нея ожидаемъ), зачѣмъ она печатаетъ такія вещи, которыя нисколько не разъясняютъ, а только запутываютъ дѣло? Этимъ впрочемъ не кончаются предметы, возбуждающіе наше недоумѣнія. Г. Сушковъ, хорошо извѣстный въ литературномъ мірѣ своими собственными произведеніями и покровительствомъ, оказаннымъ нѣкогда юному таланту г. Долина, подарилъ «Чтенія» статейкой подъ названіемъ «Мнимая мученица» (книга 3-я). Авторъ черезъ двадцать лѣтъ вспомнилъ одну исторію изъ временъ присоединенія уніатовъ къ православной церкви, исторію, которую французскіе журналы того времени разсказывали по своему, обвиняя мнимыхъ преслѣдователей уніи, и въ томъ числѣ г. Сушкова, служившаго въ то время минскимъ губернаторомъ. Съ тактомъ, не уступающимъ такту г. Шипова, г. Сушковъ неукротимо вооружился и противъ французскаго журнала, и противъ самой уніи, и противъ поляковъ XVII-го вѣка, вводившихъ ее между русскими. Г. Сушковъ — поэтъ; ему, конечно, простительно не знать историческихъ требованій, но мы посовѣтовали бы ему больше хладнокровія и благоразумія: недостатокъ этихъ качествъ въ историкѣ мало говоритъ въ пользу его правдивости. Намъ непонятна его раздражительность, особенно въ дѣлѣ тѣхъ, которые «возсоединены любовію», по его же выраженію.

Современная исторія вообще какъ-то плохо удается «Чтеніямъ». Въ той же третьей книжкѣ г. Кононовъ напечаталъ свои воспоминанія о 12-мъ годѣ, въ которыхъ разсказываетъ, какимъ образомъ ихъ семейство, при нашествіи французовъ, бѣжало изъ Смоленской

губерніи, гдѣ оно жило, въ одну изъ восточныхъ губерній. Путешествіе сопровождалось разными приключеніями, интересными для г. Кононова, напр. случаями преданности крестьянъ отцу г. Кононова и другими событіями. Но случилось однажды и такое обстоятельство, что крестьянинъ вышелъ изъ повиновенія помѣщику. Выслушаемъ, впрочемъ, разсказъ самого г. Кононова: «у насъ былъ молодой парень Петръ; онъ ѣздилъ форрейторомъ. Когда все уже было готово къ выѣзду, 6-го августа, описанному мною, пришли сказать, что Платонъ, отецъ его, и его жена, оставляютъ сына при себѣ и не позволяютъ брать его. Батюшка велѣлъ ихъ позвать; они пришли и съ наглымъ видомъ объявили, что не отпустятъ сына, прибавляя: «Прошла ваша власть, ѣдете сами, Богъ вѣдаетъ куда; Богъ вѣдаетъ, что съ вами будетъ, не даемъ сына!» — Въ то время подобныя выходки одна могла повести къ бунту. Отецъ мой сказалъ: «Пусть такъ, пусть сынъ вашъ остается; но знайте, что если я возвращусь, онъ въ первый наборъ будетъ рекрутъ». Они отвѣчали съ дерзостью: «Не стращайте, не стращайте! Не вернетесь, батюшка!» По возвращеніи, такая наглость требовала наказанія, въ примѣръ другимъ; то, что было сказано, исполнено: Петра отдали въ солдаты; мать и отецъ его оплакали свою глупость, но поздно; они скоро послѣ того умерли оба; впрочемъ были стары; но немудрено, что это обстоятельство ускорило ихъ кончину. Сынъ ихъ и теперь живъ; онъ въ отставкѣ и иногда ко мнѣ приходитъ изъ Дорогобужа, гдѣ находится на жительствѣ.»

Замѣчательный дѣйствительно случай, но замѣчательнѣе еще то, какъ вѣренъ остался г. Кононовъ понятіямъ стараго времени. Не помѣстила ли редакція съ намѣреніемъ статью его, послѣ статей графа Ѳ. В. Ростопчина, какъ документъ для знакомства съ тѣми взглядами на крестьянскій вопросъ, которые господствовали въ ту эпоху. Г. Кононовъ съ успѣхомъ подтверждаетъ мнѣнія знаменитаго графа. Но мы опять спросимъ: въ какомъ же отношеніи находится редакція «Чтеній» къ произведеніямъ своихъ сотрудниковъ; имѣетъ ли она съ ними какую нибудь солидарность, или напротивъ, въ «Чтенія» годится все, въ качествѣ историческаго матеріала?

La Confession d'un poète, par Nicolas Séménow. Paris. 1860. (Исповѣдь поэта, соч. *Николая Семенова*. Парижъ).

Все, что написано по французски, принадлежитъ собственно къ французской литературѣ, и потому по настоящему не должно бы имѣть мѣста въ *русской* библіографіи. Но мы питаемъ большую нѣжность къ нашимъ соотечественникамъ, на какомъ бы языкѣ они ли

говорили, и никакъ не хотимъ уступить ихъ иноземцамъ. Г. Кокоревъ, графъ Соллогубъ, Наркисъ Атрѣшковъ, Николай-де-Жеребцовъ, инженеръ полковн. Комаровъ и другіе французскіе литераторы изъ русскихъ остаются постоянно близки нашему сердцу не менѣе тѣхъ русскихъ — писателей, которые простираютъ свое презрѣніе къ иностраннымъ языкамъ до того, что Blinde Kuh переводятъ «слѣпая корова»... Нашъ патріотизмъ такъ великъ, что никакой языкъ, даже языкъ статей г. Аполлона Григорьева, не помѣшаетъ намъ тотчасъ признать нашего соотечественника, гдѣ бы мы его ни встрѣтили, не только въ Парижѣ, но даже въ первомъ и третьемъ отдѣленіи санктпетербургской Академіи Наукъ. Не упрекайте же насъ за намѣреніе разбирать въ числѣ русскихъ книгъ французское сочиненіе г. Семенова.

Въ отношеніи къ этому автору мы имѣемъ впрочемъ и другія причины, почему обращаемъ на него вниманіе. Главная причина та, что намъ жаль юный (можетъ, онъ и старый, но изъ учтивости всегда говорится — юный) талантъ, до сихъ поръ не нашедшій себѣ достойной оцѣнки. Представьте себѣ, младой россійскій юноша ощутилъ вдругъ призваніе къ творчеству и неразлучное съ нимъ стремленіе къ славѣ. Онъ горитъ желаніемъ раскрыть свою душу предъ цѣлымъ міромъ. Россія, какъ ни огромно ея протяженіе, тѣсна для него: удивленія семидесяти милліоновъ, говорящихъ по-русски, мало ему... Онъ хочетъ заявить себя предъ Европой, онъ желаетъ поразить блескомъ своего генія весь образованный міръ. И вотъ онъ прибѣгаетъ къ всемірному языку — сочиняетъ книжку по французски, спѣшитъ въ Парижъ, печатаетъ свою рукопись въ великолѣпной типографіи Дюбюиссона, въ Rue Coq-Héron, можетъ быть самой литературной изъ парижскихъ улицъ, нѣчто въ родѣ Армянскаго переулка въ Москвѣ, — отдаетъ свою книжку на попеченіе г. Amyot, раздѣляющаго съ Франкомъ любовь нашихъ соотечественниковъ, и ждетъ, что заговоритъ о немъ Европа. Онъ имѣетъ всѣ шансы для прославленія своего имени: лучшіе изъ соотечественниковъ прочтутъ его по французски скорѣе, чѣмъ если бы онъ писалъ по-русски; въ мнѣніи каждаго порядочнаго русскаго романъ его будетъ заранѣе выигрывать 50 процентовъ уже потому, что онъ идетъ изъ Парижа; кромѣ того, сокровища таланта русскаго автора доступны теперь для удивленія всѣхъ образованныхъ людей Европы; но особенно важно то, что новое французское твореніе должно вызвать похвалы парижской прессы; а такъ какъ извѣстно, что журналистика всего міра повторяетъ то, что говорится въ Парижѣ, то безъ всякаго сомнѣнія имя г. Семенова скоро разнесется во всѣ концы вселенной и прогремитъ въ обоихъ полушаріяхъ..

Такъ, конечно, разсчитывалъ юный романистъ и, можетъ быть, въ мечтахъ своихъ возносился уже выше Вандомской колонны, противъ которой помѣщается книжный магазинъ г. Амьо, его издателя. Судите же, каково должно быть его разочарованіе: прошло около года послѣ изданія его романа, и никто не заикнулся о немъ. Парижская пресса прошла его молчаніемъ, и онъ можетъ разсчитывать развѣ попасть въ будущій Annuaire des deux Mondes, который съ особенной любовью занимается состояніемъ русской науки и литературы, считая въ числѣ главныхъ ея представителей гг. Лешкова и Луганскаго, или, какъ онъ выражается, Zeschkoff и Zouganski. Г. Семеновъ ждалъ всемірной славы, а ея-то и нѣтъ... Мало того, и сама Россія осталась до сихъ поръ въ невѣдѣніи о твореніи, давшемъ Европѣ новое доказательство русскаго генія. Русскіе журналы заняты были поздними сожалѣніями о томъ, что Россія потеряла г-жу Свѣчину, столь благодѣтельно дѣйствовавшую на развитіе истинной цивилизаціи за-границей; но никто не пожалѣлъ о томъ, что русскіе читатели, не знающіе по-французски, лишены счастія познакомиться съ талантомъ г. Семенова.... Мало того, даже въ петербургскіе салоны не проникъ розовый томикъ г. Семенова, несмотря даже на то, что онъ многократно и съ особенной настойчивостью обращается къ свѣтскимъ дамамъ и молодымъ джентльменамъ. Правда, онъ пепелитъ ихъ молніями своего гнѣва, но тѣмъ интереснѣе долженъ бы онъ казаться: поэтъ во гнѣвѣ!... Вѣдь это море въ бурю! И если вы стоите на берегу, въ полной безопасности, то какъ же не полюбоваться на величественное явленіе природы!...Но habent sua fata libelli, — глубокомысленно замѣтили бы мы, если бы назначали свою рецензію для «Отечественныхъ Записокъ». Несмотря на всѣ шансы успѣха, книжка г. Семенова прошла незамѣченною, и уже перешла теперь на толкучіе рынки латинскаго квартала, гдѣ продается за четверть цѣны. По всему видно, что нашего романиста постигла участь Матрены, которую обезсмертилъ Крыловъ въ одномъ изъ своихъ комментаріевъ на собственныя басни:

И сдѣлалась Матрена
Ни пава, ни ворона; —

отъ русской литературы г. Семеновъ бѣжалъ, а французская не признала его.

Такъ не будетъ же этого, сказали мы сами себѣ: мы не допустимъ погибнуть въ безвѣстности нашего соотечественника, не оставимъ его ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ! Если французскія павы не хотятъ признать его, то мы будемъ благороднѣе ихъ и убѣдимъ русскую литературу принять г. Семенова въ свою среду...

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ пробѣжать романъ, чтобы увидѣть, что авторъ его, хотя и пишетъ по-французски, но по своимъ понятіямъ, стремленіямъ и сочувствіямъ остался истинно-русскимъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ нашему лучшему обществу. Чтобы убѣдить васъ въ этомъ, мы разскажемъ вкратцѣ содержаніе «Исповѣди поэта», предполагая, что вы имѣете несчастіе до сихъ поръ еще не знать ее.

Надо замѣтить прежде всего, что г. Семеновъ говоритъ не отъ своего имени, а отъ имени нѣкотораго поэта, по имени Евгенія. Сужденіе самого автора о его героѣ можно находить въ заключительномъ письмѣ его друга, графа N. По мнѣнію графа, «сердце Евгенія заключало въ себѣ сокровища доброты и благородства, горячую любовь къ истинѣ и справедливости; онъ былъ страстенъ и порывистъ, ненависть его, если онъ ненавидѣлъ, доходила до изступленія; но этотъ недостатокъ искупался въ немъ тысячами достоинствъ: — онъ былъ прямодушенъ, мужественъ, какъ его предки, безкорыстенъ, преданъ тѣмъ, кого любилъ, до того, что готовъ былъ жертвовать для нихъ всѣмъ, даже жизнью. Но что особенно отличало его, это духъ изумительной правоты, свободной отъ всякихъ предразсудковъ, и поэтическій ароматъ, исходившій изъ его души» (стр. 214). Итакъ вотъ съ кѣмъ вы имѣете дѣло: этотъ изумительный Евгеній, это совершенство въ нѣкоторомъ родѣ — разсказываетъ вамъ исторію своего сердца.

На балѣ mademoiselle Евлаліи, содержанки вышеупомянутаго графа N*, — Евгеній влюбился въ прелестную испанку Инесу, которую содержалъ баронъ Ризенштейнъ. Вы не пугайтесь, что дѣло начинается такъ прозаически: сейчасъ же дойдетъ и до поэзіи. Испанка дала Евгенію свой альбомъ, чтобъ онъ импровизировалъ въ него стишки. Онъ сначала-было окрысился, потому что «смѣшно же воспѣвать прелестные глазки d'une courtisane» — какъ это приличнѣе сказать по-русски — мы ужь и не знаемъ. Но такъ-какъ Евгеній — человѣкъ bien-élevé, то онъ и не могъ сдѣлать невѣжливости — даже куртизанкѣ, и взялъ альбомъ, съ намѣреніемъ однакоже написать испанкѣ quelque bonne méchanceté. Эта bonne méchanceté весьма удачно импровизирована была имъ изъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, до сихъ поръ впрочемъ принимаемыхъ за остроуміе въ извѣстномъ кругѣ общества. Чтобы дать вамъ понятіе о томъ, какъ нашъ поэтъ (или г. Семеновъ — на сей разъ это все равно) мастерски владѣетъ французскимъ языкомъ и стихомъ, мы выписываемъ его импровизацію:

L'amour est cher à Pétersbourg.
Aux yeux de plus d'une sirène

Bourse vide est preuve certaine
D'un manque de coeur et d'amour.

Or, je suis un trop pauvre hère,
Et pour qui t'aime, ange malin,
La bourse a tort d'être légère
Alors que le coeur est trop plein.

Je dissimule en vain ma plaie
Sous les replis d'un madrigal.
C'est pour l'amour triste monnaie,
Quand il demande un capital.

Отдавши испанкѣ альбомъ, поэтъ удалился и пошелъ играть въ карты. Но черезъ часъ пошелъ ее отыскивать. Онъ ее нашелъ въ дальней, слабоосвѣщенной комнатѣ, читающую его стихи и плачущую. Произошло, разумѣется, объясненіе, изъ котораго оказалось, что испанка имѣетъ возвышенныя чувства, любитъ Евгенія, но только не хочетъ обманывать своего любовника.... Объясненіе было прервано на самомъ интересномъ мѣстѣ; но тѣмъ не менѣе дѣло было кончено. Испанки, какъ извѣстно всѣмъ, даже не читавшимъ писемъ В. П. Боткина, — страстны и рѣшительны; слѣдовательно ничего нѣтъ удивительнаго, что Инеса на другое же утро бросила свою великолѣпную квартиру, продала мебель, отослала вырученныя деньги къ Ризенштейну, своему бывшему любовнику, наняла маленькую квартиру, и къ вечеру прибѣжала къ Евгенію съ объявленіемъ, что она — его навѣки. Вотъ что значитъ поэзія, особенно такая, въ которой поэтъ называетъ себя «un pauvre hère», избѣгая такимъ образомъ вульгарнаго pauvre diable и въ то же время счастливо приближаясь къ языку Шиллера и Гёте!...

Все было прекрасно, несмотря на то, что pauvre hère былъ дѣйствительно не богатъ: онъ получалъ сто цѣлковыхъ въ мѣсяцъ отъ своихъ родителей, а остальное приходило ему случайно — то при счастливой игрѣ, то за удачные стишки. Испанка однакожь не тяготилась своимъ положеніемъ, потому что безъ ума была отъ Евгенія и его талантовъ. Но поэтъ всегда найдетъ себѣ причину печали. Надо сказать, что онъ самъ, какъ «jeune homme élégant et distingué», по его собственному признанію, имѣлъ-таки на своемъ вѣку не одну интрижку, и даже незадолго до встрѣчи съ Инесою только-что бросилъ какую-то княгиню С*. Связь его съ этой княгиней не была тайною, и Инеса знала про нее, но (по своей испорченности, очевидно) и не думала оскорбляться этимъ и ревновать прошедшее своего Евгенія. Но поэтъ нашъ не изъ такихъ: нося въ сердцѣ своемъ «горячую любовь къ истинѣ и справедливости», — онъ не мо-

жетъ никакъ примириться съ мыслью, что «другой владѣлъ его Инесою, другой осыпалъ ее своими ласками». Вслѣдствіе того «одно утро, держа ее въ своихъ объятіяхъ, онъ былъ охваченъ холоднымъ бѣшенствомъ, безумнымъ желаніемъ «задушить ее».... Къ счастью, на этотъ разъ смертоубійственное намѣреніе не исполнилось, и мысли поэта приняли другой оборотъ, хотя въ томъ же разрушительномъ направленіи: ему захотѣлось во что бы то ни стало убить Ризенштейна. Онъ не могъ только придумать приличнаго предлога для дуэли.... Но къ счастью оказалось, что баронъ одержанъ былъ той же, истинно-нѣмецкой, страстью—убивать своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Евгеній обдумывалъ проэктъ ссоры съ барономъ, предупредительный нѣмецъ самъ къ нему явился и безъ всякихъ предисловій освѣдомился, не желаетъ ли поэтъ драться съ нимъ. Поэтъ отвѣчалъ: «съ величайшимъ удовольствіемъ», и на другой день они дрались, и, разумѣется, Евгеній убилъ Ризенштейна (иначе бы и романа продолжать нельзя было). Послѣ дуэли произошла прелестная сцена. Ночь передъ дуэлью Евгеній провелъ съ Инесой: въ семь часовъ утра, когда еще она спала, онъ отправился; покончивъ дѣло, онъ вернулся къ ней и засталъ ее за чаемъ. — «Зачѣмъ ты сегодня такъ рано поднялся и ушелъ?» спросила она его. — «Я дрался съ Ризенштейномъ и убилъ его», — отвѣчалъ поэтъ. — «Правда?» — спросила она. — «Честное слово!» — отвѣчалъ онъ. «О, благодарю» — воскликнула она и бросилась ему на шею.... Потомъ они принялись, конечно, за чай....

Послѣ этого происшествія поэтъ съ испанкой стали жить спокойнѣе, только поэтъ надѣлалъ долговъ. Чтобъ заплатить ихъ, онъ написалъ романъ; романъ не годился. Но редакторъ журнала, куда Евгеній адресовался, былъ человѣкъ, какихъ мало даже между журналистами, благороднѣйшими людьми въ мірѣ, какъ извѣстно. Онъ сказалъ поэту: «вашъ романъ плохъ, и надо думать, что вы очень стѣснены въ дѣлахъ, если рѣшились подписать ваше имя подъ такимъ произведеніемъ; вотъ же вамъ тысяча рублей, которые вы желали получить за вашъ романъ. Мы съ вами сочтемся, когда вы напишете что нибудь достойное васъ». Подобный героизмъ, рисковавшій быть принятымъ за самую оскорбительную иронію,—переполнилъ радостью и признательностью сердце поэта. Онъ взялъ деньги, — разумѣется съ твердымъ намѣреніемъ немедленно отплатить за нихъ геніальнымъ твореніемъ, и жилъ нѣсколько времени спокойно съ своей Инесой. Проживши деньги, и не написавши ничего, онъ рѣшился вступить въ службу, съ жалованьемъ 500 рублей въ годъ. Это было немного, но все-таки.... Неизвѣстно, сколько бы времени про-

длилось счастье поэта, еслибъ не помѣшали его родители. Они пріѣхали изъ провинціи въ Петербургъ, узнали, разумѣется, исторію своего сына, и въ одинъ день, когда поэтъ попросилъ у отца денегъ впередъ, отецъ принялся убѣждать его — оставить Инесу. Поэтъ сказалъ, что лучше пусть возьмутъ жизнь его. Послѣ отца, принялась мать за дѣло: поэтъ былъ непоколебимъ. Правда, что резоны родителей не отличались особенной убѣдительностью. «Мы увѣрены, что она превосходная женщина, потому что ты не полюбилъ бы такъ сильно женщину обыкновенную. Но повѣрь, что ея любовь не стоитъ любви твоихъ родителей; а мы принуждены будемъ отвратить отъ тебя наше сердце, если ты не разорвешь этой связи».... Вотъ что говорили они своему сыну. Онъ бы могъ, конечно, спросить ихъ: въ силу какихъ же соображеній отвращается отъ него ихъ сердце за то, что онъ любитъ прекрасную женщину? Но ему не пришло этого въ голову, или, лучше сказать, онъ въ глубинѣ души совершенно понималъ и даже одобрялъ соображенія своихъ родителей; единственный аргументъ его противъ нихъ состоялъ въ томъ, что онъ съ Инесою достойны были составить исключеніе изъ общаго правила.... Такимъ образомъ онъ довелъ своихъ родителей до того, что они отказались давать ему его жалованье — 100 цѣлковыхъ, и обѣщали лишить наслѣдства. Онъ побѣжалъ къ Инесѣ разсказать ей все. Она посовѣтовала ему обмануть родителей, сказавши, что онъ ее бросилъ; онъ тотчасъ ощутилъ благородное негодованіе, на которое она отвѣчала, что не могутъ же они жить вдвоемъ на 500 рублей, которые онъ получаетъ въ департаментѣ, и что если онъ не умѣетъ для нея достать больше, то она не хочетъ для него жить на чердакѣ. Само собою разумѣется, что эти слова обнаружили поэту всю ничтожность и гнусность его возлюбленной; онъ бросился отъ нея къ своимъ родителямъ, и объявилъ, что покончилъ съ нею. Родители заплатили его долги, благословили его и уѣхали изъ Петербурга съ облегченнымъ сердцемъ. Но сынъ не могъ утѣшиться, и черезъ мѣсяцъ, когда Инеса явилась къ нему просить прощенія и соглашалась переносить съ нимъ бѣдность, — онъ не могъ устоять. Онъ написалъ родителямъ, что отказывается отъ ихъ денегъ, — конечно не отъ тѣхъ, которые пошли въ уплату долговъ его, а на будущее время, — и рѣшился жить съ Инесою на 500 р. въ годъ. Лѣто они прожили отлично, къ осени пришли нужды и долги, — Инеса захворала; къ поэту пріѣхала тетушка и во что бы то ни стало задумала женить его на богатой невѣстѣ — дѣвицѣ Даровой. Евгеній сначала уперся, но потомъ, имѣя въ виду свое стѣсненное положеніе, нашелъ, что это наилучшій возможный выходъ. Свои мысли на этотъ счетъ сообщилъ онъ Инесѣ, объяснивъ, конечно, что все это дѣлается для ея

счастія. Она отвѣчала: «что дѣлать, если нѣтъ другаго выхода; но только это очень тяжело. Не лучше ли, если я наймусь въ какой нибудь магазинъ? Тогда я тебѣ не буду стоить такъ много». Поэтъ нашелъ средство, предлагаемое Инесою, неудовлетворительнымъ, и рѣшился обдѣлать свои дѣла съ дѣвицей Даровой. Для этого онъ немедленно нашелъ деньги взаймы, на обновленіе своего гардероба, и нанялъ квартиру уже отдѣльно отъ Инесы. Несмотря на то, слухи о связи его дошли до дѣвицы Даровой чрезъ нѣкоего господина Равенфельса; узнавъ объ этомъ, поэтъ написалъ къ нему письмо, начинавшееся словами: «вы подло оклеветали меня», и оканчивавшееся требованіемъ, чтобъ онъ отказался отъ клеветы, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ получить публичную пощечину. Равенфельсъ отрекся, и все обдѣлалось благополучно. Къ довершенію своего удовольствія, поэтъ нашелъ возможность доставлять развлеченія Инесѣ: графъ N., его другъ, предложилъ ей ложи въ театрѣ и всякія увеселенія вмѣстѣ съ его любовницею. Все шло, стало быть, какъ нельзя лучше. Одно только безпокоило поэта: онъ сталъ замѣчать, что Инеса уже не такъ радостно встрѣчаетъ его, не такъ пламенно ласкаетъ, какъ прежде. Къ тому же онъ однажды встрѣтилъ у ней князя N* (не смѣшивайте съ вышереченнымъ графомъ N*), молодаго красавца и богача, великолѣпнѣйшаго изъ петербургскихъ Донъ-Жуановъ. Вы, безъ сомнѣнія, предчувствуете, что случилось?.. Да, читатели, трагическая развязка явилась: однажды поздно вечеромъ пришелъ поэтъ къ своей Инесѣ, ждалъ ея возвращенія съ бала, ждалъ цѣлую ночь — и дождался только въ девять часовъ утра.... Сдерживая свое бѣшенство, онъ спросилъ ее, зачѣмъ она такъ рано вышла сегодня утромъ; она отвѣтила, что выходила на минуту къ кому-то возлѣ; тогда онъ уличилъ ее въ вѣроломствѣ и проклялъ! Она умоляла, она плакала, она объясняла, что князь N* напоилъ ее и заставилъ потерять сознаніе. Поэтъ былъ непреклоненъ въ своемъ гнѣвѣ! Инеса внушала ему неодолимое отвращеніе.... Да и какъ иначе! Помилуйте, онъ, поэтъ Евгеній, съ своею чистою душою, со всѣми сокровищами своего сердца, удостоилъ полюбить ее; онъ столько сдѣлалъ для ея счастія — убилъ другаго, написалъ плохой романъ, поссорился съ благоразумными родителями, даже... даже рѣшился жениться на дѣвицѣ Даровой, которой не любилъ... А она, вѣроломная, безсовѣстная Инеса! она позволила себѣ слушать любезности красавца Донъ-Жуана, рѣшилась съ нимъ ужинать, рѣшилась..., впрочемъ, правда, послѣ ужина она ужь ни на что не рѣшалась: она потеряла сознаніе... Но все равно: тѣмъ хуже для нея. Поэтъ никогда не проститъ ей подобнаго цинизма, ибо любитъ истину и справедливость и отличается отъ простыхъ смертныхъ поэ-

тическимъ ароматомъ, истекающимъ изъ души его. На этотъ разъ ароматъ былъ силенъ: поэтъ далъ Инесѣ coup de pied такой энергическій, что она alla rouler à l'autre bout de la chambre. Затѣмъ онъ написалъ покаянное письмо къ любезнымъ родителямъ и сдѣлался боленъ: родители пріѣхали къ покаявшемуся блудному сыну. Инеса тоже раскаялась и написала къ поэту письмо, съ мольбами — не проклинать и простить ее. Но онъ не смягчился: преступленіе ея было ужь слишкомъ велико! Поэтому онъ отвѣчалъ ей: «я васъ не прощаю и не проклинаю, потому что я слишкомъ презираю васъ». Восхищенный такимъ отвѣтомъ, отецъ поэта увезъ его къ себѣ въ провинцію.

Затѣмъ идетъ не очень интересный для насъ разсказъ о жизни поэта въ провинціи и за границей. Въ провинціи онъ завелъ-было интрижку съ madame R., въ Москвѣ имѣлъ связь съ княгиней О., которую бросилъ черезъ мѣсяцъ, чтобы ѣхать за границу. Путь лежалъ черезъ Петербургъ. Здѣсь Евгеній узналъ, что Инеса на содержаніи у князя N., и получилъ уже къ ней совершенное омерзѣніе. Она поймала его въ маскарадѣ, начала-было просить прощенія, но онъ не далъ ей выговорить слова, обругалъ самымъ отчаяннымъ манеромъ и ушелъ, задыхаясь отъ гнѣва. Исполнивъ этотъ долгъ совѣсти, онъ отправился за границу. Здѣсь онъ продолжалъ грустить объ Инесѣ, хотя уже нерѣдко, «увлеченный красотою какой нибудь римлянки или венеціанки, забывалъ Инесу въ ихъ объятіяхъ». Но настоящій праздникъ сердца былъ для него въ Испаніи: андалузянки, одна другой плѣнительнѣе, заставляли его забывать одну для другой; онъ переѣхалъ изъ Гренады въ Малагу, изъ Малаги въ Севилью и пр. утопать въ насажденіяхъ любви съ новыми избранницами.... Но въ Севильѣ онъ былъ обезпокоенъ письмомъ Инесы, которая, какъ оказалось, вразумлена была строгими рѣчами поэта и искупила свою вину: она бросила князя N., принялась содержать себя работой, разстроила свое здоровье и давно бы умерла съ голоду, если бы не нашла помощи у графа N., друга Евгенія. Теперь графъ и Инеса просили Евгенія пріѣхать и простить преступницу передъ ея смертью. Поэтъ немедленно явился, простилъ, и Инеса умерла съ спокойной совѣстью. Затѣмъ поэтъ перевезъ ея бренные останки въ свою деревню, наслѣдованную имъ отъ дяди, и черезъ годъ съ небольшимъ самъ тихо угасъ отъ грусти по своей Инесѣ, которую въ глубинѣ своего сердца не переставалъ любить, несмотря на всѣ ея преступленія. Предъ смертью онъ почувствовалъ вдохновеніе и сочинилъ французскіе стишки, отъ которыхъ мы избавляемъ читателей. . . . .

Романъ на этомъ кончается; но у него есть мораль, въ видѣ

письма графа N. къ одному изъ общихъ друзей о смерти Евгенія. Здѣсь-то находимъ мы описаніе высокихъ качествъ поэта, приведенное нами выше; здѣсь же передаются и окончательныя, зрѣлыя сужденія поэта о людяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, и въ особенности о женщинахъ. Сущность этихъ сужденій состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ быть слишкомъ жестокимъ къ потеряннымъ женщинамъ, ибо онѣ по большей части не получили возвышенныхъ идей при своемъ воспитаніи и впадаютъ въ порокъ по невѣдѣнію или по необходимости. Прочитавъ это, мы нашли, такъ сказать, ключъ къ нравственному смыслу, сокрытому въ романѣ. Мы увидѣли, что въ примѣрѣ Инесы представляется намъ возможность добрыхъ чувствъ даже въ такомъ глубокомъ омутѣ развращенія, въ какой неоднократно впадала прекрасная испанка. Такая идея показалась намъ истинно-гуманною, благородною и возвышенною. Мы, признаемся, порадовались за то, что нашъ соотечественникъ выступаетъ предъ Европою представителемъ такихъ прогрессивныхъ понятій.... «Вотъ, молъ, каковы наши! Смотрите и поучайтесь! Многіе ли у васъ дошли до той высоты цивилизаціи, которая выражается въ романѣ г. Николая Семенова?... Послѣ этого и говорите, что русскіе варвары, что мы отстали въ цивилизаціи! Извините, мы перегнали васъ!...»

Полные справедливой патріотической гордости вслѣдствіе такихъ мыслей, мы дали прочитать романъ г. Семенова одной француженкѣ, въ надеждѣ возбудить ея удивленіе къ нашей цивилизаціи вообще, и къ поэту г. Семенова въ особенности. Надежды наши оправдались, только не совсѣмъ такъ, какъ мы ожидали. Француженка, прочитавъ «Исповѣдь поэта», точно почувствовала удивленіе, и отдавая намъ книгу, сказала:

— Я не знаю русскаго общества; но никогда не думала я, чтобъ въ немъ до сихъ поръ господствовали такіе варварскіе нравы и понятія?...

— Какъ-такъ?! воскликнули мы, и тотчасъ предположили: вѣрно наша цивилизація зашла ужь такъ далеко, что европейцы не въ состояніи даже понять ее! Но оказалось, что и тутъ наше предположеніе было не вполнѣ вѣрно.

— Какъ же иначе думать о васъ, продолжала француженка. — Вы мнѣ даете автора, который пишетъ русскую повѣсть по французски, значитъ хочетъ сказать что-нибудь любопытное и новое — не только для русскихъ, но и для другихъ націй, напримѣръ и для насъ бѣдныхъ французовъ. Что же онъ намъ говоритъ? Онъ показываетъ намъ, какъ диковинку, что въ потерянной женщинѣ могутъ сохраниться добрыя расположенія. Онъ бы лучше принялся доказы-

вать, что человѣкъ, обѣдавшій каждый день въ теченіе тридцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ и на тридцать-первомъ году потребность ѣсть, и умретъ съ голоду, если не поѣстъ какихъ нибудь дней десять. Это было бы столько же ново и умно!... Повѣрьте, что у насъ вы не найдете человѣка, который бы сомнѣвался въ истинѣ, съ такимъ трудомъ открытой вашимъ авторомъ.... У насъ никто не говоритъ уже объ этомъ, такъ какъ никто не хочетъ прослыть пошлякомъ. Но еще это куда бы ни шло: у васъ цивилизація такъ нова, что вамъ простительно говорить съ эмфазомъ всякія пошлости, которыя у насъ всякій понимаетъ безъ словъ (Можете представить, какъ меня коробило при такихъ комплиментахъ!)... Но я никакъ не думала, чтобъ вы до сихъ поръ стояли на такихъ отсталыхъ пошлостяхъ, да и тѣхъ хорошенько не поняли.... Никогда я не думала, чтобъ допотопные, азіатскіе взгляды на женщину до сихъ поръ были въ такомъ ходу у васъ, какъ мнѣ показалъ вашъ прелестный романистъ....

— Однако, возразилъ я, — гдѣ же вы нашли слѣды азіатскихъ взглядовъ? По моему мнѣнію, поэтъ г. Семенова — человѣкъ образованный, прогрессивный, передовой, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ....

Француженка принялась хохотать; я принялъ обиженную физіономію, какъ человѣкъ, обиженный въ святѣйшихъ своихъ интересахъ. Тогда француженка вошла въ азартъ и съ чрезвычайной живостью стала мнѣ говорить слѣдующее:

— Ну, не права ли жь я была, сказавъ, что азіатскія понятія у васъ господствуютъ? Если вы называете поэта г. Семенова передовымъ человѣкомъ, то что жь другіе-то? По вашему, стало быть, ужь и это много, что онъ, послѣ всего, что сдѣлала и вытерпѣла для него любимая женщина, рѣшился простить ее? Можетъ-быть, у васъ нашлись бы такіе, которые бы и этого не сдѣлали? Да, судя по роману и по вашимъ словамъ, можно думать, что дѣйствительно такъ!... Мало того, что они требуютъ любви и вѣрности въ настоящемъ, сами позволяя себѣ всевозможныя уклоненія, въ родѣ женитьбы вашего поэта, — нѣтъ, они простираютъ свои посягательства и на прошедшее, и на будущее любимой женщины, — все-таки не принимая за то никакихъ обязательствъ на себя.... Вы смотрите на женщину, какъ на вещь, которая должна *принадлежать* мужчинѣ; вы находите, что мужчина есть властелинъ, имѣющій полное право для своей забавы купить, похитить, обольстить и потомъ бросить женщину.... Это все у васъ называется «шалостями», немножко не больше сбиванія цвѣтныхъ головокъ тросточкою въ саду, немнож-

но поменьше разоренія птичьихъ гнѣздъ.... Ну, что же,—если женщины позволяютъ до сихъ поръ такъ поступать съ собой, такъ и пользуйтесь ихъ слабостью. Какъ вы можете быть столько нелѣпы, чтобы считать, напримѣръ, для женщины обязательною любовь къ вамъ, послѣ того, какъ вы ее бросите? Да если бъ Евгеній вашъ былъ человѣкъ сколько нибудь развитой и порядочный, онъ бы сказалъ своимъ родителямъ, и себѣ самому прежде всего: «конечно, если я Инесу брошу, то она свободна; глупо и смѣшно было бы требовать, чтобы она вѣчно обо мнѣ плакала, и если бъ это случилось, то не имѣло бы даже особенной заслуги, а только показало бы нѣкоторую особенность ея характера. Но изъ того, что она утѣшится, вовсе не слѣдуетъ, что ея чувства не истинны и не прочны, что ими можно играть по своей прихоти». Зеркала, вазы, статуэтки и другія вещи, украшающія наши комнаты, конечно, разлетятся въ дребезги, если въ нихъ пускать каменьями; но кто же въ этомъ виноватъ? Зеркало сдѣлано, чтобы смотрѣться въ него, а не затѣмъ, чтобъ въ него камни бросать. Такъ и женщина, и любовь, — они вѣдь существуютъ вовсе не затѣмъ, чтобъ вы производили надъ ними свои свирѣпые опыты.... Если мужчина, для испытанія вѣрности своей возлюбленной, станетъ ее бить, морить голодомъ, ухаживать за другой, а къ ней подпуститъ одного изъ своихъ друзей—богача и красавца, умнаго и ловкаго Ловеласа, и будетъ потомъ въ претензіи, что она ему измѣнила, — я назову такого мужчину сумасшедшимъ.... Нѣтъ, мало того, въ цивилизованномъ народѣ и сумашествія такого не можетъ-быть, — надо прибавить, что это сумасшедшій изъ варваровъ, изъ дикихъ.... Чтобы удостовѣриться въ достоинствѣ своихъ часовъ, онъ ихъ хлопъ изо-всей силы объ камень, и увѣряетъ, что они никуда не годятся, потому что скомкались и разбились отъ удара.... И какъ же это вы до сихъ поръ еще не понимаете и не знаете, что любовь, какъ дружба, какъ жалованье, какъ слава, какъ все на свѣтѣ, должна быть заслуживаема и поддерживаема. Вы ничего не дѣлаете, бьете баклуши и вините родъ человѣческій за то, что онъ вамъ не собираетъ національной подписки, не строитъ великолѣпныхъ дворцовъ и виллъ, не задаетъ вамъ каждый день праздниковъ, а просто-напросто оставляетъ васъ едва съ кускомъ хлѣба. Да помилуйте, вы должны еще и за этотъ кусокъ быть благодарны: — и его вы не заслужили... Вы все хотите получить и сохранить, не обязывая себя ни къ чему. Вы не храните себя въ юности для первой избранницы вашего сердца, но отъ женщины вы требуете, чтобы она себя хранила для васъ отъ начала до конца своей жизни. Если она созрѣла, желанія проснулись, она встрѣчаетъ человѣка, который ей нра-

вится, она должна, по вашему, или бѣжать отъ этого человѣка (созерцая въ туманѣ васъ, ея будущаго обладателя), или же отдать ему всю свою жизнь, навѣки, несмотря на все, что потомъ случится. Онъ ее броситъ, она почувствуетъ новыя расположенія, ея понятія выростутъ и расширятся, — все равно: она должна оставаться вѣрна своему первому увлеченію, своему первому господину, — иначе вы ее обвиняете въ измѣнѣ, въ непостоянствѣ, въ дурномъ поведеніи, вы на нее смотрите, какъ на преступницу... Ну, скажите пожалуйста, на что это похоже? Гдѣ же тутъ взаимность, гдѣ тутъ равенство отношеній между двумя любящими существами, давно признанное у насъ въ Европѣ и извѣстное также и вамъ, какъ вы говорите? Поэтъ вашъ мѣсяца не можетъ прожить, чтобы не завести интрижки, и отъ этого вовсе не считаетъ себя недостойнымъ обладать Инесой. Напротивъ, онъ полагаетъ, что дѣлаетъ ей милость, возвращаясь къ ней!... А она... для нея онъ не находитъ достаточно обидныхъ словъ, чтобъ выразить всю ея гнусность, когда она сошлась съ другимъ послѣ того, какъ онъ ее бросилъ! .. Безсовѣстный человѣкъ! Да онъ долженъ былъ бы сгорѣть отъ стыда, когда она стала со слезами просить у него прощенья за одинъ такой поступокъ, какихъ онъ зналъ за собою десятки! Если ужь человѣческое сознаніе такъ глубоко спало въ немъ прежде, такъ хоть бы оно проснулось!... Онъ не только имѣлъ безстыдство смотрѣть ей прямо въ глаза при этомъ, — онъ нашелъ въ себѣ дикую силу обругать ее!... О, какая гадость, какая гнусность!... И послѣ этого, по мнѣнію вашего автора, Инеса могла продолжать любить его!... Нѣтъ, извините меня, Инеса не могла не почувствовать величайшаго отвращенія къ безстыдству и безсердечію вашего поэта... Повѣрьте мнѣ, что для насъ, французовъ, тутъ есть нравственная невозможность; никогда французъ не позволитъ себѣ такого турецкаго суда надъ женщиной, и никогда француженка не протянетъ руки человѣку, имѣвшему несчастіе показаться передъ нею такимъ безсмысленнымъ и безнравственнымъ. Мы имѣемъ, конечно, свои недостатки, но по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ такихъ дикихъ взглядовъ на женщину, какими отличаются у васъ люди, подобные поэту г. Семенова. У насъ женщина не собственность, а въ настоящемъ смыслѣ подруга мужчины, и потому о прошедшемъ ея онъ заботится лишь на столько, на сколько оно касается настоящаго. Конечно, женщину, еще сохранившую любовь къ другому, мужчина можетъ упрекать, зачѣмъ она сошлась съ нимъ, не оставивъ прежняго чувства. Но далѣе этого мы нейдемъ; ревности къ прошедшему, страсти обладать женщиной исключительно во всѣ времена у насъ уже нѣтъ. Мы умѣемъ поль-

зоваться настоящимъ. Бывало, препятствіемъ къ счастью влюбленныхъ служило даже прошедшее ихъ отцовъ и дѣдовъ: если у него былъ дѣдъ маркизъ, а у нея мѣщанинъ, или наоборотъ, то считалось для нихъ безчестнымъ сходиться. Теперь это осталось только какъ рѣдкое исключеніе у нѣкоторыхъ фамилій. Потомъ прошедшее самой женщины было большимъ препятствіемъ для счастья; но французы могутъ гордиться тѣмъ, что они вышли и изъ этого предразсудка, раньше и рѣшительнѣй другихъ..... Скажите, какъ вы сходитесь съ мужчинами? Вы имѣете, напримѣръ, прогрессивныя мнѣнія; сходясь съ человѣкомъ тѣхъ же мнѣній, вы требуете, чтобъ онъ непремѣнно съ дѣтства имѣлъ ихъ, или нѣтъ? Если онъ воспитанъ былъ въ отсталыхъ, жалкихъ понятіяхъ и перешелъ черезъ множество разныхъ системъ, чтобы дойти до истины, — вы отвергаете его? Вы ревнуете, зачѣмъ онъ первый жаръ своей юной души посвятилъ на защиту мнѣній недостойныхъ, и вслѣдствіе того считаете его преступнымъ, отказываете ему въ вашемъ уваженіи?... Вѣроятно, нѣтъ.... Отчего же вы не хотите приложить того же къ женщинѣ? Вѣдь вы признаете, что молодая дѣвушка можетъ имѣть чувства и желанія? Есть дѣвушки, которыя такъ воспитаны, что уже съ десяти лѣтъ думаютъ о томъ, какъ бы повыгоднѣе продать себя,—одпѣ въ замужество, другіе—такъ. Если онѣ съ этимъ разсчетомъ и остаются на всю жизнь, то конечно это женщины безъ сердца, женщины развратныя, съ которыми сходиться не хорошо и опасно. Но вы знаете, конечно, какъ дѣлается большая часть первыхъ «паденій» женщины. Ловкость, лукавство и наглость мужчины приходятъ на подмогу къ естественной потребности любви въ дѣвушкѣ, и она отдается,—чисто, искренно, довѣрчиво... Ничего нѣтъ легче какъ обольстить дѣвушку для человѣка наглаго; но что же тутъ позорнаго для нея-то? И какой же мужчина, знающій эти дѣла, захочетъ тиранить бѣдную женщину за то, что онъ ее встрѣтилъ не раньше, а позже другаго?... У васъ умѣютъ уважать чувства женщины, и самолюбіе мужчины удовлетворяется тѣмъ, если онъ умѣетъ внушить серьёзное чувство женщинѣ, уже узнавшей жизнь и мужчинъ, и потому гораздо болѣе осмотрительной и разборчивой. Впрочемъ, что жь я вамъ это толкую? Вы должны знать это хоть по французской литературѣ. Право женщины на ея чувства, обязанность мужчины давать любовь за любовь и не придавать увлеченіямъ женщины громадныхъ размѣровъ въ сравненіи съ его собственными — все это было темою сотни романовъ. Послѣ Манонъ Леско, я думаю, произведенія въ этомъ смыслѣ не прерывались до послѣдняго времени.... И послѣ этого, на томъ же самомъ языкѣ, вашъ г. Семеновъ разсказываетъ намъ без-

стыдное поведеніе своего поэта, выставляя его еще благороднымъ... Да вѣрно онъ не читалъ толкомъ ни одной французской книги! Онъ хоть бы въ Беранже заглянулъ: изъ однихъ его пѣсенъ онъ понялъ бы, куда ушли наши взгляды, и постыдился бы писать свою казацкую чепуху!...»

Въ безсвязныхъ и порывистыхъ, отчасти обидныхъ для насъ, но вовсе безвредныхъ словахъ француженки я понялъ ясно только слѣдующее: что Европа гніетъ, французская нація развращена до мозга костей, француженки потеряли всякое нравственное чувство, и г. Семеновъ напрасно потратилъ свой талантъ на вразумленіе такихъ глубоко падшихъ народовъ, какъ всѣ европейцы, знающіе по французски и слѣдовательно напитанные идеями аббата Прево и Беранже. Послѣ этого я надѣюсь, что если г. Семеновъ еще не издалъ своего новаго романа: Profil de Don Juan moderne», возвѣщеннаго на обверткѣ «Исповѣди поэта», то онъ и не издастъ его по-французски, а переведетъ на родной языкъ, для назиданія отечественной публики.

Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ. Переводы *В. Костомарова* и *Ѳ. Берга.* I. Москва. 1860 г.

Гг. Костомаровъ и Бергъ недурно владѣютъ стихомъ, въ особенности г. Бергъ, и потому нельзя не сказать въ ихъ похвалу нѣсколькихъ словъ за то, что они вздумали переводить хорошія произведенія иностранныхъ поэтовъ, а не сами творить, какъ это дѣлаетъ, къ несчастію, большинство людей, умѣющихъ составить гладкій стихъ, да найти звучную рифму и т. д. При нѣкоторомъ версификаторскомъ талантѣ, и гг. Случевскій, Кусковъ, Туръ и др. могли бы принести хоть какую нибудь пользу, еслибъ взялись за стихотворные переводы; но — увы! имъ во что бы то ни стало хочется быть оригинальными поэтами, и хотѣніе это не привело ихъ, да и не приведетъ вѣроятно ни къ чему хорошему для читателей и пріятному для нихъ самихъ. Ужь если и поэтамъ съ дарованіемъ дѣйствительнымъ не удается сказать ничего особеннаго при настоящихъ условіяхъ; то что же могутъ сообщить намъ люди съ чисто внѣшнею стихотворною способностью?

Избирая болѣе скромную долю переводчиковъ, гг. Костомаровъ и Бергъ сдѣлали очень хорошо; но пріятнѣе было бы видѣть въ нихъ побольше строгости въ выборѣ пьесъ для перевода, побольше уваженія къ дѣйствительно хорошимъ произведеніямъ, выбраннымъ ими изъ европейскихъ поэтовъ, и поменьше небрежности въ трудѣ. Нечего бы, конечно, и предъявлять такія требованія, еслибъ нѣко-

торыя страницы книги не утверждали насъ въ мнѣніи, что оба переводчика очень могутъ, если захотятъ, удовлетворить этимъ требованіямъ.

Въ книжкѣ, изданной ими, помѣщено по нѣскольку стихотвореній изъ десяти поэтовъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и даже датскихъ. Наибольшее число пьесъ взято у Виктора Гюго и у Гейне. Переводчики говорятъ въ маленькой замѣткѣ на оборотѣ заглавнаго листа, что они «старались переводить преимущественно то, что не было переведено»; но неужто стоило переводить, изъ-за того только, что до сихъ поръ ихъ не являлось на русскомъ языкѣ, такія пьесы, какъ «Небесный Огонь» и «Фея и Пери» Виктора Гюго, пьесы длинныя, натянутыя, холодныя и реторическія? Видно, впрочемъ, и переводчику эти пьесы пришлись солоно: риемованные стихи онъ переводилъ бѣлыми, а что хуже всего тяжелыми, безъ цезуры, то шестистопными, то пятистопными, и наконецъ, видно съ досады, поставилъ два до сихъ поръ безпримѣрные въ исторіи всѣхъ возможныхъ поэзій стиха:

Не спрашивайте, кто мнѣ разсказалъ легенду. Я ее
Еще ребенкомъ слышалъ, а теперь вотъ вамъ передаю.

Мы, пожалуй, не прочь и отъ восьмистопныхъ стиховъ, хоть ихъ и не писалъ никто отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ; пусть же они будутъ по крайней мѣрѣ сносны для уха, если не могутъ быть пріятны. А между тѣмъ г. Костомаровъ, повторяемъ, можетъ писать недурные стихи, когда передъ нимъ образецъ не столь кудряво-реторическій. Вотъ, напримѣръ, какъ перевелъ онъ пьесу Шамиссо: «Нищій и его собака».

Я три талера подати долженъ внести, —
Иль тебя, мой товарищъ, лишуся!
Да, ихъ нѣтъ у меня!... но тебя отвести
Въ живодерню никакъ не рѣшуся....

Я ужь старъ становлюсь, я отъ горя ослѣпъ;
Не могу доставать пропитанья
Я работой своей; нѣту гроша на хлѣбъ,
Нѣту въ людяхъ ко мнѣ состраданья.

И когда я ослѣпъ, заболѣлъ, обнищалъ, —
Пожалѣли ли люди страдальца?
И когда я, бездомный, по міру блуждалъ,
Пріютили ли люди скитальца?

Какъ тоска меня жгла — кто со мною рыдалъ,
Кто въ морозы пригрѣлъ съ сожалѣньемъ?

Когда голоденъ былъ — кто со мной голодалъ,
А не гналъ отъ себя съ отвращеньемъ?

Я съ тобою вдвоемъ, мой товарищъ, бродилъ,
Да пришла намъ пора разставаться;
Ты какъ я же, мой песъ, сталъ негоденъ и хилъ,
Утоплю тебя.... полно скитаться!

Это будетъ наградой за службу твою:
Не съ однимъ вѣдь тобой такъ бываетъ....
Чортъ возьми! я не трусилъ въ кровавомъ бою,
А убить тебя силъ не хватаетъ.

Вотъ веревка свита, вотъ лежатъ два *камня*,
Вотъ и рѣчка предъ нами струится —
Мой бѣдняжка, сюда! не гляди на меня....
Лишь ногою толчокъ — *и свершится!*

Онъ ей петлю надѣлъ, — но, махая хвостомъ,
Она руки лизала *злодѣю*....
Тотъ не могъ утерпѣть, — петлю снялъ и потомъ
Привязалъ себѣ камень на шею,

И съ проклятьемъ ужаснымъ на блѣдныхъ устахъ
Собираетъ послѣднія силы....
Слышенъ плескъ—*и лишь кругъ на глубокихъ водахъ*
Обозначилъ страдальцу могилу.

Съ воемъ бросился песъ господина спасать,
И бѣжитъ къ *мореходцамъ онъ смѣло*,
Начинаетъ будить ихъ, и выть, и кусать;
Мореходцы нашли его — тѣло.

Хоронили они его ночью глухой —
Лишь собака объ немъ пожалѣла;
Тамъ, гдѣ трупъ бѣдняка былъ засыпанъ землей
Растянулась — и *вдругъ* околѣла.

Конечно, и тутъ есть къ чему придраться. Всѣ отмѣченныя курсивомъ мѣста или неловки, или рутинны, или не передаютъ того, что сказано въ подлинникѣ; но мы не хотимъ на первый разъ быть строги: г. Костомаровъ только-что начинаетъ писать стихи. Намъ кажется, вся бѣда не отъ недостатка умѣнья, а какъ будто отъ недостатка старательности. Напримѣръ, при нѣкоторомъ стараніи, можно было бы сдѣлать очень недурнымъ переводъ пьесы того же Шамиссо: «Старая Прачка», напечатанный въ «Сборникѣ»; но г. Костомаровъ не потрудился исправить его и напечаталъ въ

какомъ-то черновомъ видѣ. Послѣдній куплетъ, въ которомъ заключается весь смыслъ пьесы въ подлинникѣ, видно совсѣмъ не удался ему, и онъ безъ церемоніи выкинулъ его.

У г. Берга такихъ небрежностей встрѣчается гораздо меньше; въ его переводахъ больше и внѣшняго искусства, и поэтическаго такта; но опять-таки что за выборъ! Нѣмецкаго Трегера, поэта, какихъ и у насъ можно насчитать десятка два, и датскаго Андерсена (по крайней мѣрѣ въ переведенныхъ пьесахъ) можно бы рѣшительно оставить въ покоѣ; изъ Гейне можно было бы выбрать что нибудь такое, что не переводилось уже чуть не десятки разъ прежде, и большею частью не хуже, а иногда и лучше.

О переводахъ изъ Беранже мы не говоримъ, потому что они ни чѣмъ не отличаются отъ прежнихъ попытокъ переводить его, и показываютъ только, что онъ или совсѣмъ непереводимъ, или что нужно браться за переводъ его нѣсколько иначе. Очень жаль намъ также бѣднаго Леопарди, прекрасная ода котораго «Къ Италіи» превратилась въ какое-то безсильное и водянистое многословіе подъ перомъ г. Костомарова.

Если переводчики обратятъ вниманіе на наши замѣчанія и не разсердятся на нихъ, какъ это нерѣдко бываетъ, а примутъ ихъ къ свѣдѣнію, ихъ будущіе труды, по нашему мнѣнію, нисколько отъ этого не проиграютъ.

О Судоустройствѣ. Соч. *Бентама.* По французскому изданію Дюмона изл. *А. Книрима.* С.-Петерб. 1860 г.

Эта небольшая книга—отдѣльное изданіе перевода, помѣщеннаго въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», который хорошо сдѣлалъ, принявъ на свои страницы такое сочиненіе. Императоръ Александръ I совѣтовался съ Бентамомъ и поручалъ обращаться къ нему за совѣтами лицамъ, занимавшимся тогда въ Россіи кодификаціею законовъ.

Мы не будемъ излагать здѣсь ни всей системы юридическихъ теорій Бентама, ни частной его теоріи судоустройства, и обратимъ вниманіе лишь на одинъ изъ многихъ вопросовъ, которыхъ онъ касается въ трактатѣ, переведенномъ теперь на русскій языкъ. Мы хотимъ сказать о томъ, справедливо ли ссылаются на авторитетъ Бентама тѣ юристы, которые не расположены въ пользу суда присяжныхъ.

Очень часто бываетъ, что извѣстныя средства, необходимыя для достиженія извѣстной цѣли при извѣстномъ устройствѣ человѣческихъ отношеній, оказывались бы не нужны, неудовлетворительны при луч-

шемъ устройствѣ отношеній, въ которомъ та же цѣль достигалась бы другими средствами или болѣе быстрыми, или менѣе обременительными. Такъ, напримѣръ, въ средніе вѣка единственнымъ средствомъ обезпечить хотя нѣкоторое правосудіе въ извѣстномъ округѣ или городѣ, доставить его жителямъ хотя нѣкоторую возможность добиваться справедливости, ограждать себя отъ безнаказанныхъ насилій — было предоставленіе этому округу или городу независимости отъ всякой высшей власти въ судѣ надъ его жителями. Въ западной Европѣ давались городамъ такія же привилегіи, какія извѣстны у насъ были подъ именемъ безсудныхъ или несудимыхъ грамотъ. Такимъ образомъ городъ Ульмъ или гор. Нюренбергъ получалъ право исключительнаго суда по дѣламъ своихъ гражданъ, и на этотъ судъ уже не было никакой законной апелляціи, никто не могъ законнымъ образомъ спрашивать у гражданъ Ульма или Нюренберга отчета въ томъ, когда они присуждали своего согражданина къ потерѣ имущества, къ тюремному заключенію или къ смерти. Никто не могъ законнымъ образомъ заступиться за осужденнаго, хотя бы процессъ его былъ рѣшенъ съ явною несправедливостію, по мелочному мѣстному неудовольствію на него или по злобѣ какого нибудь вліятельнаго горожанина. Представимъ себѣ, что въ тѣ времена, во времена феодальныхъ насилій, явился юристъ, возвысившійся своими понятіями надъ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и дошедшій до яснаго представленія о юридической системѣ, подобной порядку дѣлъ, существующему теперь въ Бельгіи или Швейцаріи. Конечно, въ его системѣ не было бы мѣста безапелляціонному городскому суду, — онъ сталъ бы доказывать, что судебная власть должна быть одна для цѣлаго народа, все государство имѣетъ право и обязанность защитить невиннаго человѣка отъ несправедливаго наказанія, къ которому приговорилъ его какой нибудь отдѣльный судъ по пристрастію или незнанію. Но если такой юристъ выставлялъ бы судебный идеалъ, гораздо высшій существовавшаго тогда порядка, то можно ли было бы говорить, что, при существовавшемъ тогда порядкѣ, онъ не признавалъ полезности безапелляціоннаго городскаго суда и расположенъ былъ предпочитать такому суду другія тогдашнія формы суда, еще гораздо менѣе соотвѣтствовавшія его идеалу? Конечно, нѣтъ; конечно, этотъ юристъ понималъ, что изъ формъ, низшихъ его идеала, форма безапелляціоннаго городскаго суда несравненно лучше другихъ.

Нѣчто подобное было съ воззрѣніемъ Бентама на судъ присяжныхъ. Онъ составилъ очень высокій проектъ судоустройства, такой высокій, что очень многіе изъ нынѣшнихъ наилучшихъ гарантій справедливаго суда замѣнялись въ его проектѣ другими, болѣе про-

стьми и вѣрными. Довольно будетъ сказать, что по этому проэкту уничтожалась разница между гражданскимъ и уголовнымъ судомъ; всѣ различныя юрисдикціи сливались въ одну. Этотъ единственный для всѣхъ разрядовъ дѣлъ судъ разсматриваетъ дѣла по кодексу, нимало не похожему ни на одинъ изъ существующихъ нынѣ кодексовъ, — по кодексу, чрезвычайно краткому и простому, такъ что каждый взрослый человѣкъ могъ бы знать всѣ дѣйствующіе законы и всѣ формы судопроизводства. При такихъ законахъ, при такомъ судопроизводствѣ можно было, по мнѣнію Бентама, обойтись безъ присяжныхъ, потому что вся публика была бы чѣмъ-то похожимъ на собраніе судей, передъ глазами которыхъ дѣйствуетъ собственно такъ-называемый судья, знающій, что каждому изъ присутствующихъ будетъ видна каждая натяжка въ веденіи дѣла и немедленно наказываемый за малѣйшее отступленіе отъ правды. При такомъ идеальномъ порядкѣ, учрежденіе особенныхъ присяжныхъ конечно становилось излишнею формальностію. Но ошибочно было бы думать, что недостатки или неудобства, оказывавшіеся, по мнѣнію Бентама, въ судѣ присяжныхъ сравнительно съ идеальнымъ судоустройствомъ, проэктированнымъ у Бентама, могутъ имѣть важность при сравненіи суда присяжныхъ съ другими дѣйствительно существующими формами судоустройства: при такой нормѣ сравненія оказывается, что каждый недостатокъ суда присяжныхъ принадлежитъ въ большей степени каждой иной формѣ судоустройства, и каждая иная форма имѣетъ кромѣ того много недостатковъ, отъ которыхъ свободенъ судъ присяжныхъ. А та идеальная форма судоустройства, которую проэктировалъ Бентамъ, не осуществима при нынѣшнихъ законахъ и нравахъ ни въ Англіи, ни въ Швейцаріи, ни въ Сѣверной Америкѣ, не говоря уже о другихъ странахъ. Такимъ образомъ съ практической стороны даже и передовымъ націямъ остается выборъ только между судомъ присяжныхъ и формами судоустройства, далеко уступающими ему во всѣхъ отношеніяхъ. Лучше всего объясняетъ это самъ Дюмонъ, издавшій сочиненіе Бентама «О судоустройствѣ». Читатель знаетъ, что Бентамъ скучалъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ рукописей, и потому нѣкоторые изъ его трактатовъ были изданы въ редакціи, принадлежавшей не ему, а его другу, женевскому гражданину Дюмону. Къ числу такихъ трактатовъ принадлежитъ и сочиненіе Бентама о судоустройствѣ: Дюмонъ издалъ его по черновымъ бумагамъ Бентама и прибавилъ во многихъ мѣстахъ свои замѣчанія, изъ которыхъ самое обширное и важное — о судѣ присяжныхъ. Приводимъ здѣсь эти страницы:

«Бентамъ въ своихъ послѣднихъ взглядахъ на судоустройство не допускаетъ присяжныхъ, даже въ дѣлахъ уголовныхъ.

«Противники учрежденія суда присяжныхъ, а ихъ еще много, не упустятъ случая воспользоваться его авторитетомъ. «Вы видите, скажутъ они, публициста, котораго нельзя обвинять въ пристрастіи, юриста, воспитаннаго въ предразсудкахъ страны, въ которой привязанность къ этому роду суда доходитъ до энтузіазма; вы видите, какъ онъ постепенно перемѣняетъ свои мнѣнія о судѣ присяжныхъ, какъ онъ сначала ограничиваетъ кругъ ихъ дѣйствія только немногими случаями и наконецъ совершенно отвергаетъ ихъ. Непопулярность этого парадокса не устрашаетъ его, онъ видитъ въ этомъ учрежденіи недостатокъ отправленія суда, свойственный вѣкамъ тираніи и варварства, но долженствующій исчезнуть при гарантіяхъ созрѣвшей цивилизаціи».

«Не спѣшите торжествовать, скажу я противникамъ суда присяжныхъ.—Если Бентамъ не питаетъ къ этому учрежденію того же довѣрія, какъ самые просвѣщенные публицисты, то это не потому, чтобы онъ не сознавалъ его достоинства въ сравненіи со всѣми извѣстными родами суда, или чтобы онъ не видѣлъ въ немъ палладіума британской свободы и въ особенности свободы печати, безъ которой всякая другая свобода не можетъ долго существовать. Онъ думалъ только, что при устройствѣ суда, которому не нужно защищаться отъ произвольной власти, а только примѣнять извѣстные законы, которыхъ кодексъ въ рукахъ всѣхъ гражданъ, можно найдти гарантіи, болѣе простыя, болѣе дѣйствительныя, менѣе подверженныя ошибкамъ, нежели гарантіи, представляемыя этими минутными судьями. Онъ не хочетъ дать менѣе средствъ для охраненія общественной и частной безопасности, онъ предполагаетъ удвоить гарантіи, а не ослабить ихъ. Если противники суда присяжныхъ, отвергнувъ эти учрежденія, примутъ вполнѣ систему Бентама, то нельзя опасаться, что это поведетъ ихъ къ побѣдѣ. Но если они выставляютъ его знамя на судахъ, совершенно различныхъ отъ его судовъ, то они употребляютъ во зло его имя, и я могу сравнить ихъ съ шарлатанами, которые, поддѣлывая лекарства по рецепту искуснаго медика, — выпускаютъ предохранительныя средства, заключающіяся въ его рецептѣ, и продаютъ подъ его именемъ ядъ, составляющій ихъ произведеніе.

«Главное достоинство суда присяжныхъ заключается въ томъ, что онъ представляетъ болѣе ручательствъ хорошихъ судебныхъ рѣшеній, нежели постоянные судьи. Я приписываю ему это качество на основаніи четырехъ слѣдующихъ соображеній.

«1) Онъ представляетъ лучшее ручательство безпристрастія. Не только весьма вѣроятно, что при существованіи отводовъ, присяжные чужды обвиненному, но очень часто они чужды другъ другу и судьямъ, такъ что между ними нѣтъ ни потворства, ни тайной связи. Если бы и существовалъ у одного или двухъ тайный источникъ пристрастія, то его дѣйствіе потерялось бы въ массѣ.

«Присяжные, взятые изъ средняго класса, находясь въ отношеніяхъ равенства съ лицами, подлежащими ихъ сужденію; они не могутъ имѣть иныхъ интересовъ, кромѣ поддержанія общихъ правъ и защиты невинности. Такъ какъ каждое рѣшеніе составляетъ для этихъ временныхъ судей важное и торжественное дѣйствіе, образующее эпоху въ ихъ жизни, то они естественнымъ образомъ употребляютъ все вниманіе, всю предусмотрительность, къ которымъ они способны.

«Не вдаваясь въ преувеличенія, граничащія съ сатирою, должно признать въ принципѣ, на основаніи общихъ наблюденій, почерпнутыхъ въ знаніи человѣческаго сердца, что постоянные судьи не могутъ быть въ той мѣрѣ свободны отъ пристрастія, какъ временные случайные судьи. Безъ сомнѣнія, они будутъ безпристрастны въ большей части случаевъ, но тѣмъ не менѣе всегда будутъ встрѣчаться такіе случаи, въ которыхъ пріязнь или непріязнь, интересы болѣе или менѣе отдаленные, предубѣжденія, дѣйствующія даже тайно, будутъ имѣть вліяніе на ихъ рѣшеніе. Я не говорю о случаяхъ подкупа или преступнаго пристрастія, хотя исторія судовъ представляетъ многочисленные тому примѣры, но самое положеніе судьи заключаетъ въ себѣ опасность для правосудія. Это не парадоксъ, не острота, а фактъ. Очень часто было замѣчаемо, что отправлявшій долгое время судейскія обязанности является другимъ человѣкомъ, нежели какимъ онъ былъ въ началѣ своего поприща. Привычка видѣть и уличать виновныхъ внушаетъ служителямъ закона общее предубѣжденіе противъ обвиненныхъ и располагаетъ ихъ обвинять на основаніи предположеній, полу-доказательствъ, съ поспѣшностью, которая всегда будетъ подозрительна, даже и тогда, когда не влечетъ за собою ошибокъ.

«II) Вторая важная гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, состоитъ въ независимости, то есть въ независимости отъ административной власти. Это — видоизмѣненіе безпристрастія, но должно быть отъ него отличаемо, потому что примѣняется къ особымъ случаямъ, въ которыхъ обвиненные должны защищаться противъ какой нибудь могущественной вражды, противъ какого нибудь обвиненія, касающагося не общихъ интересовъ общества и правительства, а личныхъ интересовъ правительственныхъ органовъ, напр., когда дѣло идетъ объ открытіи ихъ злоупотребленій. Для сопротивленія злоупотребленіямъ власти необходимо не простое безпристрастіе, а гражданское мужество; и отъ кого скорѣе можно ожидать этого мужества, какъ не отъ гражданъ, которые не имѣютъ никакого сношенія съ министерствомъ, и между которыми нельзя найдти никакихъ общихъ опасеній или надеждъ, чтобы воспользоваться ими съ цѣлію навязать имъ извѣстное мнѣніе? Допустимъ даже возможность недобросовѣстности или трусости присяжныхъ, — администрація ничего этимъ не выигрываетъ: та нить, которую она сплетаетъ, рвется при каждой сессіи, при разсмотрѣніи каждаго дѣла. Въ дѣлахъ политическихъ эта гарантія является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; и между политическими дѣлами — дѣла касающіяся свободы печати, всегда разнообразныя, всегда трепещущія

современнымъ интересомъ, — суть тѣ, въ которыхъ общественный интересъ въ особенности требуетъ участія присяжныхъ.

«Скажутъ, что несмѣняемые судьи столь же независимы, какъ присяжные. Безъ сомнѣнія, имъ нечего опасаться отставки, но развѣ они свободны отъ надеждъ на повышеніе и на милости для себя и для своихъ семействъ? Избавляя ихъ отъ страха предъ правительствомъ, — ихъ избавляютъ также отъ необходимости искать подпоры въ общественномъ мнѣніи, дѣлаться сильными народною любовью. Мы допустимъ, что эти обыкновенныя искушенія не будутъ имѣть вліянія на людей честныхъ; развѣ нѣтъ болѣе утонченныхъ искушеній, заключающихся въ предразсудкахъ высшихъ классовъ, въ этомъ естественномъ союзѣ между всѣми, пользующимися какою либо частію власти, въ этомъ общемъ интересѣ щадить другъ друга? Безопасность, представляемая опредѣленіемъ въ законѣ преступленія клеветы, будетъ всегда недостаточна или по трудности опредѣлить пасквиль, или по трудности судить о намѣреніи, преступность котораго зависитъ отъ обстоятельствъ.

«Если нѣтъ суда присяжныхъ для разсмотрѣнія нарушеній законовъ о печати, то въ государствѣ существуетъ власть или сословіе, котораго дѣйствія выше всякой критики и которое призвано судить все печатное; всякое порицаніе его составляетъ преступленіе; оппозиція не имѣетъ гарантій. Ни интересъ правительства, ни интересъ народа не требуетъ этой независимости судей, подверженныхъ тѣмъ же страстямъ и тѣмъ же ошибкамъ, какъ и прочіе люди.

«III) Третья гарантія, представляемая судомъ присяжныхъ, состоитъ въ томъ, что каждое дѣло достигаетъ достаточной степени зрѣлости, что соблюдаются всѣ тѣ охранительныя формы, которыя весьма легко могутъ быть опущены или искажены при малѣйшемъ легкомысліи, поспѣшности или пристрастіи судей. Между этими формами самая полезная заключается въ постоянномъ различіи факта отъ вопроса права. Въ соблюденіи же этого различія заключается существенное достоинство суда присяжныхъ. Правда, что и постоянные судьи при гласности и устныхъ преніяхъ необходимо должны слѣдовать по тому же пути; но тѣмъ не менѣе учрежденіе суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество, что доказывается двумя слѣдующими соображеніями:

«1) Судья обращаетъ болѣе вниманія на подробности дѣла, когда онъ обязанъ изложить его присяжнымъ, нежели когда онъ дѣлаетъ это для самого себя. Большія упущенія въ допросѣ свидѣтелей могли бы пройти незамѣченными; но когда все происходитъ предъ присяжными, изъ которыхъ каждый имѣетъ право дѣлать замѣчанія, то нельзя предаваться ни дремотѣ скуки, ни лѣности.

«2) Нравственная отвѣтственность судьи въ отношеніи рѣшенія о фактѣ не такъ велика, даже при гласности, какъ можно было бы предполагать. Онъ все еще можетъ быть пристрастнымъ или въ выборѣ свидѣтелей, или въ способѣ ихъ допроса и этого пристрастія нельзя

замѣтить или по крайней мѣрѣ нельзя доказать, исключая случаевъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій.

«При разсмотрѣніи очень запутаннаго дѣла, продолжающагося цѣлый день или даже нѣсколько дней, кто изъ несогласныхъ съ рѣшеніемъ судьи осмѣлится утверждать, что онъ вникнулъ во всѣ обстоятельства дѣла, что онъ не упустилъ ничего существеннаго въ изложеніи фактовъ? Кто осмѣлится обвинять судью, что онъ дѣйствовалъ противъ своего убѣжденія или даже упрекать его въ поспѣшности или небрежности?

«При присутствіи присяжныхъ почти нельзя предположить активнаго пристрастія со стороны судьи. Во первыхъ потому, что оно всегда будетъ довольно замѣтно для возбужденія по крайней мѣрѣ подозрѣнія и въ особенности потому, что оно будетъ всегда безполезно, такъ какъ рѣшеніе отъ него не зависитъ. Когда же факты приведены въ ясность, когда они просѣяны, если можно такъ выразиться, главное уже сдѣлано и остающееся лишено важности: судья, которому предоставлено пассивное примѣненіе закона, почти не можетъ отъ него уклониться.

«IV) Послѣдняя гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, заключается въ ихъ особенной способности хорошо обсуждать фактическіе вопросы, — способности, которая не встрѣчается въ такой же степени въ постоянныхъ судьяхъ. Сначала это кажется парадоксомъ, потому что повидимому большая проницательность находится на сторонѣ науки и продолжительной судебной практики. Итакъ слѣдуетъ развить это положеніе. Я не буду приводить мнѣній англійскихъ публицистовъ, которыхъ можно считать слишкомъ предубѣжденными въ пользу системы, составляющей ихъ славу; я приведу мнѣніе юриста, который видѣлъ и сравнивалъ суды съ присяжными и безъ присяжныхъ. Основываясь на своей опытности, этотъ глубокій наблюдатель утверждаетъ, что даже искусный юристъ менѣе способенъ оцѣнить факты, обстоятельства человѣческой жизни, свидѣтельскія показанія и улики, нежели граждане, живущіе въ свѣтѣ и принимающіе участіе въ его дѣятельности. «Ничего неизвѣстно», говоритъ онъ, «a priori; или «по крайней мѣрѣ, если нѣтъ другаго путеводителя кромѣ указаній ра«зума, то при оцѣнкѣ частныхъ случаевъ представляется опасность «впасть во многія ошибки и неточности. — Что касается дѣлъ и со«бытій жизни, чувствъ, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать, по«бужденій скрытаго интереса, которыя могутъ имѣть вліяніе на волю, «физическихъ свойствъ вещей и внѣшнихъ признаковъ извѣстныхъ «дѣйствій, — признаковъ, которые могутъ дѣлать эти дѣйствія болѣе или ме«нѣе несправедливыми, болѣе или менѣе преступными, то какой ни«будь гражданинъ, одаренный только здравымъ смысломъ и обыкно«веннымъ образованіемъ, въ состояніи гораздо лучше ихъ обсудить, «нежели юристъ. Чѣмъ искуснѣе юристъ, тѣмъ болѣе онъ сидитъ за «книгами, тѣмъ далѣе онъ держитъ себя отъ дѣйствительной жизни, «тѣмъ менѣе ему извѣстно все происходящее подъ кровлею землядѣль-

«ца, на рынкахъ, въ кофейняхъ, въ трактирахъ. Если дѣло идетъ объ «убыткахъ, то онъ совершенно не въ состояніи ихъ опредѣлить. Если «дѣло идетъ объ обидѣ, то всѣ мѣстныя частныя обстоятельства, мо«гущія сдѣлать ее весьма тяжкою или почти ничтожною, ему неиз«вѣстны. Всѣ свѣдѣнія его о дракахъ ограничиваются слухами. Онъ «никогда не былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ; онъ не знаетъ тѣхъ «обстоятельствъ, при которыхъ онѣ возникаютъ, тѣхъ случайностей, «которыя раздуваютъ ихъ, личныхъ качествъ того класса гражданъ, «который наиболѣе имъ предается.

«Я присутствовалъ однажды при осмотрѣ, который производилъ «судья для разрѣшенія вопроса, относящагося до качествъ и употреб«ленія одной каменоломни. Въ то время какъ тяжущіеся, ихъ эксперты, «свидѣтели и секретарь занимались своимъ дѣломъ, судья, бывшій впро«чемъ весьма искуснымъ юристомъ, цитировалъ мнѣ большіе отрывки «изъ Тацита и Горація; и въ самомъ дѣлѣ намъ ничего другаго не «оставалось дѣлать, потому что ни онъ, ни я, мы ничего не понимали «въ этой спеціальности. Если онъ потомъ произнесъ приговоръ, то я «увѣренъ, что это было превосходное приложеніе закона. Но къ чему? «Къ факту, установленному экспертами.

«Говорятъ, что судьи не обязаны принимать мнѣніе экспертовъ; но «какъ осмѣлятся они это сдѣлать? Именно, съ цѣлію не нарушить спо«койствія своей совѣсти, они соглашаются съ заключеніемъ экспертовъ. «Чѣмъ добросовѣстнѣе судья, тѣмъ менѣе онъ позволитъ себѣ удалять«ся отъ этого заключенія. Итакъ процессы, въ которыхъ требуется «мнѣніе экспертовъ, рѣшаются окончательно двумя лицами, называемы«ми экспертами и дѣйствительно не заслуживающими названія при«сяжныхъ, потому что они не представляютъ всѣхъ гарантій присяж«ныхъ.

«Но сколько есть процессовъ, въ которыхъ судья имѣлъ бы надоб«ность въ заключеніи присяжныхъ, кромѣ тѣхъ, на которые указы«ваетъ обычай. Встрѣчается мало вопросовъ о фактѣ или объ умыслѣ, «въ которыхъ это заключеніе не должно бы было имѣть мѣста послѣ «всего сказаннаго нами о неспособности юристовъ къ ихъ разрѣшенію. «Присяжные же самые лучшіе изъ всѣхъ возможныхъ экспертовъ. Во«просъ о судѣ присяжныхъ, разсматриваемый съ этой особенной точки «зрѣнія, съ точки зрѣнія, которая мнѣ кажется правильною, приводится «для меня къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли имѣть экспертовъ болѣе «способныхъ или менѣе способныхъ, представляющихъ болѣе гарантій «или представляющихъ менѣе. Chacun a son métier (всякому свое ре«месло) — пословица самая обыкновенная, но въ то же время весьма «справедливая. — Юристъ долженъ развивать и прилагать законъ, свѣт«скій человѣкъ, дѣловой человѣкъ долженъ знать обстоятельства жизни «и цѣли людей, потому что опытъ снабжаетъ его всѣми для того необ«ходимыми данными» (Rossi, Annales de législation et de jurisprudence t. II p. 98).

«Я до сихъ поръ ограничивался простымъ изложеніемъ доводовъ,

которые говорятъ въ пользу суда присяжныхъ; я еще буду кратче въ отношеніи его состава и укажу только на самые важные пункты.

«Гарантія, представляемыя судомъ присяжныхъ противъ ошибокъ или несправедливостей со стороны судей, предполагаютъ три условія, которыя должны быть соблюдены при ихъ избраніи.

«1) Не должно, чтобы они были назначаемы судьями или лицами, отъ нихъ зависящими.

«2) Должно брать ихъ въ классѣ, представляющемъ извѣстную гарантію способности, назначать отчасти посредствомъ жребія, отчасти посредствомъ выбора, дозволяя отводы безъ приведенія причинъ.

«3) Ихъ обязанность должна быть временная.

«Существуютъ еще другія условія относительно способа исполненія обязанности присяжныхъ, какъ то: не расходиться прежде произнесенія рѣшенія, ни съ кѣмъ не имѣть сообщенія, судить только на основаніи устныхъ преній, произносить приговоръ единогласно и пр.

«Я скажу только нѣсколько словъ о выборѣ присяжныхъ. Пусть возьмутъ листъ присяжныхъ, каково бы ни было ихъ число. При образованіи суда каждая изъ сторонъ вынимаетъ по очереди двадцать четыре имени; по всей вѣроятности никто не можетъ имѣть прежде вліянія на эти сорокъ восемь лицъ; но если бы въ этомъ числѣ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ подозрительныхъ публичному министерству или заинтересованнымъ сторонамъ, то это зло можетъ быть вполнѣ предупреждено ихъ правомъ исключать двѣнадцать, по ихъ выбору, изъ остающихся двадцати четырехъ. Жребій кажется лучшимъ способомъ для составленія суда присяжныхъ.

«Все, что прямо или косвенно направлено противъ одного изъ трехъ вышеозначенныхъ условій, можетъ уменьшить въ значительной степени, или даже вовсе разрушить благодѣтельное дѣйствіе суда присяжныхъ. Можно даже совершенно обезсилить учрежденіе и исказить его до того, что оно не будетъ болѣе служить гарантіею для публики, а только для судей, ставя ихъ внѣ всякой отвѣтственности.

«Я изложилъ основанія, доказывающія пользу учрежденія суда присяжныхъ, какъ средства, способствующаго хорошимъ судебнымъ рѣшеніямъ. Но предполагая, что возможно достигнуть этого результата безъ суда присяжныхъ, я не перестану желать этого учрежденія по причинѣ тѣхъ различныхъ второстепенныхъ выгодъ, которыя, по моему мнѣнію, исключительно ему принадлежатъ.

«1) Мнѣ кажется очевиднымъ, что, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, тамъ онъ парализируетъ систему стѣснительныхъ законовъ или вліянія на суды. Такъ въ Англіи, гдѣ господствуютъ уголовные законы, щедрые на смертную казнь, присяжные часто оправдываютъ обвиненныхъ очевидно виновныхъ, изъ желанія избавить ихъ отъ суровости законовъ. Такъ исчезли на практикѣ чудовищные законы противъ католиковъ, прежде нежели они были формально отмѣнены. Это исправительное средство имѣетъ, безъ сомнѣнія, неудобства, которыхъ впро-

чемъ нельзя сравнивать съ проистекающею изъ него общественною безопасностью.

«Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія я укажу на то, что тамъ, гдѣ враждебно смотрятъ на независимость, всегда стараются отнять у суда присяжныхъ тѣ дѣла, въ которыхъ боятся общественнаго рѣшенія, или доставить себѣ средства имѣть вліяніе на присяжныхъ способомъ ихъ назначенія. Но такія мѣры служатъ какъ бы набатомъ къ тревогѣ.

«2) При судѣ присяжныхъ возникаетъ и распространяется во всѣхъ классахъ общества чувство личной безопасности. Это можно видѣть въ Англіи. Безопасность каждаго, — самая лучшая похвала этому учрежденію. Каждый увѣренъ, что онъ можетъ-быть судимъ только лицами, взятыми изъ его сословія, причемъ ему предоставляется право исключать тѣхъ, пристрастія которыхъ онъ имѣетъ основанія опасаться.

«Между дѣйствительною безопасностью и чувствомъ безопасности существуетъ естественная и тѣсная связь; но и то, и другое можетъ существовать отдѣльно.

«Если различать ихъ, то чувство безопасности болѣе важно. Почему? Потому что страданіе, проистекающее изъ чувства опасенія, можетъ распространиться на всѣ классы общества и продолжительность этого зла можетъ-быть безконечна. Юридическая несправедливость есть только личное зло, она падаетъ на относительно незначительное число лицъ, но безпокойство, раждающееся отъ этой несправедливости, можетъ распространиться на все общество и возмутить покой всѣхъ семействъ.

«Между дѣйствительною безопасностью и безопасностью видимою, на самомъ дѣлѣ нѣтъ существеннаго различія. Чѣмъ болѣе сознаютъ это, тѣмъ болѣе почувствуютъ цѣну учрежденія, которое способствуетъ къ образованію чувства общей безопасности.

«3) Нельзя не признать другой пользы, проистекающей изъ учрежденія суда присяжныхъ: чувства уваженія всѣхъ ко всѣмъ и слѣдовательно народа къ самому себѣ. Въ этой взаимной власти каждаго надъ каждымъ заключается истинное равенство. Чувство подчиненности смягчается временнымъ возвышеніемъ при отправленіи столь важной обязанности; чувство превосходства ограничивается въ такой же мѣрѣ подчиненіемъ народному суду. Вотъ почему въ Англіи не встрѣчается нагдыхъ и гнусныхъ проступковъ противъ того класса, для обозначенія котораго весьма трудно найти имя, которое бы не заключало въ себѣ оскорбленія для людей съ предразсудками. Присяжные не пролетаріи; но они болѣе граничатъ съ огромною рабочею массою, нежели съ аристократическимъ кругомъ. Джентльмену, который грубо обошелся съ чистильщикомъ сапогъ, будетъ какъ-то неловко предъ судомъ присяжныхъ, который съ радостью научитъ высокомѣрнаго щеголя уважать народъ. Я думаю, что этому учрежденію можно приписать въ значительной степени ту мужественную гордость, которая, правда, выставляетъ недостатки народнаго характера, но которая даетъ рѣзкій оттѣнокъ его патріотизму и его добродѣтелямъ.

«4) Гласность въ судахъ есть, безъ сомнѣнія, превосходное средство для привлеченія къ нимъ вниманія и для возбужденія общественнаго интереса ко всему въ нихъ происходящему; но участіе присяжныхъ въ судебныхъ дѣйствіяхъ въ особенности способно привести къ этому благодѣтельному результату. Независимо отъ значительнаго числа призываемыхъ каждый годъ къ отправленію этой обязанности, должно имѣть въ виду гораздо большее число тѣхъ, которые могутъ быть къ ней призваны и которые потому имѣютъ побудительныя причины изучать формы судопроизводства, права, которыя они должны защищать, силу свидѣтельскихъ показаній, значеніе доказательствъ, начала, по которымъ должно различать истинное отъ ложнаго, преступленіе отъ невинности. Занятіе этими предметами необходимымъ образомъ производитъ въ народѣ стремленіе предпочитать здравый смыслъ блестящимъ качествамъ и степенные характеры людямъ легкомысленнымъ и пустымъ. Посмотрите, какъ въ домѣ фермера собралось все его семейство послушать разсказы своего главы, только-что возвратившагося изъ засѣданій ассизовъ и исполненнаго воспоминаній о случившихся тамъ событіяхъ; онъ разсказываетъ имъ исторію обвиненныхъ, что было говорено въ судѣ, что онъ думалъ, какое участіе принималъ въ рѣшеніи и на какихъ основаніяхъ онъ осуждалъ или оправдывалъ. Я былъ не разъ удивленъ, слыша въ Англіи, какъ люди безъ ученаго образованія ясно различали доказательства на основаніи свидѣтельскихъ показаній (preuves testimoniales) отъ доказательствъ вещественныхъ (preuves circonstancielles) и обнаруживали въ этомъ отношеніи знанія, которыхъ нельзя было бы найти въ гораздо высшихъ классахъ у народовъ, не имѣющихъ суда присяжныхъ. Итакъ, какъ образованіе ума, какъ средство воспитать народный характеръ и сообщить ему умственное превосходство, судъ присяжныхъ создаетъ, по моему мнѣнію, школу взаимнаго обученія, въ которой безпрерывно переходятъ отъ теоріи къ практикѣ.

«5) Отправленіе правосудія посредствомъ суда присяжныхъ представляетъ еще одну общую выгоду, состоящую въ стремленіи предупредить всякую частную вражду противъ судей. Судья является только органомъ закона для его примѣненія; если онъ хорошо исполняетъ свою обязанность, то онъ представляется защитникомъ обвиненнаго, наблюдая за соблюденіемъ всѣхъ охраняющихъ его формъ. Какъ только присяжные произнесли свой приговоръ, они расходятся, о нихъ нѣтъ болѣе рѣчи; злобы къ нимъ не можетъ-быть, и потому отправленіе правосудія никогда не производитъ чувствъ ненависти и мщенія. Вотъ новое основаніе прочности общественнаго порядка. Если бы случилось, что присяжные были уличены въ ошибкѣ, гибельной для невинности, это несчастіе было бы приписано несовершенству человѣческихъ сужденій и не повлекло бы за собою послѣдствій пагубныхъ въ будущности. Но если тоже самое случилось бы въ постоянномъ судѣ, то оно потрясло бы общественную безопасность и образовало бы противъ судей непоколебимое предубѣжденіе, такъ какъ воспоминаніе о гибельномъ

происшествія всегда соединялось бы съ ихъ именемъ. Доказательство этого мы видимъ во французской революціи. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ, нѣсколько судебныхъ ошибокъ, а не злоупотребленія, возбудили въ такой степени общественую ненависть противъ парламентовъ, что необходимость новыхъ судовъ въ особенности чувствовалась въ учредительномъ собраніи, и учрежденіе ихъ было однимъ изъ благодѣяній, дарованныхъ собраніемъ народу для снисканія его любви. При различныхъ перемѣнахъ въ правительствѣ Англіи судебное устройство никогда не было ниспровергаемо; въ немъ происходили, безъ сомнѣнія, перемѣны, смотря по характеру партій и судей, но формы оставались почти однѣ и тѣже; не было судебныхъ коммиссій, не было революціонныхъ судовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что учрежденіе суда присяжныхъ было причиною этой твердости судебнаго устройства; народъ понималъ, что сохраняя это учрежденіе, несмотря на его недостатки, онъ будетъ имѣть якорь спасенія противъ политическихъ обвиненій и произвола судей.

«Судъ присяжныхъ дѣйствительно представляетъ невыгоды. Сюда должно отнести проистекающую изъ него сложность судебнаго устройства, принужденіе въ отношеніи къ тѣмъ, которые чувствуютъ отвращеніе къ обязанности присяжнаго, увеличеніе издержекъ для вознагражденія присяжныхъ, остановку въ судѣ до ихъ собранія. Но независимо оттого, что можно уменьшить эти невыгоды, онѣ не столь важны, чтобы могли перевѣсить выгоды этого учрежденія.

«Дѣлаютъ возраженія болѣе важныя.

«Безпристрастіе составляетъ главное достоинство суда присяжныхъ, но это безпристрастіе становится сомнительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ столкновеніе между интересами различныхъ классовъ общества. Вотъ слова Палея (Paley), которыя приводимъ тѣмъ охотнѣе, что онъ является скорѣе защитникомъ, нежели порицателемъ всего касающагося англійскаго уложенія. «Бываютъ случаи», говоритъ онъ, «въ которыхъ рѣшеніе дѣлъ судомъ присяжныхъ невполнѣ достигаетъ цѣли правосудія. Это въ особенности замѣчается въ спорахъ, «въ которыхъ играетъ роль страсть или народное предубѣжденіе. Сюда «относятся случаи, въ которыхъ одинъ классъ людей представляетъ требованія ко всему остальному обществу; напримѣръ, когда духовенство «ведетъ тяжбу о десятинѣ; тѣ, въ которыхъ чиновники должны исполнять обязанности, часто наступательныя, если можно такъ выразиться; напримѣръ, собиратели пошлинъ, бальи и другіе низшіе служители закона; тѣ, въ которыхъ одна изъ сторонъ имѣетъ интересы, «общіе съ интересомъ присяжныхъ, а другая, — противные имъ; напримѣръ, въ спорахъ между собственниками и фермерами; и наконецъ «тѣ, въ которыхъ умы раздражены политическими несогласіями или «религіозною ненавистью».

«Противъ этого я замѣчу, что во всѣхъ случаяхъ, исключая послѣдняго, упрекъ Палея относится не къ уголовнымъ дѣламъ, а къ гражданскимъ, и даже къ тѣмъ особымъ случаямъ, въ которыхъ можно во-

обще предполагать, что присяжные примутъ подъ свою защиту слабаго противъ сильнаго или, что они выскажутъ справедливое предубѣжденіе противъ законовъ, не согласныхъ съ общественнымъ интересомъ. Однако сильно ошибаются, если придаютъ слишкомъ большое значеніе этому обвиненію въ пристрастіи. Я слышалъ, что приводили въ примѣръ, какъ исключительный случай, дѣла покойнаго лорда Лонсдаля, котораго называли Левіаѳаномъ сѣвера по причинѣ его обширныхъ владѣній: такъ какъ ему принадлежали многія чрезполосныя нивы, то онъ имѣлъ процессы съ большею частью своихъ сосѣдей. Противъ его исковъ образовалось предубѣжденіе столь для него неблагопріятное, что онъ не осмѣливался предоставлять рѣшеніе своихъ дѣлъ присяжнымъ въ Нортумберландѣ и переносилъ ихъ въ столицу.

«Этотъ случай, хотя исключительный, указываетъ на то средство, которое можно употребить противъ мѣстныхъ предубѣжденій: стоитъ только обратиться къ суду присяжныхъ болѣе отдаленному или призвать присяжныхъ изъ другой мѣстности, взыскивая лишнія издержки со стороны, желавшей воспользоваться этою осторожностью. Но я увѣренъ, что при хорошемъ способѣ образованія суда присяжныхъ подобные переносы встрѣтятся весьма рѣдко.

«Что касается до примѣненія уголовныхъ законовъ въ дѣлахъ религіи, примѣненія, котораго многіе примѣры мы видѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то присяжныхъ можно упрекать только въ томъ, что они не мудрѣе закона и не просвѣщеннѣе судей; во всѣхъ процессахъ можно было видѣть, какъ судьи настаивали на важности преступленія, какъ они употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на совѣсть присяжныхъ, чтобы дать имъ понять, что они держатъ въ своихъ рукахъ важнѣйшій интересъ общества.

«Однако же я осмѣлюсь утверждать, что эти преслѣдованія прекратятся подъ вліяніемъ присяжныхъ, когда вполнѣ поймутъ, что они заключаютъ въ себѣ настоящее оскорбленіе для религіи, которая должна защищаться нравственнымъ вліяніемъ и доводами, не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ, необходимымъ для поддержанія обмана. Развѣ можетъ-быть что нибудь опаснѣе, какъ дать повѣрію честь мученичества и силу энтузіазма?

«Я обращусь теперь къ другому возраженію противъ суда присяжныхъ, на которомъ Бентамъ настаивалъ болѣе, чѣмъ на другія. Это учрежденіе ставитъ судью, говоритъ онъ, внѣ всякой отвѣтственности, хотя хорошо извѣстно, что судья на самомъ дѣлѣ имѣетъ большое вліяніе, потому что присяжные имѣютъ склонность и, къ счастію, склонность весьма распространенную — слѣдовать указаніямъ человѣка, который болѣе ихъ образованъ. Судья можетъ при изложеніи обстоятельствъ дѣла или при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній склонить вѣсы на сторону оправданія или обвиненія. И въ самомъ дѣлѣ замѣчается значительное различіе въ рѣшеніяхъ одинаковыхъ случаевъ на различныхъ ассизахъ, смотря по строгости или снисходительности судьи.

«Судя по всему тому, что я видѣлъ въ Англіи, я увѣренъ, что хотя тамъ для судьи нѣтъ законной отвѣтственности, но есть отвѣтственность нравственная, которая гораздо сильнѣе, потому что дѣйствуетъ всегда, устанавливается безъ обрядовъ судопроизводства, зависитъ отъ публики, присутствующей при всемъ происходящемъ въ судѣ. Судья не можетъ изложить обстоятельства дѣла, не выказавъ своего пристрастія или безпристрастія. Малѣйшее подозрѣніе разрушило бы его вліяніе и произвело бы на приговоръ дѣйствіе, противоположное тому, которое онъ желалъ.

«Для насъ не столь важно доказать, что нравственная отвѣтственность судьи представляетъ совершенную гарантію, какъ сравнить ее съ законною отвѣтственностію и опредѣлить, не встрѣчаются ли въ приложеніи сей послѣдней такія трудности, которыя дѣлаютъ ее ничтожною, исключая вопіющихъ случаевъ подкупа, невозможныхъ при судѣ присяжныхъ.

«Самый трудный вопросъ при разсмотрѣніи учрежденія суда присяжныхъ есть вопросъ о единогласіи. Если требовать единогласія, по примѣру англійскихъ законовъ, то оно можетъ быть болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Неизвѣстно, какъ оно составляется, происходитъ ли оно изъ искренняго согласія всѣхъ, или оно было вынуждено скукою, усталостью или перевѣшивающимъ вліяніемъ одного упрямаго человѣка. Въ случаяхъ, встрѣчающихся по всей вѣроятности довольно часто, въ которыхъ меньшинство уступаетъ большинству, единогласіе является покрываломъ, брошеннымъ на неопреодолимое разногласіе.

«Защитники англійской системы возражаютъ съ своей стороны, что безъ требованія единогласія присяжные не будутъ достаточно внимательны къ дѣлу, что меньшинство упадетъ духомъ съ самаго начала, что оно будетъ порабощено числомъ, и что истинное преніе только тогда возможно, когда каждый можетъ надѣяться побѣдить.

«Хотя я не считаю этого вопроса вполнѣ разрѣшеннымъ, однако я склоняюсь на ту сторону, которая требуетъ единогласія на томъ основаніи, что большинство вообще въ состояніи лучше обсудить вопросъ о фактѣ, и что въ случаѣ, когда произойдетъ разногласіе, голоса должны скорѣе согласиться для оправданія, нежели для обвиненія, а такого результата должно, конечно, желать каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе у нѣсколькихъ присяжныхъ. Развѣ можно предполагать упрямство, когда дѣло ясно? Кто сопротивляется одинъ, тотъ хочетъ уступить только своему убѣжденію, но это убѣжденіе приводитъ къ мученичеству. Подобный характеръ достоинъ уваженія, даже если онъ ошибается.

«Я между прочимъ замѣчу, что самое большое препятствіе къ составленію единогласія заключается въ смертной казни. Хотя и говорятъ присяжнымъ, что они должны судить только о фактѣ, но всегда встрѣтятся между ними такіе, которые будутъ взвѣшивать послѣдствія своего голоса и останавливаться на малѣйшемъ сомнѣніи въ виновности, чтобы не имѣть на своей совѣсти смерти человѣка. Преобразуйте уго-

ловные законы и тогда присяжные будутъ легче приходить къ единогласному заключенію.

«Бентамъ представляетъ другія возраженія противъ требованія единогласія.

«Его нельзя достигнуть, говоритъ онъ, какъ только постояннымъ клятвопреступленіемъ.

«Что касается слова *постоянный*, то я нахожу его неумѣстнымъ. Въ большей части случаевъ единогласіе двѣнадцати человѣкъ о фактѣ, о которомъ только что спорили, который разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Не только двѣнадцать, но даже сто, тысяча человѣкъ легко могутъ быть одного мнѣнія.

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда факты не столь очевидны, чтобы присяжные могли изъ нихъ тотчасъ вывести единогласное заключеніе, то въ какомъ положеніи находится меньшинство? Въ положеніи сомнѣнія; я не могу не сомнѣваться, когда я одинъ или почти одинъ противъ девяти или десяти моихъ товарищей. Мое мнѣніе колеблется, я чувствую, какъ я склоняюсь къ большинству, и въ этой нерѣшимости мое снисхожденіе не составляетъ клятвопреступленія, потому что сущность клятвопреступленія заключается въ утвержденіи того, что считаю ложнымъ, тогда какъ я могу быть убѣжденъ, что мнѣніе значительнаго большинства должно быть справедливѣе моего.

«Я снова возвращусь къ замѣчанію, которое я сдѣлалъ въ началѣ этой главы. Бентамъ предлагаетъ систему судопроизводства, въ которой онъ обходится безъ суда присяжныхъ, въ той увѣренности, что гарантіи, которыми онъ окружилъ своего судью, лучше во многихъ отношеніяхъ гарантій, представляемыхъ судомъ присяжныхъ, и что онѣ имѣютъ на своей сторонѣ простоту, скорость, экономію. Но во всякой другой системѣ, исключая своей, онъ такъ далекъ отъ мысли презирать учрежденіе суда присяжныхъ, что написалъ особое обширное сочиненіе, въ которомъ господствуетъ аналитическая метода, принадлежащая только ему одному, чтобы выставить всѣ злоупотребленія, всю гнилость, какъ онъ говоритъ, вкравшіяся въ англійскій судъ присяжныхъ, въ особенности въ судъ спеціальныхъ присяжныхъ и по дѣламъ о политическихъ пасквиляхъ. Первая часть этого сочиненія вся посвящена приведенію доказательствъ существованія злоупотребленій; во второй онъ предлагаетъ средства для произведенія реформы и тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для достиженія этимъ учрежденіемъ его истинной цѣли. Этотъ обширный трудъ не представляется произведеніемъ противника суда присяжныхъ; это работа искуснаго строителя на кораблѣ, который потерпѣлъ во время долгаго плаванія, въ который просачивается вода чрезъ незамѣтныя скважины и которому грозитъ ѣдкая ржавчина, если не поспѣшатъ остановить ея распространеніе. Вотъ что сдѣлалъ Бентамъ для суда присяжныхъ, не считая его самымъ лучшимъ средствомъ для отправленія правосудія.

«Однако можно ввести судъ присяжныхъ въ его систему, не искажая ея; но если бы слѣдовало сдѣлать выборъ тѣхъ случаевъ, въ ко-

торыхъ должно допустить это учрежденіе, то не должно забывать, что оно особенно важно въ политическихъ преступленіяхъ, а изъ нихъ въ тѣхъ, которыя касаются свободы печати. Я повторяю, что можно ввести судъ присяжныхъ въ планъ судопроизводства Бентама, какъ можно вставить боевый приборъ въ часы, не нарушая ихъ механизма.» (О судоустройствѣ, «Журналъ Министерства Юстиціи», № 9, стр. 172—195).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АМЕРИКАНСКІЕ ПОЭТЫ И РОМАНИСТЫ (*).

II.

Романъ «The Transformation». — Лонгфелло. — Его отношеніе къ нѣмецкимъ поэтамъ.—«Золотая легенда», «Пѣсня о Гіаватѣ» и другія поэмы.—Лирическія его произведенія.

Не знаемъ, какъ кто, а мы чувствуемъ странное предубѣжденіе ко всевозможнымъ повѣстямъ, разсказамъ, романамъ, поэмамъ, драматическимъ представленіямъ и проч. и проч., въ которыхъ дѣйствіе происходитъ на такъ-называемой классической почвѣ, то есть въ Италіи, и преимущественно въ Римѣ, и дѣйствующими лицами являются художники разныхъ націй, не исключая и туземцевъ, съ ореоломъ славы на челѣ, съ печатью генія во взорѣ и съ нѣсколько дикими для обыкновеннаго смертнаго нравами. Предубѣжденіе это, которое мы не прочь, пожалуй, назвать и болѣе точнымъ словомъ— именно отвращеніемъ, происходитъ, какъ намъ кажется, отъ чтенія во времена невозвратно-минувшей юности художественно-италальянскихъ драмъ и романовъ роднаго россійскаго производства. Имена разныхъ Джуліо, Джованни и тому подобныхъ произво-

---

(*) См. «Совр.» 1860 г., № 10.

дятъ на насъ заранѣе чувство, близкое къ тошнотѣ, когда мы видимъ ихъ на страницахъ романа. Даже Жоржъ Зандъ и Альфредъ де Мюссе не могли вполнѣ уничтожить несчастнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ нѣкогда «Торкватами Тассами» и «Джуліями Мости» Кукольника и другихъ не менѣе славныхъ въ свое время русскихъ драматическихъ поэтовъ и романистовъ. Какъ ни живо, какъ ни вѣрно дѣйствительности изображено подчасъ лицо какого нибудь итальянскаго художника въ иномъ романѣ, намъ непремѣнно мерещатся въ чертахъ этого лица симптомы той пошлой геніальности, которая набила намъ такую оскомину въ русскихъ художественныхъ повѣстяхъ и драмахъ прежняго времени. Даже нѣкоторыя слова, не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго, стали намъ какъ-то противны. Насъ вдругъ начинаетъ немножко коробить, когда, развертывая какую нибудь повѣсть, мы попадаемъ глазами на «студію», «плащъ», «кисть», «натурщицу», «рѣзецъ» и т. д. Къ счастію, поколѣніе помоложе нашего не читало произведеній Кукольника, Каменскаго, Тимофеева и другихъ авторовъ въ этомъ родѣ, и для него чтеніе романовъ изъ быта художниковъ не можетъ быть отравлено такими воспоминаніями, какъ наше. Счастливые люди, не читавшіе «Доминикина» (впрочемъ, несчастье ихъ составитъ впослѣдствіи другаго рода чтеніе), вѣрно начнутъ читать безъ всякаго непріязненнаго чувства романъ Готорна «Transformation», о которомъ мы хотѣли сказать нѣсколько словъ.

Этотъ романъ, какъ и подобаетъ роману изъ художественныхъ нравовъ, начинается посреди разныхъ мраморныхъ боговъ и богинь, сатировъ, фавновъ и вакханокъ, собранныхъ въ римской скульптурной галлереѣ Капитолія. Посреди этой обстановки являются главныя дѣйствующія лица романа, — разумѣется, художники, или, лучше сказать, одинъ художникъ и двѣ художницы. Мистеръ Кинейонъ, американскій скульпторъ, не представляетъ ничего особеннаго съ перваго взгляда; онъ какъ будто для того только выходитъ на сцену, чтобы сопровождать двухъ дамъ, изъ которыхъ одна, молоденькая Гильда, его соотечественница, и заниматься съ ними эстетическими разговорами по поводу древнихъ классическихъ статуй. Гильда, занимающаяся живописью, тоже не обличаетъ никакихъ геніальныхъ особенностей; но зато Миріамъ, другая художница, пріятельница ея, своею подчасъ грустною, подчасъ вдохновенною рѣчью, своею задумчивостью, которая смѣняется рѣзко шутливостью, наконецъ загадочностью многихъ, словно невольно вырывающихся у нея словъ, заранѣе заставляетъ предполагать въ себѣ нѣчто геніальное и притомъ романическое. Дѣйствительно, какъ сообщаетъ намъ авторъ, Миріамъ, которая вдобавокъ еще и красавица,

служитъ загадкой для всего римскаго общества, гдѣ такъ же люди не прочь посплетничать, какъ и въ какомъ нибудь Крутогорскѣ. Относительно происхожденія ея дѣлаются всевозможныя предположенія: нѣкоторые считаютъ ее даже какою-то владѣтельною принцессой, отказавшеюся отъ выгодъ, почестей, а вмѣстѣ съ ними и отъ неудобствъ и несчастій своего сана. Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизни этой женщины была какая-то тяжелая драма; но о драмѣ этой никто не имѣетъ свѣдѣній, и опять, стало быть, открывается широкое поле разнаго рода догадкамъ, вѣроятнымъ и самымъ неправдоподобнымъ. Какъ бы то ни было, Миріамъ лицо таинственное, загадочное, и способное приковать къ себѣ все вниманіе читателей, любящихъ таинственность и загадочность. И не только сама Миріамъ такъ таинственна; ее почти не спускаетъ съ глазъ лицо съ такимъ же мистическимъ колоритомъ, очень интересный «незнакомецъ» съ черной косматой бородой, въ картинно-закинутомъ плащѣ, человѣкъ, который, судя съ перваго взгляда, можетъ быть просто какимъ-нибудь бродягой или нищимъ, какихъ въ Римѣ очень много; но котораго проницательность читателя съ первыхъ же страницъ романа надѣляетъ болѣе серьёзною ролью, предполагая и въ немъ, какъ въ таинственной Миріамъ, какого-нибудь процвѣтающаго въ вѣчномъ градѣ incognito владѣтельнаго принца. Встрѣча Миріамъ съ этимъ лицомъ была очень оригинальна. Та же компанія, которую мы видѣли посреди мраморныхъ фавновъ, гладіаторовъ и Антиноевъ, отправилась въ катакомбы. Тамъ Миріамъ заблудилась одна въ темныхъ переходахъ. Хватившись ея, спутники принялись аукаться съ нею, и она скоро явилась опять на ихъ голосъ; но уже на этотъ разъ не одна, а съ помянутымъ «незнакомцемъ». Откуда попалъ онъ въ катакомбы — осталось неизвѣстнымъ; появленіе его смутило самого чичероне, который готовъ былъ божиться, что «незнакомецъ» просто призракъ давно-прошедшихъ вѣковъ, остававшійся со временъ язычества въ подземныхъ переходахъ.... Однимъ словомъ, къ лицу этого страннаго молодца привязали цѣлую старинную легенду. Съ самой минуты встрѣчи съ Миріамъ въ катакомбахъ, незнакомецъ не покидалъ ея. Гдѣ бы она ни была, она могла быть увѣрена, что встрѣтитъ въ какомъ нибудь углу или закоулкѣ картинную фигуру въ плащѣ и обращенные на нее яркіе черные глаза. Фигура эта шла за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи по улицамъ, взбиралась по ступенькамъ лѣстницы, ведущей къ студіи Миріамъ, и часто сидѣла тутъ на площадкѣ у самой почти двери. Когда друзья Миріамъ просили ее объяснить имъ, что такое этотъ человѣкъ и отчего онъ такъ неотступно слѣдуетъ за нею, Миріамъ отвѣчала опять-таки загадками. Она чуть ли не подтверждала предположеніе чичероне въ катаком-

бахъ, что это какой-то выходецъ изъ давняго прошедшаго, нѣчто въ родѣ новаго экземпляра Агасвера.

Болѣе всего тревожило и заботило это дикое и необъяснимое обстоятельство одного юнаго итальянца, именемъ Донателло, который былъ наивнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ влюбленъ въ загадочную чужестранку. Донателло и познакомился съ нею вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него ея оригинальною красотой. Миріамъ обходилась съ Донателло съ тою ласковою снисходительностью, съ какою мы обращаемся къ милому ребенку. Въ Донателло было дѣйствительно что-то простое и наивное до дѣтства, и этою-то простотой и наивностью расположилъ онъ къ себѣ нашихъ художниковъ. Мы забыли сказать, что во время прогулки ихъ по античной скульптурной галлереѣ, онъ былъ съ ними, и они нашли въ немъ поразительное сходство съ фавномъ Праксителя. Для довершенія сходства Донателло попробовалъ даже принять ту самую позу, въ которой изваянъ фавнъ, и только никакъ не хотѣлъ показать своихъ ушей, скрытыхъ подъ длинными волосами.

Но неужто нужно подробно, шагъ за шагомъ, пересказывать всѣ похожденія этихъ пяти лицъ, въ которыхъ сосредоточено все движеніе романа? Довольно будетъ, кажется, сказать, что если первое появленіе ихъ производитъ не особенно-пріятное впечатлѣніе на читателя, въ особенности на читателя не охотника до повѣстей изъ быта художниковъ, то остановиться на этомъ впечатлѣніи и закрыть книгу въ началѣ было бы большою несправедливостью къ автору. По мѣрѣ того, какъ вы перевертываете страницу за страницей, все живѣе и живѣе вырисовываются передъ вами эти лица, сначала не понравившіяся вамъ своею странностью, все болѣе и болѣе приковывается къ нимъ вниманіе, слѣдя за происходящею между ними драмой. Готорнъ остался и въ этомъ новомъ романѣ вѣренъ страсти забираться въ самые темные и недоступные уголки сердца своихъ героевъ, и анализировать тѣ сердечныя движенія, которыя болѣе всего таятся отъ посторонняго глаза. Этимъ объясняется и нѣсколько фантастическій колоритъ, приданный лицамъ Миріамъ и ея спутника, сначала кажущагося мелодраматичнымъ, но мало по малу выростающаго передъ глазами читателя въ лицо трагическое. Рядомъ съ темною драмой, связывающей эти два лица, въ романѣ представляются кроткія и свѣтлыя отношенія двухъ другихъ лицъ, именно скульптора Кинейона и его молоденькой соотечественницы Гильды, одного изъ прелестнѣйшихъ лицъ, какія мы когда либо встрѣчали въ романахъ и поэмахъ. Римская обстановка романа нисколько не напоминаетъ рутинныхъ описаній природы и произведеній искусства, на которыя такъ невпопадъ щедры часто и лучшіе беллетри-

сты. Готорнъ умѣлъ взглянуть на все въ Римѣ просто, не подкупленнымъ и не составленнымъ заранѣе взглядомъ. Если бы, оставя въ сторонѣ собственно романическую часть книги съ ея завязкой и развязкой, съ ея лицами и дѣйствіями, выбрать изъ нея только замѣтки Готорна о Римѣ, составилась бы очень умная и оригинальная картина римской природы и жизни.

Мы не подкрѣпляемъ своего мнѣнія отрывками изъ романа, потому-что тѣ, которымъ нравится Готорнъ, предпочтутъ вѣроятно прочитать его цѣликомъ. Это тѣмъ болѣе удобно, что онъ, кажется, переведенъ уже и на русскій. Спѣшимъ кончить нашу замѣтку о немъ, чтобы имѣть мѣсто сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ американскихъ поэтовъ, пользующемся самою широкою популярностью какъ у себя дома, такъ и въ Европѣ, именно о Генри Вадсвортѣ Лонгфелло, школьномъ товарищѣ и другѣ романиста, о которомъ мы говорили.

Свѣдѣнія о жизни Лонгфелло, не особенно богатыя внѣшнимъ интересомъ, мы заимствуемъ изъ одной очень дѣльной и обстоятельной, хотя и небольшой нѣмецкой статьи. Талантъ и дѣятельность Лонгфелло такъ родственны Германіи, что едва ли въ отношеніи къ этому поэту нѣмецкая критика не болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ слишкомъ пристрастная критика Америки, черезъ-чуръ слѣпо благоговѣющая передъ популярнѣйшимъ изъ своихъ поэтовъ, и критика Англіи, признающая въ немъ слишкомъ мало достоинствъ.

Статья, о которой идетъ рѣчь, начинается общимъ взглядомъ на американскую литературу; съ этимъ взглядомъ нельзя не соглашаться, и мы считаемъ не лишнимъ привести его вполнѣ.

«Еще юная сѣверо-американская литература (говоритъ нѣмецкій авторъ) въ послѣднія десятилѣтія привлекала къ себѣ все болѣе и болѣе вниманія, и она вполнѣ заслуживаетъ этого, хотя и не подарила еще міру геніевъ въ обширномъ смыслѣ, такихъ носителей-двигателей просвѣщенія, какъ нѣкоторые европейскія литературы, именно англійская, нѣмецкая и французская. Но и то уже великое и можетъ-быть не достаточно оцѣненное явленіе, что литература эта существуетъ и, что еще важнѣе, развивается. Правда, сѣверо-американскіе романисты и поэты не создали еще до сихъ поръ ни новыхъ формъ, ни такихъ поэтическихъ произведеній, которыя представлялись бы необычайными европейцамъ, были бы совершенно отрѣшенны отъ европейскихъ преданій и основывались на законахъ и воззрѣніяхъ, совершенно отличныхъ отъ нашихъ. Такъ же точно и сѣверо-американскіе мыслители не только не выработали до сихъ поръ никакой новой философской системы, но даже и не расширили существенно уже существовавшей сферы идей; то же, что, какъ-бы

у нихъ новымъ, очень похоже на парадоксъ. Но при болѣе проницательномъ и пытливомъ взглядѣ нельзя не примѣтить всюду просвѣчивающаго исключительно-американскаго элемента. У поэтовъ, когда они (хотя это случается и не такъ часто, какъ бы слѣдовало ожидать) изображаютъ сѣверо-американскія мѣстности и событія, элементъ этотъ проявляется, правда, болѣе въ мѣстной обстановкѣ, нежели въ чувствахъ и воззрѣніяхъ, большею частію совпадающихъ съ нашими. Но, сравнительнó со многими нѣмецкими поэтами, они отличаются нѣкоторою цѣломудренностью и дѣвственностью чувства, и доброжелательно-кроткимъ, практически-гуманнымъ взглядомъ на вещи. Имъ еще совершенно чужда разлагающая иронія нѣмцевъ; если же имъ случается, убѣгая отъ круговорота практически-матеріалистическихъ интересовъ своей родины, предаться сентиментальности и даже нѣкоторому романтизму, то все-таки элементы эти не овладѣваютъ всѣмъ ихъ существомъ, и въ нихъ еще остается достаточно того практически-гражданскаго элемента, который не позволяетъ имъ перестать быть сѣверо-американцами. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить и не удивляться, что сѣверо-американскіе поэты, за немногими, и то̀ сомнительными исключеніями, еще не воспользовались въ той степени, какъ слѣдовало бы ожидать, выгодами, которыя представляютъ имъ богатая противуположностями почва ихъ родины и борьба цивилизаціи съ дикою природой и невѣжествомъ. Вообще лирика ихъ полна мотивовъ какъ англійскихъ, такъ и нѣмецкихъ; съ первою раздѣляетъ она склонность къ идиллической пейзажной живописи и къ меланхолическимъ созерцаніямъ преходимости всего земнаго, спасающимъ ее, впрочемъ, отъ той фривольности и чувственности, которыя проявлялись въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ поэтахъ Германіи, нѣкогда считавшейся столь нравственною и серьёзною. Драмы въ Америкѣ до сихъ поръ, собственно говоря, нѣтъ; зато въ области романа есть много хорошаго, хотя бо̀льшею частью во вкусѣ англійскаго (вальтеръ-скоттовскаго) романа, какъ, напримѣръ, произведенія Купера, особенно вѣрнаго родной почвѣ, и превосходные очерки Вашингтона Ирвинга. Въ настоящее время сѣверо-американскій романъ, ко вреду своему, частью черезчуръ вдался въ подражаніе французскимъ романистамъ и усвоилъ себѣ ихъ манеру и ихъ вѣчную погоню за внѣшними эффектами, частью началъ пускаться въ моральныя тенденціи, и оттого утрачиваетъ много художественной истины; примѣровъ можно бы привести не мало. Мыслители и философы Сѣверной Америки или берутся, какъ благородный Чаннингъ, за практическую мораль и за выведенную изъ христіанскихъ основаній популярную философію, оказавшую широ-

чемъ великую пользу, или обращаютъ результаты философскаго и теологическаго изслѣдованія на освобожденіе человѣчества отъ угнетающаго его формализма.... Философское изслѣдованіе для нихъ лишь средство, ведущее къ цѣли, а не само себѣ цѣль; и какъ истинные республиканцы, они стремятся лишь служить общей пользѣ, а не создавать исключительныя философскія системы, которыя преподаются въ университетахъ и учебникахъ, а остальными классами или не понимаются, или, доходя до нихъ лишь въ отрывкахъ, понимаются превратно и къ ихъ же вреду. Но во всякомъ случаѣ сѣверо-американцы далеко не такъ пуритански сдержанны въ философскихъ и теологическихъ умозрѣніяхъ своихъ, какъ англичане; они пользуются изъ нихъ лишь тѣмъ, что кажется имъ годнымъ для практическихъ цѣлей, и отстраняютъ все, что представляется или вреднымъ, или противнымъ такимъ цѣлямъ. О той силѣ, которая извѣстна въ Германіи подъ именемъ «профессорства», сѣверо-американцы не имѣютъ еще никакого понятія, точно такъ же, какъ и вообще о цѣховомъ литераторствѣ и писательствѣ, о цѣломъ классѣ рецензентовъ, о школахъ поэтовъ, о театральныхъ интересахъ и другихъ подобныхъ явленіяхъ, необходимомъ послѣдствіи состоянія образованности, политическихъ и общественныхъ отношеній въ Германіи; зато политическая журналистика въ Сѣверной Америкѣ пользуется несравненно бо́льшимъ общественнымъ значеніемъ, чѣмъ у насъ. При всемъ томъ писатели и поэты сѣверо-американскіе глубже проникнуты германскимъ духомъ, чѣмъ писатели и поэты какой-либо другой націи; сто́итъ только назвать изъ публицистовъ и историковъ Эверета и Банкрофта, изъ теологовъ — Теодора Паркера, восторженнаго поклонника нѣмцевъ, изъ мыслителей — Эмерсона, изъ поэтовъ — дико-оригинальнаго Эдгара По, Брейента и Лонгфелло.»

Изъ названныхъ писателей на Лонгфелло болѣе всего отразилось вліяніе нѣмецкой мысли и литературы. Авторъ цитируемой нами статьи говоритъ, что нѣмцы могутъ смотрѣть на него, какъ на своего писателя, хотя не совершенно въ томъ смыслѣ, какъ на датчанъ Эленшлегера и Баггезена, которые писали и сами по-нѣмецки; Лонгфелло такъ же свой нѣмцамъ, какъ, напримѣръ, шведъ Аттербомъ или нашъ Жуковскій, поэзія и мысль которыхъ выросла на почвѣ нѣмецкой поэзіи и философіи, или какъ англичанинъ Карлейль, въ которомъ сами соотечественники его видятъ сильную печать германизма, или какъ французъ Кинé.

«Лонгфелло (продолжаетъ авторъ) не только превосходно перевелъ много лирическихъ пьесъ Залиса, Шиллера, Уланда, Густава Пфицера, Вильгельма Мюллера, Юлія Мозена, Генриха Гейне, Си-

мона Даха и другихъ, — онъ и въ самыхъ оригинальныхъ произведеніяхъ своихъ (за что подчасъ сильно упрекала его англійская критика) держался по преимуществу нѣмецкихъ образцовъ. Такъ на поэмѣ его «Эвангелина» ясно вліяніе «Германа и Доротеи» Гёте, на пьесѣ «Постройка Корабля» — «Пѣсни о колоколѣ» Шиллера. Сюжетъ «Золотой Легенды» взятъ изъ «Бѣднаго Генриха» Гартмана фон-деръ Ауэ, и самые хореи «Пѣсни о Гіаватѣ» обязаны своимъ происхожденіемъ нѣмецкимъ хореямъ, какъ мы ихъ находимъ въ нѣмецкихъ переводахъ съ испанскаго, или въ переводѣ финскаго эпоса «Калевала», сдѣланномъ Антономъ Шифнеромъ. Но и вообще пѣсни его дѣйствуютъ на чувство нѣмца какъ что-то родное; въ нихъ слышатся звуки миннезенгеровъ, народной пѣсни и въ особенности лирики Уланда. Въ стихотвореніи своемъ «Нюренбергъ», Лонгфелло воспѣваетъ старинно-германскую славу этого города, уже по самому виду своему самаго нѣмецкаго, нюренбергскихъ художниковъ и мейстерзенгеровъ. Дѣйствіе романа его «Гиперіонъ» происходитъ вполнѣ на нѣмецкой почвѣ, и въ этомъ-то произведеніи, на замѣчаніе одной леди, обращенной имъ впослѣдствіи къ германизму, отвѣчаетъ онъ, что нѣмецкій языкъ вовсе не кажется ему грубымъ, а напротивъ «роднымъ, сердечнымъ и полнымъ чувства, какъ звукъ счастливыхъ голосовъ у очага въ зимнюю ночь, когда вѣтеръ воетъ и дрова щелкаютъ, шипятъ и трещатъ на огнѣ». «Я люблю нѣмцевъ (прибавляетъ онъ); мужчины такъ здравы и радушны, а дѣвушки такъ нѣжны и такъ искренни»; и при этомъ онъ сожалѣетъ о леди, отъ которой предубѣжденіе ея закрываетъ цѣлый «чудный міръ поэзіи, романтики и грезъ». Нельзя не подивиться факту, что въ то время, какъ въ самой Германіи поэзія все болѣе проникается реализмомъ, сѣверо-американскіе поэты, черпая изъ источника нѣмецкой романтики и мечтательности, ищутъ въ этихъ струяхъ Леты забвенія или отдыха отъ шума и грохота матеріальныхъ интересовъ своей родины. Такъ въ тѣсномъ взаимномъ общеніи народы размѣниваются и своими достоинствами, и своими недостатками; какъ въ торговлѣ, такъ и въ умственной жизни, каждый ищетъ у другаго то, чего у него недостаетъ, и столь часто цитируемое пророческое слово Гёте о близкой порѣ всемірной литературы все болѣе исполняется. Лонгфелло слѣдуетъ назвать главнымъ представителемъ этого универсальнаго направленія и образованія; рядомъ со многими произведеніями, переведенными имъ съ нѣмецкаго, — и преимущественно съ этого языка, — съ датскаго и шведскаго (какъ, напримѣръ, поэма «The Children of the Lord's Supper», взятая изъ Тегнера), Лонгфелло передалъ на своемъ родномъ языкѣ многое и изъ сокровищницы романскихъ

литературъ — съ испанскаго, съ итальянскаго и съ французскаго. Эти упражненія, безъ сомнѣнія, много содѣйствовали его искусству владѣть формою, его высокой стихотворной виртуозности; но, хотя въ собственныхъ оригинальныхъ произведеніяхъ его и видимъ мы въ извѣстной степени печать универсальности, тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить, что романскій элементъ слабѣе всего отразился на немъ, и что главное основаніе его характера составляетъ германскій элементъ съ значительною примѣсью сѣверно-скандинавскаго, какъ, напримѣръ, въ превосходной балладѣ «Скелетъ въ доспѣхахъ» и даже въ «Пѣснѣ о Гіаватѣ», которая, безъ вліянія финскихъ рунъ, едва ли бы явилась въ настоящемъ своемъ видѣ. Да и вообще нельзя не признать въ поэтѣ съ такимъ космополитическимъ характеромъ питомца германскаго образованія, стремящагося къ универсальному значенію.»

Въ подкрѣпленіе этого взгляда, кажущагося намъ очень вѣрнымъ, мы прослѣдимъ въ общихъ чертахъ дѣятельность американскаго поэта и скажемъ, что знаемъ, о его жизни. Впрочемъ, біографія Лонгфелло не богата, какъ мы уже сказали, интересными фактами; даже такихъ событій, какія представляетъ скромная жизнь Готорна, разсказанная нами, съ Лонгфелло не случалось. Онъ не принимался за осуществленіе идиллическихъ плановъ и не служилъ въ таможнѣ. Жизнь его прошла тихо и спокойно, безъ горькихъ испытаній и тяжелыхъ потрясеній, почти постоянно въ сферѣ, далекой отъ житейскаго волненія, отъ корысти и отъ битвъ, и можетъ-быть эта счастливая и ясная доля образовала изъ него такого мирнаго и идеальнаго поэта. Разсказывать жизнь Лонгфелло, значитъ разсказывать въ хронологическомъ порядкѣ о появленіи его произведеній или о путешествіяхъ его по Европѣ, и преимущественно по Германіи, путешествіяхъ, богатыхъ впечатлѣніями, отразившимися на его поэзіи, но скудныхъ происшествіями.

Лонгфелло родился въ 1807 г. въ Портлэндѣ, городѣ штата Мэнъ. Мы уже сказали, что онъ учился вмѣстѣ съ Готорномъ въ Бодуэнской коллегіи, въ Брунсвикѣ. Еще на студенческой скамьѣ началъ онъ заниматься литературой и печатать свои стихотворенія въ «Литературной Газетѣ Соединенныхъ Штатовъ». Эти стихотворенія обратили на себя всеобщее вниманіе, и нѣкоторыя изъ нихъ Лонгфелло помѣстилъ впослѣдствіи въ собраніи своихъ сочиненій. Говорятъ, что успѣху этихъ первыхъ опытовъ своихъ Лонгфелло обязанъ тою спокойной житейской карьерой, которая позволила ему широко, не отвлекаясь отъ любимыхъ занятій, посвятить всего себя литературной дѣятельности. Ему едва минуло двадцать лѣтъ, когда ему предложили мѣсто профессора новыхъ языковъ въ заведеніи,

въ которомъ онъ получилъ образованіе. Онъ былъ въ это время кандидатомъ правъ; но эта спеціальность вовсе не согласовалась съ его характеромъ, и онъ обрадовался предложенному ему мѣсту не только, какъ свойственному его способностямъ, но и какъ избавленію своему отъ сухихъ занятій юриспруденціей. Прежде, однакожь, чѣмъ вступить на каѳедру Бодуэнской коллегіи, Лонгфелло хотѣлъ приготовиться серьёзнѣе къ своей новой обязанности и познакомиться ближе съ жизнью народовъ, о литературѣ которыхъ долженъ былъ читать своимъ слушателямъ.

Лучшимъ средствомъ къ этому было посѣтить лично Европу, и Лонгфелло переплылъ весной 1826 года океанъ, и объѣхалъ Францію, Испанію, Италію и Германію, гдѣ между-прочимъ слушалъ лекціи въ гетингенскомъ университетѣ. Послѣ трехлѣтняго путешествія, онъ возвратился, чрезъ Англію, домой и скоро пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь своихъ слушателей въ Бодуэнской коллегіи. Досуги, остававшіеся ему отъ лекцій и ученыхъ занятій, посвящалъ онъ поэзіи и вообще литературѣ, участвуя въ журналахъ. Извѣстность его, какъ ученаго и какъ писателя, быстро росла, и черезъ два года по возвращеніи изъ-за границы, когда знаменитый историкъ испанской литературы, Джоржъ Тикноръ, оставилъ свою каѳедру въ старѣйшемъ и наиболѣе уважаемомъ изъ американскихъ университетовъ, именно въ знаменитой Гарвардской коллегіи въ Кембриджѣ, въ трехъ миляхъ отъ Бостона, Лонгфелло былъ приглашенъ на его мѣсто. Какъ и предъ поступленіемъ своимъ въ Бодуэнскую коллегію, онъ рѣшился, для болѣе основательнаго изученія сѣверныхъ языковъ и литературъ, сдѣлать сначала путешествіе въ Швецію и Данію. И на этотъ разъ посѣтилъ онъ также Германію и Швейцарію. Изъ произведеній его, напечатанныхъ до этого времени, особенно большой успѣхъ имѣлъ романъ въ прозѣ «Outremer», въ которомъ онъ воспользовался впечатлѣніями первой своей поѣздки по Европѣ. Лонгфелло пробылъ внѣ родины болѣе года, и возвратясь, замѣнилъ Тикнора въ Кембриджѣ, и только въ 1854 году оставилъ профессорство.

Кромѣ «Outremer», Лонгфелло написалъ въ прозѣ еще романъ «Гиперіонъ» и повѣсть «Кавана». Дѣйствіе перваго происходитъ въ Германіи, и весь онъ проникнутъ чрезвычайною симпатіей къ нѣмцамъ и къ ихъ литературѣ. Мы, впрочемъ, несовсѣмъ точно употребили слово «дѣйствіе». Собственно говоря, въ романѣ Лонгфелло дѣйствія почти нѣтъ. Это скорѣе, какъ было справедливо замѣчено, частью опять-таки впечатлѣнія путешествія, частью литературно-критическіе отрывки. Манерою своей «Гиперіонъ» напоминаетъ отчасти повѣсти изъ быта художниковъ и поэтовъ, съ сильною при-

много резкихъ эстетическихъ разсужденій, бывшія въ большомъ ходу въ Германіи во время господства романтической школы. Вообще надо сказать, что Лонгфелло, какъ въ этомъ романѣ и повѣсти «Кавана», такъ и въ поэмахъ своихъ, очень бѣденъ изобрѣтеніемъ, и недостатокъ этотъ выкупается только (для многихъ, впрочемъ, очень щедро) чрезвычайнымъ богатствомъ отдѣльныхъ описаній и подробностей.

Къ этой порѣ относятся также два сборника лирическихъ стихотвореній Лонгфелло, которыя и составляютъ лучшую часть его произведеній. Впослѣдствіи вышло еще два-три такихъ сборника, и между прочимъ превосходныя «Пѣсни о невольничествѣ», посвященныя Вильяму Эллери Чаннингу. Онѣ проникнуты горячимъ чувствомъ негодованія и полны горькихъ укоризнъ свободной странѣ, которая до сихъ поръ не можетъ смыть съ себя чернаго пятна невольничества. Картины богатой и щедрой природы, посреди которой совершаются оскорбляющія человѣчество несправедливости, сообщаютъ еще болѣе силы пѣснямъ Лонгфелло. Пѣсни эти были написаны Лонгфелло на морѣ, во время новой, третьей поѣздки его въ Европу, предпринятой съ цѣлью отдохнуть и поправить очень разстроенное здоровье. Изъ другихъ лирическихъ стихотвореній Лонгфелло самою большою популярностью пользуется нѣсколько мистическая пьеса «Excelsior». Мнѣнія объ этой пьесѣ критики рѣзко противорѣчатъ одно другому: такъ американцы безусловно хвалятъ ее и считаютъ лучшимъ произведеніемъ Лонгфелло; англичане, напротивъ, смѣются надъ нею и находятъ ее нелѣпою аллегоріей, придираясь и къ тому, что слово «Excelsior» могло быть сочинено только человѣкомъ, плохо-знающимъ по-латыни. Нѣмецкій авторъ, изъ статьи котораго мы привели выше два отрывка, клонится на сторону англичанъ, и тоже находитъ, что образъ, представленный поэтомъ въ этой пьесѣ, изысканъ, натянутъ, холоденъ и неестественъ. Что касается лично насъ, мы считаемъ, вмѣстѣ съ сѣверо-американскою критикой, пьесу «Excelsior» высоко-поэтическимъ произведеніемъ, полнымъ глубокой мысли. Единожды признавъ, что это аллегорія, хотятъ непремѣнно объяснить ее во всѣхъ подробностяхъ, и оттого теряютъ изъ виду существенный и главный ея смыслъ.

Содержаніе пьесы таково:

Тѣни ночи начинали одѣвать Альпы. Въ это время, снѣжной и льдистой дорогой, проходилъ по горному селенью юноша. Онъ несъ въ рукахъ знамя съ странною надписью: «Excelsior». Чело его было печально, но глаза сверкали порой, какъ кинжалъ, вынутый изъ ноженъ, и, какъ звонъ серебрянаго рога, раздавались звуки невѣдомаго языка: «Excelsior!» Въ счастливыхъ хатахъ горѣли кругомъ

тепло и ясно огоньки; а дальше, словно призраки, блистали льды, и съ устъ его срывалось какъ стонъ: «Excelsior». Старикъ въ селеньи говорилъ: «Берегись этого перевода! надъ головой нависла гроза, ревущій потокъ и глубокъ и широкъ!» Но громко отвѣчалъ ему тотъ же ясный голосъ: «Excelsior!» Дѣвушка говорила: «Остановись, прохожій, отдохни усталою головой на моей груди!» Въ ясныхъ голубыхъ глазахъ стояли слезы, но тихо, со вздохомъ, отвѣчалъ онъ: «Excelsior!»—«Берегись подмытыхъ соснъ, берегись грозныхъ лавинъ!» таково было послѣднее прощанье поселянина. Далеко съ вышины отвѣчалъ ему голосъ: «Excelsior!» На разсвѣтѣ дня, когда богомольные монахи сенбернардскіе собрались въ церковь, застывшій воздухъ огласился крикомъ: «Excelsior!» Вѣрная собака нашла путника, полузанесеннаго снѣгомъ; въ оцѣпенѣвшей рукѣ онъ все еще держалъ знамя съ странною надписью: «Excelsior!» Въ холодномъ и сѣромъ полусвѣтѣ лежалъ онъ, бездыханный, но прекрасный, и съ яснаго и далекаго неба падучей звѣздой прокатился голосъ: «Excelsior!»

Этотъ жалкій прозаическій остовъ стихотворенія даетъ, разумѣется, только отдаленное понятіе о подлинникѣ; но и изъ него, кажется, видно, что въ идеальномъ образѣ юноши, отказывающагося отъ мира и счастья и неудержимо идущаго на встрѣчу вѣрной и неминуемой гибели, поэтъ хотѣлъ олицетворить энтузіазмъ, которымъ проникаетъ все существо человѣка служеніе идеѣ. Мы не находимъ въ пьесѣ ничего смѣшно-неестественнаго (ludicrously unreal), какъ находятъ нѣкоторые критики. Напротивъ, мы думаемъ, что чувство, которымъ проникнуто стихотвореніе Лонгфелло, одно изъ лучшихъ, наиболѣе чистыхъ и благородныхъ человѣческихъ чувствъ. Мы никакъ не можемъ придираться и къ частностямъ, какъ это дѣлаютъ многіе, и вовсе не понимаемъ, какъ можно видѣть въ пьесѣ, пересказанной нами, будто бы пренебреженіе истинными сферами жизни ради какихъ-то холодныхъ и мертвыхъ идеаловъ. Такъ буквально объяснять аллегорію автора можно только при крайней близорукости, потому что ничто въ поэзіи Лонгфелло не оправдываетъ такого объясненія: сочувствіе, обращенное имъ во многихъ лучшихъ его произведеніяхъ (какъ, напримѣръ, въ помянутыхъ «Пѣсняхъ о невольничествѣ» или въ прекрасной пьесѣ «Деревенскій кузнецъ») именно къ низменнымъ сферамъ жизни, ясно для каждаго.

Гораздо меньшихъ похвалъ заслуживаетъ напротивъ столь прославляемая, особенно нѣмцами, скандинавская баллада «Скелетъ въ доспѣхахъ». При несомнѣнныхъ внѣшнихъ достоинствахъ тона и образовъ, напоминающихъ народную сѣверную поэзію, мы не нахо-

дитъ въ ней того искренняго и близкаго намъ чувства, которое придаетъ въ нашихъ глазахъ большую цѣну пьесѣ «Excelsior».

Въ упомянутой нами нѣмецкой статьѣ очень вѣрно опредѣленъ въ нѣсколькихъ строкахъ характеръ поэзіи Лонгфелло, и мы приведемъ это опредѣленіе. Вотъ что тамъ говорится:

«Лонгфелло вообще поэтъ, воспитанный на лучшихъ образцахъ; одаренный поэтическою воспріимчивостью и впечатлительностью, онъ обладаетъ въ высокой степени способностью «усвоиванія чувства» (Anempfindens); это поэтъ съ высокимъ духовнымъ развитіемъ, съ чистымъ вкусомъ, съ тонкимъ чутьемъ красоты и граціи. Благородство направленія и глубина и мягкость чувства составляютъ его сущность; но въ немъ нѣтъ страстнаго пафоса, нѣтъ того можно сказать демоническаго элемента, которыми первоклассные поэты потрясаютъ до сокровеннѣйшей глубины сердце читателя. Мысли его ясны и тверды, но въ нихъ нѣтъ новости и оригинальности; желая придать имъ эти качества, Лонгфелло часто одѣваетъ ихъ въ фантастическую смутную форму, въ слова, повидимому полныя глубокаго значенія, но въ сущности мало говорящія; его изображенія дѣйствительной жизни тонки и изящны, но въ нихъ нѣтъ обязательной широты, и когда онъ старается достигнуть ея, образы его большею частью принимаютъ характеръ призрачный и расплываются въ неопредѣленности. Даръ изобрѣтенія вообще въ немъ очень слабъ и скуденъ; но его картины природы часто можно назвать мастерскими. Потому баллады удаются ему вообще меньше, нежели простыя пѣсни и описательныя пьесы; поэмы въ эпическомъ, или, лучше сказать, въ идиллическомъ родѣ, давая просторъ описаніямъ природы, выходятъ у него удачнѣе романовъ, потому что послѣдніе въ особенности требуютъ богатства вымысла, близкаго воспроизведенія жизни и умѣнья ясно очерчивать характеры; менѣе всего свойственна таланту Лонгфелло драма. У него нѣтъ недостатка въ силѣ воображенія, безъ которой вообще невозможно быть истиннымъ поэтомъ, но она какъ будто пріобрѣтена имъ скорѣе тщательнымъ изученіемъ произведеній поэзіи, а не присуща его натурѣ. Нерѣдко кажется, будто онъ насилуетъ свою фантазію, и искуственно вымогаетъ у ней то, чего она не можетъ дать ему добровольно. Вообще трудно въ поэтѣ съ такою поэтической физіономіей, какъ у Лонгфелло, опредѣлить границу, гдѣ кончается живая поэзія и начинается искусство, и наоборотъ. Лонгфелло лишенъ совершенно юмора, и можетъ быть это главная причина, почему произведенія его въ цѣломъ производятъ довольно-монотонное впечатлѣніе.»

Изъ этого опредѣленія, съ которымъ мы вполнѣ согласны, ясно,

что главная сила таланта Лонгфелло проявляется въ его чисто-лирическихъ произведеніяхъ. Къ тому, что уже сказано о нихъ, слѣдуетъ прибавить, что во многихъ пьесахъ, какъ, напримѣръ, въ «Постройкѣ Корабля», въ «Спрингфильдскомъ Арсеналѣ» слышится строгій голосъ твердаго гражданскаго чувства, которымъ богаты такъ немногіе изъ современныхъ европейскихъ поэтовъ. Всюду въ произведеніяхъ Лонгфелло чувствуется также горячее біеніе сердца, полнаго любви къ человѣчеству. За эти достоинства прощаешь Лонгфелло его подчасъ нѣсколько-романтическую меланхолію и наклонность къ туманному міру, въ которомъ утопали душой нѣмецкіе романтики.

Романтическія наклонности Лонгфелло выразились осязательнѣе всего въ драматической поэмѣ, которую онъ назвалъ «Золотою Легендой». Какъ извѣстно, такъ озаглавленъ сборникъ легендъ на латинскомъ языкѣ, относящійся къ XIII вѣку. «Какъ золото превосходитъ всѣ другіе металлы», говоритъ одинъ старинный благодушный читатель этого сборника: «такъ и эта легенда превосходитъ всѣ другія книги». Содержаніе поэмы Лонгфелло взято впрочемъ не отсюда. Онъ заимствовалъ его у одного изъ миннезенгеровъ XII столѣтія, именно у Гартмана фонъ-Ауэ, едва ли не благодушнѣйшаго и кротчайшаго изъ всѣхъ средневѣковыхъ пѣвцовъ. Свою поэму Лонгфелло назвалъ «Золотою Легендой» потому, что преданіе, на которомъ она основана, казалось ему превосходящимъ по красотѣ вымысла и внутреннему своему смыслу всѣ другія легенды. Оно представляетъ, по словамъ его, посреди нравственной испорченности среднихъ вѣковъ, «добродѣтель безкорыстія и самопожертвованія, и силу вѣры, надежды и любви, которая удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ жизни и смерти».

Въ похвалахъ поэмѣ Гартмана, извѣстной подъ названіемъ «Бѣдный Генрихъ», сходятся почти всѣ знатоки средневѣковой поэзіи. Большинство ихъ ставитъ и содержаніе ея такъ же почти высоко, какъ Лонгфелло. Едва ли не одинъ Гервинусъ, находя много изящества въ исполненіи, отзывается о самомъ сюжетѣ холодно, какъ объ одномъ изъ болѣзненныхъ и странныхъ созданій средневѣковой фантазіи. Лонгфелло говоритъ, что исторія «бѣднаго Генриха» можетъ быть выдумана самимъ Гартманомъ. Это не совсѣмъ такъ: легенда жила въ воображеніи народа, была даже записана, а нѣмецкій крестоносецъ-пѣвецъ только пересказалъ ее по своему, какъ сдѣлалъ это съ другими сказаніями, напримѣръ съ легендою о Григоріи, сходною во многихъ чертахъ съ извѣстной читателямъ «Современника» славянской легендой о кровосмѣсителѣ. Будь впро-

чемъ приключенія «бѣднаго Генриха» и собственнымъ изобрѣтеніемъ Гартмана, они нисколько не противорѣчили бы характеру времени и его мистическимъ воззрѣніямъ на жизнь.

«Бѣдный Генрихъ» не столько бѣденъ, сколько жалокъ, и въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ называетъ его такъ преданіе. Онъ былъ знатный и богатый швабскій рыцарь. Легкомысленный скептицизмъ его призвалъ на него страшную кару неба: рыцарь безнадежно захворалъ проказой. Лучшіе врачи того времени, ученые свѣтила Монпелье и Салерно, рѣшили, что болѣзнь эта неизлечима. Правда, одинъ изъ салернскихъ докторовъ сказалъ, что есть одно средство вылечить Генриха; но средство это таково, что какъ-будто его и нѣтъ. Для исцѣленія проказы нужна была кровь изъ сердца дѣвушки, которая рѣшилась бы добровольно пожертвовать собою. Молоденькая дочь одного изъ вассаловъ Генриха вызывается на эту жертву, и ѣдетъ съ Генрихомъ въ Салерно. Знаменитый врачъ, изобрѣтатель такого удивительнаго способа, смутился, когда увидалъ, что оказывается возможность испытать его дѣйствительность. Онъ уговариваетъ дѣвушку одуматься; но она непоколебима въ своемъ рѣшеніи совершить страшный подвигъ. Дѣлать нечего; изобрѣтательный докторъ раздѣваетъ жертву своихъ остроумныхъ соображеній и ея собственной мономаніи, привязываетъ ее ремнями къ столу, и натачиваетъ ножъ. Въ ту минуту, какъ ученый, изучавшій до сихъ поръ человѣческую анатомію только на трупахъ свиней (вскрывать людей считалось еще грѣхомъ), заноситъ свой ножъ надъ дѣвушкой, Генрихъ врывается въ дверь, и отказывается отъ безчеловѣчнаго намѣренія купить себѣ здоровье цѣною чужой жизни. Но дѣвушка лишь съ глубокимъ горемъ и отчаяніемъ позволяетъ развязать себя и избавить отъ ножа. Она вѣроятно прогоревала бы долго — пожалуй, всю жизнь, если бъ на возвратномъ пути изъ Салерно домой Генрихъ не исцѣлился чудеснымъ образомъ. Въ благодарность къ своей избавительницѣ, Генрихъ, переставшій уже быть «бѣднымъ», женится на ней, не раньше впрочемъ, какъ черезъ годъ по возвращеніи въ свой родовой замокъ.

Разсказъ Гартмана дѣйствительно очень хорошъ, и на столько простъ и наивенъ, на сколько можно ожидать этихъ качествъ отъ человѣка, который цѣнилъ условныя приличія искуственнаго придворнаго быта своего времени и фантастическіе порывы болѣзненно-развитаго воображенія выше здравыхъ требованій и естественныхъ законовъ жизни. Человѣка нашего времени непріятно поражаетъ, при чтеніи поэмы Гартмана, отсутствіе живыхъ человѣческихъ дви-

женій въ сердцѣ ея героя и героини. Жертва дѣвушки вызвана не любовью къ Генриху, которая могла бы оправдать ея подвигъ, и возбудить въ насъ сочувствіе къ нему; нѣтъ, эта молодая жизнь обрекаетъ себя на страшныя истязанія изъ какого-то воображаемаго долга, соединеннаго съ странною жаждою смерти.

Лонгфелло, передѣлавъ отчасти легенду и введя въ нее лицо Люцифера (очень неловко скопированное съ гётева Мефистофеля), не коснулся однакожь сущности преданія. и въ поэмѣ его Эльси осталась тою же бестрастною, при всей восторженности своей, героиней Гартмана фонъ-Ауэ. Можетъ быть, Лонгфелло хотѣлъ остаться вѣренъ мотиву легенды, чтобы не нарушить общаго фантастическаго характера картины среднихъ вѣковъ, которую представляетъ его поэма; можетъ быть, онъ и не сумѣлъ придать болѣе жизненный, болѣе близкій къ нашимъ взглядамъ и чувствамъ характеръ дѣйствующимъ лицамъ своей драматической поэмы. Какъ бы то ни было, но психологическій интересъ событія исчезаетъ въ ней за внѣшними подробностями, которыя невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе и переносятъ читателя въ темный міръ среднихъ вѣковъ. Путешествіе Генриха и дѣвушки, рѣшившейся спасти его цѣною своей жизни, до Салерно, дало возможность Лонгфелло представить рядъ поразительныхъ по вѣрности и живости картинъ средневѣковой жизни въ разныхъ ея сферахъ; природа мѣстъ, по которымъ проходятъ и проѣзжаютъ бѣдный Генрихъ и Эльси, отразилась также, какъ живая, въ поэмѣ. Эти достоинства и составили, по всей вѣроятности, успѣхъ «Золотой Легенды», какого не имѣло другое произведеніе нашего поэта въ драматической формѣ, именно «Испанскій Студентъ», сюжетъ котораго заимствованъ изъ одной повѣсти Сервантеса. Въ этой пьесѣ есть нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ мѣстъ, но они не выкупаютъ вялости и нѣкоторой сентиментальности цѣлаго.

Намъ остается сказать объ эпическихъ попыткахъ Лонгфелло, изъ которыхъ особенно громкою популярностью пользуется «Пѣсня о Гіаватѣ».

Поэма «Эвангелина», написанная превосходными гекзаметрами, какихъ не найдешь ни у одного изъ поэтовъ, писавшихъ по-англійски, очень напоминаетъ внѣшними пріемами «Германа и Доротею» Гёте, и это значительно уменьшаетъ ея впечатлѣніе на читателей, знакомыхъ съ поэмою нѣмецкаго поэта. А кто съ нею незнакомъ? Кромѣ этого вліянія, на «Эвангелинѣ» замѣтно отразилось вліяніе романтизма: поэзія отреченія и пассивности, какъ-то не подходящ

величавой и дѣвственной почвѣ, на которую перенесъ эту поэзію Лонгфелло. Посреди картинъ первобытно-свѣжей природы жалокъ героизмъ терпѣнія и покорства, возвеличиваемый поэтомъ.

«Пѣсня о Гіаватѣ» основана на существующемъ между сѣверо-американскими индійцами преданіи о миѳическомъ героѣ, чуднаго происхожденія, который явился посреди нихъ, чтобы научить ихъ общежитію и указать имъ средства жизни въ ихъ лѣсахъ, рѣкахъ и поляхъ. Къ этому преданію Лонгфелло присоединилъ нѣсколько другихъ индійскихъ легендъ, и такимъ образомъ составилась эта индійская Эдда, какъ называетъ онъ ее самъ. «Пѣсня о Гіаватѣ» написана стихами, напоминающими финскіе руны, и, какъ сказано, кажется, не безъ вліянія на Лонгфелло осталось чтеніе финской эпопеи «Калевала». Поэтому Фрейлигратъ, который превосходно перевелъ на нѣмецкій языкъ «Пѣсню о Гіаватѣ», говоритъ, что Лонгфелло могъ бы правильнѣе назвать свою поэму «индійскою Калевалой», а не «индійской Эддой». Въ цѣломъ строѣ и во многихъ пріемахъ ея кромѣ того замѣтно, какъ намъ кажется, вліяніе и Гейне съ его удивительнымъ «Вицлипуцли».

Свѣжесть и сила, которыми проникнута вся «Пѣсня о Гіаватѣ», неожиданно обличили въ талантѣ Лонгфелло стороны, до сихъ поръ нигдѣ не сказывавшіяся вполнѣ. Успѣхъ, какимъ была встрѣчена поэма, поражаетъ, не смотря на всѣ ея достоинства, европейскаго читателя. Послѣ перваго появленія своего въ октябрѣ 1855 года «Пѣсня о Гіаватѣ» въ теченіе полугода была издана въ Бостонѣ *тридцать* разъ, не считая изданій, сдѣланныхъ въ Англіи. Публичные чтецы и чтицы взапуски читали передъ многочисленными собраніями новую поэму; такія чтенія происходили во всѣхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Множество пародій и подражаній являлось чуть не ежедневно и быстро раскупалось. Скулькрафтъ, ученый знатокъ индійскихъ нарѣчій, быта и исторіи, собралъ разбросанныя по разнымъ сочиненіямъ своимъ индійскія преданія и сообщилъ ихъ Лонгфелло въ книгѣ, названной имъ «Миѳъ Гіаваты.» Великолѣпный трех-мачтовый корабль, вышедшій изъ одной изъ первыхъ верфей Бостона, былъ названъ Minneheha, въ честь жены героя поэмы.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о тонѣ «Пѣсни о Гіаватѣ», мы переведемъ вступленіе ея, прося читателя не забывать, что прелести языка, которыми отличается подлинникъ, нечего искать въ нашей прозаической передачѣ, вѣрной только буквально.

Вотъ какъ начинается поэма:

«Вы спросите меня, откуда эти исторіи, — откуда эти легенды и преданія, — съ запахомъ лѣса, — съ росою и паромъ луговъ, — съ кудрявымъ дымомъ вигвамовъ, — съ шумомъ большихъ рѣкъ, — съ частыми повтореніями — и съ дикими отголосками, — словно отъ грома въ горахъ?

«Я отвѣчу вамъ и скажу: — Изъ лѣсовъ и съ полей, — отъ великихъ озеръ сѣвера, — изъ страны Оджибаевъ, — изъ страны Дакотовъ, — съ горъ, топей и тундръ, — гдѣ цапля, *шу-шу-га*, — живетъ среди тростниковъ и камышей. — Я повторяю, что слышалъ — изъ устъ Навадаги, — музыканта, сладкаго пѣвца.

«Вы спросите, гдѣ Навадага — нашелъ эти пѣсни, такія дикія и прихотливыя, — эти легенды и преданія, — я отвѣчу вамъ и скажу: — Въ птичьихъ гнѣздахъ лѣса, — въ хатахъ бобра, — въ слѣдахъ копытъ бизона, — въ гнѣздѣ орла!

«Всѣ дикія птицы пѣли ихъ ему, — въ болотахъ и на тундрахъ, — на унылыхъ топяхъ, — *читовекъ*, чибесъ, пѣлъ ихъ, — дикій гусь, *вава*, — синяя цапля, *шу-шу-га*, — и тетеревъ, *мошкодаза*.

«Если вы спросите меня, — кто былъ Навадага? — скажете: «разскажи намъ объ этомъ Навадагѣ!» — я отвѣчу на вашъ вопросъ — вотъ какими словами:

«Въ долинѣ Тавазента, — въ зеленой и тихой долинѣ, — у пріятнаго тока водъ, — жилъ пѣвецъ Навадага. — Вокругъ индійской деревни — лежали луга и нивы, — а за ними стоялъ лѣсъ, — стояла роща пѣвучихъ сосенъ, — зеленыхъ лѣтомъ, бѣлыхъ зимой, — вѣчно вздыхающихъ, вѣчно поющихъ...

«А за пріятнымъ токомъ водъ — можно было слѣдить въ долинѣ — по ихъ журчанью весной, — по ихъ ветламъ лѣтомъ, — по ихъ бѣлому туману осенью, — по ихъ темной полосѣ зимой; — и около нихъ жилъ пѣвецъ, — въ долинѣ Тавазента, — въ зеленой и тихой долинѣ.

«Тутъ онъ пѣлъ о Гіаватѣ, — пѣлъ Пѣсню о Гіаватѣ, — пѣлъ его чудесное происхожденіе и жизнь, — какъ онъ молился и какъ постился, — какъ жилъ, и трудился, и страдалъ, — чтобы племена людскія благоденствовали, — чтобы народъ его возвысился.

«Вы, кому милъ просторъ природы, — кому милъ солнечный свѣтъ долинъ, — кому мила тѣнь лѣса, — кому милъ вѣтеръ, играющій въ вѣтвяхъ, — и дождевой ливень и снѣжная вьюга, — и бѣгъ большихъ рѣкъ — среди чащи сосенъ, — и громъ горъ, — безчисленными отголосками — перекликающійся, какъ орлы въ своихъ гнѣздахъ; — прислушайтесь къ этимъ дикимъ преданіямъ, — послушайте эту Пѣсню о Гіаватѣ!

«Вы, кому милы народныя легенды, — кому милы народныя баллады, — которыя, словно далекій голосъ, — заставляютъ насъ сломнуть и прислушаться, — и говорятъ такими простыми и будто-дѣтскими звуками, — такъ что ухо едва можетъ различить, — слышны ли онѣ или ска-

каньдѣ — прислушайтесь къ этой индійской легендѣ, — послушайте эту Пѣсню о Гіаватѣ! [illegible]

вы, чьи сердца свѣжи и просты, — вы, кто вѣрите въ Бога и природу, — вѣрите, что во всѣхъ вѣкахъ — каждое человѣческое сердце бьется человѣческими движеніями, — что и въ груди дикихъ — есть стремленія, порывы — къ благу, котораго они не понимаютъ,—что руки слабыя и безпомощныя, — ощупью отыскивающія путь въ потемкахъ, — касаются Божьей десницы въ этихъ потемкахъ, — и поднимаются и укрѣпляются;—прислушайтесь къ этой простой повѣсти,—послушайте эту Пѣсню о Гіаватѣ!

«Вы, что порой въ своихъ прогулкахъ — по зеленымъ полямъ этихъ странъ, — гдѣ частые кусты барбариса — свѣшиваютъ грозды своихъ красныхъ ягодъ — надъ каменными стѣнами, сѣрыми отъ моха,—останавливаетесь на какомъ нибудь забытомъ кладбищѣ — отдохнуть на минуту и подумать — надъ полустертою надписью, — начерченной не хитрою рукой,—надъ фразами простыми, но каждая буква которыхъ—полна надежды и сердечнаго горя, — полна всей нѣжной поэзіи—жизни здѣшней и загробной; — остановитесь и прочтите эту грубую надпись, — прочтите эту Пѣсню о Гіаватѣ!»

Бо̀льшею частью своихъ страницъ поэма Лонгфелло похожа на произведеніе народной поэзіи; особенною прелестью отличаются описанія природы края, дикой и величавой. Кромѣ того, вся «Пѣсня о Гіаватѣ» проникнута глубоко гуманнымъ чувствомъ и истинно гуманною мыслью.

Необычайную популярность ея Фрейлигратъ приписываетъ въ особенности тому, кто и содержаніе и форма ея были совершенною новостью для сѣверо-американцевъ. Индійскія сказанія, собранныя Скулькрафтомъ и другими учеными, были до тѣхъ поръ нетронутымъ кладомъ, изъ котораго не черпалъ ни одинъ поэтъ.

Намъ кажется, что «Пѣсня о Гіаватѣ» производила бы гораздо больше впечатлѣнія и удовлетворяла насъ, еслибъ не была слишкомъ длинна и оттого нѣсколько монотонна. Другой недостатокъ ея—это злоупотребленіе мѣстными индійскими именами и словами, что̀ можно видѣть даже изъ приведеннаго нами отрывка. Для непривычнаго уха они очень непріятны, а — главное — вовсе не нужны ни для цѣлаго, ни для подробностей поэмы. Этимъ недостаткомъ особенно ловко пользовались авторы пародій на «Пѣсню о Гіаватѣ», и, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ эти старанія придать разными дикими и странными названіями мѣстный колоритъ произведенію невольно возбуждаютъ улыбку.

Послѣ «Пѣсни о Гіаватѣ» Лонгфелло издалъ еще книжку сти-

хотвореній, въ которой есть и цѣлая поэма, написанная, какъ и «Эвангелина», гекзаметрами, и тоже въ идиллическомъ вкусѣ. Мы знаемъ объ этой книжкѣ только изъ отзывовъ англійской критики, говорившей о ней съ большимъ пренебреженіемъ; самыхъ же стихотвореній не было у насъ въ рукахъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ва слова о крестьянскомъ дѣлѣ. — Колонизація Новороссіи и Амурскаго рая. — Земледѣльческія ассоціаціи. — Общество чиновниковъ. — Успѣхи ароднаго образованія. — Воскресныя школы. — Цифры грамотности. — Ресла и ремесленники. — Печальные факты изъ ремесленнаго быта. — Нищенство. — Пожары и пожарныя команды.

Въ прошломъ обозрѣніи, со словъ «Политико-Экономическаго Указателя», мы упомянули о готовящемся заключеніи трудовъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу. Окончаніе крестьянскаго опроса должно привести за собою новый строй жизни для русскаго арода и свободу труда, — и тутъ существенныя стороны великаго ароднаго преобразованія. О необходимости его для всего общества ашего, стремящагося къ возрожденію, нечего уже и толковать; — ы только укажемъ здѣсь на нѣкоторые факты общественной жизи, которые особенно ярко представляютъ теперь эту необходимость.

Вотъ, напримѣръ, Новороссійскія области и Амурскій край, льно нуждающіеся въ колонизаціи. Колонизація эта должна ставиться изъ земледѣльческаго населенія, потому что ни купы, ни мастеровые не перейдутъ туда, гдѣ нѣтъ земледѣльцевъ. У насъ, съ крѣпостнымъ правомъ, да и со многими другими ловіями земледѣльческаго быта, внутренняя колонизація, всего лѣе и существенно полезная, — невозможна. Такъ въ Амурій край, столь обильный естественными средствами, къ настоярмъ году отправилось только нѣсколько сотъ семействъ земледѣль-

цевъ. Само собою разумѣется, что это переселеніе — капля въ морѣ: оно сгруппируется около одной или двухъ какихъ нибудь мѣстностей, будетъ тамъ тѣсно жаться и переносить во многомъ нужду, а эксплуатировать край — у него рѣшительно не достанетъ средствъ. Конечно, отъ этого самаго, пріобрѣтеніе великолѣпнаго Амурскаго края не скоро можетъ принести нашему отечеству ожидаемую пользу. И не въ одинъ Амурскій край нужна колонизація; много мѣстъ на Руси, гдѣ нужны люди: Новороссійскія области, Самарская губернія, Оренбургскій край, да и мало ли другихъ мѣстъ, которыхъ естественныя богатства лежатъ теперь или вовсе втунѣ, или весьма скудно разработываются. Въ Самарскій край нынѣ тянется довольно значительное переселеніе эстонцевъ изъ Лифляндской губерніи. Оно началось, какъ сообщается въ Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, еще съ 1857 года. Въ этомъ году въ Ново-Узенскомъ уѣздѣ поселилось 55 душъ обоего пола; въ прошломъ году 182 души эстонскихъ помѣщичьихъ крестьянъ водворены на казенно-оброчномъ Воскресенскомъ участкѣ; нынѣ еще водворилось на этомъ же участкѣ 129 душъ. Между тѣмъ, въ Самарскую палату государственныхъ имуществъ безпрестанно являются повѣренные отъ разныхъ обществъ лифляндскихъ эстонцевъ и просятъ допустить ихъ къ осмотру свободныхъ казенныхъ земель. Такимъ образомъ, до настоящаго времени изъявили уже желаніе переселиться въ Самарскую губернію 1,415 ревизскихъ душъ, и, кромѣ того,—какъ сказывали крестьянскіе повѣренные,—собираются въ Самарскій край на переселеніе еще болѣе двухсотъ семей. Мы были бы гораздо болѣе рады, если бы въ богатыя самарскія мѣста потянулась внутренняя колонизація, которая принесла бы съ собою живучее общинное начало.—Объ этомъ фактѣ мы замѣтили, впрочемъ, мимоходомъ, чтобы не упустить изъ виду переселенія въ Самарскую губернію эстонскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которое, какъ должно полагать, совершилось безъ особенныхъ затрудненій.

Вопросъ о колонизаціи Новороссійскаго края несравненно важнѣе, а особенно въ настоящее время, когда изъ Крыма переселилась въ Турцію значительная часть татарскаго народонаселенія. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ встревожены тамошніе землевладѣльцы, и изыскиваютъ теперь средства замѣнить исчезающее изъ Крыма туземное рабочее населеніе; правительство, по возможности, старается помочь имъ въ этомъ. Но мы хотимъ разсказать по порядку о томъ, что дѣлается въ Новороссійскомъ краѣ, и потому начнемъ съ переселенія крымскихъ татаръ.

Послѣднія наши завоеванія на Кавказѣ вызвали переселеніе въ Турцію кавказскихъ горцевъ. Мысль объ этомъ передалась какъ-то

крымскимъ и ногайскимъ татарамъ. Съ начала весны нынѣшняго года эмиграція между этими татарами приняла огромные размѣры. По августъ мѣсяцъ, судя по извѣстіямъ, сообщеннымъ «Одесскимъ Вѣстникомъ», вышло уже за границу татаръ и ногайцевъ до 85,000 человѣкъ. Г. Игнатьевъ, керченскій корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника», изъявлялъ даже опасенія, что къ концу лѣта изъ 241,000 душъ татаръ обоего пола, населяющихъ собственно Крымъ, едва ли останется 40,000 душъ. Увлекаемые общимъ потокомъ переселенія, татары уступали свои земли за безцѣнокъ, также какъ скотъ свой и разную движимость; бывали даже случаи, что когда не являлось покупщиковъ на ихъ верблюдовъ, — они пускали ихъ въ степь гулять себѣ повсюду привольно безъ хозяевъ, или даже топили ихъ въ морѣ. Это внезапное истощеніе рабочаго класса, повлекшее за собою чрезвычайный упадокъ цѣнъ на земли и на скотъ (*), имѣло вообще печальное вліяніе на сельское хозяйство въ Крыму: въ письмѣ изъ Симферополя, напечатанномъ въ № 174 «Сѣверной Пчелы», говорится, что дряхлые старики не запомнятъ такихъ роскошныхъ травъ и такихъ чудныхъ хлѣбовъ, какими ознаменовался въ Крыму 1860 годъ, но совершенный недостатокъ рабочихъ рукъ лишилъ хозяевъ возможности сдѣлать запасъ корма на многіе годы; что же касается до самихъ татаръ, то они почти и не заготовляли сѣна для своего скота. Явно, что въ настоящее время крымскія хозяйства понесутъ сильный ущербъ. Вообще это переселеніе возбуждало великія опасенія даже за экономическую будущность Крыма. Г. Игнатьевъ (упомянутый нами корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника») даже говорилъ, что *спасти* Крымъ можно только пріостановленіемъ татарской эмиграціи. Значитъ, являлось даже какое-то отчаяніе за всю будущность прекрасной страны, изъ которой вдругъ поднялось племя, чуждое намъ по крови, по вѣрѣ и обычаямъ, племя, какъ извѣстно, мало до сихъ поръ воспользовавшееся богатыми дарами завоеваннаго имъ когда-то края. Впрочемъ, опасенія, возбужденныя переселеніемъ татаръ, должны теперь прекратиться: правительство же пріостановило это переселеніе, хотя, какъ сказано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 100), только до будущаго года. Мы очень рады этой послѣдней оговоркѣ. Правда, положеніе крымскихъ землевладѣльцевъ, произведенное внезапнымъ выселеніемъ изъ края туземнаго рабочаго класса, — въ настоящую минуту весьма трудно;

(*) Въ Феодосійскомъ и Евпаторійскомъ уѣздахъ цѣны на земли упали до 4 рублей за десятину, а въ Перекопскомъ уѣздѣ, по [illegible] 300 рублей. Впрочемъ, слышно, что правительство оставляло за собою тѣ земли, которыя продавались по 4 рубля и ниже за десятину.

правда, что отъ этого страдаютъ и всѣ отрасли сельской промышленности: такъ, напримѣръ, соляной промыселъ пропадаетъ безъ татаръ, привыкшихъ не въ примѣръ лучше русскихъ выдерживать операцію выволочки соли; такъ, безъ южно-бережскихъ татаръ,— которые всѣ безъ исключенія садовники,— некому работать въ богатыхъ виноградникахъ и садахъ. Дѣйствительно, убыль; но все это — временная невзгода, которая можетъ быть совершенно легко отстранена надлежащею свободою колонизаціи изнутри Россіи. Свобода эта откроется съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и, конечно, Крымъ заселится только при такихъ условіяхъ, при которыхъ производительность страны разовьется, уже не по прежнему. Намъ кажется, что съ единственной цѣлью устраненія временнаго ущерба землевладѣльцевъ Таврической губерніи, нечего особенно хлопотать о задержаніи въ Крыму тѣхъ людей, которые не хотятъ жить съ нами.

Въ настоящее время землевладѣльцы Таврической губерніи сами изыскиваютъ средства помочь себѣ пособіями правильно организованнаго общественнаго кредита; вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство принимаетъ мѣры къ удовлетворенію настоятельной потребности въ рабочемъ классѣ. Скажемъ прежде о правительственной мѣрѣ по этому предмету.

Въ «Керчь-Еникольскомъ Полицейскомъ Листкѣ» напечатано важное извѣстіе касательно недавняго распоряженія правительства о переселеніи государственныхъ крестьянъ на владѣльческія земли Таврической губерніи. Вотъ основанія, высочайше утвержденныя, для этого распоряженія: министерству государственныхъ имуществъ предоставляется переселять казенныхъ крестьянъ изъ [illegible] или малоземельныхъ губерній въ Таврическую, по предварительному соглашенію объ этомъ съ землевладѣльцами Таврической губерніи и по *доброй волѣ* самихъ крестьянъ. Переселенцамъ [illegible] льготы на общихъ основаніяхъ, и, кромѣ того, *дозволяется* заключать договоры съ землевладѣльцами, срокомъ отъ двухъ до [illegible] лѣтъ. Мѣра, конечно, важная и могущая быть существенно полезной для таврическихъ землевладѣльцевъ. Само собою [illegible], что эти землевладѣльцы не постоятъ за хорошими [illegible] новымъ работникамъ, такъ какъ послѣдніе — люди [illegible] вольные, люди, которые могутъ свободно договариваться на счетъ своего труда. Говорятъ, что землевладѣльцы Новороссійскаго края по большей части отличаются практическимъ [illegible] привыкли къ [illegible], [illegible] владѣльческою дѣятельностію, конечно, [illegible]

съѣздить на мѣсто для заключенія договоровъ съ крестьянами, которые пожелаютъ водвориться на ихъ земляхъ.

«А вотъ какимъ образомъ крымскіе землевладѣльцы хотятъ помочь сами себѣ, и это будетъ чуть ли не лучшее средство для выхода изъ обстоятельствъ, стѣсняющихъ ихъ положеніе. Имъ надобны рабочіе на мѣсто переселившихся теперь. Въ настоящее время приходятъ въ Крымъ рабочіе изъ Россіи и Малороссіи, но ихъ весьма мало, и къ тому же они дороги. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ рабочихъ рукъ надобно прибѣгнуть къ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ и машинамъ, которыя притомъ могутъ способствовать и лучшей обработкѣ земли. Но для найма работника и покупки земледѣльческихъ орудій и машинъ нужны капиталы, — а кредитныя учрежденія или закрыты, или еще не начинали дѣйствовать на новыхъ основаніяхъ; кредита же частнаго [illegible] почти нѣтъ. Все это тамошніе землевладѣльцы весьма [illegible] и сообразили теперь, что имъ дѣлать. Недавно въ августѣ они съѣхались въ Симферополь. Между многими предположеніями, — разсказываетъ «Одесскій Вѣстникъ», — объ устраненіи разстройства, происходящаго въ сельской производительности отъ переселенія изъ Крыма туземнаго рабочаго класса, помѣщики остановились главнѣйшимъ образомъ на мысли — учредить земледѣльческій банкъ на основныхъ правилахъ, изложенныхъ въ трудахъ коммиссіи, составившей проектъ устава для устройства земскихъ банковъ. Предложеніе объ этомъ было принято почти единогласно, и теперь коммиссія изъ четырехъ лицъ составляетъ уставъ для банка. Основаніемъ для устава будутъ служить труды коммиссіи о земскихъ банкахъ, но при соображеніи съ мѣстными особенностями и потребностями края. «Въ капиталѣ и кредитѣ», говоритъ г. Иванъ Широковъ («Одесскій Вѣстникъ» № 180), «нуждаются и всѣ землевладѣльцы, и купцы, и ремесленники. Весьма трудно достать капиталъ, необходимый для оборотовъ, и потому нужно учредить такой банкъ, который бы могъ: 1) выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній на продолжительные сроки съ постепеннымъ погашеніемъ; 2) ссужать капиталами купцовъ для кратковременныхъ торговыхъ оборотовъ, и 3) содѣйствовать мелкимъ землевладѣльцамъ, ремесленникамъ и мѣщанамъ въ ихъ крайнихъ нуждахъ. Необходимо учредить банкъ [illegible], съ отдѣленіями [illegible], потому что земледѣліе, торговля и ремесла, взаимно другъ друга поддерживающія и нуждающіяся другъ въ другѣ, [illegible] обороты одного отдѣленія будутъ поддерживать обороты другихъ отдѣленій». Мысль, по нашему мнѣнію, вполнѣ практическая, особенно если принять въ соображеніе, что [illegible] считается способствующимъ

благодѣянiемъ кредита и [illegible]. Такое [illegible] интере-
совъ землевладѣльцевъ и поселянъ [illegible] въ Россiи [illegible]
не въ первый разъ. Мы отъ всей души желаемъ, чтобы [illegible] объ
учрежденiи Таврическаго земскаго банка, [illegible],
какъ выше изложено, осуществилось [illegible].

Вообще надо сказать, [illegible] Новороссiй-
скаго края [illegible],
или стараются [illegible] себѣ [illegible] положенiе.
Такъ «Общество сельскаго хозяйства южной Россiи» учредило зе-
мледѣльческiе съѣзды [illegible], чтобы [illegible]
передавать другъ другу свои опыты, наблюденiя и [illegible].
Съѣзды [illegible]
[illegible] спецiальныхъ
вопросовъ по земледѣлiю, а также [illegible]
[illegible] банкахъ, о [illegible]
рабочихъ, о [illegible]
[illegible] сокращенiи [illegible]
[illegible] совершенiи актовъ, объ [illegible]
[illegible] мѣстной [illegible]. Мы [illegible]
[illegible] сельскихъ [illegible] Новороссiйска-
го края. Конечно, [illegible]
положенiя [illegible] улучшенiй [illegible]
[illegible], что при этой [illegible]
[illegible] по поводу своего [illegible]
[illegible]
[illegible] Россiи [illegible]
[illegible] вопроса [illegible]
[illegible] сельскомъ хозяйствѣ [illegible] вопроса,
[illegible] которые
могутъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] устройства земельныхъ банковъ [illegible]
[illegible]
и [illegible] Кiевѣ [illegible]
[illegible] губернiи [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] общество [illegible]
[illegible] коммиссiи для разбора [illegible] вопросъ [illegible]
[illegible] заведенiяхъ [illegible]

края (*). Больше ничего не передаетъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», а только скромно замѣчаетъ, въ концѣ своего извѣстія, что «мы еще не привыкли разсуждать о важныхъ предметахъ хладнокровно, и каждое несогласіе съ нашими убѣжденіями живые готовы принимать слишкомъ близко къ сердцу». А намъ кажется, что дѣло-то стало не за однимъ хладнокровіемъ. Не бѣда, если искренніе и горячія мнѣнія — плоды твердыхъ убѣжденій, — горячо передаются, но то бѣда, когда понятія объ общественныхъ дѣлахъ сбивчивы, односторонни и [illegible] узкой сферы сословныхъ интересовъ.

Впрочемъ, помѣщики Кіевской, Подольской и Волынской губерній уже получили о томъ, чтобы [illegible] труды ихъ принесли имъ хорошее вознагражденіе. Для этого [illegible] сообщаетъ «Варшавская Хроника», ими составлено [illegible] общество, съ основнымъ капиталомъ въ [illegible] тысячъ руб. сер. Проектъ устава общества, какъ [illegible], скоро будетъ утвержденъ.

Это общество составляется, [illegible] въ многихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго [illegible] [illegible]

[illegible]

(*) Государь императоръ изволилъ уже удовлетворить издавнее желаніе польской части западнаго дворянства, изъявивъ согласіе на введеніе преподаванія польскаго языка въ здѣшнихъ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ, и [illegible]

облегченіе доставки земледѣльцамъ железа, и освобожденіе хлѣбной торговли, въ предѣлахъ Царства Польскаго и за границею, отъ вредной монополіи торговцевъ-спекулянтовъ и отъ произвольнаго пониженія ими цѣнъ. Впрочемъ, въ частности каждый «домъ», сообразуясь съ мѣстностью, гдѣ находится, — кромѣ главной цѣли, — преслѣдуетъ и свою особенную. — Мы не станемъ излагать правила, которыми руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ эти ассоціаціи, и отсылаемъ читателей, интересующихся этимъ существенно-важнымъ предметомъ, къ упомянутымъ выше статьямъ г. Тржецяка, изъ которыхъ можно ознакомиться со всѣми подробностями дѣла. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ разсказать, какъ принято было общественнымъ мнѣніемъ въ Польшѣ учрежденіе «Торгово-коммиссіонерскихъ домовъ».

Опредѣлительность мысли, руководствовавшей основателями ассоціацій этихъ, возбудила сочувствіе публики. Этимъ предметомъ нерѣдко занимаются не только спеціально-земледѣльческіе журналы, но и [illegible] литературно-политическія газеты; одна изъ нихъ особенно радуется тому, что съ учрежденіемъ такихъ ассоціацій, освобожденные отъ рукъ спекуляцій земледѣльцы будутъ находить свободный и легкій путь для сбыта своихъ произведеній, а цѣны болѣе будутъ [illegible]; [illegible] — чѣмъ болѣе возвысится положеніе нашего народнаго хозяйства, и будетъ имѣть непосредственное благотворное вліяніе на общее благосостояніе жителей». — Конечно, въ этомъ мнѣніи есть много и преувеличенія. Торгово-коммиссіонерскія ассоціаціи польскихъ земледѣльцевъ основаны чисто въ видахъ [illegible], а путь до общаго благосостоянія еще далеко; и это благосостояніе можетъ упрочиться только тогда, когда положеніе земледѣльческаго рабочаго класса будетъ установлено на твердыхъ и [illegible] основаніяхъ. — Нынѣ въ Польшѣ нерѣдко слышатся мнѣнія, которыя намъ кажутся не совсѣмъ [illegible]: [illegible] доказываютъ, что [illegible] искусственно [illegible] [illegible] [illegible], а потребители [illegible] рабочіе [illegible] [illegible] классы вскорѣ должны почувствовать дороговизну первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Г. Тржецякъ («Московскій Вѣстникъ» № 36) старается опровергнуть это мнѣніе, что и дѣлаетъ не совсѣмъ ловко: онъ говоритъ, что пониженіе и повышеніе цѣнъ можетъ происходить единственно отъ [illegible] хлѣбныхъ торговцевъ, а никакъ не отъ свободной конкурренціи, поставленной [illegible]

существенныхъ задачъ, вновь появляющихся «домовъ». «Допустивъ даже», присовокупляетъ онъ, «что «дома», въ коалиціи между собою, овладѣли бы совершенно мѣстною хлѣбною торговлею, чего быть не можетъ, то и тогда цѣна хлѣба не могла бы быть выше той, какая существовала бы на рынкѣ, потому что мѣстная цѣна хлѣба въ краѣ строго соотвѣтствуетъ цѣнамъ заграничнымъ, хотя и выше этихъ послѣднихъ на издержки сплава и транспортировки къ портамъ. Итакъ, еслибы «дома» непомѣрно возвысили хлѣбныя цѣны въ краѣ, то неминуемо явился бы на мѣстныхъ рынкахъ заграничный хлѣбъ, въ которомъ страна, кромѣ времени всеобщаго неурожая, нужды никогда имѣть не можетъ». Мы думаемъ, не такъ; «дома» такъ же легко могутъ усвоить себѣ монополію хлѣбной торговли, какъ это было въ то время, какъ она находилась въ рукахъ торговцевъ-спекулянтовъ. Съ развитіемъ подобныхъ «Дому Плещеева» Землевладѣльческихъ ассоціацій по всей странѣ, естественно, что хлѣбный рынокъ весь будетъ зависѣть отъ ихъ вліянія. Да [illegible] чтобъ имѣть непосредственно въ рукахъ [illegible]. [illegible]

[illegible]

ствами увеличить въ краѣ число свѣдущихъ ветеринаровъ. Многiе помѣщики уже вызываютъ къ себѣ ветеринарныхъ врачей, предлагая имъ значительное содержанiе, и устраиваютъ по имѣнiямъ скотолечебницы. Наконецъ «Общество» предлагаетъ помѣщикамъ приглашать въ имѣнiя агрономовъ, и поручать имъ, кромѣ рацiональнаго введенiя плодоперемѣннаго хозяйства, передавать крестьянамъ въ сельскихъ училищахъ необходимѣйшiя агрономическiя свѣдѣнiя. — Съ своей стороны и правительство, [illegible] образованiя свѣдущихъ земледѣльцевъ, приступаетъ теперь къ учрежденiю въ Царствѣ Польскомъ [illegible] разряда земледѣльческихъ школъ: въ каждой губернiи будетъ по одной такой школѣ, [illegible] отводятся значительные поземельные участки для практическаго направленiя воспитанiя.

Но перейдемъ теперь къ разсказу объ ассоцiацiяхъ совсѣмъ другаго рода, [illegible]

Наконецъ, [illegible] петербург- [illegible]

[illegible]

ви въ видѣ опыта на три года; недавно чиновники полтавскаго губернскаго правленія задумали составить нѣчто въ этомъ родѣ, и корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» уже заранѣе объявляетъ, что «судя по цѣли учрежденія и по началамъ, принятымъ въ составленію проэкта, полтавская касса будетъ составлена лучше кассы тобольскихъ чиновниковъ». Пусть ихъ усердствуютъ въ этомъ дѣлѣ! мы желаемъ чиновникамъ, принимающимся за составленіе такихъ кассъ, полнаго успѣха! А главное, чего мы имъ желаемъ — такъ это, во-первыхъ, твердой увѣренности въ пользѣ подобныхъ учрежденій, такой увѣренности, которая уже не допускала бы ихъ учреждать кассы на помощь себѣ только въ видѣ опыта, на три года, какъ это сдѣлали тобольскіе чиновники; во-вторыхъ, чтобы подобныя кассы составлялись безъ всякой задней мысли о барышничествѣ, причемъ и полагалось бы взимать съ бѣдныхъ заемщиковъ не шесть процентовъ, какъ полагается въ Тобольскѣ, а не болѣе четырехъ.

Къ слову о чиновникахъ. Въ № 29 газеты «Амуръ», корреспондентъ изъ Каинска извѣщаетъ, что въ тамошнемъ краѣ разрѣшена продажа огромныхъ пространствъ свободныхъ казенныхъ земель, прежде или лежавшихъ впустѣ, или же отдававшихся въ оброкъ за ничтожную цѣну, — продажа, долженствующая, по мнѣнію корреспондента, совершенно измѣнить промышленныя отношенія края. «Владѣльцами этихъ земель», говоритъ корреспондентъ, «будутъ конечно крестьяне, но вѣроятно и преимущественно — люди другихъ сословій, купцы и чиновники, для которыхъ будетъ выгодно обратить эти земли на фабричную или заводскую [illegible] промышленность». При этомъ, корреспондентъ надѣется, что это распоряженіе относительно продажи свободныхъ казенныхъ земель можетъ подѣйствовать благотворно на чиновническое сословіе, до сихъ поръ не знавшее для себя иной дѣятельности, кромѣ служебной; онъ думаетъ, что если большинство [illegible] и не отстанетъ отъ своихъ привычекъ въ виду разработыванія пріобрѣтенныхъ земель, то по крайней мѣрѣ при [illegible] своихъ, будетъ имѣть въ виду уже не одну только служебную карьеру — и не станетъ закрывать имъ путей для перехода къ частной дѣятельности. Дай Богъ, чтобы эти надежды оправдались, но что-то не совсѣмъ вѣрится въ скорое ихъ осуществленіе, смотря на то, что чиновничество кое-гдѣ [illegible] своему положенію въ обществѣ. До тѣхъ поръ, пока чиновники будутъ смотрѣть на себя, какъ на отдѣльное сословіе въ обществѣ, до тѣхъ поръ врядъ ли можно ожидать обращенія ихъ къ другой дѣятельности, кромѣ служебной. Развѣ, впрочемъ, только

случаѣ сознаютъ они полезность промышленной, напримѣръ, дѣятельности и почтутъ необходимымъ обратиться къ ней, — когда сдѣлается имъ черезъ-чуръ уже тѣсно отъ самихъ себя; ибо, проводя всю жизнь свою на службѣ да пополняя въ ней же и сыновей своихъ, они могутъ легко дойти до того, что число ищущихъ поступить на разныя мѣста будетъ постоянно превышать число этихъ мѣстъ.

Образованіе, образованіе нужно нашему обществу! Оно дастъ ту силу намъ, которой не доставало до сихъ поръ; оно дастъ довѣріе къ себѣ, то довѣріе, безъ котораго невозможно дойдти до цѣли гражданскаго развитія.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что *народное* сознаніе въ Россіи устремлено теперь къ образованію. Тутъ иногда можетъ встрѣтиться даже ревность не по разуму, но заподозривать ея источникъ никакъ не слѣдуетъ.

Сначала напомнимъ нѣкоторые факты, уже извѣстные нашимъ читателямъ. Вотъ, напримѣръ, Мечетенской станицы урядникъ Черниковъ, человѣкъ, не получившій самъ школьнаго образованія, заводитъ въ своей станицѣ училище, строитъ для него домъ, меблируетъ его, назначаетъ на содержаніе его ежегодно по 300 руб. сер., берется воспитывать на свой счетъ четырехъ бѣдныхъ учениковъ, и, кромѣ того, вноситъ въ кредитное учрежденіе 10,000 руб. сер. на проценты, которыми должно содержаться училище по смерти Черникова. Вологодскій представитель Сорокинъ открываетъ въ Вологдѣ на свой собственный счетъ женскую школу, которую онъ вызывается содержать въ продолженіе тридцати лѣтъ. Крестьяне помѣщичьей деревни Космачковой (Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда) заводятъ по собственному своему желанію и по предложенію своего крестьянина Павла Медвѣдева, школу слишкомъ на двадцать человѣкъ, которую намѣреваются содержать на свой счетъ. Почетный гражданинъ Солнцевъ жертвуетъ на учрежденіе въ Симферополѣ женскаго училища 20,000 рублей. Въ Томскѣ тамошняя жительница [illegible] жертвуетъ 1,000 руб. сер. на устройство публичной библіотеки. Эти факты старые, и сверхъ того минуло уже нѣсколько мѣсяцевъ, и которые мы привели здѣсь съ тѣмъ, чтобы [illegible] опять возбудить общественное мнѣніе. Но вотъ еще другіе факты, гдѣ [illegible] и [illegible] родного [illegible] образованію. Недавно государственный крестьянинъ Московской губерніи Коломенскаго уѣзда, Тихонъ [illegible] Мосоловъ, изъявилъ желаніе устроить и содержать на собственный счетъ училище въ селѣ [illegible] Коломенскаго же уѣзда. Мы считаемъ долгомъ сказать подробно, на какихъ основаніяхъ устраивается это училище. Государь Императоръ, соизволивъ

привлечь пожертвованіе крестьянина Моссолова съ тѣмъ: 1), чтобы преподавателемъ въ этомъ училищѣ былъ мѣстный священникъ; а помощникомъ его діаконъ, съ утвержденія мѣстнаго начальства; въ случаѣ же неудобности преподаванія этимъ лицамъ, дозволяется Моссолову избрать наставника изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія; 2) чтобы Моссолову было дозволено право назначать въ это училище учениковъ, по собственному избранію, изъ сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ семействъ; 3) чтобы училище это именовалось: «училище крестьянина Т. Моссолова»; 4) чтобы въ случаѣ отказа наслѣдниковъ Моссолова принять на себя расходы по содержанію училища, оно было передано въ полное распоряженіе общества крестьянъ; 5) чтобы въ остальныхъ частяхъ управленія училище было подчинено общимъ правиламъ о сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ; и 6), чтобы Моссолову было предоставлено, примѣняясь къ высочайше утвержденному 2 ноября 1859 года положенію главнаго правленія училищъ, званіе почетнаго блюстителя устрояемаго имъ училища. — Другой фактъ тоже чрезвычайно замѣчателенъ: Саратовскую воскресную школу посѣщаютъ теперь два старика. Какъ видно, они не стыдятся сидѣть на одной скамьѣ съ десятилѣтними мальчиками; какъ видно, житейскій опытъ не ослабилъ ихъ душевныя силы и подъ старость. Мы твердо думаемъ, что въ сознаніи этихъ двухъ стариковъ, желающихъ учиться, выразилось все сознаніе по этому предмету.

О пользѣ народнаго образованія въ просвѣщенное время мы не станемъ говорить подробно. Фактовъ для этого у насъ много подъ рукою; начнемъ съ единичныхъ фактовъ, и перейдемъ потомъ къ общимъ очеркамъ.

Въ городѣ Козельскѣ діаконъ Вырскій открылъ на свой счетъ второе приходское училище для приходящихъ дѣтей обоего пола. Обязанности преподаванія, равно какъ и отопленіе и присмотръ за училищемъ, онъ принялъ на себя; дочь же его обучаетъ дѣвочекъ рукодѣлью; — за все это онъ получаетъ вознагражденіе по средствамъ и степени признательности родителей. Въ школѣ его уже 80 дѣвочекъ и 60 мальчиковъ. Между тѣмъ, городское общество улучшило содержаніе перваго приходскаго училища, помѣстивъ его въ общественномъ домѣ, увеличивъ жалованье учителю, вмѣсто 85 рублей до 200 рублей, и вообще прибавивъ на прочіе расходы. Въ № 128 «Московскихъ Вѣдомостей» какой-то калужскій житель сообщилъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія объ училищѣ дьякона Вырскаго и по содержанію ихъ можно предполагать, что онъ имѣлъ при этомъ особенную цѣль. *Калужскій житель* опровергнутъ «Калужскія Губерн-

скія Вѣдомости» [illegible] общество, — перечень [illegible] одни [illegible] о училищѣ діакона Вырскаго; а второе за то, что оно [illegible] участія въ учрежденіи школы, будто бы [illegible] для семидесяти бѣдныхъ [illegible] на [illegible], изъ которыхъ каждый взялъ на свой счетъ воспитаніе — кто 20, кто 10, а кто 5 или 3 мальчика. Но изъ статьи «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» оказывается, что, вопреки вышеозначенныхъ подробностей о школѣ діакона Вырскаго, что только губернскій предводитель дворянства оказалъ содѣйствіе для устройства училища, пригласилъ онъ [illegible] и помѣщиковъ помочь доброму дѣлу; но вотъ что пожертвовано единовременно: отъ М. Н. Булгакова 100 р., отъ князя Н. С. Мещерскаго тоже 100 рублей, и въ память умершей крестьянки Карцевой 11 рублей. Хотѣли бы мы знать, съ какою цѣлью калужскій житель дозволилъ себѣ искаженіе факта и притомъ обличеніе цѣлаго общества въ неучастіи къ полезному дѣлу? Въ концѣ августа открыта калужская женская гимназія. Въ ней поступили дочери родителей съ ограниченными и даже недостаточными состояніями. «Многіе изъ нашей знати», говорится въ письмѣ въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», — «серьезно думаютъ, что неприлично было бы *родной дѣвушкѣ* сидѣть на одной скамьѣ съ мѣщанкою; а странное предположеніе, что въ женской гимназіи можно получить *дурныя манеры* — очевидно высказывается тѣми, въ воспитаніи дочерей которыхъ желательно было бы видѣть побольше здраваго человѣческаго смысла и разумной родительской [illegible]сти.» Насколько готовы жертвовать люди всѣхъ сословій на дѣло народнаго образованія, — мы предоставимъ судить еще нѣсколько фактовъ. Вотъ, напримѣръ, въ Москвѣ въ цѣлый іюль мѣсяцъ пожертвовано было только 54 рубля на воскресныя школы... Въ Кіевѣ открыта подписка для воскресныхъ школъ, и что же оказывается, — говоритъ г. Левицкій въ № 60 «Кіевскаго Телеграфа», — на подписныхъ [illegible] разосланныхъ [illegible], оставленные у книгопродавцевъ, остаются пустыми; только студенты собрали между собою [illegible] до *30 рублей серебромъ*». Въ Харьковѣ, по особому приглашенію начальника губерніи, пожертвовано дворянствомъ Харьковскаго уѣзда въ пользу уѣзднаго училища — 684 рубля. «Извѣстно, говоритъ «Московскій Вѣстникъ» (№ 40), что для открытія и содержанія воскресной школы надо не много денегъ; но тѣмъ не менѣе ихъ не даютъ...» [illegible] люди [illegible], [illegible] купцы [illegible], на [illegible] журналистовъ и литераторовъ (*) не [illegible]

[illegible]

(*) Конечно, есть жертвователи изъ всѣхъ сословій общества, но ихъ такъ мало, что они составляютъ [illegible] исключеніе изъ общаго правила.

переносить на развитіе дѣла, столь необходимаго для народнаго блага. Въ прежнія времена любили составлять подписки для бѣдныхъ— и нынѣ ихъ составляютъ по старому; въ прежнее время любили веселиться на счетъ бѣдныхъ, устрояя въ пользу ихъ балы, спектакли, концерты; — и нынѣ то же дѣлается, особенно въ нашихъ провинціяхъ; но ничего не дѣлается этими составителями *благотворительныхъ* баловъ, спектаклей и концертовъ—для просвѣщенія... Эти господа не вѣдаютъ того, что духовная и нравственная нищета несравненно гибельнѣе нищеты матеріальной, что послѣдняя совершенно зависитъ отъ первой. И добро бы надобны были черезчуръ большія средства хоть бы для воскресныхъ школъ! и добро бы мѣста не было, гдѣ можно было бы составить подписку для пожертвованій на это дѣло!...

Орловское женское училище было счастливо на пожертвованія въ пользу его. Во-первыхъ, учителя гимназіи и уѣзднаго училища (гг. Азаркевичъ, Анучинъ, Рашевскій, Лоницкій и Волковъ; Игнатовичъ, Коробцовъ и Невдачинъ) безвозмездно посвящали ему труды свои и время; во-вторыхъ, явились такія пожертвованія, которыя обезпечиваютъ существованіе училища въ будущемъ: г. Кирѣевскій пожертвовалъ 10,000 р., почетный гражданинъ Горбовъ 1,000 руб., г. Фроловъ 500 р., г. Подшиваловъ 200 р., почетный гражданинъ Чибисовъ 100 р., купецъ Сусловъ 50 р. (ежегодно); гг. Шиповы, Мамонтовы и Якунчиковъ—каждый по 500 р. единовременно; лотерея дала 613 р. 60 к., и дворяне Орловскаго, Дмитровскаго, Елецкаго, Ливенскаго и Мценскаго уѣздовъ дали—*280 р. 95 коп.!*

Въ концѣ августа открыто въ Полтавѣ первоеразрядное женское училище. Весь капиталъ его весьма незначителенъ—3,300 р.; но по тому сочувствію, какое вообще оказалось къ этому училищу на первыхъ же порахъ его существованія, нельзя опасаться за его будущность. Всѣ классныя дамы предложили училищу свои услуги безплатно. Въ первые же два дня поступили въ него 174 ученицы — чему, по всей вѣроятности, способствовало то, что, при поступленіи, не требуется ни прошеній, ни документовъ. За ученье въ первомъ приготовительномъ классѣ платы не полагается, а за ученье въ прочихъ классахъ берется только 10 руб. Большая часть ученицъ (107) принадлежатъ къ сословію дворянъ и чиновниковъ; въ числѣ поступившихъ есть и 7 дѣвочекъ-крестьянокъ.

Недавно тоже открыты женскія училища въ городахъ Мосальскѣ, Волгскѣ, Муромѣ и Бѣлевѣ. Въ первомъ изъ нихъ городской голова г. Богдановъ побудилъ жителей, не соглашавшихся было ни на какія пожертвованія для этого дѣла, только тѣмъ, что согласился принять новое избраніе его въ головы, при условіи открытія учи-

лища. — Объ открытіи училищъ въ Вольскѣ и Бѣлёвѣ никакихъ подробностей неизвѣстно.

Въ прошломъ году крестьяне села Любичъ (Рязанской губерніи), гдѣ существуетъ довольно давно приходское училище, называемое Ларинскимъ (по имени основателя его *Ларина*, пожертвовавшаго на него значительный капиталъ), изъявили желаніе открыть при этой школѣ особое отдѣленіе для обученія грамотѣ дѣвочекъ. Одно обстоятельство удостовѣряетъ, что тутъ участвовало твердое сознаніе пользы образованія: въ приговорѣ любичскаго сельскаго общества (состоявшемся уже въ настоящемъ году) находятся слѣдующія замѣчательныя строки: «благодаря ему (то есть *Ларину*), у насъ, при 350 дворахъ населенія, *нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы не было грамотнаго крестьянина*, — что при нашихъ небольшихъ торговыхъ занятіяхъ и въ *домашнихъ* дѣлахъ приноситъ намъ большую пользу». По нашему мнѣнію, это важное явленіе въ умственной жизни народа. Когда такимъ образомъ высказывается цѣлое сельское общество, то можно положительно сказать, что здѣсь не напрасно существуетъ школа, что народъ вѣритъ въ пользу, ею приносимую, а если онъ вѣритъ чему, то обыкновенно вѣритъ твердо. — Спустя нѣсколько времени послѣ означеннаго заявленія желанія со стороны любичскихъ крестьянъ, состоялись такіе же приговоры въ нѣсколькихъ селеніяхъ Пронскаго, Михайловскаго и Егорьевскаго уѣздовъ Рязанской губерніи). Въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ приговоръ крестьянъ села Черепаевки объ открытіи приходскаго училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. По этому приговору, крестьяне названнаго села положили собирать въ пользу новаго училища, кромѣ добровольныхъ пожертвованій, еще по 5 коп. съ души — два раза въ годъ при сборѣ подушныхъ денегъ. Наконецъ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ Сапожковскаго и Ряжскаго уѣздовъ открыты сельскія приходскія училища.

Перейдемъ теперь къ воскреснымъ школамъ. О петербургскихъ мы не станемъ здѣсь разсказывать потому, что о нихъ въ нашемъ журналѣ сообщались уже извѣстія, — развѣ только упомянуть про то, какъ при открытіи Введенской школы, на Выборгской сторонѣ, отличился одинъ фабрикантъ, по своему сочувствующій просвѣщенію: онъ предложилъ сдѣлать пожертвованіе въ пользу школы, посредствомъ вычета изъ задѣльной платы работниковъ!!!

Въ Москвѣ теперь уже девять воскресныхъ школъ. Онѣ идутъ хорошо: преподаватели дѣятельны и терпѣливы, рвеніе ихъ къ дѣлу нисколько не остываетъ; число учащихся не уменьшается, а увеличивается. Только денежныя дѣла школъ въ самомъ печальномъ положеніи: воззваніе къ пожертвованіямъ, неоднократно повторенное

учредителями, не расшевелило москвичей, какъ будто особенно равнодушныхъ къ дѣлу воскресныхъ школъ: выше мы говорили, что во весь іюль пожертвовано было для нихъ только 54 р. — Жаль, что нигдѣ покуда не встрѣчали мы никакихъ подробностей и практическихъ замѣчаній со стороны учредителей и преподавателей въ московскихъ школахъ, о томъ, какъ идетъ вообще ихъ дѣло: мы нашли только въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 36) кое-какія, большею частію поверхностныя замѣчанія объ этихъ школахъ и между прочимъ вотъ какой фактъ: нѣкоторые ученики являются съ *босыми ногами*, и притомъ есть жалобы со стороны ихъ, что *хозяева* не каждое воскресенье пускаютъ ихъ изъ-за работы въ школу. Даромъ, что въ столицѣ проживаютъ эти хозяева, а нисколько не опасаются они нарушать законъ, по которому должны одѣвать и обувать своихъ учениковъ! Но ниже мы будемъ еще говорить о ремеслахъ и ремесленникахъ.... Теперь же, прежде чѣмъ дальше разсказывать о воскресныхъ школахъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, мы должны передать здѣсь, со словъ одного изъ учредителей московскихъ воскресныхъ школъ (*), фактъ, въ которомъ отражаются отношенія нѣкоторыхъ личностей къ самымъ почтеннымъ явленіямъ общественной дѣятельности. «18 сентября, въ 2 часа по полудни, говоритъ г. учредитель: — ученицы женской воскресной школы, по окончаніи уроковъ, расходились изъ училища. Трое какихъ-то офицеровъ, проходившихъ въ это время мимо училища, бросились въ толпу и начали подслуживаться къ бѣднымъ ученицамъ такими любезностями, на которыя онѣ не имѣли ни правъ, ни притязаній. Мы видѣли изъ окна эту осаду; но, къ сожалѣнію, не могли остановить этихъ людей, и положили ограничиться на первый разъ печатнымъ заявленіемъ печальнаго факта и принять на будущее время юридическія мѣры къ тому, чтобы онъ не повторился». Надо къ этому еще прибавить, что на такой поступокъ эти господа рѣшились среди бѣлаго дня и на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ столицы!...

Въ Кіевѣ воскресныя школы продолжаютъ идти съ успѣхомъ: онѣ посѣщаются простымъ народомъ постоянно и усердно, но чувствуется недостатокъ въ деньгахъ (о чемъ мы уже упоминали), — а особенно въ книгахъ. «Для чтенія ученикамъ средняго класса, говоритъ г. Левицкій — (**), нѣтъ ровно никакихъ книгъ. До сихъ поръ было въ ходу Сельское и Народное Чтенія; но все это прочитано и даже зачитано.... Въ Кіевѣ ничего нельзя достать. Если и есть какія

(*) «Московскія Вѣдомости», № 203.
(**) «Кіевскій Телеграфъ», № 68.

нибудь книги, то для насъ онѣ недоступны. Книгопродавцы, зная крайнюю нужду въ книгахъ, пользуются случаемъ и дерутъ въ тридорога. Безсовѣстность достигаетъ высшей степени. Не хотятъ продавать нѣкоторыхъ книгъ (Новый Завѣтъ). Гг. студенты желаютъ завести сношенія съ столичными книгопродавцами. Очень жаль, что въ извѣстіяхъ о петербургскихъ, московскихъ и другихъ воскресныхъ школахъ не сказано, какія книги употребляются въ этихъ школахъ. Для насъ въ настоящее время это крайне необходимо».

Въ этомъ фактѣ, что книгопродавцы изволятъ прижимать честныхъ дѣятелей на благо народа и добиваются нажить копѣйку за немногихъ книгахъ, спрашиваемыхъ для воскресныхъ школъ, полными чертами отливается характеръ нашей книжной торговли. И соблазнъ-то невеликъ, да нельзя, молъ, преминовать, нельзя не воспользоваться, — благо, случай такой подошелъ! Вотъ отъ этого-то торгашничества многіе изъ нашихъ книгопродавцевъ издаютъ столь ревностно всякія книжонки, дрянныя и по виду, а особенно по содержанію, книжонки, за которыя, при недостаткѣ лучшихъ, поневолѣ приходится браться. — Да; тутъ существенно важный вопросъ: что-же будетъ читать народъ, обученный въ воскресныхъ и другихъ школахъ? Книгъ-то, точно, нѣтъ для народнаго чтенія, а если и есть, то ихъ чрезвычайно мало и притомъ онѣ невыносимо-дороги для народа.—Говорятъ, что въ Петербургѣ учреждается общество литераторовъ и ученыхъ съ цѣлію: составлять популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія для народа. Составленіе такого общества именно и нужно для подобнаго дѣла. Мы отъ всей души будемъ рады, если это общество учредится и примется за дѣло, какъ надо.

По примѣру существующей уже въ Полтавѣ мужской воскресной школы, въ которой учатся теперь болѣе 150-ти учениковъ, скоро будетъ тамъ открыта женская воскресная школа; предполагается открыть и другую мужскую воскресную школу.

Въ концѣ августа основаны въ Костромѣ при уѣздномъ училищѣ воскресные классы. На первый разъ охотниковъ учиться явилось только 14-ть человѣкъ, почти все ремесленники токарнаго и малярнаго мастерства. Такое число учениковъ для губернскаго города, видимо, недостаточно, и жаль, что мы не имѣемъ свѣдѣній, отчего именно это зависѣло.

Въ Орлѣ, въ концѣ августа, открыты двѣ воскресныя школы. Въ первой школѣ безвозмездное обученіе ремесленниковъ грамотности, письму и счисленію приняли на себя ученики 7-го класса гимназіи, а во второй — ученики 6-го класса. Всѣхъ ремесленниковъ, заявившихъ желаніе учиться, состояло по 4-е сентября 108 чело-

ихъ; но изъ нихъ 4 сентября не явилось въ школу, по разнымъ причинамъ, до 20-ти человѣкъ. Въ чемъ состояли эти причины — неизвѣстно.

Съ 31-го іюля открыта воскресная школа въ с. Ивановѣ (Владимірской губерніи), при большой фабрикѣ почетнаго гражданина Я. П. Гарелина. Изъ 350-ти рабочихъ этой фабрики 87-мь уже поступили въ школу; между ними есть люди *очень пожилые*. Желаніе поднять нравственныя и умственныя силы рабочаго — вотъ причины,—какъ говоритъ г. Уводинъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 181),—которыми руководствовался въ открытіи воскресной школы г. Гарелинъ, близко видѣвшій невѣжество и отсутствіе человѣческаго достоинства въ рабочемъ классѣ. Замѣчательно, что эта истинно-добрая и разумная мысль г. Гарелина не встрѣтила, по словамъ г. Уводина, большаго сочувствія въ селѣ Ивановѣ. Многіе тамъ говорили, что *некстати* учить рабочихъ людей, что они будутъ заносчивы, потеряютъ *прежнюю* почтительность къ своимъ хозяевамъ и проч., а нѣкоторые даже не постыдились смѣяться надъ учрежденіемъ воскресной школы. И вообще, мысль открытія этой школы вызвала сильное сочувствіе только въ людяхъ съ ограниченными матеріальными средствами. Сдѣлаемъ здѣсь кстати коротенькое отступленіе и приведемъ изъ статьи, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Промышленности»: «Замѣтки о Костромской губерніи» два-три мѣста, указывающихъ на характеристическія черты отношеній фабрикантовъ нашихъ къ рабочимъ:

«Рабочій на фабрикѣ, получая жалованье хорошее, могъ бы жить прекрасно, но тутъ является нравственная причина, которую слѣдовало бы искоренить. Разгульная жизнь и пьянство—элементъ рабочаго. Фабриканты же, кажется, этого не только не искореняютъ, а какъ бы поддерживаютъ и обращаютъ въ свою пользу. Что дѣлать! Всегда пользуются слабостями человѣческими.»

«....Случилось намъ быть (въ гулящій день) въ дер. Новой Гальчихѣ (*), и вотъ какія сцены представились нашимъ глазамъ. При выѣздѣ отъ Вичуги, по лѣвую сторону, стоитъ рядъ богатыхъ, большихъ каменныхъ зданій, большею-частію двухъ-этажныхъ, съ мезонинами. Въ нихъ живутъ *богачи*, какъ называютъ крестьяне фабрикантовъ — Морокины, Мочаловы, Клементьевы, Миндовскіе.... По правую сторону улицы, фабричныя постройки и артельныя рабочихъ — нисколько уже негармонирующія въ отдѣлкѣ, удобствахъ и чистотѣ съ лѣвою стороною; но зато здѣсь жизнь веселая. Тутъ

(*) Кинешемскаго уѣзда, гдѣ преимущественно сосредоточилась хлопчато-бумажная мануфактурная промышленность Костромской губерніи.

слышна балалайка, здѣсь гармоника, а тамъ звонкій голосъ заливается въ разгульной пѣснѣ.... А вотъ идутъ человѣка три-четыре мастеровыхъ, братски обнявшись и взаимно помогая двигаться медленно впередъ; они также оглашаютъ воздухъ, но не звонкою пѣснею, а хриплою дисгармоніей...

«Если вы ѣдете верхомъ, или въ дрожкахъ, одни, безъ кучера, то не совѣтую вамъ заглядываться на эти картины, — вы рискуете наѣхать на человѣка, который растянулся какъ разъ поперегъ дороги, раскинувъ въ разныя стороны руки и уткнувшись лицомъ въ землю, на которой видна запекшаяся кровь. На немъ нѣтъ сапогъ, нѣтъ шапки, рубашка разорвана; въ субботу онъ получилъ жалованье, въ субботу обзавелся и шапкой и сапогами, а теперь то и другое поступило въ распоряженіе откупа. Безобразная картина!

«На нее не обращаетъ никто вниманія. Окна *богачей* открыты, но тамъ не заботятся, что происходитъ вокругъ....тамъ хорошо знаютъ, что этотъ несчастный, валяющійся на дорогѣ, завтра же явится работать; ему нужно выручить пропитое, купить опять шапку и сапоги, да женѣ послать что-нибудь; работа у него будетъ горѣть въ рукахъ......

«...Изъ жалованья, получаемаго фабричнымъ, смѣло можно сказать,—десятая только доля пойдетъ домой и на нужду, а все остальное въ откупъ. Фабрикантамъ нѣтъ дѣла до быта ихъ рабочихъ, или, скорѣе можно предполагать, что имъ выгоднѣе давать большой разгулъ жизни—приманку для фабричныхъ, которые всегда говорятъ: «хозяинъ хорошъ, жить важно, ему лишь работай, а тамъ, какъ хошь себѣ, да и деньги всегда ужь къ празднику выдаетъ.» А фабриканту нѣтъ прямаго матеріальнаго интереса исправлять жизнь фабричнаго, какъ нѣтъ интереса откупу стараться искоренять пьянство и развивать нравственную сторону народа.»

Авторъ упомянутой нами статьи оканчиваетъ ее описаніемъ житья-бытья крестьянъ того селенія, гдѣ красуются богатые дома *богачей*: незавидно это житье-бытье. Шагахъ въ двадцати отъ фабрикъ начинаются крестьянскія избы,—какъ всѣ русскія избы,—тѣсныя, грязныя. Треть каждой изъ нихъ занята печью, другая треть или, скорѣе, остальныя двѣ трети заняты ткацкимъ станомъ да столомъ, такъ что если бы столъ не убирался на полати, снимаясь оттуда только для обѣда, то въ избѣ оставалось бы не болѣе 1/7 свободнаго пространства. Крестьяне не знаютъ удобствъ: наступаетъ, напримѣръ, вечеръ,— ложатся спать, кто на печь, кто на лавку, остальные на полу. О постеляхъ и помину нѣтъ; много, если есть войлокъ, да подушка грязная и колючая, да свитка—вотъ ихъ постель. Тутъ ложатся мужъ съ женою, бабка съ внучатами, тутъ и невѣста-дочь, тутъ и про-

...ской мужикъ или фабричный... Съ ранняго утра всѣ уже за работой. Старуха бабка и внучекъ маленькій разматываютъ пряжу и готовятъ шпули, мать съ дочерью и прочіе взрослые ткутъ или готовятъ основы... Входитъ хозяинъ: онъ привезъ сѣдока изъ уѣзда или кладь; проѣзжалъ онъ мимо фабрикъ и видѣлъ тамъ веселую жизнь. Жена *собираетъ* ему обѣдать: мутная какая-то похлебка, хлѣбъ, лукъ толченый и политый квасомъ... Но хозяину не до обѣда, — задумавшись, прислушивается онъ къ веселымъ крикамъ и пѣснямъ на улицѣ. Встаетъ онъ, чтобы идти изъ избы. Жена, привыкшая угадывать намѣренія мужа, заливается слезами и упрашиваетъ его остаться дома, а онъ, махнувъ рукою, уходитъ... Откупъ кинешемскій, говоритъ авторъ статьи, не можетъ пожаловаться на убытки.

Трудятся *люди*, рукъ не покладывая, а спорины-то не выходитъ. Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ въ тѣхъ краяхъ развитіе фабричной промышленности!

Мы еще не кончили съ воскресными школами, и переходимъ опять къ нимъ, прося у читателей нашихъ извиненія за отступленіе.

Въ Харьковѣ давно уже студенты тамошняго университета хлопотали объ открытіи воскресныхъ школъ, но дѣло это почему-то затянулось. Только съ пріѣздомъ новаго попечителя г. Левшина открывается воскресная школа....

Какъ идутъ воскресныя школы въ Казани — мы не нашли еще никакихъ извѣстій.

Изъ Одессы тоже ничего не писали въ послѣднее время объ этомъ предметѣ, — кромѣ того, что, въ концѣ сентября, въ бывшемъ въ тамошней градской думѣ собраніи, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ относительно приходскихъ училищъ и воскресныхъ школъ, порѣшено: на нужды воскресныхъ школъ предоставить г. градскому головѣ выдавать изъ собранной для этой цѣли суммы завѣдывающимъ воскресными школами — по мѣрѣ надобности. — Воскресныя школы въ Новороссійскомъ краѣ довольно распространены: въ Кишиневѣ предположено было уже довольно давно открыть такую школу, но намъ что-то не попадалось извѣстій объ открытіи ея; въ Херсонѣ начальникъ губерніи и директоръ училищъ приняли на себя заботу учрежденія воскресной школы, для удовлетворенія, — какъ сказано въ «Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», — насущной потребности *крестьянъ* и мѣщанъ въ образованіи; въ этой школѣ преподавателями будутъ учителя гимназіи и училищъ, а также ученики старшихъ классовъ гимназіи; еще среди лѣта открыта воскресная школа при Керченскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ на первый разъ большинство изъявившихъ желаніе учиться грамотѣ составляли ремесленные ученики; существуетъ

тоже подобная школа при Симферопольской гимназіи, но дѣла этой школы,—по словамъ г. Лакуба (Одесскій Вѣстникъ, № 102)—идутъ очень дурно отъ недостатка учениковъ: только изрѣдка забѣгаютъ въ нее одинъ, два,—а много, много — пять мальчиковъ. Отчего-жь бы это такъ? Не знаемъ, какъ въ Симферополѣ, а въ другихъ мѣстностяхъ, судя по словамъ г. А. Л. Весскаго, ужь черезчуръ поторопились въ учрежденіи воскресныхъ школъ. Вотъ что говоритъ г. Весскій:

«Недолго продолжалась наша радость (объ учрежденіи школъ въ провинціи)—до перваго губернскаго города, въ которомъ была открыта воскресная школа. Здѣсь мы нашли учителей въ сборѣ; книжки для чтенія, матеріалы для писанія,—все готово; недостаетъ одного — учениковъ!—«Что же это у васъ сегодня не явились ученики?» спросили мы.—«И ни разу не являлись.»—«Такъ зачѣмъ же вы собираетесь?»—«Нельзя, отвѣчали: чтобы не сказало начальство, что за нами стало дѣло.»—«Зачѣмъ же вы открыли школу, когда въ ней не предвидѣлось надобности?...»

«Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, — продолжаетъ г. Весскій, — открываются воскресныя школы,—по крайней мѣрѣ, въ такихъ городахъ, гдѣ въ нихъ не чувствуется, не сознается надобности? Вѣдь если есть потребность, то нужно спѣшить удовлетворить ее, а если ея нѣтъ, то о чемъ же хлопотать? Городъ, гдѣ есть фабрика или заводъ, на которыхъ работаютъ малолѣтные, и гдѣ, кромѣ того, за ученье въ уѣздномъ училищѣ платятся деньги,—тамъ дѣйствительно школа необходима. Но вотъ, напримѣръ, уѣздный городъ: въ немъ все ученье безплатно, пришлаго народа нѣтъ ни души: дѣти, кромѣ шалостей, рѣшительно ничѣмъ не отвлекаются отъ училища и, въ добавокъ, въ воскресенье главный торгъ въ городѣ; казалось бы, зачѣмъ тутъ безплатная воскресная школа, когда въ нее, безъ малѣйшаго сомнѣнія, не заглянетъ никто? Нельзя-съ, намъ предложено озаботиться объ открытіи такой школы — мы и озаботились; хлопотъ было бездна и таки-открыли; а тамъ, пойдетъ кто или нѣтъ въ школу, это ужь не наше дѣло. Странный порядокъ вещей: хлопочутъ, просятъ, переписываются съ думой, и наконецъ открываютъ школу, — и все это съ полнымъ убѣжденіемъ, что все дѣло ни къ чему! А и сдѣлать этого нельзя: могутъ, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что смотритель училища лѣнивъ, небреженъ, учители ни къ чему неспособны и т. п.... Не странно ли все это? Не раціональнѣе ли было бы истребовать отъ смотрителей мѣстныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ потребностяхъ и войти въ соображенія объ удовлетвореніи этихъ потребностей?...»

Мы нарочно сдѣлали эту выписку подлинными словами г. Вес-

слово; чтобы не упрекнули насъ послѣ какъ-нибудь въ неискренности, мы [illegible] этихъ словъ, которыя, скажемъ откровенно, произвели на насъ самое непріятное впечатлѣніе.

Итакъ, изъ словъ г. Весскаго оказывается, что въ иныхъ городахъ воскресныя школы открываются не вслѣдствіе общественной потребности въ нихъ; но вслѣдствіе, съ одной стороны,—требованій начальства, а съ другой—усердія подчиненныхъ. Что излишняя ревность въ этомъ дѣлѣ проявлялась кое-гдѣ,—это можно предполагать до нѣкоторой степени, судя по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, воспрещающему принуждать мастеровъ къ непремѣнной посылкѣ учениковъ въ воскресную школу (*). Но мы никакъ не повѣримъ, что нельзя такъ неосмотрительно писать о дѣлѣ столь полезномъ и необходимомъ для народнаго образованія, о дѣлѣ, привившемся хорошо въ общественной почвѣ, какъ свидѣтельствуютъ многія достовѣрныя корреспонденціи о положеніи школъ. Мы постоянно видимъ, что мальчики, и даже взрослые ученики, чрезвычайно охотно посѣщаютъ воскресныя школы, — исключеніе только за одной симферопольской, гдѣ, по всей вѣроятности, это обстоятельство зависитъ не отъ того, что не нужна такъ школа, а отъ какой нибудь причины особенной и посторонней. Почему г. Весскій не называетъ того губернскаго города, гдѣ будто бы ученики не являлись вовсе въ школу съ самаго ея открытія? Мы откровенно высказываемъ сомнѣніе насчетъ этого факта, и требуемъ, чтобы г. Весскій сказалъ имя того города, гдѣ онъ замѣтилъ такъ рѣзко обнаружившуюся ненадобность воскресной школы; мы требуемъ этого потому, что хотимъ обсудить фактъ, а не одни слова г. Весскаго... Почему также не озаботился г. Весскій разузнать подробнѣе, по какимъ именно причинамъ не являются ученики въ единственную [illegible] воскресную школу, существующую не въ уѣздномъ городѣ, а въ одномъ изъ городовъ губернскихъ? Вообще, по словамъ г. Весскаго подумаешь, что у насъ открыто школъ и Богъ

(*) Циркуляръ этотъ состоялся вслѣдствіе донесенія одного начальника губерніи о томъ, что имъ сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ цеховые мастера непремѣнно каждое воскресенье посылали въ школу учениковъ чисто и прилично одѣтыхъ. Въ циркулярѣ говорится, что принужденіе это можетъ произвести неудовольствіе и недовѣріе къ школамъ, а мастера всегда найдутъ средства не исполнять требованія начальства подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ; и что участіе начальства въ дѣлѣ воскресныхъ школъ должно ограничиваться разъясненіемъ мастерамъ и родителямъ малолѣтныхъ значенія и пользы воскресной школы, представляющей то особенное удобство для рабочаго класса, что малолѣтные могутъ обучаться грамотѣ и элементарнымъ свѣдѣніямъ, не отвлекаясь отъ ежедневныхъ занятій.

[illegible] сколько, а между тѣмъ оказывается, что онѣ существуютъ всего только въ двадцати какихъ нибудь городахъ, и то по большей части губернскихъ, гдѣ даже не можетъ быть тѣхъ причинъ неудобности къ нимъ, на которыя указываетъ г. Весскій, выражаясь такъ: «не взять, напримѣръ, уѣздный городъ: въ немъ все ученіе безплатно, приходскаго народа нѣтъ ни души; дѣти, кромѣ [illegible], рѣшительно [illegible] не отлучаются отъ училища, и, въ добавокъ, въ воскресенье главный торгъ въ городѣ». Хотѣлось бы намъ знать, на какой это именно городъ, въ которомъ, должно быть, насильно добивалися завести воскресную школу, указываетъ г. Весскій. Мы думаемъ, что вообще [illegible] говорить объ уѣздныхъ городахъ внутреннихъ губерній, а въ нашихъ городахъ, какъ бы они ни были малы и ничтожны въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, всегда найдется нѣсколько ремесленниковъ-мастеровъ, у которыхъ есть для обученія мальчишки, — ну, пусть эти мальчишки даже противъ желанія и дуновенія — непремѣнные ученики воскресной школы; гдѣ только и могутъ они научиться грамотѣ; и повѣрьте: они скоро найдутъ ученье, потому что это ученье необязательное и приноситъ такое, которое передается безъ розогъ и тумаковъ; а кромѣ того, неужто на базарномъ торгу въ воскресенье такъ нужно присутствіе малолѣтнихъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ, чтобы и не было уже возможности замѣнить для нихъ это изученіе пріемовъ ремесленнаго торга изученіемъ грамотѣ въ воскресной школѣ? Да и съ какой это стати думаетъ г. Весскій, что смотрители уѣздныхъ училищъ лучше другихъ прочихъ разберутъ дѣйствительную потребность учрежденія воскресной школы въ какомъ нибудь городѣ? Не хорошо дѣлаетъ г. Весскій, что пишетъ такъ неосмотрительно, и сваливаетъ всю вину [illegible] воскресной школы или неудобность учрежденія ея, послѣдовавшаго вслѣдствіе будто бы какихъ-то постороннихъ вліяній. Нѣтъ, мы убѣждены въ совершенной необходимости воскресныхъ школъ во всѣхъ городахъ, большихъ и малыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ,—въ бѣдныхъ, пожалуй, эта необходимость и еще ощутительнѣе, потому что малолѣтныя дѣти бѣдныхъ мѣщанъ гораздо нужнѣе родителямъ для подмоги по домашнему дѣлу въ будни, чѣмъ въ воскресенье. Нѣтъ, мы лучше готовы сочувствовать усердію, нѣсколько круто не дозволяющему мастерамъ удерживать мальчиковъ отъ посѣщенія воскресной школы, куда они ходятъ *чрезвычайно охотно*, чѣмъ тому желчному осужденію нѣсколько излишней, можетъ быть, хлопотливости по воскреснымъ школамъ, которое, умничая невпопадъ, изъ-за мелкихъ и случайныхъ фактовъ, не хочетъ вглядѣться въ причины общія и постоянныя....

Народъ понимаетъ дѣло своего образованія, — немудрено: это образованіе до него касается. При обсужденіи дѣла о народномъ образованіи и вообще, не только что въ частности, доводилось намъ не одинъ разъ наталкиваться на мнѣнія самыя дикія; приведемъ, напримѣръ, мнѣніе г. Даля, который находилъ вовсе даже неудобнымъ учить народъ грамотѣ, — и что всего лучше — г. Даль такое мнѣніе свое построилъ на административныхъ соображеніяхъ: онъ, изволите ли видѣть, побоялся, что народъ, обученный грамотѣ, увлечется ябедничествомъ въ писаніи просьбъ противъ начальства! Мы знаемъ, что лучшимъ охранителемъ дѣла народнаго образованія можетъ быть только общественное мнѣніе, выраженное твердо и честно, — его-то приговора ждемъ мы и по дѣлу о воскресныхъ школахъ.

Здѣсь мы хотимъ указать на распоряженія, доказывающія заботливость объ улучшеніи нравственности содержащихся въ острогѣ арестантовъ. Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» извѣщаютъ, что позволено ввести въ тюремныхъ замкахъ Виленской губерніи между арестантами римско-католическаго исповѣданія чтеніе духовно-нравственныхъ и нравоучительныхъ книгъ. Заведена тоже школа въ Полтавскомъ острогѣ; въ ней обучается двѣнадцать мальчиковъ, дѣтей арестантовъ. Успѣхи въ этой школѣ, по словамъ г. Энгельгардта, сообщившаго извѣстіе объ этомъ въ «Московскія Вѣдомости» (№ 221), — весьма удовлетворительны, чтò надо приписать попеченію мѣстнаго губернскаго стряпчаго, который, для обученія этихъ несчастныхъ, посвящаетъ четыре часа въ недѣлю. Г. стряпчій учитъ дѣтей и закону Божію.»

Этотъ отдѣлъ нашего Обозрѣнія мы оканчиваемъ общимъ очеркомъ состоянія народнаго образованія въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и именно по отношенію къ стремленію народа учиться. Для этого мы воспользуемся прекрасными статьями: г. Дубенскаго «Объ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно женскихъ, во Владимірской губерніи» (*) и г. Смирнова «О народномъ образованіи въ Рязанской губерніи» (**), а также свѣдѣніями по этому предмету, помѣщенными въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

На полтора милліона населенія во Владимірской губерніи всего только 101 учебное заведеніе съ 6,119 учащимися. Цифра, конечно, очень незначительная, но у приходскаго духовенства и у частныхъ учителей много также обучается мальчиковъ, дѣтей купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, хотя между послѣдними потребность распростра-

(*) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
(**) «Московскія Вѣдомости», №№ 134 и 135 за 1860 г.

сенія грамотности замѣчается только въ казенныхъ, удѣльныхъ и оброчныхъ господскихъ селеніяхъ, — въ такихъ селеніяхъ теперь уже трудно найдти 20-ти лѣтняго парня, который не умѣлъ бы читать. Во Владимірской губерніи составился особый классъ грамотѣевъ изъ заштатныхъ церковно-служителей, бобылей, отставныхъ уволенныхъ солдатъ, грамотныхъ вдовъ и дѣвицъ; эти грамотѣи, расходясь по деревнямъ, набираютъ, съ согласія родителей, крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ для обученія грамотѣ. Впрочемъ, такіе доморощенные учителя не удовлетворяютъ требованіямъ даже простого народа. Для болѣе прочнаго обученія, оказались нужными постоянныя и правильно устроенныя училища; удовлетворяя желанію прихожанъ, церковно-служители открыли во многихъ приходахъ при своихъ домахъ постоянныя училища, въ которыхъ ежегодно набирается по нѣскольку крестьянскихъ мальчиковъ. Семинаристы, до опредѣленія на мѣсто, тоже не остаются безъ дѣла; во многихъ приходахъ приглашаютъ ихъ обучать крестьянскихъ дѣтей чтенію и письму. Даже взрослые, пожилые крестьяне, — мужики и бабы, — рады случаю поучиться. Часто крестьяне собираются у какого нибудь односельца-грамотѣя слушать чтеніе книгъ духовнаго содержанія и даже разсказы изъ исторіи гражданскихъ обществъ; любятъ они сходиться по праздникамъ у трезваго, умнаго, грамотнаго крестьянина — и тутъ составляются бесѣды, — особый видъ литературныхъ собраній. — Правительство оказываетъ помощь къ удовлетворенію этого народнаго требованія: по распоряженіямъ и указаніямъ его, умножаются въ городахъ и селахъ училища и увеличиваются средства послѣднихъ. . . . . .

. . . Способы женскаго образованія во Владимірской губерніи очень недостаточны: дѣвочки бѣднаго и частію средняго городскаго населенія получаютъ первоначальное обученіе вмѣстѣ съ мальчиками или въ пріютахъ, какъ во Владимірѣ, или въ приходскихъ школахъ, какъ въ Суздалѣ или Ковровѣ, а также въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ они есть; женскихъ общественныхъ учебныхъ заведеній только два — въ Александровѣ да недавно открытое въ Муромѣ. Городскія общества во Владимірской губерніи вообще не большимъ рвеніемъ отличились къ открытію женскихъ школъ: самыя богатыя изъ нихъ: Муромское, Шуйское, Вознесенскаго посада и Александровское, сдѣлали посильныя пожертвованія для учрежденія училищъ втораго разряда, не болѣе какъ на двадцать-тридцать ученицъ; Вязниковское пожертвовало единовременно 1,000 рублей, и Юрьевское 100 рублей; Владимірское и Киржачское ничего не пожертвовали, по крайней мѣрѣ предложили пособіе изъ общихъ городскихъ доходовъ, — первое до трехсотъ рублей, а второе до полутораста рублей въ годъ;

Судогодское, Переславское, Гороховецкое, Меленковское, Ковровское, Покровское и Гавриловское отказались отъ всякаго участія въ учрежденіи школъ, ссылаясь на бѣдность жителей, не имѣющихъ возможности сдѣлать пожертвованія, и на недостатокъ городскихъ доходовъ; наконецъ Суздальское отозвалось (не хуже Егорьевскаго Рязанской губерніи), что оно вовсе не имѣетъ нужды въ женскомъ образованіи.

А между тѣмъ женское образованіе въ среднемъ сословіи, по справедливому замѣчанію г. Дубенскаго, становится тѣмъ необходимѣе, что мужчины этого сословія (къ которому авторъ относитъ сельское духовенство, чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ) получаютъ хоти нѣкоторое научное образованіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а постоянно обращаясь въ обществѣ, заимствуютъ изъ него новыя понятія и требованія общественной жизни отъ лицъ болѣе ихъ образованныхъ; къ женщинамъ же, проживающимъ весь свой вѣкъ за стѣнами родимаго дома, и не приготовленнымъ къ дальнѣйшему умственному развитію, всякій успѣхъ, сдѣланный въ общественной жизни, переходитъ—и то не всегда и не вполнѣ—изъ вторыхъ уже рукъ, отъ ихъ мужей. Оттого женскій полъ средняго сословія медленно выходитъ изъ патріархальнаго своего быта, и еще медленнѣе входитъ въ жизнь общества образованнаго. Такое неравенство въ образованіи мужчинъ и женщинъ средняго сословія не можетъ не имѣть невыгоднаго вліянія на семейный бытъ и на супружеское счастіе: только при равенствѣ понятій возможно взаимное уваженіе и прочная привязанность.—Какъ видно, купцы, мѣщане и чиновники не понимаютъ того, какъ необходимо образованіе женщины въ ихъ классѣ, для ихъ же собственной пользы, для ихъ же счастія.

Въ Саратовской губерніи при 1.600,000 жителей—202 учебныхъ заведенія и 29,032 учащихся. Если взять отношеніе числа учащихся, то выводы получаются поразительные: на каждую тысячу приходится только семнадцать учащихся: значитъ, учащіеся составляютъ менѣе двухъ процентовъ! Но это еще не все! Оказывается, что на каждую тысячу приходится: у колонистовъ 171 учащійся, у татаръ 43, между удѣльными крестьянами 8, между государственными только 3, а о помѣщичьихъ и рѣчи нѣтъ; даже неизвѣстно, существуютъ ли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ какія либо училища. Замѣчательно: число учащихся между колонистами постоянно возрастаетъ, такъ же какъ и въ женскихъ училищахъ, а между государственными крестьянами, равно какъ и въ семинаріи, оно уменьшается.

Въ Калужской губерніи въ семидесяти трехъ учебныхъ заведеніяхъ было пять тысячъ двѣсти восемьдесятъ девять учениковъ и

шестьсотъ двадцать три ученицы. Число обучающихся мальчиковъ къ мужескому народонаселенію относится какъ 1: 91, а дѣвочекъ къ женскому, какъ 1: 820; въ дворянскомъ и чиновничьемъ сословіи отношеніе учащихся составляетъ 1: 12, въ духовномъ — 1: 9, между городскими обывателями 1: 40, а въ сельскомъ 1: 361.

Свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Рязанской губерніи у насъ будутъ полнѣе, чѣмъ предыдущія, благодаря статьѣ г. Смирнова, которую, по интересу предмета и изложенія, мы хотимъ прослѣдить довольно подробно.

Авторъ начинаетъ съ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства.— Ихъ въ Рязанской губерніи 8, съ 1,749 учениками. Число это значительно, но бѣдность средствъ, ассигнованныхъ на содержаніе духовныхъ училищъ, ставитъ ихъ въ положеніе, которое не можетъ не имѣть благопріятнаго вліянія и на состояніе учебной части. Наставники въ этихъ училищахъ получаютъ жалованье самое недостаточное: иные — 85 рублей въ годъ, а въ приготовительныхъ классахъ еще меньше; поэтому всѣ они домогаются занять мѣста священниковъ и занятіе должности наставника считаютъ уже дополнительнымъ. Исполненіе этой должности не сосредоточиваетъ на себѣ ихъ участія; а наставникъ-священникъ почти всегда ограничивается только повтореніемъ старшимъ. Прибавьте къ этому: огромное число учениковъ въ каждомъ классѣ, недопускающее возможности слѣдить за ихъ занятіями; нестерпимый холодъ по зимамъ въ классныхъ комнатахъ, нагрѣваемыхъ болѣе многолюдствомъ, чѣмъ дровами; учебныя руководства уже устарѣлыя и давно покинутыя прочими учебными заведеніями; господство риторики — все это, въ соединеніи съ нѣкоторыми обычаями, сильно властвующими въ духовныхъ школахъ, много вредитъ образованію молодаго поколѣнія. Для дѣвицъ духовнаго званія существуетъ въ Рязани (съ 1851 года) только одно учебное заведеніе, въ которомъ преимущественно воспитываются сироты. Оно могло бы принести несравненно большую пользу, чѣмъ теперь, если бы не ограничивалось такимъ малымъ числомъ дѣтей, воспитывающихся въ немъ: въ 1853 году въ немъ было 48 воспитанницъ, — а въ Рязанской губерніи считается 8,299 душъ женскаго пола духовнаго сословія. Тутъ особенно надо было бы взять въ разсчетъ, что женское образованіе въ семействахъ священниковъ ограничивается умѣньемъ читать, писать плохо, да заучиваніемъ молитвъ; объ умственномъ же развитіи заботятся очень мало. Недостатокъ женскаго воспитанія сильно отражается въ домашней жизни духовнаго сословія, особенно же замѣтенъ этотъ недостатокъ при сравненіи женскаго воспитанія съ мужескимъ образованіемъ того же сословія.

Въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія къ 1-му января 1860 года состояло: въ гимназіи 330 учениковъ; въ семи уѣздныхъ училищахъ 300 и двѣнадцати приходскихъ 761. Г. Смирновъ не съ похвалою отзывается о щедрости городскихъ обществъ въ отношеніи приходскихъ училищъ: только три изъ нихъ, Рязанское, Скопинское и Раненбургское, располагаютъ нѣсколько удовлетворительными средствами: изъ нихъ первое получаетъ отъ общества на свое содержаніе 575 рублей, второе — 524 руб. и третье — 470 рублей; прочія же училища получаютъ гораздо меньше; особенно же замѣчательно это относительно Зарайскаго, Егорьевскаго и Касимовскаго училищъ: въ Зарайскѣ отпускается 300 рублей, въ Егорьевскѣ 325 рублей, въ Касимовѣ 160 рублей. А надо замѣтить, что три послѣдніе города имѣютъ значительное народонаселеніе, въ Егорьевскѣ же и въ Касимовѣ много купцовъ весьма богатыхъ. На положеніи народнаго образованія въ Егорьевскѣ, самомъ богатомъ изъ городовъ Рязанской губерніи, г. Смирновъ довольно долго останавливается — и мы съ нимъ тоже остановимся.

Жителей въ Егорьевскѣ — 4,040 и къ нимъ надо еще присоединить болѣе 3,000 человѣкъ, работающихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ; и на это-то число постоянныхъ жителей — одно только приходское училище съ 37 учениками! На хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, въ числѣ рабочихъ, много дѣтей изъ небогатыхъ крестьянскихъ семействъ, и никто не заботится объ ихъ умственномъ образованіи, о развитіи въ нихъ нравственности, которая на глазахъ всѣхъ гибнетъ подъ вліяніемъ опасныхъ для дѣтства и молодости обычаевъ фабричной жизни! «Неужели», говоритъ г. Смирновъ: «обладатели этихъ огромныхъ фабрикъ, съ паровыми машинами, съ управляющими-англичанами, думаютъ, что хорошее училище для первоначальнаго образованія, съ присоединеніемъ къ его курсу наукъ, непосредственно относящихся къ торговой и промышленной дѣятельности, было бы излишнимъ и вреднымъ для успѣховъ фабричной дѣятельности, для нравственности и благосостоянія людей, работающихъ на ихъ фабрикахъ? Неужели простое человѣческое чувство желанія добра людямъ, для насъ полезнымъ и необходимымъ, никогда не напоминаетъ о нравственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ нимъ?» Г. Смирновъ серьезно думаетъ, что пониманіе нравственныхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ людямъ, а особенно къ тѣмъ, которые отъ насъ хоть сколько нибудь зависятъ — такая легкая вещь.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ училищъ самое лучшее — гимназія: это видно уже и по тому, что изъ числа оканчивающихъ курсъ учениковъ бóльшая часть поступаетъ въ университетъ. Изъ уѣзд-

ныхъ училищъ лишь немногія удовлетворительны; въ большей же части ихъ, при отсутствіи современнаго педагогическаго направленія, преобладаетъ стремленіе къ одной внѣшней исправности. Приходскія училища вообще плохи: тутъ нѣтъ раціональной методы, способствующей развитію дѣтскаго ума; а господствуетъ система долбленія.

Женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія — 4: перворазрядное въ Рязани, съ 63 ученицами, — оно содержится на счетъ суммъ, жертвуемыхъ г. Рюминымъ (3,250 р. ежегодно), и на деньги, вносимыя ученицами за ученье (отъ 25 до 30 р. серебромъ же); основанное княземъ Волконскимъ, въ Зарайскѣ, съ 44-мя ученицами; содержится оно на деньги, вносимыя за воспитаніе; Спасское второразрядное и Касимовское приходское (съ 73 ученицами), которыя содержатся на счетъ суммъ тамошнихъ городскихъ обществъ.

Пропуская пять учебно-воспитательныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (съ 250-ю учениками и ученицами), о которыхъ сказать почти нечего, — переходимъ къ сельскимъ школамъ, подвѣдомственнымъ министерству государственныхъ имуществъ.

Всѣхъ сельскихъ школъ — 71, въ томъ числѣ одно учебно-воспитательное сиротское училище; въ нихъ учащихся — 3,4[illegible] мужскаго пола и 292 женскаго. Изъ числа дѣвочекъ — 78 обучаются отдѣльно отъ мальчиковъ въ с. Верхнемъ Бѣлоомутѣ, Зарайскаго уѣзда; прочія же учатся вмѣстѣ съ мальчиками.

Кромѣ этихъ школъ, въ нѣкоторыхъ селахъ священники и дьяконы завели сами особыя частныя школы, изъ которыхъ иныя помѣщаются въ зданіяхъ, построенныхъ помѣщиками. Учащихся дѣтей помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей было 819 мужскаго пола и 84 женскаго.

Вообще всѣхъ училищъ въ Рязанской губерніи — 130 мужскихъ и 7 женскихъ; въ нихъ учащихся: 7,876 мужскаго пола и 704 женскаго пола (*). Отношеніе учащихся къ числу жителей по сословіямъ слѣдующее: въ духовномъ сословіи одинъ учащійся на 9.23, въ сословіи дворянъ потомственныхъ и личныхъ одинъ — на 13.58, въ сословіи купцовъ одинъ — на 46.33, въ сословіи мѣщанъ одинъ — на 73.64, въ сословіи крестьянъ: а) государственныхъ одинъ — на 111.93, и б) помѣщичьихъ одинъ — на 888.21.

Самая выгодная пропорція—въ духовномъ сословіи; тутъ без[illegible]-

(*) Всѣхъ жителей въ Рязанской губерніи — 1,337,933; мужскаго пола — 662,023 и женскаго — 675,910.

бочно можно полагать, что всѣ дѣти мужскаго пола учатся въ школахъ; въ отношеніи семействъ дворянскихъ этого нельзя уже предположить, а надо думать, что не всѣ дѣти этихъ семействъ получаютъ образованіе; у купцовъ, изъ числа дѣтей отъ 8 до 16 лѣтъ, не болѣе трети посѣщаютъ школы; еще слабѣе распространено образованіе между мѣщанами; у государственныхъ крестьянъ простая грамотность извѣстна немногимъ; у помѣщичьихъ—она составляетъ рѣдкое явленіе.

Входя въ подробности по этимъ заключеніямъ, г. Смирновъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о характерѣ образованія въ разныхъ сословіяхъ народонаселенія Рязанской губерніи:

Сынъ чиновника непремѣнно учится въ школѣ, но потому, что служба,—будущее назначеніе его,—требуетъ образованія, засвидѣтельствованнаго аттестатомъ какого нибудь учебнаго заведенія; это не потребность жизни, правильно развивающейся, а формальная необходимость, обязательное условіе служебнаго существованія. Для тѣхъ же лицъ семьи чиновника, которыя не имѣютъ назначенія быть чиновниками, потребности образованія почти вовсе не существуютъ.

Еще меньше чувствуется эта потребность въ сословіи такъ-называемыхъ *граждан*. Въ жизни и дѣятельности этихъ людей нѣтъ мѣста разумному ученью; для образованія ума и сердца недостаетъ времени; «да и надобности во всемъ этомъ не представляется», по мнѣнію многихъ. «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ г. Смирновъ,—столь дикія понятія могутъ существовать и высказываться среди довольства ничѣмъ не стѣсняемой жизни людей, занимающихся торговлею и промыслами? Бѣдному человѣку можетъ недоставать рабочихъ силъ для пріобрѣтенія куска хлѣба, и въ такомъ случаѣ онъ неизбѣжно долженъ обратиться къ извлеченію изъ своей семьи всѣхъ возможныхъ вспомогательныхъ средствъ, долженъ заставить работать десяти-лѣтняго сына; и необходимость, вслѣдствіе которой ребенокъ призывается къ труду, несвойственному его силамъ и лѣтамъ, можетъ обратиться въ неизмѣнную привычку. Какая же нужда заставляетъ купца держать дѣтей за прилавкомъ въ то время, когда они должны бы учиться дома или въ школѣ, пріобрѣтать познанія, необходимыя для каждаго человѣка, и приготовляться къ честной жизни и дѣятельности?» На вопросъ: «какая нужда заставляетъ купца держать дѣтей за прилавкомъ?»—мы, пожалуй, отвѣтимъ г. Смирнову: а та нужда, чтобы дѣти спозаранку пріучались къ главному правилу русской коммерціи «изворачиваться всяческими изворотами»... При такихъ понятіяхъ развѣ пойдетъ тутъ на умъ всякая другая наука?...

Все, что сказано о купцахъ, прилагается и къ мѣщанамъ, съ тою

лишь разницею, что здѣсь торговля и промыслы болѣе мелкіе и разнообразные: самымъ лучшимъ устройствомъ дѣтей въ мѣщанскомъ быту считается помѣщеніе ихъ къ купцу, родственнику или знакомому, за прилавокъ—до того возраста, когда онъ можетъ сдѣлаться прикащикомъ. Но мы, съ своей стороны, уже не столько обвиняемъ мѣщанъ въ уклоненіи отъ образованія: мѣщане бѣдны, подавлены нуждою, что побуждаетъ ихъ къ ничтожной жизни, которую они ведутъ, да притомъ тяготѣетъ надъ ними примѣръ купцовъ, отъ которыхъ они зависятъ во всей своей дѣятельности.

Грамотность крестьянъ, пріобрѣтенная ими въ школахъ, немного пользы принесла ихъ нравственному и умственному развитію; но причина этого заключается не въ самихъ крестьянахъ. «Обученіе грамотѣ», говоритъ г. Смирновъ: «не можетъ приносить положительнаго успѣха и имѣть существенной пользы тамъ, гдѣ это ученье представляетъ только одинъ механическій и притомъ тяжелый трудъ, не дающій уму и воображенію дѣтей ничего сколько-нибудь занимательнаго, что могло бы поддерживать въ нихъ напряженное вниманіе и любовь къ ученію и развивать ихъ умственныя и нравственныя силы. Въ душной атмосферѣ школы, въ грубыхъ пріемахъ наставника, въ его жосткой и холодной рѣчи, въ безсмысленномъ заучиваньи на память книжныхъ фразъ, немного можетъ быть интереснаго для мальчика, посаженнаго на школьную скамью для этой египетской работы.... Подобный характеръ ученья и его безполезность для крестьянъ зависятъ отъ тѣхъ педагогическихъ преданій и обычаевъ, подъ вліяніемъ которыхъ выросли и воспитывались сами наставники; болѣе же всего оттого, что эти наставники мало и небрежно занимаются исполненіемъ своей должности.»

Между мелкопомѣстными дворянами нѣкоторыхъ уѣздовъ, въ особенности Пронскаго, Рязанскаго, Скопинскаго, Ряжскаго, есть такіе бѣдняки, которые ничѣмъ не отличаются ни въ образѣ жизни, ни въ понятіяхъ, отъ самыхъ небогатыхъ крестьянъ; изъ этакихъ дворянъ многіе совсѣмъ безграмотны....

Таково положеніе народнаго образованія въ четырехъ губерніяхъ, изъ которыхъ двѣ промышленныя (Владимірская и Калужская) и двѣ земледѣльческія (Саратовская и Рязанская). Причины этого положенія, заключавшіяся въ совершенномъ отсутствіи понятій о значеніи и силѣ образованія въ общественной жизни, — вездѣ были одинаковы; одинаковыя же вездѣ выводы и послѣдствія: ни одна губернія, въ этомъ отношеніи, не можетъ похвалиться передъ другою,—и это до такой степени, что самыя цифры учащихся во взятыхъ нами губерніяхъ, — несмотря на различіе этихъ губерній

между собою въ экономическомъ отношеніи, — тоже одинаковы (*).

Выше мы обѣщали говорить о ремеслахъ и ремесленникахъ нашихъ; переходя къ этому предмету, мы скажемъ о немъ въ связи съ фабричной промышленностью, и начнемъ разсказъ нашъ съ правительственныхъ распоряжений.

Въ числѣ необходимыхъ реформъ, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ въ послѣднее время, предположено было также преобразованіе ремесленнаго и фабричнаго устава. Коммиссія, составленная въ Петербургѣ для пересмотра этихъ уставовъ, отправила за границу двухъ своихъ членовъ для изученія вопроса о ремесленникахъ. Другая коммиссія, собственно по устройству фабрикъ, окончила уже свои занятія. Есть и въ Москвѣ тоже коммиссія о фабрикахъ, подъ предсѣдательствомъ г. Шипова, о дѣйствіяхъ которой еще ничего не слышно. — Выше мы говорили нѣсколько о положеніи рабочихъ на фабрикахъ,—и говорили только въ нравственномъ отношеніи; матеріальное положеніе тоже неудовлетворительно. Извѣстно, что фабричные рабочіе не пользовались ничьимъ заступничествомъ: тутъ господствовалъ произволъ хозяевъ фабрикъ, допускавшій, между прочимъ, безъ всякаго разбора, малолѣтныхъ къ тяжкимъ работамъ, которыя преждевременно истощали ихъ незрѣлыя силы. Небрежность фабрикантовъ и машинистовъ въ этомъ отношеніи, основаніемъ которой была алчность къ наживѣ и равнодушіе къ положенію рабочихъ на ихъ фабрикахъ, бывала часто причиною того, что рабочіе подвергались сильнымъ тѣлеснымъ поврежденіямъ, что вводило этихъ несчастныхъ въ большія издержки на леченье и отъ чего теряли они рабочее время. Для прекращенія такихъ злоупотребленій, рѣшено, въ числѣ другихъ мѣръ, учредить особую должность инспектора фабрикъ, съ содержаніемъ въ 3 тысячи руб. сер. — Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ опубликованія этихъ мѣръ, а еще болѣе того, чтобы онѣ существенно могли подѣйствовать на улучшеніе рабочаго фабричнаго класса въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Относительно ремесленной промышленности и самихъ ремесленниковъ мы передадимъ здѣсь немного фактовъ, но такихъ, которые, по мнѣнію нашему, поразительно характеристичны.

Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» описанъ осмотръ существующаго въ Москвѣ, въ Городской части, одного сапожнаго заведенія, который произведенъ былъ коммиссіею, учрежденною

(*) Въ Саратовской губерніи хотя и значится около 30,000 учащихся, однако, изъ нихъ около 20,000 принадлежатъ къ тамошнимъ колонистамъ.

для осмотра всякихъ вообще ремесленныхъ заведеній. Вотъ что нашла эта коммиссія:

Въ десяти-аршинной, вышиною въ 4½ аршина, комнатѣ, грязной въ высшей степени, безъ зимнихъ рамъ и форточекъ, помѣщались на полу 30 работниковъ отъ *шести* мастеровъ, и въ томъ числѣ нѣсколько малолѣтнихъ учениковъ. Отъ тѣсноты, необыкновенно удушливаго воздуха и грязи на полу, такой грязи, что досчатый полъ трудно различить отъ землянаго, *всѣ* ученики заражены чесоткою. Работники и ученики работаютъ и спятъ въ той же комнатѣ на полатяхъ, прикрѣпленныхъ къ потолку, а иные на полу, подостлавъ подъ себя грязную рогожу. — Одинъ мастеръ—хозяинъ квартиры, а прочіе пятеро «снимаютъ» у него «углы» и платятъ ему за себя и каждаго изъ своихъ работниковъ по 7 р. сер. съ человѣка въ годъ.

О причинѣ безпорядковъ *хозяинъ* объяснилъ, что онъ ни въ чемъ невиноватъ, а виновата тѣснота квартиры, которую, по бѣдности своей, онъ принужденъ отдавать въ наемъ другимъ мастерамъ; а эти, съ своей стороны, сказали: что они занимаются сапожнымъ мастерствомъ только временно, именно весною и осенью (вѣроятно, и зимою тоже?), остальное же время года проводятъ въ деревнѣ въ земледѣческихъ работахъ; что, по причинѣ временнаго занятія мастерствомъ, ничтожнаго количества заказовъ, ограниченности заработной платы, собственной бѣдности и дороговизны содержанія въ столицѣ, — занимать отдѣльныя квартиры для нихъ совершенно невозможно; и что, наконецъ, сапожное мастерство есть единственное средство къ прокормленію ихъ во время прекращенія земледѣльческихъ работъ.

Ремесленная управа, въ заключеніи своемъ по этому дѣлу, сказала сначала, что вообще между нѣкоторыми ремесленниками, преимущественно занимающимися сапожнымъ, башмачнымъ и голичнымъ мастерствами, существуетъ обычай снимать квартиры для отдачи ихъ производящимъ тѣ же мастерства бѣднымъ ремесленникамъ, большею частію временно приходящимъ въ Москву, съ работниками и учениками, и нанимающимъ, по недостаточности, углы и нары,—а затѣмъ опредѣлила: объявить симъ мастерамъ съ подпискою, что, по статьямъ 122 и 120 Ремесленнаго Устава, хозяева-мастера обязаны содержать учениковъ исправно и имѣть отдѣльныя хозяйства,—объявивъ притомъ, что, въ случаѣ неисполненія, они подвергнутся всей строгости взысканія по 240 и 241 статьямъ того же Устава, въ силу которыхъ ученики отъ неисправныхъ мастеровъ отбираются и отдаются другимъ. Что же касается до мастера-владѣльца квартиры, то такъ-какъ по справкамъ оказалось,

что учениковъ онъ не имѣетъ, жалобъ же на него до сихъ поръ, какъ по ремеслу, такъ и по заведенію, не поступало, то управа и обязала его только подпискою, дабы онъ наблюдалъ въ мастерской чистоту и опрятность, — за исполненіемъ чего и поручено имѣть наблюденіе старшинѣ цеха.

Мы нарочно изложили съ нѣкоторою подробностью этотъ случай, раскрывающій въ такихъ яркихъ чертахъ положеніе нѣкоторыхъ ремесленниковъ въ Москвѣ, и сдѣлали мы это не потому, чтобы указать на распоряженіе ремесленной управы, а потому, что отъ всей души желаемъ, чтобы общественное мнѣніе вникло, какъ слѣдуетъ, въ положеніе, въ которомъ находятся у многихъ ремесленниковъ-мастеровъ дѣти, обучающіяся ремесламъ.

Правда, помочь въ этомъ дѣлѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не такъ-то легко: какъ, напримѣръ, устранить совершенную ничтожность заказовъ, ограниченность заработной платы, дороговизну содержанія въ столицѣ, — чѣмъ объясняли сапожники мастера, при осмотрѣ ихъ заведеній, бѣдность свою, а чрезъ то и жалкое положеніе своихъ работниковъ и учениковъ? какъ устранить всѣ такія, совокупно и неудержимо дѣйствующія, причины, изъ которыхъ и одной достаточно, чтобы ремесленная промышленность находилась въ застоѣ? А главное: какъ прекратить эти періодическія переселенія мастеровъ, бѣдныхъ всякими средствами и даже искуствомъ, изъ деревень и мелкихъ городковъ въ столицы и большіе города, гдѣ они и сами перебиваются изо дня въ день и горькой нуждѣ подвергаютъ людей, обучающихся у нихъ ремесламъ? Не потянулись бы эти люди въ столицы, на неоплатный трудъ, на вѣрную нужду, еслибъ могли, безъ помѣхи и сколько нибудь прибыльно, заниматься на мѣстѣ своимъ ремесломъ: — значитъ, вся бѣда тутъ заключается въ томъ, что сельская ремесленная промышленность не существуетъ... Такое положеніе не можетъ быть терпимо, а особенно — не должно быть поддерживаемо черезъ отдачу учениковъ для обученія ремеслу такимъ мастерамъ, каковы указанные нами при описаніи осмотра одного изъ московскихъ сапожныхъ заведеній.

Вообще, истинно жаль, что нисколько не изученъ такой важный предметъ, какъ ремесленная промышленность въ столицахъ. Изученіе его повело бы не къ одному только прекращенію дурнаго обращенія мастеровъ съ учениками, но оно указало бы какъ на тѣ общія черты народнаго быта, которыми обусловливается дурное положеніе ремесленной промышленности, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, какими средствами помочь въ этомъ дѣлѣ.

Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, именно въ Калугѣ, на-

чальникъ губерніи обратилъ особенное вниманіе на ремесленную промышленность, которая видимо тамъ падаетъ. «Мы не можемъ, за недостаткомъ фактовъ», говорится въ «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «съ точностію указать, когда именно наши ремесла были болѣе въ цвѣтущемъ положеніи; но всякому извѣстно, что въ прежнее время ремесленники наши наживали порядочные дома, которые стоятъ и до сихъ поръ». Причина этого упадка, по мнѣнію «Вѣдомостей», состоитъ въ недобросовѣстномъ выполненіи заказовъ; и въ самомъ дѣлѣ, на это обстоятельство слышатся постоянныя жалобы. Начальникъ губерніи лично осмотрѣлъ ремесленную управу и вслѣдъ затѣмъ былъ въ нѣсколькихъ ремесленныхъ заведеніяхъ для изслѣдованія въ самомъ корнѣ настоящихъ причинъ упадка ремесленной промышленности. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что открылось по этому осмотру и изслѣдованію,—и «Губернскія Вѣдомости» только извѣщаютъ, что начальникъ губерніи призналъ полезнымъ учредить особую коммиссію, которой вмѣнено въ обязанность обратить вниманіе на тѣ условія, среди которыхъ образуется нашъ ремесленникъ, а именно: на помѣщеніе и устройство мастерскихъ, на одежду и пищу учениковъ, на способъ самаго производства и на то, побуждаетъ ли мастеръ своихъ учениковъ къ труду и дѣйствительному изученію мастерства. «По внимательномъ изслѣдованіи всѣхъ этихъ условій», сказано въ «Калужскихъ Вѣдомостяхъ»: «представится возможность, согласно съ средствами и состоятельностію нашихъ ремесленниковъ, опредѣлить ту крайнюю норму содержанія и устройства мастерскихъ, ниже которой положеніе ихъ не можетъ быть терпимо». Мы увѣрены, что при добросовѣстномъ исполненіи коммиссіею этой задачи, которая указана ей просвѣщенною мыслію тамошняго начальника губерніи, много будетъ достигнуто улучшеніе быта ремесленнаго сословія; но, впрочемъ, мы желали бы, чтобы программа коммиссіи была составлена нѣсколько шире и принаровляла бы изученіе тѣхъ условій, среди которыхъ образуется нашъ ремесленникъ, къ изученію всего быта ремесленнаго и причинъ, обусловливающихъ положеніе его въ настоящую минуту. Мы желали бы, чтобы тутъ было обращено полное вниманіе на слѣдующіе предметы этого быта: на измѣненіе числа ремесленниковъ-мастеровъ за нѣсколько лѣтъ сряду, на условія, при которыхъ ремесленники заводятъ мастерскія и при которыхъ ведутъ дѣла свои вначалѣ своего *хозяйства*, на количество заказовъ, имъ дѣлаемыхъ, на заработную плату, на рабочіе часы, на обычаи, существующіе въ этомъ быту, особенно по найму и содержанію работниковъ, на отношенія ремесленниковъ-мастеровъ къ прочимъ отраслямъ народной промышленности, на конкур-

ренцію мастеровъ между собою и наконецъ — на тѣ условія, на которыхъ отдаются къ мастерамъ мальчики для обученія ремесламъ. (Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что отъ этихъ-то условій не мало зависитъ горемычное положеніе мальчиковъ-учениковъ въ ремесленныхъ мастерскихъ.)

Кстати о Калужской губерніи.

Изъ «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» не одинъ разъ можно увидать, съ какою заботливостью устремлено вниманіе тамошняго губернскаго начальства на разные предметы мѣстнаго управленія, какъ напримѣръ, на предметы хозяйства и управленія калужскихъ городовъ. Въ мѣстной же газетѣ мы нашли одно распоряженіе, которое особенно интересно, такъ какъ оно указываетъ на разумное желаніе изучать бытъ и нужды сельскаго народонаселенія, — мы говоримъ о распоряженіи относительно нищенства Калужской губерніи.

Калужское губернское начальство обратило строгое вниманіе на нищенство и сочло нужнымъ принять *особенныя* мѣры.

Прежде всего оно начало собирать черезъ мѣстныя полиціи свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Лѣтомъ нынѣшняго года земскія полиціи прислали донесенія, но городскія, кажется, еще и теперь продолжаютъ собирать свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ намъ что-то не попадалось извѣстій о томъ, что донесли о нищенствѣ градскія полиціи.

Изъ донесеній земскихъ полицій открываются слѣдующіе факты (*):

1) Нищенство, какъ *привычный* промыселъ, существуетъ въ уѣздахъ: Жиздринскомъ, гдѣ преимущественно занимаются имъ въ большихъ размѣрахъ крестьяне разныхъ селеній казеннаго вѣдомства, — да въ Медынскомъ и Боровскомъ; впрочемъ, въ послѣдній уѣздъ такого рода нищіе заходятъ изъ смежнаго Верейскаго уѣзда.

2) Нищенство, *вслѣдствіе бѣдности*, между крестьянами казенными замѣчается наиболѣе въ Жиздринскомъ, Перемышльскомъ и Лихвинскомъ уѣздахъ, а между помѣщичьими — въ Медынскомъ уѣздѣ.

Впрочемъ, такихъ выводовъ о видахъ нищенства въ губерніи «Калужскія Губернскія Вѣдомости» не признаютъ окончательными, по-

(*) Мы хотимъ говорить объ этомъ предметѣ и потому также, что недавно о немъ была напечатана въ нашемъ журналѣ большая статья г. Курбановскаго. Думаемъ, что для читателей нашихъ любопытно будетъ сличить выводы мѣстнаго оффиціальнаго изслѣдованія съ выводами г. Курбановскаго.

тому что «нѣтъ еще свѣдѣній о нищихъ по городамъ, и потому что настоящія донесенія земскихъ полицій о нищенствѣ въ уѣздахъ, по новизнѣ вопроса, не могутъ быть полными и требуютъ дальнѣйшей повѣрки и разработки.»

Но эти свѣдѣнія,—какъ позволяемъ мы себѣ думать,—не только нельзя признать окончательными, — они кажутся намъ даже нѣсколько невѣрными: такъ, напримѣръ, нищенство въ Жиздринскомъ уѣздѣ представляется въ полицейскихъ свѣдѣніяхъ сначала — какъ привычный промыселъ, а потомъ, — зависящимъ отъ бѣдности. Это противорѣчіе бросается въ глаза. — Вообще мы думаемъ, что одной полиціи чрезвычайно трудно собрать точныя и совершенно вѣрныя свѣдѣнія о нищенствѣ: собирая ихъ, надо относиться къ нѣкоторымъ явленіямъ народной жизни не совсѣмъ такъ, какъ можетъ относиться къ нимъ полиція, — ибо ей естественно видѣть въ нищенствѣ только промыслъ, нарушающій уставы благочинія, а при такомъ взглядѣ, существенныя стороны нищенства, то есть причины его, необходимо должны ускользнуть изъ виду.... По всей вѣроятности, люди, не облеченные полицейскимъ званіемъ, и не стѣсняемые разнообразными полицейскими обязанностями, съ бо̀льшею точностью могли бы исполнить весьма трудное порученіе — собрать свѣдѣнія о нищенствѣ. — Нельзя не пожалѣть тоже, что въ статьѣ «Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» нѣтъ о нищенствѣ никакихъ числовыхъ показаній, а равно и другихъ характеристическихъ подробностей.

Но перейдемъ къ распоряженію Калужскаго губернскаго правленія, сдѣланному имъ по полученіи вышеупомянутыхъ полицейскихъ свѣдѣній.

«Соображаясь», говорятъ Губернскія Вѣдомости: «съ одной стороны, съ важностью дѣла для мѣстнаго управленія, а съ другой — имѣя въ виду, что на дѣло это не было обращено должнаго серьезнаго вниманія, губернское правленіе признало необходимымъ теперь же приступить къ распоряженіямъ, которыя обусловливались бы какъ собранными уже данными, такъ и установленными на этотъ предметъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ правилами.

«Въ этихъ видахъ, на основаніи Свода Законовъ IX тома, статей: 1103, 1104, 1105 и 1109, тома XIV, статей: 254, 262, 270 и тома XV, кн. 1-й, статей: 1273 и 1278, и принимая во вниманіе, что указанныхъ въ статьѣ 270-й тома XIV средствъ для разбора и призрѣнія забираемыхъ полиціею нищихъ, не только въ уѣздныхъ городахъ, но и въ губернскомъ, еще не устроено,—губернское правленіе опредѣлило: земскимъ полиціямъ подтвердить о точномъ и непремѣнномъ исполненіи установленныхъ правилъ о недопущеніи ни-

щенства, и вмѣнить имъ въ обязанность, впередъ, до устройства надлежащихъ способовъ, производить разборъ нищихъ при становыхъ квартирахъ и земскихъ судахъ; подлежащее начальство тѣхъ мѣстъ, гдѣ нищенство открыто, пригласить употребить съ своей стороны зависящіе и предписываемые закономъ способы о недопущеніи его. — За послѣдствіемъ этихъ распоряженій губернское начальство предоставило себѣ имѣть постоянное и внимательное наблюденіе, для дальнѣйшаго развитія и направленія ихъ.»

Распоряженіе это даетъ много занятій городской, а особенно земской полиціи и, вѣроятно, при постоянномъ наблюденіи губернскаго начальства, вся вообще полиція будетъ дѣйствовать усердно.... Однако, и самый разборъ нищихъ, то есть раскрытіе того, кто изъ нихъ *промышляетъ* нищенствомъ, а кто вынуждается крайней бѣдностью къ бродяжничеству по міру и къ испрашиванію милостыни—дѣло нелегкое....

Вообще, главное достоинство приведеннаго нами распоряженія калужскаго губернскаго начальства относительно нищенства заключается въ томъ именно, что изъ него видно уже нѣкоторое пониманіе нуждъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе — вникнуть, по поводу одного печальнаго явленія, въ условія народнаго быта...

Мы должны говорить теперь о весьма печальныхъ событіяхъ, которыми ознаменовалось все лѣто и часть осени текущаго года: пожары, и бо́льшею частію отъ поджоговъ, опустошили многіе города и селенія. Съ пожарами давно знакома Россія; пожары почти каждое лѣто сильно опустошаютъ ее, но въ прежнее время какъ-то и о пожарахъ рѣдко разсказывали хоть сколько нибудь подробно, — напечатаютъ, бывало, въ газетахъ: «нашъ городъ подвергся страшному бѣдствію, сгорѣло столько-то домовъ, убытку понесено на столько-то» — и дѣлу конецъ; о томъ же, что нѣкоторые пожары произошли отъ явныхъ поджоговъ, а особенно о томъ, что пожарная команда, со всѣми своими инструментами, оказалась плоха, — и намекомъ даже не говорилось; нынѣ стали разсказывать о пожарахъ иначе. Во-первыхъ, никогда уже не скрываютъ причину, отчего произошелъ пожаръ; во-вторыхъ, передаютъ иногда во всеобщее свѣдѣніе о дѣйствіяхъ пожарной команды и полицейскаго начальства, а наконецъ описываютъ даже и то, что́ дѣлало при этомъ народонаселеніе. Послѣднее мы считаемъ особенно-важнымъ: тутъ выражается чувство народа при одномъ изъ самыхъ грозныхъ и бѣдственныхъ явленій. — Изъ того, что разсказано о бывшихъ въ нынѣшнемъ году пожарахъ, мы постараемся передать здѣсь наиболѣе характеристическія черты.

Чуть ли не прежде другихъ городовъ стала горѣть нынѣшнимъ

лѣтомъ Астрахань; но, къ счастью, въ нѣсколько пожаровъ, сгорѣло тамъ немного домовъ. При одномъ такомъ случаѣ пожарныя трубы пріѣхали черезъ 17 минутъ послѣ начала пожара. Пожарные инструменты оказались такъ плохи, что на щитахъ лопнули ремни въ то самое время, когда ихъ стали натягивать на крыши домовъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что лишь за четыре дня до пожара, астраханской пожарной командѣ произведенъ былъ *смотръ* (*).

Въ теченіе майской трети, въ Казанской губерніи было 111 пожаровъ; изъ нихъ 7 въ самой Казани, а 6 въ уѣздныхъ городахъ: Чистополѣ (два), Лаишевѣ, Спасскѣ, Тетюшахъ и Чебоксарахъ. Во всѣхъ этихъ городахъ, исключая Казани, сгорѣло немного, всего 22 дома; зато Казань пострадала значительно, особенно бѣдныя, тѣсно застроенныя части города: такъ, въ три пожара,—2, 3 и 7 августа, — огонь истребилъ всего 203 дома. Большинство погорѣвшихъ принадлежитъ къ татарскому населенію. Татары въ Казани живутъ чрезвычайно тѣсно; иногда татарскій дворъ заключаетъ въ себѣ до трехъ или четырехъ домовъ, принадлежащихъ разнымъ семействамъ, потому что каждый татаринъ, владѣлецъ двора, имѣетъ обычай, рублей за десять, давать право двумъ–тремъ своимъ единовѣрцамъ поставить себѣ домъ на его дворѣ; нерѣдко эти поселенцы обносятъ свои лачуги особыми дворами, и такимъ образомъ въ татарскихъ слободахъ всегда страшная тѣснота. — 98 пожаровъ произошли въ селахъ и деревняхъ Казанской губерніи; число сгорѣвшихъ домовъ простирается до 4,265, и убытокъ, причиненный огнемъ, оцѣненъ слишкомъ въ 121,000 р. с. При этомъ сгорѣли 11 человѣкъ. Заподозрѣно въ поджогахъ 12 человѣкъ (**).

Въ Саратовѣ тоже было нѣсколько пожаровъ; пять такихъ случаевъ произошло, между прочимъ, съ 1 по 11 августа. Въ одинъ изъ пожаровъ выгорѣлъ цѣлый кварталъ. Старшій полиціймейстеръ оказывалъ тутъ отличную дѣятельность; онъ всегда являлся тамъ, гдѣ болѣе опасности. Къ сожалѣнію, помощниковъ, добросовѣстныхъ исполнителей, у него очень мало. Трубы оказались плохи, — одна изъ нихъ пропускала течь во всю длину рукава,—да онѣ какъ-будто и въ недостаточномъ количествѣ: г. Грачовъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», говоритъ, что на протяженіи какихъ-нибудь двухсотъ саженъ ихъ такъ мало, что трудно отыскать въ случаѣ чрезвычайной надобности. Пожарные солдаты доставляли воду медленно и небрежно: проходя театральной площадью, г. Грачовъ

(*) «Московскія Вѣдомости», № 164.
(**) «Московскія Вѣдомости», №№ 179 и 224.

видѣлъ пять-шесть пожарныхъ трубъ, стоявшихъ у бассейна, между тѣмъ, какъ бывшіе тутъ пожарные чины, не торопясь, ѣли-себѣ хлѣбъ да запивали водою; о собственномъ существованіи они, какъ видно, не забывали.

Въ Оренбургѣ пожаръ, случившійся 21 іюля, истребилъ 145 дворовъ, а считая на каждомъ дворѣ по два, а на нѣкоторыхъ и по три дома, г. А. Ж., корреспондентъ «Московскаго Вѣстника», полагаетъ, что тутъ сгорѣло слишкомъ 300 домовъ. Да кромѣ того, другой пожаръ уничтожилъ 200 домовъ въ предмѣстьѣ Оренбурга. Г. А. Ж. разсказываетъ, что при пожарѣ 21 іюля Оренбургъ подвергался еще опасности взлетѣть на воздухъ. Вотъ въ чемъ дѣло: городъ этотъ, съ 15-тысячнымъ населеніемъ, выстроенъ на одной квадратной верстѣ и состоитъ бо̀льшею частію изъ деревянныхъ домовъ, имѣющихъ кухни, сѣновалы и каретники подъ одною крышею, и нерѣдко выстроенныхъ одинъ отъ другаго въ разстояніи аршина; онъ окруженъ высокимъ землянымъ валомъ, и четверо воротъ затрудняютъ до крайности въѣздъ и выѣздъ. Въ самомъ городѣ, около крѣпостнаго вала, находятся три пороховые погреба (*), заключающіе въ себѣ каждый до 1,000 пудовъ пороху, и, кромѣ того, готовые артиллерійскіе снаряды. (Надо еще прибавить къ этому, что въ батальйонномъ погребѣ стропила, двери и окна деревянныя.) Въ упоминаемый нами пожаръ, пламя, усиливаясь все болѣе и болѣе по направленію къ валу, охватило строенія, находящіяся вблизи пороховаго выхода, отчего положеніе пороховаго погреба, выстроеннаго на берегу Урала, сдѣлалось крайне опаснымъ, а — какъ на грѣхъ — около него не было ни одной пожарной трубы, ни одной бочки. Тщетно офицеры, посланные для охраненія погреба, умоляли полицію выдать имъ кошмы (войлоки) для покрытія крыши, которая уже стала накаляться: полиція отвѣчала, что кошемъ у нея нѣтъ,—и наконецъ только энергическими дѣйствіями нѣсколькихъ лицъ были вытащены темнозеленыя и сѣрыя сукна изъ батальйоннаго цейхгауса и прибыла купеческая труба, съ помощью которой и стали поливать крышу и стѣны погреба. Пожарная команда, по словамъ г. А. Ж., оказалась крайне-несостоятельною: на пространствѣ цѣлой горѣвшей улицы видно было не болѣе одной пожарной трубы; по неимѣнію багровъ и топоровъ, къ ломкѣ крышъ даже и не приступали. Къ тому

(*) Оренбургъ — крѣпость, хотя и трудно, какъ говоритъ г. А. Ж.,—понять значеніе этого города въ смыслѣ крѣпости, ибо по направленію къ Сыръ-Дарьѣ, слишкомъ за 1,400 верстъ, у насъ выстроены укрѣпленія и форты для защиты отъ киргизовъ...

же еще люди обоихъ линейныхъ и одного казачьяго батальйоновъ были отпущены на вольныя работы и рѣшительно некому было взяться, чтобы, при помощи рукъ, растащить ближайшія деревянныя строенія и такимъ образомъ пресѣчь дорогу пламени. И вотъ чтò ужасно: толпы народа собрались смотрѣть на пожаръ, но никто не хотѣлъ принять участія,—«лѣнивое мѣщанство и тупое или, лучше сказать, пьяное купечество, по словамъ г. А. Ж., смотрѣло на эту картину, разводя руками». На такое же равнодушіе при бѣдствіи придется намъ указать и еще одинъ разъ...

Въ августѣ горѣлъ Тамбовъ неоднократно. Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» разсказываетъ, что въ этомъ городѣ многіе жители оставили дома и выѣхали съ своимъ имуществомъ на берегъ рѣки, на площади и за всѣ заставы. «Всю эту тревогу», говоритъ корреспондентъ: «всѣ эти странныя переселенія, скитанье по площадямъ со своимъ имуществомъ, произвели страшные пожары, приписываемые будто бы умышленнымъ поджогамъ. Какъ водится, въ этихъ случаяхъ народъ толкуетъ о подбрасываемыхъ запискахъ, что тамъ-то будетъ горѣть.... На защиту пожарной команды не всѣ разсчитываютъ и оттого-то бѣгутъ изъ домовъ. Теперь вообще слышишь о пожарахъ, напоминающихъ тридцатые годы. Неужели это, въ самомъ дѣлѣ, *красный пѣтухъ?* Неужели его нельзя никакъ поймать и подкараулить? Мудреный этотъ *красный пѣтухъ!*... Дѣйствительно, трудно объяснить такое количество несчастныхъ случаевъ отъ огня....»

Съ 19 августа начались пожары въ Одоевѣ; ихъ было уже десять, и истреблено ими 28 лавокъ и 37 домовъ. Нѣкоторые изъ пожаровъ,—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», г. Мартыновъ («Моск. Вѣд.», № 225),—произошли отъ неосторожности, а другіе отъ злонамѣренности. Весь Одоевъ находится теперь въ ужасѣ и отчаяніи. Каждый изъ жителей, уложивъ свое имущество, ожидаетъ съ минуты на минуту зловѣщаго набата и во всю ночь сторожитъ свой домъ и огородъ.... Пожарные инструменты въ Одоевѣ—въ неудовлетворительномъ видѣ,—иначе и быть не можетъ, такъ какъ на ремонтированіе ихъ отпускается ежегодно только 60 р. сер. Теперь одоевское городское общество, напуганное пожарами, хочетъ сдѣлать добровольный сборъ на пріобрѣтеніе хорошихъ лошадей, инструментовъ и даже водокачальной машины съ рукавами; а какъ въ самомъ городѣ нѣтъ воды и достаютъ ее изъ р. Упы, подъемъ отъ которой чрезвычайно крутъ и неудобенъ, то жители желаютъ еще вырыть два пруда внутри города....

Поджоги особенно ясно выразились въ Нѣжинѣ; изъ письма въ

редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 111) видно, что этотъ городъ цѣлыхъ два мѣсяца страдалъ отъ пожаровъ: съ 10-го іюля по 13-е сентября было *двадцать три* пожара и почти столько же поджоговъ! Многіе жители попрятали свое имущество въ кладовыя, въ погреба, сложили его на огородахъ, подальше отъ строеній; каждый оберегается днемъ и ночью, съ улицы, садовъ и огородовъ, но пожары не прекращаются... «Три дня» разсказываетъ нѣжинскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «съ 10-го по 12-е сентября, по распоряженію губернскаго правленія, городъ былъ оцѣпленъ. Для сего, изъ уѣзда наряжено было двѣ тысячи человѣкъ. Въ продолженіе трехъ дней, были произведены обыски въ сараяхъ, погребахъ, клетяхъ, въ пустыхъ и даже необитаемыхъ домахъ: искали поджигателей, не зная, кто они, не зная даже примѣтъ ихъ. Вчера, въ полдень, былъ пожаръ на одной улицѣ, на которой только-что обыскивали, а ночью въ 10-ть часовъ загорѣлись анбары во дворѣ аптекаря. За нѣсколько дней до этого пожара носился слухъ, что 12-го числа будетъ подожжена аптека; несмотря на то, что никто изъ сосѣдей еще не спалъ, и что на улицѣ было много караульныхъ, анбары загорѣлись, и только съ чрезвычайными усиліями успѣли отстоять домъ. На этомъ пожарѣ схваченъ полиціею человѣкъ, сильно подозрѣваемый въ поджогѣ: это — крѣпостной человѣкъ бывшаго нѣжинскаго городничаго.» Дальше корреспондентъ разсказываетъ, что нѣжинская пожарная команда дѣйствуетъ превосходно и жители оказываютъ ей дружное содѣйствіе.

Не такъ было въ Зарайскѣ, о несчастьѣ котораго приходится намъ теперь разсказывать.

10-го сентября сгорѣлъ Зарайскъ. Пожаръ начался въ гостиномъ дворѣ и потомъ распространился по лучшей части города, истребивъ до 250-ти лавокъ, двѣ церкви, уѣздное училище и 76 домовъ. Жители не помнятъ подобнаго пожара. Убытокъ полагаютъ *до трехъ милліоновъ рублей серебромъ.* Корреспондентъ «Русскаго Инвалида» разсказываетъ, что большая часть жителей не успѣли спасти своего имущества, ибо огонь распространился быстро, а дѣйствія полиціи были весьма слабы: съ городничимъ, при видѣ пожара, сдѣлалось дурно, и его увидѣли лишь въ 10 часовъ вечера (пожаръ начался въ 7½ часовъ по полудни) разъѣзжающимъ по городу въ пролеткахъ, но тогда было уже поздно, — весь городъ былъ объятъ пламенемъ. Пожарная команда, по словамъ того же корреспондента, дѣйствовала тоже дурно и *вся была сосредоточена у лавки и дома градскаго головы;* инструментъ пожарный оказался въ большой неисправности: не было ни прочныхъ крючьевъ, ни прочныхъ

лѣстницъ; все изъ гнилаго дерева. Рукава трубъ до того стеры, что вода струилась изъ нихъ ручьями.—О зарайскомъ пожарѣ напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» два любопытныхъ письма; одинъ корреспондетъ (№212 «Моск. Вѣд.») разсказываетъ, что равнодушіе жителей зарайскихъ къ утушенію пожара—едвали не одна изъ главныхъ причинъ, почему незначительный сначала пожаръ развился съ такою силой по городу. «Первыми дѣятелями на пожарѣ», говоритъ корреспондентъ: «явили себя, безъ различія чиновъ, военные квартиранты 3-го гренадерскаго стрѣлковаго батальйона, но ихъ въ городѣ такъ мало, что всѣ ихъ усилія не скоро остановили пожаръ. Да и что могла сдѣлать, безъ содѣйствія жителей, эта горсть добрыхъ людей, терявшихъ къ тому же и казенное и свое имущество, когда и къ прибывшимъ пожарнымъ трубамъ, не менѣе жалкимъ, какъ и самая зарайская пожарная команда, *силою* нужно было набирать водокачальщиковъ?—Утвердительно можно сказать, что въ первые полчаса, когда не было еще вѣтру, если бы непогорѣвшіе выразили сочувствіе къ бѣдствію ближняго, то пожаръ ограничился бы только загорѣвшимся отдѣленіемъ гостинаго двора, имѣвшимъ брандмауеръ и досчатую крышу, которой нечѣмъ было сорвать.» По словамъ другаго корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей», прекращеніемъ пожара съ западной стороны жители обязаны заботливости сосѣднихъ помѣщиковъ, князей Оболенскихъ, которые своими инструментами спасли, по крайней мѣрѣ, треть города. Много тоже помогли городу: распоряженіе и люди помѣщиковъ Кузьмина, Лукина и нѣсколькихъ другихъ, равно и офицеры стрѣлковаго батальйона, которые сами качали воду и спасали вещи погорѣвшихъ. — Причина пожара до сихъ поръ неизвѣстна — толкуютъ розно.... говоритъ корреспондентъ «Русскаго Инвалида».

Таковы бываютъ пожары въ городахъ нашихъ, — въ селеніяхъ же, когда случается пожаръ, тутъ уже нѣтъ спасенія: пламя истребляетъ все, что подъ вѣтромъ. Чтобы показать читателямъ, что такое пожары въ нашихъ селеніяхъ, приведемъ два примѣра.

Въ 17-ти верстахъ отъ Шуи, есть село Дунилово, принадлежащее двумъ владѣльцамъ, кн. Меньшикову и Нарышкину. Не проходитъ года, чтобы въ этомъ селѣ не случилось большаго пожара. Много примѣровъ, что крестьяне не успѣвали выстраиваться, какъ пожаръ снова обращалъ ихъ новенькія избы въ груды пепла; многіе крестьяне, въ теченіе 15-ти лѣтъ, выстраивались по 4-и по 6 разъ послѣ пожаровъ. Причина этому — промыселъ жителей, скорняжничество, т. е. выдѣлка мѣховъ, для просушки которыхъ требуется постоянный сильный жаръ, для чего въ крестьянской избѣ, подъ солом-

ной крышею, надо топить печь два-три раза въ день. Немудрено, что пожары бываютъ здѣсь такъ часто, но вотъ что мудрено: средствъ къ тушенію пожаровъ почти никакихъ нѣтъ; «при помѣщичьихъ правленіяхъ», говоритъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», «нѣтъ хорошихъ пожарныхъ трубъ и... стыдно сказать, ни одной бочки для воды». — 3-го августа нынѣшняго года пожаръ опять опустошилъ часть села Дунилова, и только благодаря тихой погодѣ, огонь прекратился на 31-мъ домѣ.

Другой примѣръ еще разительнѣе:

Въ слободѣ Руднѣ (Камышинскаго уѣзда) бываетъ въ концѣ августа значительная ярмарка. Въ нынѣшнемъ году эта ярмарка страшно пострадала отъ пожара, который начался ночью, въ то время, когда жители Рудни и пріѣхавшіе на ярмарку только-что успѣли заснуть. Корпусъ лавокъ, въ которыхъ помѣщались товары, построенъ изъ дерева и крытъ камышомъ, — отъ этого, огонь распространился съ такой силой и быстротой, что народъ едва успѣвалъ спасаться отъ пламени, и уже не могъ думать о спасеніи своего имущества. На бѣду, главный корпусъ лавокъ огороженъ заборомъ и имѣетъ довольно-узкія вороти, въ которыя, при началѣ пожара, и хлынула вся масса полусоннаго и обезумѣвшаго отъ ужаса народа; много было передавлено людей и нѣсколько человѣкъ сгорѣло.... Погорѣлъ тоже скотъ, телеги и все, что было привезено на ярмарку. Одинъ торговецъ, у котораго сгорѣла жена съ ребенкомъ и погибло все имущество, найденъ повѣсившимся....

Во всѣхъ этихъ несчастныхъ происшествіяхъ есть замѣчательныя черты, которыя мы и намѣтимъ здѣсь, не вдаваясь въ излишнія разсужденія. Во-первыхъ, открывается, что пожарныя команды въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ—да мы думаемъ, отчасти и въ губернскихъ—находятся въ неудовлетворительномъ положеніи: онѣ являются несвоевременно, дѣйствуютъ по большей части худо, пожарные инструменты у нихъ дурнаго устройства и притомъ неисправно содержатся; конечно, это зависитъ какъ отъ теперешняго устройства пожарной части въ городахъ, скудно содержимой на городскіе доходы и находящейся въ полномъ и единственномъ распоряженіи полиціи, такъ и отъ состава собственно пожарной команды. Во-вторыхъ, равнодушіе жителей при пожарахъ зависитъ отчасти, — по всей вѣроятности, — и отъ-того, что общество устранено отъ всякаго вліянія на пожарную часть, и жители опасаются на пожарахъ подпасть подъ полицейское распоряженіе,—послѣднее предположеніе подтверждается извѣстнымъ случаемъ при тверскомъ пожарѣ въ прошломъ году, когда полиція надѣлала непріятностей директору

Каулинской фабрики, выѣхавшему на пожаръ съ сильною пожарною трубой англійскаго устройства... Въ-третьихъ, страшной силѣ огня при пожарахъ много содѣйствуютъ постройки домовъ и надворныхъ строеній въ нашихъ городахъ, и особенно въ селеніяхъ, производимыя, несмотря на печальные пожарные опыты, безъ всякихъ отъ огня предосторожностей...

Но что сказать о поджогахъ? Отчего зависятъ эти преступныя покушенія на общественную и частную собственность и безопасность? Кто эти злодѣи, которые жгутъ наши города и селенія? Мстятъ, что ли, они кому нибудь, или же поджигаютъ изъ одного только желанія грабить на пожарахъ? Необходимо, намъ кажется, предавать самой полной гласности дѣла о поджигателяхъ, дабы можно было видѣть свойство этихъ преступленій...

Изъ помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи осташковскаго городскаго головы Ѳ. Савина видно, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ относился къ начальникамъ губерній объ устройствѣ въ городахъ общественныхъ пожарныхъ командъ, по примѣру существующей въ г. Осташковѣ (Тверской губерніи). Конечно, такое преобразованіе устройства пожарной части въ городахъ нашихъ, подвергающихся столь частымъ и опустошительнымъ пожарамъ, будетъ кореннымъ преобразованіемъ и принесетъ существенную пользу; оно поведетъ не только къ улучшенію пожарныхъ инструментовъ и пожарной команды, но вмѣстѣ съ тѣмъ отучитъ жителей отъ такого постыднаго равнодушія къ общественнымъ бѣдствіямъ, примѣръ котораго представили недавно зарайскіе граждане.

Считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ замѣчательнымъ учрежденіемъ Осташковской гражданской пожарной команды. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ о ней г. Ѳ. Савинъ: городское общество г. Осташкова поручило директору общественнаго банка Савина пріобрѣсти въ Петербургѣ изъ пожарнаго депо нѣсколько заливныхъ трубъ, а городской думѣ предоставило устроить на мѣстѣ, въ достаточномъ количествѣ, всѣ другіе огнегасительные снаряды и принадлежности. Для дѣйствованія трубами и проч., назначены отъ общества 100 человѣкъ молодыхъ и способныхъ граждалъ, подъ руководствомъ двухъ опытныхъ брандтмейстеровъ, тоже изъ граждалъ (*). Эти лица обязаны являться на пожаръ безъ за-

(*) Къ пожарнымъ инструментамъ высшее начальство прикомандировало было до 10-ти человѣкъ пожарныхъ изъ военнаго вѣдомства, но больше половины ихъ, по старости и неспособности, больше мѣшали, чѣмъ приносили пользу, а между-тѣмъ стоили обществу довольно дорого. Начальникъ губерніи, графъ Барановъ, исходатайствовалъ у г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе объ удаленіи ихъ изъ Осташкова.

медленія и дѣйствовать на своемъ мѣстѣ, гдѣ кому указано и что̀ кому поручено, — а также наблюдать за сохранностью пожарныхъ инструментовъ. Они служатъ безвозмездно, и срока для службы ихъ не полагается; живутъ они на своихъ квартирахъ,—что̀ никогда не мѣшаетъ имъ являться на пожаръ исправно и скоро; не было также случая, чтобы кто-либо изъ нихъ отказывался отъ продолженія службы. Служба ихъ такъ добросовѣстна и усердна, что налагать на нихъ штрафъ еще не доводилось; въ случаяхъ же неявки на пожаръ—что̀ бываетъ весьма рѣдко — дѣлается замѣчаніе, а по второму или третьему разу неявки провинившійся въ этомъ можетъ быть исключенъ изъ пожарныхъ, а это считается большимъ стыдомъ. Въ награжденіе пожарныхъ, разъ въ годъ, городской голова угощаетъ ихъ обѣдомъ и чаемъ, а вечеромъ, въ честь ихъ и семействъ, дается въ общественномъ театрѣ безплатный спектакль. Лошади на пожары (отъ 40 до 50) доставляются гражданами, а также дворянами и разночинцами, имѣющими лошадей,—на что̀ обязываются они подписками. Однимъ словомъ, вся пожарная команда находится въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи общества, а полиція, при пожарахъ, наблюдаетъ только за внѣшнимъ порядкомъ и за безопасностью лицъ и имущества. Вообще, надо замѣтить, что всѣ граждане осташковскіе, и бѣдные и богатые,—какъ удостовѣряетъ г. Савинъ, — оказываютъ въ пожарныхъ случаяхъ самое похвальное усердіе; городской же голова и члены думы являются тутъ главными распорядителями, и ихъ примѣръ благодѣтельно дѣйствуетъ на массу. Праздныхъ зрителей общаго дѣйствія не бываетъ.

Значитъ, Осташковскій общественный банкъ приноситъ пользу обществу не однимъ пособіемъ кредита: извѣстно, что на его прибыли содержатся еще въ Осташковѣ разныя учебныя и благотворительныя заведенія. Не такъ это въ Зарайскѣ, гдѣ уже 12-ть лѣтъ существуетъ тоже общественный банкъ, обороты котораго простираются въ годъ,—сколько намъ извѣстно,—слишкомъ за 200 тысячъ руб. сер. Суммы этого банка, ему собственно принадлежащія, выросли до значительной цифры, но и до сихъ поръ, какъ слышно, изъ прибылей банка ни на одну общественную цѣль не было употреблено ни копѣйки: врядъ ли открыта даже богадѣльня, между тѣмъ какъ открытіе этой богадѣльни именно составляетъ одну изъ цѣлей самаго учрежденія Зарайскаго общественнаго банка; во всякомъ случаѣ, мы знаемъ положительно, что по мартъ мѣсяцъ прошлаго года богадѣльни еще не было. Желательно было бы знать: что̀ такое Зарайскій банкъ, какъ именно распоряжались его суммами и прибылями, какую услугу оказало это учрежденіе для общества. Да къ тому же и случай теперь такой подошелъ: вотъ оказалось, что при страшномъ

пожарѣ зарайскомъ, отъ котораго незначительный уѣздный городъ потерпѣлъ убытку *до трехъ милліоновъ рублей серебромъ*, весь пожарный инструментъ никуда не годился,—а между-тѣмъ у общества были подъ рукою огромныя средства къ содержанію пожарной части въ совершенной исправности... Какъ же могли произойдти такіе безпорядки, результатами которыхъ было столь великое бѣдствіе, — отъ чего именно эти безпорядки зависѣли?....

ОТВѢТЪ Г. ПАДАЛИЦѢ.

Brόdne, brzydkie i pijane — czysto jak nędzarze
W poszarpanych siermięgach ledwie włoczą ducha,
Lecz sami sobie winni, to Bożia ich karze
Że chłopstwo papy nie słucha.
(Lalka. Gawędy Wł. Syrokomli, stron. 142.)

По поводу статьи моей «О козачествѣ», напечатанной въ іюньской книжкѣ «Современника» нынѣшняго года въ отвѣтъ г. Падалицѣ, противникъ мой напечаталъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» новое мнѣ возраженіе. Несогласіе между нами происходитъ отъ того, что г. Падалица смотритъ на событія прошедшихъ вѣковъ съ точки юридической, тогда какъ мы предпочитаемъ оставаться на точкѣ историческаго взгляда. Г. Падалица, изслѣдуя событія борьбы поляковъ съ козаками, задаетъ себѣ вопросъ: кто правъ, кто виноватъ,—и рѣшаетъ его, какъ подсказываютъ ему его убѣжденія и его симпатіи, тогда какъ для насъ самого этого вопроса не существуетъ. Съ точки исторической мы не признаемъ абсолютной правды. Для каждаго въ свой вѣкъ была своя правда и неправда; въ одно и то же время для одного тὸ было правдою, чтὸ для другаго неправдою, если только одинъ и другой искренно слѣдовали убѣжденіямъ, которыя управляли ихъ мыслью и сердцемъ. Толковать о томъ, кто правъ, кто не правъ: поляки или козаки—не дѣло историческаго размышленія. Еслибъ воскресить тѣхъ и другихъ, то обѣ стороны представили бы достаточный запасъ оправданій для себя и обвиненій для соперниковъ. Дѣло исторіи не отыскивать справедливости въ протек-

шихъ спорахъ, а показать тѣ убѣжденія, подъ вліяніемъ которыхъ спорныя стороны соперничали, найти связь событій между собою, ихъ причины и обстоятельства, способствовавшія тѣмъ положеніямъ, въ какихъ дѣла устанавливались. Г. Падалица ошибается, думая, будто бы я выставляю стремленія и понятія, которыя, по моему крайнему разумѣнію, были народными, для того, что самъ имъ сочувствую и раздѣляю ихъ, что я умышленно желаю стоять на сторонѣ козаковъ.

Держась чисто историческаго взгляда и встрѣчая несомнѣнный фактъ, что простой народъ Руси въ XVII вѣкѣ поднялся огромнымъ пластомъ противъ польскихъ пановъ, мы не станемъ доискиваться, правъ или виноватъ весь народъ; по нашему такой вопросъ—лишній; но также точно странно задавать себѣ вопросъ: правы ли были паны, когда защищали свои интересы, которыхъ хотѣли ихъ лишить. А потому предоставляя польскимъ панамъ быть правыми съ точки зрѣнія г. Падалицы, лучше разсмотримъ поводы къ возстанію противъ нихъ.

Г. Падалица увѣряетъ меня, что я плохо читалъ Volumina Legum, когда не нашелъ въ нихъ никакого права, покровительствующаго простонародію. Не этого я не находилъ въ Volumina Legum; я не нашелъ тамъ постановленій, которыя охраняли бы хлопа отъ произвола его пана, а не такихъ, которыя бы ограждали его какъ гражданское лицо. Г. Падалица даетъ моимъ словамъ превратный смыслъ, и приводитъ слѣдующія мѣста изъ Volumina Legum.

1327 г.	Vol.	Leg.	1.	9. 29. 49.
1422 —	—	—	1.	28.
1320 —	—	—	1.	296.
1376 —	—	—	11.	943.
1578 —	—	—	11,	982, и т. д.

Статута литовскаго втораго изданія весь раздѣлъ XII-й, статуты мазовецкіе, продолж. 403.

Несмотря на значительное количество выписанныхъ статей, бѣдность человѣколюбія польскаго права видна съ перваго раза уже въ томъ, что защитникъ ихъ премудрости, говоря о дѣлахъ XVII в., долженъ ссылаться на вислицкій уставъ Казиміра Великаго,—законодательство, отъ котораго до времени возстаній прошло чуть не триста лѣтъ. Да вѣдь г. Падалица знаетъ, что кошицкій договоръ, привилегіи Ягелла и въ особенности Казиміра Ягеллоновича даровали дворянству широкіе размѣры преимуществъ, которыя должны были измѣнить во многомъ духъ общественнаго строя. Но и въ самомъ вислицкомъ уставѣ огражденіе хлоповъ является въ незначительномъ размѣрѣ. Въ статьѣ на стр. 29 мы видимъ, что хлопы не

смѣли уйти изъ села отъ своего господина, кромѣ одного или двухъ числомъ, и то не безъ господскаго дозволенія (praeter domini illius villae, in quo degunt, voluntatem). Вотъ право крестьянское. Исключеніе въ пользу крестьянина является тогда, когда господинъ будетъ насиловать дочь или жену его. Есть еще и другіе случаи, но они не идутъ къ нашему вопросу, ибо тутъ нѣтъ никакого огражденія крестьянамъ отъ произвола своего владѣльца, если позволяется имъ уходить тогда, когда за вину пана будутъ грабить ихъ имущества (si pro excessu seu culpa haeredis ibidem villani bonis ipsorum depraedantur). На стр. 49 объясненіе того же съ прибавкою, скорѣе затруднительною, чѣмъ облегчительною для крестьянъ—именно, что не доказавши вины господина надъ крестьянской женщиною, они не смѣли уходить отъ него. На стр. 9 говорится объ обязанностяхъ чиновниковъ—судей не дѣлать насилій крестьянамъ, когда приходилось отвѣчать ихъ господину за свою вину предъ судомъ. Тутъ нѣтъ никакого огражденія крестьянъ отъ владѣльца. Подъ 1422 г. мы не находимъ 28 страницы, указанной г. Падалицею, и потому не можемъ ни соглашаться съ г. Падалицею, ни возражать ему. На стр. 296 мы находимъ объ устройствѣ двора, и то не подъ 1520, а подъ 1504 г. Но тутъ г. Падалица поторопился: онъ, должно думать, хотѣлъ указать на очень привлекательное постановленіе быдгощенскаго сейма о работахъ хлоповъ: чтобъ во всѣхъ селахъ королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ хлопы работали на господъ своихъ одинъ день въ недѣлю. Какъ я ни плохо, по словамъ г. Падалицы, читалъ Volumina Legum, но смѣю его увѣрить, что мнѣ это постановленіе и прежде было извѣстно, только я все-таки хотѣлъ сказать объ отсутствіи постановленій, ограждавшихъ произволъ пана, потому что мнѣ было извѣстно пояснительное къ этому постановленію другое въ торунскомъ статутѣ 1521 г., гдѣ объяснено, что означенное правило объ однодневной работѣ не распространяется на тѣхъ крестьянъ, которые работаютъ болѣе одного дня въ недѣлю, а только на тѣхъ, которые работали менѣе одного дня (nam haec lex pro his tantum constituta est, qui minus quam diem in septimana nobis et dominis suis laborare soliti erant). На 500 стр. подъ 1532 г. опять нѣтъ ничего о нашемъ предметѣ, и говорится о необходимости списать и привести въ извѣстность разные обычаи, употребляемые въ разныхъ краяхъ Рѣчи Посполитой. Мѣста эти скорѣе въ нашу пользу, чѣмъ въ пользу г. Падалицы; они не дозволяютъ ему по мазовецкимъ обычаямъ судить объ украинскихъ. Подъ 1576 г. на стр. 943 мы находимъ только статью о томъ, что шляхтичъ, который наѣдетъ насильно на домъ чей нибудь, подлежитъ суду и взысканію. Все-таки и это не ограждаетъ хлопа отъ

произвола пана своего. Подъ 1578 г. на стр. 982 изъясняется способъ и порядокъ платежа повинностей государственныхъ, а не панскихъ. И это не идетъ къ дѣлу. Вотъ и все, что намъ указалъ г. Падалица въ Volumina Legum, за исключеніемъ неизвѣстныхъ величинъ, означенныхъ словами *и такъ далѣе*. Wet za Wet. Г. Падалица сказалъ, что я плохо читалъ Volumina Legum. А я скажу теперь: плохо вамъ, г. Падалица, помогаютъ ваши Volumina Legum, когда, при всѣхъ вашихъ познаніяхъ въ ихъ сферѣ, не могли вы найти ровно ничего для подтвержденія вашей любимой идеи.

Въ XII раздѣлѣ Литовскаго статута въ 1 артикулѣ дѣйствительно запрещается убивать человѣка простаго класса; но это правило опять не касается самаго вопроса, не относится къ правамъ владѣльца, а обезпечиваетъ жизнь человѣка вообще отъ всякаго посторонняго. Даже не ясно, включается ли въ число случаевъ, запрещаемыхъ этимъ артикуломъ, такое убійство, которое могъ сдѣлать надъ своимъ *отчизнымъ* господинъ. Но въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ съ г. Падалицею мнѣніе, что польское право не дозволяло панамъ убивать по произволу своихъ людей; однако, при правѣ судить ихъ, пану и не представлялось и нужды убивать людей безъ суда, когда онъ могъ ихъ лишать жизни по суду—засудитъ и проглотитъ. Въ остальныхъ артикулахъ того же раздѣла ясно различаются слуги вольные, свободные люди, находившіеся въ службѣ и принадлежащіе панамъ: первымъ вездѣ даются гражданскія права независимой личности, тогда какъ о послѣднихъ установляются правила въ случаяхъ споровъ о нихъ, подобныя тѣмъ, какія существуютъ и въ нашей Русской Правдѣ, когда о принадлежности человѣка происходитъ недоумѣніе, какъ о принадлежности неодушевленныхъ вещей, при чемъ мало показывается права участія личности несвободнаго человѣка въ рѣшеніи своей судьбы. Вообще, указанный г. Падалицею раздѣлъ не обезпечиваетъ послѣдняго отъ произвола господина. Г. Падалица это очень хорошо знаетъ и потому, не жалѣя словъ въ другихъ частяхъ своего отвѣта, здѣсь и вообще тамъ, гдѣ хочетъ подтвердить свое положеніе статьями изъ законодательства, ограничивается указаніями на цифры страницъ или статей, тогда какъ здѣсь и необходимы были бы подробности: надлежало бы ему выписать тѣ самыя мѣста, которыя онъ считаетъ для себя вѣрными, и представить ихъ смыслъ въ соотношеніи съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

Въ Мазовецкомъ статутѣ на указанной 403 стр. мы нашли только правила о случаяхъ обидъ, чинимыхъ людьми благороднаго происхожденія кметямъ и о тяжбахъ между ними; но здѣсь подъ благородными людьми по отношенію къ кметямъ разумѣются не господа послѣднихъ. Доказательство тому то, что въ случаѣ, если бы шло

дѣло объ обвиненіи лицъ благороднаго происхожденія въ преступленіяхъ уголовныхъ и касающихся чести, то ни кмети, ни мѣщане не имѣютъ права звать ихъ къ суду, а въ такомъ случаѣ могутъ этимъ заняться ихъ господа (pro causis autem criminalibus et honorem tangentibus kmethones et oppidani non possunt citare nobilitatem, sed domini eorum).

Г. Падалица почти заподозрѣваетъ даже существованіе нѣкоторыхъ унизительныхъ для человѣчества сборовъ, будто бы собираемыхъ въ панскихъ имѣніяхъ на Украйнѣ, какъ напр. дудковъ (поборы съ крещенія младенцевъ) или поемщизны (подати съ браковъ) или млиновое (съ мельницы), и т. д., и приписываетъ ихъ вымышленію Конисскаго и другихъ малороссійскихъ писателей. Но въ лѣтописи самовидца (стр. 7), при исчисленіи разныхъ отяготительныхъ поборовъ, говорится о *дудахъ*; въ Pamiętniki o woinach kozackich za Chmelnickiego, историческомъ польскомъ памятникѣ, изображается, что подъ Збаражемъ хлопы дразнили осажденныхъ пановъ и припоминали имъ поемщизну и млиновое, а польскій историкъ XVII вѣка Грондскій — подъ именемъ дудковъ разумѣетъ вымышленныя жидами-арендаторами подати съ новобрачныхъ и новорожденныхъ Подати такого рода были древнимъ и повсемѣстнымъ обычаемъ; были онѣ и у насъ въ старину. Въ началѣ, по объясненію Грондскаго, онѣ не были отяготительны, но жидовское коварство сдѣлало ихъ бременемъ, ибо жиды брали нерѣдко болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало (*). Польское историческое сочиненіе стараго времени (Pamiętniki do panowania Zygm. III Władysl. IV i Jana Kazimierza, изданіе Войцицкаго, варіантъ Коховскаго) говоритъ, что паны на Украйнѣ ради своихъ выгодъ отдали жидамъ въ арендное содержаніе имѣнія и даже церкви, отъ которыхъ ключи хранились у жидовъ, и каждый, если

(*) Apud quos autem complures reperiebantur filii, tum relicto patri uno, cum quo officio domino praestari debita perageret (proventum hunc judaeis intimantibus et exigentibus) a reliquis omnibus uxoratis singulis septimanis exigebat unum numisma dictum dudek constans 6 nummis hung. Praeterea si natus est infans praesertim masculus non prius baptizari concedebatur donec simile numisma exsolveret. Si etiam filia in matrimonium elocanda esset non prius copula jungi licuit donec similiter in rationem domini terrestris illum dudkum persolvisset. Quod quidem primo intuitu leve videbatur sed postea astutia judaeorum in grave excrescebat onus. Quando namque vel filio baptizando vel a filia elocanda constitutum afferebat censum, judaeus praetendendo varias difficultates non recipiebat statim, sed de industria instituta tergiversatione necessitatem imponebat plus sibi solvendi (Histor. belli cosacco-polonici authore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno MDCLXXVI).

хотѣлъ крестить дитя или сочетаться бракомъ, долженъ былъ заплатить жиду арендатору (*).

Г. Падалица вообще хочетъ показать, что утѣснительное состоянiе хлоповъ было исключительнымъ явленiемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ злоупотребляли обычнымъ порядкомъ вещей, а что вообще простой классъ благоденствовалъ подъ правленiемъ пановъ; но иностранцамъ, заѣхавшимъ въ Польшу и Украйну въ XVII вѣкѣ, на свѣжiе глаза не такою аркадiею представлялся тогдашнiй сельскiй бытъ. Вотъ напримѣръ, одинъ итальянецъ Пьетро Дуодо въ 1598 г. что̀ писалъ о состоянiи литовскихъ и украинскихъ мужиковъ. «Что касается вообще до обращенiя дворянства съ простонародiемъ, то здѣсь господствуетъ произволъ, по причинѣ верховной власти, которую дворянство имѣетъ на сеймѣ, и нѣтъ ни закона, ни правила, что бы этотъ произволъ ограничивало. Простой народъ, преимущественно поселяне, до такой степени преданъ тиранству дворянъ, что никто почти не можетъ назвать своею собственностiю одежды, которую носитъ, въ особенности тѣ, которые живутъ не въ Литвѣ, и хотя они получаютъ обильные плоды съ земли, однако имъ не остается ничего, чѣмъ прокормить себя съ семьями своими; но эти еще могутъ назваться счастливыми въ сравненiи съ тѣми, которые живутъ по сосѣдству съ турками и татарами (**).»

Другой иностранецъ, посѣщавшiй Польшу и Украйну, Бопланъ, говоритъ: «они (крестьяне) должны давать своимъ господамъ все, что тѣмъ вздумается потребовать, и неудивительно, что они находятся въ самомъ жалкомъ положенiи. Но это еще не все, ибо господа имѣютъ безусловную власть не только надъ ихъ имуществомъ, но и надъ ихъ жизнiю,—такъ велика свобода польскаго шляхетства (которое живетъ, какъ въ раю, когда поселяне ихъ будто въ чистилищѣ); и часто случается, что если эти несчастные поселяне попадут-

(*) Żydów wprowadziwszy wszystko dla grosza w arendę puścili nawet cerkwie do których żydzi klucze mieli; kto chciał szlubu lubo krztu musiał się żydowi arendorzowi opłacać (Pamiętn. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jana Kazimierza t. I, 255).

(**) Quando alla trattation dei popoli la nobiltà universalmente é in tanta licenza per la suprema autorita qu'ella ha nelle diete, che non ha ne legge nè ordini che la ritengono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizati dai nobili, che a pena possono dire haver libero l'habito che portano; e sopra gli altri quei della Lituania iquali benchè raccolgeno abondantamente, tutta via non gliene resta per poter nudrirse et de loro famiglie et questi ancora si possono dire felici chi arrivono a poter vivere in confronto di quelli chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari.... (Relatione di Polonia del chiarissimo Pietro Duodo nel 1598, рукоп. Венец. архива. Выписка сообщ. г. Макаровымъ П. А. Кулишу).

ся въ руки злаго господина, тогда ихъ состояніе хуже каторжниковъ (*).

Неужели Пьетро Дуодо, Боплапъ, Грондскій, авторъ памятниковъ, изданныхъ Войцицкимъ, стакались съ нашимъ самовидцемъ и другими малороссійскими лѣтописцами, чтобъ оклеветать бѣдныхъ пановъ, которыхъ по родственной симпатіи г. Падалица хочетъ защитить и оправдать? Но да не подумаетъ г. Падалица и другіе поляки патріоты, что мы домогаемся съ своей стороны обвинить тѣхъ, за кого они такъ заступаются. Повторяемъ, что для насъ въ исторіи нѣтъ абсолютно правыхъ и виноватыхъ. Польскіе паны и южнорусскіе хлопы въ равной степени были правы въ отношеніи себя и виноваты въ отношеніи другъ друга. Равнымъ образомъ правъ г. Падалица, защищая панщину и указывая даже въ грядущихъ временахъ тотъ же въ сущности порядокъ отношеній владѣльцевъ съ крестьянами, правъ г. Падалица, съ такимъ апломбомъ изрекающій за себя, своихъ предковъ, за своихъ современниковъ и потомковъ: «tak bylo i tak będzie». Но съ другой стороны, почему же не правъ будетъ съ своей точки зрѣнія тотъ, кто воспитанъ съ другими понятіями и съ другими желаніями, чѣмъ г. Падалица и польскіе патріоты, которыхъ органомъ мы признаемъ почтеннаго нашего противника?

Въ заключеніе считаю неизлишнимъ сдѣлать нѣсколько объясненій на счетъ нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ мнѣ г. Падалицею, но единственно съ тѣхъ сторонъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ историческимъ вопросамъ.

Г. Падалица говоритъ, что я прежде защищалъ Запорожье и козачество и видѣлъ въ нихъ зерно народной мысли и средоточіе народной жизни, а потомъ долженъ былъ отказаться отъ такого взгляда, когда меня убѣдили, что Запорожье было слѣпкомъ разнородныхъ стихій и служило каждой сторонѣ безъ исключенія, а козачество воображало идею Рѣчи Посполитой, и шляхта, которая предводительствовала имъ, была столько же козацкою, какъ и польской. Я на это замѣчу, что Запорожье и козачество имѣли другое значе-

(*) Ils sont contrains de donner à leurs maistres ce qu'il leur plaist demander de sorte que ce n'est pas merveille qu'ils sont à de conditions si dures: mais c'est encor peu de chose, car leur seigneurs ont puissance absolue non seulement sur leur biens, mais aussi sur leur vies; tant est grande la liberté de la noblesse polonaise (qui vivent comme en un paradis et les paysans comme ils éstoient en un purgatoire), de sorte que s'il arrive que ces pauvres paysans tombent asseruis en la main de méchans seigneurs ils sont en état plus déplorable que les forçats de galleres (Description d'Ukraine qui sont plusieur provinces du royaume de Pologne; par le sieur de Beauplan à Rouen 1660).

ніе для народной жизни до Хмельницкаго и послѣ Хмельницкаго. Козачество было дѣйствительно средоточіемъ народной мысли и жизненныхъ потребностей, когда задачею народа было освобожденіе отъ Польши, но то же козачество начинаетъ расходиться съ народными желаніями, когда подъ начальствомъ шляхты оно стало устроивать себя на польскій образецъ. Г. Падалица спрашиваетъ: «чего хочетъ эта масса?» и далѣе говоритъ: г. Костомаровъ не знаетъ этого, но знаетъ, чего она не хочетъ. Послѣ того, какъ написана была іюньская моя статья противъ г. Падалицы, я просматривалъ дѣла архива министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіяся къ Малороссіи (которыхъ изданіемъ теперь занимаюсь по порученію Археографической Коммисіи) и нашелъ въ нихъ не только, чего не хотѣла, но и чего хотѣла эта масса. Тотчасъ по смерти Хмельницкаго высказывалось въ Малороссіи въ разныхъ мѣстахъ (особенно на лѣвой сторонѣ Днѣпра) желаніе, чтобъ введены были воеводы и съ тѣмъ вмѣстѣ весь московскій порядокъ; разнесся слухъ, будто царь хочетъ уничтожить гетманское устройство. Эти слухи произвели испугъ между старшинами и способствовали ихъ наклонности къ соединенію съ Польшею; но простой народъ не только не боялся такихъ слуховъ, но повсемѣстно показывалъ желаніе, чтобы они оправдались. «Мы хотимъ», говорили малороссіяне на разныхъ концахъ своей родины, «чтобъ имѣя одного царя Христа небеснаго, имѣли и одного *совершеннаго* царя земнаго, чтобъ было къ кому прибѣгать въ нашихъ нуждахъ.» Самодержавія — вотъ чего хотѣлъ малороссійскій народъ, а хотѣлъ онъ его оттого, что находилъ такою формою, при которой всѣ равны, и знатные и незнатные, и бѣдные и богатые, и нѣтъ произвола сильнаго надъ слабымъ. Когда воеводы, которыхъ хотѣла чернь, были введены, увидѣли малороссіяне, что во многомъ дѣйствительность расходилась съ ожиданіями. Но тѣмъ не менѣе, высказываемое такъ единодушно желаніе украинскаго народа послѣ смерти Хмельницкаго служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что основы польскаго порядка, выше которыхъ не могли подняться умы народныхъ вождей, не удовлетворяли южнорусской народности. Этого мало, что польскія начала были мудры и свободны, какъ говоритъ г. Падалица, — надобно еще, чтобъ они приходились по мѣрѣ народу. Никто не станетъ отрицать достоинства англійскихъ учрежденій, но введеніе ихъ въ другія страны можетъ быть иногда не только не полезнымъ, но вреднымъ и разрушительнымъ. Народныя побужденія, инстинктуальный произволъ, естественно искали себѣ удовлетворенія въ первой формѣ, какую народъ видѣлъ; довольно было съ него и того, что эта форма против-

на была той, которую ему навязывали снова, тогда какъ испытавъ ее на себѣ, онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе. Г. Падалица говоритъ, что ему было бы любопытно слышать, какъ я объясню наклонность народа къ подданству Оттоманской Портѣ послѣ 1668 года. Точно то же стремленіе къ идеалу самодержавія и здѣсь играло важную роль. Андрусовскій договоръ отдавалъ Польшѣ половину Украйны; еще прежде заключенія договора народъ зналъ, что къ тому дѣло склоняется и боялся этого; многіе познакомившись поближе съ воеводами увидѣли, что московскій порядокъ не тотъ, какимъ представлялся издали; побужденія народныя переплетались между собою, получали то одинъ, то другой путь, смотря потому, что встрѣчали на томъ и другомъ пути, ломались, разщеплялись такъ сказать, сохраняя свое единство только въ главныхъ основаніяхъ. Народный инстинктъ оставался все тотъ же, но смыслъ народный болѣе-и-болѣе хворалъ отъ безпрестанныхъ толчковъ, ушибовъ и паденій. Дорога была неровная и опасная; въ глазахъ тьма, а свѣтоносца-предводителя не было. Не слѣдуетъ однако терять изъ виду, что оттоманское дѣло въ Украйнѣ вращалось всегда только какъ дѣло партіи; жители то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ приливали къ этой партіи, то отливали отъ ней, смотря потому, какъ обстоятельства колебали инстинктами этой массы. Наклонность къ московскому самодержавію, напротивъ, была постоянною чертою народной воли: много разъ, получивши съ этой стороны непріятные толчки, народъ какъ будто отшатывался и бѣжалъ къ иному краю искать своей цѣли, но потомъ опять прибѣгалъ къ тому же. Ни въ народной памяти, ни въ народной поэзіи, ни въ народномъ чувствѣ не сохранилось ни малѣйшей тѣни недовольства къ соединенію съ Россіею, хотя были моменты, когда петербургское правительство не всегда дѣйствовало съ цѣлію удовлетворять народнымъ потребностямъ и желаніямъ. Мы говоримъ петербургское — разумѣя времена XVIII вѣка. Московское, при всей относительной его грубости, гораздо болѣе старалось сообразоваться съ народными побужденіями, а если и ошибалось, то болѣе оттого, что малороссійскія событія ставили его въ тупикъ. Народъ забывалъ все скоро; но не забылъ онъ до сихъ поръ ненавистнаго для него польскаго порядка и не станетъ онъ пѣть пѣсни quasi-народныя, сочиненныя для него поляками, гдѣ прославляется дружба двухъ народовъ, польскаго и русскаго; не станетъ потому' что у него есть свои завѣтныя пѣсни, гдѣ имена «лахъ», «католикъ», «панъ» облечены старою ненавистью. Этого не хотѣлось бы г. Падалицѣ. И намъ бы равнымъ образомъ этого не хотѣлось, да что же дѣлать! А правды негдѣ дѣть!

Странно слышать намъ отъ г. Падалицы, котораго мы всетаки признавали свѣдущимъ въ исторіи Малороссіи, будто бы въ «Черной Радѣ» со свѣчою въ рукѣ нельзя найти ни малѣйшихъ доказательствъ, чтобъ народъ игралъ тамъ какую нибудь роль! Опровергать г. Падалицу, значило бы писать подробную исторію того событія. Въ свое время мы представимъ ее, а теперь пока посовѣтуемъ г. Падалицѣ обратиться хотя къ разсказу самовидца. Собственно мой взглядъ на это событіе я уже имѣлъ честь высказать въ моей рецензіи на историческую хронику г. Кулиша «Черная Рада», напечатанной въ 1 № «Современника» 1858 г. Теперь прибавимъ, что масса простыхъ козаковъ тоже часто принадлежала къ народу по взаимнымъ интересамъ, хотя и называлась козачествомъ.

Напрасно г. Падалица колетъ намъ глаза Конисскимъ. Мы очень хорошо знаемъ, что Конисскій не можетъ служить авторитетомъ, хотя по нѣкоторымъ чертамъ замѣчаемъ, что въ кучу вымысловъ внесены народныя преданія, ибо кое-что по видимому соотвѣтствующее разсказамъ его является въ народныхъ пѣсняхъ. Но мы не только не хотимъ вѣрить Конисскому, мы считаемъ обязанностію и другими малороссійскими лѣтописями пользоваться съ крайнею осторожностію, ибо у всѣхъ встрѣчаются невѣрности, даже у самовидца, — хотя несравненно болѣе другихъ достовѣрнаго. Но причины, произведшія волненіе южнорусскаго народа и равнымъ отразомъ состояніе этого народа подъ властію польскихъ пановъ ясно высказываются, и безъ Конисскаго, изъ современныхъ дѣлъ, актовъ, свидѣтельствъ иностранцевъ, которыхъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ той или другой сторонѣ, и наконецъ изъ сознанія самихъ поляковъ.

Г. Падалица оскорбляется, что мы напоминаемъ живымъ полякамъ очевидную для насъ истину: что живые не мертвые, и они сами не ихъ предки. Г. Падалица упрекаетъ насъ, будто бы мы совѣтуемъ имъ отступничество. Но развѣ мы простираемъ къ полякамъ требованія отказаться отъ своего языка, отъ своей народности, отъ своихъ стремленій въ настоящемъ и будущемъ итти своеобразнымъ путемъ въ сферѣ общечеловѣческой образованности? Но пусть же съ другой стороны не теряютъ изъ вида патріоты поляки и того, что держась слишкомъ крѣпко обѣими руками за своихъ предковъ XVI и XVII столѣтій можно уйти съ ними далеко назадъ и совершенно разойтись съ движеніемъ исторіи цѣлаго образованнаго человѣчества, которая идетъ все впередъ, и хотя оглядывается на предковъ, но не останавливается ни на минуту, для того, чтобъ дубовоться ими въ блаженномъ спокойствіи.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Новые дворцы и частныя зданія въ Петербургѣ. — Роскошь, увеличивающаяся съ каждымъ днемъ. — Развитіе въ Петербургѣ изящнаго вкуса. — Псевдо-философы. — Покровители и любители искусствъ. — Никогда не старѣющія дамы. — Слухи о бракахъ. — Движеніе въ гостиномъ дворѣ и въ магазинахъ передъ праздниками. — Встрѣча передъ праздниками. — Выборгская сторона. — Задняя сторона медали. — Театры: — г-жа Ристори въ «Медеѣ», въ «Маріи Стюартъ» и въ «Камиѣ». — Дока на доку нашелъ, — новая комедія. — Г. Нильскій. — Публичныя лекціи гг. Лаврова и Пинто. — Художественные вечера. — Собраніе инженеровъ и строителей. — Рѣчь г. Васильева. — Новая воскресная школа. — О памятникѣ Пушкину. — Таксы и различные слухи, касающіеся до улучшенія Петербурга. — Комитетъ народнаго здравія. — Объявленіе о «Русской Рѣчи». — Изданіе г. Тибленомъ. — Исторія европейской цивилизаціи Гизо. — 2 томъ сочиненій Лермонтова. — Новое изданіе сочиненій Тургенева. — Буква Ѣ, изданіе 2-е, и проч.

Кто давно не бывалъ въ Петербургѣ, тотъ будетъ изумленъ его исполинскими зданіями, увеличивающимися съ каждымъ годомъ. Петербургъ въ послѣдніе годы неслыханно выросъ. Пятиэтажные дома возвышаются теперь на всѣхъ улицахъ, — даже въ Измайловскомъ полку. Эта часть города, до сихъ поръ еще обстроивающаяся — рѣшительно неузнаваема: —

«Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью!»

Въ лучшихъ частяхъ города на каждой улицѣ воздвигаются каменныя громады, стремящіяся къ небесамъ и напоминающія столпотвореніе вавилонское....

Петербургъ рѣшительно — городъ дворцовъ.... Взгляните на дома: извѣстнаго откупщика Утина (рядомъ съ дворцомъ Великаго Князя Николая Николаевича), княгини Юсуповой (на Литейной), Бутурлина и графа Строгонова (П. С.) (на Сергіевской и Моховой), графа Н. А. Кушелева-Безбородко (въ Гагаринской улицѣ), графа Воронцова (за Поцалуевымъ мостомъ), князя Бѣлосельскаго (у Аничкова моста), графини Кушелевой (у Симіоновскаго моста), г. Фитингофа (у Поцалуева моста) и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я только упоминаю о тѣхъ, которые пришли мнѣ въ голову. Всѣ эти зданія никакъ нельзя назвать просто домами, — это замки, *палацы*, поражающіе баснословною роскошью, передъ которой восточныя чудеса «Тысячи и одной ночи» — дрянь.... Внѣшнія стѣны домовъ выложены мраморомъ (домъ графа Кушелева), мраморныя лѣстницы (даже въ домахъ, предназначенныхъ для найма, какъ, напримѣръ, въ домѣ г. Утина), мраморныя колонны и повсюду каріатиды, согбенныя подъ тяжестію этихъ мраморныхъ или каменныхъ массъ, исполинскія вазы, драконы, гербы, вензеля, короны, зеркальныя стекла и проч.

Не только откупщики и аристократы, — теперь въ Петербургѣ всякій господинъ, успѣвшій сколотить различными правдами и неправдами значительный капиталецъ, строитъ домъ — и непремѣнно съ *каріатидами*, или ужь по крайней мѣрѣ съ вазами, вензелями и коронами.

Немудрено, что квартиры въ Петербургѣ дорожаютъ съ каждымъ годомъ. Надо же окупить владѣльцамъ эти каріатиды, гербы, драконы и проч.!

Всѣ жалуются на безденежье, толкуютъ о какихъ-то банкротствахъ — вздоръ! Пріѣзжайте въ Петербургъ, взгляните на его новыя зданія, войдите внутрь этихъ дворцовъ — и вы убѣдитесь, что васъ обманываютъ; что Петербургъ не знаетъ, куда дѣвать денегъ, что здѣсь попираются капиталы на каждомъ шагу. Люди съ весьма незначительными средствами живутъ теперь въ Петербургѣ такъ, какъ жили во время оно только очень богатые люди. У кого, напримѣръ, теперь нѣтъ ковровъ, бархатовъ, тюлевыхъ занавѣсокъ, туровской мебели?

Богатые же люди блестятъ роскошью, которую мало назвать царственною.... И цари не живали прежде съ такимъ блескомъ, съ какимъ живутъ теперь какіе нибудь откупщики.

Мнѣ говорили, между прочимъ, что одинъ господинъ, меблирующій свой новый домъ, заказалъ для своего салона какое-то украшеніе въ Парижѣ тысячъ за пятнадцать, съ тѣмъ, чтобы модель этого украшенія была разбита. Украшеніе привезено въ

Петербургъ, но оно оказалось слишкомъ велико по размѣрамъ комнатъ и потому отдано въ продажу за безцѣнокъ — тысячи за три, а владѣлецъ, отдѣлывающій свои палаты, заказалъ новое украшеніе, тысячъ за двадцать!

Этотъ фактъ — можетъ быть и преувеличенный — доказываетъ, какія богатства заключаются въ Петербургѣ!

Скажутъ, что это безумная роскошь, вовсе не служащая признакомъ богатствъ, — а доказывающая только широкую натуру русскихъ людей, ставящихъ изъ тщеславія послѣднюю копѣйку ребромъ — и, пожалуй, подтвердятъ эту мысль хоть такимъ примѣромъ: г. N выстраиваетъ великолѣпный домъ въ Петербургѣ, съ зимними садами, съ домашнимъ театромъ, съ различными барскими затѣями и прихотями. Незамѣтно, онъ кладетъ на этотъ домъ все свое состояніе до его окончанія; работы останавливаются за истощеніемъ всѣхъ средствъ. Къ счастію, въ такомъ критическомъ положеніи, N получаетъ наслѣдство — работы опять закипаютъ въ домѣ. Домъ готовъ и омеблированъ, да еще какъ! Онъ уставленъ мраморными статуями и драгоцѣнными историческими вещами, добытыми съ трудомъ и за большія деньги въ разныхъ столицахъ Европы, увѣшанъ картинами лучшихъ старинныхъ и новыхъ мастеровъ. Три четверти новаго наслѣдства пошли на окончательную отдѣлку дома... Салоны открыты... Объ нихъ нѣсколько дней кричитъ весь Петербургъ, къ удовольствію хозяевъ дома. Года два они кое-какъ поддерживаютъ свое существованіе въ этомъ дворцѣ; на третій годъ дворецъ отдается со всѣми драгоцѣнностями, заключающимися въ немъ, подъ какое-то трактирное заведеніе или подъ клубъ.

Такія происшествія дѣйствительно случаются въ Петербургѣ, но такія исключенія ничего не доказываютъ....

Пусть неблагонамѣренные скептики не вѣрятъ нашимъ богатствамъ и смотрятъ на все подозрительно въ закопченныя стекла сомнѣнія.... Я, какъ человѣкъ благонамѣренный, упорно смотрю на всѣ явленія нашей общественной жизни въ розовыя стекла, и убѣжденъ, что петербургская роскошь есть несомнѣнное доказательство, что Россія, — неисчерпаемое золотое дно и что нигдѣ нѣтъ такихъ богатствъ и такихъ несмѣтныхъ капиталовъ, какъ въ Россіи. Меня никто не разувѣритъ въ противномъ. Сердце мое преисполняется патріотическимъ восторгомъ и гордостію, глядя на петербургскія каменныя громады съ каріатидами, на мраморныя лѣстницы, золоченные потолки, зеркальныя стекла, особенно на *каріатиды*.... Все это доказываетъ, до какой степени съ каждымъ днемъ расширяются у насъ потребности образованнаго общества, цивилизація, и какъ развивается *изящный вкусъ*. Петербургскіе домовладѣльцы заботятся

теперь не объ однихъ своихъ матеріальныхъ выгодахъ, а о красотѣ и изящности своихъ домовъ. Они сдѣлались поклонниками искусства для искусства.... Теперь драгоцѣнныя артистическія произведенія рѣзца и кисти вы встрѣчаете уже не въ однихъ аристократическихъ старинныхъ картинныхъ галлереяхъ, а и у людей, которые десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ стояли за прилавками питейныхъ домовъ,—или, вѣрнѣе, эти произведенія перешли изъ старинныхъ галлерей въ новые великолѣпные отели, обязанные своимъ существованіемъ водкѣ. Откупщики и золотопромышленники сдѣлались теперь по преимуществу меценатами, покровителями искусствъ, тонкими судьями изящнаго.

Передъ ними стали увиваться всякаго рода артисты, поэты и ученые, съ такимъ негодованіемъ преслѣдовавшіе нѣкогда развращавшую и разорявшую народъ откупную систему и ея представителей.... Почтенные артисты простили виннымъ героямъ ихъ прошедшее, за *благосклонность* ихъ къ музамъ, за ихъ любовь къ изящному и за ихъ роскошные обѣды.... Это понятно! *Мы* артисты (я причисляю себя также къ артистамъ) немножко падки на даровыя устрицы, страсбургскіе пироги, трюфели, дорогія вина и тому подобное. Артистическимъ натурамъ нашимъ пріятнѣе и легче дышится въ салонахъ, освѣщенныхъ свѣчами и карселями....

Что намъ за дѣло изслѣдовать, на какія деньги воздвигнуты эти великолѣпные замки, собраны всѣ эти артистическія прелести, куплены эти страсбургскіе пироги.... Для насъ дороже всего распространеніе изящнаго вкуса, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ нами. Мы не терпимъ мрачныхъ псевдо-философовъ, хлопочащихъ о всеобщемъ благоденствіи и готовыхъ уничтожить всѣ искусства и вырвать ихъ съ корнемъ во имя своей утопіи. Эти грубыя натуры, не понимающія никакихъ *финесовъ*, ничего не смыслящія въ дѣлѣ искусства — не хотятъ понять, что искусства только облагороживаютъ, утончаютъ и развиваютъ человѣка.

Онѣ равнодушно пройдутъ мимо церкви св. Петра, мимо Венеры Милосской, съ ироническою улыбкою выслушаютъ стихотвореніе, отъ котораго у насъ замретъ сердце и ледяныя мурашки пробѣжатъ по тѣлу; онѣ хладнокровно выйдутъ изъ театра послѣ Ристори въ «Маріи Стюартъ» и на вопросъ: «Ну что каково»? отвѣтятъ апатически: — «Ничего, хорошо-съ», — тогда когда мы задыхаемся отъ волненія и, несмотря на нашъ свѣтскій тактъ и *хорошій тонъ*, не можемъ удержать слезъ....

Сухіе, черствые прозаическіе люди!

«Пусть гибнутъ поэзія, архитектура, живопись, скульптура», — кричатъ они, лишь бы только не было на свѣтѣ голодныхъ людей!..

Они цѣлый міръ хотятъ превратить въ какую-то казарму и на все наложить свой мертвящій уровень, всѣхъ подчинить своимъ бездушнымъ формуламъ и теоріямъ.

Это самые антипатичные люди для насъ артистовъ.

Я предложилъ недавно одному изъ такихъ господъ осмотрѣть удивительный музей графа В., и превосходную его картинную галлерею, составленную изъ лучшихъ произведеній новѣйшихъ живописцевъ Бельгійской и Французской школъ.... Я раза три въ недѣлю забѣгаю къ графу,—разумѣется только для того, чтобы любоваться его драгоцѣнностями, а вовсе не для того, чтобы хвастать моею короткостію съ графомъ. — Какой-бы человѣкъ, хоть немножко смыслящій въ дѣлѣ изящнаго, отказался отъ такого предложенія, тѣмъ болѣе, что попасть въ музей графа не легко?... Чтожь бы вы думали, отвѣчалъ мнѣ на это псевдо-философъ?... «Нѣтъ, говоритъ, ужь пожалуйста увольте меня отъ этого. Я вамъ вѣрю на слово, что такой картинной галлереи и такого музея нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.» — Какая грубость натуры!

Только одни эти господа не видятъ, какой удивительный прогрессъ совершилъ Петербургъ въ послѣдніе годы въ дѣлѣ изящнаго!

Позвольте мнѣ здѣсь кстати представить вамъ одно изъ тысячи пріятныхъ доказательствъ, какъ развивается въ нашей столицѣ даже въ самыхъ грубыхъ людяхъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ.

К' воспитывался въ какомъ-то корпусѣ, воспитаніе онъ получилъ не блестящее, любознательностію никогда не отличался, къ изящнымъ искусствамъ питалъ даже отвращеніе и, будучи лѣтъ 17-ти въ какомъ-то публичномъ паркѣ, отбилъ носъ мраморному Аполлону. Состояніе, которое оставили ему родители, было незначительное: душъ до полутораста заложенныхъ, да кромѣ того человѣкъ пятнадцать дворовыхъ по оброку мужескаго и женскаго пола. Жилъ онъ всегда скромно и прилично. Къ лучшимъ украшеніямъ его квартиры принадлежали: портретъ генерала его начальника, два грависдоновскія раскрашенныя личика, литографированная раскрашенная же вакханка и мѣдный рыцарь съ капишономъ на головѣ, съ жирными ляшками и съ съ загнутыми носками, поддерживавшій лампу и стоявшій на самомъ видномъ мѣстѣ — на кругломъ столѣ противъ дивана въ гостиной. Впослѣдствіи къ этому прибавилась прекрасная коллекція трубокъ съ янтарями и съ бархатными вышитыми золотомъ и рыбьей чешуею чехлами. Кромѣ «Русскаго Инвалида» и «Пчелки» знакомый мой ничего не читалъ, да и читать ему было некогда, ибо все время онъ посвящалъ службѣ и считался въ полку лучшимъ офицеромъ.... Начальство отличало его, и лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ выпуска изъ корпуса

онъ надѣлъ густыя эполеты, которыя были ему весьма къ лицу; лицомъ же онъ былъ не дуренъ:—глаза большіе, сѣроватые, мало выразительные, но добродушные; бѣлизна кожи замѣчательная, румянецъ на щекахъ, каштановые волосы съ небольшой лысиной на переди, ростъ средній, грудь выпуклая, талія съ подхватцомъ, обращеніе весьма пріятное и не безъ марсіальной граціи.... При такихъ качествахъ и при густыхъ эполетахъ знакомый мой могъ смѣло претендовать на хорошую партію изъ купеческаго быта—и онъ благоразумно началъ отыскивать для себя *подругу жизни* въ этомъ быту. Въ теченіе двухъ лѣтъ всѣ извѣстнѣйшія петербургскія свахи перебывали у него,—и онъ имѣлъ подробный списокъ всѣхъ богатыхъ купеческихъ невѣстъ, надъ которымъ часто сидѣлъ въ пріятной задумчивости. Вниманіе его особенно обратила одна съ такимъ капиталомъ, который могъ справедливо претендовать и на лицо позначительнѣе его.... «Вотъ если бы», думалъ онъ, останавливаясь съ любовію на ея имени.... «а впрочемъ чѣмъ чортъ не шутитъ!... попробовать». К* взглянулъ въ зеркало, тряхнулъ своими густыми эполетами, улыбнулся, прищолкнулъ языкомъ; пошептался съ свахой и въ заключеніе даже обнялъ ее и поцаловалъ. Сваха устроила свиданіе. Результатъ этого свиданія превзошелъ всѣ ожиданія. К* съ перваго взгляда имѣлъ счастіе побѣдить, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворивъ изящному вкусу невѣсты съ капиталомъ, и черезъ мѣсяцъ уже былъ счастливымъ супругомъ.... Первое время К* жилъ очень незамѣтно и скромно, хотя нанималъ большую квартиру и содержалъ огромную дворню. Омеблирована была эта квартира богато — массивною, но безвкусною мебелью и содержалась гораздо хуже, чѣмъ его холостая квартира, потому что женская половина вмѣстѣ съ богатствомъ внесла съ собою нечистоту и неряшество патріархальной русской жизни.

Получивъ довѣренность на управленіе дѣлами супруги, счастливый супругъ долженъ былъ вступить въ сношенія съ золотопромышленниками, откупщиками и другими тому подобными почтенными господами. Когда онъ первый разъ вступилъ въ ихъ палацці, онъ былъ пораженъ и ослѣпленъ ихъ роскошью.

Когда одинъ изъ откупныхъ и золотопромышленныхъ тузовъ водилъ его по своимъ анфиладамъ, К* не могъ удержаться отъ восторженныхъ восклицаній при видѣ золотой мебели, бронзъ и удивительныхъ паркетовъ.

— Это все пустяки, отвѣчалъ откупной и золотопромышленный тузъ:—а вотъ что посмотрите.... и онъ указалъ на стѣны одной изъ комнатъ.—Это драгоцѣнныя вещи, и во дворцахъ вы этого не най-

деме.... Мнѣ онѣ достались нелегко и недешево; — все вѣдь это, батюшка, настоящій Грёзъ.... Вы охотникъ до картинъ?

— Да, я очень люблю, пробормоталъ К*, нѣсколько смущенный.

— Это все прахъ и тлѣнъ! продолжалъ тузъ, кивая головою на свои золоченыя мебели: — а это.... это (онъ тыкалъ пальцемъ на картины) это такія вещи, которыя черезъ сто, черезъ тысячу лѣтъ будутъ имѣть еще бо̀льшую цѣнность, — это чистое золото. Я люблю живопись.... Ктому же мы, такъ сказать, обязаны покровительствовать искусствамъ, поощрять художниковъ. Для меня хорошая картина какого нибудь знаменитаго стариннаго или новѣйшаго живописца есть самое лучшее украшеніе для комнаты, — а это все пустяки, повѣрьте мнѣ, прибавилъ еще значительнѣе прежняго золотопромышленный и откупной тузъ, снова кивнувъ презрительно головой на свои золочоныя мебели.

Слова эти сильно подѣйствовали на К*.

Другой откупщикъ, также показывая ему свои хоромы, и останавливая его передъ Кукуками и Каламами, восклицалъ:

— Каково? Сыщите-ка мнѣ другаго Калама такого! Но все это еще ничего, а вотъ я вамъ покажу мою *заповѣдную*.

И онъ ввелъ его въ комнату, отдѣланную въ русскомъ національномъ стилѣ, съ рѣзными украшеніями, и указалъ на стѣны этой комнаты, увѣшанныя произведеніями отечественныхъ живописцевъ въ рѣзныхъ золоченыхъ рамкахъ, въ томъ же стилѣ. Въ этой заповѣдной находились между прочимъ — изящная лапоть подъ стекломъ двѣ деревянныя куклы отъ Троицы и модель русской избы (не той закопченой избы, съ завалиною, крытой соломой и вросшей въ землю, въ которой обыкновенно живетъ нашъ мужикъ), а избы, парадной, театральной, украшенной архитектурной фантазіей....

— Преклонитесь предъ этимъ, воскликнулъ откупщикъ торжественно: — здѣсь Русь святая, здѣсь геній русскаго человѣка!... Широка матушка Русь и широка натура русскаго человѣка....

И откупщикъ положилъ свою широкую ладонь на плечо К*, который до того былъ тронутъ этимъ восклицаніемъ, что почувствовалъ слезы на своихъ глазахъ.

— Наше дѣло, продолжалъ откупщикъ: — отыскивать повсюду талантливыхъ русскихъ людей — а ихъ много на Руси — поднимать ихъ и возвышать. Русскій человѣкъ скроменъ; будь онъ семи пядей во лбу, онъ о себѣ ни гу-гу, — такъ можетъ и загибнуть въ неизвѣстности.... Мои объятія — и откупщикъ растопырилъ свои руки — открыты для всякаго русскаго таланта. Здѣсь онъ найдетъ (откупщикъ указалъ на лѣвый бокъ) прежде всего сердце, сочувственно

бьющееся ему, а близь него бумажникъ, туго набитый! За этимъ мы не постоимъ.

Третій откупщикъ также хвасталъ передъ К* тѣмъ, что онъ покровительствуетъ искусствамъ и скупаетъ для украшенія своего дома всѣ лучшія иностранныя и русскія картины.

— Сто такое, говорилъ онъ:—поцему зе, мнѣ это ни по цомъ! я зиву открыто, зивопись хоросую люблю. У меня все хоросые люди собираются — и магистры, и доктора, и худозники, и уцоные, и литераторы....

Куда ни показывался К*, вездѣ только и разговоровъ, что объ искусствѣ. Каждый богатый господинъ, меблировавшій свою отель, непремѣнно вѣшалъ на свои стѣны Вандеръ-неровъ, Ванлоо, Буше, Грёзовъ, Рюисдалей, Каламовъ, Тройоновъ, Месонье, Айвазовскихъ, Соколовыхъ, и проч. и проч. К* видѣлъ, что всѣ капиталисты считаютъ долгомъ любить изящное и покровительствовать изящному.

Какъ же отстать отъ другихъ?

И К* въ подражаніе своимъ собратамъ-капиталистамъ, мало по малу началъ пріобрѣтать кое-какія вещицы, которыя продавцы выдавали ему или за художественныя, или за историческія драгоцѣнности. — Онъ началъ хвастать своими пріобрѣтеніями: чернильницею Маріи Антуанеты, палкой бабушки Кромвеля, растеніемъ Маріи Стюартъ—и такъ далѣе... Въ Петербургѣ въ послѣдніе годы очень много развелось господъ (по преимуществу итальянцевъ), торгующихъ разными старинными вещами, мебелями, саксами, китайскимъ фарфоромъ и картинками. Онъ познакомился со всѣми такого рода господами, и на разную дрянь истратилъ капиталъ, который бы могъ обезпечить на всю жизнь два или три бѣдныя семейства. Это была неизбѣжная дань неопытности.... Если извѣстные знатоки изящнаго бывали обмануты нѣсколько разъ въ своей жизни, то что же мудренаго, что новичокъ-любитель подвергся такой непріятности?

К*, къ счастію, скоро сошелся съ такъ называемыми любителями искусствъ, и необыкновенно быстро развился подъ ихъ благодѣтельнымъ вліяніемъ. Теперь залы его биткомъ-набиты дѣйствительно рѣдкими и замѣчательными вещами: старинными мебелями, саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, картинами извѣстныхъ, старыхъ и новыхъ, мастеровъ и проч. Любители крѣпко пожимаютъ ему руку; они кричатъ о его удивительныхъ коллекціяхъ; имя его, доселѣ темное, дѣлается громко; онъ сдѣланъ почетнымъ членомъ академіи художествъ; князья, графы и бароны просятъ у него позволенія посмотрѣть его артистическія драгоцѣнности. Про него ху-

ложники и поэты говорятъ: «У-у! знатокъ!»—«Да-съ, прибавляютъ нѣкоторые: — этотъ человѣкъ умѣетъ пользоваться своимъ богатствомъ! Онъ покровительствуетъ искусствамъ.»

И кто бы могъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ юношѣ, разбивавшемъ носы у мраморныхъ Венеръ и Аполлоновъ, угадать будущаго знатока и покровителя искусствъ, члена изящныхъ академій и обществъ, высокаго цѣнителя всего изящнаго?...

Судьбы человѣка неисповѣдимы!...

Что бы ни говорили противъ неравнаго распредѣленія благъ міра сего, противъ большихъ богатствъ псевдо-философы, утописты и новѣйшіе политико-экономы, такъ усердно хлопочущіе о благоденствіи и уравненіи всего рода человѣческаго, какъ бы ни увѣряли они о деморализаціи богатства, — мы, поклонники изящнаго, проповѣдники искусства для искусства — убѣждены, что богатство, напротивъ, облагораживаетъ, утончаетъ, цивилизуетъ, развиваетъ человѣка. Не женись К* на какой нибудь купчихѣ Подсосовой, онъ вѣроятно остался бы навѣкъ грубымъ и неразвитымъ человѣкомъ, дюжиннымъ служакою съ коллекціею трубокъ съ янтарями и чехлами, вышитыми рыбьей чешуей!....

Насмотрѣвшись на мраморныя стѣны, лѣстницы, золоченые карнизы, статуи, драгоцѣнныя картины, тысячныя люстры, фарфоры, старинные рѣзные дубовые шкафы, гобеленевскіе обои и такъ далѣе (я осматривалъ эти дни разные старые и новые аристократическіе отели и палаццо, возникшіе изъ разсыропленной водки), я глубоко пропитался мыслію о богатствахъ Петербурга....

Меня еще болѣе укрѣпляло въ этой мысли предпраздничное городское движеніе:—гостиный дворъ, у котораго нѣтъ проѣзда отъ экипажей, биткомъ набитые блестящіе магазины съ зеркальными стеклами, уставленными нелѣпѣйшими бездѣлушками и изобрѣтеніями промышленности, порождаемыми пустотою, праздностію, притупѣвшимъ и прихотливымъ вкусомъ....

«Счастливый городъ, богатый городъ!» думалъ я, ходя по Невскому проспекту и встрѣчая на каждомъ шагу бобры, соболи, ильки, бархаты, шелки, веселыя и кокетливыя улыбки, вставленныя въ глазъ стекла, мчавшіеся экипажи, и такъ далѣе.

Я былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

Вдругъ, у Полицейскаго моста, я почти наткнулся на какого-то сгорбленнаго, исхудалаго человѣка въ енотовой шубѣ, отъ которой осталась почти одна шкурка, и въ порыжѣлой шляпѣ. Если бы я не наткнулся на него, онъ и безъ того бросился бы мнѣ въ глаза, какъ пятно на богатомъ платьѣ....

Я взглянулъ на него, — и мнѣ показалось что-то знакомое въ

этихъ исхудалыхъ, болѣзненныхъ чертахъ. Онъ взглянулъ на меня и приложилъ руку къ своей шляпѣ.

— Вы не узнаете меня? сказалъ онъ.

— Боже мой! Неужели? вскрикнулъ я невольно, вглядываясь въ черты его. — Вы.... Андрей Петровичъ? какъ давно мы не встрѣчались съ вами!

— Да, очень давно; съ тѣхъ поръ много воды утекло, произнесъ онъ, вздохнувъ глубоко.

Андрей Петровичъ—человѣкъ лѣтъ 58, коллежскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, обремененный многочисленнымъ семействомъ. Я зналъ его чуть не съ дѣтства. Онъ управлялъ нѣкогда домомъ моего знакомаго, въ теченіи 15 лѣтъ, и знакомый мой всегда говорилъ мнѣ, и другимъ своимъ пріятелямъ, что онъ въ жизни своей не встрѣчалъ такого трудолюбиваго и честнаго человѣка. Онъ обращался съ своимъ управляющимъ, какъ съ другомъ, и мы всѣ любили Андрея Петровича за его прямоту, добродушіе и отсутствіе всякаго лицемѣрія. Андрей Петровичъ кромѣ того занималъ мѣсто столоначальника въ ** департаментѣ. У него было тогда уже четверо дѣтей... Ни онъ, ни жена его никогда не жаловались на недостаточность средствъ своихъ.... Они занимали небольшую даровую квартиру въ домѣ моего знакомаго, содержали ее съ удивительною чистотою, такъ что любо было смотрѣть на ихъ маленькое хозяйство— и, казалось, причисляли себя къ счастливѣйшимъ людямъ на землѣ. Въ дѣтяхъ своихъ они души не слышали. Я заходилъ иногда вечеромъ къ Андрею Петровичу вмѣстѣ съ моимъ знакомымъ, домомъ котораго онъ управлялъ — и мы всегда выносили отъ него самое пріятное впечатлѣніе. На этихъ вечерахъ не было, разумѣется, рѣчи ни о политикѣ, ни объ отвлеченныхъ предметахъ, ни о высокомъ и прекрасномъ; рѣчь шла о самыхъ обыденныхъ вещахъ, а между тѣмъ—странное дѣло! намъ никогда не бывало скучно у Андрея Петровича: во всѣхъ словахъ его и жены его было столько здраваго смысла, простоты и правды и вмѣстѣ столько чувства человѣческаго достоинства, что ихъ замѣчанія и разсужденія приводили насъ иногда даже въ изумленіе. Ихъ благородная, прямая, неиспорченная натура замѣняла въ нихъ недостатокъ образованія, и дѣлала его почти незамѣтнымъ. Товарищи Андрея Петровича по службѣ отзывались объ немъ, какъ о самомъ способномъ и трудолюбивомъ чиновникѣ и какъ о прямомъ человѣкѣ, никогда не интриговавшемъ и не поддѣлывавшемся къ начальству....

Мой знакомый домовладѣлецъ умеръ; Андрей Петровичъ отказался отъ управленія домомъ: его возвели въ это время въ начальники отдѣленія,—съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ виду. Лѣтъ пять

тому назадъ я слышалъ только, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, когда вѣдомство, въ которомъ онъ состоялъ слишкомъ тридцать лѣтъ, перешло къ новому начальнику. Что принудило бѣднаго Андрея Петровича подать въ отставку — я не зналъ, а должно быть причина была важная, потому что онъ и семейство его не имѣли никакихъ ресурсовъ, кромѣ жалованья.

Наружность Андрея Петровича поразила меня. Въ шесть лѣтъ такъ страшно измѣниться! Шесть лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ очень бодрый видъ, одѣтъ былъ всегда съ большою аккуратностію и чистотою; а теперь тотъ же самый Андрей Петровичъ походилъ на дряхлаго старика, отъ котораго вѣяло углами, сыростію, затхлостію и нищетою....

— Гдѣ вы живете теперь? спросилъ я у него, самъ не зная, что спрашивая и чувствуя неловкость этого вопроса.

— Далеко, отвѣчалъ онъ: — на Выборгской. Мое положеніе дурно.... Я радъ, что съ вами встрѣтился. Вы были всегда добры ко мнѣ. Я бы давно пришелъ къ вамъ, если бы зналъ, гдѣ вы живете... Не поможете ли вы сколько нибудь моему горю?

Я далъ ему свой адресъ и просилъ его адреса.

— Адресъ мой я вамъ дамъ, если угодно, отвѣчалъ онъ: — но вы ужь ко мнѣ не трудитесь ѣздить: я не въ такомъ положеніи, чтобы принимать кого нибудь. Я приду къ вамъ, если позволите....

Андрей Петровичъ на другой же день пришелъ ко мнѣ. Я узналъ отъ Андрея Петровича, что онъ долженъ былъ подать въ отставку, вслѣдствіе *контры*, существовавшей между его непосредственнымъ начальникомъ и тою особою, которая вступила въ управленіе вѣдомствомъ. Какъ бы то ни было, но Андрей Петровичъ остался съ маленькимъ пансіономъ и съ шестью дѣтьми. Что дѣлать и куда идти?...

Онъ отправился къ своему прежнему начальнику.

Его превосходительство принялъ его съ большимъ чувствомъ, поохалъ, погоревалъ вмѣстѣ съ нимъ, объявилъ, что онъ, къ сожалѣнію, теперь не имѣетъ ничего для него въ виду, а при первомъ случаѣ поставитъ за долгъ сдѣлать для него все, что можетъ.

Андрей Петровичъ покорился своей горькой участи, нанялъ маленькую квартирку на Пескахъ и прожилъ кое-какъ около года: у него было запаснаго капитала на черный день тысячъ до полутора. Два старшіе сына его ходили въ гимназію, остальныя дѣти были при немъ.

Черезъ годъ, онъ снова рѣшился безпокоить его превосходительство.

Его превосходительство снова принялъ его съ милостивою

атенціею, и когда Андрей Петровичъ представилъ ему бѣдственную картину своего положенія, добрый генералъ даже прослезился.

— Что же мнѣ дѣлать, милый мой! сказалъ онъ : — я вамъ душу свою готовъ отдать, но у меня теперь еще ничего нѣтъ въ виду.

Андрей Петровичъ поблагодарилъ его превосходительство за его участіе, но замѣтилъ дрожащимъ голосомъ, что ужь ему приходится плохо...

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой! говорилъ его превосходительство, ходя неслышно по мягкому ковру своего изящнаго кабинета : — какъ бы мнѣ, любезнѣйшій, помочь вамъ?

И онъ въ раздумьѣ остановился у мраморнаго горѣвшаго камина, раздвинулъ фалды своего сюртука и сказалъ :

— Постойте, постойте... я поговорю объ васъ сегодня же въ англійскомъ клубѣ съ Григорьемъ Васильевичемъ и все-таки я дамъ вамъ письмо къ нему... Сходите-ко къ нему черезъ недѣльку. Авось у него и найдется какое нибудь мѣстечко. Мнѣ бы на время только пристроить васъ, а ужь потомъ я васъ переведу къ себѣ, объ этомъ вамъ нечего безпокоиться.

Его превосходительство тотчасъ же написалъ письмо къ своему пріятелю, запечаталъ его своею большою гербовою печатью и вручилъ Андрею Петровичу.

Черезъ недѣлю, Андрей Петровичъ отправился съ этимъ письмомъ.

Лакей, прекрасно одѣтый, въ бѣломъ искусно-повязанномъ галстухѣ, осмотрѣвъ подозрительно Андрея Петровича съ ногъ до головы, объявилъ ему, что ихъ превосходительство сейчасъ ѣдутъ, что уже ихъ экипажъ у подъѣзда и принимать они никого не могутъ....

Но въ эту минуту его превосходительство самъ показался въ дверяхъ передней.

— Что такое? сказалъ онъ, обращаясь къ лакею.

— Проситель къ вашему превосходительству съ письмомъ.

— Экипажъ готовъ?

— Готовъ, ваше превосходительство.

— Что вамъ угодно? Пожалуйте сюда, сказалъ генералъ, обращаясь къ Андрею Петровичу.

Андрей Петровичъ подалъ письмо.

Его превосходительство пробѣжалъ письмо, бросилъ бѣглый, но проницательный взглядъ на Андрея Петровича и произнесъ :

— Теперь я вамъ ничего не могу сказать положительнаго; можетъ быть мѣсяца черезъ два, три.... Вы меня извините.... я долженъ ѣхать сейчасъ въ комитетъ,... До свиданія-съ.

Его превосходительство кивнулъ головой и Андрей Петровичъ вышелъ.

Прошелъ еще годъ. Андрей Петровичъ тщетно обивалъ пороги значительныхъ лицъ.

Наконецъ пріятель его бывшаго начальника объявилъ ему однажды прямо и откровенно, что онъ хлопочетъ напрасно, что если бы его бывшій начальникъ захотѣлъ дать ему мѣсто, то онъ ужь давно бы получилъ его; люди же посторонніе, не имѣющіе понятія о его служебныхъ способностяхъ, не могутъ принимать въ немъ такого горячаго участія; что имъ ближе заботиться о своихъ подчиненныхъ, которые имъ хорошо извѣстны; что къ тому же теперь вездѣ сокращаютъ штаты, и если даютъ значительныя мѣста, то по преимуществу людямъ молодымъ, получившимъ университетское или вообще высшее образованіе, имѣющимъ современные взгляды, и такъ далѣе.

— Я бы вамъ совѣтовалъ лучше пріискивать для себя какое нибудь частное мѣсто, прибавилъ его превосходительство въ заключеніе.

Андрей Петровичъ переѣхалъ на Выборгскую сторону и сталъ искать частнаго мѣста.

Онъ получилъ рекомандательныя письма отъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ,—и между прочимъ отъ своего бывшаго начальника, который продолжалъ увѣрять его въ своемъ участіи,—къ разнымъ директорамъ акціонерныхъ компаній и къ богатымъ господамъ, нуждающимся въ управляющихъ имѣніями или домами. Богатыхъ господъ онъ не удостоился видѣть, потому что швейцары и лакеи не допускали его перешагнуть даже черезъ порогъ великолѣпныхъ дубовыхъ подъѣздовъ съ рѣзными украшеніями и гербами. Одни акціонерные директоры наотрѣзъ отказали ему, другіе водили его обѣщаніями, говорили: «зайдите *завтра, послѣ-завтра*». Ждать завтра и послѣ-завтра еще можно, когда человѣкъ одинокъ и у него есть хоть на мѣсяцъ средства къ существованію; но когда шесть или семь человѣкъ требуютъ ежедневно хлѣба, тогда.... «Ахъ, да что же дѣлать?» говорили добрые знакомые Андрея Петровича: «мы хлопочемъ объ васъ, мы всей душой рады помочь вамъ... Не виноваты же мы въ томъ, что всѣ наши хлопоты такъ неудачны?...» А нѣкоторые замѣчали: «Ахъ, любезнѣйшій, Андрей Петровичъ, счастье было въ вашихъ рукахъ, да вы не умѣли имъ пользоваться. Вы управляли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ огромнымъ домомъ, вы имѣли прекрасное мѣсто и могли бы на этомъ мѣстѣ пріобрѣсти хоть небольшой капиталецъ. Вольно же вамъ было забывать, что вы отецъ семейства, что вы обязаны воспитать и кормить дѣтей....

Пеняйте теперь сами на себя. Съ волками, батюшка, жить, надо по волчьи выть, противъ рожна не пойдешь. Припасли бы копѣйку на черный день, такъ никому бы не кланялись, ни передъ кѣмъ бы не унижались. Пусть бы тамъ что хотѣли говорили объ васъ на сторонѣ, а дѣти-то ваши были бы сыты и обуты....»

И правы были эти практическіе философы, но философію эту бѣдный Андрей Петровичъ понялъ поздно!

Я былъ на дняхъ у Андрея Петровича.

Онъ занимаетъ квартиру, состоящую изъ трехъ коморокъ, въ одномъ изъ переулковъ близь Сампсоньевскаго моста, въ деревянномъ, полуразвалившемся и вросшемъ въ землю домикѣ. Кривыя окна, съ гнилыми рамами, до половины занесены снѣгомъ, стекла съ внутренней стороны всѣ покрыты слоями льда и замерзшими сосульками. Чадъ отъ кухни, дымъ отъ топящейся печки смѣшивался съ паромъ отъ дыханія.

— Ахъ, зачѣмъ вы безпокоились? сказалъ мнѣ Андрей Петровичъ, крѣпко пожимая мнѣ руку: — вы у насъ еще простудитесь... Бога ради, надѣньте вашу шубу... Еще зиму-то какую далъ Богъ, къ нашему горю!...

Жену Андрея Петровича я не узналъ. Изъ полной и видной женщины она превратилась въ сморщенную и сгорбленную старушку, страдающую ревматизмами и одышкой; одна изъ дочерей Андрея Петровича почти уже невѣста, другіе также порядочно вытянунулись... и все это содержится четырьмя стами рублями въ годъ. Еще нашелся какой-то добрый человѣкъ, который платитъ въ гимназію за двухъ сыновей его.

— Я долго сносилъ свое положеніе, сказалъ мнѣ Андрей Петровичъ почти шопотомъ, когда жена его вышла: — но теперь, признаюсь вамъ, мнѣ становится ужь больно тяжело, силы-то начинаютъ измѣнять — вотъ что худо. Да ужь я про себя ничего не говорю, я-то еще перетерплю,—а вотъ она-то (онъ указалъ въ ту сторону, куда вышла его жена) — видите ли, до чего довела ее нищета — она на ладонъ дышетъ: каково ей-то въ этомъ холодѣ и сырости!... Въ послѣднее время что на одни лекарства у меня вышло! — все, что было у насъ сколько нибудь порядочнаго, все продано, а впереди ничего! Въ посулы, да въ обѣщанія я давно потерялъ всякую вѣру... Плохо дѣло, какъ придется взвалить суму на плечи, да на старости лѣтъ протягивать руку прохожимъ...

Я не нашелся ничего сказать ему въ утѣшеніе.

Андрей Петровичъ улыбнулся и продолжалъ:

— Впрочемъ я, право, не ропщу. Какъ ни скверно наше поло-

женіе, а сравнительно со многими другими, намъ еще грѣхъ жаловаться. Вотъ хоть бы наши сосѣди... Правда, Настя?

Онъ обратился къ дочери.

Настя грустно улыбнулась, не отнимая глазъ отъ работы. Мнѣ показалось, что руки ея были сини отъ холода, несмотря на то, что находились въ постоянномъ движеніи.

Я просидѣлъ съ полчаса у Андрея Петровича и смертельно продрогъ, — надѣвать шубу мнѣ было совѣстно.

Я отправился отъ него домой пѣшкомъ.

Узенькіе переулки, обстроенные деревянными, полусгнившими и покривившимися домишками, съ полуразрушенными заборами и воротами, съ провалившимися деревянными мостками, какъ въ самыхъ жалкихъ уѣздныхъ городахъ; нищета, плесень, грязь, стянутая осьмнадцатиградуснымъ морозомъ и заваленная снѣгомъ, — все это часть того же великолѣпнаго Петербурга, который тщеславится своими музеями, картинными галлереями, мраморами, палацами, исполинскими и роскошными зданіями... И отъ этихъ бѣдныхъ лачугъ до этихъ исполинскихъ зданій — только съ небольшимъ полчаса ходьбы!

А намъ, катающимся на рысакахъ, или прохаживающимся по Невскому проспекту, по набережнымъ, по Морской, намъ, праздньимъ людямъ, бросающимъ ежедневно деньги на разные пустяки и прихоти, намъ — любителямъ комфорта, избалованнымъ различными *финесами*, — покровителямъ искусствъ, поклонникамъ изящнаго—и въ голову можетъ быть не приходитъ, что рядомъ съ *нашимъ* Петербургомъ, съ его театрами, клубами, собраніями, ресторанами, существуетъ другой, почти незнакомый намъ, Петербургъ, обитатели котораго просыпаются отъ холода въ своихъ конуркахъ, съ мыслію: «ну, что если мнѣ сегодня не повѣритъ въ долгъ лавочникъ?» и засыпающихъ съ мыслію: — «чѣмъ-то я завтра накормлю свое семейство? откуда я возьму дровъ?»

Семейство Андрея Петровича погрузило меня, признаться, въ самое мрачное настроеніе духа. Мнѣ даже показалась чуть не постыдною моя любовь къ искусствамъ, которая заставляла меня наканунѣ восхищаться этими драгоцѣнными палаццами, набитыми картинами и мраморами, и радоваться о распространеніи изящнаго вкуса въ Петербургѣ; мнѣ показалось страннымъ общество, истрачивающее мильйоны, или сотни тысячъ, или тысячи (все равно) на удовлетвореніе своего тщеславія или, пожалуй, дѣйствительной любви къ искусству—и равнодушно допускающее страдать человѣка, рядомъ живущаго съ нимъ, удрученнаго семействомъ и выбившагося изъ силъ. Деньги, платимыя меценатами и любителями ис-

кусствъ за одну картину какого нибудь Калама, или Тройона, или Мезонье — за одну только картину — могли бы обезпечить жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, спасти отъ холода и голода цѣлое семейство!

У насъ, счастливцевъ міра сего, для которыхъ жизнь вѣчный праздникъ, существуетъ между прочимъ обычай дѣлать другъ другу различные подарки и милые сюрпризы къ праздникамъ и къ новому году. Если бы деньги, истрачиваемыя нами на такіе подарки, мы обратили на помощь нашимъ меньшимъ братьямъ — неимущимъ и страждущимъ, это имѣло бы гораздо болѣе смысла.

— Да гдѣ же отыскивать истинно бѣдныхъ? спросятъ меня.

— Э! помилуйте; да такихъ людей — была бы только добрая воля — отыскать гораздо легче, чѣмъ какую нибудь старинную картину, или какую нибудь драгоцѣнную историческую вещь. Не забудьте, что Тотъ, чье рожденіе вы празднуете теперь, приходилъ въ міръ для утѣшенія страждущихъ, трудящихся и обремененныхъ!...

Но я принялъ, кажется, ужь слишкомъ поучительный тонъ, неумѣстный въ бѣглыхъ замѣткахъ, посвященныхъ по преимуществу разсказу о петербургскихъ утонченныхъ удовольствіяхъ. Всему виноватъ бѣдный Андрей Петровичъ, превратившій меня нечаянно изъ фельетониста въ моралиста....

Перейдемъ же поскорѣй къ *нашимъ* изящнымъ новостямъ. Намъ на этотъ разъ предстоитъ говорить дѣйствительно о замѣчательной новости, — о великой артисткѣ, которая находится въ Петербургѣ. Въ томъ, что *Ристори* великая артистка, что она вовсе не созданіе французскихъ фельетонистовъ, какъ увѣряли насъ нѣкоторые; что она вполнѣ заслуживаетъ ту европейскую славу, которой пользуется, — теперь Петербургъ убѣждается собственными глазами и слухомъ — и убѣждается съ каждымъ новымъ ея представленіемъ.

Число петербургскихъ поклонниковъ Ристори возрастаетъ съ каждымъ новымъ ея представленіемъ. Ристори, говорятъ, родилась въ 1823 году, слѣдовательно ей 37 лѣтъ. Она высокаго роста, съ красивыми и правильными чертами лица, способнаго выражать всѣ человѣческія ощущенія и страсти съ ихъ малѣйшими оттѣнками. Она, какъ всѣ южныя женщины, кажется немного старѣе своихъ лѣтъ.

Подробную біографію Ристори и отчетъ о ея игрѣ мы представимъ нашимъ читателямъ современемъ, когда прослѣдимъ игру артистки — во всѣхъ роляхъ ея репертуара. Тогда только мы вполнѣ будемъ въ состояніи оцѣнить ея талантъ и показать, *что общаго*, или *есть ли что нибудь общаго*, между нею и ея соперницей, такъ рано

сошедшей въ могилу. Comparaison n'est pas raison, говорятъ французы, но говоря о Ристори, нельзя не вспомнить о Рашель, уже по одинаковости ихъ репертуара.

Въ настоящую минуту мы бѣгло передадимъ только то впечатлѣніе, которое произвела на насъ Ристори въ роляхъ «Медеи», «Маріи Стюартъ» и «Каммѣ».

Ристори появилась въ первый разъ на сценѣ Маріинскаго театра въ «Медеѣ». Распространяться о «Медеѣ» мы не будемъ. Содержаніе этой пьесы взято г. Легуве у Эврипида. Либретто г. Легуве составлено съ французскою ловкостію; г. Легуве имѣлъ въ виду Рашель, но Рашель почему-то не хотѣла взять на себя эту роль — и ее взяла Ристори.

Публика, конечно, встрѣтила знаменитую артистку съ рукоплесканіями, но въ продолженіе всей пьесы оставалась довольно холодною къ игрѣ ея. Причины этой холодности, если мы не ошибаемся, были слѣдующія, и прежде всего:

Воспоминанія о Рашели и невольное сравненіе съ Рашелью. Фигура Рашели (мы будемъ говорить не стѣсняясь, тѣмъ болѣе, что, какъ читатель увидитъ впослѣдствіи, высоко цѣнимъ талантъ итальянской артистки) гораздо изящнѣе и тоньше фигуры Ристори; въ Ристори нѣтъ той античной граціи въ движеніяхъ, въ позахъ, которою владѣла Рашель. Ристори не прибѣгаетъ къ тому ловкому и тонкому кокетству, которое проявлялось въ каждомъ поворотѣ головы Рашель и даже въ той манерѣ, съ какою она носила такъ живописно одежду древнихъ женщинъ. Притомъ Рашель казалась на сценѣ несравненно моложавѣе Ристори.

Прибавьте къ этому, что роль «Медеи» не можетъ возбуждать въ зрителѣ почти никакой симпатіи, что итальянскій языкъ совершенно почти незнакомъ зрителямъ, несмотря на ихъ любовь къ итальянской оперѣ, что наконецъ Ристори въ этой роли не могла явиться въ блестящемъ, эффектномъ костюмѣ, — а на нѣкоторыхъ зрителей костюмы очень дѣйствуютъ!

Явись она въ первый разъ въ «Маріи Стюартъ» или въ «Каммѣ» — она произвела бы гораздо бо́льшій эффектъ.

Мы должны откровенно признаться, что въ ролѣ «Медеи» Ристори не произвела и на насъ сильнаго впечатлѣнія. Въ это представленіе мы только убѣдились, что она обладаетъ дѣйствительно той трагической силой, которая можетъ быть достояніемъ только первостатейныхъ артистовъ.

Здѣсь кстати было бы сказать нѣсколько словъ о старинной трагедіи вообще и о нелѣпыхъ современныхъ подражаніяхъ этому роду, но мы отложимъ все это до той минуты, когда будемъ подроб-

но говорить о Ристори. Теперь же замѣтимъ одно, что дикія страсти «Медеи» и вообще героинь старинныхъ трагедій, движимыхъ роковою силою неумолимаго древняго фатума, не могутъ возбуждать живаго участія и сочувствія въ современномъ человѣкѣ.

Рашель и Ристори могли возбудить въ насъ только временно интересъ къ старинной трагедіи, но не воскресить ее. Всѣ эти Медеи, Каммы, Федры, Юдифы, Гофоліи конечно безъ этихъ артистовъ невозможны....

Но обратимся къ Ристори. Въ «Каммѣ» — она еще болѣе, чѣмъ въ «Медеѣ» обнаружила намъ свои трагическія средства, удивительную способность воплощать въ себѣ дикія вдохновенія и страсти древнихъ героинь. Она поражаетъ зрителей то страхомъ, то удивленіемъ: это одушевленная богиня мщенія. Съ какою ядовитою хитростію и ловкостію выпытываетъ она у Синориса (убійцы любимаго ей мужа) тайну его смерти и ведетъ на смерть убійцу, воображающаго, что она ведетъ его къ брачному алтарю. Сцены послѣдняго акта, когда уже брачное торжество готово, когда раздаются звуки арфъ и подъ эти звуки Камма забывается на мгновеніе, вспоминая свой первый бракъ, и произноситъ: «Oh il dolce suono a cui Tolese in giorno L'inno sposò che dell'eroe m'accese!» (О, сладкіе звуки! этими звуками Толезъ (бардъ) акомпанировалъ свой гимнъ, они воспламеняли меня къ герою!...), и переходъ отъ этихъ воспоминаній, отъ этого минутнаго забвенія къ роковой дѣйствительности, ужасъ и отвращеніе Каммы, протягивающей руку къ Синорису, ея предсмертныя судорожныя дикія муки, когда она отравила себя и Синориса, восторгъ съ которымъ она принимаетъ близящуюся смерть, ея восклицаніе: «Oh gioia! E morte...» (О, радость! Это смерть),—всѣ эти сцены были выполнены артисткою съ глубокою правдою, съ изумительною силою, съ неподражаемымъ совершенствомъ; но въ ролѣ «Каммы», не смотря на все это, Ристори все-таки не могла возбудить къ себѣ того глубокаго сочувствія, какое она возбуждаетъ въ ролѣ «Маріи Стюартъ».

Это лицо уже близкое къ намъ, знакомое и понятное, возбуждающее въ насъ вмѣстѣ и сочувствіе и негодованіе, — сочувствіе, когда она является въ поэтическихъ образахъ Шиллера и Вальтеръ-Скотта; негодованіе, — когда она предстаетъ передъ нами безъ всякихъ прикрасъ въ суровой исторической истинѣ.

Поэтическій образъ, созданный Шиллеромъ, воспроизводится на на сценѣ великою артисткою художественно. Это именно та Марія Стюартъ, о которой мечталъ Шиллеръ. Намъ показалось только, что Ристори придаетъ уже слишкомъ много суроваго величія образу

Маріи. Мы желали бы видѣть въ ней болѣе женственной мягкости и слабости. Послѣднія слова Лейчестеру:

......«Hai sciolta
La tua fede, o Roberto!... Il braccio tuo
Togliere mi dovea da queste mura,
E il tuo braccio men toglie...»

(Ты сдержалъ свое обѣщаніе, о Робертъ!... Рука твоя должна была вывести меня изъ этихъ стѣнъ и рука твоя меня выводитъ изъ нихъ).

...какъ громъ небесный обрушиваются надъ головой Лейчестера. Ристори, конечно, удивительно произноситъ эти слова, но если бы они были произнесены съ меньшей трагическою силою, — они ничего не потеряли бы отъ этого. Но вообще — въ сценѣ 3 акта Маріи съ Елисаветою и въ прощаніи въ 4 актѣ — Ристори является во всемъ блескѣ и силѣ своего трагическаго таланта. Она доставляетъ зрителямъ такое высокое артистическое наслажденіе, какое никогда не изглаживается....

Нѣтъ, не французскіе фельетонисты создали Ристори и дали ей европейскую славу... Слишкомъ много чести для этихъ господъ. Ристори дѣйствительно великая артистка, но намъ еще предстоитъ много говорить объ ней....

Теперь мы останавливаемся, считая долгомъ прибавить, что труппа Ристори весьма порядочная, по крайней мѣрѣ несравненно выше труппы Рашель.

На Александринскомъ театрѣ дана была (въ бенефисъ г. Бурдина) новая комедія новаго автора г. *Потѣхина* — меньшаго брата извѣстнаго литератора, г. А. Потѣхина. Комедія эта называется: «*Дока на Доку нашелъ.*»

Содержаніе ея таково:

Молодой человѣкъ, высшаго круга (баронъ), у котораго еще жива маменька (маменьку развозятъ въ креслахъ по сценѣ и за ней бѣгаютъ приживалки, горничныя и лакеи въ гербовыхъ ливреяхъ), проживаетъ послѣднія крохи нѣкогда значительнаго состоянія. По его воспитанію, привычкамъ, образу жизни ему нуженъ милліонъ, во чтобы то ни стало.... Онъ хочетъ женится на дочери купца разбогатѣвшаго разными неправдами. И купецъ и его дочка, любившая передъ этимъ какого-то купчика, приходятъ въ восторгъ отъ предложенія барона: отецъ — хвастаетъ тѣмъ, что онъ роднится съ знатнымъ человѣкомъ, и разсчитываетъ на помощь будущаго зятька, чтобы устроить для себя одно выгодное комерческое дѣльцо; дочь для свѣтскаго франта мгновенно забываетъ своего долгополаго обо-

жателя. Все готово къ браку.... и невѣста ужь въ церкви, — жениха только нѣтъ. А вотъ почему: купчикъ влюбленный въ невѣсту барона является къ нему и предлагаетъ ему 50,000 *отступнаго*, прибавляя, чтобы баронъ не надѣялся на честное слово своего будущаго тестя... «Они», говоритъ онъ, «всенепремѣнно васъ надуютъ-съ; ужь мы ихъ оченно хорошо знаемъ-съ» (что-то въ родѣ этаго). Но если купецъ дока, то и баронъ не уступитъ ему. «Коли такъ», думаетъ баронъ, — «хорошо же! посмотримъ, кто кого проведетъ!» Баронъ снимаетъ свой фракъ, — надѣваетъ халатъ и ложится спокойно на диванѣ.... Пусть ждетъ въ церкви невѣста, онъ не поѣдетъ, покуда не будетъ ощущать въ рукѣ своей милліона. — И онъ беретъ милліонъ, достигаетъ своей цѣли. Такія продѣлки, говорятъ, бываютъ въ дѣйствительности.

Баронъ выкупаетъ изъ залога имѣніе своей матери, ведетъ жизнь широкую, играетъ въ *большую*, проигрываетъ, прибѣгаетъ къ помощи жены и та отказываетъ ему въ этой помощи.... Онъ приходитъ въ бѣшенство, бѣжитъ къ матери, проситъ ее, чтобы она снова заложила только-что выкупленное имъ имѣніе, — мать объ этомъ слышать не хочетъ; онъ посылаетъ за тестемъ, требуя, чтобы тотъ принудилъ дочь дать ему денегъ; разорившійся купецъ читаетъ ему мораль, и на его слово о чести, замѣчаетъ, что «ужъ не намъ бы съ вами толковать о чести!...» Баронъ всѣми отвергнутъ и униженъ.... и все это отчего?... Отъ того, что онъ, по его мнѣнію, былъ *слишкомъ честенъ* — не переписалъ билеты на свое имя въ дни медоваго мѣсяца.

Жена поступаетъ, впрочемъ, съ барономъ своимъ мужемъ великодушно: она, оставляя его, даритъ ему на прощанье домъ и еще при томъ значительную пенсію — милая, добрая жена!... и откуда она набралась такого великодушія?

Мы не строги къ нашимъ доморощенымъ драматическимъ произведеніямъ. — Посредственное драматическое произведеніе изъ отечественныхъ нравовъ мы предпочитаемъ на нашей сценѣ не только плохимъ переводнымъ водевилямъ, но даже хорошимъ переводнымъ произведеніямъ, и потому радуемся появленію всякой оригинальной комедіи — и въ томъ числѣ новой комедіи г. Потѣхина «Дока на Доку нашелъ.» Ктому же какъ первый опытъ начинающаго писателя, эта комедія не могла не обратить на себя вниманіе. Она понравилась публикѣ, и могла бы понравиться еще болѣе, если бы авторъ сократилъ два первые акта и если бы нѣсколько половче были очерчены имъ нѣкоторыя лица, особенно дочь купца, впослѣдствіи баронесса. Она ужь черезъ чуръ безцвѣтна.

Видно, что на молодаго автора имѣли сильное вліяніе г. Кобы-

линъ (его баронъ облагороженный и помолодѣвшій Кречинскій) и Островскій.—(Купцы г. Потѣхина есть болѣе или менѣе удачное подражение купцамъ Островскаго).

Говорятъ, нашлись такіе глубокомысленные люди (да еще изъ журналистовъ), которые, прочитавъ комедію г. Потѣхина, воскликнули:

«Ну, теперь Островскій убитъ!»

Это не дурно.

Двѣ главныя роли въ комедіи—купца-отца и *барона* разъиграны были съ успѣхомъ: первая г. Бурдинымъ, вторая г. Нильскимъ.

Г. Нильскаго мы видѣли въ первый разъ. — Это такой jeune premier, подобнаго которому еще не бывало на русской сценѣ, за исключеніемъ развѣ г. Сосницкаго во времена оны. — Г. Нильскій очень удачно усвоилъ себѣ типъ современныхъ свѣтскихъ людей, онъ очень ловокъ, приличенъ и въ мѣру развязенъ на сценѣ. Мы поздравляемъ съ этимъ пріобрѣтеніемъ русскую труппу и желаемъ г. Нильскому, не увлекаясь своими успѣхами, стараться постепенно совершенствоваться и развивать свое дарованіе.

Балетъ процвѣтаетъ.

Г-жа Розатти танцовала недавно въ новомъ балетѣ «Граціелла» вмѣстѣ съ г. Сен-Леономъ. Балетъ очень милъ, — а г-жа Розатти еще милѣе....

Объ итальянской оперѣ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ номерахъ нашего журнала.

Теперь намъ предстоитъ еще говорить о многомъ.

Намъ прежде всего хотѣлось бы говорить объ *лекціяхъ философіи* г. Лаврова и объ лекціяхъ г. Пинто о *Данте*, но, къ величайшему нашему сожалѣнію, намъ не удалось быть на этихъ любопытныхъ лекціяхъ, о которыхъ всѣ — и молодые люди и наши сверстники единодушно (особенно о лекціяхъ г. Лаврова) отзываются съ величайшими похвалами. г. Лавровъ прочелъ, говорятъ, три лекціи. Предметомъ первой лекціи было развитіе: Что такое философія въ знаніи?—Второй лекціи,— что такое философія въ творчествѣ? и наконецъ, третьей — что такое философія въ жизни?... *Для* того, чтобы развить три такіе важные вопроса въ теченіе трехъ или четырехъ съ половиной часовъ, (мы полагаемъ, что каждая лекція не продолжалась болѣе полутора часа) нужно обладать очень ловкой и живой діалектикой.

Мы, гдѣ-то прочли, что со стороны слушателей особенное сочувствіе (?) вызвала мысль г. Лаврова *о самостоятельномъ* значеніи искусства (то есть о томъ, что *искусство* должно существовать *для искусства*)? Неужели философы доселѣ еще придерживаются этой

старинной теоріи, за которой такъ крѣпко стоятъ разныя наши поэты и прозаики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, наши любезные сверстники, съ презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ съ равнодушіемъ смотрящіе на движеніе современной жизни и на вопросы поднятые духомъ времени, какъ на что-то ничтожное и преходящее и полагающіе, что идеалы создаваемые ими вѣчны?... Среди всеобщаго движенія человѣческой мысли, завоевывающій себѣ съ каждымъ шагомъ все болѣе широты и свободы, среди все болѣе и болѣе обнаруживающагося стремленія къ улучшенію вообще человѣческаго быта,—неужели, во имя своей самостоятельности, одно только искусство останется безучастнымъ этому движенію и эгоистически отстранитъ себя отъ него, изъ боязни повредить своей художественной формѣ? Неужели дѣйствительно поэтамъ такъ антипатичны всякая борьба, всякое современное движеніе и они могутъ въ минуты этой борьбы безпечно брянцать на лирахъ, издавая сладкіе соловьиные звуки? Намъ кажется, что эта борьба должна бъ пробудить поэзію къ новой жизни, вызвать новые, могущественные звуки... Да и неужели *современныя событія* мелки и не достойны возбужденія поэтическаго вдохновенія, по мнѣнію нашихъ мыслителей и художниковъ, которые носятся съ своимъ искусствомъ для искусства?

Какъ думаетъ объ этомъ г. Лавровъ?...

Мы говорили уже, что по пятницамъ въ залахъ постоянной художественой выставки устроены художественные вечера. Въ одну изъ послѣднихъ пятницъ устроенъ былъ маскерадъ въ пользу нуждающихся художниковъ. Начиная съ вице-президента академіи, здѣсь были почти всѣ извѣстные художники, нѣкоторые любители искусствъ, драматическіе артисты и литераторы; г. Григоровичъ между прочимъ импровизировалъ сцену, въ которой онъ очень ловко изобразилъ шарлатанство фотографическаго дѣла; г. Самойловъ пародировалъ Ольриджа. Вечеръ этотъ былъ очень живъ и оконченъ дружескимъ ужиномъ.

Носятся слухи о томъ, что въ бывшемъ лицейскомъ саду поставится памятникъ Пушкину.

Говорятъ, что въ Петербургѣ учредится *Комитетъ для народнаго здравія*, въ которомъ, за исключеніемъ докторовъ, будутъ засѣдать представители городскихъ сословій, фабриканты и ремесленники.

Въ «Сѣверной Пчелѣ» касательно предполагаемыхъ въ Петербургѣ улучшеній и удобствъ, мы прочли между прочимъ слѣдующее:

«Одна часть петербургскаго населенія сильно нуждалась, до сихъ поръ, въ возможности правильнаго сообщенія; то были жители Большой и Малой Охты, которые должны были огибать большое

пространство, чтобы не оставаться отрѣзанными отъ лѣваго берега на нѣсколько недѣль. Потребность въ мостѣ сознавались всѣми, но только въ настоящее время мы можемъ сообщить отрадное извѣстіе, что неудобство перевозовъ на яликахъ и елботахъ, въ особенности при похоронныхъ процессіяхъ, отнынѣ будетъ устранено.

«Жители Охты будутъ обязаны этимъ гг. Пономареву и Баеву, возъимѣвшимъ мысль учредить въ С.-Петербургѣ компанію на акціяхъ для устройства черезъ Неву плашкоутнаго моста отъ Смольнаго монастыря на Большую Охту. Предпріятіе это заключается въ слѣслѣдующемъ:

«Компанія полагаетъ составить капиталъ въ 200,000 руб. сер. и для удобства сообщенія по берегу, занятому зданіемъ Смольнаго монастыря, уширить до четырехъ саженъ существующую на томъ мѣстѣ набережную, на пространствѣ около версты, отъ большаго охтинскаго перевоза до перевоза смольнаго. Въ вознагражденіе расходовъ учредители испрашиваютъ право на взиманіе въ продолженіе *тридцати* лѣтъ опредѣленнаго сбора съ проходящихъ и проѣзжающихъ по мосту слѣдующей платы:

Съ пѣшеходцевъ	. . . .	1 к. сер.
» верховыхъ	. . . .	3 » »
» каждаго воза	. . . .	6 » »
» экипажа за каждую лошадь	. .	5 » »
» похоронныхъ процессій	отъ	25 к. до 3 р. (?)

«Кромѣ того съ судовъ, за разводку моста, при пропускѣ ихъ полагается также дѣлать сборъ въ размѣрахъ, опредѣленныхъ для прочихъ городскихъ мостовъ.

«По истеченіи тридцати лѣтъ компанія передаетъ мостъ въ вѣдѣніе города.

«Мостъ, проэктированный компаніей, соображаясь съ шириною рѣки въ этомъ мѣстѣ, простирающеюся свыше 200 саженъ, положено устроить съ соразмѣрнымъ числомъ плашкоутовъ (плашкоуты устраиваются не далѣе, какъ черезъ десять саженъ одинъ отъ другаго; слѣдовательно, плашкоутовъ этихъ будетъ болѣе двадцати) и съ двумя береговыми пристанями на сваяхъ. Для составленія деталей этого моста, одинъ изъ компаньоновъ уѣхалъ уже за границу, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть существующіе тамъ подобной же конструкціи мосты, устроенные въ послѣднее время».

Заговоривъ объ улучшеніяхъ въ Петербургѣ, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ петербургскихъ читателей на рѣчь инженера г. Васильева (появившуюся особой брошюркой и произнесенную имъ въ первомъ собраніи гг. архитекторовъ и инженеровъ для обсужденія разныхъ техническихъ вопросовъ, относящихся до ихъ

спеціальности). Г. Васильевъ изложилъ въ этомъ собраніи свой «взглядъ на современное состояніе вопроса объ улучшеніи Петербурга...»

Онъ указалъ на плачевное состояніе нашихъ мостовыхъ, и предложилъ избавить домохозяевъ отъ натуральной повинности мостить улицы, установивъ налогъ на всѣхъ городскихъ обывателей и прибавивъ къ нему сборъ съ домовладѣльцевъ и экипажей... Тогда можно будетъ устроить дренажи, водостоки и проч. Безъ всего этого раціональное улучшеніе мостовыхъ невозможно.

Г. Васильевъ обращаетъ также вниманіе на дороговизну квартиръ въ Петербургѣ и предполагаетъ для устраненія этого устроить постоянныя сообщенія съ Петербургскою и Выборгскою сторонами, гдѣ цѣны мѣстъ, домовъ и квартиръ несравненно дешевле.

Таксы въ Петербургѣ на печеный хлѣбъ и мясо уничтожены. Цѣна мяса увеличилась съ десяти на двѣнадцать копѣекъ, а булки, по наблюденіямъ петербургскихъ хозяекъ, уменьшаются чуть не ежедневно въ своемъ объемѣ.

На дняхъ открывается новая воскресная школа въ зданіи Николаевской военной академіи.

Мы только что прочли объявленіе о газетѣ «Руская рѣчь», которую вознамѣрилась издавать наша извѣстная писательница—г-жа Евгенія Туръ.

«Вооружаясь противъ всякихъ *исключительностей* и *крайностей*, происходящихъ (будто бы) отъ легкомысленнаго обращенія съ фактами, изъявляя мнѣніе, что *уваженіе къ прошедшему служитъ надежнѣйшею гарантіею будущаго развитія*, редакція «Русской рѣчи» хочетъ быть *органомъ соглашенія для всѣхъ людей, желающихъ постепеннаго и правильнаго прогресса въ Россіи* и будетъ обращать особенное вниманіе на *изящную литтературу*.»

Журнальныхъ органовъ съ такими похвальными, скромными, умѣренными, comme il faut'ными (если такъ можно выразиться) направленіями у насъ развелось очень много. Въ одной Москвѣ существуетъ нѣсколько такихъ газетъ: «Наше время», «Московскій Вѣстникъ» и такъ далѣе. Что же собственно вызвало «Русскую рѣчь» къ отдѣльному существованію?... Рѣшить этого мы не можемъ, но вмѣстѣ со всѣми журнальными органами желаемъ полнаго успѣха г-жѣ Туръ на новомъ и трудномъ поприщѣ, на которомъ, кажется, доселѣ у насъ еще не подвизались дамы.

Г. Тиблёнъ издалъ I томъ «Исторіи европейской цивилизаціи» Гизо.

Г. Глазуновъ издалъ II и послѣдній томъ «Сочиненій Лермонтова».

Г. Основскій—два тома «Сочиненій Тургенева» (I и IV). Остальные два тома выйдутъ въ непродолжительномъ времени. Всѣ четыре тома будутъ заключать все доселѣ написанное г. Тургеневымъ, за исключеніемъ его драматическихъ сочиненій и стихотвореній. Цѣна этихъ 4 томовъ — очень умѣренная по компактности изданія — 5 р. с.

Вышла вторымъ изданіемъ «Буква Ѣ» (руководство къ употребленію этой буквы въ письмѣ, составленное Баласогло) — книжечка не безполезная для всѣхъ, даже не исключая и литераторовъ. Мы не сомнѣваемся, что и это новое изданіе будетъ скоро раскуплено и что понадобится еще третье, четвертое изданіе, и такъ далѣе.

Мы хотѣли-было остановиться на буквѣ Ѣ, какъ получили толстый пакетъ. Распечатываемъ и находимъ въ немъ книжку, подъ заглавіемъ: «Теорія пикета. Необходимое руководство для всѣхъ любителей этой игры.» При распространеніи въ Россіи карточнаго интереса въ ущербъ всѣмъ другимъ, книжку эту ожидаетъ успѣхъ огромный. Мы убѣждены въ этомъ. Въ ту минуту, когда я получилъ ее, у меня былъ одинъ изъ тѣхъ *любителей*, которымъ посвящена она, — впрочемъ, мало сказать любитель — *знатокъ*, составившій себѣ огромную славу.... во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ клубахъ. Онъ пробѣжалъ книжку по моей просьбѣ и произнесъ глубокомысленно: «главныя, по моему мнѣнію, достоинства ея — примѣненіе *науки къ игрѣ, ясность и полнота изложенія*.

Намъ профанамъ къ этому уже прибавлять нечего. «Да, это драгоцѣнное руководство для пикета», прибавилъ карточный знатокъ. Дѣйствительно *драгоцѣнное*, тѣмъ болѣе, что его составлялъ г. Александръ *Червонный*.

НОВАЯ ГАЗЕТА «ВѢКЪ», СЪ 1861 ГОДА.

Хорошая еженедѣльная газета, соединяющая въ себѣ два одинаково-важныя качества для большинства — популярность изложенія и дешевую цѣну, составляетъ въ настоящее время ощутительную потребность. Опыты къ удовлетворенію этой потребности дѣлаются каждогодно уже нѣсколько лѣтъ сряду; вспомнимъ «Парусъ» и «Русскую Газету», быстро кончившіе свое существованіе; вспомнимъ «Наше Время»; вспомнимъ «Мо-

сковскій Вѣстникъ» и «Русскій Міръ», здравствующіе, но нельзя сказать, чтобъ процвѣтающіе (хотя тотъ и другой не лишены достоинствъ и ведутся съ рѣдкою добросовѣстностью). Наконецъ съ будущаго года къ нимъ присоединяются еще три еженедѣльныя изданія: «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника», «Русская Рѣчь» и «Вѣкъ». Первое назначается исключительно для подписчиковъ «Русскаго Вѣстника»; второе, предпринимаемое г-жею Евгеніею Туръ и обѣщающее представить много интереснаго, судя по таланту издательницы и многихъ сотрудниковъ, высокою своею цѣною и нѣкоторыми задачами своей программы, отходитъ отъ цѣли газетъ, предназначаемыхъ для большинства. Такимъ образомъ, изъ трехъ прибавляющихся на 1861 годъ еженедѣльныхъ изданій (*), вѣрнымъ этой цѣли остается только одно, именно газета «Вѣкъ», которая невысока по цѣнѣ и обѣщаетъ въ своей программѣ — содержаніе общеполезное и общедоступное по изложенію. И мы душевно желали бы, чтобы «Вѣкъ» сдержалъ свои обѣщанія, другими словами — чтобъ редакторы новой газеты, гг. Безобразовъ, Дружининъ и Кавелинъ, приложили къ своему предпріятію постоянный, неохлаждаемый никакими препятствіями, продолжительный трудъ. Нужно ли говорить, что безъ такого труда въ журнальномъ дѣлѣ не помогутъ никакіе таланты? Будучи уже знакомы достаточно съ журнальной дѣятельностію А. В. Дружинина, долгое время бывшаго однимъ изъ ревностныхъ нашихъ товарищей и помощниковъ — въ эпоху особенно трудную для журналистики; знакомые также отчасти съ журнальной дѣятельностію В. П. Безобразова, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ увидѣть на журнальномъ поприщѣ третьяго редактора «Вѣка», К. Д. Кавелина, за которымъ, подобно всей русской публикѣ, мы привыкли съ любовью и довѣріемъ слѣдовать на всѣ пути, куда обращалась его дѣятельность.

Н.

(*) Недавно впрочемъ появилось объявленіе г-жи Туръ, что «Русская Рѣчь» будетъ выходить не разъ въ недѣлю, а два.

ПОЛИТИКА.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА. — ПРОГРАММА ШМЕРЛИНГА. — РАЗВИТІЕ ВЕНГЕРСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ. — ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТЯХЪ ВЪ ВЕНГРІИ. — ИТАЛІЯ. — ДЕКРЕТЪ 24 НОЯБРЯ ВО ФРАНЦІИ. — ВОПРОСЪ О СОХРАНЕНІИ ИЛИ РАСТОРЖЕНІИ СОЮЗА ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Итальянскія дѣла рѣшительно отстранены на второй планъ событіями, происходящими или готовящимися въ Австріи. Обстоятельства австрійцевъ становятся дѣйствительно серьёзны. Будемъ надѣяться по прежнему, что австрійцы съумѣютъ избавиться отъ затрудненій, произведенныхъ либеральными ихъ попытками. Но именно для того, чтобы можно было намъ вполнѣ оцѣнить всю ловкость, какую несомнѣнно обнаружатъ австрійцы въ отстраненіи затрудненій, намъ надобно выставить теперь всю опасность ихъ обстоятельствъ.

Статуты, изданные для четырехъ нѣмецкихъ провинцій, были встрѣчены, какъ мы уже говорили, самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Чтобы понять всю распространенность неудовольствія, довольно будетъ привести одно свидѣтельство. Читателю извѣстно, что «Аугсбургская Газета» служитъ полуофиціальнымъ органомъ австрійскаго правительства. Кромѣ корреспондентовъ, пишущихъ по офиціальному указанію, она имѣетъ въ Австріи и другихъ корреспондентовъ, которые, не занимая офиціальнаго положенія, заслуживаютъ чести сотрудничества въ «Аугсбургской Газетѣ» пылкимъ спокойствіемъ своего австрійскаго патріотизма. Эти скромные патріоты до

сихъ поръ доказывали въ «Аугсбургской Газетѣ», что дѣла идутъ хорошо; но теперь они увидѣли необходимость предостерегать австрійскихъ министровъ. Мы сами не слѣдимъ за развитіемъ либерализма въ заграничномъ органѣ австрійскаго правительства, но вотъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'а отрывокъ, показывающій, до какой печальной необходимости предостерегать своихъ покровителей доведена «Аугсбургская Газета».

«Вѣна, 26 ноября.

«Нѣкоторые изъ вашихъ читателей могутъ думать, что я слишкомъ мрачно смотрю на положеніе дѣлъ въ Австріи; потому приведу здѣсь мнѣнія другихъ публицистовъ. «Аугсбургская Газета», находящаяся, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ австрійскому правительству, напечатала письма изъ Тироля отъ 17 и 18 ноября, и вотъ каково содержаніе этихъ писемъ:

«Трудно выразить все наше недовольство. Малы были наши «ожиданія, но дано намъ гораздо меньше, чѣмъ ждали мы. Ти«роль — страна всегда бывшая вѣрною династіи — получилъ въ на«граду за свою вѣрность и самоотверженіе статутъ, который не луч«ше статута 1816 года. Мы рѣшительно не въ состояніи понять, «какъ могъ кабинетъ издать такой законъ въ минуту, когда соби«рается столько тучъ надъ головою Австріи. Тирольскіе поселяне «и горожане, — одни поселяне и горожане, — много вѣковъ при«даютъ всю особенность тирольской исторіи; кто вздумалъ бы «отрицать это, доказалъ бы лишь собственное незнаніе. А новый «статутъ ставитъ малозначительную (bedeutungslos) аристократію «и духовенство на одну доску съ третьимъ и четвертымъ сосло«віями. Каждое сословіе имѣетъ одинаковое число представите«лей, и чтобы Европа могла составить себѣ вѣрное понятіе о важ«ности тирольскихъ дворянъ, правительство опредѣлило, что право «быть избираемыми принадлежитъ дворянамъ, платящимъ 25 фло«риновъ поземельнаго налога. Въ Штиріи, напротивъ, изъ посе«лянъ могутъ быть избираемы только платящіе не меньше 30 фло«риновъ поземельнаго налога. Впечатлѣніе, произведенное стату«томъ, слѣдуетъ назвать не просто неблагопріятнымъ, а даже тяже«лымъ».

«Еще до обнародованія статутовъ Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля я говорилъ вамъ, что жители германскихъ провинцій будутъ сильно протестовать противъ возстановленія сословныхъ сеймовъ, составляющихъ политическій анахронизмъ. Такъ думаетъ и говоритъ Ost-Deutshe Post; вотъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ ней 25 ноября.

«Правительство такъ мало сдѣлало для богатыхъ и вліятель-

«ныхъ дворянъ Тироля и Штиріи (*), что аристократія другихъ «провинцій начинаетъ тревожиться. Большинство государственна-«го совѣта увѣдомляло націю, что когда аристократія будетъ управ-«лять дѣлами провинцій и округовъ, ея желанія будутъ исполнены. «Теперь оказывается, что большинство государственнаго совѣта «было слишкомъ скромно, потому что для аристократіи сдѣлано «больше, чѣмъ она просила. Австрійское дворянство хочетъ быть «всемогущимъ въ государствѣ. Если оно достигнетъ своей цѣли, «что изъ того выйдетъ? Враждебное чувство возникнетъ между со-«словіями. Нація хочетъ имѣть серьёзныхъ, неподдѣльныхъ пред-«ставителей.

«Въ прибавленіе къ этому я замѣчу, что ультра-реакціонная партія вполнѣ господствуетъ, такъ что считаетъ слишкомъ либеральными даже графа Рехберга и графа Сечена. Предводители этой партіи — австрійско-нѣмецкіе прелаты, духовники нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ и нѣсколько старыхъ господъ и госпожъ. Взгляды людей, управляющихъ дѣлами, такъ узки, что они не видятъ опасности своего положенія, которая очевидна для всѣхъ неоффиціальныхъ зрителей.»

Читатель знаетъ, что Тироль всегда былъ провинціею, самою спокойною и самою вѣрною изъ всѣхъ австрійскихъ областей. Можно предположить, какъ не понравилось другимъ провинціямъ устройство, дававшееся имъ отъ графа Рехберга, когда «Аугсбургская Газета» увидѣла надобность изображать ему въ такихъ краскахъ впечатлѣніе, произведенное его реформами на Тироль.

Дѣйствительно, никто теперь не хвалитъ систему, которою думалъ ограничить реформы графъ Рехбергъ, и всѣ порицаютъ его. Но безпристрастный читатель не станетъ думать, будто бы Рехберга винятъ за все справедливо. Мы въ прошлый разъ старались доказать, что австрійскіе министры дѣлали все возможное для нихъ, и если не дѣлали до сихъ поръ уступокъ, болѣе значительныхъ, то лишь по невозможности. Притомъ же, если графъ Рехбергъ—дурной министръ, то почему не замѣнили до сихъ поръ его другимъ министромъ? Тутъ представляются лишь два отвѣта: или вовсе нѣтъ людей, которые стали бы на его мѣстѣ дѣйствовать иначе, или никто изъ такихъ людей не могъ занять его мѣсто. Въ томъ и въ другомъ случаѣ очевидно, что графъ Рехбергъ былъ до сихъ поръ наилучшимъ возможнымъ министромъ. Спрашиваемъ теперь, можно ли порицать того, который наилучшимъ образомъ исполняетъ свое назначеніе? Надобно замѣ-

(*) Читатель знаетъ, что въ Тиролѣ вовсе нѣтъ дворянства; въ Штиріи его также очень мало.

тить еще одно обстоятельство, самымъ поразительнымъ образомъ доказывающее всю пустоту порицателей. Читатель помнитъ, какъ Европа хвалила намѣренія и принципы Гюбнера, назначеннаго министромъ по заключеніи Виллафранкскаго мира, какъ печалились объ отставкѣ, скоро данной ему. Теперь носились слухи, что по неудовлетворительности нынѣшнихъ министровъ будетъ снова призванъ въ кабинетъ Гюбнеръ, который поведетъ дѣла либеральнымъ способомъ. Изъ сотни людей, порицающихъ графа Рехберга, 99 были бы въ восторгѣ отъ назначенія министромъ барона Гюбнера. Но вотъ небольшой отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи Timis'a.

«Вѣна, 3 декабря.

«Нынѣ я имѣлъ случай говорить съ человѣкомъ, которому должны быть хорошо извѣстны мнѣнія и намѣренія графа Рехберга; онъ «прямо сказалъ мнѣ, что пока Рехбергъ останется во главѣ правительства, не будетъ сдѣлано никакихъ дѣйствительныхъ уступокъ «австрійско-нѣмецкимъ провинціямъ.—Министръ-президентъ (сказалъ онъ мнѣ) человѣкъ съ очень узкимъ взглядомъ, и если дѣла «пойдутъ, какъ шли до сихъ поръ, то скоро ему будетъ не возможно остаться министромъ. — Баронъ Гюбнеръ, имѣвшій въ эти дни «раза два аудіенцію у императора, человѣкъ способный; но онъ непопуляренъ въ австрійской публикѣ, потому что принадлежитъ къ «партіи заключившей конкордатъ».

Просимъ читателя не обращать никакого вниманія на первыя строки этого отрывка, содержащія явную клевету на графа Рехберга: дипломъ 20 октября и слѣдовавшіе за нимъ акты слишкомъ ясно показываютъ неосновательность отзыва, сдѣланнаго корреспондентомъ Times'a. Уступки уже были сдѣланы, и мы дивимся легкомыслію, говорящему послѣ того, что графъ Рехбергъ не расположенъ къ уступкамъ. Но мы привели письмо изъ Times'a не для первой, а только для второй половины его, для ознакомленія читателя съ убѣжденіями барона Гюбнера. Положимъ, что Гюбнеръ не популяренъ теперь, — это еще ничего не доказываетъ: годъ тому назадъ, когда онъ получилъ отставку, онъ былъ популяренъ. Скажите же, какого уваженія заслуживаетъ австрійская публика, столь быстро мѣняющая свой взглядъ на одного и того же человѣка? Мы полагаемъ, что мнѣніе такой публики не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; мы заключаемъ изъ этого, что если теперь и графъ Рехбергъ и баронъ Гюбнеръ не популярны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, будто бы Рехбергъ дурно управляетъ дѣлами и Гюбнеръ сталъ бы дурно управлять ими. Но если непопулярность министра въ австрійской публикѣ не служитъ для насъ доказательствомъ его дурнаго уп-

вленія, то и популярность другаго человѣка, назначаемаго австрійскимъ министромъ, не должна для насъ служить доказательствомъ, что онъ будетъ управлять дѣлами хуже министра, несправедливо не пользующагося столь же выгодною репутаціею въ публикѣ. Мы это говоримъ, въ видѣ предисловія, къ тому, что назначенъ теперь министромъ Шмерлингъ, о которомъ до его назначенія отзывались съ большею похвалою. Надобно разсказать, какъ произошло это назначеніе.

Графъ Рехбергъ, министръ-президентъ, конечно имѣетъ въ кабинетѣ господствующій голосъ. Но, вполнѣ заслуживая такой власти своими талантами и убѣжденіями, онъ не имѣетъ спеціальныхъ свѣдѣній по государственному управленію и собственно только показываетъ своимъ сотоварищамъ путь, по которому они должны идти, а управленіемъ завѣдываютъ уже они, сообразно его общимъ указаніямъ. Читатель знаетъ, что по диплому 20 октября всѣ дѣла внутренняго управленія, раздѣлявшіяся прежде на нѣсколько министерствъ, соединены въ одно министерство, глава котораго называется государственнымъ министромъ. Это важнѣйшее мѣсто было предоставлено графу Голуховскому, который прежде былъ непопуляренъ и сдѣлался еще непопулярнѣе по обнародованіи четырехъ провинціальныхъ статутовъ, напрасно ставившихся публикою въ личное порицаніе ему. Какъ бы то ни было, но обнаружилась надобность подкрѣпить кабинетъ болѣе популярнымъ именемъ; стали носиться слухи, что графъ Рехбергъ приглашаетъ въ министерство Шмерлинга. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской газеты Die Presse покажетъ читателю, какъ легкомысленно компрометировала Шмерлинга австрійская публика своими пустыми толками.

«Опять носится слухъ, что г. фонъ-Шмерлингъ будетъ членомъ «кабинета. Подобный слухъ разносился много разъ въ послѣдніе «мѣсяцы; но теперь мы имѣемъ положительное извѣстіе, что ми«нистръ-президентъ дѣйствительно вступилъ въ переговоры съ г. «Шмерлингомъ. Имя Шмерлинга популярно въ умѣренно-либераль«ной нѣмецкой партіи, но его не любятъ ультра-консерваторы. По«литическіе принципы назначаемаго министра мало извѣстны намъ, «потому что онъ только разъ говорилъ публично въ послѣднія во«семь лѣтъ. Лѣтомъ 1849 года, Шмерлингъ, бывшій прежде однимъ «изъ министровъ Германской франкфуртской имперіи, сдѣлался чле«номъ конституціоннаго (австрійскаго) министерства, главою кото«раго былъ князь Шварценбергъ, а черезъ два года онъ вышелъ «изъ кабинета. Уже одно имя Шмерлинга составляетъ програму, «но програму несовмѣстную съ системою графа Рехберга. При ны«нѣшнемъ положеніи венгерскихъ дѣлъ очевидно, что подобно или

«прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, или признать избира-«тельный законъ 1848 года. Венгерскій сеймъ можетъ имѣть довѣ-«ріе къ министерству, не предрасположенному въ пользу феодальной «партіи, можетъ дойти до соглашенія съ такимъ министерствомъ. «Все это должно быть хорошо извѣстно г. фонъ-Шмерлингу; по-«тому онъ едва ли согласится вступить въ кабинетъ графа Рехберга «иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы графъ Рехбергъ совершенно измѣнилъ «систему и усилилъ нѣмецкій элементъ въ кабинетѣ. Если г. фонъ-«Шмерлингъ войдетъ въ министерство безъ этихъ условій, онъ ско-«ро испытаетъ судьбу своихъ предшественниковъ».

Мы покажемъ, что Шмерлингъ не измѣнитъ долгу, лежащему на австрійскомъ правителѣ и не явится тѣмъ легкомысленнымъ либераломъ, какого ожидали увидѣть въ немъ люди, не понимающіе потребностей положенія, къ которому призванъ онъ. Впрочемъ уже самое его назначеніе служитъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что намѣренія новаго министра согласны съ австрійскимъ благомъ. Мы не должны колебаться въ этой увѣренности даже и разсказами о подробностяхъ, въ которыхъ произошло его назначеніе. Дѣло происходило, по словамъ корреспондента Times'а, слѣдующимъ образомъ.

«Фонъ-Шмерлингъ назначенъ государственнымъ министромъ, и «достовѣрно, что его программа принята императоромъ. При разго-«ворѣ съ его величествомъ въ четвергъ (6 декабря) онъ выразилъ «свои мнѣнія съ большою прямотою, и они были выслушаны тер-«пѣливо и внимательно, хотя нѣкоторыя изъ нихъ едва ли могли «быть пріятны государю. Францъ-Іосифъ рѣдко имѣлъ случай уз-«нать въ истинномъ видѣ общественное мнѣніе. Ожидаютъ, что «Шмерлингъ обнародуетъ свою политическую програму тотчасъ «же по принятіи дѣлъ своего министерства, и друзья его говорятъ «мнѣ, что программа эта — либеральная. Лицо, хорошо знакомое «съ происходящимъ въ офиціальныхъ кругахъ, сообщаетъ мнѣ «слѣдующія свѣдѣнія о нынѣшнемъ министерскомъ кризисѣ. Дней «десять тому назадъ происходило засѣданіе кабинета, при кото-«ромъ присутствовалъ императоръ. Графъ Голуховскій говорилъ «о необходимости немедленно обнародовать статуты для всѣхъ «нѣмецкихъ провинцій. Фонъ-Лассеръ, одинъ изъ новыхъ мини-«стровъ безъ портфёля, замѣтилъ, что четыре обнародованные ста-«тута произвели дурное впечатлѣніе на публику. Начался споръ; «графъ Голуховскій разгорячился и наконецъ вскричалъ: «Если вы «хотите конституціи, то почему не скажете этого прямо?» Къ ве-«ликому удивленію графа Рехберга и нѣкоторыхъ его товарищей, «фонъ-Лассеръ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, надобно дать какую

«нибудь конституцію славянско-нѣмецкимъ провинціямъ. Пока шелъ «споръ, императоръ не говорилъ ни слова, но по окончаніи спора «онъ приказалъ графу Рехбергу немедленно послать за Шмерлин-«гомъ.»

Конечно, Шмерлингу приноситъ большую честь прямота, съ которою онъ выразилъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ. Но исходъ дѣла удостовѣряетъ насъ, что въ его правдивой рѣчи не заключалось никакихъ неудобоисполнимыхъ проэктовъ. Мы не имѣемъ надобности отвергать извѣстіе, что въ засѣданіи, ходомъ котораго утвердился императоръ австрійскій въ намѣреніи замѣнить Голуховскаго Шмерлингомъ, Лассеръ говорилъ о конституціи; но должно думать, что Лассеръ самъ не придаетъ этому слову несовмѣстнаго съ нынѣшнимъ порядкомъ значенія, если вступилъ въ министерство графа Рехберха, который, какъ мы знаемъ, не сдѣлаетъ въ управленіи перемѣнъ, вредныхъ для нынѣшней системы. Конечно, какъ человѣкъ благоразумный, не мечтающій о вещахъ, не согласныхъ со всею обстановкою положенія, Лассеръ удовлетворится формальными измѣненіями, не нарушающими существеннаго характера учрежденій, вводимыхъ по диплому 20 октября. Если дѣйствительно откроется надобность въ дальнѣйшихъ уступкахъ, о которыхъ говорилъ Лассеръ, называвшій совокупность ихъ конституціею, то эти уступки могутъ состоять въ замѣненіи имени государственнаго совѣта именемъ законодательнаго корпуса или австрійскаго имперскаго сейма, въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ способа назначенія членовъ этого собранія, — напримѣръ, областнымъ сеймамъ можетъ быть предоставлено право прямо выбирать членовъ этого общаго собранія, вмѣсто того, что теперь областные сеймы выбираютъ только кандидатовъ, изъ которыхъ выбираетъ дѣйствительныхъ членовъ уже министерство. Такихъ исправленій въ дипломѣ 20 октября графъ Рехбергъ можетъ сдѣлать много, не портя основнаго характера нынѣшней системы. Но мы напрасно говоримъ такъ длинно о мысляхъ Лассера и о средствахъ исполнить ихъ безъ вреда для австрійцевъ: Лассеръ не занимаетъ важнаго мѣста въ кабинетѣ, и если надобно ждать перемѣнъ, то не отъ его вліянія, а развѣ отъ вліянія Шмерлинга. Посмотримъ же, должна ли нынѣшняя Австрія опасаться новаго министра. Однажды онъ уже былъ министромъ и держалъ себя тогда способомъ, успокоивающимъ насъ за его нынѣшнія намѣренія.

Шмерлингъ вышелъ изъ министерства въ началѣ 1851 года, когда убѣдился, что рѣшено отмѣнить судъ присяжныхъ, введенный въ 1848 году. Это обстоятельство можетъ быть перетолковываемо во вредъ ему, и дѣйствительно въ приведенныхъ нами

выпискахъ изъ австрійскихъ газетъ читатель замѣчалъ, что на немъ основано мнѣніе о либерализмѣ новаго министра. Но тутъ существуютъ два смягчающія обстоятельства. Во-первыхъ, Шмерлингъ, будучи министромъ юстиціи, составилъ много узаконеній о судоустройствѣ и судопроизводствѣ сообразно существовавшему тогда суду присяжныхъ. Натурально, ему непріятно было думать, что, при уничтоженіи суда присяжныхъ, ему же самому придется отмѣнять составленные имъ законы. Притомъ, австрійскіе судьи и адвокаты были сильно расположены въ пользу суда присяжныхъ; смущаться неудовольствіемъ толпы—дѣло непохвальное въ австрійскомъ министрѣ; но нѣтъ ничего особено предосудительнаго, съ австрійской точки зрѣнія, уважать мнѣніе подвѣдомственныхъ сановниковъ: Шмерлингъ вышелъ въ отставку, чтобы заслужить похвалу отъ тогдашняго судебнаго сословія. Если разсуждать безъ всякой снисходительности, конечно слѣдуетъ назвать это слабостью, но читатель согласится, что такая слабость еще не даетъ права считать Шмерлинга за человѣка вреднаго для австрійской системы. Весь образъ его дѣйствій, пока онъ оставался министромъ, показываетъ, что онъ умѣлъ понимать надобности своего положенія. Онъ вступилъ въ должность въ половинѣ 1849 года, передъ окончаніемъ венгерскаго мятежа. Во время его управленія министерствомъ юстиціи, Гайнау произвелъ тѣ наказанія, которыя даже и мы, при всемъ понимании тогдашней нужды въ примѣрной строгости, должны называть чрезмѣрно строгими: при министерствѣ Шмерлинга были наказаны смертью генералы, сдавшіеся вмѣстѣ съ Гёргеемъ, былъ казненъ Людвигъ Батіани. Конечно, казни эти производились не собственно Шмерлингомъ, а командирами австрійской арміи; конечно, производились онѣ не судилищами, зависѣвшими отъ Шмерлинга, а военными судами. Но еслибы Шмерлингъ не считалъ эти мѣры, при всей ихъ суровости, неизбѣжными, то не остался бы министромъ осенью и зимою 1849 г., когда совершались эти наказанія. Можно еще было бы сомнѣваться въ чувствахъ, съ которыми смотрѣли на нихъ другіе его товарищи, напримѣръ Шварценбергъ или Бахъ,— они были не министрами юстиціи, не до нихъ прямѣйшимъ образомъ относились эти дѣла; если они оставались на своихъ мѣстахъ, это еще не значило, что они прямо одобряютъ Гайнау; но Шмерлингъ былъ министромъ юстиціи; его спеціальнымъ, его личнымъ дѣломъ — было наблюденіе за способомъ и мѣрою наказанія мятежниковъ; если онъ не выходилъ въ отставку, то о немъ уже нельзя сомнѣваться, думалъ ли онъ, что Гайнау поступаетъ вообще хорошо. Имѣя въ политической біографіи Шмерлинга такой эпизодъ, какъ отправленіе должности министра юстиціи съ осени 1849

до начала 1851 года, мы должны заключить, что у него всегда достаетъ характера для проведенія мѣръ, требуемыхъ надобностью сохранить въ государствѣ порядокъ и поддержать ту систему, въ установленіи которой онъ участвовалъ: читатель знаетъ, что коренныя черты устройства, которымъ пользовалась доынѣ Австрійская имперія, были выработаны именно въ тѣ годы, когда Шмерлингъ находился министромъ.

Правда, въ слѣдующіе годы, когда онъ уже не состоялъ министромъ, система, введенная при немъ, развилась полнѣе и нѣкоторыхъ подробностей ея дальнѣйшаго развитія онъ не одобрялъ. Но, кромѣ вопроса о судѣ присяжныхъ, его разногласіе съ его преемниками и бывшими товарищами относилось только къ чертамъ второстепеннымъ, а не къ самому духу законодательства и управленія. Примѣромъ тому пусть послужитъ вопросъ о провинціальныхъ сеймахъ, который и былъ прямою причиною возвращенія Шмерлинга въ кабинетъ. Статуты областныхъ сеймовъ, написанные Голуховскимъ, должны быть исправлены теперь Шмерлингомъ. Но десять лѣтъ тому назадъ, когда Шмерлингъ былъ министромъ, также были обнародованы статуты для областныхъ сеймовъ. Посмотримъ же; чѣмъ отличались отъ статутовъ Голуховскаго эти уставы, въ составленіи которыхъ участвовалъ Шмерлингъ.

По статутамъ, изданнымъ въ послѣдніе мѣсяцы для Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля, составъ сейма устроенъ такъ, что жители провинціи дѣлятся на четыре сословія, изъ которыхъ каждое посылаетъ на сеймъ своихъ особенныхъ представителей. По статутамъ, изданнымъ въ 1850 г., при участіи Шмерлинга, для нижняго и верхняго эрцъ-герцогствъ австрійскихъ, для Зальцбурга, Моравіи, австрійской Силезіи, Тироля, Богеміи и Галиціи, депутаты посылались отъ трехъ сословій, а не отъ четырехъ, какъ теперь. Дворянство и духовенство были соединены тогда въ одинъ классъ, подъ именемъ «лицъ, имѣющихъ большія имущества»; сословію горожанъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ «классъ людей средняго состоянія», а сельскимъ общинамъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ разрядъ «людей, владѣющихъ малыми имуществами». Но при этой разницѣ трехчленнаго и четырехчленнаго дѣленія основной характеръ состава тѣхъ и другихъ сеймовъ одинаковъ: сеймы эти — сословные сеймы. По статутамъ Голуховскаго, число депутатовъ, посылаемыхъ разными сословіями, опредѣлено такъ, что два высшія сословія должны имѣть въ сеймѣ большинство. Та же самая цѣль достигалась въ статутахъ 1850 года разсчетливымъ распредѣленіемъ числа депутатовъ между разрядами и округами, одушевленными сочувствіемъ къ министерству или недовольными

его системою. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи чехи требуютъ реформъ, а нѣмецкое населеніе, враждующее къ нимъ, было въ 1850 году на сторонѣ министерства; потому изъ 220 членовъ богемскаго сейма лишь немногіе должны были избираться отъ чешскихъ округовъ и корпорацій, и огромное большинство избиралось тѣми коллегіями перваго и втораго разряда, которыя составлены были изъ нѣмцевъ, хотя чехи составляютъ двѣ трети всего населенія Богеміи.

Мы видимъ, что составъ провинціальныхъ сеймовъ былъ по статутамъ 1850 года существенно одинаковъ съ составомъ, опредѣленнымъ нынѣшними статутами. Точно то же слѣдуетъ сказать и о кругѣ дѣйствій, предоставленномъ сеймамъ. Статуты 1850 года опредѣляли, что главнѣйшими занятіями сеймовъ будетъ служить надзоръ за исправленіемъ дорогъ и завѣдываніе богоугодными заведеніями, а также кадастровою частью. Тѣ же самые предметы предоставлены областнымъ сеймамъ и нынѣшними статутами. И по тѣмъ и по другимъ статутамъ сеймы были собственно совѣтами, назначенными въ помощь губернаторамъ или намѣстникамъ провинцій по исполненію распоряженій центральнаго правительства, относящихся ко взиманію податей, къ путямъ сообщенія и къ больницамъ.

Замѣтная разница только одна. По статутамъ 1850 года представители всѣхъ трехъ разрядовъ или сословій избирались прямо голосами самихъ избирателей, а по статутамъ Голуховскаго—представители горожанъ и поселянъ должны назначаться по выбору не самихъ жителей, а городскихъ или сельскихъ начальствъ. Надобно ожидать, что это правило будетъ измѣнено Шмерлингомъ сообразно порядку, установлявшемуся статутами 1850 года. Но такая перемѣна, была ли бы она хороша или дурна сама по себѣ, не будетъ имѣть важнаго значенія при извѣстномъ читателю составѣ сеймовъ и кругѣ ихъ дѣятельности.

Пока писалась эта статья, получена телеграфическая депеша, сообщающая содержаніе программы, обнародованной Шмерлингомъ по вступленіи въ министерство. Изложенныя нами ожиданія совершенно подтверждаются обѣщаніями Шмерлинга. Программа его такова; что, безъ сомнѣнія, онъ не найдетъ ни въ своихъ товарищахъ, ни въ лицахъ, указывающихъ путь ему и товарищамъ, никакого препятствія исполненію своихъ намѣреній. Онъ начинаетъ объявленіемъ, что всѣ реформы будутъ въ точности соотвѣтствовать принципамъ диплома 20 декабря. О провинціальныхъ сеймахъ Шмерлингъ выражается словами, изъ которыхъ надобно заключить, что городскимъ и сельскимъ общинамъ будетъ предоставленъ прямой выборъ депутатовъ и что сословное устройство сеймовъ будетъ

сохранено. Государственный совѣтъ будетъ, сообразно предначертанію диплома 20 декабря, состоять изъ депутатовъ, выбираемыхъ провинціальными сеймами; но противъ прежнихъ предначертаній разница будетъ та, что сеймы эти будутъ прямо выбирать депутатовъ въ государственный совѣтъ, а не кандидатовъ на это званіе, какъ говорилось въ законахъ, составленныхъ графомъ Голуховскимъ. Это измѣненіе конечно будетъ лестно для провинціальныхъ сеймовъ, но составъ ихъ служитъ обезпеченіемъ, что они не злоупотребятъ своею обязанностію. Точно также очень лестна будетъ для нихъ и для государственнаго совѣта другая перемѣна, сдѣланная Шмерлингомъ въ предначертаніяхъ Голуховскаго: Шмерлингъ говоритъ, что провинціальнымъ сеймамъ и государственному совѣту дано будетъ право инициативы. Надобно полагать, что депеша, которой мы слѣдуемъ, не совершенно точно передала въ своемъ сокращеніи мысль Шмерлинга. Члены провинціальныхъ сеймовъ и государственнаго совѣта могли дѣлать предложенія уже и по статутамъ Голуховскаго: вѣроятно Шмерлингъ говоритъ, что будутъ упрощены формы, которыя должно пройти предложеніе, чтобъ достичь до обсужденія въ общемъ собраніи сейма или совѣта.

Читатель видитъ, что Шмерлингъ обѣщаетъ исправить нѣкоторыя подробности предначертаній Голуховскаго, находя, что самые принципы предначертаній должны быть сохранены.

Должно упомянуть еще о двухъ чертахъ програмы Шмерлинга, сообщаемыхъ тою же депешею. Новый министръ говоритъ, что по отношенію журналистики «всякое предварительное вмѣшательство» будетъ прекращено. Депеша опять передаетъ мысль програмы, вѣроятно, не съ полною точностію. Предварительнаго вмѣшательства въ печатаніе газетныхъ статей уже не было въ Австріи и до вступленія Шмерлинга въ министерство. Вѣроятно, Шмерлингъ хочетъ сказать, что система предостереженій и выговоровъ, даваемыхъ газетамъ, будетъ нѣсколько ослаблена. Но она не будетъ отмѣнена; еслибы Шмерлингъ говорилъ объ этомъ, то депеша не могла бы передать его словъ въ такомъ видѣ, какъ передаетъ. Кромѣ того Шмерлингъ обѣщаетъ возстановить судъ присяжныхъ, чего и слѣдовало ожидать, зная причину, по которой вышелъ онъ въ отставку въ началѣ 1851 года. Но депеша не говоритъ, чтобы намѣрены были примѣнить судъ присяжныхъ къ дѣламъ газетъ; это было бы и не совмѣстно съ характеромъ всей програмы Шмерлинга; а при устраненіи газетныхъ дѣлъ отъ суда присяжныхъ, его существованіе или несуществованіе относится уже къ техническимъ интересамъ юстиціи, а не къ политической жизни.

Изъ всего этого надобно заключить, что назначеніе Шмерлинга не производитъ большой перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ, и что кабинетъ Рехберга со Шмерлингомъ остается на томъ же пути, на какомъ былъ съ Голуховскимъ. Теперь носятся слухи, что графъ Рехбергъ подаетъ въ отставку; это также не произведетъ большой перемѣны.

Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ Австріи со времени нашего прошлаго обозрѣнія не измѣнило своего характера, а только продолжало развиваться по прежнимъ расходящимся направленіямъ. Чувства жителей нѣмецкихъ провинцій Богеміи и Моравіи выражаются съ бòльшею опредѣлительностію, и въ началѣ декабря пражскіе чехи, по случаю пріѣзда новаго правителя въ Прагу, произвели демонстрацію, показавшую, что они желали бы имѣть правителемъ Богеміи чистаго чеха, который раздѣлялъ бы ихъ національныя стремленія.

Но по прежнему ходъ внутреннихъ австрійскихъ дѣлъ зависитъ отъ венгерскихъ обстоятельствъ. Въ прошедшемъ обозрѣніи остановились мы на томъ, что была на неопредѣленное время отсрочена гранская конференція, которую поручено было созвать кардиналу примасу Венгріи для постановленія правилъ объ устройствѣ будущаго венгерскаго сейма и избирательномъ законѣ; что многіе изъ лицъ, назначенныхъ занимать возстановленныя должности жупановъ или комитатскихъ президентовъ, отказывались отъ этого назначенія, и въ разныхъ венгерскихъ городахъ и селахъ происходили демонстраціи, оканчивавшіяся иногда вмѣшательствомъ австрійскихъ войскъ. Такое положеніе дѣлъ возбуждало въ вѣнскомъ правительствѣ мысль, не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Вотъ изъ парижской корреспонденціи Times'а отрывокъ, говорящій объ этомъ вопросѣ и о средствѣ, къ которому прибѣгло министерство, чтобы отложить его на нѣкоторое время.

«Парижъ. 7. декабря.

«Литографированная корреспонденція говоритъ, что въ министерскомъ совѣтѣ, бывшемъ въ Вѣнѣ 29 ноября, была рѣчь о томъ, «чтобы объявить всю Венгрію находящеюся въ осадномъ положеніи; «но одинъ изъ министровъ, венгерецъ, настоялъ, чтобы до принятія такой крайней мѣры испытать, не принесетъ ли пользы поѣздка «барона Вая въ Венгрію. Баронъ прибылъ въ Пештъ 30 ноября съ «инструкціями организаціи комитатовъ. Впечатлѣніе, произведенное «въ Венгріи этими инструкціями, не соотвѣтствовало надеждамъ, «и, если слухи справедливы, то инструкціи содѣйствовали увеличе«нію волненія, которое, какъ видно, усиливается. Это неудивитель-

«но. Организація комитатовъ была основаніемъ самоуправленія, су-«ществовавшаго много вѣковъ въ Венгріи, а самоуправленіе, предла-«гаемое барономъ Ваемъ, венгерцы объявляютъ австрійскимъ бюро-«кратизмомъ. Баронъ Вай не признаетъ закона, изданнаго объ этой «организаціи въ 1848 г. Образцомъ онъ беретъ организацію нѣмец-«кихъ провинцій, а не самоуправленіе старинной Венгріи. Законъ «1848 г. замѣнилъ выборными коммиссіями общія собранія, которыя «составлялись по комитатамъ до 1848 г. для выбора начальниковъ и «рѣшенія текущихъ дѣлъ. Въ 1848 г. были распространены на всѣхъ «гражданъ политическія права, которыми прежде пользовались одни «только дворяне, и общія собранія всѣхъ членовъ комитата сдѣла-«лись тогда физическою невозможностью. Потому они были замѣне-«ны коммиссіями. По закону 1848 г., эти коммиссіи составлялись «изъ депутатовъ, свободно избираемыхъ округами; но по инструк-«ціямъ барона Вая члены комитатскихъ коммиссій будутъ назначать-«ся правителями комитатовъ, которые сами прямо назначаются пра-«вительствомъ. Легко понять, что такая организація не нравится вен-«грамъ. Этого мало: по инструкціямъ барона Вая присяга дается «императору австрійскому, а не королю венгерскому, а по венгер-«ской конституціи существуетъ только титулъ короля венгерскаго, «и дипломъ 20 октября говорилъ, что возстановляется венгерская «конституція. По инструкціямъ барона Вая, начальники, избирае-«мые комитатскими коммиссіями, должны быть утверждаемы цент-«ральнымъ правительствомъ, которое, принявъ ихъ присягу, опре-«дѣляетъ и жалованье имъ. Ничего подобнаго не существовало въ «Венгріи при старинной конституціи. Прибавлю, что по этимъ «инструкціямъ должно быть сохранено судоустройство, введенное «Бахомъ и Шварценбергомъ, должна быть сохранена и финансо-«вая система, введенная ими. Изъ этого вы поймете, почему инструк-«ціи барона Вая возбудили общее порицаніе въ Пештѣ и по всей «Венгріи. Спрашиваешь себя, чѣмъ все это кончится? Вѣроятно «провозглашеніемъ всей Венгріи находящеюся въ осадномъ положе-«ніи.»

Носились слухи, что министры венгерскихъ дѣлъ въ вѣнскомъ кабинетѣ, графъ Сеченъ и баронъ Вай, выходятъ или увольняются въ отставку и мѣста ихъ будутъ заняты предводителями умѣренной венгерской партіи, Деакомъ и Этвешомъ. Дѣйствительно Этвешу и Деаку были дѣлаемы предложенія вступить въ кабинетъ, или по крайней мѣрѣ было спрашиваемо у нихъ, какова была бы ихъ программа, если бы начались съ ними переговоры о вступленіи въ министерство. Но если очень трудно было графу Рехбергу и другимъ вліятельнѣйшимъ лицамъ согласиться на програму Шмерлинга,

столь близкую къ прежней программѣ кабинета (переговоры съ Шмерлингомъ длились недѣли три, если не больше), то соглашеніе ихъ съ Деакомъ и Этвешомъ представляется уже полною невозможностію. Читатель помнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ о венгерскихъ партіяхъ: умѣренная венгерская партія состоитъ изъ людей, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Кошутомъ до той самой поры, когда въ Венгріи провозглашена была республика, — только этого шага не захотѣли они сдѣлать, а въ составленіи всѣхъ законовъ 1848 года помогали они Кошуту. Мы говорили прошлый разъ, что законами 1848 года Венгрія была обращена въ государство, совершенно отдѣльное отъ остальной Австріи, такъ-что вѣнское правительство должно было находиться къ венгерскому правительству въ отношеніяхъ, какія имѣетъ французское правительство къ англійскому или датское къ шведскому. Шмерлингъ былъ членомъ министерства, которое вело съ венграми войну для отмѣненія этихъ законовъ, а партія Деака и Этвеша составляла половину венгерскихъ армій, сражавшихся тогда противъ австрійцевъ. Не только графу Рехбергу, который, какъ мы читали, кажется слишкомъ либеральнымъ для лицъ, опредѣляющихъ путь вѣнскаго министерства, но и Шмерлингу, который едва могъ по своему либерализму сойтись съ Рехбергомъ, невозможно засѣдать за однимъ столомъ съ Этвешомъ и Деакомъ. Потому Сеченъ и Вай остались на своихъ мѣстахъ и посольство Вая въ Венгрію имѣло успѣхъ: ему удалось убѣдить, — не венгровъ, а графа Рехберга, что надобно поступать осторожнѣе, чѣмъ хотѣли люди, думавшіе возобновить осадное положеніе въ Венгріи. Своихъ соотечественниковъ баронъ Вай не могъ склонить къ уступчивости,—но вѣнское министерство изъ его отчета о состояніи умовъ на его родинѣ увидѣло надобность дать венграмъ возможность устроить администрацію комитатовъ и явиться на гранскую конференцію.

Сначала скажемъ о гранской конференціи. Читатель помнитъ, что по диплому 20 декабря предполагалось, чтобы избирательный законъ для будущаго венгерскаго сейма былъ составленъ не вѣнскимъ министерствомъ, а собраніемъ тѣхъ венгерскихъ магнатовъ, которые сочувствуютъ графу Сечену и графу Рехбергу. Но эти магнаты, или такъ называемая старая консервативная партія, обманулись въ своемъ понятіи о своихъ отношеніяхъ къ чувствамъ венгровъ. Графъ Сеченъ и баронъ Вай увидѣли, что собраніе, составленное изъ членовъ одной ихъ партіи, было бы очень непопулярно, и его рѣшенія были бы не приняты венграми. Предполагалось опредѣлить на гранской конференціи такія правила для выборовъ, чтобы на будущемъ сеймѣ большинство принадлежало старой кон-

сервативной партіи, какъ статутами сеймовъ по другимъ провинціямъ оно предоставлялось дворянству и духовенству. Оказалось, что напрасно и созывать конференцію изъ однихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ было обезпечено. Умѣренная національная партія говорила, что явится на конференцію ни за чѣмъ инымъ, какъ только за провозглашеніемъ ненадобности и невозможности составлять новый избирательный законъ, потому что законъ 1848 года сохраняетъ полную силу. Баронъ Вай, посѣтивъ родину, убѣдилъ своихъ товарищей по кабинету, что хотя умѣренная національная партія не отступитъ отъ этого принципа, но безъ ея участія нельзя составить конференціи, а отлагать конференцію, значитъ поступать неблагоразумно. Вѣнскій кабинетъ уступилъ необходимости. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи «Times'а», показывающій результаты поѣздки барона Вая, съ тѣмъ вмѣстѣ объяснитъ читателю причины, по которымъ была сдѣлана уступка.

«2 декабря кардиналъ-примасъ Венгріи разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ (числомъ до 100 человѣкъ) приглашенія собраться въ Гранѣ 17 декабря. «Цѣлью собранія (говоритъ «примасъ) будетъ рѣшеніе вопроса объ избирательномъ законѣ, по «которому долженъ сформироваться сеймъ». Достопочтенный прелатъ пишетъ унылымъ тономъ, — оно такъ и должно быть, потому что три четверти его соотечественниковъ отказываютъ въ «повиновеніи правительству. Положеніе дѣлъ въ Венгріи — чисто «революціонное.

Мы не будемъ приводить всѣхъ извѣстій о многочисленныхъ демонстраціяхъ, происходившихъ по всей Венгріи. Довольно будетъ сказать, что во многихъ мѣстахъ сняты были австрійскіе гербы и замѣнены венгерскими; разумѣется, не обходилось при этомъ безъ нанесенія оскорбленій снимаемымъ гербамъ, и австрійскія начальства бездѣйственно смотрѣли на все это, потому что рѣшительныя мѣры повели бы къ открытому возстанію. 17 декабря собралась въ Гранѣ конференція, созванная примасомъ; большинство лицъ, приглашенныхъ имъ, были люди старой консервативной партіи и лишь меньшинство принадлежало къ умѣренной національной партіи; но общественное мнѣніе такъ тяготѣло надъ собраніемъ, что большинство молчало и молча принимало предложенія меньшинства, ораторы котораго прямо тѣмъ и начали, что избирательный законъ 1848 г. сохраняетъ свою силу, и оставался до сихъ поръ бездѣйственнымъ лишь вслѣдствіе того, что законный порядокъ былъ отстраняемъ разными обстоятельствами и отношеніями. Возраженій противъ этого не было никакихъ, и потому конференція кончила всѣ свои занятія въ одно утреннее засѣданіе, продолжав-

шесся не болѣе трехъ съ половиною часовъ. Она единогласно рѣшила представить вѣнскому правительству, что выборы на сеймъ должны быть произведены по закону 1848 года.

Нѣсколькими днями раньше гранской конференціи происходила такъ-называемая «организація» пештскаго комитата. Читатель знаетъ, что вслѣдствіе побѣды надъ венграми въ 1849 году былъ отмѣненъ венгерскій порядокъ администраціи, главную черту котораго составляло раздѣленіе страны на комитаты, самостоятельно управлявшіе своими внутренними дѣлами. Всѣ лица, пользовавшіяся политическими правами, составляли такъ-называемую конгрегацію или комитатское собраніе, которое опредѣляло бюджетъ комитата, выбирало всѣхъ комитатскихъ чиновниковъ и судей. Только въ одну должность назначало центральное правительство или, по тогдашнему выраженію, назначалъ король. Эта должность была званіе верховнаго комитатскаго графа или жупана (Obergespan), бывшаго президентомъ общихъ комитатскихъ собраній и, кромѣ этой почетной обязанности, не имѣвшаго почти никакой власти. Жупанъ созывалъ комитатскія собранія въ опредѣленные сроки или по желанію жителей комитата. Въ промежуткахъ отъ одного собранія до другаго, дѣлами комитата управляла комитатская коммиссія, избираемая конгрегаціею. До 1848 года политическія права въ Венгріи имѣли не всѣ жители, а только дворяне, лица, пользовавшіяся дворянскими правами по своей профессіи (учители, медики и другіе люди, занимавшіеся трудами, требующими образованности) и граждане независимыхъ городовъ. Въ 1848 г. всѣ политическія права были даны всему населенію Венгріи, безъ различія сословій. По завоеваніи Венгріи были уничтожены и комитатскія коммиссіи, и комитатскія конгрегаціи, и званіе жупановъ, и самое раздѣленіе Венгріи на комитаты. Страна была раздѣлена на 5 округовъ, управлявшихся военнымъ порядкомъ и имѣвшихъ главными своими начальниками генераловъ, командовавшихъ войсками въ округахъ. По диплому 20 октября надобно было приступить къ возстановленію комитатскаго управленія. Мы видѣли инструкціи, по которымъ предполагалось устроить это дѣло. Если бы инструкціи были исполнены, то организація комитатовъ получила бы характеръ, несогласный съ устройствомъ, существовавшимъ до ихъ уничтоженія, и администрація велась бы бюрократическимъ способомъ, какъ ведется въ другихъ провинціяхъ Австрійской имперіи. Разница отъ управленія, отмѣнявшагося дипломомъ 20 октября, заключалась бы главнымъ образомъ въ томъ, что на мѣсто 5 большихъ округовъ учредилось бы, подъ названіемъ комитатовъ, 39 не столь большихъ округовъ, совпадающихъ своими границами съ границами преж-

ныхъ комитатовъ. Но для соблюденія сходства надобно было дать начальникамъ комитатовъ прежнее имя жупановъ. Это имя необходимо заставляло назначить начальниками комитатовъ людей, пользующихся почетомъ въ своихъ комитатахъ, потому что съ названіемъ жупана соединялось понятіе сана, очень высокаго. При извѣстномъ намъ настроеніи умовъ, такое обстоятельство произвело результатъ, разстроившій всѣ предначертанія графа Сечена и барона Вая. Мы увидимъ ходъ дѣлъ по всей Венгріи изъ одного примѣра,— изъ примѣра пештскаго комитата.

Пештскій комитатъ — самый значительный въ Венгріи по числу населенія; еще болѣе важности пріобрѣтаетъ онъ оттого, что въ немъ лежитъ національная столица, которая притомъ далеко превосходитъ всѣ остальные венгерскіе города своею обширностію. Что рѣшено въ Пештѣ, обыкновенно бываетъ рѣшено всею Венгріею. Президентомъ пештскаго комитата назначенъ былъ прежній жупанъ графъ Каролый съ титуломъ не жупана, а только администратора. Надобно объяснить смыслъ этой разницы. При Меттернихѣ, когда происходили несогласія между вѣнскимъ правительствомъ и венгерскимъ сеймомъ, комитатскія коммиссіи отказывались исполнять распоряженія вѣнскаго министерства, данныя въ противность сейму. Тогда вѣнское министерство распускало непокорную комитатскую конгрегацію, отрѣшало непокорную комитатскую коммиссію и отстраняло отъ должности непокорнаго жупана. Управленіе комитатомъ передавалось чиновнику австрійскаго правительства, называвшемуся администраторомъ. По венгерскимъ законамъ такая должность не существовала. Потому и титулъ администратора, данный теперь президенту пештской комитатской конгрегаціи, служилъ указаніемъ, что надобности вѣнскаго министерства продолжаютъ стоять выше венгерскихъ законовъ. Каролый не хотѣлъ принимать президентства въ пештскомъ комитатѣ, когда узналъ, что министры думаютъ назвать его не жупаномъ, а администраторомъ. Но черезъ нѣсколько дней согласился принять должность, увидѣвъ, что можетъ самъ измѣнить характеръ дѣла. Какъ смотрѣлъ онъ на положеніе Венгріи, обнаружилось уже самыми словами приглашенія, которымъ онъ созывалъ комитатскую конгрегацію: онъ говорилъ, что изъ комитатскаго сейма, назначеннаго въ 1848 г., многіе члены убиты или умерли, потому, говорилъ Каролый, комитатская конгрегація сзывается для избранія новыхъ лицъ на вакантныя мѣста, оказывающіяся теперь въ составѣ комитатскаго сейма 1848 года. Ясно было, что Каролый предполагаетъ комитатскій сеймъ 1848 года сохранившимъ законное существованіе, только на время устраненнымъ отъ исполненія своихъ обязан-

ностей разными отношеніями, а теперь снова вступающимъ въ свои права. 10 декабря собралась въ Пештѣ комитатская конгрегація; о ея дѣйствіяхъ мы не будемъ разсказывать сами, а только приведемъ отрывокъ изъ пештской корреспонденціи Indépendance Belge.

«Пештъ, 11 декабря.

«Административная и политическая реорганизація пештскаго комитата совершилась вчера съ большою торжественностію. Весь городъ былъ въ этотъ день украшенъ національными знаменами, а вечеромъ безъ всякаго предварительнаго соглашенія иллюминованъ; весь онъ принималъ участіе въ этомъ важномъ актѣ, которымъ первый комитатъ Венгріи снова вступилъ такъ-сказать во владѣніе своими правами. Дѣйствительно таковъ и былъ характеръ вчерашняго собранія. Прямо, не колеблясь, возвратились къ законамъ 1848 года.

«При самомъ началѣ засѣданія графъ Каролый, назначенный администраторомъ комитата, объявилъ, что снова вступаетъ въ ту самую должность, какую занималъ въ 1848 г., и отъ исполненія которой въ теченіе послѣднихъ одинадцати лѣтъ былъ устраненъ. Все собраніе восторженно апплодировало этимъ словамъ, и послѣ того уже нечего было говорить объ инструкціяхъ барона Вая. Самъ собою разрѣшился и вопросъ, о которомъ столь жарко спорили двѣ недѣли тому назадъ: принимать ли графу Каролыю даваемый ему титулъ администратора или требовать, чтобы ему дали титулъ жупана: графъ Каролый не получаетъ теперь никакого титула, онъ просто возстановляетъ за собою титулъ и обязанности, принадлежавшія ему въ 1848 г., а законъ 1848 г. не знаетъ объ администраторахъ, онъ знаетъ только о жупанахъ.

«Такимъ образомъ, пока оффиціальныя газеты разсуждаютъ, можно ли, и въ какой степени можно, возстановить законы 1848 г., венгерскіе государственные люди возстановляютъ законы 1848 года. Теперь баронъ Вай развѣ только открытымъ военнымъ дѣйствіемъ могъ бы воспрепятствовать этому возстановленію: венгры молча отстраняютъ инструкціи и распоряженія, противныя желанію націи.

«Въ заключеніе замѣчу одинъ фактъ, не лишенный значенія. Въ число членовъ новой коммиссіи пештскаго комитата выбранъ графъ Владиславъ Телеки, бывшій венгерскимъ посланникомъ во время диктатуры Коппута.»

Кромѣ выборовъ, конгрегація пештскаго комитата занялась также совѣщаніями о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и приняла три рѣшенія. Во-первыхъ, она опредѣлила, что, баронъ Вай незаконно принялъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера; во-вторыхъ, конгрегація рѣшила, что налоги, установленные и собираемые безъ согласія сейма, собираются неправильно; въ-третьихъ, она объявила, что надобно какъ можно скорѣе собраться сейму, на основаніи зако-

новъ 1848 г., и что всѣ эти законы должно признавать сохранившими свою силу.

Почти всѣ другіе комитаты уже послѣдовали или рѣшились слѣдовать примѣру пештскаго комитата. Вотъ изъ вѣнской корреспонденціи National-Zeitung отрывокъ, объясняющій положеніе, въ которое поставлены дѣла рѣшеніями комитатскихъ конгрегацій и гранской конференціи.

«*Вѣна, 20 декабря.*

«Послѣ гранской конференціи увеличилась дѣятельность венгерской придворной канцеляріи: старая консервативная партія надѣется укрѣпиться такъ, чтобъ не выпустить власть изъ своихъ рукъ; но не рискуя ошибиться, можно сказать, что на предстоящемъ сеймѣ будутъ господствовать приверженцы законовъ 1848 г., и что сеймъ этотъ развѣ лишь по необходимости уступитъ центральному правительству какія нибудь изъ правъ, пріобрѣтенныхъ тогда. Надобно думать, что тутъ все зависитъ отъ внѣшнихъ отношеній Австріи: если сохранится миръ, то венгры могутъ согласиться на условія, довольно выгодныя для Австріи; если же будетъ война, то венгры постараются пріобрѣсти себѣ самостоятельность. — Теперь взиманіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ въ Венгріи стало дѣломъ сомнительнымъ, а слѣдующей весною венгры быть можетъ не станутъ платить и налога съ земель, которыя засѣваются табакомъ. Что станетъ дѣлать съ этимъ обезсиленное министерство финансовъ?»

Будущій ходъ дѣлъ въ Венгріи, — не въ одной Венгріи, а въ цѣлой Австрійской имперіи,—зависитъ еще больше, чѣмъ отъ вопроса о войнѣ или мирѣ съ Италіею, отъ другаго отношенія, судить о которомъ чрезвычайно трудно,—отъ примиренія или отъ возникновенія прежней борьбы между венграми и невенгерскимъ населеніемъ прежняго Венгерскаго королевства. Читателю извѣстно, что вражда этихъ невенгерскихъ національностей, въ особенности сербовъ и кроатовъ, съ венграми была коренною причиною торжества Австрійской имперіи въ 1849 году. Въ статьѣ, которую найдетъ читатель въ нынѣшней книжкѣ «Современника», г. Костомаровъ говоритъ, что исторія не знаетъ безусловно правыхъ и безусловно виновныхъ, что каждая нація, каждое сословіе, каждая партія бываютъ правы съ своей точки зрѣнія. Очень можетъ быть; но за то исторія знаетъ различіе между дѣйствіями, ведущими къ предположенной цѣли или отнимающими возможность достичь ея. Результатъ показалъ, что венгры и южные славяне поступали въ 1848 г. въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу очень безразсудно, — такъ безразсудно, что едва ли можно рѣшить, которая сторона была безразсуднѣе. Мы перечитывали теперь два лучшія сочине-

нія о причинахъ этой борьбы, — одно писанное венгерцемъ въ защиту венгровъ, другое писанное сербомъ въ защиту южно-венгерскихъ славянъ, Die serbische Bewegung in Südungarn, изданное безъ имени автора, и Histoire politique de la révolution de Hongrie par Daniel Iranyi. Странное, неправдоподобное впечатлѣніе произвели на насъ эти апологіи, обѣ написанныя людьми очень умными, отлично знакомыми съ дѣломъ. Когда мы читали книгу венгерца, доказывающаго, что справедливость была на сторонѣ венгровъ, что сербы и кроаты или вовсе не имѣли причинъ къ недовольству, или получили полную возможность примириться съ венграми передъ началомъ войны, — намъ казалось, что справедливость вся на сторонѣ сербовъ и кроатовъ, что венгры, притѣснявшіе ихъ прежде, не хотѣли весною 1848 года удовлетворить ихъ основательнымъ требованіямъ, поставили ихъ въ необходимость начать войну и поддерживать противниковъ венгерской независимости. Когда мы читали книгу серба, доказывающего тѣ самыя мысли, къ которымъ привела было насъ книга венгерца, написанная противъ этихъ мыслей, — когда мы читали апологію сербовъ и кроатовъ, намъ стало казаться напротивъ, что венгры предоставляли славянамъ все, чего хотѣли славяне, что у сербовъ и кроатовъ не оставалось никакихъ серьёзныхъ причинъ враждовать противъ венгровъ, когда они начали войну съ венграми. Такая странная противоположность впечатлѣнія, производимаго книгою, съ впечатлѣніемъ, какое имѣлъ въ виду авторъ, служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ безразсудства тогдашнихъ претензій націи, которую онъ защищаетъ.

У насъ, по нашей славянской крови, господствуетъ между людьми, мало знакомыми съ подробностями тогдашнихъ событій, расположеніе винить исключительно венгровъ, оправдывая славянъ. Просимъ же читателя прочесть хотя слѣдующіе отрывки изъ книги серба, — мы переводимъ страницы, излагающія важнѣйшій моментъ дѣла, — моментъ, которымъ, по справедливому замѣчанію самаго автора, рѣшена была въ умѣ сербовъ необходимость воевать противъ венгровъ.

Предварительно надобно замѣтить, что только съ половины марта 1848 года національная мадярская партія увидѣла въ своихъ рукахъ власть на судьбою Венгерскаго королевства и могла приняться за коренныя реформы. Все въ Венгріи измѣнялось этою національною партіею. Она уничтожала крѣпостное право почти безъ выкупа. Масса славянскаго населенія въ Венгріи состояла тогда изъ крѣпостныхъ крестьянъ; если какая изъ націй Венгерскаго королевства получала наибольшую выгоду отъ этой реформы, то конечно славянская нація; если приносились тутъ въ жертву интересы помѣщиковъ, то наибольшую часть этой

жертвы должны были нести люди мадярской націи, потому что въ сословіи помѣщиковъ было несравненно больше мадяръ, чѣмъ славянъ. Точно таковы же были всѣ другія реформы, которыя начали производить весною 1848 г. венгерскій сеймъ, состоявшій почти исключительно изъ мадяръ: если какая нація наиболѣе выигрывала отъ каждой изъ этихъ реформъ, то безъ всякаго сомнѣнія славянская. Откуда мы выводимъ такія заключенія? Изъ книги, написанной сербомъ, изъ фактовъ, имъ перечисляемыхъ. Если вы хотите убѣдиться, что дѣйствительно такіе выводы слѣдуютъ изъ его разсказа, прочтите слѣдующій очеркъ впечатлѣнія, произведеннаго на его соплеменниковъ венгерскихъ сербовъ реформами, начатыми мадярскою національною партіею:

«Неудовольствіе противъ вѣнской системы такъ глубоко коренилось во всѣхъ слояхъ (сербскаго) общества, было такъ одинаково во всѣхъ (сербскихъ) партіяхъ, что и здѣсь (въ краю Венгріи, населенномъ сербами) точно такъ же, какъ въ Пресбургѣ (то есть, въ тогдашней столицѣ мадярства), оборотъ политическихъ дѣлъ превозмогъ на минуту національныя антипатіи и желанія. И въ городахъ и въ селахъ (сербскихъ) стремились воспользоваться пріобрѣтенными правами, и сербъ становился въ ряды (національной гвардіи) подлѣ мадярскаго поселенца. Все неудовольствіе казалось исчезнувшимъ. Въ Нейзацѣ и Темешварѣ (двухъ главнѣйшихъ городахъ сербскаго края) были съ восторженными криками приняты 12 статей пештской просьбы 16 марта (просьбы, составленной мадярами и излагавшей программу крайней мадярской партіи, той самой, которая имѣла своимъ предводителемъ Кошута); въ Нейзацѣ реформы (сдѣланныя мадярскимъ сеймомъ) были привѣтствованы 101 пушечнымъ выстрѣломъ и духовенство четырехъ исповѣданій (католическаго, православнаго, протестанскаго и еврейскаго) отправляло благодарственную службу за совершившіяся событія, о которыхъ каждый твердо думалъ, что они прекратятъ борьбу національностей. Если нѣкоторые города (сербскіе) въ своихъ благодарственныхъ адресахъ (мадярскому сейму) прибавляли желаніе, чтобы сербскій языкъ, сербская вѣра оставались неприкосновенны, то они прибавляли это въ несомнѣнной увѣренности, что новое (мадярское) министерство не можетъ и не будетъ поступать иначе, какъ по этому принципу». (Die serbische Bewegung, стр. 49—51).

Читая эти страницы сербской апологіи, вы никакъ не можете ожидать, что черезъ пять страницъ, въ которыхъ нѣтъ ровно ни одного факта, сколько нибудь относящагося къ мадярскому дѣлу, авторъ скажетъ: «и такъ война была рѣшена». Чѣмъ же рѣшена была она? По его собственному изложенію — вотъ чѣмъ. Средоточіемъ общественной жизни у венгерскихъ сербовъ былъ тогда Нейзацъ. Мы уже читали, что, подобно другимъ сербскимъ городамъ, онъ принялъ

начатыя мадярскимъ сеймомъ реформы съ восторгомъ; былъ составленъ адресъ съ выраженіемъ сочувствія и признательности нейзацкихъ сербовъ и съ выраженіемъ ихъ желаній; была выбрана депутація для поднесенія этой просьбы мадярскому сейму; она явилась въ залу мадярскаго сейма, была встрѣчена при входѣ, была сопровождаема при выходѣ изъ залы единодушными криками восторга и сочувствія всего мадярскаго сейма, получила увѣренія, что будутъ исполнены всѣ желанія сербскаго народа,—и вотъ этимъ-то пріемомъ сербской депутаціи обнаружилась для этой депутаціи и для всѣхъ венгерскихъ сербовъ необходимость воевать съ мадярами. Вы не вѣрите? вы думаете, что наши слова — насмѣшка надъ здравымъ смысломъ? Извольте же читать слѣдующій буквальный переводъ изъ книги серба, которою мы руководимся.

«Въ Нейзацѣ изложили желанія сербской націи въ 17 пунктахъ и рѣшили предложить ихъ къ принятію пресбургскому сейму черезъ депутацію. Умѣренность этихъ желаній по вопросу о языкѣ и расположенность къ примиренію выражается въ слѣдующемъ требованіи, которое было поставлено первымъ.

«Какъ признаютъ сербы дипломатическое значеніе мадярской народности, точно такъ ожидаютъ они и признанія и уваженія своей народности въ отношеніи къ ихъ внутреннимъ дѣламъ.

«Вопросъ о желаніи или нежеланіи принадлежать къ Венгерскому королевству не былъ и возбуждаемъ. Никому не приходило въ голову думать объ отдѣленіи отъ Венгріи.

«8 апрѣля явилась эта депутація въ засѣданіе сейма, была представлена ему Людвигомъ Кошутомъ и встрѣчена единогласными привѣтствіями всѣхъ членовъ сейма.

«Александръ Костичъ, ораторъ депутаціи, выразилъ отъ имени 12 тысячъ нейзацкихъ сербовъ ожиданіе, что сеймъ одобритъ представленную просьбу, и объявилъ, что сербская нація готова жертвовать имуществомъ и жизнью за Венгерское королевство.

«Кошутъ отвѣчалъ съ министерской скамьи, что народности будутъ уважаемы, но что каждому понятно, что мадярскій языкъ долженъ быть одною изъ связей, соединяющихъ всѣ части Венгріи; что мадяръ охотно предоставляетъ сербамъ участіе въ свободѣ, которую пріобрѣлъ, но за то справедливо надѣется, что его языкъ — связь, соединяющая съ нимъ націи, съ которыми онъ дѣлится свободой.

Палата проводила криками éljen! удаляющуюся депутацію. Но министромъ были сказаны слова, не располагавшія сербовъ думать, что либеральное министерство хочетъ прекратить угнетеніе сербскаго языка. Горечь этой мысли усиливалась оскорбительностью

фразы, которая породила впослѣдствіи столько непримиримой ненависти, и отняла столько симпатій у произносившихъ ее, — фразы, исполненной несправедливаго самохвальства. Мадяръ говорилъ, что охотно даетъ сербамъ «участіе» въ свободѣ, которую пріобрѣлъ «онъ». Извѣстно было, что переворотъ въ ходѣ дѣлъ для всей Австріи рѣшенъ былъ вѣнскими событіями, и что побѣда либеральной партіи венгерскаго сейма была только слѣдствіемъ вѣнской побѣды. Но независимо отъ надменнаго самохвальства, оскорбительность этой, повторявшейся потомъ въ безчисленныхъ рѣчахъ, фразы придавалась тѣмъ, что она косвенно говорила о супрематствѣ мадярскаго племени. Поэтому депутація покинула залу съ непріятной увѣренностью, что правительство считаетъ мадярскую націю выше сербской и что съ мадярской точки зрѣнія считается добровольною милостью согласіе мадаръ не исключать сербовъ отъ пользованія новыми правами. Депутація рѣшила отправиться въ квартиры министровъ, чтобы получить болѣе точныя объясненія.

«Министръ президентъ призналъ ихъ какъ депутатовъ вѣрнаго «венгерскаго» города Нейзаца и увѣрялъ ихъ, что будутъ уважены всѣ ихъ желанія, какія только согласны съ интересами Венгерскаго государства.

«Кошутъ сказалъ: «господа! вы требуете уравненія съ благородною мадярскою націею. Это справедливо, и мадярская нація охотно согласится, чтобы вы раздѣляли съ нею всѣ политическія права.»

«Мы считаемъ нужнымъ, г. министръ, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, обратить ваше вниманіе на то, что живущіе въ Венгріи сербы ожидаютъ также признанія священнѣйшаго изъ своихъ обычаевъ— своего языка. Сербская нація совершенно различна отъ мадярской, и не желаетъ несправедливаго, когда хочетъ быть признана за отдѣльную націю, какъ сама признаетъ мадярскую, съ которою готова оставаться въ одномъ государствѣ, подъ однимъ закономъ.

«— Что разумѣете вы подъ словомъ нація? спросилъ министръ.

«— Племя, имѣющее свой особый языкъ, свои нравы, обычаи, свое развитіе и столько сознанія, чтобы хранить ихъ, отвѣчалъ депутатъ.

«— Мы не желаемъ имѣть особаго правительства, сказалъ другой депутатъ. — Одна нація можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими правительствами, и нѣсколько націй могутъ быть соединены подъ однимъ правительствомъ. Примѣръ перваго — нѣмцы, доказательствомъ втораго служитъ Трансильванія, не говоря о всей Австріи.

«Министръ, легко раздражавшійся всякимъ возраженіемъ, казался нерасположенъ продолжать это преніе, и коротко сказалъ, что инте-

ресъ мадярской націи требуетъ, чтобы, кромѣ нея, не считалось другой націи въ государствѣ.

«Третій депутатъ обратилъ вниманіе министра на броженіе между южными славянами, усиливающееся уже нѣсколько лѣтъ. «Я боюсь, что оно приведетъ къ явному разрыву, продолжалъ онъ, если южные славяне увидятъ себя обманувшимися въ ожиданіи, что новое положеніе дѣлъ прекратитъ стѣсненіе ихъ языка; они станутъ искать въ другомъ мѣстѣ признанія правъ, если откажетъ имъ Пресбургъ.»

« — Въ такомъ случаѣ рѣшитъ мечъ, отвѣчалъ Кошутъ и удалился въ свой кабинетъ.

«Эта минута породила сербскую войну со всѣми ея ужасами и опустошеніями.»

Этотъ разсказъ будетъ вполнѣ оцѣненъ читателемъ, когда мы разъяснимъ спеціальный смыслъ слова «нація» въ тогдашней политической терминологіи Венгерскаго королевства. Читатель видитъ, что сами сербы совершенно соглашались, чтобы въ совѣщаніяхъ сейма и въ государственныхъ дѣлахъ мадярскій языкъ оставался офиціальнымъ: они желали только того, чтобы ихъ самихъ не стѣсняли въ употребленіи сербскаго языка, и читатель видѣлъ, что мадярскій сеймъ совершенно согласенъ былъ съ этимъ требованіемъ. Съ этого и начался разговоръ между сербскою депутаціею и Кошутомъ на квартирѣ Кошута. Странно послѣ этого дальнѣйшее преніе о словѣ «нація». Что тутъ толковать, нація или не нація сербы, когда мадяры съ перваго же слова говорятъ, что сербская національность будетъ для нихъ священна? Но вы видите, что Кошутъ совершенно растерялся и заговорилъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда сербскіе депутаты сказали, что сербы хотятъ составлять «націю». Дѣло въ томъ, что по офиціальной терминологіи Венгерскаго королевства слово «нація» обозначало не народность, а государство, относилось не къ языку, а къ независимому правительству. По этой терминологіи Баварія, Вюртембергъ и Баденъ составляютъ три націи, а французы, итальянцы и нѣмцы, населяющіе Швейцарію, составляютъ одну націю, именно швейцарскую націю, то есть, по нашему способу выраженія, Швейцарское государство. Когда сербы заговорили мадярамъ: «мы хотимъ составлять націю», мадяры поняли подъ этимъ словомъ желаніе сербовъ составить отдѣльное королевство, оторваться отъ Венгріи, чего сербы вовсе не хотѣли. Развѣ не знала сербская депутація, что своимъ образомъ выраженія она возбудитъ въ мадярахъ совершенно не то понятіе о своихъ чувствахъ, какое хочетъ возбудить? а если бъ она и не знала этого (чего нельзя предположить), то вѣдь Кошутъ прямо указалъ на это. Почему же

сербскіе депутаты продолжали употреблять слово, не соотвѣтствовавшее надобностямъ ихъ дѣла? Сербская депутація какъ будто нарочно подъискивала предлогъ для ссоры, какъ будто нарочно затѣяла ненужный споръ, чтобы договориться до надобности начинать войну. Если можно что нибудь сравнить, по удивительной нелѣпости, съ этимъ совершенно дикимъ упрямствомъ въ употребленіи ошибочнаго термина, то развѣ только удивительную наивность, съ которою сербскій историкъ выставляетъ смертельнѣйшею обидою для сербовъ, со стороны мадяръ, употребленное мадярами выраженіе, что мадяры съ радостію даютъ сербамъ участіе въ пріобрѣтенныхъ правахъ. Казалось бы, что тутъ обиднаго? «Нѣтъ, говоритъ сербскій историкъ, какъ смѣли сказать мадяры, что даютъ намъ участіе въ своихъ правахъ?» Да какъ же иначе было выразиться мадярамъ?

Таковы оказываются причины, возбудившія сербовъ къ войнѣ съ мадярами весною 1848 г. Нельзя найти ничего болѣе неосновательнаго, болѣе напраснаго. Новыми реформами отстранялась всякая надобность вражды; но сербы начали войну и, восторжествовавъ надъ мадярами, увидѣли себя въ положеніи, худшемъ того предшествовавшаго реформамъ положенія, за которое стали воевать съ мадярами, когда оно прекращалось реформами, предпринятыми мадярскимъ сеймомъ безъ всякаго принужденія отъ сербовъ.

Но мы уже говорили, что въ такомъ безразсудномъ свѣтѣ представляется образъ дѣйствій южныхъ венгерскихъ славянъ въ 1848 году лишь по изложенію дѣлъ самими этими славянами, пишущими въ свое оправданіе. Если же мы станемъ читать книги объ этомъ предметѣ, написанныя мадярами въ защиту мадярской стороны, то мы увидимъ, что и мадяры были не менѣе безразсудны: въ мадярскихъ книгахъ прискорбное впечатлѣніе производитъ тщеславіе, съ которымъ мадяры хвалятся, что историческая справедливость и юридическіе документы были на ихъ сторонѣ, когда при всемъ томъ и самимъ мадярамъ и славянамъ до реформъ 1848 г. было тяжело.

Съ той поры многое измѣнилось, какъ увѣряли насъ въ послѣднее время и мадяры, и южно-венгерскіе славяне. Газеты уже нѣсколько лѣтъ наполнялись описаніями демонстрацій, выражавшихъ примиреніе кроато-сербской національности съ мадярскою. Мадяры основывали на свой счетъ славянскія училища, библіотеки, музеумы для славянъ; устроивали славянскіе спектакли и являлись на нихъ, чтобы апплодировать славянскимъ звукамъ; устроивали процессіи, въ которыхъ славянскія знамена развѣвались вмѣстѣ съ мадярскими; то же дѣлали и славяне въ честь мадяръ. Много было торжествъ, на которыхъ славянское населеніе фратернизировало съ мадярскимъ.

Всему этому соотвѣтствовали и програмы о устройствѣ Венгерскаго королевства, составлявшіяся предводителями мадярской національной партіи.

Сущность мадярскихъ предложеній такова: каждый сельскій округъ и каждый городъ управляютъ своими дѣлами совершенно самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и сами рѣшаютъ, на какомъ языкѣ должно быть ведено преподаваніе въ школахъ, содержимыхъ на общественный счетъ, на какомъ языкѣ должны быть производимы административныя и судебныя дѣла; иначе сказать, въ сербскихъ селахъ и городахъ долженъ господствовать сербскій языкъ, въ словацкихъ — словацкій, въ румунскихъ — румунскій, въ мадярскихъ — мадярскій; но каждому частному человѣку предоставляется основывать школы съ своимъ національнымъ преподаваніемъ, объясняться въ судѣ и съ должностными лицами на своемъ родномъ языкѣ. Точно то же опредѣляется и для каждаго комитата: офиціальный языкъ комитата — языкъ большинства его жителей, а люди другихъ національностей ведутъ дѣла въ комитатскихъ судахъ и съ комитатскими правительственными мѣстами каждый на своемъ языкѣ. Каждый сельскій округъ или городъ сносится съ комитатомъ на такомъ языкѣ, на какомъ хочетъ самъ, и каждый комитатъ сносится съ центральнымъ правительствомъ также на какомъ хочетъ языкѣ. Наконецъ и въ совѣщаніяхъ центральнаго правительства каждый изъ членовъ этого правительства говоритъ на такомъ языкѣ, на какомъ ему самому пріятнѣе. Если всего этого еще мало для огражденія національности, то люди каждой національности могутъ составлять союзъ для огражденія своей національности отъ всякихъ притѣсненій, для содѣйствія ея развитію или для доставленія ей всего желаемаго вліянія на ходъ государственнаго законодательства и управленія. При этомъ надобно замѣтить, что государственный сеймъ, управляющій дѣлами, составляется изъ депутатовъ, выбираемыхъ разными краями государства пропорціонально населенію, такъ что число представителей каждой національности будетъ составлять въ сеймѣ приблизительно такую же пропорцію, какая принадлежитъ людямъ этой національности въ общемъ населеніи Венгріи. Если славянъ въ Венгріи больше, чѣмъ мадяръ, то и на венгерскомъ сеймѣ славянскихъ депутатовъ будетъ больше, чѣмъ мадярскихъ, а все законодательство и управленіе государственное зависитъ отъ большинства депутатовъ.

Что же теперь будетъ? что возьметъ верхъ въ отношеніяхъ между мадярами и венгерскими славянами? прежнія ли преданія объ угнетеніи славянской народности мадярами будутъ руководить дѣй-

ствіями венгерскихъ кроатовъ и сербовъ, или пойдутъ славяне по недавнему пути примиренія? Быть-можетъ опытъ послѣднихъ 12 лѣтъ не пропадетъ даромъ; но есть признаки, заставляющіе предполагать, что вѣнское министерство успѣетъ склонить южныхъ славянъ къ борьбѣ съ венграми, какъ склонило ихъ весною 1848 г.

Надобно сказать, что сами венгры обнаружили наклонность повторить прежнюю свою ошибку. Одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ не могутъ они принять устройства, предначертаннаго дипломомъ 20 октября, они выставили то, что Венгерское королевство не возстановлено въ границахъ 1848 г., не присоединена къ нему Сербская Воеводина, отдѣленная отъ него послѣ побѣды австрійцевъ, и не возстановлено соединеніе Трансильваніи съ Венгерскимъ королевствомъ, совершенное въ 1848 г. Слѣдуетъ объяснить національное положеніе въ этихъ двухъ областяхъ.

Южный край прежняго Венгерскаго королевства распадается на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои очень значительныя особенности по отношенію къ вопросу о національностяхъ.

Въ западной половинѣ, въ такъ-называемыхъ королевствахъ Кроатскомъ и Славонскомъ, все населеніе — славяне, не перемѣшанные ни съ какимъ другимъ племенемъ. Мадяры признаютъ за этою землею право составлять отдѣльное цѣлое, соединенное съ Венгерскимъ королевствомъ только федераціею. Если бы дѣло шло лишь объ этомъ, мадяры и кроаты легко согласились бы въ своихъ желаніяхъ. Но на югъ отъ Кроаціи и Славоніи лежитъ еще австрійская провинція, населенная тѣмъ же племенемъ, — Далмація, давно отдѣленная австрійцами отъ Кроаціи съ Славоніею и отъ Венгерскаго королевства. Она желаетъ соединиться съ Кроаціею и Славоніею, которыя также желаютъ, чтобы она была возвращена къ нимъ. Посмотрите же, какъ запутывается дѣло этимъ обстоятельствомъ. Жителямъ Кроаціи и Славоніи кажется, что самый вѣрный способъ исполнить общее желаніе ихъ и Далмаціи будетъ — выпросить согласіе вѣнскаго министерства на это соединеніе. Они уже отправили въ Вѣну депутацію съ просьбою о томъ, и газеты говорятъ, что вѣнское министерство приняло депутацію благосклонно. Если оно исполнитъ просьбу, оно вѣроятно привлечетъ славянъ Кроаціи и Славоніи на свою сторону и пріобрѣтетъ возможность обратить ихъ противъ мадяровъ, какъ обратило въ 1848 году.

Другой шансъ къ тому же самому представляется отношеніями восточной половины южнаго края Венгріи или такъ называемой Сербской Воеводины. Эта провинція, составлявшая прежде нѣсколько комитатовъ Венгерскаго королевства, населена не одними славя-

нами, какъ Славонія и Кроація: славяне, которые многочисленнѣе каждаго изъ другихъ племенъ этого края, населяютъ однакоже только западную часть его, да и то не всю, — узкая полоса по сѣверному краю Сербской Воеводины населена венграми; восточная часть Сербской Воеводины населена румунами; кромѣ того, и въ румунской и въ сербской половинахъ Сербской Воеводины находится много городовъ, главное населеніе которыхъ составляютъ мадяры. Но изъ этихъ трехъ племенъ, славяне будучи самымъ многочисленнымъ, имѣютъ стремленіе господствовать во всей области, какъ мадяры имѣли до 1848 г. стремленіе господствовать во всей Венгріи. Славяне Сербской Воеводины — сербы, — по своему языку составляютъ одно племя съ славянами Кроаціи и Славоніи; но эти славяне, вообще называемые кроатами — католики, а сербы въ Воеводинѣ — православные. Мадяры увѣряютъ, что различіе исповѣданій помѣшало бы кроатамъ и сербамъ составить одно цѣлое; по всей вѣроятности это правда, по крайней мѣрѣ относительно нынѣшняго поколѣнія. Но будучи раздѣлены, кроаты и сербы не имѣютъ случая почувствовать, что не могли бы совершенно сойтись между собою, пока не перевоспитаются; они только еще сочувствуютъ другъ другу, не встрѣчая поводовъ къ раздору. Если сербы Сербской Воеводины вздумаютъ бороться съ мадярами, кроаты непремѣнно захотятъ помогать имъ.

Возможность борьбы кроатовъ съ мадярами лежитъ въ отношеніяхъ не самихъ кроатовъ къ мадярамъ, а въ отношеніяхъ Далмаціи къ австрійскому правительству и въ дѣлахъ Сербской Воеводины. Но сербы Сербской Воеводины могутъ быть вызваны на борьбу неосторожностью мадяръ по отношенію къ нимъ самимъ. Мы говорили, что Кроація и Славонія до 1848 г. не входили въ составъ собственно Венгерскаго королевства, а были особеннымъ краемъ, соединеннымъ съ этимъ королевствомъ, что мадяры и теперь не имѣютъ претензіи вводить этотъ край въ составъ Венгерскаго королевства иначе, какъ по формальному договору съ кроатами. Не такъ думаютъ они о Сербской Воеводинѣ, которая входила прежде прямымъ образомъ въ составъ собственно Венгерскаго королевства. Они прямо говорятъ, что Сербская Воеводина должна быть возвращена къ нему, безъ всякихъ переговоровъ съ нею: они полагаютъ, что большинство жителей Сербской Воеводины горячо раздѣляютъ такое желаніе. Въ этомъ они ошибаются. Очень можетъ быть, что если спросить теперь самихъ сербовъ и румуновъ Сербской Воеводины, захотятъ ли они возвратиться въ составъ Венгерскаго королевства, они скажутъ, что согласны на это. Но говорить объ этомъ, не спросивъ ихъ, какъ дѣлаютъ мадяры, значитъ

оскорблять ихъ самолюбіе, раздражать ихъ. Сколько бываетъ такихъ случаевъ, что люди не спрошенные начинаютъ говорить «нѣтъ» только потому, что не были спрошены заблаговременно. Нельзя не опасаться за развитіе отношеній мадяръ къ Сербской Воеводинѣ: ихъ опрометчивыми словами о ея присоединеніи вѣроятно уже значительно испорчено дѣло, которое могло бы устроиться очень согласно при большей осмотрительности.

Но и при всевозможной осмотрительности мадяръ въ отношеніи къ сербамъ Воеводины представляется сильное сомнѣніе въ томъ, показалось ли бы для венгерскихъ сербовъ пріятно присоединеніе къ Венгріи. Эти сербы составляютъ небольшую часть великаго сербскаго племени, главная масса котораго живетъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Давно уже думаетъ оно о соединеніи въ одно государство, зерномъ которому послужитъ нынѣшнее Сербское княжество. Сербы княжества въ 1848 г. помогали венгерскимъ сербамъ. Мадяры не могутъ достичь осуществленія своихъ желаній безъ побѣды надъ австрійскими войсками. Борьба мадяръ съ австрійскими войсками повела бы сербовъ Турецкой имперіи къ мысли о соединеніи, и венгерскіе сербы почувствовали бы влеченіе соединиться съ своими турецкими единоплеменниками.

Если труднымъ представляется дѣло Сербской Воеводины, то и трансильванскія отношенія оказываются подобны сербскимъ. Мадярское племя населяетъ двѣ мѣстности, разрѣзанныя одна отъ другой инымъ племенемъ. Главная масса мадяръ занимаетъ центральную часть собственно Венгерскаго королевства. Другая, несравненно меньшая масса мадяръ занимаетъ восточную часть Трансильваніи. Связанныя между собою горячимъ національнымъ чувствомъ, эти двѣ группы мадярскаго племени не могутъ вынести мысли, чтобы не составлять имъ обѣимъ одного цѣлаго. Но какъ югозападная граница собственно Венгерскаго королевства занята славянскимъ племенемъ, такъ восточная и юговосточная часть его занята румунскимъ племенемъ; оно же занимаетъ все пространство Трансильваніи на западъ отъ мадярскаго края Трансильваніи и составляетъ огромное большинство ея населенія. Присоединить Трансильванію къ Венгріи, значитъ положить новое препятствіе соединенію цѣлой трети румунскаго племени съ двумя другими третями его, уже соединившимися въ одно государство. Какъ венгерскіе сербы могутъ соглашаться на свое присоединеніе къ Венгерскому королевству только пока не имѣютъ близкой надежды на соединеніе свое съ турецкими сербами въ одно государство, такъ трансильванскіе румуны могутъ соглашаться на присоединеніе Трансильваніи къ

Венгріи лишь пока не имѣютъ близкой надежды соединиться съ Валахо-Молдавскимъ государствомъ.

Читатель видитъ, какъ трудно ожидать, чтобы мадяры не встрѣтили въ южныхъ славянахъ и румунахъ сопротивленія своимъ желаніямъ, если останутся при мысли возстановить Венгерское королевство въ прежнихъ границахъ и присоединить къ нему Трансильванію. Единственнымъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій было бы, если бы они рѣшительно приняли идею федеративнаго устройства земель, лежащихъ по Дунаю отъ Пресбурга до Чернаго Моря. Тогда они нашли бы сочувствіе и въ кроатахъ, и въ сербахъ, и въ румунахъ и въ чешско-словацкомъ племени, населяющемъ сѣверный край Венгерскаго королевства. Кто принимаетъ федеративную мысль, находитъ разрѣшеніе всѣхъ запутанностей. Сѣверо-западный край союза составляетъ земля чешско-словацкаго племени; къ юго-востоку отъ него лежитъ земля мадярскаго племени, два куска которой легко могутъ быть соединены узкою полосою мадярскихъ поселеній, почти непрерывно идущихъ отъ западной массы мадярской земли къ восточной трансильванской массѣ ея; на югъ отъ мадярской земли лежитъ сербская, къ востоку отъ сербской болгарская; къ сѣверу отъ болгарской и къ востоку отъ мадярской — румунская. Всѣ эти земли почти равны между собою по населенію, простирающемуся у каждаго племени отъ 5 до 7 милліоновъ, немногимъ больше, или немногимъ меньше. Но трудно сказать, скоро ли увидятъ надобность принять такое воззрѣніе мадяры, мечтающіе о прежнихъ границахъ Венгерскаго королевства, соединеннаго съ Трансильваніею, мечтающіе о государствѣ, которое было бы соединено съ частями словацкой, сербской и румунской земель. На близость мадяръ къ принятію федеративной идеи указываютъ всеобщіе газетные слухи о сношеніяхъ мадяръ съ турецкими сербами и съ правительствомъ Валахо-Молдавскаго государства; но противъ этого говорятъ претензіи мадяръ возстановить свое королевство въ прежнемъ объемѣ. Можно полагать, что сами мадяры расходятся между собою во мнѣніяхъ и надеждахъ по этимъ вопросамъ. Мы не хотимъ предугадывать, какое мнѣніе одержитъ верхъ между ними; а интересно было бы предугадать, потому что при одномъ рѣшеніи дѣло пойдетъ совершенно иначе, чѣмъ при другомъ.

Объ Италіи, какъ и въ прошломъ обозрѣніи, мы не имѣемъ сказать почти ничего новаго. Гаэта все еще держалась, по послѣднимъ извѣстіямъ, какія были во время составленія этого обзора. Съ ея паденіемъ прекратятся и внутренніе безпорядки, производимые надеждою приверженцевъ прежняго правительства на возможность

возстановить его слѣдующею весною при помощи Австріи. Французская эскадра все еще продолжала запрещать итальянскому флоту начать осаду крѣпости съ моря, и газеты теряются въ догадкахъ о томъ, какія побужденія имѣетъ императоръ французовъ, дѣйствуя такимъ образомъ. Намъ кажется, что гадать тутъ не о чемъ: онъ продолжаетъ слѣдовать политикѣ, которой неуклонно держался съ самаго Виллафранкскаго мира.

Въ самой Франціи успѣлъ уже сильно охладѣть интересъ, возбужденный декретомъ 24 ноября, говорившимъ о расширеніи правъ свободнаго пренія въ законодательномъ корпусѣ по политическимъ вопросамъ. Оказалось, что основателенъ былъ взглядъ полуофиціальныхъ газетъ, объяснявшихъ, что ошибаются партіи, придающія этому декрету слишкомъ большое значеніе. Когда всѣ убѣдились, что онъ дѣйствительно не предназначенъ къ произведенію значительныхъ перемѣнъ въ существующемъ устройствѣ, то, естественно, перестали много заниматься имъ. Слѣдующій отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'а сообщаетъ подтверждаемыя другими газетами извѣстія о способѣ, какимъ произошелъ декретъ.

«*Парижъ, 4 декабря.*

«Какова бы ни была истинная причина императорскаго декрета «24 ноября; какова бы ни была цѣнность данныхъ въ немъ уступокъ «и каковъ бы ни былъ духъ, въ которомъ будутъ исполняться эти «уступки, но достовѣрно то, что происхожденіе декрета надобно «приписывать исключительно и единственно самому императору На«полеону. Онъ задумалъ и выработалъ свои планы въ молчаніи и «уединеніи; за исключеніемъ одного человѣка, никто не зналъ о его «намѣреніи, пока онъ открылъ его своимъ изумленнымъ мини«страмъ 23 ноября.

«Всѣмъ извѣстно, что у императора есть своя особенная, очень «оригинальная манера дѣйствовать. По привычкѣ, пріобрѣтенной въ «молодости или по натурѣ, онъ всегда любитъ дѣлать сюрпризы. «Освобожденіе Абдъ-эль-Кадера, переворотъ 2 декабря, война съ «Австріею, присвоеніе Савоя и Ниццы и декретъ 24 ноября—все это «было сдѣлано одинаковымъ способомъ. Я сказалъ, что одинъ че«ловѣкъ былъ отчасти посвященъ въ тайну, незадолго передъ тѣмъ, «какъ она должна была обнародоваться, когда проэктъ былъ уже «обдуманъ и готовъ къ изложенію на бумагѣ. Этотъ человѣкъ былъ «Валевскій, тотъ самый, который, къ своему величайшему удоволь«ствію, сидитъ теперь на креслѣ, покинутомъ г. Фульдомъ, однимъ «изъ его милѣйшихъ друзей, — г. Валевскій занялъ его мѣсто во

«имя своей долгой и искренней дружбы. Г. Валевскій былъ порядоч-«но удивленъ, когда императоръ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ и «хочетъ сдѣлать. Но г. Валевскій видѣлъ въ своей карьерѣ столько «удивительнаго, что его удивленіе чему бы то ни было не бываетъ «продолжительно; а скромность, которою обладаетъ онъ въ высокой «степени, внушила ему — выслушать и согласиться.

«Когда министры собрались 23 ноября подъ предсѣдательствомъ «императора, ничто въ лицѣ и въ осанкѣ императора не обнаружи-«вало его намѣреній. Но онъ не замедлилъ изложить свой проектъ. «Онъ сообщилъ министрамъ, что пришелъ къ убѣжденію, состоя-«щему въ томъ, что правительство, своевременно не дѣлающее бла-«горазумныхъ уступокъ и желаемыхъ страною реформъ, ослабляетъ «себя. Онъ сказалъ, что не желаетъ доводить сопротивленія ре-«формамъ до крайности. Онъ сказалъ, что такіе люди, какъ напри-«мѣръ Беррье, могли быть членами палаты депутатовъ при орлеан-«ской монархіи, а легитимисты и орлеанисты могли засѣдать въ рес-«публиканскихъ собраніяхъ 1848—1851 гг., и что онъ не видитъ «причины, почему люди, приносящіе Франціи честь своими дарова-«ніями и честностью, не могли бы выступить и принять участіе въ «дѣлахъ націи. Онъ объявилъ, что ему надоѣла «палата въ Жюби-«налевскомъ родѣ» (Chambre Jubinal — таково буквальное его выра-«женіе, какъ меня увѣряютъ), и что ему нужна палата другаго «рода. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, императоръ прочиталъ «свой декретъ. Если бы среди комнаты, въ которой засѣдали ми-«нистры, упала бомба, они не изумились бы и не испугались бы «такъ. Но сомнѣніе было невозможно: императоръ положительно «объявилъ, что законодательному корпусу должно быть дано право «свободно обсуждать адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь и произно-«сить свое мнѣніе о внутренней и внѣшней политикѣ правительства. «Министрамъ нечего было дѣлать, они должны были покориться и «покорились.

«Г. Морни заговорилъ, обращаясь къ императору. Онъ усердно «совѣтовалъ его величеству подумать и не пускаться въ уступки, «слишкомъ поспѣшныя или большія, и т. д. Морни предлагалъ свою «мысль о томъ, въ чемъ могутъ состоять уступки. Она состояла въ «томъ, чтобы «Монитёру» разрѣшено было печатать вполнѣ пренія «законодательнаго корпуса; но идти дальше онъ не былъ располо-«женъ. Г. Барошъ поблѣднѣлъ, услышавъ декретъ; а г. Бильйо, быв-«шій либералъ, бывшій республиканецъ, бывшій защитникъ сво-«боды преній и свободы печатнаго слова, не могъ, какъ разсказы-«ваютъ, произнести почти ни одного слова отъ изумленія. Г. Руэ, «министръ общественныхъ работъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто бы

«горько слушать ему такія рѣчи. Г. Морни снова выступилъ на за-«щиту товарищей. Онъ спросилъ императора: что онъ думаетъ сдѣ-«лать, если нынѣшняя палата въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь «выразила бы неодобреніе политики его величества? Императоръ «сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ распустилъ бы палату и аппел-«лировалъ бы къ націи. — «Но что сдѣлаете вы, государь, продол-«жалъ Морни, если новая палата также не одобритъ политику ва-«шего величества»?— «Въ такомъ случаѣ я уступилъ бы, и принялъ «бы политику, предлагаемую представителями націи», не колеблясь «сказалъ императоръ. Я полагаю, что этотъ разсказъ буквально то-«ченъ. Г. Жюбиналь — депутатъ, необыкновенно усердный въ при-«верженности къ правительству. Онъ не считается великимъ орато-«ромъ, или великимъ государственнымъ человѣкомъ, или великимъ «мудрецомъ, и упоминаніе о немъ довольно позабавило публику. «Министры не согласны между собою и не довольны. Они видятъ «впереди что-то мрачное, и бодрость ихъ упадаетъ. Неудивительно «это. Вообразите себѣ Бароша, Бильйо, Морни, и т. д. передъ лицомъ «Беррье, Монталамбера или Тьера при свободѣ преній!

«Представляется вопросъ, будутъ ли немедленно назначены вы-«боры для составленія новой палаты. Спрашивать мнѣнія у нынѣш-«ней палаты, значило бы спрашивать мнѣнія не страны, а нѣсколь-«кихъ офиціальныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся «остальные члены.

«Если императоръ дѣйствительно желаетъ спросить мнѣніе стра-«ны, то надобно распустить нынѣшнюю палату, запретить префек-«тамъ излишнее вмѣшательство въ выборы и созвать палату, из-«бранную свободно.

«Вамъ, вѣроятно, любопытно будетъ узнать, какъ эти реформы «приняты конституціонною партіею, то есть легитимистами и орлеа-«нистами. Чистые легитимисты возмущаются мыслью, что кто ни-«будь, кромѣ ихъ претендента, дѣлаетъ уступки націи. Они не до-«вольны не самимъ декретомъ, а тѣмъ, что на немъ выставлено дру-«гое имя. Изъ орлеанистовъ нѣкоторые не довѣряютъ ничему, про-«исходящему отъ нынѣшняго правительства. Другіе соглашаются «принять декретъ, какъ первый шагъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ. «Эту первую уступку не считаютъ они значительной, но думаютъ, «что не надо безусловно отвергать ее.»

Читатель знаетъ содержаніе декрета: имъ давалось законодатель-ному корпусу право выражать мнѣніе о политикѣ правительства и опредѣлялось, что пренія, происходящія въ законодательномъ корпу-сѣ, должны печататься въ «Монитёрѣ» вполнѣ и могутъ быть также вполнѣ перепечатываемы изъ него всѣми газетами, между тѣмъ

какъ прежде печатались только краткіе протоколы засѣданій. Сама по себѣ, эта перемѣна не возбудила бы особеннаго интереса, но причина, изъ которой возникла она,—сознаніе императора французовъ, что при нынѣшнемъ состояніи умовъ во Франціи нужны конституціонныя реформы,—этотъ фактъ возбуждалъ предположеніе, что декретъ 24 ноября служитъ только предисловіемъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ общественному мнѣнію. Такое мнѣніе подкрѣплялось назначеніемъ Персиньи, либеральнѣйшаго изъ людей, близкихъ къ императору, на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Ждали преимущественно двухъ распоряженій отъ вліянія Персиньи: возвращенія свободы преній газетамъ, и распущенія прежняго законодательнаго корпуса для того, чтобы могла образоваться палата изъ лицъ, болѣе самостоятельныхъ. По слухамъ, самъ Персиньи считалъ новые выборы въ законодательный корпусъ дѣломъ надобнымъ. Какъ бы-то ни было, но правда осталась на сторонѣ полуофиціальныхъ газетъ, съ самаго начала объяснявшихъ, что ошибочны предположенія публики объ отмѣненіи закона, подчиняющаго газеты административному вмѣшательству, и о произведеніи новыхъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ могъ только обѣщать, что будетъ поступать съ газетами снисходительнѣе своего предшественника. Мы не представляемъ соображеній, которыя сами собою являются уму каждаго, тѣмъ болѣе, что много разъ дѣлали краткія указанія на событія, приближающіяся во Франціи.

Мы не будемъ разсказывать и о войнѣ, которую вели, а теперь уже кончили, Франція и Англія съ Китаемъ. Вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ она не имѣла; а на сколько интересна она сама по себѣ, мы разскажемъ ее въ отдѣльной статьѣ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Современника». Здѣсь мы думали представить подробный разсказъ о переворотѣ, гораздо важнѣйшемъ, — о выборѣ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Линкольна, служащаго представителемъ партіи, стремящійся къ уничтоженію невольничества. Но, противъ нашего ожиданія, результаты этого выбора еще не успѣли опредѣлиться съ достовѣрностью: рѣшатся ли нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ сдѣлать попытку для составленія отдѣльнаго союза, или ограничатся пустыми угрозами, и даже не сдѣлаютъ попытки отторженія, которая во всякомъ случаѣ оказалась бы вредна лишь для самихъ плантаторовъ—это еще не ясно. Потому удовольствуемся пока нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Партія, стремящаяся къ уничтоженію невольничества, возникла очень недавно въ Соединенныхъ Штатахъ,—самая пропаганда, изъ которой она возникла, началась всего лишь лѣтъ 30 тому назадъ. На политическую арену самостоятельнымъ образомъ явилась эта партія

всего лишь лѣтъ 10 или 15 тому назадъ. Она еще только формируется и растетъ, но растетъ очень быстро. Вотъ именно эта перспектива скоро увидѣть, что она черезъ нѣсколько лѣтъ станетъ господствовать въ сѣверо-американскомъ союзѣ, и пугаетъ плантаторовъ, раздраженіе которыхъ было бы непонятно, если бы мы обращали вниманіе только на нынѣшнюю программу противной невольничеству (республиканской) партіи. Теперь республиканская партія требуетъ еще очень немногаго — только того, чтобы невольничество не было распространяемо въ новыхъ поселеніяхъ, въ областяхъ, едва начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся штатами (самостоятельными государствами), называемыхъ территоріями и находящихся подъ управленіемъ федеральнаго правительства. Республиканская партія еще не предъявляетъ требованія объ уничтоженіи невольничества въ штатахъ, въ которыхъ оно существуетъ: но плантаторы справедливо говорятъ, что она имѣетъ эту мысль и скоро займется ея исполненіемъ. Потому они хотятъ или запугать другіе штаты угрозою отдѣлиться отъ союза, или, если не удастся имъ запугать свободные штаты, не удастся отвлечь ихъ отъ респупликанской партіи, то выйти изъ союза поскорѣе, пока республиканская партія еще не усилилась на столько, чтобы помѣшать отторженію.

Читатель знаетъ, что свободные (сѣверные) штаты имѣютъ двѣ трети всего бѣлаго населенія Союза. Штаты, сохраняющіе невольничество, едва имѣютъ одну треть его, и сами опять распадаются на двѣ половины: штаты, занимающіе сѣверную часть южной половины союза, граничащіе съ свободными штатами,—Виргинія, Делаваръ, Мерилавдъ, Кентукки и Миссури, не воздѣлывая хлопчатой бумаги, не имѣютъ большой надобности заботиться о сохраненіи невольничества. Остаются 10 штатовъ, воздѣлывающихъ хлопчатую бумагу невольническимъ трудомъ; ихъ бѣлое населеніе составляетъ одну шестую или одну седьмую часть всего бѣлаго населенія Союза. Всѣ вмѣстѣ, они были бы слишкомъ еще слабы, чтобы имѣть отдѣльное отъ остальнаго союза существованіе. Но и въ этихъ десяти штатахъ (Алабама, Георгія, Южная Каролина, Миссиссипи, Луизіана, Флорида, Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Техасъ, Теннесси) пристрастіе къ сохраненію невольничества не въ одинаковой степени господствуетъ надъ чувствомъ національнаго единства. Судя по послѣднимъ выборамъ президента, во всѣхъ этихъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, противники отторженія составляютъ большинство, которое только террозируется плантаторами, только по принужденію можетъ уступить ихъ требованію отторгнуться отъ союза. Лишь въ одномъ штатѣ, Южной Каролинѣ, приверженцы отторженія дѣйствительно имѣютъ на своей сторонѣ большинство бѣлаго населе-

нія,—это потому, что Южная Каролина надѣется, въ случаѣ отторженія, стать торговымъ центромъ всѣхъ плантаторскихъ штатовъ, и главный портовый городъ ея, Чарльстонъ, думаетъ занять въ южномъ союзѣ мѣсто, которое теперь принадлежитъ во всемъ союзѣ Нью-Йорку. Тактика плантаторовъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы дѣйствовать какъ можно быстрѣе, чтобы увлечь другіе плантаторскіе штаты примѣромъ Южной Каролины, пока противники отторженія въ нихъ еще не организовались. Южная Каролина уже объявила, что отторгается отъ Союза. Надобно теперь подождать извѣстій, успѣютъ ли плантаторы увлечь вслѣдъ за нею Георгію, Алабаму и Миссиссипи, въ которыхъ они сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ хлопчато-бумажныхъ штатахъ. Это скоро обнаружится.

Но во всякомъ случаѣ, союзъ южныхъ штатовъ не обладалъ бы никакой жизненностью, и угроза отторженія имѣетъ не столько тотъ смыслъ, что плантаторы надѣются на существованіе своего отдѣльнаго союза, о которомъ такъ горячо разсуждаютъ, сколько ту цѣль, чтобы склонить населеніе сѣверныхъ штатовъ къ уступкамъ для примиренія. Такъ и совѣтуетъ сдѣлать сѣвернымъ штатамъ нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Бухананъ, представитель крайней плантаторской партіи. Срокъ власти Буханана кончается 4 марта слѣдующаго года, — въ этотъ день вступитъ въ должность новый президентъ, при которомъ федеральная власть будетъ враждебна плантаторамъ, между тѣмъ какъ теперь она благопріятствуетъ имъ. Потому плантаторы стараются поскорѣе, при Бухананѣ, кончить дѣло тѣмъ или другимъ способомъ — отторженіемъ отъ союза для вынужденія у сѣверныхъ штатовъ уступокъ при будущихъ переговорахъ о своемъ возвращеніи въ союзъ, или немедленнымъ полученіемъ уступокъ: при Линкольнѣ имъ будетъ не такъ удобно исполнять манёвръ отторженія, служащій для нихъ средствомъ къ вынужденію уступокъ. Послѣднія извѣстія, какія мы имѣли, когда писали эту статью, говорятъ только о первыхъ двухъ засѣданіяхъ конгресса, въ которыхъ только еще начались пренія о совѣтѣ Буханана, — черезъ недѣлю или черезъ двѣ читатель будетъ знать, какое положеніе принялъ конгрессъ въ этомъ дѣлѣ: согласится ли республиканская партія палаты представителей сѣверо-американскаго союза на уступку плантаторамъ, или депутаты плантаторскихъ штатовъ удалятся изъ конгресса по несогласію большинства палаты представителей на ихъ требованія, выраженныя Бухананомъ.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

6

ПРИЧИНЫ ДОЛГАГО МОЛЧАНІЯ СВИСТКА.

Всякій разъ, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, объ немъ распространялся въ публикѣ одинъ и тотъ же слухъ, повторяемый очень многими съ сердечнымъ удовольствіемъ, иными съ искреннимъ соболѣзнованіемъ, что «Свистокъ» умеръ! Такъ было и нынѣ,—даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свистокъ» скончался, убитый находчивостью г. Краевскаго, который отвлекъ будто бы (именно съ этимъ намѣреніемъ) всѣ рабочія литературныя силы къ составленію статей для «Энциклопедическаго Словаря». Какъ ни остроумно это предположеніе, наступило время увѣдомить публику, что оно невѣрно. «Свистокъ» живъ, и для объясненія долгаго своего молчанія имѣетъ достаточно причинъ. Мы могли бы и умолчать о нихъ, потому что если, по словамъ гг. Кокорева и Бенардаки, *«въ дѣлахъ коммерческихъ должна быть неизбѣжная часть тайны»*, то почему же не быть ей и въ дѣлахъ литературныхъ—особенно, если при этомъ не

спрашивается съ подписчиковъ никакихъ добавочныхъ суммъ? Но мы не хотимъ тайны, и объявляемъ, что главнѣйшею причиною молчанья «Свистка» были скромность и благонравіе, свойственныя его юному возрасту. Онъ молчалъ, потому что не хотѣлъ говорить о самомъ себѣ. Назвавшись собраніемъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, онъ, естественно, долженъ былъ касаться литературы и журналистики, а журналистика послѣдняго времени, какъ извѣстно читателямъ, только и занималась «Свисткомъ». Уже одного страха, чтобъ не показалось кому нибудь, что «Свистокъ» нисходитъ до оправданій противъ такихъ личностей и талантовъ, какіе почтили его своимъ вниманіемъ—достаточно было бы, чтобъ заставить его молчать; но къ этому присоединилось обстоятельство, болѣе важное и прискорбное—разочарованіе начинаетъ чувствовать «Свистокъ»! Такъ скоро? спроситъ читатель. — Увы! такъ скоро. Давно ли, полный юныхъ силъ, надежды и стремленій, считалъ онъ дѣятельность свою чѣмъ-то необходимымъ и благотворнымъ? давно ли все его занимало, —

Все волновало юный умъ?

на что̀ только не отзывался онъ своимъ свистомъ, то кроткимъ и умиленнымъ, то негодующимъ? А теперь? Теперь слава его не занимаетъ; полезность дѣятельности своей считаетъ онъ сомнительною, важность обличенія разныхъ литературныхъ глупостей и низостей отрицаетъ; капитальный трудъ свой «о Вредѣ Людоѣдства», которымъ занимался онъ въ часы досуга, надѣясь упрочить имъ свое имя въ литературѣ и благотворно подѣйствовать на убѣжденія современниковъ,—онъ бросилъ на половинѣ! Увы! увы! съ нимъ случилось то же, что случается со всѣми юношами нашего поколѣнія....

Въ началѣ жизни гордо мы глядимъ
Въ широкій путь, открытый передъ нами,
И первыми горячими трудами
Блестящія надежды подадимъ ...

А потомъ? Потомъ слѣдуетъ то, что̀ произошло со мною въ сію минуту. Началъ я свою мысль стихами (и читатели отдадутъ справедливость, что они не дурны), но силъ у меня не хватаетъ, или, вѣрнѣе, не хватаетъ энергіи потрудиться лишніе полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нѣтъ, я и прозой доканчивать ея не буду, потому что она и такъ понятна, а если и непонятна кому, то что за бѣда: кто отъ этого проиграетъ? Никто. А я выиграю—выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищеніе ногтей. Горе, когда человѣка начинаютъ посѣщать такія соображенія,—не свищется ему. Даже

такой фактъ, какъ появленіе статейки г. Бѣлюстина о вредѣ грамотности — не задираетъ его за живое; а ужь г. Дзюбинъ, объясняющій побѣгъ рабочихъ съ Волжско-Донской желѣзной дороги «привлекательностью высокой платы за уборку хлѣба и сѣна», тогда какъ г. Смирновъ объясняетъ тотъ же фактъ продѣлками и притѣсненіями прикащиковъ подрядчика, — г. Дзюбинъ такъ даже и впечатлѣнія малѣйшаго не производитъ. Что жь ему послѣ того полтавскіе дворяне; что споры — о томъ, должно ли назначить жалованье предводителямъ или не должно? Что ему объявленіе г-жи Евгеніи Туръ объ изданіи «Русской Рѣчи» и «замѣтка» «Русскаго Вѣстника» на это объявленіе, и отвѣтъ г-жи Туръ, и новая замѣтка «Русскаго Вѣстника»? Господинъ Ржевскій можетъ теперь, отдѣлавши кадастровыхъ чиновниковъ, профессоровъ и экзаменаторовъ, и указавши способы развитія пролетаріата, можетъ хлопотать о способахъ сокращать университетскіе штаты; г. Краевскій можетъ издавать или не издавать «Энциклопедическій Лексиконъ»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Грековъ могутъ, сколько угодно, перепечатывать въ журналахъ свои старыя стихотворенія; г. Козлянинов может быть или не быть, по своему усмотрѣнію, особъ прекраснаго пола, подвертывающихся ему подъ руку; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» могутъ распускаться новые цвѣты съ старымъ запахомъ экономической дѣятельности; г. Лестголла можетъ увѣрять г. Костомарова, что онъ не знаетъ ни слова по-литовски; г. Страховъ можетъ переносить изъ «Свѣточа» въ «Русскій Вѣстникъ» свои трансцендентальныя теоріи о веществѣ; новый «Вѣкъ» съ новыми «Основами» можетъ водворяться въ русской литературѣ: «Свистокъ» даже губами не пошевельнетъ, чтобы ихъ привѣтствовать.... Постигнутый разочарованіемъ, онъ сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ русскіе смертные: онъ (и вотъ третья и послѣдняя причина долгаго молчанья «Свистка») отправился за границу, конечно, не безъ надежды набраться новыхъ впечатлѣній и не безъ намѣренія подѣлиться ими съ читателями. Можетъ быть, онъ отъ себя будетъ говорить немного: но за то онъ вамъ представитъ нѣкоторыя выдержки изъ обширной корреспонденціи, которую завелъ онъ съ людьми, близкими ему по сердцу и духу; за то онъ дастъ вамъ подлинные документы о состояніи умовъ въ Европѣ, — ему только извѣстные и доставшіеся ему изъ первыхъ рукъ; наконецъ онъ сообщитъ вамъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ держатъ себя въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ наши любезные соотечественники, путешествующіе по Европѣ. Читайте же и поучайтесь плодами новой дѣятельности «Свистка!»

I.

ДВА ГРАФА.

Ищи паче въ разнообразіи единства, нежели въ единообразіи раздѣленія.
(*Афоризмъ Кузьмы Пруткова.*)

Читатель долженъ знать, что въ русской литературѣ настаетъ теперь время плутарховскихъ параллелей. Первыя попытки, хотя еще робкія и неопредѣленныя, уже показались: г. Вагнеръ въ двухъ превосходныхъ статьяхъ проводитъ параллель между «природою и Милнымъ Эдвардсомъ» (см. «Отеч. Записки»), а г. Благовѣщенскій — между «Петроніемъ и пермскими сказочниками» (см. «Русское Слово»). Новая эра параллелей, такъ сказать возрожденіе Плутарха, — совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева: «Борнсъ и Кольцовъ». Но такъ какъ появленіе этой статьи скрывается въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго грядущаго, то мы намѣрены подготовить къ ней публику нѣсколькими этюдами, не имѣющими такой капитальной важности, какъ будущее произведеніе г. Тургенева, но тѣмъ не менѣе долженствующими знакомить публику съ плутарховскою манерою. Такъ наши даровитые сотрудники обѣщали намъ параллели: «Виллькменъ и А. Д. Галаховъ», «В. А. Кокоревъ и Лафитъ», «Жоржъ Зандъ и Евгенія Туръ», «Битва Горацiевъ и Куріаціевъ и бой 13 декабря 1859 года въ петербургскомъ пассажѣ», «Ламорисьеръ и Н. Ф. Павловъ», и пр. и пр. Но читатели понимаютъ, что подобные труды требуютъ долгихъ и тщательныхъ соображеній, а между тѣмъ «Свистокъ» любитъ очень быстро переходить отъ мысли къ дѣлу. Вотъ почему, за недостаткомъ покамѣстъ отечественныхъ трудовъ по этой части, радостно привѣтствуемъ плутарховскую пару, недавно возвѣщенную во французской литературѣ. Пара эта имѣетъ тѣмъ болѣе правъ на наше вниманіе, что она отличается весьма возвышеннымъ характеромъ.

Двѣ единицы, составляющія интересную пару, которая рекомендуется вашему вниманію, обѣ благороднаго происхожденія. Правда, одна изъ нихъ была недавно заподозрѣна какимъ-то нѣмецкимъ журналомъ въ томъ, что она — изъ нѣмцевъ, и даже, кажется, изъ баварцевъ; но по всей вѣроятности, это подозрѣніе неосновательно. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что обѣ единицы — не только благородныя, но даже графы. Одинъ изъ графовъ называется *Кавуръ*, другой *Монталамберъ*.

Если вы слѣдите за политикой не для пустаго препровожденія времени, а для того, чтобы почерпать изъ нея мудрые уроки, возвышенныя идеи и убѣдительный слогъ, то вы, конечно, не спросите насъ, по какому случаю соединили мы два имени, для профановъ не имѣющія между собою ничего общаго. Вамъ должно быть извѣстно, что оба графа взаимно очень заняты собою (т. е. другъ другомъ: простите невольный галлицизмъ), что графъ Кавуръ, среди тяжкой борьбы съ Гарибальди и затруднительныхъ разсужденій въ парламентѣ, — не упускаетъ случая затронуть графа Монталамбера, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, какъ ни опечаленъ горестями святѣйшаго отца и неудачами Ламорисьера, не оставляетъ однако же устремлять свои помыслы къ графу Кавуру и дѣлать выгодныя для себя сравненія. Этому благородному и полезному занятію своему они придали недавно гласность, которою мы и пользуемся для своего этюда.

12 октября сего года было въ туринскомъ парламентѣ чрезвычайное засѣданіе, имѣвшее цѣлью доказать, что графъ Камилъ Кавуръ любитъ Италію и свободу, но не любитъ Гарибальди, ибо Гарибальди слишкомъ зазнался и сдѣлался съ нѣкотораго времени безпокойнымъ человѣкомъ. Въ красноречивой рѣчи (которую можно посовѣтовать выучить наизустъ редакціи «Русскаго Вѣстника») графъ Кавуръ доказалъ, что Италія своимъ возрожденіемъ обязана его дипломатическимъ способностямъ, что при немъ никакого Гарибальди ей не нужно, что пусть только подождутъ, а онъ «подумаетъ», и все уладится какъ нельзя лучше. Всѣ остались довольны рѣчью, и никто не замѣтилъ въ ней маленькой шпильки, направленной очень далеко. Да и какъ было замѣтить? Рѣчь вся была составлена, такъ сказать, изъ мечей обоюду острыхъ, такъ до шпилекъ ли тутъ! Но такова сила дипломатическаго генія, что среди мечей одинъ графъ отлично умѣлъ помѣстить шпильку другому графу, и другой графъ немедленно успѣлъ замѣтить царапину и поспѣшилъ даже почувствовать благородное негодованіе.... Дѣло въ томъ, что, говоря о Римѣ и папѣ, графъ Кавуръ произнесъ, между прочимъ, слѣдующую тираду:

«Я думаю, разрѣшеніе римскаго вопроса придетъ вслѣдствіе болѣе и болѣе распространяющагося въ современномъ обществѣ, и въ средѣ самихъ католиковъ, убѣжденія, что свобода какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ развитію истиннаго религіознаго чувства.

«Я убѣжденъ, что эта истина скоро восторжествуетъ. Мы уже видѣли ея признаніе самыми горячими защитниками католическихъ идей, мы видѣли, какъ одинъ знаменитый писатель, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ своихъ, доказывалъ Европѣ, въ книгѣ, надѣ-

лавшей большаго шума, — что свобода была весьма полезна для возвышенія религіознаго духа».

Кто слѣдитъ за успѣхами европейской мысли, хоть по отдѣлу иностранной литературы въ «Отечеств. Запискахъ», тотъ долженъ понять, что намекъ графа Кавура относился къ графу Монталамберу. Очевидность была такъ велика, что графъ Монталамберъ счелъ нужнымъ тотчасъ же принять его на свой счетъ, обидѣться и обнародовать отвѣтъ графу Кавуру, писанный, можно сказать, молніями! Онъ появился въ октябрьской книжкѣ журнала «Correspondant», который, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ въ русской публикѣ, хотя занимается Россіею съ особенной любовью: онъ хочетъ обратить ее въ католичество!... Впрочемъ, объ этомъ мы еще скоро поговоримъ особо, а теперь обратимся къ нашимъ графамъ.

«Говорятъ, что вы это на меня хотѣли намекнуть въ вашей рѣчи»,—пишетъ обиженный графъ къ графу-обидчику.—«Если бы въ вашихъ словахъ заключалась только похвала, я бы не позволилъ себѣ принять ихъ на свой счетъ; но въ нихъ есть также оскорбленіе: значитъ — моя скромность можетъ успокоиться.»

Это вступленіе имѣетъ отношеніе къ прошедшему французскаго графа. Надо вспомнить, что около 1856 года въ нѣдрахъ «католической партіи», основанной графомъ Монталамберомъ, произошелъ расколъ. Господинъ Вёльо забѣжалъ слишкомъ далеко, графъ Монталамберъ слишкомъ отсталъ, а графъ Фаллу оставался между ними, не зная, что ему дѣлать — прибавить шагу или остановиться вовсе. Въ это время г. Вёльо, съ свойственной ему безцеремонностью, разсказалъ въ «L'Univers» нѣкоторые интимные факты поведенія графа Монталамбера во время coup d'état. Графъ смолчалъ. Тогда другіе журналы, сначала боявшіеся вѣрить газетѣ г. Вёльо, рѣшились принять серьёзно разсказъ бывшаго друга о его союзникѣ. Послѣ этого графъ Монталамберъ въ общихъ выраженіяхъ протестовалъ, объявивъ, что прежде онъ не хотѣлъ отвѣчать, ибо зналъ, что «общественный дѣятель долженъ благодушно переносить критики, даже самыя грубыя и обидныя». Въ отвѣтъ на это признаніе, одинъ журналъ не безъ ядовитости замѣтилъ тогда, что молчать, когда наши же друзья и единомышленники выставляютъ противъ васъ малоизвѣстные факты, обличающіе васъ въ недостаткѣ убѣжденій — это уже значитъ слишкомъ далеко простирать христіанское смиреніе....

Несмотря на свои почтенныя лѣта и званіе академика, графъ Монталамберъ, какъ видимъ, не погнушался воспользоваться журнальнымъ урокомъ. Теперь онъ оставляетъ смиреніе въ сторонѣ и спѣшитъ протестовать противъ подозрѣнія въ желтухѣ или куриной слѣпотѣ, которую ему явно прописываетъ графъ Кавуръ, осмѣли-

ваясь провозглашать, будто «знаменитый писатель» только въ «свѣтлыя минуты» можетъ видѣть вещи, какъ слѣдуетъ. «Знаменитый писатель» тѣмъ же слогомъ, какимъ онъ ратовалъ въ 1831 году противъ жандармовъ, пришедшихъ разогнать основанную имъ школу,— гремитъ теперь противъ графа Кавура, стараясь доказать, что если кто изъ нихъ двоихъ находится въ бѣлой горячкѣ, такъ это конечно ужь самъ графъ Кавуръ. Для полнѣйшаго доказательства этой истины, обиженный графъ собралъ всѣ свои силы, припомнилъ всѣ свои изученія и изложилъ результаты своихъ долгихъ соображеній относительно піемонтскаго графа — въ разительной параллели, которую мы и переводимъ для удовольствія читателей. Само собою разумѣется, что слогъ перевода не можетъ равняться въ энергіи съ подлинникомъ; но и слабое понятіе о немъ уже достаточно для того, чтобы возбудить умиленіе читателей.

«Вы меня вызываете передъ публикой», пишетъ графъ Монталамберъ: «значитъ, даете мнѣ право и отвѣчать вамъ публично.

«Я чувствую къ этому отвращеніе, которое едва могу превозмочь. Французская кровь была пролита по вашимъ приказамъ; католическая честь оскорблена была вашими помощниками; теперь ваши слова угрожаютъ вѣковой обители, послѣднему убѣжищу общаго отца всѣхъ вѣрныхъ. Нѣтъ ни одного изъ вашихъ дѣйствій, которое бы меня не оскорбляло и не возмущало.... И вотъ вы наносите новый ударъ всему, что мнѣ дорого, прикрывая ваши злые умыслы покровомъ обманчиваго соглашенія между религіей и свободой. И для подтвержденія вашихъ словъ вы призываете мое свидѣтельство!...

«Я считаю своей обязанностью объявить, что ни въ какомъ отноотношеніи, господинъ графъ, я не схожусь съ вами!

«Благодареніе Богу, ваша политика — не моя!

«Вы стоите за большія централизованныя государства; я—за маленькія самостоятельныя владѣнія.

«Вы презираете мѣстныя преданія въ Италіи; я люблю ихъ повсюду.

«Вы хотите Италіи единой; я хочу союзной.

«Вы нарушаете трактаты и международное право; ихъ уважаю, потому что между государствами это тоже самое, что контракты и честность между частными людьми.

«Вы для вашей цѣли жертвуете обязательствами, обѣщаніями, клятвами. Я отвѣчаю вамъ словами благороднаго Манина: «средства, неодобряемыя нравственнымъ чувствомъ, даже если бы они и были полезны матеріально, убиваютъ нравственно. Никакою побѣдою нельзя искупить презрѣнія къ самому себѣ».

«Вы разрушаете свѣтскую власть святаго владыки; я ее защи-

щаю со всей энергей моего разума и любви (de ma raison et de ma tendresse).

«Вы не одобряете политику, которая снарядила римскую экспедицію 1849 года, а я горжусь тѣмъ, что ее поддерживалъ. Несмотря на ужасныя и непростительныя противорѣчія, встрѣченныя ею послѣ того, я благодаренъ ей, потому что и теперь, если Франція и Пьемонтъ принуждены встрѣтиться лицомъ къ лицу передъ Капитоліемъ, — такъ это есть послѣднее, слабое послѣдствіе той экспедиціи.

«Вы отдаете *героямъ* Гарибальди хвалы, которыя я берегу для *наемниковъ* безсмертнаго Пимодана.

«Вы — съ Чальдини, я — съ Ламорисьеромъ; вы — съ отцомъ Гавацци, я — съ епископами Орлеанскимъ, Пуатьерскимъ, Турскимъ, Нантскимъ, со всѣми католическими голосами, которые въ обоихъ полушаріяхъ протестовали и будутъ протестовать противъ васъ.

«Но особенно, я—съ Піемъ IX, который былъ первымъ другомъ итальянской независимости, до тѣхъ поръ, пока это великое дѣло не попало въ руки неблагодарности, насилія и обмана.

«На нашей сторонѣ, я могу это сказать, — совѣсть; на вашей,— я вѣрю этому,—успѣхъ. Пьемонтъ рѣшается на все, Франція все позволяетъ, Италія все принимаетъ, Европа все терпитъ.... вашъ успѣхъ, повторяю, кажется мнѣ вѣрнымъ.»

Не правда ли, какая рѣзкая параллель! Какое богатство мыслей, благородство тона и въ тоже время какая яркость контрастовъ, какое остроуміе сближеній! И при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы выборъ между двумя графами противниками былъ очень легокъ даже для приверженцевъ графа Кавура. Они не могутъ указать на графа Монталамбера, какъ на обскурантиста, какъ на врага Италіи, какъ на человѣка ретрограднаго или революціонера. Нѣтъ, онъ также любитъ Италію, любитъ свободу, любитъ прогрессъ и ненавидитъ революцію. Онъ, правда, толкуетъ все о католической религіи; да вѣдь и графъ Кавуръ — тоже не отвергаетъ католицизма. Изъ той самой рѣчи, которая подала поводъ къ громоносныхъ нападеніямъ графа Монталамбера, видно, что графъ Кавуръ самъ хлопочетъ о процвѣтаніи католической религіи и смотритъ на свободу именно съ той точки, что она благопріятствуетъ развитію и возвышенію религіознаго чувства. Выходитъ, что въ основныхъ пунктахъ между ними нѣтъ существенной разницы. Если мы соберемъ свои воспоминанія, то найдемъ, что даже и въ подробностяхъ оба графа болѣе имѣютъ общаго, нежели противоположнаго. Продолжимъ параллель, начатую графомъ Монталамберомъ.

Мы уже не хотимъ говорить, что наши герои оба графы, оба

ровесники по годамъ, оба знамениты умомъ и краснорѣчіемъ, и пр. и пр. Кто изъ государственныхъ людей Европы не имѣетъ всего этого? Морни, Валевскій, Тунъ, Рехбергъ, Боррисъ—всѣ графы, всѣ отличаются высокими видами, всѣ имѣютъ почтенныя лѣта и всѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, отличались бы краснорѣчіемъ, если бы только всѣ имѣли къ тому случай. Значитъ, объ этой статьѣ и толковать нечего.

Но есть другія стороны, болѣе спеціально сближающія нашихъ графовъ между собою. Напримѣръ.

Графъ Кавуръ наученъ осторожности и благоразумію тѣми испытаніями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ (хотя и не участникомъ) въ родной землѣ до 1848 года; еще болѣе наученъ онъ политической мудрости неудачею самыхъ возстаній 1848 года, въ которыхъ онъ, можно сказать, *почти* принималъ личное участіе: извѣстно, что онъ, около времени Наварской битвы, записался даже въ волонтеры, только не успѣлъ выступить на поле чести, по случаю слишкомъ быстраго окончанія войны. Съ той поры онъ войны боится, а къ революціи питаетъ справедливое отвращеніе, и всего болѣе за то, что она бросается на все, очертя голову. Онъ любитъ выступить на борьбу, оградивши себя и справа и слѣва, и сзади и спереди, или выждавши такое время, когда ужь и ограждать себя не отъ кого. Тогда онъ становится храбръ, увѣренъ, предпріимчивъ, тогда онъ готовъ презирать всѣ преграды... Эту черту его характера рельефно выставляетъ графъ Монталамберъ въ продолженіи своего письма: «два препятствія теперь возвышаются передъ вами,—говоритъ онъ,—Римъ и Венеція; въ Римѣ Франція, въ Венеціи Германія. Это-то и есть; правда, настоящіе иноземцы; но они сильны!... Въ Неаполѣ вы не остановились предъ итальянцами, при Кастельфидардо васъ было десять противъ одного; конечно, вамъ нужно было попрать право, трактаты, обязательства, честь, справедливость, слабость, но вѣдь это все вещи отвлеченныя, которыя не могутъ противостоять картечи. Въ Римѣ же — стоятъ французскіе батальоны, въ Венеціи и Веронѣ — нарѣзныя пушки! Вы легко преступили право, но передъ силою вы колеблетесь.»

По нашему мнѣнію, это очень хорошо сказано, но хорошо вышло именно потому, что рисуя графа Кавура, графъ Монталамберъ какъ бы раскрывалъ свою собственную душу. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что и онъ былъ приготовленъ къ политической дѣятельности такими же точно событіями, въ какихъ прошла молодость графа Кавура. Монталамберъ только, можетъ быть, рѣзче обозначился въ своей теоріи, потому что партіи и мнѣнія во Франціи давно уже опредѣлились гораздо болѣе, чѣмъ въ Италіи. Но что касается до

дѣятельности, она всегда была такова, что ей нельзя отказать въ благоразуміи. До 1830 года, хотя и находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ Ламеннэ, Викторомъ Гюго и другими горячими людьми, онъ однако же велъ себя очень скромно. Послѣ 1830 года онъ шумѣлъ и ратовалъ на словахъ, особенно послѣ того, какъ по смерти отца сдѣлался перомъ Франціи; но не далѣе какъ въ январѣ 1848 года онъ проклиналъ республику. Послѣ февраля это однако не помѣшало ему объявить, что онъ любитъ свободу, и быть представителемъ Дубскаго департамента въ Assemblée nationale. Вскорѣ онъ нашелъ впрочемъ, что «анархія убиваетъ свободу», и потому сталъ защищать разныя ретроградныя мѣры. Послѣ 2 декабря онъ протестовалъ, но тѣмъ не менѣе назначенъ былъ членомъ «совѣщательной коммиссіи», и успокоился. Попавши потомъ въ «законодательный корпусъ», онъ опять принялся за оппозицію (которая, какъ извѣстно, тамъ даже поощряется) и находилъ, что coup d'état не далъ достаточно свободы. Но всегда старался онъ держаться въ предѣлахъ умѣренности, находя, что «опасно плыть противъ теченія». Въ 1852 году, говоря о болѣзненномъ молчаніи, наложенномъ на Францію вслѣдствіе coup d'état, онъ выразился даже такимъ образомъ: «это безъ сомнѣнія полезная и даже необходимая гигіена, и конечно *я не захочу быть первымъ* въ отрицаніи ея законовъ». Въ этомъ нежеланіи быть первымъ, когда нужно бороться съ чѣмъ нибудь, — гораздо болѣе сходства съ постоянной политикой графа Кавура, нежели думаетъ графъ Монталамберъ.

Нашедши это первое сходство, мы можемъ продолжать нашу параллель уже гораздо рѣшительнѣе. Всѣ частности, какъ бы они ни представлялись противоположными на первый взглядъ, сглаживаются предъ родовымъ, типическимъ сходствомъ, которое представляютъ интересныя личности обоихъ графовъ. Положеніе ихъ нѣсколько различно: въ большей части случаевъ пьемонтскій графъ оканчиваетъ тѣмъ, чѣмъ началъ французскій, а французскій отстаетъ отъ того, къ чему приходитъ пьемонтскій; но это — дѣло обстоятельствъ, независящихъ отъ ихъ воли. Что же дѣлать, если французское правительство въ началѣ дѣятельности Монталамбера походило на нынѣшнее сардинское, а тогдашнее сардинское имѣло большую аналогію съ теперешнимъ французскимъ! Для оцѣнки личности обоихъ графовъ это вещь совершенно посторонняя; она только съ большей рельефностью выставляетъ передъ нами, такъ сказать, «сродство душъ» обоихъ графовъ, и даетъ видѣть, съ какимъ бы умилительнымъ согласіемъ дѣйствовали они, еслибы находились въ одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Оба они, напримѣръ, до безумія любятъ трибуну. Но до 1848 года

въ Италіи нечего было и думать о трибунѣ. Что же дѣлалъ графъ Кавуръ? Онъ нашелъ для упражненія своего краснорѣчія довольно изрядный суррогатъ въ изданіи журнала «Risorgimento».—Во Франціи послѣ 1852 года трибуна тоже смолкла; что дѣлаетъ графъ Монталамберъ? Онъ издаетъ съ 1852 г. журналъ «Le Correspondant», въ которомъ находитъ пріютъ для своего изящнаго слога. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первомъ удобномъ случаѣ (и даже теперь, послѣ великихъ реформъ 24 ноября во Франціи, можно надѣяться, что очень скоро) графъ Монталамберъ не преминетъ выступить на ораторское поприще. Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ невозможности дѣйствовать живымъ голосомъ, графъ Кавуръ пуститъ въ ходъ журналистику. Для этого и существуетъ у него подъ руками «Opinione», «Diritto», и пр.

Но что дѣлалъ графъ Кавуръ съ своимъ журналомъ въ горячее время, которое переживала вся Италія предъ 1848 годомъ? Проникся ли общимъ настроеніемъ умовъ, волновался ли патріотическими замыслами, содѣйствовалъ ли подымавшемуся революціонному движенію? Помилуйте, какъ это можно! Графъ Кавуръ всегда былъ слишкомъ солиденъ для этого: онъ всегда преданъ былъ просвѣщенному либерализму, но всякое шумное движеніе повергало его въ ужасъ. Онъ не могъ выносить другихъ формъ свободы, кромѣ свободы парламентскихъ преній. Поэтому и въ 1847 году Risorgimento съ замѣчательнымъ упорствомъ держался въ сторонѣ отъ настоящаго народнаго движенія, не хотѣлъ угождать вкусу грубой черни и постоянно держался на высотѣ своей идеи, толкуя о конституціонныхъ постановленіяхъ и о ихъ преимуществахъ, въ числѣ которыхъ главнымъ, конечно, стояло наслажденіе парламентскимъ краснорѣчіемъ....

Удивительное сходство представляетъ намъ въ этомъ случаѣ Correspondant графа Монталамбера съ журналомъ графа Кавура. Возьмите какой угодно номеръ:—нѣтъ плебейскихъ выходокъ, нѣтъ разсужденій дурнаго тона, нѣтъ даже упоминанія о предметахъ, занимающихъ грубую массу, но не принадлежащихъ къ области «высшихъ» интересовъ; все благопристойно, возвышенно — и по содержанію, и по тону. Но въ тоже время это не напудренный приверженецъ старины, не отсталый консерваторъ, — о, нѣтъ! далеко нѣтъ! Онъ составляетъ оппозицію, но оппозицію благоразумную, направленную къ практическимъ и высокимъ результатамъ, а не къ какимъ нибудь мечтательнымъ замысламъ. Онъ не шумитъ изъ-за «минутныхъ» интересовъ, не одушевляется «преходящими» фактами; нѣтъ, у него есть глубокія, *вѣчныя* идеи и требованія, отъ которыхъ онъ ни на шагъ не отступитъ. Канвою для нихъ служитъ

всегда одна общая идея — права̀ католицизма; но такъ, какъ эта идея уже слишкомъ обща и блѣдна сама по себѣ, то по ея фону всегда и разрисовываются другія, болѣе спеціальныя: права аристократіи, сладость парламентаризма, отвратительность быстрыхъ переворотовъ, умѣренная свобода, ограниченная законностью, законность, поддерживаемая союзомъ аристократіи и духовенства, и т. д.

Какъ видите, по сущности своихъ идей французскій графъ никакъ не отстаетъ отъ піемонтскаго, и потому оба они должны бы быть довольны другъ другомъ. Но они хотятъ увѣрить насъ, что въ средствахъ не сходятся. Намъ кажется, что и это напрасно. Приведемъ на память нѣсколько фактовъ.

Графъ Кавуръ, напримѣръ, находя себя ужь очень смѣлымъ и стремительнымъ, одно время употреблялъ вмѣсто себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ графа Чезаре Бальбо. Такъ онъ издавалъ Risorgimento вмѣстѣ съ Бальбо. Графъ Бальбо извѣстенъ своею книгою *«Надежды Италіи»*, которую итальянцы называютъ часто *«Надежды безнадежныя.»* Въ книгѣ этой достойный графъ увѣряетъ Италію, что собственно она ничего сдѣлать не можетъ, но что нужно надѣяться на перемѣны къ лучшему въ австрійскомъ правительствѣ. Все, видите ли, идетъ къ прогрессу, идеи развиваются, права опредѣляются яснѣе; кому же лучше устроить ихъ, какъ не тѣмъ, кто управляетъ народомъ? — Такого-то философа выбралъ графъ Кавуръ себѣ въ товарищи по журналу, и въ сравненіи съ нимъ дѣйствительно казался отважнымъ.... Точь-въ-точь такая же исторія произошла и съ графомъ Монталамберомъ: онъ издаетъ Correspondant вмѣстѣ съ графомъ Фаллу. Мы знаемъ, что графъ Фаллу бросилъ яблоко раздора между г-жею Туръ и редакціею «Русскаго Вѣстника»; но о немъ нельзя судить по этому обстоятельству. Если бъ онъ могъ предвидѣть прискорбныя послѣдствія публикаціи его книги «Madame Swetchine», — то безъ всякаго сомнѣнія не сталъ бы публиковать ее, а благоразумно подождалъ бы, пока величіе M-me Свѣчиной будетъ признано всѣми и не въ состояніи будетъ поселять раздоровъ даже между московскими журналистами. Такъ можно думать, судя по характеру всей жизни и дѣятельности графа Фаллу, о которомъ одинъ изъ его біографовъ съ восхищеніемъ отзывается, что онъ могъ въ одно время—быть другомъ свободы, находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Персиньи, питать нѣжность къ Ламенэ и оставаться въ дружбѣ съ Вёльо. Біографъ находитъ въ этомъ глубокій жизненный тактъ.... И біографъ не ошибается повидимому: друзья нашихъ графовъ — тоже графы, слѣдовательно ничего нѣтъ удивительнаго, если эти двѣ четы насквозь пропитаны аристократизмомъ. Въ довершеніе сходства двухъ

графовъ, 2-го порядка, мы имѣемъ сочиненіе графа Фаллу: «Житіе Пія VII», гдѣ онъ съ такимъ же незлобивымъ упованіемъ относится къ прошедшему, какъ графъ Бальбо къ грядущему. Графъ Фаллу находитъ, видите ли, слишкомъ обидными отзывы историковъ объ инквизиціи и слишкомъ неосновательными мѣры, послужившія къ ея уничтоженію. По его мнѣнію, это установленіе было отлично принаровлено къ нравамъ своего времени, вовсе не имѣло въ себѣ ничего ужаснаго, и слѣдовало подождать совершеннаго измѣненія нравовъ и понятій, для того, чтобы оно могло прекратиться или смягчиться само собою.... Спрашиваемъ васъ, читатели, чѣмъ эта философія хуже философіи графа Бальбо, и кто изъ четырехъ графовъ можетъ похвалиться своимъ другомъ предпочтительно предъ остальными?

Если выборъ друзей у нашихъ графовъ одинаково удаченъ, то ихъ тактика поражаетъ насъ совершеннѣйшимъ единствомъ, которое можно даже заподозрить въ подражаніи. Дѣло въ томъ, что для достиженія цѣлей графовъ нужно было восхвалять парламентскую форму правленія, а между тѣмъ это было не совсѣмъ удобно. И графъ Кавуръ могъ имѣть за это кое-какія непріятности въ 1847 г., а графъ Монталамберъ уже прямо находился въ положеніи крайне затруднительномъ послѣ 1852 года. Что дѣлать? Къ счастью, у графа Монталамбера была мать англичанка, которая его, говорятъ, и воспитывала съ нѣкоторыми педагогическими манерами старой Англіи, довольно суровыми въ физическомъ отношеніи; графъ же Кавуръ въ молодыхъ лѣтахъ долго жилъ въ Англіи. Послѣ этого ясно, что они принялись эксплуатировать британское управленіе безъ всякаго милосердія.... Risorgimento полонъ былъ восторженныхъ замѣтокъ о государственныхъ ораторахъ Англіи и объ умѣ, красотѣ и величіи ея лордовъ; графъ Монталамберъ, какъ извѣстно, тоже не далъ спуску англійскимъ парламентскимъ преніямъ.... И, конечно, когда подумаешь, что на англійскихъ учрежденіяхъ ѣздятъ иногда люди, гораздо менѣе имѣющіе на то права, чѣмъ наши графы, то находишь образъ дѣйствій обоихъ графовъ какъ нельзя болѣе естественнымъ. Одно только не хорошо: разъ графъ Монталамберъ до того увлекся, что наговорилъ лишняго и отданъ былъ подъ судъ. Два года тому назадъ процессъ его за слишкомъ усердную похвалу англійскимъ преніямъ въ парламентѣ — надѣлалъ порядочнаго скандала. Правда, впрочемъ, что тотъ же графъ сочинилъ около того же времени «Pie IX et lord Palmerston», гдѣ и Пальмерстонъ и Англія, за исключеніемъ, конечно, парламентскихъ формъ, уничтожаются въ пользу Пія IX.

Полные восторженнаго благоговѣнія предъ трибуною, оба гра-

фа, можно сказать, превосходятъ другъ друга въ постоянныхъ надеждахъ на силу словеснаго убѣжденія. Такъ какъ французскій графъ находится теперь «не у дѣлъ», то онъ, естественно, разсчитываетъ болѣе на статейки и письма; въ прежнее же время возлагалъ упованіе на свои краснорѣчивые «дискуры». Пьемонтскій графъ теперь смотритъ нѣсколько свысока на статейки и даже на рѣчи, это ужь для него пустяки; но онъ твердо надѣется измѣнить лицо міра посредствомъ своихъ дипломатическихъ нотъ. «Письмо» графа Монталамбера даетъ намъ одинъ образчикъ того, какъ оба графа, наперерывъ другъ передъ другомъ, рвутся показать свою приверженность къ «убѣжденію». Графъ Кавуръ (вспоминая, безъ сомнѣнія, своего бывшаго сотрудника, благонадежнаго графа Бальбо) увѣряетъ въ своей рѣчи, что вопросъ Рима и Венеціи не можетъ быть рѣшенъ силою, что надо подождать, пока мнѣніе европейскихъ державъ сформируется въ пользу Италіи, когда святой отецъ убѣдится, что надо отдать Римъ Пьемонту, а Австрія почувствуетъ моральную невозможность держаться въ Венеціи. «Для этого надо дѣйствовать на общее мнѣніе Европы, надо убѣжденіе, переговоры, убѣжденіе, дипломатическія ноты, меморандумы, убѣжденіе, убѣжденіе.... И ужь положитесь на меня, — мои ноты будутъ убѣдительны!» Такъ провозглашалъ графъ Кавуръ. Кажется, достаточно сильно?.,. Но графъ Монталамберъ старается перекричать его, повторяя: «да, убѣжденіе, убѣжденіе, все надо дѣлать убѣжденіемъ, а не силой, именно убѣжденіемъ, и вы должны были дѣйствовать убѣжденіемъ, не другимъ чѣмъ, какъ убѣжденіемъ.... прогрессъ совершается идеей, а не силой, убѣжденіемъ, а не оружіемъ»... и пр. Относительно Венеціи, напримѣръ, графъ Монталамберъ до того согласенъ съ графомъ Кавуромъ и графомъ Бальбо, что даже при всемъ желаніи возражать пьемонтскому дипломату, не находитъ сказать ничего лучшаго, какъ только заподозрить его въ неискренности. «Вы хотите получить Венецію, пишетъ онъ, — дѣйствуя убѣжденіемъ на Австрію и Европу. Увидимъ.... Я искренно желаю вамъ успѣха. Да, именно такимъ способомъ, посредствомъ убѣжденія, примѣромъ собственнаго благоденствія, Пьемонтъ, послѣ 1847 года, долженъ былъ бы и могъ бы обезпечить торжество и честь своей политики. И вотъ почему изъ всѣхъ виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается теперь въ Италіи,—вы (т. е. Кавуръ) можетъ быть всѣхъ виновнѣе. Вы имѣли все, что нужно для того, чтобы привести ко благу дѣло столь прекрасное, сохранивъ симпатію всѣхъ честныхъ людей въ цѣломъ мірѣ. Ни въ патріотизмѣ, *ни въ краснорѣчіи* (!), ни въ отвагѣ, ни въ настойчивости, ни въ ловкости у васъ не было недостатка;

вамъ недоставало одного — совѣсти (conscience) и уваженія къ совѣсти другихъ.»

Какъ видите, графъ Монталамберъ не только убѣжденіе любитъ, но и свободу: онъ одобряетъ сардинскія постановленія (да и нельзя иначе: они даютъ просторъ *краснорѣчію*!) и желаетъ освобожденія Венеціи не меньше самаго графа Кавура. Они оба страшатся только, когда люди заходятъ очень далеко.... И въ этомъ отношеніи сходство между двумя графами не менѣе поразительно, какъ во всѣхъ другихъ. Графъ Монталамберъ, напримѣръ, еще въ ранней молодости, тотчасъ же воспользовался на трибунѣ плодами іюльской революціи, но извѣстно, что въ безпорядкахъ, произведшихъ ее, онъ былъ совершенно невиненъ. То же самое надо сказать и о 1848 годѣ.... Если обратимся къ графу Кавуру, то увидимъ то же благоразуміе: въ самой ранней молодости онъ умѣлъ сохранить себя — не попалъ ни въ секту карбонаровъ, ни въ «Юную Италію,» а либеральничалъ весьма умѣренно и благородно въ аристократическихъ салонахъ, и между прочимъ въ салонѣ своего отца; а потомъ, послѣ переворота, сдѣлался руководителемъ новой политики Пьемонта. Онъ успѣлъ лучше, чѣмъ графъ Монталамберъ, и вотъ чего французскій графъ никакъ не можетъ простить ему! Бѣднякъ думаетъ, что это произошло отъ существенной разницы ихъ идей и характеровъ, и его самолюбіе страдаетъ... А дѣло просто въ томъ, что Пьемонтъ—не Франція: благодаря ничтожеству политической жизни, Кавуръ оказался тамъ одинъ, а во Франціи Монталамберъ потерялся между десятками людей половчѣе его....

Для того, чтобы свобода не была ужь слишкомъ свободна, оба графа готовы на все. И во-первыхъ, они любятъ, чтобы она была дарована, пожалована.... Вотъ почему графъ Кавуръ съ графомъ Бальбо и еще нѣсколькими графами и маркизами, — еще въ 1848 году печатали въ «Risorgimento» прошеніе къ королю Фердинанду, чтобъ онъ сдѣлался либераломъ... Вотъ почему графъ Кавуръ хотѣлъ, чтобы освобожденіе Италіи совершилось непремѣнно Наполеономъ III. Вотъ почему и графъ Монталамберъ неоднократно взывалъ къ разнымъ державамъ и властителямъ, чтобы они отказались отъ своихъ правъ на нѣкоторыя области, преимущественно католическія, какъ напр. Англія — на Ирландію, Пруссія—на Познань, и пр. Надо признаться, что въ этомъ случаѣ трудно рѣшить, кто изъ двухъ графовъ имѣлъ болѣе успѣха въ своихъ воззваніяхъ.

За то, если судьба имъ улыбается, наши близнецы-графы немедленно возлетаютъ на седьмое небо и трубятъ о спасеніи свободы отъ анархіи. Выше мы привели то мѣсто письма графа Монталамбера, гдѣ онъ такъ восторженно говоритъ о Піѣ IX, какъ творцѣ

итальянской независимости, и увѣряетъ, что неуспѣхъ дѣла свободы оттого только и произошелъ, что оно исторгнуто было изъ рукъ святѣйшаго отца и попало въ руки «неблагодарности, насилія и обмана.» Можно было думать, что этакого рода воззрѣніе нѣсколько отдаляетъ французскаго оратора отъ пьемонтскаго дипломата: — ничего не бывало! Вся Европа имѣла случай убѣдиться, что графъ Кавуръ одушевлялся совершенно такими же идеями и чувствами. Въ нотѣ прусскому правительству, онъ говоритъ о себѣ почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ графъ Монталамберъ отзывается о Піѣ IX какъ въ письмѣ къ графу Кавуру, такъ и въ своей статьѣ о Піѣ IX и Пальмерстонѣ. По увѣренію ноты, если вы припомните,—Пьемонтъ затѣмъ именно и вмѣшался въ чужія дѣла, что дѣло свободы попало въ руки головорѣзовъ, что надо было смирить и уничтожить духъ революціи въ Италіи. Говорятъ, будто все это дипломатическая вѣжливость въ отношеніи къ Пруссіи; но мы съ своей стороны не имѣемъ на этотъ разъ никакихъ причинъ подозрѣвать искренность графа Кавура.

Дѣла говорятъ лучше словъ, а мы не разъ видѣли, какъ пьемонтскій графъ, не хуже французскаго, на дѣлѣ показывалъ свое отвращеніе ко всякимъ безпорядкамъ и даже ко всѣмъ, кто только способенъ былъ возбудить ихъ. Если онъ иногда и принужденъ былъ казаться сочувствующимъ безпокойнымъ людямъ, то всегда неутомимо старался выйти изъ такого ложнаго положенія, хотя бы для этого нужно было пуститься въ другую крайность... Такъ видѣли мы, что онъ, едва только увидѣлъ, что Гарибальди—человѣкъ безпокойный, какъ немедленно направилъ противъ него всѣ усилія своего проницательнаго генія, и еще въ Сициліи хотѣлъ покончить диктатора посредствомъ Лафарины, а потомъ объявилъ его въ своемъ журналѣ «безумцемъ» и «препятствіемъ итальянской независимости», и предпочелъ лучше войти въ интимность съ генераломъ Нунціанте, нежели идти рука объ руку съ такимъ господиномъ, какъ Гарибальди. Вся эта исторія такъ недавня, что о ней толковать нечего: всякій самъ съумѣетъ отдать справедливость графу Кавуру. Но мы, въ качествѣ Плутарха, должны здѣсь замѣтить, что точно такія черты благоразумія существуютъ и въ жизни графа Монталамбера. Такъ, въ началѣ своей карьеры, онъ былъ участникомъ журнала «L'Avenir», основаннаго Ламеннэ, но единственно по недоразумѣнію: онъ считалъ, что Ламеннэ — просвѣщенный, либеральный аббатъ, и потому естественно сошелся съ нимъ; а какъ увидѣлъ, куда идетъ Ламеннэ, такъ и отрекся отъ него и отъ его «Avenir». Впослѣдствіи и самъ Ламеннэ отрекся отъ доктринъ своего журнала, нашедши ихъ недостаточно рѣшительными; но для графа Монталамбера, онѣ, напротивъ, были

слишкомъ рѣшительны и повергли его въ такой ужасъ, что онъ впослѣдствіи предпочелъ короткость съ г. Луи Вёльо сближенію съ Ламенне. Эта черта французскаго графа, по нашему мнѣнію, стоитъ быть замѣченною. Она рисуетъ его и сближаетъ съ графомъ Кавуромъ столько же, какъ и его дѣятельность во время 1848 и 1849 года, о которой мы не хотимъ распространяться.

Найдутся, можетъ быть, люди, которые припишутъ подобные факты слабости и нерѣшительности характера и ума. Но только недальновидные люди могутъ такъ разсудить. Мы же съ вами, читатель, напротивъ, видимъ въ дѣяніяхъ обоихъ графовъ героизмъ, твердо противящійся всѣмъ увлеченіямъ и сохраняющій свое благоразуміе въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ. Не такъ ли?

Чтобы не подозрѣвать графовъ въ недостаткѣ характера, стоитъ припомнить всѣ аналогическія черты изъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе близкія, что въ нихъ участвуетъ одно и тоже лицо — императоръ французовъ. Помните, какъ императоръ хотѣлъ простить графа Монталамбера, послѣ процесса за неумѣренную похвалу Англіи, а графъ отказался отъ прощенія и подалъ рѣшеніе суда на апелляцію? Это было высоко, превосходно, — не правда-ли? Припомните же теперь и то, какъ графъ Кавуръ вышелъ въ отставку послѣ Виллафранкскаго мира: согласитесь, что оба поступка не уступаютъ другъ другу въ благородствѣ и придаютъ характеру обоихъ графовъ оттѣнокъ античной доблести!... И послѣ этого не признавать въ нихъ высочайшей силы духа — да это непонятное ослѣпленіе!

Впрочемъ будемъ надѣяться, что людей до такой степени слѣпыхъ не найдется между нашими читателями!

Графъ Монталамберъ, съ своей стороны, имѣетъ другое обвиненіе противъ графа Кавура, — обвиненіе въ безсовѣстности, въ нарушеніи трактатовъ и обязательствъ, въ презрѣніи международныхъ правъ. Но если бы это обвиненіе было серьёзно, то на него уже готовъ заранѣе отвѣтъ въ словахъ графа Кавура, утверждающаго, что «знаменитый писатель» нуждается въ *«свѣтлыхъ минутахъ»* для здраваго пониманія вещей. Впрочемъ надо надѣяться, что всѣ контроверсіи о совѣсти со стороны графа Монталамбера составляютъ не болѣе, какъ пріятную игру словъ, внушенную ему желаніемъ рельефнѣе выставить собственное благородство и рыцарство. Въ этомъ онъ опять сходится съ своимъ противникомъ, который тоже издалъ въ свѣтъ не мало краснорѣчивыхъ страницъ объ уваженіи трактатовъ, о совѣсти политической, о порядкѣ, и пр. Довольно вспомнить его ноты предъ началомъ войны 1859 года. Въ одной изъ нихъ онъ писалъ: «не смотря на всѣ опасности, угрожающія Сардиніи, поведеніе ея правительства всегда было управляемо ду-

хомъ благоприличія и умѣренности (de convenance et de réserve), которыя не откажутся признать за нимъ всѣ честные люди.... Сардинія старалась внести надежду, терпѣніе и спокойствіе въ среду отчаянія, нетерпѣнія и ажитаціи, и съ величайшимъ тщаніемъ воздерживалась отъ роли возбудителя (provocateur) безпорядковъ; и если публичное право пострадало въ Италіи, то конечно не Сардинію можно обвинять въ какомъ нибудь, даже самомалѣйшемъ уклоненіи отъ существующихъ трактатовъ. Этотъ духъ умѣренности, которымъ исполнены всѣ дѣйствія сардинскаго правительства, признанъ и оцѣненъ всѣми безпристрастными людьми и общественнымъ мнѣніемъ Европы.»

Какъ видите, графъ Кавуръ,—

Когда о честности высокой говоритъ,—

....нисколько не уступаетъ графу Монталамберу. И мы полагаемъ, что если бы французскому графу пришлось править дѣлами государства, то онъ, сохраняя постоянно тотъ же благородный слогъ, дѣйствовалъ бы не менѣе искусно и благоразумно, какъ и графъ Кавуръ. Въ маломъ участіи, какое имѣлъ графъ Монталамберъ въ дѣлахъ своей страны, мы имѣемъ однако достаточно ручательствъ за основательность нашихъ надеждъ.... Правда, графъ Кавуръ объясняетъ и оправдываетъ піемонтскую политику относительно Гарибальди и всей Италіи—очень, очень искусно.... Не признаемся, что когда мы припомнимъ, какъ резюмируетъ и защищаетъ графъ Монталамберъ всю дѣятельность Пія IX, мы затрудняемся, кому отдать преимущество.... Мы только думаемъ: Боже, что, если бы власть въ руки этому человѣку! Что, если бы онъ управлялъ дѣлами хоть бы республики Санъ-Марино! Всю Европу бы, кажется, поднялъ на ноги. Да, это истинное несчастіе *для* него, что онъ сужденъ дѣйствовать въ такомъ кругѣ, каковъ кругъ французскихъ общественныхъ дѣятелей....

Правда, графъ Кавуръ нѣсколько свысока смотритъ на «знаменитаго писателя», въ *свѣтлыя минуты* не говорящаго странностей, по его мнѣнію. Но повѣрьте, что это обстоятельство служитъ только къ довершенію параллели между двумя графами. Графъ Монталамберъ нисколько не смущается ироніею графа Кавура, потому что самъ нисколько не уступаетъ ему въ высокомъ понятіи о собственномъ достоинствѣ и въ презрѣніи къ своимъ противникамъ. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ уничтожающимъ пренебреженіемъ, съ какой язвительной ироніей трактуетъ онъ проэкты графа Кавура относительно Рима. «Въ Римѣ ваше дѣло неправо со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и даже, какъ вы сами хорошо знаете, съ точки

зрѣнія итальянской. Мы, французы, мы, католики всего міра, дѣлаемъ большое пожертвованіе для независимости папской власти, допуская, чтобы, оставаясь въ Италіи, она принимала обычную службу отъ рукъ итальянцевъ.... Но вамъ, итальянцамъ, сто разъ уже повторяли: что будетъ ваше отечество безъ папства? Какую фигуру будетъ представлять ваше пьемонтское величіе въ этомъ средоточіи католическаго міра, которое вы хотите превратить въ помѣщеніе для канцелярій вашихъ министерствъ? Не воображаете ли вы, что человѣчество будетъ продолжать свой пелеринажъ къ подножію трона вашихъ властителей? Вамъ дана несравненная слава имѣть у себя столицу двухъ сотъ милліоновъ душъ, и все ваше честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы низвести ее на степень главнаго оплода самаго недавняго (du dernier venu) изъ царствъ земли!...»

Вы видите, что даже и въ презрительномъ обращеніи другъ съ другомъ оба графа сходятся между собою!

Однакожь отчего это взаимное нерасположеніе? Отчего эта видимая разница воззрѣній и цѣлей? Отчего оба графа въ общемъ мнѣніи считаются представителями двухъ противоположныхъ партій — іезуитской и анти-католической, застоя и прогресса, средневѣковой и современной? Что ни говорите, но сущность разномыслія двухъ графовъ заключается въ различіи ихъ отношеній къ католицизму. Графъ Кавуръ постоянно вооружался противъ іезуитовъ, конфисковалъ церковныя имущества, держалъ въ заключеніи непокорныхъ епископовъ, возставалъ противъ папы. Относительно церкви католической онъ сдѣлалъ вотъ что, по краснорѣчивому изображенію графа Монталамбера:

«Въ теченіе десяти лѣтъ вы, безъ всякаго права, кромѣ права сильнаго, нарушили всѣ трактаты, всѣ обязательства, торжественно заключенныя между Пьемонтомъ и папскимъ престоломъ. Мало того, вы доносили на святѣйшаго отца на парижскомъ конгрессѣ, вы оклеветали его намѣренія, исказили его дѣйствія, вы изгнали его епископовъ, презрѣли его приговоры, перешли его границы, вторглись въ его владѣнія, вы бросили въ тюрьму его защитниковъ, вы оскорбили, подавили (insulté, écrasé), бомбардировали его солдатъ, вы назначаете Гарибальди свиданіе черезъ шесть мѣсяцевъ на гробѣ апостоловъ?... И послѣ этого вы говорите католикамъ: «я—свобода, и я протягиваю къ вамъ руки!»

Вотъ что надѣлалъ и что дѣлаетъ еще графъ Кавуръ! Такіе поступки справедливо вызываютъ у графа Монталамбера вопль негодованія: «нѣтъ, нѣтъ, вы не свобода, кричитъ онъ, — вы не болѣе, какъ насиліе!.... Не заставляйте насъ прибавить, что вы—ложь!» На что, конечно, графъ Кавуръ могъ бы отвѣчать русской пословицей,

это «всякъ человѣкъ ложь, и мы тожь»,—и опять равенство его съ графомъ Монталамберомъ возстановилось бы. Но къ сожалѣнію графъ Кавуръ русскихъ пословицъ не знаетъ, и притомъ, если послушать графа Монталамбера, то онъ, т. е. Монталамберъ, составляетъ на сей разъ исключеніе изъ людей: онъ никогда не зналъ лжи, всегда былъ вѣренъ себѣ, ни разу не уклонился отъ прямаго своего назначенія... По крайней мѣрѣ онъ самъ такъ говоритъ; а кому же лучше знать это дѣло, какъ не ему? Въ 1852 г. въ книжкѣ своей «Des intérêts catholiques au XIX siècle», онъ отзывался о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: «узнаютъ въ будущемъ, что былъ по крайней мѣрѣ одинъ старый боецъ католицизма, и свободы, — который до 1830 года умѣлъ отдѣлить дѣло католицизма отъ дѣла королевской власти; который подъ режимомъ іюльской монархіи стоялъ за независимость церкви противъ свѣтской власти; который въ 1848 году боролся всѣми своими силами противъ мнимаго тождества христіанства и демократіи, и который въ 1852 году протестовалъ противъ пожертвованія свободы силѣ, подъ предлогомъ религіи».. А послѣ 1852 г. сколько новыхъ заслугъ оказалъ еще графъ Монталамберъ дѣлу католицизма! Примирилъ всѣ противорѣчія въ дѣятельности Пія IX; открылъ, что спасеніе Англіи — въ католицизмѣ; наконецъ онъ протестуетъ противъ графа Кавура, — и говоритъ ему въ заключеніе своего грознаго письма: «вы можете присоединить къ Пьемонту королевства и имперіи, но я не вѣрю, чтобъ вы успѣли привлечь къ вашимъ дѣйствіямъ согласіе хоть одной честной души!» Вотъ гдѣ, стало быть, надобно искать настоящаго различія между ними!..

Не смотря на видимое упорство, съ которымъ г. Монталамберъ силится выставить эту разницу, мы осмѣливаемся утверждать, что она вовсе неважна и болѣе относится къ формѣ, нежели къ сущности дѣла. Какимъ образомъ можно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ Кавуромъ и въ тоже время преклоняться предъ всѣми аттрибутами католицизма, — на счетъ этого нечего давать объясненія нашимъ читателямъ. Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной еще не такъ давно разыгралась предъ нашими глазами, и воспоминаніе о ней можетъ навести на весьма полезныя мысли.. Но кромѣ этого — замѣтимъ еще вотъ что: защита папства и католицизма естественно вытекаетъ для графа Монталамбера изъ его положенія, и едва ли мы ошибаемся, полагая, что всякій на его мѣстѣ принялся бы за то же самое. Онъ, видите ли, хочетъ самостоятельной и видной дѣятельности и полагаетъ навѣрное, что онъ къ ней способенъ. Но онъ попалъ какъ разъ въ такое время, когда самостоятельная дѣятельность могла быть добыта лишь въ борьбѣ... Между тѣмъ онъ—другъ порядка, слуга закон-

ности, онъ не выскочка, а человѣкъ съ родомъ и именемъ, человѣкъ преданій, человѣкъ хорошихъ правилъ. Онъ никакъ не могъ броситься на какую нибудь новую теорію и во имя ея приняться за работу. Ему нужно было отыскать для себя какое нибудь начало, которое бы само въ себѣ было столь же законно и освящено вѣковыми преданіями, какъ и та сила, противъ которой хотѣлъ онъ идти, для того, чтобы «себя показать». Такое начало и нашелъ онъ въ католицизмѣ...—и успокоился... Онъ боролся за католицизмъ, когда его притѣсняли, боролся, когда его никто не трогалъ, боролся, когда ему придавали болѣе широкое толкованіе, чѣмъ прежде, боролся, когда съуживали его значеніе... Когда не съ кѣмъ было бороться въ своихъ предѣлахъ, онъ дѣлалъ набѣги на чужія области — на протестантовъ, на греко-славянъ, даже на невинныхъ китайцевъ. Его одинъ изъ біографовъ называетъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ католицизма»; надо прибавить, что этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ постоянно одушевленъ воинственными наклонностями.... Никто не тревожитъ политики католицизма, скучно «министру», вотъ онъ и начинаетъ исторію... Какое участіе принимаетъ тутъ истинная вѣра, — объ этомъ, конечно, мы судить не станемъ.

Обратите же мысленный взоръ вашъ на графа Кавура, и скажите, не ограничивается ли одной внѣшнею формою разногласіе между обоими графами? Побужденія, образъ мыслей, основанія и цѣли дѣйствій—тѣ же самыя; разница только въ томъ, что графъ Кавуръ нашелъ другой предметъ, на которомъ онъ могъ упражнять свою дѣятельность шумно и самостоятельно, ни мало не безпокоя своего благоговѣйнаго чувства къ законности и преданіямъ. Этотъ предметъ былъ — защита итальянской національности и свободы противъ иноземцевъ. Это было и законно, и популярно, и не противно старымъ преданіямъ, и не враждебно новымъ теоріямъ: вотъ положеніе графа Кавура и оказалось несравненно выгоднѣе... Но будемъ же благоразумны, не будемъ судить о ростѣ человѣка по степени высоты мѣста, на которомъ онъ стоитъ... Дѣло во внутреннемъ достоинствѣ человѣка, и золото — всегда золото, куда бы оно ни было закинуто... А мы, кажется, достаточно показали, что оба — чистѣйшее золото; что графъ Кавуръ во Франціи не хуже Монталамбера умѣлъ бы «бороться» и «протестовать» за попранныя права, напримѣръ, іезуитскаго ордена, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, не хуже графа Кавура съумѣлъ бы «смирить и задушить» революціонный духъ итальянцевъ, и привести въ порядокъ все, что такъ безразсудно разстроилъ Гарибальди съ своими единомышленниками....

Остается пожалѣть, что такіе достойные люди не признаютъ другъ друга и что каждый изъ нихъ старается бросить тѣнь на заслуги другаго. Но такъ какъ это обстоятельство равно относится къ обоимъ, то и оно нисколько не уменьшаетъ поразительной вѣрности нашей параллели, — напротивъ, оно даже довершаетъ ее, какъ необходимое условіе. Если бы графы наши могли сойтись, то параллель была бы невозможна, — это извѣстно изъ геометріи. Да и безъ геометріи понятно, что еслибъ который нибудь изъ графовъ уразумѣлъ свое ближайшее сходство съ другимъ, то ужь этимъ самымъ сходство-то и нарушилось бы...

Притомъ же — это ужь дѣло рѣшенное, что великіе общественные дѣятели, равно какъ и великіе поэты, никогда не должны знать истиннаго смысла того, что они дѣлаютъ. Въ противномъ случаѣ что же осталось бы критикамъ, историкамъ и біографамъ?... Тогда, значитъ, не было бы ни Ѳукидида, ни Плутарха, и главное — не было бы настоящаго этюда!

Пусть же они хлопочутъ о томъ, чтобы выставлять разницу между собою; мы имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ всегда можемъ возстановить ихъ типическое сходство. Припомнимъ вкратцѣ:

Оба — графы не только по титулу, но и по уму и сердцу; оба дружны съ такими же графами, какъ они, но въ случаѣ нужды дружатся даже и съ людьми менѣе высокаго благородства, лишь бы то были не враги порядка.

Оба любятъ законность и умѣренную свободу, съ сохраненіемъ благотворнаго вліянія аристократіи; но оба ненавидятъ безумную анархію, стремящуюся попрать историческія преданія и измѣнить начала, на которыхъ уже столько вѣковъ покоится благоденствіе человѣческихъ обществъ.

Оба — приверженцы англійской конституціи, до безумія любятъ парламентскія пренія, въ случаѣ нужды замѣняютъ ихъ статейками и нотами, вообще стараются шумѣть какъ можно больше, но никогда не увлекаются за предѣлы, предписываемые благоразуміемъ и солидностью, никогда не служатъ вздорнымъ и опаснымъ утопіямъ...

Оба полны вѣры въ свое краснорѣчіе и въ благодушіе тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: оба пишутъ воззванія, адресы, письма, въ полной увѣренности достигнуть такимъ образомъ высокой цѣли.

Оба одушевлены прекраснѣйшими намѣреніями, оба весьма патетически говорятъ о совѣсти и соблюденіи международныхъ правъ, оба изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о союзѣ свободы, религіи и порядка, оба соединяются въ уваженіи къ «убѣжденію» и въ нелюбо-

-ли къ Гарибальди... Наконецъ — оба почтены «Русскимъ Вѣстникомъ», въ статьяхъ г. Чичерина и, если не ошибаемся, г. Феоктистова!

Теперь мораль:

Изъ сего сравненія научитесь, читатели, не судить о людяхъ по наружности, а цѣнить истинное достоинство вездѣ, гдѣ бы оно ни оказалось. Вы часто возвеличивали піемонтскаго грача въ ущербъ французскому; теперь вы видите, что поступали въ отношеніи къ послѣднему несправедливо. Отдайте же ему должную честь, и если блескъ заслугъ его не столь яркъ, какъ его собрата, приписывайте это единственно различію положеній, а никакъ не недостатку внутренняго достоинства. Знайте, что жемчужина — всегда жемчужина. Обстановка можетъ измѣниться, но внутреннее достоинство и истинное значеніе жемчужины останутся всегда тѣ же.

КОНДРАТІЙ ШЕЛУХИНЪ.

II.

НЕАПОЛИТАНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

(написанныя на австрійскомъ языкѣ Яковомъ Хамомъ и переведенныя Конрадомъ Лиліеншвагеромъ.)

Неаполитанскія дѣла занимаютъ теперь первое мѣсто между всѣми вопросами, увлекающими вниманіе Европы; можно даже сказать, что предъ ними кажется ничтожнымъ все остальное, исключая развѣ новаго журнала, который собирается издавать г–жа Евгенія Туръ, и новой газеты, обѣщаемой «Русскимъ Вѣстникомъ». Но понятія наши о неаполитанскихъ событіяхъ очень односторонни, потому что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ отъ враговъ стараго порядка, которые очевидно стараются представлять дѣло въ свою пользу. Вотъ почему намъ показалось необходимымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько неаполитанскихъ стихотвореній извѣстнаго австрійскаго поэта Якова Хама, рисующихъ положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ совершенно не такъ, какъ обыкновенныя журнальныя извѣстія. Яковъ Хамъ — прежде всего поэтъ; онъ постоянно находится подъ вліяніемъ минуты, и слѣдовательно чуждъ всякихъ политическихъ предубѣжденій. Онъ — то хвалитъ упорство короля неаполитанскаго въ режимѣ его отца, то превозноситъ его за конституцію, то бранитъ освободителей Италіи, то предается неумѣренному энтузіазму къ нимъ, то въ восторгѣ отъ жестокой бомбарди-

овки, то въ настроеніи нѣжныхъ чувствъ... Во всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчіяхъ сказывается весьма сильно художественность его натуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ дается полное ручательство въ его искренности. И такъ какъ литература вообще и поэзія въ особенности служатъ выраженіемъ народной жизни, а Яковъ Хамъ—поэтъ австрійскій, то въ стихотвореніяхъ его мы можемъ видѣть, въ какомъ настроеніи находился народъ австрійскій въ послѣдній годъ и какими чувствами преисполненъ онъ къ династіи Бурбоновъ. Не выводя никакихъ политическихъ результатовъ изъ представляемыхъ нами поэтическихъ документовъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на ихъ литературное значеніе: во всей современной итальянской литературѣ нѣтъ ничего, подходящаго по благонамѣренности къ твореніямъ австрійскаго поэта. Изъ этого видно, какъ много стѣсняется художественность, когда разыгрываются народныя страсти, и какъ много выигрываетъ она при отеческомъ режимѣ, подобномъ австрійскому. Надѣемся, что любители литературы, даже несогласные съ г. Яковомъ Хамомъ въ большей части его тенденцій, оправдаютъ насъ въ помѣщеніи его стихотвореній уже въ силу того одного, что они блистательно разрѣшаютъ одну изъ великихъ литературныхъ проблеммъ о чистой художественности, — разрѣшеніемъ которой такъ ревностно занималась наша критика въ послѣдніе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся доставить читателямъ удовольствіе и самыми звуками перевода, надъ которымъ такъ добросовѣстно потрудился г. Лиліеншвагеръ. Мы должны сказать откровенно: со времени такого рода твореній Пушкина, Майкова и Хомякова, мы не читывали ничего столь громкаго, какъ стихотворенія г. Якова Хама въ переводѣ Конрада Лиліеншвагера.

1.

НАДЕЖДЫ ПАТРІОТА.

(При началѣ итальянскихъ волненій.)

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены,
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо съ горизонта
Три солнца чудной красоты (*);

(*) 1), Великій герцогъ тосканскій, 2), герцогъ моденскій и 3), герцогиня пармская!

Честолюбиваго Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царитъ въ Италіи измѣна
И торжествуетъ въ ней порокъ:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись въ потокъ;
И силой вражьяго возстанья
Изъ рукъ святѣйшаго отца
Отъята бѣдная Романья —
Стадъ папскихъ лучшая овца!...

Но противъ дьявольскихъ усилій
Есть намъ незыблемый оплотъ:
То королевство двухъ Сицилій,
Бурбонамъ преданный народъ.
Возсѣвъ на праотческомъ тронѣ,
Какъ въ небѣ солнца свѣтлый дискъ,
Тамъ въ Фердинандовой коронѣ
Сіяетъ царственный Францискъ.

Не поддается онъ лукавымъ
Рѣчамъ политики чужой
И твердо правитъ по уставамъ
Отцовской мудрости святой:
Карать умѣетъ недовольныхъ
Въ тиши полиціи своей
И въ бой нейдетъ за своевольныхъ
Противъ законныхъ ихъ властей....

Вкругъ трона вьется тамъ гирлянда
Мужей испытанныхъ сѣдыхъ,
Хранящихъ память Фердинанда
Въ сердцахъ признательныхъ своихъ.
Къ Франциску имъ открыты двери,
Страною правитъ ихъ совѣтъ,
И вольнодумству Филанджьери
Нѣтъ входа въ царскій кабинетъ!

И вѣримъ мы: Кавуръ съ Мадзини
Обманутъ бѣдный ихъ народъ,
И онъ придетъ, придетъ въ кручинѣ —
Просить Францисковыхъ щедротъ;
Министръ полиціи Айосса
Умовъ волненье укротитъ
И итальянскаго вопроса
Всѣ затрудненья разрѣшитъ!...

2.

НЕАПОЛЮ.

(По поводу нѣкоторыхъ манифестацій въ Сициліи.)

«Гордись!» — стихъ каждаго поэта
всѣхъ нарѣчіяхъ земныхъ
Гласитъ тебѣ: — «ты чудо свѣта!
Гордись красою водъ твоихъ,
Гордись полуденнымъ сіяньемъ
Твоихъ безоблачныхъ небесъ
И вѣковѣчнымъ достояньемъ
Искусства мирнаго чудесъ!
Гордись!...»

Но лестію лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всѣмъ этимъ блескомъ, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ — не гордись!
Пески сахарскіе южнѣе,
Стоитъ красивѣе Царьградъ,
И эрмитажа галлереи
Твоихъ богаче во сто кратъ!...
Не въ этомъ блескѣ суетливомъ
Народомъ мощь заключена;
Но въ сердцѣ кроткомъ, терпѣливомъ,
Въ смиренномудріи она!...

И вотъ за то, что ты смиренно,
Въ молчаньи жребій свой несешь,
Во слѣдъ мятежникамъ надменно
Противъ владыкъ своихъ нейдешь
И воли гибельнаго дара
Не просишь отъ враждебныхъ силъ, —
За то тебя святой Дженаро
Своею кровью подарилъ!
За то высокое призванье
Тебѣ въ вѣкахъ сохранено —
Хранить порядка основанье
Народной вѣрности зерно!
Ты невредимо сохранишься
Въ переворотѣ роковомъ
И безмятежно насладишься

Законной правды торжествомъ.
И жизнь твоя пойдетъ счастливо
Во всѣ вѣка не зная бурь,
Какъ въ тихій день волна залива
И какъ небесъ твоихъ лазурь!

15 декабря,
1859 г.

3.

БРАТЬЯМЪ-ВОИНАМЪ.

(Послѣ апрѣльскихъ происшествій въ Сициліи.)

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ,
Готовитесь карать отечества враговъ, —
Я, мирный гражданинъ риѳмованнаго слова,
Я тоже полонъ весь стремленія святаго!
Возвышеннымъ стихомъ напутствую я васъ,
И вѣрю — онъ придастъ вамъ силы въ грозный часъ,
Когда съ крамольникомъ помчитесь вы на битву!
Я положилъ въ него народную молитву —
Чтобъ былъ возстановленъ порядокъ и законъ,
Чтобъ вѣчно царствовалъ въ Неаполѣ Бурбонъ!
Народной мыслію и чувствомъ вдохновленный,
Мой стихъ могуществен, — съ нимъ смѣло мчитесь въ бой:
Въ презрѣньи радостномъ поэта отраженный,
Въ немъ блещетъ идеалъ Италіи святой, —
Тотъ вѣчный идеалъ законнаго порядка,
При коемъ граждане покоятся такъ сладко,
Который водворить старался Фердинандъ,
Котораго достичь — рѣшительно и рѣзко —
Предначерталъ себѣ и новый нашъ Атлантъ —
Средь бѣдъ отечества незыблемый Франческо!

1 мая,
1860 г.

4.

ЗАКОННАЯ КАРА!

(На бомбардированіе Палермо).

Исчадье ада, другъ геенны,
Сынъ Вельзевула во плоти,

Коварство бунта и измѣны
Успѣлъ и къ намъ-было внести!...
Какъ воры, въ тьмѣ ночной, къ Марсалѣ,
На двухъ украденныхъ судахъ,
Ватаги буйныя пристали
И — мирный островъ ввергли въ страхъ!...

Угрозой, подкупомъ, обманомъ,
Приманкой воли, грабежа,
Успѣвъ увлечь за атаманомъ
Толпы подъ знамя мятежа,
Дыша огнемъ и разрушеньемъ
И дерзкой ярости полны, —
Они пошли съ остервененьемъ
На обладателей страны!

Но прогремѣлъ уже надъ ними
Всевышней воли приговоръ:
Запечатлѣнъ въ Калата-Фими
И въ Партенико ихъ позоръ;
И на ослушникахъ Палермо,
Дерзнувшихъ власти призирать,
Рѣшились показать примѣръ мы,
Какъ бунтъ умѣемъ укрощать!

О, не забудутъ сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Именъ Летиціи и Ланцы,
Слугъ неподкупныхъ короля!
Ихъ мѣры не остались тщетны:
Весь градъ развалиною сталъ....
Ни разу кратеръ грозной Этны
Такъ безпощаденъ не бывалъ!!

За то погибнутъ флибустьеры
И успокоятся умы!
И съ чувствомъ радости и вѣры
Сынамъ и внукамъ скажемъ мы —
Какъ Ланца въ сѣчѣ и въ пожарѣ
Толпы мятежныя каралъ,
Какъ громъ мортиръ съ Кастелламаре
Имъ крѣпость трона возвѣщалъ!

30 мая,
1860 г.

5.

ПЛАЧЪ И УТѢШЕНІЕ.

(По поводу нѣкоторыхъ дипломатическихъ совѣтовъ неаполитанскому правительству.)

Ужасной бурей безначалія
Съ конца въ конецъ потрясена,
Томится бѣдная Италія,
Во власть злодѣевъ предана:

Повсюду слышны крики шумные, —
Народъ измѣной упоенъ....
Свободы требуютъ безумные
И рушатъ власти и законъ!...

И, къ униженью человѣчества,
Проникъ неблагородный страхъ
Въ самихъ блюстителей отечества,
Держащихъ власть въ своихъ рукахъ.

Принципомъ страннымъ невмѣшательства
Прикрывъ безсиліе свое,
Европа спитъ, когда предательство
Пожрать готовится ее;

А итальянскіе властители —
Одни бѣгутъ изъ ихъ державъ,
А тѣ — становятся ревнители
Безумной черни мнимыхъ правъ!

Даютъ статуты либеральные,
Страстямъ толпы безстыдно льстятъ,
И дни отечества печальные
Презрѣнной трусостью сквернятъ!..

Одинъ, средь общаго волненія,
Какъ нѣкій рыцарь на скалѣ,
Стоитъ безъ страха, безъ сомнѣнія,
Король Францискъ въ своей землѣ....

Утѣшься, бѣдная Италія;
Законъ и правду возлюбя,
Францискъ не дастъ разлиться далѣе
Злу, обхватившему тебя.

Не дастъ права свои священныя
Толпѣ безсмысленной судить,
И своевольства дерзновенныя
Не поколеблется казнить!

И знаю я, — онъ не обманется
Въ благоразуміи своемъ,
Пьемонтъ падетъ, а онъ останется
Итальянскимъ королемъ!

26 іюня,
1860 г.

6.

НЕИСПОВѢДИМОСТЬ СУДЕБЪ.

(На обнародованіе неаполитанской конституціи.)

Не видать ни тучки въ небѣ знойномъ....
Солнце блещетъ, сушитъ и палитъ,
И въ теченьи царственно-спокойномъ
На поля засохшія глядитъ.

Все томится, все горитъ и вянетъ....
Надо влаги жаждущей землѣ!...
На работу пахарь завтра встанетъ,
Съ безотрадной думой на челѣ.

И, взглянувъ на солнце и на небо,
Не прельстится свѣтлой ихъ красой:
Безъ дождя ему не будетъ хлѣба,
Онъ погибнетъ съ бѣдною семьей!

И томясь ужасной перспективой,
Дастъ онъ волю жалобнымъ рѣчамъ,
И пошлетъ упрекъ нетерпѣливый
Безмятежно-яснымъ небесамъ....

Но давно ужь въ области эѳирной
Собрались и ходятъ облака,
Часъ насталъ, и надъ равниной мирной
Пролилась обильная рѣка.

Поднялись поникшія растенья,
Освѣжился воздухъ и земля, —
И глядятъ съ слезою умиленья
Земледѣльцы на свои поля.

А вверху попрежнему спокойно
Надъ землей простертъ небесный сводъ,
И какъ прежде, весело и стройно
Въ яркомъ блескѣ солнышко плыветъ....

Такъ сгаралъ Неаполь жаждой знойной,
акъ искалъ воды себѣ живой;
А Францискъ свершалъ свой путь спокойный,
Разливая блескъ свой надъ страной....

И народъ сдержать сердечной боли
Не умѣлъ и горько возропталъ....
Но давно готовъ былъ въ вышней волѣ
Для него цѣлительный фіалъ!

Недоступенъ былъ Францискъ народу;
Но пришла законная пора —
Даровалъ разумную свободу
Онъ единымъ почеркомъ пера....

Ожилъ край. Все встало въ блескѣ новомъ....
Правосудье царствуетъ въ судахъ;
Всякъ спокоенъ подъ домашнимъ кровомъ,
сякій воленъ въ мысляхъ и рѣчахъ.

Радъ народъ!... Съ молитвой благодарной
Новый воздухъ онъ впиваетъ въ грудь....
А король, какъ прежде, лучезарный,
Продолжаетъ царственный свой путь!...

4 іюля.

7.

ПОБѢДИТЕЛЮ (*).

(На вшествіе Гарибальди въ Неаполь.)

Демонъ отваги, грозный воитель,
Сильныхъ и храбрыхъ всѣхъ побѣдитель,

(*) Стихотвореніе это весьма замѣчательно: во-первыхъ, какъ новое доказательство той истины, что errare humanum est (человѣку свойственно ошибаться!); во-вторыхъ, какъ свидѣтельство о томъ, до какой степени всѣ умы сердца были поражены вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь. Кромѣ того, просимъ читателей обратить вниманіе на психологическую подробность, к сающуюся личности поэта: 26 іюня онъ произвелъ мужественный двои-

Въ быстрыхъ походахъ подобный стрѣлѣ,
Тотъ, кому равнаго нѣтъ на землѣ,
Мощный защитникъ народной свободы,
Тотъ, кого чтутъ справедливо народы,
Неотразимый, подобно судьбѣ, —
Нынѣ подходитъ, Неаполь, къ тебѣ!

Гордъ и всесиленъ — на чуждые грады
Взглянетъ онъ гнѣвно, — и нѣтъ имъ пощады!
Сядетъ въ корабль онъ — и море смиритъ!
Дунетъ на пушку — она задрожитъ!
Камень подъ тяжестью стопъ его стонетъ!
Тысячи вражьи одинъ онъ прогонитъ!
Онъ на плечахъ своихъ можетъ одинъ
Гордую массу поднять Апеннинъ!...

Встрѣть же, Неаполь, воителя съ честью!
Радуйся: онъ не грозитъ тебѣ местью....
Съ тихой мольбою склонись передъ нимъ,
Какъ передъ новымъ владыкой твоимъ!
Предъ королемъ ты не будешь въ отвѣтѣ:
Онъ торопливо уѣхалъ въ Гаэте,
И безъ защиты столицу свою
Отдалъ герою, кого я пою!

О Гарибальди! И я, какъ другіе,
Злобныя чувства и мысли дурныя

рамбъ правительству, не соглашавшемуся на либеральныя уступки; черезъ день послѣ того дана была конституція, а черезъ недѣлю поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы создать плѣнительную пьесу въ похвалу новаго конституціоннаго монарха, совершенно съ новой точки зрѣнія. Но это чрезвычайное усиліе, какъ видно, дорого ему стоило и на нѣкоторое время истощило его плодовитый геній. Такимъ образомъ въ іюнѣ и августѣ, столь полныхъ поводами для стихотвореній, — онъ не создалъ рѣшительно ничего: повидимому, онъ былъ пораженъ до того, что не могъ собраться съ мыслями и вдохновеніемъ. Только вступленіе Гарибальди въ Неаполь, какъ явленіе слишкомъ уже сильное и неожиданное для поэта, могло разбудить его. Подъ вліяніемъ минуты, отчаявшись въ прежнемъ порядкѣ, онъ написалъ стихотвореніе, прославляющее военный геній и какую-то сверхъ-естественную силу Гарибальди. Но скоро онъ раскаялся въ своей оплошности, и плодомъ раскаянія было стихотвореніе, которое читатели прочтутъ далѣе. Тутъ уже видно, что мысли и чувства поэта опять возвратились на старый путь.... Это — послѣднее изъ доставленныхъ намъ стихотвореній; но весьма вѣроятно, что теперь, послѣ новыхъ побѣдъ Гарибальди, опять произошла перемѣна и въ расположеніяхъ поэта. Въ скоромъ времени мы узнаемъ это, потому что г. Лиліеншвагеръ обѣщаетъ намъ перевести также *Римскія* и *Венеціанскія* стихотворенія г. Хама, долженствующія служить отчасти продолженіемъ неаполитанскихъ.

Прим. ред. «Свистка».

Противъ тебя на душѣ хоронилъ....
Нынѣ все кончено: *ты побѣдилъ!*...
Ты заслужилъ удивленіе міра!
Славить тебя моя скромная лира,
И, благодатнымъ восторгомъ согрѣтъ,
Ницъ предъ тобою поверженъ поэтъ!...

7 сентября,
1860 г.

8.

ПѢСНЬ ИЗБАВЛЕНІЯ.

(На тріумфы королевскихъ войскъ подъ Капуей.)

Тріумфомъ вражьимъ ослѣпленный,
Поддавшись власти темныхъ силъ,
Недавно пѣснью беззаконной
Я санъ поэта осквернилъ!!!
Но звонъ струны моей лукавой
Я безпощадно оборвалъ,
Когда мнѣ голосъ мысли здравой
Мое паденье указалъ....

Я флибустьеромъ безпощаднымъ
Былъ отуманенъ, ослѣпленъ,
И думалъ, съ горемъ безотраднымъ,
Что тронъ законный упраздненъ....
Не зналъ я твердости Франциска,
И въ тайнѣ сердца моего —
Не ожидалъ такого риска
Отъ юной доблести его....

Но нынѣ Капуи защита
Вновь образумила меня:
Побѣда правды мнѣ раскрыта
Теперь яснѣй Господня дня!
Пусть бунтъ шумитъ и льется бурно,
Пусть шлетъ Пьемонтъ за ратью рать:
Но съ Каятелло и Вольтурно
Мы всѣхъ ихъ можемъ презирать....

Теперь намъ страшенъ Гарибальди
Такъ, какъ въ то время страшенъ былъ,
Когда скитался онъ въ Шварцвальдѣ,
Когда въ Тунисѣ онъ служилъ,

Когда въ Нью-Йоркѣ дѣлалъ свѣчи,
Когда съ Китаемъ торговалъ,
Когда, жену взваливъ на плечи,
Отъ войскъ австрійскихъ онъ бѣжалъ!...

И нынѣ въ бѣгство обратится
Непобѣдимый сей герой,
И вновь съ Франциском воцарится
Вездѣ порядокъ и покой....

Съ австрійскаго — К. Лиліеншвагеръ.

27 сентября,
1860 г.

III.

ЧТО ПОДѢЛЫВАЕТЪ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Друзья мои! мы много жили,
Но мало думали о томъ:
Въ какое время мы живемъ,
Чему свидѣтелями были?

Припомнимъ, что не безъ искусства
На грамотность ударилъ Даль —
И обнаружилъ много чувства
И остроумье, и мораль;
Но отразилъ его Карновичъ,
И противъ грамоты одинъ
Теперь остался Беллюстинъ!

Припомнимъ: Михаилъ Петровичъ
Звалъ Костомарова на бой;
Но диспутъ вышелъ неудаченъ, —
И огорченъ, унылъ и мраченъ
Молчитъ Погодинъ, какъ нѣмой!

Припомнимъ, что одинъ Громека
Замѣтно двинулъ насъ впередъ,
Что «Русскій Вѣстникъ», къ чести вѣка,
Ужь издается пятый годъ....
Что въ немъ писали Булкинъ, Ржевскій
Матиль, Григорій Данилевскій....
За публицистомъ публицистъ

Въ Москвѣ являлся вдохновенной,
А мы пускали легкій свистъ
Порой, быть-можетъ, дерзновенной...

И мнилъ: «настала мнѣ бѣда!»
Кривдой нажившійся мздоимецъ,
И спалъ спокойно не всегда,
Схвативши взятку, лихоимецъ,
И русскій пить переставалъ
Отъ Арзамаса до Украйны,
И Кокоревъ публиковалъ,
Что есть дѣла, гдѣ нужны тайны.
Но чтожъ? рѣшить намъ не дано,
Насколько двинулись мы точно....
Ахъ! вѣрно знаемъ мы одно,
Что въ этомъ мірѣ все непрочно,
Гдѣ намъ толкаться суждено,
Гдѣ намъ твердитъ memento mori
Своею смертью «Атеней»,
И ужасаетъ насъ Ристори
Грозой разнузданныхъ страстей!

При такомъ настроеніи, явно выражающемъ разочарованіе, о которомъ говорено выше, «Свистокъ» естественно удаляется отъ рѣшительныхъ приговоровъ надъ послѣдними фактами русской гласности, и только приводитъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ не оставлять своего читателя въ невѣдѣніи о ней.

ШЕСТНАДЦАТЬ ГУСЕЙ — ЖЕРТВА НАШЕЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ.

Такая ужъ птица гусь, историческая. Древніе гуси Римъ спасли, новѣйшіе пали жертвою нашей безграмотности! И вотъ какимъ образомъ. Объ этомъ повѣствуетъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» г. Ильминскій, имѣя въ виду собственно доказать «необходимость распространенія грамотности» («Одесскій Вѣстникъ», 1860, № 130). Статейка его называется «Адвокатъ».

«Одна дѣвица-дворянка, уроженка Каменецъ-Подольской губерніи, прибыла въ г. Одессу и, на пріобрѣтенныя собственными трудами деньги, купила на Новой Слободкѣ землянку. Узнавъ впослѣдствіи о смерти своихъ родителей въ то время, когда братья и сестры ея продали оставшееся имѣніе, а причитавшуюся ей часть оставили покупателю, для удовлетворенія ея, лично, — она обратилась къ сосѣдямъ съ

просьбой, чтобы ей указали, къ кому можно прибѣгнуть для ходатайства по ея дѣлу. Спустя нѣсколько дней, къ ней вошелъ однажды чиновный человѣкъ, отрекомендовавшій себя за извѣстнѣйшаго въ Россіи адвоката. Онъ замѣтилъ при этомъ, что слышалъ отъ сосѣдей о нуждѣ ея въ человѣкѣ, который взялъ бы на себя роль ея ходатая, и такъ-какъ онъ вполнѣ сочувствуетъ ея горестному положенію, то съ живѣйшимъ участіемъ готовъ принять на себя этотъ трудъ: репутація же его, какъ адвоката, извѣстна не только въ Россіи, но даже въ цѣлой Европѣ. На вопросъ, гдѣ онъ служитъ? откашлявшись и принявъ воинственную позу, онъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «изволите-съ видѣть, сударыня, я службу свою началъ деньщикомъ, и, по прослуженіи — съ 25 лѣтъ получилъ оберъ-офицерскій чинъ. Во все время моей службы велъ большую адвокатуру-съ, и ходатайствъ моихъ боятся не только какіе не на есть земскіе суды, но даже и самые сенаты-съ». Обрадовавшись такому сильному адвокату, она, съ полной увѣренностію въ успѣхѣ своего дѣла, поручила ему вести процессъ. Онъ тутъ же замѣтилъ, что съ процентами ей придется получить нѣсколько тысячъ, и обязалъ ее условіемъ, по выигрышѣ дѣла, уплатить ему 570 р. Начало этого дѣла послѣдовало въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

«Спустя два или три дня, онъ зашелъ къ ней и увидѣвъ на дворѣ 16 собственныхъ ея гусей, попросилъ тотчасъ же одного изъ нихъ зажарить, и когда гусь былъ готовъ, то намекнулъ, что между прочимъ не мѣшало бы позаимствовать полуштофъ водочки. По уничтоженіи гуся съ необходимымъ дополненіемъ, онъ подалъ ей счетъ предстоящимъ издержкамъ, добавивъ, что любитъ аккуратность. Въ счетѣ было написано слѣдующее: на прошеніе 3 р., на пересылку отвѣта по этому прошенію 1 р. 33 к., на запросное отношеніе къ ея братьямъ и сестрамъ 1 р. 33 к., и на обратный отвѣтъ 1 р. 33 к. Получивъ эти деньги, онъ вышелъ, но чрезъ 4 дня явился опять, изволилъ скушать 2-го гуся и выпить 2 полуштофа вина, а уходя, снова взялъ деньги, по слѣдующему счету: на увѣдомленіе о процентныхъ деньгахъ на причитающійся капиталъ 3 р., за пересылку оттуда денегъ 1 р. 33 к., на квитанцію объ отсылкѣ и присылкѣ обратно 1 р. Спустя два дня онъ не замедлилъ явиться, утромъ, и, вслѣдствіе просьбы ея — истребовать ей свидѣтельство на свободное прожитіе, уничтожилъ 3-го гуся и выпилъ два полштофа вина. Тогда же онъ потребовалъ деньги: на бланкъ для свидѣтельства 6 р., за отсылку и присылку изъ Каменецъ-Подольска 1 р. 51¼ к., а по извѣстному тяжебному дѣлу далъ счетъ такого содержанія: на прошеніе 1 р., на публикацію, дабы извѣстно было всей Россіи, что она имѣетъ тяжбу 4 р. 97¼ к. и, получивъ деньги, сказалъ при уходѣ, что дѣло ея, по случаю италійской войны, маненько позадержится. Чрезъ 2 или 3 дня явился и сказалъ, что миръ заключенъ и дѣло ея не за горами, а на понудительное прошеніе потребовалъ 1 р. 52¼ к., и, въ восторгѣ отъ скораго успѣха, потребовалъ два гуся, изъ коихъ одного съѣлъ тутъ же, а другаго, за неимѣніемъ у

ней денегъ, взялъ съ собой живьемъ. Спустя нѣсколько дней, явился утромъ и объявилъ, что дѣло рѣшено въ ея пользу. На радостяхъ онъ велѣлъ зажарить гуся, а самъ занялся исчисленіемъ процентовъ на причитающійся капиталъ и запилъ эту радостную для нея вѣсть, какъ онъ говорилъ, двойной порціей спиртуозно-жизненнаго элексира, и въ заключеніе всего не замедлилъ снова потребовать денегъ, въ числѣ прочей галиматьи, на пересылку одного прошенія, по оптическому телеграфу. Но такъ-какъ на удовлетвореніе этихъ издержекъ у просительницы не было денегъ, то онъ взялъ остальныхъ 9-ть гусей живьемъ, а при уходѣ вспомнилъ еще о необходимомъ расходѣ на припечатаніе публикаціи въ сенатскихъ вѣдомостяхъ о выигрышѣ ею дѣла, и взялъ на пополненіе этого расхода, пухъ и перья съ сожранныхъ имъ гусей. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, онъ явился однажды съ самодовольной физіономіей и съ словами: «вотъ оно-съ, что значитъ придворный адвокатъ-съ», вручилъ ей свидѣтельство будто бы отъ г. министра финансовъ, полученное по телеграфу, коимъ онъ разрѣшилъ получить ей деньги. При этомъ онъ съ особеннымъ значеніемъ указалъ на подпись. Она, дѣйствительно, была мудреная и состояла изъ какихъ-то іероглифовъ; самое же свидѣтельство было написано на гербовомъ листѣ, 15-ти копѣечнаго достоинства, исписанномъ сверху до низу повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ, а именно: терли, терли, терли.... Въ заключеніе, адвокатъ сказалъ, что ему нужны деньги, рублей 30, на послѣдніе расходы; а какъ у ней рѣшительно ничего уже не было, то она, по его убѣжденію, продала землянку и вручила ему слѣдуемыя деньги. Такимъ образомъ, въ 8 посѣщеній, адвокатъ успѣлъ заграбить 16 гусей, пухъ и перья отъ 7 изъ нихъ, около $^1/_2$ ведра вина, 24 р. $80^3/_4$ к. сер. деньгами и землянку. Послѣ того, онъ водилъ ее въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Нерѣдко случалось ей дожидать его до ночи у воротъ присутственныхъ мѣстъ и со слезами возвращаться потомъ въ квартиру. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прочли ей свидѣтельство, полученное по телеграфу ея адвокатомъ, и не убѣдили въ положительномъ обманѣ. Это обстоятельство я долгомъ счелъ сдѣлать извѣстнымъ *для того, чтобы еще разъ доказать необходимость распространенія грамотности* »

Вотъ сколько бѣдъ надѣлало отсутствіе грамотности! Процвѣтай она, и неизвѣстная дѣвица не лишилась бы послѣдняго имущества, шестнадцать гусей пользовались бы жизнію и неизвѣстный адвокатъ (хорошъ гусь!) не разстроилъ бы желудка, что неизбѣжно съ нимъ послѣдовало при такомъ непомѣрномъ истребленіи гусей и водки, и что — вѣроятно — вмѣнилось ему въ наказаніе за его продѣлку! По крайней мѣрѣ изъ статейки не видно, чтобы обманщикъ потерпѣлъ какія либо другія непріятности. Эта статейка съ ея моралью можетъ служить хорошимъ образчикомъ того, что подѣлываетъ наша внутренняя гласность. Подобными фактами напол-

нены газеты, съ припѣвомъ, постояннымъ съ нѣкотораго времени: нужна грамотность! Польза грамотности доказывается иногда страннымъ образомъ. «Г. Георгіевскій (сказано въ № 266 «Моск. Вѣдом».) сообщаетъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» слухъ о томъ, что славный нашъ писатель И. С. Тургеневъ прислалъ изъ-за границы въ Петербургъ составленный имъ проэктъ «*Всероссійскаго* общества для распространенія въ народѣ образованія.» *Вотъ еще доказательство* (говорятъ «Моск. Вѣд».) *до какой степени* всѣми *чувствуется....»* и проч. Что жь тутъ удивительнаго, что Тургеневъ чувствуетъ пользу грамотности? Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумаетъ, что онъ когда-нибудь чувствовалъ противное. Нужно ли говорить, что знаменитый нашъ романистъ никогда не раздѣлялъ мнѣнія гг. Даля, Бланка и Беллюстина?

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ КАМЫШИНѢ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВУ Г. КАРПОВА.

«Камышинъ. (*Саратовской губ.*), *16-го ноября.* Въ № 234-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано письмо, въ которомъ говорится, будто въ Камышинѣ еще съ 1820 года существуетъ публичная библіотека. Это извѣстіе крайне удивило насъ, потому что мы, жители Камышина, никогда и не слыхали о существованіи этой библіотеки, не знаемъ гдѣ она находится, кто ею завѣдуетъ и въ какомъ она теперь положеніи. Впрочемъ, хоть и прискорбно, а надо признаться, что жители Камышина не имѣютъ надобности въ библіотекѣ, ибо не имѣютъ никакого интереса къ чтенію. Нравственная сторона нашей молодежи развита очень мало, и конечно не ихъ надо винить въ этомъ, а ихъ отцовъ, которые не понимаютъ важности образованія. Такое равнодушіе къ духовнымъ интересамъ особенно отрадно встрѣтить у насъ, потому что городское общество вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и могло бы удѣлить излишекъ своихъ средствъ на воспитаніе молодаго поколѣнія. А это дѣлаютъ очень рѣдкіе. Чтеніе книгъ не духовнаго содержанія считается многими дѣломъ безнравственнымъ. О развитіи у насъ чтенія можно судить потому, что 250 купеческихъ домовъ выписываютъ въ нынѣшнемъ году толоко 2 экземпляра «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1 экз. «Московскихъ Вѣдомостей», 2 экз. «Искры», 2 экз. «Семейнаго Листка» не моднаго журнала. Вездѣ открываютъ училища, заботятся о народномъ просвѣщеніи, а у насъ объ этомъ и помину нѣтъ. Кажется, что если бы кто нибудь и предложилъ открыть хоть женское училище, то подвалъ бы противъ себя цѣлую бурю и потерялъ бы репутацію *степеннаго* человѣка. Грамотность для женщины почитается многими не только лишнею, но и вредною.»

Вотъ такъ сторонушка! Какъ видно, камышинцы дѣйствуютъ на чистоту: *запилъ — и двери заперъ*, по русской пословицѣ. За то мы теперь знаемъ, *что* прежде всего напишутъ они, когда научатся писать: это безъ сомнѣнія будетъ благодарственный адресъ гг. Далю Бланку, Беллюстину и другимъ подобнымъ, которые еще прибудутъ: по приблизительному исчисленію, въ Россіи появляется въ годъ по крайней мѣрѣ по два печатныхъ противника грамотности (а сколько такихъ, которые печатно не заявляются!) да притомъ, какъ извѣстно, годъ на годъ не приходитъ. Нѣтъ, совѣтуемъ камышинцамъ поторопиться, а то писаніе адреса составитъ трудъ, съ которымъ не справятся юные начинающіе грамотѣи!

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ ИЛИ КРАСНОРѢЧИВЫЕ ПРОТИВНИКИ.

Утѣшеньемъ въ томъ, что у насъ много людей безграмотныхъ, много противниковъ грамотности—да послужитъ намъ то, что у насъ много также людей краснорѣчивыхъ, и что краснорѣчивые люди наши являются не въ литературѣ, гдѣ, казалось бы, имъ всего естественнѣе являться, а въ другихъ сферахъ.... въ какихъ именно сферахъ, читатель сейчасъ увидитъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 228, было напечатано:

«На прошедшей недѣлѣ, въ субботу, 15 числа, въ полночь проходя по Тверской улицѣ, вмѣстѣ съ моимъ знакомымъ, я услыхалъ продолжительный, раздирающій душу дѣтскій плачъ, какъ будто бы надъ ребенкомъ совершали какую нибудь болѣзненную операцію.

«Ночь была холодная, воздухъ сырой съ изморозью, проникающій до костей, даже сквозь ваточное пальто. Когда мы проворно подбѣжали къ тому мѣсту, откуда слышался плачъ, то увидали бѣгущаго ребенка 7 или 8 лѣтъ, полураздѣтаго, безъ сапогъ, съ тремя калачами на рукѣ. Съ сдержаннымъ рыданіемъ, подпрыгивая отъ холода, онъ объяснилъ мнѣ, на мои распросы, что онъ очень озябъ, что у него щиплетъ и рѣжетъ ноги, что послалъ его за калачами хозяинъ, портной Поппе, у котораго онъ живетъ въ ученіи. Вслѣдъ за ребенкомъ, я вошелъ въ мастерскую Поппе, но мастеровые, узнавъ о причинѣ моего прихода, не вызвали ко мнѣ хозяина. На другой день мальчикъ былъ имъ прогнанъ. Этотъ глубоко возмутительный, безчеловѣчный фактъ въ настоящее время, при усиленномъ стараніи правительства къ улучшенію быта ремесленниковъ, мнѣ кажется, заслуживаетъ огласки». Подписано: «Москва, 20 октября. Е. Паціентовъ.»

Прочитавъ статейку, трудно было удержаться, чтобъ не сказать, что г. Паціентовъ хорошо пишетъ, но впослѣдствіи оказалось, что портной Поппе пишетъ лучше!

Формальнымъ слѣдствіемъ раскрыто, что мальчикъ, встрѣченный г. Паціентовымъ, у портнаго Поппе въ ученикахъ никогда не жилъ. Онъ только ходилъ, по знакомству, къ ученику, жившему у Поппе. Такимъ образомъ, Поппе оказался совершенно невиннымъ какъ въ дурномъ одѣяніи мальчика, такъ и въ ночныхъ его странствованіяхъ за калачами, и написалъ въ свою очередь слѣдующее:

«Статья г. Паціентова имѣла для меня чрезвычайно непріятныя послѣдствія: меня требовали въ ремесленную управу, требовали въ полицію, производили дознанія о томъ, въ чемъ я былъ также невиненъ, какъ и г. Паціентовъ, или всякій другой; *я долженъ былъ отвлекаться отъ работы, упускалъ заказы, манкировалъ срочными дѣлами, безпокоился за свой кредитъ, за участь моего заведенія, едва открытаго*; *родные мои безпоколись обо мнѣ, знакомые справлялись о моемъ дѣлѣ, родители и родственники мальчиковъ*, можетъ-быть уже рѣшавшіеся отдать ихъ мнѣ въ ученье, *не рѣшались на это; обо мнѣ говорили въ Москвѣ съ недовѣрчивостію и*, вѣроятно, *съ чрезвычайно-обидными для личности моей прибавленіями*» — и проч. и проч. и проч.

«Не оспаривая (прибавляетъ г. Поппе), что г. Паціентовъ одаренъ гуманностію въ достаточномъ количествѣ, а можетъ-быть и литературными способностями въ количествѣ громадномъ или сомнительномъ, о чемъ судить не могу, — я тѣмъ не менѣе присутствію ремесленной управы объяснить честь имѣю, что считаю поступокъ г. Паціентова оскорбительнымъ для моей чести и вреднымъ для моего кредита, и прошу дать дѣлу сему гласность и законный ходъ, при чемъ присовокупляю, что никакого матеріальнаго вознагражденія со стороны г. Паціентова получить не желаю.»

Ремесленная управая напечатала въ удовлетвореніе г. Поппе весь ходъ дѣла. Такимъ образомъ, намъ остается только литературная сторона его: и мы охотно свидѣтельствуемъ, что соперники не уступили другъ другу въ краснорѣчіи.

IV.

Г. ГЕННАДИ, ИСПРАВЛЯЮЩІЙ ПУШКИНА.

(Письмо изъ провинціи.)

Милостивые государи, издатели «Свистка»!

Будучи со временъ дѣтства и до лѣтъ, нынѣ преклонныхъ, глубокимъ чтителемъ поэзіи и преимущественно нашего родного русскаго слова (не того, которое издается его сіятельствомъ графомъ

Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко, а вообще), я не смущаюсь толками о значеніи Пушкина, которыми занимались въ послѣднее время въ нашихъ журналахъ разные критики, какъ-то: гг. Дудышкинъ, Де-Пуле, Аполлонъ Григорьевъ, Милюковъ и другіе,—не смущаюсь и продолжаю читать произведенія Пушкина и наслаждаться ими. Въ свое время было у меня изданіе па толстой сѣрой бумагѣ, которымъ подарила русскую публику компанія друзей покойнаго поэта. Когда даже эта толстая сѣрая, истинно-монументальная бумага износилась отъ частаго употребленія мною книги, я пріобрѣлъ изданіе «Сочиненій Пушкина», вышедшее подъ редакціею почтеннаго критика и эстетика нашего П. В. Анненкова. Видъ экземпляра этого изданія, которое я почти не выпускаю изъ рукъ, сталъ нынѣ тоже весьма плачевенъ. На многихъ страницахъ частью слезы чувствительности моей, частью табакъ (который нюхаю отъ слабости зрѣнія) сдѣлали уже нечеткими нѣкоторые драгоцѣнные стихи и строки; многія страницы — ибо бумага слишкомъ тонка — истерлись и изорвались, — и я подумывалъ уже о пріобрѣтеніи другаго экземпляра; но меня останавливала высокая цѣна. Понятно поэтому, съ какимъ удовольствіемъ я узналъ, что выходитъ новое дешевое изданіе сочиненій моего любимаго поэта, и притомъ подъ редакціею *извѣстнаго*, какъ было, помнится, сказано въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», *библіографа и библіофила нашего Геннади*. Человѣкъ я не ученый, а только, какъ уже сказано выше, поклонникъ поэзіи, которою услаждаю свое сельское уединеніе, а потому и не могу судить, чѣмъ прославился извѣстный библіографъ и библіофилъ *нашъ* Геннади. Думаю впрочемъ, что чѣмъ-нибудь важнымъ, если такъ отзываются о немъ «Санктпетербургскія Вѣдомости». Говорили мнѣ, что главная заслуга г. Геннади заключается въ томъ, что онъ издалъ рѣдкое нынѣ описаніе жизни россійскаго Картуша Ваньки Каина и сборникъ эротическихъ стихотвореній подъ заманчивымъ заглавіемъ «Любовь»; но, выписавъ эти книги, я увидалъ, что въ полученномъ мною свѣдѣніи заключалась грубая ошибка. Во-первыхъ, книги эти изданы какимъ-то Григоріемъ Книжникомъ, а не г. Геннади; во-вторыхъ, обличаютъ онѣ достойное толкучаго рынка безобразіе въ эстетическомъ отношеніи. Конечно, извѣстный библіографъ и библіофилъ нашъ не могъ бы поставить на ряду съ превосходнымъ стихотвореніемъ Пушкина «Для береговъ отчизны дальней» площадную пѣсню «Ванька Таньку полюбилъ», или что-то еще хуже, какъ это сдѣлано въ сборникѣ эротическихъ стихотвореній. Его у меня зачиталъ одинъ забулдыга; а то я доказалъ бы по пунктамъ, что такой книги никакъ не могъ издать извѣстный нашъ библіофилъ и библіографъ. Одинъ пріятель мой, которому я пору-

чилъ пріобрѣсть для меня новое изданіе сочиненій Пушкина, извѣщалъ меня изъ Петербурга, будто тамъ кто-то пустилъ въ ходъ такой стишокъ объ этомъ новомъ изданіи:

«О жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій:
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннадій.»

Но это меня не смутило; ибо я знаю (преимущественно изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей»), что у васъ въ Петербургѣ множество разныхъ литературныхъ партій, и литераторы не только пишутъ другъ на друга эпиграммы, но и дерутся (*). Я изданіе все-таки выписалъ. Многое было для меня въ немъ ново; но многаго знакомаго прежде я не узналъ. Послѣднее обстоятельство было для меня крайне грустно; но я думаю, что отсталъ отъ современныхъ требованій науки, столь дружно подвигаемой въ наше время совокупными усиліями русскихъ ученыхъ библіографовъ и библюфиловъ гг. Михаила Семевскаго, Полторацкаго, Тихменева и другихъ. Еслибъ не моя отсталость, я вѣроятно встрѣтилъ бы уже гдѣ-нибудь въ повременныхъ изданіяхъ разрѣшеніе моего недоумѣнія. Но повидимому всѣ находятъ изданіе извѣстнаго библіографа и проч. вполнѣ соотвѣтствующимъ условіямъ современной науки, ибо никто и не заикнулся, что г. Геннади исполнилъ задачу свою не совсѣмъ удовлетворительно. Я, признаюсь, какъ простой читатель, былъ крайне огорченъ, что напримѣръ въ стихотвореніи «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ» явилось нѣсколько куплетовъ, которые совсѣмъ испортили для меня эту пьесу, очень мною любимую. Сначала я думалъ, ужь не самъ ли извѣстный и проч. сочинилъ ихъ; но оказалось, что онъ взялъ ихъ изъ рукописи самого Пушкина, и только вставилъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Пушкинъ ихъ зачеркнулъ, разумѣется какъ плохіе и нарушающіе общую стройность пьесы. Но не надо забывать, что Пушкинъ писалъ все для такихъ читателей, какъ я, которые хотятъ наслаждаться и потому находятъ непріятными разныя помарки въ книгѣ. Вѣроятно въ этомъ смыслѣ онъ и говорилъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи, что не умретъ «весь». Г. Геннади, становясь теперь въ уровень съ требованіями своей глубокомысленной науки, хочетъ, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое онъ встрѣтитъ въ рукописяхъ великаго поэта. Петербургскій пріятель мой, купившій для меня новое изданіе, сообщаетъ мнѣ вдобавокъ, что истинно-просвѣ-

(*) См. статью г. Воскобойникова: «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» въ Спб. Вѣд. 1860, № 261.

щенные библіографы не довольны изданіемъ г. Геннади. Они находятъ, что онъ недостаточно уважаетъ дѣятельность великаго поэта, ибо спасъ далеко не все изъ черновыхъ тетрадей, что бы слѣдовало спасти. Прошу васъ сообщить мнѣ, справедливо ли извѣстіе, будто готовится еще изданіе сочиненій Пушкина уже вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ библіографической науки, изданіе, какъ пишутъ мнѣ, драгоцѣнное для людей ученыхъ; но котораго я не куплю, ибо въ немъ, слышно, будутъ всѣ стихотворенія Пушкина напечатаны слѣдующимъ образомъ:

Пора! трубятъ уже рога —
Пора, пора! ужь рогъ трубитъ —
Пора, пора! рога (звучатъ) трубятъ,
Давно (чернильное пятно)
Давно — — — — —
Въ охотничьемъ псари уборѣ
Псари въ охотнич. уб—хъ
Чѣмъ св. ужь на к (смазано)
Борзыя пр. на сворахъ.
(Тутъ капля коричневаго цвѣта.)
И баринъ — — —
Выходитъ баринъ на крыльцо.... и т. д.

Унылое чувство сознанія старости и увяданія овладѣваетъ невольно человѣкомъ, когда подумаешь, что становишься уже не способенъ понимать тѣ высокія стремленія, которыми одушевляются люди, занимающіеся наукой, прославившей имя г. Геннади.

Недоумѣнія, вопросы и грустныя размышленія о своей собственной отсталости, изложенныя въ этомъ письмѣ, я хотѣлъ напечатать въ такомъ журналѣ, гдѣ имя г. Геннади хоть разъ встрѣчалось безъ объяснительныхъ словъ: «нашъ извѣстный библіографъ и библіофилъ»; но такихъ журналовъ оказалось только два: «Коммерческая Газета» да «Свистокъ». Думаю, что въ «Коммерческой Газетѣ» письма моего не помѣстятъ, и потому посылаю его къ вамъ.

ГРИГОРІЙ СЫЧОВКИНЪ.

PS. Въ письмѣ моемъ оказывается ошибка. Я узналъ, что г. Геннади составилъ указатель ученыхъ статей «Коммерческой Газеты» за всѣ года, и былъ поэтому названъ тамъ «нашимъ извѣстнымъ библіографомъ и библіофиломъ...» Не составляетъ ли онъ указателя и къ «Свистку»? Тогда письмо мое будетъ какъ-разъ кстати.

V.

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ АППОЛОНА КАПЕЛЬКИНА.

Дарованіе г. Капелькина, котораго стихотворенія и краткая біографія представлены въ № 5 «Свистка», замѣтно развивается. Жаль только, что онъ не можетъ выдти пока на самостоятельную дорогу: подражательность то тому, то другому поэту замѣтна въ его произведеніяхъ. Но кто намъ мѣшаетъ утѣшаться мыслію, что это только *пока*, и наслаждаться его музою?

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Дики желанья мои, и въ стихахъ всю ихъ дичь изложу я.
Прежде всего я хочу себѣ женщину съ длинной косою.
Умъ и краса мнѣ не нужны: пусть только цалуется чаще.
Съ этакой женщиной вмѣстѣ, мнѣ друга-философа надо.
Съ ней цаловаться я буду, а мудрый мой другъ въ это время
Будетъ науки мнѣ всѣ изъяснять, чтобъ не надо мнѣ было
Время и зрѣніе тратить надъ мертвою рѣчью печати.
Въ этихъ условіяхъ древней исторіей я бы занялся:
Нравятся мнѣ пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское съ Желтой Рѣкою и съ Гангомъ священнымъ....
Въ этомъ послѣднемъ омылся бы я, съ женщиной вмѣстѣ и съ другомъ.
Вымывшись, я бы отеръ себя длинной косою подруги;
Все, что отъ друга услышать успѣлъ посреди поцалуевъ,
Все это тутъ бы я вспомнить хотѣлъ, чтобы книжечку тиснуть,
Съ нею проникнуть въ народъ, уяснить ходъ общественной жизни,
Добрыхъ утѣшить, а злыхъ покарать и разлить въ мірѣ счастье....
Все бы хотѣлъ я извѣдать: не только искусствомъ заняться,
Но насладиться хотѣлъ бы я даже грѣхомъ преступленья,
Только чтобъ нравственнымъ правиламъ было оно не противно...
Все, что отъ друга я слышалъ, весь скарбъ своихъ силъ и познаній,
Все бы хотѣлъ перелить, черезъ женщину съ длинной косою,
Въ новое я существо, — и въ сей сладкой работѣ скончаться:
Пусть существо молодое начнетъ съ того, чѣмъ я окончилъ....
Послѣ же смерти хотѣлъ бы я зрителемъ быть его дѣйствій,
Чувствовать мыслью и сладко дремать въ созерцаньи глубокомъ....

АППОЛОНЪ КАПЕЛЬКИНЪ.

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

6.

Печатать позволяется. Декабря 20-го дня 1860 года.
Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ*.

СОВРЕМЕННИКЪ будетъ выходить въ 1861 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Контору Современника въ С. Петербургѣ.*